

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ
ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

1686 — 1734

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. И. Бавина, М. Морская, 20.
1897.

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
171333A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1964 L

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Третій томъ исторіи запорожскихъ козаковъ написанъ авторомъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели второй: съ начала весны 1894 года и до начала весны 1895 авторъ имѣлъ возможность жить въ Москвѣ и пользоваться тамъ не только печатными матерьялами, относящимися до исторіи запорожскихъ козаковъ, но и весьма значительнымъ количествомъ архивнаго богатства, находящимся въ первопрестольной столицѣ Россіи. Такимъ образомъ, главнымъ и наиболѣе цѣннымъ матерьяломъ для третьяго тома исторіи послужили неизданные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ трехъ московскихъ архивахъ: Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Архивѣ Министерства Юстиціи и Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Кромѣ матерьяловъ московскихъ архивовъ авторъ пользовался также нѣкоторыми документами Архива короннаго скарба, при варшавской казенной палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ. Въ виду цѣнности архивныхъ матерьяловъ и въ виду того, что они не изданы и, можетъ быть, весьма не скоро дождутся изданія въ свѣтъ, авторъ нашелъ нужнымъ менѣе важные изъ нихъ пересказывать собственными словами, болѣе же важные приводить цѣликомъ. Третій томъ обнимаетъ собой періодъ

времени съ 1686 по 1734 годъ и касается такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, на Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра на турецкій городъ Азовъ; походы подъ турецкіе городки, Тавань, Кызыкермень и другіе, на низовье Днѣпра; участіе въ полтавскомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой; удаленіе въ предѣлы крымскаго ханства и, наконецъ, продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣсть агарянскихъ» въ родныя мѣста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ походѣ польскаго короля Яна Собѣскаго на Молдавію.—Сношенія московскихъ царей съ крымскимъ ханомъ при посредствѣ запорожцевъ.—Предписаніе запорожскому войску отъ московскихъ царей о совмѣстномъ дѣйствіи съ воеводой Григоріемъ Косаговымъ противъ турецкихъ городковъ.—Пререканія запорожцевъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и недовольство чрезъ то на нихъ со стороны московскихъ царей.—Грамота царей кошевому атаману Федору Ивановичу съ воспрещеніемъ сноситься съ жителями турецкихъ городковъ и съ приказаніемъ поднесываться «поданнымъ царскаго величества».—Участіе запорожцевъ въ первомъ походѣ русскихъ на Крымъ.—Дѣйствія запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра противъ бусурманъ подъ начальствомъ кошевого атамана Филона Лихопола.—Возвращеніе русско-козацкихъ войскъ изъ крымскаго похода къ рѣкѣ Самарѣ.—Лишеніе Самойловича гетманскаго урѣда.—Намѣреніе московскаго правительства о постройкѣ укрѣпленныхъ городковъ на рѣкахъ Орели и Самарѣ.

Вѣчный миръ, заключенный въ 1686 году между Россіей и Польшей и прекратившій давно длившуюся обоюдную съ той и другой стороны борьбу изъ-за обладанія правобережной Украйны, хотя и успокоилъ Россію на западной границѣ, за то привелъ ее къ войнѣ на южной: московское правительство, добывъ чрезъ тотъ вѣчный миръ Кіевъ и вмѣстѣ съ Кіевомъ нѣкоторые другіе, ближайшіе къ нему, города, въ замѣнъ того обязалось помогать польскому королю Яну Собѣскому въ его борьбѣ съ турками и съ этой цѣлью должно было открыть походъ на Крымскій полуостровъ.

Ставъ въ такое обязательство, московское правительство, по всегдашней своей осторожности, не сразу, однако, объявило разрывъ Турціи и Крыму и сперва вошло съ ними въ дипломатическую переписку. Эта переписка тянулася съ весны 1686 года и до весны 1687.

Такая продолжительность переписки объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что войну съ Крымомъ и Турціей русскіе цари считали слишкомъ важнымъ предпріятіемъ и потому находили нужнымъ серьезно приготовиться къ ней. Повидимому, они не прочь

были даже отъ того, чтобы поставить крымскаго хана и турецкаго султана на мирную, въ отношеніи Польши, ногу и заставить ихъ безъ войны сдѣлать уступку въ пользу польскаго короля. Изъ Москвы въ Крымъ и въ турецкіе на Днѣпрѣ города отправлено было за это время нѣсколько «любительныхъ» грамотъ, съ претензіей за обиды отъ подданныхъ хана и турецкаго султана подданнымъ московскихъ царей. Посредниками въ доставкѣ грамотъ одной и другой стороны были запорожскіе козаки.

Но одной доставки со стороны запорожцевъ царскихъ грамотъ въ Крымъ недостаточно было для Москвы: Москва, главнымъ образомъ, надѣялась на запорожцевъ какъ на военную силу, во многихъ отношеніяхъ незамѣнимую, для предстоящей съ бусурманами войны. Однако, запорожцы вовсе не были склонны къ тому, чтобы, такъ сказать, пойти въ одну ногу съ исторіей Москвы.

Между Кошемъ войска запорожскихъ козаковъ и правительствомъ московскихъ царей уже въ теченіе 30 предшествовавшихъ лѣтъ сложились отношенія, въ силу которыхъ запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положеніе. О равнотѣности силъ въ этой борьбѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: запорожское войско отъ одного рѣшительнаго прикосновенія къ нему московскихъ войскъ сразу и навсегда перестало бы существовать. Но такихъ рѣшительныхъ мѣръ Москва не могла предпринять въ силу различныхъ причинъ, независящихъ отъ нея. Въ этомъ отношеніи московское правительство находилось въ полномъ смыслѣ слова между двухъ огней. Съ одной стороны оно не могло допустить рядомъ съ собой такого явленія, какъ община запорожскихъ козаковъ, которая основана была на слишкомъ широкихъ народныхъ началахъ, несслыханныхъ ни въ одной республикѣ ни въ древнее время, ни въ средніе вѣка. Съ другой стороны—оно находило весьма полезнымъ для себя существованіе запорожскаго войска: при слабомъ экономическомъ развитіи, при бѣдности въ денежномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и въ то-же время при быстромъ политическомъ ростѣ, который значительно опередилъ ростъ экономической, московское правительство не было въ состояніи содержать постоянной и сильной арміи для борьбы съ многочисленными своими врагами, въ частности для борьбы съ мусульманами, и потому, по необходимости, должно было прибѣгать къ помощи запорожскаго войска, которое ничего почти не стоило московскимъ царямъ и всегда готово было пойти на борьбу

съ врагами святого вѣста и всего славянскаго міра. Правда, московскіе цари изъ года въ годъ посылали запорожцамъ извѣстную казну; но, во-первыхъ, эта казна слишкомъ была невелика, какихъ-нибудь 2000 рублей или 500 червонцевъ на восемь или на десять тысячъ человекъ; а во-вторыхъ, присылка ея не была опредѣлена разъ навсегда, какъ это видно изъ того, что о такой казнѣ нужно было бить челомъ царямъ и ежегодно посылать депутатовъ въ Москву и, не смотря на то, нерѣдко не получать ея въ теченіе двухъ трехъ лѣтъ ¹⁾. Но запорожскіе козаки необходимы были Москвѣ не только для борьбы противъ мусульманъ, они служили ей и въ ея борьбѣ противъ поляковъ: взявъ въ свои руки, съ половины XVII вѣка, Малороссію и весь ея, какъ тогда говорили, козакорусскій народъ, Москва вошла въ многочисленные войны съ Польшей, и въ этомъ случаѣ запорожцы существенно необходимы были для Москвы: они прикрывали южную границу московскаго государства отъ бусурманъ и давали возможность русскимъ царямъ сосредоточить всѣ боевыя силы на южной границѣ для борьбы съ польскимъ королемъ.

Рѣзкая противоположность между Запорожьемъ и Малороссіей съ одной стороны и Великороссіей съ другой, наиболѣе стала сказываться во второй половинѣ XVII вѣка. Въ теченіе всего этого времени въ московскомъ государствѣ идетъ сильное развитіе идеи государственности; въ Запорожьѣ и въ Малороссіи въ это же время наиболѣе проявляется стремленіе къ удержанію вѣковѣчныхъ правъ и вольностей и, чрезъ нихъ, къ сохраненію индивидуальности народа. Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго народа, по понятію малороссійской массы, считалось козачество. Оттого малороссійскій народъ впоследствии и изукрасилъ козаковъ всеми цвѣтами народно-поэтическаго творчества; оттого и теперь народъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о козакахъ, ставитъ козака выше человека и приписываетъ ему сверхчеловѣческія достоинства. Само козачество, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ политическихъ людей времени, понимая вполне свою роль, стремится къ тому, чтобы организовать изъ своей среды сильную общину и тѣмъ сохранить свои права, свои вѣковѣчныя вольности, а слѣдовательно

¹⁾ Въ половинѣ XVII вѣка, передъ крымскимъ походомъ, московское правительство должно было выставить 60,000 ратныхъ людей и назначить имъ, вмѣстѣ съ начальными людьми, 700,000—560,000 рублей. Милуковъ, Государственное хозяйство Россіи, СПб., 1894, 54.

черезъ нихъ и самую малороссійскую народность. Однако, при всемъ усилии малороссійскихъ патріотовъ, они не могли достигнуть никакихъ положительныхъ въ своемъ стремленіи результатовъ; въ этомъ они встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны московскаго правительства. Для достиженія положительныхъ результатовъ нужны были и время, и сильная организація въ Малороссіи и въ Запорожьи. Но московское правительство не могло допустить самостоятельной организаціи ни въ Запорожьи, ни въ Малороссіи, потому что всякая организація вообще, въ частности и организація въ запорожскомъ войскѣ, есть сила сама по себѣ; въ сплоченной организаціи запорожское и малороссійское войско могло бы представить страшную силу, безъ организаціи—простую толпу. Оттого московское правительство зорко слѣдитъ за каждымъ движеніемъ запорожскихъ козаковъ въ отношеніи проявленія ими самостоятельной жизни и въ мирное время не терпитъ ихъ существованія. Только въ военное время оно прибѣгаетъ къ помощи запорожскаго войска и тутъ даетъ обѣщаніе сохранить за козаками и всѣ ихъ старыя права, и всѣ ихъ козацкія вольности. Запорожцы, понимаютъ истинныя отношенія къ нимъ московскаго правительства и, сколько возможно, сидятъ отстоять за собой существованіе своихъ правъ и вольностей. Для этого они стараются пользоваться наиболее удобнымъ для нихъ случаемъ—войнами Москвы съ враждебными ей сосѣдями, главнымъ образомъ съ турками и татарами.

Какъ бы то ни было, но въ виду похода на Крымъ Москва возлагала на запорожцевъ большія надежды и, прежде всего, постаралась воспользоваться ими какъ посредниками между Крымомъ и Москвой.

Готовясь къ походу на Крымъ, Москва должна была, прежде всего, выискать поводъ для нарушенія мирныхъ отношеній къ Турціи и Крыму. Такимъ поводомъ послужилъ захватъ мусульманами на южныхъ окраинахъ Россіи въ полонъ христіанъ и нападенія татаръ на запорожскихъ промышленниковъ въ разныхъ степныхъ мѣстахъ. Съ этою цѣлью посланы были къ «султанову величеству» подъячій Никита Алексѣевъ и гетманскій «посыльщикъ» Иванъ Лисица съ просьбой объ отпускѣ русскихъ полоняниковъ изъ турецкой неволи. Къ «ханову величеству» отправлены были избранные отъ запорожскаго войска. Послѣдніе должны были изложить хану жалобы за подданныхъ царскаго величества, малороссійскихъ жителей и запорожскихъ козаковъ, которые, ходя для

звѣриныхъ и рыбныхъ ловель пониже Кызыкерменскаго городка, терпятъ тамъ, вопреки мирному договору и установленной шерти бывшего хана Муратъ-Герая съ Москвою, великія обиды отъ татаръ; у такихъ промышленныхъ людей татары не разъ курени разгромляли, «животы» грабили и самихъ козаковъ въ полонъ брали.

Крымскій ханъ Селимъ-Герай, повидимому, еще не зналъ о состоявшемся между Польшей и Россіей мирномъ трактатѣ; если же и зналъ, то былъ не вполне увѣренъ въ томъ. Во всякомъ случаѣ, получивъ жалобу отъ русскихъ царей, ханъ отправилъ въ Москву своего гонца Мубарекшу-мурау Селешова съ обширнымъ къ царямъ листомъ. Ханскій гонецъ выѣхалъ изъ Бахчисарая въ концѣ апрѣля мѣсяца, прибылъ въ Сѣвскъ въ маѣ, былъ допущенъ къ царямъ юля 3 дня, 1686 года. Въ ханскомъ письмѣ было сказано, что, по жалобѣ великихъ государей относительно притѣсненій и обидъ малороссійскимъ и запорожскимъ промышленнымъ людямъ, Селимъ-Герай отыскалъ и «высмотрѣлъ» списокъ шерти бывшего Муратъ-Герая, ханова величества, и въ томъ спискѣ нашелъ статью, которая касается однихъ торговыхъ людей, имѣющихъ приходиться въ самый Крымъ или въ другія государства черезъ Крымъ для торговыхъ дѣлъ. О такихъ людяхъ сказано: обидъ имъ не чинить, пошлинъ съ нихъ не имать, товаровъ у нихъ даромъ не отбирать. Относительно-же козаковъ, которые ходятъ для рыбныхъ ловель, звѣриныхъ промысловъ и покупки соли на низовья Днѣпра, о томъ, чтобы съ нихъ никакой пошлины не брать, въ той шертной грамотѣ не написано ничего. Однако, ханъ «для умноженія братской дружбы и любви» всѣмъ кызыкерменцамъ и собственнымъ подданнымъ «крѣпкій заказъ» учинилъ, чтобы отнюдь съ тѣхъ козаковъ, которые сухимъ и воднымъ путемъ ходятъ для добычи не войной и не воровски, никакихъ пошлинъ не брать и обидъ имъ не причинять. А относительно разгрома козацкихъ куреней, грабежа животновъ и захвата самихъ козаковъ въ полонъ, то, по тщательному разспросу у кызыкерменцевъ и у ханскихъ подданныхъ татаръ, оказалось, что такихъ обидъ никому не было нанесено, и что ни одинъ человекъ изъ запорожскихъ козаковъ не былъ взятъ въ полонъ. Напротивъ того, во всемъ Крыму извѣстно, что царскіе подданные, калмыки и донскіе казаки, не разъ подбѣгали подъ Крымъ и немало причиняли въ немъ бѣдъ: пастуховъ татарскихъ на степяхъ разгоняли, лошадиныя стада у нихъ отбивали, по разнымъ дорогамъ воровали и даже одного крымскаго

посланца, вѣхавшаго со многими людьми назадъ отъ султанова величества, побили и погромили. И татары «ради дружбы межъ ханомъ и московскими царями тому козацкому дуровству терпять и противности имъ никакой не чинить». А еще раньше того донскіе козаки взяли подъ Черкасскимъ городкомъ Абду-агу и теперь «стоятъ и мучать его у себя для того, чтобы онъ сулилъ за себя окупъ большой». Да въ шерстныхъ-же крымскихъ грамотахъ написано—быть хану другомъ для царскаго друга и быть ему недругомъ для царскаго недруга, также поступать и царямъ, потому что кто царямъ другъ, тотъ и хану другъ, а кто хану недругъ, тотъ и царямъ недругъ, и это постановленіе нужно крѣпко съ обѣихъ сторонъ блюсти и достойно другъ другу противъ всякаго непріятеля помогать. Теперь, когда крымскія войска пойдуть противъ поляковъ, общихъ какъ для русскихъ, такъ и для татаръ враговъ, то и царямъ слѣдуетъ изъ ближнихъ украинскихъ или черкасскихъ городовъ послать козаковъ для войны противъ общихъ враговъ. А что до просьбы государей—позволить запорожцамъ, согласно грамотѣ султанова величества, вольно ходить для взятія соли къ озерамъ близко Днѣпра, не брать съ нихъ пошлинь и не чинить никакихъ обидъ, то нужно, чтобы царскія величества прислали ханову величеству списокъ съ той утвержденной султановой грамоты, и когда время собиранія соли придетъ, то ханъ ради вѣчной дружбы и любви будетъ радѣть о томъ, чтобы козакамъ вольно было соль на озерахъ имать ¹⁾).

Когда ханскій гонецъ находился еще въ Москвѣ, въ это время тамъ получила вѣсть о задержкѣ московскаго подъячаго Никиты Алексѣева и гетманскаго посольщика Ивана Лисицы въ турецкомъ городѣ Очаковѣ и о приходѣ подъ городъ Керенскъ ²⁾ и подъ другіе царскаго величества украинные города крымскаго Мамутъ-салтана съ воинскими людьми для взятія подлинной вѣдомости объ учиненномъ русскими царями мирѣ съ польскимъ королемъ и для подговариванія царскаго величества подданныхъ татаръ. Ханскій гонецъ, поставленный по этому поводу на допросъ, далъ такой отвѣтъ, что набѣгъ тотъ, вѣроятно, сдѣлала купа своевольныхъ людей, какъ дѣлають такіе-же набѣги донскіе и запорожскіе козаки на татаръ, и хотя ханъ много разъ писалъ о томъ къ госу-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11.

²⁾ Керенскъ—уѣздный городъ теперешней Пензенской губерніи.

даряиъ въ Москву, но управа и розыскъ тѣмъ людямъ и до сих поръ не учинены. На то ханскому гонцу возразили, что къ запорожцамъ и донцамъ посланъ запретъ отнюдь съ ханскими подданными ссоръ и задоровъ не чинить, а нынѣ со стороны ханова величества мирнымъ договорамъ дѣлается явное нарушеніе тѣмъ, что къ подданнымъ царскаго величества, татарамъ, посылаются «прекестные» листы. Ханскій мурза, въ виду такого дѣла, находилъ за лучшее, чтобы его отпустили съ какимъ-нибудь нарочнымъ изъ Москвы въ Крымъ; онъ ручался, что тотъ нарочный, доставивъ его, гонца, въ Крымъ, будетъ возвращенъ въ цѣлости до Запорогъ. Но гонцу на это объявили царскій приказъ, что пока не будутъ возвращены въ Москву подъячій Алексѣевъ и посольщикъ Лисица, до тѣхъ поръ и ему оставаться въ Москвѣ. Мурзѣ совѣтовали такъ и въ Крымъ написать съ добавленіемъ того, что въ Москвѣ какъ ему самому, такъ и всѣмъ людямъ при немъ, выдается «со всякимъ удовольствіемъ противъ прежняго» жалованье отъ царей. На это ханскій гонецъ отвѣчалъ, что объ отпускѣ царскаго подъячаго и гетманскаго посольства онъ не станетъ хану писать, такъ какъ ханъ дѣлаетъ то, что захочетъ самъ, а не то, что скажетъ ему какой-нибудь мурза; поэтому гонецъ находилъ, что держать его, мурзу, въ Москвѣ и смысла никакого нѣтъ; пріѣхавъ онъ къ великимъ государямъ съ любительною грамотой, съ любовью долженъ быть и отпущенъ изъ Москвы ¹⁾).

Оставивъ у себя ханскаго гонца, цари написали о томъ грамоту къ самому хану и отправили ее сперва въ Запорожье къ воеводѣ Григорію Косагову и къ кошевому атаману Федору Ивану съ приказаніемъ доставить ее въ Крымъ съ надежнымъ козакомъ. Воевода и кошевой, съ общаго совѣта, выбрали для той цѣли запорожскаго козака Клима Шило да сумскаго полка козака Богданова, которые отвезли царскую грамоту къ кызыкерменскому бейу, и бей отправилъ ее къ хану въ самый Крымъ.

Въ той грамотѣ цари писали, что они принимали у себя ханскаго гонца, изъявили черезъ него ханскому величеству признаніе и любовь, и уже готовы были отпустить его отъ себя, какъ вдругъ узнали о томъ, что царскій подъячій Алексѣевъ и гетманскій посольщикъ Лисица, возвращавшіеся «съ уволенными» отъ Магметъ-султанова величества русскаго народа полоняниками, задержаны въ турецкомъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11

городъ Очаковъ неизвѣстно ради какихъ причинъ. Оттого великіе государи по необходимости и ханскаго гонца задержали при себѣ; а когда ханское величество отпуститъ русскихъ гонцовъ, тогда безъ всякаго задержанія будетъ отосланъ и крымскій гонецъ ¹⁾).

Пересылаясь съ Крымомъ «любительными» грамотами, московское правительство на этомъ, однако, не останавливалось и въ то-же время брало свои мѣры для борьбы съ бусурманами. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ, послана была въ Сичь царская грамота, въ которой приказывалось запорожскому войску собраться всѣми силами и чинить промыслъ «на перелазгахъ» противъ бусурманъ, гдѣ они привыкли переходить черезъ рѣки и дѣлать набѣги на украинскіе города ²⁾).

Въ это-же время, пока происходила переписка между Крымомъ и Москвой, польскій король, Янъ Собѣскій, съ половины іюля мѣсяца, уже дѣйствовалъ въ Галиціи противъ турокъ. Въ самомъ началѣ августа онъ переправился черезъ Прутъ и оттуда написалъ, 10 числа, къ запорожцамъ письмо съ приглашеніемъ принять участіе въ борьбѣ противъ общихъ враговъ, бусурманъ.

Въ этомъ письмѣ Янъ Собѣскій, называя запорожскихъ козаковъ мужественными, воинственными, доблестными и храбрыми людьми, любезно вѣрными польскому королю, объявлялъ имъ, что іюня 21 дня онъ получилъ отъ царскихъ величествъ изъ города Москвы письмо съ просьбой увѣдомлять о всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ бусурманъ, и на этомъ основаніи находилъ нужнымъ извѣстить о томъ и запорожцевъ. Прежде всего король сообщалъ, что онъ истребилъ возлѣ Каменца много хлѣбныхъ запасовъ, недалеко отъ города оставилъ для предупрежденія вылазокъ изъ него непріятелей нѣкоторую часть своего войска. Затѣмъ онъ сообщалъ, что самъ, съ главными силами, двинулся въ непріятельскую землю и по дорогѣ приказалъ, на весьма выгодныхъ мѣстахъ надъ рѣкою Прутомъ, насыпать три земляныхъ окопа и въ нихъ помѣстить сильный охранный отрядъ войска. Придя въ волошскій край, онъ остановился въ двухъ миляхъ отъ Яссы и Цоцоры и тамъ принялъ отъ волошкаго народа добровольное предложеніе на подданство польской коронѣ; молдавскій господарь, по причинѣ нахождения его сына въ заложникахъ у

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1686, св. 69, № 15.

турецкаго султана, хотя и «отозвался письмомъ» къ королю, самъ¹ однако, скрылся. Принявъ молдавскихъ депутатовъ, король двинулся къ крѣпости Цоцорѣ, откуда намѣревался немедленно двинуться къ Яссамъ, укрѣпить столицу молдавскаго государства, оставить въ ней сильный охранный отрядъ войска и затѣмъ идти дальше во внутрь страны для отысканія непріятельскихъ силъ и для принятія подъ свою защиту всѣхъ христіанскихъ народовъ. Отъ пойманныхъ бусурманскихъ языковъ и отъ доброжелательныхъ людей король получилъ вѣсти, что крымскій кэлга-салтанъ съ значительнымъ войскомъ пошелъ въ Венгрію на соединеніе съ турецкимъ везиремъ: тамъ христіанскія войска ¹) такъ стѣснили Буду, ²) что она едва ли устоитъ отъ ихъ напора. Нуррединъ-салтанъ расположился въ Буджакѣ, и въ самомъ Крыму остался только одинъ ханъ съ войскомъ. Но на враговъ напалъ страхъ и ужасъ, и отъ того страха орда отъ Буджака и Бѣлограда имѣетъ намѣреніе идти къ Днѣпру и соединиться съ крымскимъ ханомъ. «Предувѣдомляя о томъ вѣрное наше войско, не сомнѣваемся, что настигая врага въ Крыму воинственною рукою, вы уже до сихъ поръ воспользовались столь хорошимъ и вожделеннымъ случаемъ для вѣчной славы ихъ царскаго величества, любезнѣйшихъ братьевъ нашихъ, а также прославленія вѣры христіанской, къ радости всѣхъ правовѣрныхъ и къ вѣчному посрамленію бусурманъ. А если-бы ханъ сталъ переправляться черезъ Днѣпръ, и вы-бы, чего впрочемъ не думаемъ, не могли удержать его на переправѣ, то просимъ васъ, хотя съ частію войска, пробившись сквозь непріятеля, къ намъ прибыть» ³).

Коронный регентъ Станиславъ Щука, отправляя королевскій листъ къ запорожскимъ козакамъ, выразилъ желаніе о томъ, чтобы онъ доставленъ былъ также донцамъ и «другимъ, кого касаться будетъ» ⁴).

Для сношенія короля съ Украиной и Запорожьемъ въ то время установленъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой-Церкви. Оттуда посылались гонцы въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украины и въ Запорожье. Добытыя вѣсти привозились обратно въ Бѣлую-Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ ⁵).

¹) Въ войнѣ польскаго короля съ турками помогали Австрія и Венеція

²) Разумѣется городъ Буда-Пешть.

³) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 597.

⁴) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 597.

⁵) Архивъ варшав. каз. палаты, стр. III, кн. VII, л. 120, 123.

Запорожцы, получивъ королевскій листъ и списавъ съ него подлинную копию, копию оставили у себя, а подлинникъ отослали Ивану Самойловичу, при чемъ извѣстили гетмана о томъ, что, въ виду просьбы короля, они отправили къ нему «добраго коннаго товариства 2.700 человекъ» ¹⁾).

Предпріятіе польскаго короля не имѣло, однако, никакихъ серьезныхъ послѣдствій ни для него самого, ни для его враговъ: занявъ столицу Молдавіи, Яссы, онъ двинулся было оттуда въ Буджакъ, но тутъ встрѣтилъ ханскаго сына съ значительными силами татаръ; татары, пользуясь лѣтней засухой, зажгли въ степи траву и тѣмъ приостановили дальнѣйшее движеніе короля ²⁾). Тогда король, не получивъ во время поддержки ни отъ Австріи, ни отъ Россіи, прекратилъ на время войну и воротился къ польскимъ границамъ въ виду наступившей зимы. Въ Филипповъ постъ онъ отпустилъ отъ себя запорожскихъ козаковъ въ Сичь, давъ каждому изъ нихъ по 10 битыхъ талеровъ на козака «за ихъ добре выгодную для себя военную службу» и черезъ нихъ-же отправилъ всему запорожскому низовому войску благодарственное письмо за присылку коннаго отряда, проси и впредь не оставлять его своимъ вниманіемъ въ борьбѣ поляковъ противъ бусурманъ ³⁾).

Дѣйствія запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ не могли окончиться однимъ походомъ ихъ въ Молдавію, и запорожцамъ предстоялъ впереди цѣлый рядъ войнъ противъ исконныхъ ихъ враговъ.

Для вспоможенія запорожскимъ козакамъ въ ихъ серьезной борьбѣ Москва послала къ нимъ, подъ начальствомъ генерала и воеводы Григорія Ивановича Косагова, конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей. Отправляя воеводу къ запорожцамъ, цари Іоаннъ и Петръ съ царевной Софьей Алексѣевной писали кошевому атаману Федору Ивануку о томъ, чтобы онъ, соединившись съ русскими ратными людьми, шелъ подъ кызыкерменскія мѣста и на переправы Днѣпра, гдѣ татары привыкли переходить рѣку, и тамъ чинилъ воинскій поискъ и промыселъ, сколько Богъ всемогущій поможетъ ⁴⁾). Мѣстомъ для стоянки Косагова съ ратными людьми указанъ былъ Каменный-Затонъ ⁵⁾).

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 602.

²⁾ Шмидтъ, Исторія польскаго народа, СПб., 1866, III, 86.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1856, II, 602.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 15.

⁵⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1686, св. 70, 10 декабря.

Однако, такое приказаніе царей осталось безъ исполненія у запорожцевъ.

Въ самомъ началѣ мѣсяца сентября воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ, стоявшій въ то время въ Каменномъ-Затонѣ, доносилъ царямъ, что, отправившись въ Запорожье для общаго съ козаками чиненія промысла противъ бусурманъ, онъ говорилъ много разъ о томъ съ кошевымъ атаманомъ и всякій разъ получалъ отъ него такой отвѣтъ, что безъ помощи со стороны гетмана запорожцамъ воевать съ Крымомъ нельзя: на рѣчкѣ Каланчатѣ, въ двухъ миляхъ отъ Перекопа, стоитъ съ многочисленными ордами самъ крымскій ханъ, а въ Кызыкерменѣ, Таванскомъ и другихъ турецкихъ городкахъ турки и татары «съ великою осторожностью живутъ». Въ самомъ Запорожьѣ теперь силы невелики: изъ козаковъ одни разошлись ради запасовъ въ города, другіе ушли къ польскому королю, а человекъ около 300 пропало подъ Кызыкерменскимъ городкомъ. Вслѣдствіе такого малолюдства въ крымскія мѣста и подъ турецкіе городки опасно идти, чтобы и послѣднихъ людей не потерять,—для такого похода нужна помощь изъ другихъ мѣстъ. О такой помощи запорожцы уже много разъ писали къ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра и не получили отъ него ничего. Безъ запорожцевъ-же однимъ ратнымъ людямъ въ крымскія и турецкія мѣста ходить и языка добыть нельзя, потому что нѣтъ въ полку такихъ вождей, которые-бы знали хорошо поле и всѣ крымскія мѣста. Оттого ни съ Коша, ни съ полка въ Крымъ и «по се число» не посылали никого, хотя воевода безпрестанно кошевому атаману о томъ и говорилъ и писалъ. Но кошевой стоялъ на одномъ, что безъ прибавочныхъ ратныхъ людей крымской войны онъ не начнетъ, и если гетманъ Самойловичъ не пришлетъ въ Сичь ратныхъ людей, то запорожцы въ Крымъ не пойдутъ, а будутъ только свой Кошъ остерегать ¹⁾. Кромѣ всего этого запорожцы

¹⁾ Архивъ мин. индѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 15. Лѣтописецъ Ригельманъ по этому поводу говоритъ, что, запорожцы, пользуясь наставшимъ случаемъ, не захотѣли видѣть себя подданными московскихъ царей и пожелали остаться вольными людьми. Тогда московское правительство, предвидя для себя самыя дурныя послѣдствія отъ того, послало въ Сичь знатную сумму денегъ «и на инныя мысли навело козаковъ: запорожцы, получивъ подарки, дали обѣтъ вѣрно государямъ служить и «вооруженной рукой за нихъ на татаръ и турокъ идти». Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, II, 190.

указывали имъ и на недостатокъ челновъ, какъ на причину, по которой они не рѣшились начинать войны противъ бусурманъ ¹⁾.

Получивъ отъ Косагова такую вѣсть, цари, сентября 19 дня, послали кошевому Ивануку и всему посольству, бывшему при немъ, новыи приказъ, чтобы козаки, пользуясь наставшимъ благопріятнымъ временемъ, шли походомъ на турецкіе города.

«Намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, учинилось извѣстно, что многія крымскія орды съ салтанами изъ Крыма пошли на войну въ Венгерскую землю противъ римскаго цезаря и противъ королевскаго величества польскаго, а въ Крыму остался ханъ съ небольшими людьми. По тѣмъ вѣдомостямъ въ такое вынѣшнее время вамъ, кошевому атаману, надъ непріятелями воинской промыслъ чинить, и вамъ-бы, кошевому атаману и всему посольству, о томъ вѣдать должно и, по совѣту съ генераломъ и воеводой, собравшись всѣмъ низовымъ запорожскимъ войскомъ, чинить надъ турскими и крымскими мѣстами и на перелазяхъ, гдѣ обыкли крымскія войска переправляться черезъ Днѣпръ, воинскій промыслъ. Да что по тому въ воинскомъ промыслѣ по нашему царского величества указу учините, къ намъ, великимъ государямъ писать» ²⁾.

Тѣмъ временемъ, сентября 2 дня, вернулся изъ Кызыперменя въ Сичь запорожскій козакъ Климиъ Шило съ товарищемъ Дмитріемъ Богдановымъ и привезъ съ собой ханскій листъ, который былъ доставленъ изъ Бахчисарая въ Кызывермень какимъ-то мурзой и зашитъ въ красную тафту. вмѣстѣ съ листомъ Шило принесъ воеводѣ вѣсть, что ханъ вышелъ изъ Крыма и сталъ на рѣкѣ Каланчакѣ, на Очаковскомъ и Кызыкерменскомъ шляхахъ, въ двухъ миляхъ за Перекопомъ и въ двѣнадцати миляхъ отъ Сичи и Каменнаго-Затона. Косаговъ далъ Шилу трехъ новыхъ товарищей и велѣлъ ему ханскій листъ отвезти немедленно въ Москву.

Изъ доставленнаго ханскаго листа въ Москвѣ узнали, что крымскій ханъ уже получилъ подлинное извѣстіе о происшедшемъ между Польшей и Россіей мирѣ и о состоявшемся между польскимъ королемъ и московскими царями союзѣ для борьбы противъ Турціи и Крыма. Называя себя великимъ государемъ, свѣтлѣй-

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 165.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1886, св. 2, № 25.

шимъ, славнѣйшимъ, величайшимъ и любезнѣйшимъ, обладателемъ престола великой орды и великаго крымскаго юрта, кипчацкой степи безсчетныхъ татаръ, безсмѣтныхъ ногайцевъ тацкихъ и тевкецкихъ, живущихъ межъ горъ черкесовъ, Селимъ-Герай упрекалъ московскихъ царей за союзъ ихъ съ врагами Турціи и Крыма за задержаніе въ Москвѣ крымскаго гонца мурзы Селешова, за умысленный пропускъ времени для размѣна, по установившемуся давнему обычаю, съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ и за намѣреніе идти войной подъ крымскій полуостровъ и подъ турецкій городъ Азовъ: «Богу извѣстно, что нарушеніе (мира) не съ нашей стороны; желаемъ отъ Бога, кто сей миръ нарушилъ, и то взыщи Богъ надъ нимъ; мы крѣпко радѣли, чтобъ въ обоихъ государствахъ не было задору и войны, а вы съ нашимъ недругомъ, съ польскимъ королемъ, договоръ, вѣчный миръ и союзъ учинили на томъ, что другу ихъ другомъ, а недругомъ ихъ недругамъ быть»¹⁾.

Русскіе цари, не скрывая болѣе своихъ отношеній къ польскому королю, находили нужнымъ дѣйствовать пока въ отношеніи хана путемъ слова и для того написали новую грамоту въ Крымъ. Повторивъ въ новой своей грамотѣ прежнія доказательства тому, что нарушеніе мирныхъ договоровъ произошло не съ русской, а съ крымской стороны и поставивъ на видъ то, что объ этомъ писано было и Муратъ-Герая, и Хаджи-Герая, и самому Селимъ-Герая, великіе государи объявляютъ послѣднему, что если онъ желаетъ быть съ ними въ миру, то долженъ безусловно воспретить татарамъ дѣлать набѣги подъ украинные русскіе города, немедленно прекратить войну съ польскимъ королемъ, постараться склонить султаново величество къ царской и королевской дружбѣ и добиться у падишаха, чтобы все завоеванное турками у Польши было возвращено польскому королю. Кромѣ всего этого, ханъ долженъ немедленно царскаго гонца Никиту Алексѣева и гетманскаго посыльщика Ивана Лисицу отпустить изъ Очакова въ Переволочну, куда уже давно отпущенъ и мурза Селешовъ.

Косевоу атаману Федору Ивануку и воеводѣ Григорію Косагову посланъ былъ изъ Москвы приказъ, чтобы они, поговоря между собой, безъ замедленія отправили, съ кѣмъ пригоже, изъ Запорожья царскую грамоту къ крымскому хану. Такой-же приказъ посланъ былъ въ Сѣвскъ воеводѣ Леонтію Неплюеву, а одно-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 15.

временно съ ними и гетману Ивану Самойловичу. Послѣднему, кромѣ того, приказано было сдѣлать у Переволочны на Днѣпрѣ обмѣнъ посланнаго туда крымскаго гонца мурзы Селешова на царскаго гонца Алексѣева и гетманскаго посыльщика Лисицу со всѣми, находящимися при нихъ, невольниками и съ ихъ пожитками. А для лучшей безопасности того размѣна поставить на перевозѣ сотника переволочанскаго съ товариствомъ и по размѣнѣ плѣнныхъ всѣхъ русскихъ доставить въ Москву ¹⁾.

Сносясь такими «любительными» грамотами съ ханомъ, московскіе цари въ это-же время, согласно условію заключеннаго мира между Россіей и Польшей, исподволь готовились къ походу на Крымъ. Само собой разумѣется, что какъ польскій король, такъ и московскіе цари въ такомъ предпріятіи, какъ война противъ бусурманъ, не могли обойтись ни безъ запорожскихъ, ни безъ малороссійскихъ козаковъ. А между тѣмъ у запорожскихъ козаковъ съ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ это время шли сильныя пререканія и большой раздоръ. Гетманъ Иванъ Самойловичъ въ пространномъ письмѣ, писанномъ въ концѣ октября, 1686 года, къ сѣвскому воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву, высказывалъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ причины своего неудовольствія на запорожское войско.

«Да будетъ вашей милости извѣстно, что на Запорожье послано отъ меня запасу 500 бочекъ, денегъ 2000 золотыхъ, горѣлки 5 бочекъ; только-жъ я, вслѣдствіе ихъ неблагодарности, пожалѣлъ утруждать людей и подводы подъ тотъ запасъ, потому что ни при какихъ изъ бывшихъ гетмановъ подводами имъ запасовъ не вожено и не только подводъ не посылаю, но издавна, даже при Хмельницкомъ, запасовъ совсѣмъ не давано. Только Брюховецкій тотъ обычай ввелъ, чтобъ имъ давать всякій годъ запасы, но и при Брюховецкомъ запасовъ подводами (къ нимъ) не вожено,—сами они, запорожцы, отъ Кишенки челнами отыскивали запасы вешнею порой. Какъ тогда, такъ и теперь, подводами имъ запасовъ не годится посылать, и впрядь имъ въ томъ слѣдуетъ отказывать. А что до того, что я, уже при своемъ урядѣ, много разъ тотъ запасъ подводами посылалъ, то дѣлалъ я то для того, чтобы справиться съ ними во время ихъ шатости, такъ какъ они въ прошлыя времена не только къ полякамъ, но даже къ бусурманамъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77. № 15.

обращались со своими обсылками. И то радѣніе мое объ ихъ управленіи чинилъ по моей вѣрности къ великимъ государимъ и потому, что не могъ съ ними тогда сладить. Нынѣ же, когда, по мирнымъ договорамъ, они уже поступили въ подданство царскаго пресвѣтлаго величества, гладить ихъ тѣмъ не годится. Конечно, давать имъ запасовъ я не отказываюсь и какъ опредѣлялъ приготовить по 500 бочекъ онаго на каждый годъ и назначилъ давать имъ по 2000 золотыхъ готовыхъ денегъ, такъ всегда и будетъ все то доходить къ нимъ... Такимъ-же способомъ и въ этотъ годъ, еще къ ранней весны я писалъ имъ, что запасъ уже готовъ и чтобъ они сами для себя отыскивали его. Я обѣщаль имъ доставить до Кодака, откуда они могли бы уже и сами его забрать, такъ какъ и дальше того бѣгаютъ въ Варшаву и въ Краковъ за хлѣбомъ, а тутъ дома почему-бы имъ не взять его? Однако они, упорно ставъ на своемъ, не захотѣли отыскивать его. Писалъ ко мнѣ генералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ о томъ, что они, запорожцы, негодуютъ противъ меня, припоминая, какъ имъ въ городахъ нѣтъ, по волѣ ихъ сердцецъ, чести. Но они и сами не хранятъ чести: пріѣхавъ въ города, они причиняютъ убытки (и дѣлаютъ) озорничества, старшину побиваютъ и людей всякихъ безчестятъ и хотѣли-бы такъ дѣлать, какъ дѣлали при Брюховецкомъ. Въ какой-бы городъ они ни пріѣзжали, останавливаясь тамъ на дворахъ, окна въ избахъ вышибали и печи разбивали, питье сами себѣ насильно у людей забирали, безпрестанно упивались, старшого городского или меньшого, кого хотѣли, побивали, и за то никогда не несли наказанія. Всего этого я, при моемъ урядѣ, не допускаю, да и допустить не хочу. Въ городахъ приказываю удерживать ихъ и впредь самовольства имъ не позволяю, за что они и гнѣваются и негодуютъ на меня, забывая то, что во всемъ сами виноваты, потому что не хотять быть въ настоящемъ управленіи»¹⁾.

Не смотря на такое негодованіе противъ запорожцевъ, гетманъ Самойловичъ, при всемъ томъ, вынужденъ былъ отправить къ нимъ, въ видѣ вспомогательнаго отряда, на все время зимы 400 человекъ козаковъ гадячскаго полка, съ запасами по одному возу на козака и съ охраной въ числѣ нѣсколькихъ человекъ простыхъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1686, св. 70, № 29.

людей, которымъ, по доставкѣ въ Запорожье провіанта, велѣно было препроводить назадъ изъ подъ фуръ лошадей ¹⁾).

Выражая свое крайнее неудовольствіе на запорожцевъ въ письмѣ къ воеводѣ Неплюеву, гетманъ Самойловичъ въ то же время не поскупился изобразить ихъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ и въ посланіи къ царямъ. Вслѣдствіе этого, ноября 10 числа, изъ Москвы въ запорожскую Сичь послана была, на имя кошевого атамана Федора Иваника и всего находившагося при немъ посольства, царская грамота отъ царей Іоанна и Петра и царевны Софїи Алексѣевны. Въ этой грамотѣ государи упрекали запорожцевъ за то, что они, не смотря на готовившуюся войну Россіи съ Крымомъ, не перестаютъ сноситься съ бусурмавами. Крымскій ханъ, ожидая со дня на день прихода русскихъ ратныхъ людей къ его владѣніямъ, уже покинулъ полуостровъ и вышелъ въ Перекопъ; всѣ турки и татары, живущіе въ Кызыкерменѣ, Тавани и Осламъ-городкѣ, почуя бѣду, находились въ большомъ опасеніи, а въ это время кошевой атаманъ и все запорожское посольство, не смотря на такое положеніе дѣлъ, ссылаются съ тѣми кызыкерменцами, ѣздятъ къ нимъ по разнымъ своимъ дѣламъ и принимаютъ у себя кызыкерменскихъ купцовъ, прїѣзжающихъ для продажи соли въ самую Сичь. Осуждая такіе поступки запорожскаго войска, цари предписывали кошевому атаману сдѣлать «крѣпкій заказъ» козаковъ запорожскаго войска изъ Сичи въ Крымъ и въ турецкіе ниже Запорогъ на рѣкѣ Днѣпрѣ городки не пускать, ни съ какими товарами и хлѣбными запасами не ѣздить и въ наставшее военное время непріятелямъ вспоможенія въ ихъ хлѣбной скудости не чинить. «А что ты, кошевой атаманъ, въ листахъ своихъ къ кызыкерменскому бею и къ другимъ пишешь и не прописываешь того, что ты подданный нашего царскаго величества, то ты дѣлаешь то непристойно, понеже Запорожье и вы обрѣтаетесь въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, у нашего царскаго величества, подъ нашею царскаго величества высокодержавною рукою, въ чемъ на вѣрную свою службу и на вѣчно намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, въ подданство и присягу свою учинили. И тебѣ-бъ, кошевому атаману, впредь въ листахъ своихъ прописывать подданнымъ нашего царскаго величества. А что у васъ впредь учнется дѣлать, вы - бы о томъ къ намъ, ве-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1686, св. 70, № 29.

ликимъ государямъ, къ нашему царскому величеству, и къ подданному нашему гетману Ивану Самофловичу, писали: 7).

И строгость приказа и самое положеніе дѣлъ заставляли запорожцевъ повиноваться требованіямъ московскаго правительства. Торговля сношенія съ Клызькерменемъ запорожцы принуждены были прекратить, въ замѣнъ того, они должны были собрать свѣдѣнія о подлинныхъ намѣреніяхъ татаръ въ Крыму. Удобнымъ поводомъ къ послѣднему представлялась доставка царской грамоты въ Бахчисарай. Для отправки царской грамоты назначенъ былъ, съ общаго совѣта кошевого атамана Федора Иваника и воеводы Григорія Косагова, запорожскій мозакъ Иванъ Кирилловъ Богачій съ воеводою султанскаго полка Григоріемъ Собченкомъ да курскимъ рейтаромъ Григоріемъ Бичигинымъ.

Иванъ Кирилловъ Богачій, выѣхавъ изъ Сичи ноября 2 дня въ Клызькермень и Перекопъ, ноября 12 дня прибылъ съ четырьмя клызькерменскими провожатыми въ городъ Бахчисарай. Не добравъ до Крыма, въ пути, запорожскіе посланцы видѣли какого-то вельможнаго попоманича, котораго татары вели въ Крымъ; отъ этого попоманича они узнали, что польскій король возлѣ города Бѣлограда разбилъ ханскаго сына Нурредидъ-салтана, съ которымъ было 10,000 крымскихъ татаръ, 10,000 янычаръ да нѣсколько тысячъ бѣлгородскихъ татаръ, самого ханскаго сына плѣнилъ и послѣ того къ городу Яссамъ отступилъ. По прїѣздѣ въ самый Бахчисарай запорожскіе гонцы самого хана въ немъ не нашли и были отведены къ ближнему ханову человеку Батырь-агѣ. Тотъ бѣлшій человекъ, Батырь, или Батырча-ага, велѣлъ у запороженцевъ посланцевъ царскую грамоту, распечатавъ прочелъ ее и сказалъ, что великіе государи все доброе пишутъ въ Крымъ, а потомъ въ тотъ же день отправилъ грамоту къ хану въ городъ Новоуль, запороженскимъ-же гонцамъ велѣлъ ханова приказъ въ Бахчисарай ожидать. Въ Бахчисарай гонцы прожили четыре дня и тутъ, то объясняясь съ Батырь-агой, то, бесѣдуя съ разными другими лицами, успѣли собрать очень важныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ татаръ. Прежде всего они узнали то, что всѣ татары очень мало вѣрять мирнымъ заявленіямъ московскихъ царей: воевода Григорій Косаговъ, говорилъ Батырь-ага, за тѣмъ и присланъ въ Запороги отъ царей, чтобы готовиться на татаръ войной. Но если отъ войскъ

7) Архивъ имп. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1686, св 2, № 27.

русскихъ царей будетъ какой-нибудь промыслъ на татаръ, то и татары не будутъ терпѣть, и къ дружбѣ и къ недружбѣ готовить себя вполне. На такое заявленіе запорожскіе гонцы отвѣчали Батырь-ага, что воевода Косаговъ присланъ въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы защищать царскіе города отъ наѣздовъ татаръ, а не съ тѣмъ, чтобы воинскій промыслъ противъ нихъ чинить. Затѣмъ Батырь-ага въ разговорѣ объявилъ, чтобы великіе государи отпустили мурзу Селешова въ Крымъ, потому что ханово величество царскаго посла Алексѣева и гетманскаго посольщика. Лилицу уже отправилъ въ Москву. Запорожскіе гонцы и на это нашли у себя отвѣтъ: великіе государи, говорили они, уже давно отпустили отъ себя мурзу, и тотъ мурза находится у гетмана на пути въ Крымъ. При объясненіи съ гонцами Батырь-ага, между прочимъ, спросилъ ихъ и о томъ, будутъ-ли московскіе цари присылать хану казну, т. е. по-просту сказать, давать дань за всѣ прошлые года, когда они не отпускали ее въ Крымъ. На такой запросъ гонцы дали уклончивый отвѣтъ, ссылаясь на то, что они о такомъ дѣлѣ не знаютъ ничего. Живя въ Бахчисарай, запорожскіе гонцы узнали и о томъ, что когда въ Сичи появился съ русскою ратью воевода Григорій Косаговъ, то самъ ханъ со своею ордой вышелъ за пять верстъ отъ Перекопа на Каланчакъ и стоялъ тамъ, ожидая московскихъ ратныхъ людей, до Петрова дня; узнавъ-же, что воевода Косаговъ, стоя возлѣ Сичи, дѣлаетъ городъ, а войной въ Крымъ не думаетъ идти, оставилъ у Перекопа салтанъ-калгу, а самъ ушелъ въ Крымъ. Оставленный салтанъ-калга стоялъ у Перекопа до пріѣзда запорожскихъ гонцовъ и потомъ, войдя въ Крымъ, въ ту-же ночь послалъ на подворье къ козакамъ толмача съ запросомъ, зачѣмъ они присланы въ Крымъ. Козаки тому толмачу отвѣтили такъ, что пришли они съ царскою грамотой въ Крымъ, а что въ той грамотѣ—не вѣдаютъ ничего. Послѣ этого салтанъ-калга распустилъ свое войско по домамъ, а самъ совсѣмъ ушелъ въ Крымъ. Хотѣлъ было салтанъ-калга изъ Перекопа идти въ Бѣлогородчину на выручку ханскаго сына, высланнаго противъ польскаго короля; но, услышавъ о разгромѣ татаръ королевемъ, свой походъ отложилъ. Когда-же польскій король ханскаго сына взять въ полонъ, тогда крымцы отпустили отъ себя польскаго ксендза, который присланъ былъ для чего-то королевемъ въ Бахчисарай, но былъ закованъ тамъ въ кандалы и ходилъ цѣлое лѣто въ тѣхъ кандалахъ. Теперь того ксендза ханъ приказалъ расковать и ради

мира съ королемъ велѣлъ «съ великою честью» въ Польшу отпу-
стить, давъ ему на дорогу рыдванъ о двуконь; такой же рыдванъ
далъ тому ксендзу и Батырь-ага.

Находясь въ Бахчисараѣ, запорожскіе гонцы узнали, что крым-
скій ханъ посылалъ къ калмыцкому тайшѣ-Аюку письмо съ прось-
бой о помощи противъ польскаго короля; но калмыцкій тайшѣ
вмѣсто отвѣта велѣлъ обрѣзать ханскому гонцу уши, губы и носъ
и въ такомъ видѣ отпустить его въ Крымъ. Кромѣ того, запорож-
скіе гонцы дознали и то, что въ Крыму уже въ теченіе двухъ
лѣтъ не родился хлѣбъ и былъ большой недостатокъ въ конскихъ
кормахъ.

Отпуская изъ Бахчисарая запорожскихъ гонцовъ, Батырь-ага
имъ объявилъ, что у хана-де былъ такой планъ, чтобъ ему самому
нынѣ подь государевы украинные города идти, а янычарамъ идти
подъ запорожскую Сичь, гдѣ воевода Косаговъ съ московскими
ратными людьми стоялъ, и для того похода ханъ изготавилъ было
уже и большое число татарскихъ войскъ, но когда получилъ
лирную грамоту отъ царей, то войска тѣ по домамъ распустилъ.

Когда запорожскіе гонцы были уже въ обратномъ пути, то ви-
дѣли возвращавшуюся изъ похода на польскаго короля татарскую
орду; о бѣлгородской-же ордѣ гонцы слыхали, что она оставила
у себя третьяго сагтана для обороны противъ короля ¹⁾.

Оставивъ Бахчисарай, запорожскіе гонцы направились сперва
въ Сичь, а изъ Сичи, декабря 13 дня, прибыли въ Москву и при-
вели съ собой отъ Селимъ-Герая, Багатырь-Гераева сына, листъ.
Въ своемъ письмѣ Селимъ-Герай писалъ, что, согласно просьбѣ
великихъ государей объ отпускѣ задержаннаго въ крымской украй-
нѣ русскаго гонца Никиты Алексѣева, гонецъ и всѣ бывшіе съ
нимъ русскіе невольники «безъ убытка» отпущены изъ Кызылвер-
меня вверхъ по Днѣпру въ Запороги. Отпуская царскаго гонца,
ханское величество надѣется, что великіе государи, въ свою очередь,
отпустятъ крымскаго гонца Мубарекшу-мурзу Селешова въ Крымъ.
Относительно же упрека со стороны царскихъ величествъ ханскому
величеству въ нарушеніи сосѣдской дружбы и въ нечиненіи от-
вѣта по поводу набѣговъ на Украину азовскихъ людей онъ, Се-
лимъ-Герай, отвѣчаетъ, что, напротивъ того, дружбу сосѣдскую
нарушаетъ не ханъ, а сами московскіе цари: подданныѣ москов-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17.

ских царей, донские козаки, захватили под Черкасским городком крымского человека Абду-гу и до сих пор держат его у себя. Кроме того, тѣ-же козаки, вышлыя въ Азовское море на каюкахъ, воевали азовскихъ, когайскихъ и черкесскихъ людей; потомъ, соединясь съ калмыками, ходили въ Чунгуръ и много козскихъ стадъ взяли у татаръ, и ханъ крымскій ханъ не разъ писалъ о томъ царямъ, но отвѣта отъ нихъ на то никакого не получилъ. Поэтому нарушение сосѣдственной дружбы происходитъ не отъ хана, а отъ самихъ-же царей. И если московскіе государи дѣйствительно желаютъ держать съ ханскимъ величествомъ дружбу и прочный миръ, то пусть они присылаютъ, по установленному обычаю, казну (т. е. дань) къ размынному пункту подъ Переможичу на Деябрь, вмѣстѣ съ казною пусть шлетъ царскую грамоту и задержаннаго въ Москвѣ крымскаго мурзу. Тогда будетъ между Крымомъ и Москвою настоящій миръ. А что до просьбы государей не ходить противъ польскаго короля войной, то татары и не думали на короля ходить, а самъ король на нихъ трижды приходилъ, но однажды, «во всѣхъ своихъ приходахъ темнымъ лицомъ насадъ возвратился»¹⁾.

На такой отвѣтъ московскіе цари написали хану, декабря 25 дня, третью грамоту съ увѣреніемъ дружбы и любви и навіщеніемъ объ отпускѣ вонца Мубарекши-мурзы Селемова «съ удовольствованіемъ по посольскому обыкновению» черезъ Запороги въ Кызык-кормень. Замедленіе тому послу учинилось оттого, что и царскому гонцу Алексею едѣлаю было замедленіе въ отпускѣ у татаръ. Впрочемъ, отпуская крымскаго мурзу, великіе государи поставляютъ при этомъ ханскому величеству на видъ то, что ханское величество не принимаетъ ничего въ своемъ листѣ о примиреніи Магметъ-султана, величества съ польскимъ королемъ и не даетъ никакого отвѣта на то, почему съ крымской стороны дѣлаются частые загоны подъ украинные малороссійскіе и великороссійскіе города и чрезъ тѣ загоны причиняются «многія разоренія и нестерпимыя досады» жителямъ тѣхъ городовъ. Вмѣсто того ханское величество упрекаетъ великихъ государей за дѣянія на Азовскомъ морѣ донцовъ и указываетъ на это, какъ на поводъ въ разрыву дружбы Крыма съ Россіей. Чтобы разъ навсегда прекратить ссоры, великіе государи находятъ за лучшее выбрать между Запорожьемъ и Кызык-к-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1696, св. 77, № 17.

нашемъ одно изъ престоивныхъ мѣстъ, выслать туда по равному съ обѣихъ сторонъ числу полномочныхъ людей и установить между дарскими и канскими величествомъ прежнюю дружбу и любовь ¹⁾.

Написанную грамоту вѣдно было, при особомъ писмѣ, послать сперва въ Запороги и изъ Запорогъ отправить «безъ замотчанія» въ Крымъ съ тѣмъ новикомъ, каковаго «въ ту посылку выбереть самъ кошевой атаманъ». На случай-же, когда ханъ согласится на сѣздъ представителей въ какомъ нибудь мѣстѣ между Запорожьенъ и Кызыкерменскимъ городкомъ для прекращенія обоеднкихъ набѣговъ и ссоръ, воеводѣ Григорію Косагову приказано было послать въ Крымъ особыхъ изъ сѣчехова товариства полномочныхъ людей. Григорій Косаговъ, получивъ разомъ царскую грамоту и царское письмо, извѣстивъ государей, января 16 дня, 1687 года, что царское письмо оное послалъ въ Сичь къ кошевому атаману Филому Лихопю, и въ Сичи на радѣ письмо то было прочтено всѣмъ низовымъ козакамъ, а послѣ той рады къ воеводѣ Косагову приказать съ пятью куренными атаманами самъ кошевой атаманъ и объявить, что для отсылки царской грамоты въ Крымъ наряженъ казакъ Игнатъ Комадуть. И точно, казакъ Игнатъ Комадуть прибылъ къ воеводѣ января 17 дня и въ тотъ-же день съ волонгаевскимъ козакомъ Голубинченкомъ былъ отправленъ въ Крымъ ²⁾.

Такая неопредѣленность отношеній между Москвою и Крымомъ длилась въ теченіе конца 1686 года и начала 1687 и держала въ напряженіи не только крымскихъ татаръ, но и запорожскихъ козаковъ. Послѣдніе съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится задуманный русскими походъ на Крымъ.

Первый походъ открылся съ весны 1687 года. Для похода въ Крымъ, поднято было до 100,000 великороссійскихъ и до 50,000 малороссійскихъ войскъ. Главнокомандующимъ великороссійскихъ войскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Начальникомъ малороссійскихъ козаковъ состоялъ гетманъ Иванъ Самойловичъ. Съ княземъ и гетманомъ должны были дѣйствовать заодно и запорожскіе козаки. У запорожскихъ козаковъ кошевымъ атаманомъ на ту пору былъ Филомъ Лихопю.

¹⁾ Архивъ имп. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17.

²⁾ Архивъ имп. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17; малороссійскіе подлинныя акты, св. 2, № 28.

Князь Голицынъ двинулся въ путь раньше гетмана Самойловича и уже мая 20 числа перешелъ съ войскомъ два притока рѣчки Липнянки, впадающей въ рѣку Орель при Нехворощанскомъ городкѣ. Русскіе двигались большею частью по направленію къ югу и расположились у рѣчки Орлика ¹⁾.

Гетманъ Самойловичъ поднялся изъ городовъ Украйны въ концѣ мѣсяца мая и шелъ отъ города Полтавы съ девятью украинскими полковниками, двумя полковниками компанѣйскими и однимъ полковникомъ сердюцкимъ; при тѣхъ полковникахъ были: одинъ обонный, одинъ судья, одинъ писарь и два асаула. Перейдя рѣку Орель, гетманъ, іюня 2 дня, соединился у лѣваго берега ея съ княземъ Голицынымъ и двинулся къ рѣкѣ Самарѣ ²⁾. Дойдя до Самары, военачальники, прежде всего, должны были сдѣлать на этой рѣкѣ 12 мостовъ и по этимъ мостамъ, въ теченіе четырехъ дней, перевозить свои обозы, по двѣ тележки въ рядъ. Вѣроятно, въ это время князь Голицынъ посѣтилъ стоявшій у Самары Николаевскій пустынный запорожскій монастырь и сдѣлалъ въ немъ «вкладъ въ 15 рублей» ³⁾.

Перейдя рѣку Самару, соединенныя русско-козацкія войска стали у Острой могилы и тутъ, близъ рѣчки Кильчани, совершенно высохшей на ту пору отъ лѣтнихъ жаровъ, выкопали для питья нѣсколько колодезь, въ аршинъ глубиною. Добытая въ колодцахъ вода оказалась и хорошей на вкусъ и въ достаточномъ количествѣ. Отъ Острой могилы, войска, оставя свою временную стоянку, пошли на рѣчку Татарку и оттуда взяли направленіе между Великихъ-Плѣсъ. Отъ Великихъ-Плѣсъ прошли черезъ лѣвые притоки Днѣпра, Вороную ⁴⁾ и Осоковку, гдѣ «рѣчка Терги притягла отъ моря» ⁵⁾. Далѣе войска двинулись на рѣчку Вольную, гдѣ «рѣчка Крымка притягла отъ Конской». Отъ Вольной войска пошли на вершину Каменки ⁶⁾. Въ это время въ арміи говорили, что войско идетъ по правую руку Каменки, и тогда участникъ

¹⁾ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

²⁾ По другимъ свѣдѣніямъ Самойловичъ соединился съ Голицынымъ на берегу Самары: Киевская Старина, 1886, II, 275.

³⁾ Феодосій, Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1878, 18.

⁴⁾ Выше теперешняго села Вороной, кмѣня М. Н. Миклашевской.

⁵⁾ Что это за рѣчка Терги—неизвѣстно, но объ ней говоритъ Самовидецъ.

⁶⁾ Неизвѣстны также рѣчки Крымка, Кобылячка и Литовка,—объ нихъ говоритъ Самовидецъ.

хода генералъ Патрикъ Гордонъ велѣлъ искать Каменку, но, по его словамъ, этой рѣчки не нашли. Отъ Каменки войска двинулись къ рѣчкѣ Конскимъ-Водамъ или Конкѣ, впадающей на двѣ или ниже острова Хортицы и на 7 миль ниже Сичи, гдѣ нашли довольно травы, но мало лѣса и нездоровую воду. Здѣсь обѣ части войска соединились вмѣстѣ и расположились на стоянку: раньше того нѣкоторая часть арміи пошла черезъ рѣчку Московку и такъ какъ это былъ болѣе краткій путь, то она и пришла сюда раньше. Юня 13 числа быстро построили черезъ рѣчку Конку мосты и начали совѣтоваться о дальнѣйшемъ маршрутѣ. Въ это время получено было извѣстіе о томъ, что впереди все сожжено и стояло въ дыму и пламени). Недалеко отъ лѣваго берега Конки русско-козацкія войска замѣтили впереди себя нѣсколько небольшихъ отрядовъ татаръ и быстро разсѣяли ихъ ²⁾. Юня 14 числа армія переправилась черезъ Конскія-Воды и пошла по сожженнымъ степямъ. Отъ пыли и отвратительнаго запаха идти было тяжело; въ особенности трудно и нездорово было какъ для людей, такъ и для лошадей. Потому войска расположились на небольшой рѣчкѣ Олбѣ (dem kleinen Flusse Olba), недалеко отъ Великаго-Луга, гдѣ нашли много воды и травы ³⁾. Въ этотъ день сдѣлали двѣ мили назадъ. Юня 15 числа двинулись по сожженнымъ степямъ къ рѣчкѣ Янчокраку ⁴⁾, гдѣ нашли мало травы и никакого лѣса, но зато множество дикихъ свиней. Тутъ лошади видимо стали худѣть, солдаты начали заболѣвать. Юня 16 числа пошелъ сильный дождь, который, однако, только прибилъ пыль, но не освѣжилъ растительности. Въ это время сдѣлали мосты изъ фашинь черезъ рѣчку Янчокракъ, которая въ этой мѣстности, благодаря дождю, сдѣлалась очень болотистой; понадобилось три часа, чтобы переправиться черезъ нее. Отъ Янчокрака войска слѣдовали по голымъ сожженнымъ степямъ до рѣчки Карачокрака. Юня 16 числа лошади были уже сильно истомлены, а травы такъ было мало, что ея

¹⁾ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

²⁾ Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, Москва, 1826, IV, 565, 564 563, 539, 541.

³⁾ Что такое это за рѣчка—неизвѣстно, но объ ней говоритъ Гордонъ.

⁴⁾ У Самовидца ошибочно названъ Янчуль; въ Собраніи государственныхъ грамотъ и въ Дневникѣ Гордона—Янчокракъ; у Самовидца ниже этой рѣчки упоминаются еще Торскіе пески, вѣроятно, песчаные кучугуры, теперъ бывъ с. Водянаго, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи.

хватадо на столько, чтобы только сохранить жизнь животнымъ, и если-бы приближались татары, то лошади едва-ли въ состояніи были вывезти не только телѣмъ съ живыми припасами, но и пушки; кромѣ того, всё ждали, что дажѣ все сожжено и опустошено. Слѣдовательно нечего было и думать о завоеваніи Крыма. Въ это время, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было часть арміи послать на дѣпровское низовье, а главную поднять до тамъ-же мѣсть, гдѣ можно было-бы найти продовольствіе для конницы. Іюня 18 числа главная армія направилась ¹⁾ обратно ближайшимъ путемъ ²⁾. Перейдя рѣчку Янчоокракъ, войска стали лагеремъ на возвышеніи Великаго-Лука, гдѣ нашли воду и немного травы, но никакого лѣса. Въ этотъ день прошли 3 милы. Іюня 19 числа армія отдыхала и въ этотъ день отправленъ былъ гонецъ въ Москву съ извѣстіемъ о возвращеніи войска обратно. Іюня 20 числа армія продолжала путь дажѣ, перешла маленькую рѣчку Олбу и остановилась на рѣкѣ Конскія-Воды, гдѣ нашла въ избыткѣ траву, лѣсъ и воду, хотя вода была нездорова. Въ этотъ день гетманъ съ козаками перешелъ черезъ рѣку и сталъ лагеремъ на «стой» сторонѣ, русскіе-же на «стой». Было рѣшено отдохнуть здѣсь нѣсколько дней, чтобы откормить лошадей, изнуренныхъ и немогшихъ вести дажѣ пушки и аммуницію; но это принесло мало пользы, такъ какъ отъ воды, вредной для здоровья, въ это время и людей и лошадей погибло не мало ³⁾.

Такъ описываетъ весь маршрутъ соединенныхъ русско-козачьихъ войскъ участникъ похода, генералъ Патрикъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ.

Самъ гетманъ Иванъ Самойловичъ о первомъ походѣ русско-козачьей арміи на Крымъ доноситъ въ Москву, что отъ рѣки Самары русскіе обозы «пошли дикими полями и, пройдя нѣсколько десятковъ дней, приблизились къ Крыму за 100, а къ Сѣчу запорожской за 30 или 36 верстъ, за рѣчку Карачокракъ, откуда вѣло горѣли сердца наши достигнути Перекопа и самого Крыма» ⁴⁾, но пожаръ, поднятый татарами въ степи, начиная отъ Конскихъ-

¹⁾ У Самовидца: «Отъ Торскихъ песковъ съ вершины Великихъ луговъ противъ кучучуръ при татарскомъ тынцѣ, въ 90 верстахъ отъ Сѣчи».

²⁾ По указанію Величка войска повернули обратно отъ Плетеницкаго-Рога: Лѣтопись, Киевъ, 1855, III, 18.

³⁾ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1861, II, 174.

⁴⁾ Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, Москва, 1826. IV, 540, 541.

Водъ и до самаго Крыма, т. е. на разстояніи, по приблизительному расчету, ста верстъ; помышлялъ начальникамъ войска привести свое желаніе въ исполненіе.

Степной пожаръ, какъ причина неудачи перваго похода на Крымъ, былъ въ то время у всѣхъ на устахъ. И точно, татары и даже раньше и много позже этого времени весьма часто прибѣгали къ этому средству для того, чтобы отвратить походъ въ степь какаго нибудь опаснаго для нихъ врага. О страшныхъ разсѣрахъ степныхъ пожаровъ въ прошлые вѣка, когда всѣ степи покрыты были густой, высокой и непролазной, точно лѣсная чаща, травой, можно до нѣкоторой степени судить по теперешнимъ пожарамъ въ бывшихъ ногайскихъ и запорожскихъ степяхъ. Когда загорится въ степи сухая трава, тогда, при господствѣ тамъ въ май и іюнь сѣверовосточныхъ вѣтровъ, настаетъ настоящій, со всѣми ужасами, адъ. Пламя катитъ верстъ на 100, на 120 впередъ; повсюду раздается страшный трескъ; воздухъ дѣлается нестерпимо душнымъ и необыкновенно горячъ; пожарная гарь слышится за шесть, за восемь часовъ, не доѣзжая до мѣста огня; дымъ валомъ валитъ, полосой ширины въ 15—20 верстъ. Земля дѣлается настолько горяча, что на ней нѣтъ никакой возможности стоять. Все, что ползало по степи, жарится, лопаются и распространяетъ вездѣ ѣдкій смрадъ. Все, что ходило по степи—зѣбри, дикіе воны, рогатый и мелкій скотъ, дикія свиньи, различные грызуны—все, почувявъ бѣду, бѣжитъ отъ огня стремглавъ, падаетъ и погибаетъ въ пламени и въ дыму. Верховые кони, обыкновенно раньше другихъ животныхъ чуютъ степной пожаръ, приходятъ въ сильное беспокойство, постоянно ржутъ и стараются увлечь своихъ владомовъ въ противоположную сторону отъ того мѣста, гдѣ разливается страшное пламя огня. Послѣ такого пожара на сотни верстъ вся степь превращается въ черное поле смерти, гдѣ надолго исчезаетъ всякая жизнь. Всякіе корма на такой степи исчезаютъ совсѣмъ, и нужно ждать слишкомъ большого дождя, чтобы привести землю въ надлежащій ей видъ, а послѣ дождя необходимо ждать 10—15 дней, чтобы имѣть подножный для скота кормъ. Таковы послѣдствія степныхъ пожаровъ теперь, но они были гораздо страшнѣе двѣсти—триста лѣтъ тому назадъ при сплошныхъ и непроходимыхъ травахъ въ степи, особенно когда татары зажигали ихъ въ разныхъ мѣстахъ и когда движеніе вѣтра шло на встрѣчу шедшихъ по степи войскъ. Поэтому нѣтъ надоб-

ности заподозрѣвать показаніе вождей русско-козацкихъ войскъ, которые считали причиной неудачи перваго похода на Крымъ степной пожаръ, хотя рядомъ съ этимъ могло быть немало и другихъ причинъ, какъ теперь нѣкоторые изслѣдователи стараются это доказать ¹⁾). Стихійная причина, т. е. поднятый татарами въ степи пожаръ и гибель черезъ то степныхъ кормовъ, главнѣйшая изъ причинъ неудачнаго похода русско-козацкихъ войскъ на Крымъ. Но и тутъ нѣкоторые изъ историковъ ставятъ вопросъ, кто-же собственно былъ виновникомъ пожара въ степи, сами-ли татары или-же вмѣстѣ съ ними и козаки? Уже очевидецъ перваго похода въ Крымъ, иностранецъ Гордонъ, увѣрялъ, что это дѣло не обошлось безъ содѣйствія козаковъ: козаки, опасаясь, чтобы Москва, покоривъ Крымъ, не отобрала вольностей и правъ у самихъ козаковъ, могли подать крымцамъ мысль произвести въ степи пожаръ и не допустить москалей въ Крымъ. Однако, Гордонъ высказалъ въ этомъ случаѣ лишь собственное мнѣніе и не подтвердилъ его никакими доказательствами, а потому, не прибѣгая къ предположеніямъ, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ помнить то, что степной пожаръ, какъ средство защиты отъ враговъ, весьма часто практиковался у татаръ и незадолго передъ походомъ русскихъ на Крымъ татары такимъ-же способомъ спаслись въ Буджакѣ отъ польскаго короля.

Для того, чтобы скрыть отступление всей русско-козацкой арміи, а также для того, чтобы не дать возможности крымскому хану послать орду противъ польскаго короля, а бѣлгородскимъ и буджакскимъ татарамъ соединиться въ-одно, рѣшено было на военномъ совѣтѣ іюня 17 дня отправить отрядъ великорусскихъ войскъ въ числѣ 20.000 человекъ и отрядъ малороссійскихъ козаковъ также въ 20.000 человекъ или 8 полковъ да нѣсколько тысячъ запорожскихъ козаковъ къ урочищу Каменный-Затонъ, гдѣ стоялъ воевода Григорій Косаговъ, тамъ велѣно соединиться имъ съ Косаговымъ и идти въ походъ къ Кызыкерменскому городку. Начальствованіе надъ отрядомъ великороссійскихъ войскъ поручено было окольному Леонтію Романовичу Неплюеву, а начальствованіе надъ малороссійскими полками предоставлено было гетманскому сыну, полковнику Григорію Ивановичу Самойловичу: «И велѣли мы, на

¹⁾ Киевская Старина, 1886, XIV, 277.

ту сторону Днѣпра переправившись, къ прежде речанному городку Кызыккерменю идти и осадить его шанцами; въ тѣхъ промыслахъ приказалъ я быть и атаману кошевому съ войскомъ низовымъ, который, бывъ у меня въ обозѣ, обѣщался во всѣхъ работахъ быть тщательнымъ и вѣрнымъ... Хотя мы и надѣялись на Днѣпровскіе луга, что (они) не лишатъ насъ конскихъ кормовъ, для чего и оперлись было обозами съ пожженныхъ полей о днѣпровыя воды; но и въ нихъ никакой прибыли не обрѣли, вслѣдствіе тѣхъ причинъ, что въ Днѣпрѣ превеликія воды (стоятъ), которыя еще не скоро опадутъ, показались только острова и холмы... Ради того стали нынѣ надъ Конскою-Водой, выше устья Янчовака, противъ Великаго Луга, въ сорока верстахъ отъ Сѣчи запорожской, а сколько времени можно будетъ стоять, столько и постоимъ» ¹⁾.

Простоявъ у Конскихъ-Водъ, сколько было возможно, русско-козацкія войска двинулись выше и дошли до рѣки Самары. На ней уцѣлѣло еще 12 мостовъ отъ прежней переправы. Первымъ перешелъ по мостамъ гетманъ Самойловичъ. Но когда онъ сталъ на правомъ берегу Самары, въ это время внезапно всѣ мосты запылали огнемъ отъ неизвестной причины и въ короткое время всѣ, кромѣ двухъ, исчезли. Послѣ этого русскіе занялись сооруженіемъ новыхъ мостовъ на мѣстѣ сгорѣвшихъ и потомъ уже перешли съ лѣваго берега рѣки на правый ²⁾.

Хотя виновникъ поджога самарскихъ мостовъ и не былъ обнаруженъ, но всѣ стали обвинять въ томъ гетмана Самойловича, что совпадало и съ видами начальника русскихъ войскъ и съ желаніями малороссійской генеральной и полковой старшины: первый, испытавъ неудачу въ походѣ на Крымъ, выискивалъ лицо, на которое можно было-бы взвалить всю тяжесть отвѣтственности за несчастный походъ; послѣдніе, ненавидя гетмана за его корыстный и надменный нравъ, давно искали случая, чтобы избавиться отъ него. Потому, когда русско-козацкія войска перешли рѣку Самару и стали на правомъ притоцѣ ея, рѣчкѣ Кильчени, то тутъ, іюля 7 дня, недруги Самойловича написали «доношеніе объ измѣнѣ и неистовствѣ гетмана къ великимъ государямъ» и подали его князю Голицыну, а князь Голицынъ на слѣдующій день отправилъ

¹⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., IV, 540, 541; Gordon, Tagebuch, II, 177.

²⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 134.

то «доношеніе» въ Москву ¹⁾, и черезъ 14 дней послѣ этого «сключилось гетманство поповичево» ²⁾.

Послѣ изложенія гетмана отправленъ былъ гонецъ къ сыну его, Григорію Самойловичу, и посланный нашелъ полковника съ обозомъ ниже острова Томаковки, гдѣ вручилъ ему листъ старшины о изложеніи его отца ³⁾. Самъ князь Голицынъ написалъ приказъ окольному Леонтію Романовичу Неплюеву «принять и держать за карауломъ гетманскаго сына, Григорія» ⁴⁾.

Послѣ того главная армія перешла Кильченъ и остановилась на рукавѣ этой рѣчки. Военачальники избрали этотъ путь, чтобы скорѣе достигнуть рѣки Орели, такъ какъ до 'сихъ поръ мало встрѣчали воды и лѣсу. Іюля 10 числа армія выступила рано и шла по большимъ равнинамъ. У рѣки Орели войска имѣли остановку, гдѣ нашли достаточный запасъ дровъ, воды и травы. Въ этотъ день были сдѣланы мосты черезъ рѣку, а 11 числа іюля войска перешли Орель, оставили предѣлы Запорожья и направились вдоль рѣчки Орчика, а потомъ къ рѣкѣ Коломаку ⁵⁾,

Пока происходили всѣ эти событія, тѣмъ временемъ оставленные на Низу Дѣйпра воевода Григорій Косаговъ и кошевой Филонъ Лихопой не безъ успѣха дѣйствовали противъ бусурманъ. Косаговъ отправилъ нѣсколько человекъ изъ своего полка, судами, къ городу Кызыкермену, а кошевой атаманъ лично пошелъ противъ турокъ. У урочища Каратобеня, на рѣкѣ Дѣйпрѣ, между кызыкерменцами съ одной стороны и русскими полчанами и запорожскими козаками съ другой произошелъ бой «и божіей милостью, а предстательствомъ надежды христіанскія, пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, предстательствомъ и молитвами московскихъ и кievскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, а великихъ государей и всего ихъ государскаго дома прилежною молитвою и счастіемъ, тѣ ихъ, великихъ государей, ратные люди и запорожскіе козаки на Дѣйпрѣ турскихъ людей побили и взяли на томъ бою два ушкала, а на тѣхъ ушкалахъ знамена да пять пушекъ да турокъ

¹⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., IV, 542; Величко, Лѣтопись, III, 14; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, II, 313—334.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 171.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 17.

⁴⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1853, I, 322.

⁵⁾ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 161.

29 человекъ; а ихъ великихъ государей ратные люди и запорожскіе козакі пришли всѣ съ того боя въ цѣлости» ¹⁾).

Считая войну съ ханомъ далеко неоконченной и имѣя въ виду новый походъ на Крымъ, правительница московскаго государства, царевна Софья Алексѣевна, между другими мѣрами, для успѣха въ будущей съ бусурманами войнѣ, предложила князю Василю Голицыну построить на рѣкахъ Орели и Самарѣ городки, «дабы оставить въ нихъ всякія тягости, запасы и ратныхъ людей и дабы впредь было ратамъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ» ²⁾).

---

¹⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 568.

²⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 560, 564.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Избраніе Мазепы въ гетманы Малороссіи и обязательства, данныя имъ московскимъ царямъ въ отношеніи запорожскихъ козаковъ.—Царская грамота запорожцамъ объ отрѣшеніи Самойловича съ объявленіемъ въ гетманы Мазепы.—Посольство отъ запорожскаго войска въ Москву казака Матвѣя Ватаги съ пойманнымъ татарскимъ языкомъ.—Письмо отъ Коша къ гетману Мазепѣ съ поздравленіемъ и съ пожеланіемъ многолѣтняго правленія Малороссіей.—Враждебныя отношенія запорожцевъ къ крымскимъ татарамъ, захватъ ими татарскихъ языковъ и отправка ихъ съ особыми посланцами въ Москву.—Пребываніе запорожскихъ посланцевъ въ Москвѣ и возвращеніе ихъ изъ Москвы въ Сичь.—Переписка кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго съ гетманомъ Мазепой по поводу обѣщанной имъ запорожскому войску помощи противъ мусульманъ, а также по поводу отдачи войску первоза въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ и присылки жалованья войску запорожскихъ козаковъ.

Съ паденіемъ Ивана Самойловича малороссійскимъ козакамъ предстоялъ выборъ новаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ новыхъ генеральныхъ старшинъ. Назначеніе того или другаго гетмана въ сильной степени интересовало и запорожскихъ козаковъ: запорожцы уже давно утратили право личныхъ сношеній съ Польшей и Москвою и если имъ предстояла надобность въ томъ, то они могли это дѣлать только черезъ гетмана малороссійскихъ козаковъ. Гетманъ-же наблюдалъ за запорожцами и въ томъ случаѣ, когда они пытались стать въ такія или другія отношенія съ крымскимъ ханомъ или турецкимъ султаномъ. Отсюда естественно, что характеръ и возрѣнія гетмана не могли не вліять въ извѣстной степени на тѣ или другія дѣйствія запорожскихъ козаковъ. Въ самомъ избраніи гетмана запорожцы въ это время принимать участія уже не могли: и совершенная обособленность между украинцами и войскомъ низовыхъ козаковъ и полное самовластіе, съ которымъ распоряжалась въ Малороссіи Москва, сдѣлали это участіе для запорожцевъ невозможнымъ. Поэтому, лишь только въ Москвѣ получилось «доношеніе» князя Голицына о необходимости отрѣшиться отъ гетманскаго уряда Ивана Самойловича и вмѣсто него избрать новаго

гетмана, то вскорѣ затѣмъ собрана была рада на рѣкѣ Коломакѣ и на той радѣ, іюля 25 дня 1687 года, вольными голосами «малороссійскихъ козаковъ и генеральной старшины», въ дѣйствительности-же подъ диктовку князя Голицына и близкихъ клеветовъ его, выбранъ былъ на гетманскій урядъ бывший обозный войсковой Иванъ Степановичъ Мазепа, старожитнаго шляхетскаго украинскаго рода, бѣлоцерковскаго повѣта, знатный въ войскѣ человекъ¹⁾).

Принявъ булаву и присягнувъ на вѣрность русскому царю гетманъ Мазепа подписалъ 22 статьи и въ числѣ этихъ статей двѣ касались запорожскихъ козаковъ. Во-первыхъ, для защиты отъ крымскаго хана великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ держать въ пристойныхъ мѣстахъ полки и для промысла у Кызыверменя и другихъ турецкихъ городковъ часть тѣхъ полковъ посылать въ Сичъ и въ иныя тамошнія мѣста и надъ тѣми городками военный промыслъ чинить. Самихъ запорожцевъ держать въ прежнихъ мѣстахъ, и борошно, и плату на каждый годъ имъ непремѣнно въ такомъ размѣрѣ посылать, какъ имъ при прежнихъ гетманахъ выдавалась плата всегда; и то борошно, и тѣ деньги къ нимъ на самый Кошгъ запорожскій отсылать; а миру запорожцамъ съ Крымомъ и съ городками (турскими) безъ воли государей никогда не имѣть. Во-вторыхъ, для утѣсненія Крыма и отъ нахожденія крымскихъ ордъ на великороссійскіе и малороссійскіе города войной, на сей (лѣвой) сторонѣ Днѣпра, противъ Кодака, сдѣлать такого подобія шанецъ, какъ и Кодакъ, а на Самарѣ, и на Орели рѣкѣ, и на устьяхъ Орчика и Берестовой построить крѣпости и малороссійскими жителями населить и о томъ во всѣ тамошніе города универсалы послать съ разьясненіемъ о томъ, что въ тѣ мѣста могутъ всѣ желающіе безъ всякаго препятствія приходить; запорожцы-же къ тѣмъ крѣпостямъ и къ жителямъ тѣхъ крѣпостей касаться не должны; кромѣ того, до окончанія русско-татарской войны запорожцы и торговыхъ сношеній съ татарами не должны вести²⁾).

Эти пункты Мазепа собственноручно подписалъ въ день избранія его на гетманскій урядъ, іюля 25 дня, и на томъ врестъ и святое евангеліе цѣловалъ.

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 171.

²⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договор. IV, 551—558, Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 50.

Сентября 12 дня, на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, послана была царская грамота изъ Москвы въ Сичь съ извѣщеніемъ объ отнятіи у Самойловича гетманской булавы, о назначеніи Ивана Мазепы въ гетманы малороссійскихъ козаковъ и о милостяхъ войску низовыхъ козаковъ за участіе въ первомъ походѣ на Крымъ.

«Мы, великіе государи, наше царское величество, тебя нашего величества подданного низового запорожскаго кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго и все посольство пожаловали, велѣли Переволочанскимъ перевозомъ вѣдѣть вамъ, войску низовому запорожскому; а вашимъ-ли козакамъ у того сбору быть, или по приказу гетманскому его сборищамъ и сборными деньгами, что собрано будетъ, отдавать вамъ въ войсковой скарбъ, и о томъ велѣно ему, гетману, учинить по своему разсмотрѣнію. Да по нашей государской милости послано къ вамъ наше великихъ государей годовое настоящее жалованье, деньги и суанна, по прѣжнему, съ стряпчимъ Иваномъ Прокофьевымъ Свизцовымъ да съ посланцами вашими, куреннымъ атаманомъ Юсмомъ Михайловымъ съ товарищи; да сверхъ того нашего великихъ государей настоящего годового жалованья послано къ вамъ за вашу нынѣшнюю службу что вы были въ полкахъ бояръ нашихъ и воеводъ въ крымскомъ походѣ, изъ полна нашей царственной большой печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберсегателя, ближняго, боярина полка дворцоваго, воеводы и вѣдѣтельна конгородскаго князя Василія Васильевича Голицына денежной казны 500 рублевъ, а велѣно ту нашу государскую денежную казну опольничему нашему и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву отдать бывшему кошевому атаману Федору Ивановичу съ товариществомъ на все войско низовое запорожское»¹⁾.

Вѣсто отвѣта на милостивую царскую грамоту запорожцы послали въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Москву, черезъ козана Магдья Ватагу съ 32 товарищами, татарскаго языка, взятого въ военныя промыслахъ надъ бѣлгородской ордой, при чемъ, пользуясь такимъ случаемъ, козаки просили позволенія взять въ Сичу дѣя мѣдныя со станками и колесами пушки, находившіяся на островѣ Кодацкомъ въ распоряженіи Семена Любовникова, въ замѣнъ ста-

¹⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 578; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1687, № 25, св. 72.

рых, негодныхъ къ стрѣльбѣ пушекъ, находившихся въ Сичѣ. За присылку татарскаго языка цари Іоаннъ и Петръ съ царевной Софьей Алексѣевной благодарили запорожское войско особой грамотой, и на просьбу о пушкахъ отвѣчали позволеніемъ—новыя пушки съ острова Кодацкаго взять въ Сичь, старыя, негодныя къ стрѣльбѣ, отправить на Кодацкій островъ; съ острова Кодацкаго онѣ будутъ отправлены для починки въ Кіевъ, а изъ Кіева, въ надлежащемъ видѣ, будутъ возвращены снова въ запорожскую Сичь ¹⁾.

Въ это же время запорожцы отправили своихъ посланцевъ съ «поганскимъ языкомъ» и въ Польшу. Съ 26 сентября по 10 октября въ городѣ Злочовѣ находились 10 человекъ запорожскихъ козаковъ со старшиною Вышетравцемъ, и имъ выдано было за все время пребыванія въ Злочовѣ 523 золотыхъ и 15 грошей ²⁾.

Октября 4 дня запорожцы написали Мазепѣ письмо, въ которомъ поздравляли его съ полученіемъ гетманской булавы, желали много лѣтъ оставаться на гетманскомъ урядѣ, быть полезнымъ своей отчизнѣ Украинѣ и своему малороссійскому народу, оказывать ласку войску запорожскому и не «хирхелѣвать на искорененіе войска, якъ началъ было хирхелѣвать надъ нимъ зрадца поповичъ». Письмо отправлено было депутаціей изъ четырехъ полковниковъ и 80 человекъ рядового товариства во главѣ съ бывшимъ кошевымъ атаманомъ Ѳеодоромъ Иваникой да Афанасіемъ Марченкомъ. Мазепа съ большимъ удовольствіемъ принялъ поздравленіе запорожцевъ, послалъ имъ гостинецъ по сто золотыхъ, по одной рюфѣ горилки и по десять бочекъ борошна на каждый курень, а на атамановъ куренныхъ по кармазину, кошевому Григорию Сагайдачному и войсковой старшинѣ, т. е. судѣ, писарю и асаулу, вдвое противъ куренныхъ атамановъ ³⁾.

Но ~~напрасны~~ были старанія запорожцевъ: Мазепа не могъ быть истинно національнымъ дѣятелемъ. Не могъ быть потому, что по воспитанію и по понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ престолярныя стремленія и традиціи малороссіянь. Скрывая, однако, до поры до времени свои настоящіе инстинкты, Мазепа, какъ ловкій, вос-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1887, св. 2, № 512—80.

²⁾ Архивъ королевскаго скарба, отд. III, кн. VII, л. 780.

³⁾ Величес, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 57—59.

питанный и превосходно образованный человекъ, прекрасно поддѣлялся подъ тонъ Москвы и старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи. Русскіе цари безусловно вѣрили искренности Мазепы и предоставляли въ его руки всѣ средства (русскія войска и наемные компанейскіе полки) для обороны противъ его зложелателей и противъ мнимыхъ враговъ Великой Россіи. Такимъ образомъ Мазепа, прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска. Но малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія Мазепы, всѣми мѣрами противилась ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ (1687 — 1708) и составляетъ сущность отношеній между Мазепой и запорожскимъ Кошемъ.

Первое столкновеніе между запорожцами и Мазепой началось уже вскорѣ послѣ избранія послѣдняго на гетманство.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный извѣстилъ гетмана Мазепу черезъ нарочныхъ посланцевъ о своемъ походѣ на бусурманскія вѣжи. Для этого похода собрано было пѣхотное и конное войско и взяты были войсковые клейноты. Пѣхотное войско, подъ начальствомъ самого кошевого, ходило правою стороною Днѣпра подъ турецкіе городки; конное войско, подъ начальствомъ атамана иркѣвскаго куреня Федора и бывшаго кошевого атамана Филона Лихопоя, ходило лѣвою стороною Днѣпра. Походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и запорожцы, «при многихъ трудахъ и храбрости, а особенно милостію божіею и счастьемъ ихъ царскаго величества», захватили живыми нѣсколько человекъ татаръ «изъ городской орды», шедшей по направленію къ Крыму, на низовомъ шляху, лежащемъ надъ Черною долиною. Декабря 16 дня походное войско было уже въ запорожской Сичѣ, и тутъ татарскіе «взани» были подвергнуты допросу съ цѣлью добытія отъ нихъ вѣстей о бусурманскихъ замыслахъ. Послѣ такого допроса рѣшено было собрать большое посольство отъ всего запорожскаго войска, взять двухъ татарскихъ «взней» и отправить ихъ въ Москву для «вѣдомостей». Для поѣздки въ столицу назначены были бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой, атаманъ иркѣвскаго куреня Федоръ, атаманъ титаровскаго куреня Ильишъ, атаманы куренные — конеловскій, каневскій, минскій, левушковскій, крыловскій и къ

нимъ нѣсколько рядовыхъ козаковъ, въ числѣ конхъ — Степанъ Рубанъ, Василь Мазинъ, Матвѣй Ирлѣвскій (нужно думать ирлѣвскаго куреня), всѣхъ счетомъ 40 человекъ. Выѣхавъ изъ Сичи, запорожскіе посланцы направились на Переволочну, Рѣшетловку, Гадячь, Конотоць и изъ Конотопа прибыли въ Батурино. Гетманъ Мазепа, принявъ запорожское посольство и узнавъ, въ какомъ числѣ оно вышло изъ Сичи, нашелъ невозможнымъ отпустить его въ полномъ составѣ въ Москву и, ссылаясь на царскій по этому поводу указъ, дозволялъ ѣхать не больше четырехъ—пяти козакамъ. Запорожцы сильно противились этому, но гетманъ долго не уступалъ. Потомъ, однако, взявъ во вниманіе то обстоятельство, что во главѣ посольства стоялъ Филонъ Лихопой, бывшій кошевой атаманъ и «знатный человекъ въ козацкихъ подвигахъ», позволилъ идти въ Москву Лихопою «самъ десять», а 30 человекъ изъ его спутниковъ оставилъ близъ города Батурина на прокормленіе и обо всемъ этомъ своевременно извѣстилъ князя Василія Васильевича Голицына черезъ стольника Андрея Ивановича Лызлова.

Отпущенные изъ Батурина, января 14 дня 1688 года, запорожскіе посланцы прибыли въ Москву января 24 дня въ числѣ не десяти, а одиннадцати человекъ и тамъ, при разпросѣ въ приказѣ Малой Россіи, дали такого рода показанія. Слышали они (уже въ пути), что къ запорожской Сичѣ приходила, въ большомъ числѣ, крымская орда и добывала ее въ теченіе трехъ дней, но милостію божіею и счастьемъ великихъ государей, «потѣхи себѣ и поиска никакого не учинила и пошла прочь отъ Сѣчи». О крымскомъ ханѣ отъ выходцевъ и отъ взятыхъ языковъ имъ извѣстно, что онъ возымѣлъ замыселъ и уже находится въ полной готовности идти на малороссійскіе и великороссійскіе украинные города. О турецкомъ султанѣ посланцы слышали, что онъ удавленъ, а на его мѣсто посаженъ другой, а кто именно—неизвѣстно. О Венгерской землѣ цесарскаго величества римскаго имъ извѣстно, что тамъ былъ бой съ турецкими и съ крымскими войсками и во время этого боя пало много татаръ и турокъ, въ томъ числѣ калга-салтанъ, тѣло котораго отправлено было до Крыма. О королевскомъ величествѣ польскомъ ничего неизвѣстно, а пересылокъ у короля съ ханомъ не было никакихъ.

Независимо отъ показаній запорожскихъ посланцевъ дали свои показанія и привезенные ими плѣнные бусурмане—турской породы кызыкерменскій житель Умерко Усмановъ и черный татаринъ села

Октяя Тугайко Шамакаевъ. Первый взятъ былъ запорожскими козаками на половинѣ дороги отъ Кызыкермена къ Перекопу, куда онъ ѣхалъ съ женой и съ нѣсколькими товарищами для покупки хлѣбныхъ запасовъ. Запорожцы, напавъ на проѣзжавшихъ татаръ, трехъ человекъ изъ нихъ живьемъ въ полонъ взяли да трехъ же человекъ и одну женщину зарубили и только шесть человекъ татаръ отъ нихъ «отсидѣлись». О положеніи дѣлъ въ Крыму и въ Константинополѣ Умерко Усмановъ сообщилъ такія свѣдѣнія: турецкій султанъ дѣйствительно удушенъ и на его мѣсто посаженъ братъ его Урханъ-султанъ. Новый султанъ находится въ Константинополѣ и оттуда прислалъ въ Кызыкермень свой указъ съ извѣстіемъ о выступленіи въ городъ четырехъ тысячъ человекъ пѣхоты съ пушками и со всякими воинскими запасами «для осторожности отъ московскихъ войскъ». Прежній султанъ былъ убитъ, вмѣстѣ съ великимъ визиремъ, собственными его приближенными людьми, турками и арабами, въ Венгерской землѣ. Въ Венгерской землѣ у турокъ были бои многіе и на всѣхъ бояхъ тѣхъ туркамъ и татарамъ удачи никакой не было.

Другой полоняникъ, Тугайко Шамакаевъ, про султана, крымскихъ татаръ и польскаго короля сказалъ тѣ-же рѣчи, что и турчинъ Умерко. Послѣ сдѣланнаго показанія оба полоняника били челомъ великимъ государямъ о дозволеніи имъ креститься въ православную христіанскую вѣру и о принятіи ихъ на русскую службу.

Изложивъ всѣ обстоятельства, происшедшія въ Сичи и въ Венгерской землѣ, запорожскіе посланцы просили великихъ государей за вѣрную царскимъ величествамъ службу и за воинскіе походы пожаловать ихъ поденнымъ питьемъ и кормомъ на время прожитія въ Москвѣ и при отпускѣ на время поѣздки изъ Москвы до Сичи.

По той челобитной запорожскихъ посланцевъ приказано было навести справки, какой кормъ и какое питье даваны были низовымъ посланцамъ въ прежніе годы. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ прошломъ году были въ пріѣздѣ кошевые посланцы Матвѣй Царевскій съ Филономъ Лихопоемъ и съ другими товарищами, привозившіе татарскихъ языковъ, и что въ то время имъ дано было денегъ на день по два алтына, вина по 3 чарки, меду по 1 кружкѣ, пива по 2 кружки, а на отпускѣ денегъ по 4 рубля, сукна кармазиннаго, тафты и пару соболей въ четыре рубля. Другимъ посланцамъ, бывшему кошевому атаману Федору

Ивану и Аонасію Марченку съ товарищами, ѳздившимъ «въ сентябрь мѣсяцъ, съ поздравленіемъ къ гетману Мазепѣ и оттуда являвшимся въ Москву, дано было денегъ по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, а на отпускъ—денегъ по 8 рублей, по сукну кармазину, по тафтѣ одной, по парѣ соболей въ шесть рублей каждая пара. Третьимъ посланцамъ, прїѣзжавшимъ въ Москву въ октябрь мѣсяцъ, Матвѣю Ватагъ ¹⁾, съ двадцатью-тремя человекѣми товарищей и со взятыми въ плѣнъ крымскими татарами, дано было денегъ—Ватагъ по 2 алтына и по 2 деньги, козакамъ по 10 денегъ, вина Ватагъ по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакамъ вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день, а на отпускъ Ватагъ—6 рублей, сукно аглинское, тафта, пара соболей въ 2 рубли каждая, козакамъ—денегъ по 4 рубли, по сукну аглинскому, по парѣ соболей въ 2 рубли каждая пара, да въ дорогу поденнаго корму на 3 недѣли по тому-жъ, по чему имъ давано въ Москвѣ; кромѣ того, ветчины три полти, вина два ведра и пива 4 ведра, а для топленія язбъ и для варенія пици давано было по 2 воза дровъ на недѣлю, да для вечерняго сидѣнія по 4 деньги свѣчъ салныхъ на сутки, а на прїѣздъ, когда они были у руки великихъ государей, въ тотъ день данъ былъ имъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое.

Сообразно такимъ справкамъ приказано было выдать посланцамъ кошевого атамана Григорію Сагайдачнаго, Филону Лихопою, Ѳедору, атаману иркѣвскаго курени, Ильяшу, атаману титаровскаго куреня, да осьми человекѣмъ рядовымъ козакамъ «поденнаго корму и питья противъ прїѣзду бывшаго кошевого атамана Ѳедора Иваника»: денегъ по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, Ѳедору и Ильяшу и прочимъ козакамъ «противъ прїѣзду Матвѣя Ватажника», первымъ по 2 алтына и по 2 деньги, козакамъ по 10 денегъ, вина Ѳедору и Ильяшу по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакамъ меду по 2 чарки, пива по 2 кружки; а на прїѣздъ, когда они будутъ у руки великихъ государей, въ тотъ день дать имъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое; а на отпускъ дать имъ Филону Лихопою 8 рублей, сукно кармазинъ, тафту, пару соболей въ 6 рублей; Ѳедору и Ильяшу денегъ по 6 рублей, по сукну аглинскому, по тафтѣ, по парѣ соболей въ два рубли пара на человекѣ; восьми козакамъ

¹⁾ Онъ же называется Матвѣемъ Ватажникомъ.

денегъ по 4 рубли, по сукну аглинскому, по парѣ соболей въ два рубля пара человѣку да въ дорогу поденнаго корму на три недѣли по тому-жъ, по чему давано имъ въ Москвѣ, да купя въ ряду дать два полтя ветчины; кромѣ того, съ даточнаго двора дать два ведра вина, четыре ведра пива, а для топлениа избы и варениа кушаньевъ по 2 воза дровъ на недѣлю да для вечерняго сидѣнья по 2 деньги свѣчъ салныхъ на недѣлю.

Назначенное по росписи содержаніе показалось запорожскимъ посланцамъ очень скуднымъ, и потому они подали челобитную о прибавкѣ царскаго жалованья за ихъ «вѣрную службишку» въ такомъ количествѣ, какъ самъ Господь Богъ извѣститъ великихъ государей». «Тѣмъ вашимъ великихъ государей жалованьемъ (по 10 денегъ на день) мы, холопи ваши, поденнымъ кормомъ передъ своею братьею оскорблены, и прежь сего, государи, давано нашей братіи поденный кормъ сполна и сверхъ поденнаго корму прислано было нашей брати ваше великихъ государей жалованье на многіе государскіе праздники, а намъ, холопямъ вашимъ, вашего великихъ государей жалованья праздничнаго ничего не бывало; а того вашего великихъ государей «поденнаго корму намъ, холопямъ вашимъ, не стаётъ, и мы, холопи ваши, купя хлѣбъ, соль и другой харчъ, живя въ Москвѣ, испробдаемся»¹⁾.

Великіе государи, по той челобитной, приказали выдать козакамъ, сверхъ поденнаго корма и питья, 5 ведеръ вина, 10 ведеръ меду и 10 ведеръ пива, 2 полтя ветчины да 1 стягъ говядины, и послѣ этого запорожцы, повидимому, остались довольны царскою къ нимъ милостію.

Всѣ запорожскіе посланцы отпущены были изъ Москвы февраля 6 дня. Выѣстъ съ ними посланы были царскія грамоты къ гетману Ивану Мазепѣ и къ кошевому атаману Григорію Сагайдачному. Въ грамотѣ къ Мазепѣ цари похваляли гетмана за то, что онъ не пустилъ всѣхъ сорока человѣкъ запорожскихъ посланцевъ въ Москву и предписывали ему на будущее время пускать не болѣе 2 или 3 человѣкъ. Кошевому атаману Сагайдачному выражалась благодарность за вѣрную войска запорожскаго службу съ наставленіемъ и впредь съ такою же вѣрностью великимъ государямъ служить и надъ невѣрными бусурманами вольный промыслъ чинить²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 78, № 11.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 78, № 11.

Въ то время, когда посланцы запорожскихъ козаковъ находились въ Москвѣ, въ это самое время кошевой Григорій Сагайдачный, задумавшій предпринять новый походъ противъ бусурманъ, но не имѣвшій у себя на то достаточныхъ силъ, обратился къ гетману Мазепѣ съ просьбой о высылкѣ въ Сичь вспомогательнаго отряда около 1000 человекъ изъ малороссійскихъ козаковъ¹⁾.

Мазепа, обязавшійся въ качествѣ региментаря запорожскаго войска, оказывать запорожцамъ помощь въ борьбѣ съ невѣрными, отвѣтилъ Сагайдачному черезъ нарочно посланнаго въ Сичь козака Тимоша Пиковца письмомъ о готовности прислать кошевому военную помощь для борьбы противъ бусурманъ.

Однако, прошло много времени, и запорожцы, не видя отъ гетмана никакой помощи, а чрезъ то не имѣя возможности начать похода противъ бусурманъ и испытывая большой недостатокъ въ прокормленіи своихъ лошадей, рѣшили отправить изъ Запорожья въ украинскіе города на зимовлю нѣсколько сотъ человекъ коннаго войска. Недовольный такимъ постановленіемъ запорожскаго войска, гетманъ послалъ кошевому атаману Григорію Сагайдачному, черезъ товарищей полтавскаго полка, свой листъ и въ томъ листѣ писалъ, что изъ Запорожья уже слишкомъ много, не въ примѣръ прошлымъ годамъ, вышло на зимовлю въ украинскіе города низового товариства, и то товариство причиняетъ большую докучу жителямъ.

Запорожцы, получивъ гетманскій листъ, по своему обычаю, прочитали его въ своей посполитой радѣ и, выразумѣвъ смыслъ того листа, чрезъ тѣхъ же товарищей полтавскаго полка отвѣтили Мазепѣ, что во всемъ этомъ дѣлѣ самъ же гетманъ и виноватъ, потому что онъ не позаботился прислать вспомогательнаго войска отъ себя для совмѣстной борьбы малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ. «Если-бъ войско городовое было при насъ, то мы, взявъ Бога на помощь, по нашей силѣ, чинили бы въ пристойныхъ мѣстахъ промыслъ надъ непріятелями святаго креста и въ города бы не шли. А великая докуча украинскимъ людямъ происходитъ не отъ насъ, а больше отъ компанѣйцевъ и сердюковъ, которые уже съ давнихъ лѣтъ сидятъ (въ городахъ) и угѣсненіе людямъ чинятъ. Сердюки и компанѣйцы и по настоящее время великимъ государямъ не оказали еще службы никакой: а

¹⁾ Архивъ мн. ин дѣл, мал. подл. акты, 1688, № 502.

мы, войско запорожское, будучи подь высокодержавною пресвѣтлыхъ монарховъ рукой и работая вѣрно службой своею, чинимъ промыслъ надъ крымскими и турскими людьми по напей сигѣ на обычныхъ мѣстахъ» ¹⁾).

Глухое недовольство запорожцевъ на гетмана Мазепу скоро перешло въ открытое, и они ивно стали возбудить народъ миргородскаго и лубенскаго полковъ противъ притѣснявшихъ чернь полковыхъ старшинъ. Этимъ хотѣль воспользоваться гетманъ заднѣпровской стороны, принадлежавшей Польшѣ, Андрей Могила ²⁾, выбранный въ гетманы еще въ 1685 году въ городъ Немировъ, послѣ смерти гетмана Куницкаго ³⁾. Мазепа перехватилъ одно письмо Могила къ запорожцамъ и поспѣшилъ донести о томъ въ Москву. Изъ Москвы полученъ былъ приказъ укротить запорожцевъ оружіемъ, съ помощію бывшихъ въ распоряженіи Мазепы великороссійскихъ полковъ.

Запорожцы, не подозрѣвая о такомъ распоряженіи, послали Мазепѣ новое письмо.

На этотъ разъ они обратились къ гетману съ упрекомъ за то, что онъ нарушаетъ исконныя права запорожскаго низового войска. Гетманъ, принимая въ свои руки булаву, далъ обѣщаніе быть «во всемъ желательнымъ» запорожскому войску, а теперь вдругъ совершилъ неслыханное за все время существованія войска дѣло: онъ задержалъ посланнаго изъ города Немирова отъ польскаго гетмана Андрея Могила въ запорожскую Сичь кована съ листомъ. Это—такое дѣло, на которое ни одинъ изъ предшественниковъ Мазепы не отваживался: «Мы, войско запорожское, по милости божіей, передъ свѣтлыми монархами нашими по сіе время ни въ чемъ не потеряли вѣры. Прочетъ тѣ листы, умѣли бы къ пресвѣтлымъ монархамъ отослать и вашей вельможности объявить. Того для покорно вашей вельможности просимъ: изволь намъ, войску, объявить, о чемъ тамъ писано, и прислать списокъ съ тѣхъ листовъ, чтобъ войско не скорбѣло о томъ» ⁴⁾.

Высказавъ свое неудовольствіе, запорожцы при всемъ томъ не хотѣли мстить зломъ за зло и извѣщали гетмана Мазепу, черезъ своего кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, о дѣйствіяхъ и

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

²⁾ Въ актахъ онъ называется Могилой, у Бантышъ-Каменскаго Мигулой.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, II, 164, III, 10

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

наибреніяхъ враговъ свитого креста, крымскихъ и бѣлогородскихъ татаръ: крымскій ханъ находился въ Крыму; Кантемиръ-салтанъ съ частью орды, ради наставшаго голода въ Крыму, пошелъ противъ черкесъ; калга-салтанъ въ Бѣлогородчину пошелъ; а крымскіе таусы постоянно приказываютъ, чтобы орда, по возвращеніи двухъ названныхъ салтановъ домой, готовилась въ походъ на Русь. По этому случаю запорожцы давали гетману совѣтъ—разослать универсалы всѣмъ жителямъ городовымъ съ предупрежденіемъ быть готовыми къ отпору враговъ, а о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ обещали немедленныя и точныя извѣстія подавать ¹⁾).

На всѣ упреки запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа отвѣчалъ имъ по статьямъ. Во-первыхъ, большого войска не высылалъ онъ изъ Украины въ Запорожье потому, что боялся оставить Украину безъ защиты въ случаѣ прихода крымскаго хана съ ордой, который, по настоятельнымъ слухамъ, постоянно доходившимъ изъ Крыма въ малороссійскіе города, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе сдѣлать на Украину набѣгъ. Ради этой причины гетманъ съ самой осени и до послѣдняго времени всѣхъ малороссійскихъ козаковъ въ вооруженной готовности держалъ и какъ собственное, такъ и «охотницкое» войско утруждалъ, а отъ того и не могъ отправить на зимнее время нужное число войскъ въ запорожскій Кошъ. Во-вторыхъ, вѣрно служа ихъ царскимъ величествамъ и желая сохранить хлѣбные «монаршескіе» запасы подъ Кодакомъ, гетманъ отправилъ туда для обереганія запасовъ болѣе полуторы тысячъ человекъ козаковъ; кромѣ того, съ тою-же цѣлю гетманъ послалъ изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ ратныхъ людей къ другимъ мѣстамъ, что также послужило причиной помѣхи отправленія изъ Украины въ Запорожье вѣсеголательнаго отряда войскъ. Въ-третьихъ, украинское конное войско козаковъ не было и по другимъ причинамъ послано въ Сичь: вслѣдствіе трудности изъ Украины въ Запорожье пути, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, свирѣпствовавшихъ на ту пору въ краю; вслѣдствіе недостатка въ Запорожьѣ кормовъ, отъ чего и сами запорожскіе козаки бросали свои мѣста и шли на провормленіе въ города, къ тому-же и украинскіе кони не привыкли добывать себѣ изъ-подъ снѣга кормовъ. Посылать-же къ запорожцамъ пѣхоту не было цѣли никакой, потому что коннаго непріятели можно только коннымъ вой-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

скомъ воевать. Пѣхоту-же можно было послать лишь въ самую Сичь, но Сичь и самими добрыми молодцами, при помощи яошіей, крѣпка. Гетманъ посылалъ «немалое войсковое собраніе» съ асауломъ Войцею подъ городъ Кызыкермень и по этому поводу писалъ къ запорожцамъ въ Сичь, чтобы и они приняли участіе въ походѣ полчанъ подъ Кызыкермень или подъ другой какой-либо турецкій городокъ. Однако, запорожцы въ томъ походѣ Войцы участія почему-то не приняли и тѣмъ въ немалое удивленіе гетмана привели. Относительно полезности или бесполезности компанійскихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ гетманъ, вопреки заявленію запорожцевъ о бесполезности ихъ, утверждаетъ противное тому, что они «не безъ потребы въ Малой Россіи пребываютъ». Наемныя войска и въ другихъ государствахъ съ давнихъ поръ имѣлись и теперь имѣются и содержатся они «для скорѣйшаго въ военномъ дѣлѣ поступка». Въ Малой Россіи пѣхотные и конные полки, находясь во всегдашней готовности къ войнѣ, не только не приносятъ какого-нибудь вреда, напротивъ того, служатъ «для всенародной цѣлости щитомъ»: гдѣ только окажется надобность въ войскахъ, туда они по приказанію региментарскому, немедленно спѣшатъ и немедленно даютъ отпоръ врагамъ; тогда какъ малороссійскіе козаки, занятые своимъ хозяйствомъ, несмотря на крѣпкіе приказы гетмана, не могутъ такъ успѣшно выступать въ походъ: «Того ради оставьте, ваши милости, нелюбовь противъ оныхъ, но любите ихъ по братскому пріятельству, помня, что вы и одной породы, и одной вѣры, и у однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ находитесь въ обладаніи». А что касается задержки Могилина посланца, ѣхавшаго изъ Немирова съ листомъ въ запорожскую Сичь, то гетманъ увѣряетъ козаковъ, что онъ сдѣлалъ то не изъ какой-нибудь непріятности къ нимъ, а «изъ подлинной нужды и должности своей», потому что, храня вѣрное подданство ихъ царскому пресвѣтлому величеству, онъ не только не смѣетъ, но и не желаетъ скрывать передъ свѣтлыми монархами присылку «зарубежныхъ» листовъ. А такъ какъ Могила послалъ свой листъ черезъ малороссійскіе гетманскаго регимента города, то гетманъ иначе не могъ и поступить, какъ задержать его у себя и объявить о томъ пресвѣтлымъ монархамъ въ Москву. Отъ монарховъ же гетманъ получилъ милостивый указъ прислать тотъ листъ въ Москву, въ малороссійскій приказъ, что и было въ точности исполнено имъ. Когда же пресвѣтлые монархи усмотрѣли, что въ

тожь листъ шла непристойная и противная мирному договору рѣчь отъ Могилы къ запорожскимъ козакамъ, то они рѣшили написать о томъ польскому королевскому величеству съ просьбой возбранить Могилѣ такую безразсудную смѣлость. «Ваши милости, вѣдайте, что пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе монархи наши, ихъ царское пресвѣтлое величество, установивъ вѣчный миръ съ его королевскимъ величествомъ, на вѣки въ мирныхъ договорахъ утвердили и съ обѣихъ сторонъ полными присягами закрѣпили то, что какъ городовымъ, такъ и низовымъ войскомъ запорожскимъ надлежитъ владѣть превысокому царскому пресвѣтлому величеству и никто со стороны королевского величества не смѣетъ ни посылать своихъ листовъ, ни вносить словесныхъ, противныхъ миру, рѣчей какъ въ города нашего регимента, такъ и на Запорожье... Исполняя приказаніе своихъ монарховъ и охраняя мирные договоры, я потому и задержалъ тотъ листъ Могилинъ. О моемъ же расположеніи къ вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, вы можете судить по тому, что я уроженецъ того же малороссійскаго края, какъ и вы; происходи отъ тѣхъ же предковъ войска запорожскаго, я долженъ вѣрно служить ихъ царскому пресвѣтлому величеству и никогда не думалъ желать вамъ зла, напротивъ того, думалъ объ умноженіи всякаго счастья для васъ. Вы сами можете судить о моемъ усердіи къ вамъ послѣ пребыванія въ прошлую осень тысячи человекъ вашего товариства у насъ, когда я однихъ сукнами, другихъ деньгами, третьихъ шубами удовольствовалъ, не считая того, что особо послано къ вамъ на Кошъ... Иакоживъ все это вашимъ милостямъ, предлагаю и совѣтую вамъ поступать такъ: если вы получите откуда-нибудь мимо нашего вѣдома и мимо нашей воли письма, безъ воли царского пресвѣтлого величества и безъ нашего гетманскаго вѣдома не отписывать на нихъ, но присылать ихъ къ намъ, а мы къ царскимъ пресвѣтлымъ величествамъ будемъ ихъ отсылать и сообразно указу царскаго величества будемъ поступать, чтобы и волю монаршескую исполнить, и мирный договоръ соблюсти»¹⁾.

Лишая запорожцевъ возможности самостоятельно сноситься съ царственными и властными лицами сосѣднихъ имъ державъ, гетманъ Мазепа, при всемъ томъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они доставляли ему всякія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и намѣре-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, сп. 74, № 25.

ніяхъ турокъ и татаръ. Такъ, когда распространился слухъ о низверженіи Магометъ - султана съ престола, то гетманъ обратился къ запорожцамъ съ просьбой доставить ему «подлинныя вѣсти о непріятельскомъ поведеніи бусурманъ». Но запорожскіе козаки, имѣвшіе столько причинъ къ недовольству на гетмана, отвѣтили ему «язвительнымъ выговоромъ, присланнымъ на письмѣ», и тогда гетманъ занесъ на нихъ новую жалобу въ Москву ¹⁾.

Однако, эти пререканія между запорожцами и гетманомъ Мазепой скоро прекратились и ни къ какому на этотъ разъ серьезному послѣдствію не привели. Въ началѣ мѣсяца марта запорожцы послали гетману Мазепѣ очень длинный листъ и въ этомъ листѣ просили о закрѣпленіи за войскомъ низовыхъ доходовъ съ Переволочанскаго перевоза на Днѣпрѣ, о присылкѣ въ Сичь бубенъ и арматъ и рочнаго или годового жалованья, о подтвержденіи исконныхъ вольностей козаковъ, объ извѣщеніи военныхъ замысловъ гетмана въ предстоящемъ лѣтѣ противъ бусурманъ и присылкѣ въ Сичь нѣсколькихъ тысячъ рублей для уплаты сторожевымъ козакамъ. Что-же касается извѣстія гетмана объ отправленіи имъ подъ турецкіе городки войскового асаула Войцы съ отрядомъ малороссійскихъ козаковъ, въ помощь запорожскимъ козакамъ, то за порожицы свидѣтельствовались Богомъ, что отъ Войцы они не получали никакихъ вѣстей.

«Вельможный мосце пане гетмане войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго, а нашъ вельце мосцивый пане и добродѣю. Въ наставшее время постнаго поприща намъ, всему войску низовому, пришло на мысль поздравить вельможность вашу съ постомъ святымъ четыредесятницей: дай, Христе Боже, вельможности вашей сей постъ святой въ добромъ здравіи и въ счастливомъ на многія лѣта панованіи проводить его, дабы Господь всемилостивый, при добромъ здоровьи, даровалъ вамъ должайшій вѣкъ для опоры вѣры христіанской, на страхъ и разореніе всѣмъ врагамъ и непріятелямъ креста Христова, на побѣду и утѣшеніе христіанъ, и дабы вы дождались святыхъ страстей его, а потомъ трехдневному воскресенію поклонились — того мы сердечно, по нашей искренней расположенности, желаемъ. Когда посланные съ листомъ вельможности вашей прибыли до Коша къ намъ цѣлы и невредимы, тогда мы, принявъ изъ рукъ ихъ листъ вельможности

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1638, св. 74, № 25.

вашей, сообразно обычаю нашему войсковому, въ посполитой радѣ публично его прочитали и уразумѣли, что вы, вельможность ваша, пишете намъ въ отвѣтъ на прежній нашъ листъ и на реляцію нашу, какую мы предъ симъ вельможности вашей писали. Съ посланными вельможности вашей мы посылаемъ и собственныхъ благоразумныхъ товарищей нашихъ, Власа, Костю и Моисея, съ листомъ о нуждахъ и потребностяхъ нашихъ. Прежде всего напомнимъ вельможности вашей о Переволочанскомъ той стороны перевозѣ. Этимъ перевозомъ жаловали насъ пресвѣтлые монархи наши за вашу вѣрную працу и службу, пишучи къ намъ въ поважныхъ монаршескихъ грамотахъ своихъ прошлою осенью за счастливаго рейментарства вашего, дабы съ него на наши низового войска нужныя потребности пожитки отбираемы были. Тогда и вельможность ваша, тому не переча, писалъ къ намъ, черезъ посланныхъ нашихъ, сдаваясь на волю войсковую нашу, чтобы мы, для отобрания доходовъ нашихъ, держали тамъ дозорцу нашего. Какъ и прежде писали мы вельможности вашей, желаемъ мы, чтобы на томъ трактѣ оставался дозорца, высланный отъ вельможности вашей, а причитающіеся намъ отъ того перевоза деньги, на каждый годъ по 12,000 рублей на Кошъ присылались. Такъ и теперъ мы до вельможности вашей пишемъ, вамъ подтверждая и напоминая, добродѣю нашему, дабы тотъ перевозъ нашъ, дарованный отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, ни въ чемъ не былъ нарушенъ, и денегъ на каждый годъ съ того перевоза намъ, войску низовому, дабы присылалось; теперъ же вельможность вашу просимъ прислать намъ съ ласки вашей на расходы войсковые наши выбранныя отъ прошлаго года деньги съ того перевоза. Но кромѣ того пресвѣтлые и премилосердые монархи наши отъ милостивыхъ щедротъ своихъ жалуютъ каждый годъ насъ, слугъ своихъ и вѣрныхъ подданныхъ, обыкновеннымъ своимъ každогоднымъ жалованьемъ и за вѣрную нашу имъ, великимъ государямъ, службу милостивымъ монаршимъ жалованьемъ насъ обсылаютъ. Такъ и вельможность ваша, какъ рейментаръ и настоящій опекунъ нашъ, изволь каждый разъ напоминать о томъ рочномъ жалованьи и о всѣхъ нашихъ недостаткахъ войсковыхъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ. А больше всего постарайся о томъ, чтобы намъ было такъ, какъ было за блаженной памяти отца ихъ, къ Богу отошедшаго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, за рейментарство славной памяти Ивана Брюховецкаго,

когда намъ, войску низовому, на каждаго челоуѣка присылалось по жупану да по двѣнадцати копѣ денегъ. Потомъ, по взятіи небожчика Брюховецкаго на тотъ свѣтъ, сколько послѣ него не было гетмановъ и рейментарей, то всѣ они на свой пожитокъ то жалованье обращали да и теперь обращаютъ. Мы просимъ вельможность вашу, какъ добродѣя нашего, не лишайте насъ, какъ слугъ своихъ, панской любви и зичливости вашей; окажите ваше усердіе и постарайтесь все то, что доходило намъ съ давнихъ временъ, испросить у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ. Какъ прежніе, отошедшіе къ Богу, великіе государи наши, отецъ ихъ превеликихъ государей, и братъ, содержали насъ, войско запорожское низовое, въ своей монаршей милосердой ласкѣ и призрѣніи, во всякихъ правахъ, свободахъ и вольностяхъ войсковыхъ, такъ и настоящіе государи наши, какъ содержатъ насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, такъ и впредь да будутъ насъ въ милости своей содержать и ласку свою монаршескую намъ во всякихъ желаніяхъ да оказываютъ, по старанію и ходатайству вельможности вашей, добродѣя и опекуна нашего. Въ этомъ мы и на будущее время имѣемъ надежду. Съ своей стороны, увидя такую ласку отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ и отъ вельможности вашей, мы будемъ готовы вѣрно и радѣтельно служить имъ, проливаячи потъ свой за ими Бога нашего на превысокую славу пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, на пожитокъ христіанству всему. Писали мы предъ ликъ вельможности вашей, дабы вы съ ласки панской вашей сообщили намъ, войску низовому, о замыслахъ своихъ военныхъ на предстоящее лѣто, ежели будете собираться на непріятеля креста Господня; и теперь о томъ покорно просимъ, чтобы вельможность ваша черезъ сихъ нашихъ посланныхъ отписали и обо всемъ объявили. А какъ просили мы вельможность вашу, чтобы вы для сторожи нѣсколько тысячъ намъ прислали, такъ и теперь покорно просимъ: изволь, вельможность ваша, какъ отецъ п опекунъ, о насъ, тебѣ вѣрныхъ слугъ, промыслити и намъ для сторожи нѣсколько тысячъ прислати, ибо, ваша панская милость, самъ добре знаешь, что мы, тутъ оставаясь, ни сѣмъ, ни оремъ, только отъ работы своей имѣемъ. Также объ арматахъ и о бубнахъ, какъ уже нѣсколько разъ писали, такъ и теперь наипокорно просимъ, чтобы вельможность ваша къ намъ на Кошъ нѣсколько штукъ арматъ и бубенъ безъ отказа прислали. Пишешь, вельможность ваша, до насъ, укоряя о невысылкѣ войска нами и

поставляешь всѣмъ намъ на видъ явный, что ты Войцу, асаула, съ немалою купою войска подъ Кызыкермень послалъ и черезъ него до насъ, войска низового, писалъ, высказывая желаніе, чтобы мы на славу пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, любовною згодою, либо подъ Кызыкермень, либо на другое мѣсто сообща съ тѣмъ войскомъ надъ непріятелями промыслъ попрацовали. Этого мы и сами очень хотѣли, да и время у насъ на то было. Но Богъ свидѣтель душамъ нашимъ, что никакими письмами мы не были извѣщены отъ пана асаула и въ тотъ часъ о томъ узнали, когда онъ городки тѣ (турецкіе) увидя, назадъ съ войскомъ повернулся. Очевидно, панъ Войца подобнымъ умысломъ хотѣлъ такъ поступити, дабы только ему одному, а не намъ, войску, досталась слава; однако, это иначе случилось, и лучше и для славы и для пожитка было-бъ, если-бы онъ далъ знать и намъ, войску низовому. Доложено въ листѣ вельможности вашей о пѣхотахъ и о компаньяхъ, дабы мы не показывали вражды имъ, но миловали по-братерски згоду, какъ люди одной породы, одной вѣры и однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ. Всѣ мы это хорошо знаемъ; но и то знаемъ, что хотя черезъ насъ больше працы и услуги пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ происходитъ, но къ намъ, войску, такой шаты, какъ имъ, не доходить—имъ каждый годъ по кафтану, по кожуху и по нѣскольку копъ грошей платять; о томъ мы имѣемъ скорбѣть немало. Такимъ образомъ, поручивъ вашему вниманію посланцевъ нашихъ и пожелавъ добраго здравія вельможности вашей, отдаемъ ласкъ вашей панской. Съ Коша марта 3, року 1688. Вельможности вашей, добродѣя нашего, всѣхъ бояръ щиро зичливый и въ услугѣ повольный слуга Григорій Сагайдачный, атаманъ кошовый войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 532—514.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царскій указъ о построеніи на рѣкѣ Самарѣ крѣпости Новобогородицкой.—Протестъ по этому поводу со стороны запорожскихъ козаковъ.—Письмо запорожцевъ къ гетману Ивану Мазепѣ въ Батуринѣ и дворинну Семену Москалю на островъ Кодакъ.—Просьба, отправленная запорожцами къ царю о нестроеніи на запорожской землѣ городовъ, и отвѣтъ на то запорожцамъ со стороны царей. Построеніе городовъ Новобогородицкаго и Новосергіевскаго.—Награда, данная Мазепѣ и генеральной малороссійской старшинѣ за построеніе крѣпостей.—Присылка запорожцамъ царскаго жалованья и благодарности за то отъ войска царя.—Посольство отъ кызыкерменскаго бая къ запорожскимъ козакамъ и волненія по тому поводу въ Запорожьѣ.—Ролиръ запорожцевъ съ татарами и походы ихъ на Нивъ къ турецкимъ городкамъ.

Возникшія пререканія между запорожскими козаками и гетманомъ Мазепой, на время было прекратившіяся, снова возобновились по поводу затѣяннаго московскимъ правительствомъ сооруженія русскихъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, у сѣверозападныхъ предѣловъ запорожскихъ вольностей. Сооруженіе самарскихъ крѣпостей взялъ на себя Мазепа уже въ самый день избранія его въ гетманы. По первоначальному плану Москвы такихъ крѣпостей должно было быть нѣсколько: въ царской грамотѣ на пожалованіе Мазепѣ гетманскаго уряда говорилось, чтобы онъ «для утѣсненія и для удержанія Крыма отъ нахождения поганскихъ ордъ на великороссійскіе и малороссійскіе украинные города, сдѣлалъ на сей сторонѣ Дябпра, противъ Кодака, шанецъ, а на рѣкѣ Самарѣ, на рѣчкѣ Орели и на устьяхъ рѣчекъ Берестовой и Корчика (Оричка) построилъ-бы города и населилъ-бы ихъ охочими малороссійскими людьми» ¹⁾. Однако, на первыхъ порахъ дѣло ограничилось пока построеніемъ двухъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ. Съ этою цѣлью, апрѣля 18 числа, 1688 года, гетману Мазепѣ, черезъ стольника Андрея Ивановича Лызлова, послана была царская грамота съ приказаніемъ собрать 20,000 человекъ войска малороссійскихъ козаковъ для строенія самарскихъ крѣпостей и для промысла надъ

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе; Москва, 1847, III, 8.

Брымомъ. Въ помощь гетману назначень былъ и воевода Григорій Пьяновичъ Косаговъ ¹⁾).

Со стороны московскаго правительства построение крѣпостей на границѣ Запорожья, кромѣ открытой цѣли имѣть постоянный базисъ для войны съ бусурманами, заключало въ себѣ и скрытую цѣль занять наблюдательный постъ въ виду поселеній запорожскихъ козаковъ и обезвредить дѣйствія ихъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, и совсѣмъ прибрать къ своимъ рукамъ. Запорожцы ясно видѣли, какую цѣль соединила Москва съ построеніемъ самарско-орельскихъ крѣпостей и стали на стражѣ своихъ собственныхъ интересовъ.

Первая вѣсть о приказаніи построенія на рѣкѣ Самарѣ городовъ дошла до запорожцевъ не отъ гетмана, а отъ ихъ посланца Филона Лихопоя, находившагося въ то время въ Москвѣ и отправленнаго туда за полученіемъ царскаго жалованья для войска. Запорожскіе козаки, узнавъ о такомъ распоряженіи московскаго правительства, поспѣшили написать (апрѣля 24 дня) листъ къ гетману Мазепѣ съ извѣщеніемъ, что ни кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, ни все войско запорожское низовое, верховое, днѣпровое, кошевое, будущее на дугахъ, на поляхъ, на паланкахъ, и на всѣхъ урочищахъ днѣпровыхъ и полевыхъ, со всѣмъ посольствомъ старшимъ и меньшимъ, не позволяютъ ставить никакихъ городовъ на рѣкѣ Самарѣ. Войско немало дивится прїѣзду на рѣку Самарь, отъ воеводы Леонтія Романовича Неплюева, дворянина Семена Григорьевича Москаля съ острова Кодака, гдѣ онъ оставленъ былъ послѣ перваго похода на Крымъ при «государскихъ» хлѣбныхъ и военныхъ запасахъ. Этотъ дворянинъ Семень Москаль, вмѣстѣ съ полтавскимъ хорунжимъ, явился неожиданно для запорожцевъ «въ лѣсную пищу и пасѣбу въкуйстую дѣдизную войсковую» и сталъ осматривать тамъ на Кильчени и на Самарѣ мѣста для сооруженія крѣпости. «На какомъ основаніи, какимъ способомъ, чьимъ совѣтомъ и поводомъ это дѣлается, мы немало тому дивимся: отъ вѣка въ вѣкуистой луцѣ нашей никто не ставилъ никакихъ городовъ; не было этого даже и тогда, когда мы находились подъ владѣніемъ пановъ отчизныхъ, ляховъ, которые не выпирали насъ изъ прадѣдны нашей и изъ пасѣки войсковой и никакихъ, кромѣ Кодака, не строили у насъ городовъ». Запорожцы просили гетмана Мазепу, какъ закон-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, св. 75, 76, 79. № 50, 72, 113

наго реѣментаря своего, заступитси за нихъ передъ великими государями и исплопотать царскій указъ о нестроениі никакихъ городовъ на рѣкѣ Самарѣ и тѣмъ «не вкорочатъ» имъ ихъ вольностей войсковыхъ, за что обѣщали «барзо и горячо» молити Господа Бога подать помощь богохранимымъ силамъ монаршимъ, также самому гетману вельможному, всѣмъ православнымъ людямъ и всѣмъ рыцарямъ христіанскимъ противъ «агарянь, непріятелей креста Господня», всѣ ихъ крѣпости въ ничто обратити, всю рѣку Днѣпръ отъ нихъ очистить и всѣ выходы, давніе козацкіе, проторити. Не за грунтъ, не за маетности и не за роскоши лутовия, а за вольности войсковыя, за превысокую славу монарховъ и за набитки людей посполитыхъ запорожцы всегда вѣрно великимъ государямъ служили. Да и теперъ они всегда «съ достоинствомъ груді свои подставляють, гѣловы свои молодецкія покладаютъ и нещадно кровь свою и потъ проливають не за что другое, не за какія-нибудь ужитки, а только за помянутыя вольности и за церкви божіи».

Посылая Мазепѣ этотъ листъ, запорожцы вмѣстѣ съ тѣмъ отправили къ нему одного татарскаго языка, пойманнаго подъ турецкимъ городкомъ, и напоминали гетману о недавней отправкѣ къ нему трехъ своихъ козаковъ съ изложеніемъ потребностей и нуждъ какъ самого войска, такъ и стоявшей въ ту пору запорожской сторожи на Низу: для своей сторожи запорожцы просили прислать двѣ тысячи рублей денегъ, потому что само войско, по своей бѣдности и по израсходованіи всѣхъ мѣдныхъ денегъ, находившихся въ скарбницѣ войсковой, не имѣло чѣмъ сторожѣ отъ себя заплатити ¹⁾).

Въ слѣдъ за посланнымъ письмомъ гетману Мазепѣ, запорожцы послали письмо на островъ Кодакъ дворянину Семену Григорьевичу Москалю съ тѣмъ-же извѣщеніемъ, что они ни въ коемъ случаѣ не позволяютъ строить на Самарѣ городовъ, хотя съ полнымъ самоотверженіемъ готовы воевать противъ невѣрныхъ и за имя Бога и за царя ²⁾).

Недовольствуясь письмами къ Мазепѣ и къ дворянину Москалю запорожцы, іюня 5 дня, отправили въ Москву посланцевъ со взятымъ ими татарскимъ языкомъ и черезъ нихъ заявили свою жалобу за построение самарскихъ крѣпостей самимъ государямъ и правительницѣ Софѣ Алексѣевнѣ.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 542—524.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 541—523.

Изъ Москвы на жалобу запорожскихъ козаковъ послана была, июня 14 дня, на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, царская грамота, въ которой говорилось, что гетманъ Мазепа вышелъ изъ Украины не для чего иного, какъ для похода противъ бусурманъ и строить самарскія крѣпости не противъ запорожцевъ, а противъ исконныхъ враговъ святого креста.

«Божією милостію отъ пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей, и наслѣдниковъ, и государей и обладателей нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Григорію Сагайдачному и всему будущему при тебѣ посольству наше царского величества милостивое слово.—Указали мы, великіе государя—ваше царское величество, ближнему нашему окольнічему и на, хѣстнику карачевскому Леонтыю Романовичу Неплюеву съ великороссійскими конными и пѣшими ратными многими людьми да вѣрному подданному нашему войска запорожского обоихъ сторонъ Дѣяира гетману Ивану Степановичу съ малороссійскими полками идти на нашу великихъ государей службу для промысла надъ непріятельскими крымскими людьми и подъ городки, подъ Кызыбермень и иные. Да имъ-же окольнічему нашему и воеводѣ и подданному нашему гетману, указали мы, великіе государя, за помощію божією и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы и за молитвами московскихъ и кіевопечерскихъ чудотворцевъ на рѣкѣ Самарѣ для наивящаго непріятелю утѣсенія и для защищенія отъ ихъ-же непріятельского приходу на великороссійскіе и малороссійскіе города, а паче защищая самихъ васъ, вашихъ царского величества подданныхъ въ Сѣчѣ живущихъ, построить городъ и быти тому городу для пристанища нашимъ царского величества ратнымъ людямъ и для склада всякихъ запасовъ впредь, дастъ Богъ, воинского на Крымъ походу. А нынѣ вамъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, вѣдомо учинилось, что у тебя, атамана и у всего войска низового, о томъ городовомъ строеніи нѣкое сомнѣніе быти имѣеть, будто-бы тѣмъ строеніемъ права и вольности ваши были нарушены и въ рыбныхъ ловляхъ, и въ пасѣкахъ, и въ звѣриныхъ добычахъ учинились убытки, о чемъ вы и къ подданному нашему, гетману, писали.

И мы, великіе государи, наше царское величество, васъ, атамана и все низовое войско, сею нашею царского величества грамотою милостивою обладеживаемъ, что вамъ, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполству, та на Самарь крѣпость въ тяготу и во отнятіе пожитковъ вашихъ ни чѣмъ быти не имѣеть и права ваши и вольности нарушены никогда не будутъ, а пасѣки и рыбныя ловли и всякую добычь на обычныхъ мѣстахъ имѣти-бѣ вамъ попрежнему безъ всякаго сомнѣнія, а обидимы ни отъ кого не будете; въ томъ-бы вамъ на нашу царского величества милость быти надежными; а когда по милости божіей у насъ великихъ государей, у нашего царского величества, нынѣшняя война съ крымскими людьми престанеть, и тогда въ той Самарской крѣпости нашъ царского величества указъ милостивый учиненъ вамъ будетъ. А то вышепомянутое городовое строеніе дѣлается не для иного чего, только для славы имени божія и на защищеніе великороссійскимъ и малороссійскимъ народамъ, а паче и самихъ васъ, отъ нашествія поганныхъ бусурманъ и для промысла надъ ними. И вамъ-бы, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполству, сей нашъ великихъ государей указъ вѣдать и намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, служить вѣрно и надъ общими всѣхъ христіанъ непріятелями, надъ турецкими и крымскими людьми, воинскій промыселъ, при помощи божіей, чинить обще съ нашими царского величества великороссійскими и малороссійскими ратьми, а съ крымскимъ ханомъ и съ турецкими городками не мириться и ни о чемъ съ ними не ссылатся; а служба ваша у насъ, великихъ государей, никогда забвенна и милость наша государская отъ васъ отъемлема не будетъ»¹⁾.

Одновременно съ царской грамотою отправленъ былъ къ запорожскимъ козакамъ и гетманскій листъ. Гетманъ, подобно царямъ, писалъ запорожцамъ, что возводимыя на Самарь крѣпости строятся по приказанію великихъ государей, перечить волѣ которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя, и что цѣль построенія этихъ крѣпостей не «утискъ и обида» для низового запорожскаго войска, а защита его и всего малороссійскаго народа отъ непріятелей. Письмо Мазепы отправлено было запорожскому войску черезъ козака Семена

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, іюня 14, св. 2, № 555—31. Копія этой грамоты въ малороссійскихъ дѣлахъ, св. 76, № 66; на послѣдней, въ концѣ, стоитъ помѣта: «Свидѣтельствовалъ войска запорожского низового войсковой писарь Иванъ Глоба».

Бергуна, который вмѣстѣ съ тѣмъ везъ кошевому атаману Григорію Сагайдачному подарокъ отъ гетмана въ тысячу червонцевъ. Отправляя своего посланца въ запорожскую Сичь, гетманъ Мазепа черезъ него же извѣщалъ козаковъ о предпринимаемомъ походѣ своемъ на самарскіе броды и о намѣреніи отъ Самары идти на Крымъ, а также о скоромъ прибытіи съ тою же цѣлю воеводы Григорія Косагова на Запорожье ¹⁾.

Послѣ всего этого запорожцамъ ничего другого не оставалось отвѣтить гетману, кромѣ того, что перечить волѣ государей они не смѣютъ ²⁾, и тогда гетманъ Мазепа успѣшилъ извѣстить о томъ царей черезъ особо посланное (іюня 23 дня) письмо въ Москву. Въ своемъ письмѣ Мазепа писалъ, что кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный съ покорностью явился на островъ Кодагъ и взялъ оттуда новыя пушки, присланныя изъ Москвы въ замѣнъ старыхъ для запорожскаго войска. Князю Василію Голицыну гетманъ Мазепа сообщилъ, независимо отъ письма къ царямъ, «о несопротивленіи запорожцевъ царской волѣ касательно построения крѣпости на рѣкѣ Самарѣ» ³⁾.

Затаивъ въ себѣ на время чувство недовольства за построение русскихъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, запорожскіе козаки перенесли свое вниманіе на ближайшихъ своихъ сосѣдей, турокъ и татаръ. Весной 1688 года куренные атаманы Кузьма Порывай да Иванъ Шумейко съ 15 товарищами отправились для воинскаго промысла изъ Сичи къ устью Днѣпра. Выйдя къ морю и миновавъ турецкіе городки, Порывай и Шумейко заняли тамъ наблюдательный постъ и оставались въ такомъ положеніи до Петрова дня. Наканунѣ самаго Петрова дня они узнали, что къ нимъ ѣхали еще три конныхъ козака съ шестью конями. Но объ этомъ провѣдалъ кызыверменскій бей и послалъ за ними «для взятія языка» на двухъ лошахъ турокъ, 35 человекъ. Посланные турки, отошедъ отъ Кызыверменя на 3 дня пути, остановились въ урочищѣ Кардашъ-Урманъ и пробыли тамъ 17 дней; на 18 день наѣхали къ нимъ на ставъ три конныхъ запорожскихъ козака, и турки немедленно обступили ихъ кругомъ. Но такъ какъ въ томъ мѣстѣ было болото, то турки могли схватить только одного козака съ шестью конями, а другіе

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, № 70, св. 76.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 62.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, св. 76, № 70—75, подл. мал. акты, № 541—560, 512—561.

два ушли въ болото и «оттопились» отъ своихъ преслѣдователей. Захваченнаго въ плѣнъ козака турки послали въ городъ Кызыкермень лодкой, а взятыхъ при немъ шесть головъ коней отправили туда-же полемъ съ двумя турками, между коими былъ Ахметъ-Рамазановъ изъ Кемлова. Но когда турки, шедшіе полемъ, отошли всего лишь на три часа пути отъ урочища Кардашъ-Урмана, то на нихъ наскочили козаки, стоявшіе при устьѣ Днѣпра, отбили всѣхъ коней у нихъ, захватили въ полонъ турчина Ахметъ Рамазанова и съ этой добычей поспѣшили въ Сичь ¹⁾).

Въ Сичи бывшій на ту пору кошевой атаманъ Филонъ Лихопой далъ Кузьмѣ Порываю и Ивавѣ Шумейку свой листъ и отпустилъ ихъ съ четырьмя товарищами къ гетману Мазепѣ, выѣхавшему въ то время на рѣку Самару въ виду постройки на ней московскаго городка. Кошевой просилъ гетмана наградить посланныхъ козаковъ «за ихъ вѣрные труды» и отправить къ великимъ государямъ въ Москву. Мазепа, принявъ іюля 20 дня, Кузьму Порывая и Ивана Шумейка и разспросивъ ихъ обо всемъ случившемся съ ними на устьѣ Днѣпра, отпустилъ ихъ, въ числѣ семи человекъ ²⁾, послѣ совѣта съ воеводой Неплюевымъ, въ Москву.

Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко прибыли въ Москву августа 10 дня, были у царской руки и, рассказавъ тамъ о бывшемъ дѣлѣ на устьѣ Днѣпра, прибавили къ тому нѣсколько вѣстей о крымскомъ ханѣ, польскомъ королѣ, запорожскомъ войскѣ и о дѣйствіи русскихъ строителей крѣпости на рѣкѣ Самарѣ. Крымскій ханъ, по ихъ словамъ, находился въ Крыму; польскій король стоялъ на Глиняномъ полѣ; запорожскіе козаки—въ розмирьи съ турками, а русскіе люди—при постройкѣ крѣпости на Самарѣ рѣкѣ: «Какъ были они на Самарѣ рѣкѣ, то при нихъ городской стѣны сдѣлано было въ вышину человека въ два. А что городъ тутъ построенъ, то имъ отъ того утѣшенія никакого въ томъ нѣтъ и о томъ (они) благодарятъ Господа Бога».

Въ Москвѣ пожелали отобрать свѣдѣнія и у самого турчина Ахмета Рамазанова. Къ сказанному козаками Ахметъ Рамазановъ прибавилъ вѣсти о калгѣ-салтавѣ, который, по его словамъ, воротившись изъ Венгріи, стоялъ за Бугомъ, надъ Делигуломъ, выше Кочубеева (теперь Одессы), съ сорока или тридцатью тысячами человекъ

¹⁾ Другой турчинъ успѣлъ уйти и скрыться въ болотѣ.

²⁾ Между ними были: Степанъ Ивановъ, Василь Буденко, Семень Кращенко, Кирилль Бобренко и писарь Гришко.

орды татаръ калга-салтанъ имѣлъ приказъ отъ хана оберегать Крымъ и турскіе на Днѣпрѣ городки отъ христіанскихъ войскъ. Самому хану отъ турецкаго султана было извѣщено, чтобы онъ не надѣялся на помощь отъ него и самолично защищалъ Крымъ отъ враговъ. Турецкій султанъ съ везиремъ живетъ въ Царьградѣ, а султанскіи войска съ сераскерь-пашой стоятъ въ Бабѣ. Въ городѣ Кызыкерменѣ находится не больше 1.000 человекъ «всякихъ чиновъ людей», остальные, вслѣдствіе голода, разбѣжались еще въ прошломъ году, и хотя въ Кызыкермень прислано изъ Царьграда 20 съ хлѣбомъ струговъ, но того хлѣба не станеть и на полмѣсяца жителямъ городка. Объ Уразѣ-мурзѣ и его бѣлогородской ордѣ слышно то, что съ ними польскіе сенаторы чинятъ договоръ, чтобы сдѣлать раздѣльнныя съ той и другой стороны. А съ запорожцами у турокъ никакихъ пересылокъ нѣтъ ¹⁾.

Не успѣли Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко отъѣхать изъ Москвы, какъ тутъ-же явились новые отъ запорожскаго войска посланцы, куренные атаманы Иванъ Лотва и Макаръ Донской съ товарищами.

Причина ихъ пріѣзда въ Москву была такова. Гетманъ Иванъ Мазепа и воевода Леонтій Неплюевъ, стоя таборами на рѣчкѣ Кильчени, получили извѣстіе отъ какихъ-то людей, будто-бы «запорожцы взяли себѣ намѣреніе учинитися упорными противъ монаршескаго указа и учинили перемиріе съ крымскимъ ханомъ и съ турецкими городками». Желая провѣрить это извѣстіе на мѣстѣ, гетманъ Мазепа и воевода Неплюевъ отправили, іюля 11 дня, въ Запорожье нарочныхъ посланныхъ съ увѣщательными письмами къ низовымъ козакамъ. Запорожцы, прочитавъ тѣ письма, стали «выговариваться изъ такового обоганія» и сперва написали о томъ гетману и воеводѣ письмо; а потомъ послали двухъ своихъ куренныхъ атамановъ, Ивану Лотву да Макара Донскаго съ шестью-десятью товарищами, выбранныхъ всѣмъ войскомъ ²⁾. Они «крѣпко обязывались, что у нихъ никакой противной мысли не бывало, и обѣщались, что они, какъ на вѣчное подданство великимъ государямъ, святой крестъ цѣловали, такъ вѣрно до скончанія житія своего пресвѣтлѣйшимъ монархамъ своимъ служить имѣють, а тѣхъ обогателей, которые, ихъ въ должности надлежащей неистовствіи ославляли,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688. св. 78, № 88.

²⁾ Между ними были: Зима, Микитинъ, Яковенко, Хведоренко, Мартыненко, Петровъ, Кононенко, Лукьяненко, Руденко, Барлитенко, Жданенко.

просили гетмана наказать жестоких и не заіемъ». Правда, запорожцы получили листъ отъ кызыкерменскаго беглербея, но тотъ, листъ доставилъ имъ толмачъ немировскаго гетмана Могилы и касался онъ исключительно вопроса о размѣнѣ плѣнныхъ. Толмачъ былъ посланъ господиномъ Моголою для окула невольниковъ и ходилъ съ тою цѣлью по Бѣлогородчинѣ и по всему Крыму и оттуда отпущенъ былъ на запорожскій Кошъ съ письмомъ къ запорожскому войску отъ кызыкерменскаго бея. Въ этомъ письмѣ бей ставилъ на видъ низовому войску то, что еще въ прошломъ году онъ отпустилъ «на совѣсть» въ Сичу четырехъ человекъ запорожскихъ невольниковъ, Шоха, Яцка Молчаненка, Еська Стряпченка и одного стараго человѣка, да въ текущемъ году козака незамайковскаго куреня Степана Кулька. Изъ этихъ козаковъ кто обѣщаль за себя уплатить хлѣбомъ, кто людьми—татарами, кто талерами, но и до сихъ поръ, однако, никто изъ нихъ не далъ окупа за себя: Шохъ обѣщаль двѣ бочки муки и одну бочку пшена; Молчаненко обѣщаль вернуть за себя турчина, взятаго въ двухъ суднахъ на рѣкѣ Днѣпрѣ; Стряпченко учинилъ присягу своему хозяину турецкаго полоняника за себя прислать; Степанъ Кулька обѣщаль уплатить 150 талеровъ за свободу свою; а за стараго козака—полоняника товарищи его обѣщали 8 бочекъ муки прислать, но ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ вполнѣ обѣщанія своего. Напротивъ того, Яцко Молчаненко, явившись въ Кошъ къ бывшему тогда кошевому атаману Григорію Сагайдачному, занесъ на кызыкерменскаго бея жалобу, и когда послѣ того турецкіе люди пріѣхали въ Сичъ, то кошевой атаманъ приказаль взять для Яцка Молчаненка на 40 талеровъ товару у нихъ и черезъ тѣхъ же купцовъ велѣлъ къ самому бею отписать, чтобъ его люди впредь не смѣли ѣздить въ Сичъ. Поэтому кызыкерменскій бей новаго кошевого атамана Филона Лихопоя просилъ приказать веѣмъ названнымъ четверемъ козакамъ, выпущеннымъ «на совѣсть» изъ полона въ Сичъ, весь обѣщанный ими выкупъ полностью уплатить, за что, въ свою очередь, обѣщаль промышлять о томъ, чтобы другимъ запорожскимъ невольникамъ по откупу свободу дать. «А Игнатій Яцко взялъ у нашего человѣка торгомъ нѣсколько кожуховъ и новыхъ товаровъ и тѣ вели заплатитъ, и если какой-нибудь нашъ полоняникъ пообѣщаетъ выкупъ за себя, отпусти его на совѣсть къ намъ, и я велю обѣщанный имъ выкупъ заплатитъ» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

Для полного оправданія себя передъ гетманомъ Мазепою кошевой атаманъ Филонъ Лихопой отправилъ ему и самое письмо, которое прислалъ кызыкгерменскій бей.

Послѣ этого гетманъ Мазепа, убѣжденный доводами запорожскихъ козаковъ относительно неизмѣнной вѣрности ихъ московскимъ царямъ, принялъ съ лаской посланцевъ ихъ Ивана Лотву да Макара Донского съ ихъ товарищами и, выбравъ изъ нихъ «лучшихъ 10 человекъ»¹⁾, отправилъ всѣхъ съ письмомъ къ великимъ государямъ и къ князю Василию Голицыну въ Москву. Иванъ Лотва и Макаръ Донской прибыли въ Москву августа 10 числа, когда въ ней находились еще Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко.

Тѣ и другіе запорожскіе посланцы были милостиво приняты въ Москвѣ, получили тамъ обыкновенное царское жалованье, кромѣ того особо, ради праздника Успенія пресвятой Богородицы, праздничное жалованье, и отпущены были на Сичь.

Вмѣстѣ съ ними посланы были двѣ царскія грамоты, къ гетману Ивану Мазепѣ и къ кошевому Филону Лихопою. Въ грамотѣ къ кошевому атаману Лихопою запорожцы похвалялись за вѣрную великимъ государямъ службу и извѣщались вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что имъ, по челобитью гетмана Ивана Степановича Мазепы, черезъ особо присланныхъ изъ Сичи запорожскихъ козаковъ, Якова Костенка и товарищей его, отправлено, августа 14 дня, обыкновенное и прибавочное жалованье на Копь. Зато войско запорожское должно вѣрно и радѣтельно великимъ государямъ служить, всякій воинскій промыслъ надъ непріятелями креста Господня чинить, всякія о немъ свѣдѣнія гетману Ивану Степановичу Мазепѣ доставлять, въ совѣтѣ и въ послушаніи по прежнему обыкновенію съ нимъ быть²⁾.

Августа 17 дня всѣ запорожскіе посланцы, какъ Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко, такъ Иванъ Лотва, Макаръ Донской и Яковъ Костенко, оставили Москву и направились на Тулу и оттуда на малороссійскіе города. При этомъ Костенку съ товарищами отпущено было 40 подводъ, Лотвѣ съ товарищами 8, Порываю съ товарищами 5 подводъ. Подарковъ атаманамъ дано на человѣка по шести рублей, по суну аглинскому, по тафтѣ, по парѣ соболей

¹⁾ Остальныхъ 50 человекъ гетманъ, уплативъ имъ изъ войсковой казны, отослалъ въ Сичу назадъ.

²⁾ Архивъ имп. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1688. св. 78, № 88.

въ два рубля каждая пара; кромѣ того, поденнаго корма на дорогу, Особо вѣльно было послать оставшимся въ городахъ малороссійскихъ запорожскимъ атаманамъ по сукну анбургскому, мѣрою полпята аршина ¹⁾).

Пока названные запорожскіе посланцы успѣли доѣхать изъ Сичи въ Москву и вернуться изъ Москвы въ Сичь, тѣмъ временемъ началась постройка городка на рѣкѣ Самарѣ, столь желательная для Москвы и столь же нежелательная для запорожскаго войска. Главная крѣпость основана была «на русской сторонѣ рѣки, оподаль отъ Днѣпра» ²⁾. Она заложена была весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, и «совершенное воспріяла бытіе свое въ первыхъ числахъ августа», 1688 года. Строителемъ ея былъ инженеръ-полковникъ («нѣмчичъ») фонъ-Заленъ («Фонзалинъ»), присланный для той цѣли на Самарь изъ Москвы. Непосредственными начальниками при постройкѣ были: гетманъ Иванъ Мазепа, воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ и Григорій Ивановичъ Косаговъ. Внутри крѣпости сооружена была деревянная, во имя пресвятой Богородицы, церковь, заложена апрѣля 23 дня, въ пятницу на Святой недѣлѣ, на праздникъ живоноснаго источника, освященная августа 1 дня. Отъ этой церкви и самая крѣпость названа была Новобогородицею. Кромѣ церкви въ крѣпости были возведены и другія зданія: дворъ для воеводы, 260 просторныхъ съ сѣнями избъ, въ томъ числѣ одна изба приказная и три избы воеводскія, изъ коихъ нѣкоторыя были перевезены въ крѣпость съ острова Кодака; 2 пороховыхъ погреба, 1 ледникъ и 1 баня, рубленные; 17 раскатовъ пшечныхъ по городу; 17 для полковыхъ припасовъ сараевъ плетеныхъ, въ томъ числѣ три сарая изъ байдачныхъ досокъ; 7 дворовъ съ шестью избами (въ томъ числѣ двѣ свѣтлицы) гетмана Мазепы, генеральной малороссійской старшины и полковниковъ «для хлѣбныхъ опрятовъ». Строителями всѣхъ этихъ зданій были люди полковъ Косагова, Неплюева, царскіе стрѣльцы и малороссійскіе Гетмана Мазепы козаки. Съ наружной стороны крѣпости назначенъ былъ инженеръ-полковникомъ особый посадъ и вокругъ посада сдѣлана была валовая крѣпость съ семнадцатью выводами; кругомъ валовой крѣпости выкопанъ былъ ровъ шириною съ одной стороны, отъ поля, полтретьи, съ другой 1½ сажени, глубиною отъ

¹⁾ Архивъ мн. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 61.

рѣки Самары 1½ сажени и столько-же съ другой стороны: на проѣздахъ этой крѣпости подѣланы были рвы мощенные; черезъ рвы наброшены мосты съ надолбами, а внизу сваи вбиты деревянные. Кругомъ та крѣпость валовая имѣла 1641 сажень. Самый городъ вокругъ имѣлъ земляного окопу 600 сажень, въ подошвѣ 18 сажень; высота его валовъ до щита заключала въ себѣ 2 сажени; высота щита извнѣ ½ сажени, изнутри 1 сажень, глубина рва—3 сажени ¹⁾.

Въ крѣпость назначенъ былъ воевода и цѣлый штатъ служилыхъ лицъ при немъ: дьякъ, подъячій, аптекаръ съ лѣкарствами, голова, цѣловальникъ на кружечный дворъ и струговые мастера. Число войска по росписи должно было быть: рейтаръ, копейщиковъ и солдатъ 4.491 человекъ, но на лицо состояло 4.014 человекъ. Всѣмъ рейтарамъ, копейщикамъ и солдатамъ назначено было опредѣленное денежное и хлѣбное жалованье (рожь, мука, сухари, рыбій жиръ, пшено, соль, овсяная мука или толокно, крупа гречневая), которое перевезено было въ крѣпость частію изъ Кіева, а большею частію съ острова Кодака ²⁾.

Посадъ крѣпости былъ заселенъ великороссійскими и малороссійскими поселенцами. Поселенцамъ велѣно было садиться за валомъ на посадъ съ правомъ торговать разными товарами, медомъ и водкой въ кабакъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года здѣсь поселена была тысяча семействъ изъ разныхъ малороссійскихъ полковъ; а въ октябрѣ мѣсяцѣ одинъ изъ обывателей крѣпости доставилъ въ Москву къ царскому столу въ подарокъ «виноградъ въ патокъ». Какъ ратнымъ людямъ, такъ и поселенцамъ предписано было, особою царскою грамотой, не причинять никакихъ обидъ и утѣсеній кодачанамъ, севрюкамъ и запорожцамъ, если они пожелаютъ завести поселки вверхъ и внизъ по рѣкѣ Самарѣ ради промысловъ, охранять ихъ пасѣки и не мѣшать ихъ промысламъ ³⁾.

Воеводой крѣпости опредѣленъ былъ сперва Константинъ Маліевъ, но гетманъ Мазепа нашелъ Маліева слишкомъ тихимъ человекомъ («онъ человекъ есть въ словѣ зѣло тихъ») и потому временно сдать крѣпость думному дворянину Григорію Ивановичу Косагову,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты 1688-1689, св. 77, № 86; Собраніе госуд. грам. и догов. IV, 605; Величко, Лѣтопись, III, 61.

²⁾ Роспись того и другого см. въ означенныхъ малорос. актахъ.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1688, св. 77, № 86.

котораго потомъ послѣдовательно смѣнили Иванъ Федоровичъ Во-
лынскій ¹⁾ и дьякъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій ²⁾.

Кромѣ возведенной крѣпости гетманъ Мазепа проектировалъ
построить еще другую при устьѣ рѣчки Быка, падающей въ рѣку
Самару. «То мѣсто смежно съ шляхами, которыми ходятъ бусур-
мане-татары подъ города царскаго величества и если посадить въ
ту крѣпость людей, то отъ той сторожи никто не могъ бы скрыться
и пробраться тайно въ города» ³⁾.

По окончаніи работъ присланъ былъ для осмотра города «знат-
ный посланный царскій», стольникъ Борисъ Васильевичъ Головинъ
съ похвальной грамотой и съ наградами Мазепѣ, малороссійской
старшинѣ и полковникамъ ⁴⁾. Гетманъ Мазепа получилъ «много-
цѣнный» подарокъ «кафтанъ байберекъ золотой съ пуговицами и
алмазами» и 800 рублей денегъ ⁵⁾, а старшина и полковники были
одарены атласами («объирами»), камками («байбереками») и собо-
лями ⁶⁾.

Гетманъ, получивъ «дорогоцѣнный» подарокъ, выразилъ князю
Голицыну свою глубокую благодарность и обѣщалъ вѣрно слу-
жить и всякаго добра желать великимъ государямъ, не щадя
здоровья своего, «до тѣхъ поръ, пока будетъ духъ въ тѣлѣ его».
«А дѣло (построеніе крѣпостей), которое въ прошломъ году намъ
на статейныхъ выпискахъ, ваша княжеская вельможность, изво-
лѣтъ подать, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ первыхъ числахъ августа
совершенное воспріяло бытіе; это богоугодное дѣло, то-есть по-
строеніе на Самарѣ крѣпости, сдѣлано не только къ расширенію
государской державы и къ умноженію монаршеской на весь міръ
славы, на страхъ и утѣшеніе бусурманъ, на защищеніе и оборону
христіанско-православнаго народа, но и на крѣпкій выuzданный
своеволи непостоянныхъ людей мунштукъ» ⁷⁾.

По окончаніи построенія крѣпости гетманъ Мазепа и околь-

¹⁾ У Костомарова (Мазепа, 1885, 16) вмѣсто Волынскаго названъ почему-
то воеводой Волконскій; во всѣхъ современныхъ актахъ онъ называется
Волынскимъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1689, № 86 и 87.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. акты, 1688, св. 77, № 86.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись. Кіевъ, 1855, III, 61.

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 17.

⁶⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. акты 1688, св. 77, № 86.

⁷⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 77, № 86.

ничій Неплюевъ развѣхались во-свои—первый въ Батуринь, второй въ городъ Сѣвскъ ¹⁾).

Вынужденные противъ воли признать необходимость построения крѣпости на рѣкѣ Самарѣ, запорожцы не переставали, однако, высказывать свое неудовольствіе по этому поводу и вскорѣ послѣ окончанія построенія города написали гетману Мазепѣ письмо съ укоризной за появленіе въ запорожскихъ вольностяхъ московской крѣпости, за бездѣятельность его въ отношеніи враговъ православной вѣры, бусурманъ, за удержаніе у себя слѣдующихъ войску запорожскому хлѣбныхъ запасовъ и за недопущеніе въ Сичь малороссійскихъ ватажниковъ съ разными продуктами.

«Уже раньше этого мы писали черезъ батуринскаго сотника Дмитрія Нестеренка къ вашей вельможности, сообщая вамъ о слѣдующемъ: мы ожидали отъ вашей милости, что, изготовивши полки вашего регимента, вы со всеми вашими городскими войсками и полками, учините настоящимъ лѣтомъ мужественный съ непріятелямъ бой; но нынѣ видимъ, что то войско стоитъ даромъ и собрано оно только для основанія города, да и городъ такъ разумѣемъ, какъ нужно, что онъ не особенно нуженъ и не для чего его было тамъ строить, развѣ только для убытка, удержанія и умаленія намъ, войску, а не для убытка и ущерба непріятеля. И было-бы достойнѣе вашей вельможности, если-бы вы, какъ мы писали, вмѣстѣ съ монаршескими силами, предприняли войну и пошли на непріятеля креста святаго и, разбивъ укрѣпленные городки и замки его, въ тѣхъ готовыхъ городкахъ владѣніе свое установили. Тогда-бы славнѣе была-бы и наша жизнь, и всего народа христіанскаго малороссійскаго утвердилось-бы житіе, слава въ сосѣднихъ государствахъ и монархіяхъ возрасла-бы. А непріятель, види то, принужденъ былъ-бы падать духомъ, чрезъ что всѣ давнія казацкія стежки и дороги водянымъ путемъ были-бы протоптаны, непріятелямъ была-бы немалая досада и утѣсеніе. Тогда-бы мы имѣли въ Бозѣ такую надежду, что силы непріятельскія не могутъ устоять противъ войскъ монаршескихъ... А какъ раньше писали мы относительно ватагъ и людей торговыхъ, что зѣло тому удивляемся и крѣпко на то жалуемся, ничего не зная, ради какихъ причинъ въ теченіе всего лѣта не пропускаютъ ни къ намъ

¹⁾ Архивъ мѣст. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1683, св. 77, № 86.

ватаги и торговых людей, ни отъ насъ никого изъ козаковъ, такъ что добывши рыбу, намъ некому ее и продать. И подлинно уже въ теченіе трехъ лѣтъ мы въ такомъ положеніи. А ваша вельможность, ставъ на собинномъ урядѣ гетманомъ, уже въ то время обещали войску быть намъ желательнымъ всегда и надлежаще удовлетворить насъ, ватаги къ намъ пропускать, борошно въ обыкновенное время давать; однако, вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ борошна намъ нѣтъ; о другихъ неприятностяхъ мы и не упоминаемъ, — о томъ вѣдаетъ только Богъ. Чего ради нынѣ изволь, ваша вельможность, приказать, чтобы къ намъ были пропускаемы и на перевозахъ не были задерживаемы ни ватаги, ни общіе охотники; объ этомъ мы всѣ тебя, какъ региментаря, просимъ: не изволь забывать насъ, какъ истинныхъ слугъ своихъ. Подлинныхъ вѣстей о поведеніи неприятельскомъ послѣдняго времени мы никакихъ не имѣемъ; только выходцы передаютъ, что часть орды, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ салтанами пошла подъ слободы или подъ Каменецъ-Подольскій—точно не знаемъ. Подавъ милость и разсужденіе обо всемъ, предаемся съ нижайшимъ поклономъ. Съ Ксша августа въ 24 день 1688 года. Вельможности вашей, благодѣтели нашего, всего блага истинно желательные и къ службѣ готовые Хвилонко Лихопой, атаманъ кошевый войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ ¹⁾).

Въ болѣе рѣзкой формѣ выразили запорожцы свое негодованіе по поводу построенія Новобогородицкой крѣпости въ письмѣ къ воеводѣ Григорію Косагову. По отходѣ изъ Новобогородицка гетмана Мазепы и воеводы Неплюева въ крѣпости оставленъ былъ съ войскомъ воевода Григорій Косаговъ и ему приказано было отъ царей и гетмана Мазепы отправить въ Сичь посланцевъ и черезъ нихъ объявить запорожскому войску о намѣреніи совместнаго съ запорожцами чиненія воинскихъ промысловъ противъ неприятелей. На такое заявленіе кошевой атаманъ Филонъ Лихопой со всѣмъ товариствомъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ послалъ воеводѣ письмо, исполненное жестокихъ укориствъ за отнятіе у войска привольевъ на рѣкѣ Самарѣ.

«Листъ вашъ, который вы прислали къ намъ сентябрю 12 дня черезъ вашихъ посланныхъ, мы получили. Въ этомъ листу вы изъ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 77, № 86.

вѣщаете насъ о томъ, что, по указу государскому, по отшествіи къ городамъ околыничаго Леонтія Романовича Неплюева и его милости господина гетмана, ваша милость оставлены въ томъ новомъ городѣ съ войсками для промысла противъ хана и его ордъ. Но вы во всѣхъ вашихъ листахъ пишете объ этомъ, толкуя только на словахъ, а не на дѣлѣ о промыслѣ, тогда какъ вамъ тою войною совсѣмъ не для чего хвалиться и писать объ ней, точно мы ничего того не знаемъ. А мы хорошо знаемъ, что не черезъ кого иного, только черезъ совѣтъ вашъ и пуца наша вѣковѣчная и пашка разорена, а городъ тотъ, который теперь построенъ, вовсе не есть то городъ, а одинъ учиненный смѣхъ. Вы оглянитесь только назадъ, и увидите, что всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ лишить насъ нашихъ вольностей и умалить нашу войсковую честь, всѣхъ тѣхъ встрѣтила хула и пагуба. Остерегайтесь же, чтобы и васъ не постигло то же, что постигло бывшаго гетмана. Какъ тогда было наказаніе отъ Господа Бога, такъ и теперь Господь Богъ все то взыщетъ на душахъ вашихъ. И вы не старайтесь причинять обиды и притѣсненія товариству ни тѣмъ, которые въ Кодацкой крѣпости, ни тѣмъ, которые въ Самарѣ»¹⁾).

Въ виду предстоявшей борьбы русскихъ съ бусурманами и въ виду трудности самаго дѣла и гетману Мазепѣ, и воеводѣ Косагову ничего не оставалось дѣлать, какъ держать себя на мирной ногѣ въ отношеніи запорожскихъ козаковъ и отвѣчать имъ на ихъ письма въ добромъ и успокоительномъ тонѣ.

Сентября 12 дня гетманъ Мазепа послалъ запорожцамъ длинное письмо и, называя ихъ «милыми пріятелями и братіями» сообщалъ имъ о томъ, что великіе государи какъ хранили раньше, такъ и всегда хранятъ запорожское войско въ милостивомъ прирѣніи и, по челобитью войска, а по прилежному прошенію гетмана, повелѣли выдать козакамъ монаршеское годовое жалованье «съ прибавочнымъ своимъ милостивымъ дарованіемъ». Это жалованье, по монаршему указу, велѣно было послать черезъ «знатную особу» изъ полка думнаго дворянина Григорія Ивановича Косагова; по особенному-же къ запорожцамъ вниманію гетманъ, ради сохранения и цѣлости казны той, отправилъ отъ себя батуринскаго сотника Нестеренка. Гетманъ надѣется, что «добрые молодцы», принявъ то милостивое жалованье, отдадутъ великимъ государямъ

¹⁾ Архивъ мнн. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 77, № 86.

«покорное» челобитие и покажутъ себя достойными царской награды: «Такъ какъ чинъ вашъ рыцарскій не для чего иного, какъ только для творенія надъ непріятелями креста святого военнаго промысла, и то вамъ утѣха и похвала, что вы бусурманъ непріятелей побѣждаете и тѣмъ намъ, наслѣдникамъ своимъ, чуть-ли не на весь свѣтъ ими доброе стяжаете, то не пренебрежите, ради дѣлъ рыцарскихъ, сколько Богъ подастъ вамъ силы и помощи, и чините надъ непріятелемъ радѣніе... Да и мы, гетманъ, при богохранимыхъ монаршескихъ силахъ, гулять не будемъ, станемъ поступать сообразно нашей должности, не будемъ щадить трудовъ и работы надъ тѣми всего христіанства непріятелями. И въ этомъ, ваша милость, всё будьте совершенно надежны, потому что, хотя пресвѣтлые монархи наши нынѣшнимъ лѣтомъ всѣхъ своихъ силъ на войну противъ непріятелей, кромѣ нѣсколькихъ полковъ, и не выводили, однако на будущее время они не оставятъ того намѣренія, которое уже предпринято» ¹⁾).

Царское жалованье «отпущено» было изъ Батурина сентябри 10 дня съ подъячимъ Андреемъ Щоголевымъ и сотникомъ Димитріемъ Нестеренкомъ и отправлено было «безъ всякаго нарушенія» сперва въ Новобогородицкую крѣпость къ воеводѣ Григорию Косагову, а отъ Косагова съ усиленнымъ конвоемъ доставлено было въ запорожскую Сичу. Запорожцы выразили большую благодарность великимъ государямъ за милостивое жалованье и обѣщали «вѣрно при надлежащей стачечности царскому пресвѣтлому величеству служить и послушными гетману быть» ²⁾).

Выражая за присланное жалованье благодарность царямъ, запорожцы при всемъ томъ, вопреки требованію гетмана Мазепы, рѣшительно отказались сноситься съ воеводой Косаговымъ и доставлять ему всякія вѣсти о замыслахъ бусурманъ. Такое, по ихъ выраженію, неподобное дѣло невозможно было по двумъ причинамъ: по очень большому разстоянію и по очень большому опасенію отъ рыскающихъ вездѣ непріятелей. Запорожцы находили, что такъ какъ воевода имѣетъ царскій указъ идти къ Перекопу, то лучше всего ему послѣдовать сообразно указу и идти на непріятелей походомъ. Тогда и запорожцы съ большой охотой пойдутъ не только къ Перекопу, но и къ самому Крыму. Но только въ на-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—567.

жреніи Косагова они имѣють большое сомнѣніе, и хотя-бы дѣйствительно оказалась большая надобность въ походѣ, то воевода найдетъ причину отговориться отъ такого дѣла. По этому лучше было-бы, если-бы самъ гетманъ прислалъ запорожцамъ нѣсколько тысячъ собственныхъ козаковъ; тогда запорожцы могли-бы въ началѣ зимы пойти и подѣ Перекопъ, и подѣ турецкіе городки или въ другія, гдѣ случай указалъ-бы, мѣста. «И если, вельможность ваша, на прошеніе наше такъ учините, и то дѣло будетъ пристойнѣйшее и подлиннѣйшее и у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ будетъ намъ съ похвалою. А что пишете къ намъ о запасахъ, которые къ намъ всегда на подводахъ присланы были какъ при бывшемъ гетманѣ, такъ и нынѣ изволь, вельможность ваша, приказать къ намъ на Кошъ привезти; а чтобъ мы имѣли изъ Коша тѣ запасы отыскивать, то неподобное дѣло» ¹⁾.

За столъ «угодное великимъ государямъ обѣщаніе» со стороны запорожцевъ вѣрно служить царскому величеству, цари приказали послать имъ похвальную грамоту черезъ посланца Лотву съ товарищами. Съ своей стороны гетманъ «зѣло похвалялъ запорожскихъ молодцовъ» и увѣщалъ ихъ всегда быть вѣрными Москвѣ. Что-же касается упрека, который запорожцы сдѣлали гетману за то, что онъ не шелъ, обще съ окольничимъ и воеводой Неплюевымъ, разорять турецкіе городки, то это сдѣлали запорожцы не по праву и не къ лицу: «И то вы пишете непристойно: когда пресвѣтлѣйшіе монархи наши премудро разсмотрительнымъ своимъ разумомъ вѣдаютъ, какимъ порядкомъ и въ какую пору преобладающія силы свои къ добыванію крѣпостей посылать, и вѣдаютъ, въ какую пору отъ того удержати, то они, пресвѣтлѣйшіе монархи, преобладающіе суть направители войны и мира, а мы, подданные, должны есмы слѣдовати ихъ монаршеской волѣ». А что до того, будто-бы гетманъ оказываетъ слишкомъ мало запорожцамъ ласки, то это запорожцы совсѣмъ напрасно говорятъ. Напротивъ того, гетманъ, чему можетъ быть свидѣтелемъ весь малороссійскій народъ, всегда и хлѣбомъ и солью, и добрымъ принятіемъ, и денежными подарками, и разными гостинцами, посылаемыми на Кошъ, оказывалъ склонность запорожскимъ козакамъ. Да и то неправда, будто-бы гетманъ запрещалъ ватагамъ съ запасами изъ Украйны въ Запорожье ходить: того у него не было и въ умѣ; днѣпровые побереж-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

ники могутъ сами подтвердить, что такого запрета ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ дѣтѣ не было и быть не могло. Было лишь запрещеніе не ѣздить, вслѣдствіе опасности отъ набѣговъ татаръ, по соль на рѣку Берду. Въ виду стеченія большихъ войскъ на Самарѣ-рѣкѣ сами ватажане избѣгали идти съ продажными запасами въ запорожскую Сичь и предпочитали, гдѣ поближе, свои запасы продать, чтобы и деньги тотъ-же часъ взять и всякой опасности избѣжать. Что-же касается хлѣбныхъ запасовъ, пожалованныхъ государями запорожскимъ козакамъ, то они, какъ уже и раньше писано о томъ, вслѣдствіе занятія военными переходами украинскихъ людей, не могутъ быть доставлены въ Сичь, а будутъ привезены въ крѣпость Кодакъ и изъ Кодака своевременно будетъ извѣщено о томъ въ Кошъ.

Желая выказать свое усердіе и свою вѣрность московскимъ царямъ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить великимъ государямъ о требованіи со стороны запорожцевъ войны противъ бусурманъ и представилъ козаковъ «людьми необузданными, которые вяжутся не въ свое дѣло» вмѣсто того, чтобы слушаться на этотъ счетъ царского пресильного монаршескаго указа» ¹⁾.

Но московскому правительству нужно было такъ или иначе успокоить запорожскихъ козаковъ; оно имѣло въ виду новый походъ на Крымъ и начало брать къ тому разныя мѣры заранее. Такъ, въ концѣ мѣсяца сентября, новобогородицкому воеводѣ Григорію Косагову и дяку Макару Полянскому предписано было обжечь всѣ степи по направленію къ Перекопу и къ Сичѣ, въ особенности-же по окрестностямъ рѣки Самары, но дѣлать это велѣно было черезъ людей надежныхъ и «чиновъ пристойныхъ» съ остереганіемъ, чтобы о томъ не узнали запорожскіе козаки ²⁾. Для того-же, чтобы узнать подлинныя вѣсти о крымцахъ и о настроеніи самихъ козаковъ, велѣно было послать надежнаго человека въ запорожскую Сичь. По царскому приказу воевода Новобогородицкаго городка Иванъ Вольтинскій послалъ солдатскаго строи маіора Юрія Буша. Возвратившись изъ Запорожья къ воеводѣ въ городокъ, Юрій Бушъ донесъ, что, будучи въ Сичѣ, онъ слышалъ и на радѣ, и въ куреняхъ, что запорожцы вѣрно служатъ великимъ государямъ и никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣютъ;

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688—1689, св. 77, № 86.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлт., 1688—1689, св. 77, № 86.

съ Крымомъ-же у нихъ перемиріе установлено для соляного промысла на короткій срокъ, и какъ козаки наберуть соли, тогда розмирятъ съ нимъ. Ханъ-же крымскій, собравшись со всею ордой, пошелъ, по вызову, къ турецкому султану для какихъ-то дѣлъ. Въ бытность свою въ Сичі Юрій Бушъ засталъ тамъ гетманскаго посланца Григорія Старосельскаго, присланнаго Мазепой съ тою-же цѣлью — для собиранія вѣстей о намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ. Запорожцы весьма дружелюбно отпустили отъ себя Буша и дали ему провожатыхъ до Кодака. Григорій-же Старосельскій оставался нѣкоторое время по отъѣздѣ Буша въ Сичі и затѣмъ уже оставилъ Кошъ ²⁾).

Самому воеводѣ Григорію Косагову приказано было пока списываться съ запорожскими козаками ради воинскаго промысла и добыванія свѣдѣній о замыслахъ бусурманъ; въ случай-же подхода крымскихъ и бѣлгородскихъ татаръ подъ Новобогородицкій городокъ, чинить, обще съ войскомъ низовымъ, промыслъ противъ бусурманъ, но самому лично для той цѣли въ Запороги не ходить и людей ратныхъ туда не посылать. Кодачанамъ и севрюкамъ, которые живутъ теперь и впредь, ради промысловъ, будутъ жить въ вершинѣ и внизу по Самарѣ рѣкѣ, къ устью ея, обидѣ и утѣшенію не чинить никакихъ и крѣпко остерегать отъ того, чтобы и пасѣки ихъ, и всякіе промыслы на Самарѣ рѣкѣ были въ цѣлости и охраненіи отъ ратныхъ людей; а черкасамъ прихожимъ, безъ царскаго указа, никому селиться и строить возлѣ города того дворовъ не велѣтъ, кромѣ торговыхъ людей, которые будутъ со всякими товарами и съѣстными запасами пріѣзжать: такимъ торговымъ людямъ всякую повольность чинить, привѣтъ къ нимъ держать, всячески ихъ оберегать, мѣста имъ отводить, чтобы пріохотить ихъ и впредь пріѣзжать и отъ пріѣздовъ не отлучить ²⁾).

Приказаніе, полученное Косаговымъ отъ царей о рѣшительномъ приготовленіи къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ, какъ вельзи больше совпало съ общимъ настроеніемъ запорожскихъ козаковъ. Козаки, собравшись въ числѣ 250 человекъ передъ Филипповымъ постомъ, отправились изъ Чортомлыцкой Сичі, подъ начальствомъ Ивана Гусака, для промысла въ поля и для взятія языковъ. Иванъ Гусакъ повелъ козаковъ подъ турецкіе городки

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688—1689, св. 77, № 86.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣла; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

и расположился на шляху, ведшемъ изъ Кызыкермена въ Перекопъ. Гусаекъ стоялъ на томъ шляху въ теченіе одиннадцати дней и дождался того, что на него наткнулся перекопскій бей Шангирей-салтанъ съ агою Саитъ-Касимомъ и со ста двадцатью татарами. Шангирей-салтанъ раньше этого времени вышелъ изъ Перекопа съ цѣлью взять русскихъ языковъ и добыть подлинную вѣсть о царскомъ и козацкомъ войскахъ, для чего онъ направился на рѣчку Самаръ, подъ Новобогородицкій городокъ. Пройдя степью 8 дней тихо, чтобы не изморить коней, татары не дошли до городка за 6 миль и тамъ поймали четырехъ человекъ козаковъ, ходившихъ за добычей на звѣрей. Но въ тотъ-же день въ степи поднялась сильная вьюга и пошелъ большой снѣгъ, вслѣдствіе чего татары нашли за лучшее повернуть къ Перекопу назадъ. Проскакавъ три дня, татары стали на Соленыхъ-Водахъ, въ одномъ днѣ хода отъ Кызыкерменскаго городка, и начали тамъ кормить своихъ лошадей. Тутъ, въ ночное время, наскочили на татаръ запорожскіе козаки, слѣдившіе въ теченіе сутокъ за движеніями ихъ и на урочищѣ Бѣлоозерцѣ произвели надъ ними погромъ: многихъ татаръ побили, потому что они не давались живемъ, десять человекъ взяли въ полонъ, больше ста штукъ захватили съ собою коней и отбили всѣхъ плѣнныхъ козаковъ, взятыхъ подъ Новобогородицкимъ городкомъ. Возвращаясь назадъ, запорожскіе козаки изъ плѣнныхъ десяти человекъ татаръ четырехъ срубили въ пути, потому что они были столь сильно ранены, что не могли за козаками идти ¹⁾).

Нужно думать, что эти-же походы запорожскихъ козаковъ противъ мусульманъ разумѣть и Ивашка Григорьевъ, московскій стрѣлецъ. Ивашка Григорьевъ, московской рати стрѣлецъ, посланъ былъ, вмѣстѣ съ другими стрѣльцами, августа мѣсяца, 1688 года, для доставки хлѣбныхъ запасовъ изъ Кіева въ Новобогородицкій городокъ. Послѣ «отдачи хлѣбныхъ запасовъ» Григорьевъ въ Кіевъ вхатъ не захотѣлъ и «остался отъ своей братьи для гулянья въ Новобогородицкомъ городкѣ», а изъ того городка скоро пробрался, вмѣстѣ съ ватагою запорожскихъ козаковъ, въ самую Сичь, гдѣ на ту пору кошевымъ атаманомъ былъ Филонъ Лихопой. Въ Сичѣ Ивашка Григорьевъ прожилъ больше года среди козаковъ и принималъ участіе въ походахъ запорожцевъ рѣкою Днѣ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

промъ подъ турскіе городки—Кызыккермень, Асламъ и Стороханскій ¹⁾ и степью подъ крымскіе улусы, къ рѣчкѣ Тонкой. Запорожцы предпринимали эти походы много разъ, и всякій разъ угоняли отъ крымскихъ улусовъ и отъ турецкихъ городовъ большія конскія стада ²⁾.

Возвратившись въ Сичь, запорожскіе козаки рѣшили всѣхъ плѣнныхъ татаръ, числомъ шесть человекъ, отправить въ Батурина и изъ Батурина доставить въ Москву. Для этого выбрано было 30 человекъ козаковъ ³⁾ подъ командой атамана роговскаго куреня Семена Ганджи. Посланцы прибыли въ Батурина и привезли гетману Мазепѣ письмо отъ новопоставленнаго кошевого атамана Ивана Гусака. Въ этомъ письмѣ сказано было то, что, согласно гетманскому желанію добыть подлинныя вѣсти «о поганскомъ поведеніи» татаръ, запорожскіе козаки, по обыкновенію своей молодецкой охоты и по древнимъ обычаямъ своимъ, чиня повольность превысокому монаршескому престолу и своему региментарю, гетману малороссійскихъ козаковъ, собравшись немалымъ числомъ, ходили «остерегать» бусурманскіе шляхи и на томъ промыслѣ, счастіемъ царскаго пресвѣтлаго величества и своею молодецкою отвагою, побили перекопскую и городчанскую орду и послѣ того со всею своею ватагою и съ Иваномъ Гусакомъ, который въ нынѣшнее время (писано декабря 10 дня) учинился атаманомъ войсковымъ, возвратились съ языками благополучно въ Сичь. Изъ Сичи кошевой атаманъ плѣнныхъ татаръ отправляетъ къ гетману черезъ лично участвовавшихъ въ походѣ козаковъ и проситъ его вельможность оказать за труды и учиненныя работы имъ милость господскую свою. Языковъ-же, связавъ съ нихъ допросъ, къ царскому величеству отослать и для «оживленія коней и самихъ (козаковъ становяще имъ зимнее доброе въ городахъ показать».

Отправляя это письмо, кошевой Иванъ Гусакъ отъ себя и отъ всей старшины передавалъ гетману низкій поклонъ и обѣщаль «вѣрно и радѣтельно» пресвѣтлымъ монархамъ и самому гетману

¹⁾ Должно быть нужно читать «Староханскій», но гдѣ онъ былъ—неизвѣстно.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, столб. моск. стола, 1688—1689, № 479, л. 177—182

³⁾ Между ними были: Семенъ Рубанъ, Яковъ Богуненко, Мойсей Лукьяновъ, Яцко Герасименко, Савко Гордіенко, Михайло Василенко, Панько Гриценко, Иванъ Матвѣенко, Мартынъ Юрченко, Мартынъ Нетяженко и другіе.

служить; зато просилъ своего благодѣтеля и отца «запорожское войско въ призравніи и добротной милости блюсти, понеже войско на нужную потребу свою не имѣеть ничего, надѣется на господскую милость одну и ждеть, что его вельможность не презреть войско милостивымъ окомъ своимъ».

Гетманъ Мазепа, не смотря на усердную просьбу кошевого атамана Ивана Гусака, всѣхъ посланцевъ низовыхъ, въ числѣ 30 человекъ, въ Москву не пустилъ и далъ дозволеніе ѣхать въ царямъ только пятнадцати «самымъ знатымъ и въ промыслахъ военныхъ труждающимся» козакамъ; да и то, опасаясь, чтобы «поступокъ его не былъ похулень» въ Москвѣ, онъ послалъ извинительное великимъ государямъ письмо, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращался съ просьбой «къ своему zelo милостивому господину пріятелю и благодѣтелю» князю Василию Голицыну исходатайствовать запорожскимъ посланцамъ, какъ «знатымъ въ Запорожьѣ и бывалымъ въ промышленныхъ трудахъ людямъ увидѣть пресвѣтлыя монаршескія великихъ государей и великой государыни ихъ царского пресвѣтлого величества очи».

Впрочемъ, ходатайствуя за запорожцевъ и стараясь о снижаніи имъ милости великихъ государей, гетманъ Мазепа въ то-же время представилъ князю Голицыну неблаговидный поступокъ запорожскихъ козаковъ по отношенію къ царскому толмачу и высказывалъ просьбу «обличить» по этому поводу козаковъ «въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Дѣло касалось толмача Дениса Лихонина, который посланъ былъ по царскому указу въ Крымъ и ѣхалъ туда, вмѣстѣ съ гетманскимъ «посыльщикомъ», черезъ запорожскую степь. Запорожцы, вообразивъ почему-то, что оба посланца ѣдутъ въ Крымъ съ цѣлью заключить съ ханомъ миръ, схватили ихъ и стали добиваться отъ нихъ листовъ; не добившись листовъ, хотѣли къ пушкамъ приковать, для чего собирали раду два раза, и только подъ конецъ, едва черезъ силу, отпустили посланцевъ въ Крымъ. Гетманъ, узнавъ о томъ, тѣхъ козаковъ немало «гонялъ», а въ ихъ лицѣ и все войско низовое въ томъ непристойномъ поступкѣ уличалъ. Откуда дошла къ запорожцамъ вѣсть о цѣли поѣздки царскаго толмача въ Крымъ, гетманъ никакъ не могъ узнать и хотя онъ «накрѣпко» подвергъ по тому поводу допросу взятыхъ запорожцами въ плѣнъ татаръ, но ничего и отъ нихъ не узналъ: татары говорили одно, что ни запорожцы

о томъ ихъ не спрашивали, ни они о томъ запорожцамъ не сказывали ¹⁾).

Тѣмъ временемъ запорожскіе посланцы, Ганджа съ товарищами, и татарскіе плѣнники Маймулайкъ Жумашевъ съ другими татарами, прибыли въ Москву и дали тамъ показанія о замыслахъ турокъ и татаръ. Крымскій ханъ, калга - салтанъ и нуррединъ-салтанъ отправились въ Бѣлогородчину; турецкій султанъ послалъ изъ Царьграда хану саблю да кафтанъ, приказывая ему идти на войну въ Мультанскую землю за то, что мусульмане цесарскому величеству поддались. Калга-салтанъ послѣ похода въ Бѣлогородчину прошелъ въ Венгерскую землю и скоро думаетъ вернуться въ Крымъ. Самъ-же турецкій султанъ находится въ Царьградѣ, войскъ его стоятъ по границѣ отъ Венгерской земли; цесарскія войска вели большіе бои съ турскими и отняли у турокъ много городовъ. Съ польскимъ королемъ у хана пересылокъ нѣтъ. А около Перекопа и по перекопскому валу никакихъ построекъ и починокъ не сдѣлаю и только въ прошломъ году крымцы, услыхавъ о томъ, что на Крымъ московскіе ратные люди идутъ, рѣшили на перекопскій замокъ четыре пушки встачить; всѣхъ-же пушекъ, большихъ и малыхъ, во всемъ Перекопѣ будетъ около ста. Ханъ-же въ то время выходилъ для отпора русскихъ на Молочныя-Воды со всею ордой, и всѣ татары находились въ великомъ опасеніи отъ русскихъ войскъ. А на счетъ царскаго величества войскъ въ предбудущее лѣто у крымскихъ татаръ, отъ вятыхъ ими языковъ, ходитъ такая молва, что если настанетъ весна, то русскіе двинутся всѣми силами на Крымъ, и татары очень опасаются того. Поэтому ханъ отдалъ приказъ всѣмъ своимъ ордамъ въ полной готовности быть: кромѣ того, къ приходу русскихъ войскъ ханъ надѣется заручиться помощью отъ напскихъ (sic) ногайцевъ, горскихъ черкесъ и бѣлогородскихъ татаръ; а придутъ-ли еще къ крымцамъ Балмыки, о томъ неизвѣстно никому. Правда, раньше этого времени послы калмыцкіе часто прѣзжали въ Крымъ, да и теперь калмыцкій посолъ съ отрядомъ въ 1000 человекъ и съ 3000 для продажи коней въ Бѣлогородчину пошелъ, но какія цѣли имѣетъ онъ, также неизвѣстно никому. Отъ турскаго султана крымцы помощи не ждуть, потому что турскій султанъ едва-ли будетъ въ состояніи самъ себя «очистить»

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1699, сз. 79, № 2.

отъ цесарскихъ войскъ. На хлѣбъ у крымцевъ въ прошломъ году былъ урожай и въ немъ они скудости не имѣють никакой. Въ такомъ-же положеніи находятся и жители Кызыкермея, Шахкермея (Шагинкермея) и другихъ турецкихъ городовъ: около нихъ строенія и починокъ нѣтъ никакихъ ¹⁾.

Прибывшимъ въ Москву запорожскимъ посланцамъ дано было по пріѣздѣ на харчи: денегъ 1 рубль, вина 3 ведра, меду 3 ведра, пива 8 ведеръ; потомъ по докладу князя Василія Голицына выдано было на харчи: денегъ 1 рубль, вина и меду по 4 ведра, пива 12 ведеръ. Для выдачи-же продовольствія на послѣдующіе дни взяли во вниманіе роспись, представленную въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, когда въ Москву пріѣзжали запорожскіе посланцы Матвѣй Ватага и Яковъ Гусакъ съ плѣнными татарами. Разсмотрѣвъ поданную роспись великіе государи, января 13 дня, приказали выдать Семену Гандженку и всѣмъ его товарищамъ въ такой мѣрѣ продовольствіе, какое выдано было Якову Гусаку. А именно: Семену по 2 алтына, козакамъ по 10 денегъ, вина Семену по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакамъ вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день. На отпускъ дано: Семену денегъ 6 рублей, сукна аглинскаго 5 аршинъ, тафты 5 аршинъ, пару соболей въ 2 рубля; козакамъ денегъ по 3 рубля, сукна по одному аглинскому, соболей по парѣ въ два рубля. Въ дорогу поденнаго корму на 3 недѣли по тому-же, по чему имъ давано на Москвѣ, данъ купленный въ ряду осетривъ; кромѣ того, питья по два ведра пива и вина. А на пріѣздѣ, какъ были запорожскіе посланцы у руки великихъ государей, въ тотъ день данъ имъ кормъ вмѣсто стола съ поденнымъ вдвое. Для топленья избы и для приготовленія кушаньевъ давалось имъ по возу дровъ на недѣлю да для вечерняго сидѣнія по двѣ деньги салныхъ свѣчей на сутки ²⁾.

Въ день отъѣзда изъ Москвы запорожскіе посланцы получили двѣ царскихъ грамоты для передачи ихъ гетману Мазепѣ и кошевому атаману Гусаку. Въ грамотѣ къ Мазепѣ государи «похваляли» гетмана за его вѣрную службу и за «присланіе взятыхъ въ плѣнъ татаръ и приказывали написать отъ себя къ кошевому атаману и всему войску съ тѣми-же запорожцами письмо съ наказомъ чинить надъ турецкими и крымскими людьми всякіе промыслы, доносить

¹⁾ Архивъ ин. ин. дѣл: мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣл; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2

о всѣхъ воинскихъ поведеніяхъ гетману малороссійскихъ козаковъ и, согласно прежнимъ дарскимъ указамъ, оказывать полное повиновеніе ему. Въ грамотѣ къ кошевому атаману Гусаку высказывалась такая-же похвала низовымъ запорожскимъ козакамъ за ихъ вѣрную службу великимъ государямъ и также предписывалось, на сколько Богъ подастъ помощи, промыслять надъ турецкими и крымскими людьми ¹⁾).

Въ то время, когда цари и гетманъ Мазепа всякими мѣрами старались удержать возлѣ себя запорожскихъ козаковъ, въ это-же самое время на нихъ простирали взоры свои и мусульманскіе сосѣди ихъ. Такъ, въ началѣ декабря мѣсяца пришло отъ кызыкерменскаго бея Тимуръ-шаха-мурзы къ кошевому атаману Ивану Гусаку письмо, которое произвело немалое смятеніе въ средѣ козаковъ. Письмо это прислано было съ видимою цѣлью размѣна плѣнныхъ татаръ на плѣнныхъ козаковъ, но съ дѣйствительною цѣлью завязать сношеніе съ войскомъ низовымъ: турки знали о приготовленіяхъ русскихъ ко второму походу на Крымъ и потому хотѣли заручиться союзомъ съ запорожцами противъ нихъ ²⁾. Запорожцы поняли, разумѣется, настоящую цѣль присылки письма, и потому многіе изъ нихъ приняли кызыкерменскаго гонца далеко не такъ равнодушно, какъ слѣдовало того ожидать. Собравшись на общую раду въ Сичи, они стали шумѣть и кричать: одни говорили, что было-бы весьма хорошо для войска заключить съ Крымомъ мирный договоръ и тѣмъ открыть съ татарами свободный торгъ; другіе, напротивъ того, доказывали, что крымцамъ вѣрить нельзя, а нужно съ ними воевать. Послѣдніе ждали, что жившій въ ту пору въ Запорожьѣ начальникъ русскихъ войскъ, Григорій Косаговъ, поведетъ козаковъ на Крымъ и откроетъ съ татарами войну. Не для чего иного построены и Новобогородицкій городокъ, какъ для борьбы съ врагами святого креста. Но надежды на Косагова по прежнему оставались для запорожцевъ все еще одной мечтой, и все Запорожье сильно волновалось чрезъ то: «Насъ просто обманываютъ,—говорять, будто крѣпость построена для военнаго времени, а на войну не идутъ, и выходитъ, что ее построили только въ досаду намъ» ³⁾. Однако, къ серьезнымъ по-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—587.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, подл. мал. акты, 1688, № 575—594.

слѣдствіямъ это волненіе, какъ и большая часть всѣхъ подобныхъ волненій среди запорожскихъ козаковъ, не привело, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ весны 1689 года русскіе цари безотлагательно рѣшили предпринять второй походъ на Крымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второй походъ русско-козацкихъ войскъ на Крымъ.—Движеніе русско-козацкихъ войскъ къ Перекопу и возвращеніе ихъ назадъ черезъ рѣчку Бѣлозерку къ рѣкѣ Самарѣ.—Бунтъ инокъ Самарско-Николаевского монастыря и усмиреніе ихъ русскими войсками.—Построеніе русскими новой крѣпости выше Вольнаго брода на рѣкѣ Самарѣ.—Посольство отъ крымскаго хана къ запорожскимъ козакамъ съ мирными предложеніями.—Удаленіе князя Голицына изъ Запорожья и отвѣтъ запорожцевъ крымскому хану.—Недовольство гетмана Мазепы на запорожцевъ за сношеніе ихъ съ ханомъ.—Сношеніе запорожскихъ козаковъ съ польскимъ королемъ.—Волненіе и моровая язва въ Запорожь.—Установленіе дружескихъ отношеній между гетманомъ Мазепой и запорожскими козаками.— Приготовленія запорожцевъ къ борьбѣ противъ бусурманъ.

Не смотря на печальный результатъ перваго похода русскихъ на Крымъ, московское правительство не думало оставлять мысли о борьбѣ съ ханомъ, и въ 1689 году снова двинуло свои войска, въ числѣ 112.000 человекъ, противъ татаръ. Въ этомъ походѣ принимало участіе и войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ. И на этотъ разъ начальникомъ русскихъ войскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но гетманомъ малороссійскихъ козаковъ былъ уже не Самойловичъ, а Иванъ Мазепа, а кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ состоялъ Иванъ Петровичъ Гусакъ, смѣнившій собой Филона Дихопоя. Иванъ Гусакъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 11 числа, сообщилъ гетману пріятную вѣсть о разбитіи цесарцами турокъ подъ Адрианополемъ и въ слѣдъ за этимъ сообщеніемъ поспѣшилъ выступить со своимъ войскомъ въ помощь русско-козацкимъ полкамъ ¹⁾. На этотъ разъ путь военачальниковъ шелъ черезъ рѣки—Орель, Самарь, Карачокракъ, Бѣлозерку и Каирку, далѣе черезъ Овечьи-Воды, Зеленую и Черную долину и Каланчакъ ²⁾. Во время пути русско-козацкія войска выдержали два сраженія—одно пройдя Зеленую долину, мая 14 дня;

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, малороссійскія дѣла, 1689, св. 80, № 22.

²⁾ Собраніе госуд. грам. и дог., IV, 662—605, 541. 563. 564, 593.

другое въ Черной долині, мая 16 дни. Вѣроятно, къ этому же времени нужно отнести показаніе козака «сѣчинскаго» полка, уроженца города Кишенки, Юшки Гаврилова ¹⁾ о дѣйстви сѣченскаго полковника Лугивскаго, ходившаго изъ Запорожья съ московскими полками подъ Перекопъ, о возвращеніи его изъ-подъ Перекопа назадъ, о хожденіи самого Юшки Гаврилова съ товарищами для загона лошадей подъ городъ Кызыкермень и о взятіи его тамъ съ двумя козаками въ турецкій полонъ ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1700, св. 5, № 56.

²⁾ Въ высшей степени интересна и поучительна дальнѣйшая судьба козака Юшки Гаврилова. Захваченный подъ Кызыкерменемъ, онъ привезенъ былъ въ самый городъ и въ одну ночь проданъ былъ въ Крымъ къ одному татарину въ деревню Охмечъ. Проживъ у того татарина всю зиму, Юшка бѣжалъ отъ него великимъ постомъ, шелъ 5 дней и когда былъ уже у Перекопа, то тутъ былъ настигнутъ погоней и привезенъ къ прежнему своему хозяину, который продалъ его за Вахчисарай, въ село Кашекіумъ. Въ томъ селѣ Юшка прожилъ 2 года въ работѣ, потомъ бѣжалъ къ Черному морю, на Балакнѣ, къ корабельной пристани, но на пути былъ пойманъ и отданъ на корабль. На кораблѣ Юшка прибылъ въ Царьградъ, прожилъ тамъ 2 мѣсяца и былъ проданъ за Бѣлое (Мраморное) море подъ городъ Магалычъ, къ пашѣ, по имени Цапу. Проживъ мѣсяцъ у того паши, ушелъ съ тремя полоняниками изъ его села, шелъ 4 недѣли пустымъ мѣстомъ и пришелъ въ турецкій городъ Чандаръ, но тамъ былъ пойманъ и сидѣлъ въ оковахъ два мѣсяца, пока въ тотъ городъ не явился паша Цапъ, который всѣхъ трехъ бѣглецовъ выкупилъ за 50 ефимковъ, отвезъ ихъ въ свое село и держалъ всю зиму «въ великомъ мученіи». Весной Юшка съ тѣми же полоняниками снова ушелъ и прибѣжалъ къ городу Дерменяжи, но тамъ изловили ихъ караульщики и отдали городскому воеводѣ Магомету, у котораго они просидѣли цѣлый мѣсяцъ скованные желѣзомъ. Отъ паши Юшка, въ ночное время, снова бѣжалъ изъ-подъ караула, шелъ 15 дней и дошелъ до какого-то села, но тамъ былъ пойманъ, привезенъ къ приказчику Мустафѣ и прожилъ въ его селѣ скованнымъ 1 мѣсяцъ. Отъ Мустафы онъ былъ взятъ къ прежнему воеводѣ Магомету, который, оковавъ его, билъ и мучилъ его, но когда Юшка отъ тѣхъ побоевъ заболѣлъ, то онъ освободилъ его отъ желѣза и продалъ за 90 ефимковъ пашѣ Генжу, посланному отъ турецкаго султана для сбора всякихъ поборовъ. Съ пашой Юшка ходилъ 3 лѣтнихъ мѣсяца, потомъ посланъ былъ въ его отчину, жилъ въ той отчинѣ до Петрова дня, послѣ чего бѣжалъ и шелъ полтретья мѣсяца и пришелъ къ заставѣ, которая поставлена для поимки бѣглыхъ полоняниковъ, на той заставѣ былъ пойманъ и скованъ оковами. Тамъ было большое число полоняниковъ и отъ великой нужды и голода 12 человекъ изъ нихъ при Юшкѣ умерли. Отъ той заставы Юшку послали въ какую-то деревню, гдѣ онъ жилъ до великаго поста. Изъ деревни послали его продать въ западную сторону, въ городъ Кушакшатеръ и продали какому-то хозяину, который его билъ и постоянно на работу посылалъ.

Мая 20 дня соединенныя русско-козацкія войска были уже у Перекопа, и хотя второй походъ ихъ на Крымъ не былъ такъ несчастливъ, какъ первый, но все же результаты его были слишкомъ невелики: простоявъ у Перекопа нѣсколько времени въ тщетной надеждѣ на предложеніе мира со стороны татаръ, русско-козацкія войска повернули отъ Крыма назадъ. Юня 1 дня князь Голицынъ достигъ рѣчки Бѣлозерки, лѣваго притока Днѣпра, и расположился лагеремъ въ виду запорожской Сичи, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ. Простоявъ у рѣчки Бѣлозерки въ теченіе нѣсколькихъ дней, Голицынъ снялся съ лагеря и поднялся выше въ степь. Юня 12 дня онъ дошелъ до рѣчки Самары и остановился въ виду Новобогородицкаго городка.

Въ это время произошло печальное дѣло осады русскими войсками Самарско-николаевского запорожскаго монастыря. Запорожскіе козаки, наружно примирившіеся съ мыслью о построеніи на рѣкѣ Самарѣ русскихъ городковъ, въ душѣ не переставали, однако, возмущаться противъ московскаго правительства за построеніе ихъ, и въ этомъ усердно поддерживали козаковъ иноки Самарско-николаевского монастыря. Возмущеніе противъ русскихъ поднято было какимъ-то монахомъ изъ польскихъ шляхтичей и подготовлено еще раньше возвращенія Голицына изъ второго похода на Крымъ. Съ возвращеніемъ же изъ Крыма князь Голицынъ рѣшилъ искоренить всякую мысль о враждѣ иноковъ къ русскимъ и велѣлъ обложить войсками кругомъ весь монастырь. Тщетно кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ хлопоталъ у Голицына и у его любимца гетмана Мазепы о помилованіи иноковъ, русскія войска, не смотря на всѣ просьбы кошевого Гусака, «облегли крѣпкимъ облежаніемъ» весь монастырь, прекратили всякій выходъ изъ него монахамъ и входъ въ него постороннимъ лицамъ, захватили въ свои руки всю монашескую

Проживъ у того хозяина дѣто, Юшка отъ него бѣжалъ, шелъ два мѣсяца и пришелъ къ городу Манцу и жилъ въ деревнѣ въ неволѣ подтретя года и изъ той деревни снова убѣжалъ, шелъ два дня и пришелъ въ турецкій городъ Смирну надъ Бѣлымъ моремъ, къ корабельной пристани, на голландскій корабль. Изъ Смирны на томъ кораблѣ онъ пришелъ въ Испанію и оттуда прибылъ въ городъ Амстердамъ, а изъ Амстердама, наконецъ, добрался въ 1700 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, въ Россію, въ городъ Архангельскъ. И въ голландской земли и идучи моремъ на корабль его, Юшку, за полонное терпѣніе, кормили и поили и провозу съ него не вняли. Архивъ министерства ин. дѣлъ, малороссійскія дѣла, связка 5, № 56.

братію и подвергли ее жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ. Послѣ этого благосостояніе Самарско-николаевскаго монастыря надолго пало и изъ стѣнъ его немало разбѣжалось иноковъ, искавшихъ себѣ спасенія въ дальнихъ отъ Запорожья странахъ и въ безопасныхъ отъ всякихъ нападеній обителяхъ ¹⁾.

Въ это же время князь Василій Голицынъ, стоя въ Новобогородицкой крѣпости, отдалъ приказаніе построить на рѣкѣ Самарѣ, въ урочищѣ Сорокъ-Байраковъ, выше Вольнаго брода, обыскавъ мѣсто, новый городъ «со всеми городскими крѣпостями и съ обороною отъ непріятелей твердынею, въ которой бы крѣпости могло построиться и жить, кромѣ воеводскаго двора и церковнаго мѣста, и казенныхъ и зеленыхъ амбаровъ и погребовъ. 500 человекамъ ратнымъ людямъ пѣшого строя» ²⁾.

Городъ этотъ заложенъ былъ, послѣ осмотра мѣстности полковникомъ Вильямомъ фонъ-Заленомъ, іюня 20 дня, 1689 года и оконченъ іюля 18 дня того же года. Онъ построенъ былъ рейтарами и солдатами подъ руководствомъ воеводы Ивана Волынскаго и дьяка Макара Полянскаго «на угожомъ и оборонномъ мѣстѣ, у водъ, родниковъ, лѣсовъ, сѣнныхъ покосовъ, ровныхъ и хлѣбородныхъ полей». Въ немъ возведены были: воеводскій дворъ, приказная изба, казенный погребъ, для полковыхъ и хлѣбныхъ припасовъ амбары, 50 для служилыхъ людей избъ, а по угламъ сдѣланы были особые выходы. Вокругъ города сдѣланъ былъ ровъ и вокругъ рва земляной, въ 600 сажень длины, отъ поля, валъ или окопъ; по тому валу устроены были караульные и проѣздныя съ верхнимъ боемъ башни и поставлены рогатки, а по горѣ, отъ рѣки Самары, подѣланы надолбы; по стѣнамъ поставлено было 50 раскатовъ, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ устроено было двое, по двѣ сажени ширины, ворота. Мѣрою весь городъ тотъ 376 сажень безъ 12 вершковъ; вышина городской стѣны въ пошлѣ (подошлѣ) 8 сажень; высота до щита—2 сажени; щитъ по стѣнѣ высоты съ лицевой стороны $\frac{1}{2}$ сажени, съ внутренней стороны—1 сажень; всей вышины городской стѣны со щитомъ полутреть сажня. «А отъ города къ рѣкѣ Самарѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки лѣсъ большой и учиненъ заповѣдникъ внизъ рѣки по Великій курганъ, что ниже Вольнаго брода, а вверхъ по Великій

¹⁾ Феодосій, Самарско-николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1878, 18.

²⁾ Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 605

буеракъ и по лѣсокъ, который вышелъ изъ большого лѣса въ тотъ Великій буеракъ».

По приказу князя Василя Голицына, этотъ городъ названъ почему-то Новосергiевскимъ городкомъ ¹⁾. У лѣтописца Самоила Величка подъ 1690 годомъ упоминается на рѣкѣ Самарѣ городокъ Вольный или Новосергiевскiй ²⁾, и этотъ Вольный городокъ, очевидно, и есть новый городъ Голицына, построенный «на рѣкѣ Самарѣ, у Вольнаго брода».

Земляныя укрѣпленiя этого городка сохранились еще и до настоящаго времени, на правомъ берегу Самары, выше села Вольнаго, екатеринославской губернии, новомосковского уѣзда, и носятъ общее названiе у мѣстныхъ жителей «городка» ³⁾.

Юня 24 дня гетманъ Иванъ Мазепа, оставивъ рѣку Самару, ушелъ со своими козаками въ Гетманщину, а черезъ три дня послѣ отхода гетмана изъ Запорожья оставилъ рѣку Самару и князь Василiй Голицынъ.

Съ возвращенiемъ русско-козацкихъ войскъ отъ Перекопа къ рѣкѣ Самарѣ Новобогородицкой крѣпости оставлены были всѣ «государскiе хлѣбные и боевые запасы»—возы, пушки, порохъ, пули,—и съ этого времени крѣпость Новобогородицкая надолго сдѣлалась мѣстомъ для постояннаго резерва московскихъ войскъ въ борьбѣ съ турками и татарами и частiю съ войскомъ низовыхъ козаковъ ⁴⁾.

Итакъ, ни первый, ни второй походъ русскихъ на Крымъ не увѣчались успѣхомъ и помимо безславiя русскому оружию принесли много бесполезныхъ денежныхъ затратъ и привели къ потерѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кiевъ, 1855, III, 88.

³⁾ У Костомарова (Мазепа СПб., 1885, 15, 80) Вольный городъ смѣшанъ съ Новобогородицкимъ, какъ это видно изъ того, что мѣстоположенiе Вольнаго у него приурочено къ мѣстоположенiю Новобогородицкаго. Оттого Костомаровъ, говоря о возвращенiи Голицына изъ второго крымскаго похода вовсе не говоритъ о построенiи имъ города у Вольнаго брода. По Костомарову этотъ городъ возникъ послѣ перваго крымскаго похода и есть тотъ же городъ, что и Новобогородицкiй; а между тѣмъ въ подлинномъ на этотъ счетъ актѣ сказано ясно, что князь Голицынъ, возвратившись изъ второго похода на Крымъ, пришелъ въ Новобогородицкую крѣпость, и находясь въ ней, отдалъ приказанiе построить городъ выше Вольнаго брода.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кiевъ, 1855, III, 84.

большого числа людей. Однако, для самой Москвы эти походы не могли имѣть такого рѣшающаго значенія, какъ для Украйны и въ особенности для Запорожья: Москва сильна была и своимъ правительствомъ, и своими военными силами, и своимъ значительнымъ разстояніемъ отъ Крыма. Не въ такомъ положеніи было Запорожье: близость сильнаго врага и отсутствіе значительныхъ боевыхъ силъ поставили запорожскихъ козаковъ въ очень незавидное положеніе послѣ двусратной неудачи русскихъ въ Крыму и послѣ послѣднихъ отхода изъ Запорожья въ Москву. Оттого съ этого времени мы видимъ колебаніе запорожскихъ козаковъ то въ одну, то въ другую сторону: съ одной стороны запорожцы выказываютъ несомнѣнную склонность къ московскимъ царямъ и желаютъ твердо стоять за нихъ противъ мусульманъ; съ другой стороны, боясь турокъ и татаръ, они входятъ въ мирную сдѣлку съ бусурмавами и выступаютъ противъ интересовъ московскихъ царей. Понятно, что считать запорожцевъ за такой ихъ образъ дѣйствій измѣнниками русскаго царя нельзя, а надо, глядя на такія дѣйствія ихъ, помнить истину, что всякому человѣку ближе всего свой интересъ, и съ этой точки зрѣнія судить ихъ. Такъ запорожцы дѣйствительно и представляли себѣ свое положеніе послѣ печальнаго похода русскихъ на Крымъ. Къ тому-же передъ глазами у нихъ былъ Новобогородицкій городокъ, гдѣ засѣли московскіе воеводы и московская рать, представители иныхъ, чѣмъ въ Запорожьѣ, порядковъ и началъ.

Когда русскія и украинскія войска повернулись назадъ, Иванъ Гусакъ проводилъ князя Голицына до рѣчки Бѣлозерки, откуда самъ поспѣшилъ въ Сичу. Въ Сичъ въ это время прибылъ гонецъ съ листомъ отъ крымскаго хана, и кошевой атаманъ собралъ по тому поводу войсковую раду для чтенія присланнаго листа. Въ листѣ ханъ предлагалъ запорожскимъ козакамъ мировую, а за то давалъ имъ два обѣщанія: «Которая была ихъ козачья вотчина на рѣкѣ Самарѣ и гдѣ нынѣ поставленъ городъ, они, крымцы, имъ, козакамъ, поступаются; по рѣчкамъ и въ степяхъ по самое Черное (т. е. Черное) море всякими угоды, и въ тѣхъ угодыяхъ по рѣчкамъ и по дугамъ звѣриною и рыбною ловлями (заниматься) и по соль ходить повольно и безопасно». Но какъ ни заманчиво было предложеніе хана, запорожцы, выслушавъ ханское письмо, оставили его на тотъ часъ безъ всякаго отвѣта и мирно отпустили ханскаго

гольца въ Крымъ ¹⁾. Въ то время, въ виду близости русской арміи, ни кошевой атаманъ, ни все запорожское войско не могли иначе и поступить. Но послѣ отхода гетмана и князя изъ предѣловъ Запорожья у козаковъ свободно развязались руки, и они ясно представили себѣ свое незавидное положеніе: предоставленные собственнымъ силамъ, запорожцы должны были выносить всю тяжесть отъ наступленія со стороны мусульманъ на собственныхъ плечахъ. Мусульмане-же, счастливые двойною неудачей русскихъ во время ихъ похода на Крымъ и оттого гордые сознаниемъ собственнаго величія, естественно могли думать о походѣ на Украину и изъ Украины на южные города московскихъ царей. Въ такомъ случаѣ они могли обрушиться всею массой своихъ ордъ прежде всего на запорожскихъ козаковъ. И запорожцы, для того, чтобы отвратить отъ себя страшную грозу, уже тотчасъ послѣ отхода князя Голицына изъ Украины рѣшили воспользоваться недавнимъ предложеніемъ крымскаго хана и вступить съ нимъ въ мирный договоръ. Исполненіе этого порученія возложено было на атамана незамайковского куреня Пролика или Прокопа Лазуку. Съ этою цѣлью въ Сичи собрана была войсковая рада и на той радѣ составленъ былъ листъ съ условіями мира между Запорожьемъ и Крымомъ. Условія мира были таковы: крымцы должны дать обѣщаніе, что они не будутъ препятствовать запорожцамъ «промышлять всякими промыслами по всѣмъ рѣчкамъ, лугамъ и угодыямъ безъ всякаго вредительнаго опасенія» со стороны татаръ. Запорожцы въ замѣнъ того дають обѣщаніе не мѣшать крымцамъ, когда ханъ самъ пойдетъ съ ордой или вмѣсто себя пошлетъ своихъ салтановъ и мурзъ подѣ украинные города московскихъ царей ²⁾.

Посланный съ этими условіями мира въ Крымъ атаманъ Проликъ Лазука имѣлъ тамъ полный успѣхъ: ханъ совершенно принялъ предложеніе запорожцевъ и отправилъ въ Сичь вмѣстѣ съ запорожскимъ посланцемъ одного мурзу и 20 янычаръ съ письмомъ къ кошевому атаману и ко всему войску низовыхъ козаковъ: «И въ то время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханскаго) межъ себя вѣрили: запорожцы цѣловали крестъ, а мурзы съ янычары за хана шествовали на куранѣ (приносили присягу

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1689, л. 177—182; Устряловъ, Исторія Петра Великаго, I, 220, 221, 224, 287, 367, 372, 376, 377.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи; стол. моск. ст., 1688—1689, № 179, л. 177—182

на коранѣ). И былъ тотъ мураа съ янычарами въ Сѣчѣ дня съ четыре, изъ Сичи отпущенъ въ Крымъ съ честью. И нынѣ запорожцы по той присылкѣ съ ханомъ и съ татары въ миру и подь турскіе и крымскіе города для здобычи не ходять»¹⁾.

Когда гетманъ Мазепа узналъ о мирѣ, происшедшемъ между запорожскими козаками и крымскимъ ханомъ, то онъ прибѣгъ къ самой рѣшительной и рациональной въ такихъ случаяхъ мѣрѣ: онъ издалъ запретъ всѣмъ малороссіянамъ провозить изъ Украины въ Запорожье хлѣбные и другіе продовольственные запасы и отрѣзалъ доступъ запорожцамъ въ города Малороссіи.

Послѣ этого положеніе запорожцевъ сразу оказалось столь незавиднымъ, что имъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ изворачиваться и просить снисхожденія у гетмана. Кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, и раньше того неособенно сочувственно относившійся къ мирной сдѣлкѣ запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ, потомъ согласившійся на то лишь подь давленіемъ всей козацкой массы, теперь написалъ Мазепѣ письмо, августа 11 числа, 1689 года, и въ томъ письмѣ увѣрялъ гетмана «въ своей сердечной и истинной вѣрности и правдѣ служить царскому пресвѣтлому величеству» и въ полной готовности со стороны козаковъ «полагать молодецкія головы и проливать кровь христіанскую за престолъ монаршескій». Письмо послано было въ городъ Батурина черезъ козаковъ Каплинца и какого-то Максима, козака сергѣевского куреня. Кошевой просилъ гетмана ходатайствовать передъ великими государями о присылкѣ низовому войску милостиваго жалованья и съ своей стороны дозволить пропускъ хлѣбныхъ запасовъ изъ городовъ Украины въ Запорожье. За такую милость Гусакъ отъ всего войска обѣщаль не переставать чинить промыслъ надъ непріателемъ креста Господня и въ знакъ своей вѣрности доносилъ гетманской вельможности, что христіанскій царь побѣдилъ подь Адрианополемъ турецкаго султана и едва не взялъ его въ плѣнъ, если-бы султанъ не убѣжалъ въ самый городъ; что царь расположился у стѣнъ города, держитъ турокъ въ осадѣ и можетъ взять въ свои руки самый городъ²⁾.

Въ отвѣтъ на письмо запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа отправилъ изъ Батурина въ Сичь подъячаго малороссійскаго приказа

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; ст. моск. ст. 1688—1689, № 479. л. 177—182.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1689, св. 80, № 22.

Савина съ значимъ козакомъ Кнышенкомъ и съ двумя запорожцами и черезъ нихъ писалъ кошевому и всему низовому войску о томъ, чтобы они отъ перемирія съ бусурманами, согласно обѣщанію вѣрно служить великимъ государямъ, отстали и начали военный промыслъ противъ нихъ чинить. А такъ какъ въ это-же время къ запорожскому войску послано было царское жалованье черезъ дворянина Никифора Путятина и то жалованье уже дошло до города Сѣвска, но тутъ было задержано, то гетманъ послалъ спросить въ Москву, отсылать ли ему въ Сичь царское жалованье и собранное съ Переволочанскаго перевоза годовое борошно и отпустить ли ему запорожскихъ посланцевъ или-же удержать при себѣ до тѣхъ поръ, пока запорожцы не разорвутъ съ Крымомъ мира и не дадутъ обѣщанія начать съ нимъ войну ¹⁾.

Тѣмъ временемъ запорожскіе посланцы Каплинецъ и Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня, были уже на пути изъ Москвы и испытали большую непріятность близъ Сѣвска: выѣхавъ изъ города они сперва опасли своихъ коней и потомъ, дождавшись ночи, отправились въ путь. Въ это время на нихъ напали жители деревни Позднешова, побили запорожскихъ провожатыхъ, отняли у запорожцевъ пожалованную имъ отъ государей бочку меду въ дорогу и выхватили изъ саеи сагну, въ которой были жалованный жупанъ червовый, два шелковыхъ плетевыхъ пояса, два вершка (верха для шапокъ) бармазиновыхъ, четыре лота шелку, одна бѣлая рубаха и одни шаровары. Кромѣ этого, по пріѣздѣ въ городъ Батурино на тѣхъ же запорожскихъ посланцевъ напали стрѣльцы полка Спѣшнева и убили двухъ товарищей ²⁾.

Извѣстіе объ этомъ привело въ сильное негодованіе все Запорожье, и тогда властный Кошъ, недовольствуясь установленными отношеніями съ Крымомъ, рѣшилъ найти себѣ болѣе могущественнаго покровителя, нежели ханъ, и остановилъ свое вниманіе на польскомъ королѣ. Обстоятельства, повидимому, вполне благоприятствовали тому. Въ началѣ августа того же 1689 года Мазепа выѣхалъ изъ Украйны въ Москву, и запорожцы распустили слухъ о томъ, что гетманъ Мазепа будетъ смѣненъ съ уряда и вмѣсто него

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 682—618.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 642—628, 646—627.

«нѣкій иной чинъ имѣеть быти». Они приглашали къ себѣ торговыхъ людей изъ Украйны и объявляли имъ, что татары козакамъ не враги, что ханъ отпускаетъ всѣхъ недавно взятыхъ на берегу Днѣпра въ полонъ христіанъ. Однако слухъ оказался на половину невѣрнымъ, и въ концѣ сентября гетманъ вернулся на Украйну, и тутъ черезъ преданнаго ему запорожскаго писаря Сажка узналъ о слухѣ, пущенномъ запорожцами на Украйнѣ, а также и о томъ, что запорожцы задумали войти въ союзъ съ польскимъ королею и отдаться ему въ протекцію.

И точно, запорожцы надумали не только о союзѣ съ польскимъ королею, но даже о подданствѣ ему. Основаніе къ тому имѣлось у нихъ полное. Лучшіе и болѣе прозорливые люди изъ запорожскаго низдоваго войска далеко раньше этого времени задумывались о будущей судьбѣ «матки отчизны» своей. Уже раньше того нѣкоторые изъ запорожскихъ патріотовъ думали о томъ, какъ-бы вырвать Запорожье изъ рукъ Москвы, которая все ближе и ближе подбиралась къ «низовымъ молодцамъ» и шагъ за шагомъ липала ихъ исконныхъ вольностей, дорогихъ сердцу каждаго козака. Сперва высказана была мысль о томъ, чтобы соединиться съ Турціей, но потомъ остановились на мысли вернуться къ Польшѣ. Ноября 5 дня, 1689 года, запорожцы, собравшись на раду, рѣшили снарядить большую депутацію и отправить ее съ листомъ къ польскому королю Яну Собѣскому. Кошевой атаманъ Гусака, человекъ съ задатками сильной воли и съ несомнѣнными административно-полководческими дарованіями, своими поступками и смѣлостью нѣсколько напоминавшій знаменитаго кошевого Ивана Сирка ¹⁾, но человекъ еще молодой и мало опытный, хотя и былъ противъ такого рѣшенія войска, но подъ конецъ долженъ былъ уступить народной волѣ и принять рѣшеніе рады о посылкѣ письма къ королю. Въ составленномъ по этому поводу письмѣ запорожцы объявляли королю, что Москва нарушаетъ ихъ вольности, что она хочетъ сдѣлать ихъ рабами царей и бояръ и потому просили королевское величество о томъ,

¹⁾ Вѣроятно объ этомъ самомъ Гусака дошло преданіе и до Мышецкаго, который говоритъ, что при кошевомъ Гусака запорожцы имѣли съ турками и съ поляками войны и что еще и нынѣ (1736—1740) у нихъ въ памяти находятся козаки удалыхъ сердець и называются Гусаковщина: Исторія о козакахъ, Одесса 1852, 11.

чтобы онъ «привелъ ихъ подъ свою державу», за что обѣщали вѣрно служить ему, какъ служили ихъ дѣды и отцы прежнимъ королямъ. «Пусть святой духъ освѣтитъ сердца вельможностей вашихъ, писали запорожцы польскому гетману, и дасть вамъ здравый совѣтъ, а наше желаніе таково, чтобы оба народа, польскій и малороссійскій, соединились въ одно». Посланцами отъ низового войска къ королю были куренные атаманы — незамайковскаго куреня Процикъ Лазука и княляковскаго куреня Забіяка съ двумя-стами человекъ рядовыхъ козаковъ. Они снабжены были отъ кошевого атамана проѣзжимъ листомъ и особымъ къ коронному гетману, съ просьбой о покровительствѣ запорожскому войску, письмомъ ¹⁾. Въ числѣ послѣднихъ находился и бывший стрѣлецъ Ивашка Григорьевъ, раньше того ушедшій изъ Новобогородицка въ Сичь «для гулянья». Находясь нѣсколько времени въ Запорожьѣ, Ивашка Григорьевъ слыхалъ отъ многихъ козаковъ, что войско запорожское склоняется къ польскому королю потому, что недоволено жалованьемъ, присылаемымъ ему отъ московскихъ царей: по 10 алтынъ да по 2 локтя сукна на человека въ годъ, а отъ короля-де польскаго они чають себѣ большей платы ²⁾. Но эта жалоба, если она и высказывалась, очевидно шла изъ среды мало мыслящихъ людей, жившихъ лишь интересами дня и вовсе не заглядывавшихъ въ грядущія времена. И точно, въ данномъ случаѣ выдвигался вопросъ чрезвычайной для запорожцевъ важности, который далеко не всѣмъ изъ нихъ могъ вмѣститься въ голову: требовалось спасти вольности отъ притязаній Москвы, которая съ огромными силами уже пробиралась въ Крымъ и если на первый разъ не взяла его, то зато побывала въ самомъ сердцѣ Запорожья, открыла всѣ казацкія нетри, построила на заѣтной всѣмъ козакамъ рѣкѣ Самарѣ городки Новобогородицкія и Новосергіевскія.

О сношеніи запорожцевъ съ польскимъ королемъ гетманъ Мазепа узналъ отъ самого-же запорожскаго посланца, Процика Лазуки. Процикъ Лазука, посланный съ тайнымъ наказомъ отъ кошевого атамана и войскового писаря въ Варшаву на сеймъ еще въ декабрь мѣсяцъ, въ «Пилиповскій» (Филипповъ) постъ, не только

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1689, №№ 609—628, 610—629.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 8, № 55, св. 93, № 40; Архивъ мин. юстиціи, столб. моск. стола, № 479, л. 177—182; 1689, кн. 59.

не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія, но даже раскрылъ всѣ планы кошевого и самого короля сперва одному своему пріятелю Ѳеодору Елеццу и потомъ черезъ него самому гетману Мазепѣ. Ѳеодоръ Елецъ, козацъ вѣвскаго полка, съ дозволенія своего полковника, ѣздилъ «въ польскую сторону съ торговыми вещами» и пробрался въ самую Варшаву. Въ Варшавѣ онъ увидѣлъ давнишняго своего знакомаго Процика Лазуку, вошелъ съ нимъ въ пріязнь и даже заключилъ на томъ съ нимъ клятву. Процикъ Лазука «ради благочестиваго христіанства» обѣщаль Елеццу объявить обо всемъ, что скажутъ ему король и коронный гетманъ литовскій, и для того приказаль ему изъ Варшавы заѣхать въ городъ Немировъ и тамъ ожидать его, Лазуки, прибытія. Въ Немировѣ же Лазука обѣщаль дать своему пріятелю и листъ къ коронному гетману отъ запорожскаго войска. Ѳеодоръ Елецъ всѣмъ тѣмъ воспользовался, какъ нельзя лучше: онъ свидѣлся съ Лазукой въ селѣ Ковалювцѣ воевъ Немирова и потомъ самъ былъ доставленъ вѣвскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ къ гетману Мазепѣ. Мазепа, тотчасъ по прибытіи къ нему Ельца, немедленно отослалъ его въ Москву и вмѣстѣ съ нимъ послалъ писанное къ нему лично Процикомъ Лазукою изъ Польши письмо. Самъ отъ себя гетманъ писалъ въ Москву, что посланецъ запорожскихъ козаковъ Процикъ Лазука даваль ему «предосторогу» о непріятельскомъ съ польской стороны противъ великихъ государей намѣреніи, сообщаль извѣстіе о намѣреніи великаго литовскаго гетмана Сапѣги въ предстоящую зиму исполнить злое намѣреніе поляковъ въ отношеніи русскихъ и прислалъ даже запорожскій листъ, до гетмана короннаго писанный и нарочно имъ, Мазепой, удержанный, въ которомъ «безумное атамана кошевого и писаря объявляется суесловіе»¹⁾.

Въ слѣдъ за прибытіемъ Ельца пришло къ Мазепѣ письмо и отъ Лазуки. Лазука доносилъ, что, будучи на сеймѣ въ Варшавѣ, онъ слыхаль самъ-на-самъ отъ короля о томъ, что у нихъ было постановлено. Во-первыхъ, опредѣленно было—сейму не быть въ теченіе семи лѣтъ; во-вторыхъ, рѣшено было, что поляки заключать миръ съ ордой втихомолку, а относительно похода на орду пустить только одну славу; поляки уже получили городъ Каменецъ.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1690, іюля 10, св. 7; Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 57, л. 248.

во распускають слухъ, будто будутъ воевать его мечемъ. Кромѣ того, король изустно сказалъ Лазукѣ о томъ, чтобы запорожцы, дѣти его, немного побуждали, и тогда онъ, какъ блажелательный для своихъ подданныхъ отецъ, отбереть ихъ къ себѣ. «А что король говорилъ мнѣ (бодай ему не допомогъ Богъ въ томъ!), я сообщу твоей милости тайно отъ другихъ. И слыхалъ я снова изъ королевскихъ устъ, что полянки будутъ около Полоннаго и около Бердичева сѣна робить, тамъ-же будетъ и войско ихъ зимовать, и то будто-бы для того, чтобы ударить на татаръ. Листы гѣ, которые король будетъ посылать, отправляя, милостивый добродѣю, до Сичи тѣмъ-же человѣкомъ, которому я выдалъ ихъ, ибо то умный и опытный человѣкъ¹⁾. Листъ, который написанъ былъ изъ Сичи до короля, я отдалъ королю; а листъ, который написанъ былъ до польного гетмана, я задержалъ у себя и посылаю его для глѣпшаго уразумѣнія твоей милости. А того человѣка, будь ласковъ, награди, такъ какъ я самъ, покинувъ все въ Немировѣ, не имѣю худобы никакой, ибо, какъ идетъ поголовка, того человѣка, гдѣ-то за городомъ, въ Курчакѣ, татары разбили и чуть было въ неволю не захватили. Изложивъ все это твоей панской милости, остаюсь блажелательнымъ какъ передъ свѣтлымъ государемъ. Тебѣ, милостивому государю, пану и добродѣю, тотъ человѣкъ скажетъ устно очень секретную рѣчь, которую я слыхалъ отъ польного гетмана и своими глазами видѣлъ его. Твоей милости Прочиекъ Лазува, полковникъ на тотъ часъ будущій»²⁾.

Въ Москвѣ уже знали о сношеніяхъ запорожскихъ козаковъ съ Польшей отъ находившагося при польскомъ королѣ русскаго резидента Волкова. Волковъ успѣлъ донести въ Москву о цѣли пріѣзда запорожскихъ посланцевъ въ Варшаву и о результатѣ ихъ миссіи. Посланцы, явившись къ королю, передали ему, что запорожцы не получаютъ отъ Москвы хлѣбныхъ запасовъ, что они сильно стѣснены и не могутъ свободно ходить на низовья Днѣпра за добычей; что это обстоятельство поставило ихъ въ необходимость помириться съ крымскимъ ханомъ, но что они теперь бьютъ челомъ королю, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою оборону и

¹⁾ Разумѣется названный выше ковакъ кievскаго полка Елецъ.

²⁾ Архивъ мнв. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, июля 10, св. 7, іюля 11, св. 7, № 701—682.

прислалъ-бы имъ свой указъ о томъ, какъ имъ быть съ московскими царями и крымскимъ ханомъ. Кромѣ того, Волковъ доносилъ, что онъ освѣдомился у короннаго гетмана Яблоновскаго о причинѣ прѣзда запорожскихъ посланцевъ къ королю, и гетманъ отвѣтилъ, что запорожцы прѣехали для вступленія въ королевскую службу подъ тѣмъ предлогомъ, что къ нимъ цари не присылаютъ хлѣбныхъ запасовъ и что у нихъ отъ того большой голодъ, но что король ни въ коемъ случаѣ не приметъ ихъ подъ свою протекцію, такъ какъ не желаетъ нарушать мирнаго договора Польши съ Россіей. Отъ тайнаго-же сторонника своего, какого-то подольскаго православной вѣры шляхтича, занимавшаго должность покоёваго при королевской особѣ, русскій резидентъ слышалъ, что король призывалъ къ себѣ Лазуку и Забіяку и далъ имъ обѣщаніе принять запорожцевъ въ оборону «тайными вымыслами». Имѣя дружбу съ Крымомъ, король всѣми мѣрами старался произвести между городскими и запорожскими козаками смуту съ тою цѣлью, чтобы всѣхъ вообще козаковъ привести къ себѣ, потому что вѣчный миръ, установленный между Польшей и Россіей, королю невыгоденъ и непотребенъ, — ему жаль городовъ и земель, уступленныхъ московскимъ государямъ¹⁾.

Процикъ Лазука, возвратившись въ запорожскую Сичу, привезъ съ собой 300 червонцевъ, данныхъ королемъ для раздачи низовому товариству. Объ этомъ немедленно извѣтилъ гетману Мазепу его тайный сторонникъ Михайло Сажко, запорожскій войсковой писарь²⁾. Тогда гетманъ послалъ отъ себя въ Сичъ козака Горбаченка и приказалъ ему сойтись съ Процикомъ Лазукой и подробно отъ него разузнать о всѣхъ разговорахъ, которые онъ слышалъ въ Польшѣ. Процикъ Лазука въ тайной бесѣдѣ съ Горбаченкомъ сообщилъ ему, что запорожскихъ посланцевъ король принялъ съ большимъ почетомъ, что коронный гетманъ увѣщевалъ ихъ служить королю, а самъ король, вручая Лазукѣ 300 червонцевъ для раздачи запорожскому товариству, обѣщалъ прислать потомъ побольше черезъ какихъ-то знатныхъ особъ кievскихъ. Самъ отъ себя Лазука просилъ Горбаченка передать гетману Мазепѣ, чтобы онъ не вѣрилъ полякамъ: «Изъ того, что я

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1689, св. 93, № 40.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1689, кн. 69, л. 111.

слыхалъ тамъ отъ короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ, вижу, что они зла желаютъ нашей Украйнѣ»¹⁾).

Не получивъ такимъ образомъ отъ польскаго короля рѣшительнаго отвѣта, запорожскіе козаки снова вернулись къ вопросу о дружбѣ съ крымскимъ ханомъ и на этотъ разъ рѣшили закрѣпить съ нимъ вѣчный миръ. По этому поводу между товариствомъ образовалось двѣ партіи,—одна партія за союзъ съ Крымомъ, противъ Москвы; другая партія за союзъ съ Москвой, противъ Крыма. Однимъ казалось выгоднѣе быть въ миру съ Крымомъ, чтобы пользоваться добычею соли и рыбы въ крымскихъ озерахъ; другимъ казалось полезнѣе держаться Москвы, чтобы получать отъ царей денежное и хлѣбное жалованье.

Первая партія, однако, взяла верхъ надъ второю, и запорожцы въ началѣ 1690 года вновь вошли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о такомъ рѣшеніи, послалъ, января 11 числа, запросъ въ Москву о томъ, какъ ему поступить съ государственной казною, присланной для запорожскаго войска съ запорожскими посланцами, Каплинцемъ и Максимомъ, находящимися въ Батуринѣ.

Казну велѣно было задержать, а запорожскихъ посланцевъ отпустить въ Сичь.

Марта 5 дня гетманъ отпустилъ посланцевъ въ Сичь и съ ними отправилъ гадячскаго сотника Поддѣснаго да батуринскаго козака Данила Бута съ обширнымъ листомъ оставить «непотребное дѣло» и снова возвратиться къ русскимъ царямъ. Вместе съ запорожскими посланцами отпущенъ былъ бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой, который, выѣхавъ еще прошлой осенью съ товарищами изъ Запорожья, прожилъ въ теченіе всей зимы на становищахъ въ малороссійскихъ городахъ. Отпуская Каплинца и Филона Лихопою въ Сичь, гетманъ совѣтовалъ имъ, по прибытіи на Кошъ, объявить всему войску о томъ, чтобы оно, во имя всегдашней своей вѣрности московскимъ государямъ, смѣнило настоящаго кошевого Ивана Гусака и войскового писаря Михайла Сажка и вмѣсто нихъ выбрало другихъ лицъ, а перемиріе съ бусурманами порвало разъ и навсегда. Того требуетъ и честь славныхъ рыцарей низовыхъ и прямая польза ихъ»²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. дѣла, 1690 № 680, 682.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

«Мои милостивые пріятели и братія, господине атамане кошевой и все старшее и меньшее товариство войска ихъ царского пресвѣтлого величества. Неменьшая печаль и немалая скорбь намъ, гетману и всему войску запорожскому городовому, отъ того происходитъ, что вы, братія наша, то-жъ что и мы, будучи Малою Россіи истинные сыновья, не хотите въ общей съ нами обрѣтатись единомышленности и по присягѣ вашей не радѣете быть у великихъ государей своихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества, въ надлежащемъ послушаніи и покорности, но столь далеко забрели въ упрямствѣ своемъ и ожесточились, что обратили всегдашнюю монаршескую милость великихъ государей во гнѣвъ и, не смотря на многократные указы монаршескіе и непрестанныя напоминанія разорвать съ бусурманами миръ, вы все-таки къ удивленію всего христіанскаго міра никакой готовности къ разорванію мира не показали. Напротивъ того, еще не такъ давно, въ присутствіи находившагося въ Запорожьи царского посланнаго, какъ самъ, ваша милость, атаманъ кошевой, такъ и писарь вашъ Сашка, многое пререканіе чинили противъ монаршескаго имени и тѣмъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ еще большую досаду причинили, и хотя государи, какъ христіанскіе цари, не отмѣнили своего обыкновеннаго милосердія, приказавъ отпустить къ вамъ вашихъ посланныхъ Ивана Каплинца съ товарищами, но все-же ни своего милостиваго жалованья, которое уже на дорогѣ находилось, ни хлѣбныхъ запасовъ и перевозныхъ переволочанскихъ денегъ посылать къ вамъ не велѣли. Посланныхъ вашихъ мы безъ задержанія къ вашимъ милостямъ отпускаемъ и съ ними своихъ посланцевъ, съ нашимъ листомъ, сотника полковаго гадячскаго, Типку Поддѣснаго съ товариствомъ посылаемъ и, не теряя надежды на склоненіе сердецъ вашихъ, прилежно и горячо напоминаемъ, чтобы вы, ваша милость, оставивъ неповиновеніе монаршеской волѣ, безотлагательно склонились къ счастливому и похвальному съ непріятелями разрыву и больше съ ними проклятого союза не держали. Еще недавно то было, когда вы, ваша милость, видя учиненное, вслѣдствіе необходимыхъ и уважительныхъ причинъ, монаршеское съ бусурманами перемиріе и не найдя въ томъ для себя никакой корысти, но вспоминая смѣлыя противъ бусурманъ дѣла своихъ предковъ, сами противъ нихъ воспалились, какъ содержится это въ нашей памяти, и хотя снова, ради окупа невольниковъ, чинили съ ними, бусурманами, миръ, однако-же дѣлали то на короткое время и долго не

держали его. А нынѣ, когда всѣ христіанскія государства находятся съ ними въ войнѣ, вы, не стылясь страха божьяго, не разсудивъ о вашей правдивой христіанской должности, такъ долго и такъ твердо держите съ ними перемиріе, что, не смотря на приказаніе монарховъ своихъ, разорвать не хотите. И не стыдно-ли вамъ, живя подъ своими монархами и защищаясь монаршескою милостью, держаться такого упрямства, которое вмѣсто славы званую срамоту приносить? Для прибыли-ли или для доброй памяти на предбудущіе вѣка вы то дѣлаете, что указа монаршеского, котораго, какъ божьяго повелѣнія, всѣмъ намъ надлежитъ слушать, вы не послушали? Уже-ли у васъ нѣтъ такого человѣка, искренне любящаго правду, который-бы далъ вамъ толчекъ, ради исполненія воли монаршеской и распространенія доброй славы вашей, къ чиненію промысла надъ тѣми непріятелями бусурманами? Всѣмъ вамъ, какъ старшимъ, такъ и меньшимъ, достойно было-бы здравымъ умомъ и единомышленнымъ совѣтомъ разсудить о томъ, что то дѣло есть дѣло очень безчестное и въ предбудущія времена на войско срамоту приносящее; когда христіанскіе монархи со своими святыми союзниками непріятелей бусурманъ со всѣхъ сторонъ воюютъ, вы, съ бусурманами братаясь, чините имъ охлажденіе и отдохновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ-бы крымскій ханъ изъ Крыма на помощь упдающему турчанину, если-бы вы въ воинскихъ промыслахъ противъ бусурманъ обрѣтались и если-бы вы въ перемирію, и всему христіанству вредительному, и монархамъ своимъ противному, не пристали? Но когда тѣ непріятели, послѣ многихъ надъ ними отъ христіанъ побѣдъ и безъ вашего имъ вспомошествованія, притѣснены будутъ до конечнаго разоренія, на что и нужно, при помощи божіей надѣяться, то тогда какъ вы поступать будете и на кого у васъ будетъ надежда въ то время? Польская страна, какъ сами знаете, въ той-же союзной войнѣ противъ бусурманъ обрѣтается и поступка вашего похвалить не захочетъ. А если-бы кто-нибудь (изъ поляковъ) въ томъ и далъ вамъ поблажку, то тутъ самая память вамъ подскажетъ, что если-бы войску запорожскому было хорошо при польской державѣ жить то не было бы надобности и Хмельницкому возставать противъ того. И если вы испортите то, что сдѣлали раньше васъ добрые молодцы, то какова-же изъ того выйдетъ вамъ похвала? И такъ ради будущихъ неудобствъ и страшнаго безчестья, которое вы себѣ навлечете, вы, ради Бога, ради спасенія вашихъ душъ и

ради цѣлости малороссійскаго народа, учините послушаніе своимъ пресвѣтлымъ монархамъ, разорвите то свое христіанству вредительное съ непріятелями бусурманами перемиріе; оставьте ту ненадобную отговорку, будто того учинить нельзя ради товариства, на добычахъ обрѣтающагося, ибо я знаю, что тому товариству въ одинъ часъ можно послать предостереженіе, такъ что съ нихъ ни одинъ волосъ не пропадетъ. И коль скоро вы то благое и богобоязливое послушаніе учините, тотчасъ мы постараемся о томъ, что вамъ пришьютъ милостивое монаршеское жалованье и отъ насъ борошно и деньги перевозныя; сверхъ того вамъ умножится и на будущія времена монаршеская милость и наша региментарская любовь, и дача особая будетъ дана. А главное изъ того розмирья выйцетъ то, что всѣ христіанскіе народы возрадуются отъ вашего постоянства; если-же къ тому и промыслы свои покажете, то заслужите похвалу всего свѣта, доброю молвой веадъ расходящуюся. А что посланнымъ вашимъ въ Батуринѣ учинилось печальное дѣло и что тамъ были убиты до смерти два вашихъ товарища, то ради того случая не печальте сердцеъ вашихъ, потому что убійство то случилось по одной злобѣ убійць, а не по приговору кого-нибудь, и наказаніе тѣмъ убійцамъ, по указу царскаго пресвѣтлаго величества, будетъ по истинѣ и по справедливости»¹⁾.

Независимо отъ этого гетманъ Мазепа послалъ особыхъ «подлинныхъ людей» въ запорожскую Сичь и въ турецкіе городки для собиранія тамъ точныхъ вѣстей.

Однако, посланцы не принесли гетману никакихъ вѣстей. «Подлинныхъ людей» кошевой совсѣмъ не пустилъ въ городки; Каплинецъ и Лихопой отказались гетману писать. Но у Мазепы былъ вѣрный слуга, переволочанскій дозорца Иванъ Рутковскій, который не замедлилъ съестись съ гетманскимъ посланцемъ Бутомъ, находившемся въ Сичѣ, и съ его словъ поспѣшилъ послать Мазепѣ «подлинную» о запорожцахъ вѣсть. Положеніе дѣлъ въ Запорожьѣ, по словамъ Рутковскаго, было таково.

Въ то время, когда Буть находился въ Сичи, туда прискакалъ какой-то козакъ миргородскаго полка верхомъ на лошади безъ сѣдла («охлупъ») и объявилъ о томъ, что гетманъ Мазепа собралъ полки для того, чтобы идти противъ татаръ и два полка,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

полтавскій и миргородскій, имѣлъ послать подѣ турецкіе городки; полковники двухъ послѣднихъ полковъ условились собраться на рѣкѣ Ингульцѣ и оттуда идти подѣ Кызыкермень. Получивъ такую вѣсть, запорожскіе козаки, собравшись на раду, рѣшили о походѣ малороссійскихъ полковъ подѣ Кызыкермень предупредить турецкихъ властей и для этого отправили войскового пушкаря съ двумя простыми козаками. Войсковой пушкаръ поскакалъ въ Кызыкермень и о грозившей опасности городку объявилъ кызыкерменскому писарю Шабану. Шабанъ написалъ запорожцамъ благодарственное письмо и тутъ-же объявилъ, что мусульмане не боятся встрѣчи съ малороссійскими полками, такъ какъ къ турецкимъ городкамъ скоро будетъ крымскій ханъ, только что одержавшій побѣду надъ нѣмцами въ Венгерской землѣ и теперь направлявшійся въ Кызыкерменскому городку. Платя благодарностью за благодарность, Шабанъ предупреждалъ кошевого Гусака, что на крѣпость Кодакъ идетъ московскій воевода съ полкомъ, во что запорожцы, несомнѣнно, найдутъ себѣ помощь у хана для отраженія ихъ враговъ. Въ то время, когда войсковой пушкаръ прибылъ въ Кызыкермень, тамъ находился атаманъ незамайковскаго куреня Иванъ Коваль, хлопотавшій объ отдачѣ какого-то козака Филиппа вмѣсто плѣннаго татарина. Кызыкерменскій бей далъ и войсковому пушкарю и атаману Ковалю по письму отъ себя и отпустилъ ихъ въ Сичь. Письма были доставлены въ Сичь и прочтены на радѣ, въ присутствіи всѣхъ козаковъ, но запорожцамъ сильно не понравилось то, что ханъ шелъ съ побѣдоноснымъ войскомъ назадъ: они опасались, какъ-бы онъ не обратилъ своего оружія и на самихъ козаковъ. Но тутъ отъ татаръ пришла новая вѣсть, что они дѣйствительно ждуть къ себѣ хана и не на однихъ словахъ готовы помогать запорожцамъ: уже и теперь татарская орда, бывъ подѣ Чернымъ лѣсомъ и услыжавъ, что запорожцы ждуть къ себѣ возвращенія отправленнаго къ польскому королю собственнаго посла, которому компанійскія войска «заступили» путь, послали отъ себя отрядъ на выручку того посла.

Эта вѣсть совершенно успокоила козаковъ. Но самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ или колебался на счетъ истинныхъ намереній татаръ или-же хотѣлъ въ отношеніи Мазепы вести независимую политику отъ козаковъ и потому, готовясь отпустить отъ себя гетманскаго посланца Бута, просилъ его передать джорцѣ Рутковскому, что онъ вовсе не врагъ ни гетмана, ни царя

и если гетманъ пожелаетъ что-нибудь учинить противъ враговъ, то пусть дастъ о томъ вѣсть, и кошевой готовъ будетъ служить гетману и радѣть государямъ. Но такому настроенію кошевого Гусака помѣшало одно обстоятельство, происшедшее въ Кызыкерменѣ и сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Сичи.

Въ Кызыкермень изъ города Лебедина пріѣхалъ одинъ чело-вѣкъ, по фамиліи Иванъ Гутникъ, ч привезъ туда для продажи партію сукна. Явившись къ писарю Шабану, онъ скоро подружился съ нимъ и, подвыпивъ, сталъ говорить, что у него дома есть дѣти, которыя ходятъ въ школу и учатся читать письма и что для науки своихъ дѣтей онъ хотѣлъ-бы получить отъ писаря какіе-нибудь листы, за что готовъ писаря даже и подарить. Писарь Шабанъ, не подозрѣвая въ той просьбѣ никакого дурного умысла, собралъ писанныя къ нему отъ запорожскихъ козаковъ письма и передалъ ихъ Гутнику для его дѣтей. Гутникъ сталъ тѣ письма читать и удивлялся тому, какъ запорожцы величаютъ крымскаго хана. Но случившіеся тамъ запорожскіе козаки услышали чтеніе своихъ писемъ и сразу поняли коварный умыселъ гетманскаго агента. Гутникъ-же, давъ писарю кинбѣякъ (?), поспѣшили уѣхать отъ него, направивъ свой путь черезъ запорожскую степь. За нимъ поѣхали и бывшіе въ Кызыкерменѣ козаки. Прибывъ въ Сичь, они объявили въ ней о томъ, съ чѣмъ ѣхалъ черезъ Запорожье лебединскій купецъ, и кошевой атаманъ послалъ за нимъ войсковаго асаула въ догонъ. Но было уже поздно, и Гутникъ оставивъ степь, успѣлъ доставить добытыя имъ письма въ Переволочанскій перевозъ. Тогда кошевой атаманъ, сильно озлобленный такимъ обстоятельствомъ, распорядился не пропускать никого въ Запорожье, безъ предварительнаго обыска, и кромѣ вина и тютюну не позволилъ ничего привозить въ Сичь. Онъ видѣлъ, что по Запорожью вездѣ снуютъ гетманскіе агенты, въ видѣ торговцевъ и купцовъ, и стараются разузнать всѣ тайны запорожскаго войска. При всемъ этомъ гетманъ все-таки успѣлъ разузнать, что запорожцы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія своего посла отъ польскаго короля, и что какъ только тотъ посолъ прійдетъ, то они заключатъ съ Крымомъ миръ и пойдутъ войной на Москву: имъ-бы только Полтаву захватить, а тамъ они съумѣютъ всѣхъ къ себѣ привратить. Гетманъ зналъ и то, что не переставая думать о войнѣ, запорожцы вышли по нѣсколько чело-вѣкъ изъ cadaго куреня частію на собственныя рѣчки и побросали

язы для рыбныхъ добычь, частію на урочище ниже турецкихъ городковъ «съ ясками повольно»¹⁾).

Пока шли эти объясненія между гетманомъ Мазепою и запорожскими козаками, тѣмъ временемъ крымскій ханъ, возвращаясь изъ похода на Венгерскую землю, пошелъ въ Бѣлогородчину и оттуда направился въ Крымъ. Давъ въ Крыму нѣсколько времени отдохнуть своимъ конямъ, онъ задумалъ, собравъ большія орды, идти мимо Кызыкерменскаго городка чигиринскою стороною на украинные города. Тогда гетманъ Мазепа, получивъ такую вѣсть, собралъ свои полки и вышелъ съ ними сперва къ Гадячу, а потомъ спустился поближе къ Днѣпру, въ городокъ Голтву. Но непріятель, увидя собранные малороссійскіе полки, открытога нападенія сдѣлать не посмѣлъ и послалъ нѣсколько загоновъ подъ Черкасы, Бѣлую-церковь и Синяву да подъ Новобородицкую крѣпость и другіе самарско-орельскіе городки. Для защиты Новобородицкаго городка гетманъ поспѣшилъ отправить, марта 9 дня, изъ полтавскаго полка 1000 человекъ козаковъ, а самъ отступилъ въ Лубны и послалъ государямъ запросъ какъ ему дальше поступать. Но государи предоставили гетману окончить это дѣло такъ, какъ онъ самъ лучше найдетъ. Тогда гетманъ, продержавъ всю зиму сторожу отъ татаръ, разставилъ по всему берегу Днѣпра, отъ Орели до Кіева, войска въ орельско-самарскихъ городкахъ, Переволочнѣ, Келебердѣ, Кременчукѣ, Потоцкѣ, Власовкѣ, Городищѣ, Чигиринѣ-Дубровкѣ, Жовнинѣ и Еремѣвкѣ,—а самъ вернулся въ Батуринъ, 1689 года, марта 15 дня.

Мазепа былъ убѣжденъ, что непріятели, благодаря взятымъ мѣрамъ, не посмѣютъ дѣлать нападеній на малороссійскіе города. Запорожцы-же, одни безъ татаръ, не казались страшными для гетмана: онъ былъ увѣренъ, что если-бы они и захотѣли внести между малороссійскимъ народомъ мятежъ, то не могли-бы найти сочувствія себѣ. Къ тому-же гетманъ отдалъ всемъ полковникамъ ярщій приказъ никого изъ городовъ въ Запорожье ни съ борошвомъ, ни съ чѣмъ другимъ, ни порожнемъ для рыбной ловли не пропускать; а если-бы кто пожелалъ идти для рыбныхъ ловель въ рѣку Бугъ или въ рѣчки полевые или въ озера «на сей сторонѣ Днѣпра, которыя повыше Сичи суть», то таковой долженъ давать за себя поруку, что онъ съ той рыбной добычей возвратится безъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

замедленія назадъ и ни на какой своевольный путь не пойдетъ Гетманъ взялъ всѣ мѣры и относительно запорожскихъ посланцевъ которые находились подъ Немировымъ, въ обратномъ пути, чтобы ихъ «перенять и въ свои руки загрести»: онъ поставилъ «бдительнаго и недѣливого, въ вѣрности известнаго человѣка» полкового коннаго асаула Ивана Рубана съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ добраго товариства на правой сторонѣ Днѣпра, межъ Чернымъ лѣсомъ и Чигириномъ, куда посламъ лежалъ обратный путь. Асаулу Рубану гетманъ отдалъ строжайшій приказъ «неусыпное око» надъ ними имѣть, всякими способами радѣть, что-бы ихъ въ Батуринь привести, за что гетманъ отъ имени великихъ государей самому асаулу Рубану и его наслѣдникамъ обѣщаль великую милость оказать и награжденіе дать ¹⁾.

Московское правительство, похваляя гетмана за его распоряженіе и дѣятельность во время прихода на чигиринскую сторону, татаръ, имѣло, однако, главную мысль о томъ, чтобы такъ или иначе вновь запорожское войско на свою сторону склонить.

Но случившіяся въ то время обстоятельства, не только не благоприятствовали такому стремленію московскаго правительства; напротивъ того, сильно взволновали запорожское войско и поддержали въ немъ враждебное настроеніе противъ Москвы, въ особенности-же противъ гетмана Мазепы. Названные выше запорожскіе посланцы Иванъ Каплинець да Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня, зявили жалобу сѣвскому воеводѣ Ивану Юрьевичу Неплюеву и гетману Мазепѣ о пограбленіи у нихъ возлѣ Сѣвска разныхъ вещей изъ ихъ личнаго скарба и объ убіеніи двухъ ихъ товарищей, асаула Степана Рудого да козака Леска, изъ которыхъ первый умеръ немедленно, а второй немного спустя, февраля 22 дня, въ Батуринь, за Путивльскими воротами, на рогу. Слѣдствіе по убійству тянулось съ февраля мѣсяца до іюня, и по розыску дѣла оказалось, что убійцами запорожцевъ были сиповщики Фома Никифоровъ, Андрей Учюй, Михайло Дубовый да Данило Гордѣевъ съ товарищами, всѣхъ девять человѣкъ. Они напали на двухъ названныхъ запорожскихъ козаковъ и одному изъ нихъ въ трехъ мѣстахъ голову пробили, а другого до полусмерти прибили, а платья, снявъ съ нихъ, въ навозъ, противъ войсковыхъ избъ, спрятали. По этому

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

поводу изъ Москвы пришелъ приказъ сперва пытать порознь каждаго изъ убійцъ, находившихся подъ карауломъ въ Батуринѣ, а потомъ казнить ихъ смертию, если они сдѣлали такое злодѣяніе по умыслу; «буде-же совершили его пьянскимъ обычаемъ», оставить въ живыхъ, но подвергнуть пыткѣ и допросу и потомъ подвергнуть наказанію. Гетманъ Мазепа нашелъ, что убійцы совершили «свое дѣло» въ пьяномъ видѣ и потому, не подвергая ихъ пыткѣ, однимъ изъ нихъ велѣлъ сослать на вѣчное житіе на Самарь, другихъ въ Переяславъ. Но первые, вслѣдствіе морового повѣтрія, открывшагося въ то время въ Запорожьи, оставлены были въ Батуринѣ на неопредѣленное время и только вторые отправлены были съ женами и дѣтьми на мѣсто ссылки ¹⁾.

И разбойство русскихъ и самое рѣшеніе по этому поводу со стороны гетмана вызвало у запорожцевъ большое негодованіе и поддержало враждебное настроеніе противъ Москвы.

Въ это-же время произошло и другое обстоятельство, сдѣлавшее немалое волненіе между запорожцами. Въ концѣ апрѣля мѣсяца въ Запорожьи открылось моровое повѣтріе, не прекращавшееся въ теченіе всего лѣта. Отъ того повѣтрія въ Новобогородицкой крѣпости поумирало много московскихъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и самъ воевода крѣпости Алексѣй Ивановичъ Ржевскій съ сыномъ ²⁾. Сосѣдній съ Новобогородицкимъ городомъ, Новосергіевъ или Вольное, весь вымеръ и навсегда остался въ запустѣніи. Отъ Самары моровое повѣтріе спустилось ниже и коснулось самой Сичи.

Гетманъ Мазепа узналъ о моровомъ повѣтріи, открывшемся въ Запорожьи, отъ своего дозорцы Ивана Рутковскаго, котораго извѣстилъ о томъ, мая 10 числа, 1690 года, китайгородскій сотникъ Семень Ревенко.

Въ слѣдъ за моровымъ повѣтріемъ появилась, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Запорожьи саранча. Страшная масса ея заслонила солнце, помрачила небо, наполнила воздухъ невыразимымъ смра-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 82, № 18, св. 7, № 689—670.

²⁾ вмѣсто умершаго Ржевскаго присланъ былъ воевода Змѣевъ. По словамъ Величка, сынъ Ржевскаго хотя и пострадалъ отъ болѣзни, но, однако, остался живъ; Мазепа-же доноситъ въ Москву, что вмѣстѣ съ отцемъ умеръ и сынъ.

домъ и задушила своимъ зловоніемъ множество лошадей, воловъ и коровъ ¹⁾).

Узнавъ объ открывшейся въ Запорожьи моровой язвѣ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить о томъ въ Москву. Онъ писалъ, что многіе изъ реймента гетманскаго люди, ужаснувшись моровой язвы, «повтигали» изъ Новобогородицкой крѣпости въ разныя стороны. Многіе изъ великороссійскихъ ратныхъ людей также бѣжали изъ города; они «тулялись» по степямъ, по байракамъ, по лугамъ и по островамъ двѣпровскимъ и въ тѣхъ разныхъ мѣстахъ одни поумирали, другіе, хотя и остались живы, скрывались другъ отъ друга. Тѣла умершихъ оставались долго въ тѣхъ «пустыхъ» мѣстахъ и наводили великій страхъ на живыхъ людей. Въ виду такого страха гетманъ, желая прежде всего сохранить царскую казну въ городѣ Новобогородицкѣ, приказалъ послать въ дикіе поля возлѣ города тысячу человекъ козаковъ полтавскаго полка и на смѣну его столько же козаковъ миргородскаго полка. Но козаки тѣхъ полковъ, не разъ бывавшіе въ бою съ непріателемъ, не рѣшались идти на явную смерть въ Новобогородицкѣ. Тогда Мазепа распорядился послать за рѣку Орель самого полтавскаго полковника Федора Жученка. Федоръ Жученко повиновался волѣ гетмана, но скоро донесъ ему, что половина злосчастнаго города сдѣлалась добычей страшнаго пожара и потому спрашивалъ, какъ поступить ему съ уцѣлѣвшимъ въ немъ имуществомъ. Гетманъ велѣлъ полковнику наблюдать городъ отъ окончательнаго со стороны непріятелей разоренія, а самимъ полчанамъ предписалъ отнюдь не брать никакихъ вещей умершихъ отъ моровой язвы людей, — ни одежды, ни денегъ, которыя бы нашлись въ дикихъ поляхъ и байракахъ; людей «повѣтренныхъ» къ себѣ не пускать, рыбы у запорожскихъ промышленниковъ не покупать ²⁾).

Это распоряженіе, въ связи съ прежнимъ обстоятельствомъ, еще болѣе возбудило запорожцевъ противъ гетмана Мазепы.

А между тѣмъ московское правительство, уже давно знавшее о намѣреніи запорожскаго войска отдаться подъ протекцію польскаго короля и заручиться постояннымъ союзомъ съ крымскимъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855, III, 87, 88, 95.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 670—681; Акты южной и западной Россіи, V, 288.

кавомъ, рѣшило, во что-бы то ни стало, отклонить запорожцевъ отъ такого дѣла. Гетману Мазепѣ вновь предписано было, чтобы онъ приложилъ всякое стараніе привести запорожцевъ къ послушанію и къ разрыву съ татарами. И гетманъ приложилъ свои старанія, дѣйствуя то увѣщаніями, то деньгами. Въ этомъ случаѣ весьма много помогла Мазепѣ та неустойчивость и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, которая составляла характерную черту козаковъ запорожскаго низового войска и которая обыкновенно проявлялась какъ разъ въ самые рѣшительные моменты ихъ намѣреній: запорожцы всегда любили пошумѣть, наговорить много угрозъ по адресу своихъ зложелателей, любили «покуражиться», какъ они сами говорили о себѣ, а потомъ внезапно смирились и приходили совершенно къ другому рѣшенію. Такъ у нихъ бывало зачастую. Такъ произошло и на этотъ разъ.

Гетманъ Мазепа, получивъ царское предписаніе, выбралъ самаго ловкаго и самаго хитраго изъ своихъ сподручниковъ, козака Горбаченка и, вручивъ ему письмо и денежные подарки для кошевого атамана и старшины, отправилъ его въ Сичь. Въ своемъ письмѣ Мазепа поздравлялъ все запорожское низовое войско съ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія, объявлялъ кошевому атаману Ивану Гусаку о посылкѣ ему подарка въ 20 левовъ, всей старшинѣ въ 8 левовъ на человѣка и за то обращался къ нимъ со словомъ убѣжденія отстать отъ бусурманъ и пристать по прежнему къ своимъ православнымъ царямъ ¹⁾.

Посланецъ прибылъ въ Сичь мая 12 дня и въ тотъ-же день вручилъ войску гетманскій листъ, а кошевому атаману и старшинѣ передалъ гостинецъ левами. Гетманскій листъ, по обычаю войска, прочитанъ былъ на радѣ и черезъ два дня послѣ того на него написанъ былъ отвѣтъ. Въ отвѣтномъ письмѣ запорожцы писали, что гетманъ ничего имъ новаго не сказалъ кромѣ того, чтобы козаки разорвали съ неприятелими миръ и взялись за военный промыселъ противъ нихъ. Убѣждая въ этомъ запорожское товарищество, гетманъ самъ не только для того никакой помощи войску не оказываетъ,—ни деньгами, ни хлѣбнымъ продовольствіемъ, но даже охотнаго люда изъ Украины на Запорожье не пускаетъ и только сладкими своими обѣщаніями запорожцевъ, точно малыхъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

дѣтей, утѣшаетъ. Отъ этого онъ краснорѣчиво собой напоминаетъ извѣстную пословицу: «Дѣки зійде сонце, жебы роса очи ихъ выисть». А чрезъ это можетъ выдти, вмѣсто старой, добытой отвагою добрыхъ молодцевъ, войсковою славы, столь дорогой для всего козацкаго народа, одна пагуба для запорожскаго низового войска. «Много разъ мы писали до вашей вельможности, требуя отъ васъ, чтобы вы прислали намъ все необходимое и все потребное для военнаго предпріятія, денегъ на сторожу, хлѣбныхъ запасовъ на войско, свободнаго къ намъ прохода охочимъ людямъ, но вы, ваша вельможность, того не дѣлали и теперь не дѣлаете, а только, утѣшая своею ласкою, тѣмъ насъ впевняете. Поэтому намъ, не видящимъ отъ васъ никакого вниманія и расположенія, зачѣмъ же власне съ непріятелями розмириться и какое намъ отъ того будетъ потомъ утѣшеніе и награда, развѣ сами себя уменьшимъ пожитку? Да и можемъ-ли мы съ нашими малыми силами возстать противъ такого воинственнаго непріятеля? Если, вельможность ваша, потребуете отъ насъ, чтобы мы розмирились съ непріятелями, то намъ нельзя будетъ послѣ этого не только распространиться, но и носа высунуть. Другое дѣло будетъ, когда вы учините дѣсь все такъ, какъ мы просили въ первомъ и въ теперешнемъ просимъ письмѣ: тогда мы не будемъ больше причинять вамъ въ этомъ дѣлѣ никакого безпокойства. Если-же вы не исполните согласно нашей просьбы, то не утруждайте больше ни себя, ни насъ, и подобныхъ писемъ къ намъ не присылайте. А что пишете, ваша вельможность, о томъ, что пресвѣтлыя монархи наши указали быть намъ симъ лѣтомъ на военной службѣ, то мы всегда готовы къ военному промыслу, и за нами это дѣло не станетъ, да и сборовъ намъ большихъ не прійдется чинить: какъ скоро зачумъ о сближеніи силъ монаршихъ, не замѣшкаемъ того-жъ часу и перемиріе съ непріятелемъ разорвать. А на сей часъ сообщаемъ вѣсти, какія имѣемъ, о непріятельскомъ положеніи: крымскій ханъ находится въ Ядерномъ, вся орда повернула до Крыма, сынъ хана находится въ Бѣлоградѣ» ¹⁾).

Къ листу отъ всего запорожскаго низового войска особо приложено было письмо къ гетману Мазепѣ отъ кошевого атамана Гусака и отъ всей «за нимъ» войсковою старшины. Кошевой отъ

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

себя и отъ всей старшины благодарилъ гетмана «упавши до ногъ его» за присланные въ подарокъ левы и обѣщалъ съ своей стороны всякимъ добромъ «отдачити и зичливыми услугами отслужити», но при этомъ покорно просимъ гетманскую ясновельможность исполнить просьбу всего запорожскаго низового войска: принять жалобу на урядъ, т. е. на начальниковъ переволочанскихъ: на сотника и на шапѣра, за то, что они невыносимыя кривды, убытки и бѣдствія людямъ причиняють, надъ войскомъ запорожскимъ настигаются, говоря торговымъ людямъ, чтобы они не возили въ Запорожье ничего другого, кромѣ дегтю да горилки. Такія слова—большая скорбь и обида для войска, и кошевой со старшиною просить гетманскую вельможность не оставить втунѣ такихъ словъ переволочанскихъ начальниковъ ¹⁾.

Послѣ этого гетману ничего не оставалось сдѣлать, какъ задобрить запорожцевъ. Онъ послалъ имъ, при самомъ любезномъ письмѣ, годовое борошно и деньги съ Переволочанскаго перевоза отъ прошлаго года, обѣщалъ, кромѣ того, прислать денегъ отъ царской казны и малороссійскаго скирба. Но за все то настоятельно просилъ низовое товариство разорвать перемиріе съ бусурманами, которые, не опасаясь запорожцевъ и считая ихъ своими друзьями, успѣли сдѣлать нѣсколько на христіанъ нападеній подъ Бѣлою-Церковью, на Миусѣ и Калмиусѣ и увести не мало людей православныхъ въ поганскую неволю. Гетманъ убѣждалъ запорожцевъ вспомнить рыцарскую отвагу и чинить на татаръ нападеніе, какъ дѣлали это полковые асаулы малороссійскаго войска Рубанъ у Мотронина и Иванъ Искра на вершинѣ Вовчей, отнявшій взятый татарами ясырь подъ оредьскими городжами, и полковникъ Семенъ Палій съ молодцами переяславскаго полка подъ Бѣлою-Церковью за Гнилымъ Текичемъ ²⁾.

Такіе доводы подѣйствовали, наконецъ, на запорожцевъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ отрядъ запорожскаго войска ходилъ въ помощь полякамъ противъ татарскихъ загоновъ и на обратномъ пути получилъ отъ коронаго гетмана Яблоновскаго проѣзжіи листъ черезъ польскія владѣнія ³⁾. Въ іюлѣ мѣсяцѣ самъ гетманъ Мазепа писалъ къ великимъ государямъ, что запорожцы, какъ донесъ ему

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690 св. 7, № 665—646.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 680—641.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, № 657—676.

бывшій въ Запорожьи священникъ изъ города Кобелякъ, объявили свое намѣреніе сдѣлать нападеніе на турецкіе городки по Днѣпру. По этому поводу Мазепа поспѣшилъ послать кошевому атаману Ивану Гусаку извѣстіе объ отправленіи малороссійскаго войска подъ городъ Кызыкермень «для разоренія» турецкихъ крѣпостей и просилъ кошевого помогать ему собственными войсками или, по крайней мѣрѣ, «не давать знать татарамъ о таковой посылкѣ» ¹⁾. Конечно, запорожцы приняли и ту и другую гетманскую просьбу съ большой охотой, но зато въ счетъ будущей своей услуги просили гетмана исходатайствовать у царскихъ величествъ денежное и хлѣбное жалованье для войска за два прошедшіе года ²⁾.

Просьба запорожскихъ козаковъ на этотъ разъ была исполнена безъ замедленія. Сентября 17 дня, по указу великихъ государей, прибылъ въ запорожскую Сичь стольникъ, воевода и полковникъ Аванасій Алексѣевичъ Чубаровъ; съ нимъ вмѣстѣ прибыли коноватопскій сотникъ Федоръ Кандыба и арматный асаулъ Тимошъ Пиковець съ особыми подарками на войсковой скарбъ и на божію церковь отъ самого гетмана Мазепы. Стольникъ привезъ съ собою червонные золотые, кармазинныя и амбургскія сукна, атласы, бархатные вершки, соболи, свинець и зелье (порохъ). Все это жалованье еще съ прошлаго года задержано было въ городѣ Сѣвскѣ, но теперь благополучно доставлено было въ Сичу и роздано по составленной у гетмана Мазепы росписи кошевому атаману, старшинѣ и всему войску. Сентября 19 дня у кошевого Ивана Гусака, куренныхъ атамановъ и у всего войска низового собрана была большая рада. На ту раду кошевой вышелъ въ кармазиновомъ, подбитомъ соболями кафтанѣ и съ камышиной, оправленной золотомъ и дорогими камнями; куренные атаманы также всѣ вырядились цвѣтно и стройно. Передъ началомъ рады пушгари стрѣляли изъ пушекъ, довбоши били въ бубны и литавры ³⁾. На собранной такимъ образомъ радѣ все войско низовое постановило съ крымскимъ ханомъ и съ турецкими городками учиненное перемирие разорвать и въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца въ турецкіе городки съ этою цѣлью розмирное письмо послать. А для извѣстія о такомъ рѣшеніи великимъ государямъ опредѣлено было

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 88, № 44; подл. 685—704.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 88, № 44.

³⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 62, л. 760.

отправить куренного атамана переяславскаго куреня Ивана Рубана и съ нимъ отъ всякаго куреня по одному человѣку.

Обо всемъ этомъ донесъ гетману Мазепѣ стольникъ Аванасій Чубаровъ, сентября 21 дня, со стану подлѣ рѣки Соленой, отъѣхавъ 15 верстъ отъ Сичи ¹⁾. Самъ гетманъ послѣшилъ извѣстити о томъ великихъ государей, радуясь повороту чувствъ со стороны запорожскаго низоваго войска ⁽²⁾.

Независимо отъ донесенія Аванасія Чубарова гетманъ Мазепа получилъ донесеніе и отъ самого кошевого атамана. Кошевой атаманъ Гусакъ со всемъ низовымъ товариствомъ сообщалъ гетману, что запорожское войско принимало въ Кошу царскаго стольника и бывшихъ съ нимъ сотника Кандыбу и асаула Пиковца въ полной посполитой радѣ. На той радѣ прочитана была съ полнымъ вниманіемъ грамота царскихъ помазанниковъ божіихъ, аки даръ многоцѣнный, и въ слѣдъ за грамотой выслушанъ былъ листъ гетманскій. Державнѣйшіе великіе государи изволили явить свою монаршескую милость, прислали отправленное еще въ прошломъ году, но задержанное въ городѣ Сѣвскѣ, царское жалованье. Теперь это жалованье, по челобитью гетмана, добродѣя запорожскаго войска, благополучно дошло въ Сичь и роздано всему какъ старшему, такъ и младшему товариству. И присылка этого жалованья оказалась какъ нельзя болѣе кстати: вернувшись въ прошломъ году изъ похода покъ Перекопъ на Сичу, запорожцы, разсудивъ, что имъ нечѣмъ содержаться, нашли нужнымъ учинить съ бусурманами и съ крымскимъ ханомъ перемирие: «Что имѣли мы раньше запасовъ, то ходячи подъ Перекопъ въ двѣ дороги, съѣли, надеясь на монаршескія силы и на взятіе Перекопа; но Голицынъ не только намъ, но и всему городовому войску, учинилъ великій жаль и слова монаршого не статчили, и мы никакого утѣшенія изъ того витягства не получили; а вслѣдствіе того и перемирие (съ бусурманами) учинили. А что вельможность твоя, пишешь, почему мы о святой Тройцѣ розмирья съ крымскимъ царствомъ не учинили, то мы рады были - бы учинить то розмирье, но, какъ раньше въ первомъ нашемъ письмѣ вамъ писали, такъ и теперь пишемъ, что по божьему копущенію между нами вкинулось морское повѣтріе, отъ чего мы ни одного товарища (козака) не

1) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 7, № 715—696.

2) Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 62, л. 760.

могли задержать, да и до настоящего времени всёх не можем на Кошъ собрать. За то, вельможность ваша, на меня гнѣва твоего не накладай. Отъ насъ-же, войска запорожскаго, никому изъ городского товариства, какъ старому, такъ и молодому, кривды никакой не дѣлается, находится-ли кто на Кошу или остается одностайне на рѣчкахъ полевыхъ. Какъ дѣтямъ одного отца наше товариство городовымъ вашей вельможности товарищамъ, одинъ одному, кривды ни на Двѣпрѣ, ни на рѣчкахъ полевыхъ, не чинить. А мы, войско запорожское, какъ усердно и вѣрно на вѣчное подданство пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государямъ непрестанно служили, такъ и будемъ служить, а вельможность вашу, какъ добродѣя и рейментаря нашего имѣть себѣ желаемъ. И такъ какъ мы не имѣемъ другого отца и иного опекуна, кромѣ вельможности вашей, сіяющаго въ качествѣ свѣтлаго дня для всей Малой Россіи, то мы покорно просимъ вашу вельможность, чтобы вы на насъ, запорожское низовое войско, имѣли ваше ласковое и веселое панское око. Смѣемъ и теперь покорную нашу до вельможности вашей, добродѣя и рейментаря нашего, внести просьбу: изволь похлопотать для насъ, войска запорожскаго, у великихъ государей, помазанниковъ божіихъ, чтобъ къ намъ и за настоящій годъ дошло монаршее ихъ жалованье. А что до присяги гетмана Зиновія Хмельницкаго и всего низового и городского войска, учиненной великому государю, блаженной памяти Алексѣю Михайловичу, отцу великихъ государей, то мы по той присяжной нашей присягѣ и теперь все войско запорожское низовое, общее съ городовымъ, держимся и остаемся подъ счастливою рукою ихъ царскаго пресвѣтлаго величества и готовы одностайне исполнить все повелѣнное намъ отъ великихъ помазанниковъ божіихъ, лишь бы насъ, войско запорожское низовое, ихъ десница не забывала¹⁾.

Отпустивъ отъ себя царскаго стольника Аванасія Чубарова, запорожцы немедленно сварили большое посольство, въ числѣ около 80 человекъ, и отправили его сперва въ городъ Батурина, а изъ Батурина велѣли ѣхать въ Москву²⁾. Во главѣ этого посольства были атаманы куреней переяславскаго Иванъ Рубанъ и крыловскаго Харько, называемый иначе Захаріемъ; за ними слѣ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 7, 814—695.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, св. 85, № 1.

довали: асаулъ Леско Сила, писарь Яковъ Богунъ, атаманъ иркутскаго куреня Цабиля, атаманъ щербиновскаго куреня Губа ¹⁾).

Запорожскіе посланцы везли съ собой два письма,—одно къ гетману Мазепѣ, другое къ великимъ государямъ. Въ письмѣ къ Мазепѣ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ и все запорожское посольство предупреждали гетмана о выѣздѣ изъ Сѣчи Ивана Рубана и атамана Харька съ товарищами въ Москву и просили его вельможность отпустить всѣхъ посланныхъ къ великимъ государямъ или полученія на наступившій новый годъ ²⁾ монаршескаго жалованья съ прибавкой сукнами и деньгами; кромѣ того, независимо отъ царскаго денежнаго жалованья, товариство добивалось получить отъ самого гетмана хлѣбные запасы, которыхъ за цѣлый годъ не было прислано. За присланныя же деньги—тысячу червонцевъ на войсковой скарбъ, полтораста золотыхъ на божію церковь, за подарокъ златоглавыхъ ризъ, епитрахили и сосудовъ церковныхъ запорожцы били гетману челомъ и усердно его благодарили. Не довольствуясь этимъ, запорожцы покорно просили гетмана приказать «своимъ господскимъ словомъ, чтобы въ войско запорожское ватажники съ запасомъ приходили», да чтобы въ войсковой скарбъ денежный сборъ отъ Переволочанскаго перевоза присылали. По ходатайству его вельможности и по милости великихъ государей войско запорожское пожаловано было Переволочанскимъ перевозомъ, но только отъ того перевоза для войска никакой нѣтъ прибыли: на томъ перевозѣ ходятъ двѣ липы (лодки) гетманскаго дозора Рутковскаго, одна липа сотнина Полуяна да одна липа священника Василя, которые и берутъ себѣ всю отъ перевоза денежную прибыль. За всѣ будущія милости гетмана войско обѣщаетъ, когда сойдется снизу все товариство до Сичи, послать розмирный листъ

¹⁾ Изъ рядовыхъ козаковъ въ этомъ посольствѣ были: Василь Юркуша, Иванъ Дрыга, Илько Алексѣенко, Семень Плаханенко, Лукьянъ Везодна, Васъ Мышастый, Степанъ Исаенко, Иванъ Дубаненко, Тимко Рышка, Андрей Буръ, Иванъ Дитюкъ, Иванъ Занка, Андурюдушко Донской, Иванъ Малый, Иванъ Горьбый, Гарасимъ Крыса, Иванъ Савущенко, Игнатъ Черный, Мусій Чермавъ, Кондратъ Игнатенко, Харько Левченко, Ильяшъ Степаненко, Панасъ Коломыщенко, Терешко Яковенко, Тимко Андрееенко, Иванъ Тыведый, Василь Папушко, Яцко Высочинъ, Романъ Хведоренко, Яцко Калишенко, Данило Яременко, Иванъ Щербина, Федоръ Ильяшенко, Семень Мищенко, Панасъ Панченко, Иванъ Корніенко, Оома Иваненко, Грицко Лаврененко, Мартынъ Давиденко и нѣкоторые другіе.

²⁾ Новый годъ въ то время начинался съ сентабра мѣсяца.

къ турецкимъ городчанамъ о святомъ Покровѣ и чинить съ бусурманами военскіе промыслы. Относительно морового повѣтрія, бывшаго въ Запорожьѣ, козаки писали, что теперь его нечего опасаться, такъ какъ оно уже совершенно прекратилось ¹⁾).

Въ такомъ же духѣ писало все запорожское низовое войско, кошевое, днѣпровое, низовое, ²⁾будущее на поляхъ, ³⁾на полянкахъ, на всѣхъ урочищахъ—днѣпровыхъ и полевыхъ, въ Москву къ великимъ государямъ. Пожелавъ пресвѣтлымъ монархамъ добраго здравія, побѣды и одолѣнія на всѣхъ враговъ православной восточной церкви, войско извѣщало объ отправкѣ въ Москву «знатныхъ особъ» Рубана и Харька съ товарищами, било челомъ, приклонивши къ стопамъ царскимъ свои головы, о милостивомъ жалованьи на наступившій годъ за вѣрныя свои службы и выражало полную готовность чинить, не дальше Покрова, розмиръ съ бусурманами ²⁾).

Едва прибыли Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько въ городъ Батурино, и едва гетманъ успѣлъ отправить въ Москву гонца съ запросомъ, пропустить-ли ему изъ Сичи въ столицу посольство отъ Коша ³⁾), какъ запорожское низовое войско отправило къ гетману Мазепѣ новыхъ посланцевъ, атамановъ полтавскаго и кущовскаго куреней съ товарищами. Новое посольство выражало гетману большую благодарность за присланное имъ въ Кошъ жалованье и борошно и просило немедленно дать знать въ Сичу, будетъ или не будетъ война съ бусурманами. Гетманъ, получивъ такой запросъ, поспѣшилъ отвѣтить запорожцамъ, что листъ ихъ запросный онъ послалъ въ Москву, но извѣстія оттуда, за осеннимъ безпутьемъ, получить, вѣроятно, не такъ скоро; что съ бусурманами у русскихъ война и раньше никогда не прекращалась, но какъ будетъ теперь, онъ, гетманъ, того на письмѣ сказать не можетъ, такъ какъ всякіе военные замыслы, какъ запорожцы сами хорошо то понимаютъ, должны сохраняться въ строгой тайнѣ. Давъ такой уклончивый отвѣтъ на запросъ войска о войнѣ противобусурманской, гетманъ Мазепа въ слѣдъ затѣмъ, октября 17 дня, послалъ кошевому атаману Гусаку свой листъ съ извѣстьемъ, что, по ходатайству его, гетмана, и по щедротѣ великихъ государей, запорожскимъ козакамъ велѣно выдать годовое царское жалованье,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, № 701—720.

которое будет прислано по первому зимнему пути в Батурино, а оттуда доставлено в Сичу. Но только гетману немало удивительно то, что запорожцы, пообещав разорвать мир с бусурманами не дальше праздника Покрова, однако и до последнего времени этого не делают и никакой о том не подают вѣсти. В виду этого, гетманъ совѣтуетъ запорожцамъ непремѣнно разорвать съ бусурманами перемирие, чтобы не навлечь на себя «монаршескую немилость, regimentарскую нелюбовь и всего свѣта неславу», и немедленно открыть съ бусурманами военный промыслъ ¹⁾.

Тѣмъ временемъ первые посланцы запорожскаго войска Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько съ товарищами, прибывъ в Батурино, отправились, по указанію гетмана, в Конотопъ и простояли тамъ двѣ недѣли. Гетманъ задержалъ ихъ частью съ тою цѣлью, чтобы пустить ихъ в Москву не раньше зимы и тѣмъ устранить всякую возможность занесенія в столицу морового повѣтрія; частью съ тѣмъ, чтобы до отхода ихъ в путь получить отъ государей указъ, какъ съ ними поступить. Но такъ какъ запорожскіе посланцы постоянно докучали гетману объ отпускѣ ихъ в Москву, то гетманъ «боясь, по его словамъ, привести ихъ в отчаяніе и горшее неповиновеніе и тѣмъ не посѣять пререканій и плевельныхъ рѣчей, каковыхъ в сіе время нужно было особенно остерегаться», отпустилъ ихъ в городъ Сѣвскъ и сообщилъ о томъ сѣвскому воеводѣ Леонтьеву, а потомъ донесъ и в Москву къ государямъ; самимъ же запорожцамъ, на семьдесятъ-одного человека выдалъ подорожную и приказалъ доставлять имъ во всѣхъ городахъ, гдѣ нужно, 40 подводъ безъ всякаго замедленія ²⁾.

По полученіи извѣщенія отъ гетмана Мазепы о выѣздѣ запорожскихъ посланцевъ, государи приказали отправить два указа, одинъ в Сѣвскъ, на имя воеводы Леонтьева, другой в Калугу, на имя воеводы Сухова-Кобылина. Воеводѣ Леонтьеву приказано было, в случаѣ пріѣзда в городъ Сѣвскъ запорожскихъ посланцевъ, принять ихъ, постановить на добрыхъ дворахъ, гдѣ пристойно, дать имъ пристава и тому приставу внушить имѣть къ нимъ привѣтъ, ласку и береженіе, и объявить имъ, чтобы они оставались в Сѣвскѣ впредь до царскаго указа. Жалованье имъ приказано было выдавать, примѣняясь къ прежнимъ примѣрамъ,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1651, св. 85, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. А платью ихъ, суконное, киндячные и кумачные кафтаны и сорочки, которые у нихъ окажутся, перемыть и купить имъ по сорочкѣ и по порткамъ изъ сѣвскихъ-же доходовъ. Товары, сѣдла, оружіе, которыя будутъ съ ними, все описать, оставить въ Сѣвскѣ и велѣть сохранять въ цѣлости, чтобы все то не погнило, не было испорчено ржой или мышами. При отпускѣ изъ Сѣвска также оставить ихъ лошадей и кормить до возвращенія посланцевъ изъ столицы. Изъ Сѣвска ихъ отпустить съ приставомъ въ Калугу не раньше, какъ за двѣ недѣли до праздника Рождества Христова. Если-же запорожцы начнутъ жаловаться на задержаніе ихъ въ городѣ Сѣвскѣ, то говорить имъ, что такое задержаніе произошло отъ того, что въ Запорожьѣ въ недавнихъ мѣсяцахъ и числахъ былъ моръ и чтобы они не имѣли въ томъ задержаніи никакого сомнительства, а также не обижались-бы за распоряженіе о платьѣ, какъ, въ виду прилипчивости болѣзни, это дѣлается во всѣхъ государствахъ. Въ Москву-же они будутъ отпущены скоро и получаютъ указъ о томъ отъ великихъ государей. На такое распоряженіе воевода Леонтьевъ отвѣчалъ государямъ, что на встрѣчу запорожскихъ посланцевъ онъ посылалъ майора Луцевина да стародубца Лихонина и отъ нихъ узналъ, что всѣхъ посланцевъ 71 человекъ и при нихъ 82 лошади; что моровое повѣтріе было съ весны въ Запорожьѣ небольшое и теперь совершенно тамъ прекратилось; что платью, въ которомъ они выѣхали изъ Запорожья, они побросали въ Глуховѣ и что кошевой атаманъ и все низовое войско, послѣ ихъ отъѣзда, хотѣли розмириться съ бусурманами. Пріѣзжихъ помѣстили въ ямской слободѣ, дали имъ приставомъ Дениса Лихонина и назначили содержаніе изъ остаточной отъ прошлаго года наличной денежной казны на всѣхъ 71 козака по 26 алтынъ и 4 деньги на день, кромѣ того, на мѣсяць по полусотни муки ржаной на человека, всѣмъ обще кругъ овсяныхъ 2 чети, соли 3¹/₂ пуда, примѣняясь къ прежнимъ дачамъ. Тутъ-же имъ въ приказной избѣ объявили, что они будутъ, въ виду морового повѣтрія, оставлены въ Сѣвскѣ до зимняго пути и до морозовъ, послѣ чего поѣдутъ въ Калугу и изъ Калуги въ столицу ¹⁾.

Съ такими-же точно наставленіями посланъ былъ царскій указъ и воеводѣ Сухово-Кобылину въ Калугу. По росписи, приложенной

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ. 1691, св. 85, № 1

къ указу, опредѣлено было выдавать Ивану Рубану по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакамъ семидесяти человѣкамъ по 10 денегъ, вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки человѣку на день ¹⁾).

Оба воеводы, сѣвскій и калужскій, получивъ царскіе указы, исполнили ихъ въ точности. Сѣвскому воеводѣ запорожскіе посланцы отвѣчали, что товаровъ у нихъ никакихъ не имѣется; что платя свои они еще въ Глуховѣ побросали; что о задержаніи своемъ въ городѣ Сѣвскѣ они никакого сумнительства не имѣютъ, лошадей своихъ они сдали на прокормъ въ сѣвскій уѣздъ, а сѣдла и ружья отдали, по росписи, для склада въ казенный амбаръ на присмотръ осадному головѣ Гломаздину.

Пробывъ до зимняго пути въ городѣ Сѣвскѣ и потомъ получивъ 28 рублей, 13 алтынь и 2 деньги да 20 ведеръ вина на прокормъ въ теченіе осьми дней въ дорогѣ, запорожскіе посланцы изъ Сѣвска перѣехали въ Калугу, а изъ Калуги прибыли въ Москву ²⁾).

По пріѣздѣ въ Москву запорожскіе посланцы получили содержаніе—на 71 рубль двуденежныхъ хлѣбовъ, калачей столько-жъ, рыбы свѣжей мерзлой на 3 рубля, поль-осьмины крупъ, муки на 6 алтынь и 4 деньги, по 3 воза дровъ на недѣлю, цѣною 2 алтына и 2 деньги за возъ, для топленія палатъ и для варенія кушанья, товарищамъ Ивана Рубана по 2 алтына и по 2 деньги человѣку на день, а въ тотъ день, когда были у руки великихъ государей, дано было корма съ поденнымъ вдвое, на отпускъ-же къ прежнему въ прибавку по 1 рублю, а всего съ прежнимъ по 5 рублей на человѣка; самому Рубану и его товарищу Ѳомѣ ³⁾ приказано было на отпускъ дать сукна англійскаго по 5 аршинъ изъ казеннаго приказа ⁴⁾).

Отпуская изъ Москвы запорожскихъ посланцевъ, великіе государи велѣли вручить имъ грамоту для передачи кошевому атаману съ объявленіемъ, что посланцы войска запорожскаго низового Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько, были допущены предъ очи го-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

³⁾ Почему Ѳомѣ, а не Харьку, который былъ товарищемъ при Рубанѣ—неизвѣстно; можетъ быть Харько было прозвище, а Ѳома—имя.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

сударей и что всему войску низовому посылается милостивое государево жалованье.

На отъездъ изъ Москвы запорожскіе посланцы, Иванъ Рубанъ съ товарищами, подали челобитную великимъ государямъ на томъ, что будучи задержаны въ теченіе шести недѣль въ Сѣвскѣ, они «испроѣлися», потому что тамъ имъ выдавалось царскаго жалованья всего лишь по одному литовскому чеху; кромѣ того, когда они были въ Сѣвскѣ, у нихъ пало 8 лошадей, да на выѣздѣ изъ города пало отъ голода 3 лошади. И потому козаки просятъ великихъ государей выдать имъ жалованье за «пропалыхъ» лошадей да приказать вернуть имъ ружья изъ казны, отобранную у нихъ въ Сѣвскѣ. По той челобитной запорожскихъ посланцевъ велѣно было государями послать грамоту сѣвскому воеводѣ Леонтьеву съ приказаніемъ выдать атаманамъ по 7 денегъ, рядовымъ козакамъ по 4 деньги на день изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ; о лошадяхъ-же приказано было сдѣлать розыскъ, а ружья и всякую козацкую ружья вернуть въ цѣлости и всѣхъ посланцевъ отпустить изъ Сѣвска на Запорожье безъ задержанія ¹⁾.

Такимъ образомъ, вернувшись вновь подъ власть московскихъ государей и подъ regimentъ малороссійскаго гетмана, запорожскіе козаки открыли набѣги на татарскіе и турецкіе города и селенія и въ этомъ провели конецъ 1690 года. Такъ, въ исходѣ ноября этого года, запорожцы напали на Перекопской дорогѣ, въ урочищѣ Стрѣлицѣ, подъ предводительствомъ ватага Максима, на татарскій отрядъ, провожавшій ханскую казну и нѣмецкій ясырь изъ Очакова до Крыма, пять человекъ татаръ изъ того отряда на смерть убили, а четырехъ живыми съ собой взяли и въ Москву отослали ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 8, № 727—710.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Появление въ Запорожьи Петрика и планы его объ освобожденіи Малороссіи и Запорожья отъ московскаго ига.—Письмо гетмана Мазепы къ запорожскому товариству по поводу бѣгства въ Сичь Петрика.—Броженіе умовъ въ Запорожьи вслѣдствіе бѣгства туда изъ Гетманщины козаковъ и посполитыхъ людей, питавшихъ ненависть къ Мазепѣ.—Пріѣздъ царскаго посла въ Сичь съ жалованьемъ и недовольство запорожскихъ козаковъ на Москву.—Волненіе въ Сичѣ по поводу отправки гетманскаго посланника въ Крымъ.—Казнь козака Матвѣевна кошевымъ атаманомъ Гусаконъ и ропотъ за то на него со стороны товариства.—Удаленіе Петрика въ Кызыкермень и изъ Кызыкермена въ Крымъ.—Письмо Петрика къ запорожскому войску.—Договоръ Петрика съ крымскимъ ханомъ, извѣщеніе о томъ запорожцевъ и раздѣленіе ихъ на два лагеря.—Объявленіе Петрика гетманомъ Малороссіи, выступленіе татаръ изъ Крыма къ Каменному Затону и свиданіе ихъ съ запорожцами.—Отношеніе кошевого атамана Гусака къ Петрику и настроеніе козацкой массы въ Запорожьи.

Начало 1691 года ознаменовалось для запорожскихъ козаковъ появленіемъ у нихъ нѣкоего Петрика, который пришелъ въ Сичь со смѣлыми задачами человѣка такъ или иначе спасти родину отъ самовластия гетмана Мазепы и отъ грозившей Малороссіи опасности быть въ конецъ подавленной со стороны Москвы. Это не былъ какой-нибудь проходимецъ, искавшій приключеній среди запорожскаго войска. Это была горячая голова, ясно сознававшая недуги своего отечества, твердо рѣшившаяся взять на себя роль спасителя Украйны и заодно съ ней Запорожья и съ этою цѣлью удалившаяся въ Сичь ¹⁾). Запорожье еще сохранило нѣкоторую

¹⁾ У Костомарова появленіе Петрика въ Запорожьи отнесено почему-то къ 1692 году, тогда какъ по современнымъ событію актамъ это было въ 1691 году: «Въ прошломъ, въ 7199 году (7199 - 5508 - 1691), показывалъ бывшій запорожскій козакъ конеловскаго куреня, Кондрать Михайловъ, приѣхавъ на Запорожье канцеляристъ Петрикъ.... а пришелъ на Запорожье, жилъ онъ, Петрикъ, въ томъ-же конеловскомъ куренѣ.» Архивъ мин. юст., книга мал. приказовъ, № 66, л. 106—129. Въ архивѣ мин. ин. дѣлъ первое указаніе о Петрикѣ, также имѣется подъ 1691 годомъ, св. 8, № 790—776

независимость отъ Москвы и потому черезъ запорожцевъ можно было добиться полной независимости Украйны, если только ясно представить имъ печальное положеніе дѣлъ на Украйнѣ, если свернуть козаковъ въ сторону отъ Москвы и объявить послѣдней открытую и рѣшительную войну. Запорожцы, всегда мужественно стоявшіе за свои вольности и старокозацкія права, теперь, въ такой рѣшительный моментъ, могли встать поголовно, какъ одинъ человѣкъ, и спасти Украйну и Запорожье отъ страшной имъ Москвы, противъ которой они глухо боролись уже со времени гетмана Богдана Хмельницкаго.

Появленіе Петрика на историческомъ поприщѣ Запорожья и Малороссіи произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Петрикъ, называемый иначе Петромъ Ивановичемъ Иваненкомъ или Петромъ Ивановичемъ Петричевскимъ, былъ родомъ изъ Новосанджара, полтавскаго полка, занималъ должность старшаго канцеляриста при генеральной войсковой канцеляріи, былъ женатъ на племянницѣ генеральнаго писаря Василя Леонтьевича Кочубея, по имени Ганнѣ. Принадлежалъ натурамъ живымъ, безпокойнымъ, легко увлекающимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ считающимъ себя призванными къ великимъ дѣламъ и чрезвычайнымъ подвигамъ, Петрикъ составилъ себѣ планъ отторгнуть, посредствомъ Крыма и Турціи, Малороссію отъ Великой Россіи, сдѣлать ее независимою отъ Москвы и открыть крымцамъ походы на города русскаго государства. Своими дѣйствіями онъ хотѣлъ повторить дѣйствія гетмана Петра Дорошенка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытавшагося тѣ-же самые замыслы привести въ исполненіе. Обстоятельства по началу благопріятствовали Петрику какъ въ самой Украйнѣ, такъ и въ Запорожьи. Дѣло въ томъ, что и предшественники гетмана Мазепы и самъ Мазепа раздачею земель чиновно-административному сословію Малороссіи, закрѣпленіемъ за чиновнымъ сословіемъ людей простаго званія, а также введеніемъ откупной системы такъ называемой «оранды» шинковъ сильно возстановили противъ себя и простой народъ и малороссійское козачество. Многіе изъ украинскихъ жителей, недовольные введенными на родинѣ порядками, стали бросать села, деревни и хутора и убѣгать на Запорожье, на вольныя земли и воды. Прибывъ на Запорожье, они говорили, что на Украйнѣ жить невозможно; что тамъ завелись новые, изъ малороссійской - же братіи, паны, закрѣпостившіе за собой множество народа; что тамъ нельзя заниматься свободно промыслами и торговлею; что тамъ,

наконецъ, уже давно ничего нѣтъ малороссійскаго, а все повелось панское.

Этимъ недовольствомъ малороссійскаго народа, а чрезъ него и запорожцевъ, и рѣшился воспользоваться Петрикъ для своихъ цѣлей. Въ январѣ мѣсяцѣ 1691 года, послѣ праздника святого Крещенія, прїѣхали изъ Москвы въ Батуринъ особые нарочные съ царскимъ жалованьемъ гетману и всей малороссійской генеральной старшинѣ посланцы. Гетманъ, получивъ привезенное жалованье, нѣкоторымъ изъ полковниковъ, бывшимъ на ту пору въ Батуринѣ, лично вручилъ ихъ часть, а нѣкоторымъ, не случившимся въ гетманской столицѣ въ тотъ часъ, отправилъ собственными посланцами. Между непрїѣхавшими былъ полтавскій полковникъ Федоръ Жученко. Къ Жученку посланъ былъ, на вседневной ведѣль, старшій канцеляристъ Петрикъ Иваненко. Передавъ жалованье по принадлежности и получивъ отъ полковника благодарственный гетману Мазепѣ «респонсъ», Петрикъ изъ Полтавы уѣхалъ въ Новосанджаръ, будто-бы съ тѣмъ, чтобы навѣстить тамъ своихъ родныхъ. Выѣхавъ изъ Новосанджара уже великимъ постомъ, Петрикъ, неизвѣстно для какихъ цѣлей перебрался за рѣку Ворсклу въ поле; тамъ онъ оставилъ, подъ скирдой сѣна, свои сани и, сѣвъ на кони, въ сопровожденіи своихъ слугъ, направился Днѣпромъ по льду и скоро прибылъ въ запорожскую Сичь¹⁾.

Прибывъ въ Сичь, Петрикъ объявилъ козакамъ, что онъ ушелъ изъ Украйны на Запорожье единственно вслѣдствіе измѣнившихся къ нему чувствъ Мазепы: «Гетманъ сталъ къ нему быть недобръ, оттого онъ и покинулъ его»²⁾. Сидя въ Сичи, Петрикъ первое время, однако, ни о чемъ другомъ, повидному, не думалъ, кромѣ своихъ семейныхъ дѣлъ. Такъ, изъ Сичи онъ написалъ въ это время два письма,—одно къ дядѣ своей жены, генеральному писарю Василю Кочубею, другое къ самой женѣ Гаянѣ. Въ письмѣ къ Кочубею онъ говорилъ, что бѣжалъ на Сичь отъ злой жены своей, посягавшей на его собственную жизнь; а въ письмѣ къ женѣ писалъ, что, не называя ея «непристойныхъ и злотворныхъ»

¹⁾ Лѣтописецъ Величко обвиняетъ въ этомъ случаѣ самого Мазепу: «Мазепа, замысливши нѣкія козни противъ своихъ государей, самъ позволилъ Петрику, при особой тайной информации своей, отъѣхать изъ Полтавы въ Сичу и изъ Сичи въ Крымъ». Лѣтопись, Кіевъ 1855, III, 95.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1691, № 66, лл. 106—129.

поступковъ, онъ предоставляетъ ей жить, богатѣть и прохлаждаться безъ своего мужа, а для него проситъ прислать зеленый кафтанъ, одинъ котелъ, треногъ да ременное путо; холопство-же, оставить въ цѣлости, какъ было ¹⁾).

Гетманъ Мазепа, узнавъ о бѣгствѣ Петрика въ Сичь, написалъ въ Кошъ письмо съ извѣстіемъ о покражѣ Петрикомъ изъ генеральной канцеляріи какихъ-то бумагъ, съ увѣщаніемъ запорожцевъ отстать отъ Петрика и съ требованіемъ прислать бѣглеца въ Батуриявъ. Петрикъ, развѣдавъ о предписаніи гетмана, сталъ ходить по куренямъ, бить челомъ козакамъ и просить ихъ не выдавать его гетману. Козаки то обнадеживали его, то говорили, что бѣглеца надо выдать гетману. Собрана была рада и на радѣ поставили вопросъ, какъ быть съ Петрикомъ. Тутъ также одни высказались, что Петрика нужно выдать гетману, а другіе, напротивъ того, возражали, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, который говорилъ въ томъ духѣ, что если выдать одного Петрика, то это значитъ лишиться на будущее время всѣхъ, имѣющихъ приходиться въ Сичь: въ Сичѣ съ поконъ вѣковъ ведется такой обычай, что тамъ всѣмъ вольный приходъ. Послѣ долгихъ споровъ послѣдняя партія взяла верхъ, и Петрикъ остался въ Сичи. Ловкость, находчивость, знаніе канцелярскаго дѣла были причиной того, что скоро послѣ этого Петрикъ, приобрьвъ довѣріе козаковъ, сдѣланъ былъ писаремъ запорожскаго войска.

Настроеніе, охватившее въ это время массу запорожскаго войска, какъ нельзя болѣе соответствовало планамъ Петрика. Это настроеніе выразилось нескрываемымъ негодованіемъ противъ гетмана Мазепы, и виновниками того были малороссійскіе козаки и поселитые люди, оставившіе Гетманщину и ушедшіе въ Запорожье. Подавляемые самовластіемъ гетмана, возмущаемые произвольною раздачею съ его стороны различнымъ своимъ «похлѣбцамъ» людей и маетностей и увеличеніемъ податей и налоговъ, недовольные стѣснительными мѣрами во отношеніи продажи въ городахъ спиртныхъ напитковъ, негодующіе на гетмана за стремленіе его создать въ Малороссіи дворянское сословіе, за введеніе ненавистной пачины, за постоянныя сношенія его съ Москвою и за запрещеніе свободныхъ сношеній Малороссіи съ Запорожьемъ, малороссіянне

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1691, № 62, листъ 800

открыто выказывали свою ненависть къ гетманскимъ порядкамъ и не стѣсняемые ничѣмъ въ Запорожьи, дали толчекъ здѣсь къ народному броженію. Безпокойное настроеніе запорожской массы не замедлило сказаться весьма скоро.

Въ началѣ февраля мѣсяца, 1691 года, пріѣхалъ въ Сичь стольникъ Аванасій Чубаровъ, подъячій Вонифатій Пароентьевъ и гетманскіе посланцы Глуховець и Харевичъ съ царскимъ жалованьемъ въ 500 червонцевъ, нѣсколько штукъ соболей и суконъ, 500 бочекъ муки и собранныхъ съ Переволочанскаго перевоза 5000 золотыхъ ¹⁾. Принявъ царскіе дары, запорожцы стали негодовать на то, что жалованья прислано имъ мало; одинъ изъ куренныхъ атамановъ, взявъ соболя, бросилъ ихъ на землю и закричалъ: «Это жалованье не въ жалованье! Служимъ мы долго, а кромѣ этого ничего больше не выслужили! Такіе соболи мы и прежде видали! Пришли къ намъ москали, велятъ намъ съ туркомъ воевать, а сами съ ними мирятся». Другіе козаки въ тонъ куренному атаману кричали такъ: «Если такъ, то надобно старшихъ москалей побить или въ Чортомлыкъ посадить, остальныхъ въ городки отдать. Соболи присланы только четыремъ, а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велю жалованье прислать 500 червонцевъ! Намъ надо присылать по 5000. ²⁾».

Едва успѣли отъѣхать изъ Запорожья царскіе посланцы, какъ въ Сичь явился отъ Ивана Мазепы посланецъ Пантелеймонъ Радичъ. Радичъ посланъ былъ съ гетманскими листами собственно въ Крымъ съ скрытой цѣлью, какъ кажется, предупредить хана на счетъ замысловъ Петрика, но съ видимою—размѣна христіанско-мусульманскихъ плѣнныхъ. Повѣдка Радича въ Крымъ, вслѣдствіе неизвѣстности запорожцамъ настоящей цѣли ея, возбудила у нихъ подозрѣніе. Поэтому, когда Радичъ съ товарищами прибылъ въ Сичь и, явившись на войсковой совѣтъ, подалъ тамъ копевому атаману гетманское письмо, то запорожцы, выражая негодованіе по адресу Мазепы, стали кричать: «Недавно гетманъ зневолилъ (насъ) своими письмами съ ордою розмириться, а теперь васъ посылаетъ въ Крымъ, видимо о насъ торгуясь». Когда же Радичъ обратился къ козакамъ съ приличнымъ на такой крикъ выговоромъ, то козаки

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. прик., 1691, № 92, л. 759—760.

²⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1691. св. 85, № 5.

едва не прибили посланца и его спутниковъ полѣньями. Потому, собирая ежедневныя рады, они хотѣли было вернуть посланца назадъ, не допустивъ его до Крыма. И только послѣ многихъ крამоль, собравшись на новую раду, февраля 17 дня, постановили отпустить Радича къ Кызыкермену, при чемъ нашли нужнымъ послать вмѣстѣ съ нимъ собственнаго толмача съ реестромъ забранныхъ татарами въ полонъ козаковъ ¹⁾.

Въ тотъ-же день, т. е. февраля 17 числа, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ написалъ письмо гетману Мазепѣ, въ которомъ прежде всего просилъ прислать недополученное войскомъ за прошлый годъ жалованье и дать извѣстіе относительно времени похода царскихъ войскъ противъ непріятелей; затѣмъ упрекалъ его за гадячскихъ мѣщанъ, явившихся сперва въ Сичь, а потомъ въ городъ Батуринъ «для закупленія» Переволочанскаго перевоза; укорялъ за городъ Келеберду, куда запорожцы, благодаря распоряженію гетмана, не имѣли свободнаго права присылать на зимовлю своего «войскового арматнаго стада»; негодовалъ за раздачу на Украинѣ маестностей знатымъ товарищамъ запорожскаго войска; требовалъ дать пристанища тѣмъ изъ козаковъ, которые, уйдя изъ Малороссіи въ Запорожье, много трудились на военномъ полѣ, а потомъ пожелали для отдохновенія вернуться на родину; домогался присылки для низового войска, кромѣ 500 бочекъ муки, отрубей изъ всѣхъ мельницъ полтавскаго полка; упрекалъ гетмана за то, что онъ дозволяетъ ходить двумъ парамъ липъ (лодокъ) на Переволочанскомъ перевозѣ на сотника и священника Переволочны, наконецъ выставлялъ на видъ то, что гетманъ только на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ, показываетъ запорожскому войску свою ласку и пріязнь ²⁾.

Еще не пришелъ отвѣтъ отъ гетмана запорожцамъ на такое письмо, какъ въ Сичи произошло обстоятельство, взволновавшее всѣ курени: это казнь кошевымъ атаманомъ Иваномъ Гусакомъ козака Матвѣвца ³⁾.

Объ этомъ событіи передаетъ очевидецъ Емельянъ Доброскокъ такъ. Это было въ четвергъ на второй недѣлѣ великаго поста. Въ деревяннинскомъ куренѣ былъ козакъ Матвѣвецъ, въ попойкѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, 751—715.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 18, мал. подл. акты, № 715—732.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 86, № 68; 13. мал. подл. акты. № 724, 721; Архивъ мин. юстиціи, 1691, кн. 62, л. 646.

веселый товарищъ, на войнѣ удаливый козакъ, много разъ бывшій ватагомъ, не разъ бравшій въ полонъ татаръ, доставлявшій ихъ въ Москву и чрезъ все то стяжавшій себѣ уваженіе отъ всѣхъ своихъ «куринчиковъ». Будучи однажды въ Москвѣ, Матвѣвецъ видѣлся тамъ съ людьми имеретинскаго («милитинскаго») царя, которые приглашали его, когда онъ вернется въ Сичь, набрать возможно большее число товариства и идти къ предѣламъ имеретинской земли для покоренія людей, не подчинившихся имеретинскому царю, за что и ему самому и его дружинѣ обѣщалась большая награда и добыча какъ лично отъ царя, такъ и отъ войны съ непріятелями. Для вѣрности дѣла одинъ изъ людей царя, черкешанинъ, даже заключилъ договоръ съ Матвѣвцемъ. Вернувшись изъ Москвы въ Сичь, Матвѣвецъ получилъ отъ черкешанина «картку», въ которой ему напоминали о его обѣщаніи послужить и показать радніе имеретинскому царю. Тогда Матвѣвецъ «пріототилъ» многихъ товарищей, составилъ себѣ планъ похода и рѣшилъ идти челнами сперва по Днѣпру, изъ Днѣпра рѣкою Конкою до вершины ея, отъ Конки, перевезя челны черезъ поле на лошадахъ, до рѣки Калміуса; затѣмъ по Калміусу ¹⁾ снова въ челнахъ до Азовскаго моря и, наконецъ, Азовскимъ моремъ до самой земли имеретинскаго царя. Сообразивъ весь этотъ путь, Матвѣвецъ сталъ просить кошевого о двухъ морскихъ судахъ, какія минушею осенью взяты были кошевымъ атаманомъ съ низовымъ войскомъ на Днѣпрѣ у непріятелей послѣ розмирья съ ними. Кошевой атаманъ, Гусакъ отвѣчалъ на тотъ разъ Матвѣвцу отказомъ, но пообѣщалъ ему исполнить его просьбу спустя нѣкоторое время. Прошла зима; пошла весеннія воды. Тогда вѣрно было всѣ суда, стоявшія ниже Сичи для защиты отъ турецкихъ гурдовъ, взять подъ охрану. Матвѣвецъ, видя, что его желаніе не исполняютъ, очень опечалился и, замѣтивъ одинъ, стоявшій подъ Сичею, дубовый челнъ, направилъ къ нему своихъ товарищей, убогихъ «харпаковъ», изъявившихъ согласіе ѣхать съ нимъ въ дорогу, чтобы они взяли тотъ челнъ и увезли его въ дальнія отъ Сичи мѣста. Но кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, узнавъ о томъ, потребовалъ къ себѣ Матвѣвца для допроса. Матвѣвецъ пошелъ къ кошевому не одинъ, а взялъ съ собой товарищей, ку-

¹⁾ О рѣкѣ Калміусъ см. Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПб., 1890, 159.

ренного атамана Москальца, знатнаго товарища Остапца и около двухъ десятковъ простыхъ козаковъ. Придя къ кошевому, онъ сталъ спрашивать, зачѣмъ его звалъ кошевой къ себѣ. Кошевой съ гнѣвомъ напалъ на Матвѣевца за то, что онъ, безъ позволенія, забираетъ челны и уходитъ изъ Сичи въ невѣдомый путь. Матвѣевецъ сталъ отговариваться, и кошевой, выйдя изъ себя, ударилъ его по щекѣ. Не стерпѣвъ обиды, Матвѣевецъ схватилъ кошевого за грудь и сталъ съ нимъ драться. За кошевого вступились куренные атаманы, за Матвѣевца—его товарищи. Но сторона Матвѣевца была перебита и перевязана. Матвѣевца и его товарищей обвинили въ бунтѣ; троихъ бунтовщиковъ, самого Матвѣевца, Москальца и Остапца, сковали желѣзными ланцюгами, но товарищи Матвѣевца разбрелись, Москалецъ ушелъ; остались только двое—самъ Матвѣевецъ и Остапецъ. Въ пятницу второй недѣли великаго поста кошевой Гусакъ собралъ раду, на радѣ изложилъ преступленіе Матвѣевца и спросилъ, какого наказанія достоинъ онъ. Бывшее на ту пору низовое товариство и куренные атаманы на такой спросъ кошевого отвѣтили, что Матвѣевецъ и его товарищъ достойны смертной казни. Тогда рѣшено было осужденныхъ казнить немедленно. Палачъ, татарскій невольникъ, Матвѣевцу немедленно отнялъ голову, и казненный того-же дня былъ погребенъ на мѣстѣ казни; но съ Остапцомъ случилось удивительное чудо: нѣсколько разъ татаринъ ударялъ его по шеѣ, но никакъ не могъ отрубить ему головы: такъ и остался онъ недо-рѣзаннымъ. Тогда товарищи взяли его на излѣченіе и стали заживлять его раны. Послѣ этого войско запорожское стало негодовать и «похваляться на зомсту» (месть) на кошевого Гусака за то, что онъ, не дождавшись козаковъ, ходившихъ на днѣпровые луга и въ другія мѣста ради рыбной добычи, казнилъ всеобщаго любимца, козака Матвѣевца. Особенное неудовольствіе высказывали на кошевого тѣ триста человекъ козаковъ, которые занимались ловлей осетровъ въ днѣпровскихъ порогахъ: они «чинили великое пререканіе» на кошевого за то, что онъ такого человека, какъ Матвѣевецъ, много разъ бывшаго въ военныхъ промыслахъ, осудилъ не по обычаю и поведенію запорожскаго войска. Козаки находили, что Гусакъ казнилъ Матвѣевца изъ зависти, боясь, чтобы войско не избрало его своимъ кошевымъ ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, № 721—787.

Гетманъ Мазепа о происшествіи, бывшемъ въ Сичи, донесъ паримъ особымъ листомъ, въ которомъ высказывалъ свое негодованіе по адресу кошевого, называя казнь козаковъ варварскимъ поступкомъ со стороны Ивана Гусака: «Такого скорого и сурового каранья на Запорожьѣ отъ бывшихъ атамановъ кошевыхъ надъ проступками не бывало, знати (знать) то сей атаманъ Иванъ Гусакъ взялъ межи войскомъ низовымъ силу, что такъ поступити вѣжлися» ¹⁾).

Самимъ запорожцамъ гетманъ Мазепа въ это время отправилъ обширный листъ въ видѣ отвѣта на посланное ими марта 17 дня украинское письмо. На запросъ запорожцевъ о времени похода царскихъ войскъ противъ непріятелей, гетманъ отвѣчалъ, что на подобный вопросъ онъ вовсе ничего не можетъ отвѣчать, потому что разглашать о томъ преждевременно нельзя, чтобы не дать непріятелю времени собрать собственныхъ для отпора силъ; когда же окажется надобность въ походѣ, то запорожское войско будетъ о томъ извѣщено царскимъ указомъ и гетманскимъ универсаломъ и за свои подвиги противъ бусурманъ получить монаршескую милость и гетманское доброжелательство. О гадячскихъ мѣщанахъ, хлопотавшихъ «о закупленіи» Переволочанскаго перевоза, гетманъ заявляетъ, что тѣ люди много причинили ему непріятностей, досадъ и «ругательныхъ словъ» и потому гетманъ самъ приносить на нихъ жалобу въ Кошъ. По поводу запрета присылки въ Келеберду на зимовлю «войскового арматнаго стада» гетманъ отвѣчаетъ, что онъ никогда въ томъ войску никакихъ препонъ не дѣлалъ и никакихъ пожитковъ съ Келеберды себѣ не присваивалъ, и если запорожцы не всегда встрѣчали тамъ радушный пріемъ отъ мѣстнаго сотника, то причиной тому они-же сами: пріѣзжая туда на зимовлю, они держатъ себя тамъ слишкомъ надменно («всякій изъ нихъ высокимъ себя чинить тамъ») и много себѣ позволяютъ, причиняя людямъ не мало кривды и непріятностей. Нужно, чтобы Кошъ, отправляя козаковъ изъ Запорожья въ малороссійскіе города для отдохновенія, посылалъ съ ними, для удержанія ихъ отъ самовольства старшихъ «крѣпостью умоцованныхъ», и чтобы тѣ козаки располагались на жительство къ своимъ роднымъ и звакомымъ и не причиняли никакихъ непріятностей бѣднымъ лю-

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1691, св. 86, № 18; мал. подд. акты, св. 8, № 740—724.

дямъ. Что касается требованій со стороны запорожскаго войска присылки ото всѣхъ мельницъ полтавскаго полка отрубей, то объ этомъ не было никакихъ распоряженій ни отъ прежнихъ гетмановъ, ни отъ предшествовавшихъ государей и потому въ войско какъ посылалось, такъ и теперь посылается 500 бочекъ муки разомъ, не считая того, что дается по частямъ («на раздробь») всѣмъ запорожскимъ козакамъ, прїѣзжающимъ къ гетману и уѣзжающимъ отъ него. Изъ перевозныхъ-же доходовъ гетманъ ни единого пеньга на себя не беретъ и все, что получается, отправляетъ въ войско запорожское, исключая того, что зарабатываютъ перевозомъ двѣ пары липъ на божіи церкви и на сотника въ Переволочнѣ, но и это установлено еще прежними гетманами, до уряда самого Мазепы. А что до раздачи заслуженнымъ лицамъ изъ запорожскаго войска разныхъ маетностей на Украинѣ, будто бы «для похлѣбства дѣлающейся», то и это не правда: еще со времени гетмана Богдана Хмельницкаго и до Мазепинаго уряда въ малороссійскихъ городахъ всегда значные и заслуженные добрые молодцы войска запорожскаго, не только на старшинствѣ бывшіе, но и рядовые товарищи, кто того былъ достоинъ, «заживали», съ царской и войсковою ласки, разныя маетности, и теперь дѣлается то-же самое, новаго-же ровно ничего, и роздача такихъ маетностей никакого убытка войску запорожскому не причиняетъ. О вниманіи-же и прїязни гетманской къ запорожскому войску всѣмъ извѣстно: гетманъ никогда никого изъ запорожскихъ товарищей не отпускалъ отъ себя безъ подарковъ деньгами и сукнами и всегда старался у великихъ государей о прибавкѣ войску запорожскому милостиваго царскаго жалованья и теперь будетъ стараться о томъ-же, лишь-бы только запорожское войско, согласно своей присягѣ, вѣрно служило монархамъ, не вѣрило никакимъ клеветникамъ, которые вносятъ расколъ и ссору между товариствомъ низовымъ и гетманомъ и причиняютъ бѣды державѣ великихъ государей и вредъ отчизнѣ Малой Россіи ¹⁾).

Нельзя не замѣтить того снисходительнаго и заискивающаго тона, въ какомъ написано къ запорожцамъ гетманское письмо. Оно и понятно: бѣгство въ Запорожье Петрина, недовольства, отовсюду раздававшіяся на гетмана въ Малороссіи, волненія въ самомъ Запорожьи сильно беспокоили Мазепу, и ему нужно было

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 746 - 789.

такъ или иваче успокоить запорожцевъ, а для этого слѣдовало обратить ихъ вниманіе на другую сторону. Гетманъ, отъ имени великихъ государей, послалъ представленіе кошевому атаману Гусаку оставить всякіе раздоры и чинить промыслъ противъ враговъ святаго креста, для чего имъ дозволялось взять старыя челны на рѣкѣ Самарѣ у Новобогородицкаго городка.

Но этотъ призывъ не произвелъ должнаго дѣйствія на запорожскій Кошъ. Противъ крымцевъ въ это время дѣйствовали только такъ называемые охотничіе козаки. Руководимые какимъ-то сотникомъ Юскомъ да хвастовскимъ полковникомъ Семеномъ Палиемъ, они напали, въ началѣ весны, въ урочищѣ Пересыпи, за Очаковомъ, на возвращавшихся «съ нѣмецкой войны до Крыма» татаръ, шедшихъ подъ начальствомъ двухъ салтановъ, Девлетъ-Герая и Батырь-Герая. Въ этой стычкѣ запорожцы многихъ неприятелей въ плѣтъ забрали, многихъ покололи, не мало добычи захватили и одного язика гетману Мазепѣ отослали, котораго гетманъ въ свою очередь отправилъ въ Москву ¹⁾.

Самъ вельможный Кошъ отвѣтилъ гетману только въ началѣ мѣсяца мая. Для того отправленъ былъ въ городъ Батурина съчевой козакъ Федоръ Ляхъ съ обширнымъ отъ всѣхъ запорожцевъ письмомъ. И тонъ и содержаніе письма показываютъ, что запорожцы вовсе не думали смиряться передъ гетманомъ и что они по прежнему считали себя обиженными имъ. Прежде всего они потребовали отъ гетмана выдачи имъ пожалованныхъ отъ государей челновъ и необходимаго количества для починки ихъ желѣза и смолы, а потомъ разразились укоридами на гетмана за построеніе Новобогородицкаго городка, за утайку восьми тысячъ «перевозныхъ грошей» отъ Переволочанскаго перевоза, за недоставку муки съ мельницъ полтавскаго полка, за дозволеніе проживать запорожцамъ вмѣстѣ съ ихъ арматными конями въ Белебердѣ, за допущеніе гетманскимъ посланцемъ Пантелеймономъ Радичемъ, вадившимъ въ Крымъ для разиѣна плѣнныхъ, захвата на рѣкахъ Миусѣ, Калмиусѣ и Бердѣ, запорожскихъ рыбныхъ и соляныхъ промышленниковъ въ бусурманскую неволю, когда, вслѣдствіе пущеннаго Радичемъ преждевременнаго слуха о имѣющемъ быть мирѣ между Украиной и Крымомъ, тѣ промышлен-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св 8, № 742—726 743—727.

ники слишкомъ далеко углубились въ татарскія урочища и были полонены бусурманами.

Многочисленные тайные агенты, которыми Мазепа наводнилъ Запорожье, успѣли отправить ему важныя вѣсти изъ Сичи и объяснить настоящее въ ней положеніе дѣлъ. По словамъ такихъ агентовъ, въ числѣ коихъ былъ какой-то «законникъ», запорожцы, послѣ двухдневной рады, тайно отправили отъ себя двухъ куренныхъ атамановъ съ товариствомъ въ Крымъ, съ цѣлью замириться съ ханомъ; къ тому подбивалъ ихъ «проклятый» Петрикъ, который совѣтовалъ запорожцамъ идти войной на Украину и, оставляя въ ней въ покоѣ посполитыхъ людей, истребить всѣхъ пановъ да сердюковъ, захватившихъ на Украинѣ маетности, и поставить гетмана «съ своей руки» ¹⁾.

При всемъ томъ гетманъ старался держаться съ запорожцами на мирной ногѣ. Онъ приказалъ воеводѣ Новобогородицкаго городка передать запорожцамъ пожалованныя имъ лодки, а отъ себя послалъ въ Сичь четыре воза «гнучого» жегѣза, 10 бочекъ смолы для поправки челновъ; кромѣ того, на сооруженіе сичевой церкви пожертвовалъ сто золотыхъ грошей, 12 бочекъ разнаго борошна, 10 полтей и 10 салъ ²⁾. Что до обвиненій, высказанныхъ ему Кошемъ, то на нихъ гетманъ отвѣчаетъ по пунктамъ. Городъ Новобогородицкій построенъ не по гетманской волѣ, а по волѣ самихъ государей и жаловаться на это дѣло, столь спасительное для всѣхъ христіанъ въ борьбѣ съ бусурманами, нѣтъ никакого резона, скорѣе запорожцы могли-бы быть недовольными за построеніе турками днѣпровскихъ городовъ Шагингирея и Кызыкермена, закрывшихъ козакамъ выходъ на Черное море, нежели на сооруженіе Новобогородицка, возведеннаго не для утѣсенія запорожскихъ вольностей, а для отраженія бусурманскихъ на Запорожьѣ и на Украину постоянныхъ набѣговъ. Недоплата перевозныхъ денегъ отъ Переволочны—простое со стороны запорожцевъ недоразумѣніе: запорожцамъ посланы деньги всѣ сполна, и если-бы было доказано обратное, то за утайку тѣхъ денегъ дозорца гетманскій Иванъ Рутковскій будетъ лишень жизни. Хлѣбные запасы, въ количествѣ 500 бочекъ муки, также всѣ сполна отправлены въ запорожскую Сичь, сверхъ этого гетманъ не мало роздалъ запа-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 757—741.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—732.

союзъ кѣмба частію отдѣльнымъ лицамъ низоваго товариства, частію полевымъ ватажникамъ, частію тѣмъ «заслуженнымъ», которые, находясь въ войскѣ въ нищетѣ и убожествѣ, въ городахъ проживали. Келеберда какъ была, такъ и осталась на положеніи всѣхъ городовъ полтавскаго полка: гетманъ изъ нея ничего себѣ не беретъ, но ставитъ-ли тамъ однихъ коней арматныхъ, а товариства не ставитъ—объ этомъ не было и рѣчи, потому что всѣ города войсковымъ становищамъ подлежатъ. А что до захвата промышленныхъ людей на Міусѣ и Калміусѣ въ бусурманскую неволю черезъ преждевременное оглашеніе гетманскимъ посланцемъ Радичемъ о имѣющемъ быть мирѣ между русскими и крымцами, то въ томъ гетманскій посланецъ не виноватъ нисколько, и кто пустилъ такую поголовку о мирѣ и тѣмъ причинилъ шкodu бѣднымъ людямъ, не взявшимъ чрезъ то мѣръ предосторожности и ушедшихъ далеко отъ своихъ предѣловъ, за то пусть самъ Господь Богъ отомститъ ему на его головѣ¹⁾. Пантелеймонъ Радичъ, посланный въ Крымъ и въ другіе крымскіе «бусурманской влады края о свободѣ невольничей», не выполнилъ своего порученія вслѣдствіе перемѣны бывшаго хана и салтановъ на новыхъ и вернулся назадъ изъ Крыма съ однимъ знатнымъ татаринкомъ, которому дано было порученіе всѣхъ бывшихъ въ малороссійскихъ и великороссійскихъ городахъ плѣнныхъ татаръ зарегистрировать и доставить о томъ вѣдомость новому хану въ Крымъ. Опасаясь нѣкоторыхъ «неуважныхъ людей» изъ запорожскаго войска, Радичъ, по собственной волѣ, нашелъ нужнымъ въ запорожскую Сичь вовсе не заѣзжать, а отъ Кызырменя прямо къ Переволочнѣ пробраться. Сдѣлавъ это онъ отнюдь не сообразуясь съ волей гетмана, а по собственному желанію. Находясь въ Крымѣ, Радичъ слышалъ, что крымцы очень склонны заключить съ русскими государями миръ, но русскіе государи на тотъ миръ, безъ согласія сосѣднихъ государей, особенно польскаго короля, несогласны и потому запорожцамъ слѣдуетъ держаться того-же положенія въ отношеніи крымскихъ татаръ²⁾

О своихъ сношеніяхъ съ Кошемъ гетманъ сообщилъ въ Москву, при чемъ присовокупилъ къ тому извѣстіе о бѣгствѣ «здрайцы» Петрика въ Запорожье и «о переимѣ превратнаго его

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 758—737.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 759—748.

злоумія письма», писаннаго изъ Сичи въ Малороссію къ какому-то канцеляристу ¹⁾).

Въ одно время съ тѣмъ, какъ велась официальная переписка между Кошемъ и гетманомъ, шла тайная «черезъ певныхъ и секретныхъ гетманскихъ посланцевъ» переписка между гетманомъ-же и кошевымъ атаманомъ. Гетманъ, соблюдая строгую тайну, извѣщалъ Ивана Гусака о скорой и непремѣнной войнѣ Россіи съ Крымомъ и совѣтовалъ кошевому въ виду того собрать запорожское войско «укупу» на Кошѣ. Не имѣя основаній не вѣрить гетману, Гусакъ собралъ все войско до Коша и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда гетманъ объявитъ о походѣ во всеобщее свѣдѣніе. Но такъ какъ проходили дни за днями, и гетманъ не объявлялъ никакого похода, то кошевой очутился въ весьма затруднительномъ положеніи и съ трудомъ могъ удерживать на Кошу войско, которое, получая ничтожное жалованье и не имѣя никакой добычи, стало уходить къ польскому королю на службу. Положеніе кошевого сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ отъ того, что онъ въ это же время долженъ былъ ладить съ крымскимъ ханомъ. Пользуясь печальнымъ случаемъ захвата бусурманами на какой-то рѣкѣ, вмѣстѣ съ челномъ, казака Искры и желая вызволить несчастнаго плѣнника изъ неволи, кошевой атаманъ Гусакъ, сообщая съ добрыми молодцами, отправилъ въ Крымъ нѣсколько человекъ товарищества съ видимою цѣлью заключить перемиріе съ Крымомъ, съ дѣйствительною провѣдатою о томъ, что дѣлаютъ въ Крыму бусурмане и сколько осталось ихъ дома. Пребывая съ гетманомъ въ прежней дружбѣ, кошевой съ возвращеніемъ въ Сичь изъ Крыма посланнаго товарищества, немедленно извѣстилъ о томъ гетмана, а пока наипокорно просилъ его сообщить секретнымъ способомъ, черезъ щирыхъ людей своихъ, какъ ему, кошевому, поступать съ войскомъ: если военнаго дѣла совсѣмъ не будетъ, тогда нечего войска и на Кошу держать, а нужно отпустить его на добычи, потому что до сихъ поръ (до 5 числа іюля мѣсяца) ни козаки, ни чумаки, согласно гетманскому указу, не имѣютъ позволенія оставить запорожской Сичи и идти въ города на промыслы ²⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—782.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мар. подл. акты 1691, св. 8, № 776—760. Въ это-же время кошевой Гусакъ, на просьбу гетмана «о вызволеніи изъ неволи бусурманской» нѣкоего Поплонскаго, послалъ гетману и другое письмо.

Каковъ пришель отъ гетмана Мазепы на запросъ кошевого атамана отвѣтъ—неизвѣстно, но въ концѣ того-же іюля мѣсяца Мазепа отправилъ къ царямъ грамоту о запорожскомъ козацкѣ Куленгъ съ его товарищами, которые «во время сраженія съ калгой-салтаномъ взяли одного языка», а въ началѣ августа мѣсяца самъ получилъ тревожныя вѣсти о настроеніи запорожскаго войска. Августа 13 числа Мазепа послалъ изъ Батурина въ Переволочну своего челядника къ дозорцѣ Ивану Рутковскому съ приказаніемъ достать въ Днѣпрѣ живого осетра и, «осоливши его добре», доставить его, какъ можно скорѣй, въ городъ Батуринъ, куда гетманъ «на сей часъ сподѣвается къ себѣ гостя вдячного изъ Москвы».

Пользуясь такимъ случаемъ, дозорца Рутковскій послалъ гетману Мазепѣ вѣсть о дѣлахъ и настроеніи запорожскаго войска. Жилъ за порогами Днѣпра, писалъ Рутковскій, одинъ «сврѣльскій» ¹⁾ человекъ. Понимая письмо, онъ находился при божіей церкви; но потомъ, оставивши запорожскую Сичь, вернулся къ себѣ и отъ преданныхъ гетману лицъ, его гетманской особѣ слишкомъ извѣстныхъ съ нѣкоторыхъ поръ, разсказалъ о «злостяхъ и шаленствѣ» Петрика, убѣжавшаго на Сичь ²⁾. Петрикъ «прибираетъ» къ себѣ кошевого съ товариствомъ, въ особенности козаковъ того куреня, въ которомъ самъ живетъ, и подбиваетъ ихъ идти войной на Русь (т. е. Малороссію), пользуясь «теперешнимъ миромъ». «Я, говоритъ онъ, паве кошовый, горло свое ставлю, и веди мене на составы порубати, коли тобѣ вся Украина, почавши одъ самой Полтавы, не поклонится; тилко хотъ шесть тысячей озми (возьми) орди (орды) да пойдемъ въ городи: мене пошли впередъ съ килко сотъ конми въ Полтавщину,—я знатокъ, зъ якого конца зачати, да и дѣдусъ мой не буде спати за свою зневагу, що его зкинули съ полковництва, а гетманъ заразь на

въ которомъ говоритъ, что запорожцы исполнять гетманское приказаніе, но для этого нужны, какъ для самихъ охотниковъ на такое дѣло, такъ и для толмача, деньги, запорожская же скарбница «барво на мѣшокъ хире»: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 772—756.

¹⁾ Нужно думать «орельскій», т. е. житель одного изъ городовъ на рѣкѣ Орелѣ.

²⁾ Одинъ изъ таковыхъ былъ «прошлый» писарь запорожскій Гукъ, который до гетманской вельможности «свельми горнется», даетъ всякія вѣсти дозорцѣ гетманскому и впредь общается давая знать; за что дозорца просилъ гетмана чѣмъ-либо «потѣшить такого усерднаго человекъ».

Москву утечетъ, бо тамъ его вся душа, а тутъ тилко тѣнь его, войску запорозкому; одни скарби (ы) въ Польшу сестрѣ отвезъ, а теперъ на Москву другіе почавъ возити, та и самъ туди-жъ къ чорту покрутится, одно (лишь только) съ татарами перейдемо Дябпръ. Якъ бувъ гетманъ на Москвѣ, такъ рокъ (рекъ), щобъ такій городъ посередь Сѣчи поставити, якъ на Самарѣ побудовавъ». Въ другой разъ тотъ-же Петрикъ въ разговорѣ съ кошевымъ атаманомъ говорилъ такъ: «Пане кошовый, не помогутъ (—развѣ не помогутъ) намъ братья наше, которихъ сердюки—арендарѣ (—ре) да тіе дуки (богачи), що имъ царѣ (цари) маєтности понадавали, мало живихъ (выхъ) не идять (ѣдять), едва почують, що ты зъ войскомъ рушишся зъ Сѣчи, то сами оны (они) тихъ чортувъ панувъ подавять, а мы вже прійдемо на готовый ладъ, да и коло (около) самого гетмана есть тамъ добріе люди, которихъ лѣпшъ (лучше) послухають, нежели его самого, не знаючи допустять утекати зъ Москви, и такъ ему мало одного часу одъ нихъ не склалося лихо». На такія рѣчи Петрика кошевой атаманъ Гусакъ различно отвѣчалъ ему, смотря по собственному настроенію: коли былъ трезвъ, то журилъ Петрика и говорилъ ему такъ: «Покинь, Петре, не брыдь ледачого»; да и отъ стариковъ ему за такія рѣчи доставалось въ бороду. А когда кошевой былъ пьянъ, то и самъ много ледачого говорилъ, и на тотъ часъ «статечные и зичливые» козаки принуждены были по необходимости молчать ¹⁾).

Посылая въ Батуринь такую вѣсть, дозорца Рутковскій просилъ гетмана отнюдь не открывать тамъ именъ тѣхъ «особь, которые суть зичливые въ Сѣчи вельможности гетманской», потому что равьше того, когда кто-то изъ Батурина въ Сичь сообщилъ о пересылкѣ отъ какой-то особы для гетмана цидулки, то ту особу едва козаки не убили, и она «выкрутилась только чернецствомъ да свищенствомъ», т.-е. черезъ монаховъ, да свищенниковъ.

Но гетманъ Мазепа, помимо дозорцы Рутковскаго, получалъ вѣсти и отъ своего козака Сидора Горбаченка. Сидоръ Горбаченко прислалъ въ Переволочну «цидулку» съ какою-то загадочною формулой: «Тотъ писалъ—хто читаъ, а гдѣ скрыто—мало хто вѣдаеть» и, повидимому, давалъ отвѣтъ Мазепѣ по поводу его

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 790—775.

требованія о выдачѣ «запорожца» (конечно, Петрика), котораго казаки не желали выдавать гетману.

Запорожцы, ничего того не подозрѣвая, показывали свое расположеніе гетману Мазепѣ и обращались къ нему съ просьбами о дарованіи имъ разныхъ милостей. Такъ, осенью того-же 1691 года отъ кошевого атамана Ивана Гусака и всего запорожскаго низового войска отправлены были въ городъ Батуринъ два куренныхъ атамана, Ничипоръ да Яковъ, съ писаремъ, асауломъ и съ товарищами на 60 коняхъ, для поѣздки въ Москву за полученіемъ тамъ годового войску запорожскому жалованья. Гетманъ безпрепятственно пропустилъ изъ Батурина въ столицу запорожское посольство въ полномъ его составѣ и получилъ за то благодарность отъ всего низового войска. Выражая свою признательность за возможность войсковымъ посланцамъ «обачить монаршескія очи», запорожцы въ слѣдъ затѣмъ отправили къ самому гетману двухъ казаковъ, Петра Гука и Ваську переяславскаго куреня съ новою благодарностью за присланное бѣлое желѣзо для церкви и напоминали Мазепѣ о его обѣщаніи прислать для сѣчевой церкви «намѣстныхъ» образцовъ, бѣлаго желѣза на двѣ «бани», т. е. на два купола («желѣза того было 600 и 3 аркуши»), и на другія церковныя potreбы, а также доставить кресты, неводъ и за прошлый и настоящій годъ запасы. «И то вельможности вашей сообщаемъ, что въ грошахъ великій барѣо стался бракъ, такъ что за чехи ни въ коемъ случаѣ нельзя купить борошна: эти чехи находятъ гладкими и потому негодными. Мы-же ихъ не куемъ, и откуда они приходятъ, туда и отходятъ. Теперь-же отъ приходящихъ къ намъ изъ Украйны людей пущена, ради ихъ наживы, такая молва, что какъ арендари, такъ и полковники принимаютъ деньги только на выборъ, а ватажане, подававъ намъ чеховъ то за рыбу, то за иную добычъ, потомъ за борошно вновь не хотятъ брать. У насъ ходитъ монета, подобная той, какая ходитъ на Руси (т. е. въ Малороссіи), и мы иной не имѣемъ монеты—ни талеровъ, ни червонныхъ золотыхъ. Черезъ это ватажане съ Руси (Малороссіи) перестали ходить къ намъ, и мы не знаемъ, сдѣлано-ли то по рейментарскому указу, или сталося то безъ рейментарскаго указа». Объ этомъ кошевой Иванъ Гусакъ просилъ гетмана дать свой отвѣтъ войску, а пока благодарилъ его вельможность за какой-то «подаруночекъ» и извѣщалъ о томъ, что салтанъ съ ордою,

лишь только станеть Днѣпръ, имѣть намѣреніе вторгнуться за Днѣпръ ¹⁾.

Запорожское посольство выѣхало изъ Сичи сентября 22 дня съ извинительнымъ листомъ отъ всего низового войска къ пресвѣтлѣйшимъ державнѣйшимъ великимъ государямъ за то, что войско безъ указа и маестаты великихъ монарховъ съ бусурманами перемиріе заключили: то сдѣлано было ради нужды, бѣдности и убожества запорожцевъ, а теперь, согласно указу великихъ монарховъ, запорожцы готовы за православную вѣру кровь свою проливать и за государево величество жизнью своею жертвовать ²⁾.

Такъ прошла осень и настала зима. Запорожскіе козаки, отвлеченные на время мелкими походами противъ татаръ, съ наступленіемъ зимы вернулись къ своимъ куренямъ и зимовникамъ, и тутъ снова вышло на сцену дѣло бывшего малороссійскаго войскаго канцеляриста Петрика: Петрикъ, теперь уже не скрывая своихъ плановъ и намѣреній, началъ открыто дѣлиться своими мыслями съ передовыми козаками запорожскаго товариства и старался, такъ или иначе, поднять все войско противъ Москвы и ненавистнаго малороссійскому народу гетмана Мазепы. Слова Петрика подхватывались тайными агентами гетмана Мазепы, находившимися въ Сичи, передавались его дозорцѣ Рутковскому въ Переволочну и изъ Переволочны доносились въ Батурино. Рутковскій, извѣщая гетмана о затѣяхъ Петрика, прибавлялъ, что, по собраннымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣніямъ, подъ гетмана подкапывается генеральный писарь малороссійскаго войска, Василій Кочубей, имѣющій виды на гетманскую булаву. Этотъ Кочубей для того и Петрика въ Сичь послалъ: «Знаю, что гетманъ не будетъ живъ, говорилъ наединѣ одному полтавцу Петрикъ, отъ моего папа писаря: писарь хотѣлъ, усмотря время, его заколотъ, и я живу каждый день, ожидая о томъ вѣдомости» ³⁾.

Не дождавшись, однако, вѣсти отъ Кочубея и не встрѣтивъ полнаго и рѣшительнаго сочувствія отъ запорожскихъ козаковъ, Петрикъ внезапно и тайно отъ всѣхъ, кромѣ самого кошевого атамана Гусака, ушелъ послѣ Егорьева дня изъ Сичи въ турецкій

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 805—790.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 799—789.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 178.

городъ Кызыкермень; за нимъ послѣдовало около 60 человекъ запорожскихъ козаковъ и въ числѣ ихъ козакъ Василій Бузскій. Цѣлю поѣздки Петрика въ Кызыкермень было поднять татаръ противъ Москвы за освобожденіе Украины, такъ какъ въ Запорожьи онъ нашелъ недостаточное число сочувствующихъ его предпріятію людей.

Прибывъ благополучно въ Кызыкермень, Петрикъ спустя недѣлю написалъ оттуда запорожцамъ письмо. Въ томъ письмѣ онъ просилъ прощенія у товариства за то, что ушелъ изъ Сичи безъ вѣдома войска, благодарилъ за хлѣбъ, за соль и за избраніе его въ войсковые писаря, а послѣ всего того изложилъ низовому войску весь свой планъ, ради котораго онъ оставилъ Украину, бѣжалъ въ Запорожье и изъ Запорожья ушелъ въ Кызыкермень: «Часто многимъ изъ васъ говорилъ я, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ малороссійскій край и до какаго приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; и говорилъ, чтобъ вы промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско запорожское и за весь малороссійскій народъ, для чего вошелъ въ государство крымское; когда предки наши жили съ этимъ государствомъ въ союзъ, то никто намъ не смѣялся, а теперь всѣ вы, добрые молодцы, будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ»¹⁾.

Запорожскіе козаки, получивъ Петриково письмо, собрались на раду и на ней стали говорить, что Петрикъ не просто ушелъ въ Крымъ и что про то, вѣроятно, знаетъ кошевой атаманъ. Кошевого атамана стали «истязать» (допрашивать), но онъ клялся, что о замыслахъ Петрика не знаетъ ничего. По прочтеніи Петрикова письма между запорожцами произошелъ разладъ: одни, главнымъ образомъ старшина, отвергали предложеніе Петрика войти въ союзъ съ крымцами; другіе, большею частью чернь или сиромы, объявляли, что они готовы войти съ нимъ и съ крымцами въ союзъ и идти походомъ на государевы украинные города. Рада окончилась тѣмъ, что кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ написалъ Петрику письмо и въ томъ письмѣ спрашивалъ его, кто послалъ его изъ Малороссіи въ Запорожье и имѣеть-ли онъ отъ человека,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, апр., № 20

который его послалъ, какіе-нибудь листы и если имѣть, то кому писаны тѣ листы ¹⁾).

Самъ Петрикъ между тѣмъ изъ Кызыкермена переѣхалъ въ Крымъ. Явившись въ Крымъ, онъ обратился за содѣйствіемъ въ своихъ планахъ къ крымскимъ мурзамъ; но мурзы, за исключеніемъ немногихъ лицъ, отнеслись къ предложенію Петрика слишкомъ легко и устроили для него самое лучшее, чего онъ особенно желалъ—свиданіе съ ханомъ наединѣ. Представъ предъ ханскимъ лицомъ, Петрикъ сразу ему объявилъ, что онъ присланъ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ всего войска запорожскихъ козаковъ съ предложеніемъ заключить общій союзъ для совмѣстнаго похода подъ города московскаго царя. Кромѣ Запорожья ханъ можетъ исполнѣ надѣяться и на всю Украину, горѣвшую ненавистью противъ Москвы за введеніе ею порядковъ, ненавистныхъ жителямъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ. Счастье неожиданно помогло просителю: въ это время къ Петрику изъ Украины пришли какіе-то четыре козака, и находчивый писарь увѣрилъ хана, что то были полномочные малороссійскіе люди просить у крымцевъ помощи противъ москалей. Хану такая просьба исполнѣ по сердцу пришлась: передъ этимъ онъ велъ съ Москвой переговоры о томъ, чтобы заключить обоюдный миръ, но такъ какъ условія, предложенныя Москвой, не понравились ему, то онъ только ждалъ случая, чтобы отомстить Москвѣ. Бъ тому-же ханъ никакъ не могъ забыть и двухъ походовъ русскихъ на Крымъ.

Во все время, пока Петрикъ хлопоталъ въ Крыму, запорожскіе козаки были съ гетманомъ Мазепой на мирной ногѣ. На ту пору у нихъ состоялъ кошевымъ атаманомъ Ѳедко. Кошевой Ѳедко извѣщалъ гетмана малороссійскихъ козаковъ, что запорожцы приняли у себя царскаго гонца Василія Айтемирова и гетманскаго гонца Василія Велецкаго, отправленныхъ, вмѣстѣ съ сотникомъ Якимомъ Кнышомъ, къ хану въ Крымъ. Для безопасности гонцовъ запорожскій Кошъ отрядилъ двухъ значныхъ козаковъ, Ивана Лотву да Якова Ворону, которые, проводивъ гонцовъ въ самый Кызыкермень, отъ Кызыкермена вернулись вмѣстѣ съ Якимомъ Кнышомъ назадъ. Теперь, отпуская отъ себя Кныша, запорожцы заносить гетману жалобу на его дозорцу Рутковскаго, который еще съ зимы не пропускаетъ въ Сичъ ватагъ, идущихъ съ бо-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, № 66, лл. 106—129.

рошномъ за рыбною добычей на низъ. Весь запорожскій Кошъ просилъ гетмана избавить козаковъ отъ подобныхъ своевольствъ и напоминалъ ему о его обѣщаніи прислать чернаго желѣза на церковную потребу и ланцюговъ для поднятія крестовъ на сичевой грамѣ. Кромѣ того, запорожскій Кошъ заносилъ свою жалобу на нѣкоторыхъ малороссійскихъ козаковъ, которые, ходя на безбашей, причиняють крымскому ханству много шкоды и тѣмъ даютъ поводъ для татаръ нарекать на низовыхъ козаковъ, будто - бы тѣ шкоды причиняють ни кто другой, какъ именно запорожскіе козаки. За всѣмъ тѣмъ кошевой атаманъ Фёдко подавалъ гетману Мазепѣ вѣсть о назначеніи въ Кызыкермень беємъ Кеенанъ-мурзы, который передъ тѣмъ былъ въ Москвѣ и потомъ, находясь проездомъ въ Сичи, «милостиво упоминалъ гетманское рейментарское имя», а теперь изъ города Кызыкерменя пишетъ гетману свой листъ ¹⁾.

Тѣмъ временемъ Петрикъ успѣлъ добиться того, о чемъ онъ такъ усердно хлопоталъ. Горячая рѣчь, большая находчивость, смѣлый планъ увлекли хана войти съ нимъ въ союзъ, и ханъ заключилъ съ Петрикомъ, какъ представителемъ всего войска запорожскихъ козаковъ, формальный договоръ. Послѣ заключенія того договора Петрикъ, апрѣля 11 дня, привезъ отъ себя присягу «на вѣчный отъ войска запорожскаго крымскому панству покой».

«Я, Петръ Ивановичъ, писарь войска запорожскаго низового, присягаю всемогущему Господу Богу во святой Троицѣ единому, и пресвятой Дѣвѣ Маріи и всѣмъ святымъ, что, соболѣзнуя о потерѣ и послѣдней пагубѣ отъ явной и несомнѣнной съ разныхъ сторонъ происходящей опасности милой отчизнѣ нашей Малой Россіи и всѣмъ, въ ней находящимся обывателямъ и желая сохранить, при всемогущей помощи Бога, цѣлость ея, писалъ я нѣсколько разъ, ради учиненія съ крымскимъ царствомъ вѣчного мира, до писаря кызыкерменскаго Шабана и теперь пишу до его милости пана кызыкерменскаго бей. То все я на вѣчное время, до конца моей жизни, додержу и буду стараться привести къ тому всѣхъ имѣющихъ при мнѣ быти властей. Между нами, войскомъ запорожскимъ и царствомъ крымскимъ, будетъ вѣчный миръ и братерская згода, мы будемъ другъ друга оборонять отъ всякихъ, съ какихъ бы сторонъ не наступали, непріятелей, и кому будетъ ваявѣйшій ханъ его милость и все крымское царство пріятелемъ,

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. подд. акты, 1692, св. 9. № 818—833.

тому и мы будемъ пріятелемъ, а кому будетъ непріятелемъ, тому и мы непріятелемъ, также кому мы будемъ пріятелемъ, тому и царство крымское имѣеть быть пріятелемъ, а своевольныхъ людей будемъ укрощать съ обѣихъ сторонъ правомъ приавоитымъ. Все это я въ цѣлости додержу и никакого пунта не нарушу, въ чемъ мнѣ, Боже, да помощи. А если-бъ съ моей стороны была настоящему миру какая-нибудь отяѣна, то пусть мени на душѣ, и на тѣлѣ, и въ замыслахъ Господь Богъ покараетъ. Аминь. Вышеименованный писарь Петръ Ивановичъ»¹⁾.

Мая 18 числа Петрикъ написалъ, на имя кошевого атамана Федыка, другое письмо и въ немъ изложилъ самыя статьи договора, которыя онъ съ крымскимъ ханомъ учинилъ. Въ тѣхъ статьяхъ было сказано такъ: по освобожденіи Украины изъ-подъ ига Москвы ахтырскому и сужскому полкамъ со всѣми городами и принадлежностями ихъ быть подъ властью войска запороженнихъ козаковъ; харьковскій и рыбинскій полки на чигиринскую сторону перевести; чигиринская сторона имѣеть быть въ границахъ, какъ ее Хмельницкій съ ордой завоевалъ, и также должна подъ власть запороженнихъ козаковъ поступить. За ту подмогу Петрикъ вмѣсто возданія обѣщать всѣмъ татарамъ Муравскіе шляхи отворить²⁾. Заканчивая самое письмо, Петрикъ говорилъ такъ: «Кто хочеть—добывай себѣ рыбу соль и звѣря, а кто хочеть добычи московской, пусть идетъ съ нами, потому что мы скоро съ войскомъ запорожскимъ и съ ордами поидемъ у Москвы всю Украину отбирать»³⁾.

Того-же мѣсяца мая, 27 числа, Петрикъ послалъ въ Сичъ, кошевому атаману Федыку, третье письмо, въ которомъ извѣщалъ запорожское войско, что самъ ханъ ушелъ воевать къмцевъ⁴⁾, а на Украину вмѣсто себя послалъ калгу-салтана, который скоро будетъ въ Каменномъ-Затонѣ, куда, для заключенія договора, должны пріѣхать кошевой атаманъ и представители отъ всего запорожскаго войска.

Независимо отъ Петрика писалъ кошевому самъ калга-салтанъ. Отъ извѣщалъ Федыка, что, хотя вслѣдствіе сборовъ хана въ турецкую землю, замедлилъ выходомъ изъ Крыма, тѣмъ же

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крым. дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крым. дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1692, № 828—843.

⁴⁾ Ханъ съ частью крымской и бѣлогородской орды выбрался войной на маджаръ или цесарчиновъ въ помощь туркамъ. Величко, III, 108.

менѣе вскорѣ съ войскомъ крымскимъ, ногайскимъ и черкесскимъ, съ братомъ своимъ Маберекъ-Гераемъ и съ Яманъ-Сагайдакомъ, готовъ идти «на потребу» запорожскаго войска. Относительно запорожскихъ посланцевъ, отправленныхъ отъ войска въ Крымъ для обоюднаго размѣна плѣнныхъ людей, калга - салтанъ писалъ, что хотя они нѣсколько времени, вслѣдствіе военныхъ въ Крымъ сборовъ, и были задержаны на мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе, въ тотъ день, когда татары выйдутъ изъ Крыма, выйдутъ вмѣстѣ съ ними и сичевые посланцы. Что-же касается самихъ полоняниковъ, то калга-салтанъ просилъ нѣсколько не сомнѣваться на этотъ счетъ: за вѣтъ много разъ ходатайствовалъ панъ писарь Петро, и какъ только татарское войско дойдетъ до Каменнаго-Затона, то о такомъ дѣлѣ салтанъ нисколько не постоитъ и надѣется и другіе вопросы къ обоюдной пользѣ свести ¹⁾.

Запорожцы, получивъ письма Петрика и калги-салтана, попрежнему раздѣлились на двѣ партіи: партію сиромы и партію старшинъ. Первая партія принимала предложеніе Петрика и намѣревалась идти на Украину съ тѣмъ, чтобы бить тамъ богачей-дуковъ и арендарей—грабителей; вторая партія отвергала предложеніе Петрика и не соглашалась съ первой. Въ то время кошевымъ атаманомъ былъ все еще Федько. Старшина нашла, что кошевой не умѣетъ управлять страстями черни и потому рѣшила выбрать вмѣсто него новаго кошевого. Федько сперва противился такому рѣшенію, но когда козаки бросились за полѣвными, то онъ успѣшилъ отказаться отъ своего званія и тогда вмѣсто него выбранъ былъ прежній кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ. Зная настроеніе массы, Гусакъ сперва отказался было отъ предложенной ему чести и привелъ козакамъ такое сравненіе: «Теперь, когда свѣтъ зажженъ, вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я гасилъ его: кто такое дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ». Но потомъ, въ силу настояній всего товариства, Гусакъ взялъ булаву въ руки и успѣшилъ успокоить войско ²⁾.

Гетманъ Мазепа, имѣвшій много враговъ на Украинѣ, хотѣлъ было воспользоваться затѣей Петрика и уничтожить одного изъ своихъ скрытыхъ недоброжелателей, генеральнаго писаря Ва-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692.

силія Кочубей: будучи самъ «Махіавель и хитрый листъ», какъ называли его запорожцы, Мазепа всю затыю Петрика взвалилъ на плечи Кочубей. Послѣднему грозила неминуемая бѣда, но онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ написалъ оправдательный листъ кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому и въ немъ клялся и душой, и тѣломъ, и имуществомъ, что онъ неповиненъ «въ зломъ начинаніи» Петрика, не смотря на клевету, которую распускають его враги.

«Его милость (гетманъ Мазепа) какъ сначала сталъ связывать бѣгство Петрика съ моимъ именемъ, такъ и теперь своего вымысла не выпускаетъ изъ головы, а различные клеветники подтверждаютъ возводимую на меня ложь. Они говорятъ, во-первыхъ, будто-бы я далъ ему, Петрику, на приведеніе какихъ-то моихъ замысловъ полторы или три тысячи золотыхъ денегъ, для подтвержденія чего присланъ былъ изъ Полтавщины одинъ хлопецъ, служившій при Петрикѣ, но раньше того бывшій въ Запорожьи и будто бы слыхавшій въ Сичѣ о полученіи тѣхъ денегъ изъ устъ самого Петрика; но только когда хлопца спросили о томъ здѣсь (въ Батуриинѣ) канчуками, то онъ отклонилъ отъ меня такую напасть; во-вторыхъ, прошлой зимой донесено было изъ Полтавщины, будто несомнѣнно я далъ тому Петрику деньги и не три тысячи золотыхъ, а двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ; въ-третьихъ, донесено кievскому полковнику, что какой-то запорожець говорилъ, будто бы я далъ Петрику въ руки денегъ въ битыхъ талерахъ 30,000 золотыхъ; въ четвертыхъ, полтавскій протопопенко, будучи въ Кызыкерменѣ, донесъ ясновельможному о слышанномъ тамъ, будто я по два или по три раза посылалъ свои листы до крымскаго хана, затягивая его на войну противъ христіанъ». Во всемъ этомъ Кочубей считалъ себя совершенно неповиннымъ и «пренаикрѣпчайше просилъ у митрополита отческаго милостиваго себѣ заступленія, превысокаго представительства и премудраго предложенія, абы человекъ безъ суда и розыска не изгубили и не испровергнули» ¹⁾.

Тѣмъ временемъ Петрикъ вновь написалъ, іюня 22 дня, изъ Акмечети (Симферополя) къ запорожскому войску письмо и въ немъ снова возбуждалъ козаконъ къ возстанію противъ московскаго правительства, малороссійскаго гетмана и призывалъ къ союзу съ Крымомъ.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 121—125.

« Не разъ открыто говорилъ я вамъ, старымъ и меньшимъ, добрымъ молодцамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ малороссійскій край и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ мы подлинно житіе свое имѣемъ: какъ львы лютые, рты свои разверсши, хотѣть поглотить насъ во всякое время, т. е. учинить своими невольниками. И недивно, что такъ поступаетъ король польскій, потому что мы издавна были его подданными и, за божіею помощію, съ ордами при Хмельницкомъ, выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ оправиться и всѣми силами старается, какъ бы снова взять въ подданство малороссійскій народъ и черезъ насъ отомстить за учиненную ему обиду. Ханъ крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему и всему его государству, живя въ сосѣдствѣ съ давнихъ поръ на полѣ и на водѣ чинили бѣду въ людяхъ и добычѣ, какъ и теперь чинимъ. Не удивительно, что московскіе цари, которые не черезъ мечъ нами завладѣли, перевели нашъ край чигиринскій на заднѣпровскую сторону, обсадили нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и откуда бы ни пришелъ непріятель, наши города и села попаливъ, нашихъ людей въ неволю набравъ, возвращаются назадъ, а Москва за нами, какъ за стѣною, дѣла и всѣмъ этимъ не довольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопами и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Поповича (Самойловича), которые за насъ стояли, забрали совсѣмъ въ неволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданствѣ, но имъ Господь Богъ, ради невинныхъ нашей братіи душъ, не помогъ привести въ исполненіе своихъ замысловъ: они хотѣли разорить Крымъ, осадить своими людьми кызыкерменскіе города, потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могли исполнить этого, они позволили нынѣшнему гетману пораздавать городовою старшинѣ маѣтности, а старшина, подѣлившись нашею братіей, позаписывали ихъ себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшимъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и не противились москалямъ исполнять надъ нами свои замыслы, т. е. учинивъ по городамъ воеводъ своихъ, взять насъ въ рабство вѣчное: когда наши люди отъ та-

кихъ излишнихъ податей и тяжестей замужичьюгъ, то Москва Днѣпръ и Самару осадить своими городами, какъ уже въ Орликѣ городѣ и на Самарѣ въ двухъ городахъ москалей посадили, а въ это лѣто надъ Днѣпромъ въ Протовчѣ и на Самарѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ города чинить имѣла. Къ тому-же я вамъ, добрымъ молодцамъ, много объявлялъ, что король польскій, имѣя досаду на царей московскихъ за то, что они не воевали Крыма, хотѣлъ съ ордами идти на Москву, но прежде отобрать въ свое подданство нашу Украину. Если-бы это ему удалось, то хорошо-ли-бы намъ было? Сама вы, добрые молодцы, подлинно знаете, что дѣлалось при Чарнецкомъ и при другихъ панахъ лядскихъ, которые приходили на нашу Украину, какъ они насъ мучили. Не бывали ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ въ водѣ, не принуждены ли были козацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить, не поливали-ли ляхи людей нашихъ на морозѣ, не сыпали-ли они огонь за голенища, не отнимали-ли жолнѣры имѣнія? Этого ляхи еще не забыли и теперь готовы тоже самое надъ нами дѣлать. А если-бы московскіе цари заключили миръ съ крымскимъ ханомъ, для чего уже и посла своего въ Крымъ послали, а насъ своими городами надъ Днѣпромъ и надъ Самарою осадили, то развѣ не исполнились-бы ихъ замыслы, то развѣ не сдѣлали-бы насъ сперва паны, а потомъ москали какъ птицу, хотя крылья и имѣющую, но опципанную и развѣ спокойно не учинили-бы насъ своими вѣчными невольниками. Если-бы король польскій или цари московскіе съ крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому-бы намъ было поклониться, кто-бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Если и нынѣ, когда мы за Москвой находимся, татары берутъ насъ въ неволю и кто какъ хочетъ, такъ и пользуется, то тогда еще больше брали-бы и пользовались, а въ городкахъ кызыкерженскихъ вы вновь давали-бы отъ звѣрей и отъ рыбъ десятину, а отъ соли и отъ котла по полуефимку. Много разъ, во время моего пребыванія въ Сѣчѣ, я совѣтовалъ вамъ, добрымъ молодцамъ, взяться за такое дѣло и не допустить до послѣдняго упадка и до крайней опасности нашу любезную отчизну Украину; но такъ какъ никто изъ васъ взяться за то и стоять за своихъ людей не захотѣлъ, а уже много разъ наша Украина имѣла быть заневолена, то я, оставивъ отца своего, жену, дѣтей, родственниковъ, съ немалою маетностію, пришелъ къ вамъ, добрымъ молодцамъ, на Запорожье и, призвавъ нынѣ Господа Бога и пречистую

Его Матерь, христіанскую заступницу, на помощь, взялся за то дѣло... А потомъ, пріѣхавъ въ Кызыкермень, договорился объ учиненіи мира съ беємъ, его милостью Кеенанъ-мурзою. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Перекопъ, тѣ статьи и присягу, которыя чинилъ въ Кызыкермень, я подтвердилъ на вѣчныя времена съ наяснѣйшимъ каномъ его милостью и со всѣмъ государствомъ крымскимъ. Это видѣли очами своими и ваши посланцы Леско Сыса съ товариствомъ и вамъ, добрымъ молодцамъ, надѣюсь, уже пересказали. Богъ видитъ, что не для своей славы, а для цѣлости и обороны малороссійскаго нашего края, для помноженія и охраненія вольностей запорожскаго низового и городского и для вольной войсковой на Днѣпрѣ добычи я началъ это дѣло. А чтобъ вамъ, добрымъ молодцамъ, славному войску запорожскому, все то отъ мала до велика было вѣдомо, посылаю пункты и присягу свою вашей милости. Тѣ пункты и присягу я учинилъ именемъ всей Украйны и всего запорожскаго войска и далъ ихъ государству крымскому, а его милость Кеенанъ-мурза-бей свои статьи и присягу далъ отъ всего Крыма. И то все я вамъ посылаю. Тѣ статьи отъ слова до слова вы можете вычитать въ посполитой радѣ и въ нихъ, какъ и разумѣю, вы ничего вреднаго для себя и отчизны нашей любезной не найдете. А если-бы изъ милостей вашихъ кто-либо сказалъ, для чего мы имѣемъ воевать своихъ отцовъ, матерей, женъ и пріятелей и куда мы, разоривъ нашъ край, дѣнемся или кто дастъ намъ тогда хлѣба; то не дай, Боже, чтобы мы воевали свою отчизну, и я вамъ, добрымъ молодцамъ, предлагаю, какая-же то добрая птица, которая мараетъ и разоряетъ гнѣздо свое и что то за добрый господинъ, который воюетъ свою отчизну? Когда-же придемъ къ Каменному, то ваша милость, добрые молодцы, кто захочетъ съ нами идти въ нынѣшнюю дорогу и пособить компаніи, тутъ-же изъ Сѣчи прибывайте, и мы будемъ имѣть съ вами совѣтъ, куда намъ съ ордами идти, дабы городамъ своимъ, селамъ и людямъ, въ нихъ находящимся, никакой и самой малѣйшей обиды не учинити, ибо не для того начали мы дѣло, чтобы своихъ людей воевать, а для того, чтобы, при помощи божіей, освободить ихъ и себя отъ москвичей и пановъ нашихъ грабительной неволи. А какъ, за благоволеніемъ и помощію Бога и за вашимъ войсковымъ вѣдомомъ и совѣтомъ, это дѣло окончится, то вы сами, какъ разумныя головы, рассудите, лучше-ли быть въ неволѣ или на волѣ, лучше-ли быть чу-

жимъ слугою или себѣ господиномъ, лучше-ли быть у москаля или у поляка невольникомъ мужикомъ, или лучше вольнымъ козакомъ. Ибо когда славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій съ войскомъ запорожскимъ и съ ордами изъ-подъ лядскаго ига выбился, то не добро-ли нашей Украинѣ дѣлалось? Или не было-ль у козаковъ злата, серебра, добрыхъ суковъ, коней и иной скотины? А когда мы стали московскимъ царямъ холопами, то наша чигринская сторона пришла въ полное разореніе, а насъ перегнали на сю сторону Днѣпра, то ни у одного нашего брата не только животовъ, но и лаптей не стало; большая часть нашей братіи очутилась въ московскихъ городахъ заневоленной и всякій годъ берутъ ихъ тамъ татары вмѣсто дани въ тяжкую крымскую неволю, о чемъ не стоитъ и писать много, потому, что сами вы, добрые молодцы, знаете, какъ дѣлалось сею зимой въ полку перяславскомъ, а раньше того въ полку харьковскомъ подѣ Зміевымъ и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, объявляю вашимъ милостямъ и то, что господинъ заднѣпровскій гетманъ, по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ, какъ только мы съ ордами къ Самарѣ приблизимся, то всѣ они отъ Москвы имѣють отстати и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать Москву; этотъ человѣкъ и теперь при мнѣ обрѣтается, и я вашимъ милостямъ, какъ дастъ Господь Богъ придти къ Каменному, покажу его вамъ, а что онъ говорилъ тутъ подѣ присягою, то слышали ваши посланцы и вашимъ милостямъ, прибывъ въ Сѣчу, изустно и подробно обо всемъ скажутъ. Повтому будьте, ваша милость, во всемъ надежны и безопасны, и кому люба благостыня, и вѣра своя, и отчизна, свобода женъ, дѣтей и родственниковъ отъ московской неволи, идите съ нами. Если-же кто хочетъ идти въ добычу на рыбу, соль и звѣря, то пусть идетъ внизъ Днѣпра, на Молочную, на Берду, на Богъ-рѣвку, куда кто захочетъ, только берите съ Коша письма, дабы о васъ вѣдало крымское государство, чтобы отъ васъ не было Крыму и городкамъ какого нибудь убытка, а отъ Крыма и отъ городковъ вамъ не только не будетъ не малой обиды и убытка, но даже и волосъ съ головы вашей не пропадетъ. А салтанъ, его милость, отпуская впередъ себя Батырчу-агу и нѣсколько мурзъ, отпускаетъ къ вашей милости и одного вашего посланца Ивана Щербину, а другого Якова Ворону, отлупить, когда самъ за Перекопъ выйдетъ. А въ слѣдъ за Батырчей-агой идетъ и самъ калга-салтанъ, и какъ прійдетъ къ Ка-

менному-Затону, тамъ обо всемъ будетъ словесная рѣчь и дума¹⁾.

Въ томъ-же іюнѣ мѣсяцѣ, какъ рассказывалъ объ этомъ старосанджаровскій житель, освободившійся изъ крымской неволи, Никита Антоненко-Сластюнъ, крымскій ханъ, вмѣстѣ съ калга-салтаномъ, Батырча-мурзой, многими бейми и мурзами и другими крымскими начальниками, выѣхалъ въ Черную долину въ самый понедѣльникъ зеленыхъ святокъ, и находясь въ разстояніи одной или волуторы мили отъ Перекопа, учинилъ на открытомъ мѣстѣ раду. На другой день послѣ той рады калга-салтанъ призвалъ къ себѣ изъ Перекопа Петрика, бывшихъ съ нимъ 15 человекъ козаковъ и нѣсколько человекъ запорожцевъ, нарочно изъ Сѣчи въ Крымъ присланныхъ для освобожденія изъ неволи плѣнниковъ и въ числѣ ихъ Никиты Антоненка - Сластюна. Когда Петрикъ, по тому зову, прибылъ изъ Перекопа въ Каланчакъ, то его немедленно объявили гетманомъ всей Малороссіи и дали ему хоругвь большую, прапоръ малый, бунчукъ съ конскимъ хвостомъ, перначъ серебряный, чугу алатоглавую²⁾ и коня съ полнымъ приборомъ турецкаго; ближнему совѣтнику Петрика³⁾ коня и чугу одну; пятнадцати козакамъ его и пріѣхавшимъ для освобожденія изъ неволи полоняниковъ запорожцамъ дали по одному киндяку и по парѣ сапогъ сафьяновыхъ. На другой день послѣ этого Петрикъ призвалъ къ себѣ всѣхъ запорожскихъ посланцевъ и освобожденнаго изъ неволи Никиту Антоненка - Сластюна и, выпивая вино, сталъ говорить имъ, что чрезъ него имѣеть начаться такая война, во время которой отецъ на сына, сынъ на отца пойдетъ; но все это онъ усмирить, только-бы пристало къ нему войско низовое. Говорилъ онъ и то, что переселить жителей съ лѣвой стороны Днѣпра на правую и сдѣлаетъ свободными всѣхъ отъ арендъ, индуктовъ, сердюковъ, подводъ, ральцевъ и другихъ повинностей. Передавалъ онъ и то, что надѣется получить помощь въ малороссійскихъ городахъ и что имѣеть больше поводовъ сердиться на Кочубея, чѣмъ на Мазепу.

Послѣ объявленія Петрика гетманомъ, ханъ поѣхалъ противъ маджаровъ (венгровъ), а калга-салтанъ, Батырча-мурза и Петрикъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

²⁾ Чуга отъ турецкаго боѣна, что значитъ сукно; у сербовъ чога—родъ сваты, архаизма.

³⁾ Нужно думать выше названный Василій Бузскій.

рѣшили идти къ Каменному-Затону, нѣсколько выше Чертомлыцкой Сичи, у лѣваго берега Днѣпра, тамъ, гдѣ рѣчка Конка впервыя впадаетъ въ Днѣпръ ¹⁾. Прежде прихода къ Каменному-Затону Петрикъ отправилъ письмо къ Ивану Гусаку съ требованіемъ, чтобы кошевой встрѣтилъ его въ Каменномъ-Затонѣ съ хлѣбомъ-солью. На это кошевой послалъ Петрику отвѣтъ, что кто его отправилъ въ Крымъ, тотъ долженъ и встрѣчать, а какъ кошевой его не посылалъ, то не намѣренъ его и встрѣчать. Самому калгъ-салтану кошевой отписалъ, что запорожцы, соблюдая вѣрность царскому пресвѣтлomu величеству, до Петриковой душегубной прелести не склоняются, отчины своей воевать съ нимъ не станутъ, а калгу-салтана просить, чтобы онъ Петрика, какъ Іуду и измѣнника, и близко не приводилъ къ нимъ. Послѣ Петрова дня пришелъ сперва на Каменный-Затонъ Батырча-мурза съ 5000 татаръ, а за нимъ калга-салтанъ и самъ Петрикъ съ 15000 татаръ и 12 человекъ запорожскихъ козаковъ ²⁾.

Прибытіе Петрика въ Каменный-Затонъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвело въ Запорожьи большое замѣшательство среди козаковъ, и если они не пошли на встрѣчу татаръ, то тому былъ причиной кошевой Иванъ Гусакъ, человекъ твердой воли и прозорливаго ума. Не желая ставить себя въ открытую вражду противъ татаръ; онъ поспѣшилъ «поновить» съ крымскимъ юртомъ и съ турецкими на Днѣпрѣ городками миръ на томъ, чтобы козакамъ вольно было на низовьяхъ Днѣпра добываться рыбными ловлями и соляными промыслами. Въ то-же время онъ твердо рѣшилъ, такъ или иначе, отвратить запорожскую чернь отъ предпріятія Петрика. Между тѣмъ въ Запорожѣ уже начиналось настоящее броженіе умовъ. Пользуясь поновленнымъ съ бусурманами миромъ, одна ватага запорожскихъ козаковъ, предводимая какимъ-то полков-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855, III, 108—106. Относительно времени объявленія Петрика гетманомъ существуютъ показанія Никиты Антоновича и Кондрата Михайлова; первый показывалъ, что это произошло въ Каланчакѣ, второй—въ Каменномъ-Затонѣ; въ Каланчакѣ Антоновичъ лично былъ, но не былъ тамъ Михайловъ; зато въ Каменномъ-Затонѣ лично былъ Михайловъ но не былъ тамъ Антоновичъ. Изъ этого возможно заключить, что оба козака показывали вѣрно: можетъ быть въ Каланчакѣ Петрикъ объявленъ былъ гетманомъ въ первый разъ, а въ Каменномъ-Затонѣ во второй.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подлинники, 1692, № 841—856; Архивъ мин. юстиціи, книга малороссійскаго приказа, 1692. № 66, листы 106—129.

нскомъ, двинулась было къ низовьямъ рѣки Днѣпра съ намѣреніемъ подать извѣстіе тѣмъ товарищамъ своимъ, которые раньше того ушли въ немаломъ числѣ на промыслы къ лиману Днѣпра. Но этому движенію воспрепятствовали сами бусурмане, которые не хотѣли пустить двигавшейся ватаги козаковъ мимо турецкихъ на Днѣпрѣ городковъ, и тогда полковникъ, руководившій ватагой, остановился на островѣ, называемомъ Носоковскимъ, и сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, приходившихъ къ нему людей. Другая ватага выбралась было сухимъ путемъ возами для соляной добычи къ Азовскому морю, на-урочище Берды. Кошевой атаманъ эту часть промышленныхъ козаковъ велѣлъ остановить и, впредь до будущаго разсмотрѣнія своего, въ Каменномъ-Затонѣ задержать. Но только эта ватага собравъ большой таборъ возлѣ себя, стала ждать прихода Петрика и татаръ и потомъ хотѣла идти на Молочныя Воды и на Берды. Тогда кошевой Гусака объявилъ, что кто дерзнетъ идти ватагою изъ Каменнаго-Затона, того онъ прикажетъ жестокою висѣлицею наказать¹⁾. Третья ватага числомъ около 500 человекъ, подъ начальствомъ ватага Мартышевскаго, собравшись «пѣхотнымъ походомъ», пошла на Азовское море, «для учиненія надъ бусурманами водными проходами промысловъ», но задержалась въ одномъ мѣстѣ по письму кошевого Гусака. Въ это время какой-то золотарь изъ Опушнаго закололъ ватага Мартышевскаго, но козаки застрѣлили золотаря, выбрали себѣ другого ватага и пошли на море; дорогою, идя по лугамъ, они много бѣдъ людямъ принесли и объявляли вездѣ, что имъ уже не для чего возвращаться назадъ. Четвертая козацкая ватага стояла въ полѣ, недалеко отъ Сичи, ожидая тамъ случая, куда бы ей пойти. Кромѣ этого было еще нѣсколько ватагъ. Такова ватага Оедька, который стоялъ на Сокольной и грабилъ проезжихъ людей; и хотя за нимъ посылали, чтобы онъ ѣхалъ въ Сичь, но онъ не слушался того приказанія. Возлѣ Оедька стоялъ какой-то Степанъ съ такой же своевольней, что и при Оедькѣ, которая отбирала у проезжихъ людей хлѣбъ, рыбу, котлы и ждала Петрикова прихода¹⁾. Все это въ сильной степени безпокоило кошевого Гусака, который, желая очистить проезжіе пути отъ разныхъ ватаговъ, имѣлъ послать по два козака изъ каждаго куреня. Но

¹⁾ Такъ доносилъ Мазепѣ июня 29 дня съ «днѣпровскаго побережья» его дворца Иванъ Рутковский.

болѣ всего тревожила кошевого Гусака вѣсть о затѣѣ Петрика и о приходѣ съ нимъ въ Каменный-Затонъ татарь. «Кошевой и куренные атаманы съ товариствомъ, писалъ самъ гетманъ Мазепа въ Москву, неотходно отъ Сѣчи обрѣтаются и чають нынѣ въ Каменной-Затонъ калги-салтана съ ордами и съ измѣнникомъ плутомъ Петрикомъ... Но если онъ, тутъ, придетъ на то урочище Каменный-Затонъ, то они хотять порадыть: ухвативъ въ своя руки, тамъ-же умертвить» ¹⁾).

---

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отправка гетманомъ Мазепою въ Сичь посланца Горбаченка.—Тайная бесѣда Горбаченка съ кошевымъ Гусакомъ и извѣщеніе о томъ отъ гетмана въ Москву.—Пріѣздъ Петрика въ Каменный-Затонъ; свиданіе его съ кошевымъ Гусакомъ.—Рада въ запорожской Сичи по поводу предложенія Петрика и уклончивый отвѣтъ со стороны кошевого Гусака.—Универсалъ гетмана Мазены къ малороссійскимъ козакамъ съ объявленіемъ о замыслахъ измѣнника Петрика.—Обиѣтъ посланцами гетмана Мазены и кошевого Гусака по поводу замысловъ Петрика.—Первый походъ Петрика на Украину и быстрое возвращеніе его назадъ.—Вопросъ объ арсѣдахъ на Украинѣ и вѣдательство въ это дѣло запорожскихъ козаковъ.—Второй походъ Петрика на Украину и повторное отступленіе его.

Гетманъ Мазепа, увѣрившись доподлинно въ неизмѣнной преданности запорожскихъ козаковъ русскому престолу, отправилъ въ Сичь, по приказу царей, своего посланца Сидора Горбаченка съ тѣмъ, чтобы похвалить Ивана Гусака и все запорожское войско за постоянство и за вѣрность великимъ государямъ и уговорить кошевого атамана, дабы онъ того плута Петрика схватилъ и въ городъ Батурина прислалъ. Посланецъ долженъ былъ передать всему войску гетманскій листъ, а съ кошевымъ атаманомъ поговорить наединѣ и за его услуги двойную «заплату» ему пообѣщать, въ залогъ чего передать ему гостинець—20 ефимковъ и турецкую саблю въ 40 рублей да товарищамъ его судью, писарю и асаулу по 10 ефимковъ также наединѣ вручить. Гетманскій посланецъ, прибывъ въ Сичь, прежде всего представился кошевому Гусаку и имѣлъ съ нимъ тайный разговоръ. Кошевой Гусакъ звалъ Сидора Горбаченка къ себѣ въ чуланъ и тамъ, поцѣловавъ передъ нимъ крестъ, сталъ увѣрять, что онъ во всемъ желаетъ добра гетману и что гетманъ по тому самому нисколько не долженъ сомнѣваться въ немъ. Затѣмъ, когда въ Сичь пріѣхалъ татарскій посолъ, и на собранной радѣ былъ вычитанъ Петриковъ листъ, то кошевой, вернувшись къ себѣ, пригласилъ гетманскаго посланца

въ курень и изложилъ ему все то, что на радѣ произошло. Кошево й рассказалъ, что у нихъ, въ Сичѣ, былъ одинъ козакъ, который за свое злое дѣло, т. е. за то, что многія въ курень вещи покралъ, былъ прикованъ «къ кобылицѣ» за шею замкомъ, но ему кто-то тотъ замок на шеѣ разбилъ, и онъ изъ Сичи къ Петрику ушелъ. Того козака будто-бы самъ гетманъ съ листами къ Петрику прислалъ; но козакъ, находясь въ Сичѣ, зарылъ отъ страха гдѣ-то въ землю листы. Только ни самъ кошевой, ни запорожскіе козаки не вѣрятъ въ пересылку черезъ того козака гетманскихъ листовъ: если гетману и городовому войску была какая-нибудь «налога» отъ Москвы и нужно было за ту «налогу» запорожское войско поднять, то онъ бы къ самому войску, а не къ «тому дураку» свой листъ послалъ. Ни турецкому, ни Петрикову листамъ запорожскіе козаки вѣры не придаютъ, потому что въ нихъ нѣтъ правды никакой и все то измышляютъ гетманскіе враги съ намѣреніемъ ссору съ Москвой учинить и военный походъ на украинные города объявить. У гетмана немало такихъ враговъ, и если онъ не отсѣчетъ тремъ «тамошнимъ» головъ, то ни ему въ гетманствѣ покоя не знать, ни Украинѣ добра не видать: первому—Полуботку; другому—Михайлѣ, а третьему—что всегда при немъ живетъ, самъ додумается, кому. А относительно запорожцевъ пусть гетманъ не думаетъ, будто всѣ бунты начинаются именно отъ нихъ или отъ тѣхъ, что приходили на добычу изъ городовъ, т. е. отъ козаковъ лубенскаго полка, которые не хотятъ аренды платить, оттого бунтуются и желаютъ съ Петрикомъ идти, или отъ козаковъ гадячскаго и полтавскаго полковъ, которые говорятъ, что гетманъ въ городахъ и въ селахъ много старость постановилъ, потому бунтуются и Петрика ждуть. Хотя всѣхъ такихъ въ Запорожьи набралось до 10,000 человекъ, но кошевой отпустилъ ихъ за добычей по соль, и когда часть ихъ, вмѣстѣ съ войскомъ низовымъ, повстрѣчалась съ татарскимъ посломъ, то она даже и не хотѣла слушать «прелестныхъ» татарскихъ листовъ. А что пишетъ крымскій ханъ, требуя присяги себѣ отъ атамановъ всѣхъ куреней, когда онъ придетъ въ Каменный-Затонъ, то они никогда той присяги ему не дадутъ и самъ кошевой атаманъ безъ аманатовъ съ татарской стороны въ Каменный-Затонъ не пойдетъ: онъ будетъ просить хана къ себѣ и поступить такъ, какъ скажутъ атаманы куреней. Если-же ханъ въ Сичь не пойдетъ, то тогда, когда татары пришлютъ 12 человекъ «добрыхъ людей», кошевой самъ-

другъ или самъ-четверть можетъ поѣхать въ Каменный-Затонъ, и то единственно для того, чтобы истинную правду узнать, а вовсе не для того, чтобы татарамъ присягать и, чего не дай Господь Богъ, великихъ государей воевать. Да и гдѣ дѣнутся запорожскіе казаки, когда потеряютъ послѣднюю частицу своей земли? Нелюбо имъ уже и то, что на Заднѣпровьѣ пусто и нѣтъ тамъ никого. Бывшій во время этого разговора при кошевомъ атаманѣ, товариствѣ и старшинѣ «зѣло старый» козакъ говорилъ, что онъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, благодаря Бога, прожилъ и многихъ, которые съ великими государями хотѣли вести войну, помнилъ хорошо, но только никто того не учинилъ, а потому и «сей безъ всякой добродѣтели щенокъ», что можетъ учинить, если всѣ казаки единодушно будутъ держаться стороны московскихъ царей? Особо отъ другихъ, наединѣ, кошевой атаманъ гетманскому посланцу говорилъ, чтобы гетманъ прислалъ къ нему какого-нибудь «добраго и надежнаго» казака, но такъ, дабы никто о томъ не зналъ, и чтобы тотъ человѣкъ въ то время, когда придетъ въ Каменный-Затонъ «тотъ дуракъ», былъ-бы тамъ съ кошевымъ и обо всемъ доподлинно гетману передалъ; да чтобъ гетманъ тысячъ 15,000 войска въ какомъ-нибудь тайномъ мѣстѣ приготовить велѣлъ, и когда «тотъ еретикъ» задумаетъ свой умыслъ, «на слободы или гдѣ ни есть» обратить, то чтобы надъ нимъ можно было немедленно промыслъ учинить и самого его въ руки захватить. А за все то кошевой атаманъ велѣлъ передать гетману просьбу о томъ, чтобы Москва милостивѣе обходилась съ малороссійскими людьми, такъ какъ всякій, кто ни пріѣдетъ въ Запорожье изъ городовъ, жалуется на живущихъ въ городахъ москалей, что они малороссійскихъ людей бьютъ, крадутъ и насильно отнимаютъ у нихъ добро, а дѣтей увозятъ въ возахъ въ Москву. Самъ Горбаченко, находясь въ радѣ запорожскихъ козаковъ и присматриваясь къ тамошнему поведенію ихъ, усмотрѣлъ, что межъ низовыми козаками, изъ голутбы, нашлось много малодушныхъ и легкомысленныхъ головъ, которые, забывшись, говорили много противныхъ рѣчей, показывали явную склонность къ врагу Петрику и къ «бусурманской прелести» татаръ, разсуждая такъ, что не для чего имъ такого случая упускать, который можетъ имъ добычу принести¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; крымскія дѣла, 1632, св. 79а, № 4.

Отпуская изъ Сичи гетманскаго гонца, кошевой атаманъ Гусакъ и все войско низовыхъ козаковъ написали гетману, іюля 4 числа, изъ Коша письмо и въ немъ общались «во всякой вѣрности царямъ и гетману пребывать и никакимъ обманчивымъ и прелестнымъ словамъ у себя мѣста не давать», и кромѣ одного «своего недостатка», который они допускали и въ прошлыя времена, другого не чинить, а именно: ради рыбной, звѣриной и соляной добычъ держать съ бусурманами миръ. Во всемъ остальномъ, какъ общались козаки вѣрно царскимъ величествамъ служить, за вѣру христіанскую и за церкви божіи стоять, такъ и пребудутъ вѣрными навсегда. А за все то и гетманъ пусть явить имъ милость свою: возвратитъ тѣхъ людей, которые «неналежаще» находятся въ подданствѣ по полкамъ. Особо отъ всего товариства написано было отъ кошевого, судьи, писаря и асаула гетману секретное письмо. Въ этомъ секретномъ письмѣ кошевой атаманъ благодарилъ гетмана «за поздравленіе его на урядѣ кошеводства» и за присланныя ему и главной старшинѣ гостинцы и призывалъ Бога во свидѣтели, что какъ, не будучи еще на урядѣ кошеводства, онъ пребывалъ расположеннымъ къ гетманской вельможности господской, такъ и теперь, на сколько хватить силъ, останется въ «пріятной желательности» къ своему благодѣтелю и отцу. Въ доказательство же своей вѣрности объявлялъ, что запорожскимъ козакамъ измѣнникъ Петрикъ посылаетъ Батырчу-агу, двухъ беевъ и мурзъ съ нѣсколькими людьми и приглашаетъ охочихъ изъ козаковъ идти войной на Москву. Но только ни кошевой, ни запорожскіе козаки безъ воли гетмана не рѣшатся ни на какое дѣло, и какой совѣтъ подастъ имъ самъ гетманъ, какъ «милой» ихъ отецъ, на томъ они и будутъ пребывать, а въ случаѣ прихода Петрика и татаръ въ Каменный-Затонъ, кошевой со всемъ войскомъ немедленно о томъ гетману дастъ знать. Гетманъ-же, въ свою очередь, долженъ озаботиться о томъ, чтобы изготовить войска тысячь девять чловѣкъ, съ которымъ кошевой могъ бы «добре» противъ общихъ враговъ постоять. Кромѣ собственнаго письма кошевой Гусакъ, въ знакъ своей вѣрной службы царямъ, послалъ гетману подлинныя, писанныя рукой Петрика, статьи, на которыхъ послѣдній крымскому хану присягу свою учинилъ ¹⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

Гетманъ Мазепа, едва дождавшись прибытія своего гонца, со всеми привезенными имъ письмами отъ запорожскихъ козаковъ, со всеми добытыми статьями Петрика и со всеми свѣдѣніями относительно поведенія запорожской гольтыбы, немедленно отправилъ того-же гонца въ Москву, вручивъ ему, для великихъ государей, собственный, гетманскій листъ съ объявленіемъ о готовности въ случаѣ прихода враговъ къ украинскимъ городкамъ, изъ-подъ Гадяча идти за рѣку Пселъ¹⁾).

Великіе государи, получивъ все посланцыя Мазепой извѣстія относительно Петрика и запорожцевъ, приказали отправить гетману листъ, въ которомъ, снимая съ него всякое подозрѣніе за сговореніе съ Петрикомъ черезъ посредство бѣглаго козака, за все его скорыя и умныя распоряженія жаловали милостиво и премилостиво похваляли, и такой же листъ велѣли послать изъ Москвы въ Сѣчь съ обнадеживаніемъ монаршескаго жалованья низовымъ молодцамъ²⁾).

Тѣмъ временемъ, послѣ отъѣзда изъ Сичи гетманскаго посланца Сидора Горбаченка, прибыли, іюня 8 числа, въ Каменный-Затонъ Петрикъ, Батырча-ага и съ ними около 30,000 татаръ и около 1,000 человекъ черкесъ; при Петрикѣ было около 30 человекъ запорожцевъ и въ числѣ ихъ—самыми близкими Василій Бузскій и Иванъ Щербина. Послѣднимъ указано было «прельщать» низовыхъ козаковъ и склонять ихъ на сторону Петрика и татаръ. Для этого Василій Бузскій далъ козакамъ, бывшимъ при Петрикѣ, зипу, и тѣ козаки перевезлись изъ Каменнаго-Затона въ Сичь. Черезъ четыре дня послѣ прибытія въ Каменный-Затонъ Петрикъ, выбравъ какого-то козака, велѣлъ ему переправиться черезъ Днѣпръ и доставить кошевому атаману Ивану Гусаку письмо. Въ посланномъ письмѣ Петрикъ извѣщалъ, что вскорѣ имѣетъ прибыть въ Каменный-Затонъ калга-салтанъ со множествомъ ордъ и что кошевой атаманъ съ войскомъ низовыхъ козаковъ долженъ сдѣлать салтану встрѣчу въ полѣ съ хлѣбомъ-солью; если-же этого кошевой не сдѣлаетъ, то Петрикъ захватитъ въ свои руки всехъ запорожскихъ промышленниковъ на рѣчкахъ Молочныхъ и на Бердахъ³⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1699, св. 79а, № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1692, № 841; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4; Архивъ мин. юстиціи, 1692, № 66, св. 106—129.

Когда посланный человекъ прибылъ съ такимъ письмомъ къ кошевому Ивану Гусаку, то кошевой Гусакъ, взявъ письмо и прочитавъ его, человекъ избилъ, поданное письмо собственной рукой изорвалъ и тутъ же открыто объявилъ, что онъ никогда того не сдѣлаеть, чтобы почитать встрѣчей салтана, врага святого креста, что онъ, какъ былъ, такъ и останется постояннымъ въ своей вѣрной службѣ великимъ государямъ ¹⁾).

Но Петрикъ и Батырча-ага, встрѣтивъ такой отпоръ со стороны кошевого Гусака, на томъ не успокоились: они начали раздавать запорожскимъ козакамъ ружья и лошадей, и тогда къ нимъ стало переходить товариство изъ Сичи въ Каменный-Затонъ. Такъ, перешелъ атаманъ пашковскаго куреня Леско Сыса со всею пѣхотой. Немало потянулось къ Петрику и малороссійскихъ городовыхъ козаковъ: услышавъ о приходѣ татаръ въ Каменный-Затонъ, городовые козакъ въ большомъ числѣ пустились въ запорожскую Сичь. Гетманскій дозорца, старался задерживалъ ихъ у Череволочны и давалъ пропускъ только болѣе или менѣе благонадежнымъ, напримѣръ, такимъ которые шли съ чернецомъ ²⁾).

Тѣхъ, которые пошли было въ низовье Днѣпра за рыбной и соляной добычей, Петрикъ вернулъ назадъ и приказалъ имъ слѣдовать за собой. А за тѣми, которые двинулись было на Молочную и на рѣчки Берды, послалъ 2000 человекъ орды и приказалъ ей вернуть всѣхъ такихъ козаковъ въ Каменный-Затонъ, въ случаѣ-же сопротивленія велѣлъ жечь ихъ возы и самихъ съ лошадьми гнать въ татарскій станъ. Въ тѣ промыслы пошелъ было таборъ въ 3000 человекъ. Вернувъ этотъ таборъ назадъ, Петрикъ велѣлъ поставить его такъ, чтобы на 10 козаковъ приходилось 100 человекъ татаръ.

Петрикъ, имѣя цѣлью обмануть гетмана Мазепу, разсылалъ по городамъ письма и въ тѣхъ письмахъ объявлялъ, что онъ не ищетъ гетманства, потому что гетманъ имѣется уже готовый, что онъ хочетъ быть лишь писаремъ при гетманской особѣ, и имѣть надежду, приди на рѣку Самарь, видѣть всѣ войска на своей сторонѣ. Особо отъ этихъ листовъ посланы были и другіе какіе-то листы въ запорожскую Сичь. Въ Сичѣ тѣ листы читались до полудня и во свидѣтельство словъ тѣхъ листовъ подили въ Каменный-Затонъ государевыхъ пословъ, которые шли въ Запорожье

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

изъ Москвы. Съчевые гультини подняли бунтъ и хотѣли было истребить всѣхъ атамановъ, чтобы они не дали никакой вѣсти гетману Мазепѣ о происходившемъ въ Сичи. Но гетманъ получалъ вѣсти то отъ русскихъ людей, бывшихъ въ Сичи, то отъ случайныхъ пробѣжнихъ, какъ, на примѣръ, отъ бывшаго духовникомъ у козаковъ инокъ Межигорскаго монастыря, Дороея; то отъ самихъ-же запорожскихъ козаковъ, каковы, на примѣръ, Степанъ Рубанъ, Гаврило Пуленко, и другіе, которые хотѣли гетману и великимъ государямъ вѣрно служить. Такъ, сами запорожцы схватили въ Каменномъ-Затонѣ двухъ человѣкъ татаръ и одного изъ нихъ заколюли, а другого, подъ предлогомъ доставки до «господы» ¹⁾, козакъ Гаврило Пуленко, самъ-шестъ, доставилъ для разспросныхъ рѣчей гетману Мазепѣ, а гетманъ Мазена поспѣшилъ отослать его въ Москву.

Желая вѣрнѣе подѣйствовать на запорожскую толпу, Петрикъ распустилъ слухъ, будто онъ имѣетъ у себя какія-то секретныя письма гетмана Мазепы, раздѣляющаго вмѣстѣ съ нимъ всѣ его планы и предпріятія. Послѣ такого заявленія кошевому атаману ничего другого не оставалось дѣлать, какъ послать избранныхъ къ Петрику козаковъ для разсмотрѣнія гетманскихъ листовъ. Юни 16 дня, въ субботу, вечеромъ, кошевой Гусакъ и все низовое запорожское войско послали нѣсколько человѣкъ куренныхъ атамановъ и съ ними бывшаго кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго въ Каменный - Затонъ и велѣли имъ «досмотрѣть» тѣ письма какія имѣются у Петрика. Куренные атаманы съ Григоріемъ Сагайдачнымъ пробыли въ Каменномъ-Затонѣ весь день воскресенья и, возвратясь къ ночи въ Сичь, объявили, что Петрикъ, дѣйствительно ссылается на какія-то гетманскія письма, но что онъ не желаетъ имъ показывать ихъ, а покажетъ только самому кошевому атаману, когда кошевой пріѣдетъ лично въ Каменный-Затонъ. Тогда, юли 17 дня, въ понедѣльникъ, кошевой атаманъ Гусакъ, съ нимъ нѣсколько куренныхъ атамановъ, 600 человѣкъ товариства ²⁾, съли въ лодки и отъ Сичи направились къ Каменному-Затону.

¹⁾ Въ одномъ письмѣ сказано «до господы», въ другомъ—«на постоянный дворъ».

²⁾ По другому указанію при кошевомъ были—судья, асаулъ, писарь, 33 куренныхъ атамановъ и 2000 человѣкъ простыхъ козаковъ.

Подойди къ урочищу, они пристали къ одному острову и стали совѣтоваться, какимъ образомъ имъ стать въ Каменномъ-Затонѣ и видѣться съ калгой-салтаномъ. Снесшись съ калгой-салтаномъ, они выпросили у него четырехъ мурзъ заложниковъ, оставили ихъ на островѣ, а сами вышли на лѣвый берегъ Днѣпра и стали тамъ «вооруженнымъ чиномъ». Калга-салтанъ, узнавъ о переправѣ Гусака съ праваго на лѣвый берегъ, послалъ къ кошевому людей и черезъ нихъ просилъ со всѣмъ товариствомъ явиться къ нему въ салтанскій наметъ, стоявшій поодаль отъ лѣваго берега Днѣпра. Кошевой атаманъ сперва отговаривался и въ свою очередь просилъ салтана пріѣхать къ запорожскому товариству, но посланные салтана возразили, что «непристойно такому великому господину», какъ калга-салтанъ приходитъ первому къ запорожскому войску. Тогда кошевой атаманъ, посовѣтовавшись съ товариствомъ, рѣшилъ идти къ салтану. Тутъ татары подвели кошевому коня, и онъ, взявъ съ собой нѣсколько человекъ куренныхъ атамановъ, пріѣхавъ къ салтанскому намету и напелъ тамъ, кромѣ салтана, писаря Петрика. Когда кошевой и куренные атаманы вошли въ наметъ салтана, то поздоровавшись съ нимъ¹⁾, заняли, по его приглашенію, указанныя мѣста и провели въ наметѣ время съ обѣденнаго часа до вечерняго. Кошевой атаманъ прежде всего, обратился съ вопросомъ къ салтану, отъ кого привезъ Петрикъ въ Крымъ письма и каковы тѣ письма. На это салтанъ отвѣчалъ, что Петрикъ писемъ ни отъ кого ему не привозилъ; но, пріѣхавъ въ Крымъ, увѣрилъ хана и салтана на словахъ, что онъ обиадеженъ самими запорожскими козаками. Кошевой на это возразилъ, что запорожцы Петрика къ хану не посылали и когда онъ бѣжалъ изъ Запорожья, вовсе о томъ не знали. Послѣ этого кошевой съ тѣмъ-же вопросомъ обратился къ Петрику. Петрикъ сперва отговаривался и требовалъ, чтобы запорожцы безусловно вѣрили его слову, но потомъ, когда кошевой настойчиво требовалъ отъ него гетманскихъ писемъ или хотя присяги въ томъ, что онъ имѣетъ ихъ, сознался, что у него никакихъ гетманскихъ писемъ нѣтъ, что его никто изъ старшихъ, ни изъ меньшихъ къ тому дѣлу не подговаривалъ, а заключилъ онъ мирный договоръ

¹⁾ По другому указанію кошевой и козаки поднесли салтану хлѣбъ-соль, и салтанъ, довольный такимъ пріемомъ, похвалилъ за то козаковъ, а хлѣбъ-соль велѣлъ принять своему чаушу.

съ крымскимъ ханомъ «своимъ разумомъ, ужалившись тягостями и нестерпимыми обидами малороссійскаго посполитаго народа». Послѣ такого разговора съ Петрикомъ калга - салтанъ потребовалъ отъ куренныхъ атамановъ принести присягу на пріязнь крымскому государству: во время похода татаръ на Украину Крыму не вредить; татаръ, которые будутъ возвращаться изъ подъ русскихъ городовъ съ добычей, не громить. Когда куренные атаманы дали на томъ присягу, то калга - салтанъ началъ настаивать на томъ, чтобы немедленно идти на города московскихъ царей¹⁾. Но отъ этого предложенія кошевой атаманъ старался вслѣдствию отговориться: онъ просилъ у салтана три дни на размышленіе, говорилъ, что безъ рады всего низового войска самъ не можетъ такого дѣла рѣшить, поставляя на видъ, что идти ему въ такой трудный походъ не съ кѣмъ, потому что одна часть его войска ушла къ устью Днѣпра въ Прогнои, другая къ урочищу Бердамъ и Молочнымъ, на соляную добычу; на Кошу-же осталось войско ненадежное и приневолить его къ такому дѣлу рѣшительно невозможно. Однако, ни кошевой, ни старшина никого не будутъ неволить, и кто изъ войска захочетъ идти въ походъ, того не будутъ удерживать, кто не захочетъ, того силой не будутъ высылать. Впрочемъ, не желая брать на себя никакой отвѣтственности, кошевой атаманъ спросилъ на этотъ счетъ совѣта у бывшихъ съ нимъ куренныхъ атамановъ, и тутъ одни изъ атамановъ дали такой отвѣтъ что не приходится войску идти заодно съ бусурманами воевать право-

¹⁾ По другимъ указаніямъ, присяга состоялась на томъ, чтобы запорожцамъ идти съ татарами сперва на Муравскій шляхъ и подъ слободы, потомъ подъ Самарь, Вольное и Орликъ, «гдѣ засажены государскіе люди», затѣмъ подъ рѣки Орель, Ворсклу, Пселъ и Мерзу къ малороссійскимъ и великороссійскимъ городкамъ, снести и разорить города по Пселъ рѣку, какъ въ прежнія времена бывало: города по Орели, Ворсклѣ и у Днѣпра отдать татарамъ. Для того похода кошевой соберетъ войско съ Берды и Молочной и когда оно прійдетъ, то онъ, въ случаѣ ему самому нельзя будетъ выдти въ походъ, дастъ войску бунчукъ, лавры и знамя. А когда прійдутъ коваки и татары въ великороссійскіе и малороссійскіе города, то вездѣ разошлютъ народу «прелестные» листы съ тѣмъ, чтобы народъ выбилъ московскихъ людей, знатныхъ пановъ, арендарей; послѣ того однихъ подклонять подъ мечъ, другихъ перегонять за Днѣпръ, и осадять ими города. На той присягѣ Петрица выбрали гетманомъ, Бузскаго полтавскимъ, Сысу—перяславскимъ подковниками. Въ случаѣ запорожцы окажутся ненадежными, то татары сдѣлаютъ только «забѣги» подъ города и потомъ вернутся въ Крымъ.

славныхъ христіанъ, а другіе отвѣчали такъ, что коли ужъ салтану принесли присягу, то можно съ нимъ и на войну подъ малоросійскіе города идти. Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ калга-салтанъ и Батырча-ага подарили кошевому сѣраго коня съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ уборомъ, кромѣ того, чугу златоглавную да кафтанъ бархатный, куреннымъ атаманамъ и знатымъ козакамъ по кафтану да по чугѣ, а «своевольцамъ», бывшимъ при татарахъ, дали денежное жалованье, по коню да по саадаку и послѣ того всѣхъ отпустили въ Сичь. Во время разговоровъ кошевого атамана и знатнаго товариства пришлое съ ними войско все время стояло у днѣпровскаго берега до поворота къ нему атамана. Къ вечеру того-же дня кошевой съ товариствомъ былъ уже у лѣваго берега Днѣпра, а къ ночи—въ запорожской Сичи.

На другой день іюля 18 числа, во вторникъ, калга-салтанъ и Петрикъ прислали въ Сичь козака Сысу съ запросомъ, пойдеть ли кошевой съ ними на войну или нѣтъ. Кошевой собралъ рано утромъ войсковую раду и на ней предложилъ вопросъ, какъ быть съ Петрикомъ. На этотъ вопросъ данъ былъ двоякій отвѣтъ: одни говорили, что не годится съ бусурманами ходить войной на христіанъ, другіе доказывали, что послѣ принесенной присяги татарамъ можно съ ними и на войну идти. Кошевой былъ на сторонѣ первыхъ, и потому сложилъ съ себя свое званіе; за нимъ послѣдовали судья, писарь и асаулъ; въ свое оправданіе они говорили, что ихъ принуждаютъ разные крикуны идти съ бусурманами на православныхъ христіанъ, но они не хотятъ допустить во время своего управленія Запорожьемъ такого зла. Между войскомъ цѣлый день происходило полное разногласіе: одни кричали «добро», другіе кричали «зле»; въ это время весь день атаманская «комышина» лежала на столѣ, среди вѣчевой площади, и всякій, кому ее предлагали, отказывался отъ нея. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня выступили на площадь знатные товарищи, заслуженные и престарѣлые воины, и собрали новую раду. Они рѣшили просить кошевого и всю старшину вновь взять на себя свои должности и попрежнему управлять войскомъ. Кошевой, писарь, судья и асаулъ, послѣ долгихъ колебаній и упрашиваній со стороны товариства, наконецъ, согласились возвратиться къ прежнимъ должностямъ. Тогда атаманъ, выйдя на раду, сказалъ: «Кто хочетъ идти за плутомъ Петрикомъ, того я не удерживаю, а кто будетъ постоянно сидѣть на Кошу, того высылать не буду». Калга-сал-

танъ просилъ кошевого прислать изъ Коша знатныхъ людей, которые «къ Петрику привязались», но кошевой отказалъ ему и въ этомъ, говоря, что онъ «о всемъ о томъ поведеніи донесетъ письмомъ гетману»¹⁾.

Между тѣмъ гетманъ Мазепа, получивъ всѣ извѣстія изъ запорожской Сичи, сперва сообщилъ о томъ въ Москву, потомъ, іюля 28 дн., разослалъ по всѣмъ своимъ полкамъ универсалъ, въ которомъ предостерегалъ своихъ козаковъ «отъ плута и здрайцы» Петрика, приглашалъ всѣхъ слушаться однихъ своихъ старшинъ, держаться стороны царскаго пресвѣтлаго величества; изображалъ, какъ, живя «статечно» подъ высокодержавною великаго государя рукой, всѣ обогатились во всякомъ пропитаніи, имуществѣ, добрѣ; напоминалъ, до чего доведены были обитатели тогочной Украины, особенно въ то время, когда полковникъ Сирко внесъ «мѣшанину» въ городъ Умань и другія мѣста, многимъ людямъ смерть приготовилъ, многихъ заставилъ лишиться имуществъ, и потомъ, не будучи въ состояніи удержаться на своемъ «непрочномъ житіи», ушелъ оттуда другихъ слободъ искать; представлялъ дѣйствія Сулимки, Суховія, Ханенка, разорившія и въ пустыню обратившія тогочную Украину, достойную слезъ и великой жалости. Въ заключеніе гетманъ призывалъ всѣхъ къ строгому повиновенію и неважныхъ людей приказывалъ заключать въ колодки и отсылать къ нему въ Батуринъ²⁾.

Вѣроятно, въ такомъ-же родѣ посланъ былъ листъ отъ гетмана и запорожскимъ козакамъ на имя кошевого атамана Гусака. Этотъ листъ до насъ не дошелъ, но кошевой, принявъ его и вычитавъ отвѣчалъ гетману слѣдующее: «У войска запорожскаго злого умысла нѣтъ, и знать того не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тотъ, кто Бога единого въ Троицѣ не знаетъ. Правда и Хмельницкій былъ въ союзѣ съ татарами, но потомъ подался пресвѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украинѣ не было; а выгнѣ утѣсенія чинятся. Ваша вельможность правду пишете,

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, крымскія дѣла 1692, св. 79а, № 4: Архивъ мин. юстиціи 1692, книга мал. приказа, № 66, л. 106—129. Документы архива иностранныхъ дѣлъ заключаютъ въ себѣ извѣстія первыхъ рукъ и потому имъ отдано въ данномъ случаѣ предпочтеніе.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 109—111.

что при лихахъ великіи утѣсенія войсковымъ вольностямъ были; за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ отъ ихъ подданства освободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при лихахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ, и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, то такому можно и подданныхъ имѣть, тогда никому не досадно, какъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало. А нынѣ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, а они держатъ и не знаютъ, что дѣлать съ бѣдными подданными своими. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ»¹⁾).

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ писемъ гетмана съ кошевымъ, возлѣ Петрика стали собираться охочіе до войны запорожцы. Послѣ ухода кошевого атамана Гусака изъ Каменнаго-Затона въ Сичъ Петрикъ и калга-салтанъ простояли еще около недѣли въ Затонѣ, поджидая къ себѣ своевольныхъ запорожцевъ. Когда такихъ запорожцевъ собралось 500 человекъ, то Петрикъ и калга-салтанъ собрали раду и на той радѣ рѣшено было «звать» Петрика гетманомъ; въ это время калга-салтанъ далъ Петрику клеймоты, и Петрикъ, принявъ ихъ, сталъ считать себя гетманомъ и выбралъ для себя старшину: трехъ полковниковъ, Василия Бузскаго, Кондрата Михайлова и Леска Сысу, и шесть человекъ сотниковъ. Послѣ этого, для пополненія численности своего войска, Петрикъ послалъ къ запорожскимъ ватажанамъ, находившимся на Молочныхъ Водахъ и Бердахъ, посланца и черезъ него приглашалъ ихъ въ себѣ для похода въ московскую землю, въ противномъ случаѣ грозилъ всѣхъ ихъ изловить и въ татарскую неволю отдать. Отъ Каменнаго-Затона Петрикъ поднялся выше и въ шести миляхъ отъ Затона, на рѣчкѣ Маячкѣ встрѣтилъ ватажныхъ людей, шедшихъ съ Молочной съ добычею; ихъ было около 3000 человекъ. Узнавъ подлинно, что всѣ замыслы Петрика дѣло «воровское» и что при немъ не было кошевого, ватажане заперлись съило на островѣ надъ Маячкой и отказались идти вмѣстѣ съ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, XIV, 187.

Петрикомъ. Но на утро Петрикъ прислалъ своихъ людей въ таборъ ватажанъ съ приглашеніемъ идти къ нему на соединеніе. Тогда нѣкоторые изъ ватажанъ послушались этого приглашенія и пошли къ Петрику. Петрикъ сдѣлалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ урядниками и они, возвратившись въ таборъ, стали разбирать свои возы. Увиди такое дѣло, другіе ватажане начали бѣжать изъ табора. Петрикъ послалъ за бѣжавшими татаръ и запорожцевъ, которые вернули ихъ назадъ. Справившись съ ватажанами, Петрикъ поднялся къ рѣчкѣ Московкѣ и отсюда отправилъ «прелестныя письма» въ полтавскій полкъ къ царичанскимъ и китаѣгородскимъ жителямъ съ разными доводами сдатьси ему. Отъ Московки Петрикъ поднялся къ рѣчкѣ Татаркѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кодацкаго порога ¹⁾, и тутъ, вмѣстѣ съ калгой-салтаномъ, собралъ раду для рѣшенія вопроса, съ чего начать свой походъ на Украину, т. е. идти-ли прямо на полтавскій полкъ, или же сперва взять самарскіе городки. Рѣшено было прежде всего идти къ самарскимъ городкамъ, не для взятія ихъ, а для прокормленія скота, которому нечего было ѣсть, такъ какъ въ поляхъ весь хлѣбъ былъ потравленъ и притолочень массою татарскихъ коней. Отъ самарскихъ городковъ положили идти къ рѣчкѣ Орели, служившей раздѣльной линіей между Запорожьемъ и Гетманщиной, и взять поорельскіе городки Царичанку и Китаѣ-городъ. Дойди до рѣчки Самары и перейди ее, Петрикъ разогналъ отъ себя іюли 29 дни, орельскимъ жителямъ такого рода «прелестный» универсалъ.

«Вамъ всѣмъ, товариству и посполитымъ обывателямъ орельскихъ мѣстъ добраго отъ Господа Бога здоровья и благополучія желаю! Уже вашимъ милостивъ извѣстно, что я, зная, въ какомъ стѣсненіи живетъ войско запорожское, а также види несносныя кривды въ отношеніи васъ и притѣсненія, происходящія отъ Москвы и отъ нашихъ немилостивыхъ пановъ, и по всему тому, имѣи намѣреніе избавить васъ отъ подданства, ушелъ въ крымское государство и съ этимъ дѣломъ въ Крымъ ѣздилъ. Теперь, когда я вышелъ съ ордами изъ Крыма къ Каменному-Затону подъ Сичу, то тутъ все войско запорожское, при кошевомъ атаманѣ и всѣхъ куревныхъ атаманыхъ, учинило войсковую раду; въ это время утверждень былъ съ крымскимъ государствомъ вѣчный миръ, свершленный съ обѣихъ сторонъ присягой, послѣ того, на дру-

¹⁾ Та самая, которую переходилъ въ 1687 году кн. Голицынъ.

гой радѣ, по волѣ всемогущаго Бога, мени выбрали гетманомъ и приказали съ тѣми ордами и съ войскомъ запорожскимъ идти войной для вашей обороны противъ Москвы. Ради этого, рупшивши изъ Каменного-Затона со всемъ запорожскимъ войскомъ и соединившись съ тѣмъ войскомъ, которое было на Молочной, и со всеми ордами, находящимися при калгѣ-салтанѣ, мы пришли до Самары, откуда и шлемъ вамъ нашъ листъ настоящій дабы вы, давши вѣру тому и учинивши между собой настоящій порядокъ, выслали на встрѣчу его милости салтана и войска запорожскаго свою старшину и сами въ ту военную дорогу съ нами на непріятеля своего, москаля, готовились, чтобы не носить больше невольническаго ярма на своихъ вольныхъ козацкихъ шеяхъ и скинуть его съ помощью божіей. Вѣдайте, что эта война на москаля не ради чего иного началась, какъ ради вашихъ вольностей и общаго всенароднаго посполитаго добра. Нѣтъ надобности много писать вамъ, — сами знаете, что дѣлаютъ съ вами москаля и драпежные (хищные) паны и что вамъ чинится отъ арендарей, — все то сами хорошо знаете, потому что они объѣздили вамъ ваши шен и всю вашу худобу позабирали. Станьте-же, безъ всякой отговорки, за свои вольности, беритесь сполна, со всею щирою правдою съ нами, войскомъ запорожскимъ, и теперь, когда Господь Богъ всемогущій поможетъ выбиться изъ - подъ ярма московскаго, то вы учините у себя такой порядокъ, какой сами захотите и будете пользоваться такими вольностями, какими пользовались предки ваши за Хмельницкаго. Теперь войско запорожское утвердило вѣчный миръ съ крымскимъ государствомъ на такихъ условіяхъ, чтобъ чигиринская сторона Днѣпра вамъ отдана была съ принадлежностями въ тѣхъ предѣлахъ, какъ Хмельницкій съ ордами отвоевалъ ее; да чтобъ сегобочная сторона, со всеми полками и городами, при насъ оставалась, а кромѣ того, чтобъ вольно было, безъ всякой дани, добывать рыбу, соль, звѣрей въ Днѣпрѣ, Бугѣ и во всехъ рѣчкахъ и рѣчкахъ. Тогда выбившіеси, съ божіею помощію, отъ теперешняго подданства, могутъ, куда захотѣтъ, туда и идти на свою родину, гдѣ раньше того кто проживалъ, — безпокойства и тревоги ему нигдѣ не будетъ, потому что крымское государство на томъ и присягу дало свою, что будетъ насъ всегда оборонить отъ Москвы, отъ лиховъ и отъ всякихъ другихъ непріятелей. Если-же теперь вы не встанете за свои вольности, то сами знаете, что потеряете;

вы останетесь вѣчными московскими невольниками и никто за васъ никогда болѣе не заступится; а теперь чего у Бога милости-ваго просили, того и дождались, беритесь только смѣлѣй, всѣми силами своими за вольность свою. Желая вамъ, чтобы вы были вольными, жили въ покоѣ и во всемъ успѣхъ имѣли, поручаю васъ Господу Богу! Данъ на Самарѣ 1692 року, іюля 29. Звишменованный гетманъ (Петро Ивановичъ) рукою властною. Такъ какъ мы имѣемъ работу около добыванія Самары, то прибывайте къ намъ немедленно со всѣмъ своимъ военнымъ порядкомъ; еслѣ же не придете, то смотрите, чтобъ сами не потеряли своего дѣла»¹⁾.

Разославъ свои универсалы по южнымъ малороссійскимъ мѣстечкамъ и городамъ, Петрикъ рѣшилъ взять приступомъ въ ночь съ субботы на воскресенье, іюля 31 дня, Новобородицкую крѣпость. Съ нимъ были всѣ козаки ватажане съ полковникомъ Сысой и 500 человекъ татаръ, какъ тѣ, такъ и другіе пѣшіе. Козаки и татары подступили къ нижнему городу, успѣли зажечь двѣ башни и нѣсколько дворовъ и захватить около ста штукъ овецъ и нѣсколько ульевъ, но въ это время по нимъ началъ стрѣлять изъ пушекъ гарнизонъ изъ верхняго города, и козаки стали отступать. Во время отступленія одинъ изъ полковниковъ Петрика, Кондрать Михайловъ, и два козака, Яковъ Макаровъ и Иванъ Демковъ, попались въ руки защитникамъ города и потомъ отправлены были въ Москву, гдѣ они дали свои показанія о всемъ ходѣ дѣла Петрика до прибытія на Самарѣ. Приговоренные къ смертной казни и помилованные по ходатайству царицы Натальи Кирилловны, но наказанные кнутомъ и «заорленные» клеймомъ на лѣвыхъ щекахъ съ буквою В, они сосланы были въ Сибирь въ дальніе города на вѣчное житье²⁾

Между тѣмъ Петрикъ отъ рѣки Самары двинулся дальше къ берегамъ рѣки Орели. Жители орельскихъ городковъ Царичанки и Китай-города встрѣтили его съ хлѣбомъ - солью, и Петрикъ не найдя здѣсь сопротивленія, двинулся къ Маячкѣ. Петрикъ ожидалъ и отъ жителей Маячки того-же, что выказали передъ нимъ жители двухъ названныхъ городковъ, но малчанцы, не смотря на

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 111—118.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, книга мал. прик., № 63, листы 106—129.

посланный имъ «прелестный листъ властнаго гетмана» отдѣльвались молчаніемъ.

Тѣмъ временемъ гетманъ Мазепа уже давно собиралъ полки, чтобы двинуться на встрѣчу Петрику и калга-салтану и разомъ истребить всю ихъ затѣю. Онъ дожидался только русской рати, но не дождавшись ея, послалъ свои полки къ Маячкѣ. Тогда Петрикъ и калга-салтанъ немедленно повернули назадъ, быстро перешли рѣчку Самару и очутились на рѣчкѣ Татаркѣ. На Татаркѣ отъ Петрика ушло большинство запорожцевъ, кромѣ 80 человекъ, съ которыми онъ направился къ Перекопу и расположился тамъ въ ханскихъ окопахъ. Гетманъ донесъ письмомъ (октября 20 дня) въ Москву «объ отвращеніи запорожцевъ отъ татаръ», и запорожцамъ послано было изъ Москвы жалованье 1000 золотыхъ червонныхъ черезъ дворянина Зеленаго и подъячаго Русинова. Посланцы прибыли въ Сичъ въ началѣ декабря, а 23 декабря оставили ее благополучно и направились черезъ Малороссію въ Москву ¹⁾.

Изъ Перекопа Петрикъ вновь сталъ посылать запорожцамъ свои письма, развивая мысль, что дѣло, начатое имъ, далеко еще не приведено къ концу и что онъ, Петрикъ, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не окончатъ его. Но въ Сичи онъ совсѣмъ уже не встрѣтилъ никакого сочувствія. Кошевого Гусака, обвиненнаго въ полученіи подарковъ отъ приходившихъ съ Петрикомъ татаръ, смѣнили съ кошеветва и назначили вмѣсто него Василія Кузьменка; вмѣстѣ съ кошевымъ смѣнили судью, писаря и асаула. При смѣнѣ прежней старшины многіе курени были разбиты, сичевая церковь заброшена полѣньями, торговые люди пограблены ²⁾.

Гетманъ Мазепа находилъ, что для удержанія запорожскихъ козаковъ отъ своеволія на будущее время нужно построить крѣпость въ Каменномъ-Затонѣ и содержать тамъ постоянный съ орудіями гарнизонъ. Но иначе посмотрѣли на это дѣло въ Москвѣ.

Правительство обратило вниманіе на то, что какъ Петрикъ, такъ и запорожцы указывали на два зла, практиковавшіяся на Украинѣ: отдачу въ аренду шинковъ и пожалованіе чиновникамъ маестностей или земель, вмѣстѣ съ людьми. Спрошенный по этому

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, подл., № 853, 854, № 30, св. 80.

²⁾ Архивъ мпп. юстиціи, 1692, кн. 66, л. 1090.

поводу гетманъ Мазепа отвѣчалъ, что аренда, столь ненавистная украинскому народу черезъ жидовъ, необходима для добыванія денегъ за войсковые расходы, но что о замѣнѣ этого способа сбора податей въ Малороссіи онъ давно хлопочетъ и ждетъ отвѣта отъ старшихъ и меньшихъ самого народа особъ. Относительно земель гетманъ отвѣчалъ, что маетности, пожалованныя чиновнымъ людямъ по царскимъ указамъ, отобранны быть не могутъ; маетности-же, дарованныя по гетманскимъ универсаламъ, могутъ быть и назадъ отобранны отъ тѣхъ чиновниковъ, которые не состоятъ у дѣлъ или почему-либо негодны къ службѣ. О такихъ-то маетностяхъ, главнымъ образомъ, и хлопотали запорожцы: «Запорожцы много разъ писали намъ, считая для себя неприятной, а для народа обременительной раздачу многихъ селъ разнымъ лицамъ въ подданство; да и нынѣ черезъ нарочного нашего посланца знатнаго бояра Юска, котораго мы посылали къ нимъ съ увѣщательнымъ листомъ, словесно наказывали, чтобъ маетности отъ меньшихъ особъ были отобранны: не такъ вступаются они объ уничтоженіи аренды, какъ объ убавкѣ тѣхъ маетностей, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобъ никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими работами и поборами и дѣлать имъ какія-бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитья, по которымъ будетъ непременно расправа»¹⁾.

Къ самимъ запорожцамъ въ Москвѣ отнеслись, по всѣмъ видимостямъ, вполне благосклонно. Въ послѣднихъ числахъ ноября посланъ былъ изъ Москвы въ Сичь воевода Зеленый съ милостивымъ царскимъ жалованьемъ запорожскому войску. Прибывъ въ Батуринъ, воевода Зеленый взялъ съ собой, по указанію гетмана, для охраны казны, короновскаго сотника Тихона Довгеля да товарища сотни батуринской Сидора Горбаченка. Провожатые воеводы взяли съ собой гетманскій «упоминательный» листъ съ предписаніемъ, дабы запорожцы, обрѣтаясь въ надлежащей вѣрности къ великимъ государямъ, приняли съ благодарностью милостивое жалованье и служили великимъ государямъ всегда въ непоколебимой вѣрности и радѣніи. Жалованье было доставлено по назна-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 7.

ченію и гетманъ Мазепа въ началѣ декабря донесъ о томъ въ Москву ¹⁾.

Но ни царская милость, ни предписаніе гетмана не могли успокоить запорожскую массу въ то время, когда въ Крыму находился Петрикъ съ его планами отторженія Малороссіи отъ Москвы. Въ началѣ 1693 года Петрикъ, вмѣстѣ съ нуррединъ-салтаномъ, Ширъ-беемъ и сорока тысячью ²⁾ татаръ, склонивъ на свою сторону новаго хана Селимъ-Герая, смѣнившаго собой Саадать-Гералъ, вновь собрался походомъ подъ малороссійскіе города. Рѣшено было снова начать съ Запорожья.

Въ начальныхъ числахъ мѣсяца января прибылъ въ Сичу изъ Кызыкермени нѣкій Шабанъ и сталъ спрашивать козаковъ, по многу-ли имъ царь платитъ жалованья. Козаки отвѣчали, что царскаго жалованья имъ приходится по 18 шаговъ. Тогда Шабанъ спросилъ козаковъ, какъ имъ лучше, получать-ли по 18 шаговъ, или-же, когда придетъ ханъ, получать по 10 червонныхъ на козака. Прїѣздъ нежданнаго гостя произвелъ сильное смятеніе въ средѣ запорожскихъ козаковъ. Въ это-же время, а именно января 14 дня, въ субботу прибылъ въ Сичъ извѣстный ватагъ, нѣкогда бывшій кошевой, Федько, и тогда въ Сичи открылось настоящее междоусобіе. Прежде всего сбросили съ кошеводства Василя Кузьменка, потомъ козаки однихъ куреней пошли войной на козаковъ другихъ куреней, всю церковь забросали полѣньями, одного знатнаго козака корсунскаго куреня убили, всѣхъ торговыхъ людей ограбили, на иныхъ платья посдирали, но въ концѣ концовъ снова вернулись къ Василю Кузьменку и на кошеводство его поставили. Все это произошло вслѣдствіе прибытія Федьки, который, очевидно, держалъ сторону татаръ и Петрика, но, не успѣвъ склонить къ тому Кузьменка, собрался зачѣмъ-то уходить въ города.

На другой день послѣ происшедшаго въ Сичи смятенія кошевой Кузьменко получилъ вѣсть отъ одного козака, видѣвшагося на низу Днѣпра съ городчанскими татарскими овчарами, о выходѣ «нѣкоего салтана съ ордой» изъ Крыма къ турецкимъ на Днѣпрѣ городкамъ: салтанъ ждалъ Петрика, соединясь съ кото-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855, I. I, 129.

²⁾ По разнымъ показаніямъ татаръ было отъ 30,000 до 10,000, малороссовъ отъ 400 до 80 человекъ; самъ гетманъ показывалъ 40,000 человекъ Величко, III, 140.

рымъ, думалъ первѣе всего ударить на запорожскую Сичь, а потомъ идти подъ малороссійскіе царскаго величества города. Кошевой не замедлилъ сообщить о томъ Мазепѣ черезъ знатнаго сергіевского куреня козака Максима, выѣхавшаго изъ Сичи «на зимовлю для прокормленія въ города», и совѣтовалъ гетману взять свои мѣры предосторожности, не допустить бусурманъ до разоренія селъ и захвата у крестьянъ животовъ, и хотя кошевой еще не вполне вѣрилъ полученнымъ слухамъ, но все-же находилъ, что «лучше времени быть осторожнымъ, нежели послѣ бѣды мудрствовать». Въ слѣдъ затѣмъ тотъ-же кошевой получилъ «подлинную, неотмѣнную и совершенную вѣдомость» о выходѣ изъ Крыма ханскаго сына и Петрика съ огромной ордой къ турецкимъ городкамъ для похода оттуда подъ малороссійскіе города и также успѣвши увѣдомить о томъ гетмана Мазепу черезъ нарочнаго гонца, атамана пашковскаго куреня: «Простите меня, заключалъ свое письмо къ Мазепѣ кошевой, что худо писалъ, понеже зѣло прилежной и скорой приказъ былъ». Гонцу велѣно было скакать день и ночь, чтобы какъ можно скорѣй донести гетману необходимую вѣсть и дать ему возможность достойно встрѣтить враговъ.

Въ слѣдъ за сичевымъ гонцомъ поскакалъ къ Мазепѣ другой гонецъ, отъ дозорца Рутковскаго, съ извѣстіемъ о томъ, что подлинно «подъ городки» пришелъ съ Петрикомъ ханскій сынъ, а за ханскимъ сыномъ идетъ и самъ ханъ и идутъ они сперва подъ запорожскую Сичь, а оттуда подъ Переволочну и далѣе подъ порубежные малороссійскіе города. Рутковскій немедленно оповѣстилъ всѣхъ по городамъ людей о приближеніи татаръ и поднялъ въ нихъ на столько духъ, что люди ни «сполоху не боятся, ни сумнѣнія межъ собой никакого не берутъ». Но главные пути уже сдѣлались опасными отъ татаръ, и всѣхъ ѣдущихъ откуда-либо въ Сичь хватаютъ и Петрику отдаютъ. Запорожскій козакъ уманскаго куреня, Яковъ, пріѣзжавшій въ Переволочну «за своимъ нѣкимъ дѣломъ» и уже выбравшійся было съ ватажкою въ Сичь, вернулся отъ Саксагани снова въ Переволочну, потому что пройти въ Сичь за ордой онъ уже не могъ. «Не съ добрымъ умысломъ пріѣзжалъ въ Переволочну сей уманскаго куреня козакъ, потому что сталъ въ той господѣ, въ которой стоялъ Сидорець, а нынѣ съ ватажкою возвратился въ Переволочну назадъ; какъ они не поступаютъ, мы имъ не вѣримъ, и сами себя стережемъ». О подлинномъ настроеніи запорожскихъ козаковъ дозорца имѣлъ самыя

вѣрныя извѣстія отъ собственнаго шпіона, какого-то «писаря кошевого» (т. е. писаря при кошевомъ или писаря войскового), который клятвенно выражалъ свою готовность вѣрно служить гетману, но за то просилъ исклопотать у ясновельможнаго благодѣтеля «на вспоможеніе чего-нибудь, что ни есть доброе», но чтобы только подарокъ тотъ дошелъ по назначенію, а не такъ, какъ посланъ былъ «черезъ Сидорца съ прилучившеюся монаршеской казной, когда гостинецъ тотъ въ раздѣлъ пошелъ» ¹⁾.

Но гетманъ Мазепа и безъ того всячески старался угождать запорожскимъ козакамъ и такъ или иначе расположить ихъ къ себѣ. Такъ, въ это время онъ послалъ въ сичевую покровскую церковь полный рѣзной работы, «съ изуграскимъ (иконнымъ) украшеніемъ, какъ требуетъ лѣпота божественной церкви», иконостасъ. Иконостасъ этотъ отправленъ былъ съ господаремъ гадячскаго замка, Степаномъ Трощинскимъ; съ нимъ посланы были мастера дѣла, иконникъ и столяръ, первый для того, чтобы поставить на пристойномъ мѣстѣ каждую икону, второй для того, чтобы подчинить попортившееся въ дорогѣ. Посылая такой цѣнный подарокъ запорожцамъ, гетманъ высказывалъ пожеланіе, чтобы козаки жили въ добромъ здравіи и согласіи, имѣли крѣпость и силу, всегда побѣждали непріятели и чрезъ то пріобрѣли добрую славу и чтобы въ будущемъ церкви божіи православныя воздвигались не только въ самой Сичи, но возсіяли бы и на низу Днѣпра въ жилищахъ бусурманскихъ, на славу монаршаго престола и хвалу низового войска ²⁾.

Не о томъ думали Петрикъ и его властный покровитель крымскій ханъ. Петрикъ, по приказанію хана, отправилъ воззваніе въ Сичь и приглашалъ все низовое войско пристать къ нему и къ бывшимъ съ нимъ татарамъ для борьбы противъ гетмана и царей московскихъ.

«Милостивый господине атамане, и все старшее и меньшее славнаго войска запорожскаго низового товариство. Вашимъ милостямъ, добрымъ методцамъ, старшему и меньшему славнаго войска запорожскаго товариству, отдаю мой низкій поклонъ и

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1693, листы 1185—1201, № 66.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1693, листы 1185—1201, № 66.

желаю отъ Господа Бога здороваго здравія, счастливаго поведенія и надъ всякими врагами побѣды и одолѣнія. Ваша милость, всѣ старшіе и меньшіе добрые молодцы, войско запорожское, уже знаете то, для чего я пошелъ въ Крымъ и о какомъ дѣлѣ съ крымскимъ царствомъ прошлымъ лѣтомъ я договаривался, — это вы знаете, во первыхъ, изъ статей, которыя я отослалъ вамъ, ваша милость, въ письмѣ; во вторыхъ изустно вы говорили въ Каменномъ-Затонѣ со мной и съ бывшимъ калгой-салтаномъ и ради этого вы изволили отпустить, ваша милость, охочее войско въ виду похода, заодно съ ордой, на (украинскіе) города для освобожденія изъ подданства (Москвѣ) нашей малороссійской породы. Но когда мы пришли съ товариствомъ вашимъ на Русь (южную) и помирились съ орельскими городами, тогда въ крымскомъ государствѣ произошло большое замѣшательство: изъ Бѣлогорода пришла вѣсть, что мурзы и беи, ходившіе на нѣмцовъ съ ханомъ, не захотѣли повиноваться хану; тогда и мурзы, бывшіе съ нами, встревожились этимъ и, принудивъ калгу-салтана, не сдѣлавъ никакого потребнаго дѣла, возвратились назадъ: Придя-же въ Крымъ они какъ хана, такъ и ходившаго съ ними калгу-салтана, оставили отъ господарства. Теперь-же, когда въ Крымъ пришолъ новый его милость ханъ, Селимъ-Гирей, которого всѣ крымскіе господа такъ искренне желали и при которомъ все хорошее и раньше чинилось, у новаго хана, со всѣмъ господарствомъ крымскимъ, была рада. На этой радѣ постановили, если Господь Богъ поможетъ, исполнить то, что хотѣли: вырвавъ изъ московскаго подданства нашу Украину и освободивъ ее отъ всего злого, жить съ нами побратерски, какъ было при славной памяти гетманѣ войска запорожскихъ козаковъ, Богданѣ Хмельницкомъ. Въ виду этого ханъ, его милость, отдалъ приказаніе идти въ походъ всѣмъ своимъ силамъ, а именно: ордѣ крымской, бѣлгородской, ногайской, джаманъ-саадакамъ, черкесамъ и калмыкамъ, а для совершенной надежды всѣмъ придалъ имъ своихъ сейменовъ, людей огнистыхъ. Съ этими силами ханъ, его милость, отправилъ всѣхъ своихъ сыновей-салтановъ; намѣстникомъ отъ себя назначилъ славнаго рыцаря Шанъ-Гирей (Шагинъ-Гирей)—салтана, которому далъ полномочіе съ вами, добрыми молодцами, запорожскимъ войскомъ, говорить и миръ поновить,—тотъ именно миръ, который вы учинили и своею клятвою подтвердили въ Каменномъ-Затонѣ въ прошедшее лѣто. Я снова вамъ, добрымъ молодцамъ, объявляю,

что ханъ, его милость, для нынѣшняго дѣла, которое предпринимается ради цѣлости и обороны крымскаго и малороссійскаго государства, простить вамъ, войску запорожскому, всё тѣ убытки, которые ваше товариство захватомъ коней и людей причинили въ разныхъ мѣстахъ государству крымскому. Только вы, ваша милость, добрые молодцы, стойте на одномъ словѣ—сдѣлать что-нибудь себѣ и Украинѣ хорошее. Если-же вы будете поступать такъ, то сякъ, какъ прошлымъ лѣтомъ поступали, то смотрите, чтобы вы себя не потеряли, потому что господа крымскіе все, что межъ вами дѣлается, уже уразумѣли и на томъ постановили, чтобъ съ этого времени не имѣть отъ васъ ни доуки, ни убытковъ, ни обмана. Я же вамъ, добрымъ молодцамъ, и совѣтую и прошу васъ: возьмитесь вы со всею крѣпостью за свои войсковыя вольности и за цѣлость всего малороссійскаго и, пользуясь большимъ собраніемъ орды, идите, ваша милость, со всѣмъ товариствомъ и съ клейнотами войсковыми немедленно, и мы надѣмся, что лишь только вы пойдете, то мы согласимся со всѣмъ краемъ и, при помощи Бога, отъ Москвы освободимся. Когда-же, ваша милость, нынѣ не пойдете, то вѣдайте, что вы погубите ваши вольности, а Украины до вѣку изъ московскаго подданства не вызовите. Когда-же, ваша милость, нынѣ пойдете, то какъ здѣсь, по выходѣ изъ Сичи, кого захотите, старшимъ назначите, такъ и на Руси, когда Господь Богъ дастъ намъ соединиться съ нашимъ краемъ, какой пожелаете, порядокъ учините. А что нѣкоторые между вами, добрыми молодцами, говорятъ, что и лѣтомъ, когда орда и войско запорожское ходили въ походъ, тогда не шли, какъ обѣщали, на Москву, а привели орду въ свои-же козацкіе города, то вы, ваша милость, добрые молодцы, сами разумныя головы и знаете то, какъ идти на Москву, не согласившись о томъ со всѣмъ краемъ. Когда-же нынѣ, ваша милость, изволите пойти, то, лишь только дастъ Богъ, согласимся со всѣми городами, тотъ часъ-же, при помощи божіей, пойдѣмъ на Москву и, что тамъ Господь Богъ позволитъ, то мы тамъ, въ Московщинѣ, и чинить будемъ. Тутъ-же вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, сообщая о малороссійскихъ купцахъ, въ Крыму задержанныхъ, о Захарѣ Яковенкѣ, Зелененькомъ и Константиинѣ, Яковенко пойманъ съ листами, отъ московскаго и гетманскаго пословъ писанными; а за Зелененькимъ и за Константиномъ то открылось, что они посланы его милостью, господиномъ Мазепою въ лазутчикахъ, въ

чежь они, побранясь между собой, сами признались и, если-бы не было здѣсь насъ, то съ душами и съ пожитками, всѣ бы здѣсь пропали, а нынѣ мы ихъ всѣхъ при себѣ содержимъ. Вручая вашу милость Господу Богу, вашимъ милостямъ желательный пріятель и слуга Петръ писарь¹⁾.

Не довольствуясь отправкой этого обширнаго воззванія, Петръ вложилъ въ него еще двѣ «цыдулки» и въ первой изъ этихъ «цыдулокъ» писалъ слѣдующее.

«И то, ваша милость, добрые молодцы, разумныя головы, войско запорожское, разсудите вы, что не всегда московскіе цари такое вамъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылаютъ червонныя золотыя: это Москва дѣлаетъ потому, что слышать въ лѣсу волка, а когда это дѣло минетъ, то не только того жалованья не дастъ вамъ Москва; но, помирившись съ Крымомъ (какъ нынѣ о томъ усердно старается), васъ изъ Сичи выгонитъ, вольности ваши войсковыя отниметъ, Украины нашей часть отдастъ ордѣ въ неволю, а остатокъ возьметъ въ свою неволю вѣчную. И тогда къ кому приклонитесь, кто вамъ поможетъ и кто изъ неволи (чего не дай, Боже) избавитъ васъ? Сами, ваша милость, добрые молодцы, войско запорожское, знаете ту, по истинѣ правдивую, сказку, что за кого стоитъ крымскій ханъ, тотъ будетъ и панъ. Если московскіе цари съ крымскимъ ханомъ вѣчный миръ учиняютъ, о чемъ такъ прилежно стараются, то хотя бы вы и къ полякамъ кинулись, то не будетъ вамъ отъ нихъ помощи, потому что поляки и сами Москвѣ ничего не сдѣлаютъ, а Москва съ Крымомъ сдѣлаетъ все, что захочетъ; теперь уже Москва на Самарѣ свои города имѣетъ, въ Кіевѣ и въ Переяславѣ людей своихъ держитъ, и въ иныхъ нашихъ городахъ силу (войско) свою имѣетъ; а когда еще запретъ Днѣпръ, то никому и никакъ нельзя будетъ дохнуть. Дивно то, что прежде вы всѣ жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своихъ господъ, вы говорили, что нѣтъ такого человека, который-бы началъ дѣло и подалъ-бы вамъ поводъ. А теперь, когда, за божіимъ позволеніемъ, такіе люди нашлись на то дѣло, ваши войсковыя вольности въ рѣкѣ Днѣпрѣ и въ иныхъ мѣстахъ окрѣпили, а потомъ хотѣли вашихъ женъ и дѣтей и жилища ваши вырвать изъ московской неволи и отъ рабства господъ украинскихъ, тогда вы неохотно выказали на то

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1598, св. 91, № 14.

вашу волю: вы только охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди, въ Сичи остались. И развѣ вамъ то не любо, что хоть вы Крыму и убытки чините, однако вездѣ вы безопасно, до самого моря добываетесь и рыбой, и солью, и звѣремъ. А къ Москвѣ вы привязались даромъ, какъ та рыба судака, которой, хотя неведомъ и не тянутъ, сама привяжется къ нитѣ: сами, ваша милость, знаете, не туда-ли рыболовъ кладетъ ту рыбу судака, куда и ту, что затынетъ неведомъ? Такъ если и въ съ москаль затынетъ въ свою мочь, хотя вы теперь и даромъ держитесь, то также поступить, какъ и съ тѣми людьми, которыхъ давно въ своей власти имѣте. Я совѣтую вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, если вы хотите доброе что сдѣлать и свои вольности спасти, то дѣлайте это нынѣ-же, пока время имѣте; а когда время это упустите или потеряете, то ужъ никогда его имѣть не будете, и какъ лишитесь своихъ вольностей, такъ возьмете на свои души грѣхи всей Украины, которая вами защищается и на васъ надѣется» ¹⁾.

Въ другой «цудулѣ», приложенной къ тому-же первому воззванію къ запорожскимъ козакамъ, Петрикъ писалъ такъ.

«Напрасно, ваша милость, называете меня въ вашемъ письмѣ измѣнникомъ и прелестникомъ. Чѣмъ я васъ, добрыхъ молодцовъ, обманулъ и прельстилъ? Развѣ тѣмъ, что предоставилъ въ вашу волю Днѣпръ и всѣ находящіяся возлѣ Днѣпра рѣчки, гдѣ вы всюду, до самого Очакова, безопасно добываетесь и рыбою, и солью и звѣремъ? Вы сами знаете, какіе пожитки отъ того имѣте, однако, вамъ это, кажется мнѣ, немилостиво и недостаточно, что вы меня, вашего слугу войскового, за вольности войска запорожскаго сердечно убивающагося, безвинно хулите и безчестите. Знайте, господа молодцы, то, что если это дѣло пройдетъ даромъ, которое я, при помощи божіей, для вашей прибыли и для блага нашего малороссійскаго народа началъ, и вы, добрые молодцы, за него не возьметесь, то ужъ не знаю, будете-ли вы добычаться на Низу и на Молочной рѣкѣ солью, рыбою и звѣремъ» ²⁾.

Положеніе запорожцевъ было таково, что имъ, во что бы то ни стало, нужно было выиграть время, пока и сами они усилятся

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1608 св. № 14; Архивъ мин. юстиціи, л. 29, кн. 67.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 91. № 14.

и гетманъ Мазепа соберется съ полками для отпора наступающихъ враговъ. Для этого нужно было вступить въ переговоры съ Крымомъ,—благо поводъ всегда былъ на лицо: мирные промыслы запорожскихъ торговцевъ на рыбу и на соль. Поэтому изъ Сичи отправлена была какая-то депутація къ нуррединъ-салтану съ письмомъ и отъ него къ новому хану. Депутаты должны были хлопотать о томъ, чтобы утвердить присягу, какую заключилъ еще гетманъ Богданъ Хмельницкій съ Крымомъ и какую при прошломъ ханѣ, запорожцы заключили въ Каменноъ-Затонѣ.

На представленія запорожцевъ нуррединъ-салтанъ отвѣчалъ письмомъ изъ урочища Носоковки. Предпославъ кошевому атаману и всему старшему и меньшему куренному товариству свое поздравленіе, онъ извѣщалъ ихъ о поворотѣ изъ Крыма запорожскихъ посланцевъ и о выѣздѣ въ Сичь вмѣстѣ съ запорожскими посланцами посланцевъ наяснѣйшаго крымскаго хана съ письмомъ ко всему запорожскому войску; просилъ, по прибытіи крымскихъ посланцевъ, прочитать и выразумѣть письмо хана, заключить всѣмъ войскомъ святой покой и вѣчное перемиріе съ Крымомъ и потомъ готовиться для союзнаго дѣйствія съ нуррединъ-салтаномъ противъ враговъ Украины и Запорожья. Самъ нуррединъ-салтанъ, со всѣми крымскими силами, уже идетъ къ запорожцамъ въ слѣдъ за ханскими послами и когда дойдетъ до Сичи, тотчасъ «разговорится съ козаками устными рѣчами», а пока желаетъ имъ всякаго добра отъ Бога ¹⁾.

Но запорожцы за это время уже успѣли получить извѣстіе отъ гетмана Мазепы о полной готовности дать отпоръ басурманамъ, и потому сразу переимѣнили свой тонъ въ отношеніи нуррединъ-салтана. Они ему отписали, что готовы, согласно условію, заключенному съ калгой-салтаномъ, въ виду того, чтобы безопасно заниматься соляными, рыбными и звѣриными промыслами, держать полный миръ съ Крымомъ, но идти въ походъ подъ города русскаго государя не желаютъ.

Тогда нуррединъ-салтанъ обратился къ запорожцамъ съ листомъ и напомнилъ имъ объ ихъ желаніи подтвердить присягу, принесенную войскомъ въ Каменноъ-Затонѣ. Условія той присяги предъявлены были въ ту пору, вмѣсто запорожцевъ, Петрикомъ и состояли въ томъ, что козакъ обѣщали идти въ воинскій

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698, св. 91, № 14.

походъ заодно съ крымцами и соглашались отпустить отъ себя охочее войско подъ команду калги-салтана. Однако, въ настоящее время они отъ того обязательства отказываются, заявляя, что на московскую войну не пойдутъ и при всемъ томъ желаютъ такого мира, чтобы имъ вольно было и рыбой и звѣремъ довольствоваться. «Такого вашего мира намъ ненадобно и отъ нынѣшняго времени отъ насъ вы покоя уже никакого имѣть не будете; а на то наше письмо, если мира надобно, пусть или самъ кошевой атаманъ съ товариществомъ, подумавъ, возможно скорѣй къ намъ для устнаго разговора пріѣзжаетъ, или нѣсколько знатныхъ человекъ изъ товарищества присылаетъ; если же вамъ мира ненадобно, то вы на сей намъ листъ послѣдній учините отвѣтъ» ¹⁾.

На всѣ предложенія, угрозы и предостереженія Петрика и нуррединъ-салтана запорожцы отвѣтили письмомъ, составленнымъ января 15 дня войсковымъ писаремъ Созонтомъ Грабовскимъ. Начавъ отдаленно съ небесныхъ знаковъ, открывающихъ дурную или хорошую судьбу человекъ, затѣмъ, перейдя къ почитанію православныхъ царей, всесильно обрѣтающихся пановъ, родныхъ отцовъ и матерей, дорогихъ сродниковъ, начитанный и краснорѣчивый писарь войсковой, Созонтъ Грабовскій перешелъ наконецъ къ самой сущности дѣла и обратился съ жестокими упреками къ «проклятому воплощенному врагу» Петрику. «Хотя ты, Петре, именуешься человекъ православнаго рода, но взялся, на все злое, устремившись, за такое дѣло, черезъ которое много христіанскаго народа погибло. Воистину, Господь не потерпитъ, но отомститъ за это. Ты вносишь губительное опустошеніе мечемъ своимъ, вмѣстѣ съ богомерзкими бусурманами, въ самое основное гнѣздо православія, Москву, или, правильнѣе сказать, Малую Россію. Разсуди же сіе: на кого та вся клятва падеть, какъ не на тебя самого. И въ самомъ дѣлѣ, пока ты что-нибудь сдѣлаешь или и ничего не сдѣлаешь Москвѣ, а народу малороссійскому уже и внавъ черезъ твой съ государствомъ крымскимъ воинскій походъ, пагуба настанетъ, чего не дай, предвѣчный царю небесный. Впрочемъ, объ этой твоей губительной затѣвѣ мы, войско запорожское, доподлинно еще не знаемъ и желаемъ вполне довѣдаться и совершенно убѣдиться: по наущенію-ли кого другого, или-же самъ собою, какъ намъ докладываешь, въ листъ своемъ, къ намъ пи-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 91, № 14.

санномъ, яко-бы за отчизну нашу стоя, поднять на то крымское государство, чтобы, избавившись и освободившись отъ рабства и подданства, какъ московскихъ, такъ и нашихъ пановъ, принять перемирія на вѣчныя времена, вмѣсто совмѣстной жизни съ Москвою, отъ всего государства крымскаго. Разсуди-же ты о томъ, хорошо-ли такъ будетъ: отлучившись отъ своей православной вѣры, ввергнувши гнѣздо свое малое, бѣдную Украину, въ сосѣдство съ бусурманами, этими супротивными дьяволами, гонителями креста Господня, мы погубимъ нашу православную вѣру и, главное, что нужно сказать, попадемъ въ вѣчное рабство и неволю, къ чему не допусти ихъ, Боже, а намъ не дай дожидаться этого въ вѣчныя времена. А ты, предавшись отчаянію и забывши создавшего и искупившего тебя кровію своею пресвятою, вмѣсто того, чтобы видѣть послѣ тьмы, въ вѣчныя роды, свѣтъ не вечерній, наслаждаться, всегда радуясь о Господѣ, чертогами небесными, — ты самовольно отдался бездонному аду съ душою и съ тѣломъ и устремился на зло и противленіе Богу всемогущему, — единодушно желаемъ тебѣ бесѣдовать на вѣчныя времена. И такъ какъ ты имѣешь данные тебѣ ханомъ, его милостью, клейноты, то съ ними и иди отъ насъ, войска запорожскаго, туда, куда имѣешь намѣреніе идти, не надѣясь получить клейнотовъ войсковыхъ: такъ какъ ты передался въ Крымъ безъ нашего вѣдома, насъ оставивъ, намъ измѣнивъ и милостью нашею, данною тебѣ, пре небрегъ, то и теперь безъ нашего вѣдома походи твой дѣлай, а намъ больше ни въ чемъ не докучай» ¹⁾).

Еще рѣзче отвѣтили запорожцы нуррединъ-салтану. Они положительно ему объявили, что ни писать «псу» Петрику, ни выходить изъ Сичи вовсе не желаютъ ²⁾. Это было отвѣтомъ огромнаго большинства запорожскаго войска, и только самая ничтожная часть его, да и то подонки общества, пристала къ Петрику.

Такимъ образомъ все предпріятіе Петрика и его бусурманскихъ союзниковъ и на этотъ разъ окончилось ничѣмъ: «Они своими погаными попытками монаршеской державы только коснулись», какъ выразился Мазепа въ своемъ письмѣ по этому поводу въ Москву.

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; 1698, св. 91, № 14.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 66, лл. 1152, 1158, 1168.

Гетманъ Мазепа остался вполне доволенъ пріемомъ, оказаннымъ войскомъ запорожскихъ козаковъ Петрику и пришедшимъ съ нимъ татарскимъ ордамъ. Сообщая о томъ во все малороссійскіе полки, онъ писалъ: «Когда бусурмане, желая прежде всего прельстить къ своему соединенію запорожскихъ козаковъ, подошли подъ запорожскую Сичь, то запорожцы, стоя непоколебимо въ вѣрности своей къ великимъ государямъ и въ послушаніи къ намъ, отказали имъ поганцамъ сурово, говоря, что не только не будутъ имъ помогать въ зломъ намѣреніи ихъ, но, если-бы они настаивали на своемъ, готовы будутъ бой съ ними чинить. О томъ походѣ татаръ запорожцы прислали намъ извѣстіе во вторникъ, хотя поганцы ударились въ среду подъ Переволочну въ походъ» ¹⁾).

Относительно вѣрности запорожцевъ русскому престолу Мазепа въ это-же время, а именно января 31 дня, написалъ письмо и въ Москву. Въ этомъ письмѣ гетманъ рассказывалъ о томъ, какъ нуррединъ-салтанъ и нѣкоторые другіе салтаны съ ордой болѣе, чѣмъ въ 40,000 человекъ, съ побудки проклятого и скверного врага и измѣнника Петрика, пошли было изъ Крыма на разореніе малороссійскихъ городовъ; но, однако, благодаря радѣнію самого гетмана и усердной службѣ запорожского низового войска, едва тронули своими поганскими копытами богохранимую землю царей, какъ немедленно, сломя голову, со стыдомъ и безчестіемъ, возвратились назадъ. Непріатели сперва подошли было подъ самую Сичь и стали прельщать запорожское войско къ своему «скверному единомыслію». Когда-же запорожскіе казаки, сохраняя непоколебимое постоянство монархамъ и послушаніе гетману, отказались слѣдовать за врагами, то татары пошли подъ украинные города, сперва подъ Переволочну, потомъ подъ Кишенку. Узнавъ, однако, о полной готовности со стороны жителей названныхъ городовъ дать рѣшительный отпоръ имъ ²⁾, они со «всеми своими нечестивыми силами» повернули «оттол горъ рѣки Ворсклы полевою стороною» и рушили подъ Полтаву. Однако, и подъ Полтавою, кромѣ того, что похватили «огурныхъ и недбалыхъ людей на сѣнахъ и на дровахъ», ничего другого

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 240, 242.

²⁾ По указанію Величка, часть гадячскихъ полчанъ ходила противъ татаръ за рѣчку Самарь: Лѣтопись, III, 182.

не сдѣлали, «отторгнулись» на Коломакъ и далѣе въ дикія поля ¹⁾).

Хотя гетманъ Мазепа и былъ на этотъ разъ доволенъ поведеніемъ запорожцевъ, но сами запорожцы не были довольны гетманомъ: Услышавъ о дѣйствіяхъ татаръ у Переволочны, Кишенки и Полтавы и объ уводѣ ими въ плѣвъ многихъ украинцевъ, козаки послали Мазепѣ укорительное письмо и въ немъ спрашивали гетмана, кто виновникъ всему происшедшему бѣдствію, что было причиной замедленія со стороны гетмана въ отпорѣ непріятелей и чрезъ то «згубы и руины посполитого» украинскаго народа.

На такое письмо гетманъ Мазепа отвѣчалъ запорожцамъ обширнымъ листомъ, въ которомъ старался снять съ себя всякую въ этомъ дѣлѣ вину и ввалить ее то на самихъ людей, попавшихъ къ невѣрнымъ въ полонъ; то на «зрадника, пекельного пса, дьявольскаго сына, шалберника» Петрива; то, наконецъ, на самихъ-же запорожцевъ. Прежде всего, писалъ Мазепа, бусурмане успѣли распустить свои чамбулы только до города Кишенки, а отъ Полтавы они уже были оттерты и бѣжали стремглавъ всею своею поганскою купою. Затѣмъ изъ украинскихъ жителей они захватили только людей огурныхъ, которые не слушали ни приказа, ни угрозы старшихъ, безопасно проживали по уединеннымъ хуторамъ и безпутно въ самое тревожное время ѣздили по сѣно и по дрова въ разныя мѣста. Да и возможно-ли всякій разъ предупредить поганскій набѣгъ на украинскіе города? Готовы-ли къ этому были всякій разъ антецессоры или предшественники Мазепы? Извѣстно, что поганцы большую часть своихъ вторженій дѣлали внезапно и также внезапно исчезали. И теперь, хотя запорожскіе посланцы, прибывшіе въ Батуринъ съ извѣстіемъ о походѣ нуррединъ-салтана на Украину, сообщили о томъ, татарамъ ничего нельзя было сдѣлать: гетманъ узналъ о вторженіи салтана во вторникъ, въ среду и въ четвергъ изготовилъ арматные тяжары, въ пятницу рушилъ поспѣшно въ военную дорогу къ Лубнамъ, а непріятели, побывавъ подъ городами, въ эту-же пятницу отошли назадъ. И то нужно сказать, что двгаться всякій разъ со всѣми тяжарами противъ легкоконнаго врага гетману невозможно да и для края весьма невыгодно: извѣ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 9, № 875—860,

етно, что ни украинскія, ни великороссійскія войска безъ сѣна, дровъ и оброковъ не могутъ проходить по городамъ, а въ такомъ случаѣ, при частыхъ походахъ нашихъ, мы сами-бы разорили собственный край; край-же нашъ и безъ того бѣденъ лѣсомъ и всякой растительностью, что-же другое отъ того могло-бы выдти кромѣ шкнды и опустошенія? Нужно и то припомнить, что всѣ предшественники Мазепы, въ случаяхъ вторженій непріятельскихъ на Украину, лично противъ нихъ никогда не поднимались, а посылали противъ нихъ свои отряды, и если-бы всякій разъ двигаться противъ бусурманъ съ войсками и съ тяжарами, то это было бы неприлично рейментарскому званію гетмана и весьма убыточно для войска, да и какъ гетману гоняться пѣхотою и конницей за легкимъ и быстрымъ непріателемъ? Если-же Мазепа и двинулся съ войсками противъ нуррединъ-салтана, то онъ опасался, какъ бы тотъ непріятель не сунулся межъ украинскіе города по наущенію скаженаго пса измѣнника Петрика. Этотъ безбожный измѣнникъ Петрикъ и виновенъ въ набѣгѣ татаръ на города. Нельзя скрыть и того, что немало виновны въ этомъ и сами-же запорожцы: Петрикъ, этотъ щенюкъ пекельный, исполнившись яда, обокралъ канцелярію, опозорилъ гетмана, ушелъ въ Сичу, разсѣялъ тамъ зломысленные плевелы и такъ подольстился къ войску, что даже былъ выбранъ писаремъ войсковымъ. Когда-же гетманъ потребовалъ выдачи измѣнника Петрика, то запорожцы отказали ему въ томъ и чрезъ то подвергли Украину бѣдствіямъ отъ бусурманъ. Теперь остается, взявъ въ помощь Господа Бога, соединиться всѣмъ вмѣстѣ и дѣйствовать противъ поганцовъ, пока станетъ здоровья и пока будутъ цѣлы головы на плечахъ ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св 9, № 381 — 836.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Прїздъ гетманскаго посланца Троицкаго въ Сичу и нареканія со стороны запорожцевъ на Мазепу.—Извиненія, посланныя по этому поводу гетману со стороны кошевого Кузьменка.—Отписка гетмана въ Москву и отвѣтъ царей на отписку гетмана.—Сношенія мусульманъ съ запорожцами.—Присылка въ Сичь царскаго жалованья и обѣщаніе со стороны запорожцевъ вѣрно служить царямъ.—Просьба запорожцевъ къ гетману о поднятїи войны противъ бусурманъ.—Выборъ кошевого Рубана, перемиріе съ Крымомъ и переписка по этому поводу съ гетманомъ и съ Москвой.—Воленіе въ Запорожѣ во время прибытія туда гетманскаго посланца Кыша и толмача Волошанина.—Объясненіе гетмана съ войскомъ низовыхъ козаковъ.—Просьба къ запорожцамъ патріарха Адріана о вырुकѣ въ татарскаго полона боярскихъ дѣтей Шшигинныхъ.—Доброе настроеніе запорожцевъ въ отношеніи гетмана.—Новый призывъ Петрика къ запорожцамъ и отказъ со стороны ихъ Петрику.—Подвиги запорожцевъ противъ татаръ и похвала имъ со стороны патріарха Адріана.—Семень Палій и запорожцы.

Появленіе Петрика съ татарами въ городахъ Украины, хотя и не имѣло особенно важныхъ послѣдствій, произвело, однакожъ, большое смятеніе въ средѣ запорожескихъ козаковъ. И это вполнѣ понятно: увлеченные заманчивыми планами Петрика объ отторженіи Украины отъ Москвы, татары съ большимъ рвеніемъ бросились изъ Крыма на лѣвый берегъ Днѣпра и обрушились на пограничныя орельскіе мѣстечка и города. Такія дѣйствія татаръ поставили въ крайне двусмысленное положеніе запорожцевъ по справедливому и здравому разсужденію они должны были дѣйствовать въ такомъ случаѣ противъ татаръ, и въ этомъ дѣлѣ имъ должны были помогать малороссійскіе козаки и русскіе, стоявшіе на Украинѣ, полки. Однако, московское правительство, слабое въ то время двоевластіемъ своихъ царей и потрясенное недавнимъ бунтомъ стрѣльцовъ, не могло думать о войнѣ противъ мусульманъ. Самъ гетманъ, безъ воли царей, не смѣлъ предпринимать рѣшительныхъ мѣръ противъ татаръ. Такое положеніе между двухъ огней заставляло запорожцевъ бросаться отъ одной крайности къ другой: то заключать съ татарами миръ, то объявлять

имъ вражду; то изъявлять свою покорность гетману и московскимъ царямъ, то выражать свое неудовольствіе противъ гетмана и московскихъ царей. Въ существѣ дѣла запорожцы были на сторонѣ московскихъ царей; потерявъ всякую надежду получить какую-нибудь помощь отъ Москвы, запорожцы просили, по крайней мѣрѣ, расширить гетманскія права и тѣмъ предоставить гетману самостоятельныя дѣйствія противъ мусульманъ. Такое «шатостное» положеніе со стороны запорожскихъ козаковъ продолжалось около двухъ лѣтъ и все-таки это зависѣло не отъ нихъ. Винить въ этомъ случаѣ запорожское войско въ измѣнѣ царямъ нѣтъ основаній никакихъ: объяви Москва сегодня войну противъ бусурманъ, сегодня-же и запорожцы пошли-бы противъ нихъ воевать, потому что къ войнѣ у запорожцевъ была и потребность и страсть. Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить походъ царя Петра на турецкій городъ Азовъ, весной въ 1695 году. Но пока открылся этотъ походъ, запорожскіе казаки, въ теченіе 1693 и 1694 годовъ, поставлены были въ необходимость искать защиты только у самихъ себя, высказывать велѣдствіе этого свои неудовольствія гетману и московскимъ царямъ и за то получать отъ нихъ названія измѣнниковъ и «шатостныхъ» людей.

Первымъ поводомъ къ пререканію между гетманомъ и запорожскимъ Кошемъ послужилъ пріѣздъ господара гадячскаго замка Степана Трощинскаго въ запорожскую Сичь, 1693 года, февраля 13 дня. Степанъ Трощинскій посланъ былъ гетманомъ еще въ половинѣ мѣсяца января, съ цѣлью доставки въ Сичь, рѣзвого иконостаса, пожертвованнаго въ новый святого Покрова храмъ. Для того храма Мазепа давалъ разный запасъ, отправлялъ деньги, иконы, посылалъ столярныхъ мастеровъ и наконецъ отправилъ, черезъ пана Трощинскаго, цѣлый иконостасъ. Степанъ Трощинскій, доѣхавъ до города Полтавы, задержался тамъ въ слѣдствіе набѣга на Украину татаръ и поднявшихся черезъ то военныхъ тревогъ. Прождавъ въ Полтавѣ до тѣхъ поръ, пока орды не повернули изъ Украины на Крымъ, Степанъ Трощинскій двинулся потомъ внизъ и февраля 13 дня прибылъ въ самую Сичь. Не вдалекѣ отъ Сичи на встрѣчу Трощинскому вышли соборомъ священники, въ числѣ шести особъ, съ мѣстными иконами, и самъ кошевой атаманъ съ наличнымъ запорожскимъ войскомъ. Священники пѣшіе несли иконы на рукахъ; кошевой и войско везли пушки и «огненное ружье». Приблизившись къ послу, всѣ казаки отдали

поклонъ святому иконостасу и сдѣлали честь выстрѣлами изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, послѣ чего взяли иконостасъ и повезли его въ церковь Покрова пресвятой Богородицы, въ Сичь. Въ церкви установили, какъ нужно, иконостасъ и отпѣли молебень за здоровье великихъ посударей и гетмана малороссійскихъ козаковъ. Послѣ окончанія молебна Трощинскій отдалъ войску гетманскій листъ, и козаки читали на радѣ тотъ листъ, «и, благодареніе Господу Богу и благодѣтелю всѣхъ, не говорили никакихъ коварныхъ словъ»; самому-же посланцу велѣли «на господѣ» (въ домѣ) стать. Послѣ того панъ Трощинскій прожилъ въ Сичи 5 дней и въ теченіе этого времени къ нему приходили разные бунтовщики, большею частью пьяные люди, по 50, по 100 человекъ, бранили и безчестили его, а вмѣстѣ съ нимъ поносили гетмана и Москву.

Все, что слыхалъ Трощинскій въ Сичи, онъ представилъ гетману въ четырнадцати отдѣльныхъ статьяхъ.

1. Запорожскіе козаки безъ своего посла, котораго они отправили въ Крымъ послѣ прихода Петрика на Русь и который все еще не вернулся въ Сичь, не хотятъ дать татарамъ своего слова и присягнуть на томъ, какъ они присягали лѣтомъ въ Каменномъ-Затонѣ калгъ-салтану и Петрику.

2. Крымскіе татары всѣхъ тѣхъ козаковъ и всѣхъ купцовъ, которые ходили за своимъ промысломъ въ Крымъ и были забраны на низу, свободно отпустили отъ себя.

3. Запорожскіе козаки просятъ подлинной вѣдомости о томъ, готовиться-ли имъ весной къ походу на Крымъ или нѣтъ: если цари и гетманъ не будутъ воевать татаръ, то козаки учинять вѣчный миръ съ ордой, какъ было при Хмельницкомъ учинено, и, соединясь всѣ сообща, пойдутъ воевать Москву и убивать пановъ.

4. Запорожскіе козаки о годовомъ жалованьѣ не посылали въ Москву потому, что учинили прошлымъ лѣтомъ съ калгой-салтаномъ и съ Петрикомъ присягу на вѣчный миръ, а для вида отговариваются тѣмъ, что боялись задержки своихъ посланцевъ въ Москвѣ.

5. Но кромѣ того запорожскіе козаки не посылали въ Москву еще и потому, что боялись татаръ, которые, услыхавъ о такомъ посольствѣ ихъ къ московскимъ царямъ, могли-бы забрать тѣхъ изъ товарищей войсковыхъ, которые лѣтовали и зимовали на рыбномъ и соляномъ промыслахъ.

6. Нуррединъ-салтанъ со всѣми бусурманскими силами и съ Петрикомъ стоялъ подъ Сѣчею два дня, а какovy предлагалъ имъ словесно и на письмахъ подавалъ «прелести», то ему, Трощинскому, тайно запорожскій писарь въ руки подалъ; впрочемъ, войско запорожское, будучи вѣрно великимъ государямъ и господину гетману, «въ своемъ совершенномъ постоянствѣ удержалось».

7. Какъ только Трощинскій пріѣхалъ въ Сичь, тогда о татарахъ тамъ не было никакихъ извѣстій; но потомъ запорожцы провѣдали о скоромъ возвращеніи татаръ и начали на Москву и на гетмана свое неудовольствіе выражать: «Вотъ панами они называются, а не хотятъ бѣдныхъ людей оборонять; сами по домамъ живутъ, а татары какъ хотятъ, такъ Украину и разоряютъ. Почему-бы гетману въ степь, къ рѣкѣ Самарѣ, на встрѣчу татаръ, не идти? Развѣ и онъ съ Петрикомъ и со своею старшиной одно разумѣтъ? Или онъ не наговорился съ Москвой о томъ, чтобъ нашъ народъ черезъ татаръ обнищать, а потомъ, когда на Украинѣ слишкомъ мало останется людей, съ остаткомъ дѣлать то, что дѣлать хотять?»

8. Слышимъ мы, что гетманъ съ Москвой хочетъ другую Сѣчу у Каменнаго-Затона дѣлать, чтобъ насъ въ свои руки забрать. Былъ-бы здоровъ нашъ Днѣпръ, а мы другую Сѣчу найдемъ и все-таки никому надъ собой смѣяться не дадимъ.

9. Говорили запорожцы и о томъ, что-де Москва и гетманъ постоянно пишутъ къ нимъ, требуютъ розмирья съ невѣрными и войны противъ нихъ, а сами всѣми силами хлопочутъ о томъ, чтобы заключить съ Крымомъ миръ.

10. Запорожцы поневоль-де принуждены держать съ татарами миръ, потому что у нихъ и силы нѣтъ съ такимъ великимъ царствомъ воевать, а кромѣ того козаки принуждены держать съ татарами миръ еще и потому, что они и сыты, и пьяны, и одежны отъ добычи рыбной и соляной.

11. А что по милости царской запорожцы получаютъ казну, то съ той казной они давно бы отъ голода померли, потому что теперь, когда подѣлятся межъ собой, на всякаго товарища денегъ достаетъ не больше 18 шаговъ, а сукна на человѣка нѣсколько больше локтя, и выходитъ, что сердюки и компанѣйцы получаютъ больше запорожскихъ козаковъ; пусть гетманъ дастъ на всякаго козака по 20 золотыхъ, по кафтану да снадобье хлѣба, тогда запорожцы не будутъ съ татарами держать мира никогда.

12. Скажи гетману и о томъ, чтобы ватажниковъ съ запасами и со всякими торгами пропускалъ къ намъ; если-же не будетъ пропускать, тогда мы будемъ въ другомъ мѣстѣ себѣ хлѣба искать, и тогда уже гетманъ со своимъ снгомъ заднѣпрянскихъ пановъ пусть осматривается кругомъ.

13. При самомъ выѣздѣ Трощинскаго изъ Сичи пришли атаманъ бреховецкаго и дядьковскаго куреней и обратились съ такими словами къ нему: «Слынишь-ли ты, Трощинскій, скажи обо всемъ этомъ гетману, а гетманъ пусть отпишетъ царямъ, что все войско шумитъ и, какъ говорятъ, что ты ухо гетмана, то для того тебѣ и говоримъ, чтобы ты все гетману передалъ; иному не за обычай то: иной козакъ не посмѣетъ гетману передать, потому что его тотчасъ-же бросаютъ въ тюрьму и скажутъ, что у него запорожскій дугъ, да и паны не допустятъ гетману передать, а тебѣ добро, потому что ты часто у гетмана и спишь».

14. Хотя такія гнилыя слова говорятъ и не всё, но все-таки большая часть, и хотя въ Сичи есть люди постоянные и желательные (царямъ), но они, опасаясь голутьбы, которая можетъ ихъ прибить, молчать; оттого и выходить, что злобныхъ въ десять разъ больше, нежели добрыхъ людей ¹⁾.

Независимо отъ извѣстій, полученныхъ Мазепою отъ своего посланца, гетманъ получилъ извѣстія о настроеніи запорожскихъ козаковъ и отъ кошевого атамана Василя Кузьменка. Кузьменко писалъ Мазепѣ въ одной «щудулкѣ» и въ двухъ листахъ. Онъ благодарилъ гетмана за оказанныя милости запорожскимъ козакамъ и общался, вмѣстѣ съ писаремъ войсковымъ, какъ великимъ государямъ, такъ и вельможному гетману свое «пріятство соблюдать». Кузьменко особенно прославлялъ щедроты и усердіе гетмана къ храмамъ божіимъ: «Гетманъ и на главѣ дома Успенія Дѣвы Маріи въ киевопечерской лаврѣ сдѣлалъ неизреченное украшеніе отъ золота и въ запорожской Сичи на благословенномъ мѣстѣ славу вѣчную себѣ воздвигнулъ и честь Господеви воздалъ». Просилъ о пожалованіи войску, для уплаты мастерамъ, строившимъ церковь въ Сичи, пятьсотъ золотыхъ да нѣсколько кусковъ зеленой полушубьери на занавѣсь. За все то запорожское низовое войско многократно благодарить благодѣтеля своего, желаетъ ему тѣлеснаго

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 91, № 14; Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 66, л. 212.

здравія и душевнаго спокойствія, высказываетъ надежду, что за такое дѣло преблагословенная Дѣва покроетъ его своимъ омофоромъ, служители-же престола Господня будутъ возносить за него благопріятную жертву. «А что касается, вельможность ваша, того твоего вопроса, въ миру-ли мы съ бусурманами, или нѣтъ, то на это отвѣчаемъ такъ. Наше перемиріе, которое мы держимъ до сихъ поръ съ бусурманами, никому не дѣлаетъ убытка, но служить только къ лучшей прибыли. Возьми въ соображеніе, ваша милость, то что, если-бы мы, войско запорожское, не держали съ татарами мира, то откуда была-бы намъ добыча и харчъ? И то надо сказать, что хотя у насъ съ бусурманами и миръ, но онъ не служитъ помѣхою ни монархамъ нашимъ, ни вельможности вашей, ни всей Украинѣ; напротивъ того, черезъ это самое вы получаете отъ насъ очень часто и самыя точныя извѣстія (о дѣлахъ въ Крыму). Впрочемъ, въ настоящее время мы, не видя до сихъ поръ у себя посланнаго нашего въ Крымъ товарища, не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ скоро онъ пріѣдетъ въ Сѣчь, тотъ-же часъ извѣстимъ вельможность вашу о томъ»¹⁾.

Оба письма написаны были въ официальномъ тонѣ и продиктованы всей радой запорожскаго товариства. Но къ нимъ приложено было личное кошевого Кузьменка къ гетману Мазепѣ письмо, въ которомъ Кузьменко объяснялъ, что запорожское войско весьма охотно пойдетъ на войну противъ бусурманъ, лишь-бы только на то была воля царей; всѣ бусурмане такъ привыкли къ набѣгамъ на украинскіе города, что для нихъ захватить на Украинѣ бѣдныхъ людей тоже, что съ собственныхъ дворовъ хлѣбъ или иное имущество свое взять; какая-же слава монархамъ и вельможному гетману отъ того? Кромѣ того, гетману нужно во всѣ полки универсалы разослать, въ особенности-же дозорцѣ Рутковскому приказать, дабы ватаги изъ Украины въ Запорожье могли безопасно ѣздить съ товарами къ запорожскимъ козакамъ. А за вѣрность великимъ государямъ со стороны козаковъ, за то, что они постоянно безъ всякаго нарушенія службу свою хранятъ, просить государей прислать съ прибавкой царской казны. «Впрочемъ, если я что-нибудь непріятное вашей вельможности написалъ, то прости мнѣ, дураку, ибо я пишу по приказу войсковому, и знай, что если-бы какимъ ни есть образомъ донеслось, что я начинаю что-нибудь сверхъ воли коза-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

ковъ, то они тотъ-же часъ въ радѣ убили бы меня; а если они что приказываютъ, то добраго не приказываютъ ничего, а противное все; я самъ на обѣ стороны пишу и имъ перевожу въ хорошемъ видѣ на доброе дѣло ваше» ¹⁾).

Обо всемъ, что гетманъ Мазепа узналъ о запорожскихъ козакахъ, какъ изъ показаній своего посланца Трощинскаго, такъ и изъ писемъ кошевого Кузьменка, онъ сообщалъ, марта 1 числа, въ Москву особымъ листомъ, доставленнымъ тѣмъ-же посланцемъ парямъ. Въ концѣ этого листа гетманъ сообщалъ и о томъ, какимъ образомъ онъ распорядился относительно сдѣланныхъ, вслѣдствіе просьбы кошевого атамана Кузьменка и ходатайства воеводы Семена Неплюева, шести паръ пушечныхъ колесъ: по царскому велѣнію, колеса тѣ должны были быть сдѣланы на Самарѣ и отсланы въ Кодакъ; но гетманъ, вѣрный подданный царскаго пресвѣтлаго величества, разсуждая о настоящемъ поведеніи запорожцевъ, нашамъ нужнымъ тѣхъ пушечныхъ колесъ кошевому атаману и войску не отсылать, потому что запорожцы не имѣютъ отъ государей никакого указа, чтобъ имъ на войну выступать. Теперь всѣ запорожцы сидятъ въ своемъ гнѣздѣ и охраняютъ свою Сѣчь отъ мусульманъ, а въ такомъ случаѣ имъ пушки годятся и безъ колесъ. По всему этому гетманъ находитъ за лучшее всѣ тѣ колеса до будущей весны въ Новобогородицкомъ городкѣ удержатъ, а будетъ-ли о томъ иное повелѣніе великихъ государей, то онъ «вручаетъ премощной монаршей волѣ» ²⁾).

Отвѣтъ гетману Мазепѣ послѣдовалъ марта 13 дня. Цари, за обращеніе гетмана къ запорожцамъ, за посылку въ Запорожье церковнаго иконостаса, за приведеніе козаковъ къ постоянству и послушанію, за доставку въ Москву всѣхъ писемъ и за всю его вѣрную и радѣтельно-усердную службу, милостиво жаловали и премилостиво похваляли, а о посылкѣ пушечныхъ колесъ изъ Новобогородица въ Запорожье совѣтовали ему учинить по собственному разсмотрѣнію» ³⁾).

Тѣмъ временемъ запорожцы, не получая отъ гетмана никакого отвѣта на свое письмо относительно похода на Крымъ и не зная, что имъ предпринять, бросались отъ одной крайности къ другой.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698, св. 91, № 14.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698, св. 91, № 14.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698, св. 91, № 14.

Такъ, весной того же 1693 года крымскій ханъ прислалъ въ Сичь своего посланца съ предложеніемъ товариству пововить миръ, какой былъ заключенъ въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ между крымцами и войскомъ низовымъ. Запорожцы встрѣтили ханскаго посланца съ большимъ почетомъ и дали ему присягу строго соблюдать съ Крымомъ миръ; для заключенія-же мирныхъ условій отравили собственныхъ посланцевъ на крымскій полуостровъ. Они не отказывались даже и отъ похода на украинскіе города, но только не съ Петрикомъ, лишеннымъ совсѣмъ военныхъ способностей, а съ прославившимся въ то время военными подвигами, знаменитымъ полковникомъ Семеномъ Палиемъ: «Дадимъ гетманство Палию. вручимъ ему всѣ клейноты, Палий пойдетъ уже не Петриковою дорогою, — онъ знаетъ, какъ прибрать къ рукамъ украинскихъ пановъ» ¹⁾.

Однако, этотъ миръ оказался столь прочнымъ, что въ концѣ мѣсяца марта кызыкерменскій бей Магметъ прислалъ козакамъ укорительное письмо за нарушеніе данной ими клятвы, требовалъ освобожденія изъ плѣна шести человекъ татаръ, попавшихъ къ запорожцамъ въ полонъ, и снова предлагалъ свою дружбу и миръ ²⁾.

Но теперь запорожское войско неожиданно перешло въ другой тонъ и стало добиваться, во что бы то ни стало, войны съ Крымомъ и для того стало ждать помощи отъ гетмана Мазепы и московскихъ царей.

Въ маѣ мѣсяцѣ отправлено было въ Сичь, со стольникомъ Новосильцевымъ, подъячимъ Фроловымъ и гетманскимъ посланцемъ Олейниченкомъ, войсковое жалованье, сукно, порохъ и свинець. Особо отъ гетмана отправленъ былъ Сидоръ Горбаченко съ видимою цѣлью извѣстить запорожцевъ о присылкѣ имъ милостиваго царскаго жалованья, съ дѣйствительною — провѣдать «о тамошнихъ поведеніяхъ и о всякихъ вѣдомостяхъ». Сидоръ Горбаченко прибылъ сперва въ Переволочну къ дозорцѣ Ивану Рутковскому и тамъ нашелъ жителей въ тревогѣ отъ набѣга татаръ, которые передъ тѣмъ, мая 28 дня, сдѣлали нападеніе на Нехворощу и Келеберду и захватили тамъ много людей въ полонъ. Въ виду этого дозорца Рутковскій нашелъ за лучшее купить для

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 207.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1693, № 876, 959.

Горбаченка лодку ¹⁾ и въ ней отправить его по Днѣпру, въ сопровожденіи надежныхъ проводниковъ, въ самую Сичь.

Въ Сичь въ это время былъ кошевымъ атаманомъ вмѣсто Василія Кузьменка Иванъ Гусакъ. Встрѣтивъ съ подобающею честью царскихъ и гетманскихъ гонцовъ, Гусакъ и все запорожское войско благодарили царя за присланное милостивое жалованье и объявляли о своей преданности Москвѣ и о нерасположеніи къ Крыму. Самъ Гусакъ въ особенности добивался войны съ Крымомъ. «Видишь-ли, говорилъ онъ потомъ наединѣ Сидору Горбаченку, сколько здѣсь прихожей изъ городовъ голутьбы, а въ радѣ противъ всякаго говорить нельзя; если-бы, по радѣнн гетмана, отворилась война на бусурманъ, то вся эта голутьба пошла-бы на войну и всѣ пререкатели пропали-бы въ бояхъ» ²⁾

Отпуская отъ себя царскихъ пословъ, кошевой атаманъ и все запорожское низовое войско вручили имъ отвѣтное для передачи великимъ государямъ письмо и въ томъ письмѣ писали, что они подлинно желаютъ учинить съ «головными» своими непріятелями размиръ, потому что тѣ непріятели постоянно наступаютъ «своимъ вольнымъ промысломъ» на запорожскихъ козаковъ и на вѣру всѣхъ православныхъ христіанъ. Но для того, чтобы вѣрно дѣйствовать противъ бусурманъ, запорожцамъ нужно имѣть помощь изъ великороссійскихъ ратниковъ и украинскихъ козаковъ и дозволеніе открыть походъ хотя подъ городъ Кызылгермень. Благо и случай къ тому благоприятный выпалъ: ханъ крымскій, со всѣми силами своими, крымскими, черкескими и калмыцкими, предпринялъ въ Венгерскую землю «свой дьявольскій походъ», а другихъ своихъ салтановъ съ частью татаръ послалъ въ какой-то польскій повѣтъ, якобы на Волынь ³⁾.

Въ такомъ же родѣ написали кошевой и близкіе къ нему козакъ письмо и гетманскому дозорцѣ Рутковскому черезъ нарочнаго гонца. Отправивъ тайно къ дозорцѣ письмо, они просили какъ можно скорѣй («днемъ и ночью») доставить его своему благодѣтелю, вельможному гетману, въ Батурино. Теперь все войско въ сильномъ волненіи и одна часть его желаетъ мира, другая мира «не благоволитъ и проситъ» отмщеніе непріятелямъ учинить.

¹⁾ Лодка была куплена за 15 копѣ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 98, № 36 и 40.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 98, № 42.

Пишутъ-же они дозорцѣ «тайно» потому, что въ средѣ ихъ немало есть такихъ людей, которые, услышавъ что - либо въ Сичи, немедленно доносятъ о томъ въ турецкіе городки ¹⁾).

Гетманъ Мазепа давно уже зналъ, въ какомъ тревожномъ положеніи находились запорожцы, и потому, получивъ извѣстіе отъ своего дозорцы, о желаніи козаковъ идти походомъ противъ бусурманъ, поторопился отправить отъ себя обширный листъ въ Москву и въ томъ листу, ставъ на точку зрѣнія запорожцевъ, доказывалъ, что нужно, во что бы то ни стало, воспользоваться счастливымъ положеніемъ дѣлъ и открыть походъ противъ бусурманъ. Гетманъ «дѣрааетъ великимъ государямъ писать объ этомъ не ради желанія запорожскихъ козаковъ, а ради большого дѣла превысокаго монаршескаго имени, которое они, бусурмане, не такъ, какъ надлежитъ, почитаютъ, и просятъ, при добромъ запорожцевъ намѣреніи, войска на бусурманскія жилища поднять». Нужно воспользоваться тѣмъ благоприятнымъ временемъ, когда запорожцы еще не успѣли съ турецкими городчанами своего перемирія поновить, потому что послѣ того весьма трудно будетъ ихъ отъ бусурманъ оторвать. Къ тому-же есть немало и другихъ причинъ, которыя настоятельно требуютъ войны противъ бусурманъ. Первая причина—это православная вѣра и монаршеская слава; вторая причина та, что бусурмане дѣлаютъ набѣги на богохранимую царскаго пресвѣтлаго величества державу, главнымъ образомъ на города Малой Россіи, разоряютъ тамъ храмы божіи, уводятъ въ полонъ немало козаковъ и народа христіанскаго; наконецъ [войны этой, кромѣ запорожцевъ, единодушно желаютъ и вся малороссійская чернь и вся генеральная старшина ²⁾).

Но не смотря на представленіе гетмана, изъ Москвы отвѣчали попрежнему отказомъ: великіе государи воинскій походъ на турецкіе города въ предстоящее лѣто рѣшили «удержать» до тѣхъ поръ, пока возвратится изъ Крыма царскій гонецъ Айтемировъ съ ханскимъ отвѣтомъ на государеву грамоту и на основаніи этого предписывали гетману объявить о томъ и всей малороссійской генеральной старшинѣ и всему запорожскому войску. Что-же касается неотступной просьбы запорожцевъ о помощи для борьбы ихъ съ мусульманами, то такая помощь излишня для нихъ, по-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 42.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 42.

тому что большого похода на бусурманъ не будетъ, а о мелкой войнѣ не стоитъ и думать, такъ какъ мусульмане всегда живутъ въ большой осторожности и малыми «забѣгами» причинить имъ какой-нибудь вредъ невозможно.

Мазепа, выросшій въ придворной средѣ, всегда чуткій къ перебивамъ тона державныхъ особъ, поспѣшилъ послать государямъ оправдательный листъ съ изъясненіемъ того, что если онъ и хлопоталъ, чтобы «наскоро» подать запорожцамъ просимую помощь, то имѣлъ въ виду единственную цѣль—отклонить ихъ отъ союза съ ханомъ и приготовить къ будущему на Крымъ походу: черезъ это не было-бы у козаковъ такой «противности, какая теперь у нихъ противъ великихъ государей и самого гетмана учинилась»¹⁾.

Когда гетманскій гонецъ скакалъ съ письмомъ въ Москву, въ это время между запорожцами распространилась вѣсть о томъ, будто-бы гетманъ, поднявшись изъ Батурина, прошелъ къ Гадячу и остановился въ немъ съ войсками, готовясь выдти на войну противъ татаръ. Обрадованные такой вѣстью, запорожскіе козаки немало не медля, отправили 18 человекъ изъ своей среды къ Мазепѣ съ просьбой о томъ, чтобы онъ подалъ имъ помощь въ предстоящей борьбѣ войска противъ бусурманъ. Гетманъ, принявъ козацкихъ посланцевъ, однимъ изъ нихъ велѣлъ вернуться, вмѣстѣ съ письмомъ, къ атаману Гусаку; другимъ остаться при себѣ для доставленія вѣстей на случай войны. Но оставленные при гетманѣ запорожскіе посланцы, увидя собственными глазами, что гетманъ изъ Батурина не трогался никуда, стали просить его отпустить ихъ въ Сичь; но Мазепа нашелъ нужнымъ, впредь до царскаго указа, удержать ихъ при себѣ²⁾.

Не смотря на такую неудачу, вѣрная Москвѣ партія запорожцевъ все еще не теряла надежды на возможность войны съ Крымомъ, и потому, іюня 23 дня, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ послалъ грамоту царямъ съ выраженіемъ готовности войска вѣрно служить Москвѣ, съ просьбой о прибавкѣ низовому войску царскаго жалованья и о дозволеніи запорожцамъ сдѣлать нападеніе на татаръ.

Но въ этотъ-же день въ Запорожьѣ произошло большое смя-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; 1698, св. 95, № 63.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 67, л. 866--815.

теніе среди козаковъ, слѣдствіемъ чего было то, что большинство запорожцевъ признало миръ съ Крымомъ необходимымъ для себя, и когда кошевой Гусакъ объявилъ себя противъ такого рѣшенія войска, то Кошъ лишилъ его булавы и вмѣсто него выбралъ кошевымъ Семена Рубана, атамана полтавскаго куреня, а собравшееся войско распустилъ по разнымъ мѣстамъ для рыбныхъ промысловъ и для добычи соляной ¹⁾).

Гетманъ Мазепа, узнавъ о происшествіи въ Сичи, постыдился послать въ Кошъ успокоительный универсалъ. Но масса запорожская, уже давно извѣрившаяся въ Мазепу, вычитавъ тотъ «поважный» гетманскій листъ на «повальной» радѣ, не нашла нужнымъ даже отвѣчать на него и послала гетманскому дозору жалобу на Мазепу за то, что онъ задерживаетъ у себя запорожскихъ пословъ и безъ «слушнаго указа» не отпускаетъ ихъ отъ себя. Будучи обижены гетманомъ въ одномъ, запорожцы не хотѣли просить его ни о чемъ другомъ: раньше, въ виду задуманнаго похода противъ бусурманъ, они сдѣлали было распоряженіе не допускать изъ Украйны въ Запорожье никакихъ ватажныхъ людей; теперь же, вслѣдствіе несостоявшагося похода русскихъ на Крымъ, просятъ дозору дозволить всемъ ватажанамъ и купцамъ свободно проѣзжать изъ Украйны въ запорожскую Сичь. Къ тому-же теперь нѣтъ никакой и опасности отъ татаръ: только что возвратившіеся отъ крымскаго хана запорожскіе послы, нашедшіе его въ Бѣлгородчинѣ, на устьѣ Дуная, въ Киіи, заключили тамъ съ нимъ мирный договоръ ²⁾).

Гетманскій дозорца о происшествіи, случившемся въ запорожской Сичи, провѣдалъ и другимъ путемъ: онъ держалъ на откупѣ войскового писаря запорожскихъ козаковъ, Созонта Грабовскаго, и отъ него получалъ первыя и самыя достовѣрныя извѣстія о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ въ Сичи. Созонтъ Грабовскій, прежде чѣмъ отослать дозорца письмо кошевого Рубана и всего войска, сдѣлалъ на немъ собственноручно приписку съ изъясненіемъ истиннаго положенія въ Запорожьѣ дѣлъ. Въ этой припискѣ значилось, что Иванъ Гусакъ добровольно снялъ съ себя кошеводство вслѣдствіе нежеланія козаковъ разорвать съ Крымомъ мира; что въ турецкій городъ Кызыкермень прибылъ какой-то купеческій караванъ, ко-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 67, л. 867.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 67, л. 866—895, Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 10, № 916—901.

который намѣревается идти сперва въ Сичь, а изъ Сичи на Украину, въ города; что въ караванѣ томъ находятся двое интересныхъ для дозорцы людей ¹⁾; что въ Царыградѣ выкупленъ на волю нѣкто Челинъ и отправленъ въ Крымъ; извѣщая обо всемъ этомъ въ своемъ письмѣ, Сюзонтъ Грабовскій просилъ до зорцу прислать вѣрнаго и нарочнаго для всякихъ вѣстей человека въ запорожскую Сичь и самого писаря какимъ-нибудь гостинцемъ подарить: «Скоро-скоро до мене посылай посланца своего вѣрнаго, уведомя о всемъ, да съ гостинцемъ посылай» ²⁾.

Гетманъ Мазепа, по полученіи отъ своего дозорцы послѣднихъ вѣстей, поспѣшилъ послать о томъ вѣсть въ Москву. Въ письмѣ, писанномъ іюля 2 дня, онъ сообщалъ, что послѣ прибытія въ Сичу отъ хана запорожскихъ и вмѣстѣ съ запорожскими ханскихъ пословъ, доброе намѣреніе козаковъ служить Москвѣ «развратилось», и теперь всѣ козаки, даже тѣ, которые всегда были противъ мира съ Крымомъ и противъ всѣхъ вообще бусурманъ, рѣшили возобновить и на долгое время подтвердить съ Крымомъ миръ, на тѣхъ условіяхъ, какъ годъ тому назадъ въ Каменномъ-Затонѣ онъ былъ заключенъ. Бывшій на ту пору кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, сохраняя нерушимо вѣрность великимъ государямъ, всталъ противъ перемирія съ Крымомъ, не пошелъ въ собранную по этому поводу раду и отказался отъ своей булавы. Тогда войско, руководимое толпой неспокойныхъ и мятежныхъ головъ, вмѣсто Ивана Гусака выбрало на атаманство Семена Рубана, куренного полтавскаго куреня, который еще раньше, чѣмъ былъ поновленъ съ татарами миръ, стоялъ, въ числѣ другихъ, за Крымъ.

Сообщая царямъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Сичи, гетманъ Мазепа высказывалъ сожалѣніе о томъ, что запорожцы ввели его въ обманъ своими просьбами о присылкѣ къ нимъ вспомогательныхъ войскъ для борьбы противъ бусурманъ, что по теперешнему ихъ поведенію можно судить, какъ мало заслуживаютъ они довѣрія къ себѣ; что между ними есть немало «шатостныхъ и непостоянныхъ» головъ, дѣлающихъ то, что имъ прихоть, а не то, что благоразуміе велить. Теперь запорожцы, возобновивъ съ крымцами миръ и надѣясь на спокойное настроеніе со стороны

¹⁾ Одинъ Краснокутскій, другой Высоцкій, но кто они такіе — Грабовскій не говоритъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 10, № 916—901.

татарь, стануть кичиться передь гетманскимъ посломъ и «противъ нынѣшняго со стороны царскаго величества «отозванія» дадутъ гордый отвѣтъ. Уже и теперь запорожскіе козаки, гордые миромъ черезъ Крымъ, не сочли нужнымъ отвѣтить на гетманскій листъ съ предложеніемъ военныхъ промысловъ противъ бусурманъ: они отписали лишь гетманскому дозорцѣ о выборѣ у нихъ Семена Рубана вмѣсто Ивана Гусака, самому-же гетману отказались вовсе писать ¹⁾.

Осудивъ поведеніе запорожскихъ козаковъ, Мазепа тѣмъ не менѣе не переставалъ сноситься съ ними по разнымъ дѣламъ. Еще до похода на Украину «щенюка» Петрика посланы были къ крымскому хану «для добрыхъ мирныхъ дѣлъ» царскій гонецъ Василій Айтемировъ и гетманскій посланецъ Василій Велецкій, но и до послѣдняго времени ни тому, ни другому не было отпуска изъ Крыма.

Въ виду этого въ половинѣ іюля мѣсяца, 1693 года, по царскому приказу, гетманъ Мазепа отправилъ въ Крымъ надежнаго и бывалаго человека, толмача Петра Волошанина, съ царскими грамотами къ крымскому хану и лично къ русскому гонцу Василю Айтемирову. Въ качествѣ спутника Волошанину Мазепа опредѣлилъ довѣреннаго казака Якимъ Кныша. Отправляя толмача съ царскими грамотами, гетманъ далъ ему собственную грамоту для врученія великому везиру и особое письмо для передачи кошевому атаману Семену Рубану. Въ письмѣ къ Рубану Мазепа объяснялъ кошевому, что упомянутый толмачъ Петро Волошанинъ посылается не для чего иного, какъ для разузнанія, почему царскій гонецъ Василій Айтемировъ и гетманскій посланецъ Василій Велецкій такъ долго задерживаются въ Крыму, а также для отысканія нѣкоторыхъ плѣнныхъ, какъ напримѣръ, сотника китайгородскаго Бѣлана, захваченныхъ татарами въ разное время въ украинскихъ городахъ. Предупреждая объ этомъ кошевого атамана, Мазепа просилъ не задерживать толмача въ Сичи и, давъ ему надежныхъ провожатыхъ, отправить поскорѣе въ турецкій городокъ Кызыкермень ²⁾. О такомъ дѣйствиіи своемъ гетманъ Мазепа сообщилъ, черезъ своего гонца Романа Селезнева, также въ Москву, вручивъ ему для

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895 Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 10, № 928—918.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 98, № 51, подл. акты, св. 10 № 980—915.

передачи царямъ копіи съ самыхъ писемъ, посланныхъ къ Айтемирову въ Крымъ и къ Рубану въ Сичь ¹⁾).

Изъ Москвы гетману отвѣчали похвальнымъ листомъ, о пропускѣ ватагъ на Запорожьѣ велѣли по своему усмотрѣнію чинить, а относительно бывшаго кошевого атамана Ивана Гусака объявляли, что служба его царскому величеству извѣстна и что пусть овъ царской милости ожидаетъ за нее ²⁾).

Отправляя въ путь толмача Волошанина, Мазепа въ это-же время долженъ былъ опустить отъ себя и запорожскихъ посланцевъ, девять человекъ, оставленныхъ имъ еще въ маѣ мѣсяцѣ для подавія будто-бы въ Сичу вѣстей на случай, если откроется у русскихъ съ бусурманами война и безцѣльно проживавшихъ въ гетманской столицѣ Батуригъ. Уже въ началѣ іюля мѣсяца гетманъ послалъ извѣстіе въ Москву о томъ, что запорожскіе посланцы, оставленные въ Батуригъ, не желаютъ дольше оставаться въ немъ и усиленно просятъ объ отпускѣ ихъ въ Сичь. Въ виду этого, гетманъ, не желая дольше удерживать ихъ при себѣ, отпустилъ посланцевъ на Сичь, но далъ имъ листъ для передачи кошевому атаману и всѣмъ низовымъ козакамъ съ объявленіемъ о томъ, что на походъ противъ татаръ къ нему, гетману, до сихъ поръ не пришелъ повелительный монаршескій указъ, а какъ только тотъ указъ придетъ, гетманъ немедленно войску запорожскому о томъ дастъ знать. Лично государямъ Мазепа по этому поводу писалъ такъ: «Если-бы въ то время намѣреніе запорожскихъ козаковъ, по вашему монаршескому указу, было поручено мнѣ, то я могъ бы еще въ ту пору привести войско запорожское до чиненія военныхъ промысловъ противъ тѣхъ креста святого враговъ, особенно въ виду того, что и самъ, бывший на тотъ часъ, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ всѣхъ товарищей настойчиво къ тому побуждалъ, и многіе изъ товарищей вмѣстѣ съ Гусакомъ хотѣли разорвать съ бусурманами перемиріе и начать съ ними войну и, какъ разумные политики, они писали, что война та можетъ окончиться и счастливо, и прибыльно, коли не откладывать ее на долгій срокъ; если-же войну отложить на размышленіе и на долгій срокъ, то для счастливаго окончанія ея: могутъ найтись раз-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895

ныя препятствія. Такимъ образомъ, когда я безъ вашего, великихъ государей, премоцнаго моваршескаго указа, не смѣлъ имъ наскоро оказать никакого вспомошествованія, а посланные моговцы о томъ къ вамъ, великимъ государямъ, на долгое время задержаны были въ Москвѣ, тогда доброе намѣреніе тѣхъ лучшихъ запорожскихъ людей, не пришло въ исполненіе: въ это время, вернулись изъ надунайскаго города Килии отъ хана запорожскіе посланцы и принесли въ Сичь извѣстіе о подтвержденіи бывшаго въ Каменномъ-Затонѣ перемирія у татаръ и козаковъ. Тогда легкомысленные и шатостные люди подняли своею рѣчью на ноги всѣхъ козаковъ и не только пресѣкли всякую мысль о разрывѣ съ татарами и о начинаніи противъ нихъ военныхъ промысловъ, но даже съ радостью захотѣли съ ними поновить перемиріе. Въ это время лишился атаманства и кошевой Иванъ Гусакъ; само же войско, собранное въ Сичь ради будущихъ военныхъ промысловъ, было распущено по разныхъ мѣстамъ для рыбной и соляной добычи. Теперь трудно настроить войско запорожское такъ, чтобы оно отъ поновленнаго съ поганцами перемирія отстало, и нынѣ гетману съ войскомъ и съ народомъ нужно всякой отъ запорожцевъ шквды ждать¹⁾.

И точно запорожцы вновь стали во вражду къ гетману, и эта вражда съ особенною силой выразилась съ прибытіемъ въ Сичу царскаго толмача Петра Волошанина и гетманскаго посланца Якимъ Кныша.

Выѣхавъ изъ Батурина іюля 14 числа, Якимъ Кнышъ встрѣтилъ толмача Петра Волошанина у крѣпости Переволочны и направился съ нимъ прямо въ Сичь. Іюля 21 дня Якимъ Кнышъ и Петро Волошанинъ прибыли въ Сичь и въ тотъ-же день представились кошевому атаману Семену Рубану и всему сичевому товариству. Семень Рубанъ собралъ войсковую раду изъ наличныхъ козаковъ и на той радѣ гетманскій посланецъ вручилъ кошевому царскую грамоту и гетманскіе листы. Кошевой, принявъ грамоту и листы, передалъ ихъ писарю Созонту Грабовскому и велѣлъ ему вычестъ ее передъ товариствомъ въ слухъ. Когда писарь взялъ въ руки царскую грамоту и дошелъ въ ней до тѣхъ словъ, гдѣ сказано было, что «нынѣшняго лѣта воинскому походу подѣ турецкіе городки не быть» и что того желаютъ сами государи, а не гет-

¹⁾ Архивъ мнн. ин. дѣлъ; 1698, св. 10, № 935—920.

манъ и его старшина, то запорожцы, прервавъ чтеніе, стали кричать, что это сдѣлано несомнѣнно по гетманскому желанію и что самая грамота также несомнѣнно исходатайствована у великихъ государей тѣмъ-же гетманомъ съ цѣлью оправдать себя и всю старшину въ глазахъ запорожскихъ козаковъ. Послѣ этого запорожцы стали кричать, какъ они, увѣдомившись, что походу подь турецкіе городки не бывать, учинили съ мусульманами миръ, а гетманъ, узнавъ о томъ, сдѣлалъ подь нихъ подкопъ и послалъ для добычи подь Очаковъ, на Прогнои, бывшаго кошевого Федыа ¹⁾. «Тотъ Федыко похваталъ, кодившихъ за солью, турокъ и татаръ, и многихъ изъ нихъ побилъ, а татары побрали за это нашихъ запорожцевъ, невинныхъ, на соляной добычѣ, 50 человекъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ Федыкомъ, и его самого, а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ пазъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости, — увидитъ тогда, что ему, его панамъ, арендарямъ и дозорцамъ будетъ. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичъ такого подкопу надъ нами не дѣлалъ; однажды только попробовалъ было онъ сдѣлать такой-же подкопъ, но когда Сирко написалъ ему, что на него готовится сто тысячъ сабель, то онъ испугался и прислалъ тотчасъ-же къ намъ вина, вѣчины и всякаго запаса. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами, а его дозорца, Рутковский, ватагъ съ запасами на Запорожье не пропускаетъ: только мы скоро Рутковского возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него добра нечего чаять, потому что онъ всякаго добра желаетъ Москвѣ и на Москву смотреть, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ черной радѣ» ²⁾.

О воинскомъ промыслѣ запорожскіе козаки говорили такъ, что они только тогда пойдутъ на бусурманъ, когда получаютъ отъ Москвы помощь войскомъ и жалованье деньгами въ такомъ количествѣ, какъ посылаетъ она донскимъ козакамъ. Впрочемъ, искренне желали мира съ невѣрными только пѣхотные козаки; конные же напротивъ того, хотѣли противъ бусурманъ войны, потому что во время войны они могутъ получить языка, обмѣнять его

¹⁾ Иначе Федора Степанова; повидимому онъ также носилъ прозвище Гусака.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 67, л. 1250—1270.

на плѣннаго козака, могутъ продать его и получить прибыль за него. Гетманъ, приказывая запорожцамъ идти войной на бусурманъ, самъ посылаетъ въ Крымъ пословъ для обмѣна бывшаго китай-городскаго сотника, Бѣлана, который запорожцамъ дѣлаетъ такую же шкodu, какъ и бывшій кошевой Федько. Прийдя въ сильный гнѣвъ, запорожцы подъ конецъ хотѣли было взять у толмача письма, распечатать и прочесть ихъ, но отъ того удержалъ ихъ писарь войсковой.

Оставивъ безъ всякаго отвѣта гетманскій листъ, запорожцы три дня держали у себя пословъ ¹⁾, поджидая, пока не придутъ въ Сичь съ воинскихъ промысловъ запорожскіе и городовые козаки. Только тогда, когда въ Сичи собралась масса городскихъ козаковъ, кошевой атаманъ вторично собралъ раду и поставилъ всѣмъ вопросъ, какъ поступить съ грамотами и съ толмачемъ. Тогда на радѣ постановили толмача отпустить, миръ-же съ турецкими городками только съ приходомъ русскихъ войскъ разорвать, а до тѣхъ поръ о томъ и не помышлять, потому что отъ этого выгоды войску не будетъ никакой.

Августа 9 дня войско отпустило изъ Сичи царскаго толмача и съ нимъ вмѣстѣ отравило своихъ посланцевъ, Данила, козака шербиновскаго куреня да Андрея толмача, козака донскаго куреня, съ просьбой къ нуррединъ-салтану въ Крымъ объ освобожденіи пятидесяти человекъ запорожскихъ козаковъ, взятыхъ турками на добычѣ соляной послѣ промысла Федькѣ. Посланцамъ своимъ войско велѣло объявить въ Крыму, что Федько ходилъ не изъ Запорогъ, а изъ малороссійскихъ городовъ и что о его замыслахъ запорожцы вовсе не знали ничего.

Волненіе, поднявшееся въ Сичи, не улеглось и съ отъѣздомъ изъ нея царскаго посла. На этотъ разъ запорожцы, недовольные чѣмъ-то на новаго кошевого Семена Рубана, снова хотѣли избрать Гусака. Но Иванъ Гусакъ открыто всѣмъ объявилъ, что онъ согласится принять атаманскую булаву только тогда, когда войско порветъ съ невѣрными миръ. Но запорожцы ради одного Гусака отказались разрывать съ татарами установленный миръ и нашли нужнымъ попрежнему оставить Семена Рубана своимъ кошевымъ, перемѣнивъ только войскового судью, вмѣсто Фирса избравъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 165, 166,

Андрея Горба, человека постоянного какъ въ поступкахъ, такъ и въ рѣчахъ.

Понеся Мазепу и осуждая всѣ его дѣла, запорожцы не пощадили въ этомъ отношеніи и самой Москвы: куренные атаманы, приходя къ кошевому Рубану въ его курень, говорили между собой, что когда московскія войска, придя подъ турецкіе городки, ничего не сдѣлаютъ тамъ и повернуть назадъ, то запорожцы, соединясь съ ордой, станутъ бить москалей.

Тайный сторонникъ Мазепы, войсковой писарь Созонтъ Грабовскій, бесѣдуя съ Якимомъ Кнышемъ, объявилъ ему наединѣ, что какъ только ханъ крымскій вернется изъ Венгерской земли, такъ запорожцы немедленно утверждаютъ съ нимъ миръ и потомъ войдутъ на великороссійскіе города: «Въ малой-же Россіи имъ не для чего воевать, потому что она сама въ себѣ, кого надобно, повоеетъ: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотятъ запорожцы идти на великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы не такое жалованье, какъ донскимъ козакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми; что вырубленъ ихъ стародавній лѣсъ; что на Орели сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано такъ, что московскимъ ратнымъ людямъ быть на Украинѣ только въ трехъ городахъ. И то запорожцамъ въ большую тягость, что Москва гетмановъ, старшину и полковниковъ, кого виновнымъ найдетъ, безъ вѣдома козаковъ беретъ и ссылаетъ въ Сибирь: виновныхъ въ какой-либо винѣ нужно судить по войсковымъ правамъ. Обидно запорожцамъ и то, что когда они просятъ войска въ помощь себѣ, то гетманъ и воевода отговариваются тѣмъ, что на то указа нѣтъ, безъ котораго они не смѣютъ вкуду войскъ посылать, чѣмъ точно водятъ запорожцевъ за шею: отъ татаръ низового войска они не боронятъ, напротивъ того, черезъ войско и сами въ покоѣ живутъ, войску-же черезъ то убытокъ одинъ: татары хватаютъ ихъ братію и въ неволю шлютъ. Оттого запорожцамъ непременно нужно выбиться изъ-подъ московскаго ярма: когда они достигнутъ того, тогда не будетъ имъ цѣненія отъ бусурманъ»¹⁾).

При отпускѣ изъ Сичи Кныша запорожцы вручили ему для

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698. кн. 67, л. 1250—1270.

гетмана Мазепы письмо и велѣли передать послѣднему обо всемъ, что Кнышъ, находясь въ Сичи, слышалъ.

Въ этомъ «невѣжливомъ и досадительномъ» письмѣ, какъ самъ гетманъ его обозвалъ, казаки называли Мазепу не отцомъ, а вочимомъ Украйны, желающимъ ей не добра, а ищущимъ ей зла, и напоминали ему, какъ онъ самъ-же подбивая все низовое войско противъ «головныхъ» непріятелей и враговъ святого креста и тѣмъ самымъ обнадеживъ всѣхъ козаковъ, заставилъ всѣхъ воинскаго похода ожидать, а потомъ вдругъ объявилъ, что безъ воли и царскаго указа войско не можетъ ни подниматься, ни идти противъ бусурманъ. Тогда войско, не ожидая отъ гетмана промысла противъ бусурманъ, принуждено было, ради недостатковъ своихъ, перемиріе съ ними поновить. Поновивъ-же перемиріе и прекратить всякіе поиски противъ нихъ, войско вдругъ узнало о томъ, что гетманъ отправилъ отъ себя въ Прогнои Федыкѣ и сдѣлать то не столько для добыванія языковъ, сколько для смятенія и пагубы низовыхъ козаковъ. Тотъ Федыкѣ, по гетманскому наказу, взялъ живьемъ на соляныхъ промыслахъ 40 турокъ и очаковскихъ волоховъ и 8 изъ нихъ человекъ изрубилъ; за это очаковцы и перекопцы напали на запорожскихъ козаковъ, 52 человекъ взяли живьемъ, 4 человекъ закололи на смерть, нѣкоторыхъ ранили въ бою; изъ послѣднихъ не мало было привезено въ Сичь. По всему этому запорожцы немало дивятся «такому скверному» промыслу Федыкѣ и задаютъ гетману вопросъ, не хочетъ-ли онъ искоренить тѣмъ самымъ весь свой народъ? Осуждая «безчестный» промыселъ гетмана, отдающаго христіанъ въ неволю бусурманъ, войско объявляетъ, что не потерпитъ ему, если онъ не доставитъ въ Сичь безвинно захваченныхъ козаковъ и если онъ и впредь такую-же измѣну и пагубныя дѣла будетъ чинить: лучше вспомнить древнюю воинскую доблесть и не дать ржѣ съѣсть себя... Пусть гетманъ пришлетъ взятыхъ Федыкомъ турокъ и волоховъ въ запорожскую Сичь, и войско отправитъ ихъ для отмѣны на своихъ, отосланныхъ въ неволю, козаковъ. Пусть гетманъ пришлетъ также и самого Федыка для наказанія его за то, что онъ, за войсковою хлѣбъ и за доброту, нанесъ войску такую пагубу и причинилъ множество хлопотъ. Пусть-бы Федыкѣ иначе объявилъ славу свою,—не такъ объявили ее подъ Очаковомъ Новицкій, а подъ Кызыкерменемъ этой зимой Палій, который съ 20.000 войска полонилъ 18 человекъ татаръ и на то мѣсто столько-же поморозилъ своихъ козаковъ. Пусть-бы

Федько также рыцарски поступилъ, какъ поступилъ знатный товарищъ Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня. Максимъ, не желая чинить никакого подкупа и измѣны войску запорожскихъ козаковъ, пошелъ въ дикія поля и тамъ, при божьей помощи, побилъ нещадно безбашную ¹⁾ орду, хватавшую воегъ Келеберды и Переволочвой, на переволочанскомъ шляху, въ неволю христіанъ. Тому Максиму отъ всего войска — слава и похвала, а Федьку — безчестье и немилость, и отъ невольниковъ проклятіе». Заканчивая свое письмо, запорожцы просили гетмана не задерживать у Переволочны проѣзжихъ съ хлѣбными запасами ватагъ и торговыхъ людей, шедшихъ изъ украинскихъ городовъ въ Сичь ²⁾.

Написанный листъ врученъ былъ гетманскому посланцу Якиму Кнышу и самъ Кнышъ мирно отпущенъ былъ изъ Сичи «на города». Выѣхавъ изъ Сичи, Якимъ Кнышъ присталъ къ какому-то греческому каравану и вмѣстѣ съ нимъ потерпѣлъ «пригоду» (бѣдствіе) отъ татаръ: у рѣчки Омельника на караванѣ наскочилъ татарскій чамбулъ или разбѣздъ, который разгромилъ купцовъ и вмѣстѣ съ ними плѣнилъ Кныша съ имѣвшимися при немъ листами отъ запорожскихъ козаковъ. Но на ту пору случился въ степи заворожскій ватагъ Максимъ Зацный, который, узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ купеческій караванъ, бросился по слѣдамъ татаръ, настигъ татарскій чамбулъ на Чапчакліи за Бугожь-рѣкой, тамъ всѣхъ «поганцевъ въ трупъ положилъ», десять человекъ языковъ въ полонъ взялъ и межъ ними гетманскаго посланца, Кныша, съ большими при немъ листами нашелъ, котораго немедленно на свободу отпустилъ. Послѣ этого Якимъ Кнышъ прибылъ въ Батуринъ и обо всемъ случившемся съ нимъ гетману Мазепѣ сообщилъ.

Гетманъ Мазепа, ожидавшій отъ запорожцевъ «всякой приязни и послушанія» и вмѣсто того нашедшій «доткливое, ущипливое и вельми досадное отъ нихъ письмо, какихъ не пишутъ не только младшіе старшимъ, но и равные къ равнымъ», не замедлилъ дать имъ на него обстоятельный отвѣтъ. Запорожцы, писавъ Мазепа, упрекають его за то, что онъ не идетъ ни на Крымъ, ни на турецкіе днѣпровскіе городки; но они забываютъ то, что гетманъ безъ монаршескаго указа вовсе не можетъ предпринимать такихъ дѣлъ. Упрекають запорожцы гетмана и за то, что онъ побуждаетъ

¹⁾ Безбашная орда, т. е. безначальная орда; баша — голова, начальникъ.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

ихъ идти на бусурманъ, а самъ не идетъ; но они и тутъ забываютъ то, что всѣ предшественники Мазепы сами подъ непріятельскія земли не ходили, а только до войска низового «уставочно» писывали, приказывая надъ непріятелями военный промыслъ чинить. «Ваши милости, вопреки правды, называете насъ отчимомъ, будто мы не имѣемъ попеченія о цѣлости Украйны и, преподнося намъ такія острыя стусы, сами оказываетесь несправедливыми, когда поступаете такъ, какъ вамъ хочется, а не такъ, какъ монаршескій ихъ царского пресвѣтлого величества повелѣваетъ указъ и какъ указываетъ вамъ наше гетманское наставленіе и совѣтъ: отъ монарховъ и отъ насъ писано вамъ, чтобы вы надъ непріятелями промыслы чинили, а вы снова съ ними перемиріе подтвердили; поступая такъ самовольно сами, вы, однако, насъ злословите и тѣмъ навлекаете на себя то, что кто нибудь и васъ назоветъ пасынками, а не сынами отчины Украйны. Многократно нарекаете на насъ и за то, будто вы прошлой зимой дали намъ знать о непріятельскомъ приходѣ, а мы будто не дали тѣмъ непріятелямъ отпора. Но мы, какъ тогда писали вамъ, такъ и теперь повторяемъ, что ваше извѣстіе о тѣхъ непріятеляхъ пришло къ намъ, въ Батуринъ, во вторникъ, а бусурмане съ нуррединъ-салтаномъ, по наущенію проклятаго измѣнника Петрика, успѣли подойти къ Переволочнѣ на другой день, въ среду; когда же съ войсковыми тяжарами управились и рушились въ пятницу изъ Батурина, непріатели бросились подъ Полтаву и въ тотъ-же день, сломя голову, повернули назадъ... Вы упрекаете насъ и за то, будто мы допускаемъ ходить отважнымъ рыцарямъ изъ городовъ подъ бусурманскія жилища и будто въ прошлое время напрасно трудились подъ Кызыкерменемъ Новицкій и Палій. А особенно сердитесь за то, что бывшій кошевой атаманъ, панъ Оедько, погромилъ съ товариствомъ въ Стрѣлищѣ бусурманъ и побралъ нѣсколько языковъ: вы хотите за это Оедьку отомстить и требуете выдачи его. На это мы отвѣтимъ такъ: не слѣдовало-бы вамъ въ тѣхъ военныхъ поступкахъ учить насъ,—мы и сами, по милости Бога, имѣемъ столько разума, чтобы разобраться въ томъ. А что Новицкій и Палій, бывъ подъ Кызыкерменемъ, важныхъ результатовъ не оказали тамъ, то вѣдь и сами монархи иногда даромъ возвращаются назадъ. Да и ходили-то тѣ названные Новицкій и Палій подъ городъ Кызыкермень не съ тѣмъ, чтобы городъ тотъ добыть, а съ тѣмъ, чтобы страхъ и шкodu непріятелямъ учинить, и вернулись

не напрасно они: запирая неприятелей въ валахъ, они воротились съ языками до насъ. Панъ-же Оедько, бывшій кошевой атаманъ, съ вашими-же низовыми товариществомъ въ поле ходилъ не съ тѣмъ, чтобы на Стрѣлицу хотѣлъ пройти, въ чемъ мы и не поощряли его, а съ тѣмъ, чтобы поближе гдѣ-нибудь настигнуть враговъ, но ни на Бердахъ, ни на Молочныхъ, ни на Тонкихъ, ни на Сивашъ, ни на Каланчакъ не могъ найти языка и потому принужденъ былъ къ Стрѣлицѣ идти, гдѣ помощью Бога, ему и посчастливилось хорошо. Но нехорошо то, что вы за то поганское поражение гнѣваетесь на него. Если васъ тревожить въ этомъ случаѣ то, что вы съ ними, погаными, подтвердили миръ, то Оедько и не зналъ того. Да и то вы знаете, что ваши условія безъ нашего гетманскаго вѣдома состоялись и что мы никакихъ обязательствъ не брали на себя... И такъ за ту невинную вину непригоже выдавать вамъ пана Оедька: дастъ Богъ, съ теченіемъ времени, и самъ оный, панъ Оедько, непременно пріѣдетъ къ вамъ и какъ задушный войска низового товарищъ вашъ, удостоится полной дружбы отъ васъ. А что до вашего упрека въ томъ, что мы не совѣтуемся съ вами о походахъ на военные промыслы противъ бусурманъ, вамъ не объявляемъ о томъ и чрезъ то будто приказуемъ вамъ шкуру чинить, то тутъ самое дѣло оправдываетъ насъ: всякое войско, собираясь противъ неприятеля въ походъ, не разглашаетъ о томъ, а старается внезапно обойти и ударить на него. Такъ и намъ замысла и намѣренія своего въ такихъ дѣлахъ объявлять никому не надлежитъ. Да если-бы мы когда нибудь къ вамъ и написали о томъ, то безъ сомнѣнія изъ Сѣчи-же неприятели и узнали-бы все и не только стали-бы осторожно себя вести, но и приготовились-бы дать отпоръ. Вѣдь вы и сами не захотите скрывать того, что въ Сѣчи есть не мало такихъ людей, которые все, что они только услышатъ на радѣ войсковой, читанное въ листахъ, или слышанное на словахъ, сейчасъ-же передаютъ о томъ въ Кызыбермень. А что до вашихъ обѣщаній и до вашихъ угрозъ, соединившись съ татарами, идти на истребленіе насъ, то мы, какъ всегда рады всякому изъ васъ доброму молодцу, нисколько не испугаемся и тогда, когда кто изъ васъ, желая христіанскаго кровопролитія захочетъ на недоброе дѣло придти. Мы, гетманъ, и все войско родовое, кромѣ того, что носимъ такіа-же сабли при боку, какія всякій воѣвникъ носить при себѣ, и помощью всеильнаго ими обороняемся отъ враговъ, но мы имѣемъ кромѣ того и другую,

сильную и крѣпкую, великихъ государей защиту для себя... Да если-бы вы, овлюбившись, пошли по селамъ и по украинскимъ хуторамъ и произвели разоренія тамъ, то вы привели-бы въ слезы и въ убытки вашихъ отцовъ, братьевъ, сестеръ, дѣтей, тетокъ и другихъ кровныхъ и знаемыхъ своихъ. А если-бы вы еще и церкви, на хвалу Его святаго имени поставленныя, поругивали вездѣ, то какое-же вамъ самимъ отъ того было-бы утѣшеніе и какаѣ была-бы слава? Вы не только всѣми народами были-бы обруганы и срамотною гоньбою обнесены, но и самъ Господь Богъ не далъ бы вамъ жить на свѣтѣ и не оставилъ-бы безъ наказанія вашихъ душъ... Однако, мы думаемъ, что никто изъ васъ, разумныхъ и уважныхъ головъ, не осмѣлится выходить на опустошеніе своей отчины и на терзаніе ей внутренностей; конечно, вы только на словахъ такія неподобныя рѣчи можете плодить; да и не на томъ положило свое основаніе войско ваше запорожскихъ низовыхъ козаковъ, чтобы своей отчины приносить вредъ; а на томъ свило оно свое гнѣздо, чтобы на полѣ и на морѣ бусурманъ воевать и ихъ поганскія жилища разорять, чѣмъ всѣ ваши предки войска запорожскихъ козаковъ стяжали себѣ доброе имя на весь свѣтъ. Наконецъ, если вы, ваша милость, не будете ихъ царского пресвѣтлаго величества указы исполнять и не перестанете насъ вашими пасквилями и ущипливыми языками донимать, то объявляемъ вамъ о томъ, что мы прикажемъ всѣхъ ватажныхъ людей задерживать въ городахъ и ни одного человѣка изъ нихъ до васъ въ Сичь не пускать»¹⁾).

Для того, чтобы сдѣлать извѣстнымъ поведеніе запорожцевъ царямъ, гетманъ Мазепа отправилъ въ Москву своего посланца Якима Кныша и приказалъ ему словесно сообщить думному дяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву обо всемъ, что привелось ему слышать въ Сичи. На бумагѣ онъ, гетманъ, тѣхъ запорожскихъ рѣчей не писалъ потому, что «вслѣдствіе своего безумія и невѣжества и вслѣдствіе своего развращеннаго поведенія, запорожскіе козаки произносили не только на гетмана, но и на силы царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ многія дерзостныя пререканія и хульныя нареченія и будутъ такъ хулить до тѣхъ поръ, пока у нихъ будетъ на атаманствѣ Семень Рубанъ, настоящій ихъ кошевой». Этотъ кошевой, задержавъ гетманскаго толмача, обез-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, № 10, № 936—921.

дестили и изувѣчили его, билъ обухомъ его по головѣ. Какъ послѣ всего этого поступать «съ бусловымъ, самовольнымъ и злоумышленнымъ» войскомъ запорожскихъ козаковъ? Забывъ страхъ божій, запорожскіе своевольники напали на греческихъ кушцовъ, главнѣйшихъ изъ Нѣжина черезъ Запорожье въ турецкіе города, и тогда гетманъ представилъ атаману требованіе отыскать пограбленный козаками товаръ, то кошевой отказалъ ему въ томъ, давъ такой отвѣтъ, что такого товара онъ вовсе не можетъ отыскать ¹⁾

Вручая думскому дьяку Украинцеву гетманскій листъ, Якимъ Кнышъ отъ себя о запорожцахъ и ихъ замыслахъ сообщилъ, что по возвращеніи изъ Венгріи въ Крымъ хана и татаръ, запорожцы ищють намѣреніе непременно заключить съ ними миръ и идти со-бща съ бусурманами на великороссійскіе города ²⁾.

Извѣстію, присланному Мазею, придали въ Москвѣ весьма серьезное значеніе, и потому рѣшили взять противъ запорожцевъ крайнія мѣры: посланы были приказы воеводамъ бѣлгородскому Борису Петровичу Шереметеву и сѣвскому князю Петру Лукичу Львову быть готовыми къ воинскому походу съ конными и пѣшими войсками и, по первому требованію гетмана, идти «безъ мотчанія» къ отпору непріятелей, крымскихъ татаръ и запорожскихъ козаковъ, чинить надъ ними промыслъ, сколько поможетъ Богъ. Самому гетману послана была царская грамота съ извѣстіемъ, что въ его распоряженіе даны воеводы Шереметевъ и Львовъ съ наказомъ провѣдать о зломъ намѣреніи запорожскихъ козаковъ и всѣми мѣрами стараться отводить ихъ отъ того. «А что запорожцы гово-

¹⁾ Велічко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 165, 166.

²⁾ Не смотря на возникшія между гетманомъ и запорожцами недоразумѣнія, въ это же время, а именно августа 15 числа, московскій патріархъ Адрианъ послалъ грамоту гетману Мазею съ просьбой о выкупѣ изъ татарскаго полона двухъ боярскихъ дѣтей, Прокопія и Харитона Шишигиныхъ, жителей приморскаго города Ваги, взятыхъ крымскимъ ханомъ гдѣ-то въ полонъ. Патріархъ просилъ гетмана, во имя любви Христовой и исполненія заповѣди Господней, послать кого-нибудь въ Запорожье къ кошевому атаману съ письмомъ, чтобы атаманъ отправилъ охочихъ людей въ Крымъ, за Перевои, которые могли-бы тамъ двухъ названныхъ полоняниковъ отыскать и на откупъ ихъ взять, если они найдутся въ живыхъ; если-же умерли, извѣстить о томъ въ Москву. Патріархъ писалъ, что деньги на откупъ полоняниковъ будутъ высланы немедленно, а выѣстъ съ тѣмъ будетъ выданъ и должное вознагражденіе запорожскимъ козакамъ за хожденіе въ Крымъ. Велічко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 167.

рили на радѣ непристойныя слова и писали къ тебѣ, подданному нашему, въ листу своемъ съ Кнышомъ невѣжество, о томъ мы, великіе государи, нашей царского величества грамоты посылать къ нимъ не указали, потому что послана къ нимъ недавно наша царского величества грамота, съ которой посланъ къ тебѣ, нашему подданному, чрезъ войскового канцеляриста Михайла Забѣлу, августа 29 дни, списокъ и о посылкѣ той грамоты нашей на Запорожье, буде доведется, велѣно тебѣ, подданному нашему, учинить по своему разсмотрѣнію. И если та грамота наша будетъ къ нимъ послана и они ничѣмъ не отзовутся на нее, то тогда и будетъ учиненъ нашъ указъ. А что они писали тебѣ о присылкѣ волоховъ и бусурманъ, которыхъ взялъ Ѳеодоръ Степановъ ¹⁾ съ товарищами, для размѣна на нихъ запорожскихъ козаковъ, взятыхъ на соляной добычѣ, то мы, великіе государи, указали на этотъ счетъ пообождать въ виду того, что запорожцы сами послали въ Крымъ, для освобожденія тѣхъ козаковъ, посланцевъ, козака куреня щербиновского да толмача Андрея, и велѣли посланцамъ говорить передъ татарами, что Ѳеодоръ ходилъ изъ городовъ, а не изъ Запорожья, и что тѣ козаки взяты на добычѣ обманомъ. И если запорожскимъ посланнымъ въ Крыму откажутъ и взятыхъ козаковъ безъ размѣна не освободятъ, и запорожцы снова начнутъ просить о присылкѣ къ нимъ взятыхъ Ѳеодоромъ волоховъ и бусурманъ, то тебѣ-бъ, подданному нашему, по своему разсмотрѣнію учинить и о томъ вамъ, великимъ государямъ, отписать; главное, на что тебѣ въ этомъ дѣлѣ надо смотрѣть, это то, чтобы не повадить запорожцевъ, не опечалить городовыхъ и полевыхъ воинскихъ промышленниковъ и не опорочить мужества и храбрости ихъ ²⁾.

Вѣсть о посылкѣ въ Москву Якима Кныша скоро дошла въ Кошъ, а слухи о рѣшительныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ Московью, заставили запорожцевъ вновь обратиться съ письмомъ къ Мазепѣ. Сентября 11 дня они написали длинное письмо гетману и поспѣшили отправить его съ нарочнымъ козакомъ.

Въ этомъ письмѣ запорожцы писали, что напрасно гетманъ, ссылаясь на всѣ прежніе отвѣты къ нему войсковаго Коша, находить, будто козаки нанесли ему большое оскорбленіе и тѣмъ самымъ стали во враждебное и непріязненное къ нему отношеніе: руково-

¹⁾ То-есть бывший кошевой атаманъ Ѳедько.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

дѣлъ одною истинною, козаки на такое обвиненіе отвѣчаютъ, что если они такъ и поступили, то имѣли на то полное основаніе; они хорошо знаютъ, что дерзко перечить и неприлично отвѣчать своему начальнику—противно Богу и сдѣлали такъ вслѣдствіе униженія со стороны самого-же гетмана ихъ чести и славы и вслѣдствіе порицанія имъ всего запорожскаго низового войска. Однако, измѣны въ томъ съ ихъ стороны никакой не было: они какъ служили своимъ монархамъ и какъ оказывали повинновеніе гетману, такъ вѣрно и теперь служатъ и повинуются, но ни отъ монарховъ, ни отъ гетмана не имѣютъ никакого вниманія и никакого призрѣнія. Если же гетманъ и недоволенъ на запорожцевъ, то недоволенъ за то, что они возбуждали его къ войнѣ противъ бусурманъ, и въ этомъ съ ихъ стороны не могло быть ничего дурного; напротивъ, чрезъ то могла быть лишь одна «вѣкопомная» слава, какъ запорожскому войску, такъ и самому гетману. На единодушное желаніе войска войны съ бусурманами, гетманъ пишетъ, чтобы войско не учило его и не возбуждало къ военному промыслу, а раньше того много разъ писалъ запорожцамъ, называя ихъ и самого себя сынами единоутробной матери восточной католической церкви, купленными кровію Сына Божія, и настаивалъ, чтобы они, живя во благѣ и послушаніи, не склонялись ни на какія бусурманскія льстивыя обѣщанія и ни на одинъ часъ ни въ чемъ не вѣрили имъ. И запорожцы, помня страхъ божій и гетманское назиданіе, соблюдали постоянство, за которое не слѣдовало бы называть ихъ пасынками украинской отчины. Изъ устъ гетмана запорожцы слышатъ и благословеніе и проклятіе: благословляя, гетманъ называетъ ихъ сынами единоутробной матери восточной церкви; проклиная, называетъ ихъ вмѣсто истинныхъ сыновъ, пасынками и тѣмъ самымъ заставляетъ козаковъ искать себѣ такого отца, который не называлъ-бы ихъ пасынками. Теперь гетманъ, отказывая запорожцамъ въ помощи, требуетъ отъ нихъ военного промысла надъ непріятелями, и запорожцы всегда готовы стараться для военного промысла и славнаго дѣла, но сами они, при своемъ безсиліи, не могутъ вполнѣ показать своего рыцарства и заслужить милости монаршей и вниманія своего рейментаря. Впрочемъ, при всемъ томъ, они и теперь находятся далеко не въ бездѣйствіи: добрые молодцы изъ запорожскаго товариства, зная всѣ пути рыцарскаго дѣла, съ полной отвагой, на полъ и на моръ шкуютъ надъ бусурманами, владутъ ихъ подъ свои ноги и доставляютъ живыхъ языковъ гет-

манской вельможности и великимъ государямъ. А что до упрека гетмана за перемиріе, заключенное запорожцами съ бусурманами и требованіе его разорвать это перемиріе и расправляться мечемъ съ татарами, то это перемиріе полезно и самому гетману и запорожскому войску: гетманъ чрезъ то часто узнаётъ «авизимъ» о непріятельскихъ замыслахъ; запорожцы чрезъ то получаютъ хлѣбъ, соль и всякаго рода изобилія. Довольствоваться тѣмъ, что получаетъ войско отъ гетмана и отъ великихъ государей рѣшительно невозможно: по дувану (раздѣлу) на каждый курень приходится по шести бочекъ муки, присылаемой въ Запорожье съ гетманской ласки, да по два алтына (иногда съ небольшимъ) денегъ и по одному аршину сукна на человѣка, присылаемыхъ съ милости монаршей. Если войско будетъ надѣяться на такое жалованье и не имѣть другаго промысла, то можно-ли ему довольствоваться имъ въ теченіи долгаго времени? Ей-ей, во вѣки нельзя! Оттого запорожцы могутъ жить, только сами о себѣ стараясь. Состоя въ перемиріи съ бусурманами, они все-таки не оставляютъ своихъ рыцарскихъ дѣлъ, дѣлаютъ на нихъ изъ своего славетнаго гнѣзда, Сичи, постоянные набѣги и впредь о томъ-же будутъ стараться. Въ такомъ случаѣ враждовать и гнѣваться на запорожское войско нѣтъ никакого основанія. Самъ гетманъ, извѣстный своею скрытностью, тайно отъ запорожскаго войска посылалъ въ Прогнои, ради непріятельскихъ языковъ, бывшаго кошевого Федыко, и тотъ Федыко принесъ большой вредъ войску: онъ захватилъ въ полонъ нѣсколько человѣкъ бусурманъ, а бусурмане забрали около 70 человѣкъ запорожскаго товариства. Наконецъ, что касается упрека со стороны гетмана кошевому Семену Рубану, по побужденію котораго будто-бы написаны всѣ укорительныя письма гетману и который будто-бы дерзнулъ коснуться гетманскаго гонора гнилыми словами, то на это все войско отвѣчаетъ, что содержаніе всякаго письма большею частью, зависитъ не отъ кошевого, а отъ всей войсковой рады: что войско прикажетъ написать въ письмѣ, того ни панъ кошевой, ни писарь, безъ разрѣшенія войска, переменить не могутъ. Всѣ докорливыя рѣчи, которыя дошли до гетмана, писаны съ порады войска и вызваны были его непріязнью къ запорожцамъ. Какъ поступаетъ гетманъ, такъ дѣлаютъ его дозорца Иванъ Рутковскій и сборщики «мостовой» платы у Переволочны: Рутковскій присылаетъ запорожцамъ муку въ смоляныхъ и дегтярныхъ бочкахъ, а сборщики удерживаютъ у перевоза малорос-

сіянь, идущихъ въ Сичь съ различными харчами, и большіе съ нихъ взимають поборы. Такъ какъ этого раньше никогда не было, то запорожцы просятъ гетмана того дозорцу отъ должности отставить, а «индуктовыя сдирцы» разъ навсегда прекратить¹⁾.

Высказавши Мазепѣ все, что было на душѣ, запорожцы сдѣлались нѣсколько уступчивѣе, въ отношеніи гетмана, а гетманъ въ свою очередь сталъ нѣсколько внимательнѣе въ отношеніи запорожцевъ. Въ Москвѣ также отнеслись къ запорожцамъ благосклонно и нашли нужнымъ послать имъ подарокъ сто половинокъ шитуховыхъ суконъ; въ это-же время приказано было послать подарокъ въ 30 рублей и бывшему кошевому атаману Федору за его царскому величеству вѣрную службу.

Съ царскимъ подаркомъ посланъ былъ подъячій Лука Хлопенскій. Выѣхавъ изъ Москвы въ начальныхъ числахъ сентября, подъячій прибылъ въ городъ Батуринъ и тамъ вручилъ сукна гетману Мазепѣ, а самъ вернулся въ Москву. Въ Батуринѣ, при осмотрѣ пожалованныхъ суконъ, оказалось, что три половинки ихъ были запачканы дегтемъ. Гетманъ, узнавъ о томъ, сильно обеспокоился этимъ обстоятельствомъ, но все таки нашелъ нужнымъ отправить пѣликомъ царскій подарокъ запорожскому войску и препоручилъ исполнить это дѣло одному изъ самыхъ хитрѣйшихъ людей своего регимента, козаку Сидору Горбаченку. Горбаченко, выѣхавъ изъ Батурина и добравшись до Запорожья, остановился въ семи миляхъ отъ Сичи и оттуда послалъ о себѣ извѣстіе кошевому атаману Семену Рубану. Кошевой атаманъ Семень Рубанъ, по полученіи извѣстія о прибытіи гетманскаго гонца, собралъ большую войсковую раду и для устранения могущихъ произойти между казаками беспорядковъ отдалъ приказаніе по всѣмъ куренямъ запечатать всѣ шинки со спиртными напѣтками. Прибывъ въ запорожскую Сичь, Сидоръ Горбаченко явился прямо въ раду, собранную, по обыкновенію, на главной площади, въ виду сичевой церкви. Помолясь на церковь и поклонившись на всѣ четыре стороны честному товариству, Сидоръ Горбаченко вручилъ кошевому гетманскій листъ и просилъ «выčiti» его на радѣ. Кошевой атаманъ, взявъ въ руки тотъ листъ, передалъ войсковому писарю, и писарь вычиталъ его передъ всѣмъ товариствомъ. Козаки выслушали весь листъ до конца, благодарили великихъ государей за присланный подарокъ; осмотрѣли

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 170—176.

подарки и нашли, что раньше того никогда отъ царей не было присылаемо такого хорошаго сукна. Но писарь и судья, замѣтивъ три половинки сукна запачканными дегтемъ, поспѣшили спрятать ихъ подъ спудъ и объявили козакамъ, чтобы они расходились по своимъ куренямъ, потому что сукна и безъ ихъ присутствія будутъ приняты всѣ сполна ¹⁾).

Октября 23 числа гетманъ Мазепа извѣщалъ черезъ почту государей о добромъ расположеніи къ нему запорожскихъ козаковъ и о томъ, что они вновь выступили врагами бусурманъ. Тагъ, въ это время бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой разбилъ турокъ, находившихся въ Кызыкерменѣ, и взялъ нѣсколько чловѣкъ изъ нихъ въ полонъ; запорожцы черезъ гетмана просили государей о дозволеніи разнѣна плѣнныхъ козаковъ на плѣнныхъ бусурманъ ²⁾). Одновременно съ Лихопоемъ дѣйствовалъ противъ татаръ и бывшій кошевой атаманъ Федько, передъ этимъ бывшій челомъ великимъ государямъ за «пребогатую монаршескую милость» и обѣщавшійся за то вѣрно служить царскому престолу. Федько посланъ былъ самимъ гетманомъ съ отрядомъ козаковъ «подъ непріятельскія жилища для добытія татарскаго языка и для провѣданія о намѣреніяхъ и замыслахъ непріятельскихъ». Въслѣдствіе большихъ снѣговъ и крѣпкихъ морозовъ Федько долго, однако, не подавалъ о себѣ никакихъ извѣстій, но потомъ одна часть его товарищества вернулась въ города, а другая, вмѣстѣ съ самимъ Федькомъ, осталась у устья рѣки Днѣпра, близъ непріятельскихъ жилищъ «для чиненія дальнѣйшихъ поисковъ о языкѣ» ³⁾).

Но гетмана заботила въ это время кромѣ Запорожья еще и сама Малороссія. Въ Малороссіи въ то время всѣхъ занималъ такъ называемый арендный вопросъ. Какъ извѣстно, гетманъ Мазепа отменилъ «оранду», въ видѣ временной мѣры, лишь на одинъ годъ. По истеченіи года онъ собралъ въ Батуринѣ старшинъ и когда выяснилось, что сборъ денегъ съ торговъ и шинковъ принесъ гораздо меньше доходовъ, нежели прежде, то гетманъ поставилъ вопросъ, какъ быть въ этомъ случаѣ. На такой запросъ генеральная старшина отвѣчала такъ, что выгоднѣе и менѣе для населенія разорительна аренда, нежели пошлина. Тогда

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 95, № 67.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 95, № 77.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 221.

гетманъ напомнилъ старшинѣ, что такое рѣшеніе вопроса снова вызоветъ неудовольствіе со стороны запорожскихъ козаковъ. Но на это гетману отвѣтили тѣмъ, что запорожцамъ до того никакого дѣла нѣтъ, да и къ тому-жъ они и у себя допускаютъ такую-же «оранду», какая существуетъ въ городахъ: отъ всякой кувфы или бочки наличнаго количества вина они отбираютъ цѣлую треть на старшину и на куренныхъ атамановъ, а остальное велятъ продавать по установленной войскомъ цѣнѣ. Но Мазепа, не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, отобралъ мнѣнія на этотъ счетъ и отъ простыхъ людей, и когда большинство и здѣсь подало свои голоса за «оранду», тогда гетманъ обратился за утвержденіемъ таковаго рѣшенія въ Москву ¹⁾.

Тѣмъ временемъ вѣсть о сношеніяхъ гетмана съ Запорожьемъ скоро дошла въ Крымъ и была принята тамъ какъ дурной для татаръ знакъ. Въслѣдствіе этого въ началѣ января 1694 года кымыкменскій бей написалъ кошевому атаману Семену Рубану письмо съ увѣреніемъ добрыхъ чувствъ къ запорожскому войску товариству и съ просьбой о присылкѣ въ Кымыкмень плѣнныхъ татаръ.

Что отвѣтилъ на то бейу кошевой — незвѣстно. Но того-же января 24 дня Семень Рубанъ послалъ благодарственное письмо Мазепѣ за присылку въ новоосоруженную «въ цѣломъ деисусѣ иконнымъ изображеніемъ» въ сичевую церковь св. Покрова жертвенника, воздуха и свѣтильниковъ для престола; извѣщалъ о посылкѣ къ гетману четырехъ плѣнныхъ турокъ и о возвращеніи въ Крымъ изъ Бѣлогородчины хана «подъ часъ рождественскихъ святъ» ²⁾.

Но едва прошло послѣ этого нѣсколько дней, какъ въ Сичи вновь началось броженіе среди козаковъ. Въ это время кошевой атаманъ получилъ обширный листъ отъ бѣглеца Петрика съ новымъ приглашеніемъ идти на борьбу съ Москвою. Съ полученіемъ письма Петрика въ Запорожьи опять поднялся споръ: одни хотѣли идти за Петрикомъ, другіе отказывались отъ того. Всѣхъ больше тянули къ Петрику временно проживавшіе въ Сичѣ ватажные промышленники, пришедшіе туда изъ малороссійскихъ городовъ: «это такіе люди, что, живучи на Украинѣ, не смѣютъ языка

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 215.

²⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, 1694, св. 96, № 1; подл. акты, св. 10. № 964 — 979.

раскрыть тамъ, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и рассказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелесть спьяна, а иной хоть не пьеть, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самихъ монарховъ съ желчью слова говоритъ»¹⁾.

Гетманъ зорко слѣдилъ за настроеніемъ запорожскихъ козаковъ и обо всемъ происходившемъ у нихъ получалъ точныя свѣдѣнія черезъ тайныхъ агентовъ своихъ, находившихся въ самой Сичи. Мазепѣ то доносили, что запорожцы стали на мирную ногу въ отношеніи бусурманъ²⁾; то сообщали, что козаки, познавъ бусурманскую неправду, постановили розмириться съ ними и даже задержали у себя двухъ турчиновъ и нѣсколько человекъ татаръ, выхавшихъ изъ Крыма на Украину съ козакомъ Петромъ Вербецкимъ, съ цѣлью отыскать своихъ плѣнныхъ сыновей и обвинять ихъ на плѣнныхъ христіанъ³⁾. И точно, апрѣля 13 числа кошевой атаманъ Семень Рубанъ доносилъ гетману о сраженіи запорожцевъ подъ Кызыкерменемъ и о взятіи козакомъ Максимомъ Сергѣенкомъ нѣсколькихъ татаръ въ неволю. Однако, спустя десять дней послѣ этого, самъ гетманъ Мазепа писалъ въ Москву, что къ нему прибылъ изъ запорожской Сичи въ городъ Батурино «певный» козакъ, который для того и находился въ Сичѣ, чтобы, довѣдавшись основательно о всякомъ намѣреніи запорожцевъ, о томъ гетману давать знать. Теперь этотъ козакъ, жившійся съ вѣстями, сказывалъ, что кошевой атаманъ Семень Рубанъ и все запорожское войско принимали у себя ханскаго послаца, возобновили и подтвердили прошлое, бывшее въ Каменномъ-Затонѣ, перемиріе съ ханомъ; передавалъ, будто ханъ вновь имѣеть подняться со своими ордами въ предстоящее лѣто на Украину, полагаясь не столько на свою саблю и военные промыслы, сколько на «обманчивыя прелести», которыми обнадуживаетъ его проклятый врагъ Петригъ⁴⁾.

И дѣйствительно запорожцы, смущенные предложеніемъ Петрика, все еще продолжали волноваться и никакъ не могли въ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 69, л. 268.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; подл. мал. аеты, №№ 971—986, 974—989, 976—991.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; мал. дѣла, св. 10, № 995—930.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 240.

цѣлой массѣ отказаться отъ его химеръ, а потому дѣлились на партіи и вели между собой ожесточенный споръ. Самые благомыслящіе изъ нихъ хотѣли, во чтобы то ни стало, похода на Крымъ, но не находили поддержки въ томъ, ни отъ гетмана, ни отъ царей. Что такое козакъ безъ войны? Тоже что писарь безъ правой руки: безъ войны онъ и нагъ, безъ войны онъ и голоденъ. Козану воевать съ бусурманами, по выраженію стараго малороссійскаго лѣтописца, что соловью пѣть. Для того козакъ и родился на свѣтъ, для того онъ и живетъ. Имѣя существенную и настоящую необходимость въ войнѣ съ бусурманами, запорожцы рѣшили вновь обратиться съ просьбой о томъ въ Москву.

Апрѣля 30 числа кошевой атаманъ Семень Рубанъ, войсковой судья Андрей Кондратьевъ, войсковой писарь Созонтъ Грабовскій и войсковой асаулъ Петръ Іеремьевъ со всѣмъ запорожскимъ низовымъ войскомъ написали письмо «пресвѣтлѣйшимъ, державнѣйшимъ государямъ, благочестивымъ христоименитымъ помазанникамъ» и отправили его съ значнымъ козакомъ Максимомъ въ Москву. Въ этомъ письмѣ было сказано, что запорожцы: «обуздавъ свое свободное невѣжество премилостивыми словами высокопозажной и похвальной монаршей грамоты,» разорвали миръ съ бусурманами, и теперь готовы явить монархамъ должное радѣніе, идти путемъ своихъ предковъ, съ давнихъ поръ по-рыцарски дѣйствовавшихъ, за имя божіе и за достоинство престола отцовъ и праотцовъ царскаго величества надъ бусурманами промышлявшихъ. Однако, не имѣя собственныхъ силъ столько, чтобы «въ конецъ богомерзкихъ агарягъ поганскія жилища разорить,» кошевой и все войско просятъ великихъ государей очистить закрытый и запорожскимъ, и малороссійскимъ, и великороссійскимъ войскамъ, путь внизъ по Днѣпру и спести съ «сатанинскаго основанія» турецкій городъ Кызыкермень съ околичными его селеніями надъ рѣкою Днѣпромъ... Кроме того, все запорожское низовое войско «сумнительно о непространной и зѣло стѣснительной его милости ясновельможнаго гетмана свободѣ:» въ своихъ «управахъ рейментарскихъ» въ отношеніи воинскихъ промысловъ гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа не такъ свободенъ, какъ его предшественники, и не можетъ самъ лично, безъ царскаго указа, съ войсками противъ бусурманъ подниматься. И это у всѣхъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ къ великому удивленію служить; войску-же запорожскому и всему малороссійскому народу, вслѣдствіе несвободнаго въ областяхъ

царскаго величества гетманскаго жительство, наносится нареканіе. Тогда и войско запорожское, и народъ малороссійскій, и люди великороссійскіе получили-бы чрезъ свободныя дѣйствія гетмана «отраду и триумфъ веселый». Да и бусурмане не имѣли бы на запорожцевъ поднимать меча своего. А теперь, едва запорожское войско успѣло съ бусурманами миръ порвать, какъ они въ ночь на 23 апрѣля, съ воскресенья на понедѣльникъ, на святого великомученика Георгія Побѣдоносца, ворвались подъ самую Сичь, и хотя людямъ принесли небольшой вредъ, зато угнали у нихъ большія стада коней. Запорожцы, собравшись въ малой «чадѣ», учинили за тѣми бусурманами погоню и на рѣкѣ Ингульцѣ, неподалеку отъ поганскаго жилища Кызыкерменя, всю свою утрату отгромили и даже двухъ крымскихъ татаръ въ половъ взяли, которыхъ вмѣстѣ, «съ рыцарскимъ человѣкомъ» Максимомъ и бывшимъ при немъ товариствомъ, «что въ плѣнъ татаръ гонило,» въ городъ Москву отослали. «Окажите вашу милость, благочестивые цари, нашему товариству, вашимъ подданнымъ, и не откажите имъ даръ подати. А они, какъ раньше, такъ и впредь, не перестанутъ съ нами, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, усердно всякую въ воинскихъ и во всѣхъ вѣрностяхъ службу исполнять. Съ слѣдъ же за подаваніемъ нашей челобитной грамоты повелите, ваше царское пресвѣтлое величество, безотлагательно вельможному его милости, пану Іоанну Стефановичу Мазепѣ, обѣихъ сторонъ Дѣпра гетману, при силахъ вашихъ монаршескихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, подъ Кызыкермень, со всѣмъ для войны необходимымъ, на ниспроверженіе оного жилища бусурманскаго, простовати. Если-же повелѣнемъ васъ, благочестивыхъ монарховъ нашихъ, отъ того вельможный панъ гетманъ будетъ удержанъ и если ему на благое и всему христіанству положительное и хвалебное, а на бусурманъ губительное дѣло, не будетъ указа, то мы единодушно желаемъ, чтобы, по премошному и премилостивому монаршему указу, вельможный его милость панъ гетманъ вмѣсто себя наказнаго отъ боку своего, съ войсками, городовымъ и охочимъ, ради воинскаго промысла и ради сокрушенія поганскаго жилища и Кызыкерменя, со всѣмъ необходимымъ отправилъ, съ каковымъ войскомъ и мы соединившись за благое дѣло, сколько намъ Господь Богъ помощи подастъ, возстанемъ» ¹⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694, св. 10, № 1000—985.

Молодому русскому царю Петру Алексѣевичу вполнѣ по душѣ была просьба запорожскихъ козаковъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ прежней политики мысль завладѣть берегами Чернаго моря, болѣе выгоднаго для Россіи, чѣмъ холодное и мертвое Бѣлое море, и эту мысль онъ хотѣлъ привести въ исполненіе. Но прошлое показало, что кромѣ сильной арміи къ тому нужны еще разныя прикладныя знанія. И царь усердно подготавлился къ тому, хотя приведеніе въ исполненіе своей мысли откладывалъ на будущее.

Неизвѣстно, что отвѣтилъ царь Кошу на его письмо, можно лишь догадываться, что отвѣтъ былъ если не вполнѣ, то все-же благоприятный для запорожскихъ козаковъ, что даетъ поводъ думать дальнѣйшее поведеніе ихъ.

Когда «рыцарскій человекъ» Максимъ вернулся изъ Москвы въ Запорожье, въ Сичи нѣкоторое время еще продолжались раздоры по поводу предложенія Петрика и крымскаго хана, но съ выборомъ новаго кошевого атамана Ивана Шарпила противники Петрика и хана взяли верхъ надъ остальными¹⁾. Тогда въ концѣ мѣсяца іюня запорожская ватага, предводимая Климомъ Цюцюренкою, имѣла схватку на рѣкѣ Днѣпрѣ съ татарами²⁾. Въ слѣдъ затѣмъ другая, въ 400 человекъ, запорожская ватага, жалѣя о своей братіи, взятой азовцами на рѣчкахъ Бердахъ и Молочной, предводимая ватагомъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, отомстила «ветъ за ветъ» бусурманамъ: она прокралась по Днѣпру и по рѣчкѣ Конкѣ, мимо турецкой крѣпости Асламгерменя, вышла изъ Очаковскаго лимана, пристала у береговъ Крыма, вышла изъ лодокъ на сушу, сожгла и обратила въ прахъ нѣсколько десятковъ ханскихъ селеній и «изобильно источивъ кровь, много бусурманъ въ трупъ положила», до тысячи человекъ взяла въ плѣнъ азовцевъ, дѣтей, мужчинъ и женщинъ; до тысячи человекъ освободила изъ плѣна русскихъ и потомъ потопивши въ какомъ-то мѣстѣ всѣ свои челны, повернула сухопутьемъ до того мѣста, гдѣ, по условію, ее ждало конное войско низового товариства, и такъ благополучно пришла въ запорожскую Сичу. Изъ Сичи 400 человекъ запорожскихъ козаковъ съ 75 плѣнниками татаръ, предводимые ватагомъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, отправились въ городъ Бату-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 69, л. 810.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты 1694, св. 10, № 1006—991.

рингъ съ цѣлю испросить у гетмана Мазепы разрѣшеніе о проѣздѣ въ Москву къ великимъ государямъ съ тѣмъ, «чтобы великіе государи подавъ охоту войску низовому къ воинскимъ промысламъ, всѣхъ посланныхъ принявъ, своимъ государскимъ множайшимъ жалованьемъ милостиво удовольствовались». Гетманъ Мазепа, изумленный прїѣздомъ огромной запорожской ватаги, сталъ было ссылаться на царскій указъ о запрещеніи пускать въ Москву въ большомъ числѣ запорожскія депутаціи, «стыдилъ и отговаривалъ въ такихъ купакъ къ государямъ не ходить», самый-же ясырь совѣтовалъ оставлять въ Сичи и брать окупъ за него отъ родныхъ самихъ-же плѣнныхъ. Но на всѣ тѣ доводы запорожцы возражали гетману тѣмъ, что они для того и здоровье свое тратили, и въ крымскіе юрты «водою впадали», и села невѣрныхъ пустошили, и нѣскольکو сотъ христіанъ изъ бусурманскаго полона на волю освободили, и непріятельскій ясырь мужскаго и женскаго пола «загорнули» — все это съ тою цѣлю дѣлали, чтобы великимъ государямъ добыть славу, а себѣ отъ нихъ получить награду. А что до удержанія ясыря въ самой Сичѣ, то они на этотъ счетъ съ кошевымъ своимъ разговоръ уже имѣли, но какъ для окупа нужно заключить съ бусурманами временное перемиріе, то атаманъ отказалъ въ томъ просителямъ. Когда-же гетманъ, не смотря на такіе доводы, не хотѣлъ отпустить въ столицу больше ста человекъ депутатовъ, то козаки рѣшили лучше совсѣмъ вернуться съ ясыремъ въ Сичу, нежели въ такомъ маломъ количествѣ ѣхать къ государямъ. Послѣ этого Мазепа принужденъ былъ сдѣлать уступку и изъ четырехъ сотъ двумстамъ позволилъ ѣхать въ Москву, а двумстамъ велѣлъ остаться на Украинѣ, но испрашивалъ милости у государей какъ для тѣхъ, которые поѣхали въ Москву, такъ и для тѣхъ, которые оставлены были въ Гадячѣ, «хотя-бы по одному портищу сукна, дабы сіи (послѣдніе) преевысокое монаршее имя ровно прославляли и о многолѣтнемъ великихъ государей царствованіи Господа Бога молили и впредь на вѣрныя царскаго пресвѣтлаго величества службы забирались» ¹⁾).

И великіе государи смиловались и приказали выдать 196 козакамъ, оставленнымъ при гетманѣ, по аглинскому сукну, мѣрою въ 5 аршинъ; но зато велѣли объявить имъ, «что впредь ихъ братьѣ, запорожцамъ, та дача не въ образецъ, и буде которые

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694, св. 10, № 1007—992; 1696, св. 10, № 30.

въ тѣхъ малороссійскихъ городахъ изъ такихъ-же ватагъ оставаться учнуть, тѣмъ жалованья великихъ государей въ присылкѣ изъ Москвы не будетъ» ¹⁾).

Какъ-бы то ни было, но дѣйствія запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ приобрѣли симпатію и среди москвичей и сдѣлалась извѣстна патріарху всероссійскихъ церквей Адріану: патріархъ Адріанъ за мужественный подвигъ козаковъ освобожденія изъ турецкой неволи православныхъ христіанъ послалъ имъ благодарственную грамоту на текстъ: «благодаренія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ» ²⁾).

Мужество запорожцевъ тѣмъ громче прославлялось въ Москвѣ, что самъ Мазепа, высланшій въ это время по царскому повелѣнію, свои полки въ дикія поля для защиты русскихъ промышленниковъ противъ бусурманъ, никакого въ томъ успѣха не имѣлъ. Для той цѣли гетманъ отправилъ полтавскій, гадячскій, пѣхотный жужуловскій полки и конную Ростовскаго компанію и приказалъ имъ идти къ рѣчкамъ Калміусу и Бердамъ и дѣлать тамъ наваденіе на азовскихъ бусурманъ. А чтобы имѣть вѣрный въ томъ успѣхъ, гетманъ велѣлъ пустить рыбныхъ и соляныхъ промышленниковъ впереди полковъ, самимъ-же полкамъ скрыться у береговъ названныхъ рѣкъ «въ приличныхъ мѣстахъ». Когда-же жители Азова выйдутъ противъ русскихъ промышленныхъ людей, тогда полки «должны возмездіе имъ за нашихъ людей воздать». Но начальники посланныхъ полковъ должны были дѣйствовать не одни, а вмѣстѣ съ войскомъ запорожскихъ козаковъ, и если-бы имъ не случилось надъ тѣми азовцами промысла учинить, то они, соединясь съ войскомъ тѣхъ-же запорожскихъ козаковъ, должны идти подъ крымскія жилища бусурманъ и тамъ поиски надъ неприятелемъ чинить. По такому гетманскому приказу собрались 10.000 «добрыхъ людей», которые, двинувшись въ путь, перешли рѣчки Орель и Самарь и уже «притянули было до Вовчей рѣки». Но тутъ «непостоянная и дерзостная чернь», не уважая ни имени царей, ни непонимая собственной пользы своей, стала толпами возвращаться назадъ, отговариваясь тѣмъ, что ей неудобно ради военныхъ промысловъ ходить въ такія далекія мѣста, потому что дома у нея наступили жатвенныя и сѣнокосныя работы въ по-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 10, № 80.

²⁾ Величко, Лѣтопись, III, 248; Архивъ мин. юстиціи, кн. 69, л. 560.

ляхъ, и если она пропуститъ это дорогое для себя время, то въ такомъ случаѣ дойдетъ до полной нищеты. Оттого вся эта толпа дальше названныхъ мѣстъ не пошла. Тогда полковники всѣхъ названныхъ полковъ, увидѣвши въ той черни несклонность къ войнѣ, ничего другого дѣлать не нашли, какъ стать обозомъ у Орелирѣки, а для приведенія въ исполненіе гетманскаго приказа, отправить къ дикія поля, съ конною компаніей и съ выборнымъ товариществомъ всѣхъ полковъ, бывшаго кошевого атамана Федыка съ наказомъ ему обѣжать полевые шляхи и, гдѣ случится на непріятеля напасть, чинить промыслъ надъ ними ¹⁾.

О такомъ положеніи дѣлъ гетманъ самъ донесъ въ Москву. На запорожцевъ онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ роптать и показывать полное довѣріе къ нимъ. Такъ, около этого времени изъ Москвы на имя гетмана послана была грамота для передачи ея въ Сичь съ приказаніемъ Кошу отпустить въ «надлежащій путь» царскаго толмача и крымскаго гонца. Но гетманъ, въ виду того, что къ нему донеслась вѣсть о добромъ намѣреніи запорожцевъ мирно и безъ замедленія отпустить обоихъ посланцевъ, напелъ нужнымъ царскую грамоту удержать у себя и послать ее въ Кошъ только тогда, если-бы запорожцы вздумали почему-либо задержать у себя обоихъ гонцовъ ²⁾.

Но запорожцы думали теперь о другомъ, и поощряемые удачнымъ походомъ собственныхъ ватажанъ противъ азовскихъ людей, снова поднялись противъ бусурманъ. На этотъ разъ ими руководилъ Иванъ Шарпило, то-есть самъ кошевой атаманъ. Соединившись съ отрядомъ донскихъ казаковъ, Шарпило вышелъ изъ Сичи съ семьюстами низовыхъ козаковъ и двинулся въ урочище Чагарь. Тамъ онъ разгромилъ какой-то татарскій городокъ, выдержалъ кровопролитную битву на Молочныхъ водахъ отъ нуррединъ-салтана, отнялъ у непріятелей 7 пушекъ, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько мусульманъ и подъ конецъ навелъ такой страхъ на крымскихъ татаръ, что самъ нуррединъ-салтанъ, собравшійся было на Слободскую Украину войной, принужденъ былъ чрезъ то отложить свой походъ ³⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005—990.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005—990.

³⁾ Архивъ мин. юст., 1694; кн. 71, л. 240; Баятышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 25.

Не удовольствовавшись походомъ на Чангаръ, тотъ-же кошевой въ началѣ осени, ходилъ на какой-то городъ Паланку, вмѣстѣ съ отрядомъ малороссійскихъ козаковъ ¹⁾. Отбивъ у бусурманъ не малое число конскихъ головъ, овецъ и рогатаго скота, но не успѣвъ, вслѣдствіе погони со стороны враговъ, со всей добычей вернуться въ запорожскую Сичь, Шарпило расположился въ урочищѣ Ольхахъ, у низовьевъ Днѣпра. Изъ урочища Ольховъ онъ нѣсколько разъ ходилъ, ради тѣхъ-же промысловъ, противъ бусурманъ на урочище Стрѣлицу, но не имѣя языка, не могъ опустошить того пути. Послѣ этого непріатели подстерegli козаковъ и внезапно напали на нихъ; Шарпило, побившись противъ бусурманъ, нашелъ за лучшее вернуться въ Сичь. Но въ Сичи этотъ походъ не понравился козакамъ, и потому атаманъ Шарпило тотъ-часъ по прибытіи въ Кошъ, лишенъ былъ атаманской булавы и вмѣсто него выбранъ Петро Прима, онъ-же Примасъ ²⁾.

Новый кошевой атаманъ, собравъ незначительный отрядъ козаковъ, той-же осенью повторилъ низовой походъ противъ бусурманъ, но не поддержанный во-время Мазепой, значительныхъ успѣховъ не имѣлъ. Давъ салтанамъ «по кавалерству» отпоръ, кошевой, вслѣдствіе ничтожности своихъ силъ, не могъ сломить всѣхъ бусурманъ и безъ добычи вернулся въ Сичь. Пробывъ въ теченіе всего лѣта въ воинскомъ походѣ и потому не успѣвъ заготовить ни пропитанія для людей, ни корма для лошадей, кошевой Примасъ, по прибытіи въ Сичь, нашелъ нужнымъ декабря 8 дня написать гетману Мазепѣ письмо и въ томъ письмѣ просилъ его принять въ украинскіе города 300 человекъ запорожскихъ козаковъ для прокормленія ихъ на время зимы.

Далеко не по вкусу пришлась Мазепѣ такая просьба кошевого Примаса, и онъ долго, по его собственнымъ словамъ, «сокрушался и выслушивалъ свой мозгъ» надъ тѣмъ, какъ-бы «привести запорожцевъ въ такой чинъ», что-бы они не составляли тягости для жилыхъ украинскихъ людей, и подъ конецъ назначилъ тремъ - стамъ возакамъ становище въ городѣ Келебердѣ, а остальнымъ приказалъ разойтись по домамъ малороссійскихъ родичей и свойственниковъ своихъ ³⁾.

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 71, л. 240.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 74, л. 651.

³⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 74, л. 651—657.

Но что значило это одолженіе гетмана для трехсотъ козаковъ, когда вся масса запорожскаго войска не знала, чѣмъ ей существовать и когда она, жаждавшая войны съ бусурманами, вернулась въ Кошъ ни съ чѣмъ и могла ожидать нападенія на Сичь отъ самихъ татаръ? Хотя Москва и не забыла прислать запорожцамъ ¹⁾ обычное жалованье (оно прислано было въ половинѣ октября черезъ подъячаго Протопова), но это было не жалованье, а убогая милостыня: по одному аршину сукна да по два золотыхъ на козака, отъ чего и выходило, что съ ханомъ выгоднѣе было запорожцамъ имѣть дѣло, чѣмъ съ Москвой: отъ хана зависѣли и обивнѣ полоняниковъ, и охота на звѣря, и ловля на рыбу, и добыча на соль ²⁾).

Узнавъ о перемѣнѣ настроенія запорожскихъ козаковъ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить о томъ въ Москву. Въ своемъ письмѣ, писанномъ января 5 дня, 1695 года, гетманъ доносилъ, что запорожцы «за поводомъ нынѣшняго кошевого атамана» подлинно примирились съ бусурманами; что торговые люди, живущіе въ городахъ Украины, вслѣдствіе этого начали тайно уходить со своими товарами, годными для продажи, изъ украинскихъ городовъ въ Крымъ. Въ виду этого гетманъ отдалъ приказъ останавливать купцовъ на проѣзжихъ дорогахъ и брать ихъ въ тюрьму, а купеческихъ проводниковъ въ Батурино, для показанія, присылать; надъ запорожцами-же, которые, пользуясь указомъ, даннымъ еще за царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, проводятъ зимы съ конями въ мѣстечкѣ Келебердѣ, велѣлъ малороссійской старшинѣ «цильное око имѣть» ³⁾.

Извѣстивъ царей о положеніи дѣлъ въ Сичи, гетманъ Мазепа, не оставилъ въ покоѣ и самихъ козаковъ: онъ оправилъ имъ листъ и въ томъ листѣ настойчиво совѣтывалъ отстать отъ крымскаго хана, въ замѣнъ того собрать отовсюду всѣ свои силы и ждать предпринимаемаго царями похода подъ турецкій городъ Азовъ, гдѣ казаковъ ждали и слава, и добыча, и несомнѣнный успѣхъ ⁴⁾.

Вслѣдъ за гетманскимъ листомъ послана была, февраля 8 дня, кошевому, атаману Петру Примѣ и всему войску низовыхъ коза-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; подл. мал. дѣла, № 995.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1694, книга 69, л. 885.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1695; мал. подл. акты, св. 10, № 1014—999.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1695, связка 98, № 2.

бовъ грамота отъ самихъ царей. Въ той грамотѣ говорилось о томъ, что царямъ чрезъ присланныхъ въ Москву куренныхъ атамановъ Феодора Кахеновскаго (вѣроятно правильнѣе Кохановскаго) да Дементія Величковскаго, учинилось извѣстно о намѣреніи двухъ крымскихъ салтановъ идти войной на украинскіе царскаго величества города. За такое извѣстіе цари и кошевого атамана Приму и все запорожское войско милостиво похваляютъ и поощряютъ. Зато не одобряютъ цари намѣренія запорожскихъ козаковъ за ихъ «пересылки съ бусурманами о мирѣ». Запорожцы, помня свое обещаніе, безъ указа царскаго величества перемирія съ бусурманами не должны чинить и тѣмъ безславія на себя не наводить, а всѣми мѣрами, сухимъ и воднымъ путемъ, надъ ними воинскіе промыслы чинить, за что запорожскому войску и теперь уже послано царское денежное желованье, да и на будущее время козаки не будутъ забвенны отъ царей ¹⁾).

Послѣ этого запорожскимъ козакамъ не оставалось ничего другого, какъ чинить промыслы противъ бусурманъ ²⁾).

Такимъ образомъ запорожцы со времени смерти знаменитаго кошевого атамана Сирка, въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кромѣ двухъ-трехъ походовъ, достойнаго истинныхъ рыцарей подвига и не извлекли для себя ничего изъ предпріятій неутомимаго Петрика. Среди запорожцевъ не было въ это время ни одного человѣка съ такимъ полководческимъ гениемъ, какимъ обладалъ кошевой Сирко. Былъ, правда, на Украинѣ въ то время славный своими подвигами противъ поляковъ и бусурманъ, полковникъ Семень Филипповичъ Палій. Къ нему все Запорожье жадно простирало свои взоры, но Палій тянулъ въ другую сторону. Палій, какъ и всѣ истые запорожцы, былъ поборникомъ народовластія на Украинѣ, защитникомъ личной свободы и политической автономіи, ненавистникомъ панскаго самовластія и чванства и противникомъ рабства во всякой его формѣ и во всѣхъ сословіяхъ, но онъ свилъ себѣ гнѣздо вдали отъ Запорожья, за правымъ берегомъ Днѣпра, въ Хвастовщинѣ. Часть Заднѣпровья, т. е. область отъ Днѣпра до Днѣстра, теперешняя кievская и подольская губерніи, по миру 1680 года между Россіей, Турціей и Польшей, признана была нейтральной и обра-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, св. 2, № 1018—33.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, малорос. дѣла, 1695, св. 98, № 30.

щена въ пустыню безъ городовъ и населенія. Между тѣмъ давленіе низшаго сословія въ лѣвобережной Украинѣ во время гетманства Самойловича и особенно Мазепы, положившаго начало «панщинѣ» (барщинѣ), заставляло и простую чернь и козаковъ бросать селенія и города на Украинѣ лѣвой стороны Днѣпра и бѣжать на Украину правой стороны, признанную по трактату 1680 г. ничейей. Къ тому-же съ 1683 польскій король Янъ Собѣскій открыто вступилъ въ борьбу съ Турціей и велъ эту борьбу до 1691 года. Нуждаясь въ боевыхъ силахъ, Янъ Собѣскій не только не препятствовалъ переходу козаковъ въ пустынную область и не только позволялъ имъ заселять избранныя ими мѣста, а даже обратился съ королевскимъ универсаломъ къ козацкимъ предводителямъ съ объявленіемъ о томъ, что онъ предоставляетъ въ полную собственность весь между Днѣпромъ и Днѣстромъ пустынный край козакамъ и за то просить ихъ помогать ему въ борьбѣ противъ бусурманъ. Въ силу такого универсала масса черни и козаковъ, недовольныхъ порядками, введенными въ лѣвобережной Украинѣ въ региментарство ненавистныхъ гетмановъ Самойловича и Мазепы, устремилась за правый берегъ Днѣпра, и скоро тамъ появилась села, города и козацкіе полки. Явились и историческіе дѣятели. Въ числѣ послѣднихъ по своимъ выдающимся боевымъ и колонизаторскимъ способностямъ былъ полковникъ Семень Гурко или Палій. Сынъ простаго козака, Палій родился въ Боранѣ, потомъ ушелъ въ Запорожье, гдѣ, по преданію, и получилъ прозвище Палія. Потомъ, оставивъ Сичъ, Палій собралъ вокругъ себя ватагу изъ молдавскихъ, поднѣстриянскихъ и запорожскихъ выходцевъ и съ ними расположился на житье въ городѣ Хвастовѣ. Вся его жизнь, отъ юношескаго возраста и до глубокой старости, представляетъ собой рядъ войнъ и боевыхъ подвиговъ съ полянами, татарами, турками и ихъ христіанскими и нехристіанскими подданными и сторонниками. Тѣснымъ отовсюду и потерявшій подъ конецъ надежду усидѣть въ своей Хвастовщинѣ, Семень Палій пришелъ къ мысли, что ему крѣпче будетъ не подъ польскимъ королемъ, а подъ русскимъ царемъ. И Палій сталъ просить царя о принятіи его въ русское подданство. Но московское правительство, боясь нарушить миръ съ Польшей, отклоняло просьбу Палія. За Палія ходатайствовалъ самъ гетманъ Мазепа, въ душѣ невидѣвшій славнаго полковника и такъ или иначе хотѣвшій видѣть его не у дѣлъ, но и хлопоты Мазепы были напрасны. Мазепа

писалъ въ Москву, что Палій, отчаявшись, можетъ уйти къ татарами и тогда за нимъ уйдутъ и запорожцы. «Палію, писали по этому поводу изъ Москвы, перейти на Запорожье вовсе не безчестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, тѣмъ-же путемъ можетъ возвратиться изъ Польши въ Запорожье. Но Палій самъ не хотѣлъ идти на Запорожье: «На Запорожье идти мнѣ не хочется; хотя войско и два раза туда звало меня и предлагало кошевое атаманство и даже высшій чинъ; однако, я, привыкну къ городскому житью, идти въ Сѣчь не желаю, потому что, пришедши туда, въ низовое войско, долженъ буду дѣлать то, чего войско захочетъ. Лучше мнѣ еще въ Хвастовѣ до времени держаться, нежели вдругъ невѣдомо куда оттуда уходить... Жаль мнѣ сильно расстаться съ этимъ мѣстомъ не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространное поле хлѣбомъ засѣяно, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ его не польскими подданными, но отъ рѣки Днѣпра, частию изъ войска запорожскаго, частию изъ волоховъ; церкви божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть». Кроме того Палій не хотѣлъ идти въ Сичь еще и потому, что считалъ грѣхомъ и позоромъ оставлять въ Хвастовѣ на пагубу своихъ людей, которые, имѣя женъ и дѣтей, не могли идти въ Сичь, оставаясь-же въ Хвастовѣ безъ Палія, неминуемо должны были погибнуть отъ яховъ, власть которыхъ не хотѣлъ Палій признать надъ собою¹⁾».

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 194, 212, 214; Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1895, III, 209; Сынъ Отечества, 1848, VIII; Московскій Наблюдатель, 1838.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первый походъ Петра I на Азовъ.—Вѣсти, добытыя запорожцами о положеніи дѣлъ въ Крыму.—Вѣсти отъ пойманныхъ въ степи татарскихъ языковъ.—Разгромъ татарскаго загона Иваномъ Гусакомъ.—Движеніе русско-козацкой арміи по степи подъ начальствомъ боярина Шереметева, гетмана Мазеи и запорожской флотиліи во Днѣпру подъ командой кошевого атамана Максима Самойленка.—Взятіе запорожцами турецкой крѣпости Тавани.—Возвращеніе запорожцевъ въ Сичъ съ кошевымъ Самойленкомъ.—Поведеніе 600 человекъ козаковъ, оставленныхъ въ Тавани.—Положеніе плѣнныхъ мусульманъ въ запорожской Сичѣ.—Походъ кошевого атамана Гусака къ Очакову.—Благодарность запорожскому войску отъ гетмана Мазеи и выдача козакамъ царскаго жалованья.—Местъ татаръ и набѣгъ ихъ на Украйну.—Геройскій подвигъ запорожцевъ подъ Голтвой и гибель Петрика.—Письмо къ запорожскому войску отъ гетмана Мазеи съ выраженіемъ благодарности за успѣшныя дѣйствія противъ татаръ и съ извѣщеніемъ о посылкѣ войску царскаго жалованья.

Весна 1695 года принесла запорожцамъ совершенно новыя вѣянія, пробудила въ нихъ новыя чувства и вызвала ихъ къ высокимъ подвигамъ; слава ихъ оружія, до тѣхъ поръ нѣсколько померкшая, вновь прогремѣла и разлилась дальше предѣловъ Украйны. Въ это время царь Петръ Алексѣевичъ открылъ первый походъ подъ турецкій городъ Азовъ. «Русскій царь Петръ Алексѣевичъ, желая имѣть отверзтыми двери изъ Меотическаго озера (Азовскаго моря) въ Эвксинопонтъ (Черное море), а войску низовому запорожскому отворить ворота Днѣпромъ въ Очаковскій лиманъ и въ то-же Эвксинское море, предпринялъ походъ подъ турецкій городъ Азовъ» ¹⁾. Однако, собираясь походомъ подъ Азовъ, царь Петръ Алексѣевичъ открыто объявилъ о походѣ на Крымъ. То дѣлалось съ тѣмъ, чтобы «оплошить турокъ и нечаянно напасть на Азовъ» ²⁾. Апрѣля 2 дня объ этомъ извѣщенъ былъ Петро Прима, кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ. Запорожцы вос-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 283.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 221.

приняли духомъ отъ такого извѣстія и скоро доставили гетману важныя вѣсти о состояніи города Азова и о положеніи дѣлъ въ Крыму. «При нынѣшнемъ годовомъ веселомъ торжествѣ Воскресенія Христа Спасителя, писали они въ письмѣ къ гетману, благопривѣтствуемъ благодѣтеля нашего и желаемъ, дабы сей прехвальный праздникъ извоили провести въ радости, въ ненарушеніи здравія, но въ одолженіи надъ врагами креста святого и вѣры нашей православной». Предпославъ такое привѣтствіе вельможному гетману, запорожцы затѣмъ сообщили ему о томъ, что къ нему послано нѣсколько человекъ товарищей войсковыхъ, бывшихъ въ Крыму и узнавшихъ тамъ о всѣхъ планахъ татаръ, просили его прислать въ войсковой скарбъ двѣ тысячи рублей; особо на войсковую сторожу сто ефимковъ церковныхъ, не задерживать ватагъ, идущихъ изъ Украйны въ Запорожье и выпустить изъ тюрьмы какого-то Андрея Стародуба. О крымскихъ вѣстяхъ они писали, что ханъ уже готовъ былъ отпустить и царскаго гонца Айтемирова и гетманскаго посланца Велецкаго изъ Крыма на Русь, но въ это время стало извѣстно, черезъ взятыхъ въ полонъ двухъ человекъ донцовъ, о предпринимаемомъ походѣ московскихъ царей на турецкій городъ Азовъ, и ханъ снова задержалъ гонцовъ у себя, самъ-же сталъ готовиться къ походу подъ Азовъ и ждетъ лишь, по обычаю всѣхъ мусульманъ, появленія луны, и какъ только увидитъ молодую луну, тотъ часъ и походъ будетъ у бусурманъ. О старомъ султанѣ турецкомъ писали козаки, что онъ «совершенно» удушенъ и на его мѣсто посаженъ его сынъ. Молодой султанъ присылалъ къ хану съ кафтаномъ и «съ голымъ» мечемъ, при запорожскихъ посланцахъ, своего чауша, чтобы ханъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сталъ противъ цесаря въ цесарской землѣ; но ханъ отговорился тѣмъ, что ему нужно собственную землю противъ московскихъ царей защищать, и теперь со всѣми ордами онъ готовится идти подъ Азовъ ¹⁾.

Вслѣдъ за извѣстіемъ запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа получилъ извѣстіе и отъ собственныхъ людей. Въ четвергъ на свѣтлой недѣлѣ асаулъ полтавскаго полка Никита Пляцкой ²⁾, будучи съ охотнымъ войскомъ въ дикихъ поляхъ, на урочищахъ

¹⁾ Архивъ мн. ин. дѣлъ; 1695, св. 98, № 17.

²⁾ Онъ называется то Пляцкой, то Плячникъ, то Плячной, то Плячный.

Яланскихъ и Галчускихъ вершинъ¹⁾, недалеко отъ Волчьей рѣки, поймалъ тамъ 25 человекъ азовскихъ татарскихъ языковъ и привезъ ихъ въ Батуринъ апрѣля 15 дня. Поставленные на допросъ главные изъ пойманныхъ татаръ, представили гетману такой разсказъ. Вышли они въ числѣ 46 человекъ, подъ начальствомъ Байши-аги, для добычи и для загона языка, изъ Азова подъ великороссійскіе города близъ Тора-рѣки; съ ними «связались» одинъ турчинъ да русской породы какой-то капитанъ. Ухвативъ гдѣ-то одного козака, они, за вешнею водой, дальше идти не могли и повернули назадъ, при чемъ 10 человекъ возвратились въ Азовъ, а 36 съ Байшой-агой пошли въ дикія поля, надѣясь тамъ на рѣчкахъ степныхъ найти загонщиковъ-козаковъ и покорытоваться отъ нихъ. Когда-же они остановились ночевать у Яланскихъ и Галчускихъ вершинъ, то тамъ на нихъ напалъ ватагъ Пляцкой и сперва отогналъ у нихъ лошадей, а потомъ напалъ на нихъ самихъ, одиннадцать человекъ съ агой побилъ, а двадцать пять человекъ съ собой захватилъ. Татарскіе языки о дѣлѣ въ Азовѣ и въ Крыму передавали такъ. О задуманномъ русскими царями походѣ подъ городъ Азовъ еще въ прошлую осень извѣстилъ азовскаго бей калмыцкій тайша Аюкай, а бей азовскій сообщилъ о томъ крымскому хану и турецкому султану, и стали они слабыя мѣста въ Азовѣ починять. А въ томъ Азовѣ три города каменныхъ, четвертый земляной, который всѣ три каменныхъ города обнялъ; а у того земляного города кругомъ ровъ въ семь сажень глубиной и жители предстоящей весной думали поглубже тотъ ровъ подкопать. Пушечъ, пороха и всякихъ запасовъ хлѣбныхъ и воинскихъ множество въ немъ. Войска пѣхотнаго огненнаго въ томъ городѣ тысячъ семь, а конницы, всегда готовой на бой, около тысячи человекъ, всѣмъ имъ годовое жалованье даютъ; въ случаѣ прихода противныхъ (русскихъ) войскъ бусурмане и до трехъ-тысячъ конницы наберутъ. По послѣднему зимнему пути азовскій бей въ четырехстахъ человекѣхъ ходилъ подъѣздомъ подъ донской городъ Черкасскъ; подъ городомъ тѣмъ большой бой учинилъ, много донцевъ побилъ и асаула Максима Малишну съ осмью донцами въ полонъ взялъ и тѣ донцы под-

¹⁾ Рѣчки Ялы и рѣчка Ганчулъ или Гайчуръ и теперь существуютъ въ Екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда: Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПб. 157.

твердили дошедшій къ азовцамъ слухъ о сборахъ русскаго войска подъ городъ Азовъ. Кромѣ того весной посылали изъ Азова 150 человекъ подбѣдъ для языка подъ Изюмъ и Маякъ, великоросійскіе города, ухватили тамъ 25 человекъ и привели ихъ въ Азовъ. Тутъ одинъ изъ пойманныхъ языковъ сообщилъ азовцамъ всю правду о будущемъ походѣ русскихъ подъ Азовъ и за то на свободу отпущенъ былъ, а остальные въ неволѣ находятся и теперь. О ханѣ крымскомъ въ Азовѣ не слышно ничего, и пойдеть ли онъ съ ордами противъ московскихъ царей, нѣтъ о томъ вѣстей никакихъ. Войско-же турецкое о праздникѣ св. Георгія имѣетъ моремъ въ судахъ въ Азовъ придти и жалованье годовое съ собой привезти, а сколько того войска, о томъ неизвѣстно никому. О султанѣ турецкомъ извѣстно то, что онъ ходилъ въ польскіе края, и всѣ бусурмане съ великою добычей вернулись назадъ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, гетманъ Мазепа немедленно отправилъ нарочнаго въ Москву гонца съ объяснительнымъ отъ себя письмомъ. Въ этомъ письмѣ онъ прибавилъ къ рассказанному то, что крымскій ханъ отправилъ своего каймакана въ Царьградъ къ привѣтствіемъ новаго султана «по взятіи державы» и съ просьбой о присылкѣ помощи въ Крымъ; кромѣ того, извѣщаль и о томъ, что татарскія орды уже собрались на Салгиръ въ Крыму и готовятся идти въ походъ въ «подполнь мѣсяца сего».

На письмо гетмана послана была изъ Москвы царская грамота съ благодарностью за доставку важныхъ вѣстей, съ похвалой за вѣрную и усердно-радѣтельную службу и съ приказаніемъ написать похвалу запорожскимъ козакамъ и объявить имъ о томъ, чтобы они и впредь доставляли всякія свѣдѣнія обо всемъ, что касается бусурманъ ¹⁾.

Но запорожскіе козаки и безъ того не забывали бусурманъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, около 10—12 числа, татарскій загонъ, числомъ близко ста человекъ, переправился у Кызыкермена черезъ Днѣпръ, прошелъ на рѣку Малый Ингуль, отъ Ингула на рѣчку Малую Висунь и отъ Висуни «для насытой добычи своей» хотѣлъ подъ Бѣлую-Церковь и подъ Немировъ пройти; но только тутъ, на кызыкерменскомъ шляху, на него напалъ бывшій копевоі Иванъ Гусакъ съ 120 человекъ охотничьихъ козаковъ. Гусакъ тотъ татарскій загонъ погромилъ, немало татаръ въ трупъ положилъ, а

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1696, св. 98, № 17.

девять человекъ живьемъ взялъ и, апрѣля 7 дня, въ Батуринѣ отослалъ. Изъ Батурина Иванъ Гусакъ съ большимъ числомъ своихъ козаковъ и съ плѣнными языками, въ числѣ девяти человекъ, хотѣлъ было ѣхать въ Москву, чтобы за свои «сугубные нужды и труды, по трудной дорогѣ въ досадное и студеное время» награду отъ царей получить. Но гетманъ Мазепа нашелъ возможнымъ пустить въ Москву только 50 человекъ козаковъ для доставки татарскихъ языковъ. Последнимъ гетманъ, передъ отпускомъ въ Москву, учинилъ допросъ и изъ того допроса узналъ, что крымскій ханъ заболѣлъ, но какъ только онъ станетъ здоровъ, то у татаръ, по обычаю, заведенному съ давнихъ поръ у мусульманъ, будетъ собрана рада въ Крыму и что на той радѣ приговорять, такъ тому и быть, т. е. или идти или вовсе не идти на войну. Но только въ то время, когда татарскіе языки были въ Крыму, никакого рѣшенія не было пока; носился только слухъ, что предстоящимъ лѣтомъ самъ ханъ никуда на войну не пойдетъ, потому что боится, чтобы козацкія ватаги вновь не прокрались въ Крымъ, какъ въ прошлое лѣто они Чангары прошли, и не учинили-бы какого урона крымскимъ жителямъ. О «проклятомъ» Петрикѣ сказывалъ одинъ изъ языковъ, что онъ находится вблизи Тигина, въ одномъ изъ бѣлогородскихъ селъ, и тамъ по ханскому приказу получаетъ мѣсячный кормъ.

Въ Москвѣ Иванъ Гусакъ и 53 человекъ козаковъ были милостиво приняты и за службу пожалованы «излишнимъ жалованьемъ отъ царей» ¹⁾.

Независимо отъ этого, въ виду предстоящаго похода, посланы были въ самую Сичь отъ гетмана подарки — вѣсколько штукъ сукна, полутузинковъ, 10 куфъ горилки на каждый курень и 500 золотыхъ на сторожу; кромѣ того, особо на церковь сичевую 300 золотыхъ. Посылая такіе подарки въ Кошъ, Мазепа приказывалъ запорожцамъ въ замѣтъ того немедленно разорвать съ бусурманами перемиріе и готовиться къ походу на Крымъ.

Запорожцы приняли гетманскій приказъ «съ радостною вѣстью» и за доставленные подарки «диковали своего великаго добродѣя, главы своя визко преклонивши», прося принять отъ войска маленькій подарочекъ осетрины за большой подарокъ. При всемъ томъ они не преминули поставить Мазепѣ на видъ то, что для

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла; 1695, св. 98, № 20.

предстоящаго военнаго похода войско не имѣть надлежащаго запаса ни одежды, ни оружія, ни грошевой казны» и потому просили ясновельможнаго гетмана, яко чадолюбиваго отца своего, сдѣлать войску вспоможеніе въ его нуждѣ, объщая за это всегда вѣрно и радѣтельно «працѣвати» своему добродію и немедленно розширяться съ бусурманами. Илагая такую просьбу, кошевой атаманъ Максимъ Самойленко Сергіевскій ¹⁾ и все запорожское войско вмѣстѣ съ этимъ спрашивали гетмана о «науцѣ и порадѣ», какъ имъ выходить въ походъ, т. е. по земь или водою, и гдѣ предстать «предъ свѣтлые очеса» гетманской вельможности ²⁾).

Предварительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у татаръ собирались въ теченіи всей наступившей весны и только лѣтомъ русско-козацкія войска вышли походомъ на далекій югъ противъ мусульманъ. Въ это время русская армія, раздѣленная на три части, шла по Дону, по Волгѣ и по Днѣпру; послѣдняя, состоявшая изъ великороссіянъ и малороссійскихъ козаковъ, находилась подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Ивана Степановича Мазепы ³⁾. Мазепа «рушилъ» изъ Батурна мая 17 дни и переправился съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, выше Переволочны, у Мишурина Рога, а Шереметевъ переправился черезъ Днѣпръ у Переволочны. Тутъ оба военачальника соединились вмѣстѣ и отъ Переволочны пошли «звычайнымъ» трактомъ черезъ степныя рѣчки и долины подъ городъ Кызыкермень, куда и прибыли іюля 24 числа. Одновременно съ малороссійскими козаками шли по Днѣпру на своихъ чайкахъ и запорожскіе коваки подъ начальствомъ кошевого атамана Максима Самойленка, смѣнившаго Петра Приму. Кромѣ Кызыкерменя русско-козацкімъ войскамъ приходилось имѣть дѣло еще съ тремя турецкими крѣпостями—Мустриткерменемъ или Таванью на островѣ Тавани, стоящемъ среди Днѣпра, противъ Кызыкерменя; Асламкерменемъ, стоящимъ противъ Кызыкерменя, подъ рѣчкою Конкою, на крымскомъ берегу, и Мубереккерменемъ, или Шагинъ-Гиреемъ, находившемся черезъ рѣчку Конку, на островѣ Тавани, противъ Асламкерменя ⁴⁾).

¹⁾ Сергіевскимъ онъ названъ, вѣроятно, по принадлежности къ сергіевскому куреню.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты; 1895, св. 11, № 1080—1018.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, № 288.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 448.

По донесенію боярина Бориса Петровича Шереметева въ Москву дѣло подъ Кызыкерменемъ произошло такъ. Бояринъ и гетманъ прибыли съ полками къ городу Кызыкермену іюля 24 числа, часа за два до ночи. Того-же дня у русскихъ съ кызыкерменцами былъ бой и во время этого боя попался въ плѣнь русскимъ какой-то волошанинъ. На слѣдующій день русскіе ратные люди и малороссійскіе козаки, подступивши къ самому городу, учинили шанцы и съ 25 по 30 неотступно, днемъ и ночью, палили изъ пушекъ по городу и посбивали верхніе бои и туры, бывшіе на городской стѣнѣ, а также поотнимали у непріятелей пушки, выставленныя противъ русскихъ обозовъ и шанцевъ. Іюля 30 числа, часу въ пятомъ дня, была взорвана черезъ подкопъ угловая, отъ очаковской стороны, съ поля и большого рва, башня, вмѣстѣ съ находившимся въ ней пушками; отъ этого взрыва, а также и отъ гранатной стрѣльбы произошелъ въ городѣ пожаръ, а во время пожара стали разрываться ядра и «духомъ» поднимать на воздухъ и выбрасывать за городъ людей. Въ то время ратные русскіе люди, со знаменами и барабаннымъ боемъ, вскочили черезъ башенный проломъ на городскую стѣну и вступили съ непріятелями въ сильный бой. Послѣ пятичасоваго боя русскіе побили на томъ приступѣ турокъ, волоховъ и татаръ «и въ томъ числѣ приводцовъ ихъ». Тогда непріятели, видя большой вредъ для себя отъ пушечныхъ и ручныхъ ядеръ, отъ затхлости воздуха и поднявшагося пожара, ушли, было и заперлись въ меньшій городокъ. Но увидя, что изъ меньшаго города имъ не уйти на Днѣпръ, вслѣдствіе спуска ихъ водныхъ суденъ отъ города внизъ, подняли большой крикъ и плачь, выбѣжали изъ меньшаго города на проломленную стѣну, приклонили знамена, замахали шапками и стали просить о пощадѣ и о готовности отдать оставшійся городъ и пушки въ руки русскихъ людей. Для переговоровъ о мирѣ непріятели выслали къ русскимъ на шанцы писаря Шабана и съ нимъ нѣсколько человекъ горожанъ. Тогда бояринъ и гетманъ послали въ городъ ратныхъ людей и приказали имъ привести къ себѣ бея, агу и другихъ «урядниковъ» Кызыкерменскаго городка. Когда же раненый бей, ага и другіе были приведены въ обозъ и у нихъ отобраны были городскіе ключи, тогда русскіе ратные люди отступили къ шанцамъ, а бей и агонъ съ товарищами отправили для обереженія въ обозъ, пока бусурмане выйдутъ всѣ изъ города. Іюля 31 числа бояринъ и гетманъ съ старшиною и съ войскомъ

вышли сами къ воротамъ города, для принятія мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и наблюдали за выходомъ ихъ изъ опасенія того, чтобы ратные люди, а болѣе всего черкасы и запорожскіе козаки, соблазненные добычею и пожитками, не ворвались въ городъ и не учинили-бы пакости какой-нибудь. Простоявъ все время, пока бусурмане выходили изъ городка, по обѣимъ сторонамъ воротъ, бояринъ и гетманъ велѣли принять ихъ и отдать для сбереженія по полкамъ; нѣкоторыхъ, впрочемъ, поймали себѣ русскіе ратные люди, украинскіе и запорожскіе козаки. Взято было: бей 1, аговъ 10, знаменъ турецкихъ 2, пушекъ мѣдныхъ 14, ключей городскихъ 3; кромѣ того, особо у гетмана оказалось нѣсколько пушекъ, аговъ и другихъ турецкихъ старшинъ. Послѣ принятія людей и пушекъ бояринъ и гетманъ, съ общаго совѣта, велѣли городъ Кызыкермень до основанія разорить, чтобы въ немъ непріятель на будущее время никакихъ пристанищъ не имѣлъ, такъ какъ разбитыя и разломанныя мѣста его за отсутствіемъ камня, извести, гѣсу и каменнаго дѣла мастеровъ, сдѣлать и починить по прежнему состоянію было нельзя. Такъ какъ въ большемъ, въ среднемъ, и въ маломъ городахъ всё дома и всё строенія были истреблены огнемъ, башни и городскія стѣны взорваны на протяженіи нѣсколькихъ сажень, и возлѣ города, на посадахъ, всё дворы и заведенія до гла были сожжены, то по всему этому, ратныхъ рудей оставить въ немъ было нельзя ¹⁾.

Такъ дѣйствовали подъ Кызыкерменемъ русскіе ратные люди и украинскіе козаки.

На долю собственно запорожскихъ козаковъ припала крѣпость Мустрить-Таванъ или собственно Таванъ; они окружили эту крѣпость лодками и промышляли надъ ней до тѣхъ поръ, пока Шереметевъ и Мазепа не взяли городъ Кызыкермень. Тогда и Таванъ, видя, что Кызыкермень «поклонился» военачальникамъ русско-козацкихъ войскъ «поклонился» войску запорожскихъ козаковъ. Жители двухъ другихъ замковъ, Асламкерменя и Мубереккерменя, видя паденіе Кызыкерменя и Тавани, бросили большія пушки на произволъ и бѣжали съ имуществомъ въ Крымъ.

При сдачѣ жителей Кызыкерменя на волю побѣдителей запорожскіе козаки стояли лодками по Днѣпру у городскихъ стѣнъ и принимали въ лодки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые броса-

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 269—272.

лась со стѣнъ города внизъ и отвозились отъ Кызыкерменя въ Таванъ. Въ это время запорожцы захватили много ясырю и еще больше того разной добычи; послѣднюю они сложили въ огромную кучу на островѣ Тавани и безобидно подѣлили между собой.

Покоривъ русскому оружію названные города, бояринъ и гетманъ оставили въ одномъ изъ нихъ, Тавани, нѣсколько сотъ чело-вѣкъ русско-козацкихъ войскъ и 600 чело-вѣкъ запорожскихъ козаковъ, а сами возвратились прежнимъ трактомъ на Переволочну и Мипуринъ-Рогъ. Послѣ отхода гетмана двинулись въ Сичь и запорожскіе козаки со своимъ кошевымъ атаманомъ Максимомъ Самойленкомъ, обремененные добычей и множествомъ плѣнныхъ бусурманъ. Изъ привезенныхъ запорожцами въ Сичь турокъ и татаръ одна часть умерла; другая добровольно крестилась и была отпущена на свободу въ великороссійскіе и малороссійскіе города; а третья часть, замышлявшая гибель Кошу и всему войску, была выведена за Сичь и вся, начиная отъ малыхъ до старыхъ, мужчинъ и женщинъ, безъ пощады истреблена ¹⁾).

Возвратившись въ украинскіе города, гетманъ Мазепа, по царскому повелѣнію, отправилъ свой листъ, черезъ Сидора Горбаченка, кошевому атаману и всему товариству съ предписаніемъ оказывать помощь тому войску изъ великороссійанъ, украинцевъ и самихъ же запорожскихъ козаковъ, которое оставлено было въ Таванскомъ городкѣ. Чтобы имѣть больше свободы во время обороны противъ бусурманъ, гетманъ приказалъ кошевому атаману вывести запорожское войско изъ Тавани и помѣстить его въ Мубареккермень и Асламкермень. Независимо отъ этого гетманъ Мазепа, въ помощь охранителямъ взятыхъ городовъ, послалъ по 500 чело-вѣкъ козаковъ, со всякимъ запасомъ, изъ лубенскаго и гадячскаго полковъ; запорожцамъ съ особымъ нарочнымъ отправили по кожуху на козана на время зимнихъ холодовъ. Кромѣ всего этого гетманъ отдалъ приказъ лубенскому полковнику Леонтію Свѣчкѣ приготовить въ теченіе зимы полторы тысячи отборныхъ полчанъ, взять необходимый для нихъ хлѣбный запасъ и при первой возможности идти на низовье Днѣпра и поправить, чѣмъ только будетъ возможно, взятые турецкіе городки, хотя-бы только насыпать въ телѣги песку и разставить ихъ вокругъ городковъ.

На листъ гетмана Мазепы черезъ его-же посланца отвѣчалъ,

¹⁾ Велічко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 288—285.

ноября 7 дни, 1695 года, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ. Кошевой Гусакъ писалъ, что запорожцы, собравшись на Кошъ въ восполитой радѣ, выслугали гетманскій листъ съ приказомъ о сохраненіи крѣпости Таванскаго городка на славной рѣкѣ Днѣпрѣ. Удержать и сохранить эту крѣпость они готовы уже потому, что тѣмъ самымъ могутъ обезопасить путь своему конному войску, ходящему для промысловъ на Крымъ, и морскому войску, ходящему въ Черное море противъ враговъ святаго креста, и могутъ расширить свои владѣнія въ бусурманскихъ становищахъ противъ городка, стоящаго у рѣчки Кошки. Запорожцы къ шестистамъ человекъ своего товариства, стоящаго въ городкѣ, готовы дать еще нѣсколько человекъ, чтобы только доставить «притулица» своимъ «рыцарскимъ людямъ», а нечестивымъ бусурманамъ еще большій внушить страхъ. Что-же касается Асламкермена и Мубереккермена, то первый изъ этихъ городковъ совсѣмъ разрушенъ, второй совсѣмъ сожженъ и потому исправить ихъ, за зимнимъ временемъ, никакъ нельзя. Асламкермень пострадалъ въ прошлую осень, когда козакъ были подъ башнею Очакова и пожгли тамъ почти всѣ посады и ближайшія къ нимъ мѣста; тогда, приступивъ къ Асламкермену, они до самой земли разломали всѣ башни и всѣ стѣны его, попортили и завалили камнемъ всѣ его колодезя. А Мубереккермень, стоящій надъ Кошской рѣчкой, при общемъ разореніи сожженъ и стѣны его еще въ то время были разрушены и лежали на землѣ. Желая пресвѣтлымъ государямъ во всякое время вѣрную службу служить, чтобы отъ нихъ монаршую милость имѣть, запорожцы могли-бы вывести свое товариство и въ другое мѣсто изъ Таванскаго городка, снабдивъ его пушками для отпора бусурманъ; но въ виду того, что товариство въ наступившую зиму уже успѣло расположиться и засѣсть въ Таванскомъ городкѣ, свести его на новое мѣсто оттуда никакъ нельзя. Только весной можно будетъ оставить Таванъ и приготовить новое мѣсто козакамъ; теперь-же, сидя въ Тавани, запорожцы, пока стаетъ у нихъ силъ, будутъ оказывать христіанскому войску помощь, а неприятелямъ давать отпоръ ¹⁾.

Вернувшійся изъ Запорожья въ Батуринъ Сидоръ Горбаченко словесно гетману Мазепѣ передагъ, что самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ и сичевое войско ходили на низовье Днѣпра про-

¹⁾ Архивъ, мѣн. юстиціи, 1695, кн. 75, л. 478—487.

тивъ бусурманъ, были подъ вѣжею или замочкомъ-городкомъ, стоящимъ со стороны Стрѣлицы; на Перевозной пристани, противъ Очакова, на морскомъ берегу, дѣлали приступы къ тому городку, и хотя, за твердою крѣпостью и скорымъ изгономъ, не взяли его, однако пожгли всѣ пашни и огромные запасы сѣна, бывшіе тамъ, захватили много скота и овецъ, но вслѣдствіе наступившихъ «зимностей» скоро возвратились въ Сичь, наведя боязнь и трепеть на Очаковъ и сосѣдніе съ нимъ бусурманскіе города.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о такомъ дѣйствіи козаковъ, послалъ имъ самое радушное письмо съ обнадеживаніемъ «спрецедрого царского жалованья оразъ» и съ просьбой безпрестанно воевать ту псгань, бусурманъ, и нещадно ихъ жилища разорять ¹⁾).

Повинуясь волѣ Коша и надѣясь на милость царей, таванскіе запорожцы безвыходно сидѣли въ городкѣ и переносили тамъ большія бѣдствія отъ зимнихъ холодовъ. Декабря 9 дня изъ Таванскаго городка прибылъ въ Батуринъ переволочанскій сотникъ, ѣдиншій для отправки хлѣбныхъ запасовъ и для отвоза шубъ, и о положеніи дѣлъ въ городкѣ передалъ гетману въ такихъ словахъ. Ратные люди царскаго величества, запорожскіе козаци и сердюцкая пѣхота встрѣтили сотника съ особенною радостью и выразили большую благодарность за присланныя имъ шубы и хлѣбные запасы, въ которыхъ они такъ нуждались вслѣдствіе наставшей зимы. Сотникъ собственными глазами видѣлъ, что сердюцкая пѣхота и козаци гадячскаго и лубѣнскаго полковъ и «прибылые» люди, находившіеся при козакахъ, сдѣлали себѣ земляную крѣпость при каменномъ Таванскомъ городкѣ: отъ каменнаго городка до рѣки Днѣпра они насыпали высокій валъ и выкопали глубокій ровъ; на валу, для отстрѣла бусурманъ, поставили коши и деревянные надолбы, а изъ Нѣпра (Днѣпра) пустили воду въ ровъ «и для того надежная имъ можетъ быти, при божей помощи, на зиму оборона; только во время вешнее отъ великой воды имѣть быти поврежденіе въ тѣхъ рвахъ». Но зато защитники городка терпятъ большую нужду отъ недостатка избъ; въ городкѣ не только нѣтъ никакихъ избъ, но нѣтъ и порядочныхъ куреней, такихъ, какіе имѣются въ Сичи у запорожскихъ козаковъ. вслѣдствіе скудности лѣса на днѣпровскихъ островахъ, въ крѣпости построены самыя малые курени, такъ что козакамъ приходится едва-ли не подъ от-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1084—1017.

крытомъ небомъ, на голой землѣ, лежать, не имѣя никакой защиты «отъ зимнихъ досадъ». Впрочемъ, тѣ-же козаки, терпя нужду вслѣдствіе недостатка куреней, въ то-же время нашли нужнымъ соорудить деревянную церковь въ Таванскомъ городкѣ. Кромѣ непріятности отъ зимнихъ холодовъ войско жаловалось также на большую тоску, нападавшую на всѣхъ козаковъ въ далекой и тѣсной крѣпости вѣругъ ненавистныхъ бусурманъ, и потому просило гетмана прислать на смѣну другое войско.

Сидя въ Таванскомъ городкѣ, запорожцы «отзывались» къ крымскому хану съ предложеніемъ купить у нихъ весь мусульманскій ясырь, на что ханъ далъ имъ такую «отповѣдь», что онъ самъ пойдетъ въ города московскихъ царей, наберетъ тамъ потребное ему число невольниковъ и тогда выкупитъ весь имѣющійся у запорожцевъ ясырь ¹⁾. И свою угрозу ханъ, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно въ исполненіе привелъ.

Въ томъ-же декабрѣ мѣсяцѣ отправлены были депутаты изъ Сичи въ Москву за царской казной для тѣхъ козаковъ, которые выдержали «цѣлорочную» службу въ Таванскомъ городкѣ. По «щедрой милости» царей на 600 человекъ козаковъ выдано было 6000 золотыхъ, т. е. по 10 золотыхъ на каждыя козака. Гетманъ отправилъ эту казну, черезъ «умыслныхъ» посланцевъ своихъ, Семена Карпеку и Омельяна Гнилого, въ запорожскую Сичь и просилъ кошевого атамана чтобы эти деньги розданы были именно тѣмъ, которые въ теченіе года выдержали службу въ Таванскомъ городкѣ. А чтобы въ этомъ случаѣ не произошелъ какой-нибудь обманъ, гетманъ подавалъ кошевому совѣтъ поручить это дѣло куреннымъ атаманамъ, потому что каждый куренной атаманъ хорошо знаетъ своихъ козаковъ. И когда тѣ деньги до Сичи дойдутъ, то войско должно вручить ихъ «добрымъ изъ товариства козакамъ» и отослать въ крѣпость Тавань. Послѣ-же раздачи казны таванскимъ козакамъ кошевой долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы козаки, взявши казну, до конца года не смѣли съ острова уходить ²⁾.

Въ то время, когда часть запорожскихъ козаковъ находилась въ Таванскомъ городкѣ, въ это-же время, въ половинѣ января, 1696 года, огромное число татаръ, въ главѣ которыхъ стояли калга и нуррединъ-салтанъ, въ отместку русскимъ за потерю Кы-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1695, кн. 75. л. 381, 478, 683—687, 701.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1035—1018

зыкерменя и другихъ городковъ, ворвались въ украинскіе города и прежде всего бросились въ повѣтъ полтавскаго полка. Здѣсь они разорили Китай-городъ, Кишенку и Келеберду. Изъ области полтавскаго полка татары ударились въ миргородскій повѣтъ, снесли огнемъ и мечомъ всѣ побережные села и города, а «жителей, гдѣ нагибали, рубали въ пень». Гетманъ успѣшилъ выслать противъ татаръ три полка, но эти полки, узнавъ отъ поиманнаго языка о многочисленности бусурманскихъ силъ, заняли у города Голтвы выжидательный постъ; при украинскихъ козакахъ были и запорожскіе козаки, въ числѣ 600 или 700 человекъ. Нѣсколько человекъ пѣхотныхъ козаковъ изъ тѣхъ полковъ вышли было за голтвянскіе подворки на встрѣчу бусурманъ, но, не устоявъ противъ превосходства враговъ, скоро вернулись назадъ. вмѣстѣ съ пѣхотой отважно вышли на голтвянскіе огороды за «тыны» (т. е. плетни) и запорожскіе козаки; но когда тѣ тыны уничтожилъ татарскій «тумоль»¹⁾, то запорожскіе козаки всѣ были изрублены саблями бусурманъ и такъ «за цѣлость своей отчизны опочили вѣчнымъ сномъ». Отъ Голтвы часть татаръ снова повернула въ повѣтъ полтавскаго полка. Здѣсь она перешла Ворсклу-рѣку, лѣвый притокъ Днѣпра, и стала добывать мѣстечко Нехворощу, противъ котораго стоялъ на лѣвомъ берегу рѣки Орели Нехворощанскій во имя Спаса монастырь²⁾. Не будучи въ состояніи причинить мѣстечку никакого вреда, орда сожгла вновь построенный съ фольварками монастырь и послѣ того успѣшила уйти въ Крымъ³⁾.

Въ это-же время въ числѣ татаръ былъ Петрикъ, заклятый врагъ Москвы. Онъ вновь призывалъ на войну противъ Москвы, для защиты отчизны, запорожскихъ козаковъ. Но на этотъ разъ ни одинъ человекъ не пошелъ къ нему; напротивъ того, самъ Кошъ извѣстилъ гетмана о грозящей Украинѣ бѣдѣ отъ бусурманъ. Для самого Петрика этотъ походъ былъ роковымъ: онъ

¹⁾ На польскомъ языкѣ «tumult» значитъ тревога, шумъ, но въ какомъ смыслѣ употреблено это слово въ данномъ случаѣ—неизвѣстно; можетъ быть въ смыслѣ мятежники.

²⁾ Развалины этого монастыря, называвшагося по сохранившимся документамъ Заорельскимъ Святоуспенскимъ монастыремъ, находятся въ настоящее время въ Енатиринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, востѣ села Чернетчины.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855, III, 368.

быть убитъ подъ городомъ Кишенкой козакомъ Якимомъ Вачирченкомъ и не вызвалъ ни въ комъ ни жалости, ни слезъ.

Гетманъ, очень довольный запорожцами за присланное извѣстiе о намѣренiяхъ татаръ, хотя это извѣстiе и нѣсколько поздно дошло до него, прислалъ имъ, апрѣля 4 числа, благодарственный листъ, прося «и впредь о намѣренiяхъ и непрiятельскихъ оборотахъ увѣдомлять». Сообщивъ имъ о погромѣ, сдѣланномъ бусурманами въ малороссiйскихъ городахъ, онъ увѣдомлялъ Кошъ объ отходѣ крымскихъ татаръ въ Крымъ, а бѣлоградскихъ — въ Бѣлоградъ. Въ заключенiе своего письма извѣщалъ козаковъ объ отправкѣ имъ «рочного съ прибавкой денежнаго жалованья» прямо на Сичь, а хлѣбнаго жалованья только въ крѣпость Кодакъ, куда, за неимѣнiемъ собственныхъ подводъ, просилъ выслать изъ Сичи челны и довести тотъ хлѣбъ водой въ самый Кошъ, въ чемъ козаки не встрѣтятъ препятствiй, при вешней водѣ, даже въ самыхъ порогахъ Днѣпра ¹⁾.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855, III, 368, 369, 373.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Второй походъ Петра подъ турецкій городъ Азовъ. — Предложеніе гетмана царю Петру о построеніи для плавнаго похода судовъ. — Отходъ въ Черное море атамана Чалага и ватаги запорожскихъ козаковъ. — Приѣзъ въ Сичь гетманскаго посланца съ предложеніемъ идти въ походъ противъ бусурманъ. — Жалоба запорожцевъ на недостатокъ судовъ и на грабежи со стороны бусурманъ. — Донесеніе о томъ царю Петру. — Письмо запорожскихъ козаковъ къ гетману о присылкѣ хлѣбныхъ запасовъ въ виду предстоящей съ бусурманами войны и отвѣтъ на то гетмана козакамъ. — Движеніе гетмана Мазепы съ княземъ Долгоруковымъ изъ украинскихъ городовъ внизъ по Днѣпру и вѣсти, полученные ими о дѣйствіяхъ бусурманъ. — Подвиги запорожцевъ противъ бусурманъ до прибытія русско-козацкихъ войскъ. — Ватагъ Чалый и кошевой Морозъ у береговъ Крыма, на Черномъ морѣ и въ лиманѣ Днѣпра. — Трагическая кончина Чалага и мужественные подвиги Мороза. — Поѣздка запорожскихъ добычниковъ въ Москву. — Запрещеніе гетману о допущеніи въ большомъ количествѣ запорожскихъ посланцевъ въ Москву.

Первый походъ русскихъ подъ турецкій городъ Азовъ окончился торжествомъ для бусурманъ и безславіемъ для русскаго царя Петра: Петръ принужденъ былъ покинуть Азовъ, успѣвъ разрушить къ немъ лишь двѣ-три крѣпостныя казанчи. Но въ то время ни сосѣднія державы, ни сами подданные русскаго царя не знали еще, что надъ Россіей занялась новая заря и что молодой русскій царь, съ настойчивостью, свойственною всѣмъ гениальнымъ людямъ, не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ врага. Усиливъ свои войска, настроивъ новыхъ кораблей, вызвавъ къ себѣ заграничныхъ мастеровъ, заготовивъ большое количество различныхъ боевыхъ средствъ, царь Петръ Алексѣевичъ объявилъ второй походъ на городъ Азовъ. Всѣ малороссійскіе и запорожскіе козаки также призывались къ походу противъ бусурманъ. На этотъ разъ гетманъ Мазепа, желая угодить царю, выказалъ готовность соорудить морской и рѣчной флотъ изъ 2000 человекъ запорожцевъ, которые, плавая по морю, не будутъ допускать турокъ подъ городъ Азовъ; а также, занявъ

мѣста въ низовыхъ Днѣпра, будутъ защищать владѣнія малоросійскихъ и запорожскихъ козаковъ. На такое дѣло гетманъ просилъ 2000 четей хлѣбныхъ запасовъ да одну тысячу рублей, а мѣстомъ для построения судовъ указывалъ городъ Брянскъ. Царь съ радостью принялъ планъ Мазепы, но нашелъ нужнымъ поставить ему на видъ, чтобы въ случаѣ замедленія постройки судовъ въ далекихъ брянскихъ лѣсахъ, гетманъ озаботился приготовить ихъ въ украинскихъ городахъ и доставить мимо Переволочны, устья Орели, Кодака до самаго Очакова Днѣпромъ ¹⁾.

Въ это время кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ былъ Иванъ Гусакъ. Оставаясь на Кошу въ ожиданіи полученія гетманской казны на постройку судовъ, Иванъ Гусакъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1696 года, отпустилъ въ море атамана Чалаго съ пятьюстами отборныхъ козаковъ ²⁾. Самъ-же извѣстилъ гетмана письмомъ, что между низовымъ товариствомъ есть еще нѣсколько чело­вѣкъ охотныхъ козаковъ идти въ море противъ бусурманъ, для чего просилъ гетмана, за немѣнѣемъ денегъ въ Сичи, прислать для построекъ судовъ царской казны.

Получивъ такое заявленіе со стороны кошевого Гусака, гетманъ Мазепа, желая доподлинно узнать боевыя средства запорожскихъ козаковъ, отправилъ въ Сичь съ листомъ батуринскаго сотника Сидора Горбаченка и велѣлъ ему обо всемъ низовое войско основательно разспросить и немедленно о томъ въ Батуриныъ сообщить.

Сидоръ Горбаченко прибылъ въ Сичь апрѣля 25 дня, ночью, и на утро слѣдующаго дня былъ уже въ радѣ съ гетманскимъ листомъ, вручивъ его кошевому атаману Ивану Гусаку. Кошевой Гусакъ, принявъ гетманскій листъ, приказалъ читать его всѣмъ козакамъ. Выслушавъ гетманскій листъ, въ которомъ предлагался низовому войску въ предстоящее лѣто походъ на Черное море противъ невѣрныхъ бусурманъ, всѣ козаки единогласно дали отвѣтъ, что они готовы предложеніе гетмана съ радостью принять, но затрудняются лишь тѣмъ, что не имѣютъ у себя въ вѣличности надежныхъ судовъ. Во всей Сичи только и есть 50 чело­вѣвъ, да и тѣ безъ починки не могутъ въ дѣло идти: для нихъ нужны и смола и пенька, и другіе припасы. Десятокъ же, другой

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76; л. 188, 470, 483.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 528.

судовъ, добытыхъ козаками передъ тѣмъ у бусурманъ, можно найти и возлѣ самой Сичи, но они слишкомъ расхитаны отъ частаго плаванія по водамъ и потому требуютъ слишкомъ большой починки и упорнаго труда. Правда, во всемъ Запорожьѣ имѣется достаточное число судовъ, но на нихъ выплыли изъ Сичи и изъ Таванскаго городка въ море до 1000 человекъ запорожскихъ промышленныхъ козаковъ; они съѣли по 30 человекъ въ каждый чолъ и захватили съ собой три пушки въ походъ.

Находясь въ Сичи, гетманскій гонецъ самъ видалъ, какъ туда шли многіе городовые козаки, прослышавшіе о имѣющей быть раздачѣ царской казны всѣмъ охотникамъ до воинскаго похода противъ бусурманъ. Тамъ же гетманскій гонецъ узналъ и о набѣгахъ татаръ на области Запорожья: въ первый разъ татары, въ числѣ 500 человекъ, дѣлали подбѣгъ къ самарскимъ городкамъ и захватили въ нихъ нѣсколько человекъ людей и нѣсколько головъ лошадей; въ другой разъ, передъ праздникомъ святаго Георгія, татарскій чамбулъ захватилъ на рыбной ловлѣ, ниже Таванскаго городка, на Двѣпрѣ, 80 человекъ запорожскихъ козаковъ. Христіанскіе-же выходцы принесли изъ Крыма такую вѣсть, что турецкій султанъ уже отдалъ было приказъ крымскому хану идти въ венгерскую землю войной, но ханъ на указъ султана далъ отвѣтъ, что предпринимать ему далекій походъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, потому что онъ ждетъ прихода на Крымъ московскихъ и козацкихъ войскъ и что запорожцы уже разгуливаютъ по Черному морю на своихъ челнахъ.

Отпуская отъ себя гетманскаго гонца, козаки вручили ему для передачи Мазепѣ собственное письмо, въ которомъ, поблагодаривъ гетмана за его желаніе «расширить и умножить честь всего православнаго христіанскаго воинства», съ тѣмъ вмѣстѣ просили его прислать въ Сичь хлѣбные запасы и денежную казну, за что обѣщались за монаршескій престолъ, за счастливое панованіе гетмана и за всѣхъ православныхъ христіанскихъ людей, сколько Богъ подастъ имъ помощи и силъ, воевать противъ невѣрныхъ бусурманъ. Все войско и теперь готово воевать противъ своихъ исконныхъ враговъ, но для этого требуется имѣть нѣсколько морскихъ челновъ. Хотя запорожцы и сами имѣютъ кое-какіе подъ рукой челны, но тѣ челны слишкомъ мелки и годны только для Двѣпра; пускаться-же въ нихъ въ «столь мятежное море» никакъ нельзя. Правда, было у запорожцевъ 10 легкихъ водныхъ судовъ,

но въ нихъ вышли въ море 500 человекъ промышленныхъ козаковъ. Поэтому войско просить гетмана приложить стараніе изготовить подошвы и дерево для 40 морскихъ струговъ, а къ тому дереву закупить желѣза, канатовъ, смолы, конопьти, полотна и якорей, и все то доставить въ самую Сичь, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислать хлѣбные запасы и царскую казну на раздѣлъ между казакъми «для мушкетной стрѣльбы».

Сильно не понравилась Мазепѣ такая рѣчь запорожцевъ, и потому едва Сидоръ Горбаченко вернулся въ Батуринь, какъ гетманъ вновь послалъ въ Сичь своего гонца съ обширнымъ листомъ. Въ этомъ листѣ онъ писалъ, что не такой надѣялся получить отъ нихъ отвѣтъ, какъ получилъ: онъ рассчитывалъ, что запорожцы безотлагательно пойдутъ въ походъ и тѣмъ немедленно учинять помѣшку противъ бусурманъ и не позволить имъ подать помощи подъ городъ Азовъ. И вмѣсто всего того запорожцы поютъ одно, что у нихъ не на чѣмъ въ море уйти и потому требуютъ сооруженія сорока морскихъ челновъ со всякими принадлежностями къ нимъ. Но пока будутъ сдѣланы требуемые струги, чрезъ то уйдетъ не мало времени, и удобная минута для нападенія на враговъ невозвратно миветъ. По всему этому гетманъ паходитъ «непристойною рѣчью» рѣчь запорожцевъ о требованіи ими хлѣбныхъ запасовъ и денежной казны, въ принасахъ, и въ казятъ, впредь до монаршаго распоряженія, дать имъ отказъ; относительно морскихъ челновъ совѣтуетъ самимъ изготовить ихъ и, какъ можно скорѣй, идти на нихъ въ море противъ бусурманъ ¹⁾.

Отправивъ таковой внушительный листъ въ запорожскій Кошъ, гетманъ Мазепа въ слѣдъ затѣмъ, мая 6 дня, отправилъ «нижайшее» письмо въ Москву. Въ этомъ послѣднемъ письмѣ Мазепа сообщалъ, что онъ посылалъ своего нарочнаго гонца въ запорожскую Сичь и черезъ того гонца приглашалъ козаковъ идти въ морской походъ, объявивъ имъ о пожалованіи изъ монаршей казны тысячи рублей на закупку хлѣбныхъ запасовъ и на постройку морскихъ челновъ. На это предложеніе запорожскіе козаки «показали охоту и обѣщали особенное тцаніе къ тому приложить», но въ то-же время объявили о томъ, что у нихъ нѣтъ для морского похода никакихъ средствъ и потому просили доставить къ нимъ изъ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1696. кн. 76, л. 517—538.

городовъ подошвы, доски, желѣзо, смола, конопати, полотво и вѣсколько якорей для сорока челновъ, а кромѣ того требовали немедленно прислать въ Сичь пожалованную государемъ тысячу рублей на военные запасы и на флотъ. Однако, гетманъ нашегъ за лучшее царскихъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ къ запорожцамъ не посылать изъ опасенія того, чтобы они безъ дѣла не издержали казны и не разобрали хлѣбныхъ запасовъ «безъ оказанія службы» по куренямъ и чтобы «черезъ-то самому гетману такое дѣло въ неразумотрѣніе не было причтено». Къ тому-же и нѣкоторые изъ самихъ запорожскихъ козаковъ, «доброратные и усердые къ государю и къ самому гетману», также не совѣтовали посылать въ Сичь ни хлѣбныхъ запасовъ, ни жалованной казны. Но гетманъ просить самого государя разрѣшить этотъ вопросъ: то-есть задержатъ-ли жалованные козакамъ хлѣбные запасы, или-же немедленно ихъ въ Сичь отослать.

Стави Петру на разрѣшеніе такой вопросъ, гетманъ Мазепа въ тоже время спрашивалъ государя, въ какую пору выходить ему съ полками и гдѣ соединиться съ воеводой Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, чтобы въ предстоящее лѣто на службѣ великаго государя состоять: «Въ кои числа изъ домовъ подниматься и гдѣ съ бояриномъ и воеводой соединиться имѣемъ, а если подъ Очаковомъ промыслы военные можно чинити будетъ, то о томъ тщаніе наше будетъ прилежное; только-жъ сего лѣта рѣка Днѣпръ такая быти оказуется, что нынѣ даже раннею весной въ ней очень мало воды, а погоды скуднѣйшія быти имѣютъ,—трудно будетъ переправлять черезъ пороги водяныя суда: для того нужны большія суда. Допосыть мнѣ придиѣпровскіе побережные люди, что какъ еще съ зимы въ Днѣпрѣ оказалось мало воды, такъ и теперь частъ отъ часу все уменьшается».

Отвѣтъ на гетманскій запросъ послѣдовалъ мая 20 числа. Царь Петръ Алексѣевичъ вполне одобрялъ гетмана за его распоряженіе относительно сбора вѣсѣхъ войскъ у рѣки Псла, но касательно времени выхода въ воинскій походъ оставлялъ это дѣло на разсужденіе его самого и воеводы Бориса Петровича Шереметева. Къ запорожскимъ-же козакамъ царь приказалъ написать письмо съ тѣмъ, чтобы они въ предстоящее лѣто шли на Черное море для чиненія воинскаго промысла надъ бусурманами и для отвращенія непріятельскихъ силъ отъ турецкаго города Азова. Тѣмъ-же изъ нихъ, которые находились вмѣстѣ съ русскими ратниками въ Та-

ванскомъ городѣ, велѣлъ послать изъ Кіева на Переволочну 3000 четей хлѣбныхъ запасовъ и ржаной муки ¹⁾.

Въ то время, когда шли эти пересылки между гетманомъ и царемъ, запорожцы, въ числѣ 500 человекъ, подъ начальствомъ атамана Чалого ²⁾, выплыли въ море противъ бусурманъ. Разгудивъ по морю на своихъ чайкахъ, сичевики напали на турецкія суда, сбѣгались съ тѣми судами въ абордажъ, взяли 8 судовъ, шедшихъ съ хлѣбными запасами въ Очаковъ, и 9 съ разными товарами, многихъ турокъ отдали морскимъ волнамъ, многихъ забрали въ полонъ и привели въ запорожскую Сичъ ³⁾.

И гетманъ Мазепа только теперь нашелъ нужнымъ послать въ запорожскую Сичъ черезъ батуринскаго сотника Дмитрія Нестеренка милостивый царскій указъ, 1000 рублей денегъ на постройку корскихъ судовъ, нѣсколько бочекъ хлѣбныхъ запасовъ валкою въ двѣсти подводъ и кромѣ того въ подмогу для борьбы противъ бусурманъ снарядилъ полковника Константина Мокіевскаго съ кievскимъ полкомъ, но за все то потребовалъ отъ запорожцевъ немедленнаго выхода въ днѣпровскій лиманъ ⁴⁾.

Но запорожцы за нѣсколько времени до полученія указа уже дѣйствовали противъ бусурманъ. Въ половинѣ іюня бывшій кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ съ товариствомъ въ нѣсколько сотъ коней вышелъ въ «дикія поля для взятя языка» и, залегши на шляху на Конской рѣкѣ, сталъ тамъ подстерегать прихода татаръ. Тутъ натолкнулся на Гусака загонъ татаръ изъ 37 человекъ, высланный ханомъ для захвата «русскаго языка о малороссійскихъ православныхъ воехъ» подъ городъ Новобогородицкъ. Этотъ загонъ напрасно провелъ нѣсколько дней подъ Новобогородицкимъ городкомъ и уже повернулъ назадъ. Запорожцы, увидѣвъ скачущій по степи татарскій загонъ, погнались за нимъ въ слѣдъ и добѣжали до урочища Токмача; тутъ они напали на бусурманъ, нѣсколькихъ человекъ убили, одного, по фамилиі Булай, взяли въ полонъ живьемъ. Вернувшись въ Сичъ, козаки представили Булая кошевому Морозу, а Морозъ плѣннаго татарина отправилъ съ участни-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 517—533.

²⁾ По Баятышъ-Каменскому имя Чалого было Яковъ: Исторія М. Россіи III, 80.

³⁾ Баятышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 80.

⁴⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. под. акты, 1696, св. 11, № 1047—1030 1699 годъ, св. 107, № 18; Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 528.

ками дѣла, Костею Гордіенкомъ и Федоромъ Маклякомъ съ товарищами, къ гетману Мазепѣ въ таборъ на рѣку Коломакъ. Мазепа донесъ о томъ іюля 4 числа въ Москву. Пользуясь такимъ случаемъ, гетманъ извѣщалъ государя о планахъ татаръ. Когда русскія войска, писалъ Мазепа со словъ плѣннаго татарина Будая, стали собираться возлѣ Бѣлгорода, а самъ гетманъ, переправившись съ войскомъ черезъ рѣку Пселъ, направился прямо къ Коломаку трактомъ, идущимъ на Самарь, то крымскій ханъ, захвативъ на рѣкѣ Волчьей, впадающей въ Самарь, рыбныхъ промышленниковъ, узнавъ о движеніи русско-козацкихъ войскъ, вышелъ на Сивашъ, между Перекопомъ и Чангарали, у Гнилого моря, и собралъ тамъ генеральную раду. На радѣ было рѣшено ждать приближенія русско-козацкихъ войскъ къ рѣкѣ Конкѣ и тамъ дать имъ рѣшительный бой, загородивъ дальнѣйшій путь въ Крымъ. Занявъ позицію въ Сивашѣ, ханъ подѣ Азовъ отправилъ нуррединъ-салтана съ 10,000 войскъ. Независимо отъ хана подѣ Азовъ послано было въ три пріема 45 турецкихъ каторгъ. Самъ турецкій султанъ нѣсколько разъ отправлялъ къ крымскому хану приказъ о томъ, что-бы онъ шелъ безъ всякой отговорки со всѣми своими ордами, въ помощь туркамъ, противъ нѣмецкихъ войскъ. Но ханъ далъ султану рѣшительный отказъ, ссылаясь на опасность со стороны русскихъ, которые, идя подѣ Азовъ, могли завернуть въ Крымъ и поплѣнить тамъ у татаръ женъ и дѣтей. Ханъ послалъ только своего сына Казы-Герая къ бѣлгородской ордѣ, занявшей положеніе около рѣки Днѣстра и ждавшей ханскаго приказанія въ виду предстоящей войны ¹⁾.

Но услуга запорожцевъ русскому царю и гетману этимъ не исчерпывалась. Получивъ денежную казну, а вмѣстѣ съ ней «споважную» царскаго величества грамоту и съ тѣмъ вмѣстѣ «певную» часть хлѣбныхъ запасовъ, запорожцы отправили изъ Коша государю благодарственное отъ всего товариства письмо и въ томъ письмѣ объявили, что они «съ охочимъ сердцемъ выбрались (іюня 30 дня), въ числѣ 1740 человекъ подѣ предводительствомъ кошевого атамана Якова Мороза, къ Черному морю на только что сдѣланныхъ мореходныхъ челнахъ въ пламенный походъ и имѣють искреннюю готовность, на сколько подастъ имъ Господь Богъ силъ,

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 11, № 1041 — 1024, 1045 — 1028, 1047 — 1030.

чинить промыселъ противъ бусурманъ, враговъ православной вѣры и святого креста ¹⁾).

Въ свою очередь о выходѣ запорожцевъ въ море извѣстилъ царя Петра и гетманъ Мазепа ²⁾. Самъ гетманъ, отправивъ къ Азову 15,000 войска подъ начальствомъ Якова Лизогуба, іюля 6 дня сошелся на рѣчкѣ Коломакъ съ бояриномъ Шереметевымъ, спустился оттуда до рѣчки Берестовой, гдѣ простоялъ таборомъ до послѣднихъ чиселъ іюля, оберегая границы Украины отъ внезапнаго набѣга татаръ.

Тѣмъ временемъ кошевой Яковъ Морозъ, ватажный атаманъ Чалый и полковникъ Мокіевскій, выйдя изъ Сичи, спустились вмѣстѣ по Днѣпру до такъ называемаго Козьяго-Рога или Кызымыса ³⁾. У Козьяго-Рога Мокіевскій отдѣлился отъ запорожскихъ козаковъ, но тутъ-же скоро узналъ, что часть оставленнаго имъ на островѣ Тавани войска, возстала противъ него и выбрала полковникомъ хорунжаго Сергѣя Солонину. Тогда Мокіевскій напелъ нужнымъ вернуться въ Сичь и изъ Сичи немедленно гетману Мазепѣ о происшедшемъ въ Тавани сообщить. Гетманъ Мазепа, для разузнанія объ истинномъ положеніи дѣлъ, отправилъ отъ себя генеральнаго хорунжаго Ефима Лизогуба, Солонину-же отъ полковничьяго чина велѣлъ отрѣшить и вмѣсто него вновь Мокіевского возстановить.

Между тѣмъ кошевой Морозъ, ватажный атаманъ Чалый и запорожскіе козаки продолжали свой походъ въ низовье Днѣпра. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, выплывъ въ открытое море изъ лимана Днѣпра, они раздѣлили на двѣ части весь свой флотъ, и одна часть, 340 человекъ съ Чалымъ во главѣ, отправилась къ крымскому городу Хозлеvé, на козацкомъ языкѣ Козловъ ⁴⁾, а Яковъ Морозъ остался въ морѣ гулять.

Не доходя пяти верстъ до города Хозлеvé, атаманъ Чалый оставилъ всѣ свои чайки у крымскихъ береговъ, самъ-же съ ватогой вышелъ на материкъ и сдѣлалъ набѣгъ на вежи осѣдлыхъ татаръ. Разоривъ два татарскихъ села и взявъ въ плѣнъ 62 человека мусульманъ, Чалый снова вернулся къ своимъ челнамъ и, благополучно сѣвши въ нихъ, попылъ назадъ моремъ въ днѣпров-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. тал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. тал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031

³⁾ Съ татарскаго на русскій «дызы» — дѣвица; отсюда Кызымысъ значить мысъ дѣвицы, т. е. мысъ недоступный какъ дѣвица.

⁴⁾ Генерешній южнаго берега Крыма городъ Евпаторія.

скій лиманъ. Уже козаки успѣли приблизиться къ турецкому городу Очакову, но тутъ противъ нихъ выстроилось нѣсколько турецкихъ каторгъ и фуркатъ, и они успѣли пристать къ Козацкому острову и окопаться въ немъ. Два дня они отбивались отъ бусурманъ, а въ ночь со второго на третій день снова сѣли въ лодки и поплыли вверхъ. Дойдя до Стрѣлицы и до урочища Сагайдачныхъ кучугуръ, козаки увидали, что воднымъ путемъ идти имъ дальше нельзя, а потому высадились на лѣвый берегъ Днѣпра и пошли пѣшкомъ въ ольховый лѣсъ. Но здѣсь на нихъ напали—крымскій ханъ съ одной стороны и гнавшіеся за ними по морю янычары съ другой и, «обточивши ихъ дробною, огнистою и арматною стрѣльбою», безпощадно разили со всѣхъ сторонъ. Козаки, по разсказу одного изъ соучастниковъ дѣла, Давида Татарчука, мужественно защищались въ теченіе всего августа 27 дня, но подъ конецъ, обезсиленные отъ недостатка воды и уставшіе отъ потери физическихъ силъ, рѣшили сдаться вмѣстѣ съ добытымъ ясыремъ въ руки бусурманъ. Чалый, убившій двухъ турокъ, зараньше предсказалъ самъ себѣ смерть отъ враговъ. И дѣйствительно, по приходѣ къ нимъ, онъ былъ убитъ. Остальные козаки, числомъ 340 человекъ, были взяты живьемъ и отправлены въ Очаковъ въ плѣнъ. Ханъ, получивъ плѣнныхъ козаковъ, даровалъ имъ жизнь и пожелалъ обмѣнять ихъ на плѣнныхъ мусульманъ¹⁾.

Въ то время, когда одна часть запорожскихъ козаковъ подвизалась на низовьяхъ Днѣпра, другая часть ихъ дѣйствовала на Черномъ морѣ противъ бусурманъ. Здѣсь управлялъ самъ властный кошевой атаманъ Яковъ Морозъ, командовавшій надъ козаками въ 40 морскихъ челнахъ. Замѣтивъ гдѣ-то въ морѣ турецкій флотъ, козаки внезапно бросились на него, разбили три турецкихъ судна и при этомъ захватили 5 турецкихъ писемъ, которыя визирь везъ съ собою къ хану въ Крымъ. Послѣ всего этого козаки повернули съ моря въ устье Днѣпра, но тутъ имъ заступили мѣсто съ двухъ сторонъ скопища бусурманъ: на гирлѣ турецкія войска, съ поля ханъ со своею ордой. Бусурмане стали дѣлать «наступы» на козаковъ и много имъ «наскучать». Кошевой атаманъ сперва далъ имъ бой, но потомъ, разсудивъ, что онъ не можетъ съ товарищами своими подняться вверхъ по Днѣпру, присталъ до Стрѣлицы, всѣ суда и вещи въ рѣкѣ потопилъ, а самъ съ войскомъ и съ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 78, л. 69 и 83.

языками, числомъ 27 человекъ, пѣшъ ночью промежь ордами до Таванскаго острова и оттуда до Сичи въ цѣлости пришелъ. Изъ Сичи кошевой, собравъ большую депутацію въ 600 человекъ козаковъ, всѣ турецкія письма съ собственнымъ листомъ гетману Мазапѣ отослалъ. Въ своемъ письмѣ Яковъ Морозъ писалъ такъ: «Получивъ высокопочтенную государскую грамоту и отцовское вашей вельможности повелѣніе, посланное войску запорожскихъ козаковъ, о выходѣ въ Черное море противъ враговъ, мы сдѣлали то не словомъ, но по своему древнему отважному рыцарскому промыслу, совершили то самымъ дѣломъ, лишь только намъ выпало къ тому время. Выплывъ на Черное море въ 40 судахъ, которыя могли сдѣлать только отъ убожества своего, мы, не морща чела, знатно отвагами своими стали противъ непріятелей святого креста и, встрѣтясь къ каторгами на морѣ, сильно ударили на нихъ; однако, вслѣдствіе малости своихъ судовъ, не могли имъ сдѣлать большого зла, хотя и одержали побѣду надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Послѣ этого, повернувъ воднымъ путемъ въ гирло Днѣпра, мы увидѣли много поганскихъ силъ, оттого пристали къ другой, со степи, сторонѣ и пѣшіе ушли вдоль Днѣпра. Нынѣ съ нововзятыми языками посылаемъ то знатное товариство наше съ двумя полковниками, Григоріемъ Сагайдачнымъ, Петромъ Сорочинскимъ и съ тремя ватажными асаулами, которые въ трудахъ обрѣтались вашей милостиваго добродѣя вельможности, и покорное прошеніе приносимъ, чтобы ваша вельможность, посмотрѣвъ на такіе труды и рыцарскія отваги ихъ, изволили отпустить ихъ къ пресвѣтлому монаршескому престолу, дабы они отъ царскаго пресвѣтлаго величества могли приобрѣсти себѣ милость. Черезъ то-же товариство, ѣдущее къ вельможности вашей, посылаемъ для передачи его царскому пресвѣтлому величеству наше желательное прошеніе: изготовить намъ для морскихъ походовъ на 40 струговъ подошвы, досокъ, желѣза, якорей, парусовъ и другихъ необходимыхъ къ тому вещей и къ предстоящей осени прислать; о послѣднемъ мы особый листъ и къ его царскому пресвѣтлому величеству посылаемъ. Мы-же, войско запорожское низовое, подѣлавъ изъ тѣхъ пожитковъ собственными руками струги морскіе, будемъ всеусердно и вѣрно служить найяснѣйшему монаршескому престолу, а вашей вельможности наносить нескончаемую славу»¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 100, № 43.

За это время, июля 17 числа, русскими войсками, под начальством самого царя Петра, малороссийскими козаками, под командой наказного гетмана Якова Лизогуба, взятъ былъ турецкій городъ Азовъ. Послѣ счастливой побѣды царь Петръ Алексѣевичъ послалъ Мазепѣ письмо и въ немъ требовалъ на радостяхъ гетмана къ себѣ. Мазепа немедленно выѣхалъ на встрѣчу государю и нашелъ его въ слободскомъ городкѣ Острогояскомъ или Рыбномъ.

Въ отсутствіи Мазепы, августа 20 числа, названные запорожскіе полковники, асаулы и козаки, въ числѣ 600 человекъ, пришли въ Батуринѣ, но увидѣли гетмана только въ сентябрѣ, 14 числа, по возвращеніи его домой.

Мужественные подвиги запорожцевъ въ открытомъ морѣ, ихъ героическая стойкость въ борьбѣ съ многочисленнымъ врагомъ въ низовьяхъ Днѣпра, трагическая кончина одного изъ ихъ вождей давали козакамъ полное основаніе разчитывать на большую награду со стороны царя и должное вниманіе со стороны гетмана. Но гетманъ Мазепа, самъ не обнажившій сабли за интересы русскаго царя, при всемъ томъ получившій отъ него большіе дары, выступилъ ярымъ защитникомъ царскихъ интересовъ, когда къ нему явились запорожскіе депутаты съ просьбой разрѣшить имъ свободный прѣздъ въ Москву. Опираясь на указы прежнихъ царей о непроездѣ въ столицу запорожцевъ въ слишкомъ большомъ числѣ, Мазепа не сдѣлалъ исключенія и на этотъ разъ: онъ отправилъ представленіе къ царю о прѣздѣ запорожскихъ депутатовъ въ числѣ 600 человекъ и отъ себя лично подавалъ мысль дозволить прѣздъ въ Москву только двумстамъ козакамъ, а остальнымъ четырестамъ оставаться въ Батуринѣ и въ немъ ждать возвращенія своихъ товарищей изъ Москвы. Молодой царь, находившійся подъ обаяніемъ недавняго свиданія съ Мазепой, обольщавшимъ всѣхъ своимъ польско-іезуитскимъ обращеніемъ, во всемъ согласился съ представленіемъ гетмана Мазепы и приказалъ четырестамъ козакамъ остаться въ Батуринѣ, а двумстамъ позволилъ явиться въ Москву. Но запорожцы, чувствуя за собой нравственное право, отказались принять такую честь. Запорожскіе-же вожаки въ рѣшительномъ тонѣ объявили, что «въ двухсотенномъ числѣ» они отнюдь въ Москву не пойдутъ, потому что оставленные при гетманѣ 400 человекъ козаковъ не только лично полковниковъ, но и всю старшину, ѣдучи въ Сичь, въ дорогѣ перебыютъ. Въ Сичи и

теперь послѣ похода козаковъ въ Черное море съ ватагомъ Чалымъ, когда часть ихъ была перебита, часть забрана въ плѣнъ, все еще имѣется большая масса войска, ходившая, по волѣ царя, въ Черное море противъ бусурманъ, въ настоящее время отправившая своихъ посланцевъ къ гетману Мазепѣ и ждущая воздаяній за свои труды.

Получивъ такой отвѣтъ, гетманъ Мазепа вновь запросилъ царя, что предпринять противъ запорожскихъ козаковъ, которые, стоя долго въ украинскихъ городахъ, «обыклымъ своимъ непостоянствомъ въ конецъ притѣсняють и разоряють малороссійскихъ людей».

На второй гетманскій запросъ царь отвѣчалъ, что изъ всѣхъ 600 запорожцевъ никого не слѣдуетъ пускать въ Москву. Однако, въ виду того, что они на Черное море ходили, три корабля турецкихъ разгромили и бусурманъ въ плѣнъ много побрали а также въ виду того, чтобы они и впредь вѣрно ему, великому государю, служили и надъ неприятелями промыслъ сухимъ путемъ и моремъ чинили, великій государь послалъ имъ жалованья по 1 рублю на человѣка, а всѣмъ вмѣстѣ 600 рублей, кромѣ того по аглинскому сукну, мѣрою по 5 аршинъ; зато впредь ту дачу ихъ братьѣ, запорожскимъ козакамъ, ни въ образецъ, ни въ прихѣръ не выписывать. Деньги-же и сукна съ подъячимъ Аеонасіемъ Пнеховымъ приказалъ прямо въ Батуринъ отослать и тамъ «велѣлъ гетману ихъ шести-стамъ человѣкамъ роздать, самихъ-же (козаковъ) изъ малороссійскихъ городовъ въ Запорожье отпустить, а къ Москвѣ не отпускать» ¹⁾. Но пока царское жалованье пришло въ Батуринъ, тѣмъ временемъ запорожцы, снявшись со становищъ, какія имъ были показаны въ малороссійскихъ городахъ, «путь свой къ Сичѣ завязали», и гетманскіе посланцы догнали ихъ уже возлѣ перевоза Переволочны и тамъ «съ рукъ въ руки порядне козакамъ царскую казну передали» ²⁾.

Не дождавшись возвращенія шести-сотъ человѣкъ своихъ посланцевъ, запорожцы и кошевой атаманъ Яковъ Морозъ, сентября 11 дня, отправили къ Мазепѣ новыхъ своихъ товарищей, полковниковъ Герасима Крысу и Ивана Сухого, съ партіей въ 80 человѣкъ, съ каждаго куреня, какъ у нихъ водилось, по два

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696, св. 100, № 30.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696, св. 11, № 1067—1050.

козака, «съ просьбой пропустить всѣхъ въ Москву, гдѣ они имѣютъ просить царя прислать войску жалованья въ 1.300 рублей и дозволить обмѣнять 340 плѣнныхъ козаковъ, взятыхъ въ неволю съ ватажнымъ атаманомъ Чалымъ у устья Днѣпра, на 340 мусульманъ. Изложивъ все это въ своемъ письмѣ, запорожскіе козаки просили гетмана не оставлять ихъ своими вѣстями о будущихъ предпріятіяхъ войны, чтобъ не быть имъ въ такомъ невѣдѣніи, какъ были они при взятіи города Азова отъ русскихъ войскъ ¹⁾).

Когда новые посланцы прибыли въ Батуринъ, то ихъ оказалось вмѣсто восьмидесяти стодесять человекъ. Тогда гетманъ Мазепа 30 человекъ изъ нихъ удержалъ при себѣ, чтобы козаки въ проѣздахъ людямъ живымъ да и въ городѣ Москвѣ не докучали казнѣ, а остальныхъ направилъ въ Сѣвскъ, надѣясь на то, что отсюда ихъ въ такомъ большомъ числѣ не пропустятъ въ Москву ²⁾).

Царь Петръ Алексѣевичъ, сильно недовольный вслѣдствіе присылки такой многочисленной депутаціи отъ запорожскаго Коша, вновь предписалъ гетману не допускать въ такомъ большомъ количествѣ запорожскихъ посланцевъ въ столицу.

Гетманъ Мазепа, получивъ такой приказъ, поторопился послать царю вѣрноподданнической листъ, въ которомъ писалъ, что запорожцы въ «своихъ дѣлахъ люди прикрые, въ прошеніяхъ докучливые»; что, не смотря на представляемые имъ доводы, они никакого на то вниманія не обращаютъ и всегда требуютъ, чтобы имъ позволено было ѣхать въ Москву въ такомъ числѣ, какое написано въ войсковомъ ихъ отъ кошеваго къ гетману письмѣ; что потому лучше было-бы послать царскую грамоту въ самую Сичъ кошевому атаману и всѣмъ козакамъ, дабы они «великолюдныхъ купъ» въ Москву не смѣли посылать и тѣмъ доуки великому государю не дерзали наносить; теперь-же, отпуская 80 человекъ запорожскихъ посланцевъ въ Сѣвскъ, гетманъ рассуждалъ такъ, что имъ тамъ будетъ переборъ, и что только часть ихъ будетъ отпущена въ Москву, а часть возвращена назадъ; это было-бы тѣмъ именно хорошо, что тогда-бы они могли наконецъ понять, что пропускъ ихъ въ большомъ числѣ въ Москву воспрещается не

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1055—1038.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1059—1042.

по «вымыслу» гетмана, а по указу самого государя. Впрочемъ, осудивъ такъ запорожцевъ, просилъ государя взять то въ расчетъ, что въ виду существующей противъ бусурманъ войны, въ настоящее время запорожцевъ не слѣдуетъ оскорблять, а нужно всячески къ военнымъ дѣламъ приспособлять ¹⁾).

Но запорожцы все еще не могли никакъ уняться, и въ слѣдъ за отъѣздомъ названныхъ полковниковъ изъ Сичи, кошевой атаманъ Морозъ написалъ гетману Мазепѣ новое письмо о выѣздѣ въ Батурингъ двухъ куренныхъ, Тимофея ктитаровскаго куреня, и Степана, донскаго куреня, съ шестью товарищами. Кошевой Морозъ просилъ Мазепу пропустить названныхъ атамановъ безъ замедленія въ Москву для челобитья о размѣнѣ взятыхъ въ плѣнъ козаковъ на плѣнныхъ турокъ или татаръ ²⁾. Последнюю просьбу гетманъ Мазепа нашелъ возможнымъ принять безъ возраженія и обоимъ атамановъ немедленно отпустилъ въ Москву.

Въ Москву запорожскіе посланцы прибыли октября 1 дня и тамъ, по пріѣздѣ ихъ, стали наводить справки о томъ, по какой росписи имъ содержаніе выдавать. Для этого нашли «роспись корма и штыя», по которой даваны были въ прошломъ 7202 (1694) году, въ ноябрѣ «гетманскимъ посланцамъ, запорожскимъ козакамъ, атаману брюховецкаго куреня Лендѣ Леску, атаману пашковскаго куреня да четыремъ товарищамъ ихъ, пріѣзжавшимъ для позволенія о размѣнѣ плѣнныхъ запорожцевъ на плѣнныхъ татаръ. Послѣ той справки прибывшимъ козакамъ дано было на пріѣздъ: харчей на 20 алтынъ, вина простого 1½ ведра, меду 3 ведра, пива 6 ведеръ; на время прожитія въ Москвѣ дано всѣмъ—по рублю и по десяти денегъ, для топленія свѣтлицъ и для варенія ѣствъ по 2 воза дровъ, въ два алтына за возъ да по двѣ деньги свѣчь салныхъ на сутки; на отпускъ дано—денегъ по 4 рубля, сукна аглинскаго жброю по 5 аршинъ, соболей по 1 парѣ каждому козаку въ 2 рубля каждая пара, да въ дорогу дано корму—полотокъ ветчины, четверикъ крупъ, четыре пуда соли, полведра уксусу да вина столько, сколько на пріѣздъ дано ³⁾).

Взятіе русскими турецкаго города Азова произвело большое впечатлѣніе на современниковъ. Отголосокъ объ участіи запорож-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, 1068—1061.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1088, 1039, 1042.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 100, № 28.

скихъ козаковъ въ обонхъ походахъ подъ Азовъ сохранился въ одной великороссійской народной пѣснѣ, дошедшей до нашихъ дней.

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Пролегала-протекала мать Камышенка-рѣка.
 Что на той-ли быстринѣ, на Камышенкѣ-рѣкѣ
 Какъ плывутъ тамъ, выплываютъ два сваряные стружка,
 А на стружечкахъ гребцы—удалые молодцы,
 Удалые молодцы—все донскіе козаки,
 Все донскіе козаки да гребенскіе, запорожскіе.
 Они весело гребутъ, сами пѣсеньки поютъ:
 Они хвалятъ-величаютъ православнаго царя,
 Православнаго царя, анпиратора Петра ¹⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 453.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Приготовление запорожских козаковъ къ новому походу противъ турокъ и татаръ.—Заготовление малороссійскими полковниками для плавнаго похода морскихъ челнокъ.—Справка Мазепы по поводу высоты воды на порогахъ Днѣпра и донесеніе о томъ волновина Кармазина.—Движеніе гетмана Мазепы и князя Долгорукаго въ 1697 году внизъ по Днѣпру къ турецкимъ городамъ. — Переправа русско-козацкихъ войскъ черезъ пороги Днѣпра.—Встрѣча Мазепы и Долгорукаго запорожцами близъ Чорткомыцкой Сичи.—Прибытіе военачальниковъ къ турецкимъ городамъ и укрѣпленіе русскими города Тавани.—Возвращеніе военачальниковъ назадъ и передача ими охраны вѣрности отряду московскихъ войскъ и запорожскихъ козаковъ.—Возвращеніе запорожцевъ къ Сичу, не смотря на предписаніе гетмана оставаться на Нязу Днѣпра. — Отправка Мазепой и Долгорукивъ большого отряда войскъ къ Тавани и выступленіе запорожцевъ въ походу тому отряду.—Дѣйствія запорожцевъ у Тавани и награда гетману отъ царя.

Взятіе русскими города Азова вызвало месть со стороны турокъ и татаръ и побудило ихъ идти походомъ на малороссійскіе города, чтобы вознагражить себя за потерю у Азовскаго моря. Вѣсти о такомъ рѣшительномъ намѣреніи бусурманъ принесли въ Старосанджаръ два товарища изъ ватаги погибшаго геройскою смертью атамана Чалаго, Андрушка и Левко, ушедшіе изъ очковской неволи ¹⁾, и значный товарищъ полтавскаго полка Кирикъ Шарый, прошлой зимой захваченный съ «выростомъ» сыномъ бусурманами, проходившими черезъ село Петровку ²⁾ въ Крымъ, служившій потомъ у какого-то татарина подъ Карасевымъ, потомъ бѣжавшій черезъ Сивашъ въ Сичь, а изъ Сичи черезъ Полтаву въ Батуринъ ³⁾. Доставленные въ городъ Батуринъ октября 26 дня, запорожскіе выходцы принесли важныя вѣсти о замыслахъ бусурманъ. Взято всѣхъ запорожцевъ съ Чалымъ да съ Богданцемъ въ турецкую неволю 340 человекъ. Турки всѣхъ ихъ держатъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1063—1046.

²⁾ Село Петровка въ четырнадцать верстахъ отъ города Полтавы.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.

вмѣстѣ и ожидаютъ вѣсти отъ Сячи, будетъ-ли или не будетъ за нихъ «замѣна», а «термень» (срокъ) той замѣны—30 дней: если за нихъ не будетъ прислана «замѣна», то всѣ они будутъ розданы на каторги и отправлены въ Царьградъ. Но изъ 340 человекъ двоимъ, самимъ рассказчикамъ, посчастливилось изъ той неволи уйти; а какъ вышли они изъ Очакова, тому недѣли четыре есть. Когда были они въ Очаковѣ, то видѣли, что турки къ старому верхнему каменному городу новый, также каменный, пристроили и тотъ городъ окопали глубокимъ рвомъ, а поодаль отъ того рва за городомъ, отъ моря до моря, обвели вокругъ высокимъ и широкимъ съ раскатами валомъ. Въ тѣхъ городахъ запасено множество арматъ, гранатъ («кгранитовъ»), пороха, пуль («куль») и всякихъ военныхъ припасовъ, каторгами по водѣ доставленныхъ. Войска тамъ съ бѣлогородскимъ пашой десять тысячъ человекъ, не считая того, которое на каторгахъ да на «дробныхъ» судахъ состоитъ. Все лѣто стояли тамъ два салтана съ бѣлогородской ордой, а этой осенью вся та орда пошла вверхъ Буга - рѣки, не то въ Полѣсье, не то въ польскіе города. А недѣли за двѣ, за три передъ Дмитріевымъ днемъ ¹⁾ и всѣ каторги и другія суда должны были уйти въ Царьградъ на обычное становище зимнее. На зимнее время и бѣлогородскій паша, оставивъ у Очакова нужное количество войскъ, имѣеть въ Бѣлогородчину уйти. За четырнадцать дней передъ бѣгствомъ козаковъ въ Очаковъ прибылъ водою до крымскаго хана турецкій посоль. Въ честь его прихода очаковцы изъ всѣхъ арматныхъ «штукъ» и изъ «дробной стрѣльбы» стрѣляли въ Очаковѣ: тотъ посоль привезъ имъ вѣсть, будто турецкое войско въ это лѣто гдѣ-то побито 40.000 нѣмцевъ. Носился также у очаковцевъ слухъ, будто у турокъ съ поляками заключенъ миръ; а какъ только станетъ зима, то всѣ крымскія и бѣлогородскія орды пойдутъ войной въ сегобочную сторону, подъ малороссійскіе города. Ожидая къ предстоящему лѣту прихода русскихъ войскъ, очаковцы отнюдь ничего на зиму не сняли, всѣ сады повырубили, рвы возлѣ огородовъ позакапывали землей, весь посадъ за новымъ рвомъ, отъ поля, очистили и на полѣ, отъ земляного вала, нѣсколько окоповъ сдѣлали ²⁾. Сами крымцы выгнали всѣ свои «статки» (скотъ) за Перекопъ и обороняютъ ихъ

¹⁾ Дмитріевъ день октября 26 числа.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1896, св. 11, № 1065—1048.

двумя салтанами съ значительною частью орды: «А то для того, что въ Крыму въ это лѣто не только хлѣбъ, но даже и трава не родила, и бусурмане ни себя, ни своего статка не могутъ прозимовать; а также для того, чтобы въ будущее лѣто малороссійскаго войска не допустить въ походъ подъ Очаковъ или подъ Перекопъ»¹⁾).

Но если бусурмане принимали свои мѣры для защиты себя отъ русско-козацкихъ войскъ, то, въ свою очередь, русскіе прибирали всякія средства для нападенія на бусурманъ. Октября 4 дня предписано было царской грамотой гетману Мазепѣ послать на смѣну серденяцкаго полка въ городъ Таванъ новый, подъ начальствомъ Дмитрія Чечеля, полкъ; а въ случаѣ прихода подъ тотъ городъ бусурманъ, и самому имѣть «обереженіе и пильное тщательство отъ нихъ». Затѣмъ велѣно изъ Переволочны и изъ Новобородицкаго городка отправить въ городъ Таванъ хлѣбныя запасы для русскихъ войскъ, а изъ Тавани взять рваную пушку и въ заимъ ея новую послать. Въ случаѣ выхода изъ Таванскаго городка запорожскихъ козаковъ въ Сичь, оставить въ немъ 2.000 человекъ военныхъ людей, такъ чтобы 1.000 изъ нихъ была великороссіяны, 1.000 малороссіяны. А кошевому атаману и всѣмъ козакамъ написать, чтобы они, въ случаѣ прихода бусурманъ, выходили всѣмъ своимъ войскомъ непріятелей отражать.

По такому предписанію гетманъ уже 15 октября отправилъ на низовье Днѣпра полковника Чечеля. Но полковникъ Чечель, дойдя до Переволочны и переправившись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, нѣсколько замѣшкался тамъ, поджидая царскихъ хлѣбныхъ запасовъ, которые шли на возахъ въ количествѣ четыреста-четыре-реть четвертей. Когда возы дошли до Днѣпра, то, для спѣшности дѣла, ихъ переправили частію у Переволочны, частію у Кодака. Потомъ, соединивъ ихъ въ «дикихъ поляхъ», двинули подъ городъ Таванъ. Гетманъ обѣщалъ царю «о цѣлости Тавани имѣть самое усердное стараніе», для чего, уже и теперь послалъ туда собственнаго реймента 1000 человекъ. Кошевому атаману онъ отправилъ письмо съ приказаніемъ, дабы онъ, со всѣмъ войскомъ низовымъ, въ томъ «бодро прилежалъ и городъ тотъ въ нерушной цѣлости оберегалъ»²⁾. Въ виду предстоящаго похода гетманъ просилъ царя

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1068--1051.

«дать милостивое монаршее наставленіе, съ какиѣмъ полкомъ ему противъ тѣхъ непріятелей ополчаться и какъ имъ отпоръ давать», а кромѣ того прислать два можчира ¹⁾ и къ нимъ гранатнаго запаса въ находящіеся при гетманѣ стрѣлцкіе полки ²⁾).

Тѣмъ временемъ полковникъ Дмитрій Чечель, посланный въ городъ Тавань, прибылъ на мѣсто и своимъ полкомъ смѣнилъ полкъ Гаврила Ясликовскаго, стоявшій тамъ цѣлый годъ на царской службѣ. Къ тому-же времени доставлено было водой 50 возовъ изъ Кіева черезъ Переволочну и Запорожье и 1.200 рублей въ городъ Тавань для 500 человекъ запорожскихъ козаковъ, находившихся въ царской службѣ на Таванскомъ острову. Но вѣроятно присланныя деньги не совсѣмъ правильно были распределены, потому что 50 человекъ козаковъ оставили городъ Тавань и пошли къ гетману просить себѣ награды сверхъ присланной царской казны, о чемъ гетманъ сообщилъ царю, не зная, какъ съ просителями поступить ³⁾.

Приготовленія къ походу длились въ теченіе всей зимы 1696 года и въ продолженіе весны слѣдующаго года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ гетманъ Мазепа отправилъ въ Сичь Сидора Горбаченка съ письмомъ къ кошевому атаману Якову Морозу, содержащимъ приказаніе передать посланцу старую разорванную артию, находящуюся въ Таванскомъ городкѣ, для замѣны ея новою артией меньшихъ размѣровъ. Пользуясь этимъ случаемъ, гетманъ внушалъ запорожскому войску быть вѣрнымъ великому государю, находиться въ гетманскомъ повиновеніи, крѣпко держать Таванскій городокъ и ни подъ какиѣмъ видомъ не допускать къ нему непріятелей святаго креста.

Отвѣчая на гетманскій листъ, запорожцы, въ свою очередь пользуясь случаемъ, обратились къ гетману съ просьбой оказать имъ разныя милости. Такъ, они просили его вельможность порадѣть о сичевой церкви пресвятой Богородицы, которая «была искоренена не отъ какого-нибудь нерадѣнія, а единственно отъ напраснаго огня», но теперь снова офундована во славу имени божьяго: кошевой и товариство просятъ гетмана ту «новосозданную церковь взять въ свое призрѣніе», заплатить 1.000 червонцевъ мастерамъ—

¹⁾ Можчиръ, польское *mozdzierz*—тоже, что русское *мортира*.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1069—1052.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696. св. 11, № 1077—1060.

ремесленникамъ и прислать небольшой запасъ борошна для того, чтобы въ той церкви «была предложена» безкровная жертва за пресвѣтлаго монарха и за вельможнаго гетмана. Кромѣ того, запорожцы просятъ гетмана, въ виду распространившихся слуховъ «о переборѣ денегъ чеховаго хода», т. е. о запрещеніи принимать въ скарбъ малороссійскаго войска старые стертые чехи, отмѣнить такое распоряженіе и оставить въ обращеніи прежнія монеты, потому что уже теперь, черезъ одинъ слухъ, въ народѣ малороссійскомъ происходитъ большое смятеніе, а въ Запорожьи — большая турбація. Запорожцы, имѣя у себя много чеховъ и часто отправляясь въ малороссійскіе города за покупкой борошна или другихъ какихъ-либо предметовъ необходимости, не могутъ платить никому въ городахъ своими деньгами и возвращаются въ Кошъ ничего не купивши ¹⁾. Независимо отъ этого кошевой и все запорожское войско просятъ гетмана прислать въ Сичь подошвъ, досокъ, якорей, желѣза и парусовъ на постройку сорока морскихъ судовъ, за что обѣщаютъ въ точности исполнить всѣ требованія гетмана и при первой возможности выступить въ Черное море противъ бусурманъ.

Гетманъ на этотъ разъ безпрекословно исполнилъ требованіе запорожскаго войска и не замедлилъ отправить изъ города Брянска въ Сичь «къ прежнимъ струговымъ припасамъ» на 40 струговъ желѣзныхъ якорей 40, холста на паруса 8.000 аршинъ, смолы 80 бочекъ, желѣза 480 пудовъ, канатовъ 800 сажень, веревокъ 7.900 аршинъ ²⁾. Кромѣ того, особо, въ видѣ подарка, послалъ кошевому атаману Морозу 20 чеховъ талеровъ, судѣ Власу Опаненку, писарю и асауду—по 10 талеровъ ³⁾ и о готовности запорожцевъ идти для борьбы съ бусурманами сообщилъ письмомъ въ Москву, присовокупивъ къ тому предложеніе построить на собственный счетъ 50 морскихъ судовъ ⁴⁾.

Царь, получивъ письмо гетмана Мазепы, принялъ предложеніе его съ особеннымъ восторгомъ и отправилъ приказаніе выслать въ Москву запорожскихъ мастеровъ, умѣющихъ строить морскія суда.

По тому царскому приказу кошевой Морозъ послалъ самыхъ лучшихъ мастеровъ, Василия Богуша съ Мартыномъ Романовичемъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1082 — 1065.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малорос. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1083—1066.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1066.

да Авдіемъ, товарищемъ шкуринскаго куреня, которые прибыли въ Москву декабря 11 дня и оттуда отправлены были въ городъ Брянскъ для отысканія годнаго на суда лѣса и для рубки его ¹⁾.

Съ наступленіемъ весны приготовленія къ походу усилились.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ виду обезпеченія запорожцевъ, на случай похода, послано было въ Сичь черезъ стольника Елеферія Жеребцова, царское денежное жалованье ²⁾. Но въ это время гетману приходилось усмирять таванскихъ запорожцевъ, которые по жалобѣ на нихъ бѣлгородскаго полковника Станцели, задержали, безъ всякаго будто-бы повода, государевыхъ ратныхъ людей, били ихъ камнями и полѣньями и едва не убивали до смерти ³⁾.

Марта 31 дня, 1697 года, гетманъ Мазепа послалъ въ нѣжинскій полкъ универсалъ и въ томъ универсалѣ приказывалъ собрать тысячу подводъ для препровожденія военныхъ и хлѣбныхъ запасовъ до Сичи и оттуда внизъ подъ городъ Кызыкермень ⁴⁾.

Апрѣля 27 числа Мазепа получилъ извѣстіе о результатѣ работъ по изготовленію морскихъ судовъ. Посланный имъ въ главные города малороссійскихъ полковъ козаки Иванъ Сухина доносилъ, что въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ у малороссійскихъ полковниковъ изготовлено было 70 морскихъ судовъ и 600 рѣчныхъ лодокъ, «на лиманъ и на днѣпровскую воду способныхъ, которыхъ судна полковники тѣ, съ иного козака по полтиннѣ, съ иного по талеру емли, своими деньгами дѣлали». Суда были-бы и раньше готовы, но замедленіе въ постройкѣ ихъ произошло по винѣ трубчевскаго воеводы, запрещавшаго мастерамъ рубить лѣсъ въ зимнее время. Благодаря, однако, настоянію Сухины часть ихъ была окончена къ 27-му апрѣля и тогда-же отправлена подъ командой запорожскаго мастера Богуща къ устью рѣки Десны и Сейма, а часть окончена въ началѣ мая.

Въ виду трудности переправы судовъ черезъ пороги Днѣпра гетманъ позаботился навести справку о томъ, какъ велика въ порогахъ вода и когда удобнѣе всего пускаться съ флотиліей вплавъ по Днѣпру. Огвѣтъ на гетманскій запросъ пришелъ апрѣля 27 дня отъ кодацкаго полковника Ѳедора Кармазина. Полковникъ Карма-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. дѣла, 1696, № 1098—1076, св. 101, № 49.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1697, св. 12, № 1181—1118.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1697, св. 11, № 1118—1098.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, Ш, 431—433.

знь доносишь, что, получивши regimentарское письмо, онъ вычиталъ его вмѣстѣ со своимъ товариствомъ въ Кодакъ и тотъ-же часъ «безо всякой мѣшкоты» отвѣчаетъ, что «вода нынѣ въ порогахъ великая обрѣтается, и будетъ она пребывать, хотя по малу, до святаго іерарха Христова, Николая, а послѣ праздника святаго Николая черезъ недѣлю начнетъ спадати скорѣе, нежели пребывала, и нынѣ, сими часами, по преполовеніи Господнемъ, часть и пора самая переправлитись»¹⁾.

Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій назначенъ былъ день похода, мая 25 числа, 1697 года. Въ объявленномъ походѣ русскія войска должны были идти подъ начальствомъ бѣлгородскаго воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго; малороссійскіе козаки—подъ начальствомъ гетмана Ивана Степановича Мазепы.

Лишь только гетманъ двинулся въ походъ, какъ на пути изъ Батурина въ Глуховъ прибыли къ нему 30 человекъ запорожцевъ съ нѣкимъ козакомъ Михайломъ, ушедшимъ изъ турецкой неволи и принесшимъ важныя вѣсти о военныхъ дѣлахъ бусурманъ²⁾. Михайло былъ родомъ изъ Печерскаго мѣстечка, взятъ въ плѣнъ бусурманами еще въ малыхъ лѣтахъ, прожилъ у какого-то купца турчина 15 лѣтъ и потомъ бѣжалъ съ нѣсколькими товарищами, когда плылъ на суднѣ изъ Царьграда въ Козловъ, по торговымъ дѣламъ. «Въ это время запорожское сѣчевое товариство, бывшее въ плѣну бусурманскомъ, плывя съ турками Чернымъ моремъ, божіимъ призрѣніемъ и данною ему отъ Бога помощію, посѣкло въ кораблѣ тѣхъ турокъ и сдѣлалось свободнымъ». Прибывъ на турецкомъ кораблѣ до урочища Стрѣлицы, козаки Михайло и бывшіе съ нимъ запорожскіе товарищи, бросили тамъ свое громоздкое судно, оттуда до самой Сячи добрались пѣшкомъ и тамъ раскрыли всѣ военные планы турокъ и татаръ. По ихъ словамъ, одна часть турецкихъ войскъ, подъ начальствомъ Алимъ-паши, на 3 галіонахъ, 5 каторгахъ, и 20 фуркатахъ, имѣла намѣреніе подойти водою подъ городки Таванъ и Кызыкермень; другая, въ числѣ 5.000 человекъ, на 5 галіонахъ, 5 каторгахъ и 20 фуркатахъ, уже по-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, кн. 77, л. 277—283.

²⁾ У Костомарова сказано, будто-бы вѣсть принесена гетману іюля 6 дня въ Кодакъ (Мазепа, 1885, 145); но самъ Мазепа писалъ къ царю мая 27 дня и говорилъ, что эту вѣсть онъ получилъ, когда шелъ изъ Батурина къ Галчу: Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, листы по буквенной нумераціи 405—415.

шла подъ городъ Азовъ. Впрочемъ, по соображеніямъ самихъ-же выходцевъ, едва-ли войска, которыя посланы подъ Тавань и Бызыкермень, могутъ подойти на такихъ большихъ судахъ къ названнымъ городкамъ,—скорѣе они отправлены для обороны Очакова и для замкнутія со стороны Чернаго моря днѣпровскихъ гирлъ.

Для точной и скорѣйшей передачи добытыхъ свѣдѣній запорожское войско поспѣшило отправить къ гетману названныхъ выходцевъ и придало къ нимъ нѣсколько человекъ сичевыхъ козаковъ. Черезъ послѣднихъ войско просило гетмана, какъ можно скорѣй, прислать въ Сичь необходимые для похода запасы и морскіе челны, нужно думать, именно тѣ челны, постройка которыхъ затянута до весны. Гетманъ Мазепа, принявъ запорожскихъ посланцевъ, выходца Михайла отправилъ въ Москву, а самъ поспѣшилъ выходомъ къ порогамъ Днѣпра ¹⁾.

Раздѣливъ на двѣ части всѣ свои войска, гетманъ Мазепа главной массѣ велѣлъ идти «плавнымъ походомъ» по Днѣпру до Кодака ²⁾, а самъ съ меньшею массой войскъ пошелъ въ тотъ-же походъ «землей». Великороссійскія войска, собранныя для похода подъ Кіевомъ, на Днѣпрѣ, должны были слѣдовать за флотомъ малороссійскихъ козаковъ и также идти до Кодака. Самъ начальникъ этихъ войскъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, бывшій до тѣхъ поръ въ городѣ Бѣлгородѣ, двинулся на соединеніе съ гетманомъ сухимъ путемъ, имѣя при себѣ часть пѣхотнаго и коннаго московскихъ полковъ и часть слободскаго козацкаго полка. За Яковомъ Долгорукимъ слѣдовалъ сѣвскій воевода Лука Ѳедоровичъ Долгорукій.

Въ среднихъ числахъ іюня мѣсяца гетманъ Иванъ Мазепа и воевода Яковъ Долгорукій сошлись на рѣкѣ Коломакѣ. Отъ рѣки Коломака они двинулись за рѣку Орель и тамъ съ общаго совѣта рѣшили оставить для охраны малороссійскихъ и слободско-украинскихъ городовъ, на случай внезапнаго нашествія бусурманъ, на рѣкѣ Коломакѣ князя Луку Долгорукаго и на вершинѣ рѣки Орели, выше городовъ, въ урочищѣ Хрещатомъ, миргородскаго полковника Данила Апостола. Послѣднему данъ былъ приказъ, «абы онъ бодрствовалъ на уторчки непріятельскія и, съ согласія воеводы сѣвскаго, давалъ имъ отпоръ». Кромѣ того, для обереженія

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1697, кн. 77, л. 405—415.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 262, 284.

отъ бѣлогородскихъ татарь, начальники русско-козацкихъ войскъ особо оставили при днѣпровскомъ берегу бывшего охотническаго коннаго полка полковника Илью Новицкаго съ козаками, приказавъ ему «неусыпную имѣть бодрость и осторожность отъ наступленій непріятельскихъ».

Оставивъ рѣку Орель, гетманъ и воевода, іюня 24 дня ¹⁾, пришли обозами «до лѣваго берега Днѣпра, къ Кодацкой пристани, выше днѣпровскихъ пороговъ обрѣтающейся», и тутъ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы благополучно переправить черезъ страшные пороги Днѣпра всѣ свои рѣчные и морскія суда. Дождавшись прибытія судовъ, гетманъ Мазепа посадилъ на нихъ «военныя строенія» и велѣлъ спускать послѣдовательно весь русско-козацкій флотъ черезъ днѣпровскіе пороги ²⁾. Переправа черезъ пороги Днѣпра была очень трудная, продолжалась въ теченіи двухъ недѣль и стоила гибели многихъ хлѣбныхъ запасовъ, оружія, судовъ и людей: «Притомъ и люди нѣкоторые изъ войска кончиною смертною отнялись, ибо гдѣ о каменные пороги судно разбилось, тамъ и всѣ хлѣбные и ружейные запасы приходили въ утопленіе, и люди попадали не въ безопаство». Въ то время, когда русско-козацкія войска переправлялись черезъ пороги Днѣпра, въ это время, какъ разъ противъ Кодака, показалась бѣлогородская орда, которая угнала нѣсколько десятковъ запорожскихъ лошадей, а у селитреннаго майдана захватила нѣсколько человекъ самихъ козаковъ. Одновременно съ бѣлогородской ордой по другому берегу Днѣпра, ниже того мѣста, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Самарь, за переправлявшимися отрядами русско-козацкихъ войскъ наблюдала крымская орда ³⁾.

Іюля 6 числа гетманъ Мазепа переправился съ лѣваго берега Днѣпра на правый и оттуда послалъ универсалъ всѣмъ наказнымъ полковникамъ объ оставленіи имъ, для охраны украинскихъ городовъ на случай татарскихъ подъѣздовъ, князя Луки Долгорукаго и полковника Даніи́ла Апостола «до властнаго поворота гетмана

¹⁾ Въ этотъ день гетманъ писалъ письмо царю «въ таборъ въ-подъ Кодаку отъ берега днѣпровскаго іюня 24 дня», которое доставлено было въ Москву іюля 7 дня канцеляристомъ Дублянскимъ; Архивъ мин. юстиціи 1697, № 77, л. 473—476.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 473—476.

³⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1697, кн. 77, л. 473, 476; Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 436—439.

и воеводы изъ похода». Когда плавное войско послѣ «зѣло великихъ многоработныхъ трудностей и тяжконосныхъ для ратныхъ людей бѣдствій» перешло, наконецъ, днѣпровскіе пороги, тогда и сухопутныя русско-козацкія войска, стоявшія дотолѣ у лѣваго берега Днѣпра, противъ Кодака, переправились съ лѣваго берега на правый рѣки ¹⁾. Юля 11 дня, послѣ переправы табора черезъ рѣку Днѣпръ, войска подвѣлись къ Кодацкой пристани ²⁾ и двинулись правымъ берегомъ рѣки къ Вильному порогу «до отрадныхъ мѣстъ на пространную и неимѣющую въ себѣ препятствій днѣпровскую воду». Для «осторожности и для страха» отъ непріятельскаго набѣга гетманъ оставилъ у Кодака гадичскаго полковника Михайла Боруховича съ полчанами, невмѣстившимися въ водныя суда. Юля 13 дня сухопутныя войска были уже у Вильнаго порога, не доходя урочища Кличкаса, и тамъ начали пересаживаться съ обозовъ въ водныя суда, въ чемъ провели времени пять дней; къ тому-же приходилось ждать прибытія нѣкоторыхъ судовъ, такъ какъ далеко не все они успѣли переправиться черезъ пороги Днѣпра; нѣкоторыя изъ этихъ судовъ съ воеводой Семеномъ Неплюевымъ пришли только 15 числа, а нѣкоторыя «и съ 19 по все дни волоклися». Когда было подсчитано число всехъ, прошедшихъ пороги, судовъ, то оказалось, что «отъ тѣхъ пороговыхъ жестокостей» пострадало—большихъ, для морской глубины приготовленныхъ, 17 судовъ; а однодревыхъ дубовыхъ и липовыхъ, долгиною немалыхъ, съ камышовой обшивкой, на лиманъ способныхъ, «пошло въ потерку и потеряніе 53 лодки». Юля 18 числа изъ Таванскаго городка прибѣжалъ гонецъ отъ Василія Бухвостова и объявилъ военачальникамъ, что турки заняли Исламгермень и готовятся взять Шингирей городокъ. Тогда военачальники отправили впередъ себя два вспомогательныхъ отряда,—гетманъ съ Яковомъ Лизогубомъ, князь съ Семеномъ Протасьевичемъ Неплюевымъ, и написали кошевому атаману съ войскомъ, чтобы онъ сообщалъ съ тѣми посланными отрядами шелъ на оборону Таванскихъ городковъ. Сами военачальники юля 20 сѣли въ водныя лодки и въ полдень того-же дня, при выстрѣлахъ на всехъ рѣчныхъ и морскихъ судахъ изъ мелкаго ружья и изъ арматъ, отъ Вильнаго порога двинулись мимо

¹⁾ «Въ переправѣ той черезъ рѣку Днѣпръ войскъ» гетманъ и воевода «немалое повняли затрудненіе»: Архивъ мин. юстиціи, 1697, № 77, л. 555—570.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик., 1697, № 77, л. 555—570.

острова Томаковки плавнымъ путемъ внизъ по Днѣпру. Отходя отъ Вильнаго порога, гетманъ Мазепа оставилъ весь тяжелый обозъ на материкѣ съ лубенскимъ полковникомъ Леонтиемъ Свѣчкой и отдалъ Свѣчкѣ такой приказъ, чтобы онъ со всемъ своимъ обозомъ отъ Вильнаго порога перешелъ на островъ Томаковку и тамъ оставался таборомъ «во всякой осторожности» или до дальнѣйшаго указа или-же до гетманскаго поворота снизу вверхъ рѣки Днѣпра. «Для того оставилъ я, писалъ гетманъ въ своемъ письмѣ къ царю, на помянутыхъ мѣстахъ полковниковъ гадячскаго подъ Кодакомъ, а лубенскаго при островѣ, дабы не только грамоты отъ васъ, великаго государя, къ намъ надлежащія, и письма наши съ вѣдомостями къ Москвѣ посланныя, могли надлежаще доходить, но и намъ изъ сего воинскаго плавнаго похода изъ судовъ выгрузиться» ¹⁾.

Когда гетманъ и воевода шли по Днѣпру, то всякій разъ при ихъ остановкѣ на ночь и при «рушеніи» утромъ въ путь, на всѣхъ судахъ войска стрѣляли изъ мушкетовъ и изъ арматъ.

Іюля 22 дня, въ обѣденную пору, военачальники остановились у Чортотмыцкой Сичи, въ урочищѣ Каменно-Затонѣ, и тамъ встрѣчены были кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Яковенкомъ и знатными козаками ²⁾, которые «привитали» ихъ словомъ побѣды надъ бусурманами. Въ это время воевода князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій далъ запороженскимъ козакамъ семь струговъ и по одному талеру на человѣка, а гетманъ Мазепа подарилъ по золотому на 4.000 человѣкъ. Но тутъ-же оба военачальника дали приказъ кошевому собрать нѣсколько человѣкъ «добрыхъ» молодцовъ и съ ними плыть впередъ для борьбы съ невѣрными бусурманами. И кошевой не замедлилъ исполнить данное ему приказаніе. Собравъ войско, онъ немедленно двинулся впередъ къ турецкимъ днѣпровскимъ городкамъ. За кошевымъ атаманомъ и его отрядомъ двинулись внизъ по Днѣпру и сами военачальники, гетманъ Мазепа и воевода князь Яковъ Долгорукій, и черезъ три дня послѣ того, а именно іюля 25 дня, прибыли подъ городъ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 555—570.

²⁾ У лѣтописца Величка сказано, что военачальниковъ встрѣтилъ наказной кошевой атаманъ вмѣсто властнаго атамана Яковенка, ушедшаго въ Кышкормень раньше прибытія гетмана и воеводы въ Каменный-Затонъ: Лѣтопись Самойла Величка. Кіевъ, 1855, III, 442.

Кызыкермень. Здѣсь, у стѣнъ города, гетмана и воеводу встрѣтили кошевой атаманъ Яковенко и отрядъ запорожскихъ козаковъ, которые опередили на нѣсколько времени шедшія за ними козацко-русскій флотъ. Запорожцы и здѣсь привѣтствовали гетмана словомъ и въ честь его выпустили изъ мушкетовъ столько выстрѣловъ, что отъ той стрѣльбы помрачился воздухъ и заволокло туманомъ солнце. Польщенный такимъ вниманіемъ, гетманъ Мазепа подарилъ запорожцамъ 2.000 золотыхъ изъ собственной казны ¹⁾). Тутъ кошевой обрадовалъ военачальниковъ вѣстью, что татары, услышавъ о движеніи по Днѣпру русскихъ войскъ, оставили Исламжермень и ушли прочь.

По приходѣ на мѣсто, гетманъ и воевода рѣшили сосредоточить свои силы только въ Таванскомъ и Кызыкерменскомъ городкахъ, а Шангирей на воздухъ взорвать, потому что онъ стоялъ на двѣ версты выше Тавани и вмѣсто пользы могъ приносить русскимъ одинъ вредъ. Таванъ опредѣлили укрѣпить новыми стѣнами и посадить въ немъ значительный гарнизонъ. Іюля 30 дня, послѣ молебна и водосвятія, около стараго города Тавани заложили новый, болѣе обширный, городъ; тотъ городъ укрѣпили глубокими рвами, обнесли толстыми, высокими каменными съ большими раскатами, стѣнами, и по стѣнамъ завалили дерновыми и земляными кошами. Для возведенія того города нарочно присланы были какой-то инженеръ—нѣмчинъ и русскій дворянинъ Василій Бухвостовъ ²⁾).

Едва русскіе приступили къ укрѣпленію Таванскаго городка, какъ у лѣваго берега Днѣпра, со стороны Конскихъ Водъ, показались сперва небольшіе отряды татаръ, а потомъ явился и самъ ханъ съ огромною ордой. Наблюденіе за движеніями непріятеля поручено было запорожскимъ козакамъ, которые стояли въ лодкахъ ниже Кызыкерменя на урочищѣ Высшей-Козацкой Головы ³⁾) и оттуда слѣдили за татарской ордой. Августа 2 дня къ Таванской крѣпости съ лѣвой стороны подошли крымцы, съ правой бѣлгородцы, а августа 10 дня стали подступать къ Тавани со стороны моря и турецкія войска. Кошевой атаманъ, Григорій Яковенко, далъ знать гетману

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855. III, 442.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 443.

³⁾ У Величка невѣрно названо «Козацкой Головой»: нужно думать, что это просто опечатка, допущенная издателями лѣтописи Величка: Козацкая—Голова и теперь есть урочище востѣ города Берислава, бывшаго Кызыкерменя.

Мазепѣ о томъ, что вверхъ по Днѣпру плывутъ на многихъ водныхъ судахъ турецкія войска. Всѣмъ стало очевидно, что непріятели готовились охватить русскихъ со всѣхъ сторонъ и грозили отрѣзать имъ путь. Августа 12 дня татары подослали къ запорожцамъ, стоявшимъ на Таванскомъ, выше Раскопанки, какого-то «крымскаго бусурманскаго человѣка». Тотъ человѣкъ подъѣхалъ съ лѣвой стороны Днѣпра и потребовалъ къ себѣ отъ запорожцевъ для разговора толмача. Запорожцы, желая знать, о чемъ будетъ рѣчь, послали отъ себя одного своего товарища, «добре знающаго агарянскимъ языкомъ». Когда тотъ товарищъ явился къ крымскому человѣку, то бусурманинъ его спросилъ, для какихъ мѣръ обрѣтается тутъ войско низовыхъ козаковъ. На то товарищъ отвѣчалъ ему, что войско низовое собрано потому, что видить бусурманскія силы, которыя идутъ воднымъ путемъ къ кызыкерменскимъ мѣстамъ. Послѣ этого татаринъ, испытывая толмача, спросилъ, правда-ли то, что запорожскаго войска въ судахъ до 14.000 человѣкъ. На это запорожскій толмачъ отвѣчалъ, что низового войска здѣсь имѣется 10.000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ гетманскимъ и боярскимъ всего 200.000 человѣкъ. Тогда татаринъ вмѣнилъ запорожскому толмачу такой отвѣтъ въ ложь, распростеръ руки свои на такія слова и съ удивленіемъ сказалъ: «Намъ, всему государству крымскому дивно то, что вы, войско запорожское низовое, при храбрости горячей своей, груди подставляете и кровавые бои съ нами чините для москалей, не вѣдая того, что москали давно васъ, козаковъ, ненавидятъ, совершенно хотятъ всѣхъ васъ въ неволю отдать, какъ и выдали уже; а если-бы вы, оставя москалей, съ нашимъ государствомъ крымскимъ свое радѣтельное пріятство хранили и въ перемиріи съ нами жили, то мы-бъ знали, какую честь, похвалу и какую награду за такую вашу рыцарскую храбрость вамъ оказать, а не такъ, какъ москали, которые ни во что имѣютъ васъ, такихъ храбрыхъ людей». Выслушавъ такія слова, сказанныя, очевидно, отъ всей орды, запорожскій толмачъ выбранилъ татаръ «за такое проклятое поганское желаніе», а самому бусурману далъ такой отвѣтъ. «Вѣдайте вы, бусурмане, что какъ его милость, господинъ ясневельможный гетманъ, такъ и мы, войско низовое, исповѣдуя истинную христіанскую вѣру, должны умирать за крестъ святой и за православнаго своего единого монарха, подставляя противъ васъ, бусурманъ, свои груди, и мы надежду въ праведномъ Божѣ полагаемъ, что нынѣ всѣхъ васъ, бусурманъ, одолѣемъ и впредь будемъ

одождатье получать». Послеъ этихъ словъ оба толмача прекратили свой разговоръ и разошлись каждый въ свою сторону ¹⁾.

Не смотря на долго дившіеся сборы къ походу, не смотря на прибытіе къ Таванскому городку, гетманъ и воевода, при видѣ массы враговъ, рѣшили за лучшее внезапно покинуть Таванъ и подняться вверхъ по Днѣпру. Чѣмъ руководились въ этомъ случаѣ начальники русско-козацкихъ войскъ, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, они опасались быть отрѣзанными отъ бусурманъ, можетъ быть, хотѣли обезпечить малороссійскіе города отъ набѣговъ татаръ. Самъ гетманъ писалъ царю, что онъ переправился черезъ Днѣпръ и ушелъ на рѣчку Орель «для отвращенія бусурманъ отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ царскаго величества городовъ ²⁾.

Такъ или иначе, но покидая турецкіе городки, гетманъ и воевода оставили въ нихъ всего войска до 6000 человекъ и въ томъ числѣ до 1.000 человекъ запорожскихъ козаковъ вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Яковенкомъ. Запорожскимъ козакамъ гетманъ далъ 1.000 червонцевъ и наказалъ имъ жить мирно съ русскимъ войскомъ и единодушно держаться противъ бусурманъ въ случаѣ прихода ихъ къ городкамъ ³⁾.

Августа 20 числа военачальники двинулись въ путь и сперва поднялись до запорожской Сичи, а отъ Сичи, августа 26 дня, добрались до острова Томаковки, гдѣ стоялъ тяжелый обозъ съ Леонтіемъ Свѣчкой. У острова Томаковки гетманъ приказалъ своимъ войскамъ высадиться на сушу, а все большія и малыя суда передать запорожцамъ. Здѣсь гетманъ получилъ извѣстіе о томъ, что въ Сичь явился изъ-заграницы «какой-то плугъ», который подговаривалъ запорожское войско идти въ польскую сторону на заграничную службу. И по тѣмъ подговорамъ уже отправилось двѣ ватаги, одна пѣшая въ 400 человекъ съ ватагомъ каневского куреня Морозомъ, а другая конная въ 80 человекъ съ бывшимъ кошевымъ атаманомъ Морозомъ; третья-же ватага собиралась съ какимъ-то Кравцомъ шууринскаго куреня. Гетманъ поторопился послать, на имя наказного кошеваго атамана Федора Ива-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1697, св. 102, № 24. Тоже самое у Величка, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 446.

новича, письмо въ Чертомлыцкую Сичь и въ томъ письмѣ доказывалъ, что ходить запорожцамъ въ заграничную службу, безъ воли государя, и неудобно да и нельзя. Уже и раньше запорожское войско, уходя въ заграничную службу, отъ того терпѣло много бѣдъ: одно—никакой себѣ корысти не получало, а другое—въ трудныхъ случаяхъ шло себѣ тамъ «сконченіе». Кромѣ того, по вѣчному миру, установленному между Россіей и Польшей, Польша никого изъ малоросіянъ и запорожцевъ ни явными, ни тайными способами не должна подговаривать на свою службу и даже добровольно къ ней входящихъ принимать не могла. Поэтому гетманъ предлагалъ запорожскому войску отыскать того плута, который, «разсѣваетъ подговоры», и прислать его въ Батуригъ. А для того, чтобы «пространнѣе изустными словами предложить войску увѣщаніе», гетманъ посылаетъ въ Сичу знатныхъ особъ, Ефима Лизогуба и Федора Кандыбу, и вручаетъ имъ для войска, на Кошѣ находящагося, тысячу золотыхъ да атаманамъ куреннымъ по сукну тузинку на кафтаны ¹⁾).

Наказной кошевой атаманъ Федоръ Ивановичъ и все бывшее на Кошу войско, получивъ отъ гетмана дары, послали ему благодарственный листъ и выразили въ немъ желаніе, «дабы дающая рука его вельможности войску низовому запорожскому никогда не осудѣвала». Относительно-же челоуѣка «той породы, что войско запорожское въ страну польскую затягаетъ», заявили, что такого ляха у нихъ на Кошу никогда не бывало и все войско о немъ ничего не слыхало. Если что и было между козаками, такъ это то, что нѣкоторые изъ товариства, не имѣя себѣ ни откуда пожитковъ, хотѣли было идти въ польскую сторону ради добычи, но такого дѣла имъ войско не позволило чинить ²⁾. Въ это-же время, а именно августа 23 дня, кошевой атаманъ Григорій Яковенко, оставшійся съ войскомъ возлѣ Тавани, у днѣпровскаго берега, выше Яремовки и зорко слѣдившій за всякимъ движеніемъ неприятеля, увидѣлъ 4 турецкихъ судна, внезапно ударилъ на нихъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, завладѣлъ однимъ изъ нихъ, взявъ при этомъ у враговъ одно знамя и одну пушку ³⁾).

Тѣмъ временемъ самъ гетманъ Мазепа отъ острова Томаковки

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

³⁾ Ваятышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1822, III, 34.

поднялся до Грушевки и расположился тамъ таборомъ. Въ это время къ нему явилось нѣсколько человекъ запорожскаго товариства съ новымъ письмомъ отъ кошевого атамана и съ турецкимъ языкомъ, недавно подѣ Таванью на водѣ взятымъ. Гетманъ, поблагодаривъ войско за присылку языка, возвратилъ его назадъ въ запорожскую Сичъ и, пользуясь случаемъ, написалъ запорожцамъ убѣдительное письмо не покидать Таванскаго и Кызыкерменскаго городковъ и всѣми силами оборонять ихъ отъ бусурманъ. То дѣло, то-есть очищеніе рѣки Днѣпра отъ бусурманскихъ жилищъ, есть зѣло потребное дѣло; еще за покойнаго кошевого Сирка запорожцы писали къ бывшему гетману, а теперь въ своихъ письмахъ къ самому Мазепѣ обновили свое прошеніе о томъ, чтобы «для отворенія на Черное море дороги» очистить Днѣпръ. И теперь тѣ письма запорожскаго войска лежатъ частію въ канцеляріи у гетмана, частію обрѣтаются въ приказѣ въ Москвѣ. По тѣхъ просьбахъ и докукахъ великій государь указалъ гетману идти съ войскомъ подѣ турецкіе городки и свои великороссійскія силы туда же велѣлъ отпустить. И теперь, когда Богъ посчастилъ тѣ городки въ руки забрать, нужно всѣ силы приложить къ тому, чтобы удержать ихъ за собой и чрезъ то отверстыя ворота къ Черному морю имѣть. Самъ гетманъ для того, чтобы подать опору и помощь находящимся въ городкахъ русско-козацкимъ войскамъ, сообщая съ русскимъ воеводой, послалъ къ Таванскому городку свѣжій въ 1000 человекъ отрядъ. Начальнику того отряда, лубенскому полковнику Яковлеву, и всѣмъ старшимъ и меньшимъ особамъ отданъ приказъ: нигдѣ не мѣшкать «подалѣ города» и, хотя-бы имъ пришлось сквозь непріятели пробиваться, непременно войти во внутрь городка для общаго отпора бусурманъ. Тому отряду, ѣдущему къ Таванскому городку, запорожское войско, находящееся въ Кошѣ, должно свою помощь оказать и приложить стараніе о томъ, чтобы провести его въ самую Тавань; если-же того почему-либо сдѣлать будетъ нельзя, то, по крайней мѣрѣ, поставить его вблизи города, для общихъ, вмѣстѣ съ запорожскими добрыми молодцами, промысловъ. Ради православной христіанской вѣры, ради монаршеской милости и ради своихъ подлинныхъ выгодъ, запорожцы отнюдь не должны ни отходить, ни отдаляться отъ занятаго ими городка, неизыскать всякіе способы къ тому, чтобы, «урывать непріятели, давать имъ знакъ, дабы поганцамъ страхъ могъ быти къ прекращенію ихъ поганскаго намѣренія». А наградой за «неотходную»

изъ-подъ Тавани службу по 2 талера каждому товарищу будетъ, на 1000 человекъ 2000 талеровъ; если-же окажется какая скудость въ хлѣбныхъ запасахъ, то въ такомъ случаѣ можно изъ Сичи взять изъ 100 кулей запаса, которые нарочно для такого случая въ войсковой походъ ¹⁾ оставлены ²⁾.

Гетманъ не напрасно обращался къ запорожскимъ козакамъ съ просьбой объ удержаніи ими Таванскаго городка. Уже вскорѣ послѣ отхода его вверхъ по Днѣпру кошевой атаманъ Григорій Яковенко и бывшее при немъ товариство оставили Таванскій городокъ и августа 28 числа, въ субботу, пришли въ Сичь. Какъ только кошевой пришелъ въ Сичь, въ тотъ-же часъ его сбросили съ атаманства за то, что «онъ не умѣлъ чинить около непріятеля промысла и до того дѣла былъ неохотенъ и боязливъ», и выбрали вмѣсто него атаманомъ бывшаго войскового асаула, именованъ Григорія. Къ этому-то кошевому атаману и явился гетманскій посланецъ, лубенскій асаулъ Яковлевъ. Поклонившись ему при всемъ собраніи, Яковлевъ передалъ войску приказаніе гетмана чинить промыслъ противъ непріятеля въ Таванскомъ городкѣ, въ случаѣ вступленія туда бусурманъ, а о себѣ сказалъ, что онъ, по волѣ гетмана, ведетъ подъ тотъ-же городокъ отрядъ козаковъ въ 1000 человекъ. Выслушавъ такой приказъ, всѣ козаки и самъ новый кошевой атаманъ рѣшили исполнить волю гетмана и въ ближайшій вторникъ, 31 числа, идти къ Таванскому городку, а для извѣстія о томъ опредѣлили послать къ гетману сичевого козака Якова Ворону, чтобы онъ его вельможности словесно могъ о рѣшеніи войска доложить ³⁾.

Обо всемъ, что произошло въ городѣ Тавани послѣ отхода отсюда русско-козацкихъ войскъ и что случилось въ это время въ Сичи, гетманъ донесъ царю въ обширномъ письмѣ, писанномъ изъ табора при Бодацкомъ перевозѣ, сентября 4 дня, 1697 года, и доставленномъ въ Москву знатнымъ войсковымъ товарищемъ Федоромъ Топольницкимъ.

«Повернувшись, вмѣстѣ съ ближнимъ вашего царского пресвѣтлаго величества бояриномъ и воеводою бѣлогородскимъ и наместникомъ великопермскимъ, княземъ Яковомъ Федоровичемъ Дол-

¹⁾ Шопа съ польскаго взора на русскій значить сарай.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

горуковымъ, съ плавного похода изъ-подъ Таванского города въ нашъ таборъ подъ Томаковку, я писалъ къ вамъ, великому государю, донося чрезъ почту о всякихъ поведеніяхъ, а также и о томъ, что при отходѣ нашемъ изъ-подъ Таванска, я, послѣ долгого убѣжденія, напоминанія и предложенія, оставилъ подъ городомъ кошевого атамана Яковенка съ товариствомъ въ тысячу или больше человекъ, приказавши имъ именемъ всемогущаго вашего царского пресвѣтлаго величества указа, чтобы они, вмѣстѣ съ великороссійскими людьми, оставленными въ новомъ городѣ Таванскѣ, задержались на нѣсколько недѣль, чинили надъ непріятелями промыслъ, сколько хватить способностей и силы, въ награду за что мы дали имъ, при отходѣ нашемъ, кромѣ прежнихъ нашихъ подарковъ, еще 2.000 золотыхъ. Потомъ, отправляя изъ обоза отъ урочища Томаковки знатную часть войска реймента нашего въ помощь оставленнымъ въ городѣ Таванскѣ, писали мы кошевому атаману и всему при немъ войску запорожскому, прилежно увѣщевая ихъ, чтобы они оказали помощь и проводили-бы въ путь нашихъ людей, посылаемыхъ въ городъ Тавань, а также и сами находились въ бодромъ и добромъ противъ тѣхъ непріятелей подвигъ и промыслъ и ни въ коемъ случаѣ не отходили-бы оттуда до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ непріятели, обѣщая имъ за понесенные въ военныхъ оказіяхъ труды особенную денежную награду, а именно по 2 талера на человека. Списокъ съ письма, которое писалъ я къ нимъ, посылаю нынѣ въ приказъ Малой Россіи. Теперь-же, вмѣсто моей надежды, мнѣ принесли извѣстіе изъ Сичи, что запорожцы, оставленные мной подъ городкомъ Таванскомъ, не сдержавши своего слова пробывать извѣстное время въ военныхъ промыслахъ, съ побудки неспокойныхъ головъ, бывшихъ между ними, стали враждебно относиться къ своему кошевому атаману и, не слушаясь его, всѣ возвратились въ Сичь, гдѣ лишили его атаманского уряда и вмѣсто него выбрали бывшего своего асаула, человека къ уряду неприличного и никакой знатности и заслуги въ Сичѣ между козаками не имѣющаго. Потомъ я писалъ съ дороги до полковника лубенского (Свѣчки) «жестоко» напомнить запорожцамъ о премошномъ монаршемъ указѣ и моемъ гетманскомъ словѣ, чтобы они безъ всякой отговорки шли къ городу Таванску и старались-бы какъ о томъ, дабы доставить въ городъ нами людей посланныхъ, такъ и о томъ, дабы промыслять надъ непріятелями, надѣясь за то на будущее время получить вашего царского величества милость, ко-

торая всегда и поможет и обогатит ихъ. Съ тѣмъ письмомъ и отправилъ моего нарочного знатного козака въ Сѣчу, черезъ котораго и ближній бояринъ и воевода писалъ о томъ-же къ стольнику и полковнику, посланному въ Тавань изъ Томаковского обова. И тотъ посланный козакъ возвратился оттуда къ намъ въ обозъ, на пристань Кодацкого перевоза, и принесъ письма какъ боярину и воеводѣ, такъ и мнѣ, гетману, писанныя. Въ тѣхъ письмахъ сказано, что по письмамъ и повелѣніямъ нашимъ войско низовое съ атаманомъ своимъ кошевымъ, новопоставленнымъ, охотно пошло изъ Сѣчи снова на Низъ, августа 31 дня, обще съ выпереченными ратными вашего царского пресвѣтлого величества людьми, которые отъ насъ изъ обова въ Тавань посланы черезъ того-жъ козака, изъ Сѣчи къ намъ возвратившагося. И то какъ словесно, такъ и письменно намъ донесено, что по 28 число августа непріятельскихъ приступовъ подъ Таванскій городъ не бывало. А письма тѣ туда-жъ, въ малороссійскій приказъ вашего царского пресвѣтлого величества посылаемъ. И какъ тамъ то войско низовое съ тѣми людьми военными, отъ насъ посланными, поступитъ и какое имѣти будетъ поведеніе, и что дѣлаютъ непріатели, о томъ ожидаемъ впредь вѣдомостей подлинныхъ, для которыхъ нарочно козаковъ вновь въ Сѣчу послали. Тутъ-же покорно доношу вамъ, великому государю, что изъ заграничной стороны внеслась въ Сѣчь вѣкаясь обмана, призывающая на службу запорожцевъ; по этой ложной молвѣ еще съ весны этого лѣта отправились въ Польшу двѣ ватаги запорожского товариства,—одна пѣшая съ ватагомъ, прозываемымъ Морозомъ, козакомъ каневскимъ, въ 400 человекъ; а другая конная съ Морозомъ, бывшимъ атаманомъ кошевымъ, въ 80 человекъ; а нынѣ, какъ мнѣ донесли, какой-то Кравецъ, шкуринского куреня, подбираетъ себѣ третью ватагу, имѣя намѣреніе идти въ ту-же польскую дорогу. И я, гетманъ, по должности моего уряда, какъ словесно наказного кошевого атамана съ куренными атаманами и съ товариствомъ во время встрѣчи съ ихъ стороны меня, такъ и письменно журилъ ихъ за тотъ непорядокъ, приказывалъ прекратить и удерживать отъ того зазыва людей своевольныхъ. Съ моимъ листомъ я посылаю въ Сѣчь войскового генеральнаго хорунжого Ефима Лизогуба и конотопского сотника Федора Кандыбу, которымъ они, запорожцы, отвѣтили, будто теперь у нихъ въ Сѣчѣ нѣтъ ни одного такого товарища, который хотѣлъ-бы идти въ Польшу на службу. И хотя отъ нихъ пользы

для службы мало, больше-же всего, какъ сказано выше, нерадѣнія, но я, имѣя въ виду то, чтобы они не отбѣгали отъ вашей великаго государя монаршей милости, поступилъ съ ними ласково: во время прихода моего съ войскомъ плавнымъ походомъ отослалъ имъ черезъ руки черниговскаго полковника три тысячи золотыхъ, которыми деньгами кошевой атаманъ съ товариствомъ, при немъ будучимъ, идя подъ Тавань, подѣлился. Потомъ я самъ, прибывши въ Тавань, далъ имъ, кошевому съ товариствомъ, двѣ тысячи, а во время отхода тысячу золотыхъ; а теперь отослалъ въ Сѣчь черезъ названныхъ генеральнаго хорунжого и конотопскаго сотника тысячу золотыхъ грошей да на жупаны каждому атаману по сукну тузинку; да кромѣ того обѣщалъ имъ денегъ, если останутся при Тавани. Всѣ эти подачи большой убытокъ причинили убогому войсковому скарбу, кромѣ особыхъ дачъ, которыя имъ давались. Тутъ-же покорно докладываю вамъ, великому государю, что бывшій атаманъ кошевой съ товариствомъ, будучи въ плавномъ походѣ ниже Таванскаго города, во время нашей бытности воелъ того города, по своей вѣрности и желательству, прислалъ ко мнѣ листъ, объявляя о непріятельской бусурманской прелести, какую толмачъ ихъ поганскій запорожскому толмачу, тамъ-же къ берегу днѣпровскому приблизившись, выговаривалъ. Этотъ листъ, а также и списокъ съ моего листа къ атаману наказному кошевому, черезъ хорунжого нашего генеральнаго посланный, а также и отвѣдъ на тотъ листъ мой отъ нихъ принесенную, посылаю въ приказъ Малой Россіи для вѣдома вамъ, великому государю. И о томъ покорно доношу, что, ставъ изъ плавнаго похода въ обозовое ополченіе и пришедъ къ пристани Кодацкой, переправились съ войсками черезъ рѣку Днѣпръ сентября 3 дня, а 4 того-жъ сентября, пошедъ отъ днѣпровскаго берега, пришли къ рѣкѣ Орели для обороны отъ непріятельскихъ приходоу вашихъ царскаго пресвѣтлаго величества великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ. О тѣхъ непріятеляхъ мы и теперь отъ полковника миргородскаго, на Орели съ войскомъ стоящаго, и отъ Пляки, ватага полевого узнали, что они немалою купою черезъ вершину рѣки Самары на сю сторону городовъ переправились. Тамъ около Орели мы разсуждать будемъ, гдѣ намъ найти приличное мѣсто для ставки обозомъ и сколько времени намъ ждать милостиваго царскаго пресвѣтлаго величества указа; о томъ просимъ съ войсками, которыя въ теченіе 16 недѣль, обрѣтаясь въ трудахъ и подвигахъ военныхъ, слишкомъ ого-

лодали и изнужились. Посылая объ этомъ нарочного, Федора Топольницкого, нашего знатного товарища войскового, къ вамъ, великому государю, къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, отдаюсь яко наипокорнѣй вашего царского пресвѣтлого величества благостыиѣ. Данъ въ таборѣ у пристани перевоза Кодацкого, сентября 4 дня, 1697 года¹⁾.

Отправивъ такое донесеніе царю въ Москву, гетманъ и воевода тѣмъ временемъ перебрались у Кодацкого перевоза черезъ рѣку Днѣпръ, дошли до рѣки Орели, и отъ Орели поднялись до Ворсклы рѣки; съ Орели они послали на подмогу оставленнымъ въ Тавани великороссійскимъ ратникамъ и малороссійскимъ козакамъ 760 человекъ лубенцевъ и 300 человекъ ратныхъ царскихъ людей, потомъ съ Ворсклы гетманъ отправилъ въ ту-же Тавань 1500 человекъ полтавцевъ и 300 лубенцевъ подъ командой полтавскаго полковаго судьи Буцаго. Послѣднему приказано было доѣхать до Сичи верхомъ, въ Сичи оставить лошадей, съѣсть на оставленные въ ней челны и въ тѣхъ челнахъ плыть подъ Тавань. Потомъ изъ мѣстечка Опошни гетманъ и воевода послали къ Тавани войска еще 20.000 человекъ и также велѣли имъ сперва ѣхать до Сичи на лошадяхъ, въ Сичи съѣсть на челны и такъ плыть Днѣпромъ до Тавани, сколько станеть челновъ на людей; не вмѣстившимся въ челнахъ ядти параллельно берегу пѣшкомъ²⁾.

Рѣшительныя намѣренія гетмана вернули снова къ дѣлу запорожцевъ: они вновь выступили противъ бусурманъ. Встрѣтивъ нѣкоторое число посланныхъ гетманомъ козаковъ, запорожцы, 4 сентября, провели ихъ въ городъ Тавань тогда, когда къ крѣпости уже явился Сераскиръ-паша съ 10.000 татаръ. Сентября 9 дня кошевой атаманъ съ отрядомъ запорожцевъ, не смотря на сильное сопротивление со стороны бѣлогородскихъ татаръ, успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ и вступить въ Тавань, гдѣ необыкновенно радостно былъ встрѣченъ русскими и запорожскими козаками, осажденными отъ мусульманъ. Русскіе засѣли въ городкѣ и мужественно отбивались отъ многочисленныхъ враговъ. Запо-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24. Это письмо приведено въ обрывкѣ и у лѣтописца Величка, но оно помѣчено у него датой августа 31 дня, 1697, (Лѣтопись, III, 453), тогда какъ въ подлинномъ актѣ стоитъ сентябрь 4 дня.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1697, л. 172, 219; Tagebuch des Gordon. St.-Petersburg, 1852, III, 143.

рожскіе козаки защищали одинъ изъ четырехъ раскатовъ (башенъ) крѣпости и упорно отражали бусурманъ. Тогда бусурмане подослали одного изъ своихъ къ кошевому и запорожцамъ съ предложеніемъ сдаться, чтобы не губить понапрасно своихъ силъ. Но на такое предложеніе козаки отвѣтили тѣмъ, что убили подосланнаго къ нимъ мусульманина.

Послѣ этого непріатели подѣлали шанцы у самой Тавани, вошли съ двухъ сторонъ въ ровъ, подкопали три бастіона и взорвали часть стѣны, но взять крѣпости все-таки не могли, потому что осажденные съ своей стороны насыпали внутри насыпи и дѣлали рвы.

На сколько трудно было въ это время положеніе запорожцевъ въ Тавани—это видно изъ писемъ властнаго кошевого атамана Яковенка къ наказному кошевому Яську Федоренку ¹⁾. Яковенко просилъ Федоренка какъ можно скорѣй («наипильне днемъ и ночью разрыватись») идти, со всѣмъ войскомъ («оразъ колько-колько есть на Кошѣ войска»), изъ Коша въ Тавань на помощь козакамъ противъ бусурманъ, а также донести о положеніи дѣлъ гетману Мазепѣ и молить его о присылкѣ въ Тавань малороссійскихъ полковъ ²⁾.

Положеніе дѣлъ въ Тавани, въ самомъ дѣлѣ, было весьма серьезно. Помощь, посланная отъ гетмана, находилась еще въ пути, а между тѣмъ враги не прекращали своихъ нападений на защитниковъ крѣпости. Покинувъ Тавань, непріатели перешли къ Кызыгерменскому городку. Но потерпѣвъ и здѣсь неудачу, мусульмане, сентября 23 дня, вновь перешли подъ Тавань и рѣшились сломить на свою сторону запорожскихъ козаковъ. Для того они бросили въ городъ посредствомъ стрѣлъ во избѣжаніе убійства своихъ посланцевъ, два письма, одно отъ татаръ, 23 сентября, а другое отъ турокъ, 24 сентября ³⁾.

«Черкасамъ, атаманамъ, сотникамъ и всей козацкой черни многое поздравленіе. Мы съ вами старые друзья. За что-же вы противъ насъ бьетесь? Зачѣмъ за Москву умираете? Въдъ Москва

¹⁾ Федоренко именуется себя то Ешпомъ, то Яскомъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1697, св. 12, № 1188—1120, св. 12, № 1141—1128.

³⁾ Лѣтописецъ Величко, передаетъ, что письмо было надѣто на копейное древко, воткнутое въ землю на могилѣ: Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 500.

съ вами не очень добрыя дѣла творить. Нашъ государь васъ къ себѣ приглашаетъ. Не бойтесь ничего дурного. На той сторонѣ гдѣ стоять каторги, тамъ увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь изъ вашихъ приходитъ къ этому знамени. Мы ханскому величеству донесемъ, и все станется, дастъ Богъ, по вашему желанію. Если-же это слово непригодно, — какъ себѣ знаете, а ваши грѣхи на вашихъ шеяхъ. Я здѣсь такой человѣкъ, что меня по-слушаютъ».

«Отъ войска турецкого и отъ хана крымского слово старшинамъ и всему козацкому войску, находящемуся въ городѣ. Нашъ падишахъ—старѣйшій надъ всѣми землями. Городъ, который вы заняли—его городъ. Сдайте его намъ добровольно, если хотите себѣ здоровья; а не сдадите, такъ мы его возьмемъ съ помощью Бога и Мухаммада, пророка его, и тогда васъ мечемъ истребятъ наши рыцари. Однажды и дважды вамъ говоримъ: сдайте городъ. Сегодня-же отпишите намъ отвѣтъ».

Запорожцы на эти письма отписали такъ:

«Мы, старшины великихъ войскъ московскихъ, и мы старшины войска запорожского и городовыхъ и охотныхъ полковъ, привили въ руки свои листъ вашъ, намъ чрезъ стрѣлу поданный, въ которомъ просите сдать городъ вамъ и устрашаете своими кавалерами и мечемъ. Знайте, что мы не походимъ на васъ, бусурманъ, и не вѣримъ вашимъ лживымъ пророкамъ, а надѣмся на всемогущаго Бога и на пречистую его мать, твердо уповаемъ, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавѣли ваши сабли и не ослабѣли руки, а хлѣбныхъ и боевыхъ запасовъ у насъ много. Не устрашайте насъ угрозами и не прельщайте обманами. Дѣлайте, что хотите, а мы не подумаемъ отдавать этого города въ вашу область, но всякій часъ ожидаемъ къ себѣ войскъ, и готовы мужественно стоять, пока силъ нашихъ станеть, за вѣру православную, за честь и за имя нашего государя. Надѣмся при помощи божіей нанести вамъ великое пораненіе и будетъ вамъ вѣчный срамъ».

Письмо, по примѣру враговъ, послано было изъ города посредствомъ стрѣлы ¹⁾.

Послѣ этого непріатели безуспѣшно простояли подъ крѣпостью 16 дней, съ 25 сентября по 10 октября, пытались посредствомъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1697, № 39; Архивъ мин. юст., 1697, кн. 81, л. 231, 268, 323.

приступовъ и подкоповъ взять городокъ. Подъ конецъ, услышавъ о приближеніи къ Тавани свѣжихъ русскихъ силъ, которыя шли подъ начальствомъ полтавскаго полковника Ивана Искры, враги отступили отъ нея.

Изъ запорожцевъ во время осады непріятелями Таванскаго городка было убито 48 человекъ, ранено 78. За участіе въ Таванскомъ и кызыкерменскомъ дѣлѣ кошевому атаману дано было 50 ефимковъ, писарю—30, асауду 25 ¹⁾).

Такъ окончился этотъ безславный для гетмана Мазепы на низовье Днѣпра походъ.

---

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 38; его же Источники, Москва, 1828, II, 21; Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 81, л. 643—666.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новыя приготовленія гетмана Мазепы и воеводы Долгорукаго къ походу подъ Тавань.— Обращенія запорожцевъ къ царю съ просьбами о денежной награждѣ.—Развѣдки гетмана о положеніи дѣлъ у бусурманъ.—Недостатокъ челновъ у запорожцевъ и старанія ихъ о построеніи морской флотиліи.—Отправка Мазепой ватаги козаковъ для развѣдки о настрѣеніяхъ бусурманъ.—Присылка отъ гетмана въ Сичь хлѣбныхъ запасовъ и войсковыхъ клеймотовъ.—Движеніе Мазепы и Долгорукаго съ войсками по степи къ Таванскому городку.—Движеніе кошевого атамана Яковенка внизъ по Днѣпру.—Отступленіе русско-козацкихъ войскъ отъ Таванскаго городка.—Миръ Россіи съ Турціей въ Карловицѣхъ въ 1699 году.—Раздоръ между запорожцами, сердюцкими козаками и великороссійскими ратниками въ Тавани и жалобы по этому поводу отъ Коша гетману и царю.—Отправка царскаго посла въ Сичь.—Челобитная запорожцевъ царю за лишеніе ихъ вѣльностей на рѣкѣ Самарѣ.—Тридцатилѣтній миръ Россіи съ Турціей въ 1700 году.

Не успѣли гетманъ Мазепа и воевода князь Долгорукій вернуться изъ-подъ Таванскаго городка, какъ вновь начали готовиться въ походъ къ низовьямъ Днѣпра. На этотъ разъ гетманъ прежде чѣмъ выдти въ походъ отдалъ приказъ, ноября 24 дня, 1697 года, полтавскому полковнику Ивану Искрѣ привести въ извѣстность всѣ урочища, острова, рѣки, озера, лиманы, броды, вѣтки и балки Днѣпра, начиная отъ Мишурина-Рога и кончая устьемъ Буга съ Песчанымъ бродомъ и Очаковымъ. Составленный по этому поводу «реестръ приметъ» даетъ точный и подробный матерьялъ для топографіи всей подднѣпровской части Запорожья XVI вѣка ¹⁾.

Пока шли эти приготовленія къ новому походу, тѣмъ временемъ запорожскіе козаки, пользуясь удобнымъ случаемъ, обращались съ просьбами то къ гетману Мазепѣ, то къ царю Петру Алексѣевичу о выдачѣ имъ жалованья за ихъ вѣрныя и неизмѣнныя службы. Прежде всего запорожцы отправили двухъ челобит-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1855 III, 471—486; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 572—576; Архивъ министер. ин. дѣлъ, 1698, св. 103, № 5.

чиковъ, полковниковъ Якова Покотила да Лукьяна Тимоеева, съ просьбой о выдачѣ жалованья 1.100 козакамъ, сидѣвшимъ въ Таванскомъ городкѣ до весенняго времени.

По этой челобитной государь велѣлъ выдать тысячѣ ста запорожцамъ — денегъ 1.500 рублей, суконъ 100 портищъ, пицалей 125. Кромѣ того особо тѣмъ пятистамъ запорожскимъ товарищамъ, которые послѣ отхода воеводы Долгорукаго и гетмана Мазепы, оставались въ Таванскомъ городкѣ, велѣно было выдать на человѣка по 2 рубля съ полтиной.

Въ слѣдъ за этимъ кошевой атаманъ Григорій Яковенко и все низовое товариство послали къ царю Петру Алексѣевичу куренныхъ атамановъ Ѳедора Лысаго да Семена Ганджу съ просьбой о выдачѣ войску запорожскому денежнаго годового прибавочнаго жалованья. Ѳедоръ Лысый и Семенъ Ганджа прибыли въ Батуригъ съ товарищами въ числѣ 315 человѣкъ, которые привезли съ собой отнятый у бусурманъ значекъ и нѣсколько человѣкъ бусурманскихъ языковъ. За многолюдствомъ они были разставлены на становища возлѣ Батурина и прожили въ малороссійскихъ городкахъ больше мѣсяца.

И на эту просьбу послѣдовала царская милостивая грамота о пожалованіи кошевому атаману Григорію Яковенку и всему при немъ запорожскому посольству за вѣрныя царскому пресвѣтлому величеству службы годовое противъ прежняго жалованье ¹⁾. Жалованье велѣно было отправить въ Запорожье со стряпчимъ Михайломъ Васильевичемъ Текутьевымъ, вѣдавшимъ приѣздами и отпусками гетманскихъ и запорожскихъ гонцовъ и посланцевъ ²⁾. Особо тѣмъ 315 козакамъ, которые жили на становищахъ у Батурина, приказано было выдать по 1 рублю да по 1 портищу на человѣка.

Царское жалованье для 1.100 человѣкъ запорожцевъ, сидѣвшихъ въ Тавани, и для 315 человѣкъ, привезшихъ турецкое знамя, доставлено было декабря 4 дня, 1697 года, подъячимъ Иваномъ Петровымъ въ городъ Батуригъ. Въ это время находившіеся возлѣ Батурина 315 человѣкъ козаковъ, ссылаясь на то, что они и голы, и босы, изъявили желаніе получить свою долю не въ Сичѣ, а въ самой Украинѣ, хотя въ то-же время объявили

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 2, № 1154—36.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1698, св. 103, № 7.

о необходимости оставаться до весны въ украинскихъ становищахъ. Гетманъ Мазепа, выслушавъ такое заявленіе, не пожелалъ взять на себя рѣшеніе такого дѣла, снесся по этому поводу съ самимъ государемъ и при этомъ, пользуясь случаемъ, осмѣлился напомнить царскому пресвѣтлому величеству о прежней своей просьбѣ за 600 человекъ запорожцевъ, ходившихъ съ полковникомъ Иваномъ Искрой изъ Сичи «на выручку» къ городу Тавани и спрашивалъ у государя, слѣдуетъ-ли и тѣмъ 600 запорожцамъ удѣлить часть изъ присланнаго жалованья.

Государь на оба гетманскіе запросы отвѣчалъ однимъ указомъ: отдать-ли въ городахъ или послать на Кошъ денежное жалованье, суена и пищаля, назначенныя для таванскихъ запорожскихъ сидѣльцевъ, и изъ того жалованья отдѣлить-ли часть кошевому атаману, писарю и асаулу, бывшимъ въ той-же осадѣ, и шестистамъ запорожцамъ, приходившимъ подъ Тавань съ полтавскимъ полковникомъ Искрой—о томъ «сдѣлать гетману по собственному разсмотрѣнію, по тамошнему дѣлу, какъ-бы лучше и пристойнѣе все дѣло вышло» ¹⁾.

По такой резолюціи шестистамъ запорожцамъ выдано было 1.200 рублей денегъ, т. е. по 2 рубля на каждого человекъ ²⁾, а остальнымъ козакамъ роздано было жалованье по гетманскому усмотрѣнію.

Удовлетворивъ всѣ претензіи запорожцевъ, Мазепа сталъ собирать свѣдѣнія о намѣреніяхъ бусурманъ, для чего отдалъ приказъ по своимъ полкамъ, дабы охочіе полевые козаки радѣли о добываніи татарскихъ языковъ. По тому гетманскому приказу свѣто Петро Яловець, житель города Царичанки, «прибралъ къ себѣ» ватагу болѣе, чѣмъ въ 20 человекъ, дошелъ съ той ватагой до самаго устья рѣки Днѣпра, нашелъ тамъ около 30 человекъ запорожскихъ козаковъ и съ тѣми козаками залегъ стерегти шляхъ отъ Перекопа къ Очакову и тамъ у урочища Нижнихъ-Бучугуръ, прилегающаго къ Стрѣлицъ, на сей сторонѣ Каланчака, «постигъ» двухъ человекъ татаръ и двухъ человекъ турецкихъ людей. Послѣ этого, сопровождаемый запорожскимъ ватагомъ, Яловець привелъ плѣнныхъ въ Батурино и отдалъ ихъ на допросъ гетману. Плѣнные языки дали немало весьма полезныхъ для гет-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698 св. 103, № 1; Архивъ министер. юстиціи, 1698, № 81, л. 643—666.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик., 1697, № 78, л. 78—81.

мана указаній. Крымскій ханъ, вмѣстѣ съ Юсупъ-пашой, по отходѣ изъ подъ Тавани, пошелъ къ турецкому султану просить, чтобы падишахъ или лично шелъ отбирать назадъ взятые русскими города, или-же великаго везира съ войсками для той цѣли отправилъ. Идя къ султану, ханъ велѣлъ по всему Крыму разослать бирючей или делляловъ и черезъ нихъ всѣмъ крымцамъ объявить о томъ, чтобы они отговаривались своихъ захудалыхъ лошадей и собирались въ походъ. Въ это-же время туркамъ отъ сераскерь-паши отданъ былъ приказъ помогать хану въ предстоящей съ русскими войнѣ. Но только турки не сочувствовали приказу сераскерь-паши и отказывались тѣмъ, что съ нихъ довольно воинскихъ трудовъ и въ лѣтнюю пору. У Очакова и Таванскаго городка оставлены были два паши, но падишахъ приказалъ, за какой-то проступокъ съ ихъ стороны, власть надъ войскомъ у нихъ отнять. Въ Крыму въ это лѣто былъ большой на людей моръ, отъ котораго много татаръ въ разныя стороны разошлось, но потомъ то моровое повѣтріе стало утихать. Самъ турецкій султанъ обрѣтается въ Адрианополѣ и тамъ противъ него поднялось смятеніе отъ янычаръ. Тѣ янычары ходили противъ нѣмцевъ на бой и когда возвращались назадъ, то на пути убили везира за то, что онъ имъ денегъ не доплатилъ. Когда-же султанъ узналъ о такомъ поступкѣ янычаръ, то послалъ противъ нихъ отрядъ войскъ къ одному мосту, по которому они должны были проходить, и велѣлъ тому отряду тотъ мостъ подрубить. И когда то все случилось такъ, какъ повелѣлъ султанъ, то янычаръ, обвалившихся на мосту, догнали нѣмецкіе стрѣлки и изрубили ихъ «въ пень»¹⁾.

Всѣ эти вѣсти гетманъ Мазепа нашелъ столь важными для будущей войны, что и самихъ бусурманъ, и тѣхъ козаковъ, которые ихъ привезли, поспѣшилъ отправить въ Москву²⁾.

За доставленныя свѣдѣнія о поведеніи бусурманъ гетманъ Мазепа получилъ отъ царя большую похвалу.

Такую-же похвалу получили и запорожскіе козаки. Къ запорожскимъ козакамъ царь Петръ Алексѣевичъ въ это время особенно благоволилъ, и это выразилось въ щедрыхъ подаркахъ имъ. Такъ, января 11 дня, 1698 года, царь послалъ Мазепѣ указъ съ милостивымъ жало-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 108, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 108, № 1.

ваньемъ 975 запорожцамъ, бывшимъ въ Таванскомъ городкѣ въ осадѣ отъ бусурманъ. Жалованье это состояло изъ денегъ, суконъ и пища-лей, по великороссійскому счету равнялось, кромѣ суконъ, 2.802 руб-лямъ, по малороссійскому—14.410 золотыхъ. Гетманъ на каждого казака далъ по 3 рубля денегъ да по портицу сукна, 2 полков-никамъ, 2 асауламъ да 10 сотникамъ по 4 рубля на человѣка. А что осталось денегъ и суконъ послѣ раздачи, то гетманъ нашелъ нужнымъ сохранить для будущаго времени, чтобы роздать такимъ казакамъ, которые «за труды и за службы покажутся быть годными».

Исполняя царскую волю о раздачѣ запорожцамъ жалованья, гетманъ далъ обѣщаніе государю сдѣлать предписаніе запорож-скимъ казакамъ, находящимся на становищахъ въ украинскихъ городахъ, впредь людямъ никакихъ отягощеній не чинить и ухо-дить на свое «обычное» мѣсто, Сичь. И хотя запорожцы ранѣ весны не имѣютъ обыкновенія возвращаться въ Сичу, но гетманъ напишетъ о томъ всѣмъ, которые въ разныхъ полкахъ и городахъ находятся, и сообщитъ имъ волю государя ¹⁾.

Въ половинѣ января того-же 1698 года царь Петръ Алексѣ-вичъ послалъ съ подъячимъ Иваномъ Инеховымъ въ городъ Ба-туринь другое денежное жалованье для 130 запорожцевъ, которые приходили съ Кардашина «сидѣть» въ Таванскій городокъ: имъ велѣно было выдать по 1 рублю денегъ и по 1 портицу сукна на человѣка, «буде подлинно тѣ запорожцы изъ Кардашина при-шли и въ осадѣ обще съ иными найдовалися» ²⁾.

Тѣмъ временемъ дѣлались разныя приготовленія къ новому походу. Но, какъ и раньше, они шли очень медленно. Главное затрудненіе состояло въ неимѣніи лодокъ для рѣчного похода. Марта 10 дня гетманъ Мазепа написалъ письмо царю Петру Алексѣвичу и въ томъ письмѣ изложилъ, что обременять вновь жителей малороссійскихъ городовъ постройкою судовъ онъ ни въ коемъ случаѣ, вслѣдствіе могущаго произойти чрезъ то народнаго ропота, не можетъ. Народъ и безъ того негодуетъ за непрерывныя требованія отъ него подводу для доставки хлѣбныхъ запасовъ въ Тавань и въ Запорожье. У запорожскихъ казаковъ отъ прошло-годняго похода оставалось «полковыхъ» судовъ счетомъ 50, на

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1698, св. 103, № 7.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1163 — 1144.

половину, однако, попорченныхъ ими черезъ возку въ нихъ дровъ, травы «и другихъ потребностей»; липовыхъ и дубовыхъ лодокъ можно было собрать въ Запорожьѣ до 80, но въ нихъ слишкомъ мало можетъ помѣститься походнаго войска ¹⁾. Правда, гетманъ черезъ стряпчаго Михаила Васильевича Текутьева, ѣхавшаго въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ, писалъ запорожскимъ козакамъ письмо съ приказаніемъ безъ всякой отговорки сдѣлать 40 судовъ къ весеннему походу изъ присланныхъ къ нимъ въ прошломъ году отъ великаго государя подошвъ (основъ) и другихъ лѣсныхъ матерьяловъ. Но посланныя къ запорожцамъ подошвы и лѣсные матерьялы, вслѣдствіе умаленія воды въ днѣпровскихъ порогахъ и оттого вслѣдствіе невозможности переправы ихъ черезъ пороги, оставлены были въ «тиховодныхъ мѣстахъ» подъ Кодакомъ и сданы были въ вѣдѣніе кодацкаго полковника съ товариществомъ. Другіе же, необходимые къ тѣмъ подошвамъ, матерьялы, какъ-то: якоря, желѣзо, полотно, пенька, веревки, смола и канаты, отданы были нарочно присланнымъ къ Кодаку запорожцамъ и должны были быть доставлены въ Сичу. Но на тѣхъ запорожскихъ нарочныхъ, какъ разъ передъ прибытіемъ въ Кодакъ съ войскомъ самого гетмана, когда они за пьянствомъ забыли всякую отъ враговъ осторожность, напалъ татарскій чамбулъ и захватилъ у нихъ коней. Кромѣ того большое затрудненіе доставляетъ гетману и все запорожское войско: приученные гетманомъ и княземъ въ прошлый походъ къ большимъ денежнымъ и другимъ подаркамъ, козаки уже теперь требуютъ себѣ денежной платы и домогаются «надлежащаго» въ городахъ прокормленія. И вообще запорожцы весьма неохотны къ настоящему походу. Еще въ прошлый походъ, прибывъ къ Таванскому городу и остановившись у урочища Голой Пристани, они, хотя и учинили тамъ съ непріятельскими судами «войскую заѣмку», но дальше этого не пошли, отговариваясь тѣмъ, что противъ нихъ стоитъ слишкомъ много непріятельскихъ судовъ, снабженныхъ пушками, съ которыми ни они, ни предки ихъ никогда «открытымъ лицомъ» не воевали, и что противъ военныхъ турецкихъ каторгъ слишкомъ углы и мелки запорожскія лодки. Оттого запорожцы больше нападали на купеческія каторги, и если были иногда застигаемы у

¹⁾ Въ отдѣльности всѣхъ оставленныхъ въ Сичи и Тавани полковыхъ судовъ насчитывалось: 66 дубовъ, 46 струговъ и 2 фурката.

днѣпровскаго гирла, гдѣ-нибудь возлѣ Очакова, турецкими военными каторгами, то, не вступая съ ними въ бой, уклонялись отъ нихъ къ урочищу Стрѣлицѣ, тамъ рубили или топили свои челны, а сами уходили до Сичи гѣшкомъ. По всему этому Мазепа не ждалъ отъ запорожцевъ, хотя они подѣ Таванскимъ городомъ и показали въ прошлый походъ «усильственный съ погаными бой», душевной помощи въ предстоящемъ походѣ и просилъ государя побудить ихъ къ тому своею царскою грамотой ¹⁾.

Самъ Мазепа, желая добыть подлинныя вѣсти «объ оборотахъ» Бусурманъ, на первой недѣлѣ великаго поста отправилъ бывшаго кошевого атамана Ивана Гусака съ товариствомъ, зимовавшаго передъ тѣмъ возлѣ Батурина, къ рѣкѣ Бугу, давъ ему компанейскаго сотника Павла Ѳедорова рубановскаго коннаго полка съ «знатною» частью товариства ²⁾ и приказавъ ему прослѣдить за татарами, которые будутъ строить мостъ на рѣкѣ для переправы ко немъ бѣлогородцевъ черезъ Бугъ. Гусакъ и сотникъ Ѳедоровъ, претерпѣвая страшныя стужи и большія нужды, долго поджидали Бусурманъ и, наконецъ, уже въ маѣ, 20 числа, дождались прибытія въ урочище Сугаклею одного бѣлогородско-ногайскаго загона, числомъ въ 76 человекъ, подѣ начальствомъ Девлетъ-аги. Татарскій загонъ, переплывъ въ бродѣ рѣку Бугъ, направился въ городъ Крыловъ, что у праваго берега рѣки Днѣпра, для поимки русскаго языка. Перейдя съ нѣсколькими десятками лошадей рѣку Бугъ, татары скоро добрались до урочища Сугаклей и какъ разъ въ полдень нарвались на Ѳедорова и Гусака, когда они стояли на стану. Козаки храбро напали на татаръ, пока они не успѣли устроиться кошемъ, и вступили съ ними въ бой. Бой длился два часа. Подѣ конецъ, когда Девлетъ-ага, потерявъ подѣ собой коня, сѣлъ на другого коня и обратился въ бѣгъ, то за нимъ побѣжали и весь его чамбулъ. Тогда козаки побѣжали по слѣдамъ татаръ и однихъ изъ нихъ побили въ полъ, другихъ разогнали, а третьихъ, числомъ, шесть человекъ, взяли въ полонъ и представили гетману Мазепѣ въ таборѣ подѣ Човными. Гетманъ, подвергнувъ допросу взятыхъ татаръ въ плѣнъ, отправилъ ихъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Гусакомъ и Павломъ Ѳедоровымъ въ Москву, при чемъ о послѣднихъ двухъ просилъ государя пожаловать ихъ, ради поне-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1698, св. 104, № 18.

²⁾ Всего было у Гусака и Ѳедорова 120 человекъ козаковъ.

сенныхъ ими трудовъ и ради службы на будущее время, своимъ царскимъ жалованьемъ.¹⁾

Плѣнные татарскіе языки, поставленные на допросъ, показали, что о намѣреніи русскаго царя идти на турокъ и татаръ уже давно извѣстно въ Крыму, а именно извѣстно то, что московскія войска «на три части пойдуть»: одни сухимъ путемъ на Крымъ; другіе отъ Азова на городокъ Горбатовъ, что на Юнскихъ Водахъ, а третьи водой на Чапгаръ. Противъ тѣхъ, которые будутъ идти сухимъ путемъ, стануть нуррединъ и калга-салтанъ съ ордой; противъ тѣхъ, которые пойдуть водой, стануть турецкія войска, которыя также прійдутъ водой. Кромѣ того въ Измаилъ и Киію пришли 4 паша къ большимъ числомъ турецкихъ войскъ²⁾. Они послали отъ себя въ польскіе края подѣзды для разузнанія о тамошнихъ дѣлахъ, и если получатъ вѣсть, что польскія войска пойдуть въ Бѣлогородчину и подъ Каменецъ-Подольскъ, то и сами туда-же пойдуть; если-же польскія войска въ Бѣлогородчину и подъ Каменецъ-Подольскъ не пойдуть, то наши двинутся сухимъ путемъ къ Очакову, а оттуда подъ Кызыкермень и Тавань. Самъ турецкій султанъ, а вмѣстѣ съ нимъ и крымскій ханъ, находятся въ Адрианополѣ, откуда намѣреваются идти въ Венгерскую землю; туда-же велѣно идти Казыгераю съ ногайскою и городскою ордой. Въ Крыму всю зиму былъ великій моръ на людей, который теперь, однако, совершенно утихъ³⁾.

За доставленные вѣсти Павелъ Федоровъ и Иванъ Гусакъ съ товарищами были награждены деньгами и подарками и отпущены домой⁴⁾.

Не смотря на такую грозу, запорожцы не спѣшили приготовленіями къ походу на низовье Днѣпра. Іюня 2-го дня кошевой атаманъ Григорій Яковенко и все запорожское низовое войско послали гетману Мазепѣ, черезъ козака Якова Пашенка и Степана Ляшенка, свой листъ съ увѣдомленіемъ о томъ, что хотя имъ и велѣно было забрать въ Сичь всѣ присланные отъ государя и находившіяся въ Кодакѣ подошвы для сооруженія морскихъ чел-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣлъ, 1698, св. 105, № 29, подл. акты, св. 12, № 1174—1154.

²⁾ По другому показанію, въ числѣ 20.000 человекъ.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1698, св. 105, № 29.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1698, св. 105, № 30.

звѣ, но войско того приказанія тотчасъ исполнить не могло: одна часть его въ то время ходила въ воинскіе промыслы на низовьѣ Днѣпра; другая часть, сообразно рыцарскому обычаю, находилась въ полѣ, а третья часть была на рѣчкахъ полевыхъ. Теперь-же, когда войско вернулось въ Сичь, кошевой атаманъ немедленно отправилъ «нѣкоторое свое товариство» въ Кодакъ и велѣлъ ему оставить свои подошвы и всѣ дѣсные матерьялы въ самую Сичь. Когда-же посланные справятся со своими дѣлами, то войско обѣщается немедленно взяться за сооруженіе мореходныхъ челновъ и просить только прислать нѣсколько денегъ («золотыхъ грошей») для расплаты съ мастерами и ковалями, которые будутъ дѣлать гвозди, скобы и иныя на морскія суда оковы, все остальное запорожцы сдѣлаютъ сами безъ платы, и когда все будетъ готово, исполнять царскую службу съ большой охотой. Теперь-же просить гетманскую вельможность оказать имъ милость прислать для сичевой святопокровской церкви, «выставленной коштомъ и стараніемъ» самого-же гетмана, на крышу и на три креста Господня жести или блага желѣза и на окна надлежащихъ оболочей, «особливо же всего иконнаго изображенія зупольного¹⁾ алтаря Господня». За исполненіе такой просьбы преблагословенная дѣва Марія покроетъ его вельможность своимъ омофоромъ, украситъ его душу боголюбивою гѣпотою, избавитъ отъ всякихъ бѣдствій и умолитъ своими матерними молитвами сына своего, Христа Бога нашего²⁾.

Хотя гетману и не нравилась медленность сборовъ къ походу со стороны запорожцевъ, тѣмъ не менѣе онъ старался исполнять всѣ ихъ просьбы въ точности. Такъ, черезъ посланца своего Якимъ Кныша, онъ отправилъ въ Сичь 500 бочекъ борошна, собраннаго у Переволочанскаго перевоза; кромѣ того послалъ войску знамя съ изображеніемъ на немъ покрова пресвятой Богородицы и литавры и обѣщалъ ислхопотать для запорожскаго войска у великаго государя «особливое военное знамя»³⁾. Не забылъ гетманъ и таванскихъ запорожцевъ, для которыхъ просилъ великаго государя о выдачѣ хлѣбныхъ, въ видѣ крупы, запасовъ, и на ту гетманскую челобитную послѣдовала царская милость⁴⁾. Нужно

¹⁾ Зупольный съ польскаго «zupolny» — цѣлый, полный, совершенный.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1173—1153.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1698, св. 105, № 29.

думать, что именно въ это-же время, по челобитной Мазепы, послано было изъ Москвы таванскимъ запорожцамъ зелья (пороху) сверхъ годового количества 50 пудовъ ручного, 50 пудовъ пушечнаго и 30 пудовъ свинцу ¹⁾.

Удовлетворяя всѣ просьбы запорожцевъ, гетманъ Мазепа немало, однако, тому дивился, что они такъ долго не отвѣчали ему на его предписаніе о заготовленіи челновъ къ предстоящему походу и ничего не сообщили ему о своихъ планахъ: два раза онъ писалъ имъ приготовить со всею «пильностью» для плавнаго похода морекодные струги и изготвиться въ военный походъ въ предстоявшее лѣто, и только послѣ третьяго раза, когда гетманъ послалъ къ запорожцамъ съ борошномъ, со знаменемъ и съ котлами (бубнами), Якимъ Кныша, они написали гетману благодарственный листъ отъ всего войска ²⁾.

Что было причиной такой медлительности со стороны запорожцевъ—неизвѣстно. Но получивъ хлѣбные запасы и принявъ «барзо учтиво и хвалебно» пожалованные клейноты, запорожцы запасы спрятали «въ удобныя мѣста до слушного часу» и написали гетману отъ всего войска живѣйшую благодарность и дали обѣщаніе вѣрно служить великому государю ³⁾.

Послѣ всего этого гетману Мазепѣ ничего другого не оставалось, какъ идти походомъ противъ бусурманъ. На этотъ разъ онъ пошелъ уже не плавнымъ, а сухимъ путемъ и притомъ не правымъ, а лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Отправивъ впереди себя въ Таванскій городокъ четыре полка, гетманъ оставилъ при себѣ шесть полковъ и съ ними двинулся отъ Батурина къ рѣкѣ Коломаку, гдѣ соединился съ княземъ Яковомъ Федоровичемъ Долгорукимъ, а отъ Коломака пошелъ къ рѣкѣ Орели и, іюня 7 дня, былъ уже таборомъ за Орелью ⁴⁾. Отъ рѣки Орели, перейдя Самарь, гетманъ и князь двинулись «перекопскою стороною»; однако, боясь безводья и безкормицы въ перекопской степи, повернули къ городу Тавани и потомъ послали отъ себя отрядъ въ 10,000 человекъ подъ городъ Очаковъ. Кошевой атаманъ Григорій Яковенко шелъ плавнымъ путемъ къ днѣпровскому лиману и чинилъ промыслы противъ непріятелей.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1175—1156.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты. 1698, св. 11, № 1175—1155.

Но походъ этотъ окончился не только неудачно, а даже позорно для гетмана и воеводы: гетманъ и воевода, разсчитывая легко покончить съ Очаковымъ, скоро убѣдились, что взять его они вовсе не могутъ: «Намъ не образецъ запорожцы, которые въ малолюдствѣ ночью воровски проплываютъ, или сухопутьемъ пробраются къ морю. У насъ большіе обозы. Какъ только мы туда дойдемъ, въ Царьградѣ узнаютъ и пришлютъ противъ насъ на ваторгахъ войско. И теперь стоять намъ подѣ Кызыкерменемъ и Таванскомъ невозможно: люди отъ недостатка продовольствія разбѣгаются; запасъ на пять мѣсяцевъ на подводахъ привезти сюда трудно, а тѣ, которые отправлены были на судахъ, пропали въ порогахъ, и здѣсь ни за деньги не купить, ни саблю ничего достать невозможно. Поэтому лучше назадъ воротиться»¹⁾.

Такъ гетманъ и воевода дѣйствительно и воротились ни съ чѣмъ изъ похода, еще разъ показавъ свою неспособность къ военнымъ подвигамъ²⁾.

Вмѣстѣ съ гетманомъ и воеводой покинулъ городъ Таванъ и кошевой атаманъ Григорій Яковенко. Покидая низовье Днѣпра, Григорій Яковенко оставилъ въ Тавани нѣсколько человекъ запорожскаго товариства и приказалъ имъ не переставать бороться съ врагами святаго креста.

Оставленные въ Тавани запорожцы, сколько могли, исполняли приказъ своего атамана, и въ концѣ декабрѣ мѣсяца въ числѣ девяти человекъ, подѣ начальствомъ товарища сергіевского куреня, Максима, ходили къ урочищу Стрѣлицѣ и захватили тамъ четырехъ татаръ въ плѣнъ³⁾, за что гетманъ исклопоталъ для таванскихъ запорожцевъ хлѣбные запасы отъ царя⁴⁾.

Мелкія дѣйствія запорожскихъ козаковъ общему дѣлу нисколько не помогли, и потому уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1698 года между Россіей и Турціей открылись переговоры о перемиріи на венгерскомъ сеймѣ въ придунайскомъ городѣ Карловичахъ. Января 14 дня, 1699 года, по карловицкому договору «единодушнымъ» соглашеніемъ Россіи и Турціи постановлено было: «Да престанетъ всякая брань, и война, и рать, и сраженіе, и обоуду отдалятся

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1698, книга 68, л. 59.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 22.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 8, № 729а—718.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 107, №№ 14, 23.

и истребятся враждебныи дѣла и отъ подданныхъ его царскаго величества москвитиновъ, и козаковъ, и иныхъ, предѣлажъ мусульманскимъ, и крымскимъ и инымъ его султанову величеству подлежащимъ мѣстомъ и подданнымъ никакой набѣгъ и вредительное дѣло, и ни тайно, ни явно, никакой вредъ учинити»¹⁾.

Перемиріе заключено было на два года, и гетману Мазепѣ посланъ былъ, апрѣля 6 дня, списокъ съ договорной грамоты между русскимъ царемъ и турецкимъ султаномъ.

Гетманъ Мазепа, получивъ списокъ съ грамоты, объявилъ о томъ, послѣ праздника Христова Воскресенія, генеральной старшиней и полковникамъ, а потомъ всему малороссійскому козацкому войску и простому народу.

Не смотря на состоявшееся перемиріе, запорожскіе казаки вовсе не думали прекращать военныхъ дѣйствій противъ бусурманъ. Такъ, мал 4 дня, кошевой атаманъ Мартынъ Стукало (онъ же Стукъ), со всеѣмъ товариствомъ низовыхъ козаковъ, отправилъ просьбу къ гетману Мазепѣ о присылкѣ на Кошъ денегъ и борошна для запорожскаго войска, которое «собралось немалымъ собраніемъ и изъ котораго находится много охотниковъ какъ для добыванія языковъ, такъ и для отпора непріятелей на случай, если-бы бусурмане захотѣли исполнить свои мысли около взятъя городовъ Таванска и Кызыкермея, согласно вѣстямъ, которыя получены были запорожцами и черезъ запорожцевъ доставлены гетману». Кошевой атаманъ усердно просилъ возможно скорѣй прислать необходимыя деньги и запасы въ Сичь, въ противномъ случаѣ собранное войско могло разойтись по городамъ и по разнымъ мѣстамъ и тогда трудно было-бы собрать его со всеѣхъ сторонъ «къ охотному военному дѣлу»²⁾.

Не дождавшись отвѣта на просьбу о помощи хлѣбомъ и казной тотъ-же кошевой Мартынъ Стукъ донесъ гетману о томъ, что сичевое товариство, собравшись съ ватажнымъ атаманомъ во главѣ, ходило плавнымъ способомъ по Днѣпру на лиманъ, взяло тамъ подъ Очаковомъ двухъ бусурманскихъ языковъ и возвратилось назадъ³⁾.

Вѣсть о походѣ запорожцевъ противъ татаръ дошла до царя,

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, СПб. 1887, I, 272.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ. мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1699, св. 106, № 1.

въ Москву, и царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ къ гетману Мазепѣ грамоту съ приказаніемъ послать извѣстіе запорожскому войску о состоявшемся мирномъ договорѣ между Турціей и Россіей и съ требованіемъ прекращенія со стороны козаковъ всякихъ есоръ и задоровъ съ турками и татарами ¹⁾).

Въ самый Кошъ съ тѣмъ-же извѣстіемъ посланы были стряпчій Михайло Текутьевъ да подъячій Степанъ Фроловъ. Кромѣ извѣстія о перемиріи царскіе посланцы везли запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье съ прибавкою 50 половинокъ амбургскихъ суконъ и двѣ ризы, камчатую и тафтяную, съ подризниками, поручнями и епитрахилиями, для сплечевой святопокровской церкви.

Получивъ царскіе дары, запорожскіе козаки и кошевой атаманъ Стукало послали государю обширный листъ съ пожеланіями всѣхъ благъ царскому пресвѣтлому величеству—долголѣтняго и счастливаго царствованія, побѣды и покоренія «всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ» супостатовъ, радостнаго, послѣ земного монаршескаго престола, достиженія небесной обители; обѣщали, согласно царскому приказанію, оберегать города Таванскъ и Кызыкермень, выручать находившихся въ нихъ московскихъ ратныхъ людей всѣмъ войскомъ своимъ и доносить гетману обо всѣхъ замыслахъ бусурманъ, а за все то просили государя удовлетворить войско прибавкою жалованья къ обыкновенному годовому жалованью деньгами, сукнами, свинцомъ и порохомъ, «такъ какъ у запорожскихъ козаковъ, государскимъ счастіемъ, пушекъ достаточно умножилось, а зелья къ пушкамъ весьма мало присылается, чрезъ что при просящемъ денежномъ и суконномъ дѣлѣжѣ порохъ никогда не дѣлится, да и для potreбы самыхъ пушекъ едва на полгода его хватаетъ». Кромѣ того запорожское низовое войско било челомъ царскому величеству и на томъ, дабы государь приказалъ выдать изъ казны мастерамъ, построившимъ, по царскому приказу, въ прошедшее лѣто, для морского похода 40 челновъ, по 10 рублей за каждый стругъ, всего 400 рублей за 40 челновъ ²⁾

Царскіе послы, возвратившись изъ Запорожья въ Москву, сообщили тамъ обо всемъ, что имъ пришлось видѣть и слышать въ средѣ козаковъ. Извѣстія, привезенныя ими, были вполне успокоительнаго характера.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 106, № 1.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

Но едва прошло два мѣсяца послѣ возвращенія Текутьева и Фролова въ Москву, какъ царь получилъ вѣсть о томъ, что, августа 15 дня, между запорожскими козаками, сердюцкими людьми гетманскаго регимента и великороссійскими ратниками въ крѣпости Тавани и Кызыкерменѣ произошли жестокое междоусобіе и побой. На ту пору воеводой русскихъ ратныхъ людей былъ Иванъ Аверкіевъ Опухтинъ, подполковникомъ солдатскимъ Андрей Тимоѣевъ Англеровъ, пѣхотнымъ сердюцкимъ полковникомъ Яковъ Покотило. Воевода Опухтинъ извѣстилъ гетмана Мазепу, что виновниками междоусобія и побоевъ были сѣченскіе козаки, за что-то невзлюбившіе русскихъ и малороссіянъ ¹⁾. Сѣченскіе козаки, которые живутъ на службѣ великаго государя въ Таванскѣ, дерутся съ ратными людьми, живущими въ Кызыкерменѣ и Таванскѣ, не даютъ имъ прохода на рынкахъ, чинятъ задоры, сами уходятъ въ каменный Таванскій городокъ, тамъ запершись, бросаютъ камнями и палками въ ратныхъ людей, не позволяютъ имъ торговать ни на рынкахъ, ни въ указанномъ, отъ большихъ воротъ, противъ земляного города, мѣстѣ, и когда ратные люди приходятъ на рыночное мѣсто, бьются съ ними и едва до смерти не убиваютъ, особенно разбойствуютъ тѣ запорожцы, которые ходили на Зарубокъ и изъ Крыма къ Тавани возвратились; они прогоняли русскихъ къ городской башнѣ, бросали въ нихъ полѣньями, били полуполковника русской службы Англера и выбили камнями изъ городка самого воеводу Опухтина, когда онъ пытался унять ихъ и привести къ послушанію. Воевода Опухтинъ посылалъ къ находившимся въ то время въ Таванскомъ городкѣ и присланнымъ отъ кошевого атамана, полковнику Михаилу Костенку, писарю и асаулу, съ просьбой унять запорожцевъ, но полковникъ, писарь и асаулъ на то отвѣчали, что таванскіе запорожскіе козаки чинятъ то самовольно и удержать ихъ отъ такого дѣла невозможно. При всемъ томъ воевода Опухтинъ, по челобитной запорожцевъ, выдалъ имъ, смотря на ихъ бѣдность, 16 кулей четвертныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Но запорожцы все-таки не переставали чинить задоровъ и побоевъ московскимъ ратнымъ людямъ и заодно съ ними козакамъ сердюцкаго полка полковника Якова Покотила и городовымъ

¹⁾ Въ письмѣ кошевого Петра Прима къ царю Петру Алексѣевичу сказано, что дѣло началось сперва ссорой между «подпилыми» (выпившими) запорожцами и служилыми ратными людьми.

козакамъ переяславскаго наказнаго полковнаго асаула Степана Томары.

Въ такомъ видѣ изложили свою жалобу на таванскихъ запорожцевъ воевода Опухтинъ и полковникъ Покотило. Иначе представилъ это дѣло запорожскій полковникъ Михайло Костенко въ письмѣ къ кошевому атаману Петру Примѣ и всему старшему и меньшему сичевому товариству.

«Не чернилами, но слезами описываемъ случившуюся войску запорожскому низовому бѣду нашу, которая учинилась намъ въ 15 день августа отъ воеводы (Опухтина) да отъ пѣхотнаго полковника Покотила и отъ всѣхъ ратныхъ людей и сердюковъ. Наповивъ своихъ людей виномъ, они велѣли добывать насъ, какъ будто непріятелей, въ городкѣ, а добывъ насъ, они, воевода и Покотило, велѣли до смерти побивать каменьемъ неизвѣстно ради какихъ причинъ. И такъ тѣ убійцы, по приказу своихъ начальниковъ, въ то время убили до смерти товарища пластуновскаго куреня Левку, козакамъ менскаго куреня, Петру, Яцку Рудому да Савкѣ Старому деревяннинскаго куреня, двумъ сергіевскаго куреня, атаману Лукьяну Лотвицкому, мучительски головы до мозга разбили безъ всякой надежды остаться живыми, церковнаго пономаря убили и всѣмъ намъ, находившимся въ томъ городкѣ, однимъ руки и ноги поломали, головы, ребра и всѣ уды сокрушили, всѣ имѣнія наши войсковыя и церковныя побрали. Прежде всѣхъ шальной Покотило, бѣгая съ голою саблей отбилъ казну войсковую¹⁾; за нимъ москвичи и сердюки, видя его зумашествіе, начали грабить котлы²⁾, ружья, одно себѣ забирали, другое о камни разбивали, кафтаны, ямурлуки, деньги и всѣ вещи наши разграбили, имущества людей купецкихъ, то-есть вина, меда и бочки, поразбивали, запасы и соль нашу ругаясь по землѣ поразсыпали и самую церковь божию святого великомученника Христова Георгія алтарь кронію нашею, волоча крившихся въ церкви, осквернили, такъ что въ ней невозможно и безкровной жертвы приносить. Но Покотило, не довольствуясь пролитою кровію напею, похваляется всѣхъ насъ побить и изъ городка выбросить, ссылаясь на указъ гетмана, что особенно насъ утратило. Ради того посылаемъ къ вамъ, войску низовому запорожскому, коннаго нарочнаго посланца нашего, быв-

¹⁾ Въ другомъ документѣ сказано: амбаръ войсковой съ припасомъ.

²⁾ Въ другомъ документѣ сказано: котлы куренные для варки пищи.

шого писаря Захарку, и просимъ себѣ отъ вашихъ милостей скоро письменного отвѣта, какъ намъ поступить съ собой и какъ сидѣть безъ котловъ голодными. О той бѣдѣ нашей извольте написать къ ясновельможному, его милости, господину гетману, что мы отъ неприятелей—бусурманъ и отъ ихъ пушекъ и гранатъ не имѣли такого урона въ здоровьѣ и имуществѣ своемъ, какъ симъ временемъ отъ своихъ христіанъ, черезъ которыхъ и всѣ наши строенія разорены, и сами мы не знаемъ, гдѣ приклонить наши разбитыя головы. Посылая при этомъ роспись нашихъ убытковъ, просимъ усердно, покорно, слезно и униженно вашихъ милостей о скоромъ намъ указѣ и о наставленіи, какъ намъ поступить, однимъ-ли съ душами уходить, или-же съ войсковыми клейнотами и церковною утварью къ вамъ на Кошъ являться. Вельможный гетманъ пишетъ въ почтенномъ письмѣ своемъ черезъ посланныхъ нашихъ, дабы мы весь годъ великому государю служили, за что общаетъ и казны и запасовъ, сколько можно будетъ, прислати, а того не вѣдаетъ, какъ Покотило безвинно наше товариство побиваетъ и какъ меня, полковника, онъ приказалъ сердюкамъ безъ милосердія обухами до смерти бити, еслибъ не оборонилъ подполковникъ солдатскаго полка, Андрей Тимоеевичъ Англеровъ».

Въ приложенной при письмѣ Костенка росписи значилось, что именно у запорожскихъ козаковъ пограблено: въ донскомъ куренѣ солдаты и сердюки 4 пищали взяли, 4 изломали, два котла да четыре рубли «у покойника» взяли; въ конеловскомъ куренѣ пищаль да саблю да два котла разбили и одинъ кафтанъ въ доскутья изорвали; въ деревянкинскомъ куренѣ семь золотыхъ да два мушкета взяли; въ сергіевскомъ одну пищаль да десять ефимковъ взяли; въ калниболотскомъ два котла разбили; въ уманскомъ мушкетъ, кафтанъ и двѣ шапки захватили; у ивановскаго козака (т. е. у козака ивановскаго куреня) два котла изломали; у пономаря кафтанъ суконный да поясъ большой и ключи церковные взяли; у джереловцевъ (козаковъ джереловскаго куреня) цѣпи, натруски (т. е. пороховницы) и мѣрочки побрали»¹⁾.

Кошевой атаманъ Петро Прима, получивъ такой листъ отъ таванскаго полковника Костенка, немедленно послалъ, черезъ козаковъ Харька Коломыйченка и Семена Рубана, письмо Мазепѣ и въ томъ письмѣ извѣщалъ гетмана, что войско запорожское, услы-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 88.

шавъ о неладахъ между русскими ратными людьми и запорожцами въ Тавани и желая установить тамъ «тихомирную обыклость, какова на стародавнемъ гнѣздѣ войсковомъ чинится», постановило на войсковой радѣ отправить изъ Коша двухъ полковниковъ, одного въ Кодацкую вѣрпость, другого въ Таванскій городокъ. Тѣмъ полковникамъ приказано было, придя на мѣсто, унять раздоры между запорожцами и великороссійскими и малороссійскими войсковыми людьми. Сердюцкому полковнику Покотилу и таванскому воеводѣ Опухтину Кошъ написалъ просьбу оказывать склонность посылаемому отъ запорожскаго Коша полковнику Михайлу Костенку и сообща съ нимъ стараться о водвореніи въ Тавани добраго порядка. Но едва полковникъ Костенко прибылъ въ Тавань, еще въ то время, когда онъ не успѣлъ и осмотрѣться въ ней, какъ былъ обруганъ и осмѣянъ полковникомъ Покотиломъ. Потомъ тотъ-же Покотило, согласясь съ воеводой Опухтинымъ, государевыми людьми и сердюками, захватилъ «на добровольной дорогѣ» Костенка и избилъ его обухами едва не до полусмерти, послѣ чего, не могши проникнуть черезъ затворенныя ворота въ городъ, Покотило перебрался «съ многолюдствомъ» московскимъ и со своими сердюками черезъ каменную стѣну города и, добывъ тамъ саблю, сталъ рубить всѣхъ, кто только попадался ему, до смерти, отдавъ такой-же приказъ и всѣмъ бывшимъ съ нимъ людямъ. Тѣ люди ограбили войсковую и церковную скарбницу, забрали продовольственные запасы, порохъ, соль, деньги, ворвались въ церковь, перебили козаковъ, тамъ скрывшихся, разорили и разметали всѣ курени, разбили котлы, изломали оружіе и причинили очень много убытку ни въ чемъ неповиннымъ таванскимъ козакамъ запорожскимъ. Собогъзнауя въ такой бѣдѣ несчастнымъ страдальцамъ, все войско единодушно и слезно просить гетмана, какъ своего законнаго региментаря, разобрать поступокъ злого кровопроліицы христіанскаго, Покотила, учинить надъ нимъ управу и или наказать его отъ себя лично, или-же прислать его для наказанія въ Кошъ запорожскій, а всѣ убытки за разграбленныя вещи взыскать съ виновниковъ погрома.

Гетманъ Мазепа всему происшедшему въ городѣ Тавани по справедливости придалъ особенную важность; опасаясь, чтобы огонь вражды между запорожскими козаками и русскими ратными людьми не принялъ особенно большихъ размѣровъ, гетманъ далъ обѣщаніе кошевому Примѣ немедленно послать отъ себя въ городъ

Тавань «знатную, постоянную и богобоязливую особу», такую-же особу просилъ послать и отъ запорожскаго Коша для розыска о виновникахъ «завода» и для наказанія ихъ «надлежащимъ наказаніемъ» ¹⁾).

Не дождавшись прїѣзда обѣщанной гетманомъ богобоязливой особы, запорожцы черезъ мѣсяць послѣ проишествія въ Тавани снарядили большое посольство и отправили его къ царю Петру Алексѣевичу въ столицу. Послано было 76 человекъ, разныхъ куреней, низового товариства, во главѣ которыхъ стояли полковники Иванъ Мартышевскій, Василій Донецъ, писарь Иванъ да асаулъ Федоръ ²⁾).

Въ это время у запорожскихъ козаковъ наарѣло нѣсколько жалобъ, просьбъ и претензій, и они все то изложили на письмѣ къ гетману Мазепѣ и къ царю Петру Алексѣевичу, и тѣ письма вручили главнымъ представителямъ своего посольства.

Прежде всего запорожцы обращались съ просьбой какъ къ гетману Мазепѣ, такъ и къ царю Петру Алексѣевичу о прибавкѣ «сверхъ прошлагодняго годового» жалованья въ деньгахъ, сукнахъ, порохѣ и свинцѣ. Уже нѣсколько лѣтъ ни пороху, ни свинцу не даютъ они въ раздѣлъ, потому что и того и другого слишкомъ мало имъ присылается на Кошъ, и хотя у запорожцевъ въ послѣднее время, благодаря вниманію государей и самаго гетмана, пушекъ «довольно примножилось», но зато, не имѣя достаточно

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 38.

²⁾ Между рядовыми козаками въ томъ посольствѣ были: Иванъ Омельченко, Андрей Москаленко, Романъ Кульбака, Тишко Емчикъ, Грицко Сухій, козакъ Миско, Максимъ Таранъ, Грицко Заяка, Ефимъ Макаренко, Федько Нареченный, Иванъ Оргіенко, Кирякъ Прокопенко, Федоръ Острианица, Матвій Рудый, Грицко Деребера, Василій Старый, Иванъ Краснянскій, Грицко Бевыменный, Иванъ Сова, Мартынъ Сахненко, Иванъ Острианица, Константинъ Гордѣенко, Матвій Иваненко, Лукьянъ Кузьменко, Юрко Бѣлоцерковецъ, Моисей Черманъ, Иванъ Гирманъ, Савка Скакунъ, Дацко Незамай, Антонъ Туръ, Остапъ Убогий, Василій Жидченко, Яцко Шульга, Иванъ Долгий, Грицко Черверда, Василій Сирота, Филиппъ Варышъ, Иванъ Котляренко, Иванъ Портянскій, Аванасій Василенко, Кузьма Василенко, Фесько Суставъ, Василій Замуляный, Михайло Нечитайло, Игнатъ Детунъ, Самойло Лазука, Степанъ Сироватко, Грицко Бѣлый, Павло Синицкій, Кондратъ Иваненко, Стецко Горькавый, Иванъ Бѣлицкій, Василій Черкасенко, Иванъ Щербанъ, Левко Мужака, Тимушъ Майла, Иванъ Бутокъ, Яковъ Пашенко, Иванъ Труханъ и многіе другіе.

боевыхъ запасовъ, они не могутъ «тѣшиться» и стрѣлять изъ пушекъ, по своему положенію, ни въ дни празднества, крестнаго хода, похоронъ знатнаго товариства, годовыхъ нарочитыхъ праздниковъ, во время приѣма монаршескихъ посланныхъ и при почтани имени великаго государя. Кромѣ этой просьбы запорожцы просили и гетмана и государя объ уплатѣ мастерамъ-лодочникамъ за сооруженіе ими сорока судовъ, по 10 рублей за каждое судно, которыя сдѣланы были для плавнаго похода въ прошлое лѣто: да явить государь свою милость войску и прикажетъ выдать изъ своей монаршей казны требуемую сумму и прислать ее на Кошъ для раздачи работникамъ ¹⁾. Тутъ-же запорожцы били челомъ о братіи своей страждущей въ бусурманской неволѣ, а именно о тѣхъ трехъ-стахъ-пятидесяти козакахъ, которые во время царскаго похода на турецкій городъ Азовъ, отважно дѣйствовали подъ начальствомъ атамана Чалаго, на Черномъ морѣ и счастливо крымскіе берега громили, но потомъ на обратномъ пути были въ полонъ взяты и посажены на каторги непріятельскія; запорожцы, указывая на наступившее мирное время, усердно просили освободить несчастныхъ «сизъ тяжкой неводи и пустить ихъ на волю». Особо отъ просьбы о трехъ-стахъ-пятидесяти невольникахъ запорожцы просили о бывшемъ товарицѣ дядьковского куреня, Иванѣ Гадяцкомъ, козакѣ «давнемъ и во всѣхъ поступкахъ воинскихъ способномъ», который мужественно сражался съ татарами подъ городомъ Голтвой во время набѣга туда многочисленной орды татарской, но былъ побѣжденъ вмѣстѣ съ украинскими козаками ²⁾, взять въ плѣнъ бусурманами и хотя «ради старшинства у сѣчеваго товариства» помилованъ отъ смерти, зато отправленъ былъ въ Крымъ, въ неволю. Въ той неволѣ онъ томился до того времени, пока надъ нимъ не сжаился атаманъ дядьковского куреня: отправившись изъ Сичи въ Крымъ, онъ взялъ Гадяцкаго на поруки, а самъ вмѣсто него «сѣлъ въ неволю». Теперь Гадяцкій, пришедши въ Сичь, слезно просить кошевого атамана и все товариство сыскать взятаго въ плѣнъ атаманомъ Федькомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на рѣкѣ Молочной татарина Текелды и усланнаго куда-то ³⁾ во внутрь Россіи и вернуть въ Крымъ,—въ замѣнъ

¹⁾ Объ этихъ двухъ просьбахъ запорожцы и раньше писали государю.

²⁾ Всѣ его товарищи 90 человекъ, были побиты на мѣстѣ.

³⁾ Изъ дальнѣйшихъ дѣлъ видно, что онъ былъ усланъ во Псковъ.

того татарина Гадяцкому обѣщали дать свободу. Независимо отъ перечисленныхъ просьбъ запорожскіе козаки заносили жалобы отъ всего войска царю и гетману на воеводу—Новобогородицкой крѣпости, Петра Иванова Потемкина, и Кызыкерменскаго городка, Ивана Аверкіева Опухтина и сердюцкаго полковника Якова Покотила. Воевода Потемкинъ «вступается въ ненадлежащія ему дѣла и чинить войску противныя затѣи». Такъ, запорожцы «за нѣкоторое неисправленіе и за совершенныя вины» отставили строителя собственнаго, возведеннаго войскомъ, Самарскаго Святоиколаевскаго пустынножительнаго монастыря, игумена Аллимпія, и писали къ отцу игумену Межигорскаго монастыря, дабы онъ, приобща Самарскую обитель къ своей Межигорской, прислалъ отъ себя какого-нибудь исправнаго и въ поступкахъ искуснаго человека, который-бы могъ быть строителемъ обители. По той просьбѣ запорожскаго войска и по благословенію кievскаго митрополита, въ Святоиколаевскій монастырь присланъ былъ искусный старецъ, іеромонахъ Никита Подвалинскій съ дьякономъ. Но прибывшаго старца Никиту воевода Потемкинъ почему-то не пустилъ въ обитель и никакого мѣста ему у себя не далъ, чѣмъ войску запорожскому причинилъ большую досаду. Запорожцы уже давно терпятъ стѣсненіе своихъ вольностей въ самарскихъ владѣніяхъ, и не желая пока, до удобной поры, беспокоить самого государя, чтобы доподлинно узнать, кому издавна принадлежитъ рѣка Самара, упрекаютъ гетмана Мазепу, который, хорошо зная, что рѣка Самара «отъ многихъ гѣтъ прямая запорожская, а ничья иная», позволяеть полковникамъ и селитренникамъ разорять ее, дѣлать на ней селитру и давать на запорожскія угоды гетманскіе универсалы, въ томъ разсужденіи, будто-бы войско городовое и низовое одного запорожскаго имени и будто-бы въ той рѣкѣ Самарѣ «должна быть неотлагаемая часть» и для самого гетмана. Не отказываясь отъ того, что войско городовое и войско запорожское носятъ одно общее имя и находятся подъ однимъ гетманскимъ regimentомъ, запорожское войско, однако, «никакой общины употреблять не смѣетъ и не хочетъ». Наконецъ черезъ поименованныхъ своихъ посланцевъ, Донца и Мартышевскаго, запорожцы вновь заявляютъ свою жалобу на воеводу Опухтина и на полковника Покотила, которые «отъ малыхъ ссоръ и драки учинили великій бунтъ и буйство» среди козаковъ, находящихся, въ числѣ 500 человекъ, въ Таванскомъ городѣ на службѣ великаго государя.

Запорожское посольство прибыло въ столицу въ полномъ составѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, было принято государемъ и отпущено назадъ съ объявленіемъ о скорой отправкѣ въ Сичь зимнимъ путемъ съ особымъ посыльщикомъ обыкновеннаго годового, безъ прибавки, жалованья, о которомъ «указъ царского величества впредь учиненъ будетъ». Для изслѣдованія о таванскомъ кровавомъ дѣлѣ назначены были стольникъ Климъ Чихачевъ да подъячій Осипъ Гавриловъ, которые должны были ѣхать черезъ Сѣвскъ прямо къ Тавани, минуя Батуринъ и, пріѣхавъ на мѣсто, дожидаться тамъ посланнаго человѣка отъ гетмана Мазепы для розыска дѣла, потомъ объявить о себѣ воеводѣ Опухтину, сдѣлать подробный допросъ всему, что написано въ жалобѣ кошевого Петра Примы и въ донесеніи гетману воеводы Ивана Опухтина и виновнымъ въ преступленіи ратнымъ русскимъ людямъ учинить наказаніе «по указу, по уложенію, и по новоуказаннымъ статьямъ, а взятое на виновныхъ, доправи, возвратитъ челобитчикамъ»; виновныхъ-же черкасскихъ людей долженъ наказать присланный отъ гетмана человѣкъ по указу великаго государя и по праву войска, въ возвращеніемъ пограбленныхъ челобитчикамъ имуществовъ. «А что потому великаго государя указу онъ учинить, ему, Климу Чихачову, ѣхать къ великому государю къ Москвѣ и тотъ сыскъ и изъ него перечневую выписку за своею рукою привезти и самому явиться и сыскъ и перечневую выписку подать въ приказѣ Малыя Россіи думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищами» ¹⁾).

Какъ окончился разборъ таванскаго дѣла—неизвѣстно, но въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1700 года запорожскому войску назначено было царское годовое жалованье: кошевому атаману 2 вершка бархатныхъ на шапки, 2 сукна кармазина по пяти аршинъ сукно, атласу да камки по 10 аршинъ, двѣ пары соболей по семи рублей пара, два сорока соболей по 50 рублей каждое сорокъ, судѣ, писарю и асауду по вершку бархатному, сукна кармазина по пяти аршинъ, атласу по 10 аршинъ, соболей по парѣ въ 7 рублей пара, по сорока соболей въ пятьдесятъ рублей каждое сорокъ; всему посольству дано 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ шиптуховыхъ суконъ, 50 пудовъ зелья и 50 пудовъ свинцу, обертѣвъ въ рогожи и увязавъ веревками противъ прежнихъ такихъ-же отпусковъ. Для доставки всего названнаго цар-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; донскія дѣла, 1699, св. 107, № 24.

скаго жалованья въ запорожскую Сичу назначенъ былъ жалецъ Данилъ Андреевъ Жедринскій ¹⁾).

Данилу Жедринскому данъ былъ подробный наказъ ѡхвать сперва въ Батуринъ къ гетману, взять тамъ роспись для роздачи запорожцамъ жалованья и съ тою росписью ѡхвать немедленно въ Запорожье. Не доѣзжая самой Сичи послать отъ себя подъячаго Степана Фролова съ извѣстiemъ о своемъ прибытiи съ царскою казною и съ милостивою грамотою въ Запорожье. Явившись-же въ Сичь, подать кошевому атаману царскую грамоту и спросить о его здоровьѣ. А когда кошевой спросить о здоровьѣ государя, то ему говорить, что когда онъ, Жедринскій, отпущенъ былъ изъ Москвы, то великiй государь былъ на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ российскаго царствiя въ добромъ здоровьѣ. Послѣ такого отвѣта объявить всему запорожскому войску о присылкѣ ему милостиваго жалованья на весь годъ и то жалованье роздать кошевому атаману, старшинѣ и всѣмъ посполитымъ людямъ по росписи, какову гетманъ Мазепа дастъ. Вручивъ-же жалованье, всему войску отъ имени великаго государя передать, дабы оно вѣрно и радѣтельно служило ему, оберегало Кызыкермень и Таванскiй городокъ отъ бусурманъ, провѣдывало всякiя вѣсти о замыслахъ враговъ и какъ можно чаще писало о томъ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ. Если-же кошевой атаманъ и все посполство стануть говорить, почему въ царской грамотѣ не прописано поименно, какъ всегда раньше водилось, царское годовое жалованье козакамъ, то отвѣчать на это, что послу не вѣдомо о томъ и что для роздачи жалованья выдана ему роспись изъ приказа Малой Россiи, о росписи-же, выданной гетманомъ Мазепою, отнюдь никому не говорить на Кошѣ. Въ случаѣ-же не окажется на лицо тѣхъ людей, которымъ въ гетманской росписи будетъ написана дача, то назначенные подарки или взять назадъ и отвезти въ Батуринъ, къ гетману Мазепѣ, чтобы гетманъ Мазепа потомъ роздалъ ихъ по собственному усмотрѣнiю тѣмъ людямъ, коимъ они назначены по праву. Находясь въ пути и будучи въ Сичѣ, «накрѣпко» провѣдывать, можно-ли ожидать отъ запорожцевъ вѣрности въ службѣ великому государю и нѣтъ-ли у нихъ съ кѣмъ-либо ссылокъ или къ нимъ какихъ-либо присылокъ, много-ли ихъ товариства въ Таванскомъ городкѣ, въ какомъ по-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, мал. дѣлъ, 1700, св. 4, № 27.

читаніи находится у нихъ и у татаръ Петрушка воръ, нѣтъ-ли у нихъ съ нимъ ссылокъ какихъ, а также гдѣ находится крымскій ханъ, крымская и бѣлгородская орда и не чаятъ-ли крымскихъ и бѣлгородскихъ ордъ рано весной подѣ великороссійскіе и малороссійскіе города. Провѣдавъ обо всѣхъ этихъ статьяxъ тайно, чтобы «тѣхъ запорожцовъ ко лжѣ какой не принудить и въ какое сомнѣніе не привести», обо всемъ въ статейный списокъ написать и тотъ списокъ, по возвращеніи въ Москву, въ приказъ Малой Россіи подать.

Посламъ даны были грамоты на имя гетмана Ивана Мазепы и кошевого атамана Петра Прима съ извѣщеніемъ тому и другому о посылкѣ войску запорожскому царскаго годоваго жалованья и о внушеніи ему за то вѣрно служить и радѣть великому государю ¹⁾.

Царскій посланецъ выѣхалъ изъ Москвы февраля 15 дня, прибылъ въ Батуринъ февраля 27 дня. Изъ Батурина царскому послу данъ былъ спутникъ лубенскій хорунжіи Григорій Стрѣльниченко, который долженъ былъ доставить въ Сичь 3.640 золотыхъ отъ Переволочанскаго перевоза да 400 бочекъ хлѣбнаго запаса съ недочетомъ ста бочекъ хлѣба, немолотаго за скудостію воды на мельницахъ. Оставивъ Батуринъ, царскій посолъ апрѣля 8 дня прибылъ до Сичи. Не доѣзжая до самой Сичи, посолъ отправилъ отъ себя подъячаго Степана Фролова и на встрѣчу послу высланъ былъ войсковою асаулъ спросить его отъ имени кошевого о здоровьѣ. У самой Сичи встрѣтилъ посла самъ кошевой атаманъ Прима съ войскомъ, и тутъ войско стрѣляло изъ мелкаго ружья. Когда-же посолъ вступилъ въ «замокъ», то въ это время стрѣляли изъ пушекъ «изо всего саряду». Войдя въ Сичу, посолъ и козаки сперва выслушали въ церкви молебное пѣніе, а послѣ молебна, въ тотъ же день, вышли на войсковую раду. На радѣ царскій посолъ выполнилъ все такъ, какъ ему написано было въ наказѣ, вручивъ при этомъ кошевому атаману для прочтенія царскую грамоту и передавъ ему царское жалованье для раздачи его, по росписи, всей запорожской старшинѣ и посполству. Кошевой атаманъ, выслушавъ царскую грамоту и получивъ годовое жалованье, выразилъ свою благодарность великому государю и гетману Ивану Степановичу Мазепѣ за ихъ «прилежное» о войскѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1700, св. 4, № 27.

попеченіе. На третій день послѣ прїѣзда посла собрана была новая рада, на которую призваны были Даниль Жедринскій, Степанъ Фроловъ и лубенскаго полка хорунжіи Григорій Стрѣльниченко. Когда означенныя лица явились въ раду, то козаки съ великимъ воплемъ стали кричать, что имъ прислано 150 половинокъ амбургскаго сукна «некорыстно и безъ сорочекъ, а напредъ того присылаваны были сукна добрыя и въ сорочкахъ», да кромѣ того три половинки не цѣлы, а надрѣзаны. Куренные атаманъ Иванъ Заика да Иванъ Носъ кричали, что полученные ими соболя также надрѣзаны и что поэтому они будутъ о томъ писать государю. На тотъ крикъ посолъ объявилъ всѣмъ недовольнымъ, что онъ доставилъ царскіе подарки всѣ въ цѣлости за печатью и за крѣпкимъ карауломъ и что поэтому козаки затѣваютъ то дѣло напрасно. На такой отвѣтъ козаки кричали пуще прежняго и говорили, что подъячему Фролову слѣдуетъ насыпать песку въ пазуху и посадить его въ Чортомлыкъ рѣчку. Но на томъ неудовольствіе козаковъ и кончилось: послы были отпущены въ курень, а потомъ, апрѣля 12 числа, безпрепятственно выѣхали изъ Сичи и черезъ девять дней прибыли въ Батуригъ. Въ Батуригъ они объявили о происшедшемъ въ Сичи гетману Мазепѣ. Но гетманъ Мазепа царскимъ посламъ отвѣтилъ, что «на непостоянство запорожскихъ козаковъ смотрѣть и имъ вѣрить нечего, потому что они будутъ впредъ смиреннѣе и постояннѣе»¹⁾).

Отпуская отъ себя царскихъ пословъ, запорожскіе козаки вручили имъ два письма, одно для гетмана Мазепы, другое для царя Петра Алексѣевича. Въ письмѣ къ гетману запорожцы благодарили его за царское жалованье, за присланныя отъ перевоза деньги и за хлѣбныя, 400 бочекъ, запасы, просили о досылкѣ еще ста бочекъ и въ то-же время жаловались на то, что царское жалованье прислано имъ безъ прибавки и въ худомъ видѣ, — сукна худыя и рѣзаныя, соболя съ боковъ также обрѣзаны и испорчены. Вмѣстѣ съ этой жалобой на скудость царскихъ подарковъ запорожцы высказывали свое неудовольствіе и самому гетману по поводу дозволенія съ его стороны разнымъ промышленнымъ людямъ заводить у рѣки Самары, «подлинной войсковой отчины», селитренныя майданы. Не жаль было-бы, если-бы гетманъ только самъ имѣлъ на рѣкѣ Самарѣ селитренныя заводы для войсковой

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 4, № 27.

потребы, но дѣло въ томъ, что онъ и другимъ селитренникамъ на «подлинныхъ войсковыхъ земляхъ» позволилъ варить селитру, и тѣ люди «даромъ» вотчину войсковую пустошатъ, сами-же получаютъ себѣ корысть и «безчисленно» богатѣютъ. Запорожцы подлинно знаютъ и хорошо помнятъ о томъ, что та рѣка Самара еще при покойномъ Хмельницкомъ, да и послѣ него, до самыхъ походовъ великороссійскихъ войскъ до Крыма, никому кромѣ нихъ, не принадлежала («поддана») и ни отъ кого до того времени не была опустошаема. Еще въ то время, когда заложень былъ на Самарѣ Новобогородицкій городъ, еще въ тѣ поры прислана была имъ «обнадежеванная» великаго государя грамота, что тѣ города не будутъ имъ ни въ тяготу, ни въ обиду, ни въ отнятіе пожитковъ. И ту грамоту, списавъ ее слово въ слово, запорожцы посылаютъ гетману «для лучшаго увѣренія». Да и самъ гетманъ не разъ писалъ запорожцамъ, что городовое строеніе на устьѣ рѣки Самары никакого вреда не принесетъ имъ; теперь-же сами запорожцы видятъ опустошеніе въ своихъ земляхъ какъ отъ самарцевъ городовыхъ, такъ и отъ селитренниковъ, и если послѣдніе будутъ «упоромъ своимъ» дѣлать селитренные майданы вблизи земли запорожской, то у козаковъ не обойдется съ ними «безъ разоренія и задоровъ» ¹⁾.

Въ письмѣ къ великому государю запорожцы, «воздавъ челобитное до земли поклоненіе» за присланное жалованье, въ то-же время били челомъ на томъ, что имъ немалое утѣсненіе на рѣкѣ Самарѣ чинится и что они, не смотря на просьбы о томъ какъ гетману, такъ и самому государю, не имѣютъ къ себѣ ни единой отвѣди и даже потеряли всякую на отвѣтъ надежду. Не получили они полнаго удовлетворенія и въ присланномъ жалованьи государя: въ прошломъ году прислано было имъ 200 половинокъ добрыхъ амбургскихъ суконъ, а въ нынѣшнемъ только 150 половинокъ простыхъ шинтуховыхъ суконъ, и то съ недостаткою нѣсколькихъ аршинъ въ половинкахъ; соболи присланы также не цѣлые, съ пришивными хвостами, безъ печатей, «нешадно изъ боловъ обрѣзанные и вельми худые», какихъ еще никогда запорожцамъ не было присылаемо, да и роспись всѣмъ подаркамъ почему-то прислана безъ печати. Донося обо всемъ томъ великому государю, запорожцы желаютъ знать, присылаются-ли царскія щедроты

¹⁾ Архивъ мин. ин.; дѣлъ мал. дѣла, 1700 св. 4, № 28.

въ такомъ видѣ отъ самого государя, или-же онѣ перемѣняются въ рукахъ его посланцевъ. Какъ-бы то ни было, но запорожцы бьютъ челомъ великому государю впредь прислать больше противъ нынѣшняго жалованья въ деньгахъ, въ сукнахъ, въ зельѣ и въ свинцѣ, за что всѣ козаки обѣщаютъ быть и въ настоящія и въ грядущія времена «послушливы и благотворительны» и сохранять свою вѣрность «непоколебимо» ¹⁾).

Гетманъ Мазепа, отправляя оба листа запорожцевъ, ему лично и государю писанные, съ царскимъ посломъ Жедринскимъ, въ свое оправданіе писалъ государю, что запорожцы не имѣютъ повода жаловаться на селитренниковъ, такъ какъ тѣ люди дѣлаютъ свои майданы не при самой рѣкѣ Самарѣ, а въ поляхъ, поодаль, и оттого убытка имъ не можетъ быть никакого ²⁾).

Всѣ недоразумѣнія, происшедшія между великороссами, малороссіянами и запорожскими козаками въ городѣ Тавани можно объяснить ничѣмъ инымъ, какъ полнымъ бездѣйствіемъ тѣхъ и другихъ въ отношеніи непріятелей: русскимъ ратникамъ и запорожцамъ, привыкшимъ къ военнымъ дѣйствіямъ, послѣ карловичскаго перемирія все еще оставленнымъ въ Тавани, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ или драться между собою, или же дѣлать мелкіе на бусурманъ набѣги. Такъ именно въ это время перекопскій каймаканъ и самъ крымскій ханъ занесли жалобу таванскому воеводѣ Ивану Опухтину за причиненныя татарамъ въ разныхъ мѣстахъ отъ козаковъ и русскихъ обиды, убытки и разоренія. Однажды, когда ханъ вышелъ изъ Крыма, пришелъ къ Кардашину и сталъ тамъ на ночлегъ, въ ту ночь явилось 18 человекъ ³⁾ четвероконныхъ и пѣшихъ козаковъ, захватили тамъ тридцать головъ лошадей и поранили нѣсколько человекъ татаръ, потерявъ убитыми двухъ собственныхъ людей. Въ другой разъ «воровскіе козаки» изъ Шангирея и Таванскаго городка напали на одного янычанина Магмета, который ѣздилъ съ товарами къ Днѣпру, распродалъ тамъ свои товары и возвращался назадъ. Напавъ на проѣзжавшаго межъ Шангиреемъ и Колбруномъ (вѣроятно, Кинбурномъ), они убили его на мѣстѣ, взяли его

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 4, № 28.

²⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 4, № 28.

³⁾ Семень Билимъ, козакъ Рубанъ, Василій Шило и другіе.

товары и 400 ефимковъ денегъ. Въ третій разъ «воровскіе люди» ¹⁾ Таванскаго городка напали на другого янычанина на Бѣломъ озерѣ; разграбили всю его телѣгу, взяли 20 лисиць, 5 соболей. Наконецъ были и такіе, которые, пользуясь установленнымъ между московскимъ государемъ и турецкимъ султаномъ мирнымъ договоромъ, приходили въ турецкую сторону на службу, жили тамъ по нѣсколько времени, потомъ ночью забирали разныя вещи (саблю въ серебряной оправѣ, шубу суконную «на бѣльѣ черевѣ мѣху») и убѣгали на свою сторону. И перекопскій каймаканъ и самъ крымскій ханъ просили воеводу Опутина возместить всѣ убытки родственникамъ потерпѣвшихъ, воровъ и убійць розыскавъ наказать безъ снисхожденія: «И вы-бы для дружбы тѣхъ воровъ и душегубцевъ и взятые товары къ намъ прислали, и буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ пришлете, дружба наша исполнена будетъ; а буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ не пришлете, то между нами въ томъ будетъ остуда» ²⁾.

Не смотря на такую жалобу каймакана, запорожцы весной 1700 года вновь угнали у татаръ 55 головъ лошадей и причинили татарамъ разныя «грабительства». Тогда гетманъ Мазепа отправилъ въ Сичь «умыслныхъ» ³⁾ посланцевъ и черезъ нихъ велѣлъ кошевому и всему товариству отыскать виновныхъ «злочинцевъ», учинить «неотволочную и слушную» управу, вещи пограбленныя розыскавъ и лошадей непременно потерпѣвшимъ возвратить ⁴⁾.

Сидя въ Тавани, запорожскіе козаки причиняли и другія непріятности туркамъ: они способствовали бѣгству изъ Очакова потуркакамъ и одного такого отправили къ гетману Мазепѣ, а Мазепа съ запорожскимъ товариствомъ, отославъ его къ царю для отобранія отъ него вѣстей бусурманскихъ ⁵⁾. За службу своихъ товарищей запорожцы просили гетмана исходатайствовать у царя обыкновенное для войска годовое жалованье, и гетманъ по этому поводу писалъ листъ къ царю Петру Алексѣевичу ⁶⁾.

¹⁾ Въ точности неизвѣстно, были ли это запорожскіе или гетманскіе козаки; въ актѣ на этотъ счетъ сказано: «ваши (воеводы Опутина) воровскіе козаки» или «ваши воровскіе люди».

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1700 февр. 25, св. 1

³⁾ Умыслный съ польскаго «umysłny» на русскій нарочный.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1700 св. 13, № 1216—1148.

⁵⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1700 св. 13, № 1234—1211.

⁶⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1700, св. 13, № 1243—1219.

Мелкія дѣйствія русскихъ и запорожцевъ, находившихся въ Тавани, противъ татаръ и турокъ, не нарушали, однако, мирныхъ отношеній, установленныхъ въ Карловичахъ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны и Россіей съ другой. Іюля 3 дня 1700 года, перемиріе въ Карловичахъ было подтверждено полнымъ миромъ на 30 лѣтъ, въ Константинополѣ ¹⁾.

Условія этого мира состояли изъ двѣнадцати пунктовъ, изъ коихъ четыре пункта касались и запорожскаго низоваго войска: 1) Козаковъ казнить смертью, если они въ мирное время пойдутъ войной на турецкія и крымскія мѣста. 2) Козакамъ вольно промыслять звѣремъ и рыбой вплоть до устья Днѣпра. 3) Никакимъ поселеніямъ, начиная отъ Сѣчи и кончая устьемъ Днѣпра по всему днѣпровскому берегу, кромѣ небольшого укрѣпленія для переправы проѣзжихъ черезъ Днѣпръ людей, впредь не быть. 4) Приднѣпровскіе городки, взятые у турокъ силою русско-козацкаго войска, какъ наиримѣръ Тавань, Кызыкермень, Нустриткермень, Шангингирей, разорить до основанія ²⁾.

«Священному царскому величеству покоренные и подданные, или москвичи или козаки и иные, по рубежамъ мусульманскимъ, таманскимъ, и крымскимъ, и достальнымъ, и подданнымъ ихъ-же никакихъ набѣговъ и непріятельствъ да не творять, и неспокойные и своевольные козаки съ чайками и съ суды (судами) водяными да не выходятъ на Черное море и никому убытку и урону да не наносятъ, но жестоко содержаны да будутъ отъ своевольствъ и напусковъ; и статьямъ мирнымъ противныя и доброму сосѣдству противящіяся смятенія и расположенія, если когда объявятся явно, съ жестокостью да накажутся... Да отъ Перекопскаго замка начинающейся заливы Перекопской ³⁾ двѣнадцати часовъ разстояніемъ простирающейся земли, отъ края до новаго города Азовскаго, который у рѣки Міуса стоитъ, среди лежащія земли пустыя и порожнія и всякихъ жильцовъ лишены да пребудутъ ⁴⁾; также во странахъ рѣки Днѣпра отъ Сѣчи, города запорожскаго, который въ рубежахъ московскаго государства на вышереченной рѣки

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 333.

²⁾ Акты войска донскаго, Новочеркасскъ. 1891, I, 192.

³⁾ То-есть: отъ Перекопскаго замка начинающагося Перекопскаго залива.

⁴⁾ То-есть: да пребудутъ земли пустыми, порожними и лишенными всякихъ жильцовъ.

берегу стоитъ, даже до Очакова, среди лежащія-жъ земли, кромѣ новаго села, на обоей сторонѣ Днѣпра, равнымъ образомъ пустыни и безо всякаго жилища порожнія да пребудутъ, а близъ городовъ съ обѣихъ сторонъ мѣсто довольное на винограды и огороды да оставятся. Ниже разоренные городки паки да построятъ, но порожіе да пребываютъ, и на мѣстехъ, которымъ порожимъ пребыть взаимнымъ согласіемъ показалось, буде какой городокъ подобный найдется, тотъ также съ обоеихъ сторонъ да разорится, ни таковы мѣста да строятся, ни да укрѣпляются, но какъ суть порожки, да оставлены будутъ... А буде во время сего мира или перемирья межъ крымцами и козаками и общественно межъ обоими государствіи (=ами), по наченшейся нѣкоей трудности, возбудится споръ и ссора межъ порубежными губернаторы, и салтанами и иными начальными, удобно разсмотрѣна да будетъ, а зачавшимся труднѣйшимъ дѣламъ, имѣвъ пересылку съ государствомъ Оттоманскимъ, мѣрою пристойною къ дружбѣ и къ миру да успокоятся, и для подобныхъ порубежныхъ ссоръ ни войны, ни бой да не вчинается, но совершенно и съ превеликимъ радѣніемъ тщатись, дабы покой съ обѣихъ сторонъ крѣпко блюденъ... У Днѣпра рѣки населенные Тавань, Кызыкермень Устреткермень и Сагинкермень городки да разорятся съ тѣмъ уговоромъ, дабы впредь никогда на тѣхъ мѣстехъ городкамъ и никакому поселенію не быть; а рѣчныя мѣста съ своими землями какъ до сей войны были, такъ во владѣніи Оттоманскаго государства отъ его священнаго царскаго величества да возвратятся и во владѣніи Оттоманскаго государства да пребудутъ. А преждереченныхъ тѣхъ городковъ разоренье по утвержденіи сего мира чрезъ великое посольство да послѣдуетъ тотчасъ, и въ 30 дней безъ откладки во исполненіе да приказано будетъ и да совершится. А воевода и ратные люди высокопомянутаго царскаго величества, которые въ вышепереченныхъ городахъ нынѣ суть, со всѣми пушками и воинскимъ приуготовленіемъ и съ пожитками, и съ хлѣбными запасами, безбѣдно и съ безопасствомъ выходя, въ свои стороны да переберутся; а при выходѣ и возвращеніи никакое непріятельство и своевольство и никакой уронъ и убытокъ вышепереченнымъ да не наносится отъ народа татарскаго, или отъ покоренныхъ Оттоманскому государству, или отъ ратей, или подданныхъ, или иныхъ, кто-бы ни есть они были; а межъ тѣмъ временемъ ратные люди, и московскіе и козацкіе, или въ вышеупомянутыхъ городкахъ сущіе, или

исходящіе, или возвращающіеся съ лучшимъ обученіемъ да удержатся, и никоими мѣрами да не простираются, или чего ни есть, да не замѣриваются¹⁾.

Едва окончились мирные переговоры между Турціей и Россіей, какъ запорожцы обратились черезъ гетмана Мазепу, къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину, завѣдывавшему въ ту пору малороссійскимъ приказомъ, со старой просьбой объ обмѣнѣ плѣннаго товарища Ивана Гадячскаго²⁾ на плѣннаго татарина Текелды, находившагося во Псковѣ³⁾ и съ новой просьбой о царскомъ жалованьѣ для всего запорожскаго низоваго войска.

Для того, чтобы испросить царское жалованье, собрано было большое посольство изъ 80 человекъ подъ главенствомъ куренныхъ атамановъ (они-же именуются и полковниками) Кирика Надтоки и Василя Иваненка, асаула Грицка Лукьянова и писаря Остапа Сербина⁴⁾.

Отправляя такое посольство къ царю Петру Алексѣевичу, кошевой атаманъ Герасимъ Крыса и все запорожское низовое войско написали ему челобитную съ просьбой о присылкѣ въ Кошъ царскаго жалованья, съ жалобой на подъячаго Степана Фролова и на жильца Жедринскаго, которые во время доставки

¹⁾ Письма и бумаго Петра Великаго, С.П.В., 1837, I, 373, 371, 376, 370.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; маѣ. подл. акты, 1700, св. 13, № 1265—1242.

³⁾ Объ этомъ запорожцы обращались раньше къ царю и къ гетману.

⁴⁾ Между рядовыми козаками въ этомъ посольствѣ были: Гаврило Загно, Лавринъ Гордевка, Марко Таранъ, Василій Баба, Дмитро Дурицкій, Андриюшко Мандро, Василій Гредченко, Матвѣй Квитка, Данило Малый, Иванъ Олтава, Ѳеодоръ Сенченко, Михайло Дзюба, Данило Стенка, Василій Гаргульскій, Иванъ Гадицкій (дядьковского куреня, очевидно тотъ самый, о которомъ запорожцы просили), Василій Чернышенко, Василій Рудый, Терентій Будкій, Герасимъ Коваликъ, Емельянъ Солонко, Иванъ Конопля, Грицко Комлякъ, Тимошъ Волкъ, Иванъ Мангуръ, Леско Гершунъ, Степанъ Грищенко, Иванъ Вѣлый, Анисимъ Григоровъ, Игнатъ Братъ, Данило Воблый, Дмитро и Павелъ Погрибняченки, козакъ Луць, Степанъ Лысый, Матвѣй Сердюкъ, Ѳеодоръ Усь, Василій Бадашко, Тимошъ Кривошея, Павелъ Лупый, Кондрать Цябя, Ониско Рудъ, Лукашъ Дудукало, Степанъ Горкуша, Андрей Бородавка, Семенъ Слѣпый, Гаврило Тригубенко, Иванъ Мироповъ, Василій Мацакъ, Трофимъ Кожюра, Павелъ Горбъ, Степанъ Кровчина, Грицко Постарому (sic), Степанъ Живый, Семенъ Остаповъ, Климъ Чорниченко, Иванъ Скрыпка, Иванъ Бобиръ, Иванъ Мартышевскій, Демко Кожушко, Грицко Черный, Иванъ Боярченко и многіе другіе.

жалованья прошлой весной въ Запорожьѣ, учинили въ городѣ Бишенкѣ воровство, о каковомъ воровствѣ многіе люди знаютъ подлинно, и съ изъявленіемъ претензіи за нарушеніе вольностей на рѣкѣ Самарѣ, искони принадлежавшей запорожскому войску, для удостовѣренія въ чемъ кошевой Герасимъ Крыса посылаетъ великому государю и списокъ съ грамоты царскаго величества, данной войску.

Запорожское посольство направилось сперва въ Батуринъ, прибыло въ Москву ноября 9 дня и было принято въ столицѣ съ должнымъ вниманіемъ. Въ тотъ-же день отданъ былъ приказъ въ бургомистерскую ратушу выдать на пріѣздъ запорожскимъ посланцамъ—15 ведеръ вина, 30 ведеръ меду, 60 ведеръ пива, а въ остальные дни Кирику Надтоку и Василию Иваненку—по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива, остальнымъ казакамъ по 2 кружки всего питья на день. На отпускъ изъ столицы запорожскаго посольства велѣно было дать Кирику Надтоку и Василию Иваненку сукна кармазина, тафты мѣрою по 5 аршинъ да по парѣ соболей въ 6 рублей пара; остальнымъ казакамъ по сукну англійскому мѣрою по 5 аршинъ и по парѣ соболей въ 2 рубля пара человѣку; кромѣ того въ дорогу особо велѣно было выдать 15 ведеръ вина простого, 30 ведеръ меду и 30 ведеръ пива да назначить отъ Москвы до малороссійскихъ городовъ 82 подводныя съ телегами и съ проводниками.

Въ самый день отпуска, ноября 22 дня, главнымъ лицамъ запорожскаго посольства вручена была царская грамота на имя кошевого атамана Герасима Крысы и всего запорожскаго низоваго войска. Въ той грамотѣ царь писалъ кошевому атаману, что посольство запорожскаго войска принято было въ Москвѣ и пожаловано высокими милостями; что челобитная войска о присылкѣ въ Кошг жалованья выслушана и жалованье будетъ отправлено зимнимъ путемъ въ Сичу, за что низовое войско должно вѣрно и радѣтельно служить царскому величеству и обязано внушить таванскому товариству жить спокойно и постоянно и во всякихъ поведеніяхъ осторожно, съ великороссійскими и малороссійскими людьми, находящимися въ Тавани, имѣть во всемъ совѣтъ и согласіе. Что касается воровства запорожскаго жалованья, учиненнаго подъячимъ Фроловымъ да жильцомъ Жедринскимъ, то о томъ посланъ будетъ человѣкъ для подлиннаго розыска и о результатѣ того розыска

будетъ своевременно сообщено запорожскому войску. На жалобу запорожцевъ по поводу отнятія у нихъ самарскихъ вольностей никакого отвѣта не послѣдовало ¹⁾).

Послѣ установленія русско-турецкаго мира крымскій ханъ Селимъ-Герай, на основаніи договорной статьи объ обоюдномъ размѣнѣ плѣнныхъ отправилъ своего посланца Болюбаша черезъ Запорожье къ гетману Мазепѣ для «окупа» татаръ, находившихся въ плѣну въ разныхъ городахъ южной и сѣверной Россіи, при чемъ просилъ гетмана о защитѣ отправлявшихся въ малороссійскіе города съ товарами разныхъ купцовъ мусульманскихъ и объ удержаніи плавающихъ по Днѣпру къ Очакову запорожцевъ отъ нанесенія убытковъ мусульманскимъ людямъ, бывающимъ въ странѣ козацкой. Ханскій посланецъ, проѣзжая черезъ Запорожье, увидѣлъ въ Сичѣ небывалое въ ней дѣло, а именно: «новый по размѣру построенный городъ». Того города вслѣдствіе установленнаго мира, не должно-бы быть. Въ чемъ-же тутъ правда, что разорено старое и построено новое, и чего тутъ добраго для Крыма ожидать можно? Въ Крыму извѣстно было, что Москва строить въ Сичи одни только курени для склада въ нихъ, за недостаткомъ другого помѣщенія, на зимнее время хлѣба и продовольственныхъ запасовъ; а въ дѣйствительности тутъ дѣлается нѣчто другое. Увидя въ этомъ нарушеніе мира, Болюбашъ рѣшилъ написать о томъ хану, что, по словамъ посланца, будетъ ему не особенно пріятно и о чемъ онъ, конечно, сообщить султану.

Съ такою претензіей пріѣхалъ Болюбашъ къ Мазепѣ въ Батуринъ, и гетманъ Мазепа послѣшилъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго гостя. Отъ татаръ, находившихся въ неволѣ, гетманъ узналъ, что Болюбашъ человекъ «армянской породы, но что онъ уже давно учинился бусурманиномъ» и кое что понималъ въ инженерскомъ дѣлѣ. Поэтому Мазепа, давъ ему «добраго» пристава, немедленно отпустилъ его прямо на Переволочну «мимо» городовъ малороссійскихъ ²⁾).

Болѣе серьезнымъ вопросомъ послѣ заключенія мира съ Турціей и Крымомъ оказался вопросъ о разрушеніи турецкихъ городовъ, Тавани, Кызыкерменя и Шагинкерменя, до тѣхъ поръ находившихся подъ охраной русско-козацкихъ войскъ. Исполненіе этого дѣла возложено было царемъ на князя Ивана Михайловича Кольцо-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 5, № 68, 1701 св. 6, № 5.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1701, св. 6, № 5.

Мосальскаго. Кольцо-Мосальскій получилъ нѣсколько тысячъ великороссійскихъ ратниковъ и сверхъ того двѣ тысячи засеймскихъ войсковыхъ людей отъ гетмана Мазепы. Соединясь съ послѣдними подъ Царичанкой, у рѣки Орели, князь Кольцо-Мосальскій отправился къ низовью Днѣпра, но при разрушеніи крѣпостей встрѣтилъ большое затрудненіе со стороны находившихся въ нихъ запорожцевъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе всѣ три крѣпости были разбиты и боевыя принадлежности ихъ забраны (1701 г.). Тогда запорожцы всячески старались выказать свое неудовольствіе русскимъ: они не пускали къ себѣ никого изъ царскихъ войскъ, отказывались содѣйствовать русскимъ въ доставленіи изъ Таванскаго города въ Сичь боевыхъ орудій и хлѣбныхъ запасовъ, не принимали къ себѣ пріѣзжавшихъ по этому поводу гетманскихъ посланцевъ; если-же и принимали, то встрѣчали ихъ съ безчестіемъ, а самому гетману писали ругательныя письма и только одно порученіе на себя взяли—охрану государевой казны, перевезенной въ Сичу. Но всего больше выказали запорожцы ненависти къ русскимъ, когда узнали, что князь Кольцо-Мосальскій, вмѣсто разоренныхъ турецкихъ городовъ на днѣпровскомъ низовьѣ, заложилъ новые, въ виду самой запорожской Сичи. Для этого выбрано было мѣсто у рѣки Днѣпра, «въ урочищѣ, на горѣ, у Каменнаго-Затона, въ пристойномъ мѣстѣ, подлѣ рѣки Бѣлозерки, противъ Никитина—Рога». На это дѣло поставлено было 3.558 человекъ ратныхъ людей бѣлгородскаго и сѣвскаго полковъ, подлѣ командой князя Кольцо-Мосальскаго; къ нимъ въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ присоединено 6.000 человекъ козаковъ, взятыхъ изъ малороссійскихъ полковъ, отъ гетмана Мазепы; къ малороссійскимъ козакамъ прибавлены были также ратные люди изъ Новобогородицкой самарской крѣпости ²⁾.

Сопротивленіе, которое оказали запорожцы при разрушеніи турецкихъ городковъ русскимъ властямъ, объяснялось не тѣмъ, что запорожское войско, будто-бы въ самомъ принципѣ выступало врагомъ русскаго царя, а тѣмъ, что покоренные бусурманскіе городки и насиженные въ теченіе долгаго времени православно-русскими людьми, оно считало собственностью если не всей Россіи, то ближайшимъ образомъ Запорожья. Для чего-же

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; вн. мал. прик., 1701, № 83, 941—942.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, вн. мал. прик., 1701, № 83 стр. 650, 951—952.

было предпринимать столько труда, терпѣть столько лишеній при завоеваніи и потомъ при удержаніи этихъ городковъ, если вновь возвращать хотя-бы и развалины ихъ въ руки ненавистныхъ бусурманъ? И русскіе не только возвращаютъ бусурманамъ взятые городки, а даже строятъ новый, въ виду самой Сичи, свой собственный городокъ. Для чего-же это? Не для чего, рассуждали запорожскіе патріоты, какъ для умаленія исконныхъ козацкихъ вольностей, которыми такъ дорожили низовые молодцы и за которыя бились ихъ дѣды и отцы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ великой сѣверной войнѣ.—Походъ запорожцевъ въ исконную область и недовольство ими со стороны гетмана Мазепы.—Дѣйствіе запорожцевъ подъ Быковымъ.—Налаженіа со стороны запорожцевъ на селитренныхъ людей возлѣ рѣки Самары.—Сношеніе запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ и разграбленіе ими турецкихъ куштовъ.—Мѣры, принятыя въ Москвѣ, для угроженія запорожцевъ.—Кочевой атаманъ Константиинъ Гердіенко.—Сношенія запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ.—Отвѣтъ полученный ими отъ хана и повинная передъ русскимъ царемъ.—Отправка царскаго жалованья запорожскимъ козакамъ.—Новыя волненія въ Запорожь по поводу востроенія русскими городка въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ.—Налаженіе запорожцевъ на царскую казну и отправка по этому поводу въ Сичь Курбатова, стольника Протасева и подъячаго Павлова.—Безчинства запорожскихъ козаковъ на проѣзжихъ дорогахъ возлѣ Буга, Днѣстра, Ягорлыка и Каменнаго-Затона.—Виды на запорожцевъ со стороны турецкаго султана и крайнее недовольство на нихъ со стороны гетмана Мазепы.

Константинопольскій миръ, закончившій въ 1700 году войну Россіи съ Турціей, особенно необходимъ былъ для царя Петра Алексѣевича: замирившись съ турками, царь открылъ весьма упорную и весьма продолжительную, длившуюся 21 годъ, войну со Швеціей. Но насколько этотъ миръ былъ желателенъ для русскаго царя, настолько-же, если не больше, онъ былъ не желателенъ для всего запорожскаго войска. Съ этого времени въ Запорожьи поднялись тавія смуты, распри и раздоры, которыхъ ни раньше, ни позже того никогда тамъ не бывало: запорожцы то мирятся съ Крымомъ и объявляютъ себя противъ гетмана и царя; то они разрываютъ миръ съ Крымомъ, просятъ прощенья у царя и дѣлаютъ нападенія на татаръ, грабятъ проѣзжихъ турецкихъ куштовъ; то они разбиваютъ царскихъ гонцовъ и захватываютъ въ свои руки казну; то возстаютъ противъ своихъ-же товарищей за подобныя не рыцарскія дѣла и отправляютъ посланцевъ въ Москву съ просьбой о пожалованіи казной и съ обѣщаніемъ вѣрно служить царю. Было-бы совершенно несогласно съ истиной объ-

яснить такое поведеніе запорожскихъ козаковъ въ отношеніи русскаго царя разнузданностью нравовъ и ненавистью ихъ къ законному порядку вещей. Тому много было чисто внѣшнихъ, отъ запорожцевъ независящихъ, причинъ. Такова прежде всего причина—невозможность, вслѣдствіе состоявшаго русско-турецкаго мира, вести мелкія войны противъ бусурманъ: запорожскіе козаки, какъ исключительно военное сословіе людей, отъ войны получали добычу, войною себя одѣвали, войною себя питали; государево-же хлѣбное и денежное жалованье столь невелико было въ сравненіи со всею численностью запорожскаго войска, что оно расходилось по рукамъ козаковъ такъ точно, какъ расходится капля вина въ большой посудинѣ воды. Далѣе, помимо невозможности запорожцамъ вести войны съ бусурманами, сильно смущало ихъ построеніе вблизи Сичи московскихъ крѣпостей: если раньше они возмущались постройкой самарскихъ крѣпостей, стоявшихъ на значительномъ разстояніи отъ главнаго ядра низового товариства, Сичи, то тѣмъ большія опасенія возбуждало у нихъ основаніе Каменнозатонскаго городка, какъ разъ въ виду самой Сичи. Затѣмъ большое негодованіе у запорожскихъ козаковъ вызывалъ захватъ козаками полтавскаго полка лучшихъ во всемъ Запорожьѣ поорельскихъ и посамарскихъ земель, которыя запорожцы всегда считали своими, но которыя, вслѣдствіе неимѣнія у войска жалованныхъ грамотъ были отобраны, по представленію гетмана и по волѣ царя, у запорожцевъ и отданы полтавскаго полка малоросійскимъ козакамъ. Кромѣ того сильный ропотъ возбудила въ Запорожьѣ вербовка царемъ запорожскихъ козаковъ въ далекій отъ Сичи сѣверный походъ и особенно для земляныхъ работъ при постройкѣ новой столицы, при устьѣ рѣки Невы. Наконецъ, появленіе въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ разнаго сброда людей «то съ волошской стороны, то съ Дона, то нѣякихъ-съ москалей», то изъ украинскихъ городовъ недовольныхъ гетманскимъ регитентомъ разныхъ людей, сильно смущало и простую массу запорожскаго войска. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ Россіи поднимался ропотъ противъ новыхъ, дотогѣ невиданныхъ, порядковъ и затѣй со стороны молодого и неугомоннаго государя. Повсюду слышались голоса недовольныхъ за введеніе разныхъ повинностей и новыхъ налоговъ; еще больше того возмущались тягостными и слишкомъ продолжительными войнами, поднятыми царемъ противъ шведовъ. И чѣмъ дальше какая-нибудь область на-

ходила отъ Москвы, тѣмъ сильнѣе выражалось въ ней недовольство противъ царя. По всему этому въ Запорожьи уже съ перваго года XVIII вѣка настала настоящій хаосъ, въ которомъ мелькали разныя лица, высказывались разныя желанія, объявлялись различныя протесты, сходявшіеся, впрочемъ, къ одному пункту: за вольности, за старыя права козаціи стоять противъ всѣхъ и ни подъ какимъ видомъ не поступаться ими.

Таково было положеніе дѣлъ въ Запорожьи.

Еще тягостнѣе было положеніе дѣлъ въ малороссійскихъ городахъ. Исконная внутренняя политика московскаго государства состояла въ томъ, чтобы отдѣльныя части государства слить въ одно политическое тѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ въ составъ Великой Россіи вошла Малороссія, на нее было обращено особенное вниманіе со стороны московскихъ царей. Теперь страсть молодого и слишкомъ дѣятельнаго царя, стремившагося все по-своему преобразовать, явно клонилась къ тому, чтобы во всѣхъ малороссійскихъ городахъ вмѣсто выборнаго начала ввести начало назначенія отъ Москвы, вмѣсто украинской генеральной старшины призвать къ управленію московскихъ бояръ, а вмѣсто всей козацкой массы допустить къ службѣ только избранныхъ лицъ, которыя составляли бы особыя «компаніи» и получали жалованье, а прочіе козаки оставались бы при своихъ домахъ и, слѣдовательно, были бы на положеніи простыхъ крестьянъ.

Такой проектъ высказанъ былъ Петромя уже въ 1707 году, но вызвалъ сильное волненіе въ средѣ малороссійской старшины¹⁾. Всѣ опасались такой новизны, всѣ боялись за свою «матку-отчизну» и придумывали такія или иныя средства, чтобы её спасти. Но на что рѣшатся запорожскіе и малороссійскіе патриоты, для сохраненія своихъ вольностей и правъ, покажутъ самыя событія ближайшихъ лѣтъ.

Выгоды, полученныя русскимъ царемъ отъ войны съ Турціей, были слишкомъ ничтожны: царь получилъ Азовъ и Таганрогъ, но зато обязался не заселять устьевъ Днѣпра. Овладѣть-же Чернымъ моремъ онъ никакъ не могъ,—для этого нужно было взять Крымъ, отвоевать у турокъ устье Днѣпра. Къ тому-же берега Чернаго моря и устье Днѣпра отдѣлены были отъ Россіи громад-

¹⁾ Голыковъ, Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, Москва, 1795, XV, 158.

нымъ пространствомъ безлюдныхъ и со всѣхъ сторонъ открытыхъ степей. Поэтому царю нужно было на время оставить югъ. Еще раньше похода на югъ, къ Черному морю, Петръ простиралъ свои взоры на западъ, къ Балтійскому морю. Прибрежье Балтійскаго моря, такъ называемая Ливонія, искони вѣковъ принадлежала Россіи и только орденъ меченосцевъ отнялъ его у древней Руси, а потомъ всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ завладѣли поляки и шведы и чрезъ то заслонили для Россіи свѣтъ отъ западной Европы. Во время войны со шведами могли дѣйствовать оба излюбленные дѣтища Петра,—молодая армія и новосозданный флотъ русскій, т. е. тамъ и морское и сухопутное войско могли приобрести отличную боевую школу. Ставъ твердой ногой у Балтійскаго моря, царь могъ открыть себѣ прямой путь въ западную Европу и воспользоваться всѣми плодами ея высокой цивилизаціи. Самыя обстоятельства вполне благоприятствовали планамъ царя Петра Алексѣевича. Въ то время Швеція готовила войну Даніи и Польша, и Петръ, рассчитывавшій отнять берега Балтійскаго моря у шведовъ, могъ найти себѣ союзниковъ въ лицѣ двухъ королей, датскаго Христіана V и польскаго Августа II саксонца, возведеннаго королемъ, благодаря, главнымъ образомъ, Россіи.

Со времени Густава Адольфа, т. е. со времени тридцатилѣтней войны, могущество Швеціи выросло до того, что она сдѣлалась первой державой въ сѣверной Европѣ. Отъ Россіи, по столбовскому договору, она получила Ингрію и Корелію, отъ Польшы—Ливонію, у датчанъ-же она оспаривала Шлезвигъ-Голштинію, по вестфальскому договору приобрѣла Померанію. Въ половинѣ XVII вѣка весь бассейнъ Балтійскаго моря очутился въ ея рукахъ. Но чтобы утвердить эти приобретенія Швеціи нужно было быть готовымъ и держать сильное войско, такъ какъ ограбленные сосѣднія державы искали случая воротить потерю, и пріемники Густава Адольфа провели свое правленіе въ войнахъ. Въ нихъ выросъ воинственный духъ Швеціи и образовалась армія, первая по образцовому устройству въ Европѣ; усилилась королевская власть въ противовѣсъ аристократіи. Особенно со времени Карла XI королевская власть получила сильное развитіе, потому что правительство Швеціи рѣшило отнять у шведскихъ дворянъ захваченныя казенныя земли и обратить ихъ въ пользу государства. Мѣра эта, извѣстная подъ именемъ редукаціи земель, возбудила сильное недовольствіе со стороны дворянскаго сословія и, когда ее распро-

странили на Ливонію, то тамъ обнаружилось сильное волненіе. Во время такого волненія явился къ польскому королю изгнанный изъ Швеціи лифляндскій дворянинъ Іогаъ Рейнгольдъ Паткуль, составившій себѣ планъ образовать союзъ сѣверныхъ державъ противъ Швеціи. Время для приведенія въ исполненіе такого плана казалось Паткулю вполне благоприятнымъ, такъ какъ въ Швеціи царствовалъ семнадцатилѣтній король Карлъ XII, отъ котораго никто не ожидалъ отпора.

Итакъ усиліями Паткуля, въ особенности же въ силу различныхъ политическихъ интересовъ, составился союзъ Польши, Даніи и Россіи противъ Швеціи и этимъ союзомъ положено было начать враждебныя дѣйствія въ трехъ пунктахъ: Польша должна была напасть на Ливонію, Данія—на Шлезвигъ-Голштинію, Россія—на Ингрію. Война эта, продолжавшаяся 20 лѣтъ, началась на сѣверѣ одновременно съ другою войной, не менѣе важною для Европы, а именно борьбой Франціи съ коалиціей изъ Испаніи, Англіи, Голландіи и Германіи за такъ называемое испанское наслѣдство, и эти двѣ войны шли параллельно, постоянно перепутываясь боковыми вѣтвями ¹⁾).

Вступая въ борьбу съ такою сильною державой, каково было въ то время шведское королевство, русскій царь стянулъ всѣ свои боевыя силы изъ великороссійскихъ войскъ на сѣверъ. Вѣсть съ великороссіянами должны были дѣйствовать и малороссійскіе козаки, а заодно съ малороссійскими козаками и запорожцы.

Главнымъ мѣстомъ похода для малороссійскихъ полковъ и для запорожцевъ указана была Ливонія. Запорожцы предварительно обратились къ гетману Мазепѣ съ просьбой о высылкѣ имъ на войско царскаго жалованья, которое и было выслано на имя кошевого атамана Герасима Крысы черезъ стольника Кругликова ²⁾).

Военныя дѣйствія открылъ польскій король въ 1700 году въ Ливоніи. Гетманъ Мазепа, по царскому указу, послалъ отрядъ козаковъ въ 12,000 человекъ подъ начальствомъ собственнаго племянника, нѣжинскаго полковника, Обидовскаго съ полковниками Искрой и Мокіевскимъ. Обидовскій прибылъ сперва во Псковъ, а оттуда поднялся до города Нарвы; но пока онъ прибылъ къ Нарвѣ, тамъ уже произошло, ноября 19 дня, пораженіе русскихъ

¹⁾ Петровъ. Лекціи по русской исторіи, Харьковъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1701, св. 7, № 3.

шведами ¹⁾. Тогда Обидовскій отступилъ назадъ, во Псковъ; но здѣсь въ февралѣ мѣсяцъ 1701 года онъ скончался.

Запорожскіе козаки вышли въ сѣверный походъ отдѣльно отъ малороссійскихъ; подвигались, по донесенію Мазепы царю Петру Алексѣевичу, такъ медленно и такъ лѣнливо, что едва къ масляницѣ пришли на смоленскій рубежъ, при чемъ будто-бы во время похода запорожцы причинили столько бѣдъ и грабежей жителямъ великороссійскихъ и малороссійскихъ сель и городовъ, что всего того и пересказать нельзя. Черезъ все это гетманъ Мазепа крайне былъ недоволенъ на запорожцевъ и просилъ государя отдать приказъ поставить ихъ во время сраженія такъ, чтобы они вполнѣ испутили свои вины ²⁾. Сколько правды въ этомъ показаніи—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что запорожцы неохотно шли съ родного юга на далекій и суровый сѣверъ, гдѣ не могли добиться ни жалованья изъ царской казны, ни пропитанія отъ мѣстныхъ обывателей, вслѣдствіе чего должны были во многихъ мѣстахъ силою добывать себѣ пропитаніе.

Въ половинѣ февраля 1701 года, въ мѣстечкѣ Биржахъ, произошло свиданіе между царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и королемъ Августомъ II и во время этого свиданія состоялся формальный договоръ между союзниками противъ шведскаго короля. Въ случаѣ счастливаго исхода войны Петръ возьметъ себѣ Ингрію и Корелію, Августъ II — Остзейскій край. Зато Петръ обѣщаетъ Августу прислать вспомогательное войско въ 15.000 человекъ, доставить продовольствіе для войскъ и уплатить 100.000 рублей. На совѣщаніи, при королѣ, были знатные польскіе паны, которые потребовали сверхъ того отъ царя возвращенія Польшѣ городовъ—Терехтемирова, Стаекъ, Триполья, дозволенія вновь заселить городъ Чигиринъ и присоединенія къ Рѣчи - Посполитой нѣкоторыхъ сель стародубовскаго полка. Но Петръ нашелъ нужнымъ по поводу послѣдняго требованія снестись съ гетманомъ Мазепой и для того отправилъ къ нему дьяка Бориса Михайлова. Спрошенный по этому поводу гетманъ далъ царю отвѣтъ, что на такое требованіе соглашаться отнюдь нельзя: тогда жители лѣвобережной Украины перейдутъ въ правобережную, да и запорожцы будутъ склонны къ

¹⁾ Между другими русскими генералами, взятыми въ это время шведами въ плѣнъ, былъ князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV 366.

правой сторонѣ и гетмана будутъ слушаться только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ ¹⁾. Объясняясь съ гетманомъ Мазепой, дьякъ Михайловъ, между прочимъ, объявилъ ему о запорожскихъ козакахъ то, что бывшіе изъ нихъ въ лифляндскомъ походѣ, разорили на возвратномъ пути нѣсколько великороссійскихъ селъ и деревень и умертвили многихъ крестьянъ и хотя за то должны были-бы повести жестокую казнь, но милостивый государь простилъ ихъ съ условіемъ впредь не дѣлать такихъ злодѣйственныхъ дѣлъ ²⁾.

Вскорѣ послѣ этого гетманъ Мазепа, по приказу государя, отправилъ въ Лифляндію новый отрядъ козаковъ, подъ начальствомъ гадячскаго полковника Михайла Боруховича, при которомъ кромѣ собственнаго полка было 2000 запорожцевъ. Боруховичъ находился подъ командою князя Репнина и вмѣстѣ съ нимъ былъ подъ Ригею, а потомъ отступилъ черезъ Друю и Опочну ко Пскову, гдѣ Репнинъ соединился съ генераль-фельдмаршаломъ Борисомъ Шереметевымъ ³⁾.

О поведеніи запорожцевъ во время сѣверной войны находимъ также указанія въ малороссійской лѣтописи Самовидца. Запорожцы, вслѣдствіе нанесенія «кривдъ» московскимъ людямъ и вслѣдствіе дорговизны ихъ содержанія, отпущены были изъ-подъ Пскова въ Сичу. Когда они шли литовскимъ краемъ къ Полоцку, то ихъ затянулъ на службу къ литовскому гетману Казимиру Сапѣгъ гетманскій слуга Юргевичъ противъ «списковыхъ» козаковъ, которые подъ руководствомъ воеводы витебскаго Потѣя, разорили имѣнія Сапѣги, пограбили монастырь Кутенскій и вырубилъ мѣстечки Дубровную и Гайшинъ. Соединившись съ Юргевичемъ, запорожцы первѣе всего имѣли стычку съ «списковыми» козаками подъ Могилевомъ и прогнали ихъ оттуда. Тогда «списковые» козаки, руководимые княземъ Огинскимъ, Стеткевичемъ и другими панами, расположились въ Головчинѣ съ намѣреніемъ дать въ немъ битву Юргевичу и запорожцамъ. Но запорожцы, предупредивъ «списковыхъ» козаковъ, разбили ихъ на разсвѣтѣ, положили многихъ изъ нихъ на мѣстѣ, самый Головчинъ разграбили и ни во что обратили. Изъ-подъ Головчина запорожцы, не смотря на то, что Юргевичъ очень щедро платилъ имъ, ушли на Украйну, и только

¹⁾ Адхивъ мин. ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1701, № 20.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 50.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 50.

немногіе изъ нихъ остались подѣ Могилевомъ, гдѣ принимали участіе въ битвахъ и причинили тамъ большія škоды ¹⁾.

Вражда запорожскихъ козаковъ противъ «московскихъ» людей во время похода на сѣверъ объясняется тѣмъ настроеніемъ, въ какомъ находилось въ то время все запорожское войско. Запорожское войско не переставало негодовать на Москву за постройку на рѣкѣ Самарѣ давней русской крѣпости, Новобогородицкаго городка, и за сооруженіе новой крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ, и уже давно искало случая, чтобы выказать свое неудовольствіе гетману и царю за притѣсненіе исконныхъ вольностей своихъ. И такой случай представила имъ сѣверная война. Русскій царь выступилъ на борьбу съ сильнѣйшимъ въ то время королемъ и уже потерпѣлъ жестокое пораженіе подѣ Нарвой. Скоро послѣ этого разнесся слухъ о томъ, что турки заключили миръ съ Венеціей и готовились къ войнѣ съ Москвой; царь былъ въ сильной тревогѣ и писалъ по этому поводу наставленіе Ѳеодору Апраксину изъ Москвы, какъ оберегать Азовъ и Таганрогъ ²⁾. Одного съ турками желалъ, разумѣется, и крымскій ханъ. Понимая всю серьезность положенія дѣла для Россіи, запорожцы приняли иной въ отношеніи гетмана тонъ. Прежде всего они обратились къ нему съ претензіей на такъ называемыхъ селитренныхъ людей. Селитренные люди, жившіе возлѣ Самары - рѣки, обязались платой запорожскому войску по 100 золотыхъ съ котла, но потомъ послали заявленіе въ Кошъ, что они обязательства своего не желаютъ исполнять. Гетманъ принялъ сторону селитренныхъ людей и въ свою очередь обжаловалъ запорожскихъ козаковъ передъ царемъ. «Запорожцы, писалъ онъ царю, кромѣ того, что берутъ по 100 золотыхъ съ котла, притѣсняютъ еще селитренниковъ всячески: и деньги, и напитки и харчи берутъ съ селитренныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продаваться не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣку Самаръ отъ устья до верха, и лѣса, по ея берегамъ растущіе и дальніе бугераки лѣсовые, и могилы, изъ которыхъ дѣлается селитра—своими; они грозили майданы селитренные разорить, селитренниковъ съ работниками отогнать, и не только на селитренное дѣло, но ни на какую потребу лѣсовъ самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 204—205.

²⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, СПб., 1863, IV, ч. I, 100.

не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе нѣтъ способныхъ мѣстъ» ¹⁾).

Кромѣ того до гетмана дошли и другія вѣсти относительно запорожскихъ козаковъ: онъ узналъ, что они вошли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ, приготовили четыре пушки, выбрали изъ своей среды четырехъ полковниковъ и рѣшили, въ числѣ 3000 человекъ, идти на помощь хану, призывавшему ихъ противъ ногайской орды. Гетманъ послѣвшия освѣдомился объ этомъ у самого кошевого атамана и получилъ отъ него такого рода отвѣтъ: «Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршескаго указа или докладывать вашей вельможности, потому что ханъ позвалъ насъ вдругъ, уже вышедши въ поле; онъ обѣщаль намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотѣли идти на ханскій призывъ, но всѣмъ Кошемъ мы не поднимались и не на православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь исконная вольность: кто куда хочетъ, поидеть, и гдѣ хочетъ, добычу беретъ, удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часть отъ часу стѣсняется людьми городовыми, звѣря и рыбы козакамъ добывать негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ цѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товариство идти въ помощь хану на орду ногайскую. Намъ кажется, что на это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собой, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобы они не только низовое, но и городское войско призывали себя на пагубу» ²⁾).

Считая себя полными хозяевами въ предѣлахъ собственныхъ вольностей, запорожцы въ это же время допустили у себя погромъ провѣзжихъ купцовъ и находили для того полное оправданіе себя. Такъ поступили они, іюня 1 дня, съ цареградскими торговыми греками, Григоріемъ Дмитріевымъ и ихъ пятью товарищами, поданными турецкими. Эти купцы, везшіе съ собой драгоцѣнные камни, жемчугъ и красный кумачъ, пришли изъ Царьграда моремъ въ Очаковъ, изъ Очакова поднялись вверхъ по Днѣпру и по Бугу. Отъ Буга, нанявъ подводы у какихъ-то рыболововъ, купцы пошли

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1864, XIV, 366.

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1864, XIV, 366—368.

сухопутьемъ на Чигиринь и оттуда имѣли пробѣжать въ другіе города для распродажи рѣдкихъ своихъ товаровъ. Но едва они успѣли дойти до рѣки Игнула, какъ на нихъ напала ватага за порожцевъ, малороссійскихъ козаковъ и рыбныхъ промышленниковъ, предводимал атаманомъ Щербиною и асауломъ Тонконогомъ, разграбила весь ихъ караванъ, забрала все ихъ гарары (тюки) съ товарами и отвезла все добро въ Сичу, гдѣ вся добыча частію была подѣлена между козаками, частію публично продана ¹⁾. Потерпѣвшіе купцы послѣдствовали сперва занести жалобу силистріійскому сераскерь-пашѣ, а потомъ послали «ходатайственныя письма» за себя отъ іерусалимскаго патріарха и отъ мултанскаго владѣтеля гетману Мазепѣ ²⁾. Силистріійскій паша сообщилъ о томъ турецкому султану, и падишахъ съ сильнымъ неудовольствіемъ потребовалъ удовлетворительнаго отвѣта по этому поводу у малороссійскаго гетмана Мазепы черезъ того-же силистріійскаго сераскера ³⁾. Независимо отъ жалобы гетману потерпѣвшіе купцы послали жалобу, съ приложеніемъ росписи пограбленныхъ вещей и русскому государю.

Тогда изъ Москвы, іюня 18 дня, послана была въ Сичь царская грамота на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго съ толмачемъ посольскаго приказа Кирилломъ Македонскимъ и съ нѣжинскимъ полковымъ обознымъ Федоромъ Кандыбою для розыска объ учиненномъ запорожцами разбоѣ надъ проѣзжавшими цареградскими купцами. По той грамотѣ велѣно было разыскать воровъ и разбойниковъ и учинить имъ «жестокую казнь по указу великаго государя, по войсковымъ правамъ и по разсмотрѣнію гетмана», а пограбленные пожитки возвратить потерпѣвшимъ по росписи ⁴⁾.

На такое предписаніе запорожцы отвѣтили царю письмомъ, августа 1 дня, и въ томъ письмѣ оправдывали себя тѣмъ, «будто учинили они за то, что тѣ греки сами были въ томъ виновны». Изъ взятыхъ товаровъ они одну половину возвратили, а другую при себѣ удержали, назначивъ за нее денежную плату.

Когда-же товары пришли въ Переволочну, то оказалось, что

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 86, л. 844.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 83, л. 941—942.

³⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 86, л. 259.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1701, св. 2. № 1308—42.

ихъ прислано было слишкомъ мало, а цѣны за удержанные въ Сичи поставлены были слишкомъ низкія. Въ это время къ гетману Мазепѣ прибылъ отъ силистрійскаго паши посланный Ибрагимъ-ага, который ни за что не хотѣлъ выѣзжать изъ Батурина до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія за пограбленные товары ¹⁾).

Послѣ этого въ Москвѣ открыто былъ поставленъ вопросъ, какъ поступить съ запорожцами, чтобы ихъ укротить. По этому поводу вмѣсто царя, находившагося въ то время въ походѣ противъ шведовъ, обратился съ запросомъ къ гетману Мазепѣ графъ Федоръ Головинъ. Но гетманъ и самъ не зналъ, какъ ему поступить съ запорожцами: «Имѣешь ваша вельможность, самъ высокій разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла: такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого запорожцы наказанія годны. Я бы давно имъ притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумасброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, если-бъ не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотри съ этой стороны какое-нибудь неудовольствіе, ставили кого-нибудь наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что и теперь сдѣлать имъ нетрудно».

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить Головина, и онъ предлагалъ гетману рѣшительно поступить въ отношеніи главныхъ зачинщиковъ сдѣланнаго грабежа: зазвать главнѣйшихъ изъ нихъ въ Батурина, тамъ ихъ внезапно схватить и отправить въ Москву.

Но такого дѣйствія гетманъ никакъ не могъ допустить: «Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чертъ; я уже говорилъ съ запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ, пыталъ (допрашивалъ) ихъ о разбоѣ надъ греками, представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: у насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы все это сдѣлали, все войско запорожское низовое на то позволило. Есть у нихъ писарь Зеленицкій, воръ и давній измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украину татаръ и запорожцевъ; разбитый подъ Цари-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1702, св. 2, № 1312—24.

чанской, бѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живеть, оставя въ Полтавѣ отца, мать и жену. Говорять о немъ, что онъ великую силу имѣеть между запорожцами: въ радѣ молчить, а по куренямъ тайно что хочеть, то и дѣлаеть. Если-бъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись-бы, ибо недостаточное дѣло, чтобъ запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи обнадежены либо отъ хана, либо отъ поляковъ».

Нерѣшительность гетмана въ отношеніи запорожскихъ козаковъ вызвала большое неудовольствіе со стороны Головина, и Мазепа тотчасъ поспѣшилъ оправдаться передъ нимъ. «Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ такъ только для того, чтобъ не подать на себя большого подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ запорожцамъ какой-нибудь злости, а не для общаго добра и вѣрной службы, потому что и первое мое донесеніе о грабительствѣ запорожцевъ, шедшихъ во Псковъ на службу, ни во что вѣнено, а они, возвратясь, своими песьими губами лають: гетманъ хотѣлъ запровадить насъ въ Сибирь или въ Архангельскъ въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни суконъ, ни обѣщанныхъ по пяти рублей на человѣка за наши работы не дали, хотя тѣ деньги и сукна были уже и во Псковъ доставлены. Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако терпѣть отъ такихъ гультневъ—вещь тяжелоносна»¹⁾.

Гетманъ Мазепа далекъ былъ отъ того, чтобы указать на средства, какъ наказать запорожцевъ, — въ этомъ случаѣ онъ остерегался именно того, чтобы черезъ Запорожье на него не поднялась Украина.

А запорожцы по-прежнему нисколько не унимались отъ враждебныхъ дѣйствій противъ гетмана Мазепы и поселенныхъ имъ по рѣкѣ Самарѣ промышленныхъ людей: въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1701 года, они, не получая пошлины отъ селитренныхъ людей, разорили ихъ заводы и запретили размежевку посамарской земли.

Иначе отнеслись къ запорожцамъ въ самой Москвѣ. Не подчиняясь гетману и отказывая въ выдачѣ зачинщиковъ погрома цареградскихъ купцовъ, запорожцы тѣмъ не менѣе имѣли неосторожность отправить свою депутацію за полученіемъ царскаго жалованья въ Москву. Но едва прибыли въ столицу запорожскіе посланцы, Герасимъ Крыса и его товарищи, какъ ихъ немедленно

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1701, св. 6, № 5.

посадили въ тюрьму и стали допрашивать, были-ли они свидѣтелями погрома селитренниковъ и цареградскихъ купцовъ. На такой вопросъ запорожскіе посланцы отвѣчали, что свидѣтелями разгрома купцовъ они не были, но войско сдѣлало то съ общаго согласія, потому что проѣзжавшіе черезъ запорожскія степи купцы пренебрегли порядками, установленными войскомъ низовыхъ козаковъ, не захотѣли взять въ запорожской пограничной паланкѣ проводниковъ, какъ требовалъ того обычай войсковою, и тѣмъ отказались платить пошлину на Кошъ. Что до селитренниковъ, то Герасимъ Крыса и его товарищи отвѣтили, что свидѣтелями ихъ разоренія они не могли быть, а только слышали о томъ въ пути и находятъ, что товариство поступило съ ними по всѣмъ правамъ, такъ какъ оно считало и считаетъ земли по рѣкѣ Самарѣ за полную собственность свою и потому не позволить мужикамъ ея завладѣть. За такой смѣлый отвѣтъ нѣкоторые изъ запорожскихъ депутатовъ были удалены изъ Москвы и разосланы по великороссійскимъ городамъ¹⁾.

Послѣ этого февраля 19 дня царь Петръ Алексѣевичъ послалъ изъ Москвы въ Сичь новую грамоту на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго съ приказаніемъ безъ всякихъ отговорокъ возвратитъ всѣ сполна товары, пограбленные у проѣзжихъ купцовъ; въ противномъ случаѣ царь грозилъ подвергнуть «безъ пощады» смертной казни запорожскихъ посланцевъ, Герасима Крысу и его товарищей, и впредь прекратить выдачу жалованья всему войску запорожскихъ козаковъ²⁾.

Когда царская грамота доставлена была въ Сичу и прочитана на радѣ, то козаки закричали своему кошевому, чтобы онъ самъ отвѣчалъ за всѣ убытки, причиненные грекамъ, потому что онъ былъ и настоящимъ виновникомъ всего дѣла и совѣтникомъ дѣлажа товара по куренямъ, тогда какъ сами козаки совѣтовали кошевому спрятать все забранное добро въ общую войсковую скарбницу до времени. Послѣ такого приговора кошевой Петро Сорочинскій сложилъ съ себя атаманскій урядъ и уступилъ булаву новому кошевому атаману.

Такимъ оказался козакъ платнѣровскаго куреня, Константинъ Гордіенко, вскорѣ потомъ пріобрѣвшій большую извѣстность какъ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 86, л. 306.

²⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, 1702, св. 2, № 1812—44.

у запорожскихъ, такъ и у малороссійскихъ козаковъ. Гордіенко, иначе называемый Гординскимъ или Головкой¹⁾, по козацкому прозвищу Кротомъ²⁾, былъ самымъ выдающимся изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ конца XVII вѣка и первой четверти XVIII. Родомъ онъ былъ изъ теперешней полтавской губерніи, въ молодости учился въ кіевской духовной академіи, изъ «городовъ» какъ-то попалъ въ Запорожье, тамъ записался въ платѣровскій курень и потомъ выбранъ былъ кошевымъ атаманомъ низовыхъ козаковъ. По своимъ качествамъ это былъ человекъ храбрый, рѣшительный, смѣлый: по своимъ убѣжденіямъ это былъ горячій патріотъ и фанатическій ненавистникъ Москвы. Какъ кошевой Сирко, Гордіенко хотѣлъ видѣть свое Запорожье независимымъ въ политическомъ отношеніи отъ Москвы и въ этомъ духѣ дѣйствовалъ. Не обладая, однако, ни дальновидностью, ни изворотливостью, ни военнымъ гениемъ Сирка, Гордіенко въ меньшей степени могъ разсчитывать на успѣхъ своего дѣла, чѣмъ Сирко. Если Сирко, умѣвшій до нѣкоторой степени ужиться независимымъ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны, Россіей и Польшей съ другой, если этотъ безсмертный кошевой, пользовавшійся всеобщей славой непобѣдимаго героя, сошелъ въ могилу, не сдѣлавши независимымъ своего Запорожья, то Гордіенко могъ только ввести въ заблужденіе низовое товариство и вызвать гнѣвъ со стороны русскаго царя.

Между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ, испробовавъ грозныя мѣры въ отношеніи запорожцевъ, прибѣгнулъ къ мѣрамъ противоположнымъ. Такъ, когда была одержана первая побѣда русскихъ надъ шведами при деревнѣ Эрестферъ и когда въ слѣдъ затѣмъ гетманъ Мазепа явился въ Москву съ тѣмъ, чтобы принести поздравленіе со счастливой викторіей, то онъ получилъ тамъ большіе дары для себя лично и вывезъ подарокъ для запорожскаго войска—1.000 червонцевъ, нѣсколько штукъ суконъ, нѣсколько саблей и дорогихъ матерій³⁾.

Но на запорожцевъ, повидимому, даже и эти дары мало подействовали. Въ началѣ 1702 года вернулись изъ ливонскаго похода въ малороссійскіе города гетманскіе полки и объявили тамъ

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1854, 11, 34.

²⁾ Южнорусскія лѣтописи Бѣловерскаго, Кіевъ, 1856, I, 90.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, №№ 15, 17, 18, 19, 23.

во всеуслышаніе, какъ зло и презрительно обращались съ ними великороссійскія войска, какъ они отнимали у нихъ взятую на войнѣ добычу, били, топили въ водѣ. Это обращеніе такъ подѣйствовало на малороссіянъ, что нѣкоторые изъ малороссійскаго посольства даже стали переходить на сторону шведскихъ войскъ ¹⁾.

Таково-же точно было обращеніе москалей и въ отношеніи запорожскихъ козаковъ. Тогда большая часть запорожцевъ вернулась въ Сичь; нѣкоторые-же остались въ Польшѣ. Въ то время въ Польшѣ образовались двѣ политическія партіи, изъ коихъ одна стояла за Августа II, избраннаго главнымъ образомъ подъ вліяніемъ русскаго царя; другая держалась Станислава Лещинскаго, поставленнаго въ Польшѣ Карломъ XII, шведскимъ королемъ. Во главѣ послѣдней партіи стояли знатные паны Сапѣги. Запорожцы прістали къ сапѣжинцамъ.

Января 9 дня, 1702 года царь послалъ увѣщательную грамоту къ малороссійскимъ и запорожскимъ старшинамъ и въ этой грамотѣ писалъ, что запорожцы «со своими полководцами» вѣрно и радѣтельно служили государю подѣ Печерами и подѣ Ригю въ борьбѣ со шведскими войсками и получили царскій указъ съ дозволеніемъ вернуться на родину. Возвращаясь домой, они, однако, «презрѣвъ ту свою службу и радѣніе и государскую къ себѣ милость, отъ региментаревъ своихъ отлучились и въ дома свои не пошли, а пристали къ другой сторонѣ, невѣдомо для чего». Государь увѣщевалъ всѣхъ атамановъ, козаковъ и все посольство, чтобы они, припомня Бога и крестное свое цѣлованіе, возвратились попрежнему въ свои дома, за что, а равно и за службу и военные труды имъ дано будетъ щедрое жалованье; въ противномъ случаѣ тѣ, которые домой не возвратятся, будутъ лишены царской милости, получатъ смертную казнь и навлекутъ на себя проклятіе отъ потомства ²⁾.

Несмотря на такую грамоту запорожцы все-таки остались, въ числѣ нѣсколькихъ отрядовъ, въ Польшѣ при сапѣжинцахъ и принимали участіе въ дѣлѣ подѣ литовскимъ городомъ Быховымъ, при осадѣ и взятіи его мозырскимъ старостою Михайломъ Халецкимъ. Въ то время къ Быхову двинулись поляки, сторонники

¹⁾ Архивъ мин. юст. 1702, кн. 83, лл. 116, 653, архивъ мин. ин. дѣлъ 1702, № 1.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 165.

Августа II, въ числѣ 6.000 человекъ, и посланные отъ гетмана Мазепы 12.000 малороссійскихъ козаковъ, подъ начальствомъ стародубовскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Осажденныхъ сапѣжинцевъ было 4.000 человекъ, разнаго сброда 1.500 и 150 запорожскихъ козаковъ. Октября 12 дня, 1702 года, осажденные сдались на волю побѣдителей и въ числѣ ихъ находились запорожскіе козаки, которые были приведены въ городъ Батуринъ. Гетманъ Мазепа хотѣлъ всѣхъ приведенныхъ запорожцевъ казнить смертью, и только бывшіе подъ Быковымъ малороссійскіе полковники упростили его не дѣлать того, потому что они дали всѣмъ сдавшимся клятву сохранить имъ жизнь ¹⁾.

Но были тутъ и такіе козаки, которые не хотѣли принимать никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и занимались грабежомъ и разореніемъ сосѣднихъ деревень. Они не слушались старосты Михайла Халецкаго, напрасно раздававшаго имъ деньги для удержанія въ повиновеніи, и своего предводителя войскового товарища Тимоѳея Радича, старавшагося водворить между ними порядокъ и спокойствіе. Разгнѣванный царь приказалъ гетману Мазепѣ судить ихъ за преступленія по войсковымъ правамъ, и тогда главные руководители были казнены, а остальные, числомъ 1000 человекъ ²⁾, немедленно смирились и въ началѣ слѣдующаго 1703 года отправлены были гетманомъ въ городъ Смоленскъ съ тѣмъ, «чтобъ они никогда не возвращались въ малороссійскіе города для смущенія добрыхъ людей» ³⁾.

Всѣ эти строгости еще больше разжигали страсти запорожцевъ и вызывали у нихъ враждебныя чувства прежде всего противъ гетмана, а надежда на поддержку со стороны Крыма заставляла не повиноваться ни царскимъ указамъ, ни гетманскимъ универсаламъ.

Но въ это время изъ Крыма въ Сичь пришли недобрыя вѣсти: крымскій ханъ, къ которому запорожцы обращались за помощью, отказалъ имъ въ этомъ, потому что онъ былъ въ миру съ московскимъ царемъ. Самъ ханъ въ этомъ случаѣ подчинялся турецкому султану. Къ султану-же незадолго передъ тѣмъ отправленъ былъ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 86, л. 723, 824.

²⁾ Нужно думать, что тутъ были какъ запорожскіе, такъ еще больше того гетманскіе козаки, которыми по праву, и распоряжался гетманъ Мазепа.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россія, Москва, 1822, III, 58.

царемъ великій посолъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, для ратификаціи трактата, заключеннаго между Турціей и Россіей. Удостоенный аудіенціи у падишаха, онъ успѣлъ мирно настроить султана въ отношеніи Россіи. Тогда запорожцы, «придя въ чувство», отправили челобитную царю, въ которой писали, что турецкіе купцы сами были виноваты въ своей бѣдѣ: они не захотѣли платить войску пошрины и поѣхали не черезъ Сичь, а степью; запорожцы-же хотѣли преградить имъ неправильный путь, но встрѣтили вооруженное сопротивленіе со стороны купцовъ, призвали къ себѣ на помощь своихъ товарищей, рыболовныхъ промышленниковъ, находившихся вождѣ Буга рѣки, и «большимъ собраніемъ» заворотили купцовъ въ Сичь. Въ Сичи товариство подѣлило по буреніямъ только красные кумачи, а камни, жемчугъ и деньги возвратило купцамъ, въ заключеніе челобитной запорожцы просили царя помиловать ихъ, переимѣнить гнѣвъ на милость и возвратитъ низовыхъ посланцевъ въ Сичь ¹⁾.

Мартѣ 3 дня отправлено было изъ Москвы въ Батурино на имя гетмана Мазепы подъячимъ Павловымъ царское жалованье, состоявшее изъ денегъ, бархата, суконъ и соболей, для запорожскихъ козаковъ ²⁾. Гетманъ удержалъ у себя часть этого жалованья для передачи потерпѣвшимъ отъ запорожцевъ купцамъ. Предложено было силистрійскому пашѣ получить нѣсколько штукъ суконъ, бархата, атласа и соболей, всего на сумму около 10.000 левовъ; но паша нашелъ это слишкомъ недостаточнымъ вознаграженіемъ, и тогда Мазепа прибавилъ къ 10.000 еще 400 рублей изъ запорожскихъ денегъ, собранныхъ въ Переволочнѣ за перевозъ: когда-же паша нашелъ и эту сумму небольшой, то гетманъ еще собственныхъ 640 рублей приложилъ къ ней, и только тогда успокоилъ пашу ³⁾.

Апрѣля 17 дня Иванъ Мазепа доносилъ царю Петру Алексѣевичу о томъ, что легкомысленные и своевольные запорожцы, собравшись большими «купами» въ Кодакъ, около Самарскихъ городковъ и въ городахъ малороссійскихъ гетманскаго регимента, чинятъ похвальбы, объщаются вмѣсто 80 человекъ, посланныхъ изъ Сичи и задержанныхъ въ Москвѣ, взять 800 человекъ, нисколько

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1854, XIV, 370—378.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1702, св. 10, № 26.

³⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 96, л. 718, 960.

не заботятся о томъ, что къ нимъ не пропускають хлѣбныхъ запасовъ и надѣются получить ихъ инымъ способомъ: «Оныя запорожцы недобримъ духомъ дышатъ и съ недобримъ намѣреніемъ такъ великими купами собираются. Стоя на разныхъ мѣстахъ, они многихъ малороссійскихъ городовъ жителей, возвращающихся снизу въ свои дома и отбывающихъ отъ мороваго повѣтрія, обходящихъ Каменный-Затонъ степою (степью), спостигши, бьютъ и грабятъ и къ конечной нищетѣ приводятъ; также въ пасѣкахъ и въ рѣкахъ полевыхъ, кого ни есть, найдутъ, то такое-же исполняютъ разбойство и грабежъ, ради которыхъ жителямъ малороссійскихъ украинныхъ городовъ ни до пасѣкъ своихъ и на инныя мѣста за промыслами господарскими отнюдь проѣхати невозможно». По всему этому гетманъ Мазепа просилъ государя дать ему «милостивый наставительный указъ» какъ ему поступить со своевольными запорожцами, т. е. разорять-ли ихъ, когда они приблизятся къ малороссійскимъ городамъ, или - же другія какія-либо мѣры противъ нихъ взять, а на всякій случай, пока придетъ царскій указъ, гетманъ велѣлъ собраться коннымъ и пѣхотнымъ сердюжкимъ полкамъ и идти на рѣку Орель ¹⁾).

Что происходило въ это время въ Сичѣ и каково было подлинное настроеніе запорожскаго войска, объ этомъ пространно донесли Мазепѣ его приспѣшники, «нижайшій подножокъ», товарищъ роговскаго куреня Василь Зеленый и «наставникъ» послѣдняго «въ добромъ дѣлѣ» отецъ Антонинъ Мокіевскій. Василій Зеленый состоялъ сперва писаремъ запорожскаго войска, но потомъ, вслѣдствіе разразившагося мороваго повѣтрія, ушелъ въ дикія поля на Ингулецъ, и тамъ скрывался всю осень и все лѣто. Узнавъ, что моровая «пляга» наконецъ со дня пророка Іліи «прочь уступила», Зеленый вернулся въ Сичу и тамъ увидѣлся съ давнимъ своимъ наставникомъ отцомъ Антониномъ Мокіевскимъ и, послѣ совѣта съ нимъ, написалъ листъ гетману Мазепѣ о происшествіяхъ послѣднихъ дней въ запорожской Сичѣ. Первѣе всего, писалъ Зеленый, запорожцы сносятся съ крымскимъ панствомъ и заводятъ съ нимъ такое-же «братерство», какое было во время небожчика (цокойнаго) Хмельницкаго. Другое—запорожцы всецѣло и «вседушевно» хотятъ Москву воевати. Для того, чтобы войти въ непосредственныя отношенія съ Крымомъ, запорожцы отправили

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1702, № 86, л. 292—294.

до Перекопа своихъ посланцевъ. Изъ Перекопа посланцы отправлены были съ татарскими провожатыми до Бахчисарая, но въ Бахчисарай не попали, а пришли въ Карачевъ ¹⁾ городъ, гдѣ находился въ то время ханъ со своимъ войскомъ. Ханъ и татары, принявши листъ отъ запорожскихъ посланцевъ, прочитали его и приввали къ себѣ одного стараго татарина и стараго-же, очень опытнаго, запорожскаго посланца Супруна Стеблѣвскаго (т. е. приписаннаго къ куреню стеблѣвскому), «добре» знавшихъ войну и постановленія Хмельницкаго. Эти старцы долго говорили публично въ присутствіи хана о давнихъ войнахъ и потомъ были отпущены по «госпѣдахъ» (т. е. по домамъ). Отпустивъ старцевъ, ханъ и его приближенные приступили сами къ совѣщанію. Во время этого совѣщанія ханъ рѣшительно отказался отъ предлагаемой войны; зато всѣ «панѣве» высказались за участіе въ войнѣ. Споря объ этомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, приближенные хана дошли до того, что хотѣли «сложитъ» его съ ханства и только послѣ того ханъ далъ свое согласіе. Тогда ханскіе «панѣве» послали донесеніе о своемъ намѣреніи турецкому султану и просили у него позволеніе о выходѣ имъ на войну. Послѣ отправки депутатовъ къ султану, татары вновь вернулись къ предложенію запорожцевъ и рѣшили въ предстоящую зиму идти войной до самой Москвы, для чего предложили запорожскимъ посланцамъ вопросъ, спрашивали запорожскихъ посланцевъ, будетъ-ли ревностно помогать Крыму низовое войско. Посланцы отвѣчали, что войско будетъ во всемъ согласно съ татарами, потому что оно недовольно на москаля, который строитъ городъ въ Каменномъ-Затонѣ. А будетъ-ли татарамъ помогать заднѣпровскій гетманъ воевать Москву? спросили татары. Посланцы на такой запросъ отвѣтили, что они того не знаютъ. Но на что-же они надѣются? Надѣются «на охотника». А полкъ полтавскій пойдетъ-ли противъ нѣмцевъ? Полкъ полтавскій не пойдетъ противъ нѣмцевъ,—онъ будетъ дома. «Добре, рекли татары, коли не пойдетъ, то все ваше товариство цѣло будетъ; только, чтобы вы додержали слово и не довели насъ до стыда, какъ съ Петрикомъ и съ иными, Суховѣмъ и Ханенкомъ. Впрочемъ, хоть вы всѣ пойдете, хоть не пойдете, только-бы ваши знаки войсковые сѣчевые были съ нами, а мы и сами поидемъ, хоть и до самой столицы (т. е. Москвы); только мы отъ васъ того желаемъ, чтобы

¹⁾ Нужно думать Карасубазаръ.

отъ сего времени больше съ Москвой ни листами не засылались, не жили съ ними зичливе, но съ нами оставались въ пріязни и доносили намъ отъ себя всякія вѣдомости, а какая къ намъ изъ Царяграда отъ монарха турецкаго будетъ вѣдомость, то вскорѣ и намъ и намъ извѣстно будетъ, и вы во всемъ будьте покойны».

Возвращая запорожскихъ посланцевъ изъ Крыма, ханъ и его павове отправили съ ними одного незначнаго, но только стараго человѣка, татарина самъ-треть. Такъ какъ въ то время настоящій войсковой писарь, заразившійся передъ тѣмъ повѣтріемъ, еще не выздоровѣлъ отъ болѣзни, то вмѣсто него кошевой атаманъ обратился съ просьбой къ Зеленому дать присланному татарину отвѣтныи листъ до хана и всего крымскаго панства. Зеленый воспользовался такимъ приглашеніемъ, разузналъ о результатахъ посольства запорожцевъ въ Крымъ и въ то-же время исполнилъ просьбу кошевого. Первѣе всего запорожцы благодарили хана за присланные имъ листы и за его вниманіе ко всему войску. Затѣмъ просили его, какъ можно скорѣй, увѣдомить войско въ случаѣ полученія какого-либо извѣстія отъ турецкаго султана. Далѣе «всердечно, якъ старшій товарищъ, такъ и меньшій», просили хана къ себѣ на соединеніе съ ордами съ тѣмъ, чтобы побить Москву въ Каменномъ-Затонѣ, и оттуда идти далѣе; обѣщали съ москалями не сноситься и всячески вредить имъ. Запорожцы не похваляли порады татаръ за то только, что они откладываютъ войну на зиму, когда рѣки стануть; лучше было-бы тому непріятелю, москалю, теперь-же запретить строить вблизи Крыма города и поселяться въ нихъ, потому что коли Москва усилится тамъ всякими войсковыми приборами, людьми умножится, то трудно будетъ выкоренить ее оттуда; теперь-же было-бы удобно съ ней сдѣлать, что угодно.

Написанныи листъ кошевой атаманъ взялъ къ себѣ и самъ наединѣ вычиталъ его, желая доподлинно убѣдиться, всѣ-ли пункты въ немъ прописаны, о которыхъ онъ приказывалъ. Послѣ этого кошевой, не собирая войсковой рады, а только «атаманскую порадую», тихо отпустилъ изъ Сичи ханскаго посла, боясь, чтобы кто-нибудь изъ москалей Каменнаго-Затона не услышалъ о томъ, что запорожцы послали свой листъ къ хану. Послѣ отъѣзда ханскаго посла изъ Сичи между запорожцами стали носиться «разные голоса». Одни говорили: «если орда теперь - же не захочетъ соединиться съ нами и пойти Москвы воевати, а на насъ будетъ (черезъ то) опалъ (т. е. гнѣвъ)

монаршіи, то мы отпишемся къ Москвѣ до великаго государя, что мы того, войско, ничего ни чинили и не знали, да все то павъ гетманъ намъ велѣлъ чинити такъ съ ордою, яко и съ Москвою; то его самого возьмутъ на Москву въ неволю, а мы какъ раньше, такъ и теперь будемъ находиться въ ласкѣ и милости монаршей.» Другіе - же такъ разсуждали: «Колн не будетъ послѣ сего на насъ ласки царской, то мы хочъ вѣчно поддамося турецкому монаршѣ, а Москвѣ не дамося въ неволю, бо они (москаля), вже знаемъ, якъ людей мучать». Изображая все это гетману Мазепѣ, Василь Зеленый отъ себя осмѣливался подать ему советъ, ради сердечной къ его вельможности зичливости, потѣшнть чѣмъ-либо на этотъ разъ запорожское низовое войско — или отвратить гнѣвъ монаршіи и выволить изъ Москвы сѣчвое товариство, или - же прислать на Кошъ борошна и написать ласково до войска, но въ такомъ духѣ, чтобы оно кошевого отставило отъ его уряда; тѣмъ болѣе, что войско имѣетъ быть на него недовольнымъ: во-первыхъ, онъ всѣмъ позбавлялъ добычи; во-вторыхъ, произвелъ большую турбацію.

Письмо Василя Зеленаго къ Мазепѣ, подкрѣпленное письмомъ Антолина Мокіевскаго, писано на половину по русски, на половину по латыни; въ немъ Зеленый выставляетъ себя горячимъ патриотомъ всей Россіи, искренне преданнымъ русскому монарху и малороссійскому гетману, но въ то-же время проситъ сжечь всѣ посылаемые пунеты, чтобы о томъ какъ-нибудь не дошло извѣстіе въ Сичу и чтобы чрезъ то не погибли оба автора письма и самая святая обитель. «Тутъ всѣ того пилно стерегутъ и довѣдуются о такихъ дѣлахъ. Антона, товмача вашего, завернувши, держатъ въ вязеню крѣпкомъ, поки отъ васъ о немъ до войска письма не буде. А все то наигорше кошовый чинитъ своимъ упоромъ и поводомъ» ¹⁾.

Узнавъ о сношеніяхъ запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ, гетманъ Мазепа отправилъ въ Крымъ собственнаго гонца и чрезъ того гонца просилъ хана не нарушать мира съ Москвой. Ханъ принялъ гетманскаго гонца съ честью и обѣщалъ не разрывать мира съ Москвой, о чемъ гетманъ успѣшилъ сообщить графу Головину письмомъ въ Москву и тутъ-же занесъ жалобу на бѣгство въ Запорожье многихъ людей изъ малороссійскихъ городовъ ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, св. 14, № 1331—1303.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, № 1295.

Между тѣмъ ненависть запорожцевъ къ москалямъ все болѣе и болѣе возрастала и перешла въ открытую вражду. Такъ, осенью этого-же года какая-то гулящая степная ватага напала на капитана Суховольскаго, везшаго съ солдатами для стрѣлцаго полка въ Каменный-Затонъ царскую казну, капитана и двухъ солдатъ убила, бывшаго при нихъ священника исколола и въ терновникъ бросила, а царскую казну себѣ забрала. Другая подобная-же ватага воровскимъ способомъ «въ великороссійскихъ полкахъ у Каменнаго-Затона и у Новобогородицкаго городка лошадей похватила и съ собой угнала ¹⁾. Въ это-же время изъ Сичи отдѣлилось 600 чело-вѣкъ искателей приключеній, которые ударились на вершину рѣчки Волчьихъ-Водъ и сдѣлали тамъ нападеніе на промышленныхъ людей, вѣдвшихъ на свои пасѣки и на рыбныя ловли ²⁾.

Главной причиной такого озлобленія запорожскихъ козаковъ противъ Москвы было построеніе новаго русскаго городка въ Каменномъ-Затонѣ. Сентября 23 дня послана была, на имя коше-ваго атамана Гордіенка, царская грамота съ приказаніемъ не препятствовать русскимъ людямъ ломки камня и обжиганія извести на построеніе Каменно-затонскаго городка ³⁾. Грамота эта отправлена была сперва къ гетману Мазепѣ и отъ него, черезъ козака Антона Гречаника, доставлена въ Сичь. Въ Сичи грамоту приняли, а гетманскаго посланца приковали желѣзами къ пушкѣ и посадили подъ строгій караулъ, и хотя тотъ посланецъ впалъ въ какую-то болѣзнь, но его днемъ отпускали со сторожами, а на ночь, крѣпко сковавъ, вновь къ пушкѣ сажали и никого къ нему не допускали ⁴⁾.

Въ это время, а именно октября 11 дня, какъ сообщалъ гетману переволочанскій дозорца Безкровный, въ запорожскую Сичь пріѣхали отъ крымскаго калги-салтана три старыхъ татарина къ кошевому атаману съ просьбой позволить татарамъ воспользоваться запорожскими судами для переправы съ лѣваго берега Днѣпра на правый у Тавани, чтобы идти въ турецкій городъ Бѣлоградъ «для нѣкотораго ихъ сейма». Въ Сичи собрана была по этому поводу

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, книга мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 778—779, кн. 89, л. 168.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 291.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1702, св. 10, № 84; мал. подл. акты, № 1880.

⁴⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—985.

войсковая рада и на ней прочтенъ листъ калги-салтана. Въ той радѣ былъ козакъ брюховецкаго куреня, Тимошъ, который, выслушавъ о чемъ шла рѣчь, сказалъ кошевому и всему войску такое слово: «Пане атамане кошевой и все войско запорожское! Не доведется намъ на своихъ отцевъ, братьевъ и сестеръ руки свои подымати и на нихъ идти войною». Козаки, выслушавъ ту рѣчь Тимоша, въ тотъ день ему простили, найдя, будто-бы онъ былъ подвыпивши, но на другой день, выйдя и собравшись на новую раду, велѣли тому Тимошу «отбить» руки и ноги и въ тотъ - же часъ ему то все учинили, а потомъ на дровняхъ выволокли вонъ ¹⁾. На новой радѣ козаки приговорили спустить къ потребѣ татаръ въ назначенное мѣсто суда и для помощи при перевозѣ черезъ рѣку послать имъ нѣсколько десятковъ человекъ съчевыхъ козаковъ, а для извѣщенія самого калги-салтана отправить двухъ человекъ, стараго козака Трипутня да козака роговскаго куреня Василія Блюцерковскаго. Однако, желая показать себя чистыми въ этомъ отношеніи передъ гетманомъ Мазепой, запорожцы послали извѣстіе о дѣйствіяхъ своихъ гетманскому дозорцѣ Безкровному и въ слѣдъ за нимъ самому гетману. Послѣднему они писали, что крымскій салтанъ, идя изъ Крыма, прислалъ въ Кошъ своего посланца Алмать-агу съ просьбой, «дабы запорожцы не заборонили ему взять ихъ войсковыя, находящіяся на пристани въ Тавани суда, переправиться ему черезъ Днѣпръ со своимъ дворомъ». Запорожцы, по той просьбѣ, выбрали двухъ знатныхъ товарищей, дали имъ свой листъ и послали ихъ къ салтану на перевозъ съ тою цѣлью, чтобы взять «подлинное увѣдомленіе о замыслахъ татаръ», а также и съ тѣмъ, чтобы «они не чинили никакой неправды запорожскому товариству въ полѣ и въ рѣчкахъ на обыкновенныхъ добычахъ» козаковъ. Тѣхъ татаръ съ салтаномъ шло до 2.000 человекъ; а у Очакова переправилась черезъ Днѣпръ «великая сила» татаръ, но куда они идутъ и какое намѣреніе имѣютъ, запорожцы о томъ не знаютъ ничего; когда-же посланцы запорожскіе привезутъ какую-нибудь «отповѣдь» на войсковой листъ, тогда запорожцы и гетману о томъ дадутъ знать. А теперь, пользуясь случаемъ, просить гетмана оказать свое «господское призрабніе» на тѣхъ товарищей съчевыхъ, которые уже больше года находится въ Москвѣ

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 730—785.

и до сихъ поръ не возвращаются на Кошъ: «Въ нашемъ преступствѣ ¹⁾ мы пребываемъ причиною всѣмъ, а не они одни и, вниая передъ вашею вельможностью, просимъ заступиться за насъ передъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ на Москвѣ и прощеніе имъ испросить» ²⁾).

Но просьба запорожцевъ оставлена была безъ всякаго вниманія. Въ замѣнъ того послана была въ Сичь царская грамота съ предписаніемъ о томъ, чтобы козаки не препятствовали великороссійскимъ людямъ брать въ разныхъ мѣстахъ матерьяловъ, годныхъ для построенія крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ.

Тогда запорожцы, собравшись на войсковую раду, написали листъ уже самому царю и отправили его гетману Мазепѣ для пересылки въ Москву. Содержаніе того листа было таково.

«Въ нынѣшнемъ 1702 году, октября въ 20 день, донесена къ намъ, войску запорожскому низовому, предпочтенная вашего царского величества грамота отъ подданного обѣихъ сторонъ Дѣвпра, гетмана и ставного чина святого апостола Андрея кавалера Ивана Степановича Мазепы, черезъ особаго его посланца. Отдавая честь высокоименитой грамотѣ и надѣясь (слышать) монаршее милостивое слово, мы велѣли читать въ слухъ ее для уразумѣнія всякому. Но мы не нашли въ ней ни одного слова на наши просительныя къ вамъ, великій государь, письма, съ которыми неоднократно обращались къ вашему царскому престолу объ отпускъ нашего, посланнаго всѣмъ войскомъ, товариства и о премилостивомъ отъ царственной руки годового жалованья. Напротивъ того, изъ написанной боярской вашей грамоты мы поняли, претерпѣвая уже второй годъ безъ перемены бѣдствія, мы не знаемъ, живы-ли или нѣтъ наши товарищи, поѣхавшіе за монаршеской казной: въ присланной къ намъ грамотѣ ничего ваше царское величество не упоминаете о нашихъ товарищахъ, а только изволите приказывать намъ, войску запорожскому низовому, о строеніи города Каменнаго-Затона, дабы мы людямъ, посланнымъ отъ генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго, не возбраняли брать на будущій 1703 годъ камня, извести, гдѣ они найдутъ ее годною на сженіе и на стѣнное строеніе. На это всѣ единогласно вашему царскому величеству объявляемъ, что совершенно не хотимъ онаго

¹⁾ Нужно разумѣть разграбленіе греческихъ купцовъ.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—785.

города близъ насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня брать на строеніе его не дозволимъ: еще города того и не построили, а мы уже терпимъ большія неправды и убытки въ вольностяхъ козацкихъ нашихъ, чего напередъ сего ни отъ кого не видали по даннымъ намъ древними монархами грамотамъ. Теперь-же мы узнали объ особенно сильномъ стѣсненіи, которое терпитъ наше товариство, занимающееся добычею въ полѣ и выше Днѣпра, на обыкновенныхъ мѣстахъ: оно не только не можетъ выплыть къ назначенному у запорожской Сичи мѣсту, но даже, вслѣдствіе разоренія московскаго, которое дѣлается изъ Каменнаго-Затона, несетъ знатное убійство. Самъ генералъ, идя прошлымъ лѣтомъ около этого времени, въ Каменный-Затонъ съ большою силою для строенія городовъ, отнялъ у насъ перевозъ въ Кодакъ и поставилъ тамъ сторожу, гдѣ и теперь стоитъ 50 человекъ ратныхъ государскихъ людей. Въ самарскихъ-же лѣсахъ и въ строеніи мельницъ немалое чинится разореніе отъ полтавскихъ полчанъ и отъ самарскихъ жителей. Такимъ образомъ, видя какъ наша козацкая вольность обращается въ неволю, мы всѣ единогласно не позволяемъ и возбраняемъ строить города въ Каменномъ-Затонѣ. Всегда открыто становясь передъ очи бусурманъ, мы были во всемъ послушны вашему царскому величеству, во всякое время находились на своемъ посту, всегда доставляли вамъ всякія вѣсти,—и теперь все то согласны дѣлать, но приказанія о построеніи города не будемъ слушать и противъ князя Мосальскаго или другого кого, кто въ предбудущій 1703 годъ явится въ Каменный-Затонъ, изготовимся и станемъ къ военному бою со всѣмъ нашимъ всепольнымъ товариствомъ. Изложивъ всѣ наши обиды вашему царскому величеству, мы отдаемъ себя во власть высокодержавной руки вашей. Вашего царскаго величества войска запорожскаго низоваго атаманъ кошевой Костянтинъ Гордѣенко со всѣмъ посполствомъ. Изъ Сичи запорожской 23 октября, 1702 года¹⁾.

Такую смѣлость относительно русскаго царя поддерживали въ запорожцахъ крымскіе татары, которые имѣли постоянное сношеніе съ Кошею и черезъ своихъ посланцевъ общали козакамъ дѣятельную помощь противъ Москвы, если только она не прекратить постройки своихъ городовъ на Днѣпрѣ. Кромѣ татаръ под-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик. 1702, № 86, л. 809—812.

держка запорожцамъ шла и отъ турокъ, такъ какъ сѣлистрійскій паша также недоволенъ былъ возведеніемъ русскихъ крѣпостей на Днѣпрѣ и усматривалъ въ томъ нарушеніе мира со стороны Россіи по отношенію къ Турціи, о чемъ и заявилъ гетману Мазепѣ въ своемъ къ нему письмѣ ¹⁾. Оттоманская Порта вновь готова была разорвать съ Россіей миръ, и по этому поводу русскій резидентъ Петръ Толстой, находившійся въ Адрианополѣ, писалъ въ Москву Ѳедору Головину: «Татары съ великимъ шумомъ просили Порту о разрушеніи мирныхъ договоровъ и о дозволеніи всчать войну съ Россіей. О томъ были у меня съ турецкими министрами многіе разговоры» ²⁾.

Для самого гетмана волненіе запорожцевъ было опасно не само по себѣ, а по тѣмъ смутамъ, которыя оно могло произвести въ малороссійскихъ городахъ: всѣ недовольные гетманскими порядками въ городахъ смѣло возвышали въ то время свои голоса и уходили изъ городовъ въ Сичь ³⁾. Этого-то именно и опасался гетманъ. Поэтому онъ отнесся въ Москву съ письмомъ и просилъ взять рѣшительныя мѣры для искорененія своевольства запорожскихъ козаковъ.

Изъ Москвы, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, посланъ былъ въ городъ Батуринъ скорый гонецъ Курбатовъ. Прибывъ въ Батуринъ и сдѣлавъ тамъ допросъ, Курбатовъ узналъ, что всѣ жалобы гетмана на запорожскихъ козаковъ дѣйствительно имѣютъ свое основаніе, почему и обратился съ вопросомъ къ самому-же гетману, какъ быть въ отношеніи козаковъ. Гетманъ на такой вопросъ отвѣчалъ, что прежде всего надо имѣть въ своемъ распоряженіи два или три полка доброй пѣхоты на тотъ конецъ, когда запорожцы и крымскіе татары соединятся въ одно; затѣмъ слѣдуетъ прислать въ Батуринъ или въ Сѣвскъ задержанныхъ въ Москвѣ запорожскихъ посланцевъ и слѣдующую войску денежную казну; послѣдняя должна быть отослана въ Сичь только тогда, когда низовое войско покажетъ несомнѣнные признаки покорности царю. Болѣе рѣшительныя мѣры, какъ на примѣръ изгнаніе запорожцевъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, № 77.

²⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго; СПб., 1863, IV, ч. I, 220.

³⁾ Тамъ-же; Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 89, л. 163, кн. 86, л. 959, кн. 86, л. 779.

изъ предѣловъ Россіи или безусловное подчиненіе ихъ русскому царю, по мнѣнію гетмана, невозможны были вслѣдствіе слѣдующихъ трехъ причинъ: во-первыхъ, вслѣдствіе того, что если въ Сичи сядетъ тысячь пять человекъ, то противъ нихъ надо идти генеральной войной, чего нынѣ сдѣлать нельзя, а бѣлгородскимъ отрядомъ ихъ не прогнать; во-вторыхъ, если приступить къ нимъ съ войсками, то имъ будетъ помощь отъ хана и крымскихъ татаръ; въ-третьихъ, если они, испугавшись большого войска, оставятъ Сичь, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся въ Кардашинѣ, внизу Дѣбпра, къ морю, или въ Прогнояхъ, и пущее разореніе будутъ чинить; да и иные къ нимъ будутъ прибѣгать. А что турки хотятъ открыть съ русскими войну, то это ясно изъ всего, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ-бы союза съ войскомъ запорожскихъ козаковъ.

Всѣ эти доводы Курбатовъ принялъ въ резонъ и съ тѣмъ отъѣхалъ изъ Батурина въ Москву.

Тогда въ Москвѣ рѣшили отправить чрезвычайнаго посла въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ, съ подарками и съ государевой грамотой и черезъ того посла привести запорожскихъ козаковъ къ присягѣ на вѣрность русскому царю. Прежде всего отправленъ былъ стольникъ Ѳедоръ Протасевъ, а за нимъ, марта 21 дня, выѣхалъ подъячій Андрей Павловъ. Послѣднему велѣно было ѣхать сперва въ Батурино и въ Борзну, взять тамъ у гетмана и у какого-то торговаго москвитина 300 половинокъ шиптуховыхъ суконовъ и съ ними ѣхать въ Сичь.

Выѣхавъ изъ Москвы, подъячій Андрей Павловъ, апрѣля 9 числа, нагналъ гетмана въ селѣ Ярославцѣ, въ трехъ миляхъ отъ Глухова, и тамъ передалъ ему «наказную память» свою. Гетманъ, принявъ царскую грамоту, писанную лично къ нему, и выслушавъ наказную рѣчь подъячаго, объявилъ, что въ царской грамотѣ велѣно его, подъячаго, вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ гетманскихъ людей, отправить въ запорожскую Сичь; но это только въ томъ случаѣ, если царскому послу не будетъ никакого дурного умысла отъ запорожскихъ козаковъ. Объявляя о томъ послу, гетманъ замѣтилъ самъ отъ себя, что онъ не есть сердцевѣдецъ всему: сегодня запорожцы спокойны, а завтра замыслятъ что-нибудь злое. Однако, повинувъсь волѣ государя, назначилъ къ подъячему своего батуринскаго сотника Ивана Скоропадскаго и обѣщалъ дать роспись для роздачи государева жалованья по куренямъ. Въ тотъ-же день и въ

томъ-же селѣ у гетмана Мазепы былъ обѣдъ; на томъ обѣдѣ былъ подъячій и были запорожцы, отпущенные изъ Москвы, — полковники Герасимъ Крыса и Лукьянъ Ирглѣвскій ¹⁾ сидѣли въ свѣтлицѣ съ гетманомъ, а рядовые козаки на дворѣ, въ наметѣ. Послѣ обѣда гетманъ выходилъ къ тѣмъ козакамъ, что сидѣли въ наметѣ и дѣлалъ имъ выговоръ съ великимъ гнѣвомъ за ихъ непристойные поступки. Тогда рядовые козаки и полковники просили прощенья у гетмана за разбой надъ греческими купцами, а относительно прочихъ поступковъ заявили, что они въ нихъ неповинны: если какіе другіе проступки и были за запорожскими козаками, то они, посланцы, того не знаютъ, потому что все время сидѣли въ Москвѣ за карауломъ и теперь, по милости царскаго величества, отпущены на свободу, за что обѣщаютъ какъ великому государю, такъ и гетману вѣрно служить и непоколебимо радѣть. Тогда гетманъ, снисходя къ такому обѣщанію, объявилъ, что, такъ какъ запорожскіе посланцы пожалованы отъ его царскаго величества жалованьемъ и свободой, то за то они, по пріѣздѣ въ свой Кошъ, должны быть во всемъ вѣрны великому государю и послушны ему, гетману. Запорожцы снова подтвердили свой обѣтъ вѣрности, и тогда гетманъ ушелъ въ свѣтлицу, а глуховскому сотнику Алексѣю Туранскому приказалъ поить и кормить запорожцевъ въ полную ихъ волю. Апрѣля 12 дня запорожцы отпущены были гетманомъ изъ Ярославца и отправились въ дальнѣйшій путь до Сичи. Самъ подъячій, получивъ въ Борзнѣ сукна у москвитина, а у гетмана взявъ въ Батуриной роспись жалованья и 8 паръ соболей для роздачи ихъ «желательнымъ лицамъ», отправился изъ Батурина вмѣстѣ съ сотникомъ Дмитріемъ Нестеренкомъ, назначеннымъ къ подъячему отъ гетмана, на Конотопъ и на Роменъ. Въ Ромнѣ къ подъячему явился отъ гетмана батуринскій сотникъ Якимъ Кнышъ и объявилъ, что гетманъ приказалъ ему вмѣстѣ съ подъячимъ ѣхать въ Запорожье при жалованьи и отобрать у него 8 паръ соболей. Принявъ гетманскаго гонца, подъячій въ выдачѣ ему соболей отказалъ, объявивъ, что отдастъ ихъ ему только при столыникѣ Протасевѣ въ Переволочнѣ. Изъ Ромна подъячій Павловъ проѣхалъ на Полтаву, а изъ Полтавы на Переволочну. Въ Переволочнѣ онъ съѣхался со столыникомъ Протасевымъ и при немъ возвратилъ соболя гет-

¹⁾ Нужно думать ирглѣвскаго куреня.

манскому посланцу Кнышу. Мая 1 дня изъ Переволочны подъячій вмѣстѣ со стольникомъ Протасьевымъ, генеральнымъ асауломъ Иваномъ Скоропадскимъ и сотникомъ Якимомъ Кнышомъ отира-
 вился до запорожской Сичи. Не доѣзжая самой Сичи, мая 4 числа, стольникъ Протасьевъ отправилъ подъячаго Хохлова, а генераль-
 ный асаулъ Скоропадскій—сотника Кныша къ кошевому атаману
 Гордіевку съ извѣстіемъ о приѣздѣ его, царскаго стольника, съ
 жалованьемъ и съ грамотой отъ великаго государя. Кошевой ата-
 манъ того-жъ числа выслалъ на встрѣчу къ стольнику Протасьеву
 и къ генеральному асаулу Скоропадскому запорожскаго войскового
 асаула Ивана Гадяцкаго. Иванъ Гадяцкій, встрѣтивъ посланцевъ,
 спросилъ ихъ отъ имени кошевого о здоровьѣ и потомъ объявилъ
 имъ, чтобы они того-же числа въ Сичу не въѣзжали, а ночевали-
 бы вблизи Сичи. Мая 5 числа войсковою асаулъ велѣлъ послан-
 цамъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Сичь. И когда стольникъ Про-
 тасьевъ да генеральный асаулъ Скоропадскій приблизились къ
 Сичь, то кошевой съ войскомъ встрѣтилъ ихъ у Сѣрковой могилы
 и потомъ стольника и генеральнаго асаула спрашивалъ о здоровьѣ.
 Послѣ этого кошевой попросилъ стольника подать ему царскую
 грамоту, и когда стольникъ подалъ кошевому грамоту, то коше-
 вой, взявъ ее въ руки, поцѣловалъ приложенную къ ней печать
 великаго государя и потомъ вновь возвратилъ ее стольнику. Столь-
 никъ вручилъ ту грамоту подъячему Хохлову и велѣлъ нести ее
 «взявъ» передъ собой. А когда кошевой цѣловалъ царскую гра-
 моту въ печать, то въ это время все войско стрѣляло изъ мел-
 каго ружья. Потомъ, когда стольникъ, генеральный асаулъ и подъя-
 чіе стали входить «въ замокъ», то казаки стрѣляли изъ пушекъ.
 По приходѣ въ замокъ всѣ собрались въ церковь и слушали мо-
 лебное пѣніе и божественную литургію. Въ тотъ-же день коше-
 вой учинилъ войсковую раду, на той радѣ велѣлъ быть и столь-
 нику Протасьеву. Стольникъ, придя въ раду, спрашивалъ по «на-
 казу» здоровье сперва кошевого атамана, а потомъ всего пос-
 польства отъ имени великаго государя. И кошевой и все пос-
 польство благодарили великаго государя за такую милость. Послѣ
 этого стольникъ вручилъ кошевому царскую грамоту и ту грамоту
 прочитали всѣмъ казакамъ въ радѣ. По прочтеніи первой грамоты
 кошевой спросилъ у стольника грамоту о присылкѣ войску цар-
 скаго жалованья. Стольникъ Протасьевъ велѣлъ подъячему Пав-
 лову подать кошевому атаману просимую грамоту. Ту грамоту

также прочли всему войску на радѣ. Послѣ этого стольникъ говорилъ войску рѣчь, написанную «по наказу на здиркѣ». Тутъ многіе изъ войска заявили, чтобъ ту рѣчь, написанную на «здыркѣ», прочелъ войсковой писарь всѣмъ вслухъ, и стольникъ тотъ «здырокъ» отдалъ кошевому, а кошевой передалъ его писарю, и писарь прочелъ его всѣмъ вслухъ. Потомъ кошевой и все войско приказали прочесть роспись своимъ войсковымъ обидамъ, которыя нанесли имъ князь Кольцо-Мосальскій и воеводы самарскій и каменнозатонскій. По прочтеніи грамотъ великаго государя, войсковыхъ жалобъ и по выслушаніи отъ стольника навазной рѣчи, кошевой, старшина и все войско говорили, что они великому государю служили и впредь служить будутъ вѣрно; измѣны никакой не чинили, крымскому хану не присягали и въ Крымъ только для проводыванія вѣстей посылали; крестное-же цѣлованіе учинять по принятіи царскаго жалованья, которое должно быть роздано въ той-же радѣ. И то жалованье, по указу и по росписи, стольникъ роздалъ кошевому, старшинѣ и всему войску въ той-же радѣ. Атаману кошевому 2 сорока соболей да 4 пары добрыхъ соболей, 4 портища сукна тонкаго по пяти аршинъ портище, 2 портища атласу по 10 аршинъ, 2 камки луданья по восьми аршинъ и четыре вершка бархатныхъ на шапки. Судья—«кошевому» (т. е. войсковому), писарю, асаулу по сороку соболей да по двѣ пары добрыхъ соболей, по два портища сукна тонкаго, по пяти аршинъ портище, по два портища атласу по 10 аршинъ портище, по два вершка бархатныхъ на шапки. Атаманамъ куреннымъ, 38 челоувѣкамъ, по двѣ пары соболей. На все войско низовое 1.000 червонныхъ золотыхъ, 300 половинокъ шпитуховаго сукна, 50 пудовъ пороху и 50 пудовъ свинцу. По принятіи того жалованья кошевой атаманъ, старшина и куренные атаманы били челомъ великому государю за его милость, оказанную войску. Тогда стольникъ сказалъ кошевому, старшинѣ и всему войску слово, увѣщая ихъ чтобы они, види къ себѣ прещедрую монаршескую милость, служили великому государю вѣрно и цѣлованіе на томъ крестное передъ св. евангеліемъ учинили. На то слово кошевой, старшина и куренные атаманы объявили, что они великому государю служить и всякаго ему добра хотѣтъ рады, но крестнаго цѣлованія въ тотъ-же день учинить не могутъ, потому что у нихъ будетъ рада о томъ въ теченіи всего дня, и что въ той радѣ постановить, о томъ и стольнику объявятъ. Но въ тотъ день

у нихъ рады не было. Мая въ 6 день, на праздникъ Вознесенія, стольникъ быль у божественной литургіи и тутъ говорилъ кошевому атаману: 5 числа у козаковъ рады не было и слѣдоваго-бы имъ теперь, 6 дня мая, учинить ее передъ св. евангеліемъ, потому что день этотъ—торжественный, праздникъ Вознесенія Господня. На то замѣчаніе кошевой стольнику отвѣтилъ, что 5 числа у нихъ рады въ Сичѣ не было, а безъ рады войско присягать не будетъ, но рада соберется непременно 6 числа. Того-же числа, часу въ десятомъ дня, кошевой атаманъ прислалъ своего асаула Гадицака къ стольнику Протасьеву, генеральному асаулу Скоропадскому и къ подъячимъ и просилъ всѣхъ идти къ нему въ курень, гдѣ были собраны и всѣ куренные атаманы «для разговору о дѣлахъ».

Когда стольникъ, генеральный асаулъ и подъячіе пришли въ курень кошевого, то кошевой, старшина и всѣ куренные атаманы объявили, что войско присягать великому государю не желаетъ, потому что вольности его войсковые «утруднены» на Днѣпрѣ и на Самарѣ строеніемъ городовъ Самарю (т. е. Новобогородицкою крѣпостью) и Каменнымъ-Затонемъ. Послѣ этого приказали войсковому писарю читать грамоту государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, въ которой изображено о наступленіи царскихъ ратей на юрты крымскаго хана, о строеніи Новобогородицкаго города у рѣки Самары и о царскомъ приказаніи запорожскому войску также чинить надъ тѣмъ-же непріятелемъ воинскіе промыслы. Потомъ, по прочтеніи царской грамоты, кошевой атаманъ, старшина и всѣ куренные атаманы говорили о томъ, что имъ объявили, будто тотъ самарскій городъ построенъ на время для складки хлѣбныхъ и воинскихъ запасовъ, пока кончится война съ крымскимъ ханомъ; нынѣ у государя съ турскимъ султаномъ перемиріе, крымскій-же ханъ въ подданствѣ у султана, а вышеписанный городъ Новобогородицкій стоитъ по-прежнему, и кромѣ него строится еще городъ въ Каменномъ-Затонѣ; отъ тѣхъ-же городовъ на Днѣпрѣ и на Самарѣ немалая войску запорожскому въ его вольностяхъ трудность. А потому, когда тѣ вышеписанные города будутъ снесены, то запорожцы немедленно свою присягу учиняютъ великому государю. Послѣ того запорожцы приказали читать на свои вольности «привелеи» бывшихъ королей польскихъ. На такое заявленіе кошевого, старшины и куренныхъ атамановъ царскій стольникъ отвѣтилъ: чаялъ онъ, что его

призвали для учиненія присяги великому государю, а не для объявленія о строеніи городовъ. Тѣ города строятся по волѣ государя и для цѣлости и охраненія всей Малой Россіи отъ неприятельскихъ приходовъ; имъ-же, запорожцамъ, въ томъ никакой трудности нѣтъ и не будетъ; да и годится-ли имъ въ томъ строеніи монарху своему указывать и быть упорными; пусть-бы запорожцы всѣ «нововымышленныя противныя слова отложили» и великому государю присягу учинили, а милость царскаго величества никогда отъ нихъ отъемлема не будетъ. На это кошевой, старшина и всѣ куренные атаманъ объявили, что о той присягѣ они учинять раду всѣмъ войскомъ; и потомъ стольника, генеральнаго асаула и подъячихъ изъ куреня отпустили. Мая 7 дня кошевой атаманъ и все войско дѣйствительно раду учинили и на ней велѣли бытъ стольнику, асаулу и подъячимъ. Когда-же стольникъ, асаулъ и подъячіе пришли въ войсковую раду, то кошевой атаманъ, старшина и иные знатные козаки, какъ на примѣръ, бывший кошевой атаманъ Петро Сорочинскій, заявили, что непременно нужно принести великому государю требуемую присягу. Но тутъ нѣкоторые легкомысленные козаки выказали противность тому и присягать не захотѣли, упираясь на то, что когда городъ Каменный-Затонъ снесень будетъ, то и присяга учинена будетъ. На то стольникъ и генеральный асаулъ возразили, для чего-же ихъ въ такомъ случаѣ обнадеживали не только на словахъ, но и въ письмахъ, для чего ихъ увѣряли, что когда они придуть съ государевой казной и съ казенщиками въ Сичу, то тогда и учинена будетъ присяга, а нынѣ вымышляютъ «новую противность»? Если-бъ они такъ не писали, то и посланные царскаго величества къ нимъ-бы не ѣздили. На то кошевой, судья и писарь въ той-же радѣ отвѣчали: писали они, кошевой и старшина, не своимъ однимъ совѣтомъ, но совѣтомъ и радюю всего войска, нынѣ-же отмѣна на присягу у войска учинилась черезъ строеніе Каменнаго-Затона, а не писали они стольнику и генеральному асаулу заранѣе о такой своей отмѣнѣ потому, что они ожидали видѣть у стольника и асаула царскій указъ о нестроеніи города въ Каменномъ-Затонѣ, какъ просило о томъ войско государя. Послѣ этого кошевой и все войско разошлись по куренямъ и тѣмъ окончили всю раду. Мая 8 дня кошевой атаманъ и посольство дали стольнику Протасьеву и подъячему Давлову листы къ государю и отпустили ихъ изъ Коша.

Мая 19 дня столыничъ и подъячій пріѣхали въ Батурина, а мая 21 дня изъ Батурина были отпущены въ Москву¹⁾.

По отъѣздѣ царскихъ посланцевъ изъ Сичи, въ Запорожьѣ вновь заговорили страсти противъ гетманскихъ и московскихъ порядковъ, и слѣдствіемъ этого было нападеніе со стороны козаковъ на проживавшихъ людей гетманскаго регимента и царской службы. Такъ, въ это время ватага запорожскихъ козаковъ, собравшаяся въ числѣ 70 человекъ возлѣ Буга и Днѣстра, напала въ урочищѣ Сухомъ-Ягорлыкѣ на гетманскаго посланца Зигуру Стилевича, родомъ грека, ѣхавшаго, по порученію гетмана, изъ Батурина къ силестрійскому пашѣ Юсупу, и убила его до смерти²⁾.

Для того, чтобы прекратить разбои запорожскихъ гульгневъ, гетманъ Мазепа отправилъ за Днѣпръ нѣсколько человекъ компанейскаго войска, къ которому хвастовскій полковникъ Семень Палій присоединилъ козаковъ собственнаго строя. Тогда одни гульгяи перешли, подъ предводительствомъ козака Карнауха, на лѣвую сторону Днѣпра, напали на 40 мажъ чумаковъ лубенскаго полка, ѣхавшихъ на Берду за солью, разбили всѣ мажи, людей переранили, воловъ и худобу людскую себѣ забрали. Другіе гульгяи, подъ предводительствомъ атамановъ Корсуна, Москаля и Ропухи, сдѣлали нападеніе на ратныхъ людей государевыхъ, шедшихъ до Каменнаго-Затона, и на купеческихъ полтавскихъ людей, возвращавшихся изъ Крыма; у первыхъ отняли нѣсколько десятковъ коней, у другихъ отняли нѣсколько возовъ, а людей до смерти позабывали³⁾.

Гетманъ безсиленъ былъ искоренить запорожскихъ своевольниковъ и находилъ, что вѣрнѣйшимъ средствомъ для того, чтобы «нахилить малодушныхъ плутовъ на вѣрность и послушаніе великому государю — было-бы искоренить силою оружія проклятое гвѣздо ихъ Сѣчу»⁴⁾.

Такъ писалъ мая 20 дня гетманъ ближнему боярину Федору Алексѣевичу Головину, извѣщая при этомъ его и о той опасно-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. прик., 1703, № 89, л. 458—465, 384—385.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1803, св. 14, № 1347—1318.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1702, св. 14, № 1350—1321.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1318—1347.

сти, какая грозила Малороссіи и Россіи отъ турецкаго султана вслѣдствіе его воинственныхъ замысловъ: султанъ, подъ предлогомъ разграниченія съ полявами земли, въ дѣйствительности-же съ умысломъ склонить на свою сторону запорожцевъ, пришегъ лично къ рѣкѣ Днѣстру, а силистрійскому пашѣ Юсупу отдалъ приказъ строить города на Днѣпрѣ, и первѣе всего на островѣ Козацкомъ ¹⁾).

---

¹⁾ Архивъ мѣн. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1708, св. 14, № 1818—1847.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Проекъ гетмана Мазепы объ искорененіи шатости между запорожцами. — Ненависть Мазепы къ кошевому атаману Гордіенку и стараніе его объ отнятіи у Гордіенка атаманской булавы. — Новый кошевой атаманъ Герасимъ Крыса. — Мѣры Герасима Крысы для искорененія разбойническихъ дѣйствій со стороны степныхъ ватажныхъ атамановъ. — Возмущеніе запорожцевъ противъ самарскихъ селитренниковъ. — Мѣры гетмана Мазепы для умирненія запорожскихъ своевольниковъ. — Жалобы запорожцевъ, бывшихъ въ походъ подъ Ладогой, графу Федору Головину. — Жалоба запорожцевъ, бывшихъ на работѣ при устьѣ Невы, въ запорожскую Сичу. — Волненія по этому поводу во всемъ Запорожьѣ и въ Малороссіи. — Избраніе въ кошевые Константина Гордіенка. — Раздоръ запорожскаго войска съ гетманомъ Мазепой по поводу размежеванія границы между Турціей и Россіей. — Ненависть Гордіенка къ русскимъ ратнымъ людямъ. — Грамоты царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ по поводу войны его со шведами. — Появленіе въ Запорожьѣ донскаго козака Булавина. — Замыслы Мазепы противъ царя.

Мѣра терпѣнія со стороны гетмана Мазепы по отношенію къ запорожцамъ, казалось, переполнилась, и онъ рѣшилъ употребить противъ нихъ самыя строгія средства. Іюня 22 дня, 1703 года, прибылъ въ посольскую походную канцелярію подъ городъ Шлотбургъ ¹⁾ отъ гетмана Мазепы глуховскій сотникъ Алексѣй Туранскій и подалъ тамъ нѣсколько статей относительно того, какъ быть, если турки пожелають установить между Турціей и Россіей границу, по какія мѣста можно допустить такую границу и какъ искоренить «шатости» между запорожскимъ войскомъ.

Отвѣчая на эти запросы, царь Петръ Алексѣевичъ писалъ гетману, что границу нужно установить по общему соглашенію и при этомъ смотрѣть, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы малороссійскому краю не было утѣсненія, чтобы Каменный-Затонъ не былъ стѣсненъ тою межою и чтобы при томъ размежеваніи не было татаръ, татарскихъ муръѣ и беевъ, такъ какъ они, согласясь «вмѣстѣ съ плу-

¹⁾ Городъ Шлотбургъ или Ньеншанцъ, на правомъ берегу Невы, при впаденіи въ нее Охты, вьять былъ Петромъ у шведовъ, 1-го мая, 1703 года.

тами запорожцами, всячески тщатся развратити учиненный между государствами миръ».

Для укрѣпленія запорожскихъ козаковъ въ вѣрности русскому престолу, гетманъ предлагалъ отъ себя такія мѣры. Первѣе всего собрать надежныхъ людей, т. е. компанію сердюковъ, разставить ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ по днѣпровскому побережью, отъ Кіева до самой Самары и приказать, чтобы они крѣпко стерегли за тѣмъ, дабы изъ городовъ не проходили въ Сичу никакія ватаги съ хлѣбными запасами: черезъ тѣхъ ватажниковъ прибавляются въ Запорожьи и войска и запасы, такъ какъ не изъ трости родятся люди въ Запорожьи, а отъ людей-же на Украинѣ. Затѣмъ, для вѣрности запорожцевъ нужно взять у нихъ крѣпость Кодакъ и осадить ее государевыми людьми, и если нельзя будетъ того сдѣлать лаской, то нужно сдѣлать оружіемъ, потому что источникомъ всего зла на Запорожьи служить именно крѣпость Кодакъ. Ласку гетманъ понимаетъ такъ, что станетъ посылать, попрежнему обыкновенію, въ крѣпость Кодакъ хлѣбный запасъ изъ нѣсколькихъ бочекъ на нарочныхъ подводахъ и съ тѣми подводами будетъ отправлять сердюковъ «съ тайнымъ ружьемъ». Когда такимъ образомъ сердюки войдутъ въ городокъ, то они сперва могутъ дѣйствовать на кодачанъ «ласковымъ пріемомъ»; въ случаѣ-же сопротивленія могутъ бросить нѣсколько бомбъ для усмиренія ихъ. А усмирить кодачанъ непрѣменно надо, потому что еще не такъ давно, когда изъ Орельскаго городка вышло 40 человекъ малороссянъ на своевольство и когда сотникъ орельскій началъ было заворачивать ихъ назадъ, то кодачане, выйдя изъ своего городка, убили подъ сотникомъ коня, ранили сотникова асаула и чуть не разграбили бывшихъ съ сотникомъ козаковъ ¹⁾.

Для той-же вѣрности запорожцевъ русскому престолу гетманъ Мааепа находилъ нужнымъ взять у нихъ рѣчку Самарь. «О Самарѣ гетманъ доноситъ, что запорожцы, напрасно о томъ вспоминая, непристойно присвояютъ ее, потому что на то они не имѣютъ никакого права. Къ нимъ послана была лишь указная грамота великаго государя во время построения города съ увѣщаніемъ, чтобы они не дѣлали никакихъ шатостей. Привилейной-же государевъ грамоты они вовсе не имѣютъ, и первая грамота, писанная къ нимъ, сдѣлана по отпискѣ Неплюева, но онъ, покойный, въ воинскихъ

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, СПб., 1894, II, 193.

лучаяхъ былъ сомнительный человѣкъ. А что до того, будто-бы они выпросили себѣ привилегію грамоту у польскаго короля, то король далъ имъ то, чего самъ не имѣлъ. Та рѣчка Самара взята гетманомъ Хмельницкимъ, находилась въ гетманскомъ распоряженіи и всякая добыча (отъ нея)—десятая лисица, рыбная ловля, степная добыча—шла на гетмановъ. Запорожцы-же, взявши ее съ паськой при Брюховецкомъ, и то только по урочище Быкъ, присвояютъ себѣ теперь всю степь и владѣютъ ею. Если на ту Самару будетъ, по монаршескому соизволенію, пожалована грамота, то дать грамоту повелительную, но и то не на все владѣніе, по той причинѣ, что татары еще мало слушаютъ турокъ, и только послѣ того, когда турки окончательно приведутъ татаръ къ повиненію, чтобы они не вздумали учинить краю (малороссійскому) какого-нибудь бѣдствія».

На такое представленіе гетмана послѣдовала резолюціи отъ государя: «въ грамотѣ на владѣніе рѣчкой Самарой запорожцамъ отказать».

Относительно выдачи привилегій и жалованныхъ грамотъ запорожскому войску гетманъ не долженъ имѣть никакихъ сомнѣній: безъ его совѣта ни одно позволеніе, даже самое необходимое, не будетъ дано козакамъ. Въ особенности-же теперь какая нужда давать имъ привилегіи за преступленія ихъ! Для унятія-же шатости между запорожскими козаками государь дозволяетъ гетману поступать съ запорожцами по собственному усмотрѣнію, «не прибѣгая, однако, къ тяжкимъ и знатнымъ надъ ними насилуваніямъ до прибытія его (государя) къ Москвѣ по самому первому пути». Но въ виду военнаго похода государь дозволяетъ гетману всѣ пѣхотные полки, находящіеся въ распоряженіи у Ромодановскаго, поставить на зимнія становища въ ближнихъ отъ Запорожья мѣстахъ ¹⁾.

Свершеніе всѣхъ злодѣяній со стороны запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа приписывалъ вліянію на нихъ кошевого атамана Гордіенка, которому искренне желалъ скорой гибели и о которомъ писалъ въ Сичь одному изъ своихъ тайныхъ агентовъ о томъ, «дабы его, проклятого пса, не стало». И старанія гетмана увѣнчались успѣхомъ если не вполне, то на половину: Константинъ Гордіенко хотя и не погибъ отъ пули, но за то лишень былъ ко-

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, СПб., 1894, II, 195—202.

шевыя за то, что знался, по увѣренію самого-же гетмана, съ во-рами и разбойниками и дѣлилъ съ ними добычу. Мѣсто Гордіенка занялъ Герасимъ Крыса.

Первыя дѣйствія кошевого атамана Герасима Крысы сильно порадовали было гетмана Мазепу; собравшись съ силами, новый кошевой атаманъ истребилъ ватагу Москаля, Ропухи и трехъ товарищей ихъ и уже готовился водворить въ Запорожьи спокойствіе и порядокъ, какъ между козаками вспыхнулъ настоящій бунтъ: они разбили нѣсколько новыхъ селитренныхъ заводовъ на рѣкѣ Самарѣ, въ томъ числѣ и заводъ самого гетмана, и похвалялись разорить Новобогородицкую крѣпость и другіе московскіе городки, построенныя въ Запорожьи. Кошевой Крыса никакъ не могъ справиться съ бунтовавшею чернью, между которой болѣе всего выказывали безпокойство праздные гультяи, со всѣхъ сторонъ прибывавшіе въ Сичь.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о томъ, отдалъ приказъ полтавскому и серденяцкому полкамъ быть въ готовности идти на усмиреніе своевольниковъ и ждалъ только приказанія на этотъ счетъ изъ Москвы отъ ближняго боярина Ѳедора Алексѣевича Головина, вѣдаваго въ то время малороссійскимъ приказомъ ¹⁾.

Но въ это-же время къ Головину пришла жалоба и отъ самихъ запорожцевъ изъ-подъ города Ладоги. У Ладоги стоялъ запорожскій полковникъ Матвѣй Темникъ съ товарищами, принимавшій участіе въ войнѣ русскихъ противъ шведовъ. Сентября 11 дня онъ послалъ письмо, черезъ полкового асауля и пѣхотнаго сотника, боярину Головину съ жалобой на то, что, состоя уже третій годъ на государственной службѣ, онъ никогда не несъ такой нужды, какъ несетъ теперь со своими товарищами. Сперва козаки служили подъ Печерами и Быховымъ; тамъ они получали по рублю на рядового и нѣсколько больше того на старшину и борошина по одному кулю въ мѣсяцъ на четырехъ козаковъ; кромѣ того имѣли сухари, крупу, сукно, свинецъ и порохъ. Ничего того, въ настоящее время, кромѣ одного куля муки на 6 человѣкъ да одного четверика крупъ на 4 человѣка въ мѣсяцъ, они не получаютъ. Отъ этого, питающъ изъ «своего хребта» и не получая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни единой копѣйки, козаки пораспродавали всю свою движимость, сдѣлались и голы и босы, оттого и просили ближняго

²⁾ Архивъ мин. ин дѣлъ; мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1350—1321.

государева боярина доставить имъ средства для ихъ существованія. А что до того, что козаки слишкомъ замедлили своимъ переходомъ отъ Новгорода къ Ладогѣ, вопреки приказу самого Головина, требовавшаго отъ нихъ, чтобы они, какъ можно скорѣе успѣли своимъ приходомъ въ городъ Ладогу, то въ томъ виновны были не козаки, а самъ губернаторъ новгородскій: онъ далъ имъ такое ничтожное судно, въ которомъ не только идти, а даже вернуться нельзя было, чтобы «не запропасть» всѣ войска ¹⁾).

Въ такомъ-же затруднительномъ положеніи находились и тѣ изъ запорожскаго товариства, которые исполняли земляныя работы при устьѣ рѣки Невы. Они сперва дѣйствовали на войнѣ противъ шведовъ, но потомъ поставлены были на земляныя работы и посылали горькія жалобы въ Сичу на то, что имъ не даютъ ни крупъ, ни сухарей, а заставляютъ жить на одномъ хлѣбѣ, да и того даютъ половину противъ положеннаго ²⁾. Вернувшись потомъ въ Сичу, эти козаки страшно ополчились противъ русскихъ властей и стали поднимать всѣхъ товарищей на ненавистныхъ имъ москалей. Изъ Сичи недовольство на русское правительство скоро перешло и въ Малороссію, частію черезъ торговыхъ людей, приходившихъ въ Запорожье и потомъ возвращавшихся въ города; частію черезъ самихъ же запорожцевъ, которые, по древнему обычаю, ежегодно оставляли Сичь, выѣзжали на Украину и пребывали тамъ у своихъ родныхъ или знакомыхъ въ теченіе всего великаго поста до праздника Пасхи. Изъ малороссійскихъ полковъ наибольшимъ безпокойствомъ отличался полтавскій полкъ, пограничный между Запорожьемъ и Малороссіей: козаки этого полка, покидая города, приходили въ Сичь и разжигали ненавистью запорожцевъ противъ гетманскихъ порядковъ въ Малороссіи. Тогда запорожцы вновь стали кричать, что пора идти на Украину, бить тамъ пановъ и арендарей.

Несмотря на жалобу гетмана на запорожцевъ, несмотря на сильное недовольство, выказываемое запорожцами на русское правительство, несмотря на броженіе массы въ Малороссіи, въ Москвѣ, при всемъ этомъ находили нужнымъ дѣйствовать на запорожцевъ не угрозами, а милостію и снисхожденіемъ. Такъ, ноября 27 дня, посланы были изъ Москвы, на имя кошевого атамана Герасима

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1431—1403.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1703, октябрь, кн. 94.

Крысы, двѣ царскихъ грамоты, изъ коихъ въ одной извѣщалось о скорой отправкѣ въ Сичь обыкновеннаго годового войску запорожскому жалованья ¹⁾; а въ другой объявлялось о принятіи запорожцевъ въ государеву милость, о подтвержденіи всѣхъ козацкихъ вольностей и объ отдачѣ имъ самарскихъ грунтовъ, а также о запрещеніи воеводѣ Каменнаго-Затона чинить запорожцамъ обиды.

Вотъ эта интересная царская грамота.

«Божію милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя нашего царскаго величества подданному низового войска запорожскаго кошевому атаману Гарасиму Крысѣ и всему при тебѣ будущему посполству наше царского величества милостивое слово. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію подданнаго нашего войска запорожскаго обѣихъ сторонѣ Днѣпра гетмана и ковалера Ивана Степановича Мазепы, что вы, кошевой атаманъ и все посполство, пребываете по древнимъ своимъ обыкновеніямъ намъ, великому государю, въ вѣрности, и чтобъ мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали васъ, дабы волности ваши и грунта обрѣтающіеся ничѣмъ были не нарушены и дабы подтвердить то наше царского величества грамотою. Да вы-жь, кошевой атаманъ и все будущее при тебѣ посполство, били челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, дабы вамъ отъ воеводы, въ Каменномъ-Затонѣ обрѣтающемся, и отъ ратныхъ нашихъ людей, тамо будучихъ, обидѣ и разоренія и убивства не имѣть и чтобъ грунты ваши, прежде отъ насъ великихъ государей вамъ пожалованные, охранены были при прежнихъ волностяхъ. И мы, великій государь, наше царское величество, по прошенію его подданнаго нашего гетмана и ковалера, призирая на ваши службы и милосердствуя о васъ, войскѣ запорожскомъ, пожаловали васъ, все войско низовое запорожское, повелѣли всѣ тѣ ваши волности хранить цѣло и ненарушимо и владѣть вамъ, какъ изстари отъ предковъ нашихъ, великихъ государей, пожаловано войско запорожское о самарскихъ грунтахъ, и учинить то опредѣленіе нашимъ великого государя указомъ впредь futureю комисією межъ вами и городовыми, которая по нашему, великого государя указу учинена будетъ; а въ Каменной Затонѣ къ воеводѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1708, св. 2, № 1861-49.

нашъ царскаго величества указъ посланъ съ жестокимъ подкрѣпленіемъ и подъ смертною казнію, дабы онъ и будущіе тамъ ратные люди, имѣли съ вами привѣтство и задоровъ-бы никакихъ отнюдь не чинили и въ волности ваши ни въ какія не вступались, а буде по розыску явятца его воеводы учиненныя вамъ обиды и неправды, и за то учинено будетъ ему жестокое наказаніе, а вамъ-бы кошевому атаману и всему посполству по вѣрности своей никакихъ съ ними запѣпокъ тѣмъ ратнымъ людямъ не чинить-же и служить вамъ, великому государю, нашему царскому величеству вѣрно и постоянно и въ показаніи тоя вѣрныя своей службы о приключившихся между собою ссорѣхъ, которыя послѣдуютъ подъ сею вашею великаго государя грамотою учиненныхъ обидъ, какъ въ Каменномъ-Затонѣ служилымъ нашимъ великаго государя людямъ тако и прочимъ учинили розыскъ и доволство и своевольныхъ наказали, чтобъ впредь никакихъ вредительствъ не чинили и служили намъ, великому государю, вѣрно и постоянно» ¹⁾).

Изъ этой грамоты очевидно, что русское правительство, сильно занятое въ то время открывшеюся войною со шведами на сѣверѣ, всячески старалось о томъ, чтобы обезпечить миръ для Россіи на югѣ. На югѣ-же сидѣли запорожцы, которые были страшны не сами по себѣ, а черезъ союзъ съ Крымомъ и Турціей. Этимъ и объясняется такое снисхожденіе со стороны царя по отношенію къ запорожскому войску.

Однако и царская милостивая грамота нисколько не успокоила запорожцевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года запорожцы лишили атаманскаго уряда Герасима Крысу и на его мѣсто снова выбрали Константина Гордіенка.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о томъ, пришелъ въ большое негодованіе. Отъ запорожцевъ онъ ожидалъ всякаго зла и бѣдствія какъ для царя, такъ и для самого себя. Отпуская отъ себя, въ половинѣ января слѣдующаго 1704 года московскаго подъячачаго Илью Никифорова, Мазепа велѣлъ сообщить боярину Федору Алексѣевичу Головину о томъ, что въ Польшѣ «хотятъ начать войну на богоугодную царскаго пресвѣтлаго величества державу и идти на богоспасаемый градъ Кіевъ и на всю Малую Россію. И если то злое дѣло поляковъ придетъ въ самое подлинное дѣло, то царскому

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1703, св. 2, № 1360—48.

величеству не безъ трудности будетъ удержать и успокоить Украину. Первое и самое большее бѣдствіе—это запорожцы, которые, имѣя въ городахъ отцовъ, дядей, братьевъ и прочихъ родственниковъ, тотчасъ прельстятся на польскіе денежные подарки, которые будутъ имъ объявлены; запорожцы, яко трость, колеблемая вѣтромъ въ полѣ, обращаются сѣмо и овамо¹⁾.

Такъ трактовалъ Мазепа запорожцевъ передъ Москвою, и хотя предсказаніе его не сбылось, тѣмъ не менѣе новый кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко выступилъ рѣшительнымъ противникомъ Москвы. Правда, марта 16 дня, онъ написалъ благодарственный листъ царю Петру Алексѣевичу за присланное черезъ дворянина Михайла Остафьева годовое жалованье войску, прося при этомъ по обыкновенію о прибавкѣ свинцу и пороху; но въ это-же время, марта 15 дня, обнаружено было, что кошевой и запорожцы сносятся съ перекопскимъ каймаканомъ, обмѣниваются взаимно съ татарами дружбой и затѣваютъ непріятельское дѣло противъ Россіи. Такъ доносилъ изъ Сичи гетману одинъ «доброжелательный» человекъ, скрывшій свою фамилію подъ буквою С²⁾, и донесеніе это отчасти подтвердилось поведеніемъ запорожцевъ. Такъ, въ концѣ іюня, собравшись въ числѣ 3.000 человекъ, они вышли изъ Сичи съ пушками и клейнотами, переправились черезъ Днѣпръ подъ Кодакомъ и направились къ рѣчкамъ Самарѣ и Орели для разоренія самарскихъ и орчнскихъ селитренныхъ майдановъ, для разрушенія Новосергіевского городка и отогнанія стадъ у жителей Новобогородицка. Кошевой атаманъ, видя такое своеволие, хотѣлъ сложить съ себя свое званіе, но бунтари вновь принудили его взять булаву, а сами хотѣли идти на малороссійскіе города и удержаны были только своими старшинами; тогда, не желая оставаться въ бездѣйствіи, они устремились на соляную добычу³⁾. Гетманъ для охраны малороссійскихъ границъ отъ запорожцевъ послалъ къ Переволочной наказного полтавскаго полковника и глуховскаго сотника съ козаками⁴⁾.

Но всего больше возставали запорожцы и ихъ кошевой ата-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 44.

²⁾ Можетъ быть, выше упоминаемый писарь Сажко.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла 1704, св. 14, № 35.

⁴⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1822, III, 57.

манъ Гордіенко за построєніе русской крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ, стоявшей на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду самой Сичи. Между запорожцами и великороссійскими охранителями этой крѣпости постоянно происходили столкновєнія и захваты людей въ полонъ съ той и другой стороны. Начальникомъ крѣпости Каменнаго-Затона былъ въ то время бояринъ Давидъ Романовичъ Шеншинъ. Іюля 2 дня кошевой Гордіенко написалъ воеводѣ Шеншину изъ Сичи письмо, въ которомъ требовалъ отъ воеводы, чтобы онъ возвратилъ въ Сичь взятыхъ имъ козаковъ запорожскаго войска, въ противномъ случаѣ грозилъ ему отплатить тѣмъ-же: «Уже въ прежнемъ нашемъ письмѣ мы писали твоей милости, чтобъ ты возвратилъ невинно взятыхъ съ нашей стороны товарищей; но твоя милость отпустилъ къ намъ изъ тюрьмы («взяеня») лишь одного товарища, а другого, по имени Максима, товарища левушковскаго куреня, и до сихъ поръ, неизвѣстно для какихъ цѣлей, въ тюрьмѣ связаннымъ держишь; между тѣмъ за нимъ ходятъ для отысканія къ Каменному-Затону его товарищи. Предъявителямъ сего листа, нашимъ товарищамъ, изволь отдать безъ всякой турбаціи и задора помянутого выше Максима. Если-же ты не отдашь вмѣстѣ съ симъ листомъ оногo невиннаго товарища, то мы и изъ вашихъ служилыхъ людей возьмемъ неповиннаго»¹⁾.

Въ такомъ-же духѣ изъяснялся кошевой атаманъ Гордіенко и съ царскимъ посломъ по поводу той-же крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ и сидѣвшаго въ ней «безвиннаго товарища». Объясняясь съ посломъ, кошевой высказался, чѣмъ именно не нравился запорожцамъ Каменный-Затонъ: воевода Каменнаго-Затона посылаетъ въ Сичь людей высматривать и выслушивать, что дѣлаютъ и говорятъ запорожцы на Кошу, причиняетъ товариству всяческія обиды, отнимаетъ у нихъ лошадей, бранить ихъ и называетъ своими подданными, наконецъ, упрекаетъ ихъ въ томъ, будто они бѣглыхъ солдатъ принимаютъ къ себѣ: «Но у насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сичѣ нѣтъ, а хотя-бы и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ». Какъ и воеводѣ Шеншину, Гордіенко грозилъ и царскому послу, что если воевода не прекратитъ своихъ насилій, то это можетъ возмутить противъ Москвы и все Запорожье и всю Малую Россію.

¹⁾ Чтенія москов. общества ист. и древн., 1847, № 9, 24.

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ кошевого Гордіенна, гетманъ довозилъ царю Петру Алексѣевичу своимъ письмомъ (іюля 20 дня) о смутѣ, вновь происшедшей въ Сичи, объ отправленіи нѣкоторыхъ изъ запорожцевъ на соляную добычу и о мѣрахъ, принятыхъ имъ на случай нападенія низового войска на малороссійскіе города гетманскаго регимента ¹⁾).

Гетманъ не хотѣлъ повясть истинныхъ причинъ недовольства на русское правительство въ средѣ запорожскихъ козаковъ; онъ не думалъ о томъ, чтобы такъ или иначе устранить ихъ, и всѣ смуты происходившія въ Сичѣ приписывалъ одному человеку, кошевому Гордіенку. «Кошевой Гордіенко, писалъ Мазепа въ январѣ мѣсяцѣ, 1705 года, въ Москву, благодаря своей хитрости, имѣетъ особенную силу; чтобы провести какое-нибудь дѣло, онъ сперва совѣтуется частнымъ образомъ со всѣми куренными атаманами, а потомъ уже выносить свое дѣло на раду, и тогда успѣхъ его затѣй всегда бываетъ обезпеченъ». Гетманъ признавался, что онъ изыскивалъ всѣ средства для того, чтобы извести со свѣта «пса проклятого», но это ему до сихъ поръ не удалось. Оставалось довольствоваться подробными донесеніями о всѣхъ дѣйствіяхъ кошевого тѣхъ тайныхъ агентовъ, которыхъ гетманъ посылалъ отъ себя въ Запорожье и явныхъ дозорцевъ, какіе поставались имъ въ крѣпость Переволочну, на границу между Гетманщиной и Запорожьемъ.

Къ этому времени уже сошелъ со сцены угодливый слуга гетмана Мазепы и закоренѣлый врагъ запорожцевъ, дозорца Иванъ Рутковскій, и вмѣсто него выступилъ другой, Романъ Селезневичъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ Мазепа послалъ, черезъ Романа Селезневича, нѣсколько писемъ въ запорожскую Сичу съ требованіемъ полной покорности со стороны войска царскому престолу и гетманскому регименту.

Исполнивъ волю гетмана, Романъ Селезневичъ, въ томъ-же февралѣ мѣсяцѣ, писалъ Мазепѣ, что кошевой атаманъ Гордіенко на доставленныя въ Сичу гетманскія письма не даетъ немедленнаго отвѣта, обѣщаясь прислать его особыми козаками: «для того запорожцы имѣютъ, по древнему обыкновенію, по два человека изъ куреня казенчиками»; товариство-же и того не желаетъ дѣлать и находить за лучшее отвѣчать гетману «почтой», а не

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 165.

черезъ нарочныхъ посланцевъ. На самого дозорцу кошевой атаманъ предъявилъ претензію за то, что будто-бы онъ доставляетъ въ Кошъ гетманскія письма въ распечатанномъ видѣ. Дозорца, оправдываясь въ этомъ передъ гетманомъ, заявлялъ, что кошевой, обвиняя его въ такомъ проступкѣ, просто на просто хочетъ сорвать на немъ свою злобу: онъ просилъ дозорцу прислать въ Сичу для вновь поставленной старшины гостинца по бочкѣ борошна, но получилъ отказъ въ томъ и теперь взваливаетъ на дозорцу всякія обвиненія ¹⁾).

Подлинныхъ писемъ гетмана Мазепы къ запорожцамъ не сохранилось,—объ нихъ говорится только въ донесеніи гетману дозорцы Селезневича, а потому и самое содержаніе ихъ доподлинно неизвѣстно. Можно догадываться только, что кромѣ требованія о повинненіи гетманъ требовалъ еще отъ запорожцевъ вспомогательнаго отряда для похода на сѣверъ. По крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ іюня мѣсяца того-же года, по царскому указу и по предписанію гетмана, высланы были изъ Запорожья въ городъ Смоленскъ нѣсколько человекъ запорожской пѣхоты и конницы, которые «въ прошломъ году безоповѣдне» (добровольно) ушли изъ Инфлянтъ въ малороссійскіе города и тамъ разжигали ненависть противъ москалей ²⁾).

Жалобы запорожцевъ на трудность службы въ Инфлянтахъ имѣли свое основаніе: и по своему исключительному положенію, какъ малороссы, и по своимъ военнымъ приемамъ, какъ независимая боевая сила, запорожскіе козаки во время сѣверной войны испытывали гораздо большія неудобства, чѣмъ великороссійскія войска: запорожцы для великороссовъ на половину чужестранцы, въ дѣлѣ добычи имѣвшіе послѣднюю долю, въ полученіи провіанта—нерѣдко никакой доли. Оттого и неудивительно ихъ отвращеніе къ походу на сѣверъ.

При всемъ томъ, гдѣ была какая нибудь возможность, запорожцы неизмѣнно служили государю и мужественно сражались съ врагами русскихъ, шведами. Еще въ 1704 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, оставшіяся на сѣверѣ отрядъ запорожцевъ принималъ участіе въ нападеніи русскихъ на шведовъ при Черной рѣчкѣ, притока рѣки Невы, и вмѣстѣ съ другими взялъ 12 шведскихъ офицеровъ и нѣ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 14, № 1420—1889.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1705 св. 69, № 1484—1408.

сколько человекъ рядовыхъ, послѣ чего русскіе и запорожцы переправились было на Черную рѣчку, но при островѣ Валкисартъ наткнулись на восьмитысячный отрядъ шведскій, подъ начальствомъ генераль-поручика барона Майделя, и вернулись съ этимъ извѣстіемъ въ только что основанную царемъ столицу, Петербургъ. Въ слѣдующемъ 1705 году, іюля 28 дня, тотъ-же генераль-поручикъ Майдель подошелъ къ Выборгской сторонѣ, противъ самаго Петербурга, переправился на Каменный островъ и съ него сталъ было перебираться на теперешній Аптекарскаго островъ, но былъ отбитъ русскими батареями. Послѣ этого, августа 4 дня, генераль Майдель прошелъ къ правому притоку Невы, Охтѣ, выше Петербурга, и двинулся по направленію къ Шлиссельбургу. Не дойдя двѣнадцати верстъ до Петербурга, Майдель сталъ переправляться черезъ рѣку Неву. Но за Майделемъ отправился въ слѣдъ помощникъ шлиссельбургскаго коменданта Бахметевъ, и шведы, узнавъ о томъ, вернулись назадъ къ Охтѣ, гдѣ встрѣтили отрядъ запорожскихъ козаковъ, на которыхъ и ударили всей своей силой. Запорожцы, уступая большой численности непріятелей, оставили свой постъ у Охты и переправились черезъ Неву. Тутъ къ нимъ подошли двѣ русскихъ шнявы и нѣсколько галеръ, и тогда шведы отступили къ городу Выборгу ¹⁾).

Кромѣ походовъ на далекій сѣверъ, гдѣ запорожцы терпѣли и отъ голода, и отъ сырого климата и отъ дурного съ ними обращенія, большое неудовольствіе вызывалъ у нихъ поднятый одновременно съ этимъ вопросъ о размежеваніи земель между Турціей и Россіей и установленіи порубежной линіи вдоль южныхъ границъ козацкихъ вольностей.

Мая 21 числа, 1705 года, думный дьякъ, Емельянъ Игнатовъ Украинцовъ извѣстилъ съ урочища Мишурина - Рога кошевого атамана Константина Гордіенка о томъ, что пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь Петръ Алексѣевичъ, желая установить, послѣ долговременной войны съ Турціей, «святоосвященный покой», повелѣлъ ему, дьяку Украинцову, съѣхаться съ турецкимъ комиссаромъ и чинить постановленіе по мирнымъ договорамъ; что вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ велѣно, по грамотамъ царскаго величества, гетману Мазепѣ послать для той-же цѣли отъ себя знатныхъ лицъ изъ малороссійскаго дворянства и что теперъ онъ, думный дьякъ,

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра В., СПб., 1863, т. IV, ч. I, 256, 261, 270.

съ зватными малороссійскими особами Григоріємъ Карповичемъ и Дмитріємъ Максимовичемъ направляется къ рѣкѣ Бугу для съѣзда съ турецкимъ комиссаромъ и извѣщаетъ о томъ «своихъ милыхъ пріятелей и братію», запорожскихъ козаковъ.

Въ слѣдъ за письмомъ думнаго дьяка Украинцова послантъ былъ въ Сичь о томъ-же универсалъ и отъ гетмана Ивана Мазепы ¹⁾).

Когда письмо дьяка и универсалъ гетмана дошли въ запорожскій Кошъ, то въ Сичи кошевымъ атаманомъ Гордіевкомъ собрано было по этому поводу, одна за другой, двѣ войсковыхъ рады. На первой радѣ рѣшено было написать письмо къ думному дьяку съ запросомъ, «какимъ способомъ и по какія примѣты съ турецкимъ комиссаромъ онъ имѣеть граниченіе утвердити», то-есть «тольколи на одной стени или въ Днѣпрѣ водою». На второй радѣ рѣшено было послать думному дьяку письмо съ выраженіемъ неудовольствія за то, что какъ самъ думный дьякъ, такъ и гетманъ, извѣщая запорожцевъ о имѣющейся быть пограничной комиссіи, не сообщаютъ войску ни о статьяхъ, на основаніи которыхъ будетъ вестись разграниченіе, ни объ уговорѣ, какой имѣеть быть у русскихъ съ турками, ни о царской грамотѣ, повелѣвающей чинить такое разграниченіе: «Извѣстно да будетъ вашей милости, что отъ вѣку не слыхано и ништо то (не) можетъ сказать, чтобъ которого времени могла въ Днѣпрѣ обрѣтатися граница, но отъ нѣскольго сотъ лѣтъ войско запорожское въ Днѣпрѣ Кошемъ обрѣтаяся, владѣя Днѣпромъ, даже до самого морского гирла, ни отъ кого не бывало ограничено и обмежевано, и для того никакимъ способомъ не позволяемъ никому въ давношнемъ нашемъ и старожитномъ днѣпровомъ пребываніи никакихъ границъ заводить. А понеже царское пресвѣтлое величество желаетъ, дабы царству его были опредѣлены границы, а намъ никакою достопочтенною своею грамотою о томъ не давалъ извѣстія, то мы милость вашу за дѣло его монаршее присланного упрашиваемъ, изволь, милость ваша, государскую его грамоту къ намъ прислать, дабы мы, вычитавъ, выразумѣли о чемъ въ царской его грамотѣ положенныя статьи и какій ваша милость по указу его съ комиссаромъ турецкимъ имѣти будете договоръ» ²⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

Получивъ такое письмо, думный дякъ ничего другого не могъ предпринять, какъ только отослать его къ царю. И тогда царь Петръ Алексѣевичъ; іюня 10 дня, отправилъ, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, грамоту, въ которой говорилось, что напрасно кошевой и все запорожское посольство «коммиссіальному дѣлу» противятся, опасаясь лишенія «грунтовъ» и «животовъ»: царское величество вполне обнадеживаетъ ихъ, что «всѣ ихъ добычи будутъ по старому» и потому требуетъ отъ нихъ не чинить «въ коммиссіальномъ дѣлѣ» никакого препятствія, быть послушными во всемъ, чего отъ войска потребуетъ гетманъ, и служить вѣрно и постоянно великому государю по всегдашней войсковой вѣрности ¹⁾).

Одновременно съ царской грамотой посланъ былъ къ запорожскому войску и листъ отъ гетмана Мазепы съ наказомъ «не перечить волѣ царской въ коммиссіальномъ дѣлѣ, чтобы не навлечь тѣмъ монаршого гнѣва»... «Великій государь не для чего иного, только для общаго войску низовому и малороссійскому народу добра то разграниченіе» съ Портой учинить приказалъ, и чрезъ то размежеваніе войску запорожскому ни въ вольностяхъ и правахъ, ни въ звѣриныхъ и рыбныхъ добычахъ «убыли и уймы не будетъ» ²⁾).

Но запорожцамъ такія обѣщанія показались слишкомъ неопредѣленными и потому, іюня 26 числа, они отправили Мазепѣ обширный листъ съ повтореніемъ своихъ прежнихъ претензій. Гетманъ о многомъ пишетъ запорожскому войску, о прибытіи комиссаровъ къ Бугу, о царской грамотѣ, присланной по этому поводу, о царскомъ приказаніи чинить съ турецкимъ комиссаромъ такой договоръ, какого потребуетъ сама Порта, но только не пишетъ войску о сущности самыхъ переговоровъ и о томъ, съ какимъ повелѣніемъ самъ онъ посланъ отъ государя въ комиссію для «пограничного опредѣленія». «А что, вельможность ваша, писали къ намъ во всѣхъ вашихъ листахъ, припоминая и многократно подтверждая, что не ко умаленію государственной земли на семь разграниченіи обрѣтаетесь, но къ цѣлости и расширенію оной имѣете чинить комиссію, тогда въ тѣхъ пунктахъ ясно и

¹⁾ Архивъ мн. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1784 и 1785, св. 69, № 6, 1706, св. 16, № 21.

²⁾ Архивъ мн. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1408—1439.

явно разумѣется были двояко, понеже для размѣренія царскаго величества державы и народу російскому для волного въ добычакъ употребленія. Для чего-же въ прошломъ году Григорій Карповичъ и Дмитрій Максимовичъ съ комиссаромъ турецкимъ не чинили комиссіи на той сторонѣ Богу (х которой комиссіи и вельможность ваша послѣдшая вспять возвратился изъ Переволочни) и не разъ мѣрили границы около Днѣстра турецкой ¹⁾, убавливая ихъ землѣ пространства, но на сей сторонѣ Богу (т. е. Буга) своего монарха уменьшая пространство подъ городки турчавину, поступали, водя за собою желательного пріятели даже до самыхъ городковъ, а указывая и отдавая самовольно, что по городки имѣеть были ему граница означена. И мы, войско, какъ въ прежнихъ листахъ нашихъ писали къ вельможности вашей, что можете турковъ старыхъ спросить, а любо (либо) и господина Григорья Карповича Коровку, яко старого человѣка, слышали-ли они, когда въ Днѣпрѣ опредѣленіе границъ; подлинно вѣдаемъ, что не только они того не могутъ сказать, но и вся подсолнечная на то не признаетъ, зачѣмъ старожитныхъ вѣковъ мы, войско, не покидая и давныхъ нашихъ обыкновеней, не только въ Днѣпрѣ границъ были не позволяемъ, но совѣтуемъ вельможности вашей съ тѣмъ разграниченіемъ къ городкамъ и не приближаться, а ежели по волѣ вашей достигнете городковъ, мы для уговору о нашихъ грунтахъ и граничного дѣла все отъ старшего до меньшего будемъ предъ очи ваши приходить, а понеже пресвѣтлого монарха нашего его царскаго величества салтаномъ турецкимъ въ томъ размежеваніи есть великая потреба, и мы, войско, не чиня государевой волѣ противности, ради-бъ вседушно, дабы какъ былъ вѣку старожитного укрѣпленіе границъ съ Портою, такъ чтобъ и нынѣ на томъ же было поновлено: преславной памяти антецессоръ королей польскихъ кроль Витултъ ²⁾, тотъ несытому змію крови христіанской въ разширеніи его панства уста заградивши и збивши съ охочимъ войскомъ запорожскимъ, которые въ то время обрѣталися Кошемъ у Семенова-Рогу у Бога (т. е. у Буга), Старый Очаковъ, гдѣ теперь именуется Сто Могиль и розоренію до часу сего подавши, постановилъ, укрѣпилъ и утвердилъ быть границъ туркамъ землею по Сто Могиль, о чемъ ежели, вельможность ваша, изволите вѣ-

¹⁾ То-есть: «и не размѣрили турецкой границы около Днѣстра».

²⁾ Разумѣется великій князь литовскій Витольдъ или Витовтъ, 1392—1430.

дати, найдете пространно на подписи на камени, надъ Богомъ стоящимъ, а водою въ Днѣпрѣ границу таковымъ утвердилъ способомъ, естли кто хочеть вѣдати наданные грунты войсковые водою въ Днѣпрѣ, пусть пустится верхомъ въ море съ берега по та, даже пока коземъ не можетъ земли достигнути, по та мѣста отъ того-же вышереченного короля водою есть назначена, которая граница изрядно-бы то за дѣло подлинное устроено было гдѣ-бы по указу царского пресвѣтлого величества, а вашимъ радѣніемъ, яко ближняго сенатора боку царского, давно поставленная рѣчь была поновлена, дабы отъ всего народа російскаго и насъ, войска, здѣсь въ Днѣпрѣ обрѣтающагося, царскому величеству и великоности вашей къ вѣчной памяти была слава и похвала» ¹⁾).

Пославъ такое письмо Мазепѣ, запорожцы на томъ не успокоились и черезъ два дня написали гетману другое письмо. Какъ и въ первомъ письмѣ, они настоятельно просили гетмана объ одномъ, «дабы въ Днѣпрѣ никакой границы не было, ибо если назначить черту граничную по городки землю, то они (турки), яко прехитрые и неправдивые люди, по городки впредь идущіе ²⁾ времена и Днѣпрѣ отмежевавши, всѣ наши добычные грунты къ себѣ привращать захотятъ. А до тѣхъ поръ, пока состоится пограничное соглашеніе, запорожцы просили гетманскую вельможность, на случай возвращенія посланнаго въ Москву товариства за годовымъ жалованьемъ, извѣстить о томъ войско «почтеннымъ листомъ своимъ, когда представится въ томъ возможность» ³⁾).

Но гетманъ Мазепа не только не внялъ просьбамъ запорожцевъ, а послалъ думному дьяку Емельяну Украинцову нѣсколько сотъ козаковъ нѣжинскаго полка съ приказаніемъ оружіемъ «укротить тыхъ псовъ запорожцевъ»; фельдмаршалу-же російскихъ войскъ князю Меншикову донесъ «о своевольствѣ непостоянныхъ и скаженныхъ псовъ запорожцевъ, которые оказываются противными комиссіональному дѣлу вслѣдствіе природного своего малолумія и давней бунтовничей намоги». Распущенные еще со времени Богдана Хмельницкаго, они не только не слушали всѣхъ прошлыхъ гетмановъ, но еще, поднявъ орду, воевали съ ними, многія бѣды малоросійскому краю на правомъ боку Днѣпра и

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

²⁾ То-есть: «въ предыдущія» или будущія времена.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

разоренія причиняли и уже во время уряда самого Мазепы учинили Петрика гетманомъ и приходили съ нимъ и съ татарской ордой на полтавскій полкъ войною, но божіею милостію гетманъ Мазепа такъ «расположилъ» враговъ на рѣкѣ Орели, что Петрикъ ушелъ въ Запороги, а калга-салтанъ бѣжалъ дикими полями до Крыма ¹⁾.

Не смотря на крайнюю степень раздраженія со стороны гетмана Мазепы на запорожцевъ и на рѣшительныя мѣры, предлагаемыя имъ для укрощенія ихъ, царь Петръ Алексѣевичъ не находилъ нужнымъ дѣйствовать противъ нихъ силою и даже въ самомъ концѣ мѣсяца іюня приказалъ послать имъ обыкновенное годовое жалованье черезъ дворянина Базлова и подъячаго Инехова ²⁾.

Послѣ этого и самъ гетманъ нашелъ нужнымъ переимѣнить свой тонъ въ отношеніи запорожцевъ. Въ свою очередь онъ отправилъ имъ черезъ козакъ Соловья, «сердце до дзвона» (языкъ до колокола) сичевой церкви и «для окованія того-жъ дзвона штабъ (полость) десятокъ», хотя съ этимъ вмѣстѣ не преминулъ упрекнуть товариство за пограбленіе низовыми козаками у татаръ, какъ о томъ писалъ гетману бей бендерскій, сорока слишкомъ шквалъ ³⁾ и около полтораста вѣдовыхъ коней, которые будто-бы отогнаны были у татаръ и отправлены козакомъ Шумейкомъ съ товарищами въ Сичу, а также послать упрекъ и самому Кошу запорожскому за вѣшательство его въ «коммиссіальное дѣло» и за отогнаніе нѣсколькихъ штукъ лошадей отъ табора комиссаровъ.

Запорожцы, получивъ отъ гетмана подарокъ, усердно благодарили его за него, но виновными себя въ уводѣ татарскихъ коней не признали и представили доказательства, что хищеніемъ татарскихъ коней занимались полковники—миргородскій, Апостолъ, и полтавскій, Искра, изъ коихъ послѣдній отправлялъ отъ себя партіи козаковъ на урочище Великіе-Терны для захвата коней. Тѣ козаки вводили изъ крымскаго повѣта по 50 и болѣе головъ коней и отсылали ихъ до пана Искры, чѣмъ войску запорожскому «немалыя турбаціи и трудности» наносили, такъ какъ отъ высланной гетманомъ на степныя рѣчки «компаньи» для отысканія «таковыхъ преступцовъ» невинному товариству запорожскому причинялись бѣд-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1412—1443.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1705, св. 16, № 28.

³⁾ Шкала—кляча, лошаденка, заѣзжая лошадь.

ствія, грабительства и убійства. Такъ это и всегда бываетъ: если у крымцевъ кто-нибудь угонитъ ихъ коней, то первымъ дѣломъ вину на запорожское товариство взводятъ. А запорожцы часто и знать о томъ ничего не знаютъ. Вотъ хотя-бы козакъ Шумейко, котораго считаютъ виновникомъ этого дѣла: онъ еще «на масницѣ» (на масляницѣ), передъ великимъ постомъ, отъ сего свѣта и отъ займа конного занять есть смертію въ Чигиринѣ и на Кошѣ вовсе не найдется». Что до упрека запорожцамъ за притѣсненія царскихъ комиссаровъ и за уводъ ихъ коней, то запорожцы немало удивляются «неправдному пронесшемуся зху» и на такое донесеніе отвѣчаютъ, что какъ раньше они никакого сопротивленія и ни въ чемъ, кромѣ вольностей, царскому величеству не сказывали, такъ и теперь никакой препоны не думаютъ дѣлать, «только-бы якъ отъ вѣка старожитного было граничное постановленіе утверждено преславной памяти отъ антецессора королей польскихъ, короля Витута, по Бугъ землею, гдѣ ныне Городище Старого Очакова именуется, а водою потоль запустившиися конемъ зъ берега у море, ажъ копытомъ землѣ поколь не можетъ засягнути, по тое мѣсто водою съ турецкою Портою тихъ часовъ зазначена есть граница, такъ и таперешнихъ часовъ отъ комиссаровъ на размежеванье ординованныхъ, абы давнему зазначенною граници била (была) учинена понова (возобновленіе) ведлугъ давней постанови, якъ вишей есть написано, а когда (якъ чуемъ подводне и вѣдаемъ) же оная гранична будетъ зазначена креса ¹⁾ по городки туркомъ землею, тотъ яко прехитрій народъ въ потомніе часи по городки и Днѣпръ зо. всѣми намъ належными нашими грунтами отмежевати не занежаетъ, гдѣ намъ, войску, знайдучися напотомъ нѣгде будетъ и одной лахманки ²⁾ набыти ³⁾, бо гди-жъ не казною царского величества, а не якихъ иншихъ монархъ вспомогательствомъ, тилко однимъ Днѣпромъ и въ немъ грунтами нашими зъ давнихъ часовъ контентуемъа промешкуючи Днѣпръ. Прето упрошаемъ велможного пана нашего, союзволте, велможность ваша, по милостивому къ намъ своему приарвнью, донести царскому пресвѣтлому величеству, дабы препослалъ свой премилостивій монаршіи указъ граничнимъ комиссаремъ по Бугъ гра-

¹⁾ Креса съ польскаго на русскій значить черта.

²⁾ Лакманка съ польскаго на русскій—ветошь.

³⁾ Набыти съ польскаго на русскій—нажать.

нищу, якъ предъ менованно есть, утвердити, а не у Днѣпрѣ, гдѣ
 есть вѣку не слыханно границу зазначати» ¹⁾).

Послѣ такой просьбы гетманъ Мазепа снова донесъ царю о преко-
 словіи монаршей волѣ со стороны запорожцевъ и царь Петръ
 Алексѣевичъ вынужденъ былъ вновь напомнить кошевому атаману
 Константину Гордіенку двумя, посланными одна за другой, грамо-
 тами о нечиненіи думному дьяку Емельяну Украинцову никакихъ за-
 трудненій въ установленіи пограничной русско-турецкой черты.

«Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому вели-
 честву, писалъ царь іюля 27 дня изъ города Вильны, изъ вашихъ
 листовъ, писанныхъ вами нашего царскаго величества думному
 дьяку, межевому комиссару и каргопольскому намѣстнику, Емель-
 яну Игнатьеву Украинцеву, что вы имѣете сомнѣніе о вручен-
 номъ ему, по указу нашего царскаго величества, комиссіональному
 дѣлу, будто-бы то чинится къ утѣсненію вашего низового войска
 всякихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, и желаете, чтобы
 онъ для того размежеванія не приближался къ Днѣпру, указы-
 вая ему на то, будто-бы у васъ имѣется старый рубежъ, учинен-
 ный польскимъ королемъ, до самаго моря и отъ береговъ, пока
 конь копытомъ достанетъ, объявляя, что ежели помянутый нашъ
 думный дьякъ, по нашему указу, будетъ чинить ту границу на
 Днѣпрѣ, то вы придете къ нему со всѣмъ своимъ войскомъ; изъ
 этого явно то, что вы нашей волѣ и высокопотребному для мир-
 ного пребыванія обоихъ государствъ подданнымъ, предположен-
 ному дѣлу хотите чинить противность; мы немало удивляемся
 тому, что вы, войско низовое запорожское, вспоминаете о такихъ
 будто-бы бывшихъ древнихъ границахъ, а то забываете, что съ
 давнихъ временъ вамъ былъ загражденъ путь на Днѣпрѣ и выходъ
 въ море ко всякимъ добычамъ турскими крѣпостями, Кызыкерме-
 немъ и другими, которыя съ недавняго времени, милостію Вышняго
 и нашимъ царскаго величества счастіемъ, вѣрнымъ стараніемъ и
 храбрыми поступками войскъ нашихъ, великороссійскихъ, и мало-
 россійскихъ, у турокъ взяты и по мирнымъ договорамъ разорены
 и вмѣстѣ обрѣтаться имѣютъ, звѣринныя-же и рыбныя добычи и
 ваши пчельники, по обомъ сторонамъ внизъ по Днѣпру для
 подданныхъ обоихъ государствъ имѣть невозбранно, и тѣмъ мир-
 нымъ постановленіемъ не утѣсненіе, но въ вашихъ временахъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1444—1418.

никогда невидимая свобода и пространство приключено, а размежеваніе земель, находящихся у Днѣпра, желается Портою только для признаковъ, чтобы по обѣимъ сторонамъ въ тѣхъ мѣстахъ никакого поселенія и крѣпостей никому строить не позволено было. И мы не сомнѣваемся, что вы, разсудя все это, какъ вѣрные наши подданные, сему нашему изволенію, идущему къ вашей-же пользѣ, никакой противности не дерзнете чинить, но по вѣрности своей къ намъ, великому государю, будете повиноваться нашей волѣ, и то полезное дѣло совершить помянутому нашему думному дьяку безо всякаго мятежа допустите, чиня ему въ томъ всякое вспоможеніе, чтобы тѣмъ нашего царскаго величества имени не нанести безславія и за то не навести на себя нашего царскаго величества жестокаго гнѣва и отщепенія»¹⁾.

Вмѣшательство со стороны Коша въ дѣло пограничнаго размежеванія не было вмѣшательствомъ съ его стороны въ неподлежащее ему дѣло: вопросъ шелъ о южной границѣ владѣній Запорожья, который былъ поставленъ, съ точки зрѣнія запорожцевъ, вопіюще несправедливо и нарушалъ исконныя права и вольности войска. До 1705 года запорожцы считали послѣднимъ пунктомъ своихъ владѣній на югостокѣ городище стараго Очакова, у праваго берега рѣки Буга и лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, гдѣ урочище Сто могилъ²⁾. И такая претензія имѣла свое основаніе. Дѣло въ томъ, что съ начала XV вѣка, благодаря завоевательнымъ походамъ литовско-русскаго короля Витовта, границы южной Руси далеко раздвинулись къ юго-востоку и дошли до береговъ Чернаго моря. Витовтъ возстановилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчукъ, Мишуринъ-Рогъ, таможеню на островѣ Тавани, крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и гавань въ стоянкѣ Хаджибей, теперешней Одессы³⁾.

Но сила была не на сторонѣ запорожцевъ, и они въ концѣ концовъ принуждены были смириться и замолчать. Каково было дѣйствительное въ это время настроеніе войска—это можно видѣть изъ отповѣди кошевого Гордіенка гетману Мазепѣ, писанной сентября 16

¹⁾ Бятышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 48; Исторія Малороссіи 1822, IV, 173.

²⁾ См. карту Исленьева 1779 года въ нашемъ трудѣ Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ., 1890.

³⁾ Антоновичъ, Монографія, Кіевъ, 1895, I, 245.

дня и посланной имъ въ Батуригъ. Въ этой отповѣди запорожцы и ихъ кошевой то высказываютъ благодарность царю и гетману за оказанное имъ вниманіе присылкой денежнаго жалованья, то подбираютъ самыя ядовитыя выраженія для того, чтобы показать, чего въ дѣйствительности стоятъ тѣ царскіе подарки, то, наконецъ, упрекаютъ царя и гетмана за недосылку давно слѣдуемой войску пороховой и денежной дачи.

«Мы, войско запорожское, отпускаючи отъ насъ изъ Коша присланнаго дворянина царского величества Петра Базлова, якій былъ зъ монаршимъ его милостивимъ жалованьемъ, въ свой ему путь, вручили до рукъ его нашу войсковую челомъ битную благодарственную до царского величества грамоту, въ якой, вѣдомо велможности вашей чинимъ, отдали по силѣ нашей царскому величеству за премилостивое обослане жалованья зъ обовязаньемъ самихъ насъ впредь ему, великому государю, быти въ щирой зичливости и до вшелякой службы готовности, и иніи намъ потребніе пункта, въ той-же выразили челомбитной, о которыхъ велможности вашей вѣдомо да будетъ, ижъ мы, кошовій зо всимъ началомъ и зо всѣми атаманы куренными въ сей присланной царского величества казніѣ такіе приняли соболю, якихъ отъ вѣку на Кошѣ грубыихъ не присылаю: не соболю, але голые шкурки, а еще и тимъ огоньки и лапки передніе поурѣзовани, прето писали до царского величества о его монаршіи указъ упрошаючи, дабы повелѣлъ большъ такихъ подлихъ соболей, такъ тѣжъ и обрѣзовани, не присилати бо и . . . . мовати впредь не обѣцумся. Еще тежъ и о томъ царскому величеству прикладали, ижъ въ першой нашей грамоткѣ, якую презъ полковника нашего Григорія, которій простовалъ въ тотъ часъ по монаршое жалованье, препосилали до царскаго величества, виражали, просячи о присылокѣ дворочной пороховой, свинцовой казны, якихъ роковъ намъ не доходили, теди при поворотѣ полковника нашего теперъ зъ столицѣ нѣякой намъ нѣ словесной, а нѣ грамотной не было отповѣди и по прошенію нашему не учинено. Едвакъ-же за другое пишучи до царского величества просили, абы не презрѣвши просьбою нашу, повелѣлъ насъ войско свое вишь помянутою казною обослати. На якіе теди пункта, намъ потребніе, упрошаемъ велможности вашей, хотѣте, велможность ваша, свой висоце поважній рейментарскій до его царского пресвѣтлого величества причинній заслати листъ, абы за преповажною инстанцією велможности вашей и наша царского величества прозба тца не была. Тутъ-же велможности вашей ознаймуемъ, же

мы присланную сумму грошей отъ умис(л)не посланнаго Якима Бвнша полчварты тысячи сполне приняли до рукъ нашихъ и, зчитавши ихъ, отложили до скарбниці войсковоу нашой. Тилко-жь намъ, войску, тіе полчварты тысячи барзо застають въ подивленіи великомъ, же прошлаго року велможность ваша з прещедрой своей ласки намъ рачили прислати пять тысячей, а нынѣшнего року не зуполную сумму велможность ваша прислали,—тилко полчварты тысячи: знать то не ласковое на насъ, войско, отъ велможности вашой является призьрніе. Зачимъ велце упрошаемъ велможности вашой: хотѣте, велможность ваша, свою всегдашнюю намъ явивши милость, прислати и тѣ полтори тысячи до сій нашихъ полчварты, абы была совершенная по такъ рочному сумма; а поневажь велможность ваша и симъ насъ зъ премилостивой своей ласки звиклимъ нашимъ изволили обослати даткомъ, теди покорне упрошаемъ: изволте, велможность ваша, насъ, войско, въ скоромъ часѣ, не откладаячи до повороту вашего зъ военного походу, нашимъ годовимъ борошеннимъ обослати даткомъ» ¹⁾.

Запорожцамъ приходилось терпѣть не только отъ самого гетмана, но и отъ разныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, какъ напримѣръ отъ гетманскаго дозорцы Романа Селезневича, опозорившаго двухъ войсковыхъ посланцевъ. Эти посланцы, возвращаясь отъ гетмана, заѣхали въ Переволочну и тамъ были у спскаго попа въ господѣ (домѣ) на погуляньи. Селезневичъ, увидя тамъ запорожскихъ посланцевъ, исполнился такой дерзости, что одного билъ по щекамъ, а другого безчестилъ многими «простацкими» названіями, заливалъ ему очи горилкою и другими напитками. «И то онъ не посланнихъ нашихъ, але все войско, насъ такъ велце обезчестилъ, прето мы, войско, соболъзнуючи своего безчестя нѣчимъ инымъ вспартежь, тилко велможности вашой укладаемъ: хотѣте, велможность ваша, зъ Романа, дозорцы переволочанскаго, учините ему справедливость, иже бы онъ впредь такого дерзновенія и самовоинства презъ указъ велможности вашой нашимъ сѣчовимъ товариству не важила чинити» ²⁾.

Вслѣдствіе всего этого враждебное настроеніе запорожцевъ противъ гетмана Мазепы и москалей все болѣе и болѣе возрастало, и

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1489.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1489.

они ждали только случая, чтобы причинить вред своим притѣснителямъ. Но Мазепѣ доподлинно извѣстно было все, что творилось въ Запорожьи черезъ тѣхъ тайныхъ шпионовъ, которые служили ему за деньги. Таковъ былъ запорожскій войсковой писарь Василь Зеленый. Въ половинѣ сентября мѣсяца Зеленый прислалъ тайный листъ Мазепѣ (за подписью П. К. П. В. З. Н. р. в. л.) и въ томъ письмѣ подробно извѣстилъ гетмана «о дѣвучихся теперешняго лѣта поведеніяхъ» въ Запорожьи. Когда въ Запорожье донеслась вѣсть о томъ, что Мазепа вышелъ въ военный походъ и находится уже за Киевомъ, тогда всѣ козаки единодушно рѣшили идти на Украину и перебить тамъ пановъ съ арендаторами, но все это дѣлалось весьма скрытно, и рѣчь о томъ сперва велась по куренямъ, а потомъ уже открыто произносилась на майданѣ; козаки говорили, что лишь только они выйдутъ изъ Сичи, какъ къ нимъ присоединятся всѣ украинскія селенія, и тогда, за отсутствіемъ гетманскихъ полковъ, всѣ паны будутъ перебиты въ одну недѣлю. Рѣшено было сперва идти по соль до Прогноевъ, а потомъ, по возвращеніи изъ Прогноевъ, вернуться до Сичи и идти въ полки миргородскій и прилучкій разбивать селитренные майданы. Но намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, и запорожцы сами своихъ пограбили на Бугѣ и на Днѣпрѣ на добычахъ. Къ тому же и соль сѣла въ Прогнояхъ, и «такъ завязіе ихъ знищилось, еднакъ на прійдучое лѣто (они) цѣле мѣють подъ майданы походъ мѣти». Настоящаго-жъ лѣта случилось такое обстоятельство: какой-то козакъ каневского куреня, будучи въ Каменномъ-Затонѣ, напился пьянъ, упалъ въ городской ровъ и уснулъ въ немъ, гдѣ нашли его москали и взяли подъ караулъ. Послѣ того запорожцы писали о томъ козакѣ въ Каменный-Затонъ и просили воеводу выпустить его на волю. Но воевода не внялъ тѣмъ просьбамъ, и тогда запорожская чернь подняла большой бунтъ и хотѣла въ ночное время огромнымъ скопомъ сдѣлать нападеніе на Каменный-Затонъ, словить нѣсколько десятковъ москалей и рѣшила даже самую крѣпость разорить до основанія. Но къ тому не допустили чернь старые козаки и кошевой атаманъ Гордіенко. Самъ кошевой нѣсколько разъ объявлялъ, что если москали будутъ безвинно брать въ тюрьму запорожскихъ товарищей, то онъ самъ о тридцати коняхъ и не ночью, а днемъ, сколько схочетъ, столько и «назыгаетъ» москалей до Сичи. Многіе изъ черни пмѣли намѣреніе также броситься въ самарскую товщу и разбить тамъ всѣ пасѣвки; разбивши пасѣвки, идти подъ Вольное и подъ Самарію (т. е.

Новобогородицкѣ) и захватить тамъ череду (стадо коровъ) и стада коней. «За харцизами, албо коноводами, барзо кошевій руку держить и покриваетъ ихъ (ежели будетъ вашей возможности потребно, всѣхъ по имени натермѣновати могу), якъ можетъ; а гдѣ якіе конѣ замѣтъ которіѣ, онѣ, нѣбы слѣпій за плоть (плетень) держится, все Искрою да миргородскимъ полковникомъ отмагу чинить» ¹⁾.

Не смотря на такое шатостное настроеніе запорожскаго войска, въ это-же время шелъ вопросъ о пограничномъ русско-турецкомъ размежеваніи. Октября 22 дня между Россіей и Турціей установлена была такъ называемая «межевая записъ» стараніями русскаго думнаго дьяка Емельяна Украинцова и турецкаго паши эфенди Кочъ-Магмета. Эта «межевая записъ» гласила слѣдующее: «Початокъ границъ отъ польскихъ концовъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ комиссарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ комиссарскихъ обозовъ паки рѣкою Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется по турецки Великій Конаръ ²⁾, и отъ Великаго Конара полемъ поперекъ рѣку Мертвово (т. е. Мертвоводъ), а перешедъ Мертвово полемъ черезъ Еланецъ, который по турецки называется Енгулюю, гдѣ впадаетъ Великій Ингуль ³⁾; потомъ, перешедши Великій Ингуль, полемъ до рѣки Малаго Ингульца, а перешедъ Малаго Ингульца черезъ бродъ Бекеневскій ⁴⁾, который отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончается граница» ⁵⁾.

Впрочемъ, въ той-же «межевой запискѣ» сдѣлана оговорка, что «подданные его царскаго величества вольно могутъ ходить въ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1471—1440.

²⁾ Какъ справедливо полагають, до балки Большого - Сухого-Ташлыка: Объяснительная записка къ картѣ Елисаветградской провинціи 1772—1774 въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, XIV.

³⁾ Здѣсь разумѣется рѣчка Сухой Еланецъ, впадающая въ Бугъ: см. ту же объяснительную записку къ картѣ Елисаветградской провинціи.

⁴⁾ Бекеневскій, иначе Бѣлый бродъ, гдѣ Бѣлыя Криницы или Бѣлыя колодези: Лѣтопись Величка, Кіевъ, III, 488 — 485; Акты южной и западной Россіи, XII, 701.

⁵⁾ Полное собраніе законовъ, томъ IV, статья 2077, стр. 324.

Ливанъ и на Черное море для своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія».

По донесенію одного изъ русскихъ комиссаровъ, Дмитрія Максимовича, гетману Мазепѣ, отъ 24 октября съ Буга и Корабельной, дѣло объ установленіи пограничной русско-турецкой черты на этотъ разъ, однако, не было вполне окончено: причиной тому была внезапная смерть турецкаго комиссара паши Кочъ-Магмета и необыкновенныя претензіи, предъявленныя со стороны новыхъ турецкихъ комиссаровъ.

Дѣло объ опредѣленіи границъ, тянувшееся, какъ писалъ Максимовичъ, уже въ теченіе трехъ лѣтъ, съ прїѣздомъ, вмѣсто умершаго паши Кочъ-Магмета, новаго турецкаго комиссара, длилось еще около трехъ недѣль и все еще не приведено «къ всеконечному окончанію». «Съ сей (т. е. правой) стороны Днѣпра земли и рѣчки воспріяли опредѣленіе не концами или какими, явно положенными, знаками, а только изображенною на письмѣ линією въ такомъ порядкѣ и расположеніи: отъ польской границы внизъ рѣкою Бугомъ до Ташлыка, отъ котораго неподалеку во время чигиринской войны были турецкіе мосты, а отъ того Ташлыка полемъ прямо черезъ Мертвыя Воды, черезъ Великій Ингулъ и Малый Ингулецъ до устья рѣчки Каменки, которая выше Кызыкермена въ нѣсколькихъ миляхъ въ Днѣпръ впадаетъ. Въ письмахъ, взаимно данныхъ, положены крѣпкія статьи о томъ, что мирные договоры о нестроеніи Кызыкермена и иныхъ городовъ, о вѣствененіи вольностей и всякой свободы, о мирномъ между собою пограничномъ пребываніи и все, что въ нихъ на пользу всенародную положено и поставлено, были ненарушими сохранены. О крымской-же сторонѣ никакой отмѣны въ письмахъ не сдѣлано, потому что когда пришла очередь договариваться о ней, то отъ турокъ были предлагаемы неудобно рѣшительные запросы, особенно о Каменномъ-Затонѣ, и хотя мы, согласуясь съ пактами, склонялись къ согласному той стороны разсужденію, однако они, опираясь вмѣсто дѣйствительной причины на свое упорство, это принять по нашему предложенію и описать не захотѣли, чтобъ та сторона въ такомъ порядкѣ оставалась, какъ о ней въ мирномъ договорѣ положено; только къ тому и приклонялись, чтобы отложить комиссію о той сторонѣ до предбудушаго года... Послѣ этого начальные комиссары обѣихъ сторонъ Днѣпра, октября 25 дня, разѣхались во-своихъ».

Въ концѣ листа Максимовичъ приложилъ особую цыдулу, въ которой о запорожцахъ замѣтилъ такъ: «Господа запорожцы до сего времени пребываютъ въ постоянствѣ, и хотя въ теченіе цѣлаго лѣта чинили похвалбы, однако указами удержаны были, и нынѣ послѣднія монаршеская грамота, задержанная у думнаго (дьяка), послана на Кошъ» ¹⁾.

Устранивъ себя противъ воли отъ пограничныхъ дѣлъ, запорожцы, главнымъ образомъ ихъ кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, въ замѣнъ того старались дѣлать вредъ москалямъ и вмѣстѣ съ ними людямъ гетманскаго регимента въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, когда великороссійскіе ратные люди должны были переправляться черезъ днѣпровскіе пороги въ томъ-же 1705 году, чтобы попасть въ русскія крѣпости противъ Сичи и ниже ея, то кошевой Гордіенко отдалъ тайный приказъ водацкому полковнику дать москалямъ такого «переправщика», которой-бы всѣ байдаки русскіе разбилъ и всѣхъ ратныхъ людей, до единаго, потопилъ. Такою-же ненавистью дышали Гордіенко и его близкіе клеветы къ посполитымъ гетманскаго регимента, поселившимся по рѣкѣ Самарѣ и основавшимъ тамъ свои хутора: считая рѣку Самарь искони вѣковъ собственностью войска, запорожцы отнимали у нихъ скотъ, разоряли пасѣки и угоняли лошадей ²⁾.

Гетманъ Мазепа подозрѣвалъ, что такое задорное настроеніе въ войскѣ запорожскомъ поддерживаютъ крымскіе татары, и потому изъ Москвы посланъ былъ для приведенія запорожцевъ на вѣрность государю стольникъ Ѳедоръ Протасьевъ, съ которымъ соединился генеральный асаулъ гетманскій. Но ни стольникъ, ни генеральный асаулъ не могли узнать о скрытыхъ замыслахъ кошевого Гордіенка; сами-же запорожцы только «на голыхъ словахъ декларовались въ вѣрности великому государю», а присягу обѣщали принести только тогда, когда къ нимъ придетъ отъ царскаго величества «какая-нибудь знатная особа» и посланный отъ гетмана съ «казенчиками» и съ царскою казною. О такомъ поведеніи «скаженныхъ псовъ, запорожцевъ и о врожоной и обыклой нестатечности ихъ», Мазепа донесъ, мая 14 дня, 1706 года, графу Ѳедору Алексѣевичу Головину ³⁾.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 51.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1705, кн. 96 л. 508; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1705, св. 15, № 1471—1440.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1706, св. 15, № 1492—1523.

Въ Москвѣ попрежнему терпѣливо относились къ непостоянству запорожцевъ, и въ концѣ іюня мѣсяца, на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго, отправили въ Кошъ годовое денежное жалованье съ дворяниномъ Дуровымъ и подъячимъ Борисовымъ ¹⁾.

Такое снисхожденіе Москвы къ запорожскому войску объясняется самымъ положеніемъ дѣлъ того времени въ Россіи: на югостокѣ въ это самое время открылся астраханскій бунтъ, на югозападѣ показался со своими побѣдоносными полками шведскій король, прошедшій черезъ Полѣсье на Волынь и изъ Волыни имѣвшій намѣреніе идти на Кіевъ. Поэтому русскому царю приходилось не наказывать, а всячески привлекать къ себѣ запорожскихъ козаковъ. Въ виду близости врага царь Петръ Алексѣевичъ, іюля 4 дня, пріѣхалъ въ городъ Кіевъ и провелъ въ немъ полтора мѣсяца. Чтобы дать отпоръ врагу, на случай прихода его въ Кіевъ, царь, августа 15 дня, заложилъ крѣпость подъ Печерскимъ монастыремъ и для производства земляныхъ работъ опредѣлилъ малороссійскихъ козаковъ. Въ слѣдъ затѣмъ онъ послалъ грамоту и въ запорожскій Кошъ. Въ этой грамотѣ царь извѣщалъ, что онъ съ великороссійскими и малороссійскими силами обрѣтается въ городъ Кіевъ «для данья отпора непріятелю, шведскому королю, и повелѣваетъ подданному войску запорожскому прислать нѣкоторое число «добрыхъ козаковъ въ слученіе велико и малороссійскихъ войскъ», за что обѣщаетъ всему низовому товариству свою царскую милость ²⁾.

Когда царская грамота дошла въ запорожскую Сичъ, то тамъ собрана была общая рада и на той радѣ царскій приказъ объявленъ былъ въ слухъ всему войску. Охотниковъ до войны оказалось очень много и надъ ними назначенъ былъ полковникомъ знатный товарищъ Игнатъ Галаганъ.

Отправляя отрядъ козаковъ на царскую службу, запорожцы, въ той-же радѣ, сентября 15 дня, написали отъ всего войска обширную челобитную государю и вручили ее полковнику Галагану для передачи «подъ пречестныя стопы царскія».

«Писалъ до насъ, войска запорожского низового, вѣрный объ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 16, № 20.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531 — 1500 Баттышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 54.

ихъ сторонѣ Дѣбра Иванъ Степановичъ Мазепа, гетманъ и славнаго чина св. апостола Андрея кавалеръ, упрекая насъ и грозя вашему царскому пресвѣтлому величеству монаршескою опалою за то, что будто сего лѣта нѣкоторые козаки нашего войска обдирали, на разныхъ мѣстахъ и дорогахъ, переволочанскихъ и иныхъ жителей полтавскаго полка, возвращавшихся отъ Буга и Дѣбра, грабили во всемъ и подъ городами дѣлами шкоды, что гетманъ поставлялъ намъ на видъ и требовалъ прекращенія такого своевольства. Тогда мы, подлинно удостовѣрившись о томъ своевольствѣ, немедленно, послѣ общей рады нашей, послали трехъ на три части полковниковъ нашихъ съ немалымъ числомъ войска для искорененія легкомысленниковъ тѣхъ. Схвативши нѣкоторыхъ изъ нихъ, полковники узнали, что ихъ собралъ на то легкомысліе бывший прилуцкій городской атаманъ съ вольною (ватагою) изъ Полтавы; они причинили немало шкоды въ городахъ и разнымъ людямъ въ дорогахъ, прикрываясь именемъ запорожцевъ. Изъ пойманныхъ легкомысленниковъ, которые поступали по разбойнически, однихъ мы нашимъ войсковымъ правомъ смертнымъ покарали; а другихъ до городовъ, передъ которыми они въ чомъ были преступны, головами изъ войска выдали. Также въ сей челобитной грамотѣ нашей доносимъ вашему царскому величеству, не меньше соболѣзнуя сердцемъ, и о томъ, что когда, по вашему царскому величества указу, наше войско было на услугахъ военныхъ подъ Печерами въ Москвѣ, то повернувъ назадъ изъ-подъ Печеръ въ малороссійскіе города, многое наше товариство на обыкновенное житіе въ Сѣчь прибыло, а нѣкоторое, вслѣдствіе пляги (бѣдствіи) моровой, въ Сѣчи на тотъ часъ бывшей (отъ которой всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ отратуй, Боже!), пооставались въ городахъ малороссійскихъ. Всѣхъ этихъ, числомъ тысячу, затыгомъ забравши, отпрадали (о чемъ, думаемъ, неизвѣстно вашему царскому величеству) на государскія ваши водоходныя каторги, а иныхъ безвѣстно въ разныя неволи позадавали, отъ которой неволи нѣкоторые выходцы освободились и намъ, войску, подали о томъ извѣстіе. Соболѣзнуя о нашей братіи, мы бьемъ челомъ вашему царскому величеству: пожалуй, великій государь, ваше царское пресвѣтлое величество, невинно страждущихъ по своему превысочайшему Богомъ вразумленному и Богомъ укрѣпленному царскому разсмотрѣнію отъ той неволи невинной и утрапленія (мученія) освободити и на обычное съ нами въ Сѣчь запорожскую

мѣшканье (жительство) освободить, за что мы, подданное войско запорожское низовое, вашему царскому пресвѣтлому величеству во всемъ вѣчную и радѣтельную нашу службу, до конца жизни, исполнять будемъ, до лица земли челомъ ударяя. Вашего царского пресвѣтлого величества подданного войска запорожского низового атаманъ кошовій Лукіанъ Тимофѣенко съ товариствомъ. Данъ на Бошѣ въ Свѣчъ запорожской, сентевріа 15, 1706 року¹⁾.

Эта челобитная не застала уже царя въ Кіевѣ, и просьба запорожцевъ не имѣла никакихъ послѣдствій.

Тѣмъ временемъ гетманъ Мазепа, узнавъ о выходѣ запорожскаго отряда изъ Сичи, поторопился предупредить и лично (будучи въ Кіевѣ) и письменно, ближняго государева боярина Ѳедора Алексѣевича Головина о томъ, что запорожцы не успѣютъ собраться въ походъ, какъ будутъ просить о денежномъ вспоможеніи себѣ. И точно, едва только полковникъ Галаганъ вышелъ съ отрядомъ изъ Сичи, какъ къ Мазепѣ пришла просьба о назначеніи товариству за войсковою походъ денежной платы. Въ сущности Галаганъ былъ правъ въ своемъ требованіи, потому что откуда-же было взять запорожцамъ денегъ для подъема въ такой далекой отъ Сичи походъ? Но гетманъ на требованіе Галагана отвѣчалъ, что, по всенародному обыкновенію, войско сперва служить, а потомъ уже просить платы за труды свои; и въ слѣдъ затѣмъ, узнавъ о томъ, что запорожцы держатъ свой путь на Кіевъ, извѣстилъ ихъ письмомъ, что въ Кіевѣ ни царскихъ войскъ, ни самого государя они не найдутъ, а потому имъ слѣдуетъ идти на Бѣлую-Церковь и на Полонное и потомъ явиться передъ лицомъ ближняго государева боярина Ѳедора Алексѣевича Головина. Самого Головина Мазепа, впрочемъ, письменно просилъ, чтобы онъ, согласно его обѣщанію, приказалъ выдать запорожцамъ по одному рублю жалованья на человѣка для поощренія «радѣтельнѣйшей охоты и тщательнѣйшей службы», но за то совѣтовалъ ему не держать ихъ праздными и, какъ можно скорѣй, доставить имъ какое-нибудь дѣло, потому что, оставаясь безъ дѣла, они будутъ чинить разоренія и грабительство людямъ, а пограбивши и обнаживши людей, захотятъ возвратиться на зимнія квартиры на Украйну, на Украйнѣ-же и безъ нихъ не куда помѣстить сердюковъ и компанѣйцевъ,—ради этого гетманъ про-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531—1500; см. также Бантишъ-Каменскаго Источники, II, 56.

силъ куда-нибудь подальше запорожскихъ козаковъ на монаршую службу ординавать, чтобы они тамъ и служили и зимнія квартиры имѣли ¹⁾.

Между тѣмъ запорожцы, выйдя въ походъ, тщетно добивались полученія государева жалованья: какъ и прежде, такъ и теперь, они должны были питаться отъ своего «хребта», большею-же частію обременять мѣстныхъ обывателей разными требованіями въ кормѣ и питьѣ. Мѣстные-же обыватели, недовольные поведеніемъ запорожскихъ козаковъ, заносили жалобу на нихъ гетману Мазепѣ. Тогда Мазепа предписалъ запорожской пѣхотѣ вернуться назадъ, а конницы продолжать дальнѣйшій путь и явиться къ боярину Головину, который дастъ ей «по какому-нибудь рублю» на кожухи и отведетъ квартиры на время зимы. На такое предписаніе гетмана запорожцы возражали, что конные козаки ни въ коемъ случаѣ не могутъ покинуть своихъ пѣхотныхъ товарищей, въ противномъ случаѣ, если они вернутся изъ похода, то не будутъ приняты въ запорожскую Сичу. Въ замѣнъ приказа гетмана они прислали ему писанный отъ Коша листъ съ просьбой о томъ, чтобы гетманъ за тѣ убытки, которые запорожскій отрядъ понесъ въ теченіе цѣлой осени и половины лѣта, лишившись, вслѣдствіе похода, рыбной и соляной добычи, далъ имъ отъ себя консистенцію.

Гетманъ на такое требованіе со стороны запорожцевъ предписалъ имъ или немедленно идти въ Польшу, гдѣ они получаютъ зимнюю консистенцію, или-же возвратиться назадъ въ Сичу; въ противномъ случаѣ грозилъ отдать приказъ силою выпроводить ихъ изъ края и не допускать ни въ какой городъ, а для приведенія въ исполненіе своего приказанія велѣлъ нарядить одинъ полкъ пѣхотный въ Чигиринъ и два охочекомонныхъ полка въ Бѣлую-Церковь, Корсунъ и Богуславъ. «Трудно мнѣ было монаршую волю перемѣнить, а сгола тѣхъ бездушниковъ, запорожцевъ, не надобно было на службу военную взывать: они никогда и ни гдѣ не могутъ быть постоянными, понеже ни Бога, ни государя, ни власти моей гетманской не боятся» ²⁾.

Обиженные такимъ тономъ обращенія со стороны Мазепы и лишенные всякой надежды на полученіе царскаго жалованья за свою службу, запорожцы съ полковникомъ Игнатомъ Галаганомъ оста-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1538—1507.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517.

вили дальніе города и возвратились въ Сичу. Поэтому немудрено, что въ Сичи съ возвратомъ запорожцевъ изъ похода, произошло настоящее смятеніе. Тотчасъ собрана была всеобщая войсковая рада и на той радѣ большинство голосовъ стало кричать о томъ, что нужно отправить въ Крымъ знатнѣйшихъ людей «въ заставу» и просить черезъ нихъ крымскаго хана прислать запорожскому войску въ помощь татарскую орду. Другіе тому стали противиться, и по этому поводу въ Сичи произошла междоусобная драка: «козаки одного куреня пошли на козаковъ другого и непрестанно между собою бьются». Всѣхъ больше бунтовалъ и другихъ къ тому бунту возбуждалъ, какъ извѣщалъ о томъ Мазепа графа Головина, «древній злохитрій песь Костя, бывшій кошовій, которій у запорожцевъ мѣлъ любовь». Тѣ «злонравные» запорожцы похвалялись, что они сами себя возьмутъ награду за то, что, проведя время на службѣ государя, напрасно погубили цѣлое лѣто и осень и награды никакой не получили.

Гетманъ отдалъ приказъ своему дозорцѣ строго наблюдать за тѣмъ, чѣмъ кончится несогласіе между запорожскими козаками, а самъ рѣшилъ, на случай положительнаго намѣренія ихъ перейти на сторону хана, спуститься съ полками до Гадяча и предупредить Кошъ отъ такого пагубнаго дѣла ¹⁾).

Однако междоусобіе въ средѣ запорожскихъ козаковъ на этотъ разъ скоро прекратилось. Къ концу 1706 года кошевой атаманъ Лукьянъ Тимофѣенко (онъ-же Лукьянъ Тимофѣевичъ) успѣлъ объяснить съ Мазепой и разсѣять всякія со стороны гетмана на счетъ запорожцевъ подозрѣнія. Въ это-же время царь Петръ Алексѣевичъ отдалъ приказъ уничтожить «новоустроенный кабакъ и таможенные заводы» въ Каменномъ-Затонѣ и за то потребовалъ отъ запорожцевъ, чтобы они не смѣли «ссорно и невѣжливо, подъ опасеніемъ на нихъ гнѣва монаршескаго», писать воеводамъ каменнозатонскимъ и пребывали-бы съ ними въ совѣтѣ и добромъ обращеніи.

Запорожцы благодарили царское величество и гетманскую вельможность за явленную имъ милость, но возражали, что съ такими воеводами, какъ бывшій Степанъ Петровъ Бахметевъ и настоящій Илья Родіоновъ Чириковъ, невозможно жить въ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517, 1549—1518.

миру: воеводы хватаютъ ни въ чемъ неповинныхъ козаковъ въ лугу и въ другихъ мѣстахъ и держатъ ихъ у себя въ неволю. точно думаютъ о томъ, чтобы забирать въ Сичи «десятаго отъ козаковъ въ десятину». Такъ они захватили Максима Шпоченна, козака левушковскаго, Грызѣя, козака шкуринскаго, Лукьяна, козака корсунскаго, да хлопца куреня поповичевскаго. Поэтому кошевой атаманъ и все низовое товариство очень просятъ гетмана Мазепу подѣйствовать на каменнозатонскаго воеводу вернуть взятыхъ козаковъ въ Сичу для избѣжанія между запорожцами и каменнозатонцами «турбаціи и нечаянной трудности». А что до упрека гетмана запорожскому войску относительно взятыхъ товариствомъ у путильца Юрія Бѣляева десяти куфъ (бочекъ) горилки и относительно отогнанныхъ козаками у харьковцевъ коней, то на это кошевой отвѣчаетъ: коней у харьковцевъ взялъ бывший атаманъ города Прилукъ съ какими-то своевольниками, хотя и именующими себя запорожцами, но вовсе къ запорожскому войску не принадлежащими, а горилку дѣйствительно взяли запорожцы, но не десять куфъ, а «полгварты» куфы, которую они, по своему обыкновенію, тотчасъ-же по куренямъ подували, за здравіе царскаго величества и гетманской вельможности всю «до капли истощили» и очень сожалеютъ о томъ, что, имѣя въ рукахъ Юрія Бѣляева, съ душой отъ себя его отпустили ¹⁾.

Вслѣдствіе такого представленія запорожцевъ наведена была справка «въ разрядѣ» объ обращеніи ихъ съ каменнозатонцами за время отъ 1702 по 1707 годъ, и козаки были обвинены въ слѣдующихъ 22 пунктахъ по отношенію «къ годовымъ ратнымъ людямъ въ Каменномъ-Затонѣ и разнымъ посельнымъ въ тотъ городъ и назадъ изъ него возвращавшимся».

1) Ахтырскаго полка у козаковъ, которые были въ подвоячкахъ подъ провіантомъ у Каменнаго-Затона запорожцы отогнали 70 лошадей; о томъ писано въ малороссійскій приказъ и велѣно, отыскавъ тѣхъ лошадей у запорожцевъ, отослать въ Каменный-Затонъ, а козакамъ, чрезъ старшину, съ жестокимъ страхомъ объявить—впредь такъ козакамъ не чинить; а кто такъ учинилъ, тѣхъ наказать по ихъ обыкновенію. 2) Денежную казну, которая послана была въ Каменный-Затонъ, 135 рублей, козаки за Самарью отбили и капитана да трехъ солдатъ до смерти по-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1706, св. 15, № 1561—1520.

рубили. 3) Пятьдесятъ одну лошадь противъ города Самары отогнали. 4) Каменнозатонскаго жителя, черкашенина, который посланъ былъ въ Крымъ, на дорогѣ захватили, завели въ Сичу и тамъ до смерти убили. 5) Города Соколки черкась, которые вѣхали въ Каменный-Затонъ съ харчомъ, били и взяли у нихъ вола да харчей на 27 рублей. 6) На курскій стрѣлецкій Чичаговъ полкъ напали, многихъ перекололи и переранили, да 78 лошадей отогнали и послѣ того, когда кошевой послалъ въ Каменный-Затонъ козакъ, кущовскаго куреня Трофима Чернаго, корсунскаго куреня Лукьяна Романова, величковскаго куреня Ивана Григорьева, то казаки эти при допросѣ въ захватъ лошадей и не запирались. 7) Атаманъ ирлѣвскаго куреня Павелъ, по приказанію кошевого, поймавъ тѣхъ воровъ, которые отбили лошадей, 13 человекъ послалъ въ Каменный-Затонъ съ козакомъ Василюемъ Грызѣемъ съ товарищами, но Василій Грызѣй 9 человекъ изъ тѣхъ воровъ отпустилъ съ дороги; тогда воевода Данила Шеншинъ того казака Грызѣя задержалъ въ Каменномъ-Затонѣ, а о сыскѣ остальныхъ писалъ къ кошевому и посылалъ поручика, котораго кошевой билъ; въ письмахъ Чичагова да Митчеля, сентября 30 дня, 1703 года, сказано, что изъ вышеписанныхъ воровъ Трофимъ Черный да Иванъ Григорьевъ изъ-подъ караула ушли, а Василій Грызѣй да Лукьянъ Романовъ посланы въ Батурино къ гетману въ 1704 году, а въ гетманскомъ доношеніи написано, что тѣ казаки умерли, одинъ въ дорогѣ, а другой въ Батурино. 8) У курскаго Чичагова полка за Днѣпромъ 74 лошади отогнали и одного стрѣльца до смерти убили, а другого поранили; послѣ розыска 50 лошадей прислали, а воры убѣжали. 9) У дьяка Петра Исакова, который былъ въ Каменномъ-Затонѣ, да у чугуевскихъ козакъ, бывшихъ при томъ дьякѣ, 26 лошадей отогнали, и посланные за тѣми ворами лошадей отбили, а сами воры въ степь убѣжали. 10) Бернерова полка у солдатъ конское стадо отгоняли; тѣ солдаты имъ не давали; казаки по нимъ изъ пищаей стрѣляли и одного солдата насквозь прострѣлили. 11) Посланному отъ гетмана кошевой Гордіенко говорилъ въ Сичѣ, что если Каменнаго-Затона великій государь свестъ и разорить не прикажетъ, то за то быть войнѣ великой; да ему-жъ (посланному) говорилъ куренной атаманъ, чтобъ онъ каменнозатонскому воеводѣ свазалъ, дабы воевода отпустилъ запорожскихъ козакъ изъ-подъ караула: если - же не отпустить, то они прійдутъ въ Каменный-Затонъ и всѣхъ людей поволоютъ. 12) Полковникъ Бернеръ прислалъ

въ каменнозатонскую приказную избу запорожскаго козака левушковскаго куреня Максима Шпоченка; Шпоченко, идя мимо караула, сказался руномъ (?) и по гетманскому доношенію, отосланъ къ гетману для учиненія ему указа. 13) На капитана Лошакова, который ѣхалъ съ товарищемъ и съ солдатами къ стругамъ, запорожскіе воры наѣхали съ ружьемъ и по нимъ стрѣляли, одного ранили, лошадь съ телѣгою отбили, а въ той телѣгѣ было остаточныхъ отъ солдатскихъ дачъ 50 рублей денегъ да капитанскихъ денегъ, рухляди и платя на 25 рублей; и кошевой изъ тѣхъ воровъ сыскавъ двухъ человекъ прислалъ въ Каменный-Затонъ, которые, при допросѣ, въ томъ винулись, и изъ нихъ одинъ въ Каменно-Затонѣ умеръ, а другой къ гетману отосланъ. 14) На семь человекъ бѣлгородцевъ, которые ѣхали за запасомъ изъ Каменнаго-Затона, они-жъ, воры, напали, 5 человекъ до смерти побили, а 2 изранили. 15) У харьковскаго полковника близъ Самары изъ конскаго стада 180 лошадей отбили; посланные того полка козаки 116 лошадей возвратили, а остальные 74 были угнаны ворами. 16) У фуркатовъ, которые стояли у Сичи, сѣченскіе козаки, приходя ночью человекъ по 400, желѣзо обирали и носили въ Сичу, да 45 фуркатовъ, разломавъ, развезли въ Сичу-жъ; а караульщикомъ, которые находились у тѣхъ фуркатовъ, били; тѣ фуркаты сдѣланы въ 205 году въ Брянскѣ для морского хода изъ Тавани князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго и для хлѣбныхъ запасовъ и въ 206 году тѣ фуркаты отъ Томаковскаго острова отправлены для сбереженія въ Сичу, а когда былъ выстроенъ Каменный-Затонъ, то они были перевезены вслѣдствіе того, что ихъ занесло пескомъ и сквозь нихъ выросла трава и поросли кусты. 17) Посланнаго въ Каменный-Затонъ откупщика Бѣлаева, которому велѣно быть на отдаточномъ дворѣ, у сбора, они въ Сичѣ долгое время держали и били и 5 куфъ вина взяли, а нынѣ, по гетманскому прошенію, тому кабаку въ томъ городѣ быть не велѣно. 18) Васильева полка Данилова на солдатъ напали, которые ѣздили за дровами, одного въ бороду пострѣляли, а другого дубьемъ били и двухъ лошадей отняли, и изъ тѣхъ воровъ посыльные отъ полка поймали черкашенина Буртовскаго съ сыномъ Кирилломъ и опознали у него съ тѣхъ отогнанныхъ лошадей обротъ; въ допросѣ-же тотъ козакъ запирался, а сынъ его признался, что онъ видѣлъ воровъ, которые лошадей отняли; онъ далъ сказку въ поставкѣ тѣхъ воровъ, но не поставилъ, почему и былъ задержанъ; а по

рописному списку Ильи Чирикова написанъ въ колодникахъ только сынъ его; велѣно было, описавъ его, отослать дѣло о немъ къ гетману для учиненія указа. 19) Изъ Каменнаго-Затона въ Сичу посланъ былъ съ листомъ отъ генерала Мосальскаго начальникъ человекъ съ тремя солдатами; изъ нихъ 2 человека явились, а начальникъ человекъ и одинъ солдатъ, какъ передавали, задержаны кошевымъ въ Сичѣ и находятся въ оковахъ. 20) На солдатъ, которые посланы были до Переволочны, напали запорожцы и одного искололи, который отъ раны умеръ, и пищали у нихъ и почтовыхъ лошадей побрали, и только два человека ушли отъ нихъ живы. 21) Полковникъ Романовскій посылалъ въ Сичу двухъ человекъ урядниковъ для своего дѣла и изъ тѣхъ посланныхъ одинъ явился, а про другого сказалъ, что онъ задержанъ въ Сичѣ за вышеписаннаго козацкаго сына; въ письмѣ кошевой атаманъ требовалъ отпустить того хлопца изъ Каменнаго-Затона, послѣ чего обѣщалъ отпустить и задержаннаго солдата. Запорожцы требовали доставить въ Сичу того невиннаго хлопца поповичевскаго куреня, котораго Степанъ Бахметевъ свезъ въ Москву изъ Каменнаго-Затона; если-же хлопецъ не будетъ отпущенъ, то присланные изъ Каменнаго-Затона будутъ задержаны въ Сичѣ. Степанъ Бахметевъ въ допросѣ объявилъ, что такого куреня хлопца и никакого другого онъ въ Москву съ собою не возилъ, а тѣ изъ виновныхъ запорожцевъ, которые были задержаны въ Каменномъ-Затонѣ, отданы по росписному списку Ильѣ Чирикову. А въ росписномъ спискѣ Чирикова сказано, что запорожцевъ задержано въ городѣ 2 человека, но какихъ куреней не написано, да и тѣхъ велѣно было, описавъ объ нихъ дѣла, отослать къ гетману для указа. 22) Писалъ Илья Чириковъ, что въ Сичѣ кошевой атаманъ держалъ за карауломъ три дня четырехъ человекъ куренныхъ атамановъ за то, что козаки ихъ куреней грабятъ проѣзжихъ людей по дорогамъ и къ нимъ, атаманамъ, ихъ привозятъ, и кошевой послалъ 160 человекъ казаковъ для сыска и поимки тѣхъ воровъ¹⁾.

Сколько было правды во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, введенныхъ на запорожцевъ и на сколько были непристрасны запорожцы въ своихъ жалобахъ на воеводъ Каменнаго-Затона, сказать трудно. Одно лишь можно замѣтить, что озлобленіе съ той и съ другой

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1707, св. 19, № 40.

стороны было слишкомъ велико. Запорожцы, считая построение Каменнаго-Затона, въ виду самой Сичи, утѣсненіемъ своихъ вольностей, рѣшительно не могли переносить этого, но, не будучи въ силахъ разрушить его, жестоко мстили, при всякомъ удобномъ случаѣ, ненавистнымъ каменнозатонцамъ. Для запорожцевъ крѣпость эта была настоящимъ бѣльмомъ на глазу, и они просили и требовали разрушенія ея.

Въ Москвѣ, однако-жъ, твердо стояли на томъ, что крѣпость построена не для надзора за дѣйствіями запорожцевъ, а для обороны въ борьбѣ съ турками. Своевременно и не одинъ разъ посылались «крѣпкіе заказы» каменнозатонскому воеводѣ Данилѣ Шеншину не чинить съ запорожцами никакихъ ссоръ, не наносить имъ обидъ и грабительствъ и не брать съ запорожскихъ рыбныхъ промышленниковъ и съ купцовъ разныхъ товаровъ десятины, которую онъ дѣйствительно бралъ съ нихъ, но бралъ, какъ самъ говорилъ при допросѣ, «въ почестъ» и по заведенному самими промышленниками «обыкновенію», дававшими всѣмъ таванскимъ и каменнозатонскимъ воеводамъ разныя приношенія и виномъ, и чехами, и рыбой. Воеводѣ Степану Бахметеву также не разъ предписывалось жить съ запорожцами въ совѣтѣ, не позволять ратнымъ людямъ чинить съ козаками задоровъ и не вступаться въ ихъ грунты. Воеводѣ Ильѣ Чирикову приказывалось имѣть съ запорожцами добрый привѣтъ и ласку, задора съ ними не чинить никакого и «обходиться съ ними, яко съ лехкомышленными»; за ратными людьми смотрѣть «накрѣпко», а всѣхъ задержанныхъ запорожцевъ въ крѣпости отослать гетману въ Батуринъ ¹⁾.

Такія мѣры, видимо, до извѣстной степени успокоили запорожцевъ, и гетманъ Мазепа извѣстилъ графа Гаврилу Ивановича Головина о прекращеніи смутъ въ средѣ запорожскаго войска и объ оставленіи ими всякаго намѣренія относительно союза съ Крымомъ: «Тому воспротивились старшіе тамошніе, здавна въ Сѣчѣ пребывающіе, и совѣтомъ своимъ отъ того всеалобнаго намѣренія отвратили» ²⁾. Такое-же спокойствіе, повидимому, водворялось и въ окраинахъ Запорожья; такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же 1707 года полтавскій полковникъ Иванъ Левенецъ захватилъ за рѣкою Самарою извѣстнаго разбойника Лебедина, разбившаго въ предшество-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1707. св. 19, № 40.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1555—1524.

вѣвшемъ году греческій караванъ и разгуливавшаго потомъ въ самарскихъ мѣстахъ. Непокойно было только возгъ Буга: тамъ производилъ опустошеніе бывшій кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, почему-то покинувшій Сичу и ушедшій на низъ. Противъ него высланы были, въ маѣ мѣсяцѣ, два компанѣйскихъ полка, которые, однако, ни съ чѣмъ возвратились ¹⁾).

Въ Сичи на ту пору былъ уже новый кошевой, Петро Сорочинскій. Мая 29 числа кошевой Сорочинскій и все запорожское низовое войско написали челобитную царю Петру Алексѣевичу съ просьбой о выдачѣ годового жалованья войску и для полученія того жалованья отправили въ Москву знатныхъ товарищей: Заику, Константя, войскового писаря, войскового асаула и «обыкновенное» число посполитаго товариства. Вмѣстѣ съ просьбой о жалованьи запорожцы просили государя не винить ихъ въ злыхъ дѣлствіяхъ своевольныхъ людей, которые набираются отъ волошской стороны, отъ Дона, отъ москалей, гуляютъ по разнымъ степнымъ мѣстамъ, причиняютъ людямъ по дорогамъ несносныя бѣды, производятъ на трактахъ разбои и, называя себя запорожскими козаками, войско запорожское тѣмъ безвинно позорятъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ оглашаютъ, чрезъ что на него и гнѣвъ царскаго величества воздвигаютъ. Кромѣ своевольныхъ людей немалыя бѣды причиняютъ войску запорожскому и жители Новобогородицкой и Новосергіевской крѣпостей. Они, съ позволенія своего воеводы и сотника, съ многочисломъ врываются во внутрь запорожской паланки; пасѣки запорожскія разоряютъ; товариство и севрюковъ избиваютъ (одного севрюка совсѣмъ утопили); козаковъ на обыкновенную добычъ не допускаютъ, а «на остатокъ сего лѣта, паланку спаливши, севрюковъ разогнали, несосно пустошь внутрь самаго угодя, яко сами хотятъ, чинятъ» ²⁾).

Быть можетъ, мирное настроеніе запорожскихъ козаковъ и еще нѣсколько-бы времени продолжилось, но въ это время на политическомъ горизонтѣ Запорожья показалось одно мрачное облако, и тогда Запорожье внезапно заволновалось, какъ внезапно приходитъ въ сильное волненіе отъ дуновенія легкаго вѣтерка назрѣвающая

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 88.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1707, св. 19, № 22; Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 57 — 61; Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 183. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 172.

нива. Причиной тому было появленіе въ Запорожьѣ извѣстнаго въ исторіи войска донскаго, козака Кондратія Булавина, поднявшаго бунтъ на Дону противъ московскаго правительства.

Прежде чѣмъ поднять бунтъ въ землѣ донскихъ козаковъ, Булавинъ, по его собственнымъ словамъ, побывалъ сперва на Теркахъ, въ Астрахани и въ Запорожьѣ ¹⁾ и принялъ присягу на вспоможеніе себѣ отъ терчанъ, астраханцевъ и запорожцевъ. Октября 9, 1707 года, Булавинъ разбилъ высланный противъ него отрядъ русскихъ солдатъ съ полковникомъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоругимъ, убивъ послѣдняго на мѣстѣ, но пото мъ самъ потерпѣлъ пораженіе у рѣчки Айдары отъ донскаго атамана Лукьяна Максимова и бѣжалъ изъ айдарскаго лѣса въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ. Прибывъ въ Запорожье, Булавинъ сперва остановился въ урочищѣ Кленковъ, на рѣчкѣ Калміусъ; изъ Кленкова переѣхалъ въ Сичь, объявился тамъ кошевому атаману, показавъ «премелестныя письма» къ запорожскому войску отъ всего донскаго войска, объявилъ, будто войско донское отложилось отъ государя, и сталъ приглашать запорожцевъ идти на Русь бить бояръ, дворянъ, прибыльщиковъ и подьячихъ. Три раза по этому поводу собиралась рада въ Сичѣ, и всякій разъ «молодыя» требовали отъ войсковой старшины похода на Украину съ цѣлью бить пановъ и арендарей, но всякій разъ ихъ удерживали «старіки», представившіе два возраженія противъ похода на города: первое—теплая зима и несовсѣмъ замершія воды рѣкъ; второе—пребываніе въ Москвѣ запорожскихъ козаковъ, которые отправлены были туда за жалованьемъ и чрезъ бунтъ сичевиковъ могли потерять тамъ свои головы.

Послѣ такого представленія со стороны запорожскихъ «стариковъ» Булавинъ оставилъ Чортотмыцкую Сичь и поднялся выше въ крѣпость Кодакъ. Отсюда онъ вновь сталъ дѣйствовать на запорожцевъ, подбивая ихъ къ бунту. Бывшій на ту пору кошевой атаманъ Петро Сорочинскій рѣшительно отказался дѣйствовать заодно съ Булавинымъ. Тогда молодежь лишила Сорочинскаго кошеводства, и вмѣсто него выбранъ былъ снова Константинъ Гордіенко. Но и Гордіенко въ открытомъ содѣйствіи Булавиному отка-

¹⁾ По словамъ донскаго атамана Григорьева, Булавинъ объявился въ Сичь въ 1707 году, въ Филиповъ постъ: Вантышь-Каменскій Источники, Москва 1857, II, 171.

заль, и тогда запорожцы дали донскому атаману такой отвѣтъ, что они пойдуть съ нимъ на великороссійскіе города лишь тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ на помощь калмыковъ, черкесъ и татаръ бѣлогородской и ногайской орды, а пока прійдутъ орды позволили ему собирать къ себѣ вольныхъ людей. «А такъ какъ атаманъ Кондратій Булавинъ былъ въ Запорожьѣ объ сырной недѣль, то у Константина Гордѣевича, и у писаря, и у многихъ атамановъ межъ себя совѣтовали и души позадавали, чтобъ всѣмъ имъ съ войскомъ донскимъ быть въ соединеніи и другъ за друга радѣть еднородно» ¹⁾.

Послѣ этого около Булавина собралось нѣсколько сотъ запорожскихъ гультаевъ, съ которыми онъ перешелъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и остановился на рѣчкѣ Вороной, ниже Звонецкаго порога ²⁾, укрѣпился тамъ окопомъ и оттуда разослалъ отъ себя призывныя грамоты, начинавшіяся такими словами: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратѣемъ Аеонасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю крѣсно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черны вершины самарскія» ³⁾.

Запорожцы сначала недовѣрчиво отнеслись къ воззванію донскаго атамана Булавина и въ половинѣ мѣсяца февраля 1708 года отправили (кошевой Гордіенко и товариство) большое посольство, изъ 88 человекъ, подъ начальствомъ полковниковъ Ѳедора (Хведора) Довбни и Власа (Уласа) Василенка, войскового писаря и асаула, въ Москву къ великому государю съ просьбой о выдачѣ войску запорожскому жалованья. Они написали, въ высокопарномъ стилѣ, челобитную пресвѣтлomu царскому величеству, благочестивѣйшему монарху, помазаннику божию, и въ ней просили прещедраго государя пожаловать войско годовымъ «грошовымъ, суконнымъ, пороховымъ и свинцовымъ, большъ надѣ (противъ) прошло-рочного, жалованьемъ: минувшихъ годовъ бывало сукна на убранья товарищови на дуванѣ по локтю припаде, нынѣшнихъ-же время

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 170.

²⁾ Теперь село Вороная, имѣніе М. Н. Миклашевской, екатеринославской губерніи, новомосковского уѣзда.

³⁾ То-есть на вершину рѣки Самари, гдѣ росъ черный лѣсъ, выше рѣчки Вороной.

не только по локтю, лечь (но) и по четвертицѣ на козака не стае». За царскую милость запорожцы общали вѣрно и съ усерднымъ радѣніемъ, не шадя здоровья, служить государю ¹⁾.

Вмѣсто отвѣта на такую челобитную царь велѣлъ послать въ Кошъ грамоту съ упрекомъ козакамъ за то, что войско скрываетъ у себя бунтовщика, донского козака Булавина, и не хочетъ выдать его въ руки правосудія.

На царскую грамоту запорожцы отвѣчали, что хотя бунтовщикъ Булавинъ и былъ на Кошу и хотя онъ явился туда съ «короговою» и хотѣлъ обманомъ затянуть къ себѣ товариство, но онъ оставался въ Запорожьи недолго, потому что козаки отобрали у него ту «короговь» и съ безчестіемъ и поруганіемъ отправили изъ Коша. Такъ какъ изъ запорожскаго войска никто къ Булавину не захотѣлъ идти, то онъ ушелъ въ ту сторону Дона, откуда и пришелъ, и теперь войско запорожское не можетъ чинить надъ нимъ никакого промысла, потому что козаки, по своему обыкновению, находятся въ разныхъ мѣстахъ, въ лугахъ и въ рѣчкахъ на рыбныхъ добычахъ. Запорожскому войску положительно извѣстно, что бунтовщикъ Булавинъ находится возлѣ Дона и что къ нему пребываютъ изъ Черкаскаго городка козаки и кормятъ его. Поэтому войско донское и должно вмѣнить себѣ въ обязанность поимку бунтовщика и вора. Когда-же тотъ Булавинъ былъ на Запорожьи, тогда войску не было объ немъ никакого извѣщенія, какой за нимъ проступокъ и нужно-ли ловить его. Кромѣ того онъ прежде всего объявился самарскому царскаго величества стольнику и подполковнику Семену Полуехтовичу Шеншину, отъ котораго свободно былъ отпущенъ, находился въ послѣднее время около рѣки Самары; о немъ знали самарскіе начальные люди и, однакожь, не приложили своего старанія къ его поимкѣ ²⁾.

Апрѣля 20 числа гетманъ Мазепа, по царскому приказу, отправилъ въ Сичь городского атамана Барышевскаго съ приказаніемъ кошевому атаману и всему войску поймать въ Сичи вора и изменника Булавина и прислать его въ Москву или въ Батурино. Не довольствуясь однимъ приказомъ, Мазепа, одновременно съ отправкой Барышевскаго, двинулъ противъ Булавина полтавскаго полковника Ивана Левенца съ полкомъ ³⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 156.

Но и на гетманское приказаніе запорожцы отвѣчали, что того бунтовщика Булавина нѣтъ въ Сичѣ, но что они общаются, когда онъ явится въ Сичь, поймать его и доставить въ городъ Батурийъ ¹⁾.

Въ Москвѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали отвѣта изъ запорожской Сичи; велѣно было, по царскому указу, задержать запорожскихъ посланцевъ Федора Довбюю и Власа Василенка съ товарищами «до совершеннаго отвѣта о Булавинѣ». Всѣхъ посланцевъ поставили «подъ крѣпкую сторожу въ посольскомъ дворѣ» и приказали имъ списаться по этому поводу съ запорожскимъ Кошемъ. Посланцы, описывая свое положеніе «не чернилами, но кровавыми слезами», покорно просили господина кошевого атамана (Константина Гордіенка), господъ атаманье и все старшее и меньшее товариство «учинить милость и любовь къ нимъ, посланцамъ, растворить сердца свои, не оставить ближнихъ своихъ въ скорби и конечной печали и, посовѣтовавшись добрымъ совѣтомъ, какъ можетъ и преизможетъ благоувѣтливый старинныхъ головъ и молодыхъ добрыхъ молодцовъ разумъ», поспѣшить дать отвѣтъ въ Москву о томъ разорителѣ, врагѣ государства и плевосѣятелѣ Булавинѣ и «обратить прескорбные для посланцевъ дни въ пресвѣтлые праздничные дни» свѣтлой недѣли, для всѣхъ радостные, но для нихъ однихъ печальные ²⁾.

Между тѣмъ атаманъ Кондратій Булавинъ въ началѣ 1708 года оказался уже на Дону. Здѣсь онъ убилъ атамана Лукьяна Максимова, провозгласилъ себя атаманомъ всего войска донскихъ козаковъ и овладѣлъ Черкасскимъ городкомъ. Вѣсти объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Булавина на Дону скоро дошли и въ Запорожье.

Мая 13 числа собрана была всеобщая войсковая рада и на той радѣ козаки стали громко выражать свое неудовольствіе на куренныхъ атамановъ, отговорившихъ товариство отъ участія въ предпріятіи Булавина, и требовали отъ нихъ вести охотниковъ подъ великороссійскіе города. По этому поводу въ Сичи произошла жестокая драка, послѣ которой рѣшено было вмѣсто великороссійскихъ городовъ сдѣлать пока нападеніе на русскія посамарскія крѣпости. Къ счастью какъ разъ въ это самое время прибыли въ Сичу изъ кievскаго Межигорскаго монастыря новые иноки на смѣну прежнихъ. Види, куда собираются походомъ запорожцы,

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 156.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 23, № 32.

мноки вынесли изъ сичевой церкви на площадь евангеліе и брестъ и стали увѣщевать козаковъ не поднимать войны противъ своихъ же православныхъ собратій. Передъ такимъ увѣщаніемъ козаци не устояли и отложили раду до слѣдующаго дня, а слѣдующимъ днемъ они нѣсколько поуспокоились и забыли о радѣ прошлаго дня.

Мая 17 дня Кондратій Булавинъ прислалъ въ Сичь, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, письмо, въ которомъ рассказывалъ подробности о взятіи Черкаскаго городка, о казни атамана Максимова, о выборѣ самого Булавина въ атаманы донскихъ козаковъ; тутъ-же сообщалъ о сборѣ государевыхъ полковъ на рѣкѣ Донцѣ, близъ Святогорскаго монастыря и передавалъ о намѣреніи ихъ идти подъ городъ Черкасскъ. «И мы всѣмъ войскомъ донскимъ, войсковою нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ, атамановъ молодцовъ, у тебя, войскового атамана, Константина Гордѣвича, и у всего войска запорожскаго илости: если услышите про приходъ государевыхъ полковъ на наше разореніе, дайте намъ помощи, чтобы намъ стать сообща и напрасно не дать себя въ разореніе, и гдѣ они будутъ стоять, вамъ-бы о томъ извѣстить насъ вскорѣ. А о чемъ у насъ съ вами, атаманы молодцы, межъ себя былъ совѣтъ на вашихъ господарей и на пановъ, и какъ вы обращались съ нами, тако и дѣлайте, чтобы вашъ благой совѣтъ былъ къ намъ непремѣненъ. А во всемъ вы, атаманы молодцы, войско запорожское, противъ супостатъ надѣйтесь на милость божію, и мы войскомъ донскимъ вамъ всѣ помощники, и о томъ къ намъ въ Печерскій прислать-бы вамъ отъ себя человекъ 20 или 30 лучшихъ людей»¹⁾.

Въ концѣ того-же мая мѣсяца Кондратій Булавинъ прибылъ въ городъ Бахмутъ и оттуда послалъ въ Сичь универсалъ, въ которомъ призывалъ всѣхъ запорожцевъ идти подъ слободу Ямполь²⁾, чтобы дать отпоръ князю Василию Владиміровичу Долгорукому, назначенному вмѣсто убитаго Юрія Владиміровича Долгорукаго и пришедшему на югъ истреблять всѣхъ вообще козаковъ. Запорожцы, получивъ этотъ универсалъ, стали переходить къ Булавину отдѣльными, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человекъ, партіями. Такъ,

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 24, № 86; то же у Вантышъ-Каменскаго, Источники, Москва, 1857, II, 170; Исторія М. Россіи, 1822, III, 232; у Маркевича, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, IV, 209—213.

²⁾ Теперь слобода Ямполь изюмскаго у. харьковской губерніи.

мая 30 числа перешла къ нему, съ кумачевыми знаменами, одна партія въ 300 человекъ; юня 9 числа перешла другая партія въ 500 человекъ, всѣхъ-же набралось около 1.200 человекъ ¹⁾).

Царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ о соединеніи запорожцевъ съ Булавинымъ по донесенію къ нему вновь назначеннаго, для искорененія бунта, начальника русскаго отряда, князя Василя Владиміровича Долгорукаго, письмомъ, юня 14 дня, приказывалъ князю «крѣпко смотрѣть о томъ, чтобы не дать случиться запорожцамъ съ донцами», въ противномъ случаѣ можетъ разыгратъя очень худое дѣло.

Въ слѣдъ затѣмъ, юня 24 числа, наказной атаманъ войска донскихъ козаковъ, Илья Григорьевъ, прислалъ въ запорожскую Сичь письмо и въ немъ убѣждалъ запорожцевъ не вѣрять «преlestнымъ письмамъ и словамъ того вора Кондрашки Булавина», который распространяетъ ложь, будто войско донское отложилось отъ великаго государя и зоветъ къ себѣ на помощь запорожское войско; войско донское, напротивъ того, вѣрно служило и служить своему великому государю Петру Алексѣевичу и готово положить свои головы за православную вѣру и за великаго государя «и вамъ, кошевому атаману и всему войску, впредь такимъ ворами и никакимъ возмутительнымъ письмамъ, и его Булавинымъ товарищамъ не вѣрять. А буде такіе воры явятся, то ихъ присылать къ намъ, войску, или въ Троицкій на Таганрогъ, сковавъ за крѣпкимъ карауломъ» ²⁾).

При всей смѣлости, отвагѣ и находчивости, какую выказалъ Кондратій Булавинъ, успѣхъ его, однако, былъ непродолжителенъ, чему отчасти виновенъ былъ самъ атаманъ, слишкомъ раздробившій свои силы. Такъ, всѣхъ собравшихся къ нему охотниковъ онъ раздѣлилъ на два отряда, и первый отрядъ, въ числѣ 5.000 человекъ, отправилъ подъ городъ Азовъ; другой отрядъ, дѣйствовалъ подъ начальствомъ атамановъ Голаго и Дранаго; отъ послѣдняго отряда отдѣлился третій отрядъ, подъ начальствомъ Дранаго и Безпалаго, въ числѣ 5.000 донцовъ и 1.500 запорожцевъ, и направился къ Ямполу. Юля 1 числа атаманъ Дранный былъ настигнуть полков-

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1708, кп. 104, л. 220, 238.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 24, № 89; то же у Бантышъ-Каменскаго, Источники, Москва, 1857, II, 171; Исторія Малой Россіи, 1822, V, 235, у Маркевича, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 218.

никомъ Кропотовымъ, посланнымъ отъ князя Догорукаго, и бригадиромъ Шидловскимъ, недалеко отъ рѣчки Тора, у Кривой-Луки, и убитъ на мѣстѣ. Запорожцы, бывшіе съ Дранымъ, успѣли, однако, спастись и засѣсть въ Бахмутскомъ городкѣ. Но тутъ на нихъ ударилъ бригадиръ Шидловскій и стѣснилъ со всѣхъ сторонъ. Терпя большое стѣсненіе отъ осады, запорожцы выказали Шидловскому готовность сложить передъ нимъ свое оружіе; но Шидловскій зажегъ городъ и истребилъ въ немъ всѣхъ до единого запорожцевъ: «Они сдавались намъ, однакъ въ томъ часѣ намъ не донесено, и они воспріяли по начинанію своему; въ томъ грѣхъ нашъ» ¹⁾.

Въ теченіе всего этого времени, т. е. съ 19 апрѣля и по 16 іюня, запорожскіе посланцы Ѳедоръ Довбня и Власъ Василенко съ 88 товарищами находились въ Москвѣ и состояли «подъ крѣпкою сторожею въ посольскомъ приказѣ». По обыкновенію имъ выдавалось содержаніе какъ на дорогу отъ города Сѣвска до Москвы, такъ и во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, т. е. вино, медъ, пиво, харчъ, свѣчи; кромѣ того жаловались деньги, кармазинъ, тафта, соболя, англійское сукно, а на отпускъ назначались люди и подводы. «По указу великого государя и по приговору въ ближней канцеляріи бояръ взято по докладной выпискѣ на дачу его великого государя жалованья тѣмъ посланцамъ, будущимъ на Москвѣ, противъ прежнихъ дачъ да остальымъ въ малороссійскихъ городахъ товарищемъ ихъ 27 чаловѣкамъ, запорожскимъ-же козакамъ ²⁾, на поденный кормъ и на иныя приказныя имъ дачи и на отпускъ, и на прогоны изъ приказа большой казны 1.728 рублей, 26 алтынъ и 2 деньги. Изъ тѣхъ взятыхъ на ихъ дачу денегъ доведется имъ дать на пріѣздъ на покупку харчи 6 рублей. По-денного корма по опредѣленному изъ ближней канцеляріи указу съ пріѣзда ихъ съ 19 числа апрѣля до его великого государя указу противъ прежнихъ дачъ съ убавкою за ихъ запорожцовъ отъ вора Булавина поступокъ его, что онъ былъ у нихъ въ Сичѣ, а они его не поймали» ³⁾.

Указъ на отправку жалованья всему войску запорожскому на-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, X, 248, 257; Брикнеръ Исторія Петра Великаго, СПб., 1882, II, 322.

²⁾ Они оставлены были при больныхъ и лошадяхъ въ городѣ Конотопѣ.

³⁾ Архивъ мив. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708. св. 28, № 32.

писанъ былъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ, 14 числа, и для доставки того жалованья на мѣсто назначены были дворянинъ Федосѣй Михайловъ Дуровъ да подъячій Михайло Второй, при чемъ войску, по обыкновенію, внушалось вѣрно и радѣтельно служить государю и быть попрежнему во всемъ послушнымъ вѣрному царскому подданному, гетману Ивану Степановичу Мазепѣ, доносить ему всякія вѣдомости и остерегать о всякихъ пограничныхъ случаяхъ¹⁾.

Августа 5 дня запорожцамъ доставлена была черезъ гетманскаго нарочнаго посланца другая царская грамота, въ которой изображено было то, что кошевой атаманъ со всемъ посольствомъ только на словахъ выражаетъ свою вѣрную службу царскому величеству, на дѣлѣ-же не постарался удержать своевольнаго запорожскаго товариства отъ соединенія съ погибшимъ уже воровъ и бунтовщикомъ Булавинымъ, вслѣдствіе чего былъ убитъ полковникъ сумской съ старшиною. И за то государь на войско запорожское низовое свой «гнѣвливыи опаль (опаль) и немилость полагаетъ»²⁾.

Отвѣствуя «маловажною отпискою на высокопочтеннѣйшую царского величества грамоту», кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко со всемъ запорожскимъ посольствомъ писалъ царскому пресвѣтлому величеству, что еще съ самаго начала бунта, поднятаго Булавинымъ въ городахъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, кошевой атаманъ съ старшиною войсковою, по вѣрной своей царскому величеству службѣ, не желая допустить товариства на то бунтовниче дѣло, писалъ до гетмана Мазепы и просилъ его учинить извѣстнымъ царскому величеству о желаніи запорожскаго войска идти противъ бунтовщика на военную службу. Но такъ какъ на такое предложеніе отъ гетмана не послѣдовало никакого отвѣта, то, по такой нуждѣ, нѣкоторые изъ сичевого товариства вольные люди, впрочемъ, въ маломъ числѣ, ушли до Булавина, взирая на городовыхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, которые, въ числѣ около 10.000 человекъ, явились на тѣ бунтовничьи булавинскіе замыслы. Они, эти городовые люди, всему аду виновники, увлекли и запорожцевъ и навлекли на войско царскіи

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

гнѣвъ и немилость. Нынѣ-же и сами, утративъ зачинщика всѣхъ злыхъ намѣреній и бунтовъ, отъ страха божія, въ ничто обратились. А кошевой атаманъ со всѣмъ посполствомъ какъ прежде вѣрною, радѣтельною, постоянною и усердною службою были царскому пресвѣтлому величеству угодны, такъ и нынѣ не перестаютъ служить вѣрно, не щадя своего здоровья и желая себѣ всеусердно отъ царскаго величества благопризрительнаго помилованія и прещедрой монаршей ласки ¹⁾.

Но нелегко было запорожцамъ заслужить царскую ласку послѣ участія ихъ въ Булавинскомъ бунтѣ. Тѣмъ болѣе, что въ это время и самъ гетманъ Мазепа обвинялъ ихъ въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Такъ октября 6 дня, того-же 1708 года, Иванъ Мазепа писалъ изъ обоза на рѣкѣ Деснѣ графу Гаврилъ Ивановичу Головину о томъ, будто-бы запорожцы, находясь въ партикулярной битвѣ со шведами, подѣ начальствомъ генераловъ русской службы Бауера и Инфлянта, самовольно оставили поле сраженія и ушли въ города, разглашая вездѣ, будто непріятель не только ихъ, но и всѣ великороссійскія войска разгромилъ. И хотя гетманъ посылалъ приказы изловить такихъ «непостоянныхъ» бѣглецовъ, вязать и отдавать ихъ подѣ арестъ, но никого изъ нихъ не поймали, потому что они, укрываясь отъ должной кары, разбѣжались кто въ Сичь, кто на ту сторону Днѣпра, кто въ рѣчки полевья. Гетманъ вообще предостерегалъ графа Головина, что во время войны русскихъ со шведами нужно всегда зорко слѣдить за войскомъ козаковъ запорожскихъ, потому что «отъ Сѣчи нечего быть безопаснымъ» ²⁾.

Но то былъ приѣмъ Макиавели, по которому Мазепа, уже давно замыслившій въ своей головѣ перейти на сторону шведскаго короля, показывалъ себя передъ русскимъ царемъ чистымъ, какъ кристаллъ, а запорожцевъ изображалъ скопищемъ всякихъ нечистотъ, хотя въ это-же самое время, и тѣмъ-же запорожцамъ показывалъ свою пріязнь и любовь и совѣтовалъ имъ отнюдь не вѣрить русскому царю. По показанію генеральнаго писаря Василія Кочубея, которому трудно въ этомъ случаѣ не вѣрить, гетманъ Мазепа предостерегалъ запорожцевъ въ отношеніи тайныхъ намѣреній рус-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22 № 4.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 165.

скаго царя, который хочет всѣхъ козаковъ «выщинить» (уничтожить) и самое имя ихъ искоренить. Бросивъ такое крылатое слово запорожцамъ, гетманъ, по словамъ Кочубея, нетерпѣливо ждалъ отъ нихъ возстанія противъ Москвы; а потому, когда разнеслась вѣсть о томъ, что запорожцы задумали, согласясь съ татарами, сдѣлать набѣгъ на слободскіе полки, то гетманъ, выражая нетерпѣніе, сказалъ, что если эти «нецнотливые сыны (недобрые сыны) имѣютъ что дѣлать, то ужъ дѣлали бы, а не разглашали и не р азнили бы» ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе царь Петръ Алексѣевичъ глубоко вѣрилъ въ искренность Мазепы, велѣлъ задержать, по навѣту гетмана, слѣдующее запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье, и только октября 27 дня, 1708 года, по письму князя Меншикова изъ-подъ Макошина, близъ Сосницы, неожиданно и къ невыразимому своему изумленію узналъ о невѣрности ему Мазепы. Мазепа, тщательно скрывавшій свои сношенія со шведскимъ королемъ, снялъ съ себя маску лишь тогда, когда Карлъ XII очутился вблизи границъ Малороссіи.

Наступленіе Карла XII на Россію началось еще съ половины 1708 года. Шведскій король составилъ себѣ смѣлый и рѣшительный планъ—разбить русскую армію, овладѣть столицей и подорвать въ корнѣ основу русскаго государства. Съ этою цѣлью главныя роли дѣйствующихъ лицъ шведской арміи распредѣлены были такимъ образомъ, что генераль Любекеръ получилъ приказаніе овладѣть Ингерманландіей, срыть Петербургъ и послѣ того идти къ Новгороду. Генераль Левенгауптъ долженъ былъ съ возможно-большимъ количествомъ запасовъ двигаться къ городу Могилеву, тамъ соединиться съ главными шведскими силами. Надъ главными-же силами командовалъ самъ Карлъ XII, который въ началѣ іюня мѣсяца перешелъ рѣку Березину, дошелъ до города Могилева, но Левенгаупта тамъ не нашелъ и двинулся дальше на Мстиславль и Старишки.

Русскіе нашли за лучшее отступать передъ сильнымъ врагомъ и довольствоваться пока мелкими стычками съ нимъ. Въ началѣ октября мѣсяца шведскій король былъ въ Костеничахъ на

¹⁾ Чтенія московск. общ. исторіи и древн., 1859; I; дѣло Кочубея, Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 106, 107.

рѣчкѣ Ипути, притокѣ Сожа, но и здѣсь все-таки не нашелъ генерала Левенгаупта.

Тѣмъ временемъ русскій царь Петръ Алексѣевичъ, воспользовавшись раздѣленіемъ шведскихъ войскъ, внезапно напалъ на генерала Левенгаупта и, сентября 29 дня, нанесъ шведамъ рѣшительное пораженіе между Старымъ Быховомъ и Пропойскомъ, у деревни Лѣсной, на рѣчкѣ Лѣснянкѣ, притокѣ Сожа. При царѣ Петрѣ были генералы Инфлянтъ, Бауеръ, фельдмаршалъ Шереметевъ и князь Меншиковъ. Разбитый Левенгауптъ спасся бѣгствомъ и только черезъ нѣсколько дней соединился съ Карломъ въ Раховѣ. Разгромивъ шведскій отрядъ у Лѣсной, царь Петръ Алексѣевичъ ушелъ по направленію къ Смоленску, а князя Меншикова съ кавалеріей послалъ въ Малороссію. Въ Малороссію-же направился и Карлъ XII, куда призывалъ его гетманъ Мазепа, рѣшившійся послѣ продолжительныхъ и тайныхъ сношеній со шведскимъ королемъ выступить противникомъ царя Петра. Карлъ XII прибылъ въ малороссійскій городъ Новгородъ-Сѣверскъ и оттуда уже готовился идти къ гетманской столицѣ Батурину. Но шведскаго короля предупредилъ князь Меншиковъ, который быстро овладѣлъ Батуриномъ и сжегъ его до основанія. Послѣ этого Карлъ XII, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, расположилъ свои войска на зимнія квартиры между Прилуками и Ромнами, Лохвицей и Гадячемъ. Русскій царь привелъ свою армию въ Лебединъ, посадилъ гарнизонъ въ Полтавѣ, Нѣжинѣ и Миргородѣ и тѣмъ самымъ окружилъ съ трехъ сторонъ своихъ враговъ. Такъ прошла вся зима. Съ наступленіемъ весны 1709 года Карлъ стянулъ свои войска поближе и расположился въ Опошнѣ, Рѣшетилковѣ и Великихъ-Будищахъ. Великія-Будища назначены были мѣстопробываніемъ самого короля. Въ свою очередь русскій начальникъ войскъ, графъ Шереметевъ подвинулся ближе къ шведамъ и въ маѣ мѣсяцѣ сосредоточилъ военныя силы въ городѣ Голтвѣ при впаденіи рѣчки Голты въ рѣку Пселъ, лѣвый притокъ Днѣпра. Главное начальствованіе надъ русскими войсками принадлежало князю Меншикову, который съ 1-го апрѣля до 1-го мая имѣлъ свое постоянное мѣстопробываніе въ городѣ Харьковѣ и оттуда, для наблюденія надъ театромъ военныхъ дѣйствій, или лично дѣлалъ разѣзды, или-же для того сносился съ графомъ Шереметевымъ черезъ посредство русскаго генерала Ренне, стоявшаго виже города Полтавы, на берегу Ворсклы. Самъ царь Петръ Алексѣевичъ въ теченіе всего этого

времени, съ 26-го октября 1708 года по 1-е июня 1709 года, находился въ разныхъ мѣстахъ: мѣстечкѣ Погребкахъ (близъ Сосницы), мѣстечкѣ Воронежѣ (близъ Глухова), Глуховѣ, Лебединѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ, Бѣлгородѣ, Азовѣ, Троицкомѣ, городѣ Воронежѣ и, наконецъ, въ станѣ подъ Полтавой ¹⁾.

¹⁾ Пузыревскій, Развитие постоянныхъ регулярныхъ армій въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго, СПБ., 1889, 297 — 302; Костомаровъ, Мазепа, СПБ., 1885, 501, 507, 525, 442, 449, 468, 473, 505.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Обращеніе царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ послѣ вѣдѣны Мазепы.—Выборъ новаго гетмана Скоропадскаго и извѣщеніе о томъ кошевому Гордіенку со стороны царя Петра.—Обращеніе Мазепы къ кошевому Гордіенку.—Отправка царскихъ посланцевъ къ запорожцамъ съ деньгами и милостивыми обѣщаніями.—Требованія, предъявленныя царю запорожцами.—Движеніе запорожцевъ къ Переволочѣ и соединеніе ихъ съ полковникомъ Нестуліемъ.—Рада въ Переволочѣ.—Разгромъ запорожцами русскихъ отрядовъ въ Кобелякахъ и Царичанкѣ и движеніе ихъ къ Диканькѣ.—Пиръ у Мазепы и движеніе запорожцевъ къ Будищамъ.—Условія договора между запорожцами, Мазепой и Карломъ XII.—Движеніе запорожцевъ отъ города Полтавы къ Соколку.—Наблюденіе за запорожцами со стороны кievскаго губернатора князя Голицына.—Мѣры царя для удержанія за собой малороссійскаго козачества и охраны лицъ, преданныхъ московскому правительству.

Какъ для царя Петра Алексѣевича, такъ и для запорожскихъ козаковъ переходъ гетмана Мазепы на сторону шведскаго короля былъ совершенною неожиданностью. Изъ запорожцевъ къ этому не былъ подготовленъ даже кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, открыто, неизмѣнно и постоянно высказывавшій свою глубокую ненависть ко всему тому, что носило названіе Москвы или что только напоминало ее. Гетманъ слишкомъ хитро и слишкомъ осторожно велъ задуманное имъ дѣло и ни единымъ словомъ не обмолвился о немъ передъ кѣмъ-бы то ни было изъ запорожцевъ. Напротивъ того, все время Мазепа выражалъ свое негодованіе на своевольныя дѣйствія запорожскаго войска, всегда изображалъ сичевыхъ козаковъ въ письмахъ царю зложелателями Москвы, невѣрными царю людьми, представлялъ ихъ измѣнниками, вѣтво-преступниками, достойными искорененія со всѣмъ ихъ гнѣздомъ и именемъ. Теперь-же гетманъ самъ оказался тѣмъ, чѣмъ онъ представлялъ все войско запорожское передъ русскимъ царемъ.

Гетманъ Мазепа—натура весьма сложная и потому трудно доступная для пониманія. Воспитанный и выросшій при дворѣ польскаго короля, извѣстнаго эпикурейца и любодѣя, Яна Казимира,

гдѣ господствовало тонкое, изысканно вѣжливое, съ виду вполне сердечное, въ дѣйствительности фальшивое и безсердечное къ людямъ отношеніе; находившійся потомъ долгое время при гетманѣ Дорошенкѣ, выдвинувшемъ идею объ отторженіи Малороссіи отъ Велико-россіи и объ отдачѣ ея Турціи; перешедшій отъ гетмана Дорошенка къ гетману Самойловичу, извѣстному гордецу, безмѣрному корыстолюбу и стяжателю, Мазепа пріобрѣлъ свѣтскій юскъ и латинское образованіе, усвоилъ польскій образъ мыслей; въ то-же время, имѣя кривую душу и лживое сердце, онъ могъ усвоить тонкое, но безсердечное и фальшивое къ людямъ отношеніе; могъ думать о возможности отторженія Малороссіи отъ Велико-россіи; могъ развить въ себѣ инстинктъ стяжанія и презрительнаго отношенія къ людямъ, и все это прикрывать наружнымъ благоче-стіемъ, кажущоюся преданностью своимъ патронамъ и благодѣ-телямъ, видимою во всемъ откровенностью, напускною веселостью и природнымъ юморомъ. Въ общемъ въ характерѣ Мазепы сочета-лись черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Мазепа видѣлъ, что Малороссія еще со времени гет-мана Богдана Хмельницкаго была въ постоянномъ шатаніи; что въ ней немало находилось людей, недовольныхъ правительствомъ Москвы и что сами властныя лица, присланныя отъ Москвы для управленія Малороссіей, вели себя далеко не всегда умѣренно и съ подобающимъ тактомъ. Видѣлъ Мазепа и то, какъ печальны были успѣхи русскаго царя въ первомъ столкновеніи его подъ Нарвой со шведскимъ королемъ. Онъ хорошо, наконецъ, былъ освѣдомленъ и о томъ, каковъ былъ шведскій король и какова была его слава какъ полководца. И старый гетманъ впалъ въ раздумье по поводу будущаго Малороссіи: какъ сохранить ему Украину на случай пораженія русскаго царя шведскимъ королемъ? А пораженіе такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранѣе войти въ тайныя сношенія со шведскимъ королемъ. Тогда только и именно черезъ шведскаго короля можно добиться для Украины независимыхъ правъ. И Мазепа рѣшился на такой страш-ный шагъ... Поэтому нѣтъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, которые характеризуютъ Мазепу только какъ чудовищнаго эгоиста и ненасытнаго честолюбца, совершенно за-бывавшаго ради личныхъ выгодъ и интересовъ положеніе управле-

маго имъ народа и будущее его родины. Вся бѣда для Мазепы состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Малороссію польскіе порядки и при управленіи Украиной старался брать за образецъ государственное устройство въ Польшѣ. Разъ ступивъ на такой ложный путь, Мазепа пошелъ дальше и, потерявъ вѣру въ осуществленіе своего идеала черезъ Польшу, пошелъ на встрѣчу шведскому королю. Мазепа находилъ себѣ сочувствіе въ томъ малороссійскомъ панствѣ, которое состояло частью изъ старой, православной шляхты, частью изъ козацкой старшины, стало складываться на Украинѣ еще со времени гетмана Богдана Хмельницкаго и особенно усилилось во время гетманства Самойловича и самого-же Мазепы. Правда, это панство стояло сперва за козацкія права и вольности противъ натиска со стороны Москвы, но потомъ, не успѣвъ сплотиться въ сильную политическую единицу и будучи подавлено Москвою, само пошло противъ козацкихъ правъ, т. е. противъ того, за что ратовала малороссійская чернь и запорожскіе козаки, и стала подбивать къ тому московскихъ на Украинѣ бояръ и воеводъ.

Какъ представитель польско-аристократическаго и бюрократическаго начала въ малороссійскомъ краѣ, Мазепа по необходимости встрѣчалъ страшную оппозицію со стороны запорожскаго войска, которое искони вѣковъ своего существованія считало себя хранителемъ народно-козацкихъ началъ не только въ одномъ Запорожьѣ, но и во всей Малороссіи. Отсюда вражда Мазепы къ запорожцамъ и запорожцевъ въ Мазепѣ. Но при уясненіи отношеній Мазепы къ запорожцамъ, нужно брать также во вниманіе и самое положеніе гетмана: находясь съ одной стороны подъ давленіемъ русскаго правительства, съ другой соприкасаясь постоянно съ Запорожьемъ, Мазепа по-истинѣ находился между двухъ огней, и если передъ царемъ злословилъ запорожцевъ, а передъ запорожцами хулилъ царя, то дѣлалъ это нерѣдко по необходимости и изъ политики, потому что всѣ обстоятельства складывались вокругъ него такъ, что онъ принужденъ былъ кивать то въ одну, то въ другую сторону. Трактую запорожцевъ передъ царемъ какъ измѣнниковъ, Мазепа едва-ли въ крайнемъ случаѣ рѣшился-бы на конечное искорененіе всего низоваго запорожскаго войска.

Явившись на историческую сцену Малороссіи въ самое шаткое время, Мазепа уже въ первые годы своего управленія могъ имѣть въ своемъ умѣ мысль объ отторженіи Малой Россіи отъ Великой,

въ особенности-же послѣ перваго столкновѣнія царя Петра съ королемъ Карломъ XII, и потому вѣтъ надобности начало его замысла относить ко времени знакомства съ польской княгиней Дальской. Страшно скрытный человекъ, уже разъ видѣвшій воочию смерть, когда былъ пойманъ въ степи запорожцами и представленъ на судъ передъ освирипѣвшимъ товариствомъ, но былъ спасенъ только заступничествомъ кошевого Сирка, Мазепа не могъ ни съ кѣмъ дѣлиться своими тайными мыслями. Да и съ кѣмъ было дѣлиться? Былъ въ Запорожьи кошевой атаманъ Гордіенко, страшный ненавистникъ Москвы. Но онъ слишкомъ открыто дѣйствовалъ. Гордіенко былъ человекъ передовой, по своимъ убѣжденіямъ—горячій патриотъ и чистый народникъ. Онъ не любилъ Москвы. Не любилъ, можетъ быть, потому, что родился вдали отъ нея, но вмѣстѣ не любилъ и Польши. Идеалы Гордіенка были таковы: для Запорожья онъ хотѣлъ устранить всякое вмѣшательство со стороны Москвы во внутреннія дѣла Коша и такъ или иначе удержать за войскомъ такъ называемыя козацкія права и вольности, а въ Малороссіи онъ желалъ видѣть народное козацкое правленіе, но безъ участія мѣстнаго панства и приплага боярства. Поэтому ему ненавистенъ былъ гетманъ Мазепа съ его полупольскими порядками въ Малороссіи; ненавистны были и тѣ малороссійскіе паны, которые играли въ руку Москвы. И когда Мазепа поднялся противъ царя, то Гордіенко по неволѣ примкнулъ къ нему и по неволѣ сталъ дѣйствовать съ нимъ заодно. Политическій идеалъ Мазепы былъ иной, и для достиженія его онъ шелъ кривымъ путемъ; оттого запорожцы и называли его «хитрый лисъ и макиавель». При всемъ томъ тѣ-же запорожцы и малороссіяне считали Мазепу недожизненнымъ человекомъ, и не даромъ о немъ сложилась пословица «отъ Богдана до Ивана не було гетьмана».

Но другое дѣло: вѣрны-ли были расчеты Мазепы? То-есть, оцѣнилъ-ли онъ по достоинству царя Петра? Понялъ-ли онъ, куда именно пойдетъ народная малороссійская масса, пойдетъ-ли она противъ русскаго царя и станетъ подъ знамена иновѣрнаго короля или-же отвергнетъ приплага короля и потянется къ «природному» царю? Мазепа не оцѣнилъ царя Петра; онъ, повидимому, не углублялся въ теченіе всей исторіи малороссійскаго народа; онъ не понималъ истинныхъ идеаловъ простой народной малороссійской массы. Вся исторія Малой Россіи работала на соединеніе съ Великой и въ общемъ вся простая масса тянула къ московскому царю.

Въ особенности это видно изъ всей исторіи Запорожья: какъ ни враждебно выступали запорожцы противъ русскаго правительства, когда поднимался вопросъ о защитѣ козацкихъ вольностей отъ посягательства со стороны Москвы, какъ ни строго берегли они завіѣтные, чисто народные идеалы своихъ предковъ; но все-же и при всемъ этомъ масса запорожскаго войска хотѣла оставаться за Россіей и ни какъ ни за Польшей, а тѣмъ болѣе за Турціей. Турція—для запорожцевъ страна бусурманская, Польша страна панская, и запорожцамъ не приходилось дружить ни съ ненавистными бусурманами, ни съ чванливыми и надутыми панами. Запорожцамъ всегда легче чувствовалось въ мужицкой Россіи, чѣмъ въ аристократической Польшѣ, гдѣ всякій батракъ мнилъ себя паномъ, гдѣ сословные предрасудки и строгая кастичность играли и не перестаютъ до сихъ поръ играть огромной роли. Да и какой интересъ могло представить собой то государство, противъ котораго самими-же гражданамъ его приходилось поднимать оружіе на защиту своихъ человѣческихъ правъ, какъ поднимали казаки противъ правительства Рѣчи Посполитой?

Идеаломъ простой козацкой массы было сохранить вольности предковъ, но подъ верховенствомъ «добраго и чадолюбиваго монарха русскаго». И въ сущности, на здравый умъ простого человѣка запорожскаго званія, иначе и быть не могло: занимая открытыя и ничѣмъ незащищенныя степи, запорожцы не могли и думать о томъ, чтобы держаться независимо отъ Россіи, Турціи и Польши. Другое дѣло, если-бы они занимали мало доступныя или вовсе недоступныя мѣста, какъ Крымъ или Кавказъ. Тогда сама природа подсказала - бы имъ дѣйствовать иначе; тогда изъ Запорожья могла бы выдти своего рода Черногорія. Но какъ этого не было, то запорожцы должны были склониться къ одной изъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ, и въ этомъ случаѣ они, исповѣдая православную вѣру и считая себя однимъ народомъ съ великорусскимъ, тянулись къ русскому царю и въ немъ видѣли залогъ историческаго бытія своего. Думать иначе могли только немногіе изъ запорожскаго войска. Но такія лица или воспитались въ Польшѣ или заражены были польскимъ духомъ. Таковъ былъ и самъ Мазепа, который, обладая несомнѣнно умомъ государственнаго человѣка, по своимъ симпатіямъ и по всѣмъ своимъ замашкамъ былъ болѣе полякъ, нежели малороссіянинъ и игралъ скорѣе въ руку Польши, чѣмъ Россіи. Отъ того онъ не зналъ истиннаго духа

малороссіянъ, и въ этомъ его главнѣйшая ошибка: свернуть массу съ протореннаго ею историческаго пути не могутъ даже гениальные люди, а тѣмъ менѣе люди посредственныхъ умовъ и дарованій.

Что касается запорожцевъ, то «измѣна» ихъ русскому царю произошла вовсе не по ихъ винѣ и была исторически подготовлена тѣми обстоятельствами, въ какія Запорожье было поставлено послѣ соединенія съ Великой Россіей. Съ самаго момента соединенія Запорожья съ Великой Россіей запорожцы всегда были на сторонѣ московскаго царя. Раньше всего они выступили противъ гетмана Виговскаго, который уже въ 1657 году хотѣлъ помириться съ Польшей и отторгнуться отъ Россіи: «Ежели такъ учинити мѣте непременно, то вѣдайте зачасу, ижъ (что) мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей послѣдовати не будемъ и титулу измѣнническаго на славное имя наше наволѣвати не хоцемъ» ¹⁾. Съ такою-же твердостью стояло запорожское войско за московскаго царя въ гетманство злосчастнаго Юрія Хмельницкаго и въ гетманство Якима Сомка. Такъ, въ 1663 году запорожцы писали «несмачный листъ» гетману Юрію Хмельницкому и отступление его отъ православнаго монарха назвали неизгѣчимымъ «шаленствомъ» ²⁾. Еще большую твердость выказали запорожцы въ то время, когда на правой сторонѣ Днѣпра объявленъ былъ гетманомъ Петро Дорошенко (съ 1665 года), составившій планъ объ отторженіи Малороссіи отъ Великороссіи и объ отдачѣ ея Турціи. Запорожцы называли Дорошенка Іудинимъ товарищемъ, постоянно укоряли его за союзъ съ Турціей и Крымомъ и не разъ «спильно» просили прекратить пролитіе крови христіанской и разореніе матки-отчизны, отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ и пристать къ христіанскому государю. И Гетманъ Дорошенко, въ концѣ концовъ убѣжденный доводами кошевого Сирка, присягнувъ за вѣрность русскому царю ³⁾. Запорожцы пребыли вѣрными русскому царю и во время второго похода турокъ подъ Чигиринъ въ 1678 году. Они помогали князю Василю Голицыну во время его походовъ на Крымъ; принимали участіе въ азовскихъ походахъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 811.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 80—85.

³⁾ Величко, Кіевъ, 1851, II, 224, 343 — 346; Акты, XII, 441 — 446, 493—498.

молодого царя Петра и выказали мужество при взятіи турецких крѣпостей Тавани и Кызыкермена на Днѣпрѣ. Запорожцы оставались вѣрными Москвѣ даже въ то время, когда противъ московскихъ городовъ поднялся самъ крымскій ханъ, подстрекаемый къ тому и обнадѣженный горячимъ малороссійскимъ патріотомъ Петрикомъ. Наконецъ запорожцы съ 1700 по 1709 годъ принимали участіе и въ великой сѣверной войнѣ русскихъ противъ шведскаго короля.

Такимъ образомъ вся предшествовавшая до 1708 года исторія запорожскихъ козаковъ показала, что они, говоря вообще и исключая нѣкоторые единичные случаи, никогда не были сепаратистами въ политическомъ отношеніи. Не будучи сепаратистами, запорожцы, напротивъ того, были панславистами и въ этомъ случаѣ «голопузые» рыцари опередили и взглядами и дѣйствіями своихъ современниковъ на 200—250 лѣтъ впередъ: принимая къ себѣ въ Сичу и сербовъ, и волоховъ, и ляховъ, и черногорцевъ, они какъ-бы самымъ дѣломъ говорили, что сила всѣхъ славянъ въ полномъ единеніи между собою и въ противопоставленіи себя всему неславянскому міру.

При всемъ томъ, держась стороны московскаго царя, запорожцы, однако-же, требовали, чтобы Москва «держала въ захованьи» ихъ предковѣчныя права и вольности и твердо вѣрили, что русскіе монархи не поднимутъ на тѣ вольности рукъ своихъ. На томъ именно состоялось и соединеніе Малороссіи и Запорожья съ Москвой: «Царское величество будетъ содержать малороссіянъ по ихъ правамъ и вольностямъ и царскаго величества слово премѣно не будетъ»²⁾. Давъ такое обѣщаніе, московское правительство скоро, однако, отступило отъ него. Русское государство росло и ширилось, и по мѣрѣ такого роста развивалась его централизація въ ущербъ развитію окраинъ. Малороссія составляла окраину московскаго государства и должна была почувствовать на себѣ воздѣйствіе его. Уже въ 1659 году изъ Москвы въ пять малороссійскихъ городовъ посланы были русскіе воеводы. Спустя шесть лѣтъ число воеводскихъ городовъ въ Малороссіи было увеличено и самая власть воеводъ расширена. Самая Малороссія была раздѣлена, по состоявшемуся русско-польскому миру, въ Андрусовѣ, на двѣ половины между Россіей и Польшей. Это была первая причина, вслѣдствіе

²⁾ Акты, VI, 190—191, 231, 282; Величко, I, 387, 390.

которой запорожцы стали выказывать въ отношеніи Москвы «шатость». Такъ, въ это время запорожцы привели бунтъ въ Малороссіи и истребили нѣсколькихъ русскихъ воеводъ. Въ это-же время они убили у себя русскаго посла Ладыженскаго, когда узнали, что безъ ихъ воли и безъ вѣдома вся Малороссія подѣлена была между Россіей и Польшей. Запорожцы никогда не отдѣлялись, да и не могли отдѣлаться, себя отъ украинцевъ и, твердо стоя за свои войсковыя вольности, вмѣстѣ съ этимъ стояли за цѣлость всей Украины, за вольность городовыхъ козаковъ и за благо малороссійской черни. Нельзя отвергать того, что по временамъ запорожцы переходили границы укрѣпленности и давали слишкомъ большой просторъ своимъ страстямъ. Но не слѣдуетъ забывать и того, что въ Запорожьи, вслѣдствіе постоянной смѣны состава войска и вслѣдствіе свободнаго входа въ Сичъ и выхода изъ нея людей всякаго званія, проживали, рядомъ съ людьми вполне «поважными» всякіе «проедисвиты», которые разжигали при случаѣ бурныя страсти молодыхъ козаковъ, и навлекали на Запорожье справедливый гнѣвъ со стороны московскихъ царей. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становилось малороссійскимъ козакамъ и черни на Украинѣ. Особенно это сказалося въ гетманство Самойловича и Мазепы. И тотъ и другой шли въ разрѣзъ съ требованіями народной массы: при нихъ власть московскихъ воеводъ на Украинѣ все болѣе и болѣе расширялась, мѣстная старшина поработчала и козаковъ и простую чернь, простые канцеляристы получали грамоты на владѣніе маествостями и на обладаніе людьми, подати и всякіе сборы повсемѣстно увеличивались и вызывали ропотъ со всѣхъ сторонъ. Въ это-же время, а именно въ гетманство Самойловича и Мазепы, положено было начало дворянства въ Малороссіи; взяты были мѣры противъ перехода простыхъ людей въ казаки; упрощенъ былъ переходъ козаковъ, не хотѣвшихъ нести военной службы, въ посполитое сословіе. По всему этому имена Самойловича и особенно Мазепы стали произноситься на Украинѣ съ омерзѣніемъ. Не находя никакого исхода, малороссійскій народъ толпами бѣжалъ изъ городовъ и селеній на Запорожье и совѣщался съ сичевымъ товариществомъ, какъ быть, чтобы ввести новыя «справы» въ Гетманщинѣ. И не разъ запорожцы вступали по этому поводу въ переписку съ Самойловичемъ и съ Мазепой и дѣлали имъ различныя угрозы. Но оба гетмана были сильны покровительствомъ со стороны Москвы, которая позволяла имъ охранять свою особу татарами или такъ называемыми компанѣй-

цами или же присылала въ ихъ распоряженіе русскіе отряды стрѣльцовъ. Оба гетмана поставляли себѣ задачей, такъ или иначе, смирить Запорожье. Для этого они хотѣли поставить на границѣ Гетманщины и Запорожья постоянныя царскія войска, чтобы прекратить сношенія украинскихъ козаковъ съ запорожскими и держать въ своихъ рукахъ привозъ хлѣба въ Сичу. Но когда эта мѣра не удалась, то рѣшено было построить, при самомъ входѣ въ Запорожье, московскія крѣпости. Съ этою цѣлью возведены были такъ называемыя самарскіе городки, Новобогородицкій и Новосергіевскій, а потомъ построены были Каменный-Затонъ. Последній въ виду самой Сичи. Какъ раньше того Польша, построивши у перваго порога крѣпость Кодакъ, хотѣла смирить тѣмъ низовыхъ козаковъ, такъ теперь Москва, возведя собственные городки, имѣла явное намѣреніе прибрать къ своимъ рукамъ Запорожье съ его гнѣздомъ. Запорожцы, сколько могли, противились этому и то открыто возставали противъ такого натиска со стороны Москвы и ненавистныхъ имъ гетмановъ, то, имѣя противъ себя соединенныя царскія и гетманскія силы, временно смирились, затаивъ въ себѣ страшную ненависть противъ небывалыхъ порядковъ на Украинѣ и въ Запорожьи. Но вотъ насталъ 1708 годъ. Въ Малороссію вошелъ съ полками шведскій король, Карлъ XII. На сторону шведскаго короля открыто перешелъ гетманъ Мазепа. И тутъ для запорожцевъ настало счастливое время, когда они могли открыто выказать всю свою ненависть къ Москвѣ. И что-же? Запорожцы далеко не сразу и далеко не всѣ пошли на призывъ гетмана и короля. Пошли только немногіе да и то подъ вліяніемъ кошевого Гордіенка; простая же масса много разъ колебалась, прежде чѣмъ послѣдовать за гетманомъ и королемъ. И если-бы не щедрыя обѣщанія Карла XII, не подарки со стороны Мазепы, не настойчивость Гордіенка, то едва-ли бы запорожское товариство, въ общей массѣ, рѣшилось на войну съ русскимъ царемъ.

Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ запорожцы стояли за свою вольности мужественно, вели свою линію открыто и не лукавили такъ, какъ лукавилъ гетманъ Мазепа, извиваясь съ одной стороны между запорожцами и русскимъ царемъ, съ другой между шведскимъ и польскимъ королемъ. Въ то время, когда гетманъ Мазепа, выступивши въ качествѣ безкорыстнаго патріота Малороссіи, выговорилъ для себя у польскаго короля титулъ князя Бѣлой Руси, запорожцы не думали ни о какихъ «приватныхъ» выгодахъ, а

радѣли единственно о благѣ «матки-отчины». И тогда, какъ душа Мазепы представлялась таковой темной и загадочной, въ это-же время душа Гордіенка казалась вполне прозрачной: Гордіенко открыто выказывалъ свое нерасположеніе къ Москвѣ и открыто въ этомъ духѣ дѣйствовалъ.

Какъ-бы то ни было, но царь Петръ Алексѣевичъ, получивъ неожиданную и негаданную вѣсть о переходѣ гетмана Мазепы на сторону шведскаго короля Карла XII, поставилъ себѣ задачей, во что-бы то ни стало, склонить запорожскихъ козаковъ на свою сторону и отвлечь ихъ отъ союза со шведами. Царь хорошо зналъ, что значило Запорожье для всего малороссійскаго народа. Малороссійская масса всегда обращала свои взоры къ Запорожью, къ голосу запорожцевъ чутко прислушивались какъ простые козаки, такъ и вся малороссійская чернь. Для всякаго малороссіянина настроеніе запорожскаго войска въ извѣстную минуту имѣло рѣшающее значеніе, и куда шли низовые рыцари, туда тянуло и малороссійское посольство. Оно и понятно: Запорожье всегда имѣло глубокое значеніе во всей внутренней жизни южнорусскаго народа и его внѣшнихъ отношеній; оно было отпечаткомъ его завѣтныхъ стремленій, хранителемъ его политическихъ и общественныхъ идеаловъ и всегда служило для южно-русскаго народа живымъ предвозвѣстникомъ свободы и равенства, мужества и храбрости, живымъ протестомъ противъ насилія и рабства. На Запорожье всегда опирались въ критическіе моменты величайшіе изъ малороссійскихъ дѣятелей. Запорожье, наконецъ, всегда было ядромъ военныхъ силъ всего южно-русскаго народа.

Понимая все это лучше, чѣмъ кто другой, царь Петръ Алексѣевичъ уже тотчасъ послѣ полученія отъ князя Меншикова извѣстія написалъ въ Сичь, октября 30 дня, 1708 года, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, грамоту, въ которой увѣщевалъ запорожцевъ пребыть вѣрнымъ русскому престолу и православной вѣрѣ, за что обѣщалъ «умножить» къ нимъ свою милость, которой они раньше того были лишены вслѣдствіе навѣтовъ на нихъ со стороны коварнаго Мазепы, обвинявшаго ихъ въ невѣрности русскому престолу.

«Божіею поспѣшествующею милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя царя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича

и государя и обладателя нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Костянтину Гордѣнну и всему посольству наше царского величества милостивое слово. Объявляемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, что гетманъ войска нашего запорожского Мазепа, забывъ страхъ божій и присягу свою къ намъ и отвергнувся благочестія, измѣнилъ намъ, великому государю, хотя весь малороссійскій народъ и землю отдать еретикомъ (-амъ) шведамъ и подъ его поляковъ и церкви святыя и монастыри православныя превратить въ римскую и униацкую вѣру, переѣхалъ къ шведскому королю, обманувъ генеральную старшину и трехъ полковниковъ, съ нѣкоторыми немногими изъ кампанскихъ полковъ, будто онъ идетъ по нашему царского величества указу за Десну противъ шведскаго войска и когда ихъ привелъ къ шведамъ, то, по учиненному съ ними уже договору, велѣлъ ихъ окружить тѣмъ шведамъ и потомъ объявилъ свое измѣнниче намѣреніе и отдалъ тако въ руки непріятельскіе, хотя изъ оныхъ ча... мало кто, кромѣ самыхъ единомышленниковъ его, сіе проклятое его намѣреніе вѣдали, изъ которыхъ отъ него отданныхъ уже многіе вѣрные къ сторонѣ нашей паки возвращаются. И понеже мы, яко оборонитель всего малороссійскаго краю, по христьянской должности, стараніе имѣемъ, дабы малороссійскій народъ и землю въ порабощеніе еретикомъ шведамъ и подъ его поляковъ не отдать и ни до какого разоренія не допустить, того ради выдали ко всѣмъ полковникомъ и старшинѣ и всему войску запорожскому наши указы, дабы отъ прелести сего богоотступника и измѣнника Мазепы остерегались и онаго не слушали, но съѣзжались бы вся старшина къ Глухову на избраніе новаго гетмана, того ради тожь и вамъ, вѣрнымъ своимъ подданнымъ, объявляемъ и желаемъ отъ васъ войска нашего запорожского низового, дабы вы, яко ревнители о благочестіи и правахъ и волностяхъ своихъ на прелести его, измѣнника Мазепы, не смотрѣли и ко оному отнюдь не приставали и его не слушали, но за церкви и монастыри святые благочестивые, дабы оныя не были превращены по намѣренію того измѣнника Мазепы въ римскую и униацкую вѣру и чтобъ малороссійской край не былъ отданъ подъ польское и шведское ярмо и права и волности ваши не были нарушены и стояли-бъ противъ онаго непріятели за вѣру православную и за отчизну свою со всякимъ усердіемъ и пребывали къ намъ, великому государю, въ прежней своей вѣрности и прислали-бъ отъ

себя съ Кошу на обраніе нового гетмана волными голоса по правамъ и волностямъ войска запорожского изъ старшинъ и знатного товариства, сколько человекъ пристойно, къ Глухову, а за вѣрную вашу къ намъ, великому государю, службу милость наша отъ васъ, войска запорожского низового, никогда отъемлема не будетъ, понеже хотя намъ тотъ проклятой измѣнникъ, бывшій гетманъ Мазепа, на васъ, войско запорожское низовое, ложныя свои клеветы непрестанно наносилъ, объявляя на васъ, будто вы намъ невѣрны и для того, не зная его злости и измѣны, посланные отъ васъ къ Москвѣ съ челобитьемъ о жалованьѣ, по его письмамъ, были нѣсколько времени задержаны, но нынѣ, видя вашу къ намъ, великому государю, вѣрную службу и что тѣ клеветы отъ него, вора и измѣнника Мазепы, были на васъ, вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, нанесены напрасно и милость наша къ вамъ за вѣрныя ваши и постоянныя службы будетъ умножена, въ чемъ-бы вамъ на нашу великого государя милость быть благонадежнымъ. Дана сія наша царского величества грамота въ обоѣ при Деснѣ за подписаніемъ власныя наше руки октября въ 30 день 1708 году. Царь Петръ» (собственноручно .¹⁾).

Отправивъ къ запорожскимъ козакамъ такую грамоту, царь Петръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ новаго гетмана Малороссіи и для этого велѣлъ собрать въ городъ Глуховъ генеральную старшину, оставшуюся вѣрною русскому царю, и открыть всеобщую раду.

Рада была собрана ноября 6 дня, въ присутствіи князя Григорія Федоровича Долгорукаго, и на ней объявленъ былъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра стародубовскій полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій.

Царь увѣдомилъ объ этомъ запорожцевъ новою грамотой (отъ 12 ноября), посланною въ Сичъ черезъ стольника Гаврила Бисленскаго, и въ ней внушалъ запорожцамъ не слушать «прелестей» Мазепы, твердо стоять за православную вѣру и своего великого государя, быть въ послушаніи новому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, о чемъ онъ будетъ, по указамъ государевымъ, писать войску. За такое послушаніе будетъ послано войску

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла: 1708, св. 26, № 131. Эта-же грамота приведена у Голицына (Дополненіе къ дѣланіямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 149), но и неполно и далеко неточно.

царскаго жалованья «на каждый курень по 1.500 золотыхъ украинскихъ на каждый годъ сверхъ прежняго настоящаго годового жалованья». А за тѣмъ жалованьемъ прислать-бы войску къ великому государю въ военный походъ посланцевъ, черезъ которыхъ оно будетъ прислано немедленно, а сами посланцы не мѣшкавъ будутъ отпущены въ Сичу. Въ доказательство того, по указу великаго государя, отпускаются въ Кошъ 14 человекъ запорожцевъ, которые были задержаны измѣнникомъ Мазепой и до сихъ поръ были лишены свободы; изъ нихъ двухъ, которымъ пожаловано царское жалованье, государь отпускаетъ, вмѣстѣ съ стольникомъ Кисленскимъ, въ Сичу ¹⁾).

Грамоту повезли царскіе стольники Гавриль Кисленскій и Григорій Теплицкій; вмѣстѣ съ грамотой они везли денегъ 500 червонцевъ для кошевого атамана, 2.000 для старшины и 12.000 для куренныхъ. Черезъ тѣхъ-же посланцевъ обѣщано было, въ знакъ особой царской милости, прислать запорожцамъ войсковые клейноты—знамя, бунчукъ, литавры и трости—кошевому атаману и войсковому судѣ ²⁾). Одновременно съ царскими стольниками отправлены были отъ гетмана Скоропадскаго лубенскій сотникъ Василій Савичъ и отъ кievскаго митрополита архимандритъ Межигорскаго монастыря Ирадіонъ Жураховскій.

Царскихъ и гетманскихъ пословъ, по войсковому обычаю, приняла въ Сичѣ «благодарно», стрѣляли въ честь ихъ изъ ружей и пушекъ, но во время открывшейся всеобщей войсковой рады въ Сичѣ образовались двѣ партіи: партія старыхъ, опытныхъ козаковъ, и партія молодыхъ, горячихъ головъ. Первая партія стояла на законной почвѣ и совѣтовала всѣмъ твердо держаться русскаго царя. Первая партія на нѣкоторое время взяла верхъ надъ другою и заставила козаковъ отправить къ Мазепѣ, не называя его никакими титулами, письмо, въ которомъ запорожцы, именуя себя войскомъ его царскаго пресвѣтлаго величества, объявляли, что они готовы стоять за русскаго царя и за весь малороссійскій народъ противъ ворвавшихся на Украину иноплеменныхъ людей и спрашивали гетмана, каково было намѣреніе шведскаго короля,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 26, № 188.

²⁾ Суденко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 104. Шведскій историкъ Нордбергъ говоритъ, что царь послалъ запорожцамъ 60.000 флориновъ,—и они за то обѣщали быть вполне нейтральными: *Histoire de Charles XII, à la Haye, M. DCCXZVIII, II, 288.*

приблизившагося къ ихъ границамъ, т. е. не имѣеть-ли онъ намѣренія разрушить всё ихъ города, какъ онъ уже и началъ это дѣлать. Но противъ старыхъ козаковъ выступила молодежь, которую руководилъ кошевой атаманъ Гордіенко, фанатически ненавидѣвшій все исходившее отъ Москвы и отъ московскаго царя. Сила оказалась на сторонѣ молодыхъ козаковъ и кошевого Гордіенка, и тогда запорожцы отобрали у прибывшихъ въ Сичь царскихъ пословъ деньги, а самихъ стали безчестить и ругать: архимандрита Межигорскаго монастыря Жураховскаго называли шпѣгомъ, т. е. шпіономъ, и грозили сжечь его въ смоляной бочкѣ, а другихъ грозились убить или въ водѣ потопить¹⁾. Обезчестивъ такимъ образомъ пословъ, запорожцы въ отвѣтъ на грамоту царя написали письмо и въ немъ, «не щадя государя за прежнія его къ нимъ враждебныя отношенія, чиня досадительныя укоризны и угрозы, многіе неприличныя запросы, съ нареканіемъ и безчестіемъ на самую высочайшую особу царя»²⁾, предъявили къ нему слѣдующія требованія: 1) чтобы всёмъ малороссійскимъ полковникамъ не быть, а быть-бы на Украйнѣ вольницѣ, какъ и въ Сичи. 2) Чтобы всё мельницы по рѣчкамъ Ворсклѣ и Пселу, а также перевозки черезъ Днѣпръ у Переволочны запорожцамъ отдать. 3) Чтобы всё царскіе городки на Самарѣ и на лѣвомъ берегу Днѣпра у Каменнаго Затона срыть³⁾.

Въ Сичи царскій стольникъ Кисленскій нашелъ одного козака, бывшаго мѣщанина города Сосницы, черниговскаго полка, Ивана Григорьева Яжборскаго, который тайно подавалъ стольнику «въдомости о злыхъ намѣреніяхъ» кошевого атамана и прочихъ старшинъ, хотѣвшихъ убить царскаго посла, и далъ обѣщаніе при отъѣздѣ Кисленскаго изъ Сичи доносить ему о всѣхъ замыслахъ запорожцевъ въ войско царскаго величества⁴⁾.

Въ то время, когда царь Петръ Алексѣевичъ такъ хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ запорожскаго войска, въ это-же время и о томъ-же самомъ хлопоталъ и гетманъ Мазепа. Онъ отправилъ въ Сичь «знатную особу» съ универсаломъ и съ листомъ для всего запорожскаго низоваго войска. Въ универсалѣ Мазепа из-

¹⁾ Чтенія москв. общества исторіи и древн., 1848, № 8, 21, № 6, 44.

²⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 294.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 814.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18.

вѣщагь славныхъ молодцовъ о томъ, что передался на сторону шведскаго короля съ тою цѣлью, чтобы защищать Украину отъ тиранніи московскаго царя, который не разъ говорилъ ему, Мазепѣ, что сдѣлаеть все, чтобы истребить войско запорожскихъ козаковъ, это скопище, на его языкѣ, воровъ и негодяевъ. Гетманъ отлично знаетъ, что москали, отступая передъ шведскимъ королемъ, сами завлекли его на Украину; но его величество, шведскій король, не имѣеть никакого дурного намѣренія относительно запорожскаго войска. Запорожцы должны воспользоваться такимъ счастливейшимъ случаемъ, свергнуть съ себя иго московское и сдѣлаться навсегда народомъ свободнымъ. По всему этому гетманъ совѣтуетъ запорожцамъ разорить крѣпости Каменный-Затонъ и Самарскіе городки ¹⁾.

Независимо отъ посылки въ Сячь «знатной особы» Мазепа вступилъ въ тайную переписку съ Кошемъ черезъ «писаря войска запорожскаго низоваго кошового», Григорія Рогудю. Самъ-же Рогудя отсылалъ свои листы журавскому сотнику Демьяну Янубовичу, котораго просилъ «доложить ясневѣлможному о семъ, якъ будутъ до Сѣчи послы отъ наяснѣйшихъ милостей, королей шведскаго и польскаго посылати, то щобъ писма поруску писали для наше невѣстности и для войскового лѣтвѣйшого вировумленья» ²⁾.

Запорожцы, получивъ гетманскій листъ, не сразу, однако, согласились принять предложеніе Мазепы и выставили ему нѣсколько условій, изложивъ ихъ въ обстоятельномъ къ нему собственномъ письмѣ.

«Присланный отъ вашей велможности панской до насъ, войска запорожскаго низоваго, особа подалъ намъ на Кошгъ обширно выписанный вапгъ рейментарскій универсалъ. Все, что выражено въ немъ, прочитано было нами въ общей войсковой радѣ нашей и все то намъ, войску запорожскому, вѣдомо есть. При томъ обширномъ рейментарскомъ универсалѣ вашемъ мы получили и особенный листъ велможности вашей, изображающій вражду и злость

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 21.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 92. Григорій Рогудя въ это-же время, 1708 года) (въ ноябрѣ писалъ письмо войсковому канцелярису Самойлу Величко по поводу покупки для Величка коня. Повидимому Самойло Величко одно лицо съ известнымъ Величкомъ, авторомъ четырехтомной малороссійской лѣтописи: Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣл., 1708, св. 25, № 92.

московскую. Та злость издавна на отчизну матку нашу, дабы захватить ее во власть и обладаніе, хитро умышляетъ, захвативши же, въ городахъ украинскихъ людей своихъ посадить желаетъ, а нашимъ людямъ малороссійскимъ, несносныя и нестерпимыя здрѣства и грабительства причинивши, въ Московщину на вѣчное тяжкое и невольное мордерство ¹⁾ старается загнати... Такимъ образомъ для того, чтобы не запропасть отчизны и не отдать ее въ рабство и вѣчное невольничье обладаніе московской ненасытности, а также для того, чтобы сохранить всю ея цѣлость отъ той-же московской повадки, разсудили и усмотрѣли, велможность ваша панская, съ общаго согласія и полного совѣта съ генеральными особами, полковниками и иною войсковою старшиною, отдаться подъ протекцію, опеку и оборону наяснѣйшихъ королей ихъ милостей, шведского и полского, которые, якъ пишете въ листѣ своемъ панскомъ, прирекли своимъ королевскимъ словомъ, подтвердили христіанскою совѣстью и своими завѣрителными писмами, не только освободить отъ московскаго тиранскаго ярма войско запорожское и народъ малороссійскій, но и сохранить его при стародавнихъ правахъ и волностяхъ. Обнадежившись и увѣрившись названными словами наяснѣйшихъ королей, ихъ милостей, шведского и полского, вы пишете, ваша велможность, и до насъ войска запорожского низового, обязывая своимъ вѣрнымъ усердіемъ, чтобы мы, какъ сыны православной апостолской церкви, щиро и усердно постояли за милую отчизну матку нашу и для обороны и защиты ея собирались до велможности вашей, постаравшись искоренить находящіяся близъ Сѣчи Каменный-Затонъ и Самарскіе городки. На это мы, кошевой атаманъ и все войско запорожское низовое, симъ листомъ нашимъ войсковымъ объявляемъ, что въ настоящее время, въ виду того, что очень мало войска на Кошѣ и безъ него не можетъ быть общей войсковою рады, мы отправили нарочно на Низъ посланного нашего, чтобы все войско собралось до Сичи и вмѣстѣ сошло къ предстоящему празднику святителя Христова Николая. Мы просимъ и желаемъ, чтобы къ тому дню, къ празднику святителя Христова Николая (6 декабря), присланы были особы отъ наяснѣйшихъ королей ихъ милостей шведского и полского и отъ велможности вашей для словесной совершенной умовы (договора) и доскональныхъ прогиво-

¹⁾ То-есть мученіе или смертоубійство.

ровъ войсковыхъ, потому что мы, войско запорожское, отдалившись отъ царя московскаго, желаемъ знать, подѣ кѣмъ будемъ жить и кого себѣ за верховнѣйшаго пана имѣть и чтобы намъ права и волности и клейноты войсковыя и иныя дачи получить, какъ за давнихъ королей полскихъ войско имѣло у себя...; а также, чтобы намъ словесно пристойно и обширно говорити и на одномъ постановити, дабы было за что намъ, войску запорожскому, службы свои ранити въ працахъ войсковыхъ и случаяхъ военныхъ. При этомъ докладываемъ велможности вашей и о томъ, что въ сосѣдствѣ съ нами находятся крымскіе городки и какая отъ васъ увага будетъ съ ними поступити и обойтись; о Каменно-Затонѣ извѣщаемъ, что мы не можемъ его безъ помощи искоренити: благоволите, велможность ваша, прислать намъ на помощь войска военного и тогда мы, атаманъ кошовый съ войскомъ, избывши сіи городки на гнѣздо наше, скоро поспѣшимъ до обозовъ вашихъ, гдѣ они будутъ найдоватися»¹⁾.

Такой отвѣтъ немного давалъ гетману Мазепѣ, и русскій царь могъ еще надѣяться удержать за собой Запорожье. Ноября 23 дня отданъ былъ царскій приказъ въ главную ратушу о заготовкѣ жалованья войску запорожскихъ козаковъ: 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ амбургскихъ суконъ въ сорочкахъ, 50 пудовъ пороху, 50 пудовъ свинцу, кошовому атаману—2 вершка бархатныхъ, мѣрою по полуаршина вершковъ, сукна кармазина, атласу, камки по 10 аршинъ, двѣ пары соболей по 7 рублей пара, 2 сорока соболей по 50 рублей сорокъ; судѣ, писарю и асаулу по вершку бархатному, мѣрою по полуаршина вершковъ, сукна кармазина по 5 аршинъ, атласу по 10 аршинъ, по парѣ соболей въ 7 рублей пара, по сороку соболей по 50 рублей сорокъ человекъ²⁾.

Опредѣляя жалованье на запорожское войско, царь былъ увѣренъ, что этимъ онъ расположитъ запорожцевъ въ свою пользу и отвратитъ ихъ отъ гетмана Мазепы и шведскаго короля. Но запорожская масса и безъ того пока была на сторонѣ русскаго царя;

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 91. О томъ-же у Нордберга *Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 283.*

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 89. Впрочемъ, это жалованье не успѣло идти въ запорожскую Сичь, и объ немъ писано было въ 1709 году, 24 октября, что «та запорожская дача положена указомъ великаго государя на другія козацкія-же дѣла»: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 57,

отивъ царя были только нѣкоторые изъ старшинъ. О томъ царь узналъ отъ гетмана Скоропадскаго, а Скоропадскій—отъ бунчуковаго товарища Ивана Черняка.

Въ самомъ концѣ декабря мѣсяца 1708 года бунчуковый товарищъ Иванъ Чернякъ, посланный изъ Малороссіи въ Крымъ съ вѣстіемъ о выборѣ новаго гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, ѣхалъ черезъ Запорожье со спутниками, Семеномъ Васильевымъ Ечемнукомъ и Григоріемъ Савичемъ. Въ самую Сичь они прибыли въ навечеріе Рождества Христова и были приняты запорожцами очень ласково. Чернякъ, явившись въ Сичу, подавъ кошевому атаману отъ гетмана письмо, которое кошевой лично прочелъ въ радѣ передъ всѣмъ войскомъ. Въ томъ письмѣ было сказано о томъ, чтобы запорожцы ни въ чемъ не вѣрили Мазепѣ и не соглашались съ нимъ. По прочтеніи письма кошевой отослалъ Черняка съ радной площади на постоянный дворъ, а самъ, заодно съ войсковымъ судьей, бросилъ свою шапку на землю, на которую положилъ войсковую трость и объявилъ всѣмъ, что онъ отказывается отъ своего чина и сдаетъ его другому ¹⁾. Но войско, видя то, стало кричать, зачѣмъ кошевой оставляетъ свой чинъ, или онъ хочетъ служить Мазепѣ, а не царскому величеству? И, поднявъ трость съ земли, снова вручило ее насильно кошевому. Тогда кошевой, взявъ трость, сталъ кланяться войску на всѣ стороны и говорить: «Нынѣ кому мы будемъ служить, и понеже прежде были письма отъ Мазепы, а теперь отъ новаго гетмана Скоропадскаго». На этотъ вопросъ всѣ запорожцы закричали, что они повинны служить царскому величеству, какъ единовѣрному государю, при которомъ обрѣтаются ихъ отцы и сродники. Кошевой снова сталъ кланяться войску и, кланяясь, говорилъ: «Зѣло добро, что вѣрѣ святой православной произволяетесь». По истеченіи двухъ дней запорожцы вновь собрали раду и, призвавъ въ нее Черняка, потребовали отъ него письма, которыя онъ везъ въ Крымъ отъ Скоропадскаго, чтобы дознать, не написано-ли въ нихъ чего нибудь противнаго о запорожцахъ. Чернякъ, повинувся волѣ козаковъ, подавъ требуемыя письма, и когда они были «отпечатаны» и прочтены въ радѣ, то оказалось, что въ нихъ ничего противнаго войску запорожскому не было. Тогда козаки, «подпечатавъ» гетманскія письма, снова

¹⁾ Почему Гордіенко отказывался отъ булавы, Чернякъ и его спутники къ тому «не прислушались».

возвратили ихъ Черняку и, давъ ему трехъ провожатыхъ изъ старыхъ и надежныхъ козаковъ съ собственнымъ листомъ къ хану, съ честью отпустили его въ Крымъ ¹⁾. А въ письмахъ къ хану они спрашивали, куда онъ съ ордою намѣренъ идти, къ русскому царю или къ гетману Мазепѣ, ибо они обще съ татарами намѣревались идти: куда татары пойдутъ, туда и они послѣдуютъ ²⁾. Въ бытность спутниковъ Черняка въ Сичи всѣ запорожцы, какъ конные, такъ и пѣхота, находились въ сборѣ, а потомъ одинъ отрядъ изъ нихъ, около 6.000 человекъ ³⁾, пѣхоты и конницы, вышли изъ Сичи въ Старый Кодакъ и въ село Новое (т. е. Новый Кодакъ), близъ Стараго Кодака ⁴⁾, гдѣ и расположились на стоянку. Передъ отъѣздомъ въ Крымъ Иванъ Чернякъ послалъ отъ себя въ городъ Сумы, гдѣ находился царскій станъ, съ извѣстіемъ козака полтавскаго полка Мирона Петрова да двухъ козаковъ запорожскихъ. Послѣдніе посланы были къ гетману Скоропадскому за получениемъ отъ него царскаго указа для кошевого атамана Гордіенка, который якобы показывалъ охоту идти на царскую службу ⁵⁾.

На четвертый день Рождества Христова Иванъ Чернякъ уѣхалъ въ Перекопъ. Въ Перекопѣ Чернякъ оставилъ своихъ спутниковъ Григорія Савича и Семена Ечемнука, отдалъ приказъ имъ вернуться назадъ къ гетману Скоропадскому, а самъ съ татарскими провожатыми направился въ Бахчисарай до везира Калватъ-Улана. Въ день отпуска къ спутникамъ Черняка явился перекопскій писарь и подвергъ ихъ допросу о томъ, знаютъ-ли они, что написано въ гетманскихъ письмахъ. Гетманскіе посланцы отвѣчали, что самыхъ писемъ они не читали, но когда были въ Сичи и когда тѣ письма были распечатаны запорожцами, то слышали, что въ нихъ гетманъ пишетъ не вѣрить измѣннику Мазепѣ и настаниваетъ не соединяться съ нимъ для войны противъ русскихъ. На такой отвѣтъ перекопскій писарь замѣтилъ, что никогда того не будетъ, чтобы ханъ, оставя учиненный съ царскимъ величествомъ миръ, повѣрилъ письмамъ измѣнника Мазепы. Потомъ перекопскій писарь спрашивалъ о бунтовщикахъ Булавинѣ, Некрасовѣ и Безпаловѣ. О Булавинѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1709, св. 27, № 18.

³⁾ По болѣе точнымъ показаніямъ изъ Сичи въ оба Кодака вышло 4.000 человекъ.

⁴⁾ У Судіенка вмѣсто «Кадакъ» напечатано Кавань: II, 320—324.

⁵⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

спутники Черняка сказали, что онъ погубленъ, а о Некрасовѣ и Безпаловѣ самъ писарь замѣтилъ, что они въ десяти тысячахъ войска стоятъ нынѣ въ Темрюкѣ и намѣрены идти на слободскіе города.

Изъ Перекопа спутники Черняка вернулись въ Сичу, гдѣ были приняты кошевымъ Гордіенкомъ попрежнему ласково. Передъ отпускомъ изъ Сичи Гордіенко просилъ ихъ передать гетману Скоропадскому, чтобы онъ прислалъ запорожскому войску, въ знакъ своей ласки, войсковые клейноты: прежніе гетманы всѣ дарили войско низовое своими клейнотами, а настоящій гетманъ до сихъ поръ ни одного лоскутка не прислалъ войску. Въмѣстѣ съ Ечемнукомъ и Савичемъ кошевой атаманъ отправилъ двухъ запорожскихъ полковниковъ съ письмами отъ войска къ царю Петру Алексѣевичу. Въ тѣхъ письмахъ запорожцы повторили свою просьбу государю о снесеніи Каменнаго-Затона и Самарскихъ городковъ, за что выражали свою готовность, всѣ до послѣдняго человѣка, идти на службу царскаго величества, куда приказано будетъ. Когда спутники Черняка находились еще въ Запорожьѣ, то въ бытность ихъ тамъ войско запорожское, которое вышло въ Кодакъ изъ Сичи, все еще находилось въ Кодакѣ. Гетманцы и запорожскіе посланцы ѣхали вмѣстѣ до Переволочны, а потомъ запорожцы оставили гетманцевъ и почему-то поѣхали впередъ, заявивъ, что они немедленно поѣдутъ за ними и дальше ¹⁾.

Всѣ эти вѣсти дали поводъ царю Петру Алексѣевичу думать, что надежды на вѣрность царскому престолу со стороны запорожскаго войска еще не потеряны, и потому января 5 дня, 1709 года, царь велѣлъ написать въ Кошъ грамоту съ извѣщеніемъ о томъ, что въ Нѣжинѣ посланъ гетманъ Иванъ Скоропадскій, которому велѣно стать въ томъ городѣ, собрать малороссійскія войска и чинить, совмѣстно съ великороссійскими войсками, туда отправленными, поискъ надъ неприятелемъ. Въ виду этого, запорожцамъ также вмѣнялось въ обязанность, въ случаѣ гетманъ будетъ о чемъ-либо писать къ нимъ и чего-либо требовать, быть въ отношеніи его послушнымъ по всегдашней запорожскаго войска къ царскому величеству и къ его предкамъ вѣрности ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9; тоже въ Матеріалахъ Судіенка: II, 320—324.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 102.

Повидимому много мнѣнія были ближайшіе сотрудники Петра, какъ, напримѣръ, канцлеръ графъ Гаврила Головкинъ. Такъ, отправляя царскую грамоту Скоропадскому для отсылки ея въ Кошъ, Головкинъ писалъ гетману, что вольно ему будетъ или послать грамоту въ Кошъ или удержать ее при себѣ, «но, кажется, въ нынѣшнее время того листа посылать совсѣмъ непотребно»¹⁾.

Опасенія графа Головкина были не напрасны. Переволочанскій сотникъ Василій Зелененскій донесъ полтавскому полковнику о намѣреніяхъ запорожцевъ слѣдующее. Января 4 числа, на разсвѣтъ, прибыло въ Переволочну нѣсколько десятковъ конныхъ запорожцевъ, которые сказали, что они вышли изъ Сичи въ прошлую субботу и что по ихъ слѣдамъ имѣлъ выдти въ воскресенье, а навѣрное по водосвятіи на Богоявленіе Господне, и кошевой атаманъ Гордіенко. Гордіенко имѣлъ раздѣлить все войско на три части: одна часть должна пойти слободами, другая по-за Днѣпромъ на Чигиринъ, а третья, во главѣ которой онъ будетъ самъ, поидетъ на Переволочну. Такое раздѣленіе дѣлается для большаго увеличенія войска, которое, пройдя намѣченные пути, должно сойтись со всѣхъ сторонъ, соединиться вмѣстѣ и расположиться въ Полтавѣ; Москва-же, лишь только услышитъ о приходѣ кошевого въ Переволочну, должна выступить прочь изъ Полтавы. Но «на которую руку имѣетъ быть кошевой склоннымъ, того никто не скажетъ, ибо въ Полтавѣ о томъ у нихъ рада будетъ». Но еще до выступленія кошевого изъ Сичи пришла вѣсть изъ Кодака, что 3.000 москалей, пришедъ до рѣки Самары подъ Кодакомъ и тамошними селами, пошквали овецъ. Тогда Гордіенко, услышавъ о томъ, скинулъ съ себя кошеводство, но его насильно принудили взять булаву назадъ. Кошевой, взявъ булаву, тотчасъ послалъ въ Крымъ по орду, но что произойдетъ дальше—переволочанскій дозорца Зелененскій пока не знаетъ²⁾.

О подлинныхъ намѣреніяхъ Гордіенка не знали пока и въ царскомъ станѣ: тамъ извѣстно было пока то, что отрядъ запорожцевъ находится въ двухъ Кодакахъ, но куда онъ имѣлъ намѣреніе идти дальше—никому не было извѣстно. Поэтому графъ Головкинъ предписывалъ гетману Скоропадскому «всемирно трудиться надъ тѣмъ, дабы увѣдать подлинно о ихъ походѣ, на которую сторону они идутъ».

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 100.

²⁾ Архивъ мпн. ип. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

Но скоро въ царскій лагерь донеслися такія вѣсти, которыя сразу раскрыли подлинныя намѣренія какъ кошевого Гордіенка, такъ и всего запорожскаго войска. Упомянутый раньше запорожскій козакъ Иванъ Григорьевъ Яжборскій, тайно выѣхавъ, въ концѣ января, изъ запорожской Сичи, явился въ Бѣгородъ къ графу Головкину, принесъ тамъ присягу передъ евангелиемъ на вѣрность царскому величеству и при этомъ передалъ о положеніи дѣлъ въ Запорожьи слѣдующее. Когда пріѣзжали въ Сичь съ царской денежной казной послы Кисленскій и Теплицкій, тогда въ Сичи были нѣсколько разъ собираемы рады и на тѣхъ радахъ чернъ и пришедшіе изъ городовъ козаки кричали, чтобы идти изъ Сичи всѣмъ войскомъ къ царскому величеству противъ шведа и измѣнника Мазепы на помощь. Но кошевой атаманъ во всѣхъ радахъ отъ того похода козаковъ удерживалъ, не объявляя, однако, явственно того, почему тотъ походъ войска къ царскому величеству непотребенъ. И въ одной радѣ Гордіенко слагалъ съ себя кошевство ради того, что онъ въ походъ идти не желаетъ; но потомъ, видя, что не можетъ удержать черни отъ того похода, отправилъ изъ Сичи своихъ противниковъ, до 4.000 человекъ, въ Старый и Новый Кодакъ, такъ что въ Сичи нынѣ осталось большая часть козаковъ «стороны кошевого». Изъ слѣдъ затѣмъ кошевой отправилъ въ Крымъ посланцевъ «затягивать къ себѣ на соединеніе орду». Тогда изъ Крыма въ Сичь пріѣхали два татарина, которые объявили, что въ Крыму ожидаютъ пріѣзда новаго хана и просили запорожцевъ обождать своимъ походомъ до тѣхъ поръ, пока въ Крымъ не прибудетъ новый ханъ. Кошевой атаманъ Гордіенко въ радѣ, собранной во время пребыванія татаръ въ Сичь, «явственно» говорилъ запорожскому войску, что лучше козакамъ держаться при ханѣ, который идетъ къ Мазепѣ, нежели къ русскому царю идти на соединеніе ¹⁾.

Всѣ полученныя вѣсти, какъ отъ переволочанскаго дозорцы, такъ и отъ выходца изъ Сичи, доставлены были князю Меншикову, руководившему въ то время военными дѣйствіями въ Малороссіи. Но князь Меншиковъ о положеніи дѣлъ въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это-же время былъ извѣщенъ и отъ самого государя. Царь Петръ Алексѣевичъ воспользовался посланцами Ивана Черныя, находившимися въ станѣ, въ городѣ Сумахъ, изъ коихъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18, св. 28, № 23.

два были козаки запорожскаго войска, а одинъ, Миронъ Петровъ, козакъ полтавскаго полка. Запорожскіе козаки отправлены были къ гетману Скоропадскому, а козакъ полтавскаго полка посланъ былъ къ князю Меншикову. Въ то время князь Меншиковъ двигался съ русскими полками къ городу Полтавѣ, куда направлялся и шведскій король, имѣя цѣлью «совокупить къ себѣ, черезъ Мазепину факцію запорожскихъ козаковъ». Кромѣ того, для отвращенія запорожскаго войска отъ шведовъ, царь отдалъ приказъ гетману Скоропадскому послать въ Запорожье «добраго человѣка» и чрезъ него стараться склонять козаковъ къ русской сторонѣ, слѣдить за ихъ настроеніемъ и извѣщать о томъ предводителей русскаго войска. вмѣстѣ съ этимъ, по приказу государя, велѣно было черезъ гетмана Скоропадскаго послать къ Кошъ войсковые клейноты и увѣщательныя царскія грамоты ¹⁾.

Но за настроеніемъ запорожскаго войска, помимо Скоропадскаго, тщательно слѣдилъ каменнозатонскій воевода Илья Чириковъ. Онъ посылалъ ежемѣсячныя донесенія о настроеніи запорожцевъ въ Кіевъ, къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и въ Бѣлгородъ къ графу Головкину, а также въ «разрядъ» самому государю. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что запорожцы однажды побили солдатъ Каменнаго-Затона, Илья Чириковъ отправилъ въ Сичь развѣдчиковъ для поиманія злочинцевъ и для разузнанія о тайныхъ намѣреніяхъ войска. Кошевой атаманъ, понимая истинную цѣль воеводы, писалъ ему, что воевода присылаетъ людей въ Сичу «не для настоящихъ дѣлъ, а для провѣдыванія поведенія войскового», а потому посланцевъ воеводы немедленно велѣлъ выпроводить изъ Сичи вонъ. Но воевода на томъ не успокоился и, возражая кошевому, говорилъ, что сносится съ нимъ для «настоящаго дѣла» и желалъ-бы знать, куда собирается изъ Сичи запорожское войско. Кошевой, уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ на такіе вопросы, говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, куда идетъ войско, и ѣдетъ провѣдывать о томъ лично. При всемъ томъ Чириковъ успѣлъ развѣдать, что въ Сичи осталось очень малое число запорожцевъ и что войско готовится къ какому-то походу. Даже тѣ козаки, которые шинковали въ Каменномъ-Затонѣ, оставили свои курени въ крѣпости и ушли въ Сичу, а на вопросъ воеводы, для какой цѣли они съѣзжаются въ Сичу, отвѣчали, что кошевой атаманъ призы-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 324, 115, 116; Голицковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Москва, 1792, VIII, 201.

васть ихъ къ походу, что пойдуть они туда, куда, по царскому указу, будетъ указано идти. Кошевой собиралъ козаковъ и изъ другихъ мѣстъ въ Сичу: онъ посылалъ вѣстовыхъ на рѣчку Бѣлозерку, гдѣ запорожцы жили куренями, и подъ видомъ того, чтобы татары не сдѣлали имъ какой-нибудь шкоды, приказывалъ имъ ѣхать въ Сичу. Въ дѣствительности отъ татаръ онъ ждалъ не шкоды, а помощи и послалъ звать къ себѣ орду татарскую. Если орда прибудетъ, то онъ скоро выйдетъ съ войскомъ; если-же орды не будетъ, то онъ, заговѣвши, пойдетъ къ запорожцамъ, стоящимъ въ Кодакахъ. Запорожцы-же, стоявшіе въ Колакахъ, уже посылали къ Гордіенку асаула и черезъ него просили кошевого немедленно идти къ нимъ; въ случаѣ кошевой не явится къ нимъ на сырной недѣлѣ, то они пойдуть къ великому государю. Тогда кошевой написалъ запорожцамъ въ Кодаки, что онъ явится къ нимъ немедля и просить ихъ дожидаться его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они доселѣ стояли. Но войсковая старшина хочетъ идти послѣ кошевого, потому что ему не довѣряеть. По точнымъ развѣдкамъ кошевой находится въ полной готовности къ походу; при немъ войска въ сборѣ около 1½ тысячи, кромѣ того, которое уже собралось въ Кодакахъ ¹⁾).

Послѣ такихъ обстоятельныхъ донесеній въ царскомъ лагерѣ всѣмъ ясно стало, что кошевой Гордіенко хитритъ въ отношеніи русскихъ и имѣетъ злыя въ своемъ умѣ намѣренія.

Гетманъ Скоропадскій, какъ раньше того Иванъ Мазепа, причину враждебности запорожцевъ къ русскимъ приписывалъ не столько самому войску, сколько кошевому Константину Гордіенку. Поэтому, извѣщая Меншикова о невѣрности запорожскаго войска русскому престолу, Скоропадскій, въ видѣ мѣры удержанія его за государемъ, рекомендовалъ князю «изыскать способъ ко испроверженію кошевого атамана Константина Гордѣнка».

Меншиковъ всѣ добытыя свѣдѣнія о запорожцахъ, а равно и предложеніе гетмана о ниспроверженіи кошевого, поторопился отослать государю ²⁾).

Въ это-же время о положеніи дѣлъ въ Запорожьи отправилъ донесеніе государю и князь Григорій Федоровичъ Долгорукій. Долгорукій писалъ, что замыслы запорожцевъ уже вполнѣ стали извѣстны, но

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, №№ 5 и 9.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ. 1855, III, 277.

тѣмъ не менѣе онъ надѣется ихъ «опровергнуть», лишь-бы только въ томъ не помѣшали татары ¹⁾.

Такого-же мнѣнія относительно запорожцевъ былъ и самъ царь Петръ Алексѣевичъ. «О татарахъ объявляю вамъ, писалъ царь Долгорукому февраля 21-го дня, что уже другую конфирмацію получили мы изъ Константинополя, что хану, подъ смертію, заказано миръ блюсти, и для того въ томъ уже не сомнѣвайтесь, но потщитесь вышереченное зло пресѣчь. Получили мы письмо отъ гетмана, въ которомъ объявляетъ воровство запорожское и совѣтуетъ кошевого перемѣнить; но о семъ надлежитъ ему искать два способа, въ чемъ и вамъ стараніе свое имѣть надлежитъ, хотя-бъ и немало что дать, и какой способъ на то найдете, пиши ко мнѣ» ²⁾.

При всемъ томъ такъ какъ намѣренія запорожцевъ становились все болѣе и болѣе очевидны, то фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, желая предупредить приходъ ихъ въ Малороссію и не дать имъ возможности внезапно напасть на малороссійскіе города, февраля 21 дня, предписалъ гетману Скоропадскому послать въ города и мѣстечки Манжалѣвку, Потокъ, Кременчукъ и Омельники изъ регулярныхъ войскъ по баталіону отъ пѣхотныхъ полковъ и при нихъ «отъ кумпаніи» по собственному разсужденію, а во всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для сооруженія мостовъ и перевозовъ, велѣлъ отправить легкія партіи за рѣку Пселъ для поисковъ надъ запорожцами; если-же поисковъ нельзя будетъ сдѣлать, то написать нѣсколько писемъ «къ развращенію (т. е. отвращенію) запорожцевъ отъ Мазепиной прелести» и разбросать тѣ письма въ удобныхъ мѣстахъ, чтобы они попались въ руки запорожцамъ и чтобы запорожцы изъ тѣхъ писемъ могли «выразумѣть прелесть измѣнника Мазепы и воровство кошевого атамана» ³⁾.

Но «прелесть» Мазепы и кошевого Гордіенка столь была велика, что на запорожцевъ подобныя мѣры уже не могли подѣйствовать. Самъ Гордіенко въ это время избилъ перначомъ и посадилъ въ оковы возвратившагося изъ Крыма и задержаннаго въ Сичѣ посланца гетмана Скоропадскаго Ивана Черняка за то, что будто-бы онъ посланный имъ въ Крымъ гетманскія письма не всѣ

¹⁾ Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 210.

²⁾ Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 210, 212.

³⁾ Судіевко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 325.

объявилъ войску. Въ это-же время запорожцы открыто приняли къ себѣ чигиринскаго сотника Василя Невинчанаго, избившаго другого какого-то гетманскаго посланца, отправленнаго Скоропадскимъ въ Чигиринъ. Поэтому отъ запорожцевъ стали ожидать уже всего самаго худшаго.

Царь Петръ Алексѣевичъ извѣщалъ князя Меншикова, находившагося въ то время въ городѣ Харьковѣ, что запорожцы собрались близъ крѣпости Новобогородицкой на рѣкѣ Самарѣ и что, поэтому, нужно опасаться, какъ-бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также, какъ-бы они не были проведены своимъ кошевымъ атаманомъ и войсковымъ судьей черезъ Переволочну на соединеніе къ шведамъ. Поэтому государь приказывалъ князю поставить въ удобномъ мѣстѣ ингерманландскій русскій полкъ, «дабы имѣть око на ихъ походы»; также, если возможно, прибавить въ Новобогородицкую крѣпость и въ Каменный-Затонъ полка два или больше того гарнизоннаго войска; въ самой-же Сичи постараться перемѣнить, черезъ посредство миргородскаго полковника Давида Апостола, главную старшину — кошевого атамана и войскового судью.

Впрочемъ едва этотъ приказъ успѣлъ дойти по назначенію, какъ царь, марта 1 дня, отправилъ тому-же Меншикову другой приказъ. Этимъ послѣднимъ приказомъ внушалось, какъ можно, стараться о томъ, чтобы склонить на русскую сторону запорожское войско, дѣйствуя на козаковъ прежде всего добрымъ словомъ, и только въ крайнемъ случаѣ оружіемъ. «Въ Каменномъ-Затонѣ учинить командира изъ бригадировъ, кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого (слѣдуетъ учинить), то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при семъ; токмо одна матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде-же оныя явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко со измѣнниками» ¹⁾.

Въ чемъ собственно состояли пункты, посланные царемъ Меншикову, неизвѣстно; но, по замѣчанію Голикова, «содержаніе ихъ было то, чтобъ склонить козаковъ къ избранію новаго кошевого ласкою и подарками. ²⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1771, XV, 315.

²⁾ Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1192, VIII, 212.

На письмо государя вмѣсто князя Меншикова далъ отвѣтъ, марта 3 дня, 1709 года, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгорукій: «О воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородскаго полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрыхъ козаковъ и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ-бы возможно тамъ заводчиковъ, кошевого и судью, испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожь и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общаго совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ писалъ и другими способы (-ами) тайно и неусыпно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылаетъ съ письмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми... чрезъ которыхъ надѣется съ помощью божіей оныхъ удержать» ¹⁾.

Но скоро оказалось, что и эти мѣры были уже напрасны.

Уже въ самомъ началѣ марта самъ царь писалъ о запорожцахъ князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьяволъ кошевой, уже явные измѣнники стали, и зѣло опасно Богородицкова не для города, но для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло тамъ много, а людей мало; того ради зѣло потребно одинъ конный полкъ, хотя изъ тѣхъ, которые съ Кампелемъ, послать въ оную, и велѣть оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменной-Затонѣ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою туда отправить на перемѣну сему конному; впрочемъ извольте сами сему подобныхъ дѣлъ смотрѣть; ибо я, отдаденія ради, не всегда и не скоро могу слышать все» ²⁾.

Обнадеженные гетманомъ Мазепой и настроенные кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ, запорожскіе козаки дѣйствительно съ этого времени рѣшили большинствомъ голосовъ дѣйствовать противъ русскаго государя. Сперва изъ Сичи отправлена была депутація, въ числѣ 80 человекъ съ какимъ-то полковникомъ, къ гетману Мазепѣ съ объявленіемъ о томъ, что козаки берутъ его сторону, такъ какъ они узнали, что деньги, которыя царь прислалъ имъ въ подарокъ, отняты имъ у козака Флякѣ ³⁾ и что это вовсе не

¹⁾ Костомаровъ, Мазепа, СПб, 1885, 505. Дѣла государственнаго архива, кабинетскія дѣла, № 8.

²⁾ Голицынь, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 213.

³⁾ У Нордберга онъ называется козакомъ Нлук, но по русскимъ источникамъ Флякѣ или Плякѣ: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 190.

подарокъ, а добыча, отнятая царемъ силою у одного брата и отданная другому ¹⁾.

Послѣ отправки депутаціи къ Мазепѣ, запорожцы, конница и пѣхота, въ числѣ 1.000 человекъ ²⁾, подъ предводительствомъ «властного» кошевого атамана Константина Гордіенка, войскового судьи и писаря, взявъ съ собою знамена, бунчукъ, бузаву и десять пушекъ, марта 1 числа, двинулись изъ Сичи въ Переволочну, которую искони вѣковъ считали своимъ городомъ и отъ которой рассчитывали добратъся до стана шведскаго короля. Покидая Сичу, запорожцы оставили тамъ наказнымъ кошевымъ атаманомъ Михайла Симонченка, который, въ слѣдъ за отходомъ Гордіенка, извѣстилъ воеводу Каменнаго-Затона Чирикова о томъ, что властный кошевой поднялъ рушеніе въ малороссійскіе города не для измѣны великому государю, а «для самой певной слушности и досконалной рѣчи, для чего людямъ ихъ отъ находу разныхъ войскъ утиски и грабленіе чинятся, и, получивши свое желаніе, возвратитца на свое мѣсто» ³⁾. Тѣмъ временемъ, когда запорожцы вошли въ украинскіе города, то къ нимъ стали приставать городовые козаки и такимъ «пристальцамъ кошевой давалъ по полтинѣ на челобѣка, на которую дачу дано ему отъ шведскаго короля 6.000 рублей, а запорожцамъ дано по три рубля на челобѣка» ⁴⁾. Однако, идя на соединеніе съ королемъ Карломъ, запорожцы вездѣ объявляли, будто-бы они идутъ на соединеніе съ великороссійскимъ войскомъ, за что имъ вторично послано было царское жалованье отъ русскаго государя ⁵⁾. Прийдя въ Переволочну, марта 11 числа, въ пятницу, кошевой Гордіенко написалъ письмо тамошнему полковнику Нестулею, и по тому письму полковникъ Нестулей вышелъ съ пятьюстами конницы для рады. Въ субботу той-же недѣли присланы были отъ Мазепы посланцы Чуткѣвичъ и Могѣвичъ съ письмами. Марта 12 дня, въ воскресенье, въ Переволочнѣ, произошла рада въ присутствіи посланцевъ гетмана Мазепы. На радѣ, передъ всѣмъ войскомъ, были прочитаны

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye. 1848, II, 884.

²⁾ Такъ показывалъ очевидецъ, запорожскій козакъ Василій Микифоровъ, бывшій въ походѣ съ Гордіенкомъ, но изъ Переволочны ушедшій въ Голту: Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1709, св. 27, № 18.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 5.

⁴⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1856, II, 336.

⁵⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 245.

гетманскія письма, въ которыхъ говорилось о томъ, что русскій царь угрожалъ «искоренить воровъ и злодѣевъ, запорожцевъ», а жителей малороссійскихъ городовъ перевести въ великороссійскіе города, за Волгу, въ подтвержденіе чего приводилось доказательство, что уже и теперь московское войско, находясь въ здѣшнихъ краяхъ, «чинить разореніе паче шведа». Послѣ прочтенія такихъ писемъ и послѣ тайной раздачи кошевымъ атаманомъ денегъ «скуднымъ людямъ» изъ запорожцевъ, многіе на радѣ стали кричать, чтобъ «быть въ Мазепину сторону». И тогда полковникъ Нестулей и все запорожское войско, какъ конница, такъ и пѣхота, рѣшили идти въ ближайшій вторникъ подъ городъ Царичанку, гдѣ стояло 3.000 человекъ московскаго войска ¹⁾). Въ это время пришло письмо къ запорожскому войску отъ крымскаго хана. Ханъ одобрялъ рѣшеніе запорожскихъ козаковъ идти за Мазепой и обѣщаль имъ съ своей стороны во всемъ помощь. Послѣ этого и полковникъ Нестулей, нѣсколько времени колебавшійся между одной и другой стороной, подъ конецъ также объявилъ себя сторонникомъ Мазепы ²⁾).

Послѣ окончанія рады кошевой атаманъ Гордіенко, марта 15 дня, отправилъ универсалъ, черезъ войскового товарища Грицька, къ козакамъ, кочевавшимъ возлѣ рѣкъ Буга, Ингульца и Ингула, съ просьбой не засиживаться воадѣ рѣкъ и поспѣшить соединиться съ кошевымъ для «войскового похода» ³⁾). Въѣствъ съ этимъ кошевой Гордіенко послалъ свой листъ къ польскому королю Станиславу Лещинскому, «покорно прося королевскую велиможность на сполную (общую) помощь и ратованье милой отчизны Украйны. Станиславъ Лещинскій избранъ былъ одной изъ польскихъ политическихъ партій «сапѣжинцевъ» при живомъ королѣ Августѣ II и имѣлъ поддержку у шведскаго короля Карла XII. Гордіенко, отправивъ своихъ посланцевъ къ Лещинскому, ждалъ отъ него рѣшительнаго отвѣта. Но посланцы Гордіенка попались въ руки польскимъ караульнымъ и были представлены коронному гетману Сѣнявскому; коронный-же гетманъ, сторонникъ Россіи, передалъ ихъ Алексію Дашкову, русскому резиденту въ Польшѣ. Тогда письма, найденныя при посланцахъ, были отправлены къ мало-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18.

²⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 284, 285.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 25.

російскому гетману Скоропадскому, который долженъ былъ показать ихъ «анатнымъ изъ запорожскаго войска (въ Сичѣ), дабы они увѣдали то его, Гордѣнково, злодѣйство»¹⁾.

Но Гордѣнко тѣмъ не смутился. Оставаясь пока самъ въ Переволочнѣ, онъ отправилъ къ шведскому королю депутацію, одного полковника и 80 человекъ товариства, съ извѣстьемъ о томъ, что запорожцы готовы, ради возстановленія собственной свободы, служить вѣрно королевскому величеству, жертвовать своею жизнью, и съ полнымъ увѣреніемъ за счастливый успѣхъ предпринимаемаго святаго дѣла. Въ то время главная квартира короля находилась все еще въ мѣстечкѣ Великія-Будища, въ 47 верстахъ отъ города Зенькова и 57 верстахъ отъ Полтавы²⁾. Туда и направился запорожскій полковникъ съ конвойнымъ своимъ отрядомъ.

Марта 19 числа депутаты прибыли въ мѣстечко Великія-Будища, были приняты королемъ, допущены къ его рукъ и потомъ угощались у шведскаго фельдмаршала Реншильда. Во все время пребыванія своего въ Будищахъ запорожскіе депутаты предавались веселью до излишества. На прощаньи фельдмаршалъ Реншильдъ объявилъ десяти козакамъ, что они снова будутъ допущены къ прощальной аудіенціи у короля, но съ условіемъ не пить вина раньше обѣда, такъ какъ король не переноситъ пьяныхъ. Запорожцы, много пившіе въ послѣдніе дни, съ трудомъ выдержали такое требованіе и простились съ королемъ трезвыми. Зато послѣ королевской аудіенціи ихъ великогѣпно угостилъ фельдмаршалъ Реншильдъ. Самъ король сдѣлалъ имъ прекрасные подарки и вручилъ два письма, одно къ гетману Мазепѣ, другое ко всему запорожскому войску³⁾.

Въ слѣдъ за отправкой депутатовъ двинулся изъ Переволочны и самъ Гордѣнко. Когда объ этомъ движеніи кошевого стало извѣстно въ русскомъ лагерѣ, то начальники русской арміи распорядились выслать противъ Гордѣнка три полка съ цѣлью не допустить запорожцевъ до соединенія со шведами. Такимъ образомъ кошевому приходилось вступить съ русскими въ битву, чтобы очистить себѣ дальнѣйшій путь къ Великимъ-Будищамъ. Запорожцы, перейдя границу своихъ владѣній, сдѣлали два нападенія на русскихъ, одно у Царичанки, другое въ городѣ Кобелякахъ. У Ца-

¹⁾ Судѣнко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 128.

²⁾ Списокъ населен. мѣстъ, Полтавская губ., СПБ., 1862, 49.

³⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 285.

ричанки запорожцы, въ числѣ 800 человекъ, атаковали бригадира Кампеля, у котораго было три полка драгунъ, численностью въ 3.000 человекъ. Запорожцы изрубили 100 человекъ драгунъ да 90 человекъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ ¹⁾, потерявъ у себя только 30 человекъ. Изъ плѣнныхъ москалей казаки отправили нѣсколько человекъ со шведскими посланцами къ крымскому хану и просили его о помощи шведскому королю ²⁾.

Такая удача подъ Царичанкой сразу дала запорожцамъ славу храбраго войска и подняла столь высоко ихъ знамя, что число ихъ быстро увеличилось до 15.000 человекъ: къ нимъ повыходили изъ нѣдръ лѣсовъ и болотъ скрывшіеся туда, при нашествіи шведовъ, украинскіе жители, нежелавшіе противъ воли доставлять продовольствіе войскамъ Карла. Съ такимъ числомъ людей запорожцы скоро овладѣли городками по рѣкамъ Орели, Ворсклѣ и Днѣпру и вездѣ оставили въ нихъ по хорошему гарнизону ³⁾.

Разсѣявъ русскіе отряды и закрѣпивъ за собой берега Днѣпра и его притоковъ, Орели и Ворсклы, кошевой Гордіенко взялъ направленіе въ мѣстечко Диканьку, въ 25-верстахъ отъ Полтавы, чтобы свидѣться тамъ съ Мазепой и оттуда идти въ главную стѣнку шведскаго короля, Великія-Будища. Передъ своимъ выходомъ изъ Новосанджаръ кошевой Гордіенко оставилъ при возахъ отъ каждаго куреня по 50 человекъ охраны, а жителямъ мѣстечка отдалъ приказъ, въ случаѣ нападенія на нихъ московскаго войска, уходить отъ русскихъ за рѣку Ворсклу ⁴⁾.

Въ это время гетманъ Мазепа, узнавъ о выходѣ къ нему Гордіенка, выслалъ на встрѣчу кошевому конвой въ 2.000 человекъ. Прийдя въ Диканьку, Гордіенко направился прямо въ тотъ домъ, гдѣ находился Мазепа, и тутъ кошевого встрѣтили самыя знатныя лица изъ гетманской свиты. Увидя гетманскую свиту, ко-

¹⁾ По Адлерфельду 115 драгунъ, по донесенію Шереметева только 15: Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429; Бятышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, 1822, IV, 19. По Нордбергу запорожцы изрубили у Кобелякъ 40 человекъ москалей и нѣсколько человекъ взяли въ плѣнъ, воевъ Царичанки убили и потопили болѣе 1.000 человекъ, не считая плѣнныхъ 150 человекъ, самъ начальникъ драгунъ едва спасся бѣгствомъ, имѣя при себѣ нѣсколько (у Адлерфельда 400) солдатъ.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 833.

³⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 285—290.

⁴⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 336.

шевой, въ знакъ дружбы и уваженія, поцѣловалъ бунчукъ, который былъ принесенъ на тотъ случай. Самое свиданіе Гордіенка съ Мазепой произошло въ присутствіи большого числа лицъ запорожскаго товариства. Войдя въ комнату Мазепы, кошевой увидѣлъ гетмана стоящимъ у стола, на которомъ лежали знаки гетманскаго достоинства, и отдалъ ему глубокой поклонъ. Поцѣловавъ въ знакъ уваженія бунчукъ, съ развѣвавшимся на немъ конскимъ хвостомъ, кошевой сказалъ гетману такое слово:

«Мы, войско запорожское и я, благодаримъ васъ за то, что, въ качествѣ начальника Украины, вы приняли къ сердцу, какъ благонамѣренный человекъ, положеніе, въ которомъ вынужденно находится наше отечество, и за то, что вы начали освобождать его отъ владычества москалей. Такъ какъ мы увѣрены, что именно въ виду этого намѣренія, а не въ видахъ собственнаго интереса или какой-либо особенной цѣли, вы выпросили покровительство короля Швеціи, то мы рѣшились помогать вамъ съ вѣрностью, подвергая опасности нашу жизнь и повинувшись вамъ во всемъ, такъ что вы имѣете право намъ приказывать для достиженія желаемой цѣли. Мы умоляемъ васъ взять на себя это бремя; чтобы облегчить тяжесть несенія этого бремени, мы сдѣлаемъ все возможное. Благодаримъ васъ также за то, что вы изволили увѣдомить насъ о намѣреніи и благосклонности короля Швеціи. Мы пришли съ намѣреніемъ просить покровительства у его величества и надѣемся, при посредствѣ вашемъ, получить утвержденіе этого, какъ вы намъ обѣщали. Имѣя также цѣлью вступить въ общее съ вами дѣло и будучи готовы поклоняться вамъ въ послушаніи и вѣрности, мы желаемъ, чтобы и вы также поклонились дѣйствовать съ нами единодушно и оказали ваше содѣйствіе въ защитѣ отечества».

Въ отвѣтъ на рѣчь кошевого Гордіенка гетманъ Мазепа благодарилъ запорожское войско за довѣріе къ его особѣ, увѣрялъ честию, что, отдаваясь въ руки шведскаго короля, онъ поступалъ не по легкомыслію, не по побужденію личнаго интереса, а лишь по безграничной любви къ отечеству. Онъ очень старъ, не имѣетъ ни жены ни дѣтей, могъ-бы удалиться въ Польшу или въ другую какую-либо страну, чтобы спокойно окончить тѣ немногіе годы, какіе ему осталось прожить. Но, управляя Украиной, онъ не можетъ оставаться сложа руки и отдать ее во власть несправедливаго притѣснителя. Онъ хорошо зналъ намѣреніе царя переселить запорожцевъ въ дру-

гое мѣсто, совершенно уничтожить ихъ жилище и принудить ихъ сдѣлаться драгунами, и если запорожцы еще сохранили до сихъ поръ свободу, то этимъ они обязаны ему, гетману. Уже князь Меншиковъ двинулся было со страшною арміею, чтобы взять гетмана, захватить всѣхъ его полковниковъ и другихъ приближенныхъ къ нему лицъ, и если-бы это намѣреніе князя удалось, то запорожцы неминуемо были-бы отведены въ Сибирь. Однако, благодаря дѣйствию особаго провидѣнія божьяго, въ это самое время вступилъ въ страну шведскій король и далъ надежду украинцамъ освободиться отъ притѣсненій и сбросить постыдное и невыносимое иго Москвы. По всему этому гетманъ готовъ соединиться съ запорожцами и готовъ обязать себя вѣтвою исполнить такое дѣло, только-бы и запорожцы, съ своей стороны, поклялись ему въ искренней и неизмѣнной дружбѣ и въ готовности дѣйствовать сообща съ гетманомъ, имѣя одно намѣреніе и одну общую цѣль ¹⁾.

Когда кошевой Гордіенко говорилъ свою рѣчь гетману Мазепѣ, то въ это время при немъ находилось нѣсколько человекъ запорожскаго товариства, и это дѣлалось по установившемуся въ низовомъ войскѣ обычаю; запорожцы были того убѣжденія, что ничто такъ не способствуетъ поддержанію независимости ихъ общины, какъ постоянно и неослабно исполняемое ими правило—наблюдать за всѣми дѣйствіями ихъ начальниковъ, вслѣдствіе чего они и не позволяли имъ ничего дѣлать иначе, какъ въ присутствіи всего товариства. Въ такомъ случаѣ, если предпріятіе запорожцевъ оканчивалось счастливо, то они имѣли равное участіе въ томъ всѣ; если-же, напротивъ того, предпріятіе ихъ не удавалось, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, то сдѣланныя ошибки не вѣнялись никому въ вину. Гордіенко передъ этимъ нѣсколько разъ былъ отрѣшаемъ отъ должности кошевого атамана, но послѣ каждаго раза запорожцы, не находя въ другихъ козакахъ способностей къ управленію войскомъ, снова черезъ нѣкоторое время дѣлали его своимъ кошевымъ. Тщетно царь, такъ не любившій Гордіенка за его ненависть къ Москвѣ, пытался лишить его атаманскаго уряда и вмѣсто него поставить во главѣ войска другое лицо, болѣе преданное москалямъ. Гордіенко умѣлъ всегда сдѣлать такъ, что царскіе развѣдчики всякій разъ возвращались изъ Запорожья ни съ чѣмъ. Однако, опасаясь, чтобы попытки царскихъ агентовъ не остано-

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 283—286.

выли задуманнаго предпріятія, Гордіенко поспѣшилъ выдти изъ Сичи и соединиться съ гетманомъ Мазепой.

Послѣ свиданія Гордіенка съ Мазепой всѣ запорожцы, находившіеся при кошевомъ атаманѣ, были приглашены гетманомъ къ обѣду; наиболѣе заслуженные изъ нихъ были допущены къ столу самого Мазепы; остальные угощались, какъ хотѣли. Все время обѣда прошло въ большемъ порядкѣ. Запорожцы оказывали Мазепѣ особенное уваженіе и, выражая въ громкихъ словахъ ему свое усердіе и расположеніе, увѣрили, что они готовы пожертвовать для него послѣднею каплею крови. Потомъ, когда обѣдъ окончился, и запорожцы, сильно опьянѣвъ, стали расходиться по своимъ квартирамъ, то они начали, по своему обыкновенію, хватать со столовъ всякую посуду, какая кому изъ нихъ наиболѣе нравилась ¹⁾. Управляющій домомъ, изъ окрестныхъ дворянъ, видя такое безчинство, счелъ своимъ долгомъ остановить такое хищеніе. Подвыпивъ не менѣе самихъ гостей, онъ обратился къ запорожцамъ съ упрекомъ и замѣтилъ имъ, что, вѣроятно, они пришли въ домъ съ тѣмъ, чтобы разграбить его, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать повсюду, куда приходятъ. Запорожцы, оскорбленные словами управляющаго, пришли въ сильное раздраженіе, подняли большой шумъ и пошли съ жалобой къ кошевому Гордіенку. Послѣдній, придавъ этому дѣлу серьезное значеніе, вообразилъ, что къ такому оскорбленію запорожцевъ побудилъ управляющаго самъ гетманъ Мазепа и приказалъ всѣмъ своимъ козакамъ немедленно съѣсть на коней и, не простясь съ гетманомъ, уѣхать прочь. Но гетманъ Мазепа, узнавъ объ этомъ черезъ своихъ людей, поспѣшилъ отправить къ Гордіенку своихъ старшинъ и велѣлъ имъ передать кошевому, что онъ, крайне огорченный происшедшимъ беспорядкомъ, не принималъ въ этомъ ни малѣйшаго участія; а для того, чтобы доказать имъ свою непричастность къ такому дѣлу, готовъ выдать козакамъ управляющаго головой и предлагаетъ имъ наказать его такъ, какъ они сами того пожелаютъ. Эта предупредительность усмирила немного козаковъ. Но когда тотъ человекъ былъ выданъ имъ, то они били его ногами, кидая одинъ другому, и продолжали эту игру до тѣхъ.

¹⁾ Обычай этотъ, нужно думать, усвоенъ былъ запорожцами отъ крымскихъ татаръ: послы крымскаго хана, прѣзжавшіе въ Москву и получившіе приглашеніе къ царскому столу, также точно хватали послѣ обѣда посуду, какая кому нравилась.

поръ, пока одинъ изъ козаковъ, давно за что-то ненавидѣвшій этого человѣка, не вонзилъ въ него ножъ ¹⁾).

Изъ Диканьки кошевой Гордіенко, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой, отправился въ Великія-Будища для представленія шведскому королю. За Гордіенкомъ шло 50 человѣкъ запорожскихъ козаковъ и 115 человѣкъ захваченныхъ запорожцами русскихъ плѣнныхъ солдатъ и малорусскихъ козаковъ, которыхъ запорожцы «били и ругали и мучительски комарами и муравьями травили» ²⁾).

По прибытіи въ Великія-Будища Гордіенко, марта 27 числа, имѣлъ аудіенцію у короля и былъ допущенъ вмѣстѣ со свитой своей, въ числѣ 50 человѣкъ козаковъ, къ цѣлованію королевской руки. Во время представленія королю кошевой атаманъ сказалъ на латинскомъ языкѣ рѣчь ³⁾ съ выраженіемъ благодарности отъ имени запорожцевъ королевскому величеству за обѣщанное покровительство какъ войску запорожскихъ козаковъ, такъ и жителямъ Украины противъ общаго врага. Вмѣсто короля кошевому атаману отвѣчалъ на латинскомъ-же языкѣ государственный секретарь Гермелинъ. Отвѣтъ Гермелина переведенъ былъ на славянскій языкъ комиссаромъ Солданомъ и объявленъ всѣмъ козакамъ. Въ этомъ отвѣтѣ высказывалась запорожскому войску благодарность короля, преподавался искренній совѣтъ воспользоваться благоріятнымъ случаемъ добыть себѣ прежнюю свободу и предковскія права и выхвалялась храбрость ихъ въ бою при Царичанкѣ противъ москалей, доказательствомъ чего были приведенные на лицо 115 человѣкъ русскихъ драгунъ, и обѣщалась большая награда за смѣлое дѣло нападенія на москалей.

Гордіенко, выслушавъ переводъ рѣчи короля, объявилъ, что кромѣ приведенныхъ къ его величеству москалей онъ отправилъ еще около 100 человѣкъ къ хану въ Крымъ и теперь вполне увѣренъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ война короля съ царемъ, приметъ участіе и все панство крымскихъ татаръ.

Король хорошо угощалъ запорожцевъ въ теченіе нѣсколькихъ дней ⁴⁾ и подъ конецъ роздалъ всѣмъ участникамъ царичанскаго дѣла 10.000 флориновъ, кромѣ особыхъ подарковъ Гордіенку и

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286.

²⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, VI, 297.

³⁾ Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III 499.

⁴⁾ Самого Гордіенка и старшинъ угощали при дворѣ на двухъ столахъ.

запорожской войсковой старшинѣ. На пожалованіе кошевому и старшинѣ денежныхъ суммъ король выдалъ особый листъ, который всенародно прочтенъ былъ передъ собраніемъ козаковъ. Это сдѣлано было въ виду того, чтобы предовратить придирку запорожскаго товариства, которое требовало всѣ жалованныя суммы доставлять въ общую скарбницу для всѣхъ членовъ запорожской общины ¹⁾. Кроме того король обѣщалъ къ праадику Христова Воскресенія подарить по 4 рубля и по 1 кафтану на каждого казака. Независимо отъ короля гетманъ Мазепа также пожаловалъ запорожцамъ клейноты и «по полтинѣ 2.000 рублей на курень» ²⁾.

Послѣ окончанія веселыхъ и продолжительныхъ пиршествъ запорожскіе и малороссійскіе козаки составили между собой договоръ, по которому обѣщались помогать другъ другу и дѣйствовать сообща. Договоръ этотъ заключенъ былъ на письмѣ; Мазепа, не могшій, вслѣдствіе будто-бы приключившейся съ нимъ болѣзни, нигуда выходить изъ своей комнаты, подтвердилъ тотъ договоръ цѣлованіемъ креста, евангелія и святыхъ мощей у себя въ домѣ. Вмѣстѣ съ Мазепой принесъ присягу и генеральный писарь войска малороссійскихъ козаковъ. Кошевой атаманъ Гордіенко и запорожцы принесли присягу, марта 28 дня, съ большою торжественностью въ будищанской церкви, передъ главнымъ алтаремъ.

Кромѣ договора запорожскіе и малороссійскіе козаки составили особую статью и отправили ее для утвержденія къ шведскому королю. Статья эта была вполнѣ принята королемъ, и король далъ свое слово исполнить всѣ просьбы козаковъ. Король обѣщалъ взять Мазепу и Гордіенка подъ свое покровительство со всѣми войсками ихъ; онъ обѣявлялъ, что не положитъ оружія передъ царемъ до тѣхъ поръ, пока Украина и Запорожье не будутъ изъяты совершенно отъ власти москалей, такъ что и украинскіе и запорожскіе козаки несомнѣнно будутъ пользоваться тѣми правами, какими они пользовались съ древнѣйшихъ временъ. Зато жители украинскихъ селъ и городовъ должны возвратиться въ свои жилища и доставлять пропитаніе шведскимъ войскамъ, а не прятаться по лѣсамъ и не дѣлать нападеній на шведовъ, какъ прятались и нападали они во время перваго появленія шведовъ въ украин-

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 284; Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Киевъ, 1855, II, 383.

скихъ городахъ. Въ случаѣ нарушенія дисциплины со стороны шведскихъ войскъ самъ король обѣщаетъ производить строгій надъ солдатами судъ и виновныхъ безъ снисхожденія казнить ¹⁾.

Покончивъ со всѣми условіями у гетмана и у короля, запорожцы стали выражать горячее желаніе—поскорѣ начать войну противъ москалей. Но на такое желаніе король, похваливъ пылъ низовыхъ молодцовъ, отвѣчалъ имъ, что прежде всего нужно выждать время и приготовиться къ бою, а потомъ, какъ только настанетъ удобный часъ, король выступитъ изъ Украйны и сражится съ врагомъ. На рѣчь короля, переведенную на русскій языкъ и сказанную публично всѣмъ, запорожцы отвѣчали криками радости, махали въ воздухъ саблями, подбрасывали шапки свои вверхъ. На прощанье нѣкоторые изъ запорожцевъ допущены были къ королевской рукѣ и приглашены къ королевскому столу ²⁾.

Послѣ свиданія съ гетманомъ Мазепою въ Диканькѣ и послѣ представленія Карлу XII, запорожцы, марта 30 числа, оставили Великія-Будища и рѣшили спуститься въ Новосанджары, ниже Полтавы, и расположиться тамъ до извѣстнаго времени станомъ. Проходя мимо Полтавы, запорожцы показали свою ловкость владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Здѣсь ихъ замѣтили русскіе гарнизонные солдаты, которые взошли въ большомъ числѣ на городской валъ и начали оттуда стрѣлять изъ пушекъ по проходившимъ мимо козакамъ. Тутъ кошевой Гордіенко велѣлъ остановиться въ виду врага и приказалъ сотнѣ изъ своихъ людей приблизиться къ городскимъ валамъ. Сотня козаковъ приблизилась на разстояніе 500 шаговъ и выстрѣлила въ москалей. Выстрѣлъ этотъ оказался столь мѣткимъ, что 40 человекъ русскихъ солдатъ свалились замертво. Въ это-же время одинъ изъ запорожцевъ, замѣтивъ на башиѣ русскаго офицера, въ мундирѣ съ галунами, пустилъ въ него одинъ выстрѣлъ и тѣмъ выстрѣломъ свалилъ мертвымъ несчастнаго офицера. Кошевой Гордіенко, выставляя это на видъ шведамъ, замѣтилъ, что среди его людей есть болѣе 600 человекъ козаковъ, которые могутъ стрѣлять на такомъ-же разстояніи и никогда не давать промаха ³⁾.

Отъ Полтавы нѣкоторая часть запорожскихъ козаковъ взялась

¹⁾ Norberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.

²⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.

³⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748 II, 291.

проводить гетманскаго посла съ письмами къ турецкому султану: въ тѣхъ письмахъ Мазепа побуждалъ султана на скорѣйшее соединеніе турецкихъ войскъ съ козаками для борьбы противъ русскаго царя. Главная-же масса запорожцевъ расположилась въ Новосанджарахъ. Это мѣстечко удобно было въ томъ отношеніи, что находилось недалеко отъ королевскаго стана и отъ границы Запорожья, откуда козаки Гордіенка могли получать новыя подкрѣпленія для предстоявшей борьбы съ русскими.

Не смотря на ласковый пріемъ, оказанный шведскимъ королемъ кошевому и запорожцамъ, не смотря на всѣ подарки и щедрый общанія короля въ будущемъ, Гордіенко, однако, впалъ въ нѣкоторое раздумье по поводу затѣяннаго имъ сообщенія съ Мазепою дѣла и выказалъ колебаніе на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ совместно со шведами: «Разглядѣлъ я этихъ шведовъ; полно при нихъ служить! Мнѣ теперь кажется, что лучше намъ попрежнему служить царскому величеству»... Но, повидимому, то было не болѣе, какъ минутное настроеніе, охватившее кошевого,—дальнѣйшія его дѣйствія не говорятъ о его искреннемъ раскаяніи и рѣшительномъ желаніи дѣйствовать въ пользу русскаго царя.

Во все то время, когда Гордіенко, выйдя изъ Сичи, находился въ Малороссіи, за дѣйствіями запорожцевъ зорко слѣдилъ кievскій губернаторъ, князь Дмитрій Голицынъ, которому поручено было наблюдать за спокойствіемъ Малороссіи во время прихода въ нее шведскаго короля. Правой рукой Голицына въ этомъ случаѣ былъ чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ, доставлявшій ему всякія вѣсти о запорожцахъ. Въ концѣ мѣсяца марта князь Голицынъ, послѣ донесенія ему Галагана, сообщалъ гетману Ивану Скоропадскому, что запорожцы стоятъ по крайнимъ отъ Днѣпра городамъ, Переволочнѣ и Келебердѣ; что они прельщаются на лѣвой сторонѣ Днѣпра народъ; что «по ихъ прелестямъ» къ нимъ переходятъ многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и что они внушаютъ народу бить старшинъ и идти на соединеніе съ низовымъ войскомъ; отъ этого собралось много своевольныхъ людей, которые ходятъ купами и разоряютъ пасѣки въ разныхъ мѣстахъ. Не довольствуясь лѣвой стороной, запорожцы, въ числѣ 400 человекъ, переправились на правую сторону Днѣпра и стали разглашать, будто шведскій король со своимъ войскомъ также хочетъ перебраться черезъ рѣку и поднятъ противъ царя народъ правой стороны Днѣпра. Отъ рѣки Днѣпра запорожцы спустились даже къ рѣкѣ Бугу, гдѣ собралось

болѣе 3.000 человекъ запорожскихъ гулятьевъ; своевольцы стали грабить людей, разорять жилья и намѣревались идти для истребленія городовъ уманскаго полка, а въ брацлавскомъ полку они уже взяли и разорили городъ Чечельникъ.

Но Голицынъ, повидимому, былъ безсиленъ, чтобы успокоить взвѣренную ему область и на всѣ эти донесенія, а также на жалобу полковника Григораша, нашелъ возможнымъ отдать только одно приказаніе Григорашу послать людей и на мѣстѣ увротать своевольныхъ гулятьевъ ¹⁾).

Въ противность кievскому губернатору гетманъ Мазепа бралъ всѣ мѣры къ тому, чтобы посвятить въ краю смуту и такъ или иначе закрѣпить за собой запорожцевъ и малороссіянъ, для чего даже пустилъ между ними слухъ о томъ, будто-бы русскому царю измѣнили графъ Шереметевъ и князь Меншиковъ, которые не замедлятъ прибыть въ козацкое войско

Тогда для отвращенія запорожцевъ «отъ Мазепиной прелести» велѣно было разбросать по городамъ Соколку, Кишенку, Келеберду, Бѣликамъ и Санджарову разныя письма изъ русскаго стана, и изъ тѣхъ писемъ низовое войско узнало, что слухъ объ измѣнѣ царю Шереметева и Меншикова былъ пущенъ самимъ Мазепой; чрезъ это многіе изъ запорожцевъ стали покидать обманщика и уходить отъ него прочь.

Апрѣля 4 числа въ городъ Лубны явились кобеляцкій козакъ Герасимъ Лукьяновъ, развозившій подметныя письма въ Соколку, Кишенку и Келеберду съ цѣлью отвращенія запорожцевъ отъ Мазепы и склоненія ихъ къ русскому царю. Онъ въ своемъ сообщеніи показалъ: всѣхъ запорожцевъ при кошевомъ атаманѣ въ ту пору состояло 4.000 человекъ, изъ коихъ только одна половина была вооружена ружьями, а другая ружей не имѣла; жалованья ни тѣ, ни другіе не получали отъ шведскаго короля и питались харчами, добываемыми силой у городовыхъ жителей; особо въ мѣстечкѣ Будищахъ запорожцевъ было до 2.000 человекъ; они собирались принести присягу шведскому королю и съ ними былъ самъ кошевой атаманъ; тѣмъ не менѣе козаки были недовольны на кошевого за то, что онъ ввелъ ихъ въ явную погибель и что чрезъ него они очутились въ безвыходномъ положеніи, потому что въ Сичъ имъ вернуться было нельзя черезъ московскія войска, стоявшія по

¹⁾ Суденко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, I, 6, 8, 10.

объ стороны Днѣпра, а отъ шведскаго короля они не получали никакой платы. Многіе изъ запорожцевъ не хотѣли идти за кошевымъ еще и потому, что не желали служить гетману Мазепѣ и воевать противъ русскаго царя. Но коварный кошевой, чтобы поднять запорожское войско противъ москалей, прибѣгалъ къ такой уловкѣ и говорилъ козакамъ, что «Мазепа идетъ воевать не царя, а только, за безчинность, москвитянъ». Къ тому-же и въ средѣ жителей малороссійскихъ городовъ они далеко не вездѣ находили сочувствіе себѣ. Такъ, кобеляцкій сотникъ Ерофей Ивановъ высказывалъ открытое желаніе перейти со своей сотней къ миргородскому полковнику Апостолу и вѣрно служить царю, и если не сдѣлалъ этого, то единственно потому, что ему воспрепятствовали въ томъ «запорожскіе гультаи и простаки». И не одинъ кобеляцкій сотникъ вѣрно исполнялъ свой долгъ: наказной сотникъ Романъ Родусть также былъ вѣрнымъ царю слугою и доносилъ полковнику Апостолу, что онъ вовсе не сторонникъ запорожцевъ и что ихъ власть онъ сноситъ единственно потому, что они, какъ и ихъ кошевой, уходя изъ Келеберды, запретили жителямъ ея сноситься съ Миргородомъ и приказали избѣгать миргородскаго полковника,—и при всемъ томъ келебердинскій сотникъ надѣется на помощь Бога и просить у полковника панской милости къ себѣ и ласковаго прирѣчья ¹⁾.

Какъ-бы то ни было, но когда фактъ совершился, и запорожцы пошли за Мазепой и шведскимъ королемъ, то царь Петръ Алексѣевичъ, марта 13 числа, вновь послалъ князю Меншикову приказъ стараться объ удержаніи за русскими орельскихъ городковъ, въ особенности Новобородицкой крѣпости, гдѣ было много артилерія и аммуниціи, но мало русскихъ силъ. Въ виду серьезнаго положенія дѣлъ князю Меншикову, который долженъ былъ, по письму царя отъ 4 марта, пріѣхать наскоро въ городъ Воронежъ, теперь повелѣвалось отложить пока поѣздку и продлить свое пребываніе въ Малороссіи: «Ежели вы не въ пути, писалъ царь, то лучше-бъ еще немного тамъ для запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже писалъ до господина фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла; при томъ-же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми (войсками), то хотя-бы частью позадь Полтавы протянуться

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 328, 330, 331.

для сего дѣла»¹⁾. Марта 31 дня посланъ былъ отъ царя указъ и гетману Скоропадскому: ему велѣно было отнюдь не пропускать, какъ сухопутьемъ, такъ и водой, ни въ Сичь, ни въ станъ кошевого Гордіенка и гетмана Мазепы, украинскихъ торговыхъ людей съ хлѣбными запасами и разными товарами.²⁾

Но эта мѣра, не разъ практиковавшаяся въ отношеніи Запорожья Самойловичемъ и Мазепой, теперь не имѣла никакого успѣха. Апрѣля 3 дня бывшій при гетманѣ Скоропадскомъ царскій министръ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій писалъ царю: «Воръ кошевой (Гордіенко) ядъ свой злой еще продолжаетъ: онъ на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали старшину, а сами-бъ до него за Днѣпръ переходили, что уже такая каналія тамъ за Днѣпромъ купами собирается и разбиваетъ пасеки»³⁾.

Кошевой атаманъ Гордіенко въ это время главное вниманіе свое устремилъ на городъ Чигиринъ, гдѣ онъ хотѣлъ достать полковника Игната Галагана и убить его. Для этого, въ виду охраны Галагана велѣно было князю Меншикову (указомъ апрѣля 6 дня) отправить въ Чигиринъ князя Григорія Волконскаго съ драгунскимъ полкомъ. Князь Меншиковъ, отправляя Волконскаго въ Чигиринъ, при этомъ увѣдомлялъ гетмана Скоропадскаго, что «запорожцы, какъ легкомысленные люди, ставятъ себя въ злое дѣло и смятеніе около Чигирина производить». Впрочемъ, тотъ-же Меншиковъ не вѣрилъ въ поголовное возстаніе запорожцевъ противъ русскаго царя: получая вѣсти съ разныхъ сторонъ, онъ находилъ, что Скоропадскій не имѣлъ подлинныхъ свѣдѣній о настоящихъ намѣреніяхъ низовыхъ козаковъ. Князь надѣялся, что при измѣнникѣ Мазепѣ не останется и половины запорожцевъ; если-же и останутся, то только тѣ, которые находятся при кошевомъ атаманѣ Гордіенкѣ; даже и эти послѣдніе въ большомъ количествѣ идутъ въ русскій станъ.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 366, 407; Голицковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 216.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 119.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 366.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Положеніе дѣлъ въ Запорожьи послѣ отхода къ Мазенѣ кошевого Гордіенка.— Столкно-
веніе запорожцевъ съ московскими ратными людьми Каменнаго-Затона.— Дѣйствія апо-
стольцевъ въ запорожской Сичѣ.— Рѣшеніе по поводу прибытія апостольцевъ со стороны
наказнаго атамана Симонченка и сичевого войска.— Выборъ властнаго кошевого Соро-
чинскаго.— Образованіе партіи запорожцевъ въ Сичѣ противъ московскаго царя и
отправка депутаціи въ Крымъ съ просьбой о протекціи хана.— Столкновение кошевого
Гордіенка и шведскаго генерала Крузе съ русскими отрядами у Соколки.— Послѣдній
приказъ царя Петра о посылкѣ къ запорожской Сичѣ отряда русскихъ войскъ подъ
начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана.— Разореніе русскими Калеберы,
Перевалочны, двухъ Бодаювъ и Чортомлыцкой Сичи.— Бѣгство запорожцевъ въ Крымъ.—
Царскій манифестъ о причинѣ погрома Сичи.— Награда полковнику Галагану отъ царя
за его дѣйствія противъ запорожцевъ.

Послѣ ухода кошевого Константина Гордіенка съ козаками на
соединеніе съ гетманомъ Мазепой и королемъ Карломъ XII, въ
запорожской Сичѣ, повидимому, осталось очень немного войска.
Наказнымъ кошевымъ атаманомъ состоялъ въ то время Михайло
Симоновъ или Михайло Симонченко ¹⁾. Въ концѣ мѣсяца марта,
1709 года, Симонченко получилъ письмо отъ Константина Гордіенка
съ извѣщеніемъ о томъ, что половина запорожскаго войска, вы-
шедшая съ властнымъ кошевымъ изъ Сичи, пошла съ нимъ для
соединенія съ шведскимъ королемъ, другая-же половина съ Гордіен-
комъ не пошла и объявила свое намѣреніе служить русскому царю, и
о томъ кошевой даетъ извѣщеніе въ Сичу, чтобы сичевые козаки
то знали. Сичевые-же козаки, поставивъ при Днѣпрѣ сторожу,
безвыходно сидѣли въ Сичѣ и всячески старались не допускать къ
себѣ московскихъ ратныхъ людей Каменнаго-Затона подъ тѣмъ пред-
логомъ, какъ они сами каменнозатонскому воеводѣ Ильѣ Чирикову
писали, чтобы отъ «подпидого ихъ товариства великаго государя

¹⁾ У Костомарова (Мазепа, 516) онъ называется Яковомъ, но въ актахъ
менуется Михайломъ: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

ратнымъ людямъ, посланнымъ въ Сѣчу, не чинилась обида». Въ дѣйствительности - же сичевые козаки не пускали русскихъ въ Сичь именно потому, что въ ней слишкомъ мало было на лицо войска и отъ того все товариство находилось въ большомъ опасеніи. Вслѣдствіе этого запорожцы зорко слѣдили за всякимъ движеніемъ каменнозатонцевъ, и когда однажды каменнозатонскіе солдаты отправились на бударахъ рубить дрова въ урочища противъ песковъ, то козаки напали на нихъ съ ружьями, пищалями и копьями, 6 человекъ изъ нихъ до смерти убили, 2 ранили, нѣсколькихъ, заловивъ, перевязали, будары-же изрубили и затопили. Но вскорѣ послѣ этого настроеніе запорожскихъ козаковъ перемѣнилось, и когда каменно-затонскіе пушкаріи въ другой разъ повѣхали, по старому знакомству, «на курень» для покупки невода, то запорожцы, связавъ ихъ, объявили, что теперъ у нихъ въ Сичѣ войска очень много и что они, поэтому, имѣютъ намѣреніе идти подъ Каменный-Затонъ противъ русскихъ. И точно, вскорѣ послѣ того запорожцы, конные и пѣшіе, перебрались въ большомъ числѣ черезъ Бѣлозерку и собрались въ окопъ, который находился за рѣчкой, въ двухъ верстахъ отъ Каменнаго-Затона. Въ виду такой опасности воевода крѣпости Чириковъ извѣстилъ о томъ государя и приготовился дать отпоръ сичевикамъ. Онъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей, бывшихъ въ Затонѣ, разставилъ ихъ по бастіонамъ и по линіямъ города, велѣлъ приготовить къ стрѣльбѣ всѣ пищали, которыя стояли на бастіонахъ, къ рѣчкѣ Бѣлозеркѣ послалъ прибавочныхъ людей на караулы. Для вящаго охраненія бастіоновъ воевода приказалъ утвердить пищали на раскатахъ, потому что въ городскихъ стѣнахъ земля была «песчаная и въ бойницы многой пушечной стрѣльбѣ быть невозможно». Кроме того воевода, для охраны казны и ратныхъ людей Каменнаго-Затона, установилъ каждодневные разъѣзды солдатъ подъ начальствомъ офицеровъ за неимѣніемъ конныхъ полковъ въ Затонѣ, выбравъ ихъ изъ пѣхотныхъ. Но запорожцы, пробывъ за рѣчкой Бѣлозеркой, въ окопѣ до ночи (2 апрѣля), добровольно оставили тотъ окопъ и ушли въ Сичь, куда потомъ пришло письмо отъ кошевого Гордіенка съ извѣстіемъ о томъ, что онъ проситъ у шведскаго короля позволенія идти подъ Самарскіе городки и добывать ихъ оружіемъ ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св 27, № 5.

Причина такого удаленія запорожцевъ отъ Каменнаго-Затона осталась для воеводы неизвѣстной. Но въ Сичи въ то время происходили событія, которыя неминуемо должны были привлечь къ себѣ вниманіе всего наличнаго числа товариства.

Уже давно послано было царское приказаніе князю Меншикову о томъ, чтобы переимѣнить старшину въ Сичѣ; неоднократно писано было о томъ и князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукому. Послѣдній, въ свою очередь, писалъ о томъ - же миргородскому полковнику Апостолу. Но полковникъ Даниилъ Апостолъ только послѣ выхода кошевого Гордіенка въ Переволочну отправилъ въ Сичь нѣсколько человекъ козаковъ своего полка, бывшихъ запорожскихъ войсковыхъ старшинъ, съ немалымъ количествомъ денегъ и съ письмами, и далъ имъ наказъ, такъ или иначе, свергнуть кошевого атамана и судью войсковаго «и во всѣхъ противностяхъ учинить диверсію». Посланные должны были публично, на войсковой радѣ, объявить всему запорожскому войску, что кошевой и войсковой судья перешли на сторону Мазепы не потому, чтобы находили такое дѣло правымъ и законнымъ, а потому что были подкуплены измѣнникомъ.

Когда запорожскіе «кошевые» или «апостольцы» явились въ Сичу, то тамъ, по обыкновенію, собрана была войсковая рада. На той радѣ, какъ и раньше того, немедленно образовались двѣ партіи— партія козаковъ старыхъ, стоявшая за русскаго царя, и партія козаковъ молодыхъ, стоявшая противъ русскаго царя. Послѣдняя подъ конецъ взяла верхъ надъ первою, и тогда рѣшено было привезенное посланцами Апостола письмо отправить войсковымъ асауломъ къ кошевому Гордіенку, а самихъ посланцевъ задержать въ Сичѣ. И въ теченіе всего того времени, пока войсковой асаулъ успѣлъ доскакать до Гордіенка и повернуться обратно, запорожцы держали «апостольцевъ» прикованными къ пушкамъ за шеи и ежеминутно грозили имъ смертною казнью. Но «апостольцы», имѣя свободными руки, отбили другъ друга отъ пушекъ и тѣмъ спаслись отъ бѣдствія, убѣжавъ изъ Сичи. Тогда, послѣ бѣгства апостольцевъ, въ Сичи вновь произошла войсковая рада. На этотъ разъ партія старыхъ козаковъ взяла верхъ надъ партіей молодыхъ, и въ заключеніе было рѣшено стоять за русскаго государя, а къ кошевому Гордіенку отправить о томъ письмо съ нарочными, семнадцатю человекъ, посланцами. Въ письмѣ запорожцы сваливали всю вину за всѣ свои дѣйствія на Гордіенка и отказывались по-

виноваться ему, какъ кошевому: «Какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай; ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царскаго величества, выбрали себѣ вмѣсто тебя другого кошевого». И точно. сичевые запорожцы лишили заочно Константина Гордіенка званія кошевого атамана и на его мѣсто выбрали Петра Сорочинскаго. Новый кошевой отправилъ письмо запорожцамъ, бывшимъ въ Переволочнѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ совѣтомъ всѣмъ товарищамъ не приставать къ Гордіенку и дожидаться извѣстій изъ Сичи ¹⁾.

Князь Меншиковъ, находившійся въ то время въ городѣ Харьковѣ, получилъ извѣстіе о томъ въ письмѣ отъ 5 апрѣля, и увѣдомилъ о происшедшемъ въ Сичѣ государя.

Самъ царь находился въ то время въ Воронежѣ; онъ все еще не терялъ надежды удержать за собой, по крайней мѣрѣ, запорожцевъ, оставшихся въ Сичѣ, для чего приказалъ написать для нихъ новый увѣщательный листъ и отправить его въ Кошъ ²⁾.

Такой листъ написанъ былъ апрѣля 7 дня. Въ немъ говорилось, что царское величество получилъ извѣстіе въ городѣ Воронежѣ объ измѣнѣ кошевого атамана Костки, но надѣется, что такое дѣло произошло отъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, помимо воли искренне преданныхъ русскому престолу запорожцевъ. Поэтому царское величество приказываетъ вѣрнымъ запорожцамъ, согласясь виѣсть, выбрать другого «добраго» кошевого атамана, учинить присягу на вѣрность русскому престолу и прислать въ городъ Воронежъ нѣкоторыхъ полковниковъ или знатнѣйшихъ старшинъ; туда же доставить всѣхъ противниковъ и измѣнниковъ «во свидѣтельство вѣрности» царскому величеству; за такую «нерушимую вѣрность» царское величество обѣщаетъ наградить войско своею «высокою милостію». По избраніи же новаго кошевого атамана товариство должно своими универсалами объявить о немъ всему войску, дабы, по тому объявленію, вѣрные, находящіеся при Косткѣ, козаки могли возвратиться назадъ; чрезъ то, во-первыхъ, прекратится пролітіе невинной христіанской крови, уже пролитой въ Царичанкѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ своевольниковъ, много погибло невинныхъ людей; во-вторыхъ сохранится въ цѣлости отчизна (Малороссія) и будетъ предотвращена собственная гибель козаковъ, которая, несомнѣнно,

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 281.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 281.

можетъ послѣдовать послѣ заключенія мира русскихъ со шведами, уже ищущими и желающими такого мира ¹⁾.

Какъ-бы въ отвѣтъ на такое письмо царь получилъ, апрѣля 11 числа, отъ русскаго резидента въ Константинополь, Петра Толстого, такую вѣсть: «Четвертаго числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ козаковъ запорожскихъ: прислали къ крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подъ свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что нималого о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно и уповаю на Бога, что Порта къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится» ²⁾.

Но Порта, сказать правильнѣе, не знала, какъ ей и поступать съ запорожцами: крымскій ханъ былъ за запорожцевъ и доносилъ султану, что они просятъ въ его протекцію; силистрійскій правитель Юсупъ-паша, задаренный русскими, доносилъ падишаху, что запорожцы поддались шведскому королю; а русскій резидентъ представлялъ султану, что запорожцы находятся въ подданствѣ русскаго царя и только немногіе изъ нихъ пошли за гетманомъ Мазепой и за шведскимъ королемъ.

Въ дѣйствительности запорожцы все еще колебались и не знали, на какую сторону имъ склониться. Если-бы войско не было смущено Мазепой, если - бы оно не было увлечено Гордіенкомъ, то все дѣло окончилось-бы тѣмъ-же, чѣмъ оканчивались въ Запорожьи подобныя затѣи и раньше: запорожцы, главнымъ образомъ молодята, пошумѣли-бы на радѣ, покричали-бы на площади, даже, можетъ быть, и передрались-бы между собой, но все-таки въ концѣ концовъ не рѣшились-бы поднять оружіе противъ русскаго государя.

Возбужденные Гордіенкомъ, сичевые козаки уже вскорѣ послѣ избранія въ кошевые Петра Сорочинскаго, собравшись на раду вмѣстѣ съ новымъ кошевымъ атаманомъ, объявили себя сторонниками шведовъ, а потомъ отправили посланцевъ изъ Сичи къ крымскому хану съ просьбой принять ихъ подъ свою протекцію.

Какъ ни соблазнительно было для хана такое предложеніе, но онъ не рѣшился исполнить просьбы запорожцевъ и сообщилъ о

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1850, II, 281.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи Москва, 1865, XV, 355.

томъ великому везиру. Великій везиръ отвѣчалъ хану совѣтомъ не допускать къ себѣ запорожцевъ въ виду того, чтобы тѣмъ устранить всякій поводъ къ ссорѣ падишаха съ русскимъ государемъ ¹⁾).

При всемъ томъ на этотъ разъ сичевое войско отъ своего рѣшенія дѣйствовать противъ русскихъ не отказалось, и причиною тому былъ все тотъ-же кошевой Гордіенко.

Кошевой Гордіенко, послѣ свиданія со шведскимъ королемъ въ Великихъ-Будищахъ и послѣ небольшого, но удачнаго дѣла на валахъ города Полтавы, взявъ направленіе внизъ отъ Полтавы и приблизился къ мѣстечку Новосанджарамъ. Онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ цѣль — стать на границѣ Гетманщины и Запорожья, чтобы имѣть постоянное сообщеніе съ запорожскою Сичью. Еще до поѣздки въ Великія-Будища на свиданіе съ королемъ Карломъ Гордіенко успѣлъ захватить въ свои руки главные города вдоль рѣки Ворсклы до Переволочны и теперь направился туда для занятія ихъ своими козаками.

Эта близость кошевого къ границамъ Запорожья, очевидно, и смутила все сичевое товариство. Но и въ станѣ самого Мазепы въ это время не совсѣмъ было спокойно. По показанію очевидцевъ, въ то время у Гордіенка всего войска было 38 куреней, счетомъ по 300, 200 и 150 человекъ въ каждомъ куренѣ; следовательно, взявъ среднимъ числомъ по 200 человекъ на курень, получимъ 7.600 человекъ. Такая армія нуждалась въ большихъ средствахъ для пропитанія, а между тѣмъ средствъ этихъ было слишкомъ недостаточно. Не получая ни отъ гетмана Мазепы, ни отъ короля Карла опредѣленнаго жалованья, запорожцы, находясь въ Новосанджарахъ, стали было высказывать претензію по этому поводу и раздѣлились между собой на партіи, при чемъ одна партія требовала дѣйствовать со шведскимъ королемъ, не домогаясь отъ него никакой платы; другая настойчиво хотѣла добиться отъ короля платы: «Буде жалованья отъ короля и отъ Мазепы не будутъ давать, то козаки будутъ къ московской сторонѣ» ²⁾. Однако, это недовольство скоро прекратилось, и отъ Новосанджаръ кошевой задумалъ было уже идти къ городу Нехворощѣ, стоявшему у

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 125.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 334.

берега рѣки Орели, гдѣ дѣйствовали противъ мѣстныхъ жителей русскія силы. Для этого установленъ былъ мостъ черезъ рѣку Ворсклу «на козлахъ». Кошевой уже перешелъ было рѣку Ворсклу, но потомъ отъ своего намѣренія отказался, и на Нехворощу пошла только небольшая часть запорожскаго войска.

Въ то время въ области между рѣками Ворсклою и Орелью дѣйствовалъ, по распоряженію фельдмаршала, съ нѣсколькими полками русскій генералъ-лейтенантъ Ренне, нѣмецъ по происхожденію, лютеранинъ по вѣрѣ. Полковникъ Кампель изъ команды генерала Ренне сжегъ города Маячку и Нехворощу, у лѣваго берега Орели; жителей этихъ городовъ, державшихъ сторону шведовъ, перебилъ безъ различія пола и возраста и послѣ того написалъ письмо къ кошевому Гордиенку и запорожцамъ, въ которомъ упрекалъ ихъ за то, что они соединились съ «воромъ и измѣнникомъ» Мазепою. Онъ представлялъ имъ всѣ несчастія, какія угрожаютъ имъ, если они дальше будутъ противиться русскому государю; указывалъ на то, на сколько ничтожна сила шведовъ, если они не могли помѣшать ему превратить въ пепелъ названные города у рѣки Орели и, наконецъ, окончилъ словами, что запорожцы вошли въ союзъ «съ изычниками» для веденія войны противъ истинныхъ христіанъ.

По словамъ шведскаго историка Нордберга, русскіе въ это время ничѣмъ не пренебрегали для того, чтобы только вернуть къ себѣ запорожцевъ. Но всѣ эти старанія были напрасны: кошевой Гордиенко, не испугавшись угрозъ и не соблазнившись обѣщаніями, занялъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы мѣстечко Новосанджары и другіе города, находившіеся по Ворсклѣ и по рѣкѣ Днѣпру до крѣпости Переволочны, твердо рѣшившись защищать эти посты до послѣдней крайности. Шведскій король, не желая оставить запорожцевъ безъ должной помощи, отдалъ приказъ своему генералъ-маіору Крузе двинуться къ нимъ тотчасъ-же, какъ только окажется у нихъ въ томъ нужда. И когда обнаружены были признаки того, что русскіе желаютъ сдѣлать нападеніе на запорожцевъ, то генералъ Крузе отрядилъ, въ два пріема, нѣсколько сотъ человекъ конницы въ помощь запорожцамъ. Однако, шведы скоро замѣтили, что москали не имѣютъ никакого желанія переходить рѣку Ворсклу и что они стараются только тревожить стоявшихъ на другой сторонѣ ея своихъ противниковъ. Поэтому дѣйствительная опасность для запорожцевъ могла быть только со стороны полтавской территоріи

и они сильно начали настаивать на томъ, чтобы король прогналъ москалей изъ полтавской территоріи, ссылаясь на то, что тогда кошевой могъ-бы въ короткій срокъ собрать значительныя вокругъ себя силы, такъ какъ округъ тотъ очень богатъ населеніемъ, склоннымъ къ запорожцамъ; къ тому-же, съ удаленіемъ москалей отъ Полтавы, Гордіенко имѣлъ-бы свободный проходъ до самой границы Запорожья. Эти доводы были вполне одобрены, особенно по причинѣ безпокойствъ, внушаемыхъ превосходствомъ военныхъ силъ русскихъ, и самъ король отправился съ нѣсколькими полками къ городу Полтавѣ, для разузнанія мѣста, къ запорожцамъ-же послалъ генераль-маіора Крузе и велѣлъ наскоро устроить мостъ черезъ рѣку Ворсклу въ мѣстечкѣ Соколкѣ.

Возлѣ мѣстечка Соколки, на лѣвомъ берегу Ворсклы, находился въ то время, апрѣля 12 числа ¹⁾, русскій генераль-лейтенантъ Ренне, съ корпусомъ въ 7.000 человекъ, состоявшимъ изъ драгунъ и пѣхоты. Онъ расположился лагеремъ въ такомъ мѣстѣ, которое было почти кругомъ охвачено Ворсклой и имѣло только съ одной стороны узкій выходъ; въ томъ выходѣ генераль Ренне поставилъ отрядъ изъ 3.000 человекъ конницы.

Противъ генерала Ренне и долженъ былъ дѣйствовать шведскій генераль-маіоръ Крузе. Крузе собралъ силы около Новосанджаръ, и имѣлъ съ собой 2.730 человекъ конницы ²⁾, 500 человекъ козаковъ малороссійскихъ, 3.000 человекъ запорожцевъ пѣшихъ подъ начальствомъ кошевого атамана Гордіенка. Часть послѣднихъ получила приказаніе стеречь мостъ въ Соколкѣ въ то время, какъ другіе будутъ переходить рѣку вплавь, чтобы напасть на русскій лагерь. Вслѣдствіе обхода разстоянія болѣе двухъ миль, генераль Крузе долженъ былъ двигаться всю ночь и съ наступленіемъ дня былъ за Кобеляками и за Бѣлой ³⁾, гдѣ русскіе имѣли нѣсколько передовыхъ карауловъ. Къ счастью для шведовъ въ то утро былъ большой туманъ, чѣмъ Крузе и воспользовался, какъ нельзя лучше, перейдя рѣку Ворсклу и расположившись между передовой стра-

¹⁾ Шведскій историкъ Адлерфельдъ, участникъ похода Карла XII въ Россію, говоритъ, что битва шведовъ съ русскими была 13 апрѣля въ Соколкѣ: «le 13, il y eut une action près de la Worskla & Sokolka»: Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 434.

²⁾ По русскимъ источникамъ 4.000 человекъ шведовъ.

³⁾ Что это за Бѣлая—неизвѣстно; можетъ быть Бѣлики, но она стоитъ выше Кобелякъ, на лѣвомъ берегу Ворсклы, а Кобеляки на правомъ.

жей и лагерь русских. Дѣйствіе открыли первыми казаки: лишь только была занята позиція, какъ они напали на русскихъ фуражировъ и многихъ изъ нихъ перебили и въ плѣнъ забрали. Впрочемъ, больше того казаки ничего не сдѣлали: потому-ли, что они не имѣли охоты къ битвѣ, или-же потому что (какъ о томъ говорилось между шведами) не желали дѣлать слишкомъ большого зла русскимъ, но только они не воспользовались удачнымъ началомъ дѣла, а нѣкоторые изъ нихъ даже тотчасъ послѣ этого прочь убѣжали¹⁾. При всемъ томъ передовая стража русскихъ, испугавшись, пустилась во весь духъ въ бѣгство. Тогда генералъ Крузе двинулъ двухъ полковниковъ своихъ ближе къ лагерю русскихъ, и одинъ изъ нихъ, полковникъ Гилленштернъ, благодаря искусному движенію, расположился съ 500 человекъ конницы при входѣ въ самый лагерь русскихъ. Это движеніе распространило ужасъ среди послѣднихъ, и тогда генералъ Ренне немедленно собралъ начальниковъ полка для совѣщанія, что предпринять для спасенія войска. Онъ спросилъ, что они предпочитаютъ, сдаться-ли въ плѣнъ шведамъ, или-же пробиться черезъ нихъ со шпагой впередъ. Всѣ начальники, зная истинныя намѣренія самого генерала, согласились на послѣднее. Тогда произошла жестокая схватка. Москали, чтобы пробиться впередъ, дрались отчаянно, а шведы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы ихъ не выпустить. Но такъ какъ шведскій полковникъ Гилленштернъ не могъ долго противиться превосходящему его силой врагу и не получилъ во время подкрѣпленія, то русскіе успѣли, небольшими отрядами, не соблюдая порядка, выдти изъ своей засады. Шведы гнались за ними и убивали на мѣстѣ. Запорожцамъ въ это время поручено было отъ генерала Крузе охранять мостъ на рѣкѣ Ворсклѣ, и кошевой далъ обѣщаніе исполнить порученіе въ точности. Но вмѣсто того запорожская кавалерія занялась грабежомъ и сожженіемъ русскаго лагеря, чѣмъ вызвала потомъ нареканія со стороны собственныхъ товарищей, пѣхотныхъ казаковъ, за то, что, будучи въ первый разъ вмѣстѣ со шведами въ военномъ дѣлѣ, такъ плохо сражалась противъ русскихъ. Послѣ сожженія и разграбленія запорожцами русскаго

¹⁾ По показанію одного шведскаго драгуна, взятаго русскими въ плѣнъ, запорожцы стояли за рѣкой Ворсклою и, видя бой русскихъ со шведами, только кричали, а потомъ, не бившись съ русскими, назадъ убѣжали: Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, III, 388, 381,

лагеря генераль Крузе оставилъ свою погоню и возвратился назадъ къ мосту. Вслѣдствіе изнеможенія лошадей онъ не имѣлъ больше возможности преслѣдовать русскихъ, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 11 миль разстоянія. Отсутствіемъ генерала Крузе хотѣлъ воспользоваться русскій генераль Гейнъ, имѣвшій намѣреніе овладѣть мостомъ, у котораго кошевой Гордіенко оставилъ всего лишь около сотни козаковъ, хотя далъ обѣщаніе крѣпко защищать его. И если-бы русскіе воспользовались такою оплошностью враговъ, то это могло-бы имѣть весьма серьезныя послѣдствія для шведовъ. Но Гейнъ прибылъ только на слѣдующій день послѣ того, какъ шведы удалились отсюда. Вслѣдствіе того, что русскіе не оказывали никакого сопротивленія у Соколки и думали лишь объ одномъ спасеніи, гнавшіеся за ними шведы большого вреда имъ не причинили. При всемъ томъ въ этомъ сраженіи у русскихъ, сверхъ 1.000 человекъ было ранено и 400 человекъ убито. У шведовъ-же потеря не превышала болѣе 290 человекъ. Король, увѣдомленный о происшедшемъ сраженіи, остался очень недоволенъ за то, что предпріятіе, хорошо обдуманное, не было приведено въ исполненіе ¹⁾).

Такъ рассказываетъ о результатѣ битвы шведовъ и козаковъ съ русскими у Соколки шведскій историкъ Нордбергъ ²⁾).

По русскимъ извѣстіямъ сраженіе у Соколки, напротивъ того, окончилось въ пользу русскихъ. Шведы и запорожцы, посланы были королемъ 11 апрѣля и, обойдя русскихъ, стоявшихъ у мѣстечка Соколки «по сію сторону» рѣки Ворсклы, хотѣли взять ихъ въ атаку, но русскіе, не дождавшись атаки, сами бросились въ бой. Послѣ жестокой схватки русскіе сбили съ поля шведовъ и запорожцевъ, уложили на мѣстѣ 800 человекъ непріятелей, немалое число изрубили запорожцевъ при переправѣ черезъ Ворсклу и взяли у нихъ 4 пушки, при чемъ «множество» запорожцевъ и шведовъ еще утонуло въ рѣкѣ при общей суматохѣ ³⁾).

Во время столкновенія русскихъ со шведами и запорожцами фельдмаршалъ графъ Шереметевъ стоялъ за рѣкой Псломъ, въ городѣ Голтвъ. Узнавъ, что запорожцы пошли къ Соколкѣ, фельд-

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 297,

²⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 296 — 298.

³⁾ Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, III, 82.

маршалъ отрядилъ 2,500 человекъ русскаго войска и приказалъ имъ атаковать запорожскую стоянку, т. е. Новосанджары. Эта партія «нерегулярныхъ войскъ» выслана была отъ Голтвы внизъ» 13 числа и напала у Новосанджаръ на запорожцевъ. Запорозжцы, не ожидая ни откуда нападеній, потеряли убитыми 60 человекъ и плѣнными 12. Тогда изъ мѣстечка Рѣшетиловки шведскій генералъ Крейцъ послалъ на русскіхъ отрядъ своихъ солдатъ, и русскіе немедленно обратились въ бѣгство ¹⁾.

О битвѣ русскіхъ со шведами и запорожцами въ Соколкѣ князь Меншиковъ отправилъ царю Петру Алексѣевичу подробную реляцію, и исходъ дѣла представилъ въ пользу русскіхъ.

Царь на донесеніе Меншикова отвѣтилъ ему письмомъ отъ 22 апрѣля изъ города Азова. Въ томъ письмѣ былъ отвѣтъ и на извѣстіе Меншикова о выборѣ въ Сичь вмѣсто Гордіенка кошевымъ атаманомъ Сорочинскаго. «Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей компаніи такимъ щастіемъ благословилъ, а намъпаче тому я радъ, что проклятые воры (запорозжцы) сами видѣли, что шведовъ разбили, отъ чего принуждены оныя будутъ разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго, онъ добрый человекъ, я его знаю ²⁾».

Но надежды, возлагавшіяся царемъ на Петра Сорочинскаго, не оправдались, и едва прошло какихъ-нибудь двѣ недѣли со времени написанія царскаго письма Меншикову, какъ царь узналъ, что и новый кошевой атаманъ, а за нимъ и большинство сичевого товарищества, стали дышать такимъ-же духомъ, какимъ дышалъ противъ царя и старый кошевой Гордіенко. Что произошло за это время въ Сичи—неизвѣстно, но только царь Петръ Алексѣевичъ отдалъ приказаніе князю Меншикову двинуть изъ Кіева въ запорожскую Сичь три полка русскіхъ войскъ съ тѣмъ, чтобы истребить все гнѣздо бунтовщиковъ до основанія. Князь Меншиковъ возложилъ исполненіе царскаго приказанія на полковника Петра Яковлева и велѣлъ ему, по прибытіи на мѣсто, прежде всего объявить запорожцамъ, отъ имени государя, что если они принесутъ повинную, выберутъ новаго кошевого атамана и прочихъ старшинъ и пообѣщаютъ при крестномъ цѣлованіи вѣрно служить государю, то всѣ ихъ вины

¹⁾ Nordberg, Histoire de Charles XII, 298; Судіенко, Матеріалы, II, 835.

²⁾ Голицыновъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 325.

простятся и сами они будутъ при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ ¹⁾.

Полковникъ Петръ Яковлевъ съѣлъ съ полками на суда подъ Кіевомъ и пустился внизъ по Днѣпру. За нимъ по берегу Днѣпра должна была слѣдовать конница, чтобы не дать возможности запорожцамъ отрѣзать пути двигавшемуся по Днѣпру русскому флоту.

Спускаясь по Днѣпру, полковникъ Яковлевъ, прежде всего, апрѣля 16 числа ²⁾, напалъ на мѣстечко Келеберду. Въ Келебердѣ стоялъ запорожскій таборъ; на него напала партія донцевъ и, переколовъ немалое число запорожцевъ, самое мѣстечко предала огню ³⁾. Отъ Келеберды полковникъ Яковлевъ дошелъ до Переволочны. Въ Переволочнѣ въ то время было 1.000 человекъ запорожцевъ да 2.000 окрестныхъ жителей и всѣми ими управлялъ запорожскій полковникъ Зинець. Въ центрѣ мѣстечка устроенъ былъ замокъ и въ томъ замкѣ сидѣлъ гарнизонъ въ 600 человекъ, хорошо снабженный запасами и вполнѣ увѣренный въ своемъ превосходствѣ надъ русскими. Подступивъ къ мѣстечку Переволочнѣ, полковникъ Яковлевъ сперва потребовалъ отъ запорожцевъ добровольной сдачи ⁴⁾. Но запорожцы, уже раньше того нѣсколько разъ побѣждавшіе русскихъ, отвѣтили москалямъ выстрѣлами. Тогда Яковлевъ открылъ по Переволочнѣ жестокой огонь, направляя ядра и бомбы въ самый замокъ мѣстечка. Запорожцы, имѣвшіе небольшую сравнительно съ русскими численность и менѣе русскихъ дисциплинированные, отбивались отъ нихъ съ большимъ упорствомъ, но все-же не могли стоять противъ нихъ болѣе двухъ часовъ: русскіе ворвались въ мѣстечко, тысячу человекъ избили на мѣстѣ, нѣсколько человекъ пожгли въ сараяхъ и избахъ, нѣсколько козаковъ сами потонули при переправѣ черезъ Днѣпръ и Ворсклу, такъ что взято было въ плѣнъ всего лишь 12 человекъ козаковъ, да одно знамя и одна пушка. Остервененіе со стороны русскихъ такъ было велико, что они избили женщинъ, дѣтей и стариковъ, сожгли всѣ мельницы на рѣкахъ, всѣ строенія въ мѣстечкѣ, всѣ суда, стоявшія на Днѣпрѣ у переправы Переволочанской.

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 299.

²⁾ Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1886, 521.

³⁾ Голицковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, III, 83.

⁴⁾ По письму Шереметева къ Скоропадскому Переволочну братъ полковникъ Шарфъ съ солдатами и драгунами, высланный Яковлевымъ и Волковскимъ: Судѣнко, Матеріалы, II, 332.

Этотъ разгромъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на запорожцевъ, какъ находившихся въ Сичи, такъ и бывшихъ съ кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ. Сичевые козаки послали князю Меншикову письмо съ готовностью смириться передъ царскими войсками, но съ условіемъ присылки государевой «обнадеживательной» грамоты. Козаки, бывшіе съ Гордіенкомъ, оставили всѣ города по Ворсклѣ подъ предлогомъ, что они не въ силахъ защищать всѣ проходы на этой рѣкѣ отъ русскихъ. Однако, собравшись въ Новосанджарахъ, они снова взяли перевѣсъ надъ русскими и нанесли имъ пораженіе, и такъ какъ въ это-же время король подаль имъ надежду, что онъ пришлетъ къ нимъ отъ себя скорую помощь, лишь только они дадутъ ему знать, что нуждаются въ ней, то къ запорожцамъ и кошевому Гордіенку вновь вернулась ихъ храбрость ¹⁾.

Между тѣмъ полковникъ Яковлевъ, разгромивъ мѣстечко Переволочну, двинулся ниже по Днѣпру и достигъ сперва до Новаго, а потомъ до Стараго Кодака. Въ обоихъ Кодакахъ Яковлевъ не встрѣтилъ большого сопротивленія: главная масса жителей сдалась русскимъ добровольно и была отправлена въ крѣпость Новобогородицкую; нѣкоторые изъ жителей скрылись было на острова и въ степи, но были пойманы русскими солдатами, отряженными полковникомъ въ степь по обѣ стороны, и истреблены на мѣстѣ; какъ Новый, такъ и Старый Кодакъ до тла выжжены, и это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы эти мѣстечка не обратились на будущее время въ пристанища для «воровъ» и не послужили во вредъ русскимъ, находясь въ тылу послѣднихъ. У Стараго Кодака Яковлевъ съелъ съ войскомъ въ суда и спустился черезъ первый порогъ Кодацкій, при чемъ флотилія его, управляемая вмѣсто разбѣжавшихся запорожскихъ лодмановъ русскими стрѣльцами, потерпѣла нѣкоторый уронъ: во время переправы разбито было два судна, но безъ несчастныхъ послѣдствій для людей. Ниже Кодацкаго порога къ Яковлеву прибыли сухопутные отряды, слѣдовавшіе за нимъ по берегу Днѣпра, и тогда онъ пустился далѣе внизъ рѣкой.

Проплывъ остальные пороги, миновавъ островъ Хортицу, Яковлевъ, мая 7 дня, прибылъ къ Каменному-Затону. Здѣсь онъ получилъ подкрѣпленіе и офицерами, и солдатами, въ 772 человекъ и боевыми запасами отъ воеводы крѣпости. Начальниками каменно-

¹⁾ Nordberg, Histoire Charles XII, à la Haye, 1748, II, 298.

затонскаго отряда солдатъ назначены были 3 подполковника—Федоръ Спѣшневъ, Гавріилъ Вульфъ, Никифоръ Телѣгинъ, одинъ майоръ Оома Шитовскій, нѣсколько офицеровъ и урядниковъ. Сичъ въ то время была безъ кошевого атамана: Петро Сорочинскій ушелъ, вмѣстѣ съ козакомъ Кирикомъ Менькомъ, въ Крымъ просить татаръ на помощь запорожцамъ противъ русскихъ; кошевого замѣнялъ «добрый» т. е. храбрый и расторопный, козакъ, Якимъ Богущъ. По случаю ходившей въ Каменномъ-Затонѣ какой-то заразной болѣзни, Яковлевъ не вошелъ въ городъ, а сталъ вблизи него и оттуда послалъ къ запорожцамъ козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ отъ князя Меншикова. Но запорожцы утопили того Сметану въ рѣчкѣ. Тогда Яковлевъ послалъ къ нимъ другое письмо, лично отъ себя. На это письмо запорожцы отвѣчали, что они не считаютъ себя бунтовщиками, признаютъ надъ собой власть царскаго величества, но царскихъ посланцевъ къ себѣ не допускаютъ. Ожидая съ минуты на минуту своего кошевого изъ Крыма, запорожцы, желая выиграть время, показали даже видъ, будто склоняются на сторону государя. Яковлевъ ждалъ положительнаго отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ, но потомъ рѣшилъ взять Сичу приступомъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ осмотрѣть Сичъ со всѣхъ сторонъ и высказать удобное мѣсто для приступа; для осмотра отправлены были переодѣтые въ запорожское платье русскіе офицеры. Посланные извѣстили полковника, что подступитъ на лошадахъ къ Сичѣ невозможно, потому-что она со всѣхъ сторонъ была обнята водами. И точно, это было 10 мая, когда вода въ Днѣпрѣ и его вѣткахъ достигаетъ наибольшаго уровня высоты послѣ весенняго разлива; но въ то время полая вода настолько была высока, что Сича, обыкновенно заливаемая только съ трехъ сторонъ водами обнимавшихъ ее рѣчекъ, на этотъ разъ залита была, на 35 сажень разстоянія, и съ четвертой, степной стороны, гдѣ обыкновенно въ лѣтнее время былъ сухой доступъ въ Сичу. Можетъ быть, это произошло, какъ гласитъ о томъ преданіе, еще и отъ того обстоятельства, что въ виду опасности со стороны русскихъ, запорожцы, по внушенію Якіма Богуща, откопали въ то время свою Сичу отъ материка, со стороны степи, глубокимъ ровомъ и пропустили въ тотъ ровъ воду ¹⁾. Во всякомъ случаѣ въ то лѣто воды тамъ было такъ много, что она даже часть куреней затопила

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 441.

собой. Посланные лазутчики извѣстили полковника, что близъ Сичи имѣется отбѣзжій запорожскій карауль, который легко можетъ быть истребленъ. Тогда Яковлевъ отправилъ противъ него нѣсколько человекъ солдатъ, которые напали на караульщиковъ, нѣсколькихъ изъ нихъ перебили, нѣсколькихъ въ водѣ потопили, а одного привели къ полковнику живымъ. Отъ этого послѣдняго Яковлевъ узналъ, что запорожцы всѣ, какъ одинъ человекъ, рѣшили дѣйствовать противъ русскихъ войскъ. «Замерзло воровство во всѣхъ», писалъ Яковлевъ послѣ этого въ своемъ письмѣ князю Меншикову ¹⁾. Тогда русскіе рѣшили сперва сдѣлать шанцы, на шанцы возвести пушки и изъ пушекъ открыть пальбу черезъ воду въ Сичу. Но эта попытка, однако, не привела къ желанному результату: оказалось, что за дальнимъ разстояніемъ выстрѣлы изъ пушекъ не достигали своей цѣли. Послѣ этого объявлено было сдѣлать приступъ къ Сичѣ на лодкахъ. Запорожцы подпустили русскихъ на близкое разстояніе, потомъ сразу ударили изъ пушекъ и ружей, нѣсколько человекъ офицеровъ ранили, 300 человекъ солдатъ, и въ томъ числѣ полковника Урна, убили, нѣсколько человекъ взяли въ плѣнъ и «срамно и тирански» умертвили ихъ въ Сичи. Тогда русскіе принуждены были отступить. Положеніе полковника Яковлева сдѣлалось затруднительнымъ. Но въ то время на помощь русскимъ явился отъ генераль-маіора князя Григорія Волконскаго, съ компанѣйскимъ полкомъ и драгунами, полковникъ Игнатъ Галаганъ. Это было мая 14 числа.

Игнатъ Ивановъ Галаганъ былъ сынъ малороссійскаго козака, изъ селенія Омельника, теперешней полтавской губерніи, кременчугскаго уѣзда. Сперва онъ былъ полковникомъ въ Сичѣ, потомъ состоялъ полковникомъ «охочеконныхъ полковъ» въ Малороссіи ²⁾. Въ качествѣ полковника, онъ находился при гетманѣ Мазепѣ, когда тотъ перешелъ на сторону шведовъ и, какъ подручный человекъ Мазепы, самъ перешелъ въ станъ шведовъ. Потомъ, видя ничтожность силъ Мазепы, и нерасположеніе къ нему малороссійскаго народа, выпросился у гетмана съ полкомъ на разъѣздную, внѣ шведскаго лагеря, линію, внезапно захватилъ нѣсколько человекъ шведовъ-драбантовъ, ушелъ съ ними и со своимъ полкомъ въ русскій

¹⁾ Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, СПб, 1885, 530.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Матеріалы, Москва, 1859, II, 55; Лазаревскій, Очерки малороссійскихъ фамилій: Русскій архивъ, 1875, I, 318—325.

лагерь и тутъ повинился царю Петру, увѣривъ его, что онъ перешелъ къ шведу противъ собственной воли, повинувся желанію гетмана Мазепы. Царь взялъ съ него слово, что онъ не «сдѣлаетъ съ нимъ такой-же штуки, каковую сдѣлалъ съ Карломъ», заставилъ его присягнуть на вѣрность русскому престолу и потомъ долгое время держалъ его въ разбѣздахъ для добыванія непріятельскаго языка. ¹⁾

Этотъ-то самый Игнатъ Галаганъ неожиданно явился къ полковнику Яковлеву для осады Сичи. По показанію неизвѣстнаго автора сочиненія о запорожскихъ козакахъ прошлаго столѣтія, Игнатъ Галаганъ присталъ къ Яковлеву на пути его въ Сичу и подъ присягой обѣщаль тайными тропинками провести русскихъ къ запорожской столицѣ ²⁾. Такъ или иначе, но на него возлагались въ этомъ отношеніи большія надежды, какъ на человѣка, знавшаго всѣ «войсковые секреты» и запорожскіе «звичан». И точно, прибытіе Игната Галагана къ Сичѣ имѣло для запорожцевъ рѣшающее значеніе.

Запорожцы, завидѣвъ издали несшееся къ Сичѣ войско, вообразили, что то сбѣжиль къ нимъ кошевой Петро Сорочинскій съ татарами, и сдѣлали противъ русскихъ вылазку. Русскіе воспользовались этимъ счастливымъ для нихъ моментомъ, ворвались внезапно въ Сичъ и привели въ замѣшательство козаковъ. Однако козаки, увидѣвъ свою ошибку, начали стойко и мужественно отбиваться отъ враговъ. Но тутъ выскочилъ впередъ Игнатъ Галаганъ и закричалъ козакамъ: «Кладите оружіе! Сдавайтесь, бо всѣмъ будетъ помилованіе!» Запорожцы сперва не повѣрили словамъ Галагана и продолжали попрежнему отбиваться отъ русскихъ, но Галаганъ поклялся передъ ними въ вѣрности своихъ словъ, и тогда козаки бросили оружіе. Но то былъ не больше, какъ обманъ со стороны Игната Галагана. Русскіе устремились на безоружныхъ запорожцевъ, и тутъ произошла страшная кровавая расправа, при чемъ всѣ курени и всѣ строенія въ Сичи были сожжены, многіе зимовники, стоявшіе вокругъ Сичи, истреблены до тла. Полковники Яковлевъ и въ особенности Галаганъ дѣйствовали при этомъ съ неслыханнымъ свирѣпствомъ: «Учинилось у насъ въ Сичѣ то, что по Галагановой и московской присягѣ, товариству нашему голову

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 52.

²⁾ Чтенія московскаго общ. исторіи и древностей, 1848, № 6, 44.

лупили, шею на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали»¹⁾).

Жестокости, выказанныя великороссійскимъ войскомъ въ отношеніи запорожцевъ, служатъ лишь подтвержденіемъ той общезвѣстной истины, что войны между народами одной вѣры и одного происхожденія — самыя жестокія и самыя кровопролитныя изъ войнъ, подобно тому, какъ ненависть между братьями и близкими родственниками—самая сильная изъ ненавистей.

Послѣ жестокой свалки взяты были въ плѣнъ—кошевой атаманъ, войсковою судья, 26 куренныхъ атамановъ, 2 монаха, 250 человекъ простыхъ козаковъ, 160 человекъ женщинъ и дѣтей. Изъ того числа 5 человекъ умерло, 156 человекъ атамановъ и козаковъ казнено, при чемъ нѣсколько человекъ были повѣшены на плотяхъ и самыя плоты пущены были внизъ по Днѣпру на страхъ другимъ. Побѣдители захватили въ свои руки 36 мѣдныхъ и чугуновыхъ пушекъ, 4 мортиры, 10 пушечныхъ станковъ, 12 большихъ и малыхъ гакивицъ, 62 ружьицы или ружей, 450 пушечныхъ ядеръ, 600 ручныхъ ядеръ, 13 знаменъ; кромѣ того, нѣсколько бочекъ пороху, нѣсколько якорей, кусковъ желѣза, топоровъ, кандаловъ, теселъ, цѣпей, буравовъ, клещей, молотковъ, парусовъ, канатовъ и круговъ проволоки, 969 бочекъ, 2 куфы и 30 мѣшковъ муки, 304 бочки соли и 1 бочку пшена. Изъ сичевои церкви взяты были—рѣзной съ царскими вратами иконостасъ съ поставными иконами и съ деисусомъ, писанными на доскахъ и на полотнѣ; восемь большихъ и малыхъ колоколовъ, три желѣзныхъ съ церкви креста, одно евангеліе; кромѣ того, свѣчи, воскъ и ладонъ, 441 мѣдныхъ котловъ, 9 желѣзныхъ котловъ и 4 пуда ломанной мѣды.

Сами русскіе потеряли убитыми урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 288 человекъ, умерло отъ ранъ 6 человекъ, всѣхъ раненыхъ было 141 солдатъ и 1 офицеръ. Кромѣ людей потеряно было нѣсколько фузей, протазановъ, копій, багинетовъ, бердышей, сумокъ, одинъ барабанъ, нѣсколько канатовъ, топоровъ, пороховыхъ

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; мал. дѣла, 1710, № 3.

мѣшковъ, буравовъ, весель, шестовъ и тому подобныхъ предметовъ ¹⁾).

Между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ въ это время, т. е. мая 12 числа, находился въ крѣпости Троицкой или Таганрогъ. Около 15 мая онъ послалъ письмо князю Меншикову «о непремѣнномъ взятьѣ гнѣзда запорожскаго, Сѣчи» ²⁾, не зная того, что она уже была разорена и срыта до основанія. Не знали, повидимому, объ этомъ и въ русскомъ лагерѣ подъ Полтавой. Мая 17 числа изъ обоза подъ Полтавой послана была увѣщательная царская грамота въ запорожскую Сичу на имя наказнаго кошевого атамана Кирика Конеловскаго ³⁾).

«Божією милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и обладателя нашего царскаго величества подданнымъ низового войска запорожскаго наказному кошевому атаману Кирику Конеловскому и всему посолству. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію главнаго генерала нашего и римскаго и россійскаго государствъ князя Александра Даниловича Меншикова, что писали вы войска нашего запорожскаго низового кошевой наказной атаманъ Кирикъ Конеловскій съ товариствомъ къ нему во отвѣтъ на листъ его по указу нашему къ вамъ посланный о пребываніи в.... ⁴⁾ въ вѣрности при насъ, великомъ государѣ, и дабы вы не склонялись на прелести и измѣны измѣнниковъ богоотступныхъ Мазепы и Кости Гордѣнка, въ которомъ отвѣтномъ листѣ своемъ вы, подданные наши, войско запорожское низовое, объявляете, что хотя вы и не склоняетесь къ той измѣнѣ ихъ и желаете быть попрежнему въ вѣрности къ намъ, великому государю, однакожь опасаетесь, дабы по явленномъ вашему покореніи намъ не учинено было надъ вами какъ и надъ Переволочною, и желаете на то, во обнадеживаніе себѣ, нашей великаго государя грамоты. И мы, великій государь,

¹⁾ Архивъ мин. юстицій, гвардѣ московскаго стола, 1709, св. 50, № 17.

²⁾ Голицковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., VIII 240, 241.

³⁾ Подъ Полтаву царь прибылъ іюня 4 дня, а потому, очевидно, грамота писана только по повелѣнію, но не въ присутствіи царя.

⁴⁾ Документъ попорченъ отъ времени, а потому на мѣстѣ порчи ставится, какъ обыкновенно принято, многоточіе.

наше царское величество, милосердуй о васъ, подданныхъ нашихъ, указали по вышепомянутому доношенію генерала нашего князя Меншикова сію нашу великаго государя грамоту обнадеживательную къ вамъ послать и при семъ вначалѣ объявить, какую превысокую милость мы, великій государь, къ вамъ, войску запорожскому низовому, по объявленной вашей сначала измѣны Мазепиной къ намъ и отчизнѣ вашей малороссійской вѣрности показали и впредь явить обѣщались, а имянно послали мы къ вамъ нашего царскаго величества денежнаго жалованья сверхъ прежняго обыкновеннаго 12.000 рублей и обѣщали оное и впредь давать повсягдно, усмотря вѣрность вашу да къ вамъ-же въ войско указали было послать во знакъ милости нашей войсковые клейноты: перначъ, бунчуки, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судѣбъ, которые уже было посланцамъ вашимъ и вручены, и обѣщали ваши желанія, въ листахъ вашихъ изображенныя, исполнить, но за такую нашу милость бывшей вашъ кошевой атаманъ воръ и измѣнникъ Костя Гордѣнко съ единомышленники своими старшиною и товарищи ихъ войска запорожскаго низоваго, забывъ страхъ божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи, намъ учиненное, подъ видомъ и объявленіемъ будто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ къ нашимъ войскамъ въ слученіе, х (къ) которымъ уже и наше великаго государя жалованье послано было, пошелъ къ еретику шведу и измѣнику Мазепѣ по подкупленію ево и пришедъ нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей безъ данной и малѣйшей къ тому причины измѣнически въ ночи напалъ, и нѣсколько оныхъ побилъ, потому что отъ нихъ, яко отъ пріятелей, не опасались, и потомъ сообщася съ шведами на наши войска тѣхъ его единомышленники приходили, но обще съ шведы разбиты и прогнаны подъ Соколками и хотя мы, великій государь, чрезъ грамоты свои, такожь и генералъ нашъ князь Меншиковъ и подданной нашъ гетманъ войска запорожскаго обоихъ сторонъ Дѣвпра Иванъ Ильичъ Скоропацкій чрезъ листы свои къ вамъ на Кошъ посыланные васъ увѣщевали къ той измѣнѣ не приклоняться, но держаться при нашей странѣ и воевать обще противъ непріятеля церкви святой правовѣрной шведа и вора измѣнника Мазепы и выбрать-бы вамъ новаго кошевого и старшину, а прежняго Костю объявить за измѣнника, но на то никакого отвѣту и исполненія отъ васъ не учинено, но посланные тѣ переловлены и иные побиты, иные-жь къ измѣнику Мазепѣ отосланы и сверхъ

того извѣстились мы, великій государь, какъ отъ салтанова величества турского, такъ и изъ Крыму отъ хана, что посылали вы, войско запорожское низовое, посланцовъ своихъ къ хану нѣскольбо разъ, дабы приняли васъ въ подданство и дали вамъ орды на помощь противъ насъ, великого государя, желая пролить кровь христіанскую и навѣсть разореніе отчизнѣ своей, малороссійскому краю, но въ томъ вашемъ зломъ намѣреніи по указу салтанова величества отказано, ибо овъ миръ съ нами, великимъ государемъ, содержать намѣренъ крѣпко и о томъ къ хану указъ отъ него посланъ, дабы васъ отнюдь не принимать и орды не посылать и никакихъ ссоръ съ нами не вчинать; тако-жъ перенаты ваши, отъ Гордѣенка отправленные, посланные съ писмами къ Лещинскому, отъ шведа нареченному королю польскому, прося его на помощь въ Украину и называя его гос... своимъ. И ту всю вашу невѣрность и противность видя, указали мы, великій государь, послать на васъ войска свои, дабы привести васъ къ покоренію, а буде явитесь противны, то поступать съ вами яко съ измѣнники безъ пощады, что надъ обрѣтающимися въ Переволочѣ и въ иныхъ мѣстехъ учинено, потому что они добровольно покоритися не похотѣли, но съ войски нашими .....ились, а ежели бѣ покорились, и того-бѣ съ ними не было учинено, а хотя войска наши нынѣ и къ самой Сѣчѣ уже обжились, однакожъ мы, великій государь, наше царское величество, милосердуя о васъ, подданныхъ нашихъ, войскѣ запорожскомъ низовомъ и не..... пролитія крови христіанскія, презирая всѣ вины ваши въ разсужденіи такомъ, что вы къ тому предщены .....и измѣнниковъ Мазепы и Гордѣенка, сею нашею великого государя грамотою чрезъ доношеніе генерала нашего князя Меншикова по прошенію вашему объявляемъ милость нашу и пощаду, что ежели вы принесете подлинное покореніе..... общаетесь при крестномъ намъ цѣлованіи предъ воеводою нашимъ Петромъ Яковлевымъ, яко управителемъ войскѣ нашихъ, и выберете себѣ нового кошевого атамана и протчую старшину вмѣсто измѣнника Кости съ товариствомъ, объявя тѣхъ прежнихъ и единомышленниковъ ихъ купно съ Мазепою измѣнниками и подпишитесь в..... руками своими и пошлете, для лучей вѣрности, къ намъ, великому государю, изъ старшинъ изъ знатного товариства нѣскольбо человекъ съ нимъ Петромъ Яковлевымъ, то всѣ вины ваши будутъ прощены и не токмо оставлены будете при прежнихъ войсковыхъ правахъ и волностяхъ своихъ безвредно, но и сверхъ

того получите прежде сего объявленную вамъ отъ насъ, великого государя, милость, денежное жалованье и войсковые клейноты, а охотникомъ, которые похотятъ изъ войска вашего на службу нашу итить къ войскамъ нашимъ, дано будетъ наше жалованье противъ прежняго по шти копѣ на человѣка, а старшинѣ по разсмотрѣнію, противъ чина ихъ. Буде-же явитесь намъ, великому государю, преслушны и будете противъ войскъ нашихъ чинить противность, то указано съ вами поступать, яко съ измѣнники, огнемъ и мечомъ безъ пощады, а оборонить васъ отъ гнѣва нашего некому, ибо шведъ нынѣ и самъ отъ войска нашего окруженъ и подъ Опошнею побить и, потерявъ пушки и знамена и немалое число людей, ушелъ отъ войскъ нашихъ за Вислу; а съ салтановымъ величествомъ и со всѣми его подданными и крымскими и буджацкими ордами у насъ, великого государя, миръ и тишина содержится. Сіе восхотѣли вамъ, яко христіанскій и природный вашъ государь, по милосердію своему, объявить востаточные и ожидаемъ вашего обращенія и покоренія, и буде того не учините, то будете погибели своей виновны сами. Данъ въ обозѣ нашемъ подъ Полтавою мая 17 день 1709 году¹⁾.

Послѣ взятія Чортотмыцкой Сичи князь Меншиковъ донесъ царю въ Троицкую крѣпость²⁾ о томъ, что «знатнѣйшихъ воровъ» овъ (т. е. князь) велѣлъ удержатъ, прочихъ казнить, самое-же «измѣнническое гнѣздо разорить и искоренить».

На такое донесеніе князя Меншикова царь Петръ Алексѣевичъ отвѣчалъ ему письмомъ: «Сего дня (мая 23 числа) получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень зла и надежда неприятелю была, что мы, съ превеликою радостью услышавъ, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыкъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что-же пишете о деташаментѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только подлежитъ изъ онаго оставить отъ 700 до 500 человѣкъ пѣхоты и отъ 500 до 600 конницы въ Каменномъ-Затовѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ-же не населилось, такожь, которые въ степь ушли, паки не возвращались, или гдѣ индѣ не почали собираться, для чего ежели ко-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 34.

²⁾ Журналъ Петра Великаго, С.-Петербургъ, 1770, I, 208.

мендантъ въ Каменномъ-Затонѣ плохъ, то-бъ изъ офицеровъ добраго тамъ на его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію» ¹⁾).

Подобное-же письмо писалъ Петръ и графу Федору Матвѣвичу Апраксину, главному въ то время начальнику русскихъ войскъ въ столицѣ, поздравляя его съ истребленіемъ послѣдняго корня Мазепина: «Объявляю вамъ, что полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ; и хотя съ 300 человекъ потерялъ, однакожь оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубилъ; и тако послѣдній корень Мазепинъ, съ помощью божіей, выкорененъ, чѣмъ вашу милость и поздравляю» ²⁾).

Для того, чтобы ослабить страшное впечатлѣніе, произведенное на украинскій народъ истребленіемъ сичевыхъ козаковъ, царь издалъ, малъ 26 дня, грамоту, въ которой говорилъ, что причиной несчастья, происшедшаго въ Сичи, была измѣна самихъ-же запорожцевъ, потому что они, прикидываясь вѣрными людьми царю, въ дѣйствительности обманывали его и сносились съ врагами Россіи, шведами. Тутъ-же Петръ приказывалъ всѣхъ запорожцевъ, кромѣ повинившихся, бросившихъ свое оружіе и изъявившихъ желаніе жить подобно простымъ крестьянамъ, въ украинскіхъ селеніяхъ и городахъ, хватать, бросать въ тюрьму и казнить ³⁾; самыя-же земли ихъ, отъ рѣки Орели до рѣки Самары, приписать къ миргородскому полку, въ которомъ въ то время, состоялъ полковникомъ Данилъ Апостолъ. Грамота писана на имя гетмана Ивана Скоропадскаго и состояла изъ обвинительныхъ статей противъ запорожскихъ козаковъ и общихъ мѣропріятій противъ возвращенія ихъ въ мѣста бывшаго Запорожья и въ города Малороссіи.

«Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ все-россійскій и прочая, и прочая. Объявляемъ нашего царскаго величества вѣрному подданному войска нашего запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, такожде духовнаго чина и мірскимъ, а имянно: генеральной старшинѣ, полковникомъ и полковой старшинѣ, сотникомъ и атаманомъ и всему посполству малороссійскаго народа. Не сумнѣваемся мы, великій государь, наше царское величество, что издавна всѣмъ

¹⁾ Голицковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ, Москва, 1792, УІІІ, 241.

²⁾ Голицковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788. ІІІ, 90.

³⁾ Чтенія московскаго общ. исторіи и древностей, І, 221, 227.

вамъ, нашихъ подданныхъ, вѣдомо о всегдашнихъ своевольствахъ и шатостяхъ и непослушаніяхъ непостоянныхъ и неповоривыхъ запорожцовъ, како они еще отъ начала подданства малороссійскаго народа подъ высокую державу отца нашего, блаженный и вѣчнодостойный памяти пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого, великаго государя, царя и великаго князя, Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго, его царскаго величества, не токмо что не слушали и не повиновались прежнимъ гетманомъ такъ, какъ належало, но и нашихъ указовъ всегда были преслушники, и подъявъ орду многократно малороссійской край воевали и многое разореніе оному чинили, о чемъ, для краткости не упоминаемъ подробно: да и при державѣ нашей, въ недавномъ времени, присовокупя къ себѣ вора и измѣнника, Петрика, поднимали орду и приходили на полкъ полтавской, и ежелибъ, зъ божією помощію и нашихъ счастиемъ, надъ рѣкою Арѣлюю отъ войскъ нашихъ они не были встрѣчены и не разбиты, тобъ весь малороссійской край въ конечное разореніе привели; и хотя они безбожные и своевольные запорожцы, при нѣкоторыхъ случаяхъ, являлись мало что и покорными, однакожъ никогда, не оставляя злобного своего умышленія, чинили-то лукаво, и искали всегда ко исполненію того своего зломыслия времени, яко воры и разбойники, не хотя никогда видѣть земли государствъ нашихъ, паче-же малороссійской край, въ мирномъ покоѣ и тишинѣ; а когда усмотрѣли они насъ, великаго государя, въ великихъ военныхъ съ непріятелемъ нашимъ, шведомъ, дѣйствіяхъ, по учиненіи тридесятилѣтнего миру съ салтановымъ величествомъ турскимъ, то преслушавъ и уничтожа многіе наши посланные къ нимъ на Кошъ жестоко претимые указы, чинили сосѣдственныя ссоры и подданныхъ турскихъ и татарскихъ разбивали, и стада многія отгоняли, и людей побивали и въ полонъ брали, такожъ и купцовъ грековъ съ товары, въ государства наши вдучихъ и назадъ возвращающихся, побивали и товары ихъ грабили; а то все чинили они злоумышленно, дабы тѣмъ подать Портѣ явно видѣ къ нарушенію мирныхъ съ нами договоровъ, и знатно по наущенію измѣнника и богоотступника Мазепы, о которыхъ ихъ сосѣдственныхъ ссорахъ и о пограбленныхъ пожиткахъ со стороны салтанской многіе запросы въ награжденіе обидимымъ были и плачены за то изъ нашей казны многія тысячи; такожъ и въ краткомъ времени вора и бунтовщика, донскаго казака, Булавина, державъ они, запорожцы, у себя на Кошѣ

долгое время, отпустили на Донъ, придавъ ему отъ себя съ 3.000
 козаковъ, который тамо съ ними, запорожцы (-ами), учинилъ многіе
 смятенія и бунты, но, съ помощію божіею, отъ войскъ нашихъ
 пораженъ и воспріялъ, по дѣломъ своимъ, возмеадіе, купно со
 единомышленники своими; и едва единое лѣто прошло, въ которое-бъ
 не было отъ нихъ, запорожцовъ, какова явного бунту и про-
 тивности и разоренія малороссійскому краю набѣгами и разбоями,
 такожь и въ присылку къ нимъ на Кошъ отъ насъ, великого го-
 сударя, съ нашимъ жалованьемъ и грамотами, какъ нашихъ, такъ
 и отъ подданныхъ нашихъ, гетмановъ, посланныхъ, принимали они
 всегда съ безчестіемъ и руганіемъ, а иногда оныхъ побивали и
 въ воду сажали; и хотя они, запорожцы, яко бунтовщики и пре-
 слушники нашихъ указовъ, уже давно подлежали нашему гнѣву
 и достойны были казни и разоренія; однакожь мы, великій госу-
 дарь, то все долготерпѣливо сносили, чая ихъ обращенія и за
 вины ихъ заслуги; а когда въ семъ настоящемъ времени безбож-
 ный и клятвopеступный измѣнникъ Мазепа, бывшій гетманъ
 войскъ нашихъ запорожскихъ, хотя, по злобному своему издавна
 умышленію, весь народъ малороссійскій отдать шведомъ и подѣ-
 иго полское, и привести отъ благочестія въ римскую и въ уніац-
 скую вѣру, намъ, великому государю, измѣня, переѣхалъ х королю
 шведскому съ единомышленниками своими, тогда въ нашей, вели-
 кого государя, грамотѣ, за подписаніемъ нашея собственныя руки,
 писано къ кошевому ихъ атаману Костѣ Гордѣенку и ко всѣмъ
 къ нимъ, запорожцамъ, объявляя имъ о той Мазепиной измѣнѣ и
 напоминая, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во
 всякой вѣрности, а къ измѣннику-бъ Мазепѣ не приставали и на
 въ чемъ его не слушали, и прислали-бъ отъ себя съ Кошу въ
 Глуховъ на обраніе волными голоса нового гетмана, по правамъ
 и волностямъ всего войска запорожского изъ своего знатного то-
 varyшства сколько человекъ пристойно, на что они, запорожцы,
 намъ, великому государю, въ листу своемъ отвѣтствовали, объ-
 щаяся быть всегда въ постоянной вѣрности и должныя свои службы
 намъ, отдавати, не склоняючись ни на какіе Мазепины прелести,
 прося такожь о томъ, чтобъ новый гетманъ обранъ былъ волными
 голоса, по правамъ народа малороссійского, которому они, по
 должности своей, послушаніе отдавати обѣщали. И какъ въ прош-
 ломъ 1708 году, ноября въ 6 день, на радѣ въ Глуховѣ, малорос-
 сійского народа отъ духовныхъ особъ, и полковниковъ, и полко-

вой старшины и всего посполства, по правамъ и волностямъ ихъ, обратъ волными голоса войска нашего запорожскаго обоихъ сторуевъ Днѣпра въ гетманы ты, Иванъ Ильичъ Скоропацкій, то потомъ паки и ни единократно въ нашихъ, великого государя, грамотахъ, за подписаніемъ нашей царского величества, собственныя руки и за печатми къ нимъ, запорожцамъ, писано, объявляя имъ о томъ вашемъ гетманскомъ обраніи и увѣщавая ихъ паки, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во всякой вѣрности и тебѣ, новообранному гетману войскъ нашихъ запорожскихъ, отдавали должное и належитое послушаніе, а на прелести-бѣ измѣнника Мазепы не смотрѣли, не склонялись и къ нему не приставали и ни в чемъ его не слушали, но за вѣру православную, и за волность свою и за отчизну противъ шведа и измѣнника Мазепы стояли; при которыхъ нашихъ грамотахъ послано къ нимъ нашего жалованья, сверхъ обыкновенныхъ къ нимъ годовыхъ всегдашнихъ посылокъ, 12.000 рублей, а кошевому сверхъ того 500 червонныхъ, а старшинѣ 2.000 рублей, съ столники вашими з Гавриломъ Кисленскимъ да з Григорьемъ Теплицкимъ, и обѣщано имъ отъ насъ, великого государя, то наше жалованье давать повсягдно, сверхъ обыкновенныхъ годовыхъ дачъ, усмотри ихъ вѣрность и постоянство при нашей сторонѣ въ настоящихъ случаяхъ, такъ-же обѣщано въ тѣхъ нашихъ грамотахъ прислать къ нимъ, во знакъ нашей милости, войсковые клейноты: перначъ, бунчюкъ, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судѣ, которые потомъ посланцомъ ихъ и вручены были. При тѣхъ-же вышепомянутыхъ посланныхъ нашихъ, и отъ тебя, гетмана, посланъ былъ къ нимъ, запорожцамъ, тогдашней сотникъ лубенской Василей Савичъ, со объявленіемъ о избраніи твоёмъ на гетманство, такъ-же съ листомъ преосвященнаго Юсафа Краковскаго, митрополита кіевскаго и Малыя Россіи, и знатныхъ духовныхъ особъ, Межигорскаго монастыря іеромонахъ, которой нынѣ архимандритъ, Иродіонъ Жураковскій, посланъ для такова-жъ увѣщанія отъ всѣхъ архіереевъ и духовнаго чина Малой Россіи ихъ къ вѣрности къ намъ къ великому государю, и претя за противность церковною клятвою; но тѣ запорожцы, принявъ у тѣхъ посланныхъ наши, великого государя, грамоты и архіерейскій листъ, и получа себѣ то наше жалованье, тѣхъ нашихъ посланныхъ безчестили, и хотѣли одного изъ столниковъ нашихъ посадить въ воду, а іеромонаха называли шпегомъ и хвалились его жечь въ

бочкѣ смоленой, а въ отвѣтныхъ своихъ, съ тѣми отъ насъ посланными, листахъ, писали къ намъ, великому государю, съ нареканіемъ и безчестіемъ и на самую нашу высокую особу, чиня многіе неприличные запросы и досадительныя укоризны и угрозы; да они жъ, измѣнники запорожцы, ноября въ 24 день прошлаго 1708 году, писали к измѣннику Мазепѣ, во отвѣтъ на его к нимъ прелестной листъ, съ судьемъ прилуцкимъ Трофимомъ Васильевичемъ, такожде со многими на насъ, великого государя укоризнами, прося измѣнника Мазепу о присылкѣ к нимъ на Кошъ посланныхъ отъ короля швецкого и отъ Лещинского и отъ него измѣнника, для постановленія съ ними договоровъ, за кѣмъ имъ, отторгнувшись изъ подъ державы наши, быти, и дабы даны имъ были войсковыя клейноты отъ короля швецкого и Лещинского, а для разоренія крѣпости нашей, Каменнаго-Затона, просили они у шведа и у измѣнника Мазепы скорой присылки тамошнихъ войскъ, обѣщая, по разореніи той крѣпости, послѣпшати к нимъ в помощь противъ нашихъ войскъ и посланной съ тѣмъ ихъ листомъ судья Василевичъ перенять. Потомъ они-жъ, запорожцы, знатного бунчужного товарища Ивана Черняка, которой, по нашему, великого государя, указу посыланъ отъ тебя, подданнаго нашего, гетмана Ивана Ильича, к хану крымскому со объявленіемъ о избраніи твоёмъ на гетманство, по возвращенію его изъ Крыму, не токмо что въ Сичѣ задержали, но въ явственной радѣ Костка Гордѣенко его билъ смертнымъ боемъ и потомъ с Кошу отослали къ измѣннику Мазепѣ, которой и доднесъ въ оковахъ у него, измѣнника, держитца; да и самъ онъ воръ, кошевой атаманъ Костя Гордѣенко, съ единомышленники своими съ старшиною и с товариствомъ, забывъ страхъ божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи намъ, великому государю, учиненное, по взятіи на Кошу помянутого нашего жалованья, подъ видомъ и объявленіемъ, будто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ к нашему войску въ слученіе, которымъ уже и вдругорядъ, для того походу, наше великого государя, жалованье было послано, пошелъ к королю швецкому и к вору измѣннику Мазепѣ и идучи нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей, которые отъ нихъ яко отъ пріятелей, не опасались, безъ данной отъ нихъ и малѣйшей имъ запорожцамъ причины, измѣннически въ ночи нападеніе учинилъ и нѣсколько оныхъ побилъ и в полонъ побравъ, къ шведу отвелъ. И потомъ они-жъ, запорожцы, сообщась съ шведами, на наши

войска, подъ Соколнами приходили, но обще съ шведы, при помощи божіей, разбиты и прогнаны, и хотя еще и потомъ мы, великій государь, черезъ грамоты наши, такожде и генералъ нашъ главный, римского и російскаго государствъ ижерскій князь Александръ Давидовичъ Меншиковъ и ты, подданной нашъ гетманъ, чрезъ листы свои, на Кошъ посылаемые, наказного кошевого съ прочими запорожцы увѣщевали о выборѣ нового кошевого и старшины, и дабы они к измѣнѣ Мазепиной не приклонилися и Гордѣенку не послѣдовали, но были-бъ въ вѣрности при нашей сторонѣ, общая имъ нашу милость; но на тѣ многія увѣщеванія и отвѣту отъ нихъ никакова не учинено, а тѣ, которые посланные съ тѣми увѣщаніи, отъ нихъ на Кошу побиты, иные-жъ переловлены и к измѣннику Мазепѣ отсланы; также и которые у шведа суть въ полону изъ нашихъ великоросійскихъ и малоросійскихъ войскъ, и тѣхъ плѣнныхъ они запорожцы бьютъ и ругаютъ и мучительски комарами и муравьями травятъ, о чемъ неоднократно ушедшіе отъ измѣнника Мазепы пришедь здѣсь сказываютъ. Да они-жъ, богоотступные измѣнники запорожцы, посылали отъ себя к хану крымскому нѣсколкократно, прося его, дабы принять ихъ въ подданство и далъ имъ орды на помощь противъ нашихъ войскъ, желая пролитія крови христіанскія и разоренія отечествъ своей малоросійскому краю; но ханъ того ихъ запорожцовъ прошенія не исполнилъ, а писалъ о томъ к салтанову величеству турскому; но понеже салтаново величество содержать с нами миръ намѣренъ крѣпко и ненарушимо, того ради въ томъ ихъ запорожцовъ зломъ намѣреніи, по указу его салтанова величества, отказано и къ хану о томъ указъ отъ него посланъ, дабы отнюдь ихъ не принималъ и орды имъ на помощь не посылалъ и ссоры съ стороною нашего царскаго величества не вчинялъ и отнюдь никакой причины к тому не подавалъ, и приказалъ крайнему своему везиру о томъ объявить послу нашему, въ Цареградѣ пребывающему, и что намѣренъ онъ съ своей стороны миръ с нами содержать ненарушимо. Также посылалъ онъ, Гордѣенко, и всѣ запорожцы с писмами к Лещинскому, отъ шведа нареченному королю полскому, прося его на помощь въ Украину, яво своего государя: и тѣ ихъ писма переняты и посланные поиманы и нынѣ держатца въ Кіевѣ; а вышеписанные и иные ихъ воровскія писма обрѣтаютца нынѣ въ нашей царскаго величества посольской канцеляріи, которые тебѣ, подданному нашему, гетману,

были объявлены. И видя то, мы, великій государь, ту ихъ за-
 порожцовъ явную измѣну, бунтъ и противность къ намъ, великому
 государю, и злобу къ своей отчизнѣ, указали послать на нихъ
 войска наши изъ Кіева плавною с полковникомъ с Петромъ
 Яковлевымъ, давъ ему нашъ указъ, дабы онъ пришедь къ Сѣчѣ,
 наказному кошевому атаману и всему товариству объявилъ нашимъ
 указомъ, что ежели они принесутъ намъ, великому государю, по-
 винную и покореніе и выберутъ вмѣсто вора измѣнника Гордѣнка
 нового кошевого атамана и прочію старшину и обѣщаются при
 крестномъ цѣлованіи служить намъ вѣрно, и тѣ всѣ вины ихъ
 будутъ прощены, и оставлены они будутъ при прежнихъ своихъ
 войсковыхъ правахъ и волностяхъ; и какъ онъ, полковникъ Яков-
 левъ, съ войски нашими къ Переволочнѣ пришегъ и тамо засталъ
 ихъ запорожцовъ нѣсколко тысячъ человекъ, и посылагъ къ нимъ,
 чтобъ они покорились и вину свою намъ, великому государю,
 принесли, но они того не учинили и, сообщась з жителями Пере-
 волочинскими, с нимъ билися; что тотъ полковникъ принужденъ
 оныхъ яко измѣнниковъ, хотя и с. урономъ отъ нашихъ войскъ,
 достать штурмомъ. Такожде и въ обоихъ Кадакахъ и въ иныхъ
 мѣстѣхъ подобныя противности они, измѣнники запорожцы, вой-
 скамъ нашимъ показали. Потомъ - же пришедь онъ, полковникъ,
 подъ Сѣчю и такожде для увѣщеванія наказного ихъ кошевого и
 прочихъ запорожцовъ посылагъ указомъ нашимъ, дабы они, яко
 вышепомянуто вину свою намъ великому государю, принесли и
 выбрали вмѣсто Гордѣнка нового кошевого атамана и обѣща-
 лись служить намъ, великому государю, вѣрно; но они яко
 древніе и непокоривые бунтовщики, то все жестоковѣрно прези-
 рая, не токмо того напоминая и увѣщеванія не послушали, но и
 посланного съ тѣмъ в воду бросили, и по войскамъ нашимъ въ
 города изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья жестоко стрѣляли, и
 полковника отъ войскъ нашихъ Урнея и иныхъ добрыхъ офице-
 ровъ и съ 400 человекъ рядовыхъ побили; что видя посланной
 с войски нашими полковникъ, с посланнымъ отъ тебя подданного
 нашего в слученіе к нему чигиринскимъ полковникомъ Калаганомъ
 и команды ево с козаками (которые притомъ вѣрно и мужественно
 службу свою к намъ явили), принужденны тотъ городъ штурмо-
 вать и с помощью Вышняго оный штурмомъ взялъ сего мая
 въ 14 день, и ихъ, бунтовщиковъ, запорожцовъ, побили и въ по-
 лонъ побрали. И тако тѣ злые богомерзкіе измѣнники и бунтов-

щники и разрушители покоя въ малороссійскомъ краю давно заслуженную за свои злыя дѣла отъ Бога казнь и месть праведно воспріяли и той своей погибели сами суть виновны: о чемъ мы, великій государь, наше царское величество заблагоразсудили тебѣ вѣрному нашему гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и всѣмъ нашимъ подданнымъ малороссійского народа духовнымъ и мирскимъ сею нашею великого государя грамотою для извѣстія объявить; и притомъ вамъ повелѣваемъ, ежели изъ тѣхъ запорожцовъ, которые пошли къ измѣннику Мазепѣ или изъ утекшихъ при взятіи Переволочни, Сѣчи и иныхъ мѣстъ будутъ гдѣ въ Малороссіи укрываться, и тѣхъ по вѣрности вашей къ намъ, великому государю, велѣтъ яко измѣнниковъ сыскивать и ловить и приводить къ полковникомъ и сотникомъ, а имъ присылать къ намъ, великому государю, или къ тебѣ подданному нашему гетману, кромѣ тѣхъ, которые изъ тѣхъ-же запорожцовъ будутъ сами приходять и вины свои приносить, и оныхъ тебѣ, подданному нашему гетману, привимать и приводить къ присягѣ, и вины ихъ отдавать, и сію нашу великого государя грамоту въ войскѣ нашемъ запорожскомъ и во всей Малой Россіи въ городѣхъ, мѣстечкахъ и в селѣхъ прочитатъ, и у церквей для объявленія всѣмъ прибивать указали, дабы о томъ всѣмъ было вѣдомо. Данъ въ обозѣ нашемъ при Полтавѣ лѣта Господня 1709 маія 26 дня государствованія нашего 28 году»¹⁾.

Въ тотъ-же день, т. е. мая 26 числа, когда посланъ былъ Скоропадскому приведенный указъ царя, канцлеръ графъ Головинъ писалъ отъ себя изъ обоза подъ Полтавой гетману письмо и въ этомъ письмѣ сообщалъ, что къ его вельможности послано нѣсколько сотъ экземпляровъ печатныхъ универсаловъ съ изложеніемъ «измѣны и противностей злобныхъ запорожцевъ, послыски войскъ къ нимъ царскаго величества и взятія ихъ Сѣчи тѣмъ войскомъ». Писанные универсалы должны быть прочитаны публично всей генеральной старшинѣ и полковникамъ; печатные-же должны быть разсланы малороссійскому народу, дабы всѣ знали, что «тѣ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1709, св. 28, № 36; Голицковъ, Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 243—250; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 186—193; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 239—300. У Голицкова, Каменскаго и Маркевича настоящая грамота напечатана и неполно и съ большими искаженіями.

измѣнниками и бунтовщиками запорожцы сами своей погибели виновны»¹⁾.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ разоренія Чортотмыцкой Сичи, полковникъ Игнатъ Галаганъ, за «вѣрныя службы свои» царю награжденъ былъ селомъ Боровицей и другими деревнями въ чигиринскомъ полку да селомъ Веремѣвкою²⁾, а сверхъ того ему обѣщана была отъ царя особая милость «нѣсколько сотъ рублевъ денегъ», для полученія которыхъ кievскій губернаторъ князь Димитрій Голицынъ приказывалъ (1713 года, декабря 24 дня), гетману Ивану Скоропадскому выдать Галагану проѣзжий листъ до Санктпетербурга. Царь Петръ Алексѣевичъ, прїѣхавъ послѣ полтавской побѣды въ Кіевъ, отдалъ приказъ князю Голицыну «имѣть къ Галагану приязненіе, держать его въ охраненіи и въ требованіи и въ чемъ будетъ просить, чинить ему вспоможеніе»³⁾.

¹⁾ Судѣнко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 133.

²⁾ Последняя дана ему въ 1713 году.

³⁾ Судѣнко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 56.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Осада кородемъ Карломъ XII, гетманомъ Мазепою и кошевымъ Гордіенкомъ города Полтавы.—Бѣгство Карла, Мазепы и запорожцевъ изъ-подъ Полтавы.—Затруднительное положеніе шведовъ и козаковъ во время бѣгства.—Мѣсто переправы шведовъ и козаковъ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра.—Бѣгство короля, гетмана и кошевого черезъ дикія поля къ рѣкѣ Бугу.—Обязательства, возложенныя царемъ на гетмана Скоропадскаго въ отношеніи запорожцевъ.—Назначеніе въ совѣтники гетману Скоропадскому стольника Измайлова и приказъ послѣднему относительно запорожцевъ.—Обращеніе гетмана Скоропадскаго къ запорожскому войску и отвѣтъ кошевого атамана Кирилленка Скоропадскому.—Жалоба запорожцевъ гетману Скоропадскому на варварскіе поступки въ отношеніи козаковъ полковника Галагана.—Судьба запорожцевъ, ушедшихъ изъ Сечи съ атаманомъ Богусемъ и бѣжавшихъ съ Гордіенкомъ.—Договоръ послѣднихъ съ турецкимъ султаномъ и гетманомъ Орлянкомъ въ Бендерахъ.

Пробывъ уже болѣе полугода въ предѣлахъ Малороссіи и имѣя въ виду дальнѣйшую борьбу съ русскимъ царемъ, шведскій король Карлъ XII пожелалъ, подъ конецъ, пріобрѣсти выгодный опорный пунктъ, съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться въ немъ, и остановилъ свое вниманіе на городѣ Полтавѣ. По словамъ малороссійскаго историка мысль о завладѣніи городомъ Полтавой подали Карлу XII запорожскіе козаки и ихъ кошевой атаманъ Гордіенко, которые ручались королю за счастливый исходъ дѣла подъ Полтавой ¹⁾. На этомъ-же настаивалъ и гетманъ Мазепа, представляя королю тѣ соображенія, что со взятіемъ этого города онъ получитъ «много провіанта, денегъ и суконъ» и что тогда «положеніе шведовъ измѣнится къ лучшему». Въ Полтавѣ въ то время находился комендантъ города, полковникъ Иванъ Степановичъ Келлингъ съ русскими регулярными войсками въ числѣ 4.200 человекъ и съ вооруженными жителями въ числѣ 2.600 человекъ. Главная квартира шведовъ въ это время была въ мѣстечкѣ Опошнѣ, выше Полтавы, но часть съ самимъ королемъ, въ концѣ марта мѣсяца, подступила къ Полтавѣ съ праваго берега

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 20.

рѣки Ворсклы и расположилась въ виду самаго города ¹⁾. Съ 1 по 4 апрѣля шведы пытались взять Полтаву открытою силой, но, не успѣвъ въ томъ, рѣшили сдѣлать воагъ нея земляныя укрѣпленія и чрезъ нихъ приблизиться съ пушками къ городу. При шведахъ были и запорожцы. Надъ возведеніемъ земляныхъ траншей работали шведская артиллерія и двѣ батареи пѣхоты; сильную поддержку оказывали въ этомъ случаѣ шведамъ запорожцы. На всѣ приступы шведовъ осажденные отвѣчали мужественнымъ отпоромъ. Въ это-же время русская армія, подъ начальствомъ князя Меншикова, стояла на лѣвомъ берегу рѣки Ворсклы и старалась, мелкими нападеніями на непріятелей, безпокоить шведовъ. Царь Петръ Алексѣевичъ пока былъ въ городѣ Воронежѣ и, узнавъ о движеніи шведовъ къ городу Полтавѣ, послалъ приказъ фельд-маршалу Шереметеву, все еще стоявшему въ Голтвѣ, поспѣшить къ Полтавѣ и соединиться съ Меншиковымъ. Шереметевъ не замедлил исполнить царскій приказъ и подрѣпилъ своими силами князя Меншикова. Въ концѣ мая вся русская соединенная армія заняла позицію въ селеніи Крутой-Берегъ, на лѣвомъ берегу Ворсклы, а 4 числа іюня прибылъ въ лагерь и самъ царь Петръ Алексѣевичъ.

Тѣмъ временемъ къ половинѣ мая шведы, при помощи запорожцевъ, возвели траншеи до контръэскарпа въ виду самаго города. Мая 27 числа комендантъ Полтавы сдѣлалъ вылазку противъ работавшихъ въ траншеяхъ, отбросилъ ихъ назадъ и убилъ лейтенанта съ нѣсколькими солдатами и запорожцами. Но тутъ на помощь работавшимъ въ траншеяхъ подоспѣлъ одинъ изъ шведскихъ полковъ, и русскіе поспѣшно удалились, потерявъ нѣсколько человѣкъ. Запорожцы, которыми шведы такъ выгодно пользовались для земляныхъ работъ, съ этого дня уже неохотно возвращались въ траншеи ²⁾. Іюня 17 числа шведскій король, при осмотрѣ русскихъ позицій, во время разъѣзда вдоль праваго берега рѣки Ворсклы, получилъ тяжелую рану, и потому рѣшительный штурмъ города со стороны шведовъ начался только 21-го числа. Жители города оказали при этомъ шведамъ такое сопротивление, что послѣдніе, не смотря на цѣлдневный бой, не могли одолѣть русскихъ и сосредоточились у сѣверной части города, оставивъ въ тран-

¹⁾ Пузыревскій, Развитие постоянныхъ регулярныхъ армій, СПб, 1889, 808.

²⁾ Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 445.

пешать запорожцевъ. За это время русская армія оставила свою позицію у лѣваго берега Ворсклы, въ Крутомъ-Берегѣ, поднялась вверхъ по Ворсклѣ, переправилась съ лѣваго на правый берегъ рѣки между Петровкой и Семеновкой и потомъ расположилась подъ Мальми-Будищами, въ виду Полтавы. Юня 22 дня, въ два часа утра, Карлъ XII двинулъ свои войска съ тѣмъ, чтобы рѣшительно атаковать городъ Полтаву и вырвать ее изъ рукъ русскихъ. Въ этотъ день запорожскіе козаки, вмѣстѣ съ нѣсколькими шведскими полками, оставлены были позади для прикрытія шведскаго обоза и земляныхъ осадныхъ работъ ¹⁾. Но этотъ приступъ къ Полтавѣ былъ уже послѣднимъ. Юня 27 числа былъ день славный для Петра и для всей Россіи, но роковой для Карла XII и для всей Швеціи ²⁾.

Разбитый, раненый, насильно унесенный съ поля битвы, усаженный противъ воли въ карету, мучимый душевными тревогами и страшной физической болью, шведскій король, забывъ себя, въ безпокойствѣ спрашивалъ только о судьбѣ бывшаго съ нимъ въ походѣ принца виртембергскаго Максимильяна и перваго министра своего, графа Пипера. «Они въ плѣну, государь, въ плѣну у русскихъ». «Въ такомъ случаѣ лучше умереть у турокъ,—впередъ»!.. Словомъ «впередъ» все сказано было: этимъ король опредѣлилъ, что послѣднее бѣгство—единственное спасеніе отъ грозившей ему опасности попасть въ руки русскихъ. Съ кородемъ было нѣсколько человекъ запорожцевъ, которые поглялись ему благополучно переправить его черезъ Днѣпръ и доставить черезъ дикія поля въ предѣлы Турціи.

Путь для бѣгства избранъ былъ вдоль праваго берега рѣки Ворсклы, впадающей въ Днѣпръ почти на 100 верстъ ниже Полтавы и имѣвшей въ то время при своемъ устьѣ крѣпостцу Переволочну. Крѣпостца Переволочна находилась въ углу, образовавшемся при впаденіи въ рѣку Днѣпръ рѣки Ворсклы. Самое пространство между двухъ рѣкъ было само по себѣ невелико и кромѣ того сужено близко придвинувшеюся къ берегу возвышенностью. Вся-же

¹⁾ Adlerfeld, Histoire de Charles XI, Amsterdam, 1740, III, 458.

²⁾ Подробности о полтавскомъ сраженіи до исторіи запорожскихъ козаковъ не относятся. О самой битвѣ можно найти точный разсказъ въ Журналѣ Петра Великаго, СПб., 1770, I; въ сочиненіи Богдановича: Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова, СПб., 1846; въ книгѣ Павловскаго и Старковскаго Полтавская битва, Полтава, 1895.

мѣстность, гдѣ находилась Переволочна, обнята была съ востока рѣкой Ворсклою, съ сѣверо-запада рѣкой Пселомъ, съ юга рѣкой Днѣпромъ; примыкавшія къ Днѣпру болота и трясины дѣлали все мѣсто крайне неудобнымъ для переправы. Къ тому-же и самый Днѣпръ противъ Переволочны былъ слишкомъ быстръ и доходилъ до полмили въ ширину. Ни самъ король, ни ближайшіе совѣтники его не были знакомы съ особенностями этой мѣстности и не постарались заранѣе осмотрѣть переправу черезъ Днѣпръ. Напротивъ того, русскій царь Петръ, желая предупредить всякую возможность переправы своему врагу черезъ Днѣпръ, еще за нѣсколько дней до битвы приказалъ удалить отъ Переволочны всѣ лодки и суда и самый городъ сжечь, такъ что ко времени прибытія Карла и Мазепы въ Переволочну тамъ остались однѣ дымившіяся развалины и совершенно обезлюдѣвшее мѣсто на нѣсколько верстъ кругомъ.

Первымъ прискакалъ къ Днѣпру гетманъ Мазепа и тотчасъ поторопился переправиться черезъ Днѣпръ: онъ везъ съ собою нѣсколько мѣшковъ серебра и двѣ бочки золота, кромѣ того множество другого «добра». Юня 27 числа, въ 4 часа дня, Мазепа съ нѣсколькими единомышленниками своими сѣлъ въ лодки и сталъ переправляться съ лѣваго на правый берегъ рѣки. Но такъ какъ съ нимъ было много казны, то люди его начали тонуть, и Мазепа приказалъ бросать деньги за бортъ, и такъ «почти три доли» того богатства очутились на днѣ Днѣпра ¹⁾. Выступъ съ Мазепою переправилась и часть запорожскихъ козаковъ.

Въ слѣдъ за Мазепою прискакали къ Днѣпру отдѣльные отряды разбитыхъ шведскихъ полковъ.

Шведы для переправы черезъ Днѣпръ нашли гдѣ-то на Ворсклѣ паромъ и пригнали его на Переволочанскій перевозъ. На этотъ паромъ стали садиться шведскіе солдаты и переправляться на противоположный берегъ Днѣпра. Другіе для той-же цѣли жомали обозныя телѣги, бросали доски въ рѣку и, ложась на нихъ, пытались переплыть рѣку поперекъ. Нѣкоторые бросали въ Днѣпръ колеса и на колесахъ пускались вплавъ. Плохо умѣя плавать и не будучи въ силахъ справиться съ теченіемъ рѣчныхъ волнъ, шведскіе солдаты подвергались большой опасности потонуть, но имъ вездѣ оказывали большую помощь запорожскіе козаки. Одни изъ запорожцевъ садились верхомъ на своихъ лошадей и смѣло

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопис. повѣствованіе, III, 83; Голицыновъ, Дополненіе, XVI, 19.

пускались на них вплавь, а когда усталость одолевала их, хватались за гривы коней и, помогая шведамъ на плаву, вытаскивали ихъ на противоположный берегъ рѣки. Другіе изъ нихъ дѣлали наскоро сложенные плоты, привязывали тонкія веревки къ одному концу каждаго плота, другой конецъ той-же веревки держали въ своихъ крѣпкихъ зубахъ, и такъ переплывали Днѣпръ.

Поздно ночью подь 30-е число къ мѣсту переправы шведовъ прибылъ и самъ король. Онъ везъ съ собою серебряный столовый приборъ и большія суммы денегъ, увеличенныя только что собранной въ Саксоніи контрибуціей. При королѣ было отъ двухъ до трехъ тысячъ человекъ охраны и въ томъ числѣ нѣсколько человекъ запорожскихъ козаковъ. Для переправы короля связали двѣ лодки вмѣстѣ и на этотъ паромъ внесли короля вмѣстѣ съ каретой ¹⁾. Карету короля поставили такъ, что переднія колеса ея помѣстились въ одной лодкѣ, а заднія—въ другой. Чтобы не отдать добычи и орудій въ руки враговъ, Карлъ приказалъ оставшіяся на лѣвомъ берегу Днѣпра обозъ сжечь, а пушки погрузить въ Днѣпръ. Возлѣ короля помѣстилось 12 человекъ тѣлохранителей, и въ полночь всѣ оттолкнулись отъ лѣваго берега рѣки ²⁾.

Едва король успѣлъ переправиться за Днѣпръ, какъ на слѣ-

¹⁾ По Ригельману король, для собственной переправы, приказалъ сломать въ Переволочнѣ церковь и нѣсколько строеній и сдѣлать изъ бревенъ плотъ. Лѣтописъ, III, 83; Записки одес. общ. исторіи и древностей, III, 310.

²⁾ Гдѣ именно переправлялись бѣглецы черезъ Днѣпръ—на это существуетъ два отвѣта. По одному отвѣту переправа произошла въ самой Переволочнѣ (Fugel, Lebensgeschichte Karls XII, 179, 181); по другому, на три версты къ западу отъ Переволочны, у теперешней сл. Тахтаевой, на томъ-же берегу Днѣпра, гдѣ стоитъ и Переволочна; у Тахтаевой Днѣпръ сравнительно неглубокъ, усѣянъ небольшимъ числомъ песчаныхъ островковъ и не шире одной версты (Записки одес. общ. ист. и древн., III, 310. См. также Записки Манштейна, М., 1823, I, 227). Противъ Переволочны, на правомъ берегу Днѣпра, стоитъ с. Днѣпровокаменна, происхожденія половины XVIII вѣка. Противъ Тахтаевой виднѣтся открытая песчаная пустошь и на 2 версты ниже пустоши—древнее селеніе Мишуринъ-Рогъ. Днѣпръ между Переволочной и Днѣпровокаменкой шире, нежели между Тахтаевой и пустошью, зато тутъ на немъ расположены параллельно, во всю ширину, отъ берега до берега 3 большихъ острова, представляющихъ большое удобство для переправы; противъ Тахтаевой Днѣпръ хотя и уже, нежели противъ Переволочны, но на немъ имѣется два острова и они расположены вблизи лѣваго берега. Мѣстное преданіе говоритъ за переправу противъ Днѣпровокаменки, въ то время еще несуществовавшей. На эту мысль наводитъ еще и то обстоятельство, что въ днѣпровокаменскомъ участкѣ, вдоль Днѣпра, не болѣе, какъ

дующій день, іюня 30 числа, у Переволочны показался князь Меншиковъ съ отрядомъ въ 9.000 человекъ, высланный по слѣдамъ бѣглецовъ въ догонь. Русскіе нашли на лѣвомъ берегу Днѣпра около 16.000 или 17.000 человекъ шведовъ и въ томъ числѣ 220 человекъ запорожскихъ козаковъ и потребовали, чтобы непріятель сдался на извѣстныхъ условіяхъ русскому царю. На вопросъ шведскаго генерала Крейца, каковы тѣ условія, князь Меншиковъ отвѣчалъ, что всѣ шведы, какъ военноплѣнные, должны положить оружіе и сдать припасы, кромѣ платья и частной собственности; но изъ этого исключаются запорожцы и другіе измѣнники русскому царю ¹⁾.

Въ журналѣ Петра Великаго о событіи въ Переволочнѣ, у лѣваго берега Днѣпра, говорится такъ: «Въ 30-й день государь за непріателемъ-же путь свой воспріялъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать; однако-же онаго не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при рѣкѣ Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ помонъ полковаго квартирмистра и нѣсколькихъ волоховъ увѣдомились, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ черезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностью... Измѣнникъ-же Мазепа, съ нѣсколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днѣпръ перебрался и ушелъ въ турецкую область» ²⁾.

Іюля 1 числа къ Переволочнѣ прибылъ самъ царь и тотъ-же часъ выслалъ отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Григорія Волконскаго, за Днѣпръ для преслѣдованія Карла и Мазепы.

Того-же числа, въ полдень, предложенныя шведамъ условія капитуляціи были приняты ими и немедленно сдѣлались извѣстны по всему стану. Оставшіеся при шведахъ запорожскіе козаки, предугадывая свою судьбу, рѣшили лучше утопиться въ Днѣпрѣ, не-

---

60 лѣтъ тому назадъ, существовали непроходимыя гѣса. А такіе именно гѣса бѣглецамъ и нужны были: въ нихъ они нуждались болѣе, чѣмъ въ самыхъ удобствахъ переправы, чтобы скрыться отъ страшной погони со стороны русскихъ. Прусскій историкъ Сильтманъ говоритъ о вязкой и болотистой почвѣ праваго берега Днѣпра, на который ступили шведы при переправѣ; а это скорѣе относится къ мѣсту, гдѣ находится Днѣпровокаменна, нежели къ песчаной пустоши выше Мишурина-Рога.

¹⁾ Голиковъ, Дѣянія Петра В., Москва, 1788, III, 116, 117; Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 186.

²⁾ Журналъ Петра Великаго, С.-Петербургъ, 1770, I, 217.

шли отдаться русскимъ на мѣсть. Бросаясь массами въ Днѣпръ въ надеждѣ его переплыть, запорожцы не всѣ могли справиться съ теченіемъ волнъ и большею частью потонули въ рѣкѣ. Впрочемъ, изъ нихъ все-таки нѣкоторое число успѣло переплыть Днѣпръ и спастись отъ преслѣдованія русскихъ войскъ ¹⁾. Но тѣ изъ козаковъ, которые или не успѣли броситься въ рѣку или не рѣшились сдѣлать этого, были захвачены русскими въ плѣнъ и подверглись жестокимъ казнямъ по приказанію царя. Царь, страшно раздраженный на запорожскихъ козаковъ, выдумывалъ самыя изысканныя казни для нихъ: однихъ изъ запорожцевъ онъ велѣлъ колесовать; другихъ, одѣвшихъ въ шведскіе мундиры и потому въ первое время вмѣстѣ со шведами получившихъ жизнь, приказывалъ немилосердно штыками исколотъ ²⁾; третьихъ велѣлъ въ желѣза оковать и въ дальнія мѣста Сибири отослать. Пощажено было нѣсколько простыхъ козаковъ, которые сами явились съ повинною къ царю. Такихъ собралось къ іюлю, седьмому числу, до 15.000 человекъ. Тонныя голодомъ, мучимые страхомъ, долго скрывавшіеся послѣ полтавской побѣды по разнымъ трущобамъ и лѣсамъ, они явились къ Петру въ день торжества его надъ побѣжденнымъ врагомъ и отдали себя на волю царя. Царь, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ несчастныхъ, простилъ ихъ вину и удовольствовался только тѣмъ, что лишилъ ихъ козацкаго званія и приказалъ разбѣстить по разнымъ малороссійскимъ селамъ и деревнямъ ³⁾.

Такая-же печальная участь постигла и тѣхъ запорожцевъ, которые захвачены были полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ въ самой Сичи: изъ нихъ десятого приказано было казнить, а прочихъ въ каторжные работы въ Сибирь сослать. Въ это-же время казнены были десятый изъ 24 человекъ козаковъ, пытавшихся сдѣлать набѣгъ на городъ Кременчугъ, но пойманныхъ Даниломъ Апостоломъ, полковникомъ миргородскаго полка. Потомъ и оставленные въ живыхъ изъ этихъ 24 человекъ также не были пощажены и, по приказу графа Головина, «на страхъ инымъ измѣнникамъ» отданы были на казнь, при чемъ изъ всѣхъ способовъ казни выбирался жесточайшій — сажаніе человека на колъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ ужасы, которымъ подвергались запорожцы, даже

¹⁾ Голицковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, III, 116, 117.

²⁾ Fuxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 189.

³⁾ Голицковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1795, XVI, 53.

между ушедшими съ Мазепой и Гордіенкомъ въ предѣлы Турціи, находились охотники возвратиться на Украину. Таковъ былъ сынъ переяславскаго полковника Федоръ Мировичъ, который просилъ прощеніе за свою вину и объявилъ желаніе вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ бывшихъ при немъ запорожскихъ козаковъ перейти къ царю, но съ условіемъ, если всѣ они будутъ оставлены цѣлыми и невредимыми въ своемъ здоровьѣ и имуществѣ¹⁾. Однако, такой переходъ почему-то не состоялся.

Тѣмъ временемъ тѣ изъ запорожскихъ козаковъ, которые успѣли уйти съ Карломъ за Днѣпръ, не переставали оказывать услуги какъ ему самому, такъ и его солдатамъ. Особенно они оказались необходимы шведамъ въ той мертвой пустынѣ, которая начиналась отъ праваго берега Днѣпра и шла до лѣваго берега Буга и известна была у людей тѣхъ временъ подъ именемъ дикихъ полей. Шведы во время своего бѣгства должны были держаться наименѣе проходимыхъ мѣстъ, чтобы не быть открытыми отъ преслѣдовавшей ихъ русской погоны, и въ этомъ случаѣ, безъ руководства запорожцевъ, могли-бы погибнуть въ степи, какъ въ песчаной Сахарѣ бедуины безъ «лаучей». Во время движенія по дикимъ полямъ шведовъ къ нимъ постепенно прибывали козаки, которые успѣли переправиться въ разныхъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ и убѣжать отъ русскихъ въ степь. Переправившись черезъ Днѣпръ, бѣглецы взяли сперва направленіе прямо къ западу, на теперешнія селенія Шведское, при рѣчкѣ Омельникѣ, и Хорошево, при рѣчкѣ того-же имени, и на городъ Александрію; потомъ, перейдя черезъ вершину Ингульца, повернули на юго-западъ по водораздѣлу между Ингульцомъ и Ингуломъ и такъ, постепенно уклоняясь отъ Ингульца къ Ингулу, двигались до нижняго теченія Буга (на теперешнія селенія—Швединовку, въ 40 верстахъ отъ Александріи, другую Швединовку, въ 21 верстѣ отъ первой, Рѣшетилковку, Поставку и Пески). На 25 верстѣ ниже устья Ингула, у теперешней д. Федоровки (Святотроицкаго), бѣглецы остановились лагеремъ и потомъ приблизились къ самому Бугу. У Буга запорожцы показали шведамъ хорошій прѣсной воды колодець²⁾ и поставили надъ нимъ караулъ, не позволяя мутить въ немъ воду, чтобы сохранить ее въ чистомъ видѣ для короля. Юля, 7 числа, шведы стали переправляться черезъ рѣку Бугъ съ песчанаго мыса, Русской косы, у

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, II, 158; Костомаровъ, Мазена, 1885, 669.

²⁾ Полагають въ трехъ верстахъ отъ города Николаева, въ Спасскѣ.

лѣваго берега рѣки, на песчаный мысъ, Волошскую косу, на правомъ берегу. вмѣстѣ со шведами прискакали къ рѣкѣ Бугу запорожцы и юля 7 дня стали переправляться съ лѣваго на правый берегъ ея, но, не успѣвъ въ полномъ числѣ переплыть рѣку, какъ были настигнуты княземъ Григоріемъ Волконскимъ съ полкомъ солдатъ и спаслись бѣгствомъ въ какое-то укромное мѣсто въ степи ¹⁾. Достигнувъ города Очакова, запорожцы раздѣлились на двѣ части, и одна часть изъ нихъ была отпущена королемъ и возвратилася восвояси, другая послѣдовала за нимъ до Бендеръ. Сколько было всѣхъ запорожцевъ при королѣ Карлѣ, неизвѣстно; полагають, однако, что число ихъ доходило если не до четырехъ, то до трехъ тысячъ человекъ ²⁾.

Послѣ удаленія изъ Малороссіи шведовъ и послѣ преданія Мазепы анаемъ новый гетманъ, Иванъ Ильичъ Скоропадскій, юля 17 числа, подалъ на утверженіе государя девять статей, на основаніи которыхъ Малороссія входила въ составъ Великой Россіи. Въ седьмой изъ этихъ девяти статей говорилось и о запорожцахъ: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы черезъ измѣну утратили Сѣчь; но малороссіяне пользовались оттуда солью, рыбою и звѣрями; поэтому просимъ, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда за добычею и чтобъ ни каменнотатонскій воевода, ни гарнизонъ не дѣлали промышленникамъ обидъ и препятствій».

Но царь Петръ Алексѣевичъ, желавшій воспретить всякія сношенія малороссіянъ съ запорожцами, на такую статью далъ отрицательный отвѣтъ: «На сей счетъ будетъ сдѣлано послѣднее опредѣленіе послѣ, а теперь того позволить невозможно, потому что подъ этимъ предлогомъ бунтовщики запорожцы могутъ возгнѣздиться на прежнихъ мѣстахъ и устроить бунтовскія собранія» ³⁾.

Въ началѣ 1710 года послѣдовало утвержденіе пунктовъ, на основаніи которыхъ гетманъ Скоропадскій принять былъ подъ высочодержавную руку государя, при чемъ объявлено было, что, для предотвращенія на будущее время измѣны со стороны гетмана, поставлялся подлѣ него особый изъ великороссіянъ чиновникъ,

¹⁾ Вѣроятно, къ этому времени относится указаніе о нападеніи запорожцевъ «тайнымъ» способомъ на мѣстечко Ягорлыкъ рашковской сотни и о захватѣ ими въ свои руки «тамошняго» губернатора: Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 141, 142.

²⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 821.

³⁾ Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, 90, 94.

какъ-бы изображавшій собой очи и уши государя. Такимъ чиновникомъ былъ на тотъ разъ царскій стольникъ и судальскій намѣстникъ Андрей Измаиловъ. Измаилову приказано было управлять, совмѣстно съ гетманомъ, дѣлами Малороссіи; по случаю-же бывшаго возмущенія въ малороссійскомъ краѣ и бунта въ запорожскомъ войскѣ велѣно было ему «вооруженною рукой препятствовать селиться запорожцамъ вновь въ Сѣчѣ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ» ¹⁾).

Между тѣмъ запорожское войско, послѣ разгрома Чортомлыцкой Сичи, руководимое своимъ атаманомъ Якимомъ Богущемъ, поступило сложивши свое добро и уцѣлѣвшее оружіе на дубы и скрытыми ериками, заточинами, рѣчками и вѣтвями ушло внизъ по Днѣпру въ турецкія земли, гдѣ поселилось Сичею при Урочищѣ Алешкахъ и Кардашинскомъ лиманѣ. Въ урочищѣ Алешкахъ запорожцы прожили 19 лѣтъ и оттуда вернулись снова на рѣчку Чортомлыкъ, гдѣ просидѣли два года. Съ Чортомлыка казаки опять спустились внизъ и тогда сѣли Сичею на устьѣ рѣчки Каменки, впадающей въ Днѣпръ, откуда потомъ, уже въ 1734 году, вернулись въ предѣлы Россіи и поселились на вѣткѣ Подпильной, въ пяти верстахъ ниже старой на Чортомлыкѣ Сичи.

Такъ говоритъ объ этомъ подлинная записка кошевого атамана Ивана Малашевича, составленная въ 1734 году, т. е. 25 лѣтъ спустя послѣ совершившагося событія, написанная съ цѣлью передать это свѣдѣніе «на потомную память поколѣнію» и запечатанная подлинною войсковою печатью ²⁾).

Преданіе говоритъ, что оставляя Сичу, запорожцы всего болѣе сожалѣли о своей святого Покрова сичевой церкви: «Все мы хорошо, панове, сдѣлали, все недурно зробили, но одно не хорошо учинили, что церковь свою покинули. Но что-жъ теперь дѣлать? Пусть ее хранить божья мать! И божья мать сохранила ее: москали къ ней, а она отъ нихъ; они къ ней, а она отъ нихъ.. Да такъ ходила-ходила, а потомъ передъ самыми глазами ихъ и пошла въ землю: вси какъ есть, съ колокольной, крестомъ, тагъ и пирнула,—одна яма отъ нея лишь осталась» ³⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 37.

²⁾ Архивъ московскаго отдѣленія главнаго штаба; дѣла кн. Потемкина-Таврическаго, опись 194, связка 181, № 5.

³⁾ Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, II, 91.

Но въ Алешки удалилась только малая часть запорожцев; большинство-же ихъ бѣжало вмѣстѣ съ королемъ Карломъ и гетманомъ Мазепою отъ Днѣпра черезъ западныя границы бывшихъ запорожскихъ вольностей, достигло города Очакова и оттуда удалилось въ турецкій городъ Бендеры.

Въ 1710 году, апрѣля 5 дня, уже послѣ смерти Мазепы ¹⁾, подъ городомъ Бендерами, въ присутствіи кошевого атамана Константина Гордіенка, генеральнаго малороссійскаго писаря Филиппа Орлика и пословъ отъ запорожскаго войска «у Днѣпра зостоячого», состоялась большая козацкая рада. На той радѣ запорожскіе и малороссійскіе козаки признали высшимъ протекторомъ всего козацкаго войска шведскаго короля Карла XII, а генеральнаго писаря при бывшемъ гетманѣ Мазепѣ Филиппа Орлика, объявили гетманомъ всей Малороссіи. При избраніи новаго гетмана запорожцы заключили съ нимъ условія, касавшіяся дальнѣйшей судьбы Малороссіи и Запорожья. Хотя условія этого договора между запорожцами и малороссійскимъ гетманомъ и не были потомъ приведены въ исполненіе, хотя уже во время составленія ихъ нѣкоторые не вѣрили въ возможность полного осуществленія заключаемыхъ условій, но при всемъ томъ эти постановленія должны имѣть въ глазахъ всякаго южнорусскаго историка значеніе особенной важности. Дѣло въ томъ, что въ нихъ запорожцы подробно и вполне отчетливо изложили всѣ тѣ требованія, которыя были у нихъ всегда на умѣ и которыя они предъявляли по частямъ и въ разное время всѣмъ гетманамъ со времени Виговскаго и всѣмъ царямъ со времени царя Алексѣя Михайловича. Въ нихъ изложенъ былъ полностью весь идеалъ политическихъ стремленій, который передовые люди изъ запорожскаго войска хотѣли видѣть осуществленнымъ въ Малороссіи и заодно съ ней въ Запорожьи. Эти условія разбиты на 16 пунктовъ и состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Поневажъ межи тремя добродѣтелями богословскими вѣра первенствуетъ, тебѣ въ первомъ семъ пунктѣ о вѣри святой православной восточнаго исповѣданія дѣло надлежитъ начати, кторюю, яко разъ народъ валеchnый козацкій, за владѣнія еще кагановъ козарскихъ въ столицѣ апостольской константинопольской про-

¹⁾ Мазепа умеръ 22 августа, 1709 года, и тѣло его сперва опущено было въ Галацъ, а потомъ погребено въ столицѣ Молдавіи Яссахъ.

свѣщенный zostалъ, такъ и теперь непорушимо въ оной триваючи, жаднымъ иновѣріемъ никогда не колебался. И не тайно есть, же славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій з войскомъ запорожскимъ, ни за что ишное, опрочъ правъ и вольностей войсковыхъ, унялся и праведную противъ Рѣчи Посполитой польской воздвигнулъ войну, тилко, во первыхъ, за вѣру святую православную, яка розними тяжестями насильствована была отъ власти польской до уни зъ костеломъ римскимъ, а по искорененіи иновѣрія зъ отчины нашої, не для чого ишого зъ тымъ-же войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ въ протекцію государства московского удался, и доброволне поддался, тилко для самого единовѣрія православного. За чимъ теперешній новообранный гетманъ, когда Господь Богъ, крѣпкій и сильный въ бранѣхъ, пособить щастливымъ оружіемъ наясвѣйшого короля, его милости шведского, свободити отчину нашу, Малую Россію, отъ невольничого ярма московского, мѣеть и повиненъ будетъ, во первыхъ, старатися и крѣпко застановлятися, абы жадное иновѣріе въ Малую Россію, отчину нашу, ни отъ кого не было впроважено, которое если бы гдѣ, чи то тайно, чили явне, могло показатися, теды, владгою своею, долженъ будетъ оное искореняти, проповѣдатися и разширатися оному не допускати, иновѣрць сожитія на Украинѣ, а найбарзвѣй зловѣрцію жидовскому, не позволяти, и на тое всё старанья ложити, жебы едина вѣра православная восточного исповѣданія, подъ послушенствомъ святѣйшого апостольского фрону константинопольского, вѣчне утвержена была, и з помноженьемъ хвалы яожой, церковей святыхъ, а з цвѣченемъ въ наукахъ вызволюныхъ синовъ малороссійскихъ, разширялася, и яко кринь въ терніи, межи окрестными иновѣрными панствами, процвѣтала. Для большой зась поваги первоначального въ Малой Россіи престола митрополитанского Кіевского и для знатѣйшого дѣль духовныхъ управления, мѣеть той-же ясневельможный гетманъ, за высвобоженымъ отчины отъ ига московского, справити у столицѣ апостольской константинопольской, егзаршескую первобытную власть, чтобъ черезъ тое обновилася реляція и послушенство синовское до помянутого апостольскаго константинопольскаго фрону, отъ которого проповѣдію евангельскою въ вѣра святой кафолической просвѣщена и змоцнена быти удостоилася.

2. Яко всякое панство цѣлостію границъ ненарушимою состоится и утверждается, такъ и Малая Россія, отчина наша,

жебы въ своихъ границахъ, пактами отъ Рѣчи Посполитой польской и отъ государства московского стверженныхъ, найбарзѣй въ тинь: которые по рѣку Случь, за гетманства, славной памяти, Богдана Хмельницкаго отъ той-же Рѣчи Посполитой польской, области гетманской и войску поступлены, вѣчне отданы и пактами обварованы зостали, не была згвалчена и нарушена, мѣть и тое ясневельможный гетманъ, при трактатахъ найяснѣйшого короля, его милости, шведского, старатися, и крѣпко, сколько Богъ силы и разуму пошлетъ, застановлятися, гдѣ будетъ належати, а найпаче сущгѣковати о тое до найяснѣйшого маестату, его королевского величества шведского, яко оборонцы и протектора нашего, чтобъ его величество не допускалъ никому, не тылко правъ и вольностей, лечъ и границъ войсковыхъ надверезати и себѣ привлащати. Надъ то повиновенъ будетъ тотъ-же ясневельможный гетманъ, по сконченью, дай Боже, счастливомъ войны, упросити у королевского величества шведского такого трактату, чтобъ его величество и его сукцессорове, найяснѣйшіе короли шведскіе, вѣчными протекторами Украины титуловалися и самимъ дѣломъ зоставали, для большой крѣпости отчизны нашой и для захованья оной цѣлости въ правахъ наданныхъ и границахъ. Такъ тежъ и о тое, долженъ будетъ ясневельможный гетманъ до найяснѣйшого королевского маестату сущгѣковати, абы у трактатахъ его величества зъ государствомъ московскимъ было тое доложено, чтобы, якъ невольниковъ нашихъ, на сей часъ въ государствѣ московскомъ найдующихся, по сконченью войны, намъ свободныхъ возвращено, такъ и всѣ починеные въ нынѣшнюю войну на Украинѣ шкоды, нагорожено и слушне отъ Москвы пополнено; а особливо о тое просити и старатися у найяснѣйшого королевского величества повиненъ, жебы невольниковъ нашихъ, въ панствѣ его-жъ величества зостаючихъ, всѣхъ освобождено и намъ возвращено.

3. Поневажъ намъ всегда пріянь сусѣдская панства крымского ееть потребна, отъ которого помощи не разъ войско запорожское до обороны своей засягало, теды, иле подъ сей часъ возможно будетъ, мѣть ясневельможный гетманъ и найяснѣйшого хана, его милости, крымского, чрезъ пословъ старатися о обновленье давнего зъ панствомъ крымскимъ братерства, коллегациі военной и подтверженье вѣчной пріяньи, на которую-бы окрестные панства заглядующися, не дерзали порабощенія себѣ Украины желати и оную въ чомъ колвекъ насильствовати. По сконченью зась войны,

когда Господь Богъ пособить, при желаемомъ и помыслномъ намъ покою, новообранному гетману на своей оѣсти резиденціи, тогда крѣпко и неусыпно постерегати того, должностію уряду своего обовязанъ будетъ, абы ни въ чомъ зъ панствомъ крымскимъ пріязнь и побратимство не нарушилось черезъ своевольныхъ и легкомысленныхъ зъ нашей стороны людей, которые обыкли не тылко сусѣдскую згуду и пріязнь, лечь и союзы мирные, рвати и раздрушати.

4. Войско запорожское низовое, яко несмертельную собъ славу многими рыцерскими отвагами на морѣ и на земли заслужило, такъ и не меншими наданными обогащено было для общаго своего пожитку и промысловъ, лечь кгда государство московское, вынаходячи розныхъ способовъ до утисненья и знищенья оного построило на власныхъ войсковыхъ кгрунтахъ и угодіяхъ, то города Самарскіе, то фортецы на Днѣпрѣ, чимъ, хотячи въ промыслахъ рыбныхъ и звѣриныхъ томужъ войску запорожскому низовому перешкуду учинити, неаносную шкуду, праволомство и утеменженье учинило. На остатокъ гнѣздо войсковое, Сѣчь запорожскую, военнымъ наступленіемъ разорило. Пре то, по скончанью, дай Боже, счастливомъ, войны (естли теперъ помянутое войско запорожское тыхъ кгрунтовъ своихъ и Днѣпра отъ насильства московского не очиститъ и не удовольнитъ), повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ, при трактованью наясвѣйшого короля его милости, шведского, зъ государствомъ московскимъ о покою, о тое старатися, жебы Днѣпръ отъ городковъ и фортецъ московскихъ, тако жъ и кгрунта войсковые отъ поссессіи московской очищены и до первобытной области войска запорожского привержены были, гдѣ впредь никому а ни фортець строити, а ни городковъ фундавати, а ни слободъ осажувати, а ни якимъ-же колвекъ способомъ тыхъ войсковыхъ угодій пустошити, не тылко не мѣеть ясневельможный гетманъ позволяти, лечь и до обороны оныхъ обовязанъ будетъ войску запорожскому низовому всякую помощь чинити.

5. Городъ Терехтемировъ, поневажъ адвна до войска запорожского низового належалъ и шпиталемъ оного назывался, теда и теперъ, за освобожденьемъ, дай Боже, отчины отъ московского подданства, мѣеть ясневельможный гетманъ тотъ-же городъ войску запорожскому низовому, зо всѣми угодіями и зъ перевозомъ на Днѣпрѣ, тамъ застаючимъ, привернути, шпиталь въ ономъ для старинныхъ зубожалыхъ и ранами скалеченныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построити, и отколь мѣеть имъ быти пища и

одежда, промыслъ; также Днѣпръ увесь зъ гори отъ Переволочной внизъ, перевозъ Переволочанскій и самый городъ Переволочаную, съ городомъ Келебердою и рѣка Ворскло зъ млинами, въ полку полтавскомъ знайлющимися, и фортецу козацкую принадлежностями, повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ и по немъ будущи уряду того гетманского наслѣдники, ведлугъ давныхъ правъ и привилеевъ, при войску запорожскомъ захвати, никому з власти духовной и свѣцкой не допускаючи ѣзовъ тамъ и не позволяючи на Днѣпръ отъ Переволочной внизъ забивати и строити, становъ и рыбныхъ ловль заводити, особливе въ полю рѣки, рѣчки и всякіе прикметы, ажъ по самой Очаковъ, не до кого иншого, тилко до войска запорожского низового, вѣчными часы мѣють належати.

6. Если въ панствахъ самодержавныхъ хвалебный и состоянію публичному полезный захуется порядокъ, же завше, якъ въ бою, такъ и въ покою, о общемъ отчустомъ добрѣ приватные и публичные обыкли отправоватися рады, въ которыхъ и самыи самодержцы притомностию своею продкуючи, не возбраняются соизволеніе свое подъ общее министровъ своихъ и совѣтниковъ зданье и ухвалу подлагати, а чому-жъ-бы въ вольномъ народѣ таковой збавенный порядокъ не мѣлъ быти захованъ, который, любо въ войску запорожскомъ при гетманахъ передъ симъ, ведлугъ давныхъ правъ и вольностей, непремѣнно содержался, однакъ, гдѣ нѣкотори войска запорожского гетмани, привлащивши собѣ неслухне и безправне самодержавную влагду, узаконили самовластіемъ такое право: «Такъ хочю, такъ повелѣваю», черезъ якое самодержавіе, гетманскому урядови неприличное, уросли многіе въ отчизнѣ и въ войску запорожскомъ нестроеніи, правъ и вольностей разореніи, посполитые тяжести, насильные и накупные урядовъ войсковыхъ распоряженья, легкое старшины енеральной, полковниковъ и значного товариства поваженъе, пре то мы, енеральная старшина, атаманъ кошовый и все войско запорожское, договорили и постановили съ ясневельможнымъ гетманомъ, при елекціи его вельможности, такое право, которое мѣеть быти вѣчне въ войску запорожскомъ заховано: абы въ отчизнѣ нашой первенствующими были совѣтниками енеральная старшина, такъ респектомъ урядовъ ихъ первоначальныхъ, яко и уставичной при гетманахъ резиденціи; по ныхъ, зась обыклымъ порядкомъ послѣдующи полковники городовіе, подобнымъ-же публичныхъ совѣтниковъ характеромъ почтены нехай будутъ; надъ то з каждого полку по

единой значной старинной, благоразумной и заслужоной особѣ мѣють быти до общей рады енеральнїи совѣтники, за согласїемъ гетманскимъ избраны, з которыми всѣми енеральными особами, полковниками и енеральными совѣтниками должень будетъ тепершнїй ясневельможный гетманъ и его сукцессорове о цѣлости отчизны, о добрѣ оной посполитомъ и о всякихъ дѣлѣхъ публичныхъ радитися, ничого, безъ ихъ соизволенїа и совѣту, преватною своею владою, не зачинати, не установляти и въ skutokъ не приводити. Для чога теперь, при елекціи гетманской, единоголасною всѣхъ обрадою и ухвалою, назначаются три енеральные въ каждомъ року рады, мѣючіеся въ резиденціи гетманской отправати: первая о Рождествѣ Христовомъ, другая о Воскресенїи Христовомъ, третїа о Покровѣ Пресвятой Богородицы, на которе, не тылко панове полковники з старшиною своею и сотниками, не тылко зо всѣхъ полковъ енеральные совѣтники, геч и отъ войска запорожского низового, для прислухованья ся и сѣтованья, послы мѣють и повинни будутъ, за присланьемъ къ себѣ отъ гетмана ординансу, прибавати, ничого назначеного термену не ухибляючи, гдѣ что колвекъ будетъ отъ ясневельможного гетмана, до общей-бы рады предложено, о томъ всѣмъ благосовѣстію безъ жадныхъ, приватного своего и чужого порядку, респектовъ, безъ душегубной зависти и вражды, совѣтовати обовязаны будутъ, такъ далече, жебы ничого не было въ тыхъ радахъ з уближеньемъ чести гетманской, з публичною отчизны тяжестїю и разоренїемъ, а, не дай Боже, и пагубою. Если бы зась, опрочъ тыхъ вышпреченныхъ, до енеральной рады назначенныхъ терменовъ, притрафлялися якіе публичные sprawy, скорого управленїа, отпреставленїа и отправления потребуючіе, теды ясневельможный гетманъ моцень и воленъ будетъ, зъ обрадою енеральной старшины, таковыя дѣла повагою своею гетманскою управляти и отправати. Такъ-же если-бы якіе письма приключалися зъ заграничныхъ посторонныхъ панствъ, до ясневельможного гетмана ординованные, теды оныя маеть его вельможность енеральной старшинѣ объявити и отвѣты, якіе отписуватимутся, освѣдчати, не утаваючи предъ ними жадныхъ корресподенцій листовныхъ, найбарзѣй заграничныхъ и тыхъ, якіе могутъ цѣлости отчистой и добру посполитому вредити. А жебы skuteczѣйшая была въ секретныхъ и публичныхъ радахъ междоусобная ясневельможного гетмана зъ старшиною енеральною, съ полковниками и енеральными совѣтниками

поуфалость, повинень будетъ каждый зъ нымъ, при обнятю своего уряду, на вѣрность и у отчизанѣ на зычливость къ рейментарови своему на захованье повинностей своихъ, якіе колвекъ до уряду чіего належатимуть, формальную присягу, ведлугъ роты, публичне ухваленой, выконати. И если-бы что противного, здорового, правамъ и вольностямъ войсковымъ вредительного и отчизанѣ неполезного усмотрено было въ ясневельможномъ гетману, теде таяжъ старшина енеральная, полковники и енеральные совѣтники, мощны будутъ волными голосами, чили то приватне, чили, когда нужная и неотволочная потреба укажетъ, публичне, на радѣ его вельможности выговорити и о нарушенье правъ и вольностей отчистыхъ упоминатися, безъ уближенья и найменшого поврежденья высокого рейментарского гонору; о якіе выговоры не мѣеть ясневельможный гетманъ уражатися и помсты чинити, овшемъ развращенныя исправити старатимется. Особливе енеральными совѣтники, каждый зъ нихъ на своемъ полку, зъ которого на радецтво изберется, силенъ будетъ, совокупне съ паномъ полковникомъ городовымъ, постерегати порядковъ и оныя общимъ совѣтомъ управлять, застановляючися за крывды и тяжести людскіе. А яко енеральная старшина, полковники и енеральныи совѣтники, повинны будутъ ясневельможного гетмана въ должномъ мѣти почитаніи, належитъ ему выразати гоноръ и вѣрное отдавати послушенство, такъ и ясневельможному гетману взаимне шановати оныхъ, и за товариство, а не заслугъ и предстоятелей, работныхъ, належитъ консервовати, не принуждаючи ихъ умыслне, для пониженья особъ, до публичного, неприличного и непоносного предъ собою стоянья, опрочъ того, гдѣ потреба укажетъ.

7. Если-бы кто зъ енеральныхъ особъ, полковниковъ, енеральныхъ совѣтниковъ, значного товариства и инныхъ всѣхъ войсковыхъ урядниковъ надъ той самой черни, чи то гоноръ гетманскій дернулъ образити, чили въ иншомъ якомъ дѣлѣ провинити, теде таковыхъ проступцовъ самъ ясневельможный гетманъ, приватною своею помстою и владгою не мѣеть карати, лечь на судъ войсковый енеральный таковую справу, чито криминальную, чили не криминальную, повинень будетъ здати, у которого якіи нелицемирный и нелицезрѣтельный падежъ декретъ, такіи долженъ всякъ проступный понести.

8. Тыже енеральные особы, уставичне при боку гетманскомъ резидуочіе, всякіе справы войсковые, якіе до чіего чину и по-

винности будутъ належати, мѣють ясневельможному гетману доносити и декларациі отбирати, а не слуги приватныя домовыя, которыхъ до жадныхъ справъ, докладовъ и дѣлъ войсковыхъ не отпраовати.

9. Поневажъ передъ симъ въ войску запорожскомъ всегда бывали подскарбіи енеральныя, которыхы скарбомъ войсковымъ, млынами и всякими, до скарбу войскового належащими, приходами и повинностями завѣдовали и оными за вѣдомомъ гетманскимъ шафовали, теде и теперъ таковой порядокъ общимъ договоромъ устанавливается и непремѣнно узаконяется, абы за уволненемъ, дастъ Богъ, отчины нашой зъ ярма московского, увагою гетманскою и соизволеніемъ общимъ; былъ обранъ подскарбіи енеральный, человекъ значный и заслуженный, маетный и благосовѣстный, который-бы скарбъ войсковый въ своемъ дозорѣ мѣлъ, млынами и всякими приходами войсковыми завѣдовалъ и оные на потребу публичную войсковую, а не на свою приватную, за вѣдомомъ гетманскимъ, оборочалъ. Самъ zaś ясневельможный гетманъ до скарбу войскового и до приходовъ, до онога належащихъ, не имѣеть належати и на свой персональный пожитокъ употреблять, довольствующися своими оброками и приходами, на булаву и особу его, гетманскую, належащими, яко то: индуктою, полкомъ гадацкимъ, сотнею шентаковскою, добрами почеповскими и оболонскими и иными интратами, якіе здавна ухвалены и постановлены на урядъ гетманскій; большъ zaś ясневельможный гетманъ маетностей добръ войсковыхъ не мѣеть самовластно собѣ привлацати и инымы, мнѣй въ войску запорожскомъ заслужонымъ, найбарзѣй черниамъ, попамъ, вдовамъ бездѣтнымъ, урядникомъ, посполитымъ и войсковымъ мѣлкимъ слугамъ своимъ гетманскимъ и особамъ приватнымъ, для респектовъ якихъ колвекъ, не раздавати. А не тыло до богу гетманского подскарбіи енеральный поприсяжный, для дозору скарбу войскового, мѣеть избиратися, и гдѣ резиденція гетманская утвердится, тамъ зоставати, лечь и въ каждомъ полку два подскарбіи, такъ-же поприсяжны, люде значныи и маетныи, общою, полковника, старшины войскового, и посполитой ухвалою, повинны знайдоватися, которыхы бы о полковыхъ и городовыхъ приходахъ и посполитыхъ поборахъ знали, оные въ своемъ завѣдыванью и шафунку мѣли и каждого року порухунокъ зъ себѣ чинили. Якіе полковіе подскарбіи, мѣючи релацию до енерального подскарбего, должны будутъ въ своихъ полкахъ о належащихъ до скарбу войскового приходахъ знати, оные отбирати и до рукъ

енерального подскарбего отдавати. Панове полковники зась неповинни такъ-же интересоватися до скарбцовъ полковыхъ, контентующихся своими приходами и добрами, на урядъ полковничій належашими.

10. Яко всякихъ во отчизнѣ и войску запорожскомъ порядковъ, по должности уряду своего мѣть ясневельможный гетманъ постерегати, такъ найбарзѣй повиненъ будетъ и на тое пилное и неусыпное мѣти око, жебы людемъ войсковымъ и посполитымъ збытечные не чинилися тяжести, налоги, утеменженья и здырства, для которыхъ они, оставивши жилища свои, обыкли въ прочку ити и въ заграничныхъ панствахъ спокойнѣйшого, легчайшого и помысливѣйшого шукати себѣ помешканья. За чимъ, абы панове, полковники, сотники, атаманья и всякіе войсковые и посполитые урядники, не важилися панцианъ и роботизанъ своихъ частныхъ господарскихъ козаками и посполитыми людьми тыми, якіе а ни на урядъ ихъ не належать, а ни подъ ихъ персональною державою встають, отбувати до кошенія сѣвъ, збиранья зѣ поль пашень и гаченья гребель примушати, въ одиманью и квалтовномъ купленью кгрунтовъ насилія чинити, за ледакую вину зо всей худобы, лежачой и рухомой, обнажити, ремесниковъ безплатежне до дѣлъ своихъ домашнихъ приневоляти и козаковъ до посылокъ частныхъ заживати, повиненъ будетъ того ясневельможный гетманъ владгою своею возбраняти, чого и самъ, на добрый иншымъ, подручнымъ себѣ, прикладъ, мѣть выстерегатися и не чинити. А поневажъ всякіе на людей вѣрныхъ тяжести, утыски и здырства походятъ найбарзѣй отъ властолюбныхъ накупшевъ, которіи, не фундуючися на заслугахъ своихъ, а прагнучи несытою пожадливостью, для частного своего пожитку урядовъ войсковыхъ и посполитыхъ, прельщактъ сердце гетманское коррупціями и оными втыскаются, безъ вольного избранія, надъ слушность и право, то на уряды полковничіе, то на иные власти, пре то всеконечнѣ постановляется, абы ясневельможный гетманъ жадными, хочъ бы найболшими, не уводячися датками и респектами, никому за коррупціи урядовъ полковничьихъ и иншихъ войсковыхъ и посполитыхъ начальствъ не вручалъ и насильно на оные никого не наставлялъ, лечъ всегда, якъ войсковые, такъ и посполитые, урядники мѣють быти волними голосами, особливе зась полковники, обираны, а по избранію владгою гетманскою подтверживаны; однакъ таковыхъ урядниковъ елекціи не безъ волѣ

гетманской отправоватися повинны. Тоежь право должны будуть и полковники заховати и не постановляти, безъ вольного избранія цѣлой сотнѣ. Сотниковъ и иныхъ урядниковъ, для коррупціи и якихъ-же колвекъ респектовъ, а для урядъ своихъ приватныхъ не повинны такъ-же отъ урядовъ отстановляти.

11. Вдовы козаціи и осѣротѣлые козацкіе дѣти, вдовы козацкіи и жены, безъ бытности самыхъ козаковъ, когда въ походахъ, албо на-якихъ-же колвекъ службахъ войсковыхъ находоватимутся, жебы до всякихъ посполитыхъ повинностей не были потяганы и вымаганьемъ датковъ обтяжованы, договорено и постановлено.

12. Не меньшая городамъ украинскимъ и отголь дѣется тяжесть, же многіе, для отбужанья всякихъ посполитыхъ повинностей належаціе, подъ розныхъ державцовъ, духовныхъ и свѣцкихъ, въ possessію подходили жители, зась ихъ посполитые, въ малолѣтствіи оставшіеся, мусять, безъ жадной фолги, тые-жъ самыя двигати тяжари, ягіе з помощію отторгненыхъ и одойшлыхъ сель на себѣ носили. За чимъ, за успокоеньемъ отъ военного мятежу отчизны и за увольненіемъ, дай Боже, оной отъ подданства московского, енеральная маеть быти установлена, чрезъ избранныхъ на тое комисаровъ, ревизія всѣхъ маетностей, подъ державцами застаючихъ, и до уваги енеральной при гетману рады подана, на которой разсудится и постановится, кому годне належитъ, а кому не належитъ, войсковыя добра и маетности держати, и якіе повинности и послушенства подданскіе мѣются державцамъ отъ посполыства отдавати. Такъ тежь и отголь людѣмъ убогимъ посполитымъ умножается тяжесть, же многіе козаки людей достальныхъ посполитыхъ, въ подсуѣдїи себѣ прїимуючи, охороняють оныхъ отъ обыклыхъ имъ повинностей, ку общою тяглости городской и сельской стягаючихся, а купцы маетные, защищаючися то универсалами гетманскими, то протекцію полковничою и сотничкою, ухилиются отъ двиганья сполныхъ тяжаровъ посполитыхъ и не хотять быти помощными въ отбужанью оныхъ людѣмъ убогимъ. Пре то ясневельможный гетманъ универсалами своими привернути не захеаеть, такъ подсуѣдковъ достатныхъ козацкихъ, яко и купцевъ до посполитыхъ, повинностей, заборонити оныхъ протекціи.

13. Городъ столечный, Кіевъ, и иные украинскіе города зъ маистратами своими во всѣхъ правахъ и привилеяхъ, слушне наданныхъ, не порушимо жебы захованы были, повагою сего акту

елегціального постановляється и подтверженіе оныхъ своего часу гетманской власти поручается.

14. Же посполитымъ людѣмъ прежде сего на Украинѣ наѣзды и подводы, а козакамъ проводничества наибольшъ приносили тяжести, черезъ которые люде до крайнего въ худобахъ своихъ приходили знищенія, теде теперъ абы тые подводы и проводничества вовся были отставлены, и никто з переѣздажучихъ жадной нигдѣ подводы брати, напоевъ, кормомъ и даткомъ наименшихъ вымагати отнюдъ не важился, хіба хто въ публичныхъ дѣльхъ, и то за подорожную ясновельможного гетмана, будетъ ѣхати, то и тому, безъ жадныхъ поклонныхъ датковъ, подводъ толко дати, сколько въ подорожной будетъ написано. Особливе, чтобы жадные особы войсковые и ихъ слуги, ясновельможного гетмана, за приватними дѣлами, а не войсковыми, переиздажучіе, подводъ, кормовъ, напоевъ, поклоновъ и проводниковъ отнюдъ не вымагали, бо черезъ тое городиви разореніе, а людѣмъ бѣднымъ знищеніе, наносится; лечъ всякій особа, великій, мѣлкій и наименшій, за приватнымъ своимъ дѣломъ, а не войсковымъ, безъ подорожной рейментарской переѣздажучій, долженъ будетъ своимъ грошемъ всюде по городахъ и селахъ сусентоватися, подводъ и проводниковъ не вымагати и усилownie никогда не брати.

15. Же аренды, для платы роковой компаней и сердюкамъ и для нашихъ расходовъ войсковыхъ, установленые, за тяжесть посполитую отъ всѣхъ обывателей малороссійскихъ войсковыхъ и посполитыхъ, такъ и станція компанійская и сердюккан за прикрость и утяженіе у посольства почитается: пре то, якъ аренды, такъ и помянутая станція повинна быти отставлена и весьма знесена. Отколь да скарбъ войсковой упалый на отбуваніе и удовольствованіе всякихъ публичныхъ войсковыхъ-же расходовъ реставроватися и постановитися, и якъ много, по скончанью войны, ясновельможный гетманъ мѣетъ людей платныхъ компаней и пѣхотинцевъ, при боку своемъ на услугахъ войсковыхъ держати, о томъ на енеральной радѣ общаа будетъ увага и постановленіе.

16. Востокротне люде убогіе воплять и ускаржаются, же такъ индуктари и ихъ факторы, яко и выѣзджіе ярмарковые, многіе чинятъ не обыкые и нещисленны имъ здырства, за которыми згода невозможно человѣку убогому свободнѣ на ярмарокъ появитися, малой якої рѣчи, для подпартя убозства своего, про-

дати, albo на домовую потребу купити, безъ платежи ярмарковой а, не дай, Боже, въ вину якую, хочъ малую, попасться, то съ ногъ до головы отъ выѣзджихъ ярмарковыхъ ободранному быти прійдется. Зачимъ абы индуктари и ихъ фактори, отъ тыхъ тылко товаровъ и таковыя ексакціи, еветкы и индукты до скарбу войскового отбырали, якіе будутъ выражены въ интерцигахъ, ничего лишнего отъ купцевъ не вымагаючи и людѣмъ вѣрнымъ убогимъ наименшого здырства не чинячи. Такъ-же и выѣзджіе ярмарковые, абы повинность, у кого належить, а не у людей убогихъ, з малою продажею домовою, albo для купленья чого на домовую потребу на ярмарокъ прибылыхъ, выбирали, справъ жадныхъ, не тылко криминальныхъ, але и поточныхъ, не судили необычлого здырства людемъ и городови не чинили, потрафляти въ тое будетъ ясневельможный гетманъ своимъ благоразумнымъ радѣиємъ и владою, которого и всѣ въ отчизнѣ нестроенія, премудрому исправленію, права и вольности войсковые непорушимоу захованью и оборонѣ, договоры сіи и постановленія skutечному исполненію, поручаються, якіе его вельможность не тылко подписомъ руки своей, лечъ и формальной присягою и притисненьемъ печати войсковою, изволить подтвердити ¹⁾.

Новоизбранный гетманъ того-же апрѣля 5 дня присягой и собственноручною подписью обязался «всѣ елекціи во всѣхъ пунктахъ, коммахъ и періодахъ непремѣнно исполнять, о расширеніи правъ и вольностей войсковыхъ, сколько силъ, стараніе имѣть, высокымъ и заслуженнымъ въ войскѣ запорожскомъ особамъ уваженіе, а всему старшему и меньшему товариству любовь оказывать» ²⁾.

Мая 10 дня договоръ запорожцевъ съ Орликомъ и избраніе его въ гетманы Малороссіи «вмѣсто къ Богу зайшого гетмана Іоанна Мазепы» были утверждены королемъ Карломъ XII въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, и въ тотъ-же день изъ Бендеръ въ Сичу послана была грамота шведскаго короля къ кошевому атаману Якиму Богущу и ко всему войску запорожскому.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 245—254; Исторія Малой Россіи, 1822, IV, 206—222; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 315—338; Чтеніе московскаго общества исторіи и древностей, 1859 I, 242—254.

²⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1822, IV, 338.

«Карольсь, милостію божію, король шведскій, готскій, вандалскій и пр., благородному и почтенному атаману кошевому и всему кавалерству войска запорожскаго низового милость наша королевская. Нижайшее ваше писаніе въ пакетахъ, посланное братьями вашими Лукьяномъ и Кондратомъ, дошло до насъ августа мѣсяца, двѣнадцатаго дня (1709 года); изъ этого писанія мы узнали, что вы господа, до сего времени не получали отъ насъ никакой вѣсти и потому просите увѣдомить васъ письмомъ нашимъ какъ о здоровьѣ нашемъ, такъ и о намѣреніи начатой теперь войны съ москалями и о прочемъ. Намъ особенно понравилось то, что вы не только о нашей персонѣ королевской сердечно скорбите, но и оказываете себя охочими къ скорѣйшему отищенію надъ нашимъ и вашимъ непріятелемъ, москалемъ, чрезъ что не хотимъ предъ вами, господа, угаить, что рана наша, милостію божію, совсѣмъ исцѣлена и теперь мы всѣ пришли къ заключенію крѣпко стать въ баталію съ наибольшею нашею арміею противъ москаля, и дѣло наше можетъ скоро окончиться, потому что какъ вы, такъ и мы къ этому вполне готовы, и вельможамъ нашимъ мы приказали быть готовымъ, опасаться чего-нибудь нѣтъ никакого основанія, потому что найвышній Богъ благословилъ насъ праведнымъ оружіемъ, и мы сотремъ выи (шеи) нашихъ непріятелей; тогда наша кавалерія отъ прошлаго несчастнаго боя несомнѣнно будетъ исцѣлена, тогда мы утѣшены будемъ; только-бы вы, высокородные господа, изъподъ нашей протекціи не отступали. Вамъ, высокородные господа, находящимся подъ нашимъ знаменемъ, нужно побуждать и другихъ, обѣщая имъ неотмѣнную надежду. Дано въ лагерѣ подъ Бендеромъ, мая 10, 1710 рока, Карольсь» ¹⁾).

Заключивъ клятвою означенныя статьи, Филиппъ Орликъ и Константинъ Гордіенко рѣшили привлечь къ себѣ и крымскихъ татаръ, чтобы вмѣстѣ съ ними идти противъ Москвы, вырвать изъ рукъ ея Малороссію и сдѣлать послѣднюю независимой. Но для того нужны были денежныя средства. Самъ король, не имѣя такихъ средствъ, надѣялся получить ихъ изъ Константинополя. Обѣщанныя королю турецкимъ султаномъ деньги пришли только осенью 1710 года. Получивъ субсидію, король призвалъ запорожцевъ въ Бендеры для раздачи имъ присланныхъ денегъ, и тогда рѣшено было вступить

¹⁾ Бантышъ - Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 242—257, 241; Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 205, 223—225.

въ формальный договоръ съ крымскимъ ханомъ для похода на Украину съ цѣлью отобранія отъ московской державы Малороссіи. Договоръ этотъ состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Ханъ будетъ только союзникомъ запорожцевъ и отнюдь не властителемъ козаковъ и не обладателемъ ихъ земель. 2) Ханъ будетъ стараться объ освобожденіи Малороссіи отъ Москвы и отнюдь не будетъ разорять православныхъ церквей и брать на Украинѣ христіанъ въ плѣнь. 3) Ханъ будетъ способствовать отдѣленію Слободской Украины отъ Москвы и присоединенію ея къ Гетманщинѣ.

Самое дѣло рѣшено было начинать разомъ на Украинахъ обѣихъ сторонъ Днѣпра ¹⁾.

Вѣсть о договорѣ между шведскимъ королемъ, Филиппомъ Орликомъ, кошевымъ Гордіенкомъ и крымскимъ ханомъ немедленно дошла до русскаго царя. Въ виду надвигавшейся въ то время страшной грозы на Россію со стороны Турціи и въ виду продолжавшейся борьбы русскихъ со шведами, царь Петръ Алексѣевичъ, очень нуждавшійся въ тѣ поры въ боевыхъ силахъ, рѣшилъ сдѣлать попытку привлечь на свою сторону все запорожское войско. Для этого онъ послалъ нѣсколько предписаній въ Кіевъ, къ князю Голицыну, и въ Глуховъ, къ гетману Скоропадскому, отправить къ запорожцамъ увѣщательные листы и, такъ или иначе, склонить ихъ на сторону Россіи. Въ силу такого предписанія князь Голицынъ, а вмѣстѣ съ нимъ и гетманъ Скоропадскій съ бывшимъ при немъ царскимъ стольникомъ Андреемъ Измайловымъ, отправили въ Сичь царскую грамоту и собственные универсалы съ тѣмъ, чтобы склонить запорожцевъ на сторону русскаго государя, обещая за то простить ихъ вины и даровать щедрую награду ²⁾.

Но такія увѣщанія не имѣли никакого успѣха, частію вслѣдствіе ходившихъ въ то время между запорожцами слуховъ о жестокостяхъ москалей въ отношеніи возвращавшихся на Украину эмигрантовъ, частію вслѣдствіе недовѣрія войска ко всякимъ московскимъ обѣщаніямъ. «Всѣ запорожцы для того нейдутъ съ повинною къ государю, что изъ Украины дали имъ знать: если вы пойдете, то всѣ пропадете,—заключайте союзъ съ татарами и освобождайте насъ, потому что мы всѣ отъ Москвы пропадемъ» ³⁾.

¹⁾ Костомаровъ, Мавена, С.-Петербургъ, 1885, 628.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 160, 151.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 38—40.

«Развѣ запорожцы, говорилъ чигиринскій сотникъ Василій Невинчанный, будутъ дураки, что пойдуть (къ русскимъ)? Они хорошо дѣлають, что орду поднимають; а какъ орду поднимуть, то вся Украина свободна будетъ, а то отъ Москвы вся Украина пропала».

Слухи о жестокостяхъ, которыя претерпѣвали возвращавшіеся въ малороссійскіе города запорожцы, подтверждались фактами. Такъ, весной 1710 года, былъ убитъ пришедшій съ повинною въ городъ Корсунъ запорожскій козакъ Петрикъ мѣстнымъ полковникомъ Колбасой. По тому поводу кіевскому губернатору было доведено, что въ Корсунъ пріѣхали запорожцы, изрубили тамъ мѣстныхъ козаковъ и произвели въ городъ смятеніе. По такому доведенію кіевскій губернаторъ велѣлъ двинуть въ Корсунъ два полка и взять въ немъ приступомъ запорожцевъ. Но когда въ Кіевъ прибылъ самъ полковникъ Колбаса, то изъ допроса, снятаго съ него, оказалось, что доносъ былъ сдѣланъ ложно. Тогда князь Голицынъ движеніе полковъ въ городъ Корсунъ велѣлъ пріостановить, Колбасѣ приказалъ вернуться назадъ и прислать въ Кіевъ пять человекъ запорожцевъ и нѣсколько человекъ козаковъ изъ корсунскаго полка для допроса. Изъ словъ присланныхъ князь Голицынъ усмотрѣлъ, что запорожцы пришли въ Корсунъ съ мирными цѣлями, но были перебиты, во время попойки, корсунцами въ обыкновенной дракѣ. Поэтому, отпустивъ допрошенныхъ въ Корсунъ, князь Голицынъ отправилъ Колбасу и его асаула гетману Скоропадскому «для воли» въ Бѣлую-Церковь и велѣлъ посадить ихъ тамъ подъ караулъ. «Мнѣ кажется, писалъ Голицынъ по этому поводу Скоропадскому, или Колбаса вымысливъ, что тотъ Петрикъ хотѣлъ сказать что-то полезное, убилъ его, или корсунскіе козаки измыслили что-нибудь и допустили убить его. Запорожцевъ-же, которые присланы, давъ имъ жалованье и объявительные указы, я отпустилъ, чтобы они подговаривали другихъ приходять съ повинною въ государю. И они просили, чтобы для свидѣтельства, отпустить съ ними двухъ запорожцевъ для того, что въ Запорожьѣ укоренился слухъ, будто съ тѣхъ, которые приходятъ съ повинною, сдирають съ живыхъ кожи; тогда изъ бывшихъ при мнѣ двухъ запорожцевъ я одного отпустилъ, чтобы онъ увѣрилъ въ невѣроятности распущенной молвы»¹⁾.

Какъ подѣйствовали на запорожское войско эти увѣренія князя

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1856, II, 16.

Голицына и посланный универсаль гетмана Скоропадскаго въ Сичь, это видно изъ обширнаго письма кошевого атамана Юсифа Кириленка со всѣмъ низовымъ товариствомъ, писанный на имя гетмана.

Это письмо заключаетъ въ себѣ политическую исповѣдь запорожскихъ козаковъ, и въ немъ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, высказаны были истинныя причины того, почему запорожцы отказали въ повиновеніи русскому царю и перешли на сторону шведскаго короля.

«Юсифъ Кириленко атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска запорожскаго, на низу Днѣпра знайдучагося. Велможній мосць пане Скоропадскій, гетмане московскій. Уневерсаль вашъ увѣщавательній, подписомъ руки вашей и московской и двома печатми, единою войсковою, и другою московскою утвержденній, чрезъ посланцовъ вашихъ Яцва Поповича и Микиту поданъ тутъ намъ на Кошъ и въ общої радѣ, подлугъ обикновенія давнего, вслухъ всѣхъ вчитанній, на которій любо ¹⁾ не треба било и одписовати, поневажъ ничего въ ономъ нема жъ отчизнѣ и волностемъ войсковимъ нашихъ полезнаго, тилко една неправда и прелестъ московская изображена, лечь ²⁾ жебистъ ³⁾ ваша милость зъ единомисленною себѣ Москвою не разумѣль, же albo не умѣемъ, albo не смѣемъ правди писати, прето на тотъ вашъ прелестній уневерсаль повторе ⁴⁾ отвѣтуемъ: а вопервихъ удивляемся, ижъ ⁵⁾ ваша милость не встидаешся титуловити войска запорожскаго обоихъ сторонѣ Днѣпра гетманомъ, кгда жъ мы вашей милости а ни сами собою, а ни черезъ пословъ нашихъ, а ни черезъ письмо войсковое на тотъ урядъ не обирали, на який ваша милость возведени zostalesь подъ мушкетами московскими внутрь города Глухова, яковихъ взапертю при лицу его царского величества, а не въ полю и не черезъ волное по правамъ войсковимъ избраніе, до того якъ ваша милость привлащаешъ себѣ титулъ войска запорожскаго, когда теперъ одного до regimentу вашего милостинного не належитъ и не хочеть належати, да и Сѣчь запо-

¹⁾ Любо вмѣсто albo, а albo съ польскаго на русскій значитъ хотя.

²⁾ Lecz съ польскаго на русскій значитъ однако.

³⁾ Żeby или Żebyst съ польскаго на русскій значитъ чтобы.

⁴⁾ Powtore съ польскаго на русскій вторицею или ввоторыхъ.

⁵⁾ Iż съ польскаго на русскій значитъ что.

⁶⁾ Кгда тоже, что кеды, т. е. когда, по польски kedy.

рожекская, гнѣздо войсковое, зродло ¹⁾), фундаментъ и оборона волностей войсковихъ едино чрезъ московскую врожаную ²⁾ къ намъ вражду и прелесть; другое чрезъ зраду ³⁾), вѣроломство и кривоприсяжество проклятого Кгалаггана, виродка, отчистаго оманщика, здрайцу и невдячника ⁴⁾ хлѣба нашего войкового, а единомислника вашею милостиною знесенна на вѣчное отчизны нашої порабощеніе и на конечное правъ и волностей войсковихъ разореніе зостала обоихъ зась сторонъ Днѣпра гетманомъ, якъ ваша милость, мѣшь бити (-быти), поневажъ тамобочная сторона, чи тежъ Украина цѣлкомъ до вашей милости не належить, лечь тамъ князь Голицынъ, воевода кievскій, власть свою московскую совершенно распространяеть, немилостивые здирства и тяжести людемъ бѣднимъ наноситъ и власне якъ природнимъ тоей жъ Украины державцею, а въ сегобочній Украинѣ именовъ тилко, а не дѣломъ гетманскій урядъ на себѣ носить, кгда жъ и тутъ ничего згола безъ воли министра московского, при боку вашей милости обрѣтаючогося, не можешъ чинити и порядковъ войсковихъ управляти, которій всѣ вашей милостини куски личить ⁵⁾ и всѣ поступки вашей милостини изслѣдствуетъ; вытай-же ⁶⁾), надто тойже помянутій князь Голицынъ и воеводою кievскимъ и гетманомъ достаеть, которій по обомъ сторонамъ Днѣпра подлугъ ⁷⁾ своей воли и уподобаня ⁸⁾ всѣ дѣла войсковіе барзѣй, а нежели ваша милость управляеть, що хочеть—чинитъ и мучителскую область свою разширяеть, и чи давно жъ ⁹⁾ онъ, поворачаючи зъ Москви, а заставши у вашей милости въ Глухови Михайла, бившаго (-бывшаго) полковника бѣлоцерковского, зпередъ отъ вашей милостини-жъ велѣлъ его безчестно на укоризну и униженіе уряду гетманского порвати, въ кайдани забити и до Києва запровадити? Ото жъ до чого пришла повага гетманская и въ якой волности оная зостаеть!

¹⁾ На полѣ документа приписано: «источникъ».

²⁾ Врожанный отъ польскаго wrażas—вонзать, вкоренять.

³⁾ Зради—съ польскаго zdrada—измѣна.

⁴⁾ Невдячникъ отъ польскаго niewdzięcznik—неблагодарный человекъ.

⁵⁾ Личить то-есть считаетъ.

⁶⁾ Вытай вѣроятно отъ польскаго witac—привѣтствовать, поздравлять т. е. здравствуй, узникъ добровольный.

⁷⁾ Подлугъ—сообразно.

⁸⁾ Уподобанье—желаніе, произволь, сонзволеніе.

⁹⁾ То-есть: «и давно ли».

Пожался тебѣ, Боже, самъ добровольно шю свою въ ярмо тяжкое московское отложилесь и отчизну нашу во оное впрягаешь, да и насъ, еще послѣднихъ за права и волности крѣпко составляющихся, наущенній прелестми московскими, хощишь не тилко тить-же игомъ тиранскимъ принудити, лечь и до конца погубити, и не диво, албо вѣмъ, хто тонеть, тотъ и иншихъ въ туо-жъ пагубную тону за собою тягнетъ. А якъ въ першомъ нашомъ отвѣтномъ листѣ, до вашей милости писанномъ, не писалисмо вѣчого неправдивого и самой слушности ¹⁾ противного, такъ и теперъ отвѣгуючи на уневерсалъ вашей милости увѣщавательный, и барзвй прелестный, ничего отъ правды здорожного ²⁾ не пишемъ, тилко тое выражаемъ, що колвекъ есть намъ досадително, цѣлости отчистой, правамъ и волностямъ войсковимъ противно, правда то есть, же (-что) ми (-мы) были и теперъ достаемо единовѣрными церквѣ православнои католической и отчизни матки нашей синами, въ которой породилисьмося, поросли при своихъ правахъ и волностяхъ козацкихъ по превысокой милости монаршой, самодержцовъ московскихъ, блаженнїя памяти отца и братьовъ нынѣшнего государя царя (любо и тогда за царствованїя ихъ по смерти славной памяти Богдана Хмельницкого тїе жъ права и волности наши часто поврежени бивали) знайдовалися, лечь когда за государства теперешнего монархи россійского самимъ дѣломъ досвѣдчиливо явного правъ и волностей нашихъ разоренїя, а обавляючися ³⁾, жеби ми всѣ подтяжкимъ игомъ вѣчными не были московскими работниками, хваталисмося за поводомъ ⁴⁾ правдивого отчизни нашей правъ и волностей войсковихъ ревнителя славной памяти гетмана Іоана Мазепи и за обрядою ⁵⁾ и согласїемъ войсковимъ, а не за наущенїемъ пана Константія Гордѣнка, атамана кошового, оборони наяснѣйшого короля шведского, поневажъ ⁶⁾ и передъ симъ гетманъ Богданъ Хмельницкій зъ войскомъ запорожскимъ присилалъ панства кримского союзнихъ до визволенїя зподъ ярма лятского Украины, не у кого иншого засягль помощи и оборони, тилко у наяснѣйшого короля шведского, нынѣшнего королевского величества дѣда,

¹⁾ Słuszność съ польскаго на русскій справедливость.

²⁾ Здорожный отъ польскаго zdradny невѣрническій, невѣрный.

³⁾ Obawiac się съ польскаго на русскій значить опасаться.

⁴⁾ Powód съ польскаго на русскій—поводъ, побужденїе.

⁵⁾ Obrada съ польскаго на русскій—совѣтъ, совѣщанїе.

⁶⁾ Ponieważ—поелику, потому что.

о чомъ и самъ ваша милость, добре знаешь; зачѣмъ даремне, ваша милость, называешь тогожъ пана атама(на), нашего кошового, убійцею и сумнѣня ¹⁾ доброго христьянскаго не мѣючи, кгда-жъ напередъ треба было зъ совѣстію своею пораховатися ²⁾, хто есть безсовѣстнимъ убійцею, чи ваша милость зъ единомисленною себѣ старшиною, полковниками, сотниками и многими пануючими надъ бѣдными людьми державцами, которіи властолюбіемъ, рублями и соболями московскими, также и наданемъ вновь многихъ въ Украйнѣ маестностей грамотныхъ ³⁾ заслоненіе и залѣпленіе ⁴⁾ очи и разумъ мѣючи, не тиль (-только) не можете для правдивого своего пожитку провидѣти и пророзумѣти нарушеной общой цѣлости отчизни матки нашей, лечь вѣчною пагубою забиваете оную на правахъ и волностяхъ войсковыхъ и отдаете ее въ порабощеніе московское, чили (-или) тежъ тотъ-же поминутій нашъ атаманъ кошовый, которій зъ нами, войскомъ запорожскимъ, за цѣлость отчистую заставляется противъ явныхъ непріятелей нашихъ, Москвы, хотячи воздвигнути и воскресити умерщвленіе(-нныя) права и волности войсковые; повторе даремне, ваша милость, и неуважне поносишь безчестными словами и мертвѣе въ гробѣхъ кости турбуешъ небожчика славной памяти гетмана Мазепи, называючи его прелестнимъ, проклятимъ и богоотступнымъ змѣнникомъ, а зажъ ⁵⁾ то есть у вашей милости прелесть и измѣна, ежели хто мѣеть горливое къ отчизнѣ старанье, которимъ онъ, небожчикъ, подвигнувшись и для милости ку (т. е. ради) отчизнѣ матци нашей презрѣвши великую ку себѣ его царского величества милость, удался въ оборону наяснѣйшого короля его милости шведскаго для высвобоженя тоей-же отчизны зподъ тяжкаго ярма московскаго, аже непостижимій Богъ въ судьбѣхъ своихъ посѣтивши королевское величество отмѣною военной фортуни не исполнилъ въ томъ благополучнаго небожчиковскаго намѣренія, и самому старостію, трудами и клопотами ослабѣлому, когда часъ прійшолъ, натурално смертію вѣкъ пресѣлъ и тѣло его, сына, непоклятое истлѣнію предалъ; теди того на згубу отчизны ни для чогу вашой милости тѣшитися

¹⁾ Sumnienie или zmienie—съ польскаго на русскій значитъ совѣсть.

²⁾ Porachowac—разсчитать, сосчитать, попытать, посоветоваться, спросить.

³⁾ То-есть дарованіемъ черезъ грамоты на Украйнѣ имѣній.

⁴⁾ То-есть имѣя заслоненные и залѣпленные очи и разумъ.

⁵⁾ Вѣроятно отъ польскаго zay, но, же, опять, какъ, возможно-ли.

звѣща¹⁾, кеди наисвѣйшій король его милость шведскій не есть еще потлумленній²⁾, жебы не могъ встати, которій при помощи божой сыленъ будетъ вскорѣ Москву громити и якъ зайцевъ гонити такъ, якъ черезъ 10 лѣтъ гонилъ и громилъ и певне данного намъ отъ себе на письмѣ монаршого упевненія³⁾ не такъ, якъ Москва, додержитъ, который обѣщаетъ отчизну нашу зподъ тяжкого ярма московского вызволити и на таковыхъ правахъ и волностяхъ оную офундовати, якие намъ будутъ угодны и якихъ прежде сего не мѣвалисмо быле бысте, тилко ваша милость не уводячися приватнимъ дочастнимъ пожиткомъ, вѣчне отчизны своей не губили и за власти, рубли, соболи и маестности Москвѣ оной не запровадили, лечь въ единомисліи зъ нами знайдовалися; кгда-жъ каждому вѣку⁴⁾ не прежити и все треба по смерти оставити, а якъ вѣчне отчизну загубите и въ порабощеніе московское отдасте, то подъ игомъ стенищій народъ на кого жъ будетъ плакати и нарекати, если не на вашу милость и единомыслиниковъ его (вашихъ?) властолюбнихъ и сребролюбнихъ, якъ и теперъ плачуть уже и нарекаеть, же ваша милость и ингіе многіи, не хотячи зъ небожчикомъ гетманомъ для власного своего, а не отчистого пожитку въ еденъ гужъ тянути и устрашившися московскимъ мучительствомъ, отступилисте его, а найбарзѣй полковникъ миргородскій, который вначалѣ не тилько небожчика славной памяти гетмана Мазепу, лечь отъ многихъ лѣтъ и насъ, войско запорожское, рожними намовами противъ Москвы побужалъ, когда зась тая его побудка и намова приняла свой skutokъ⁵⁾, въ тотъ часъ кривоприсяжною душею хитростно отъ небожчика на московскую сторону перекинулся и иншихъ за собою въ тую-же пропасть потягъ и здрайцею губителнимъ отчизны зосталъ; лечь ненадовго каждому превратне служитъ, вскорѣ и тамъ могутъ его и единомисльного ему здрайцѣ Кгалагана правду познати. Пишешъ, ваша милость, въ своемъ уверсалѣ, же отторгнулимося отъ своего природного монархи, его царского величества, а закъ, ваша милость, того добре не знаешъ, же московскіе монархи отъ

¹⁾ Zwiastcza съ польскаго на русскій—особливо, тѣмъ болѣе.

²⁾ Potlumić съ польскаго на русскій—укротить, смирить.

³⁾ Upewnić съ польскаго на русскій—увѣрять, завѣрять.

⁴⁾ То-есть каждому челювѣку не пережить назначеннаго ему вѣку.

⁵⁾ Skutek съ польскаго на русскій значить дѣйствіе, дѣло.

початку козацкого народу и владѣнія кагановъ козацкихъ ажъ до Хмельницкого николи намъ не бивали природними панами, лечь ми яко сами добровольне безъ жадного насилія для захованя правъ и волностей нашихъ поддалися подъ оборону царскую, такъ явное тихъ-же правъ и волностей нашихъ видячи зламале, и ухилилися отъ оной, для чого не належало-бъ Москвы (-вѣ) намъ, неприроднимъ своимъ и незавоеваннимъ подданнимъ, зъ головъ, рукъ, ногъ и спинь несляханнымъ не тилко въ христіянствѣ, лечь и въ поганствѣ мучительствомъ шкуру обрати ¹⁾ и инними нецисланими тиранскими смерти братію нашу губити, впакъ ²⁾ и за блаженной памяти отца и брата нынѣшнего государя боронячи правъ и волностей нашихъ, воевали на Москву, а такого тиранства, якъ теперъ, никогда намъ не чинено, отъ которого не можемъ жадного добра отчизнѣ нашей надѣятися, опричь единой пагубы и вѣчного неизбѣжного ярма, нехай прето здоровымъ розумомъ расудить, кто тутъ есть измѣнникомъ, чи ми и городови козаки, которіи для самого имени козацкого и для волностей козацкихъ безъ жадной плати (ы), не щадячи крови, житія, отвагъ и послѣдней худобы, служили его царскому величеству вѣрне, чи Москва, которая обѣщаніе свое на захованье насъ при правахъ и волностяхъ вѣчне ненарушимихъ поприсяжне измѣнила, того не потреба вашей милости обширнѣе тлумачити ³⁾, кдѣ жъ и самъ, ваша милость, добре знаешь, если схочешъ правду познати, якъ намъ, войску запорожскому низовому, Москва Днѣпръ на власнихъ кгрунтахъ нашихъ войсковыхъ фортеци и городи опасавши ⁴⁾, волніе здобычи отняла, якъ товариство наше, обманивши платою затыжною, запровадила на малое время до Петербурга и тамъ ихъ кнутованихъ и печенихъ въ каторжную работу заневомила, якіе намъ утиски въ Сѣчи запорожской чинила, якъ и городовихъ козаковъ по Инфлянтахъ, по Казаняхъ, по Полци и по Литвѣ еддыхъ умислне для уменьшеня народу нашего запропастила, другихъ до послѣднего знищеня припровадила, якіе внут(р)ь Украйни грабительства, разоренія и квалти ⁵⁾, забойства смертніе, побори зъ старшины, козаковъ и посполихъ людей немилостивые, неисповѣ-

¹⁾ Obrac съ польскаго на русскій—обобратъ, облупить.

²⁾ Wszak съ польскаго на русскій—однакоже, конечно.

³⁾ Tłumaczyc съ польскаго на русскій—толмачить, толковать.

⁴⁾ Oblas съ польскаго на русскій—опоясать, обвести, обнести, окружить.

⁵⁾ Gwalt съ польскаго на русскій—насиліе.

диміе, вымисленіе долегливости ¹⁾ и тяжести городамъ и селямъ наносила, якъ робленьямъ ²⁾ фортець, а въ походахъ подводами, почтами и рожными тяжкими послугами, военимъ людемъ необычными, обезсилила, якъ отъ козаковъ подъ драгунновъ и подъ вози (-ы) свои конѣй отбѣрала, а самихъ пѣшо въ чужой земли на згубу выправляла, якъ ихъ въ походахъ кнutowала и вѣшала, якъ на остатокъ козаковъ въ драгуни и салдати устроити, а города въ область свою одобрати хотѣла, и тое все, а не иншое небожчика гетмана Мазепу до послѣдняго отчаянія (довело), же презрѣвши и милость монаршую и славу свою и честь и богатство, а не хотячи за гетманства своего запропастити и въ неволю московскую отдать отчизни, удался въ оборону наяснѣйшаго короля его милости шведского, албо въ тотъ часъ Москва, гдѣ таковая отмѣна отчизнѣ нашої стала прелестми своими хотячи васъ всѣхъ пановъ украинскихъ отъ небожчика отвернути и замѣшане учинити, заслоняла вамъ очи и усладила сердце власти, рублями, соболями, маетностями и иними коштовными ³⁾ подарками, однакъ будте того надеждни, же все тое вамъ вскорѣ костью (т.-е. костью) въ горлѣ станеть и певне, если не постережетесе и не будете зъ нами въ единомыслии, и сами пропадете и отчизну загубите. Укоряешь, ваша милость, насъ тимъ, будто мы набѣгаючи своей-же братіи, кровопролитіе, грабительства, убійства и разоренія чинимъ, чого еще такъ далеце не было, хйба отчасти, а певне всѣмъ тимъ тое будетъ, хто на згубу отчизны держатиметса московской стороны: лучше таковыхъ згубцевъ якъ куюль зъ пшеницы выгубити, а нежели би за поводомъ ихъ мѣла отчизна гинути. Наковецъ упевняешь, ваша милость, насъ и волностями и милостивымъ его царского величества прощеніемъ, таковимъ, якое получили Андрѣяшъ и Невѣнчаный. А якъ же, ваша милость, насъ мѣшеть волностями обнадеживати, будучи и самъ неволникъ и въ назираніи министра царского пилномъ и неуспихомъ зостаючи, безъ которого воли ничего не можешь чинити и безъ подвигу и печати его никуда писати, а ни уневерсаловъ выдавати, якой и теперъ не крѣпкое-бъ было вашей милостивни упевненя до насъ присланое, если-бы онъ руки своей не подпи-

¹⁾ Dolegliwosc съ польскаго на русскій—притѣсеніе, угнетеніе.

²⁾ То-есть: какъ сооруженіемъ фортецовъ.

³⁾ Kosztowny съ польскаго на русскій—дорогой, цѣнный.

сагъ и печати не приложилъ; лечь не искусиши насъ московскою обманомъ, або вѣмъ давно розумомъ ¹⁾ и самимъ skutкомъ досвѣдчилисмо правди московской не тилко подписомъ руки и печатью, лечь и самою присягою подтвержденной, да и самъ, ваша милость, добре свѣдомъ, що на Дону учинило поприсяжное московское упеvнена, которимъ тамошніе люде прельщенныи всѣ погибли, тое-жь учинилося и у насъ въ Сѣчи, гдѣ, по присягѣ Кгалагановой и московской, товариству нашему голови лушено, ши до плахи рубано, вѣшано и иніе тиранскіе смерти задавано, а надъ то що и въ поганствѣ никогда за древнихъ мучителей не поводилося, мертвихъ зъ гробовъ многихъ не тилко зъ товариства, лечь и чернцовъ одкопувано, голови онимъ утиnano, шури луленно и вѣшано, а волностей нашихъ отчистихъ, якъ мы можемъ быти певными, поневажъ любо самъ государь царь въ грамотѣ своей (яко ваша милость до наша писалесь) подписомъ руки власной всѣ права и волности войсковые власне такъ, якъ и за Хмельницкого бывало, при постановленью вашей милости на гетманство и подтвердилъ, однакъ если теперь тое исполняется, подаемъ вашей милости до уваги ²⁾, або вѣмъ, чи бивало за Хмельницкого и за иншихъ его наслѣдниковъ, жебы сїятельнѣйшии министрѣ царскіе при гетману резидовали, всякихъ ихъ поступковъ перестерегали, на листахъ и уневерсалахъ подписовалися и печати свои прикладали; жебы Москва въ Украинѣ маетности, города и села давано и грамотами подтвержано, жебы Москва и индукту въ Украинѣ вибирала, жебы воевода кїевскїй Украинною владѣлъ, козаковъ и посполитихъ судилъ, кнutowалъ и казилъ, до порядковъ войсковихъ вручался ³⁾ и ведлугъ ⁴⁾ воли своей тое, що не до его, лечь до гетмана належить, управлялъ; жебы Москва зъ коней и зъ худобъ людеи обнажала, побоями трапила ⁵⁾, ктвалти (т. е. насилїя) тѣлесніе жонамъ и дочкамъ чинила, старшину за шию водила и была (т. е. била); жебы Москва впередъ очей гетманскихъ, полковниковъ брала и въ кайданы забивала; жебы Москва, а не гетманъ полковництва, сотницства, атаманства роздавала и грамотами тые войсковые уряди во вѣчныи имъ

¹⁾ Это слово въ подлинникѣ неясно.

²⁾ Uwaga съ польскаго на русскїй—уваженіе, разсмотрѣніе.

³⁾ Вручался или втручался отъ польскаго wtłasac—вмѣшиваться.

⁴⁾ Wedlug съ польскаго на русскїй—воплѣ, по, сообразно.

⁵⁾ Tępic съ польскаго на русскїй—мучить, терзать.

роди потвержала; жебы Москва кабаки заводила, которыхъ уже початокъ учинился въ столечномъ городѣ Кіевѣ; жебы Москва козаками, якъ муживами, фортеци кгрунтовала; жебы Москва стаціи зымовны зъ немилосерднымъ здирствомъ людскимъ, равно якъ у мужиковъ и у козаковъ, не щадячи и старшины войсковои, от-правовала; жебы Москва до подводъ, отправована почтъ и рожняхъ тяжкихъ посилокъ козаковъ заживала ¹⁾. Иншихъ зась и выши, сати и вимовити трудно долегливостей, тяжестей и утѣснеженій отъ Москвы въ Украинѣ по обомъ сторонамъ Днѣпра дѣючихся, на которые бѣдніе люде за щасливого вашего милостиво реиментарства ярмомъ московскимъ притисненіе плачливе ускар-жаются ²⁾ и васъ всѣхъ отчизни згубцевъ, московскихъ похлеб-цевъ, же естеса отважне не держали единомислія зъ небожчикомъ гетманомъ Мазепою и зъ нами, проклинають и вѣчне, если не упомятаетеса, проклинати будутъ. Отожь видишь, ваша милость, новопотверженіе (-ныя), за Хмелницкого бывшіе волности вой-сковые, а о милости монаршой и о прощеніи не будемъ вонтпяти ³⁾ въ той часъ, когда ваша милость до насъ пришлешъ Кгалагана, человекъ сумленя ⁴⁾ доброго, жебы намъ попрежнему поприсягъ во свидѣтелство съ заполученои милости и прощенія; пришли ваша милость, такъ-же до насъ Невѣнчанного и Андрѣяша зъ бунчукомъ украденимъ, а при нихъ и товариство наше зъ головами и руками уже полушленими. Тое вашей милости предложивши, зичемъ отчизнѣ и вашей милости желаемои отъ московского ярма свободи. Вашей милости всего добра зычливый пріятедь вышме-нованный атаманъ кошовый войска запорожского зъ товариствомъ. 3 Коша іюня 2 дня року 1710 ⁵⁾.

Изъ такого отвѣта запорожцевъ Скоропадскому ясно видно, что раны, которыя нанесли козакамъ русскіе въ Чортотмыцкой Сичѣ, были еще слишкомъ живы и чувствительны, и потому запорожцы, вмѣсто покорности царю, отвѣтили гетману цѣлымъ потокомъ упрековъ и горькихъ жалобъ.

Пользуясь тѣмъ, что гетманъ Скоропадскій первый вошелъ въ

¹⁾ Zażywaє съ польскаго на русскій—употреблять.

²⁾ Źskarżac съ польскаго на русскій—жаловаться.

³⁾ Wątpić съ польскаго на русскій—сомнѣваться, колебаться.

⁴⁾ Sumnienie или wshienie съ польскаго на русскій—совѣсть.

⁵⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710 годъ, № 3.

переписку съ запорожскимъ войскомъ, низовое товариство вскорѣ послѣ данной гетману отвѣди отправило ему жалобу на полковника Игната Галагана. Игнатъ Ивановъ Галаганъ, котораго запорожцы считали вторымъ, послѣ Москвы, своимъ злѣйшимъ врагомъ и на голову котораго призывали всевозможныя проклятія, не переставалъ вредить имъ и послѣ разрушенія Чортомлыцкой Сичи. Онъ собралъ вокругъ себя цѣлыя чаты (отряды) людей съ нимъ единомышленныхъ и дѣлалъ нападенія на ни въ чемъ неповинныхъ запорожскихъ промышленниковъ въ какой-то Терновкѣ и во многихъ мѣстахъ воалъ самыхъ войсковыхъ угодій, безжалостно хваталъ ихъ въ неволю и отправлялъ на мученія въ московскія руки; кромѣ того, не довольствуясь и этимъ, подсылалъ разныхъ злодѣевъ хватать запорожскихъ коней и чинить всякія пакости войску. «Вѣдомо чинимъ вашей милости, писалъ кошевой Лаврентій Стефаненко, августа 3 числа, гетману Скоропадскому, что мы, войско запорожское низовое, имѣя Бога въ сердцѣ и не обрѣтаясь въ такомъ безчеловѣчїи и немилосердїи, якоже суть нѣкоторые изъ васъ, освободили людей украинскихъ изъ неволи тяжкой каторжанской, никѣмъ инымъ, только властнымъ проклятіемъ и безбожнымъ сыномъ крови христіанской проливателемъ Кгалаганомъ, запроваженныхъ. Тотъ Кгалаганъ, яко песь, подтоптавши хлѣбъ нашъ войсковою и забывши отколъ и славу себѣ завзялъ ¹⁾, прежде всего гнѣздо наше войсковое, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ предками нашими прославленное и на память потомныхъ вѣковъ войску запорожскому правами и вольностями дарованное, согласившись съ всезлостливою и отъ Бога отступившею Москвою, искоренилъ и ни во что повернулъ и худобы наши козацкія покровавилъ; потомъ все собранное щирою працею въ теченіе многихъ лѣтъ расшарпалъ и вмѣстѣ съ ему подобными не въ корысть, а въ пагубу обратилъ; далѣе, невинныя души наглою смертію и московскимъ немилосерднымъ катасіямъ и мордерствамъ предалъ, своей душѣ и единомышленникамъ своимъ тартаръ и пекло неугасимое исходатайствовалъ. Не насытившись и до сихъ поръ таковымъ душепагубнымъ прибыткомъ и заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ и заткнувши уши свои, яко глухой аспидъ, не слушая гласа невинно кровь проливаемыхъ, онъ частократно съ чатами своихъ людей

¹⁾ Намекъ на то, что Галаганъ впервые доброе имя и чинъ полковничій получилъ въ запорожской Сичѣ до ея разгрома.

единомышленныѣ въ Терновцѣ и повзъ (возгъ) нашихъ войскъ угодностей (угодій) и урочищъ працею кровавою на добычахъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ тиранскія московскія беззвинно запровадилъ руки, и не прекращая того своего безчеловѣчія, посылаетъ своихъ къ намъ шпѣговъ и злодѣевъ коней займати и легкомысленныхъ людей всякіе подступки чинити. Черезъ все это всякія притѣсенія, кривды и неволя какъ людямъ украинскимъ, вслѣдствіе подвоховъ и побужденій помянутого бездушника Кгалагана, нанеслася, такъ и многому нашему неповинному товариству, черезъ его безбожныя утиски, пришлось въ неволѣ страдати. И какъ мы, войско запорожское низовое, показали наше надѣ людьми вашими милосердіе и, освободивъ ихъ изъ неволи бусурманской, въ дома свои отпустили, такъ достойно надлежитъ и вашей милости нашему товариству, тамъ у васъ неволю и мордерство терпящему, увольненіе дати» ¹⁾.

Отвѣчалъ-ли что-нибудь гетманъ Скоропадскій на письма запорожцевъ или вовсе оставилъ безъ отвѣта—неизвѣстно, но оба листа ихъ были отосланы въ Москву для вѣдома государя.

Въ это время царь Петръ Алексѣевичъ, не перестававшій вести войны со шведами, принужденъ былъ вступитъ еще въ борьбу съ Турціей: ноября 9 дня, 1710 года, турецкій султанъ Ахметъ III, подъ вліяніемъ шведскаго короля Карла XII, объявилъ Россіи войну и для того собралъ огромнѣйшую армію въ 120.000 турокъ и 100.000 татаръ. По плану войны турецкая армія должна была вступитъ въ предѣлы Россіи съ юга и съ запада. Тщетно русскій царь въ своихъ письмахъ увѣрялъ султана въ мирныхъ намѣреніяхъ относительно Турціи: крымскій ханъ Девлетъ-Герай перехватывалъ всѣхъ царскихъ курьеровъ и не допускалъ ихъ къ сутану.

Съ объявленіемъ суланомъ русскому царю войны пришли въ движеніе и запорожцы. Ноября 17 числа запорожцы «съ великою межъ войскомъ турбаціей» поставили «на врьдъ кошовства» Константина Гордіенка ²⁾. Еще раньше того, горя местию къ своему бывшему «похлебцѣ», а потомъ злѣйшему врагу, предателю и измѣннику чигиринскому полковнику Игнату Галагану, они поймали гдѣ-то изъ его полка 32 человекъ и продали ихъ на турецкія ка-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710, № 3.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710 св. 30, № 42.

торги. Были-ли то участники разоренія Чортотмыцкой Сичи, или-же они въ томъ разореніи вовсе были неповинны, но только запорожцы въ это время выкупили ихъ изъ неволи и, снабдивъ какими то универсалами, отправили къ малороссійскому народу, на Украину.

Гетманъ Скоропадскій донесъ о томъ графу Гавріилу Ивановичу Головкину, завѣдывавшему въ то время малороссійскимъ приказомъ, и графъ Головкинъ на такое донесеніе отвѣчалъ Скоропадскому: «Я разсуждаю, что учинили то не съ какого милосердія или снисхожденія къ малороссійскому народу, и наипаче ради прельщенія и возмущенія народнаго. Сего ради присланный отъ нихъ со оными (козаками) универсалъ есть лживая и ругательная пасквиля; ради вѣрности своей царскому величеству и ради общей пользы извольте предостеречь въ томъ простой народъ, дабы онъ не пришелъ чрезъ подсылку оныхъ и другихъ къ смущенію и прельщенію» ¹⁾.

Независимо отъ графа Головкина съ тѣмъ же предупрежденіемъ относительно запорожцевъ обращался къ гетману Скоропадскому и подканцлеръ баронъ Петръ Шафировъ: «Какую соблюдать осторожность, писалъ онъ октября 1 числа, противъ злодѣйственнаго проклятыхъ запорожцевъ пасквиля, о томъ изображаетъ вамъ, чрезъ письмо, сіятельный графъ канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ».

Въ чемъ именно состоялъ тотъ пасквиля, о которомъ въ одинъ голосъ говорятъ и Головкинъ и Шафировъ, неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что запорожскіе козаки приняли объявленіе войны со стороны турецкаго султана русскому царю за счастливое для войска положеніе дѣлъ, и когда, февраля 25 числа, 1711 года, послѣдовалъ царскій манифестъ о разрывѣ мира со стороны Турціи, то гетманъ Филиппъ Орликъ и кошевой Константинъ Гордіенко рѣшили дѣйствовать въ тылу русскихъ войскъ ²⁾, т. е. предпринять походъ на малороссійскіе города.

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1856, II, 160.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1856, II, 304; Петровъ, Петръ Великій, СПб., 1872, 98.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Походъ Орлика, Гордіенка и крымскаго хана Девлетъ-Герая на Украину и неудачное нападеніе ихъ на Новобогородицкій городокъ, Бѣгю-Церковь и Немпровъ.—Казнь жителей Вольнаго города за измѣну русскому царю.—Дѣйствія кошевого Алистратенка и запорожцевъ Фляка и Нестулея противъ самарскихъ городковъ.—Старанія Орлика привлечь къ себѣ жителей малороссійскихъ городковъ и мѣры царя для прекращенія всякихъ сношеній между малороссійскими и запорожскими козаками.—Несчастный походъ царя Петра на рѣку Прутъ и срытіе ихъ, по условію мира съ Турціей, Каменнаго-Затона и Новобогородицкаго городка.—Поведеніе запорожцевъ при заключеніи мира Россіи съ Турціей.—Сношеніе Гордіенка съ гетманомъ Скоропадскимъ съ цѣлью перейти на сторону русскаго царя.—Условія новаго мира 1713 года между Россіей и Турціей и споръ по поводу установленія границъ.—Нападеніе запорожцевъ на Царичанку и появленіе Орлика въ украинскихъ городахъ.—Намѣреніе шведскаго короля и запорожцевъ идти походомъ подъ городъ Кіевъ.

Походъ Орлика и Гордіенка на Малороссію открытъ былъ съ весны 1711 года. Обстоятельства, повидимому, вполне благоприятствовали тому: съ начала марта и до начала августа ¹⁾ царь находился внѣ предѣловъ Россіи, у береговъ далекаго Прута, лѣваго притока рѣки Дуная, и готовился вступить въ борьбу съ турками. Но, отъѣзжая изъ Россіи, царь ввѣрилъ охрану Малороссіи кievскому губернатору князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и гетману Ивану Скоропадскому, придавъ послѣднему въ распоряженіе генералъ-майора Бутурлина съ отрядомъ русскихъ войскъ. Едва царь успѣлъ отъѣхать изъ Москвы къ западной границѣ, какъ крымскій ханъ Девлетъ-Герай, собравъ большую орду и взявъ съ собою нѣсколько сотъ челоувѣкъ запорожцевъ, двинулся съ войскомъ на Украину. Сколько было у хана на тотъ разъ войска—неизвѣстно. Извѣстно только то, что ханъ бросился сперва «въ слободскіе городки», дошелъ до мѣстечка Водолагъ харьковскаго полка,

¹⁾ Марта 6 числа царь уѣхалъ къ войску черезъ Вязьму въ Слуцкъ; августа 5 царь оставилъ войско и направился для леченія въ Карлсбадъ.

но потомъ, отказавшись идти далѣе въ глубь слободской Украйны, повернутъ назадъ къ Новобогородицкому и Новосергіевскому городкамъ на рѣкѣ Самарѣ и стали добывать ихъ осадой. Изъ двухъ городковъ сильнѣйшее сопротивленіе оказалъ хану Новобогородицкъ. Зато малороссійскіе жители Новосергіевска (Вольное тожъ) не оказали хану большого сопротивленія и выдали татарамъ царскихъ солдатъ. При всемъ томъ татары, вслѣдствіе недостатка корма, потеряли отъ голода и нужды множество лошадей и потому, удовольствовавшись однимъ Новосергіевскимъ городкомъ, отъ другого городка отступили и ушли «въ свои поганскія жилища», пробывъ въ томъ походѣ «три недѣли по 28-е марта» ¹⁾, при чемъ, покидая самарскіе городки, ханъ имѣлъ непремѣнное намѣреніе вернуться на Украйну со всіми силами весной, какъ только покажется въ полѣ трава. Передъ самымъ отходомъ онъ оставилъ въ урочищѣ между двумя названными городками около 1.000 человекъ запорожцевъ и татаръ да особо посадилъ во взятомъ городкѣ Новосергіевскомъ нѣсколько человекъ мурзъ и нѣсколько отрядовъ запорожцевъ и татаръ, въ общемъ, считая и мѣстныхъ, сдавшихся хану козаковъ, 500 человекъ «ханской стороны». Оставленные ханомъ татары и козаки чинили жителямъ большое утѣсненіе и не позволяли имъ никуда выѣзжать изъ городковъ.

Сотникъ Новобогородицкой крѣпости, во время защиты городка, изловилъ бывшаго при ханѣ въ слободской Украйнѣ запороженскаго куренного атамана Кирика Латоку и всѣ добытыя отъ него свѣдѣнія о крымскомъ ханѣ и его намѣреніяхъ немедленно отправилъ въ Кіевъ князю Дмитрію Голицыну.

Получивъ такія свѣдѣнія, кіевскій губернаторъ князь Голицынъ послалъ предписаніе гетману Скоропадскому, какъ только покажется изъ земли трава, соединиться съ отрядомъ великороссійскихъ войскъ, бывшихъ подъ командой генералъ-маіора Бутурлина, и идти съ полками къ Новобогородицкому городку съ тѣмъ, чтобы прогнать оттуда запорожцевъ и татаръ. Новосергіевскій-же городокъ непремѣнно у нихъ отнять и пойманныхъ въ немъ непріятелей побить. Сдѣлавъ-же свое дѣло, занять удобныя мѣста въ Малороссіи и не допускать непріятелей ни въ малороссійскіе, ни въ великороссійскіе города ²⁾.

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 30.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 179.

По такому приказанію князя Голицына гетманъ Скоропадскій и генеральъ Бутурлинь, собравшись съ полками, въ началѣ мѣсяца мая отбили отъ самарскихъ городковъ запорожцевъ и татаръ и въ слѣдъ за тѣмъ того-же мѣсяца, 13 числа, Скоропадскому предписано было новосергіевскихъ жителей за то, что они отдали свой городъ хану, выдали государевыхъ солдатъ и вторично показали измѣнничество свое, бились противъ царскихъ войскъ, казнить десятого человѣка по жребію, а остальныхъ съ женами и дѣтьми отправить въ Москву для ссылки ¹⁾.

Въ то время, когда крымскій ханъ дѣйствовалъ за лѣвѣмъ берегомъ Днѣпра, Филиппъ Орликъ и Константія Гордіенко дѣйствовали за правѣмъ берегомъ его. Для того, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число мѣстныхъ обывателей, Филиппъ Орликъ разослалъ нѣсколько универсаловъ и «прелестныхъ писемъ» въ города по обѣ стороны Днѣпра. Такъ, нѣсколько такихъ писемъ отправлено было къ миргородскому полковнику Даниилу Апостолу. Но эти письма не имѣли никакого успѣха: по приказанію царя, ихъ велѣно было передать кату для предавія публично огню, козака-же, привезшаго листы, если онъ окажется запорожцемъ, посадить на колъ. А для того, чтобы отвратить малороссійскій народъ отъ прельщеній Орлика, приказано было Скоропадскому сдѣлать нѣсколько копій съ письма, присланнаго полковнику Апостолу Филиппомъ Орликомъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, и разослать вмѣстѣ съ собственными универсалами тѣ копіи въ малороссійскіе города, выпустивъ предварительно въ нихъ то, что «подчернено» и что касалось личности самого Апостола, на котораго Орликъ въ то время могъ «написать изъ ненависти» ²⁾. Изъ такого письма малороссійскій народъ увидить, что самъ-же Орликъ клянетъ Мазепу и еще больше того отвернется отъ измѣнника ³⁾.

Противъ Орлика и Гордіенка гетманъ Скоропадскій выслалъ генеральнаго асаула Бутовича съ полками; но Бутовичъ подѣ Ды-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 187.

²⁾ Подковникъ Апостоль былъ сперва на сторонѣ Мазепы, потомъ покинулъ его и перешелъ къ царю; поэтому Орликъ, осуждая въ то время Мазепу въ своемъ письмѣ, осуждалъ и Апостола. Оттого-то царь, оставляя въ письмѣ Орлика имя Мазепы, приказалъ имя Апостола «подчернить», т.-е. затереть, такъ какъ Апостоль съ Мазепой теперь уже ничего общаго не имѣлъ.

³⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 182.

сянкою потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ ¹⁾. Захвативъ нѣсколько мѣстечекъ и городовъ, Филиппъ Орликъ и Константинъ Гордіенко, подъ конецъ сосредоточили свои силы у крѣпости Бѣлой-Церкви. Силы гетмана и кошевого, если вѣрить показанію начальника русскихъ войскъ, были въ то время довольно велики: при запорожцахъ и городовыхъ козакахъ, числомъ до 10.000 человекъ, были еще татары бѣлгородской и буджацкой орды съ ханскимъ сыномъ салтаномъ, числомъ до 20.000 человекъ, и кромѣ того поляки и молдаване съ «киевскимъ» воеводой Іосифомъ Потоцкимъ и со старостою Галецкимъ, 3.000 человекъ, сторонники Станислава Лещинскаго и, слѣдовательно, шведскаго короля Карла XII. Русскихъ солдатъ въ Бѣлой-Церкви было будто-бы всего лишь 500 человекъ да нѣсколько человекъ вѣрныхъ царю бѣлгородскихъ козаковъ. Надъ всѣми солдатами и козаками состоялъ начальникомъ бригадиръ Анненковъ.

Дѣло подъ Бѣлою-Церквою, какъ доносилъ о томъ самъ Анненковъ въ Кіевъ князю Голицыну, произошло такъ. Подступивъ со всѣми силами, марта 25 числа, къ крѣпости, татары, поляки и козаки начали ее добывать, но въ тотъ-же день были отбиты отъ нея пушечной стрѣльбой. Тогда гетманъ Орликъ и кошевой Гордіенко дали слово ханскому сыну и старостѣ Галецкому, что на слѣдующій день они непременно возьмутъ крѣпость съ боя. И точно, къ вечеру противъ 26 числа, Орликъ и Гордіенко, собравшись со всѣми своими силами и соединившись съ жителями богуславскими, корсунскими и сѣнявскими, внезапно, во время наступившей ночи подошли конницей и пѣхотой къ крѣпости, сдѣлали со всѣхъ сторонъ окрикъ, привезли съ собой множество фашинъ и, войдя въ нижній острогъ, покопали шанцы въ немъ. Осажденные встрѣтили своихъ враговъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей и тѣмъ не допустили ихъ ни къ верхнему городу, ни къ замку. Отразивъ второе нападеніе своихъ враговъ, осажденные въ четыре часа той-же ночи сдѣлали противъ нихъ вылазку изъ верхняго острога въ составѣ одной роты солдатъ, нѣсколькихъ гренадеръ и бѣлоцерковскихъ козаковъ. Проникнувъ въ самые шанцы своихъ враговъ, они побили гранатами и ружьемъ «множество непріятелей», небольшое число изъ нихъ взяли живыхъ въ плѣнъ, отняли нѣсколько знаменъ и гнали ихъ изъ шанцевъ черезъ весь острогъ до Хва-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 29,

стовскихъ воротъ, бросая въ нихъ гранаты и поражая стрѣльбой. «И побито ихъ, непріятелей, въ томъ прогнаніи толикое число, что удивленія достойно». Изъ запорожскихъ старшинъ пали два полковника, два сотника и нѣсколько другихъ начальныхъ людей. Но осаждавшіе и послѣ второго урона не отступили отъ крѣпости: собравшись съ силами, они снова вышли съ пушками въ нижній городъ и, открывъ пальбу изъ пушекъ и мелкаго оружія, приблизились къ верхнему городу. Осажденные послали противъ своихъ враговъ прежнее число солдатъ и козаковъ подъ начальствомъ прежнихъ офицеровъ. Послѣдніе, подойдя къ козацкимъ шавцамъ, отдали солдатамъ приказъ дать залпъ изъ флинтовъ и бросить въ нихъ нѣсколько гранатъ. Татары, козаки и поляки снова не выдержали и снова побѣжали. Солдаты не переставали стрѣлять по убѣгавшимъ изъ ружья, отогнали ихъ за городъ и опять уложили на мѣстѣ «довольное число непріятелей». «И такъ наши, за помощію божіею, получа надъ ними оный поискъ, отошли къ замку, татары и поляки многочисломъ, конницею, попрежнему вѣбзжали въ тожъ мѣсто; однакожь отъ нашихъ, которые были на вылазкѣ и на сикурсѣ, отпоръ имъ учинили, и тѣхъ поляковъ изъ пушекъ и изъ другого оружія прогнали и выбили ихъ вонъ, получа надъ ними такой-же немалый уронъ. И побито ихъ, непріятелей, всѣхъ больше 1.000 человекъ, а изъ нашихъ солдатъ токмо 8 человекъ ранено и въ томъ числѣ одинъ отъ раны умре, а въ полонъ ни единого человекъ изъ нашихъ къ непріятелю не взято. И тѣ непріятели, видя надъ собою несчастье, со многими своимъ упадкомъ и стыдомъ отъ Бѣлой-Церкви отступили и пошли трактомъ мимо Перепетики къ Хвастову».

Присланный съ вѣстью къ князю Голицыну о бѣлоцерковскомъ дѣлѣ гонецъ сообщилъ, что всѣхъ непріятелей перебито около 2.000 человекъ, кромѣ множества побитыхъ лошадей и умершихъ отъ ранъ людей; послѣднихъ «непріятелей», вышедъ изъ города, побросали по дорогамъ и многіе изъ покинутыхъ поумирали отъ неподачи имъ своевременной помощи и призрѣнія ¹⁾.

Приведенныя здѣсь цифры убитыхъ «непріятелей» такъ велики и цифры раненыхъ защитниковъ крѣпости такъ ничтожны, что едва-ли ихъ можно принимать за дѣйствительныя, и если запорожцы, поляки и татары не устояли противъ русскихъ подъ

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 33—86.

Бѣлою-Церковью, то тому могли быть особыя причины, неизвѣстныя намъ; тѣмъ болѣе, что извѣстій о бѣлоцерковской битвѣ съ противной русскимъ стороны не имѣется никакихъ. Нельзя, впрочемъ, не поставить на видъ того, что это было уже послѣ полтавской битвы, когда и дисциплина русскихъ солдатъ, и боевыя орудія въ сильнѣйшей степени превзошли дисциплину и усовершенствованіе боевыхъ орудій запорожскихъ козаковъ.

Такою-же неудачею окончились, по словамъ малороссійскаго лѣтописца Ригельмана, и дѣйствія воеводы Юсіфа Потоцкаго, въ Побужьѣ. Запорожскіе козаки, въ числѣ 7.000 человекъ подъ предводительствомъ Потоцкаго, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гераемъ, въ томъ же 1711 году, доходили до города Немирова и до «тамошнихъ слободъ», но были разбиты русскими войсками и въ бѣгствѣ потеряли около 5.000 человекъ. При этомъ освобождено было изъ рукъ татаръ и разослано по мѣстамъ жительства начальникомъ русскихъ войскъ, генераломъ Ренне, около 10.000 человекъ плѣнныхъ малороссіянъ ¹⁾.

На сколько вѣрно извѣстіе малороссійскаго лѣтописца—опредѣленно сказать нельзя. Но во всякомъ случаѣ Филиппъ Орликъ, испытавъ неудачу за Днѣпромъ, отступилъ съ козаками за Днѣстръ, откуда снова явился на Украину ²⁾ и всю вину своей неудачи сложилъ на татаръ, о чемъ сообщилъ въ своемъ письмѣ шведскому королю.

При всемъ томъ въ началѣ іюля мѣсяца у рѣки Самары вновь оказалась какая-то ватага запорожскихъ козаковъ. Доподлинно неизвѣстно, были-ли то тѣ самые отряды запорожцевъ и татаръ, которые оставались у Самары еще съ весны, или-же это были свѣжія силы, вновь прибывшія подъ самарскіе городки. Во всякомъ случаѣ запорожцы не оставляли мысли о походѣ на малороссійскіе города и для того составили себѣ опредѣленный планъ. Планъ этотъ, однако, былъ открытъ, и всѣ замыслы ихъ сдѣлались извѣстны русскимъ. Дѣло это произошло такъ. Три жителя Новобородицкаго городка, Трофимъ Мордусенко, Тарасъ Чубаровскій да Федоръ Санжаревскій, по приказу воеводы городка, Шеншина, вышли изъ крѣпости и направились къ стоявшимъ близъ рѣки Самары татарамъ и козакамъ съ цѣлью украсть у нихъ лошадей. Но когда

¹⁾ Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 112.

²⁾ Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 682.

они уже спустились ниже Кочережекъ къ рѣчкѣ Журавлю, то на нихъ неожиданно наскочили ватаги кошевого Алистратенка ¹⁾, Фляки и Нестугея и, захвативъ ихъ, поставили на допросъ. Пойманные коваки признались въ своемъ намѣреніи, просили запорожцевъ помиловать ихъ и «принять къ себѣ жить». Тогда Алистратенко, Фляка и Нестугей привели козаковъ къ «вѣрѣ» (т. е. къ присягѣ) и послали ихъ шпионами провѣдать объ изюмскомъ и другихъ регулярныхъ пѣхотныхъ и конныхъ русскихъ полкахъ, гдѣ они находятся, пойдутъ-ли въ Крымъ или соединятся съ гетманомъ и будутъ «лѣтовать» на границѣ. Узнавъ-же обо всемъ, дать знать запорожцамъ на Волчьихъ-Водахъ, въ урочище Крутой-Буеракъ, не позже 6—7 дней со времени выхода въ степь для поисковъ. Если-же къ тому времени они не найдутъ кошевого въ указанномъ мѣстѣ, то должны оставить въ немъ условленную примѣту. За такую услугу Алистратенко, Фляка и Нестугей обѣщали дать козакамъ по одному ковью. Козаки, отправившись въ поискъ, были пойманы гдѣ-то въ степи харьковскимъ сотникомъ Прокопомъ Рубаномъ и отправлены къ гетману Скоропадскому. На допросѣ у Скоропадскаго они рассказали о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дали важныя свѣдѣнія о планахъ запорожскихъ козаковъ. Всѣхъ запорожцевъ, по ихъ словамъ, было отъ 400 до 500 человекъ; при нихъ состояло около 1.000 человекъ татарской орды, часть которой пошла внизъ по Днѣпру, къ порогу Ненасытецу; запорожець Фляка съ отрядомъ козаковъ подстерегалъ гетмана Скоропадскаго у бродовъ, чтобы добывать гетманскихъ языковъ, отгонять конскія стада и подавать вѣсти хану въ Крымъ; самъ-же ханъ со всѣми крымскими силами и съ главною массою запорожцевъ, стоитъ въ урочищѣ Кучугуракъ въ трехъ миляхъ ниже Асламъ-городка, и собирается дать гетману бой, чтобы не допустить его въ Перекопъ ²⁾.

Какъ-бы то ни было, но предпріятія запорожцевъ и татаръ ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегахъ Днѣпра не удались.

Для того, чтобы предовратить всякій набѣгъ со стороны татаръ и запорожцевъ на Украину, а также для того, чтобы слѣдить за тѣми изъ нихъ, которые прѣбавали съ мирными цѣлями

¹⁾ Онъ называется то атаманомъ Алистратенкомъ, то кошевымъ Алистратомъ; Судіенко, Матеріалы, II, 310, 437—439.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Киевъ, 1855, II, 437—439.

въ города, царь приказалъ поставить въ городъ Полтавъ 300 или 400 человекъ драгунъ съ «добрымъ» командиромъ и велѣлъ тому командиру всѣхъ запорожцевъ, которые прійдутъ съ повинною, принимать и отсылать въ дальніе малороссійскіе полки; тѣхъ-же изъ козаковъ, которые будутъ ѣздить на Украину ради промысловъ своихъ, во избѣжаніе могущихъ отъ ихъ воровства произойти смуть, подъ жестокимъ страхомъ не пропускать въ города ¹⁾.

Нужно думать, что такое распоряженіе послѣдовало уже послѣ возвращенія Петра съ береговъ Пруга въ Россію, когда царь, заключивъ предварительное перемиріе съ турецкимъ везиремъ, вполне обезопасилъ свои владѣнія съ южныхъ границъ и теперь могъ совершенно игнорировать запорожцевъ, которыхъ передъ походомъ въ Турцію тщетно старался склонить на сторону Россіи.

Такое постановленіе о запорожскихъ козакахъ строго соблюдалось и въ слѣдующемъ 1712 году. Такъ, когда однажды пріѣхали изъ Сичи въ мѣстечко Переволочну нѣсколько человекъ низовыхъ купцовъ, т. е. крымскихъ армянъ и малороссійскихъ и запорожскихъ промышленныхъ людей, то изъ Переволочны были пропущены въ малороссійскіе города всѣ кушцы, кромѣ «бездомныхъ свѣчечиковъ», которые были задержаны въ крѣпости впредь до царскаго указа, на томъ основаніи, будто они ѣздить не торговать, а различныя вѣсти собирать и потомъ «всякую прелесть и шальварство чинить». Они отпущены были въ Сичь только ради того, чтобы исполнить просьбу перекопскаго каймана и чтобы миръ съ Крымомъ соблюсти ²⁾. Исключеніе дѣлалось только для тѣхъ, которые просили на бумагѣ о помилованіи черезъ гетмана Скоропадскаго. Но и изъ этихъ послѣднихъ какіе-то козаки, «прописавшіе противъ чести государя», лишены были гетманомъ свободы, и только заступничество кіевскаго губернатора князя Голицына, сдѣлавшаго представленіе о томъ, что преступленіе запорожцами учинено по невѣжеству, избавило ихъ отъ тюрьмы ³⁾.

Положеніе запорожцевъ съ 1712 года не только не ухудшилось, а, напротивъ того, повидимому, измѣнилось къ луч-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 351.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 353, 45.

³⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 41.

пешему, и это произошло отъ той неудачи, которую испыталъ русскій царь на берегу рѣки Прута. Окруженный огромными полчищами турецкой арміи, отрѣзанный отъ Россіи, лишенный союзниковъ, царь Петръ Алексѣевичъ принужденъ былъ заключить съ Турціей прутскій миръ (юля 11 дня) и потомъ тотъ миръ подкрѣпить миромъ константинопольскимъ (апрѣля 5 дня, 1712 года). По этому двойному миру онъ обязался, между прочимъ, срыть Каменный-Затонъ и Новобогородицкую крѣпость; пушки, находившіяся въ Затонѣ, предоставить туркамъ; запорожскихъ козаковъ оставить въ полномъ покоѣ и не «вступаться» въ нихъ. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сую сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортець и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки» ¹⁾.

Въ силу такихъ условій запорожцы открыто признавались законными подданными турецкаго султана и фактически могли пользоваться всеми степными угодьями, которыми и раньше пользовались.

При заключеніи прутскаго мира Россіи съ Турціей запорожцы, въ особенности Филиппъ Орликъ, сильно вредили русскому царю и настаивали на отдѣленіи Малой Россіи отъ Великой. Для достиженія послѣдней цѣли Филиппъ Орликъ, находившійся въ то время въ городѣ Бабѣ, отправилъ, декабря 3 дня, 1711 года, депутацію изъ шести человекъ въ Константинополь, давъ ей на то подробную инструкцію. Въ числѣ депутатовъ былъ и самъ кошевой атаманъ Гордіенко. Депутатамъ приказано было прежде всего поблагодарить «блистательную Порту» за освобожденіе ею Украины отъ московскаго ига. Потомъ велѣно было просить Порту окончателно привести въ исполненіе мирный договоръ съ Россіей, заставить Москву навсегда отказаться отъ Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и на будущее время не допускать Москвы къ захвату въ ея руки Малороссіи: «Москаль, принужденный отречься отъ Украины навсегда, пусть обязанъ будетъ вывести изъ нашихъ предѣловъ свои военныя силы и выпустить на свободу задержанныхъ въ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 92, 110—111; Марквичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 459, приложенія; Южнорусскія лѣтописи, изданныя Вѣловерскимъ, Кіевъ, 1856, I, 90.

прошлую войну и сосланных въ Сибирь или другія отдаленныя мѣста нашихъ начальниковъ, чиновныхъ лицъ и всякаго званія людей украинскаго происхожденія, въ числѣ ихъ и посланцевъ изъ запорожской Сѣчи, задержанныхъ въ Лебединѣ, а также тѣхъ запорожскихъ товарищей, которые, будучи приглашены на работы въ Петербургъ за деньги, впоследствии были задержаны, одни въ Сѣвскѣ, другіе въ Вильнѣ, а потомъ отправлены въ каторжныя работы... Сверхъ того, всѣ орудія, взятыя въ Сѣчѣ и свезенныя въ Бѣлую Церковь, москали должны возвратитъ обратно или, въ случаѣ, если это имъ окажется затруднительнымъ, замѣнить ихъ другими изъ украинскихъ крѣпостей орудіями, которыя должны будутъ остаться тамъ по выстуplenіи московскихъ гарнизоновъ... Козаки, живущіе въ низовьяхъ Днѣпра имѣютъ право по прежнему обычаю, заниматься рыбными и звѣринными промыслами по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и урочищамъ вплоть до Очакова, безъ всякихъ препятствій со стороны блистательной Порты» ¹⁾.

Депутація Орлика произвела въ Константинополь свое дѣйствіе, и если-бы не русское золото, полученное великимъ везиремъ, то война между Турціей и Россіей была-бы неизбежна. Но деньги творятъ чудеса, а въ данномъ случаѣ они сотворили миръ Россіи съ Турціей.

Однако, запорожская партія Орлика и послѣ заключенія русско-турецкаго перемирія не переставала вредитъ Россіи: чтобы поставитъ Турцію во враждебныя отношенія къ Россіи, козаки отправили султану и великому везиру донесеніе о томъ, будто-бы у рѣки Орели и у Перекопа стоятъ большія русскія войска, а въ Каменномъ-Затонѣ и на рѣкѣ Самарѣ снова воздвигаются русскіе городки. Тогда отъ везира сдѣланъ былъ по этому поводу русскимъ министрамъ запросъ, и великій везиръ разувѣренъ былъ въ полученномъ донесеніи только тогда, когда послалъ отъ себя полномочное лицо, Ахметъ-агу, въ Каменный-Затонъ, на рѣки Орель и Самару. Вѣсть съ Ахметъ-агой было нѣсколько доверенныхъ лицъ отъ крымскаго хана и отъ бендерскаго пашы, которые осмотрѣли рѣку Орель вверхъ до Маячки и внизъ до Китай-городка и не нашли тамъ никакихъ новыхъ крѣпостей ²⁾.

Въ это-же время, можетъ быть, подъ вліяніемъ извѣстія о

¹⁾ Чтенія общества исторіи и древностей, 1878, 64.

²⁾ Судяненко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 44.

прутскомъ мирѣ Россіи съ Турціей, а можетъ быть и съ какою-нибудь скрытою цѣлю, кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко заговорилъ съ гетманомъ Скоропадскимъ о своемъ желаніи перейти въ подданство русскаго царя. По этому поводу Скоропадскій снесся съ царскимъ етольникомъ Ѳедоромъ Протасьевымъ. бывшимъ на ту пору въ какомъ-то селѣ Богородицкомъ, и Протасевъ, октября 31 дня, 1712 года, отвѣтилъ гетману письмомъ, въ которомъ увѣрялъ его, что кошевой хотѣлъ просто-на-просто добиться отъ него полученія хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, чтобы потомъ попрежнему «оставаться на своемъ постоянствѣ». «Надлежало-бы, милостивый государь, къ Косткѣ написать, такъ, чтобы онъ, если хочетъ явить свое расположеніе къ царскому величеству, впередъ прислалъ-бы изъ Сѣчи кого-нибудь изъ знатныхъ особъ и по нѣскольку человекъ товарищей отъ всѣхъ куреней; тогда, когда Костка со всѣмъ низовымъ товариствомъ учинитъ прислугу быть подъ державой царскаго пресвѣтлаго величества, тогда только можно удовольствоваться ихъ и всякими припасами и денежнымъ, какъ раньше было, жалованьемъ и дать позволеніе російскимъ людямъ съ ихъ торговыми промыслами ѣздить въ запорожскую Сѣчь. По истинѣ, милостивый государь, запорожцевъ приневоливаютъ къ тому ихъ убожество и, чтобы то желаніе (быть подъ русскимъ царемъ) было истинной правдой, я не надѣюсь до тѣхъ поръ, пока въ Сѣчѣ кошевымъ Гордіенко, не стоитъ и писать о томъ ко двору царскаго величества»¹⁾.

И точно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года кievскому губернатору князю Дмитрію Голицыну довели, что кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко назначилъ отъ себя въ городъ Умань полковникомъ нѣвскаго Поповича, которому данъ былъ изъ Сичи перначъ, и послалъ отъ себя нѣсколько человекъ въ городъ Кацнуболотъ и въ Городище подъ Корсунь; что возлѣ посланцевъ кошевого собралось около 200 человекъ, и «отъ нихъ разосланы были кошового листы, чтобы имъ жадной шкнды отъ гультайства и не отъ кого не наносилось»²⁾.

Настроеніе самого султана въ то время вполне соответствовало замысламъ козаковъ. Турецкій султанъ Ахметъ III, настроенный французскимъ въ Константинополь резидентомъ и швед-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 449.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 50.

скинъ королежъ, рѣшилъ вновь разорвать миръ съ русскимъ царемъ и предъявить ему требованіе объ уступкѣ Турціи всей козацкой Украйны вплоть до русскихъ границъ. Тогда русскіе полномочные послы, баронъ Шафировъ и тайный совѣтникъ Толстой, находившіеся въ то время въ Константинополѣ, посажены были въ Семибашенный замокъ впредь до полученія удовлетворительнаго отвѣта отъ русскаго царя. Однако, русскіе послы успѣли подѣйствовать и золотомъ, и богатыми подарками на любимца султана Али-Кумурджи, и все дѣло повернулось противъ шведскаго короля. Турецкій султанъ, вновь согласившійся въ пользу возобновленія мира съ Россіей, рѣшилъ предложить Карлу XII оставить Бендеры и черезъ Польшу уѣхать въ сѣверный край. Съ предложеніемъ султана поспекалъ его конюшій къ королю. Но король не только не исполнилъ того, чего требовалъ отъ него султанъ, а даже обнажилъ шпагу противъ его гонца и послѣ того удалился въ Варницу, близъ Бендеръ. Тогда султанъ, находившійся въ то время въ Адрианополѣ, узнавъ о такомъ отпорѣ со стороны короля, отдалъ приказъ крымскому хану и бендерскому пашѣ взять Карла силою и привезти его въ Адрианополь. Это было уже въ наступившемъ 1713 году. Крымскій ханъ и бендерскій паша двинулись къ Карлу съ отрядами войскъ въ началѣ февраля. Но король, узнавъ въ чемъ дѣло, выказалъ имъ сильное сопротивление и только послѣ рѣшительной схватки и полученныхъ ранъ сдался хану, и вмѣстѣ съ «кіевскимъ» воеводой Іосифомъ Потоцкимъ, неотлучно бывшимъ при немъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда бывшіе при королѣ запорожцы вмѣстѣ съ кошевымъ Гордіенкомъ всѣ бѣжали въ «новую» Сичь, и въ Бендерахъ остался только одинъ Филиппъ Орликъ на «свободномъ» житьѣ ¹⁾.

Послѣ этого султанъ потребовалъ русскихъ пословъ въ Адрианополь, и тутъ снова поставленъ былъ вопросъ о мирѣ между Россіей и Турціей.

Но пока шли переговоры о мирѣ съ турецкой и русской стороны, тѣмъ временемъ партія запорожскихъ козаковъ сдѣлала новую попытку нападенія на малороссійскіе города. Такъ, въ томъ-же 1713 году гетманъ Скоропадскій отправилъ донесеніе барону Шафирову въ Царьградъ о нападеніи татаръ и запорожскихъ «гулятьевъ» съ атаманомъ Алистратенкомъ на мѣстечко Царичанку у

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 370, 372.

рѣчки Орели и о захватѣ ими во время жатвы изъ мѣстныхъ обывателей нѣскольکا десятковъ человекъ. Гетманъ просилъ Шафирова добиться отъ Порты «впредь заказатъ тѣмъ воронамъ чинить такія обиды, а того Адистратенка выдать», чтобъ его наказатъ. Баронъ Шафировъ на письмо гетмана отвѣтилъ тѣмъ, что онъ уже и раньше того много разъ просилъ султана и великаго везира воспретить, въ силу мира между Турціей и Россіей, татарамъ и запорожцамъ дѣлать нападенія на малороссійскіе города, но всегда въ такихъ случаяхъ получалъ одинъ отвѣтъ, что Porta уже послала къ нимъ о томъ «свой жестокий указъ» ¹⁾.

Были-ли посылаемы такіе указы или нѣтъ, но запорожцы все еще не переставали вредить Москвѣ. Осюзившись съ янычарами и съ татарской ордой, они сдѣлали въ это время нѣскольکو «подбѣговъ» подъ городъ Кіевъ, взяли возлѣ Василькова, Триполя и въ нѣкоторыхъ порубежныхъ селахъ и деревняхъ въ полонъ нѣскольکو человекъ простыхъ людей и произвели во многихъ мѣстахъ пожаръ. Тогда снова повторенъ былъ приказъ гетману Скоропадскому и въ особенности полковнику Гамагану никого изъ запорожскихъ козаковъ, подъ страхомъ смертной казни, и ни съ чѣмъ не пропускать черезъ Днѣпръ въ малороссійскіе города; тѣхъ-же изъ нихъ, которые будутъ пріѣзжать на заставы и другія мѣста, тайно брать подъ арестъ и отсылать въ глуховскій гарнизонъ и тамъ подъ карауломъ содержать ²⁾.

Въроятно, въ силу такого указа, задержаны были въ одномъ изъ малороссійскихъ городовъ и отправлены колодниками въ Москву «приличившіеся въ измѣнѣ съ бывшимъ гетманомъ Мазепой» запорожцы Иванъ Куценко и Ѳедоръ Нестудей ³⁾. Они были сперва приговорены къ смертной казни, но потомъ ихъ велѣно было, выдавъ въ Москвѣ грамоты и прогонныхъ 10 рублей, сослать въ сибирскіе города, въ работу, на вѣчное житье ⁴⁾.

Но ни строгіе указы, ни ссылки въ Сибирь не имѣли особеннаго значенія для запорожскихъ козаковъ въ то время, когда въ предѣлахъ Турціи находился шведскій король. И точно, въ началѣ апрѣля мѣсяца, около города Богуслава, вновь явился отрядъ за-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 310.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 372, 375.

³⁾ Въ подлинникахъ эта фамилія пишется то Нестудей, то Несталѣй.

⁴⁾ Архивъ ин. ин. дѣлъ, мал. дѣла; 1713, св. 35, № 80.

порожцевъ съ какимъ-то Швачкой—козакомъ, который имѣлъ намѣреніе переправиться съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, а въ городѣ Бреславѣ стоялъ бывший прилуцкій полковникъ Горленко съ ватагой въ 250 человекъ козаковъ; послѣдній распускалъ слухъ, будто-бы турки хотятъ поднять противъ султана бунтъ за шведскаго короля.

Когда слухи объ этомъ дошли до кіевского губернатора князя Голицына, то онъ послалъ о томъ извѣстіе гетману Скоропадскому и при этомъ просилъ его задержать нѣкоего полтавскаго жителя Антона Шарпиленка, имѣвшаго на Запорожьи брата чернеца и вѣхавшаго съ товаромъ черезъ Переволочанскій перевозъ ¹⁾.

Кромѣ кіевского губернатора за дѣйствіями запорожскихъ козаковъ строго слѣдилъ и генералъ-фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, оберегавшій въ то время русскія границы въ виду тревожнаго на югъ положенія дѣлъ. Онъ послалъ для развѣдки къ урочищу Пробитому, у рѣки Буга, какого-то козака и черезъ того козака узналъ, что шведскій король, получившій свободу и оставленный внѣ надзора со стороны турецкихъ властей, возымѣлъ намѣреніе идти подъ городъ Кіевъ противъ русскаго царя ²⁾ и что при немъ, кромѣ татаръ, было нѣсколько человекъ запорожцевъ. Запорожцы показывались то воевъ Уманя и Корсуня, то вблизи Кіева, у Днѣпра. Переправившись на лодкахъ въ ночное время черезъ Днѣпръ, они напали въ деревнѣ Самовицахъ на стоявшихъ тамъ русскихъ драгунъ и изъ нихъ 6 человекъ закололи на смерть, 5 человекъ взяли въ полонъ, сами же «безвредно» ушли назадъ. Вслѣдствіе такого извѣстія фельдмаршалъ Шереметевъ послалъ приказъ лубенскому полковнику выступить со своимъ полкомъ къ Днѣпру и держать тамъ денно и ночью крѣпкій караулъ; а полковнику переяславскому велѣлъ сдѣлать розыскъ, съ чьего вѣдома приходили козаки, гдѣ переправлялись они черезъ Днѣпръ и въ какомъ мѣстѣ приставали лодками къ нему. «А нынѣ ночи мѣсячныя, а не темныя, укрыться было оныѣмъ нѣкакими мѣрами нельзя» ³⁾. По разспросу оказалось, что запорожцевъ пропускали на Украину сами-же жители малорос-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 52.

²⁾ Ахметъ III былъ безхарактерный человекъ и то настаивалъ на удаленіи Карла изъ Турціи, то вновь дозволялъ ему оставаться въ ней, обнадѣживая на скорую войну съ русскимъ царемъ.

³⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 380.

сійскихъ мѣстечекъ и городовъ. Такъ, въ началѣ мая запорожскій козакъ Грицко Бережный съ товарищами, переправившись съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, сдѣлалъ нападеніе на мѣстечко Келеберду и убилъ 7 тамошнихъ людей, столько-же потерявъ своихъ; проводилъ-же его въ Келеберду домонтовскій житель Федоръ «рыбалка» (рыбакъ). Самъ сотникъ домонтовскій отослалъ Орликъ двѣ куфы водки, которую Орликъ, въ свою очередь отправилъ кошевому Гордіенку въ Сичь. Рыбаки-же главнымъ образомъ доставляли запорожцамъ и всякія вѣсти «о поведеніи» русскаго въ украинскихъ городахъ ¹⁾.

Но такіе набѣги запорожцевъ на малороссійскіе города къ концу 1713 года прекратились сами собой. Въ это время, а именно іюня 14 числа, послѣ долгихъ споровъ между представителями интересовъ Турціи и Россіи, окончательно установленъ былъ русско-турецкій миръ, впредь на 25 лѣтъ. Споръ касался главнымъ образомъ двухъ пунктовъ, выставленныхъ турками русскимъ резидентамъ, барону Шафирову и Толстому, и первый изъ этихъ пунктовъ состоялъ въ томъ, чтобы возобновлена была ежегодная присылка крымскому хану дани; второй состоялъ въ томъ, чтобъ порубежная граница проведена была между рѣками Самарою и Орелью и по той границѣ поселены были запорожцы съ турецкой стороны. Русскіе резиденты сильно противились такимъ требованіямъ Порты и, хотя, подъ конецъ, согласились на проведеніе границы между Самарою и Орелью, но зато рѣшительно отказались дать свое согласіе на поселеніе у ней козаковъ, измѣнившихъ Россіи. Извѣщая царя, о состоявшемся мирѣ баронъ Шафировъ, писалъ: «Хотя эти варвары (турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмѣрно многоденежны и имѣютъ такихъ учителей, которые всѣ интересы и силу не только россійскаго государства, но и всей Европы знаютъ и имъ непрестанно внушаютъ... Король шведскій хотя не уменъ, но при немъ есть нѣсколько министровъ и генераловъ умныхъ; Орликъ и прочіе измѣнники черкасы и запорожскіе и донскіе козаки свѣдущи о внутреннемъ состояніи государства его величества, и имъ всѣмъ промоторъ и ходатай ханъ нынѣшній крымскій» ²⁾.

Объявленіе русско-турецкаго мира 1713 года имѣло рѣшающее

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 381.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 127.

для запорожцевъ значеніе. Съ этихъ поръ потеряны были всякія надежды у запорожскихъ патріотовъ вовлечь Турцію въ борьбу съ Россіей. И хотя крымскій ханъ, «человѣкъ преострый и за неполученіе своего запроса о дачѣ погодней на Россію непримирительно озлобившійся», и пытался въ началѣ февраля 1714 года поднять запорожцевъ на малороссійскіе города ¹⁾, но изъ той попытки не вышло положительнаго ничего. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1714 года самъ шведскій король, Карлъ XII, внезапно оставилъ предѣлы Турціи и скоро очутился въ Штральзундѣ ²⁾. Въ слѣдъ за королемъ послѣдовали въ Швецію и главные сторонники давно умершаго гетмана Мазепы—Филиппъ Орликъ, три брата Григорій, Иванъ и Аеанасій Герцики, Андрей Войнаровскій, Ѳедоръ Нахимовскій, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, Ѳедоръ Третьякъ и нѣкоторые другіе ³⁾.

Непреклоннымъ оставался только одинъ кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, который находилъ себѣ поддержку у нѣкоторыхъ изъ значныхъ малороссійскихъ лицъ, какъ напримѣръ, у полтавскаго полковника Черняка. Полковникъ Чернякъ зимою послѣ Рождества Христова 1713 года отправилъ въ Сичь полтавскаго жителя Данила Кондака и велѣлъ ему передать кошевому Гордіенку и нѣкоторымъ изъ козаковъ, чтобы они «неважились кланяться царскому величеству», потому что «еще вислицы московскія не наполнились, а если поклонитесь, то конечно наполнятся вами». Когда Данило Кондакъ передалъ слова Черняка Гордіенку, то кошевой благодарилъ полковника за сочувствіе себѣ, изъ чего Кондакъ усмотрѣлъ «незичливость» кошевого къ царскому величеству и напомнилъ ему о Богѣ и вѣрной службѣ государю. Другимъ запорожцамъ онъ словъ Черняка не передавалъ вслѣдствіе «большого въ Сѣчи возмущенія» ⁴⁾.

¹⁾ Суденко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 385.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1867, XVII, 39.

³⁾ Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 677. Странно, поэтому, читать у Ригельмана рассказъ о томъ, что въ 1716 году «наибѣнникъ Орликъ обще съ татарами и запорожцами, дѣлалъ въ Украину нападеніе, для чего Скоропадскій все лѣто простоялъ и злмовать долженъ былъ въ Гадячѣ Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 113.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1714, св. 36, № 44.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Положеніе запорожцевъ подъ властью Крыма.—Разочарованіе ихъ въ шведскомъ королѣ и первыя попытки испросить прощеніе у русскаго государя.—Возвращеніе отдѣльныхъ партій запорожскихъ въ города Малороссіи.—Первая петиція всего запорожскаго войска государю о помилованіи и о дозволеніи поселиться на прежнихъ мѣстахъ.—Отвѣтъ на то отъ графа Головкина.—Новая просьба запорожцевъ, посланная черезъ писаря Роголю, гетману Скоропадскому.—Просьба самого гетмана Скоропадскаго, посланная въ Петербургъ, о дозволеніи малороссіянамъ ѣздить въ Крымъ за солью и о разрѣшеніи запорожскимъ промышленникамъ проѣзда въ города Малороссіи.—Отвѣтъ государя о дозволеніи малороссіянамъ поѣздокъ въ Крымъ и о запрещеніи запорожцамъ проѣзда въ Малороссію.—Тайныя нарушенія запорожцами царскаго указа и новое приказаніе о недопущеніи запорожцевъ въ Малороссію.—Новая петиція запорожцевъ о помилованіи и новый отвѣтъ запорожцамъ со стороны государя.—Письма Филиппа Орлика къ запорожскому войску изъ Швеціи.

Искушенные Мазепой, увлеченные Гордіенкомъ, обнадеженные Карломъ XII, запорожцы послѣ страшнаго и кровопролитнаго пораженія ихъ русскими въ самомъ гнѣздѣ, Чортотмльщикою Сичу, принуждены были покинуть все, что было завѣтно и дорого каждому запорожцу: и родную колыбель, матку-Сичу, и шумливыя пороги, много говорившіе уму и сердцу каждаго запорожца, и Великій-Лугъ, бывшій «батькомъ» для всякаго безроднаго «сиромати», и завѣтную рѣку Самару съ ея священною для набожнаго запорожца обителью и, наконецъ, всѣ могилы, скрывавшія въ своихъ безмолвныхъ и таинственныхъ нѣдрахъ всю предшествовавшую исторію запорожскаго войска—все это, какъ и всѣ обильныя рѣки, богатыя звѣремъ и дичью степи, должны были оставить запорожцы и идти на новую и далекую окраину, заводить тамъ новое гнѣздо, Сичу. Но какаѣя то была новая окраина? Одна незначительная, у лѣваго берега Днѣпра, полоса плавень, а потомъ къ востоку песчаныя кучугуры, къ сѣверу и югу безводныя и пустынныя солонцеватыя степи. Это была настоящая агарянская земля, засѣянная отъ природы терніемъ и волчіемъ, какъ выражались о ней

сами запорожцы. Но что это значило въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ которое поставили себя запорожцы послѣ разгрома русскими ихъ старой Чортомлыцкой Сичи! Тѣхъ, которыхъ запорожцы презрительно именовали погаными бусурманами, тѣхъ, противъ которыхъ воевали отцы, дѣды и прадѣды ихъ, тѣхъ истребленіе которыхъ запорожцы раньше того поставляли себѣ главною цѣлью своего существованія, теперь они должны были признать своими верховными владыками, непосредственными господами и защитниками. Двѣсти лѣтъ просуществовало до тѣхъ поръ Запорожье, и за все это время своей исторической жизни низовые «слыцари» упорно, мужественно и съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ боролись за православную вѣру и за русскую народность съ невѣрными мусульманами и теперь понесли свои головы, понесли свою вѣру, понесли всѣ свои силы подъ защиту своихъ исконныхъ, вѣковѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ. Это значило, что запорожцы поставили себя въ полное противорѣчіе со всѣмъ своимъ прошлымъ и принудили себя поклониться тѣмъ самымъ богамъ, на которыхъ раньше того сами-же они плевали. Ни въ народности, ни въ вѣрѣ, ни въ языкѣ ничего не было общаго между запорожскими козаками и татарами, и потому немудрено, что уже тотчасъ послѣ поселенія запорожцевъ на «агарянской» землѣ, когда прошель у нихъ первый воинственный пылъ, когда нѣсколько сгладилось страшное воспоминаніе объ ужасахъ, испытанныхъ ими на старой Сичѣ, они вновь стали обращать свои взоры къ роднымъ излюбленнымъ мѣстамъ и простирали свои руки къ своему «природному монарху». И чѣмъ дальше со времени полтавской битвы уходило время впередъ, тѣмъ менѣе выказывали запорожскіе козаки желанія вредить русскому государю. Если запорожцы и дѣлали нападенія на русско-малороссійскіе города въ теченіе времени съ 1710 по 1713 годъ, то въ этомъ случаѣ они дѣйствовали подъ вліяніемъ двухъ своихъ вождей, закаленныхъ противниковъ всего великорусскаго, Филиппа Орлика и Константина Гордіенка, да и то лишь въ отдѣльныхъ партіяхъ, а не всею своею массой. Простая масса козаковъ давно уже перестала вѣрить въ шведскаго короля. Вѣра въ него окончательно исчезла у посполитыхъ людей запорожскихъ съ тѣхъ поръ, когда онъ въ 1714 году оставилъ предѣлы Турціи и ушелъ черезъ Трансильванію въ городъ Штральзундъ. Самое событіе, происшедшее подъ Полтавой, не прошло даромъ для запорожцевъ въ смыслѣ страшнаго историческаго урока для нихъ.

Многіе передовые люди изъ запорожскаго войска скоро сзнали всю важность полтавской побѣды и всѣ послѣдствія ея для цѣлой Россіи. Послѣдствіи же ея были велики: полтавская битва безспоротно рѣшила вѣковой вопросъ о слияніи двухъ русскихъ народностей, великорусской и малорусской, въ одно цѣлое политическое тѣло. До сихъ поръ историческая жизнь малорусскаго народа жила на народно-козацкихъ началахъ; съ этихъ поръ она пошла по другому пути: вопросъ о старыхъ козацкихъ правахъ и вольностяхъ постепенно сталъ отходить въ область отдаленныхъ преданій, и прежніе козацкіе порядки и народныя начала стали замѣняться новыми порядками и иными началами, противъ которыхъ протестовать, а тѣмъ болѣе выступать съ оружіемъ въ рукахъ не представлялось уже никакой возможности. Запорожцы поняли это своимъ чутьемъ и, сознавая законъ непреложности, стали помышлять о возвратѣ подъ державу російскаго монарха. До 1709 года они твердо стояли за свои предковскія права, мужественно и стойко боролись за козацкія вольности; но потомъ, исчерпавъ всѣ средства для борьбы съ Москвою и подъ конецъ отдавъ на разореніе москалямъ свое гнѣздо, старую Сичу, они сознали полную невозможность «прати противъ рожна» и рѣшили всею массою идти подъ державу Россіи, чтобы слиться въ цѣлое и единое съ нею.

Еще съ 1710 года къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому стали являться отдѣльныя, пока небольшія, купы запорожскихъ козаковъ и просить его о дозволеніи вернуться имъ въ Малороссію для поселенія въ различныхъ малороссійскихъ полкахъ. Уже тогда отданъ былъ приказъ гетману, поселить просителей въ пристойныхъ мѣстахъ и тайно за ними наблюдать, чтобы они впредь не учинили какихъ-нибудь возмущеній въ народѣ и не ушли снова назадъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, нуждавшійся въ ту пору въ боевыхъ силахъ передъ походомъ въ Турцію, охотно принималъ переселенцевъ въ малороссійскіе города. Но въ то время носились слухи о жестокостяхъ русскихъ, и это обстоятельство удерживало многихъ отъ переселенія въ Малороссію.

Однако прошелъ 1711 годъ и наступилъ 1712.

Въ это время кошевой атаманъ ¹⁾ и запорожское низовое

¹⁾ Кто былъ въ то время кошевымъ атаманомъ—въ документѣ не говорится; можетъ быть, то былъ Василій Іосифовъ, который въ 1714 году называется бывшимъ кошевымъ атаманомъ, подававшимъ царю петицію: Суденко, Матеріалы, II, 459.

войско, уже полнымъ своимъ составомъ, написали обширный листъ и отправили его гетману Ивану Ильичу Скоропадскому съ просьбой объ исходатайствованіи имъ милости и помилованія у царскаго величества: «Козаки и кошевой имѣютъ мысль, состояніе, охоту, намѣреніе и всецѣлое истинное прямое желаніе и душевную совѣсть привести въ поклоненіе пресвѣтѣйшему маестату». Они льстили себя надеждой, что милостивый государь забудетъ злобу и всѣ безчинства ихъ и приплетъ имъ черезъ гетмана высокопочтенную грамоту съ позволеніемъ перехода запорожцамъ отъ протекціи ханской къ державѣ православнаго монарха; во всякомъ-же случаѣ просили гетманскую вельможность сообщить имъ о милости или немилости къ нимъ государя «скрытнымъ человѣкомъ, дабы они чрезъ него въ подозрѣніе бусурманству не впали и въ гибель не ввелись»¹⁾.

Неизвѣстно, что на эту первую просьбу всего войска отвѣчалъ царь запорожцамъ, но въ томъ-же 1712 году въ должности гадячскаго асаула открыто служилъ бывший запорожецъ Мартынъ Штыхъ, незадолго передъ тѣмъ оставившій Крымъ, а въ слѣдующемъ 1713 году дано было позволеніе небольшой партіи запорожскихъ козаковъ вернуться въ Малороссію и избрать мѣста для жительства. Въ 1714 году изъ предѣловъ Турціи явились 350 чело-вѣкъ запорожцевъ, и тогда велѣно было всѣхъ этихъ выходцевъ поселить въ сѣверныхъ предѣлахъ Гетманщины, около Глухова и въ городѣ Конотопѣ, т. е. вблизи великороссійскихъ границъ, очевидно съ цѣлью наблюденія за поведеніемъ пришлецовъ²⁾. По этому поводу графъ Головинъ писалъ изъ Петербурга гетману Скоропадскому такого рода письмо: «Я о семъ доносилъ его царскому величеству, и его царское величество, хотя и не хотѣлъ тѣхъ возвращающихся своевольныхъ запорожцевъ на Украину принимать, но однакожь, когда нѣкоторые уже были приняты, а за другими посылалъ самъ фельдмаршалъ, то государь изволилъ приказать мнѣ къ вашей вельможности и къ господину фельдмаршалу писать съ тѣмъ, чтобы вышедшимъ запорожцамъ быть на указанныхъ квартирахъ (въ Конотопѣ и около Глухова), а имѣющихъ выходить поселять въ пристойныхъ, по разсмотрѣнію вашей вельможности, мѣстахъ и по общему съ господиномъ фельдмарша-

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 214, 227.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 214, 227.

ломъ согласію приказать смотрѣть, какъ они тамъ будутъ жить и не будетъ-ли отъ нихъ какой противности происходить» ¹⁾.

Не смотря на такое нерасположеніе со стороны царя къ запорожскимъ эмигрантамъ, въ это время запорожское товариство отправило вторую петицію на имя государя о помилованіи и о дозволеніи вернуться козакамъ къ прежнимъ своимъ мѣстамъ. На ту пору въ новой Сичѣ состоялъ кошевымъ атаманомъ Ивашъ Алексѣвичъ Малашевичъ ²⁾. Это былъ одинъ изъ выдающихся кошевыхъ атамановъ начала XVIII вѣка. Спокойный, разсудительный, прямой, честный и богобоязненный, Малашевичъ искренне предавъ былъ русскому государю и, повидимому, поставилъ себѣ священнымъ долгомъ такъ или иначе вернуть запорожцевъ на прежнія мѣста подъ скипетръ російской державы. Съ этою цѣлью Малашевичъ обратился съ просьбой къ гетману Скоропадскому о помилованіи войска запорожскаго, и гетманъ Скоропадскій донесъ прошеніе кошевого царю Петру Алексѣвичу въ новую столицу.

Но Скоропадскому велѣно было отвѣтить кошевому, что на его просьбу и на просьбу бывшего кошевого Василя Іосифова уже послана царскимъ величествомъ изъ похода собственная грамота. Какова была та грамота неизвѣстно, но на основаніи послѣдующаго хода дѣлъ можно думать, что царская грамота не была милостива къ запорожцамъ.

Въ это-же время послѣдовать отвѣтъ, также немилостивый, и отъ правительствующаго сената по дѣлу двухъ какихъ-то запорожцевъ Стецька и Паска, которыхъ велѣно было гетману Скоропадскому держать попрежнему подъ арестомъ до полученія отвѣта до крымскаго хана и перекопскаго бея ³⁾.

Быть можетъ, здѣсь разумѣется дѣло о разбойническихъ дѣйствіяхъ одной запорожской ватаги, руководимой Грицькомъ Ковалемъ и состоявшей изъ козаковъ Стецька Великаго, Василя Черевка, Власа Тахтаула, Гаврила Старого и нѣкоторыхъ другихъ «гультаевъ», числомъ до 30 человекъ. Эти козаки, выбравшись изъ Сичи подъ часъ спасова поста, пошли подъ мѣстечко Рѣшетиловку красть коней. Не добывъ коней, они зато добыли семь

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 227.

²⁾ Малашевичъ былъ родомъ изъ города Золотоноши, полтавской губерніи; Собраніе сочиненій Максимовича, Кіевъ, 1877, II, 282.

³⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 459.

штукъ рогатаго скота для харчей и, идя съ нимъ, замѣтили на Шаковомъ шляху, у вершины долины Яквиной, три воза и при нихъ девять человекъ татаръ. Сперва они отпустили татаръ по добру по здорову, а потомъ внезапно сдѣлали на нихъ нападеніе и заставили бросить возы и разбѣжаться въ разныя стороны. Тогда гультяи, поставивъ на могилѣ сторожу, боясь нападенія, похватали на коней, что было легкаго, а именно—деньги, сафьяны и мамсы; остатки же—родзинки, фиги, лимоны, лимонный сокъ и наметъ оставили при возахъ, сами быстро ушли въ укромное мѣсто и подѣлили захваченную добычу поровну между собою и потомъ частію ее прокарчевали, частію пропили. Послѣ этого дѣлежа гультяи разошлись въ разныя мѣста степи и блукали до осени. Изъ нихъ нѣкоторые приблизились къ Днѣпру и отогнали у миргородскаго полковника нѣсколько коней. Потомъ 8 человекъ изъ нихъ ¹⁾ пришли въ Веремѣвку и, поклонившись однимъ сафьяномъ пану прилуцкому, расположились было съ его дозволенія на квартирахъ, но потомъ были схвачены и препровождены въ Лохвицу. За такое разбойство запорожскаго гультяйства поплатилось все запорожское войско. Въ Сичь присланъ былъ отъ хана бей о полтораста коней съ татарами и потребовалъ съ куреней удовлетворенія за убытки, по 100 талеровъ за cadaго грабителя. Войско заплатило по сто талеровъ, давши въ уплату и имущество грабителей, оказавшееся въ Сичь; многихъ изъ гультяевъ потребовало въ Сичу и одного изъ нихъ повѣсило, все-таки уплативъ и за него потерпѣвшимъ купцамъ сто талеровъ. Всей суммы татары вняли съ Коша на 5.000 золотыхъ, да такую же сумму, на 5.000 золотыхъ, войско оставило татарамъ на цѣлый годъ отъ своихъ базарныхъ доходовъ; кромѣ того особо взято было 15 левовъ за то, что одинъ изъ грабителей подрѣзалъ себѣ на кафтанъ матеріи изъ намета, стоявшаго при татарскихъ возахъ ²⁾.

Въ самой Сичѣ, повидимому, въ это время происходили безпрерывныя распри, такъ какъ къ концу 1714 года въ ней состоялъ кошевымъ атаманомъ уже не Малашевичъ, а Василій Іосифовъ (онъ-же Василій Іосифовичъ). Обыкновенно выборъ новаго кошевого атамана происходилъ перваго числа cadaго новаго года, и

¹⁾ Восьмой, Стецько Калисъ, собственно подошелъ потомъ изъ Сичи, но онъ въ «томъ рэдунку» не былъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1715, св. 37, № 33.

если войско перемѣняло своего начальника до положеннаго срока то, очевидно, тому предшествовала цѣлая буря.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 23 числа, новый кошевой атаманъ и все запорожское войско, съ дозволенія крымскаго хана, «сординовали», при присланныхъ изъ Крыма татарахъ, къ гетману Скоропадскому двухъ козаковъ, Ивана Портынскаго да Степана Решетила, для розыска убытковъ и грабежей, причиненныхъ запорожскому войску отъ разныхъ жителей городовъ малороссійскихъ. Войсковымъ посланцамъ данъ былъ «истинный и праведный реестръ, гдѣ, кого и съ якою худобою въ городахъ и въ полю забрано, и якъ много утраты на худобахъ товариство въ состояннн сего мира отъ старшины рейменту гетманской велможности и общихъ людей дознало». Войско и кошевой атаманъ просили гетмана всю «невинне» забранную худобу непременно пополнить и возвратить безъ «большой турбаци»¹⁾.

Обращаясь съ просьбой къ гетману Скоропадскому о возвращеннн захваченной малороссіянами козацкой «худобы», запорожцы въ это-же время «искали способа» для того, чтобы такъ или иначе вновь возвратиться «подъ руку царскаго священнѣйшаго величества» и осѣсть Кошемъ на старой Чортотмыцкой Сичѣ.

О такомъ намѣренн войска запорожскаго дошла вѣсть до «гетмана» Филиппа Орлика. Орликъ, осенью 1714 года, передъ праздникомъ Покрова, написалъ запорожцамъ изъ Адрианополя листъ и въ томъ листу предупреждалъ козаковъ, чтобы они не склонялись ни на какія прельщенн и оставались въ томъ состоянн, въ какомъ и теперь находятся. Въ слѣдъ за тѣмъ о намѣренн запорожцевъ оставить новую Сичу Филипъ Орликъ сообщилъ пограничному разъѣздному бею и подалъ ему мысль отобрать у козаковъ на вѣрность Крыму присягу, послѣ чего позволить начальникамъ и неженатымъ запорожцамъ поселиться хотя и въ старой Сичѣ, а женатыхъ оставить въ Клызыкерменѣ, гдѣ они и раньше того жили. И точно: черезъ четыре недѣли послѣ полученн Орликова письма въ Сичѣ, въ Кошѣ прибылъ отъ пограничнаго разъѣзднаго бея какой-то крымскн толмачъ и потребовалъ, чтобы кошевой атаманъ и всѣ куренные атаманы ѣхали въ Каланчакъ для присяги, «жебы уже держалися протекци хана крымскаго и чтобы въ томъ не зрадили». Кошевой и атаманы, сообразивъ, что виновни-

¹⁾ Архивъ мнн. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1714, св. 86, № 42.

бомъ такого требованія былъ Филиппръ Оликъ, нашли нужнымъ поѣхать къ бею, но однако положили между собой совѣтъ такъ или иначе отказаться отъ присяги, выставивъ на видъ ту причину, что все войско запорожское разошлось за добычей, безъ войска-же ни кошевому, ни атаману «нелзя правѣй присягати» ¹⁾).

Увернувшись отъ присяги Крыму, кошевой атаманъ Василій Лосифовъ и «старое товариство» въ наступившемъ 1715 году отправили изъ Сичи въ городъ Глуховъ, черезъ писаря Роголю, новый листъ къ вельможному гетману съ просьбой «чинить наилучшѣйшее стараніе и заступленіе о полученіи за нихъ проступокъ прощенія и о принятіи въ прежнюю милость и прихильность войска запорожского подъ державу царского величества».

Полученный листъ гетманъ Скоропадскій направилъ въ столицу съ личнымъ отъ себя запросомъ, какъ поступить ему «со оними запорожцами». Къ новой петиціи запорожцевъ гетманъ присовокупилъ отъ себя просьбу о дозволеніи малороссійскимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ ѣздить съ товарами въ Крымъ и ходить на полевые рѣчки за рыбною и звѣриною добычей, а вмѣстѣ съ малороссіянами просилъ дозволенія пропускать на Украину и сичевиковъ, тѣхъ, которые будутъ приходить изъ Запорожья съ рыбой и съ солью къ Днѣпру.

На такую просьбу послѣдовалъ изъ Петербурга царскій указъ февраля 10 дня. Въ томъ указѣ говорилось, что его императорское величество отпускаетъ вины и соизволяетъ принять подъ свою державу только тѣхъ козаковъ, которые повинились въ своихъ поступкахъ, и если таковые изъ нихъ пожелаютъ оставить турецкія области и придти въ російскую державу, то селить ихъ въ мѣстахъ, гдѣ кто родился, и всячески обнадеживать, что такіе не подвергнутся никакимъ наказаніямъ и въ ссылку не будутъ сосланы; напротивъ того, старшины такихъ козаковъ получать «знатные уряды», смотря по полкамъ, состоянію и вѣрности. Принять-же запорожцевъ съ землей, на которой они живутъ, въ подданство и дозволить имъ жить своимъ Кошемъ въ старой Сичѣ, вслѣдствіе мирнаго постановленія между Россіей и Турціей, нелзя, потому что старая Сичъ, по домогательствамъ самихъ-же запорожцевъ у турецкаго султана, уступлена туркамъ. Торговымъ-же малороссійскимъ людямъ, ѣдущимъ съ «незаповѣдными» товарами

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мах. дѣла, 1714, св. 36, № 44.

въ Крымъ, и крымцамъ, ѣдущимъ со своими товарами въ Малую Россію, препятствій не дѣлать никакихъ. Только запорожцевъ и козаковъ измѣнниковъ ни съ товарами, ни съ какими дѣлами въ Малую Россію не пропускать, также и малороссіянамъ съ товарами и съ добычею въ Запорожье ходить не позволять и ѣдущимъ въ Крымъ сдѣлать наказъ, чтобы они, подъ страхомъ жестокаго наказанія и лишенія всего имущества, не заѣзжали къ запорожскимъ козакамъ; а самимъ крымцамъ объявить, чтобы они, отправляясь въ Малую Россію, измѣнниковъ запорожцевъ и козаковъ съ ихъ товарами отнюдь не смѣли съ собою брать. Самому гетману, безъ царскаго указа, съ измѣнниками запорожцами никакой переписки не имѣть и на письма ихъ не отвѣчать, а всѣ письма ихъ, въ подлинникахъ, въ столицу отсылать и у себя только списки (коші) съ нихъ оставлять. Въ случаѣ-же какихъ-либо ссоръ съ турецкой стороны или въ случаѣ нанесенія отъ запорожцевъ малороссійскимъ людямъ какихъ-либо обидъ, о томъ немедленно кievскому губернатору, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сообщать ¹⁾.

О результатѣ просьбы запорожцевъ первый извѣстилъ Скоропадскаго кievскій губернаторъ князь Голицынъ, временно находившійся въ то время въ Петербургѣ. Онъ писалъ гетману, что ему посланъ съ наставленіемъ указъ, какъ держаться относительно запорожскихъ козаковъ. Очевидно князь Голицынъ хотѣлъ предупредить Скоропадскаго о томъ, чтобы онъ немедленно-же воспретилъ жителямъ малороссійскихъ городовъ сносіться съ запорожскими козаками согласно волѣ государя.

Но то, что легко было предписать на бумагѣ, весьма трудно было исполнить на дѣлѣ. Такъ, когда гетманъ Скоропадскій, получившій царскій указъ, сталъ приводить его въ исполненіе, то-есть потребовалъ отъ купцовъ, ѣздившихъ изъ Малороссіи въ Крымъ и возвращавшихся изъ Крыма въ Малороссію, чтобы они объѣзжали запорожскую Сичу и не давали запорожцамъ никакой платы отъ своихъ товаровъ, то запорожцы начали жестоко мстить за то малороссійскимъ купцамъ. Одинъ разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, они напали на китаягородскихъ людей, ѣздившихъ въ Крымъ за купецкимъ промысломъ и возвращавшихся назадъ съ товарами:

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 1, Записки одес. общ. исторіи и древностей, XIV, 283—285; Судіенко, Матеріалы, Киевъ, 1855, II, 86, 67, 77, 79.

наскочивши на нихъ въ то время, когда они только что переправились черезъ рѣку Самарь, у урочища Шести-Колодезей, запорожцы нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, нѣкоторыхъ поранили, а все добро ихъ разграбили, и напрасно послѣ того кошевой атаманъ посылалъ свой универсалъ въ Самарь до северюка объ унятіи своевольцевъ, своевольцы попрежнему предавались грабѣжамъ. Въ другой разъ наскочили запорожцы на майданъ ополчанскихъ селитренниковъ, надъ рѣчкою Ушивую, разнесли тамъ всѣ строенія и все, что можно было, пограбили, а оттуда бросились подъ города полтавскаго полка, и хотя во время этого набѣга трое изъ грабителей были пойманы, за то остальные, насколько не унимаясь, намѣревались сдѣлать набѣгъ на слободскіе города. И всѣ тѣ разоренія и грабежи, которые запорожцы чинили по дорогамъ промышленнымъ людямъ, стали послѣ царской грамоты (февраля 10 дня) и крѣпкаго гетманскаго приказа, запрещающихъ украинцамъ сноситься съ Запорожьемъ. Согласно такимъ приказамъ, полтавскій купецъ Григорій Магденко, ѣздившій въ Крымъ за товаромъ, исходатайствовалъ было у ханскаго везира и у перекопскаго бей дозволеніе всѣмъ купцамъ стороны царскаго величества не заѣзжать до Сичи, чтобы не платить никакой пошлины запорожцамъ. У запорожцевъ даже отобранъ былъ Кызыкерменскій перевозъ, къ которому приставили татарина, для того, чтобы онъ, перевозя черезъ Днѣпръ купцовъ, не давалъ пользоваться отъ перевоза запорожцамъ. Однако, эти распоряженія скоро были отмѣнены. Когда крымскій ханъ ѣхалъ въ Бѣлгородчину, то къ нему явился кошевой атаманъ и снова выпросилъ у него Кызыкерменскій перевозъ въ пользу запорожскаго войска. Подтверждая такое обѣщаніе своимъ властнымъ письмомъ, ханъ сдѣлалъ въ немъ приписку о томъ, дабы тѣхъ изъ малороссійскихъ или изъ крымскихъ купцовъ, которые ѣхали до Крыма или возвращались изъ него и не представлялись кошевому атаману, безъ уплаты денегъ, не перевозить черезъ перевозъ. Послѣ того запорожцы, снова отобравъ, по ханскому письму, въ свои руки, Кызыкерменскій перевозъ, всѣхъ ѣхавшихъ къ нему, стали отсылать насильно въ Сичь, и тогда сколько кошевой атаманъ напишетъ перевезти воевъ, столько и перевозили ихъ, безъ письма-же кошевого вовсе никого не перевозили черезъ Днѣпръ. Кошевой давалъ отъ себя для конвой проводниковъ, и купцы всякому провозжатоу должны были платить по 10 талеровъ отъ себя. Когда-же

малороссійскіе купцы, избѣгая Кызыкерменскаго перевоза, дѣлали кругъ въ нѣсколько миль степью лѣвой стороны Днѣпра, то запорожцы настигали ихъ вблизи рѣки Самары и разграбляли всѣ ихъ товары и добро.

Не рѣшаясь лично предпринять никакихъ мѣръ противъ нападений со стороны запорожцевъ, гетманъ Скоропадскій обратился сперва съ запросомъ по этому поводу къ кievскому губернатору князю Голицыну, а потомъ, по совѣту послѣдняго, написалъ письмо къ графу Гавріилу Ивановичу Головкину съ просьбой прислать ему инструкцію, какъ поступать съ «ворами», и вмѣстѣ съ тѣмъ написать о дѣйствіяхъ ихъ крымскому хану, особенно-же просить объ отобраніи у нихъ Кызыкерменскаго перевоза ¹⁾).

Но крымскій ханъ Капланъ-Герай далеко былъ въ то время отъ всякой мысли о томъ, чтобы вредить запорожцамъ; напротивъ того, онъ, гдѣ могъ, старался ходатайствовать за нихъ. Такъ, въ это время онъ писалъ за какихъ-то запорожцевъ, купившихъ себѣ на собственные деньги земли подъ городомъ Чигириномъ, польскому гетману Синявскому и просилъ его оказать имъ, въ случаѣ нужды, всякое вспоможеніе ²⁾). Въ какихъ собственно видахъ, какіе именно изъ запорожцевъ ушли изъ Крыма подъ Чигиринъ и почему за нихъ хлопоталъ самъ ханъ, осталось неизвѣстнымъ, но это обстоятельство, въ связи съ другими, даетъ поводъ думать о томъ, что ханъ оказывалъ вниманіе запорожскому войску.

Сами малороссіане, не смотря на крѣпкіе царскіе и гетманскіе приказы, пользуясь тайными урочищами въ разныхъ мѣстахъ, почти непрерывно проходили цѣлыми купами, изъ городовъ въ Запорожьѣ, по сто, по двѣсти, по триста человекъ, и тѣмъ самымъ вызывали новыя мѣры со стороны надлежащихъ властей, кievскаго губернатора князя Голицына и гетмана Скоропадскаго, для прекращенія сношеній между Запорожьемъ и Малороссіей. Одинъ козакъ миргородскаго полка, по фамиліи Корней Федоренко, долго находившійся въ Запорожьѣ, пришелъ изъ Сичи на Украйну и изъ Украйны снова ходилъ, съ вѣдома миргородскаго полковника, въ Сичу будто-бы для отысканія тамъ какихъ-то вещей своихъ. По этому поводу гетману Скоропадскому предписано было козаковъ, бывшихъ на Запорожьѣ, потомъ повинившихся и посе-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 2.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 8.

ленныхъ на Украинѣ, отнюдь и не подѣ какимъ видомъ ни въ крымскія, ни въ турецкія области, не пускать ¹⁾. Большею частію царскія приказанія нарушались малороссійскими торговцами, которые ѣздили въ Запорожье по разнымъ торговымъ дѣламъ и вывозили оттуда волошскіе орѣхи, соль и рыбу, сами-же отвозили горючку, табакъ и борошно ²⁾.

Между тѣмъ въ самой Сичѣ уже давно образовалась партія козаковъ, которая была недовольна жизнью подѣ властію крымскаго хана и искала случая, во что бы то ни стало, испросить прощенье у русскаго государя и снова вернуться на пепелища къ Скарбной и къ Чортомлыку. Во главѣ этой партіи стоялъ Иванъ Малашевичъ, вновь выбранный кошевымъ атаманомъ. Считаая самымъ сильнымъ, послѣ гетмана, человекомъ миргородскаго полковника Данила Апостола, управлявшаго въ то время пограничнымъ съ Запорожьемъ краемъ, Малашевичъ, мая 8 числа, 1716 года, съ Коша ³⁾ написалъ Апостолу горячее, въ высокомъ стилѣ, письмо и «слезно» просилъ его быть благимъ и милосердымъ къ запорожскому войску, которое «покрывается волнами совѣсти душъ своихъ, познаетъ свой грѣхъ и вину противко истиннѣ своего прародительнаго христіанскаго монарха, которое не желаетъ въ той злости волненій пограбнуть и имѣть простую нечестную (т. е. нехлестивую) и ошуканливую ⁴⁾ мысль подклонитися до его царскаго величества державы»; усердно молилъ милостиваго пана и добродѣя принять посылаемый листъ и узнать черезъ гетманскую вельможность, прекратился-ли гнѣвъ палящій царскаго величества на запорожское войско или все еще и по настоящее время продолжается. «О себѣ, буду-ли я живъ или умру, я не думаю, но я зѣло скорблю за войско наше, абы отъ гнѣва царскаго не погибло, и того ради вашей панской милости съ нашею убогою совѣстію перво открившися о милосердіе (-діи) прошу: будь отпемъ, а не губителемъ, и не уведи у пагубу, но изъ погибели изведи, ся есть: аще его царскаго величества до насъ милость есть и винамъ нашимъ окажется ослаба, упевняя насъ, а сей листъ нашъ,

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 241.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 88, № 21.

³⁾ Во всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ письмахъ кошевые подписываются съ «Коша» безъ обозначенія на какомъ именно мѣстѣ.

⁴⁾ Oszkac — съ польскаго на русскій «обманывать, оболгать, надувать».

никому не довѣряя кромѣ ясневелможного пана гетмана, у себя имѣй; мы полагаемся съ цѣлыми душами нашими на совѣсть душъ панскихъ вашихъ, абы вы не довели насъ до згубы» ¹⁾.

Прождавши напрасно отвѣта отъ полковника Апостола въ теченіе пяти съ половиной мѣсяцевъ, кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ рѣшился повторить свою просьбу и послать ее уже не Апостолу, а самому гетману Скоропадскому. Это письмо написано было еще трогательнѣе и еще торжественнѣе, нежели письмо къ миргородскому полковнику Апостолу. «Слышали мы, атаманъ кошовій войска запорожского низового, отъ читающихъ божественное святое евангеліе, что въ немъ Христось—истина поучаетъ не гнушаться приходящихъ къ нему грѣшниковъ отрывенныхъ своея благодати и человеклюбія». Уповая на Христа сына божія и на пресвятую дѣву Марію, божію родительницу, кошевой атаманъ и войско запорожское, поливая стопы рейментарской милости, молили со слезами панскую вельможность, милостиваго пана и добродѣя, какъ ближайшаго секретаря тайнъ царскихъ, не презрѣть гласа запорожцевъ, согрѣшившихъ передъ царскимъ величествомъ, отвергнувшихъ его благодати и много нагрубившихъ рейментарской милости. «Воспріими, яко отецъ небесный, исповѣданіе вины и прозбы нашої и аще будетъ возможно, а вашой панской милости угодно, сей нашъ смиренный совѣтъ и преподлѣйшее хотѣніе его царскому пресвѣтлому величеству доноси и неиначей, яко и Христось на крестѣ блаженному разбойникови возгласи: днесъ съ нами синамы восточного благочестія Великія и Малыя Россіи будете въ рай, си есть: обратилъ Господь царское сердце въ милость пріяти къ намъ до его царской держави». Все запорожское низовое войско усердно просило милостиваго государя излить на него щедрость и вернуть ему прежнія для обитанія мѣста, потому что на иное мѣшканье, т. е. въ малороссійскіе города, оно, съ низу Днѣпра и всѣмъ своимъ составомъ не побѣдетъ, хотя отдѣльнымъ лицамъ, желающимъ идти въ города, не забороняетъ пути. Пусть всемилостивый государь и свою грамоту на то дастъ и ею всѣ вольности и всѣ, какія были, пространства, закрѣпитъ и ничего, что положено и утверждено отъ первѣйшихъ благочестивыхъ монарховъ, не отнимаетъ у нихъ. За ту милость всѣ запорожскіе низовые козаки обѣщаютъ царскому величеству

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716 св. 38, № 37.

усердно служить и вѣрность ему свою содержать. «Тилко о семь, велможный пане, зъ милости вашой рейментарской взявши певность ¹⁾ о милосердію царскомъ (чи приняты будемъ въ державу его царского пресвѣтлого величества, или оминеть насъ тое отъ его царского величества всероссійского пресвѣтлѣйшого нашего монархи) намъ, атаману кошовому, не скрываючи, изяви скоро-скоро, понеже мы, кошовый, аще милость царского величества всероссійского нашего монархи чрезъ вашу велможность мнѣ подастся упевняющая грамотою въ днѣпровыхъ черняхъ мѣшканья нашего и подтверждающая права и волности наши войсковіи, яковіи внасъ отъ первыхъ антecessоровъ благочестивыхъ монарховъ и отъ самого его царского пресвѣтлого величества бывали, на нашу душу кошовую все войско, гдѣ есть наше, подвигну, кгдажъ часовъ сыхъ не есть вкупѣ, но и на часты разорвано по сторонахъ бесурменскихъ, еднихъ волною волею, а другихъ и не хотячихъ, я привлеку до поклоненія царской державѣ, аще мя Богъ на срой власти и въ живыхъ задержать».

Изложивъ всю свою просьбу, кошевой атаманъ «покорно-покорно» просилъ велможнаго гетмана дать ему или черезъ письмо или черезъ певнаго и подуфалаго ²⁾ человѣка, соблюдая строгую тайну отъ татаръ, скорый отвѣтъ на милость или не милость царскую, и заканчивалъ свое письмо такъ: «Нѣби (подобно тому какъ) израилтяны отъ Египта въ землю обещанную, въ державу царского величества изыйти желаніе имѣемъ и доземной нашъ поклонъ вашей панской милости воздаючи пребываю вашой панской велможности милостивому нашему пану отцу и благонадежному добродѣви всего добра истлѣй обрѣтатель и поволный слуга и подвожокъ Иванъ Малашевичъ атаманъ кошовый войска запорожского низового з Коша низового октовріа 14, року 1716» ³⁾.

Не дождавшись отвѣта и отъ гетмана Скоропадскаго, кошевой атаманъ черезъ 10 дней послѣ написанія своего листа написалъ въ тѣхъ-же словахъ листъ миргородскому полковнику Данилу Апостолу ⁴⁾.

¹⁾ Ревновс съ польскаго на русскій значитъ достовѣрность, подлинность, твердость.

²⁾ Podufaly или roufaly съ польскаго на русскій значитъ коротко знакомый, дружный, пріятельскій.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 37.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 37.

Во все это время кошевой атаманъ Малашевичъ всѣми силами старался удерживать запорожцевъ отъ нанесенія какой-бы то ни было обиды подданнымъ русскаго царя и когда осенью означеннаго года какіе-то козаки Паско да Стецко, бывшіе запорожскіе «товарищи-караванчики», разграбили какой-то караванъ, то запорожцы «тотъ караванъ съ великою бѣдою и тяжестью отбыли войскомъ, установивъ отъ вѣка небывалую на все въ теченіе цѣлаго года аренду» и такимъ образомъ заплатили за нихъ «тысячей золотыхъ девять сто таларовъ и тридцать» ¹⁾).

Всѣ письма кошевого атамана Малашевича доставлены были въ Москву, но было-ли о просьбѣ его доведено до свѣдѣнія государя—неизвѣстно. Самъ государь въ то время находился въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ и января 8 дня, 1717 года, далъ гетману Ивану Скоропадскому такого рода инструкцію по поводу его запроса, набирать-ли въ русскіе полки запорожскихъ козаковъ или-же не набирать: «А что требуете вы нашего указа о запорожцахъ, тѣхъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ пришли и вины свои намъ, великому государю, принесли, и по нашему указу повелено оныхъ распустить и жить имъ позволить въ Малой Россіи у свойственныхъ своихъ. Но что изъ нихъ тѣ, которые свойственниковъ своихъ не имѣютъ и стоятъ даромъ по квартирамъ, а удобны явятся въ службу охочую, въ сердюки, прибирать-ли тебѣ оныхъ въ ту службу, и мы, великій государь, наше царское величество, оныхъ, яко бывшихъ въ явной противъ насъ измѣнѣ, и всегдашнихъ самовольниковъ и легкомысленныхъ, въ службу сердюцкую прибирать тебѣ, подданному нашему, не повелѣваемъ, понеже отъ оныхъ вѣрной службы намъ уповать и впредь нечего, но опасаться великаго худа: А ежели потребно тебѣ, подданному нашему, прибрать въ сердюцкую службу, то соизволяемъ мы, великій государь, наше царское величество, тебѣ, подданному нашему, выбрать изъ вѣрныхъ и въ измѣнѣ неприличившихся, въ ту службу годныхъ, козаковъ; а тѣхъ запорожцевъ мочно тебѣ употреблять въ какую работу и домашнюю службу, ежели оныя подъ городомъ гдѣ жилища себѣ воспріять и на грунтахъ жить не похотятъ и сыскать себѣ пропитанія не могутъ» ²⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 88, № 87.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, 1847, III, 114.

При всемъ томъ неутомимый кошевой Малашевичъ нисколько не уставалъ въ своихъ просьбахъ и въ июлѣ мѣсяцѣ 1717 года вновь обратился къ гетману Скоропадскому и къ полковнику Апостолу съ прошеніемъ объ исходатайствованіи запорожскому войску у государя прошенія и о дозволеніи ему поселиться «на первобытномъ мѣстѣ» съ укрѣпленіемъ за нимъ всѣхъ милостей, которыя были дарованы козакамъ «отъ первѣйшихъ монарховъ и отъ его царского пресвѣтлого величества». «Не хотимъ мы въ злобѣ бѣсовской и въ части Іюдиного отчаянія заставати, а хотимъ вины и грѣха нашего, имъ-же Бога и его царского пресвѣтлого величества маестать изгубили, каятися истинною... Все (всѣ) мы радостно отъ протектора нашего, хана крымского отступимъ, а принесши вѣрность нашу, яко-же евангельская вдова и праведный Авель Господу дары, доживотне восточному нашему истинному государю и ясневелможному его милости пану гетману всѣмъ милостямъ панамъ служитемемъ безъ всякой превратности» ¹⁾.

Но ни отъ гетмана Скоропадскаго, ни отъ полковника Апостола попрежнему отвѣта никакого не было, и кошевой атаманъ Малашевичъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе лавировать между Крымомъ и Россіей. Съ одной стороны кошевой, какъ подданный крымскаго хана, долженъ былъ дѣйствовать въ его пользу и во вредъ русскаго царя; съ другой стороны, домогаясь получить позволеніе вернуться на прежнія мѣста жительства, кошевой долженъ былъ втайнѣ содѣйствовать видамъ русскаго царя. Въ такомъ именно положеніи очутился Малашевичъ во время столкновенія донцовъ и калмыковъ съ партіей запорожцевъ. Партія запорожскихъ козаковъ, въ числѣ 70 человекъ, подъ предводительствомъ какого-то Алистрата ²⁾, отправилась послѣ праздника Петра и Павла, къ Великому-Дугу и къ рѣкѣ Московкѣ. Тамъ на эту партію наскочили донцы и калмыки и, кромѣ самого Алистрата, истребили ее на мѣстѣ. За запорожцевъ выступилъ было мстителемъ какой-то крымскій салтанъ: собравшись цѣлою ордой, онъ хотѣлъ было идти въ землю донскихъ козаковъ и въ слободскіе города, куда и кошевому атаману приказалъ съ выборнымъ товариществомъ слѣдовать за собой. Но кошевой, встрѣтивъ сал-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.

²⁾ Можетъ быть, того самого, который раньше называется кошевымъ Алистратенкомъ и дѣйствовалъ въ 1711 году на рѣкѣ Самарѣ противъ русскихъ городковъ.

тана съ подобающею честью, сталъ совѣтовать ему отложить походъ, упирая на то, что это будетъ противно мирнымъ трактатамъ между Турціей, Крымомъ и Россіей. «Да этого, говорилъ кошевой, и въ дѣло нечего ставить, потому что тутъ своевольники погромили своевольниковъ; къ тому-же наши своевольники, которыми мы, согласно ханскимъ указамъ, неоднократно запрещали, все-таки ходятъ тамъ и больше шкуютъ, нежели они нашимъ». На такой совѣтъ крымскій салтанъ, успокоившись, замѣтилъ, что если самъ кошевой не жалуется своихъ людей, то и онъ, хотя и считалъ своимъ долгомъ отомстить за нихъ, потому что татары обязаны стоять за запорожцевъ, какъ за своихъ гостей, откладываетъ свое намѣреніе и немедленно возвращается назадъ; однако, для подлинной вѣдомости о томъ, сколько побито было въ названныхъ мѣстахъ людей, посылаетъ 150 человекъ татаръ и 17 человекъ козаковъ. Самъ кошевой считалъ виновниковъ столкновенія запорожцевъ съ донцами одного лишь, котораго и хотѣлъ подвергнуть наказанію, Алистрата, за его дѣла, но и этому ничего не могъ сдѣлать, потому что Алистратъ находился въ дружбѣ съ татарами и всегда водилъ съ ними веселыя попойки.

Независимо отъ этого кошевой Малашевичъ испытывалъ и другія затрудненія вслѣдствіе своего двусмысленнаго положенія. Такъ, къ нему обращался очаковскій паша Гаметъ съ запросомъ, вѣрна-ли та вѣсть, которая донеслась до него съ московской стороны, а именно вѣсть о томъ, будто русскій фельдмаршалъ Шереметевъ, стянувъ свои войска изъ Польши, имѣетъ намѣреніе идти подъ городъ Азовъ. Паша просилъ кошевого, если онъ знаетъ объ этомъ что-нибудь вѣрное, сообщить ему подлинныя вѣсти. и онъ, похваляя пріятельство его, объявить о томъ великому везиру и своему «царю» ¹⁾).

Но взоры кошевого по-прежнему обращены были не къ турецкому, а къ русскому царю. Кошевой все еще не терялъ надежды получить отвѣтъ отъ русскаго государя на свои слезныя посланія; тѣмъ болѣе, что между запорожцами въ то время «пронеслось эхо» о томъ, будто-бы для нихъ заготовлена царская грамота, находящаяся пока у губернатора князя Дмитрія Михайловича Голицына въ городѣ Кіевѣ.

Слухъ этотъ, однако, не оправдался. Въ началѣ августа мѣ-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.

сяца къ кошевому Малашевичу прибылъ съ словеснымъ отвѣтомъ на его листъ козакъ миргородскаго полка Семень Сиса. Каковъ былъ тотъ отвѣтъ — неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ кошевой Малашевичъ былъ сильно опечаленъ тѣмъ, что не получилъ на свои листы письменнаго отъ полковника Апостола отвѣта и выговаривалъ Сисѣ за то, что онъ, сколько разъ уже прѣзжалъ къ запорожцамъ, а на письмѣ никакого отвѣта не привозилъ и только одними словами ихъ утѣшалъ. «А если-бы милостивая его царскаго пресвѣтлаго величества таковая къ намъ была прислана грамота, которою-бы мы могли надѣючися певне милости монаршей сердца свои увесилити, же будетъ, колвекъ хотя колко лѣтъ изождавши, подъ державу его-жь царскаго величества приняты и по-прежнему при содержаніи давныхъ правъ войсковыхъ съ Кошемъ у Днѣпра найдоватися, то я-бы и ишее товариство, между якимъ хочай уже нѣкоторые и суть со мною единого совѣту, оную для увѣренія вычитуючи предъ ними до единомыслного наклонялъ согласія, а легкомысленниковъ отъ злости, якую они обыкли выполняти, повстягалъ, аже-бы всему товариству снявшия съ Коша, пойти на Украину для мѣшканья, то трудно мнѣ то учинити, чего и нашему товариству, же-бы то не пронеслося, и объявити опасно» ¹⁾).

Напрасны были всѣ старанія кошевого: царь Петръ Алексѣевичъ попрежнему далекъ былъ отъ того, чтобы перемѣнить въ отношеніи запорожцевъ свой гнѣвъ на милость. Еще въ самомъ началѣ іюля мѣсяца канцлеръ графъ Гавріиль Ивановичъ Головкинъ, находившійся въ то время въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ, на доношеніе гетмана Ивана Скоропадскаго о просьбѣ запорожцевъ принять ихъ въ подданство россійскаго монарха отвѣчалъ ему такъ: «Что принадлежитъ о запорожцахъ, которые паки къ вашей вельможности и къ господину полковнику миргородскому отзываются, прося, дабы имъ позволено было жить при Днѣпрѣ, то на сіе нынѣ времени не имѣемъ къ вашей вельможности отвѣтствовать, понеже надѣмся въ скорыхъ числахъ возвратиться въ Санктпетербургъ, откуда о томъ надлежащее опредѣленіе прислано къ вамъ объ нихъ будетъ; а между тѣмъ теперь ссылаюся о томъ на прежніе его величества именныя указы, къ вашей вельможности объ нихъ прежде сего отправленные» ²⁾).

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 260.

Но и изъ Петербурга на просьбу кошевого Малашевича никакого отвѣта не послѣдовало. Только изъ Москвы тотъ-же графъ Головкинъ сдѣлалъ гетману Скоропадскому запросъ о запорожцѣ Федорѣ Леонтьевѣ, пріѣзжавшемъ ко двору государя во время Мазепиной измѣны отъ имени запорожскихъ козаковъ съ обещаніемъ быть въ вѣрности царскому величеству, но задержанномъ въ Москвѣ: «И я вашей вельможности предлагаю, ежели онъ подлинно такой человекъ и въ явной измѣнѣ не былъ, отпустить его изъ Москвы на Украину»¹⁾.

Отказы кошевому атаману со стороны царя попрежнему несколько не мѣшали сношеніямъ запорожцевъ съ малороссианами, главнымъ образомъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ. Запорожскіе купцы по-прежнему проникали изъ Сичи въ Малороссію и изъ Малороссіи пробирались даже въ Москву, вездѣ находя себѣ пріютъ и тайное сочувствіе со стороны разныхъ лицъ. Такъ, въ 1718 году нѣкто Токаръ, запорожскій торговый человекъ, немалое время проживалъ на подворьѣ спасскаго попа Святайла ради своихъ промысловъ. Его пребываніе у Святайла открыто было только тогда, когда онъ выгналъ изъ святайллова хутора, Коломацкаго, въ запорожскую Сичь, и на него напалъ полевой сторожъ «давній злодіюка», Коляда, забравъ все его добро — возъ, коней и стоившій 80 талеровъ товаръ. Другой запорожскій купецъ, по фамиліи Горбъ, торговавшій всегда въ Сичи «на коморѣ», переѣхалъ изъ Запорожья въ Полтаву и изъ Полтавы пробрался въ Москву, гдѣ получилъ для купеческихъ промысловъ отъ бывшаго тамъ обознаго полтавскаго полка Нащинскаго 1,000 талеровъ, на которые накупилъ себѣ товару и съ тѣмъ товаромъ вернулся въ Полтаву на артиллерійскихъ полтавскихъ коняхъ. Такъ объ этомъ доносилъ въ Полтаву князю Бабичеву капитанъ Гороховъ: «Для того и существуетъ жестокой царского величества указъ, чтобы никто изъ вѣрноподанныхъ монаршихъ не сносился съ запорожниками, ни съ какими въ запорожскую Сичу товаромъ не ѣздилъ и никакихъ туда гандіювъ не дѣлалъ... Отъ чего теперь и моровая язва усилилась, какъ не отъ того воровства. Когда возьмутъ къ розыску названныхъ выше Коляду, Горба и хлопца Токареваго (т. е. хлопца, бывшаго съ запорожцемъ Токаремъ), тогда много чего о ворахъ могутъ отыскать»²⁾.

¹⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 263.

²⁾ Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 470—472.

Но запорожцевъ одни сношенія съ Малороссіей по торговымъ дѣламъ, не удовлетворяли, и въ 1718 году они вновь послали, черезъ полковника Апостола, челобитную царю и письмо гетману съ просьбой о дозволеніи вернуться имъ на родныя мѣста, и такъ какъ въ тѣ поры (въ ноябрѣ мѣсяцѣ), въ Крыму и въ Запорожьѣ былъ моръ на людей, то гетманъ отправилъ къ царю не самую челобитную, а копию съ нея при собственной отпискѣ своей ¹⁾).

Съ наступленіемъ 1719 года запорожцы еще съ большею настойчивостью стали добиваться возвращенія на свои прежнія мѣста. Въ этомъ году въ Крыму «учинился» новый ханъ Саадатъ-Герая. Въ январѣ мѣсяцѣ отъ Саадатъ-Герая прибылъ посолъ въ Переволочну самъ-треть и съ однимъ запорожскимъ козакомъ. Въслѣдствіе свирѣпствовавшего въ Запорожьѣ на людей мора, ханскій посолъ, проѣзжавшій черезъ Сичь, былъ задержанъ противъ Переволочны, у праваго берега Днѣпра, и только по прошествіи долгаго времени отпущенъ въ Глуховъ для врученія гетману ханскаго письма. Ханское письмо, распечатанное и окуренное въ дымъ, отправлено было къ царю, самъ-же посолъ задержанъ въ Глуховѣ у гетмана. По объявленію посла, онъ присланъ изъ Крыма къ гетману съ тѣмъ, чтобы объявить объ учиненіи въ Крыму новаго хана Саадатъ-Герая, брата прежняго хана Капланъ-Герая. Новый ханъ хочетъ содержать постановленный между Крымомъ и Россіей миръ ненарушимо, и какія чинили запорожцы своевольства или впредь будутъ чинить, таковыхъ обещаетъ карать смертию, а о моровой язвѣ заявляетъ, что въ Крыму и въ Сичи ея уже нѣтъ ²⁾).

И выборъ новаго хана и посольство, отправленное имъ въ Россію, сильно встревожили запорожцевъ. Если всякая переимѣна правленія принимается массою съ опасеніемъ за существующій порядокъ въ государствѣ, за собственное спокойствіе и за благосостояніе личныхъ благъ, то тѣмъ въ большей степени это обстоятельство подѣйствовало на запорожцевъ, и съ тѣхъ поръ они съ особеннымъ рвеніемъ стали простираť свои руки къ русскому государю.

А между тѣмъ на самихъ запорожцевъ въ это-же время жадно обращалъ свои взоры гетманъ безъ булавы, Филиппъ Орликъ. Вы-

¹⁾ Записки одес. общ. исторіи и древностей, V, 842.

²⁾ Записки одес. общ. исторіи и древностей, V, 842.

бранный въ Бендерахъ, въ замѣнъ Мазепы, гетманомъ, Филиппъ Орликъ, вмѣстѣ съ собственной женой и дѣтьми, съ генеральнымъ бунчужнымъ Ѳедоромъ Мировичемъ ¹⁾, Ѳедоромъ Нахимовскимъ и собственнымъ зятемъ, генеральнымъ асауломъ Григоріемъ Герцикомъ и другими лицами, послѣ удаленія Карла изъ Турціи, уѣхалъ въ Швецію и поселился въ Христіанштадтѣ. Находясь въ Швеціи, Орликъ всё свои силы употреблялъ нъ то, чтобы составить союзъ европейскихъ державъ во главѣ со Швеціей противъ Россіи. Со смертью Карла XII (въ 1718 году) Орликъ и его товарищи изъ Христіанштадта переехали въ Стокгольмъ и нашли тамъ пріютъ у преемницы Карла XII, Ульрики-Элеоноры.

Проживая въ Стокгольмѣ, Филиппъ Орликъ вступилъ въ переписку съ запорожскимъ войскомъ, и первое его письмо, дошедшее изъ Стокгольма въ Сичь, было написано декабря 8 числа 1719 года. Въ этомъ письмѣ Орликъ прежде всего извѣщалъ кошевого атамана и все старшее и меньшее товариство о смерти «вѣчно достойнаго и наяснѣйшаго» короля шведскаго Карла XII; затѣмъ высказывалъ скорбь по поводу громаднаго разстоянія, отдѣлявшаго его отъ низовыхъ козаковъ; выражалъ свою любовь, пріязнь, зичливость и заботу объ ихъ судьбѣ и о судьбѣ всей Украйны; напоминалъ запорожцамъ о двукратномъ къ нимъ посланіи, о письмѣ своемъ къ крымскому хану Капланъ-Гераю съ просьбой къ его ханской милости взять запорожцевъ «въ особливую ласку, протекцію и опеку до пѣвнаго часу», объ отправкѣ нѣсколькихъ листовъ почтой на Шлѣнскъ, т.-е. Силезію, въ городъ Бреславль къ генераль-маіору Урбановичу съ передачей ихъ добрымъ молодцамъ на Сичу. Въ послѣднихъ листахъ извѣщалось добрымъ молодцамъ о томъ, что шведскій король Карлъ XII съ огромными силами войскъ, какихъ раньше у него не было никогда, рѣшилъ было переправиться на ту сторону моря, но внезапная смерть пресѣкла его намѣренія. Но если Богъ допустилъ смерть короля, то сдѣлалъ это для скорѣйшаго спокойствія, для прекращенія между людьми кровопролитія, зато для большей московской руины. Преемница короля, его родная сестра, Ульрика Элеонора, уже заключила миръ со всѣми своими врагами, польскимъ, прусскимъ и датскимъ королями, составила съ ними союзъ и тѣмъ получила помощь для войны съ русскимъ ца-

¹⁾ При Мазепѣ Мировичъ былъ генеральнымъ бунчужнымъ, при Орликѣ—генеральнымъ асауломъ.

ремь. Съ Элеонорой также вошли въ союзъ правительство голландское, христіанскій цесарь, французскій и англійскій король, которые стремятся и Порту турецкую подвинуть противъ Москвы. Всѣ названные христіанскіе монархи, видя, какъ Москва укрѣпилась на морѣ и на землѣ, какъ она стала всѣмъ страшна, составили между собой, въ помощь Швеціи, союзъ и рѣшили единодушно и безотлагательно, съ наступленіемъ весны, воеваться на сушѣ и на водѣ съ русскимъ царемъ. Въ виду этого и онъ, Орликъ, видя наставшее благопріятное время для вызволенія Малой Россіи изъ московскаго ярма, съѣхалъ изъ Христіанштадта въ Стокгольмъ, гдѣ находится уже въ теченіе 11 мѣсяцевъ при дворѣ шведской королевы и оттуда онъ сносится съ польскимъ королемъ ¹⁾).

Однако, и Ульрика-Элеонора недолго была королевой Швеціи: она уступила корону своему мужу, Фридриху, герцогу гессенъ-кассельскому, а сама ушла въ частную жизнь. Тѣмъ не менѣе запорожскіе козаки, узнавъ о смерти Карла и о вступленіи на престолъ Ульрики Элеоноры, послали послѣдней «благопріятный» листъ, въ которомъ, выразивъ свое сожалѣніе о преждевременной смерти славнаго короля, поздравляли Ульрику Элеонору съ принятіемъ скипетра. Въмѣсто королевы отвѣчалъ запорожцамъ, сентября 25 дня, король Фридрихъ I собственнымъ письмомъ, въ которомъ онъ выражалъ полную готовность оказывать запорожцамъ милость и склонность во всѣхъ ихъ вольностяхъ и дѣлахъ ²⁾).

Съ письмомъ Фридриха I посланъ былъ къ запорожцамъ Федоръ Нахимовскій, который отправленъ былъ собственно къ хану въ Крымъ, оттуда къ силистрійскому пашѣ въ Хотинъ и по пути долженъ былъ доставить королевское письмо запорожскимъ козакамъ. По прибытіи въ Сичъ Нахимовскій долженъ былъ словесно сообщить всему войску о разсылкѣ къ разнымъ монархамъ писемъ шведскаго короля, о тѣхъ пунктахъ, какіе написалъ Орликъ въ инструкцію королевскимъ посламъ и полномочнымъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра, о всѣхъ приготовленіяхъ и военномъ союзѣ, какой составляется европейскими монархами противъ русскаго царя и съ какими средствами союзники думаютъ въ предстоящее

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1720, св. 44, № 21; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 384.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 302; Исторія Малой Россіи 1822, IV, 256; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1842, IV, 354.

лѣто выступить на войну. Отправляя въ такой далекой путь своего посланца, Филиппъ Орликъ просилъ запорожскихъ козаковъ оказать ему помощь благополучно доѣхать въ Крымъ и изъ Крыма къ силестрійскому пашѣ для доставки королевскихъ листовъ.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Нахимовскимъ выѣхали изъ Стокгольма Григорій Герцикъ, Ѳедоръ Миновичъ и нѣсколько человекъ комиссаровъ отъ короля. До возвращенія Нахимовскаго изъ Крыма всѣ спутники его должны были оставаться въ городѣ Варшавѣ и хлопотать о привлеченіи польскаго короля къ союзу для борьбы противъ русскаго царя и о доставленіи запорожскому войску клейнотовъ отъ польскаго короля ¹⁾. Марта 19 числа генеральный асаулъ Ѳедоръ Миновичъ написалъ изъ Варшавы запорожскимъ козакамъ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ низовыхъ товарищей о томъ, что за смертію короля Карла XII, убитаго подъ Фридрихсгалемъ, всѣмъ украинцамъ стало «барзо трудно» въ Швеціи, почему они съѣхали въ Польшу. Пребывая тѣломъ въ Польшѣ, Миновичъ принадлежитъ душой и сердцемъ отчизнѣ, Малороссіи и Запорожью ²⁾.

Однако, въ Польшѣ малороссіянамъ-эмигрантамъ не было такъ безопасно, какъ въ Швеціи. Такъ одинъ изъ товарищей Нахимовскаго, Григорій Герцикъ, былъ арестованъ при варшавскомъ дворѣ русскимъ резидентомъ, княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, и отправленъ въ Россію. Что касается самого Нахимовскаго, то хотя онъ и избѣжалъ участи Герцика и даже успѣлъ съѣздить въ Крымъ, но успѣха въ своей поѣздкѣ не имѣлъ, и крымскій ханъ далъ ему такой отвѣтъ, что безъ соизволенія султана онъ отнюдь не будетъ воевать съ московскимъ царемъ.

Въ самой Сичѣ также далеко не всѣ готовы были поднять оружіе противъ русскаго царя, и первый открыто заявилъ о томъ кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ: «Вотъ видите, паны молодцы, что объ насъ и другіе государи стараются, но только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, но кто хочетъ, пусть идутъ куда угодно, а я ни съ мѣста не ворохнусь; пусть себѣ дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ—намъ надобно сидѣть тихо; а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ» ³⁾. Впрочемъ, между запорожцами нашлось немало лицъ, которыя иначе отне-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1720, св. 44, № 21.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1720, св. 44, № 21.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 384.

слись къ Филиппу Орлику: принявъ посланіе Орлика, они отвѣтили на него очень теплымъ письмомъ и вручили его Федору Нахимовскому для доставки въ Стокгольмъ гетману. Въ томъ письмѣ запорожцы признавали Орлика «притоманнымъ» своимъ вождемъ, выражали ему свою пріязнь и любовь и цѣнили его за то, что онъ ради «публичныхъ дѣлъ и общей пользы малороссійскаго народа удалился въ чужой полуночный край».

Отвѣтное письмо запорожцевъ застало Филиппа Орлика еще въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ оставался до 11 октября 1720 года. Орликъ нашелъ письмо вполне благопріятнымъ для себя и, желая принести истинную пользу своей отчизнѣ и всему малороссійскому народу, а также желая быть поближе къ запорожскому войску, оставилъ, съ королевскаго соизволенія, столицу Швеціи, Стокгольмъ, перебрался черезъ море и въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ силезскій городъ Бреславль. Передъ отъѣдомъ изъ Швеціи Орликъ выпросилъ у королевскаго величества нѣсколько писемъ до царскаго величества и до королей англійскаго и польскаго, до блистательной Порты оттоманской, до наяснѣйшаго хана крымскаго, до другихъ державныхъ особъ. Прибывши въ нѣмецкую землю. Орликъ нѣкоторыя изъ королевскихъ писемъ разослалъ по назначенію, имѣя цѣлью составить сильный союзъ монарховъ противъ русскаго царя. Изъ Бреславля онъ обѣщался пріѣхать въ Сичь и соединиться съ «добрыми молодцами, милой братіей своей». А пока просилъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ и кошевого атамана Ивана Пилипова отнюдь не слушаться ложныхъ московскихъ обѣщаній и свое мужественное сердце отъ нихъ отвращать, твердо помня о томъ, что когда, не дай Богъ, «непріятель» уловить войско запорожское своими прелестями и перетянетъ на свою сторону, то тогда козаки подлинно себя въ вѣчную неволю отдадутъ, и весь народъ погубятъ, и передъ цѣлымъ свѣтомъ свою слабость покажутъ ¹⁾.

Всѣ эти сношенія запорожцевъ съ королевой Ульрикой-Элеонорой, королемъ Фридрихомъ I и Филиппомъ Орликомъ странно вяжутся съ тѣми неотступными и слезными просьбами, съ которыми запорожцы обращались къ русскому царю о принятіи ихъ подъ протекцію Россію. Объяснить это можно только временнымъ на-

¹⁾ Вантышъ-Каменскій, Источники, 1857, II, 303; Исторія Малой Россіи, 1822, IV, 237; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1842, IV, 356—359.

строением запорожскаго войска и симпатіями новаго кошевого атамана Ивана Пилипова, который вѣроятно, въ совершенно иномъ духѣ вліялъ на нѣкоторыхъ изъ козаковъ, нежели Иванъ Малашевичъ, прежній кошевой атаманъ.

Сношенія запорожскихъ козаковъ съ Филиппомъ Орликомъ не остались тайной для царя Петра, и, назначая въ концѣ 1720 года, комендантомъ города Полтавы и крѣпости Переволочны полковника Скорнякова-Писарева, царь отдалъ приказъ, чтобъ «малороссіане на Запорожьѣ съ товарами и ни съ чѣмъ другимъ не ѣздили, а крымцы съ собой запорожцевъ не привозили; запорожцы, ни для чего въ города не пропускались, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить къ царю сами съ повинною» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1720, св. 45, № 65.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Нимфадтскій миръ Россіи съ Швеціей.— Уходъ Филиппа Орлика изъ Швеціи во Францію и изъ Франціи въ Турцію.— Уничтоженіе въ Малороссіи гетманства и введеніе малороссійской коллегіи.— Намѣреніе турецкаго султана идти войной подъ украинныя русскіе города и мѣры по этому поводу царя Петра.— Политика въ отношеніи запорожцевъ при пріемникахъ Петра.— Возвращеніе Малороссіи гетманства и просьбы запорожцевъ о дозволеніи имъ вернуться въ предѣлы Россіи.— Самовольное возвращеніе запорожцевъ на Чортомлыкъ.— Письмо врымскаго хана къ запорожцамъ, возвращеніе ихъ подъ протекцію хана и поселеніе при устьѣ рѣчки Каменни.— Показаніе козака Семена Безпалого, данное графу Борису Петровичу Шереметеву о состояніи войска запорожскихъ козаковъ въ Каменской Сичѣ, о числѣ всего войска, о занятыхъ имъ мѣстахъ и о промыслахъ его.

Напрасно Филиппъ Орликъ, желавшій освободить Украину «отъ ярма московскаго», возлагалъ свои надежды на Швецію. Пока живъ былъ Карлъ XII, Орликъ могъ, по крайней мѣрѣ, мечтать о томъ, что шведскій король скоро или нескоро составитъ коалицію западноевропейскихъ державъ и, ставъ во главѣ такой коалиціи, сломитъ силу гордаго своими успѣхами русскаго царя. Но Карлъ XII внезапно погибъ отъ пули неизвѣстнаго злодѣя, и тогда все значеніе Швеціи въ глазахъ Орлика исчезло. И точно, скоро послѣ смерти Карла Швеція, обезсилѣвшая отъ продолжительныхъ съ сосѣдями войнъ, подъ конецъ заключила съ Россіей, въ 1721 году, въ городѣ Нимфадтѣ, вѣчный миръ. Послѣ того Филиппу Орлику ничего другого не оставалось дѣлать, какъ навсегда покинуть Швецію, и онъ ушелъ изъ Швеціи сперва во Францію, а изъ Франціи удалился въ Турцію и поселился въ городѣ Салоникахъ. Теперь онъ всѣ надежды свои возложилъ на Турцію, рассчитывая возбудить ее противъ Россіи. Но расчеты Филиппа Орлика и здѣсь не оправдались. Послѣ окончанія великой сѣверной войны русскій царь, принявшій съ этихъ поръ титулъ императора, приобрѣлъ огромное значеніе въ западной Европѣ и сдѣлался полно-

властнымъ хозяиномъ у себя дома. Къ запорожскимъ козакамъ онъ попрежнему относился отрицательно и на всѣ ихъ просьбы о принятіи въ предѣлы Россіи со всѣмъ Кошемъ отвѣчалъ отказомъ. Въ Малороссіи Петръ учредилъ, мая 16 дня, 1722 года, такъ называемую малороссійскую коллегію, въ смыслѣ органа центральной власти, состоявшую изъ предсѣдателя и шести человекъ чиновъ штабъ-офицеровъ, и находившуюся въ городѣ Глуховѣ. Тщетно гетманъ Скоропадскій, лично ѣздившій въ новую столицу, хлопоталъ объ отмиѣнъ малороссійской коллегіи: онъ вернулся изъ Петербурга ни съ чѣмъ и въ іюль мѣсяцъ внезапно скончался тотчасъ по прибытіи на родину. Послѣ смерти Скоропадскаго кievскому губернатору князю Ивану Юрьевичу Трубецкому посланъ былъ указъ смотрѣть и провѣдывать тайно, чтобы у жителей Малороссіи не было пересылокъ съ запорожскимъ войскомъ, съ Филиппомъ Орликомъ и съ прочими измѣнниками. Съ тѣмъ-же предписаніемъ посланъ былъ указъ и командующему войсками на югъ генералъ-маіору графу фонъ-Вейсбаху ¹⁾. Для управленія Малороссіей назначенъ былъ наказной гетманъ, черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ, избраніе-же настоящаго гетмана отложено было на неопредѣленное время.

Такое положеніе дѣлъ въ Малороссіи лишало запорожскихъ козаковъ всякой надежды на возвращеніе къ своимъ роднымъ пещищамъ, и имъ оставалось одно—сидѣть въ днѣпровскомъ низовьѣ, подъ властью Крыма.

Въ это время русскій императоръ, закончивши продолжительную войну на западѣ и ставши прочною ногой у Балтійскаго моря, перенесъ свое вниманіе съ запада на востокъ, къ Каспійскому морю, и открылъ походъ въ кавказскія владѣнія Персіи. Походъ этотъ началъ былъ въ половинѣ лѣта 1722 года и продолжался, подъ личнымъ предводительствомъ императора, до сентября мѣсяца того-же года. Достигнувъ города Дербента, Петръ самъ повернулъ назадъ въ Астрахань, а вмѣсто себя оставилъ для продолженія военныхъ дѣйствій нѣсколько полковъ подъ начальствомъ боевыхъ генераловъ.

Извѣстіе о персидскомъ походѣ русскаго императора немедленно дошло до турецкаго султана, и султанъ объявилъ, что только Порта имѣетъ право претендовать на обладаніе Персіей. Сторону Турціи

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1720; дѣла сенатскія по мал. экспедиціи.

взяла Англія, которая стала подбивать султана объявить войну Россіи. Тогда султанъ началъ выискивать различные поводы для объявленія войны русскому императору. Воспользовавшись ходившимъ въ то время слухомъ о намѣреніи русскаго самодержавца строить крѣпости въ низовьяхъ Днѣпра и о данномъ будто-бы имъ дозволеніи своимъ подданнымъ, донцамъ и калмыкамъ, грабить татаръ и запорожцевъ, султанъ отправилъ своего полномочнаго посла съ представленіемъ о томъ въ Петербургъ.

Тогда русскій императоръ, желая собрать вѣсти объ истинныхъ намѣреніяхъ турокъ и татаръ, послалъ полтавскому наказному полковнику Черняку приказъ сдѣлать по этому поводу тайныя развѣдки въ Крымъ и полученные вѣсти доставить въ Петербургъ. По тому приказу полковникъ Чернякъ, въ концѣ мѣсяца ноября, 1722 года, отправилъ въ Крымъ и въ запорожскую Сичь нѣкоего козака Криворученка Козакъ Криворученко доѣхалъ сперва до Переволочны на Днѣпрѣ, а оттуда спустился на Кызыкерменскій перевозъ и засталъ тамъ кошевого атамана Василя Титаровскаго ¹⁾: кошевой провожалъ сичевыхъ козаковъ, которые должны были сопровождать Капичъ-пашу, вѣвшаго черезъ Крымъ въ городъ Азовъ на комиссію. Тутъ Криворученко узналъ, что крымская орда еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, на Покровъ, собиралась идти на великороссійскіе и малороссійскіе города, но, получивъ приказаніе отъ султана воздержаться отъ похода до возвращенія турецкаго посла отъ русскаго царя, на время свой походъ отложила. Въ своемъ указѣ султанъ объявлялъ, что если отъ царя не будетъ удовлетворенія за причиненныя въ людяхъ и въ скотѣ калмыками и донцами татарамъ и запорожцамъ шкнды, а также, если не будетъ указа о свесеніи городковъ, которые царь приказалъ соорудить въ низовьяхъ Днѣпра, то татарамъ и запорожцамъ приказано будетъ идти подъ великороссійскіе и малороссійскіе города.

Получивъ подлинныя о непріятельскихъ замыслахъ вѣсти, русскій императоръ успѣшилъ предупредить о томъ главныхъ генераловъ и командировъ кievской и азовской губерній, а также ве-

¹⁾ Неизвѣстно, носилъ-ли кошевой атаманъ подлинную фамилію Титаровскаго или эта фамилія дана ему отъ куреня титаровскаго, къ которому онъ могъ принадлежать, но въ 1728 году, марта 6 дня, былъ кошевымъ Василій Тамарскій. Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 308.

дѣль послать указы о томъ малороссійской генеральной старшинѣ и заодно съ тѣмъ войску донскихъ козаковъ ¹⁾).

Это было декабря 31 числа 1722 года, а 28 января 1725 года императора Петра уже не было въ живыхъ.

Преемница Петра, Екатерина I, вступивъ на престолъ, слѣдовала въ отношеніи запорожскаго войска взглядамъ своего державнаго супруга. Апрѣля 22 дня, 1725 года, она отправила азовскому губернатору генераль-маіору Григорію Петровичу Чернышову, слѣдующую инструкцію «объ управленіи азовскою губерніею» и объ обращеніи съ запорожскими козаками.

«Объявить тѣмъ, которые будутъ ѣздить въ Крымъ, чтобы къ запорожцамъ отнюдь не заѣзжали, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подь жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ пріѣхать; а изъ крымцевъ, которые въ губернію его пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ запорожцевъ и прочихъ ни съ товарами, ни для какихъ дѣлъ въ губернію Воронежскую и никуда въ великороссійскіе города такожь и изъ той губерніи, ни откуда чрезъ губернію ту на Запорожье съ товарами, ни за добычею и ни съ чѣмъ другимъ отнюдь не пропускали, чего на заставахъ приставленнымъ приказать смотрѣть накрѣпко подь опасеніемъ жестокаго штрафа. А которые запорожцы будутъ приходить съ повинною или съ другими какими письмами или словесными приказами, такихъ задерживать, а о томъ писать къ генералу князю Голицыну, такожь рапортовать и подлинныя письма присылать въ сенатъ, оставляя съ оныхъ у себя списки, а не описався въ сенатъ, съ ними, запорожцами, яко съ измѣнниками, никакой письменной пересылки отнюдь не имѣть и на ихъ письма не отвѣтствовать, также и той губерніи за обывателями смотрѣть, чтобъ у нихъ какъ съ ними, такъ и съ прочими пограничными подозрительныхъ корреспонденцій не было; а ежели будутъ происходить отъ турокъ и татаръ и измѣнниковъ запорожцевъ тамошнимъ обывателямъ всякія обиды, а поиманы не будутъ, генераль-маіору и губернатору о всякихъ случившихся дѣлахъ въ турецкую область къ порубежнымъ пашамъ и къ крымскому хану писать; а ежели изъ нихъ измѣнниковъ, запорожцевъ, въ земляхъ императорскаго величества кто поиманы будутъ, и тѣхъ разыскивать, а что по розыску явится, о томъ писать въ

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 300.

сенать, а о прочей корреспонденци съ пограничными поступать по указамъ изъ иностранной коллегіи: ¹⁾.

Такъ прошло еще два года, и положеніе запорожскихъ козаковъ попрежнему не измѣнилось къ лучшему.

Но вотъ вступилъ на русскій престолъ новый государь, Петръ II, и съ нимъ пошло новое вѣяніе въ Россіи. Малороссіи возвращено было право выбора гетмана, и тогда въ гетманы избранъ былъ миргородскій полковникъ Данилъ Апостолъ, къ которому поставили въ качествѣ руководителя, русскаго правительственнаго совѣтника Ѳедора Наумова. Запорожцы скоро узнали о перемѣнѣ дѣлъ въ Малороссіи, но не знали еще подлинно, кто былъ избранъ въ гетманы. До нихъ донесся слухъ, будто гетманскую булаву получилъ въ Малой Россіи знатный польскій панъ Сапѣга. Въ Сичи въ ту пору объявился какой-то шляхтичъ Антонъ Хмелевскій, какъ потомъ оказалось, бѣжавшій изъ Польши отъ долговъ и изъ боязни быть преданнымъ въ руки правосудія за различные подлоги. Кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ состоялъ въ то время Павелъ Ѳедоровъ ²⁾. Октября 19 дня, 1727 года, кошевой атаманъ Павелъ Ѳедоровъ съ товариществомъ написалъ нѣсколько листовъ на имя мнимаго гетмана Сапѣги съ просьбой о принятіи запорожцевъ «въ державу императорскаго величества и объ отпущеніи имъ ихъ винъ» и тѣ листы отправилъ полякомъ Антономъ Хмелевскимъ и его товарищемъ Стефаномъ Козаревскимъ. Посланные листы сперва доставлены были тайному совѣтнику Ѳедору Наумову; отъ Наумова отосланы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ поступили въ верховный тайный совѣтъ. Рѣшеніемъ верховнаго тайнаго совѣта предписано было Ѳедору Наумову и обще съ нимъ гетману Данилу Апостолу дать запорожскому войску, черезъ присланнаго поляка Хмелевскаго, словесный отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Если его императорское величество, какъ милосердый монархъ, усмотритъ прямое и вѣрное намѣреніе со стороны запорожцевъ исправиться въ своихъ винахъ, то тогда онъ прикажетъ принять ихъ

¹⁾ Полный сводъ законовъ, томъ VI, 1726, апр. 22, 4700.

²⁾ Какъ кажется, онъ-же Паско или Павелъ Сидоренко одно и тоже лицо—это видно изъ письма запорожскаго полковника Иванца отъ 5 апрѣля гдѣ полковникъ называетъ кошевого просто Паскомъ, и изъ письма самого кошевого отъ 11 апрѣля, гдѣ онъ подписался Павломъ Сидоренкомъ: Архивъ мин. вн. дѣлъ, 1728, св. 62, № 22.

попрежнему въ свою державу; тогда гетманъ и тайный совѣтникъ будутъ вспомоствовать имъ. Но для того нужно, чтобы они пребывали при томъ своемъ намѣреніи и въ вѣрности непоколебимо и для выщаго увѣренія гетмана и тайнаго совѣтника по временамъ доставляли корреспонденцію и тайную пересылку имѣли и о тамошнихъ татарскихъ и турецкихъ обхожденіяхъ гетмана и совѣтника Наумова увѣдомляли, дабы, усмотря по тому ихъ вѣрность, возможно было, при благополучномъ времени ихъ желаніе въ дѣйство привести. Сей отвѣтъ оный Хмелевскій или можетъ самъ у себя записать или можно ему и на письмѣ, но безъ всякой подписи, дать, и оногo, по пристойности подаривъ, отпустить» ¹⁾.

Получивъ такой указъ, гетманъ Апостолъ и тайный совѣтникъ Наумовъ изложили отвѣтъ запорожскому войску на бумагѣ, но «безъ подписанія» и, вручивъ его Хмелевскому, отпустили послѣдняго съ наградою до запорожской Сичи. Но Хмелевскій, возвращаясь назадъ, разгласилъ по дорогѣ о томъ, что русскій императоръ, по просьбѣ запорожцевъ, обѣщалъ имъ оказать свою милость и принять попрежнему подъ свою державу. Слухъ объ этомъ быстро распространился между татарами и черезъ нѣкоторое время дошелъ въ самый Крымъ.

Запорожцы, долго не подозрѣвая, съ кѣмъ они имѣли дѣло, по возвращеніи Хмелевскаго въ Сичу, написали нѣсколько писемъ (кошевой атаманъ Павло Сидоренко, марта 3 дня, войсковой судья Карпъ Сидоренко марта 7 дня) и отправили ихъ въ Глуховъ тѣмъ-же Хмелевскимъ, какимъ-то Добашомъ ²⁾ и четырьмя простыми козаками. И кошевой атаманъ и войсковой судья выражали горячую благодарность подлинному гетману Данилу Апостолу и совѣтнику Федору Наумому за доставленный въ Сичу отвѣтъ отъ имени императорскаго величества и вновь молили ихъ принять все войско безъ замедленія въ подданство Россіи, при чемъ сообщали разныя о непріятеляхъ вѣсти и передавали о томъ, что войско ихъ еще далеко не въ полномъ собраніи. Въ заключеніе-же просили, когда Антонъ Хмелевскій прибудетъ въ Глуховъ,

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

²⁾ Неизвѣстно, была-ли это фамилія козака, или званіе, которое онъ могъ носить: добвышь или добошь значило у запорожцевъ литавричикъ, но въ актѣ это слово написано съ большой буквы.

отобрать у него всё листы, какіе при немъ окажутся, самого-же его задержать въ Глуховѣ и не выпускать до времени изъ Малой Россіи, потому что «онъ показалъ нѣкоторое въ прежней своей послылкѣ непостоянство» ¹⁾.

Какъ-бы то ни было, но отвѣтъ верховнаго тайнаго совѣтника, присланный запорожскому войску черезъ шляхтича Хмелевскаго, сильно взволновалъ все Запорожье. Гетманъ Даниилъ Апостоль и совѣтникъ Федоръ Наумовъ скоро извѣщены были, черезъ присланныхъ къ нимъ козаковъ отъ запорожскаго полковника Ивана Петрова, о томъ, что всё запорожцы хотятъ, забравъ войсковые клейноты, оставить новую Сичу и перейти на старую подъ протекцію императорскаго величества. Такое желаніе охватило всѣхъ запорожцевъ, какъ бывшихъ въ Сичѣ, такъ и находившихся вдали отъ нея. Самъ кошевой атаманъ Паско или Павелъ Сидоренко въ это время находился въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, и его мѣсто заступалъ войсковой судья Карпо Сидоренко. Послѣ праздника Богоявленія Господня Карпо Сидоренко получилъ, черезъ козака поповическаго куреня Величка, письмо отъ запорожскаго полковника Иванца («который прежде былъ запорожскимъ кошевымъ») съ Кубани, гдѣ онъ находился, по приказанію хана, съ 1.000-ю человекъ запорожскаго войска. Удержавъ у себя до времени письмо полковника, войсковой судья Карпо Сидоренко послалъ извѣстіе о томъ кошевому атаману въ Бендеры. Когда-же кошевой прибылъ въ Сичъ и прочелъ поданное ему письмо полковника Иванца, то онъ узналъ, что вѣсть о намѣреніи запорожскаго войска перейти на старую Сичъ дошла даже на Кубань. Иванецъ писалъ, чтобы товарищество запорожское всячески торопилось переходомъ подъ протекцію русскаго государя, и когда оно рѣшится на такое дѣло, то чтобы кошевой далъ знать о томъ и запорожцамъ, стоящимъ на Кубани, дабы Иванецъ тотъ-же часъ съ войскомъ своимъ могъ оставить стоянку на Кубани, перейти въ Черкасскій городъ и отдать себя въ державу императорскаго величества. Въ случаѣ препятствія со стороны татаръ, кака-бы сила орды ихъ ни была, Иванецъ надеется выбиться оттуда, гдѣ находится, и прибыть до Черкаскаго ²⁾.

По полученіи такихъ вѣстей гетманъ Даниилъ Апостоль и

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

тайный совѣтникъ Федоръ Наумовъ прежде всего извѣстили о томъ генераль-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. А потомъ, не теряя времени, послали въ Сичь нарочного козака съ приказаніемъ, чтобы запорожцы сидѣли неподвижно до времени въ Сичѣ и отнюдь не показывали своей склонности къ сторонѣ императорскаго величества.

Отвѣтъ на донесеніе Апостола послѣдовалъ отъ генераль-фельдмаршала апрѣля 5 дня. Князь Голицынъ предписывалъ гетману, чтобы онъ, какъ можно скорѣй, послалъ отъ себя, кого потребно, съ словеснымъ приказаніемъ, въ Сичь о томъ, чтобы запорожцы ни въ коемъ случаѣ не смѣли повидать новой Сичи, чтобы они сидѣли въ ней «ненорушно» и не чинили крымцамъ и никому изъ турецкихъ подданныхъ никакихъ шкодъ и зацѣпокъ; въ противномъ случаѣ, если только они причинятъ кому-либо изъ турецкихъ подданныхъ озлобленіе, то никогда не получаютъ протекціи императорскаго величества. Къ полковнику Иванцу князь Голицынъ приказывалъ послать извѣстіе о томъ, что запорожцы вовсе не переходятъ на старую Сичу, вслѣдствіе чего полковникъ долженъ попрежнему держаться на Кубани и не думать являться въ Черкасское. А для большей убѣдительности запорожцевъ генераль-фельдмаршалъ, по императорскому повелѣнію, отправилъ въ Новый транжементъ и на Донъ, къ войсковому атаману Лопатину, два царскихъ указа. Въ тѣхъ указахъ давалось наставленіе, въ случаѣ прихода полковника Иванца съ запорожцами въ Новый транжементъ или въ Черкасское, въ тѣ города отнюдь его не пускать и отослать назадъ, объявивъ ему, что о приѣмѣ его не имѣется указа императорскаго величества, а о томъ, что все это дѣлается по императорскому указу, отнюдь никому не объявлять и содержать въ строгомъ секретѣ.

При всемъ томъ эти мѣры нисколько не успокоили запорожское войско: козаки рѣшили, такъ или иначе, покинуть новую Сичу и вернуться на старую Чортомлыцкую Сичь: «Нынѣшняя ихъ Сичь ниже Казикермана въ семи милехъ имѣетъ свое положеніе, надъ рѣчкою Конскою, въ урочищѣ Олешкахъ, по сю сторону Днѣпра; а въ ней нынѣ куреней 38, а людей всегда въ одной можетъ быть съ полторы тысячи; а другіе запорожцы вочуютъ куренями по рѣкамъ Богу, по Великому Ингулу, по Исуніи, по Ингулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Ка-

мянкахъ и по Сурѣ, которыя рѣки суть по ту сторону Днѣпра; а по сю сторону по рѣкамъ-же Протовчи, по Самарѣ и по самомъ Днѣпрѣ по обоимъ оного сторонамъ, взявши отъ границы по самое устье Днѣпра и Богу (Бугу); а по онымъ всѣмъ кочевьямъ и по другихъ малыхъ рѣчкахъ можетъ ихъ, запорожцовъ, считаться многія тысячи людей, только о подлинномъ оныхъ числѣ знать невозможно»¹⁾.

Эту-то Сичу запорожцы и рѣшили покинуть. Какимъ образомъ все это дѣло произошло, о томъ сохранившіеся данныя передаютъ такъ. Мая 23 дня, въ четвергъ, у запорожскихъ козаковъ въ новой Сичѣ, въ Олешкахъ, была рада и на той радѣ выбранъ былъ кошевымъ атаманомъ Константигъ Гордіенко. На слѣдующій день, въ пятницу, съ верховьевъ Днѣпра, отъ того мѣста, гдѣ была старая Сичь, отъ устья рѣчки Чортомлыка, пришли водой 40 малыхъ судовъ и остановились противъ новой Сичи. Прибывшіе въ судахъ козаки, выйдя на берегъ рѣки, внезапно оковали кандалами новаго кошевого Гордіенка и войскового судью за то, что они не хотѣли отдать имъ войсковые клейноты; оковавъ кошевого и судью, козаки вошли въ сичевую церковь и забрали тамъ церковную утварь, а также бубны, хоругви и булаву. Послѣ того козаки разбили всѣ армянскія и греческія лавки, разграбили найденные въ нихъ товары, распили всѣ шинковые напитки, а самихъ торговцевъ заставили бѣжать изъ Сичи въ Крымъ. Разгромивъ такимъ образомъ торговцевъ и купцовъ, запорожцы стали брать у богатыхъ козаковъ конскіе табуны и другія стада: такъ, у одного козака Шишадбаго, котораго въ то время не было въ Сичи, захватили около 500 головъ лошадей. Забравъ все добро и соединившись съ козаками новой Сичи, пріѣзжіе запорожцы переездили подъ Кызыкверменемъ черезъ Днѣпръ и двинулись вверхъ къ мѣсту старой Сичи. Для тѣхъ-же козаковъ, которые жили ниже новой Сичи, прибывшіе запорожцы послали тридцать судовъ съ нѣсколькими товарищами и приглашали всѣхъ поспѣшить въ старую Сичь. Велѣно было, какъ только «низовые козаки» придутъ на перевозъ и сядутъ на суда, немедленно разобрать всѣ строенія въ Новой Сичѣ, все оставшееся предать огню, а людямъ идти на старую Сичь. Мая 27 дня новая Сичь была уже пуста, а сами козаки, даже тѣ, которые жили по Днѣпру, по бай-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, мая 27, св. 62, № 27.

ракамъ и по лѣсамъ въ особыхъ пасѣкахъ и куреняхъ, вышли въ старую Сичь ¹⁾.

Гетманъ Данилъ Апостоль узналъ о переходѣ запорожскихъ козаковъ на Чортомлыкъ іюня 1 дня въ бытность въ Москвѣ. Ему донесли, что о возвращеніи запорожскаго войска на прежнія мѣста особенно хлопоталъ самарскій полковникъ Иванъ Петровъ, который имѣлъ намѣреніе идти со своими козаками въ новую Сичь, забрать тамъ клейноты и запасы и «заручить всѣхъ съчевыхъ воезакъ перейти на старую Сичь». Узнавъ о такомъ дѣлѣ, гетманъ Апостоль немедленно послалъ малороссійской генеральной старшинѣ приказъ отправить увѣщаніе запорожцамъ не слушаться никакихъ совѣтовъ самарскаго полковника, оставить всякое намѣреніе о переходѣ на старую Сичь и сидѣть мирно и тихо въ новой Сичи до дальнѣйшаго и удобнаго случая, чтобы не лишиться милости и протекціи императорскаго величества и не погубить своихъ товарищей, находившихся въ походѣ съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ. Такое-же предписаніе сидѣть «спокойно и нерушно» на самарскихъ мѣстахъ послалъ гетманъ и полковнику Петрову съ его товариствомъ ²⁾.

Тѣмъ временемъ запорожцы, придя въ старую Сичь, выбрали кошевымъ атаманомъ Ивана Петровича Гусака, заняли въ некоторыя мѣста по Самарѣ рѣкѣ, написали просительный листъ на имя императора Петра II и отправили его въ Петербургъ. «Склонивши сердце своихъ нарушенныя мысли къ благому обращенію и повернувши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорскаго величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подѣ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сердца своего источникъ къ намъ, своимъ чадамъ, разрѣши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ попрежнему сынами жребія твоего императорскаго. Еще-же просимъ: подайте намъ войсковое отъ рукъ своихъ подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ сторонъ подвинулись: для того ли, что мы уже отъ нихъ отступили со своими клейнотами 24 мая и пребываемъ.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древн., XIV, 289.

²⁾ Записки одесскаго общ. ист. и древн., XIV 287, 289.

уже въ старой Сѣчѣ, или-же они это дѣлають по своимъ замѣшательствамъ» ¹⁾).

Когда вѣсть объ оставленіи запорожцами новой Сичи и о прибытіи ихъ на мѣсто старой дошла въ Петербургъ, то дѣло объ этомъ, іюня 5 дня, внесено было въ верховный тайный совѣтъ. Въ верховномъ совѣтѣ по этому поводу было опредѣлено: во-первыхъ, присланныхъ отъ запорожскаго полковника Ивана Петрова въ городъ Глуховъ четырехъ козаковъ вернуть изъ Глухова назадъ съ такимъ-же словеснымъ приказомъ какъ Петрову, такъ и всему товариству въ Сичѣ, съ какимъ и раньше велѣно было отправить посланцевъ сичевыхъ, прибавивъ къ прежней меморіи, что если запорожцы покинуть турецкую сторону, то они отнюдь не будутъ впущены въ російскіе рубежи. Во-вторыхъ: хотя генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ и гетманъ Даниилъ Апостолъ и имѣють императорскіе указы о недопущеніи запорожцевъ въ російскую державу, но въ подтвержденіе того послать къ нимъ новый указъ, чтобы князь и гетманъ ко всѣмъ командующимъ надъ войсками генераламъ, ко всѣмъ губернаторамъ порубежныхъ городовъ, ко всѣмъ воеводамъ и малоросійскимъ полковникамъ писали и «накрѣпко» подтвердили ни въ коемъ случаѣ запорожцевъ не принимать. «И ежели они въ которое мѣсто хотя (желая) подѣ протекцію его императорского величества придуть, съ многлюдствомъ и съ ружьемъ, такихъ отнюдь не принимать и въ границы російскіе не впускать ни подѣ какимъ видомъ и никакой имъ протекціи и защищенія нигдѣ не давать и отъ границъ отбивать ихъ оружіемъ, а подѣ рукою словесно имъ приказомъ отзыватьсь и обнадеживать ихъ секретно, что при способномъ времени приняты они, запорожцы, будутъ, и сіе имъ, фельдмаршалу и гетману, объявить запорожцамъ при случаѣ тайно чрезъ вѣрныхъ людей, а отъ другихъ содержать въ вышнемъ секретѣ». Втретьихъ тѣхъ запорожцевъ, которые стануть приходить на житье въ Малую Россію съ повинною и небольшими партіями, тѣхъ пропускать по прежнимъ указамъ; только дать приказъ офицерамъ, стоящимъ на посту, наблюдать за тѣми, чтобы запорожцы въ одинъ разъ проходили дѣйствительно по небольшому числу ²⁾).

Послѣ рѣшенія верховнаго тайнаго совѣта послѣдовала, іюни

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 196.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

11 числа, высочайшая грамота на имя генераль-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына съ приказаніемъ «запорожцевъ многолюдствомъ и съ ружьемъ отнюдь не принимать, въ границы Россіи ни подъ какимъ видомъ не впускать, никакой протекціи и защищенія нигдѣ имъ не давать и отъ границъ оружіемъ отбивать». Послано было также предписаніе кievскому вице-губернатору, генераль-маіору Штоку, съ запорожцами поступать такъ, какъ въ высочайшей грамотѣ повелѣно ¹⁾.

Независимо отъ этихъ мѣръ велѣно было написать въ Константинополь русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву, чтобы онъ принесъ Портѣ на запорожское войско жалобу за то, что запорожцы, по слуху, имѣютъ намѣреніе оставить всѣ указанныя русско-турецкими трактатами мѣста и поселиться у русскихъ границъ. Порты поэтому отнюдь не должна допускать запорожцевъ до приведенія въ исполненіе ихъ намѣренія, потому что «эти безпокойные и непостоянные люди и безъ того русскому купечеству много обидѣ причиняютъ» ²⁾.

Всѣ эти распоряженія поставили запорожцевъ въ крайне затруднительное положеніе, и тогда многіе изъ нихъ, не желая оставаться въ войскѣ, стали просить себѣ мѣста для поселенія въ Малороссіи. Съ 1 по 17 число іюня принято было въ городѣ Полтавѣ комендантомъ Чичеринымъ 201 человекъ запорожскихъ козаковъ, которые, по приводѣ ихъ къ присягѣ, отпущены были на житье въ Малую Россію, за рѣку Орель ³⁾. Въ числѣ такихъ поселенцевъ были: племянникъ бывшаго кошевого атамана Константина Гордиенка и братъ властнаго кошевого атамана Ивана Малашевича. Кромѣ большихъ купъ приходили въ города Малой Россіи и малыя кучки козаковъ, по 10 или больше того человекъ. Нѣкоторые изъ такихъ козаковъ, являясь въ Малороссію, объявляли, что они вышли изъ Сичи для того, чтобы послужить нѣскольکو недѣль въ Печерскомъ монастырѣ и помолиться въ немъ Богу о своихъ грѣхахъ. Таковы были: Григорій Кулишъ, Михайло Рубанъ, Тимоеѣй Жила, шабельнаго дѣла мастеръ; Антонъ Волошинъ, Василь Читаевскій и многіе другіе ⁴⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общ. ист. и древн., XIV, 286.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 135.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

⁴⁾ Съ января по 1 октября 1728 года, по рапорту генераль-фельдмаршала князя Голицына, въ города Малой Россіи и слободскіе полки ушло 758 человекъ козаковъ.

Между тѣмъ запорожскіе козаки и ихъ кошевой атаманъ Иванъ Гусагъ, водворившись на мѣстѣ старой Сичи и прождавъ напрасно отвѣта изъ Петербурга, снарядили депутацію изъ двухъ знатныхъ войсковыхъ товарищей и тридцати человекъ козаковъ отъ каждаго куреня и отправили ихъ съ письмами (около 20 числа іюня) къ гетману Даніилу Апостолу. Депутаты были пропущены въ городъ Глуховъ начальникомъ украинскаго корпуса, богемскимъ генераломъ русской службы, графомъ фонъ-Вейсбахомъ.

Когда объ этой депутаціи, а равно и о томъ въ какомъ большомъ числѣ стали являться запорожскіе козаки для поселенія въ малороссійскіе города, узнали въ Петербургѣ, то на имя генералъ-фельдмаршала князя Голицына, вновь послѣдовалъ императорскій указъ: запорожцевъ, будутъ-ли они приходить съ письмами или являться безъ писемъ, въ такомъ множествѣ и «такого знатного и явного» числа, какъ принялъ ихъ полтавскій комендантъ Чичеринъ, отнюдь въ малороссійскіе города не допускать; отъ Самары-же рѣки ихъ вовсе отбивать, потому что тѣ мѣста, по мирнымъ русско-турецкимъ договорамъ, не должны быть никѣмъ заселены. Гетману Даніилу Апостолу приказывалось всѣхъ депутатовъ отъ войска и отъ кошевого атамана Ивана Гусака, числомъ 30 человекъ, выслать изъ города Глухова и немедленно за границу проводить, сказавъ имъ то, что и раньше объявлено было всѣмъ козакамъ, а именно: «принять запорожское войско въ нынѣшнее время подъ область его императорскаго величества невозможно»¹⁾.

Вѣсть, привезенная запорожскими депутатами въ Сичь, произвела тамъ настоящій бунтъ. Козаки пришли въ такое волненіе, что грозили убить своего кошевого атамана Гусака. Тогда кошевой Иванъ Гусагъ, сильно испугавшись, тайно бѣжалъ изъ Сичи, взявъ съ собой 55 человекъ приближенныхъ козаковъ. Оставивъ изъ своей свиты 50 человекъ въ урочищѣ Царекамышинѣ (въ 40 верстахъ отъ Царичанки), Гусагъ съ пятью козаками прибылъ въ городъ Кіевъ, къ графу фонъ-Вейсбаху и объявилъ ему о своемъ намѣреніи покинуть навсегда Сичь и поступить подъ высокую державу императорскаго величества. О положеніи запорожцевъ въ крымскихъ владѣніяхъ и въ старой, у Чортомльскаго острова, Сичи онъ передалъ такія подробности: «Въ новой Сичѣ отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

1727 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ съ двѣ тысячи козаковъ, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину и тамъ оказалъ хану нѣкоторыя противности; когда-же пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, то онъ калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а запорожцевъ, бывшихъ при немъ, однихъ разослалъ на каторги, другихъ распродалъ, будто-бы за то, что они съ калгой бунтовали; а калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказанію ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Но когда мы забрали хоругви и клейноты, чтобы идти въ старую Сѣчь, то старый кошевой атаманъ, измѣнникъ Костя Гордіенко да Карпъ Сидоренко да другіе стали намъ говорить: для чего-же намъ изъ новой въ старую Сѣчь идти? Намъ и тутъ жить хорошо. Однако, они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобы отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордіенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой старой Сѣчи и, пріѣхавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу¹⁾.

Всѣ полученные отъ Гусака свѣдѣнія графъ фонъ-Вейсбахъ немедленно отправилъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну въ городъ Курскъ, присовокупивъ къ нимъ извѣстіе о томъ, что съ отходомъ Гусака изъ Сичи козаки выбрали кошевымъ какого-то полковника изъ товариства на Кошу.

По такому донесенію князь Голицынъ послалъ приказъ фонъ-Вейсбаху задержать на нѣкоторое время Ивана Гусака въ городѣ Полтавѣ, а потомъ, для снятія съ него подлиннаго допроса, прислать въ городъ Харьковъ, куда князь намѣревался вскорѣ пріѣхать, оставивши Курскъ.

Графъ Вейсбахъ немедленно отправилъ Гусака въ Харьковъ и въ то же время къ 50-ти спутникамъ его, стоявшимъ у Царемышина, послалъ сказать, что, въ силу государева указа, запрещающаго всякому къ російскимъ форпостамъ пріѣзжать, онъ не можетъ ихъ въ Кіевъ принять.

Между тѣмъ князь Голицынъ, снявъ допросъ съ Ивана Гусака,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

вернулъ бывшаго кошевого къ гетману Апостолу и приказалъ оставить его съ 6 козаками въ городъ Глуховъ впредь до особаго указа изъ Петербурга.

Но гетманъ Апостолъ и безъ того находился въ большомъ затрудненіи: при немъ, еще съ апрѣля мѣсяца, проживали Антонъ Хмелевскій, Стефанъ Козаревскій и четыре человекъ запорожцевъ, прибывшіе изъ новой Сичи въ Глуховъ и содержавшіеся на счетъ войскового скарба. Поэтому уже въ октябрѣ мѣсяцѣ гетманъ писалъ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну запросъ, какъ ему поступить съ запорожцами, проживавшими въ Глуховъ на иждивеніи войскового скарба. Самъ отъ себя гетманъ подавалъ мысль, что можно было-бы Ивана Гусака и другихъ козаковъ, прежде него и съ нимъ прибывшихъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ, или поселить въ Малой Россіи, или-же отправить «въ компанію на уполюя мѣста», только съ Антономъ Хмелевскимъ, какъ съ заграничнымъ человекомъ, нужно было иначе поступить. Не получивъ, однако, никакой по этому поводу отъ генералъ-фельдмаршала князя Голицына резолюціи, гетманъ Апостолъ обращался съ тѣмъ-же вопросомъ, ноября 11 дня, со всеподданнѣйшимъ челобитьемъ къ императорскому величеству, дабы «его императорское величество повелѣлъ учинить опредѣленіе и прислать указъ о томъ» ¹⁾.

Такъ прошелъ весь 1728 годъ. Насталъ 1729 годъ и просьбы запорожцевъ о принятіи ихъ подъ скипетръ русскаго императора попрежнему оставались напрасны, хотя о принятіи запорожскихъ козаковъ въ Россію хлопоталъ въ это время самъ главнокомандующій украинской арміей, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Но князю Голицыну, отъ имени императорскаго величества, отвѣтили, что запорожцевъ можно только обнадеживать въ принятіи ихъ на будущее время на прежнія мѣста, теперь-же слѣдуетъ отказывать до тѣхъ поръ, пока «не обнаружится явная противность съ турецкой стороны» ²⁾.

При всемъ томъ запорожцы все еще надѣялись, что положеніе ихъ измѣнится къ лучшему и потому вовсе не думали покидать старую Сичу. Въ Константинополь и въ Бахчисарай дошелъ даже слухъ о томъ, будто запорожцы думаютъ укрѣпить свою Сичь.

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

²⁾ Записки одесскаго общ. ист. и древн., VII, 300, іюня, 28 дня, 1728 г. Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

По этому поводу около 1730 года ¹⁾ присланъ былъ къ запорожскому войску отъ бендерскаго Номанъ-паши такого содержания запросный листъ: «Письмо къ запорожскому кошевому атаману и всѣмъ козакамъ. Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ кошевому, атаманомъ (-амъ) и всѣмъ козакамъ (которыхъ конецъ да будетъ щастливъ и благополученъ). Черезъ сіе извѣстно вамъ да будетъ что вы, когда были въ подданствѣ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго, тогда жили на земляхъ блистательной Порты, а нынѣ россиянамъ въ подданство отдались, а понеже сверхъ того, что вы въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь и живете и подобно городу нѣкоторое строеніе строить начали, о чемъ услышала блистательная Порта, того ради блистательная Порта опредѣлила и послала отъ Эдикли заимовъ почтеннаго Ахметъ-агу подлинно осмотрѣть и освидѣтельствовать, какое строеніе и подобно городу строить начали и гдѣ и въ какомъ мѣстѣ, дабы оной и обстоятельно съ изясненіемъ высочайшей Портѣ донесъ, съ которымъ агою и отъ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго съ указомъ ханской (-ий) ага посланъ ²⁾ со онымъ и я отъ себя къ вамъ письмо послалъ, и Богу изволшу по прибытіи ихъ къ вамъ, то вы оному отъ Порты опредѣленному агъ безъ всякаго противленія ему покажите, гдѣ вы живете и въ какомъ мѣстѣ и какое строеніе здѣлали, и съ какимъ намѣреніемъ подлинно объявите и его агу возвратите. Въ прочемъ миръ да будетъ надъ правослѣдующими» ³⁾.

Въ письмѣ самого хана Капланъ-Герая, приложенномъ къ листу бендерскаго паши, написано было слѣдующее: «Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ запорожскому кошевому, атаманомъ и всѣмъ козакамъ высочайшій указъ нашъ въ томъ состоитъ. Пребывающій при насъ вашъ атаманъ ⁴⁾ хорунжаго своего съ письмомъ своимъ къ вамъ отправилъ, съ которымъ и сей указъ нашъ къ вамъ посланъ-же и по полученіи сего что помянутый атаманъ къ вамъ въ письмѣ своемъ писалъ и чрезъ того посланнаго словесно вамъ говорить приказывалъ, обо всемъ томъ здѣсь съ

¹⁾ Документъ, относящійся къ этому дѣлу, не датированъ годомъ: подлинъ поставлено въ реестрѣ: «около 1730 года».

²⁾ По имени Арсланъ.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, около 1730, св. 1в., № 2.

⁴⁾ Очевидно въ Крыму остался, послѣ ухода запорожцевъ на старую Сичъ, другой кошевой, быть можетъ Гордіенко, вернувшійся туда изъ старой Сичи

нами имѣлъ онъ разговоры и по силѣ чего и къ вамъ писалъ, и тому вѣрите и Богу изволшу, ежели тому увѣритесь, всѣмъ вамъ на пользу будетъ. И тако да будетъ вамъ извѣстно. Капланъ-Гирей ханъ, сынъ Селимъ-Гирей хана»¹⁾).

Изъ письма хана Капланъ-Герая можно усмотрѣть, что посылка знатныхъ турецкихъ и крымскихъ представителей въ старую Сичу имѣла цѣлью не столько осмотръ какого-то «строенія» на Сичѣ, сколько желаніе завести сношенія съ запорожцами и вновь привлечь ихъ на жительство въ крымскія мѣста.

Желаніе хана вполне совпадало съ настроеніемъ запорожцевъ. Запорожцы, проживъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ старой Чортомлыцкой Сичѣ и не добившись принятія войска подъ російскую державу, по необходимости должны были снова вернуться въ протекцію крымскаго хана. Прийдя къ такому рѣшенію, они написали брату крымскаго хана Капланъ-Герая, Оръ-бею, листъ объ отъѣзѣ своихъ наѣбрений «сидти подъ Москву» и о желаніи снова вернуться «подъ крыло крымской стороны».

Братъ хана, получивъ запорожскій листъ, немедленно отослалъ его Капланъ-Герая, и Капланъ-Герай поспѣшилъ послать запорожцамъ черезъ «гетмана» дубоссарскаго свой отвѣтъ на ихъ листъ. Въ отвѣтномъ письмѣ Капланъ-Герай извѣщалъ запорожцевъ, что листъ, присланный ему войскомъ, весьма утѣшилъ и обрадовалъ какъ его самого, такъ и всѣхъ приближенныхъ его: какъ самъ ханъ, такъ всѣ бей, мурзы и весь крымскій народъ стараются о безопасности запорожскихъ козаковъ и желаютъ имъ всякаго добра. Ханъ обѣщаетъ принять запорожцевъ ласково какъ гостей и оказывать имъ такую-же пріязнь и любовь, какъ и раньше оказывалъ, защищать «обороною и страннолюбіемъ», какъ раньше защищалъ, возвратить имъ все то, что они передъ тѣмъ имѣли, а для осѣдлости дать полную волю избрать мѣсто, гдѣ сами пожелаютъ. Впрочемъ, для ихъ пользы и прибыли, а для собственнаго ханскаго удобства, совѣтовалъ имъ стать Кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ они сидѣли до ухода на Чортомлыкъ. Склоняя запорожцевъ вслѣски къ возвращенію въ Крымъ, Капланъ-Герай выставлялъ имъ на видъ и то, что того-же желаетъ Филиппъ Орликъ, ихъ настоящій вождь, который до этихъ поръ находился въ Салоникахъ, а теперь «для соединенія къ хану при-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, крым. дѣла, около 1730 г., св. 1в, № 2.

шелъ». Онъ пишетъ хану листъ, посылаемый ханомъ запорожцамъ при собственномъ листѣ на Чортотмыль. Орликъ также старается о благѣ и пользѣ всѣхъ запорожскихъ козаковъ, и нужно вѣрить всему, что онъ пишетъ къ нимъ. Его совѣтъ тѣмъ обязательнѣй для нихъ, что онъ ихъ вождь и глава. Самъ ханъ еще разъ увѣряетъ добрыхъ молодцовъ, что если они вернутся назадъ и займутъ указанные имъ мѣста, то ни отъ крымскаго панства, ни лично отъ самого хана никакого насилія и никакой неправды не будутъ имѣть ¹⁾).

Вынужденные необходимостью оставить мѣсто Чортотмыльскою Сичи, запорожцы въ 1730 году снова вернулись подъ протекцію крымскаго хана, но на этотъ разъ избрали мѣстомъ для своей Сичи не Алешки, а устье рѣчки Каменки, составлявшей въ то время границу между владѣніями Турціи и Россіи. Очевидно запорожцами руководило въ этомъ случаѣ чувство недовѣрія къ бурсурманамъ и тайная надежда на скорую милость къ нимъ русскаго государя. Они выбрали, такъ сказать, нейтральное мѣсто для своего Коша, не забираясь въ глубь татарскихъ владѣній и не отдаляясь отъ русскихъ предѣловъ.

Поселившись при устьѣ Каменки, запорожцы попрежнему думали лишь о томъ, какъ бы имъ, такъ или иначе, вернуться къ прежнимъ своимъ мѣстамъ. Обстоятельства, повидимому, благоприятствовали имъ. Въ то время генералъ русской службы, богемскій выходецъ, графъ фонъ-Вейсбахъ подалъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ проектъ объ укрѣпленіи южныхъ границъ Россіи отъ набѣговъ со стороны мусульманъ. Этимъ проектомъ предлагалось провести цѣлую линію редутовъ и крѣпостей отъ Новобогородицкаго городка, у рѣчки Самары, до рѣчки Сѣвернаго Донца, у границъ изюмской провинціи. Высочайшее повелѣніе о сооруженіи этой линіи крѣпостей, получившей впоследствии названіе старой украинской линіи, последовало іюня 25 дня, 1731 года. Начальникомъ этой линіи назначенъ былъ самъ создатель проекта, графъ фонъ-Вейсбахъ. Ставши лицомъ къ лицу съ самимъ дѣломъ, графъ Вейсбахъ скоро убѣдился, что охраненіе этой линіи дѣло чрезвычайной трудности и что въ этомъ случаѣ могли-бы большую услугу оказать запорожскіе козаки. Прийдя къ такой мысли, графъ Вейсбахъ

¹⁾ Кіевская Старина, 1882, III, іюнь, 179, 180.

началь всячески стараться о возвращеніи запорожскаго войска на прежнія мѣста. Вслѣдствіе этого, августа 31 числа, означеннаго года, по волѣ императрицы Анны Іоанновны, графъ Вейсбахъ послалъ тайное письмо къ кошевому атаману Ивану Малашевичу въ Сичь и въ томъ письмѣ писалъ, что государыня императрица, видя искреннее желаніе со стороны запорожскаго войска служить россійскому престолу, какъ прежде, черезъ него, графа, словесно обнадживала на принятіе войска подъ свой скипетръ, такъ и теперь, черезъ него-же, даетъ надежду войску на возвращеніе въ прежніе предѣлы; но войско должно ожидать того момента, когда послѣдуетъ разрывъ Турціи съ Россіей, а пока такое обѣщаніе кошевой долженъ хранить въ строжайшей тайнѣ ¹⁾).

При всемъ томъ въ такомъ ожиданіи запорожцамъ пришлось прожить цѣлыхъ два года.

О состояніи запорожскаго войска за это время можно судить по показанію козака Семена Безпалаго, данному въ 1733 году, сентябри 16 дня, въ городѣ Кіевѣ, графу Борису Петровичу Шереметеву. Семень Безпалый—уроженецъ мѣстечка Чернухъ, лубенскаго полка, сынъ козака Федора, по прозвищу Ковтуненка. Онъ отъѣхалъ въ новую запорожскую Сичь въ 1733 году, состоялъ въ титаровскомъ куренѣ рядовымъ козакомъ, бывалъ по нарядамъ во многихъ партіяхъ и походахъ, только противъ россійскихъ войскъ ни въ какой «акціи» не бывалъ, жилъ въ урочищѣ Гардь на Бугѣ и очень давно задумалъ принести повинную русскому государю, чтобы возвратиться къ роднымъ мѣстамъ. Однако, зная свое тяжкое преступленіе и боясь навлечь на себя смертную казнь, Безпалый до послѣдняго времени не рѣшался привести своего намѣренія въ исполненіе, и только теперь, узнавъ о милостивомъ указѣ, позволявшемъ всѣмъ повинившимся козакамъ возвращаться на свои прежнія мѣста, оставилъ, согласясь съ компаніей 36-ти человекъ, Сичь и пришелъ просить позволенія жить въ одномъ изъ малороссійскихъ городовъ, обѣщаясь до конца дней своихъ не возвращаться въ запорожскія мѣста. При этомъ козакъ Безпалый показалъ, что войска запорожскаго въ четырехъ мѣстахъ, т. е. въ новой Сичѣ, на Самарѣ, на Сомовѣ и въ 38 куреняхъ, по расчету самихъ-же козаковъ, до 30.000 человекъ да до 500 россій-

¹⁾ Скальковский, Исторія новой Сѣчи, Одесса, 1885. II, 39.

скихъ бѣглецовъ; кошевымъ атаманомъ у козаковъ Иванъ Бѣлицкій, а полковникомъ въ Гарду Иванъ Донской. «И нынѣ оныя козаки, по отбытіи ихъ (Безпалаго съ товарищами) изъ Гарду (по 3-е число сентября) всѣ не въ войскѣ, а при своихъ куреняхъ и на промыслахъ, и наряда имъ отъ Порты и отъ султана никуда не бывало и о коронаціи польской у нихъ не слышно ничего» ¹⁾.

---

¹⁾ Записки общ. исторіи и древностей, XIV, 294.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Тяжелое положеніе запорожскихъ козаковъ подѣ властью крымскаго хана.—Новыя попытки со стороны запорожцевъ о принятіи ихъ въ русское подданство.—Запорожская депутація, отправленная въ графу Вейсбаху съ просьбой объ исходатайствованіи прощенія войску и отвѣтъ на ту просьбу изъ Петербурга.—Кончина польскаго короля Августа II и обращеніе «станиславцевъ» въ крымскому хану съ просьбой о причинѣ запорожцевъ для борьбы съ Россіей.—Обращеніе запорожцевъ въ фельдмаршалу Мѣнику съ просьбой объ исходатайствованіи войску у русской императрицы прощенія.—Милостивая императорская грамота запорожцамъ 1733 года, августа 31 дня.—Занятіе запорожцами урочища Базавлува и дипломатическія наставленія отъ императрицы русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ относительно запорожцевъ.—Переписка русскаго резидента Неплюева съ графомъ Вейсбахомъ относительно занятаго запорожцами урочища.—Объясненія русскаго переводчика Бакунина съ великимъ визиремъ Али-пашою относительно того, кому именно принадлежать мѣста, занятыя запорожцами.

Вынужденные силою обстоятельствъ возвратиться вновь подѣ протекцію Крыма, запорожскіе козаки скоро испытали на себѣ всю тяжесть своего положенія. Какъ ни увѣрялъ ханъ запорожцевъ въ томъ, что они будутъ пользоваться подѣ его защитой самыми широкими правами, но въ дѣйствительности вышло совсѣмъ иначе. И въ самомъ дѣлѣ: жизнь запорожцевъ подѣ властью крымскаго хана не могла быть пріятна и сладка уже въ то время, когда они оставили свои вольности у пороговъ Днѣпра и рѣки Чортотмыка и сошли въ урочище Алешки, на Кардашинскій лиманъ. Правда, въ началѣ своего пребыванія подѣ владычествомъ Крыма запорожцы пользовались разными земными угодьями, не платили ничего изъ своего скарба въ ханскую казну, напротивъ того, сами получали милостивый отъ хана «айликъ». Но съ теченіемъ времени это положеніе измѣнилось къ худшему для запорожскихъ козаковъ. Взаимнѣ жалованья запорожцамъ позволили брать соль изъ крымскихъ лимановъ и озеръ, на первыхъ порахъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ противъ установившихся правилъ въ Крыму, т. е. съ меньшею пошлиной противъ той, какою обыкно-

венно взималась съ малороссійскихъ козаковъ и разныхъ украинскихъ промышленныхъ людей. Потомъ и эта привиллегія была у козаковъ отнята, когда дознано было, что они, подъ предлогомъ вывоза соли лично для себя, брали ее для малороссіянъ и продавали съ нѣкоторымъ въ свою полъзу барышомъ. За протекцію, которую оказывалъ войску крымскій ханъ, запорожскіе казаки должны были посылать въ походъ, по первому призыву хана, въ помощь татаръ, 2.000 и болѣе того человекъ, съ кошевымъ атаманомъ во главѣ, при чемъ ханы всегда старались возможно дальше усилать запорожцевъ въ походъ. Такъ, однажды запорожцы, вмѣстѣ съ ханомъ, ходили въ походъ на чернесь и дошли до рѣки Сулакъ. Этотъ походъ они считали очень убыточнымъ и обременительнымъ для себя. Кромѣ того за ту-же ханскую протекцію запорожцы не разъ должны были ходить на Перекопъ и бесплатно принимать участіе въ работахъ при возведеніи перекопской линіи, въ числѣ 300 и болѣе того человекъ. Последнее требованіе болѣе всего не нравилось козакамъ, имѣвшимъ особыя понятія о чести «лыцаря», несомвѣстимыя съ понятіемъ землекопа.

И чѣмъ долѣе запорожцы оставались подъ властію крымскаго хана, тѣмъ больше накоплялось у нихъ неудовольствій противъ бусурманъ. Изъ множества главнѣйшій причины неудовольствій были таковы.

Запорожцамъ строжайше было запрещено держать при Сичѣ пушки. Въ силу этого распоряженія турки отобрали у козаковъ все оставшіяся при нихъ пушки и запретили имъ впредь держать всякую артиллерію. Тогда произошелъ въ Запорожьи такой случай: однажды запорожскіе рыбаки усмотрѣли, послѣ полой воды, небольшую пушку въ лѣвомъ берегу Днѣпра, въ урочищѣ Каратебенѣ, и сообщили о томъ кошевому атаману. Кошевой атаманъ, желая лично провѣрить показаніе рыбаковъ на мѣстѣ, нашель у берега Днѣпра еще 50 штукъ пушекъ; однако, опасаясь, чтобы найденныя пушки не были отобраны турками, онъ отдалъ строжайшій приказъ содержать ихъ въ одномъ зимовникѣ тайно отъ запорожской черни. Кромѣ того, запорожцамъ запрещалось строить какия-бы то ни было укрѣпленія какъ въ самой Сичѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ поселеній. Запрещалось сноиться съ Россіей и ѣздить въ русскіе города, вести торговлю въ Очаковъ и Крыму; дозволялось лишь получать въ означенныхъ мѣстахъ товары и отвозить ихъ не дальше Сичи, въ самой-же Сичѣ предоставлялось

право торговать крымцамъ, очаковцамъ, грекамъ, жидамъ, армянамъ. На запорожцевъ накладывались разные дани, когда къ нимъ прѣзжали для осмотра ихъ войска, общественнаго порядка или ради другого какого-либо дѣла крымскіе салтаны и мурзы съ ихъ многочисленною свитой и прислугой: тогда запорожцы должны были воздавать имъ большую честь и, сколько-бы они у нихъ ни находились, обязаны были продовольствовать какъ ихъ самихъ, такъ ихъ свиту и лошадей, а на отѣздѣ, кромѣ того, должны были подносить имъ разные цѣнные подарки.

Но кромѣ всего этого жизнь запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскихъ хановъ и по многимъ другимъ причинамъ была «зѣло претрудная».

Прежде всего крымскій ханъ отнялъ у запорожцевъ весь Низъ Днѣпра, отъ Великаго лимана до самыхъ пороговъ «со всѣми тамошними степными угодіями и пожитками» и отдалъ его во владѣніе ногайскихъ татаръ. Затѣмъ ханъ не разъ «допускалъ великую на запорожцевъ драчу» какъ со стражниковъ на татарской границѣ, если съ вѣдома или безъ вѣдома ихъ кто-нибудь изъ крымскихъ невольниковъ уходилъ въ христіанскія земли или если у татаръ исчезали какіе-нибудь пожитки, табуны коней, стада воловъ, отары овецъ или-же пропадали сами хозяева-татары. Если при этомъ козаки уличались въ покражѣ скота или въ убійствѣ хозяевъ-татаръ, то за скотъ съ нихъ взымались деньги вдвойнѣ или втройнѣ, а за людей брались виновные и неповинные козаки; въ случаѣ несостоятельности виновныхъ козаковъ, татары накладывали пени на весь курень, а въ случаѣ отказа со стороны куреня, виновныхъ брали головой и только въ рѣдкихъ случаяхъ, при обоюдныхъ ссорахъ и захватахъ съ той и другой стороны, допускали обмѣнъ скотомъ и людьми. Кромѣ того, крымскій ханъ не разъ дозволялъ подвергать запорожскихъ козаковъ смертной казни. Такъ было въ то время, когда запорожцы защищали себя отъ поляковъ, дѣлавшихъ на нихъ нападенія, хватавшихъ ихъ въ плѣнъ и даже въшавшихъ безъ суда, какъ это не разъ происходило въ Брацлавѣ и въ другихъ пограничныхъ польско-малороссійскихъ городахъ. По праву, данному ханомъ полякамъ, однажды, вслѣдствіе жалобы ляховъ на запорожцевъ, съ послѣднихъ въ пользу мнимо обиженныхъ было взыскано 2.400 рублей пени. Не лучше поступали съ запорожцами ханы при взаимныхъ между собою распряхъ. Такъ, однажды, во время борьбы хановъ Адиль-

Герая и Менгли-Герая, когда запорожцы противъ собственной воли «затягнуты были» первымъ противъ второго, и когда второй «разогналъ» войско перваго, то ни въ чемъ неповинные запорожцы обвинены были ханомъ Менгли-Гераемъ въ вѣроломствѣ и проданы были, въ числѣ 1.500 человекъ, на турецкія каторги. Еще худшія бѣды терпѣли запорожцы отъ простыхъ татаръ. Такъ, азовскіе татары захватили какъ-то въ полонъ нѣсколько десятковъ запорожцевъ, ходившихъ на рѣку Калмиусъ за звѣремъ, и хотя Кошъ просилъ хана освободить ни въ чемъ неповинныхъ козаковъ, но ханъ въ томъ отказалъ Кошу. Потомъ ханъ отобралъ у запорожцевъ крѣпость Кодакъ, всѣхъ жителей разогналъ изъ крѣпости, самую крѣпость разорилъ, а городъ въ полное владѣніе отдалъ полякамъ. Наконецъ, ханъ запретилъ запорожцамъ строить постоянную церковь въ Алешковской Сичѣ, а подъ конецъ началъ стѣснять и самую ихъ вѣру правослаіную ¹⁾.

Видя, какъ притѣсненія со стороны татаръ все болѣе и болѣе возрастаютъ, запорожцы снова рѣшили возобновить свои просьбы русской императрицѣ о позволеніи имъ возвратиться на родныя мѣста. Въ январѣ мѣсяцѣ 1732 года къ графу Вейсбаху явились три знатныхъ запорожца съ запросомъ, что дѣлать войску, если крымскій ханъ потребуетъ отъ Коша вспомошествованіе козаками на случай похода его въ Кабарду или-же прикажетъ всему запорожскому войску перейти на другое мѣсто, поближе къ Крыму. Графъ Вейсбахъ, считая себя не вправѣ отвѣчать на такой запросъ запорожцевъ, нашелъ нужнымъ снестись по этому поводу съ правительственными лицами въ Петербургъ и до полученія такого или иного отвѣта велѣлъ запорожскимъ депутатамъ нѣсколько времени пообождать въ Кіевѣ.

Отвѣтъ на такой запросъ пришелъ изъ Петербурга лишь въ мартъ мѣсяцъ и былъ также неопредѣленный, какъ и вообще во просѣ о принятіи запорожцевъ поцъ русскую протекцію. «Въ настоящее время, когда у насъ съ турками еще твердо содержится миръ, грамоты къ запорожцамъ и никакого письменнаго снабженія послать и ихъ всѣхъ вдругъ въ подданство принять нельзя. ибо такой поступокъ турки могутъ почесть нарушеніемъ мирного

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 21—27; Максимовичъ и Щекатовъ, Новый географическій словарь, Москва, 1783, II, 4—45; Кіевская Старина, II, апрѣль, 123.

договора, въ которомъ запорожцы означены въ турецкой сторонѣ и особливо то мѣсто, на которомъ они живутъ, и прочая земля отъ самой Самары рѣки внизъ Днѣпра уступлена Портѣ; а они, запорожцы, не захотятъ отказаться отъ своихъ вольностей, звѣриной и рыбной ловли и перейти жить въ наши границы. Поэтому вы должны съ ними поступать по нашимъ прежнимъ указамъ, дѣлая имъ, при всякомъ случаѣ, тайно словесныя обнадеживанія, что послѣ, при удобныхъ обстоятельствахъ, мы ихъ примемъ, но чтобъ до тѣхъ поръ имѣли терпѣніе. Внушите имъ, чтобъ они всевозможными способами уклонились отъ посланки вспомогательнаго отряда къ хану въ кабардинскій походъ; но если отговориться будетъ нельзя, то пусть отправятъ часть козаковъ и накажутъ имъ тайно, чтобъ они, приближаясь къ Кабардѣ, отправили отъ себя кого-нибудь въ крѣпость св. Креста къ тамошнему командиру съ увѣдомленіемъ, сколько въ походѣ крымскихъ, кубанскихъ и другихъ войскъ и ихъ, запорожцевъ; ханъ ли самъ или какой салтанъ командуетъ и съ какимъ намѣреніемъ идетъ въ Кабарду и что командиръ крѣпости имъ прикажетъ, то-бъ они и дѣлали. Что-же касается ханскаго намѣренія переселить запорожцевъ на другую сторону Днѣпра, ближе къ Крыму, то въ случаѣ ихъ сопротивленія ханъ станетъ искать способа накрѣпко прибрать ихъ всехъ въ свои руки, или подъ предлогомъ послушанія, разорить ихъ, и съ нашей стороны тогда имъ, пока у насъ миръ съ турками, никакой помощи подать или прямо принять нельзя: и потому здѣсь разсуждается, что имъ противиться хану неподобно, пусть переходятъ безъ спора: находясь по близости къ Крыму, они могутъ удобнѣе противъ него дѣйствовать. Впрочемъ, все это полагается на васъ: вы о тамошнихъ мѣстахъ можете знать лучше¹⁾.

И такъ, запорожцамъ нужно было снова ждать до тѣхъ поръ, пока не настанетъ для нихъ благопріятный моментъ, т. е. пока турки и татары не нарушатъ мирнаго договора съ Россіей.

Такой моментъ насталъ только въ 1733 году. Въ это время въ Польшѣ скончался король Августъ II, бывший саксонскій курфирстъ. Августъ II имѣлъ при жизни своимъ противникомъ Станислава Лещинскаго, но благодаря поддержкѣ со стороны русскаго императора Петра Алексѣевича, одержалъ верхъ надъ соперникомъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 75.

и процарствовалъ до 1 февраля означеннаго года. Послѣ смерти Августа II въ Польшѣ объявились два претендента на обладаніе короной, Станиславъ Лещинскій и сынъ умершаго короля, Фридрихъ-Августъ. Перваго желали видѣть королемъ сама Польша и Франція, второго—Австрія и Россія. Сторонники Станислава Лещинскаго обратились за помощію къ турецкому султану и крымскому хану, при чемъ вспомнили и о запорожцахъ, находившихся подъ властію Крыма. Тогда рейментаръ земскихъ войскъ западной Украйны, панъ Свидзинскій, отправилъ своего посланца съ письмомъ къ бывшему на ту пору кошевымъ атаманомъ Ивану Малашевичу и приглашалъ его съ войскомъ на польскую службу. Но кошевой атаманъ и все запорожское войско назвались подданными крымскаго хана и дали отвѣтъ въ томъ духѣ, что безъ вѣдома своего повелителя «они ни въ какія затыги» ходить не могутъ. Послѣ такого отвѣта рейментаръ Свидзинскій обратился къ верховному покровителю запорожцевъ, крымскому хану.

Въ свою очередь запорожцы обратились съ петиціей къ русскому фельдмаршалу Миниху, стоявшему въ то время съ войсками въ Малой Россіи. Кошъ отправилъ къ Миниху нѣсколько чловѣкъ посланцевъ и просилъ черезъ нихъ облеченнаго сильною властію фельдмаршала склонить императрицу принять запорожское войско подъ скипетръ російской державы. Графъ Минихъ, принявъ запорожскихъ посланцевъ, удержалъ ихъ при себѣ, императрицѣ же отправилъ собственное донесеніе о просьбѣ Коша. Положеніе дѣлъ въ то время было таково, что запорожцы могли рассчитывать на скорый отъ русскаго правительства отвѣтъ. При константинопольскомъ дворѣ находился французскій посолъ, интриговавшій тамъ противъ Россіи. Онъ держалъ при себѣ, подъ именемъ офицера, молодого Орлика, сына Филиппа, и черезъ него рассчитывалъ причинить большой вредъ Россіи. Для этого онъ отправилъ тайно Орлика въ Запорожье и на Украйну съ цѣлью привлечь ихъ къ союзу съ татарами и поднять противъ Россіи. Самъ Филиппъ Орликъ въ это время находился при крымскомъ ханѣ. Крымскій-же ханъ, оставивъ свою столицу, Бахчисарай, проѣхалъ въ Бендеры, а изъ Бендеръ бросился къ рѣкѣ Орели съ цѣлью набѣга на русскія владѣнія ¹⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 73, 74.

Такимъ образомъ сама необходимость заставила русское правительство поторопиться, какъ можно, скорѣй окончить вопросъ съ запорожцами.

Получивъ донесеніе фельдмаршала Миниха, императрица Анна Іоанновна соблаговолила, наконецъ, послѣ пѣлаго ряда отказовъ, принять запорожцевъ, подъ свое высокое покровительство. Приведеніе въ исполненіе этого дѣла поручено было генералъ-фельдцейхмейстеру принцу Гессенъ-Кобургскому, состоявшему въ то время на русской службѣ и находившемуся подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Послѣ этого, августа 31 числа, 1733 года, послана была и самая грамота, на имя кошевого атамана ¹⁾, о прощеніи вины запорожцевъ и о принятіи ихъ подъ власть Россіи.

«Божією милостію отъ пресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государыни императрицы и великой княгини Анны Іоанновны, всероссийской самодержицы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ обладательницы и наслѣдной государыни и протчая и протчая и протчая. Нашего императорского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману «   » ²⁾ и всему будущему при тебѣ послодству нашего императорского величества милостивое слово. Мы, великая государыня, наше императорское величество, о вашемъ всеподданнѣйшемъ и всенижайшемъ прошеніи къ намъ, дабы мы милость нашу къ вамъ явили и вины ваши отпустили и попрежнему въ наше подданство приняли, какъ напредъ сего изъ вашихъ къ намъ листовъ, такъ особливо нынѣ отъ прибывшаго ко двору нашему нашего генерала фонъ-Вейсбаха, х которому вы, подтверждая тѣ ваши прошеніи, еще листовне отозвались, обстоятельно изустно увѣдомлены; которой (-ый) намъ о вашемъ дѣйствительномъ и вѣрномъ намѣреніи и желаніи быть вѣчно въ подданствѣ нашемъ и служить со всякою вѣрностью засвидѣтельствовалъ и представлялъ о желаніи и покорнѣйшемъ прошеніи вашемъ, дабы въ лутчую вамъ надежду и упованіе прислали мы къ вамъ всемило-

¹⁾ Въ подлинникѣ мѣсто для имени и фамиліи кошевого атамана оставлено свободнымъ.

²⁾ Именно послѣ этихъ словъ и оставлено свободное мѣсто для имени кошевого атамана; въ документѣ, приведенномъ въ Исторіи Малой Россіи Б. Каменскаго (1882, IV, 227), поставлено въ этомъ мѣстѣ «Ивану Малашевичу».

стивѣйшую грамоту съ прощеніемъ вашихъ винъ и съ обнадеживаніемъ о нашей монаршеской милости; по которому вашему всеподданнѣйшему и всепокорнѣйшему прошенію мы вамъ вины ваши всемилостивѣйше отпускаемъ въ той надеждѣ, что вы тѣ свои вины намъ заслужите и въ наилучшей и совершенной вѣрности къ намъ пребудите и впротчемъ, о чемъ къ вамъ вышепомянутой нашъ генераль фонъ-Вейсбахъ, именемъ и указомъ нашимъ писать и повелѣвать будетъ, съ великою вѣрностью исполните, за что мы васъ нашею высокою милостію обнадеживаемъ» ¹⁾.

Получивъ, наконецъ, давно ожидаемую всемилостивѣйшую грамоту о помилованіи, запорожцы, въ знакъ своей искренней признательности, отправили, декабря 11 числа, графу фонъ-Вейсбаху письмо отъ всего Коша съ глубокой благодарностью за исходатайствованіе имъ для войска высочайшей милости. Въ то время кошевымъ атаманомъ войска запорожскаго состоялъ Иванъ Бѣлицкій. Бѣлицкій извѣщалъ сіятельнаго графа о полученномъ, еще въ бытность въ Запорожьи кошевымъ атаманомъ Ивана Малашевича, письмѣ отъ региментаря земскихъ войскъ западной Украйны Свидзинскаго съ просьбой къ Кошу о подааніи помощи Польшѣ въ наступившую войну. Уклоняясь, какъ и Малашевичъ, отъ подачи всякой помощи Польшѣ, кошевой Бѣлицкій тѣмъ не удовольствовался, а послалъ приказъ пограничному бугогардовскому полковнику ловить «воровскихъ затыщиковъ» и присылать ихъ въ Сичь. Но въ это время крымскій ханъ Каплагъ-Герай, желая испытать вѣрность запорожцевъ, потребовалъ было къ себѣ кошевого атамана Бѣлицкаго, войскового судью Якова Тукала и всѣхъ куренныхъ атамановъ съ намѣреніемъ черезъ нихъ привести все войско къ присягѣ на вѣрность себѣ и турецкому падишаху. Однако, случившійся на ту пору въ Крыму бывшій кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ предупредилъ такое требованіе хана и взялъ на себя смѣлость дать ему отвѣтъ вмѣсто кошевого Бѣлицкаго. Онъ заявилъ ханскому везиру, что кошевой всему государству крымскому какъ былъ вѣренъ, такъ и остается вѣрнымъ. Такимъ категорическимъ отвѣтомъ ханъ вполне удовольствовался и отказался отъ вызова къ себѣ властного кошевого атамана для снятія съ него присяги. Донося обо всемъ этомъ графу Вейсбаху, кошевой Бѣлицкій въ тоже время извѣщалъ его о проѣздѣ черезъ Запорожье въ Крымъ и въ Кон-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1733, св. 69, № 8.

«статинополь сына переяславскаго полковника Ивана Мировича, Федора Мировича съ товарищами, отправленнаго сторонниками Станислава Лещинскаго для найма орды въ Польшу и, наконецъ, въ заключеніе просилъ графа «дать запорожцамъ наставленіе, какъ имъ поступать съ крымскимъ ханомъ въ разсужденіе польскихъ вспомогательныхъ войскъ» ¹⁾).

Письмо, посланное запорожцами графу фонтъ-Вейсбаху, характерно во многихъ отношеніяхъ и передаетъ стиль, приемы и самое положеніе запорожскаго войска съ особенною наглядностію.

Вотъ это любопытное письмо въ подлинномъ его видѣ.

«Сіятеливѣйшій и высокопревосходительвѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, обоихъ орденовъ кавалеръ и кievской губерніи генералъ-губернаторъ и сибирскаго драгунскаго полку полковникъ, графъ фонтъ-Вейсбахъ, особливѣйшій нашъ государь и великій благодѣтель. За божію помощію и ходатайствомъ сіятелства вашего получа мы, войско запорожское низовое, отъ вашего графскаго сіятелства поданную чрезъ посланныхъ войсковыхъ нашихъ копію отъ ея императорскаго величества изъ С.-Петербурга писанную, что в оной прегрѣшенія и вины наши прежнія прощаетъ и въ протекцію и многомогущую свою оборону нынѣ приѣмлетъ, милостиво насъ имѣтъ обнадеживая, за которое ваше благодѣяніе и ходатайство при низжайшемъ нашемъ доземномъ поклоненіи, писменное наше войсковое благодареніе приносимъ и въ томъ имѣя въ рукахъ нашихъ милостивой государыни нашей надежду, какъ ея величеству, такъ и вашему графскому сіятелству усердную нашу услугу и доброжелательство приносить и объявлять должныствуемъ, яко-же и нынѣ чрезъ нарочно посланнаго отъ насъ, войска, господина атамана Конеловскаго ²⁾ Филипа Прокофѣева, о нижеозначенной здѣсь вѣдомости вашему графскому сіятелству доносимъ, то-есть: бывшій нашъ атаманъ кошевой, господинъ Иванъ Малашевичъ, ѣздилъ посланникомъ отъ войска въ Крымъ къ хану для позыву въ дѣлѣ убѣгающихъ фурджѣевъ и протчихъ неволниковъ нагайскихъ и крымскихъ и возвратясь оттуда къ Кошу нашему войсковому прошедшаго ноября 29 дня объявилъ, что одни послы польскіе, которые Лещинскаго короля сторону держать, въ Стамбуль поѣхали, и другіе с денгами къ хану в Крымъ при-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1783, св. 69, №№ 9, 4.

²⁾ То-есть атамана конеловскаго куреня.

были орду подымать, а именно: одинъ посоль Шумьянскій, другой Мировичъ, бывшаго полковника переяславскаго сынъ, и Нахимовскій (которые два подъ властію князя Вишневецкаго обрѣтались) и с ними протчихъ конныхъ съ 60 людей, для которыхъ посланниковъ его ханское величество насъ, атамана кошевого, и всѣхъ куренныхъ атамановъ для искушенія и присяги, въ вѣрности-ли мы къ нему обрѣтаемъ, туда къ себѣ насъ пригласить имѣлъ, а потомъ, увидя помянутого нашего господина Малашевича, который для позыву туда прибылъ, предъ тѣми посланными полскими ханской везиръ и Ширинъ-бей Джантемиръ его объ насъ допрашивали, и какъ оной Малашевичъ сказалъ, что де какъ я въ вѣрности, такъ и кошевой нашъ всему государству крымскому вѣрный и не измѣнникъ обрѣтается, то тогда нашъ путь остановили и къ себѣ насъ, кошевого, не призывали. Тѣже послы и сіе время въ Крымѣ обрѣтаются, ожидая, какой къ хану крымскому изъ Стамбула указъ прійдетъ, и такъ слышно, что хотятъ на помощь орду дать и расширеніе учинить. А третіе полскіе послы изъ Немирова отъ региментаря Свидинскаго брацлавскаго, партіи украинской, къ намъ войску въ Кошъ съ его-жъ писмомъ сего декабря 6 дня пріѣзжали, то-есть нѣкоторые значковые товарищи Квасневскій, который сказывалъ, что у вашего графскаго сіятельства, за своими нѣкоторыми интересами въ Полтавѣ былъ; а другій Колосовскій и протчіе съ ними городовые козаки, человекъ съ 10, прося у насъ, войска, къ себѣ на помощь, х которому региментарю мы, войско, отписали, что намъ ханское величество чрезъ нашего посланнаго господина Малашевича ни въ какіе сунурсы безъ вѣдома своего никуда вступать не приказывалъ. И того для мы нашъ войсковою указъ х гардовому полковнику нашему войсковому послали, чтобъ де тамъ вашихъ полскихъ воровскихъ наговорщикомъ, къ Бугу рѣкъ приходящихъ, смотрѣлъ и имая ихъ къ намъ въ Кошъ присылалъ, дабы мы, войско, чрезъ такіе воровскіе умысли (-ы) въ какое-либо у ханскаго величества подозрѣніе не пришли; и тако мы съ тѣмъ отвѣтомъ помянутыхъ поляковъ отправя тотчасъ поотъздѣ ихъ, по истинному рабскому нашему войсковому къ ея императорскому величеству доброжелательству, сію вѣдомость предлагаемъ и наставленія у вашего графскаго сіятельства просимъ, какое вы намъ, войску, по силѣ того наставленіе дать изволите, ежели-бы ханъ крымскій орду полякамъ на помощь посылать и нашему войску съ оною итти приказать имѣлъ, что тогда намъ съ

зюмянутымъ ханомъ крымскимъ чинить и какъ поступать, ибо и нынѣ отъ нагайцевъ нападеніе имѣемъ, которые изъ той стороны Днѣпра домъ переходя вверхъ Днѣпра выше Старой Сѣчи и ниже, великую нашимъ козакамъ съ своими улусами досаду чинять, о чемъ хотя мы не одинажды къ ханскому величеству писали, однакожь не вѣдаемъ, чего для онъ отгуду нагайцамъ уступить не повелѣваетъ; орда же крымская, которая гѣтомъ съ двумя салтанами, Калгою и Орбѣмъ подъ Кабарду пошла, по сіе время тамъ въ Кубанѣ стоитъ. О семъ вашему графскому сіятелству донося и паки о наставленіи (какъ-бы намъ по разсужденію польского сукурса съ ханомъ крымскимъ поступать) просимъ и при семъ копію съ писма regimentарского для внищей дружбы нашей прилагая, навсегда пребываемъ вашего графского сіятелства милостивого государя и благодѣтели нашего всѣхъ благъ вѣрно желающіе и нижайшіе слуги Иванъ Бѣлицкій, атаманъ кошевой вейска запорожского низового с товарищи. Изъ Коша декабря 11 дня, 1733 году» ¹⁾.

Графъ Вейсбахъ нашелъ всѣ отвѣты, данные запорожцами, какъ польскому regimentарю, такъ и крымскому хану, «вполнѣ изрядными и весьма искусными»; увѣдомленіе о посольствѣ «лепцинцамъ» въ Крымъ и въ Стамбулъ принялъ къ свѣдѣнію и благодарилъ за него кошевого, прося и впредь дѣлать такіа увѣдомленія и общаая за то милость и награду монаршую. Относительно-же наставленія, какъ вести себя съ ханомъ, когда онъ прикажетъ идти, вмѣстѣ съ ордой, въ Польшу, графъ совѣтовалъ отвѣчать, что къ походу хана все будетъ готово, и для большаго увѣренія въ томъ хану начать дѣлать приготовленія къ выступленію въ походъ, но не съ тѣмъ, конечно, чтобы бусурманамъ служить, а съ тѣмъ, чтобы вѣрность русскому престолу показать, и потомъ о своихъ приготовленіяхъ немедленно самого графа извѣстить. Если-же орда слишкомъ скоро выйдетъ въ польскій походъ, и ханъ потребуетъ такого-же скорога выступленія и отъ запорожскихъ козаковъ, то въ такомъ случаѣ ему объявить, что войско запорожское въ Польшу не можетъ идти, потому что тамъ находятся русскія войска, которыя, узнавъ о выступленіи запорожцевъ изъ Сѣчи, могутъ послать туда свой отрядъ и приказать ему разорить Сѣчь и всѣ ея курени. Когда-же ханъ потребуетъ черезъ послан-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1733 св. 69, № 4.

наго, настоятельно отъ запорожцевъ похода въ польскіе города или въ другія какія-либо мѣста, то въ такомъ случаѣ ханскому посланному отвѣчать, что запорожское войско больше въ подданствѣ хана не состоитъ, а находится въ подданствѣ русской государыни; послѣ этого ханскаго посланнаго или выгнать отъ себя или-же вовсе убить, и всѣхъ ногайцевъ, находящихся вверху Днѣпра, выше и ниже Сичи, разорить и разогнать.

Не ограничиваясь одними наставленіями, графъ Вейсбахъ увѣдомлялъ кошевого и о томъ, что въ польскую область, къ Брацлаву и на Волынь, для поиска рейментаря Свидзинскаго и для разоренія маетностей сторонниковъ Станислава Лещинскаго, отправленъ, подъ командой князя Шаховскаго и генераль-маіора Кейта, русскій регулярный корпусъ съ значительной артиллеріей, съ которымъ имѣеть соединиться большое войско для разоренія польскихъ маетностей и деревень. Независимо отъ этого поставлена въ мѣстечкахъ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ особая команда, подъ начальствомъ полковника, въ тысячу человекъ драгунъ для охраны запорожскаго войска; полковникъ команды, по первому требованію запорожцевъ, можетъ спуститься къ самой Сичѣ и защищать ее отъ бусурманъ. Поэтому, въ виду согласія дѣйствій, запорожцы должны увѣдомить графа, сколько у нихъ можетъ быть всего войска и что они предпримуть въ томъ случаѣ, когда крымскій ханъ уйдетъ въ Польшу, т. е. двинется-ли къ драгунамъ въ Медвѣдовку и Боровицы, или-же ударятся на Крымъ для разоренія тамошнихъ мѣстъ. Графъ Вейсбахъ полагалъ, что за выгнаниемъ въ Польшу орды и за невозвращеніемъ изъ кабардинскаго похода двухъ салтановъ съ ордой (которые стояли на Кубани) въ Крыму осталось совсѣмъ мало татарскихъ войскъ и въ такомъ случаѣ въ немъ можно было-бы «знатное разореніе учинить». Запорожцы должны также сообщить, куда удобнѣе поставить драгунъ на постой, въ самой-ли Сичи, или-же въ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ, гдѣ находился западноукраинскій рейментарь. Наконецъ, въ заключеніе письма графъ Вейсбахъ просилъ кошевого атамана изловить одного изъ польскихъ посланцевъ, отправленныхъ въ Стамбуль, а именно сына переяславскаго полковника Ивана Мировича, Ѳедора Ивановича, когда онъ будетъ возвращаться въ Польшу черезъ запорожскую Сичь. Графъ совѣтовалъ кошевому ничего дурного лично Мировичу до времени не причинять, напротивъ того, показывать къ нему полную дружбу и пріязнь, пока

онъ будетъ на Кошу; но потомъ, когда оставить Сичь, велѣть его догнать, внезапно схватить и доставить переволочанскому коменданту на лѣвый берегъ Днѣпра и отъ коменданта арестованнаго въ городъ Полтаву препроводить. Въ случаѣ при немъ окажется какая-нибудь казна, то деньги разграбить и разграбленное все подѣлить между собой. «И ежели оное учинено будетъ, то извольте въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе отъ ея императорскаго величества получите особливо всемилостивѣйшее награжденіе»¹⁾.

Насталъ 1734 годъ, и запорожцы все еще находились въ неопредѣленномъ положеніи. А между тѣмъ имъ нужно было одно изъ двухъ выбрать—или открыто объявить себя подданными Россіи или-же безпрекословно подчиниться во всемъ крымскому хану, потому что крымскій ханъ именно въ это время потребовалъ настоятельно, чтобы запорожцы шли въ Польшу въ помощь королю Станиславу Лещинскому для борьбы съ враждебной ему партіей. Запорожцы рѣшились на первое. Не возражая ни словомъ противъ ханскаго приказанія, кошевой Бѣлицкій собралъ все войско и двинулся съ нимъ къ рѣкѣ Бугу. Не дойдя до Гарда, онъ остановился таборомъ и послалъ къ графу Вейсбаху гонца съ запросомъ, камъ ему поступить на будущее время. Графъ Вейсбахъ, воспользовавшись недавнимъ набѣгомъ ногайцевъ, находившихся въ подданствѣ Турціи, на малороссійское село Беркутъ полтавскаго полка, представилъ это дѣло русскому правительству какъ нарушеніе мирнаго трактата со стороны Турціи и подалъ мысль императрицѣ немедленно принять запорожцевъ въ русское подданство для противопоставленія ихъ ногайцамъ. Самому кошевому онъ отправилъ, въ это-же время, февраля 12 дня, гонца съ такимъ листомъ: «Изъ сего моего объявленія вы и все войско запорожское низовое можете узнать, что ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня, неотмѣнное свое высочайшее соизволеніе и милость въ отпущеніи войска запорожскаго винъ содержитъ и въ высочайшую свою державу, а отъ бусурманскаго подданства всѣхъ васъ вѣчно освобождаетъ и въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ имѣтъ соизволить».

Между тѣмъ на запорожскихъ козаковъ рассчитывалъ и крымскій ханъ. Онъ составилъ себѣ планъ двинуться сперва къ Хо-

¹⁾ Киевская Старина, 1882, апрѣль, 125—129.

тину, изъ Хотина идти въ Польшу и тамъ сдѣлать нападеніе на русскихъ. Въ виду такого похода кошевой атаманъ долженъ былъ собрать нѣсколько тысячъ человекъ запорожскаго войска и отправить его къ хану, самъ-же съ куренными атаманами долженъ явиться въ Крымъ въ качествѣ заложника, а оставшихся козаковъ перевести «изъ Сѣчи, ближе къ Крыму, въ урочище, зовомое Алешку». Послѣ этого всѣ запорожцы съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ, ожидая отъ такого приказанія конечной для себя погибели, согласись единогласно, оставили прежнее свое жилище и пошли на житье вверхъ Днѣпра на мѣсто, называемое Базавлукъ, куда приказали явиться и всѣхъ козакамъ; отправленнымъ къ хану. Сдѣлавъ такое дѣло, они разослали отъ себя письма къ крымскому хану Капланъ-Герая, перекопскому бекъ и турецкимъ комиссарамъ и въ письмахъ изъяснили, что они не могутъ, не смотря на нарядъ хана, идти въ помощь полякамъ противъ русскаго войска и своихъ родственниковъ, въ Малой Россіи находящихся. Послѣ всего этого запорожцы о всѣхъ военныхъ планахъ крымскаго хана послали извѣстіе въ Кіевъ и въ тоже время отправили листъ государынѣ императрицѣ, въ которомъ «слезно» просили принять ихъ, какъ природныхъ подданныхъ, до тѣхъ поръ въ бѣгахъ жившихъ, въ свою протекцію, и русская императрица «по христіанству и по всенароднымъ правамъ, отказать не могла имъ» ¹⁾.

При всемъ томъ по поводу перехода запорожцевъ съ устья рѣчки Каменки въ урочище Базавлукъ очень долго еще продолжалась переписка и шли съ той и другой стороны различныя объясненія.

Марта 27 числа изъ Петербурга въ Константинополь къ русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву посланъ былъ «секретнѣйшій» запросъ о томъ, какого мнѣнія будетъ резидентъ, если императорское правительство рѣшится принять запорожское войско въ русское подданство, т. е. что можетъ воспослѣдовать чрезъ то отъ турокъ. До сихъ поръ запорожцы не были приняты изъ боязни, чтобы турки не оставили своихъ «персидскихъ дѣйствъ» ²⁾ и не обратились войной на Россію. Теперь императорское правительство, задумавъ войну съ турками, принуждено держать свое

¹⁾ Архивъ мѣн. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1784 и 1785, св. 69, № 6.

²⁾ Въ то время Турція вела войну съ Персіей.

назначеніе въ строжайшемъ секретѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены къ надежному основанію польскія дѣла, и въ этомъ разсужденіи запорожцевъ, которые, на случай войны Россіи съ Турціей, могутъ быть весьма полезны, отпустить «не заблагоразсуждаетъ» ¹⁾.

Но еще до полученія такого запроса русскій резидентъ Неплюевъ послалъ изъ Царьграда черезъ Вѣну въ Петербургъ обширное донесеніе императрицѣ о томъ, какъ надо поступить съ запорожскими козаками въ виду слагающихся политическихъ обстоятельствъ. Онъ не видѣлъ иного способа, какъ принять ихъ въ границы императорскаго величества, потому что «заграницею безъ разрыва никакъ содержать мира невозможно»; къ тому-же, какъ слышалъ резидентъ въ столицѣ султана, «едва-ли не противъ запорожцевъ» отправлены Орликъ и его сынъ; въ отговорку-же Портѣ можно сказать то, что сама она приняла подданнаго императорскаго величества Дондукъ Омбу съ калмыками въ протекцію, а потому тѣмъ менѣе имѣется оснований для русской императрицы не принимать обратно своихъ собственныхъ подданныхъ; впрочемъ, едва-ли Порта рѣшится объявить войну Россіи ради однихъ запорожцевъ.

Въ началѣ апрѣля графъ Вейсбахъ донесъ русскимъ резидентамъ въ Константинополь, Неплюеву и Вишнякову, о томъ, что запорожцы отказались повиноваться крымскому хану и перешли на урочище Базавлукъ и что для предовращенія прихода со стороны татаръ къ русскимъ границамъ онъ распорядился сдѣлать нападеніе на бусурманъ въ тылъ отъ линіи.

Русскіе резиденты, получивъ такое донесеніе, сообщили о взятыхъ противъ татаръ мѣрахъ, умолчавъ, впрочемъ, о переходѣ изъ Крыма въ Россію, запорожцевъ, цесарскому резиденту и посламъ англійскому, «дабы сіе подъ рукою внушить, чтобъ Порта не имѣла никакого резона нарекать намъ на разрывъ, когда что отъ татаръ начнется». Твердая рѣшимость со стороны запорожцевъ навсегда покинуть владѣнія Крыма вполнѣ совпадала со взглядами Неплюева, и онъ въ новомъ донесеніи императрицѣ опять высказывался за принятіе ихъ подъ протекцію Россіи. «Ибо извольте-то въ дѣйствѣ увидѣть, что Порта будетъ ихъ оружіемъ себѣ покорять, когда они впредъ на всегдашнія времена къ вы-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; мал. дѣла, 1784 и 1785, св. 69, № 6.

сокой вашего императорского величества протекціи кредиту имѣть не будутъ, но еще и украинскіе то съ сожалѣніемъ примутъ, что такъ запорожцы обнадежены и оставлены найдутся, возмня хавскую протекцію сильнѣе; а ежели-же у вашего императорского величества съ турками до войны не дойдетъ, а запорожцы до негоціаціи внутрь вашего величества границъ ретируются, то можно ихъ содержать, и Портѣ нарекать резона не будетъ, яко въ отвѣтъ ей много законной правды употребить найдемъ; а ежели-же она нынѣ къ намъ отзовется, то мы до указа вашего императорского величества въ генеральныхъ терминахъ невѣдніемъ отговариваться будемъ» ¹⁾).

Послѣ такихъ донесеній послано было изъ Петербурга въ Константинополь, апрѣля 26 дня, черезъ кievскаго рейтара поручика Наковальнива, обширное наставленіе о томъ, что отвѣчать Портѣ на случай запроса съ ей стороны о переходѣ запорожскихъ козаковъ къ россійскимъ границамъ. Наставленія эти были таковы.

1. Хотя запорожцы, какъ самой Портѣ извѣстно, издревле подданные русскихъ царей, единого съ ними христіанскаго закона, родились все въ Малой Россіи, гдѣ ихъ отцы и сродники и нынѣ живутъ, но жили они въ Сичѣ, перебѣгая изъ Малой Россіи въ различное время по своему давнему обыкновенію самовольно, и иные, пробывъ въ Сичѣ нѣсколько времени, снова въ Малую Россію, т. е. въ свое отечество, возвращались. Не смотря на то, когда они, при учиненіи послѣдняго вѣчнаго мира съ Портѣй, сами добровольно въ крымской сторонѣ остались, то русскіе государи въ нихъ никогда не вступались, когда Кошъ свой они имѣли за русской границей, гдѣ сами имѣть хотѣли и въ то дѣло русское правительство мѣшаться считало для себя неприличнымъ.

2. Русскіе государи къ себѣ ихъ не призывали и непризываютъ и теперь, хотя запорожцы перешли съ своего Коша на новый Кошъ, но русской государынѣ до того дѣла нѣтъ, такъ какъ новый Кошъ не въ русскихъ границахъ обрѣтается и, на сколько государыня увѣдомлена о томъ, запорожцы перешли на то мѣсто, гдѣ они издревле всегда свое жилище и пребываніе имѣли, а потому чинить имъ препятствіе въ томъ не находится причины никакой.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

3. Въ виду того, что крымскій ханъ, противно вольности и обыкновенію козаковъ, хотѣлъ насильно переселить ихъ изъ Сѣчи къ самому Крыму съ намѣреніемъ разобрать ихъ по рукамъ, самого кошевого со всѣми знатными куренными атаманами силою къ себѣ въ аманаты взять и насильно гетманомъ надъ ними явнаго измѣнника Орлика поставить, то запорожцы, какъ народъ вольный, не допуская себя до послѣдней погибели, принуждены были, ради своего спасенія, на другое мѣсто перейти. И за то крымскій ханъ долженъ подлежать нареканію, потому что такими поступками своими онъ къ отчаянію запорожцевъ привелъ, а натурально, что всякъ, видя передъ собой послѣднюю погибель свою, старается отъ оной себя спасти.

4. А что запорожцы, будучи издревле русскими подданными и имѣя въ Малой Россіи своихъ родственниковъ и свойственниковъ, отказали хану идти войной противъ русской государыни и противъ русскихъ войскъ, то это также вполне натурально: вѣдь сами же запорожцы легко могутъ разсудить, что, выступивъ противъ русскихъ войной, они выступаютъ противъ собственныхъ родственниковъ и свойственниковъ, въ русской державѣ обрѣгающихся, и потому если запорожцы не хотятъ идти войной противъ своего отечества, то русской императрицѣ пенять на нихъ за то неприлично.

5. Если крымскій ханъ, которому «накрѣпко и ненарушимо» нужно было соблюдать между обѣими державами вѣчный миръ, не смотря на то, «непріятельскія и мирнонарушительныя свои намѣренія въ дѣйство производить хочеть», то и русской императрицѣ, въ противность хану, нужно брать надлежащія мѣры для учиненія отпора.

6. Впрочемъ, русская императрица и до послѣдняго времени къ тѣмъ запорожцамъ не имѣетъ никакого отношенія; запорожцы сами, ради одного своего спасенія, перешли изъ прежняго своего Коша на новый и поселились въ турецкихъ-же, а не русскихъ границахъ, и если крымскій ханъ оставить ихъ «при прежнихъ обыкновеніяхъ» и не будетъ принуждать къ войнѣ противъ Россіи, то они снова могутъ въ крымскую протекцію вернуться, и императрица не станетъ себѣ присвоить ихъ.

7. Но если крымскій ханъ не оставитъ своего намѣренія всеконечно погублять ихъ и приневоливать къ войнѣ противъ Россіи и оныя запорожцы къ русской императрицѣ, какъ къ природной

своей государынѣ, прибѣгать стануть, то императрица, по закону христіанскому, тѣхъ запорожцевъ, какъ христіанъ и единовѣрцевъ, считаетъ отгонять отъ себя неприличнымъ и натурально не станеть принуждать ихъ къ тому, чтобы они, совмѣстно съ крымскимъ ханомъ, выступали врагами русскаго государства.

8. Если-же ханъ станеть жить въ покоѣ и мира не нарушить, то все то минуетъ, и объ имперіи, а также и всѣ запорожцы по-прежнему останутся въ покоѣ.

9. Русская императрица тѣхъ запорожцевъ до послѣдняго времени не принимала и принять не хотѣла, и если-бы то учинилось, и императрица позволила-бы имъ имѣть жилище въ русскіихъ границахъ, то это «ни въ какую противность принято быть не можетъ», потому что самой Портѣ извѣстно, какимъ образомъ русскіе измѣнники Дондукъ Омбо съ товарищами, хотя они и идополоклонники и не единовѣрцы туркамъ, приняты крымскимъ ханомъ въ протекцію, доннынъ въ его области находятся и на русскія области, безъ всякаго препятствія со стороны Порты, чинили нападенія и чинить продолжаютъ. Тѣмъ менѣе станеть рѣшимости у русской императрицы отгонять отъ себя такихъ людей, которые и по рожденію и по христіанскому закону могутъ называться своими.

«А все то можете заключить тѣмъ, что надлежитъ хана крымскаго унимать и онаго къ содержанію покоя принуждать, тогда и все склонно между обоими имперіями происходить будетъ. Можете еще Портѣ о запорожцахъ и сіе объявить, что всѣ они до единого урожденные въ нашей имперіи и перебѣгая живутъ тамъ въ Сѣчѣ изъ давнихъ лѣтъ безъ жонъ холостые, и такъ ежели-бъ повсѣвременно туда оныхъ бѣгущихъ изъ нашего подданства не прибавлялось, то они, запорожцы, давно всѣ перевелись, понеже плодятся имъ въ Сѣчѣ не отъ кого» ¹⁾).

О переходѣ запорожцевъ изъ-подъ власти Крыма подъ власть Россіи турецкая Порта узнала по донесенію хана. Донося о томъ падишаху, крымскій ханъ сообщалъ, что хотя запорожцы и покинули свои прежнія займища, но изъ турецкихъ границъ еще не вышли.

На основаніи этого донесенія крымскому хану посланъ былъ приказъ убѣдить запорожцевъ вернуться къ прежней протекціи Крыма; въ случаѣ-же съ ихъ стороны сопротивленія, ханъ дол-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1784 и 1785, св. 69, № 6.

женъ смирить ихъ оружіемъ, какъ людей въ его землѣ живущихъ. Въ столицѣ султана всѣ были въ то время того мнѣнія, что хотя запорожцы и покинули свои жилища при устьѣ рѣчки Каменки, но все-таки сѣли на земляхъ, принадлежавшихъ Крыму, а слѣдовательно и Турціи. «И ежели, писавъ по этому поводу русскій резидентъ Неплюевъ графу Вейсбаху въ Кіевъ, у насъ съ Портою дойдетъ до разрыва, тогда невозможно тѣхъ запорожцевъ въ турецкой землѣ въ протекціи ея императорского величества содержать: какъ мнѣ здѣсь слышно, что Базовъ лугъ ¹⁾ мѣсто туркамъ принадлежащее, понеже вашему сіятельству извѣстно, что хотя въ трактатѣ съ Портою глухо стоитъ, но въ инструментѣ разграниченія 1714 года явно и ясно границы описаны и всѣ земли къ крымской сторонѣ отъ тѣхъ границъ турецкими именованы безъ изыятія, и ежели они, запорожцы, ретируются внутрь ея императорского величества границъ, тогда ихъ и во время мира принять свободно можно и Портѣ въ отвѣтъ показанные мнѣ отъ вашего сіятельства резоны довольны будутъ» ²⁾.

И представленіе русскаго резидента имѣло, какъ вскорѣ оказалось, свои основанія. Въ слѣдъ за водвореніемъ запорожцевъ на урочищѣ Базавлукъ очаковскій паша донесъ великому везиру, что на томъ мѣстѣ, гдѣ поселились запорожцы, которое называется «Базагрукъ», русскіими людьми «начаты дѣлаться рвы». Объ этихъ рвахъ очаковскій паша «посылалъ спрашивать, на что то чинится, представляя, что реченное мѣсто Базагрукъ принадлежитъ къ области Порты оттоманскія». На такой запросъ папѣ отвѣтствовано, что тѣ рвы дѣлаются съ намѣреніемъ, «дабы въ томъ мѣстѣ, по указу русскіе двора, крѣпость построить и что помянутое урочище Базагрукъ не къ блистательной Портѣ, но къ русскіе государству принадлежитъ».

Донесенію очаковскаго паши придали въ Константинополѣ должное значеніе. Великій везиръ Али-паша находилъ нужнымъ, для разузнанія дѣла, отправить на урочище Базавлукъ полномочныхъ отъ Порты лицъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали «истинное и прилежное освидѣтельствованіе», кому въ дѣйствительности принадлежитъ урочище Базавлукъ. Къ довѣреннымъ лицамъ отъ Порты русскій резидентъ долженъ былъ присоединить избранныхъ отъ себя

¹⁾ То-есть урочище Базавлукъ.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1784 и 1785, св. 69, № 6.

лицъ, и послѣ того уже имѣть тѣ или другіе разговоры о Базавлукѣ. Во всякомъ случаѣ и какъ-бы то ни было, строить крѣпости близъ границъ съ обѣихъ сторонъ, въ силу мирнаго трактата, нельзя.

На такое представленіе великаго везира русскій резидентъ далъ уклончивый отвѣтъ. Онъ говорилъ, что о строеніи крѣпости на урочищѣ Базавлукѣ не имѣеть отъ своего двора никакого извѣстія и подлинно не знаетъ, кому то урочище принадлежитъ; но смѣеть увѣрить блистательную Порту, что отъ двора ея императорскаго величества «отнюдь такого указа не учинится, чтобъ строить крѣпости не токмо на мѣстахъ, блистательной Портѣ принадлежащихъ; но ниже на такихъ, о которыхъ заключенный между обѣими имперіями трактатъ возбраняется». По всему этому русскій резидентъ не находилъ нужнымъ посылать отъ себя человѣка на урочище Базавлукѣ для осмотра его и совѣтовалъ великому везиру прежде всего войти въ сношеніе съ начальникомъ украинскаго корпуса, графомъ фонъ-Вейсбахомъ, «для достовѣрнаго освидѣтельствованія», кому подлинно принадлежитъ урочище Базавлукѣ. Великій везиръ, соглашаясь съ такимъ представленіемъ русскаго резидента, тѣмъ не менѣе нашель за лучшее поручить бендерскому или очаковскому пашѣ нарядить по спорному дѣлу комиссію. Относительно сооруженія крѣпости онъ замѣтилъ, что, быть можетъ, построеніе ея начато и самими запорожцами, но въ такомъ случаѣ Россія не имѣеть права принимать подъ свою протекцію никакихъ народовъ въ земляхъ блистательной Портѣ; если-же она желаетъ принять запорожцевъ въ свое подданство, то пусть даетъ имъ мѣста, принадлежащія россійскому государству.

Послѣ такого объясненія съ великимъ везиремъ Неплюевъ отправилъ отъ себя поручика Наковальнина и велѣлъ ему ѣхать въ Бендеры къ мѣстному пашѣ, соединиться тамъ съ довѣреннымъ человѣкомъ паши и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ графу фонъ-Вейсбаху; доѣхавъ-же до города Василькова, остановиться въ немъ подъ видомъ «кварантины» и тамъ ожидать опредѣленія отъ графа до тѣхъ поръ, пока онъ тѣмъ временемъ успѣеть снестись съ Петербургомъ и получить оттуда инструкцію, какъ поступать въ такомъ случаѣ. «Пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести, писалъ Неплюевъ по этому-же поводу въ Петербургъ, вашему императорскому величеству слабое мое мнѣніе, не соизволите-ли, ваше величество, всемилостивѣйше повелѣть онымъ запорожскимъ козакамъ нынѣ войти вовнутрь границъ вашего императорскаго вели-

чества, особливо того ради, что Порты по нынѣшнимъ своимъ въ прочихъ дѣлахъ упражненіямъ и недосугамъ сіе дѣло не весьма за важное считаетъ и сама къ тому намъ поводъ подаетъ... А ежели запорожцы на мѣстѣ Базавлукъ пребудутъ, то отъ хана крымского и татаръ нападенія и разоренія претерпятъ, а къ тому и Порты, поуспокоясь отъ нынѣшнихъ дѣлъ и видя ихъ на мѣстѣ, гдѣ ихъ будутъ охранять войска вашего императорского величества, найдеть, что поселеніе ихъ на Базавлукъ съ правдою несходно, и если нынѣ удобный къ тому случай потеряется, то впредь въ потребное время трудно будетъ то учинить, или еще болѣе чрезъ то можетъ податься случай къ ссорамъ. Сихъ ради резоновъ я сіе дѣло (т. е. наставленіе, какъ отвѣчать въ Константинополѣ о переходѣ запорожцевъ къ предѣламъ Россіи) при Портѣ въ молчаніи оставилъ, понеже ежели-бъ я нынѣ Портѣ объявилъ, что ваше императорское величество за нихъ вступаться не изволить, то она тотчасъ приняла-бы мѣры ихъ въ покорность себѣ привести и то мое объявленіе и впредь себѣ во оправданіе имѣтъ. На томъ-же основаніи я нынѣ умолчалъ и о калмыкахъ, которые въ крымскую сторону бѣгутъ, и разсуждаю моимъ слабымъ смысломъ, что 20.000 запорожскихъ козаковъ прибыльнѣе многихъ калмыковъ, куда-бы ихъ (козаковъ) не изволили употребить: въ Польшу-ли противъ станицлавцевъ ¹⁾, или при случаѣ противъ татаръ. Если-же запорожцевъ внутрь границъ вашего императорского величества перевести невозможно, въ такомъ случаѣ, видится мнѣ, что генераль графъ фонъ-Вейсбахъ можетъ къ пашѣ бендерскому дать такой отвѣтъ, если только на то вашего императорского величества соизволеніе будетъ, что въ Базавлукъ никакой крѣпости отъ стороны вашего императорского величества не строится и тѣмъ мѣстомъ ваше величество нимало не интересуетесь, какъ принадлежащимъ оттоманской имперіи; извѣстно, что тамъ селятся запорожскіе козаки, отъ налоговъ ханскихъ изъ Сѣчи вышедшіе, просившіе у вашего императорскаго величества, какъ у своей законной государыни, прощенія за побѣгъ и принятія въ протекцію, въ чемъ имъ, какъ подданнымъ и единоконнымъ, отказать было невозможно; однакожъ вмѣстѣ съ такимъ изъявленіемъ отвѣтствовать, что когда они придутъ внутрь границъ вашего императорского величества, тогда имъ дастся протекція, а внѣ границъ вашего величества интересоваться въ нихъ

¹⁾ То-есть приверженцы короля Станислава Лещинскаго.

не изволите, потому что вѣчную дружбу съ Портой ненарушимо содержать соизволите, и потому если ханъ крымскій озлобить ихъ больше не будетъ, то, можетъ быть, они много мѣста искать не будутъ и на Базалукъ останутся... А что касается угрозъ турецкихъ, то мы уже ихъ не боимся, потому что выставили два вида передъ глаза Порты: во-первыхъ, что персіяне въ рукахъ вашего императорского величества, во-вторыхъ, что ваше величество терпѣть болѣе туркамъ не будете» ¹⁾.

Но прошло еще болѣе полугода времени, а вопросъ о запорожцахъ все еще не былъ оконченъ.

Русскій резидентъ Неплюевъ испытывалъ крайнее затрудненіе въ Константинополѣ и не зналъ, какъ «содержать» запорожцевъ, т. е. считать-ли ихъ своими или-же считать чужими: занявъ земли возлѣ урочища Базавлука, запорожцы не считали ихъ принадлежащими Портѣ, но они не знали того, что тѣ земли въ дѣйствительности принадлежать Портѣ. Для разъясненія этого вопроса Неплюеву пришлось обратиться къ дѣламъ 1705 года по размежеванію границъ между Портой и Россіей и къ той перепискѣ, которая велась въ то время между начальникомъ русской комиссіи думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцовымъ и кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ. Изъ постановленій той комиссіи ясно, что за Днѣпромъ во владѣніи Россіи, кромѣ Кіева съ поланками, ничего не должно быть.

Поставленный въ такое затрудненіе, русскій резидентъ наряжалъ вмѣсто себя для объясненія съ великимъ везиремъ своего переводчика Ивана Бакунина. Отъ того переводчика резидентъ узналъ, что Порта негодуетъ на русское правительство не столько за принятіе императрицей въ подданство запорожцевъ, потому что Порта и сама также поступила-бы, если бы къ ней пришли изъ Россіи какіе-нибудь магометане, сколько за то, что императрица содержитъ запорожцевъ на земляхъ турецкихъ и дозволяетъ имъ соорудать разныя строенія, чѣмъ нарушаетъ установленные мирные трактаты и сосѣдственную дружбу. Вѣчный миръ, установленный между Турціей и Россіей, гласитъ ясно, что «отъ острова, именуемаго Сѣча, все мѣста суть турецкого имперія, а помянутые запорожскіе козаки нынѣ живутъ по сю сторону выше реченного урочища (то есть не къ російской сторонѣ, но къ турецкому государству),

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

чего ради всякъ прочитающій оный трактатъ, ясно безъ другихъ доказательствъ увидѣть можетъ, что тѣ мѣста суть блистательной Порты, по силѣ котораго трактата паки онъ верховный везирь, требуетъ, чтобъ конечно вышереченные козаки оттуда въ російскія границы были переведены» ¹⁾.

Такое объясненіе между русскимъ переводчикомъ Бакунинымъ и великимъ везиремъ Али-пашой происходило ноября 22 дня, 1734 года, а между тѣмъ запорожскіе козаки уже 31 числа мѣсяца марта сидѣли «крѣпко и ладно» своимъ Кошемъ въ урочищѣ Базавлугѣ и вовсе не думали мѣнять его ни на какое другое мѣсто.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Надежды Филиппа Орлика поднять національно-малороссійское знамя для избавленія отъ московскаго ига Малороссіи.—Письма Орлика по этому поводу къ запорожскому войску.—Отвѣтъ запорожцевъ Филиппу Орлику и Калланъ-Герай хану и отсылка ораиновыхъ и ханскихъ писемъ къ графу Вейсбаху.—Отвѣтъ запорожцамъ со стороны графа фонъ-Вейсбаха съ обнадеживаніемъ защиты отъ татаръ и турокъ.—Памятная записка кошевого Малашевича о томъ, гдѣ и сколько времени сидѣли запорожцы Кошемъ за время жизни ихъ подъ протекціей Крыма.—Споръ Россіи и Турціи, кому принадлежить урочище Базавлукъ, гдѣ запорожцы сѣли новымъ своимъ Кошемъ.—Пріѣздъ турецкой комиссіи для разбора спорнаго вопроса.—Пріеята запорожскаго войска на вѣрность русскому престолу.—Пріѣздъ пословъ, русскаго и турецкаго, въ Слчу и различныя встрѣчи тому и другому.—Число всего запорожскаго войска, принятаго въ подданство Россійской императрицы.

Въ то время, когда запорожцы безповоротно покинули ненавистныя имъ владѣнія крымскаго хана, такъ называемый гетманъ малороссійскихъ козаковъ Филиппъ Орликъ все еще старался склонить ихъ къ Крыму и отвратить отъ Россіи. Филиппъ Орликъ давно ждалъ благопріятнаго случая, чтобы выйти на историческую сцену, взять въ руки національно-малороссійское знамя и избавить свою родину отъ невиднаго ему московскаго ига. Случай такой представился ему послѣ смерти польскаго короля Августа II, когда вся Польша, а вмѣстѣ съ ней и вся почти Европа раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Такъ какъ родная дочь одного изъ претендентовъ на польскую корону, Станислава Лещинскаго, Марія, была за французскимъ королемъ Людовикомъ XV, то за Лещинскаго вступилась Франція, а къ Франціи пристали короли—испанскій, дядя французскаго; сардинскій, братъ французскаго, и король шведскій. Тогда сторону другого претендента, Фридриха-Августа, курфирста саксонскаго, взяли цесарь германскій и императоръ всероссійскій. Но французскій король, распо-

лагаю огромной, въ 350.000 человекъ, арміей, ввѣст войну въ Италію, взявъ тамъ у германскаго цесаря королевство ломбардское и княжество миланское и мантуанское, затѣмъ лишилъ владѣній цесарева зятя, князя лотарингскаго, послѣ чего перебросилъ свою армію черезъ рѣку Рейнъ и двинулъ ее къ Вѣнѣ, столицѣ германскаго цесаря. Въ это время оттоманская Порта поставила на готовую ногу всѣ свои силы и также заняла противъ цесаря угрожающее положеніе, а крымскій ханъ двинулъ свои многочисленныя орды къ предѣламъ Польши.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ни цесарь германскій, ни его союзникъ императоръ россійскій, не могли нигдѣ найти себѣ сочувствія и помощи: Англія, Голландія, Данія, Пруссія, Баварія и другія княжества, видя, какъ германскій цесарь и русскій императоръ «беззаконно и богопротивно» насилуютъ вольности и права Рѣчи-Посполитой, въ чужомъ государствѣ самовольно распоряжаются и выживаютъ законнаго короля Станислава Лещинскаго, отказались подать тому и другому какую-бы то ни было помощь. Такъ цесарь и императоръ сами себѣ создали затруднительное и весьма опасное положеніе, и этимъ положеніемъ должны воспользоваться, какъ счастливейшимъ случаемъ, всѣ тѣ, кому дорога «матка отчизна» Украйна. Такимъ былъ именно Филиппъ Орликъ. Онъ оставилъ македонскій городъ Салоники, переѣхалъ въ мѣстечко Каушаны ¹⁾ и оттуда обратился, апрѣля 23 числа, 1734 года, съ обширнымъ листомъ къ запорожскому товариству. Въ томъ листѣ онъ изобразилъ сперва все политическое положеніе дѣлъ въ Европѣ; потомъ корилъ запорожцевъ за сношенія съ Россіей и представлялъ всяческіе доводы къ тому, что именно теперь настало самое счастливое время для освобожденія отчизны отъ московскаго тиранскаго ига и называлъ это дѣло такимъ священнымъ и высокимъ подвигомъ, ради котораго можно не пожалѣть и собственной жизни.

«И въ такое удобное, счастливое, благоприятное и для войны способное время, вы, добрые молодцы, войско запорожское, допустили себя увлечься хитрыми и льстивыми обѣщаніями мо-

¹⁾ Каушаны—мѣстечко бендерскаго уѣзда въ Бессарабіи, лѣтняя резиденція крымскихъ хановъ и центральная ставка ногайскихъ сераскеровъ буджацкой орды.

сковскими, которые они рѣдко когда исполняютъ, а тѣмъ болѣе не исполнять въ отношеніи васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго, и всего нашего народа, потому что съ давнихъ временъ они заклятые враги наши. Я-бы не удивился, если-бы вы, ваша мосьца, добрые молодцы, войско запорожское, не испытавши на самихъ себѣ московскаго коварства, перешли на сторону Москвы, но мнѣ удивительно то, милая братія моя, что вы, уже имѣя, кромѣ прежнихъ доводовъ, живые и свѣжіе примѣры ложнаго обѣщанія московскаго и какъ на себѣ, такъ и на отчизнѣ своей, легко, опрометчиво и необдуманно ему вѣрите. Развѣ улетучилось изъ вашей памяти то, какъ Москва, во время добыванія Сичи, приманивъ лестными обѣщаніями царской ласки войсковую старшину и товариство до присяги, рубила имъ въ таборѣ головы? Какъ она еще раньше, до взятія Къзыкермена, желая стѣснить и искоренить войско запорожское низовое, Самарскіе городки заселяла и Каменный-Затонъ, подѣ предложомъ складыванія тамъ военныхъ запасовъ и провіантовъ, офундовала, обнадеживая царскими грамотами, что по окончаніи войны съ турками и татарами, тѣ Самарскіе городки и Каменнозатонскій фортецъ будутъ снесены до основанія. Но исполнено-ли то, что обѣщано? Какъ во время шведской войны, затянувши на свою службу немало низоваго товариства и обнадеживши его своею платою, въ Петербургъ ихъ запровадила, а потомъ въ каторги поразослала, гдѣ козачи и погибли. Не сомнѣваюсь, что Москва, видя отовсюду войну тяжелую и опасную, потворствуетъ, льститъ вамъ, золотыя горы обѣщаетъ, жалованьемъ денежнымъ утѣшаетъ и всякія вольности обѣщаетъ, но что станетъ съ вами по окончаніи и до какого несчастья и пагубы вы тогда дойдете? Сами потомъ узнаете и будете жалѣть, что опрометчиво и неблагоуразумно, не осматриваясь на заднія колеса, учинили, такъ именно, какъ теперь цѣлый народъ украинскій, братія ваша, сродники и единовозмъцы ваши, не послушавъ усердныхъ и правдивыхъ распоряженій со стороны покойнаго славной памяти гетмана Мазепы, сами на себя дѣлаютъ жалостныя и слезныя нареканія, повѣривши неприязненнымъ и обманчивымъ московскимъ обѣщаніямъ; эти обѣщанія подписаны были въ грамотахъ властною царскою рукою, объявлены по всѣмъ городамъ Украйны, оглашены чтеніемъ по всѣмъ церквамъ повсюду и во свидѣтельство исполненія ихъ самого Бога призывали и все войско запорожское городовое

и низовое и цѣлый народъ увѣряли, что права и вольности войсковыя никогда, ни въ чемъ на вѣчныя времена не будутъ со стороны Москвы ни нарушены, ни поломаны; напротивъ того, всѣ люди войсковые и посполитые будутъ жить всегда при такихъ вольностяхъ, при какихъ они жили въ дни славной памяти покойнаго гетмана Богдана Хмельницкаго. А какъ сдержала Москва свои клятвенныя обѣщанія, — это хорошо извѣстно не только вамъ, добрымъ молодцамъ, но и всему свѣту. Правда, сначала Москва поблажала всему украинскому народу, осыпала деньгами всю старшину и все значное войсковое и городовое товариство, одаряла ихъ соболями, раздавала имѣнія, но все это дѣлала до тѣхъ поръ, пока не одержала побѣды надъ шведами подъ Полтавою, послѣ чего сейчасъ-же и прежде всего вдвинула на Украину войска свои и расположила ихъ всюду на квартирахъ по городамъ и по селамъ, не сдѣлавъ свободными отъ московскаго постоя ни домовъ генеральной старшины, ни полковничихъ, ни поповскихъ, ни простыхъ козацкихъ. Потомъ, какъ только Москва окончила войну со шведами и установила съ ними миръ, то тотъ-же часъ всѣ клятвенныя и подтвержденныя царскими грамотами обѣщанія отиѣнила, всѣ вольности поломала, судъ и свои законы мучительскіе на Украину ввела и установила, а наши войсковые уничтожила, гетманскій чинъ искоренила, какой-то коллегіумъ, изъ 12 особъ своего (великороссійскаго) народа, лучше сказать изъ 12 жестокихъ мучителей составленный въ Глуховѣ утвердила; эти люди у нашихъ имущества отнимали, одному съ другимъ разговаривать не позволяли, тирански мучили, кнutowали, на пытку тянули, ребра ломали, точно свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячею поливали, вѣшали, головы рубили, четвертовали и иныя многія мучительства, въ свѣтъ неслыханныя, надъ народомъ нашимъ дѣлали! И когда генеральныя особы, полковники, старшина, со всѣмъ городovýmъ запорожскимъ войскомъ и со всѣмъ народомъ, покорно и слезно, черезъ своихъ пословъ, стали просить царское величество о дарованіи правъ и вольностей и напоминать о додержаніи царскаго слова и подтвержденныхъ грамотами обѣщаній, тогда всѣхъ забравши и въ Петербургъ подъ карауломъ отправивши, однихъ замучили, другихъ въ ссылку посылали, третьихъ въ тяжкую тюрьму посадили, въ какой много лѣтъ страдалъ и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ погой-

ный миргородскій полковникъ Данило Апостоль ¹⁾, хорошо Москвѣ прислужившійся, сломавшій свою присягу и перешедшій отъ насъ въ противную сторону; за него вы, добрые молодцы, оставивъ меня, вашего гетмана, не столько вольными голосами выбраннаго, сколько въ принятію того уряда принужденнаго, должны въ вашей церкви много гдѣ Бога молить за ту его къ вамъ услугу, что онъ рекомендовалъ Москвѣ Галагана ²⁾ для зруйнованія запорожской Сичи. Наконецъ, Москва, желая не только обезсилить войско запорожское, но и совсѣмъ истребить его, нашла на то средство, рытье, тамъ, гдѣ-то, въ далекой сторонѣ, какого-то канала и постройку въ Персіи фортець; отправивъ на нѣсколько мѣсяцевъ по указамъ десятки тысячъ козаковъ, однихъ изъ нихъ тяжкими и непривычными работами поизвели, другихъ голодомъ поморили, а третьихъ мукой, гнилой, протухлой, съ ящерицами и съ известью подмѣшанной, поотравили. Сообразите, добрые молодцы, войско запорожское, до какихъ идете вы, или уже отошли пріятелей! Пишу все то, о чемъ и раньше многократно и обширно писалъ вамъ, для предостереженія, добрымъ молодцамъ, и если найдете въ чемъ неправду, обличите меня. Но только надѣюсь, что никто, даже изъ моихъ враговъ, не найдетъ въ томъ лжи, потому что все, что я совѣтую вамъ и въ чемъ предостерегаю, все это извѣстно цѣлому міру и многіе изъ васъ, бѣжавшіе отъ московскаго мучительства и бывшіе самовидцами всего того, могутъ подтвердить правоту моихъ словъ. Спрашиваю я васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское: что вы, послѣ вашей присяги, принесенной на непорочномъ евангеліи, принесли отчизнѣ, отцамъ, вашей братіи, сродникамъ и всему народу украинскому, отдавался подъ власть и панованіе московское? Поправились-ли отъ того права и вольности, Москвою нарушенныя и отнятыя? Или вы договорились и на томъ крѣпко утвердились, чтобы Москва не уничтожала на будущее время гетманскаго уряда, городовъ въ свою власть не отбирала и войсками своими не осаживала? Или вы договорились о томъ, чтобы Москва

¹⁾ Находясь за границей, Орликъ не звалъ подлинно многихъ событій на Украйнѣ и составилъ себѣ почему-то представленіе о томъ, будто-бы Апостоль ввѣять былъ въ тюрьму и тамъ умеръ, — чего, однако, съ нимъ не было.

²⁾ Разумѣется полковникъ Игнатъ Галаганъ, раворитель Чортومانьскоі Сичи.

не навязывала намъ насильно въ гетманы москаля или какого-нибудь волошанина, и предоставила войску вольное на гетманскій урядъ избраніе? Или войска московскія изъ Украйны будутъ выведены и никогда на постои не будутъ ставиться въ ней? Или москали, волохи, сербы и иные чужеземцы, равно какъ и перекресты отъ урядовъ войсковыхъ будутъ отставлены, а на ихъ мѣста заслуженные козаки будутъ выбраны и поставлены? Или козаки, кромѣ привычной имъ войсковои службы, ни къ какимъ тяжкимъ и несноснымъ работамъ не будутъ принуждаемы? Или изъ Полтавы, Глухова и иныхъ, кромѣ Кіева, Чернигова и Переяслава, городовъ, москали будутъ выпровожены? Или города и села, розданные въ подданство разнымъ особамъ народа московскаго, волосскаго и сербскаго, будутъ отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть отданы? Или вы, добрые молодцы, застраховали себя отъ того, чтобы Москва въ права наши не вмѣшивалась, а свои, на Украйнѣ установленныя, совсѣмъ снесла, людей нашихъ до судовъ своихъ не тягала, дѣлъ никакихъ не судила, людей нашихъ ни смертію не карала, никакими подарками, даями, подводами далекими и другими неисчислимыми тягостями не отягощала? Или, наконецъ, войско запорожское городовое и низовое попрежнему при своихъ правахъ и вольностяхъ, ни въ чемъ никогда ненарушенныхъ, будетъ оставаться и гетманскому регименту, а не власти и повелѣнію воеводъ и генераловъ московскихъ подчиняться? Знаю хорошо, что вы, добрые молодцы, войско запорожское, все то оставивши и никакой защиты и облегченія отъ тягостей и отъ московскаго тиранства ни войску, ни посполитому народу не учинивши, оставивъ все свои угоды, пожитки и добычи въ Днѣпрѣ, въ Бугѣ и во всѣхъ, по обомъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ, Москвѣ принадлежащихъ, передаетесь на московскую, себѣ и всему народу своему непріязненную и враждебную, сторону. Хочу, поэтому, знать, гдѣ вы, добрые молодцы, войско запорожское, замыслили и урадили Сичь себѣ заложить и офундовать? Конечно по той сторонѣ Днѣпра. Но турки и татары того вамъ не позволяютъ, потому что тотъ край, гдѣ были наилучшія ваши угоды и пожитки, какъ-то: по Самарѣ и другихъ мѣстахъ, отданы Москвой и подтверждены мирными договорами на вѣчныя времена турко-татарамъ и ограничены по Орель рѣку; о томъ вы сами, добрые молодцы, знаете, потому къ турецкимъ комиссарамъ выслано было, для разграниченія, и войско-

вое товариство. По этой-же, лѣвой, сторонѣ Днѣпра Москва нигдѣ, кромѣ Кіева, Триполя и Василькова, ни пяди земли не имѣетъ, даже и самая Старая Сичь (Чортомлыцкая) не принадлежитъ ей и на вѣчныя времена не будетъ принадлежать Москвѣ, что и утверждено мирнымъ договоромъ между Портою и Москвою, сперва подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а наконецъ въ Адрианополѣ. А вся сегобочная пустыня, съ полями, рѣками и рѣчками, одна къ Рѣчи-Посполитой, польской Украинѣ, отошла и давнимъ карловицкимъ договоромъ подтверждена; а другая туркамъ и татарамъ по самый Очаковъ принадлежитъ. Разсудите, добрые молодцы, войско запорожское, и обдумайте вашими разумными головами, гдѣ сядете подъ московскимъ владычествомъ, гдѣ будете имѣть добычи отъ соли, отъ рыбы, отъ звѣря, гдѣ будете пастѣки свои имѣть, гдѣ будете пасти свои стада, размножившіяся подъ обороною хана его милости? Конечно, Москва не захочетъ для васъ ни съ турками, ни съ татарами воевать за тѣ земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра,—напротивъ того, рада будетъ, чтобы и имени вашего запорожскаго низоваго не было, какъ это уже постановилъ было небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, только ожидалъ окончанія войны со шведами. За невозможностью поселить васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Москва приведетъ въ исполненіе давнее свое намѣреніе и враждебные замыслы: забравши васъ, войско запорожское, зашлетъ за рѣку Волгу и тѣмъ самымъ искоренитъ на вѣки и гнѣздо войсковое и имя войска запорожскаго низоваго. Къ кому тогда въ своемъ несчастьѣ обратитесь вы за помощью? Тогда уже ни турки, ни татары, ни поляки не захотятъ не принять, ни защищать, ни оборонять васъ, видя вашъ теперешній, безчестный и срамный поступокъ. Признаюсь вамъ, добрымъ молодцамъ, милой братиіи моей, что я стыжусь теперь не только передъ Портою оттоманскою, но и передъ королевскимъ величествомъ французскимъ, польскимъ и шведскимъ вслѣдствіе вашего непостоянства, такъ какъ Порта оттоманская и всѣ тѣ монархи, будучи убѣжденные и увѣдомленные отъ меня многими письмами (въ Солоникахъ я не сидѣлъ даромъ сложивши руки въ теченіи 12 лѣтъ) о мужествѣ, отвагѣ и постоянной, непоколебимой и присяжной къ освобожденію отчизны готовности и намѣреніяхъ вашихъ, обѣщали намъ, при помощи божіей и готовности найяснѣйшаго хана, исполнѣ доброжелательнаго и рас-

положеннаго къ намъ, помогать намъ и войною и мирными договорами. Не забывайте, добрые молодцы, о данной вамъ, вмѣстѣ со мной на непорочномъ евангеліи, присягѣ защищать отчизну отъ тяжелаго и несноснаго ига московскаго. Сжальтесь надъ отцами, братіей, родственниками и всѣми единоземцами вашими, отягощенными мучительствомъ, грабежомъ и невыносимымъ тиранскаго московскаго господства ярмомъ, а что больше всего, немѣющими воли ни въ имуществѣ, ни въ жизни, ни въ здоровьѣ, ни въ женахъ, ни въ дочеряхъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюду, по городахъ и селахъ, на квартирахъ разставленныхъ. Будутъ они на васъ, добрыхъ молодцовъ, плакаться и о мести къ Богу взывать, если вы ихъ ввергните еще въ большую и тяжкую неволю черезъ свой переходъ къ Москвѣ. Они на насъ, послѣ Бога, имѣютъ постоянную надежду, какъ о томъ мнѣ часто передавали монахи кіевскихъ и другихъ украинскихъ монастырей и разные купцы, компаніями ходящіе черезъ Салоники до святой Аѳонской горы. По всему этому не оставьте, добрые молодцы, безпомощной отчизны своей! Не сомнѣваюсь, что Москва если еще не успѣла подтянуть, то навѣрно будетъ стараться подтянуть васъ къ присягѣ на вѣрность себѣ, но сомнѣваюсь о томъ, чтобы таже Москва захотѣла присягнуть съ своей стороны на сохраненіе всего того, чѣмъ васъ, добрыхъ молодцовъ, обнадеживаетъ, чего она никогда не сдѣлаетъ, а если и сдѣлаетъ, то для большаго обмана, чтобы тою ложною присягою скорѣе прельстить и погубить васъ. Знайте и то, добрые молодцы, что та присяга, если только вы ее совершили, неважна и передъ Богомъ негрѣшна, потому что присягнувши раньше единодушно на освобожденіе отчизны, теперь вы присягнули двоедушно, а можно-ли присягать на погибель отчизны? Да и притомъ Москва, взявъ съ васъ присягу, какъ захочетъ, такъ съ вами и съ отчизною нашею поступить, и тогда присяга ваша и душу вашу погубить, и отчизну въ пропасть введетъ, и вольностей лишитъ. Послѣ всего этого прошу васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское, во ими любви къ отчизнѣ и предъ Богомъ учиненной присяги для обороны родины до послѣдней капли крови, оставить свое намѣреніе, которые вы предприняли или еще только имѣете предпринять о переходѣ на враждебную вамъ и отчизнѣ сторону, воспользоваться выгоднымъ и счастливымъ, теперь выпадающимъ намъ временемъ, при такихъ великихъ и непобѣдимыхъ для исполненія нашихъ

священныхъ обязанностей; въ противномъ случаѣ черезъ наше непостоянство мы утратимъ этотъ моментъ для освобожденія нашей милой родины и никогда уже такого не увидимъ и до конца дней не дождемся. Поставляю, наконецъ, вамъ на видъ, что я здѣсь, оставаясь при его милости ханъ, имѣю внимательное, усердное и неуспѣшное о васъ стараніе и понялъ совершенно его ханскую милость, что онъ по натурѣ—панъ ласковый до васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго полнымъ сердцемъ прихильный и всякаго добра вамъ и отчизнѣ нашей желательный; нужно только, чтобы вы, добрые молодцы, откликнулись до его ханской милости письмомъ черезъ своихъ посланныхъ и увѣрили-бы его, что никогда не думаете переходить на московскую сторону и удалиться отъ обороны и владычества его ханской милости, а остаетесь въ готовности къ военному походу по первому его ханской милости указу. Увѣряю васъ христіанскою совѣстію, что не будете жалѣть и не только плату, но и надлежащую награду за свои труды и подвиги получите и будете имѣть въ польской сторонѣ пожизненные и выгодные постои. Все это пишу къ вамъ, добрымъ молодцамъ, войска запорожскаго, отъ ревности и отъ щирой моей къ вамъ и къ отчизнѣ любви и пріяни, съ которой къ вамъ и прибываю щиро зичливый всего добра пріятель и братъ, Филиппъ Орликъ, гетманъ войска запорожскаго» ¹⁾).

Вмѣстѣ съ письмомъ Филиппа Орлика запорожцы получили письмо и хана Капланъ-Герая. Листъ Капланъ-Герая былъ доставленъ въ Сѣчь черезъ «гетмана и стражника» дубоссарскаго и, по войсковому обыкновенію, былъ прочитанъ въ одно время съ листомъ Орлика на всеобщей радѣ. Въ своемъ листѣ ханъ вновь приглашалъ запорожцевъ подъ свою протекцію и давалъ имъ мѣсто для основанія Коша «внизъ Днѣпра, къ Алешкамъ, къ Кардашину и къ Сырти», обѣщалъ содержать ихъ въ прежней милости и днѣпровыхъ вольностяхъ и приказывалъ слушать и за вождя считать «пана гетмана Филиппа Орлика, прибывшаго, по указу Порты оттоманской, изъ города Солуня въ личное распоряженіе ханскаго величества» ²⁾).

Но напрасно Филипъ Орликъ и Капланъ-Герай взывали къ запорожцамъ. Не смотря на всѣ доводы, не смотря на все краснорѣчіе

¹⁾ Киевская Старина, 1882, апрѣль, т. II, 108—116.

²⁾ Киевская Старина, 1882, апрѣль, II, 122—124.

Орлика, запорожцы остались вполне равнодушны какъ къ нему лично, такъ и къ покровителю его, крымскому хану. Надѣясь на милость русской императрицы и на слова графа Вейсбаха, обѣщавшаго защищать запорожское войско отъ татаръ, въ случаѣ прихода ихъ къ русскимъ границамъ, запорожскіе козаки послали, мая, 8 числа, отвѣтъ Филиппу Орлику и Капланъ-Герая и въ тѣхъ отвѣтахъ «прямо отъ ихъ послушанія отказались и въ подданствѣ императорскаго величества декларовались» ¹⁾).

Въ письмѣ къ Орлику запорожцы выставляли всѣ неблаговидные поступки крымскихъ хановъ въ отношеніи козаковъ за все время ихъ жизни подъ крымскою протекціей; открыто объявляли Орлику о томъ, что не Москва къ козакамъ письма «прелестныя» писала, а сами козаки челобитныя посылали къ царскому величеству съ неотступными просьбами принять запорожцевъ «до прежней ласки и милости», которую они, наконецъ, теперь и получили. Они совѣтовали и самому Орлику сдѣлать то-же, что все войско сдѣлало, и доказывали, что если ханъ, соединившись съ Орликомъ, возьметъ Украину, то все-таки получить ее не Орликъ, а другой кто-нибудь, который будетъ надъ ней ругаться, какъ ругались поляки, изгоняя въ ней православную вѣру и насаждая между народомъ унию. Въ заключеніе-же письма запорожцы просили Орлика оставить ихъ совершенно въ покоѣ и не писать больше никакихъ писемъ, такъ какъ они теперь уже подданные не крымскаго хана, а русской императрицы, которой будутъ служить до послѣднихъ дней своей жизни «изъ рода въ родъ и становиться за счастливое владѣніе ея и всего христіанскаго посполитого народа» ²⁾).

Въ письмѣ къ крымскому хану, Капланъ-Герая, запорожцы писали въ томъ-же тонѣ.

Кланяясь до самой земли ханской милости и вторично воздавая хану благодарность за хлѣбъ за соль и за протекцію, какую онъ оказывалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ всему войску, запорожцы открыто объявили ему о томъ, что они желаютъ жить подъ обороною россійской православной государыни и вѣчно служить всѣмъ ея будущимъ преемникамъ. Много перенесли запорожцы обидъ и отъ ногайскихъ татаръ, захватившихъ всѣ степныя

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1734 и 1735, св. 69, № 6.

²⁾ Киевская Старина, 1882, апрѣль, II, 119—121.

угодья отъ Великаго лимана вверхъ до пороговъ Днѣпра, и отъ крымскихъ татаръ, грабившихъ ни въ чемъ неповинныхъ запорожцевъ за убѣгавшихъ изъ Крыма невольниковъ, за пропажу татарскаго скота и всякаго добра ¹⁾, и отъ ляховъ, которымъ ханъ дозволялъ вѣшать козаковъ, отправлявшихся въ Брацлавъ и въ другіе города за рыбой, и отъ ихъ милости Адиль-Герая и бывшаго хана Менгли-Герая, когда, послѣ ихъ междоусобной брани, ни въ чемъ неповинныхъ полторы тысячи запорожцевъ запровадили въ каторги, отъ азовскихъ татаръ, которые не разъ нападали возлѣ рѣки Калміуса на запорожцевъ, ходившихъ за звѣремъ. Да и теперь, если-бы запорожцы пошли за ханомъ противъ поляковъ, то могло-бы случиться то-же, что случилось во время похода съ Адиль-Гераемъ: тогда-бы запорожцевъ или въ дальнія мѣста попродавали, или вогайцы забравъ порубали, какъ изрубилъ они шесть человекъ запорожцевъ, ходившихъ къ городкамъ у рѣки Орели. Вслѣдствіе всего изложеннаго запорожское низовое войско и рѣшило склониться подъ державу православнаго монарха, чтобы не погибать «въ невѣдомыхъ нападеніяхъ» ²⁾.

Оба письма, письмо Филиппа Орлика и письмо хана Калманъ-Герая, и копии съ собственныхъ на нихъ отвѣтовъ запорожцы отправили, черезъ бывшаго кошевого атамана Ивана Бѣлицкаго съ шестью товарищами, къ графу фонъ-Вейсбаху, въ Кіевъ. При этомъ, пользуясь такимъ случаемъ, кошевой атаманъ Малашевичъ и все запорожское товариство просили графа пропустить Бѣлицкаго въ Петербургъ для поданія на высочайшее имя челобитной о дозволеніи войску запорожскому, въ случаѣ протеста со стороны крымскаго хана и турецкаго султана за занятіе козаками новаго урочища, оставить войску лишь то мѣсто, гдѣ оно основало Кошъ свой, потому что «то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ низовому войску надлежитъ и никѣмъ не разграничено»; за это козаки обѣщаются вѣрно, до конца дней своихъ, русскому престолу служить и всему великороссійскому и малороссійскому народу стражниками быть. Козаки и теперь готовы въ помощь русскому войску выставить тысячу человекъ товариства, къ тому времени, когда

¹⁾ Хотя запорожцы «за невинность свою приносили присягу предъ бурсманскими судами, но не имѣли ни въ чемъ вѣры и тѣми присягами только души попроклинали».

²⁾ Кіевская старина, 1882, апрѣль, II, 122—124.

укажетъ самъ графъ, хотя всего войска, пока стоитъ лѣто, они собрать не могутъ, потому что, пользуясь лѣтнимъ временемъ, козаки разбрелись — кто къ низовью Днѣпра, кто на рѣчки полевья—для рыбной ловли.

Графъ Вейсбахъ, получивъ такое письмо, похвалилъ запорожцевъ «за умный къ извинику и къ хану на письма ихъ отвѣтъ», просилъ и впредь подобныя письма доставлять ему, а посланныхъ отъ гетмана и отъ хана у себя задерживать, за что обѣщаль дѣлать объ нихъ всеподданнѣйшія довенія и доставлять всему войску разныя милости. Относительно-же посольства Ивана Бѣлицкаго съ товарищами въ Петербургъ, графъ писалъ кошевому, что онъ сперва хотѣлъ дожидаться возвращенія изъ столицы бывшаго судьи Решетила да атамана Прокофія Ѳедорова, посланныхъ въ столицу съ тою-же цѣлю отъ войска; потомъ, однако, видя неотступную просьбу Бѣлицкаго, отправилъ его съ тремя куренными атаманами въ столицу, а трехъ его товарищей вернулъ до Коша. Черезъ возвращаемыхъ товарищей графъ Вейсбахъ объявлялъ всему войску, что козаки могутъ на занятыхъ ими мѣстахъ жить безпрепятственно; въ случаѣ-же попытокъ къ нападенію на нихъ татаръ, просилъ немедленно дать знать ему о томъ, чтобы послать къ запорожцамъ отрядъ русскаго войска, стоящаго на правой сторонѣ Днѣпра; а пока отъ татаръ не будетъ никакихъ на козаковъ нападеній, жить спокойно и никакихъ не причинять обидъ имъ. А на запросъ кошевого Ивана Малашевича, къ какому времени онъ долженъ приготовить, въ помощь русскимъ, тысячу человекъ коннаго войска, графъ Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ и самъ того не знаетъ, когда окажется надобность въ запорожской помощи, но во всякомъ случаѣ просилъ кошевого заготовить, на случай войны, побольше лошадей и ружей и выступать въ походъ изъ Коша по первому къ войску письму, а пока «свободно на своихъ дачахъ дѣла исправлять» ¹⁾.

Покончивъ разъ навсегда съ Крымомъ, кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ и все запорожское низовое товариство составили, мая 29 числа, подлинную записку на «потомную память» о томъ, сколько лѣтъ войско запорожское низовое подъ протекціей крымскою мѣшало и въ какихъ мѣстахъ Кошемъ или

¹⁾ Киевская Старина, 1882, IV, 129—132.

Съчью сидѣніе имѣло ¹⁾. Изъ этой записки видно, что послѣ разоренія Чортомлыцкой Сичи запорожцы сперва поселились въ Алешкахъ, у Кардашинскаго лимана, и прожили тамъ 19 лѣтъ; потомъ изъ Алешекъ поднялись вверхъ по Днѣпру и сѣли на мѣстѣ старой Чортомлыцкой Сичи. Проживъ въ Чортомлыцкой Сичѣ два года, спустились къ устью рѣчки Каменки и прожили тамъ четыре года. Отъ Каменки поднялись къ урочищу Базавлуку и марта 31 числа, 1734 года, осѣлись на рѣкѣ Подшильной, проживъ всего подъ крымскою протекціей 25 лѣтъ.

«Перве когда покоино Иоанъ Мазепа гетманъ пресвѣтлѣйшему православному монарху московскому сіеестъ покойному Петру Алексѣевичу, первому императору, змѣнилъ, а докороля швецкого пристагъ и войско-жъ запорожское низовое указами и преглѣсными своими писмами дотоеи-жъ змѣни своей привабилъ, то, по разоренію воискомъ московскимъ за тую змѣну старой Сѣчи, якая была при Чортомъ лику (т. е. при Чортомлыку) на над-Скарбнымъ (т. е. надъ Скарбнымъ), воиско запорожское низовое оттудова внизъ Днепра в року 1709-м мая 12 числа избигши (т. е. избѣгши) и совокупившися своимъ-же воискомъ, якая часть была при помянутомъ Мазепе кшеду, когда онъ, король швецкій значне под Полтавою тогожъ року 1709 Іюня 27 числа отъ воискажъ московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подкрымскою державу задеветъ дерей (т. е. за Девлетъ-Гирей) хана удавшися, Сѣчь были себѣ при Олешкахъ и Кардашину над-Конскою завели, гдѣ лѣтъ девятнадцать мешкалы и паки збунтовавшися и кошевого себѣ Ивана Гусака изобразши и расколъ между собою учинивши на тое-жъ вышпомянутое старое мѣстце и къ Чортомъ лику вгору Днепра сошедлы и Сѣчью два года сидѣлы. А потомъ заделмыдерей (т. е. за Девлетъ-Гирей) хана указомъ внизъ Днепра спустившися вышше Казыкермена надъ Каменкою въ третомъ мѣстцу и сѣли булы кошемъ и четыре года мешкалы, що чынытъ подкрыломъ въ тыхъ трехъ мѣстцахъ всѣхъ лѣтъ чысломъ двадцать и пять зоставалы изаблагорасуднымъ поводомъ и урядомъ на тотъ

¹⁾ Хранится въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба; дѣла кн. Потемкина-Таврическаго, 1734 года, опись 194, связка 181, № 5. Трапскринція документа передается буква въ букву; авторъ позволялъ себѣ только разставить знаки препинанія и поставить начальныя большія буквы въ собственныхъ именахъ.

часть Его Милости пана Ивана Малашевича Атамана кошевого курѣннаго Пашковскаго гды ¹⁾ Капланъ Дерей ханъ крымскій згетманомъ Орликомъ, Станеславу Лещынскому изордами (т. е. съ ордами) своими пшолъ на помощь подъ Хотинъ и Камянецъ подолскій проты Саса ²⁾ короля полского и противъ воиска московского хотячи его королемя полскимъ поставовить и воиско запорожское низовое тудажъ ханъ крымскій затыгалъ вопомощь, то втѣй часъ неизволившы рукъ навонско християнское поднимать и жалѣючи кривныхъ своихъ и всего народу християнского малороссійского жеби орда выбравши вневолю незапровадила зстоеи помянутой Камянской Сѣчи а протекціи крымской вроку вышь описанномъ 1734-м марта 28 числа рушившысь суд . . . воднымъ и трактомъ степовымъ и прибувшы тогожь марта 31-д вгору Днепра івышыше Базавлука над-Подполною мѣстце избравши Кошемъ по прежнему подвладѣніемъ своегожь православнаго монархи московского сиестъ задержавы Имѣператрицы Анны Иоанновны водворылися именуочися ей и поней державцемъ всероссійскимъ во вѣчніе часы служить, чего рады внезабвенную потомность закошевства тогожь вышнареченнаго пана Ивана Малашевича веленно выше именованнагожь року и дня записать и лутшаго вѣроятія кто сего потребоват иметь воисковою кошевою печатью при Кошѣ Подполной утвердить» ³⁾.

¹⁾ Это слово въ подлинникѣ написано такъ: первая латинская буква «g», а двѣ русскія русскія—«ды».

²⁾ То-есть саксонца; разумѣется король Августъ II (1733—1763), родомъ саксонскій курфюрстъ.

³⁾ Съ показаніемъ приведеннаго документа не согласуется разсказъ Б. Каменскаго, который передаетъ (Исторія, 1822, IV, 38, 41, 1842, III, 124, 126), что, послѣ разоренія Чортотмыцкой Сичи, запорожцы сперва поселились въ 1709 году при устьѣ р. Каменки, впадающей въ Днѣпръ; но оттуда, во время похода русскихъ противъ турокъ, изгнаны были въ 1711 году Скоропадскимъ и Бутурлинскимъ, охранявшими границы у Каменнаго-Затона отъ нападенія непріятеля, и поселились въ Алешкахъ, гдѣ пробыли до 1733 года. При этомъ историкъ дѣлаетъ ссылку на малороссійскія дѣла московскаго архива мин. иностр. дѣлъ за 1709 годъ, № 84 и 1711, № 4. Свѣривъ эти ссылки съ имѣющимися въ настоящее время въ Архивѣ дѣлами подъ показанными годами и нумерами, мы находимъ совершенно несоответствующіе обстоятельствамъ документы, а потому считаемъ болѣе основательнымъ держаться показанія кошевого Малашевича и вѣрить въ то, что послѣ разоренія въ 1709 году Сичи запорожцы съ Чортотмыца перешли прямо въ

За годъ передъ тѣмъ, какъ запорожцы, руководимые кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ, покинули Каменку и перешли на Чортотмыкъ, скончался главный двигатель событій въ Запорожьѣ съ 1707 по 1728 годъ, Константинъ Гордіенко. О послѣднихъ дняхъ жизни Гордіенка неизвѣстно ничего. Одно лишь можно съ полною увѣренностью сказать, что онъ остался вѣрнымъ себѣ до конца своихъ дней. Ненавидя Москву, Гордіенко всячески старался о томъ, чтобы удержать запорожцевъ въ предѣлахъ Крыма, но въ концѣ концовъ не успѣлъ въ томъ и даже понесъ жестокое оскорбленіе отъ товариства. Какъ провелъ Гордіенко послѣдніе годы своей жизни, съ 1728 по 1733, на то указаній нѣтъ никакихъ. На каменномъ высокомъ крестѣ, стоящемъ на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра надъ большой земляной могилой, и сохранившемся, не смотря на время и разрушительныя стихіи, до настоящихъ дней возлѣ окопа бывшей Каменской Сичи ¹⁾, значится слѣдующее: «Во имя отца и сына и святаго духа зде опочиваетъ рабъ божій Константинъ Гордѣвичъ атаманъ кошовый: славнаго войска запорозкаго низового а курени плативровскаго: преставися року 1733 мая 4 числа». На западной сторонѣ креста выбиты—полукругъ луны, изображеніе креста и подобіе цвѣтка, на восточной высѣчены распятіе и арматура запорожскаго войска ²⁾. Изъ того обстоятельства, что на крестѣ кошевой именуется Гордѣвичемъ, а не Гордіенкомъ, можно заключить, что фамилія Гордіенка вовсе не была его фамиліей, а скорѣе прозвище по отцу, какъ это часто водилось у запорожцевъ, да и теперъ водится у малороссіяня ³⁾; настоящая-же его фамилія могла быть иная, можетъ быть Головка, можетъ быть Гординскій или Городецкій, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ исто-

Алешки. Фактовъ, о которыхъ говорятъ Б. Каменскій, не отмѣчаетъ въ своей Исторіи Россіи и Соловьевъ: т. XV, 1865, глава V, т. XVI, 1866, главы I и III. Костомаровъ передаетъ тоже, что и Б. Каменскій, но не ссылается ни на какой источникъ: Мавена, 1885, 623.

¹⁾ Мѣсто Каменской Сичи находится въ нижній землевладѣльца херсонскаго уѣзда Михаила Федоровича Огаркова, Консуловкѣ или Разоровкѣ, ниже большаго села Мѣловаго, какъ разъ при впаденіи рѣчки Каменки въ рѣку Днѣпръ, между лѣвымъ берегомъ Каменки и правымъ берегомъ Днѣпра.

²⁾ Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, II, 117.

³⁾ Какъ напримѣръ, отецъ называется Карпо, сынъ — Карпенко, отецъ Нечипоръ — сынъ Нечипоренко, отецъ Сидоръ — сынъ Сидоренко.

ригъ Запорожья половины XVIII вѣка. Тотъ-же историкъ говоритъ, что у Константина Гордіенка былъ сынъ Василій Головка, который жилъ, послѣ смерти отца, въ томъ-же платибровскомъ куренѣ ¹⁾. Изъ того-же обстоятельства, что Гордіенко, послѣ смерти, почтенъ былъ возведеніемъ большой могилы и сооруженіемъ монументальнаго каменнаго креста, слѣдуетъ заключить, что онъ не совсѣмъ былъ забытъ товариствомъ и что у него были искренніе, преданные ему, друзья. Связь Гордіенка съ Мазепою въ послѣднее время передъ полтавскимъ событіемъ, да и послѣ того, сдѣлала имя этого кошевого непопулярнымъ среди малороссійской черни вообще и запорожской въ частности. Но Гордіенко не любилъ Мазепу и если протянулъ ему руку помощи передъ полтавской битвой, то сдѣлалъ это не ради самого Мазепы, а ради той идеи, которую самъ дѣлалъ въ своей душѣ. Константинъ Гордіенко представляетъ собой самаго выдающагося изъ кошевыхъ атамановъ конца XVII и начала XVIII вѣка, взявшаго на себя смѣлую задачу, во что-бы то ни стало, сохранить вольности козацкія отъ притязанія московскаго правительства, но, уви, не достигшаго своихъ цѣлей и сошедшаго съ болью въ сердце и съ великою горечью на душѣ въ мрачную могилу. Жизнь этого чловѣка, полная трагизма и разочарованія, глубоко поучительна. Такой чловѣкъ, какъ Константинъ Гордіенко, казалось, нарочно выдвинутъ былъ на историческую сцену для того, чтобы на его примѣрѣ ярче и нагляднѣе показать, насколько тщетна борьба отдѣльныхъ, хотя и сильныхъ волей, лицъ съ духомъ исторіи, съ ея мощнымъ и непреложнымъ теченіемъ. Гордіенко обладалъ несомнѣнными дарованіями полководца, далеко превосходя въ этомъ случаѣ своего современника, гетмана Мазепу. Принимая близко къ сердцу интересы своей родины и стараясь проникнуть въ далекое будущее, Гордіенко открыто возставалъ противъ стремленія московскаго правительства, желавшаго, черезъ построеніе крѣпостей въ самомъ Запорожьи, наложить руку на исконныя права и вольности козацкія, и былъ горячимъ поборникомъ внутренней автономіи и независимости Запорожья отъ Москвы. Но, не зная мѣры ни въ чемъ, какъ чловѣкъ слишкомъ увлекающійся и страстный, Гордіенко въ послѣднемъ случаѣ доходилъ до крайности и всею

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, II, 34. прим. 42.

своею дѣятельностью ясно показавъ, что ему чуждо было историческое сознаніе о единеніи всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи въ лонѣ православія и подъ единою державною властью. Поэтому, этотъ кошевой, достойный лучшей участи, умеръ проклятый Москвою и горько униженный собственнымъ товариществомъ. Впрочемъ, нельзя не отдать дань этому могучему волей человѣку за то, что онъ и самъ съ собой не лукавилъ и въ отношеніи другихъ не кривилъ душой, а стоялъ всегда открыто за свои убѣжденія, каковы-бы они ни были въ глазахъ его современниковъ и отдаленныхъ потомковъ.

Какъ-бы то ни было, но запорожцы не вняли совѣтамъ Гордіенка и, схоронивъ своего печальной памяти кошевого атамана, навсегда покинули владѣнія Крыма. Перейдя подъ власть Россіи, они ждали только открытаго признанія ихъ со стороны русской императрицы сынами русскаго отечества. Они съ большимъ напряженіемъ ожидали возвращенія своихъ депутатовъ изъ Петербурга и всѣ надежды свои въ этомъ случаѣ возлагали на своего ближайшаго защитника и ходатая, графа фонъ-Вейсбаха.

Іюня 5 дня графъ Вейсбахъ извѣстилъ «благороднаго и высокопочтеннаго» кошевого атамана Ивана Малашевича о томъ, что бывшій запорожскій судья Решетило да атаманъ Прокофій Ѳедоровъ уже возвращаются изъ Петербурга на Кошъ. Въ Петербургѣ они были допущены предъ очи ея императорскаго величества и «изустно отъ ея величества обнадѣжены о оставленіи всему низовому запорожскому войску вины и о содержаніи всемилостивѣйшей ея императорскаго величества протекціи»; находясь-же въ Петербургѣ, пребывали во всякомъ довольствѣ и получали высочайшія милости: на содержаніе по пріѣздѣ, съ 15 числа, 110 рублей на всѣхъ да при отпускѣ назадъ каждому по 100 рублей да платѣ въ 77 рублей, кромѣ того особо отъ самого графа Вейсбаха въ городѣ Кіевѣ на дорогу на всѣхъ 150 рублей ¹⁾.

Располагаясь Кошемъ въ урочищѣ Базавлукъ, на рѣкѣ Подпильной, запорожцы считали это мѣсто по праву принадлежащимъ Россіи. Иначе смотрѣли на это турки: они попрежнему заявляли, что урочище Базавлукъ составляло, по установленному мирному трактату, собственность Порты. Въ виду этого, для рѣшенія спорнаго дѣла, назначенъ былъ турецкій полномочный

¹⁾ Кіевская Старина, 1882, IV, 129—132.

Эдикли-ага, о чемъ турецкое правительство официально извѣстило русскаго резидента въ Константинополь, а русскій резидентъ послалъ вѣсть о томъ графу фонъ-Вейсбаху. Графъ Вейсбахъ находился въ то время въ Бѣлой-Церкви, куда къ нему направился черезъ Кіевъ отъ Нумана, бендерскаго паши, гонецъ Шатырь-Али-ага съ запросомъ, достаточно-ли будетъ отправить, для рѣшенія спора, одного турецкаго комиссара Эдикли, или-же съ нимъ вмѣстѣ должны прѣхать и другіе.

Получивъ такое извѣстіе, графъ Вейсбахъ потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Ивана Малашевича съ «немногими вѣрными атаманами». Призывая къ себѣ запорожцевъ, графъ не хотѣлъ, однако, чтобы они встрѣтились съ бендерскимъ посланцемъ. Поэтому въ то время, когда запорожскіе депутаты, выѣхавъ изъ Сичи, стали приближаться къ Бѣлой-Церкви, графъ Вейсбахъ поторопился отправить прямымъ трактомъ изъ Кіева до Бендеръ присланнаго отъ бендерскаго паши довѣреннаго комиссара Шатырь-Али-агу съ поручикомъ Наковальнинымъ. Шатырь-Али-агъ было объявлено, что графъ имѣетъ необходимость выѣхать изъ Бѣлой-Церкви для смотра украинскихъ полковъ и потому торопится отпустить его во-свояси «не захватывая Бѣлой-Церкви съ надлежащимъ довольствіемъ». Отпуская Шатырь-Али-агу въ Бендеры, графъ Вейсбахъ послалъ ему письмо для врученія бендерскому пашѣ Нуману. Въ письмѣ къ Нуману графъ писалъ, что съ русской стороны никакихъ на урочищѣ Базавлукѣ строеній не дѣлается, что для подробнаго осмотра того урочища достаточно будетъ одного комиссара отъ Порты, Эдикли-аги, что Россія имѣетъ твердое намѣреніе содержать съ блистательной Портой вѣчный миръ и что запорожцамъ внушено никакихъ противностей и ни въ чемъ не чинить блистательной Портѣ ¹⁾.

Между тѣмъ, сентября 2 дня, въ Бѣлую-Церковь явился къ графу Вейсбаху кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ. При немъ были, кромѣ вѣрныхъ атамановъ, войсковою писарь, войсковою асаулъ, старики или старшина и простые козаки, всѣхъ счетомъ 153 человекъ. Графъ принялъ всѣхъ запорожцевъ съ особенною «пріятностію» и объяснилъ имъ, что занятые ими мѣста турки считаютъ принадлежащими не Россіи, а Портѣ, а потому, для избѣжанія

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

большихъ непріятностей и для сохраненія мирнаго русско-турецкаго трактата, совѣтовалъ оставить занятія войскомъ урочища и перейти въ границы императорскаго величества. Выслушавъ такую просьбу, кошевой атаманъ и все бывшее съ нимъ товариство посовѣтовались между собой наединѣ и потомъ въ одинъ голосъ заявили, что если въ самомъ дѣлѣ турки сочтутъ ихъ поселеніе въ урочищѣ Базавлукѣ нарушеніемъ мирнаго русско-турецкаго трактата, то войско можетъ перейти и на другое мѣсто. Въ увѣреніе этого кошевой и все бывшее при немъ товариство подали графу Вейсбаху письменный отвѣтъ и тутъ-же принесли присягу на «вѣрную службу и вѣчное бытіе императорскому величеству».

Письменный отвѣтъ запорожцевъ состоялъ въ слѣдующемъ.

«Мы, ниже подписавшіеся, войска запорожского низового атамана кошевого съ куренными атаманами и посполитымъ товариществомъ противъ приказу его сіятельства генерала графа фонъ Вейсбаха отвѣтно симъ доносимъ. А именно: егда къ намъ, войску запорожскому низовому, присланный отъ Порты оттоманской, для осмотра земли, на чьей мы нынѣ кошемъ осѣли, и крѣпости, Едкли-ага прибудетъ, то мы его такъ ласково примемъ и стараться будемъ, чтобъ онъ могъ признать и по возвращеніи своемъ въ Царьградъ оттоманской Портѣ донести, яко та земля по насъ весьма принадлежитъ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ во владѣніи быть, нежели-бъ Порта оттоманская могла претендовать, такъ чтобъ когда та земля была ея императорскаго величества, для чего по сіе время объ ней не было представленія, но противъ оного будемъ отвѣтствовать, яко мы за преступленія отцовъ нашихъ въ высокомъ гнѣвѣ ея величества содержаны были, зачѣмъ для насъ, какъ долго были подъ ихъ турецкою протекціею, и земля та не была надобна и объ ней не требовано и яко-бы имъ оная земля принадлежала, а нынѣ какъ мы въ тѣхъ преступленіяхъ отцевъ нашихъ у ея императорскаго величества всемилостивѣйшее прощеніе получили и въ свою природную протекцію возвратились, то и оная земля заподлинно съ нами послѣдуетъ, о чемъ самой Портѣ извѣстно, что намъ съ российской стороны и между Портою разграниченія и объ ней упоминаемо не было. А что татара свой скотъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы нынѣ Кошемъ осѣли, содержали и то въ надеждѣ, яко мы подъ ихъ протекціею состояли и въ томъ имъ не противились, особливо что еще довольно земли останется какъ

намъ, такъ татарамъ, для чего нынѣ мы намѣрены и ради доброго сосѣдства имъ, татарамъ, своего скота тамъ содержать не откажемъ. Мы подлинно вѣдаемъ, чтобъ турки, такожъ и самъ ханъ крымскій для нашего переходу и нынѣшняго нашего новаго Коша ничего упоминати не имѣли и въ молчаніи-бъ пребыли и помянутый прибудущій Едикли-ага изъ Царяграда присланъ-бы не былъ, естли бы не Орликъ чрезъ свое представленіе турковъ къ тому не приволилъ и хана безпрестанными своими наговорами не принуждалъ, чтобъ и онъ, ханъ, его представленія и довошенія Портѣ объявлялъ и о томъ онъ, Орликъ, неусыпное стараніе имѣеть и съ такого резону, понеже ему не малое награжденіе и дѣтемъ его (ежели бы насъ войско къ себѣ притягнути могъ) немалая часть земли, яко имъ собствена на вѣчные времена уступить общана, изъ чего впредь несходственныя и вредительныя дѣла послѣдовать могутъ, чего ради онъ, Орликъ, день и ночь пишетъ и о томъ мыслить, однакожъ, какъ кажется, уже въ немилости состоитъ, понеже сумнѣваемся, чтобъ онъ, Орликъ, тѣ дѣла, которыя ищетъ, кончить и достать могъ. Какъ мы признаваемъ, турки сами своею армією хану николи помоществовать, такожъ для помянутыхъ причинъ съ ея императорскимъ величествомъ войны починать не будутъ, токмо хотя войну они декларовали-бы, она по французской инстигаціи и не изъ показанныхъ резоновъ учинится, не смотря на то, хотя мы и съ нынѣшняго нашего Коша куда на иное мѣсто пойдемъ или нѣтъ. Такожъ татарамъ и туркамъ немалая прибыль приходитъ, когда торговля дѣла въ Крыму свободно производится, которыя ежели мы отъ нынѣшняго нашего новаго Коша пойдемъ, весьма перестануть, чего ради мы, войско, надѣемся, что по возвращеніи турецкаго Едикли-аги въ Царьградъ сіи дѣла молчаніемъ пройдутъ и хану спокойнымъ быть повелѣно будетъ, развѣ они уже намѣрены были изъ другихъ причинъ войну начинать и на насъ войско толко тѣмъ претекстомъ показать. Мы, войско, тепершняго времени не опасаемся, чтобы татаре, какъ Орликъ стращаетъ насъ, отъ Коша силою отогнать или по его словамъ насъ турбовать будутъ, толко говорятъ, что они зимою чинить намѣрены, при которомъ случаѣ мы надолго не ради крымскихъ (которыхъ за мужиковъ причитать можно) токмо ради сильныхъ нагайскихъ лутше воинскихъ татаровъ безъ ея императорского величества вспоможенія устоять не можемъ; чего ради просимъ такое опредѣленіе при арміи повелѣтъ учинить, дабы въ

нужномъ нашемъ случаѣ помощь получить могли, то чему надѣеся, что татары, когда о такомъ опредѣленіи увѣдаютъ, на насъ зимою нападать не будутъ, ежели-бы прибудущая зима спокойна прошла-бы, то сіи дѣла съ помощью божіею такъ пройдутъ и объ ономъ впредь упоминать болше не будутъ. Мы, войско, сами знаемъ, что наши козаки при Самарѣ не на нашей земли, токмо по силѣ тамошняго разграниченія на турецкой землѣ состоятъ, того ради какъ скоро мы до Коша своего отсюда возвратимся, нашихъ, до сего времени при Самарѣ стоящихъ, козаковъ, сюда на сю сторону Днѣпра къ себѣ переведемъ и о томъ турецкого Едигли-агу, ежели будетъ объ оныхъ козакахъ упоминать, увѣримъ. А ежели турки при ономъ претекстѣ останутся и одну такую причину покажутъ, чтобы мы, войско, или отъ теперешней нашей Сѣчи отошли и на русскій грунтъ (показывати стануть, будто та земля, на которой мы теперь сидѣніе имѣемъ, къ нимъ принадлежитъ) переведены были или то за разрывъ поставятъ, чрезъ что-бъ ея императорскому величеству еще того времени вновь война притти и невинно христіанская кровь проливаться могла, въ такомъ несчастливомъ дѣлѣ (ежели-бы она ради насъ учинилась-бы) мы, храни, Боже, не желаемъ, дабы объ ономъ на насъ вина предъ Богомъ и предъ ея императорскимъ величествомъ легла, чего ради мы въ то время, когда ея величества резидентъ г. Неплюевъ изъ Царьграда о турецкихъ резолюціяхъ и учиненныхъ деклараціяхъ увѣдомить, по всеподданнѣйшей вѣрности и покорности отъ теперешней Сѣчи со всѣмъ своимъ Кошемъ пойдемъ и у границъ ея императорского величества, зачавше отъ рѣки Тесмина до пороговъ, какъ далеко та граница имѣется, Кошемъ осядемъ, а понеже намъ войску чрезъ то какъ рыбы, такъ звѣриныя ловли не такъ довольно будетъ, того ради просимъ, дабы при такомъ случаѣ намъ войску, какъ вѣрнѣйшимъ подданнымъ ея императорского величества, такъ долго, покамѣстъ война съ турками будетъ, и мы до теперешней Сѣчи возвратиться можемъ, какъ мнѣ кошевому, такъ прочимъ старшинамъ годовое денежное жалованье и на нашъ Кошъ годовой провіантъ, а ради отвозки, дабы наши или водовые сюда пушки и протчихъ нашихъ клейнодъ выше порогъ днѣпровыхъ довольноя подводы опредѣлены были ея императорского величества за всемилостивѣйшимъ указомъ, понеже (ежели-бы такой ея императорского величества высочайшей милости не могли получить) мы всѣ вышепоказанные наши клейноты и лутшія наши

добра оставимъ и потерять принуждены будемъ, изъ чего впредь татаромъ и туркомъ немалая прибыль, а въ службѣ императорскаго величества вредъ учиниться можетъ. Того ради всепокорнѣйше просимъ сей переходъ такъ долго оставить, покамѣстъ не самонужно потребуеть и ея императорскаго величества министръ изъ Царяграда объ ономъ весьма запотребно не увѣдомить, особливо, ежели возможно будетъ, въ такомъ случаѣ дабы мы, войско, не симъ временемъ или не зимою, но впредь будущую весну, то есть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на показанныя мѣста переходить имѣли, чрезъ что-бъ мы своего добра утерять не могли, а въ то время въ апрѣлѣ мѣсяцѣ можемъ полою водою свои пожитки судами безъ жадной шкгоды препроводить, въ которое время и означенныхъ подводъ не такъ много потребно будетъ»¹⁾.

Отпуская отъ себя запорожцевъ, графъ Вейсбахъ просилъ ихъ, чтобы они, въ случаѣ прѣзда къ нимъ Эдикли-аги для осмотра земли и крѣпости на урочищѣ Базавлукѣ²⁾, приняли его и отправили такъ, чтобы онъ, по прибытїи въ Царьградъ, могъ сказать, что та земля не султану, а ея императорскому величеству принадлежитъ и что о ней вовсе не было упомянуто во время установленїя русско-турецкаго разграниченїя. Такъ или иначе, но если запорожцы останутся на урочищѣ Базавлукѣ, графъ обѣщаетъ дать имъ пѣхотный и два конныхъ полка при генераль-маюрѣ Гейне для отраженїя татаръ. Въ случаѣ - же они уйдутъ въ границы Россїи, графъ дастъ имъ подмогу для доставки войсковыхъ клейнотовъ и судовъ на новое мѣсто поселенїя ихъ, такъ какъ сами запорожцы въ «нынѣшнее (т.-е. осеннее) время» никакъ не могутъ ихъ перевезти черезъ пороги, вверхъ рѣки Днѣпра. «И по моему подлому мнѣнїю, доносилъ графъ фонъ-Вейсбахъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ въ Петербургъ, запорожцовъ до того времени, пока за возвращенїемъ вышеозначеннаго Эдикли-аги, по осмотрѣ Коша ихъ, Порта не отзовется, съ нынѣшняго мѣста не переводить, ибо можетъ быть ага, по ихъ запорожскому ласковому принятїю, яко та земля не къ туркамъ принадлежитъ, Порту увѣрить, что, она, Порта, увѣдавъ можетъ быть и въ молчанїи останется»³⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

²⁾ Въ письмѣ бендерскаго паша Нумана къ графу Вейсбаху: «Въ мѣстѣ именуемомъ Базагылыке».

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

Пріѣздъ кошевого атамана въ Бѣлую-Церковь и отъѣздъ его изъ нея въ Сичу долженъ, согласно высочайшему приказанію, содержаться въ самой строгой тайнѣ. Не смотря на это, графъ Вейсбахъ, при всемъ его стараніи, не могъ соблюсти государственной тайны: вѣсть о выѣздѣ кошевого атамана распространилась не только между малороссійскимъ, но и между польскимъ народомъ. Въ Польшѣ разнеслось эхо, будто кошевой атаманъ идетъ на помощь регулярному войску русской императрицы съ 15.000 человекъ козаковъ для покоренія «противныхъ» (королю Августу III) поляковъ. Тогда на поляковъ напалъ такой страхъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ польскихъ шляхтичей обратились съ просьбой къ русскому генералъ-маіору Шпигелю, который посланъ былъ съ тремя полками въ корпусъ генералъ-лейтенанта принца Гессенъ-Кобургскаго, чтобы Шпигель расположилъ свои войска на стоянку въ ихъ имѣніяхъ и тѣмъ спасъ-бы отъ разоренія со стороны запорожцевъ ихъ деревни и имѣнія. Вслѣдствіе такой просьбы генералъ-маіоръ Шпигель обратился съ вопросомъ къ графу фонъ-Вейсбаху, на сколько правдоподобны распространившіеся слухи о выходѣ кошевого атамана въ Польшу. На такой запросъ графъ Вейсбахъ, не скрывая передъ Шпигелемъ тайны, отвѣчалъ, что кошевой атаманъ дѣйствительно къ нему приходилъ и что графъ нарочно, для разглашенія молвы, далъ полякамъ понять, что «сежели противные поляки къ покоренію королю Августу третіему не придутъ, то онъ, (т. е. графъ Вейсбахъ), толикое 15-ти тысячное число (козаковъ) сюда въ 6 дней пришлетъ; а егда-же къ покоренію придутъ, то запорожцовъ отправленіемъ удержитъ, ибо поляки ни отъ кого такъ, какъ отъ запорожцовъ, опасенія не имѣютъ, понеже вѣдаютъ, что они во время войны безъ остатку разореніе чинять»¹⁾.

Тѣмъ временемъ кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ, куренные атаманы и прочіе козаки, присягнувъ на вѣрность русской императрицѣ въ Бѣлой-Церкви и «поклонясь за все добро» графу Вейсбаху, сентября 9 числа оставили Бѣлую-Церковь и 21 числа прибыли въ Сичь. Съ 21 сентября и по 7 октября они ждали къ себѣ пріѣзда Эдикли-аги, но вмѣсто него пріѣхалъ другой комиссаръ, который назвалъ себя Займъ Ахметъ-агой: «Самъ собою онъ ростомъ великъ, лицомъ пригожъ, борода у него чер-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69 № 6.

ная безъ сѣдины, рѣчами плохъ». При немъ состоялъ старый ага, именемъ Асланъ, отъ крымскаго хана Капланъ-Герая; съ Ахметъ-агой и Асланъ-агой было «прочихъ турокъ» 50 человекъ. Запорожцы, въ силу наставленія графа Вейсбаха, встрѣтили турецкихъ комиссаровъ какъ царскихъ пословъ и обошлись съ ними «честно», т. е. при въѣздѣ ихъ въ Сичу и при отъѣздѣ выстрѣлили изъ пяти войсковыхъ пушекъ и въ презентъ поднесли имъ 12 лисиць. Приѣхавъ въ Сичу, турки подали запорожцамъ два письма, — одно отъ крымскаго хана, другое отъ бендерскаго паши. Въ тѣхъ письмахъ было написано, что крымскій ханъ получилъ увѣдомленіе, будто запорожское войско, перейдя подъ протекцію ея императорскаго величества, поселилось на крымской землѣ и стало строить себѣ городъ; узнавъ объ этомъ, ханъ далъ знать Портѣ; Порта-же прислала къ запорожцамъ своего капичи Заимъ Ахметъ-агу, которому запорожцы должны дать дозволеніе осмотрѣть съчевой городъ, дабы онъ донесъ о томъ самому хану. При Ахметъ-агѣ и Асланъ-аджѣ былъ еще очаковскій турчанинъ Салей барактаръ, который подалъ запорожцамъ особое отъ хана письмо и четыре «обманныя» письма отъ Орлика, «дабы запорожцы по совѣту и наставленію Орлика, паки къ протекціи хана крымскаго обратились и на прежнемъ-бы мѣстѣ въ Олешкахъ Кошемъ сѣли». Хотя запорожцы тѣхъ писемъ хана, паши и Орлика читать не хотѣли, но, по крайнему настоянію и принужденію турецкихъ и крымскихъ пословъ, распечатали и предъ всѣмъ войскомъ вычитали. По прочтеніи-же писемъ, запорожское войско, не склоняясь ни на какія прельщенія, въ томъ-же совѣтѣ своимъ честно турецкому и крымскому посламъ отвѣчало, что всѣ козаки давно уже перестали слушать «науки» Орлика и давно уже отказались переходить Кошемъ внизъ Днѣпра къ Олешкамъ, подъ протекцію крымскаго хана. Напротивъ того, они рѣшили будетъ-ли то счастливо или несчастливо чиниться, здѣсь подъ владѣніемъ православной монархини, не на чужой, а на своей древней неразграниченной землѣ, Кошемъ своимъ сидѣть и до конца жизни своей государынѣ служить. Въ такихъ-же словахъ отвѣтили запорожцы и на письма хана и паши; на письма-же Орлика, какъ ни домогался получить на нихъ отвѣта Салей барактаръ, не дали отвѣта никакого, рѣшительно объявивъ, что и впредь не будутъ ничего отвѣчать Орлику. Послѣ такого отвѣта турецкіе и крымскіе посланные перестали склонять запорожцевъ къ возвращенію въ крым-

скія владѣнія и попросили позволенія, въ силу указа оттоманской Порты, осмотрѣть вновь поселенный Кошъ запорожскій, не строится-ли у козаковъ городъ. Получивъ на это полное позволеніе и обойдя кругомъ мѣсто Сичи, комиссары осмотрѣли всѣ поля и отводы и потомъ спросили, не строится-ли у козаковъ гдѣ-нибудь тайно при Базавлукѣ на островѣ городъ. Осмотрѣвъ-же и убѣдившись, что у запорожцевъ, кромѣ куреней, не строится никакого города, снова «сприятно» имъ сказали, что «хотя сія граница къ турецкой Портѣ или (какъ Орликъ въ письмахъ своихъ пишетъ на двое) къ полякамъ надлежитъ, то однакожь, дабы войско, здѣ обрѣтаясь яко на крайнемъ мѣстѣ, фортеціи не строили, а о границѣ, чья она будетъ, два монарха, турскій и московскій, говорить будутъ и какъ между собою постаноятъ, такъ и будетъ». Окончивъ такимъ образомъ, осмотръ Коша и пробывъ въ немъ два дня, турецкіе и крымскіе комиссары отъѣхали отъ запорожцевъ водою двумя судами да степью лошадьми въ городъ Бендеры ¹⁾.

Результатъ такого осмотра былъ вполне благопріятенъ для запорожскаго войска. Въ началѣ 1735 года русскіе резиденты въ Константинополь Неплюевъ и Вишняковъ доносили императрицѣ Аняѣ Иоанновнѣ, что турецкій ага, ѣздившій для осмотра границъ въ запорожскій Кошъ, по возвращеніи своемъ въ Царьградъ, доносилъ, что «тѣ мѣста болѣе къ Польшѣ принадлежатъ и сверхъ того въ тѣхъ мѣстахъ никогда никакого разграниченія не было». Отвѣчая на такое донесеніе, императрица писала въ Константинополь резидентамъ, чтобы они въ вопросѣ о дѣлѣ запорожцевъ постарались «какъ по тамошнимъ обстоятельствамъ будетъ пристойно и возможно, оное (дѣло) вдалѣ отволочь, не подавая, однакожь, никакой явной причины и противности и объявляя всегда, что ежели тѣ земли всеконечно Портѣ принадлежатъ, то и тѣ запорожцы оттуда переведены будутъ, пока подлинно усмотрится, куды ихъ турецкое намѣреніе клонится и что отъ нихъ (турокъ) впредъ ожидать надобно» ²⁾.

Какъ-бы то ни было, хотя вопросъ о принадлежности урочища Базавлука все еще не былъ окончательно рѣшенъ, но запорожцы «крѣпко и ладно» засѣли въ Базавлукѣ и давно уже считали себя

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

подданными Россіи. Для того, чтобы на будущее время не возникло между запорожскимъ Кошемъ и русскимъ правительствомъ какихъ-либо недоразумѣній, отъ запорожцевъ потребовали прислать особыхъ депутатовъ въ городъ Лубны для подписанія условій, на основаніи которыхъ войско переходило въ подданство російскихъ императоровъ. Отъ русскаго правительства посланъ былъ въ Лубны принцъ Гессенъ-кобургскій, и договоръ состоялся на основаніи слѣдующихъ семи условій: 1) Всѣ вины и измѣны запорожскихъ козаковъ противъ Россіи предать полному забвенію. 2) Жить запорожцамъ въ мѣстахъ, гдѣ разорено было въ 1709 году ихъ жилище. 3) Пользоваться имъ промыслами, какъ на рѣкѣ Днѣпрѣ рыбной ловлею, такъ и въ степяхъ звѣриной охотою, отъ російскихъ кардоновъ безпрепятственно. 4) Имѣть имъ чиновниковъ по настоящему тогдашнему положенію. 5) Сохранять вѣрность къ престолу російскому и быть стражами границъ государства російскаго. 6) Быть имъ въ зависимости отъ главнокомандующаго генерала, въ Малой Россіи опредѣленнаго. 7) Получать имъ за службу ихъ жалованья ежегодно 20.000 рублей на все войско ¹⁾).

Въ тѣхъ-же Лубнахъ запорожскіе депутаты присягнули, отъ имени всего войска, на вѣрность русской императрицѣ, и тогда въ самую Сичь отправленъ былъ генераль-маіоръ Таракановъ для объявленія запорожцевъ подданными Россіи. Тараканову вручено было нѣсколько тысячъ рублей денегъ для передачи ихъ товариству на постройку новой Сѣчи, о чемъ особенно хлопоталъ давній благодѣтель запорожцевъ, графъ фонъ-Вейсбахъ.

Когда запорожскіе козаки узнали о томъ, что въ Сичь ѣдетъ графскій посолъ, то они рѣшили оказать ему подобающую честь всѣмъ войскомъ. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ и со всею старшиной во главѣ, они вышли за двѣ версты отъ Сичи и расположились по обѣ стороны пути. Увидя посла, они приняли его «съ учтивымъ поздравленіемъ» и салютовали пушечною и ружейною пальбой. Въ самой Сичи, у церкви, посла встрѣтило запорожское духовенство «съ надлежащею церковною церемоніею». Въ церкви святого Покрова, въ присутствіи посла, отслуженъ былъ молебень о здравіи русской императрицы Анны Іоанновны, съ пушечной пальбой. Послѣ молебна, на собранной войсковою радѣ, прочитана была импера-

¹⁾ Чтенія московскаго общества ист. и древн., 1848, № 6, 45.

торская грамота о прощеніи запорожцамъ ихъ бывшей вины и о принятіи ихъ подъ скипетръ Россіи. Послѣ этого все войско, въ присутствіи посла, принесло присягу на вѣрность русской императрицѣ.

Едва окончилась вся эта церемонія, какъ въ Сичь прибылъ и полномочный посолъ отъ турецкаго султана: султанъ, узнавъ о конечномъ намѣреніи запорожцевъ перейти подъ скипетръ русской императрицы, рѣшилъ такъ или иначе вернуть ихъ къ себѣ. Но запорожцы не оказали турецкому послу той чести, какую оказали они русскому послу: въ честь его они только одинъ разъ выпалили изъ пушекъ, но и то тогда лишь, когда онъ самъ салатовалъ, приблизясь къ Сичѣ. Турецкій посолъ пріѣхалъ въ Сичу съ старшинами, янычарами, денежной казной и «пребогатыми» дарами. Кромѣ того, онъ привезъ съ собой султанскій фирманъ и нѣсколько писемъ отъ именующаго себя гетманомъ малороссійскихъ козаковъ Филиппа Орлика. Тогда въ Сичи вновь собрана была общая войсковая рада и на ту раду, кромѣ турецкаго посла, приглашенъ былъ русскій посолъ, которому оказана была «всякая честь отъ войска». Войдя въ раду, турецкій посолъ обратился къ козакамъ съ рѣчью и убѣждалъ ихъ остаться вѣрными могущественному падишаху, какъ были они дотолѣ ему вѣрны, за что обѣщалъ имъ, отъ имени своего повелителя, на будущія времена великую милость и большое жалованье и при этомъ сослался на то, что того-же желаетъ и гетманъ Филиппъ Орликъ, ближайшій ихъ патронъ и начальникъ. Но запорожцы, едва услышали имя Филиппа Орлика, какъ начали бранить и поносить его за вѣроотступничество и за принятіе имъ магометанской вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали докорять и самихъ татаръ за ихъ недоброжелательства къ козакамъ и за безбожные налоги на войско. Въ заключеніе-же всего козаки закричали, что они христіане и подданные русской императрицы, въ доказательство чего копевой атаманъ, войсковая старшина и атаманы куреней подошли къ русскому послу и выказали передъ нимъ знаки покорности русской императрицѣ, показавъ въ то-же время полное невниманіе по всѣмъ присланнымъ представителямъ турецкаго султана. Послѣ этого рада была окончена. Но турецкій посолъ спросилъ у запорожцевъ отвѣта на письмо Орлика и на грамоту султана. Запорожцы дали ругательный отвѣтъ по адресу Орлика, крымскаго хана и турецкихъ старшинъ, и потомъ, проводивъ посла изъ Сичи въ открытую степь, внезапно

напали на него и отобрали у него всю казну, которую онъ при-
 возилъ въ Кошъ для раздачи козакамъ въ случаѣ ихъ согласія
 остаться вѣрными турецкому султану, но которую онъ теперь везъ
 съ собою назадъ.

Возвратившись въ Стамбуль, турецкій посолъ сообщилъ обо
 всемъ происшедшемъ съ нимъ на запорожскомъ Кошу, и тогда сул-
 танъ издалъ приказъ схватить козаковъ, не успѣвшихъ выѣхать еще
 изъ предѣловъ Крыма, и отдать ихъ въ тяжкія работы на вѣчныя
 времена. Запорожскіе козаки, узнавъ о томъ, въ свою очередь, не
 остались въ долгу: они схватили нѣсколько человекъ турокъ и из-
 рубили ихъ въ куски.

О переходѣ запорожцевъ къ Россіи послано было донесеніе
 лично императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а о присягѣ ихъ сообщено
 въ сенатъ ¹⁾.

О числѣ всего запорожскаго войска, приведеннаго на вѣрность
 русской императрицѣ, современная событію записка говорить, что
 въ Бѣлой-Церкви при кошевомъ атаманѣ было въ присягѣ 153
 человекъ, а въ запорожской Сичѣ, кромѣ бывшихъ въ дальнихъ
 отлучкахъ, было 7115 человекъ. Кошевой атаманъ Иванъ Мала-
 шевичъ въ письмѣ къ графу фонъ-Вейсбаху, писанномъ октябри
 10 числа, 1734 года, извѣщалъ, что козаки, не успѣвшіе принести
 присягу, разошедшіеся въ разныя стороны, кто на полевныя рѣчки
 въ Малую Россію, кто по торговымъ дѣламъ въ Крымъ, кто на
 работы въ другія мѣста, будутъ приведены куренными атаманами
 къ присягѣ на вѣрность ея императорскому величеству, государынѣ
 императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ тогда, когда явятся въ Кошъ ²⁾.

¹⁾ Чтенія Московскаго общества исторіи и древн., 1848, № 6, 44, 45, № 8,
 21, 22; Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 27—30.

²⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1734
 годъ, связка 69, № 5.

Поправки и дополненія

ко второму тому исторіи запорожскихъ козаковъ.

На 217 страницѣ второго тома Исторіи запорожскихъ козаковъ, въ выноскѣ 3-ей, пропущена ссылка на Агты московскаго государства (СПБ., 1890, I, 514), въ одномъ изъ коихъ документовъ разсказывается объ убіеніи атамана Гири Каневца, іюня 3 дня, 1633 года, государевыми ратными людьми, предводимыми Наумомъ Пушкинымъ.

Къ страницѣ 50-й, гдѣ говорится о казни, въ 1578 году, польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ козацкаго предводителя Ивана Подковы, имѣются любопытныя подробности въ Запискахъ академіи наукъ (Приложеніе къ XVI тому, СПБ., 1870, 6—8), извлеченныя изъ итальянскихъ архивовъ. «Уѣзжая изъ Варшавы въ Рову въ Мазовіи, король приказалъ привести туда Подкову, бывшаго князя Валахіи, и содержать его тамъ подъ стражею; отсюда его привели во Львовъ, куда прибыли чаушъ и посланникъ валашскій, поднесшій королю 50 быковъ, нѣсколько бочекъ вина и превосходныхъ лошадей. Оба посла требовали головы Подковы. Въ понедѣльникъ, 16 іюня, рано утромъ король выѣхалъ изъ города, отправляясь будто-бы на охоту. Передъ отъѣздомъ онъ отпустилъ изъ предосторожности чауша и приказалъ вооружить горожанъ и затворить городскія ворота; ибо ему внушалъ подозрѣніе необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго видѣть Подкову. По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, около 14 часа былъ приведенъ несчастный князь (Подкова) съ свободными руками, по особой милости, дарованной ему по прочтеніи смертнаго приговора. Прощедшись два раза по мосту казни, поглаживая бороду, посматривая на народъ, безъ боязни смерти, Подкова просилъ народъ утихнуть и, когда водво-

рилось спокойствіе, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа поляки, я приведенъ на казнь, и не знаю за что, ибо не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого наказанія. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро и почтенно противъ враговъ христіанскаго имени и всегда старался о выгодахъ и пользѣ для отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ было постоянно моею мыслію, удержать ихъ въ границахъ ихъ и не дозволить имъ переправляться черезъ Дунай; но не могъ привести въ исполненіе своей задуманной мысли, Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, довѣрившись коему, я пришелъ сюда ¹⁾); но надѣюсь на Бога, что онъ казнить измѣнника за невинную мою кровь. Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ руки палача, ибо такъ приказалъ поганый песь турокъ вашему королю, своему слугѣ, а король вашъ—палачу. Смерть мнѣ ни по чемъ. Но памятайте, что не пройдетъ много времени, и вы не избѣжите моей участи и, по волѣ этого поганнаго пса, будутъ отправлены въ Константинополь ваши имуществва, ваши головы и головы вашихъ королей». Помолчавъ немного, онъ сталъ просить, чтобы не причинили никакого зла восьми его слугамъ и товарищамъ, всегда храбро сражавшимся за республику, и дозволили имъ похоронить его тѣло. Въ народѣ былъ слышанъ плачь и ропоть; но не было возможности подать ему помощь. Онъ выпилъ за здоровье земляковъ чашу вина, поднесенную ему однимъ изъ товарищей, еще два раза прошелся и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивъ соломѣ, посланную ему подъ ноги, онъ воскликнулъ: «Боже мой, неужели я недостойнъ преклонить колѣна на что-либо благородное», и съ этими словами приказалъ стражѣ принести изъ дому коверъ. Съ молитвою на устахъ, безъ боязни, онъ ждалъ смертнаго удара. Отрубленную голову его трижды показали народу. Народъ рыдалъ и ропталъ; но долженъ былъ смолкнуть передъ направленными противъ него дулами ружей. Слуги Подковы пришили къ тѣлу его голову, положили трутъ въ изготовленной имъ самимъ зеленый гробъ и отнесли въ ближнюю православную церковь. Казнь Подковы произвела всеобщее неудовольствіе и много повредила королю въ глазахъ народа».

Къ страницѣ 167-ой можетъ служить указаніе, извлеченное изъ

¹⁾ Разумѣется брацлавскій воевода Янъ Збаражскій, поручившійся Подковѣ, что ему не будетъ никакого зла въ Польшѣ.

рукописей библиотеки князя Боргезе въ Ватиканскомъ архивѣ (Кіевская Старина, 1893, X, 158), о существованіи въ Запорожьѣ «старшого» Васселовича, въ промежутокъ времени между Нечковскимъ и Байбузою. Это—подлинное письмо Васселовича отъ 1597 года, іюня 15 дня. «Выражаемъ наше почтеніе наияснѣйшимъ и благороднѣйшимъ старостамъ и подстаростамъ его свѣтлости королевскаго величества, состоящимъ въ пограничныхъ владѣніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ. Доводимъ до свѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель перекопской орды татаръ со всѣми своими войсками явился 14 іюня въ часъ за завтрака въ переходу черезъ пороги и Туволзу ¹⁾, и вполне вѣроятно, что они уже перешли черезъ Днѣпръ. У нихъ является смѣлое намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія его свѣтлости королевскаго величества и, если-бы они столь неожиданно не переправились, мы-бы успѣли увѣдомить о нихъ отдѣльныхъ господъ старость. Пусть знаютъ объ этомъ власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщать отдѣльнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ его свѣтлости королевскому величеству, нашему всемилостивѣйшему государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегали этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить его царство. Писано изъ Запорожья 15 іюня 1597 года. Пусть они не ожидаютъ отъ насъ сверхъ этого письма другого письма,—пусть удовлетворить ихъ и это. Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ запорожскимъ войскомъ».

На страницѣ 217-ой, сказано о походѣ запорожцевъ въ новгородскую землю, совмѣстно съ поляками для борьбы противъ русскихъ. Во главѣ польскихъ войскъ стоялъ въ это время самъ король Владиславъ IV, во главѣ русскихъ воевода Михаилъ Борисовичъ Шейнъ. Главныя дѣйствія сосредоточены были подъ городомъ Смоленскомъ. Запорожскіе козаки, какъ подданные Рѣчи Посполитой, воевали противъ русскихъ, и въ этомъ случаѣ, кромѣ русскихъ источниковъ, прекраснымъ дополненіемъ могутъ служить указанія «діаріуша», напечатаннаго въ Варшавѣ въ 1895 году подъ редакціей Рембовскаго (Biblioteka Ordynacyi Krasinskiach, XIII, 30—32. Dyariusz woyny moskiewskiej z roku 1633).

Письмо изъ обоза на Глущѣ 16 сентября. Пріѣзжали отъ козаковъ послы, прося объ информациі, что имъ прикажетъ дѣлать

¹⁾ То-есть къ Таволжанской заборѣ.

король. Они шли $1\frac{1}{2}$ от нашего обоза стали обозомъ; имъ написано, чтобы гетманъ и старшина прибыли къ королю за отобраниемъ резолюціи (приказа); на сколько можно было узнать отъ ихъ пословъ, ихъ не можетъ быть больше, какъ 15,000 (стр. 30). 17 сентября. Гетманъ запорожскій съ асаулами и сотниками привѣтствовали короля, обѣщая идти туда съ своими молодцами, куда прикажетъ король. Гетману сказано, за дальнѣйшими приказами, прислать на завтра двухъ полковниковъ, но однако быть готовыми идти таборомъ туда, куда прикажетъ король (стр. 31).

Письмо ксендза Колудцаго отъ 23 сентября, 1663 года. «Уже третій день стоимъ подъ открытымъ небомъ, не располагаясь лагеремъ, оставивши возы въ первомъ обозѣ,—это только и прибавлю. О козакахъ могу сообщить: я видѣлъ большую толпу, которой никто не могъ сосчитать: цѣлый день, когда проходили въ обозъ, тянулись по нѣсколько хоругвей вмѣстѣ, безъ надлежащаго порядка,—въ томъ только и весь порядокъ, что хоругви шли одна возлѣ другой, а не какъ толпа, получившая славу (*turba reputanda*), на войнѣ. Они скорѣе походили на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей,—хлопы похожи другъ на друга, въ сѣрой одеждѣ, рѣдкіе въ синей или червонной, кожа на ихъ тѣлѣ, какъ кора на деревѣ; презрѣніе къ жизни полное; больше заботы о горилѣ (*sternati*), чѣмъ о жизни. Здѣсь, однимъ словомъ, есть что посмотреть. Они привезли съ собой 10 небольшихъ пушекъ, сейчасъ сдѣлали вылазку противъ непріятеля, добыли трехъ переднихъ офицеровъ и привели ихъ подъ руки къ королю; рѣчи не было, а только: «Королю, ось маешь нимцивъ!» (Но то были французы). Дано имъ два ведра меду и 20 твердыхъ талеровъ, остались довольны. Затѣмъ, когда король подошелъ подъ самыя стѣны (Смоленска), ихъ раздѣлили на три части; одни остались въ старомъ обозѣ; другіе съ гетманомъ литовскимъ пошли подъ острогъ Прозоровскаго, а третьи—съ королемъ. На всѣхъ трехъ мѣстахъ оправдали ожиданія. Вотъ удальства, которыя они совершили при князѣ Радзивиллѣ: нѣсколько десятковъ челоѣкъ, раздѣвшись до нага, переплыли на другую сторону Днѣпра, съ обнаженными саблями, къ непріятельскимъ шанцамъ, и посѣкли много москалей. Также одинъ изъ нихъ совершилъ слѣдующее удальство: когда нужно было на другой сторонѣ достать языка, пустился вилавъ черезъ рѣку и залегъ въ водѣ, у берега; когда пришелъ къ водѣ одинъ москвитинъ, тутъ онъ схватилъ его за волосы,

сталили въ воду и такъ съ нимъ переплылъ назадъ. Очень смѣшно этотъ козакъ рассказывалъ королю, какъ подстерегалъ его (москвитина) и какъ съ нимъ плылъ. Король далъ ему за работу нѣсколько ортовъ. Дѣйствительно, не каждому хочется купаться въ такую пору, какъ тѣмъ добрымъ людямъ. Король имъ очень радъ. Они не особенно выступаютъ на фронтъ, такъ какъ голый людъ, но изъ рвовъ, изъ-за хвороста, часто Москвѣ (москалямъ) дѣлали не-приятности; они имѣютъ свой шансъ противъ Москвы (москалей) съ которыми очень сильно перестрѣливаются; тамъ-же поставили нѣсколько своихъ пушекъ. Какъ только устроится обозъ, они не будутъ праздно, пойдутъ въ непріятельскую землю. Отъ нихъ мы надѣмся достать провіантъ, такъ какъ и теперь рѣдкій часъ, чтобы они чего въ таборъ не притащили. Есть также и политики между ними: знатныхъ пановъ они задабриваютъ добычею, особенно скотомъ. Пріятно было-бы объ нихъ и больше написать, такъ какъ мы нашли въ нихъ больше, чѣмъ ожидали (стр. 31—32).

Къ страницѣ 576-ой дополненіемъ къ разсказу о посольствѣ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Сиркомъ своего сына въ Варшаву можетъ служить подлинное дѣло, на польскомъ языкѣ, находящееся въ Архивѣ коронаго скарба при варшавской казенной палатѣ (отдѣлъ III, книга VП, листы 453, 454), «Молодой Сирко (имя его, къ сожалѣнію, не названо въ актѣ) явился въ столицу Польши съ большой свитой, въ числѣ 91, и пробылъ тамъ съ 12 сентября 1679 по 29 марта 1680 года. Въ это время съ нимъ приключилась какал-то болѣзнь, уложившая его на нѣсколько времени въ постель. Кромѣ собственныхъ козаковъ Сирка сопровождали приставъ Баратинскій, Заремба бѣлоцерковскій и какой-то отецъ протопопъ съ людьми. На всѣхъ прибывшихъ израсходовано было изъ коронаго скарба 16,877 злотыхъ и 29 грошей. Сирку и его людямъ дано было 200 злотыхъ, Сирку и протопопу—100, больному Сирку на матрасъ, одѣяло и подушку—70, козаку Апостолу, отправленному въ Запорожье на дорогу—250, на сунна для всѣхъ козаковъ, числомъ 91 человекъ, а также на атласъ и сунно для «старого» Сирка—2,810 злотыхъ и 15 грошей: остальная сумма изъ общей 16,877 выдана была частію другимъ спутникамъ Сирка, частію тѣмъ-же посланцамъ при отпускѣ ихъ до Бѣлой-Церкви.

Для полноты описанія сношеній кошевого атамана Григорія Ивановича Еремѣева съ польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ въ 1684 году (Исторія запорожскихъ козаковъ, II, стр. 602) мо-

жесть служить дѣло того-же Архива короннаго скарба, отдѣлъ III, книга VII, листъ 582. Въ это время отъ кошевого атамана, называемаго въ польскомъ актѣ Грыцькомъ, послано было три человека значныхъ козаковъ, 1 писарь, 6 простыхъ козаковъ и 17 лошадей, всего 101 человекъ. Они пробыли съ 6 февраля и до конца этого мѣсяца въ Краковѣ, а изъ Кракова ѣздили въ Яворовъ. Во время пребыванія ихъ въ Краковѣ имъ было выдано на содержаніе въ теченіе недѣли на всѣхъ 264 золотыхъ; кромѣ того, старшимъ подарено было три куншуша, три жупана, четвертый жупанъ для писаря, 4 шапки; шести простымъ козакамъ подарены были три постова кернового сукна, шапки, кожухи и сапоги. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же года являлись изъ подъ Скалата новые «экстренные» посланцы, 1 асаулъ и 2 козака, отъ какого-то полковника Грыцька, вѣроятно того-же самого Григорія Еремѣева, бывшаго раньше кошевымъ атаманомъ, а потомъ ставшаго, какъ это часто водилось на Запорожьи, полковникомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что октября 28 дня въ русскихъ актахъ Григорій Еремѣевъ называется уже «бывшимъ» кошевымъ атаманомъ.

Къ страницѣ 609, къ вопросу о заключеніи въ 1686 году вѣчнаго мира между Россіей и Польшей, имѣется подробное указаніе въ IV томѣ Собраній государственныхъ грамотъ и договоровъ (Москва, 1826, 529). «Къ российскому-жъ нашему царствію отдалъ королевское величество и рѣчь посполитая города-тѣ вѣчно-жъ.. Внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кадака, и тотъ городъ Кадакъ, и запорожской Кошъ, городъ Сѣчу, и живуціе въ нихъ козаки служилые и всякаго чина жители, и даже до Чернаго лѣсу со всѣми землями и рѣками и рѣчками и со всѣми принадлежащими угодьями, чѣмъ владѣли изстари запорожцы, которые всѣ тѣ вышеименованные города и земли и войско запорожское, и весь малороссійскій народъ въ нашей царскаго величества преславной и преименитой державѣ вѣчно оставатися и быти имѣють неподвижно».

ПРЕДАНИЯ О КОШЕВОМЪ АТАМАНЪ ИВАНЪ СИРКЪ.

записанныя въ повѣдку по Запорожью лѣтомъ
1896 года.

Про того Сирка—слава, слава и прослава... Сирко на три часты захованный: перша его часть лежитъ отутъ саме, де Чортмлыцька Сичь; друга—пидъ Крывымъ-Рогомъ, а третя—пидъ Полтавою. Винъ якъ умиравъ, такъ давъ таку заповидь: «Якъ я помру, то отберить у мене правую руку и носить ии симъ годъ; хто буде мою руку носить симъ годъ, то владитиме нею усе равно, якъ я й самъ владію; а де случитця вамъ яка прыгода—де васъ нещасна волна спобижить, чи на води, то бросайте руку у воду—волна утишитця, чи на земли—не буде вамъ неякого случаю ¹⁾); а съ симы годъ уже поховайте въ могылу. И хто буде мою могылу штыть, братиме навкругы землю та буде могылу обсыпать, то я его самъ своею сылою буду дарыть. А на семому году хай мене жде, и хто выйде до могылы або на Ряздво, або на Велькдень, або на Зелену недилю, такъ нехай мене дожида. Не бойся, шо я неправославный хрестыянынъ,—я есть православный хрестыянынъ, Сиренгій Юаннович!...» Отъ таку винъ, той Сирко, давъ заповидь! Якъ я бувъ ще молодымъ, то и я носывъ землю до могылы Сирка. Разъ протывъ Велькодня, въ субботу, у вечери, набравъ я земли у платочекъ та й пишовъ обсыпать. Якъ обсыпавъ, такъ у велику

¹⁾ То есть несчастья.

сылу зъ могылы спустывсь: такый на мене страхъ навалывсь, шо я якъ высочивъ на шляхъ та якъ дременувъ, такъ не счувсь, якъ и за слободою опынывсь.. А разъ пишовъ я якось до могылы зъ дивчиною. Я тутъ, бачьте, якъ разъ недалечко живъ коло могылы Сирка. Отъ пишовъ я зъ дивкою—звисно молодой бувъ!—тай лигъ коло могылы, трошки й полежавъ; колы такъ якъ у половини ночи якъ высоче изъ могылы жеребець та якъ зарже, такъ ажъ уся слобода затрусилась; а лона (=луна) по плавнямъ тилько: го-го-го-го!.. такъ и покотылась. А воно було такъ тыхо-тыхо та ми-сяшно. Такъ мы такъ и рокотылись якъ ти жуку... Та съ тыхъ пирь уже шкода ходыты до тией могылы Сирка.

Записано отъ семидесятигѣтняго старика, крестянина Кондрата Дывныченка, въ деревнѣ Капуливкѣ, Екатеринославскаго уѣзда

Винъ такый бувъ, шо знавъ де—що. Оце було гука на своего хлопця: «А, ну, хлопче, возьмы пистоль, стань отамъ та стреляй мени въ руку!» Той хлопецъ возьме пистоль та тилько бухъ! ему въ руку. А Сирко визьме въ руку кулю, здаве ии та назадъ и кыне. Воны, ти запорожци, вси булы знаёвыти.

Сирко три разы умиравъ у семыдесяты годахъ, а всей его жисти було 210 годовъ. Винъ якъ умира, то каже було: «Оце вамъ три пузырькы зъ водою,—першимъ пузырькомъ спрысните—оживу; другимъ спрысните—стану дывытьця, а третимъ спрысните—устану и пиду у трыдцаты годахъ». Тоди травы таки сильны булы,—ото и вода та зроблена була изъ такыхъ травъ. Такъ якъ умре, то его кладуть въ гной, на трети суткы отгрибають и спрыскують водою. Якъ изъ першого пузырька спрыснулы—оживъ; изъ другого спрыснулы—ставъ дывытьця, а съ третего спрыснулы—вставъ и пишовъ. До трехъ разъ отакъ винъ робывъ. А въ третій разъ якъ умеръ, то велывъ себе спалыть и попигъ геть пустыть, а руку велывъ одрубать и носыть тры годы, а потимъ того положить у могылу. Ото та могыла и есть у Капуливци.

Записано отъ вольнаго матроса Грицька Тарана, поуличному Слабого, около 60 лѣтъ, въ мѣстечкѣ Никополѣ, Екатеринославскаго уѣзда.

Сирко великый воинъ бувъ. Той знавъ, хто шо й подумаетъ. Ото тамъ, по тимъ боци ¹⁾ Днипра, булы татары, Магометъ живъ;

¹⁾ То-есть, по лѣвому берегу.

такъ якъ задумають воны було воювать, то Сирко и каже ко-
закамъ: собирайтесь докупы, бо на насъ уже орда пиднимається.
Винъ сыднний такый бувъ, шо его якъ ударыть хто шаблею по
руцѣ, такъ и не розрубаетъ руки,—тільки сыне буде. Не то шо кулею,
а шаблею. Уже татары яки тилько миры противъ него робылы,
такъ ничего не зробыды. Воны его шайтаномъ такъ и прозвалы.
Винъ якъ ото умиравъ, такъ сказавъ такъ: «Якъ будете ротомъ до
сходъ соньця изъ ричы, шо коло Сичи, воду носыть и якъ обмочете
тїєю водою усю мою могылу, такъ будете знать те, шо я и знаю».
Такъ ниhto не змигъ—дуже велька могыла. «А якъ буде велька
потуга на Россію, то роскопайте мою могылу, одрїжьте мою руку,
то буде вамъ защита». Такъ ото якъ французъ найшовъ на Москву
то руку Сирка взяли и повезлы у Москву, а потимъ привезлы и
впьять закопали на мисто. Бувъ у запорожцїв ще кошовый
Чалый, добрый воинъ бувъ, та тилько противъ Сирка не було. Цей
якъ брань (=война), такъ винъ самъ тамъ постоянно; тамъ уже
и кладе; безъ него никакой стычки не було. Винъ таки молитвы
знавъ; винъ по божему, не то шо яки чары. Не знаю, чи винъ
уже зъ горы де взявся, чи зъ другого якого мѣста, жинць и дитей у
него не було—одынъ якъ есть. Ото у насъ у церкви ¹⁾ и кружка
Сиркова есть,—пивкварты якъ есть улаве. Тамъ Сирко кошовый
пивъ натошакъ горилку зъ тїем кружкой. Тамъ и варбованьця по-
завывани на чотыре стороны. Мабуть при нему на заказъ и зроблена.

Записано отъ вольнаго матроса мѣстечка Никополя Дмитрія
Степановича Барановскаго, 82 лѣтъ; Барановскій запорожецаго
происхожденія, въ чемъ удостовѣряеть имѣющійся у него на рукахъ
паспортъ за подписью князя Потемкина, выданный за № 731 дѣду
Дмитрія Степановича Барановскаго, Сергїю Барановскому ²⁾.

Якъ Сирко помиравъ, то сказавъ: «Однимите у мене руку, и де
у васъ буде стычка зъ неприятелемъ, то вы махните навхрестъ
моею рукою, то ище помочь буде».

Записано отъ крестьянина деревни Капуливи Трофима Лысаго,
около 65 лѣтъ.

Могила кошевого Ивана Дмитриевича Сирка находится въ
деревнѣ Капуливи (Капыловѣ тожъ), стоящей у мѣста бывшей

¹⁾ Въ старой церкви мѣстечка Никополя.

²⁾ Этотъ любопытный документъ въ свое время будетъ напечатанъ.

Чортотмыцкой Сичи, въ небольшомъ садикѣ восьмидесятилѣтней старушки Зиновіи Ивановны Нелипы. На могилѣ поднять небольшой, утвержденный на низкомъ пьедесталѣ, высоты по грудь высокаго роста человѣку, памятникъ и на томъ памятникѣ, съ западной стороны, высѣчена надпись. Въ первый разъ я прочиталъ эту надпись въ 1887 году и съ тѣхъ поръ, хотя и бывалъ не разъ на могилѣ славнаго Сирка, но читалъ всегда надпись такъ, какъ прочелъ ее впервые. Такова уже сила традиціи, заставляющая насъ невольно идти по разъ проложенному пути. Но прошло съ тѣхъ поръ много времени, и я отъ памятниконъ, оставшихся въ разныхъ мѣстахъ бывшаго Запорожья, обратился къ архивнымъ матерьяламъ. Сравнивая надпись, сдѣланную на памятникѣ Сирка, указывающую на время его смерти, съ архивными документами, я нашелъ въ томъ и въ другомъ разницу: на памятникѣ я прочелъ, что Сирко умеръ 1680 года, мая 4-го дня, а изъ официального донесенія преемника Сирка, кошевого Стягайла, я узналъ, что онъ скончался 1680 года, августа 1-го числа. На этотъ-же мѣсяць и число, то-есть, перваго августа, указывалъ и лѣтописецъ Величко.¹⁾ Уже въ то время я отдалъ предпочтеніе официальнымъ донесеніямъ, тѣмъ болѣе, что 29-го мая Сирко извѣщалъ коломацкаго сотника Подерню о намѣреніи татаръ учинить съ запорожцами миръ. Что касается надписи, сдѣланной на памятникѣ, то я предположилъ, что памятникъ этотъ былъ поставленъ уже послѣ возвращенія запорожцевъ изъ подъ власти Крыма въ Россію въ 1734 году и что вырѣзанная на немъ надпись сдѣлана по памяти, оттого и не вполне согласна съ дѣйствительностію. Въ настоящее время, просидѣвъ довольно продолжительное время въ деревнѣ Капулиевкѣ, я имѣлъ возможность внимательно приглядѣться къ каждой буквѣ на памятникѣ Сирка и потомъ вывести заключеніе о томъ, что раньше того я невѣрно истолковалъ послѣднія буквы первой строки надписи, хотя прочелъ и правильно. Дѣло въ томъ, что всѣ слова первой строчки сдѣланы подъ титлами, что и ввело меня въ нѣкоторое заблужденіе. Вотъ эта надпись въ такомъ видѣ, какъ я ее прочелъ въ послѣднюю повѣдку. Она скопирована теперь буква въ букву и точка въ точку.

¹⁾ Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, II, 578—580.

^сР ^жБ ^сАХ ^сП ^сМ ^сА ^сА ^сД
 П Р Е С Т А В И С Я Р А Б Ъ Б О Ж
 И О А Н Ъ С Т Р Ъ К О Д М И Т Р
 Р О В Н Ъ А П Т О Л А Н Ъ К О Ш
 В И И В О С К А Е А П О Р Ъ Е К О Г О
 Е А Е Г О • • Н П В Ф Е С Д О Р А
 А Л Е З Ъ В И Т А И П А М Я Т П Р
 А В Е Д Н А Г О С О П О Х В А Л А М И

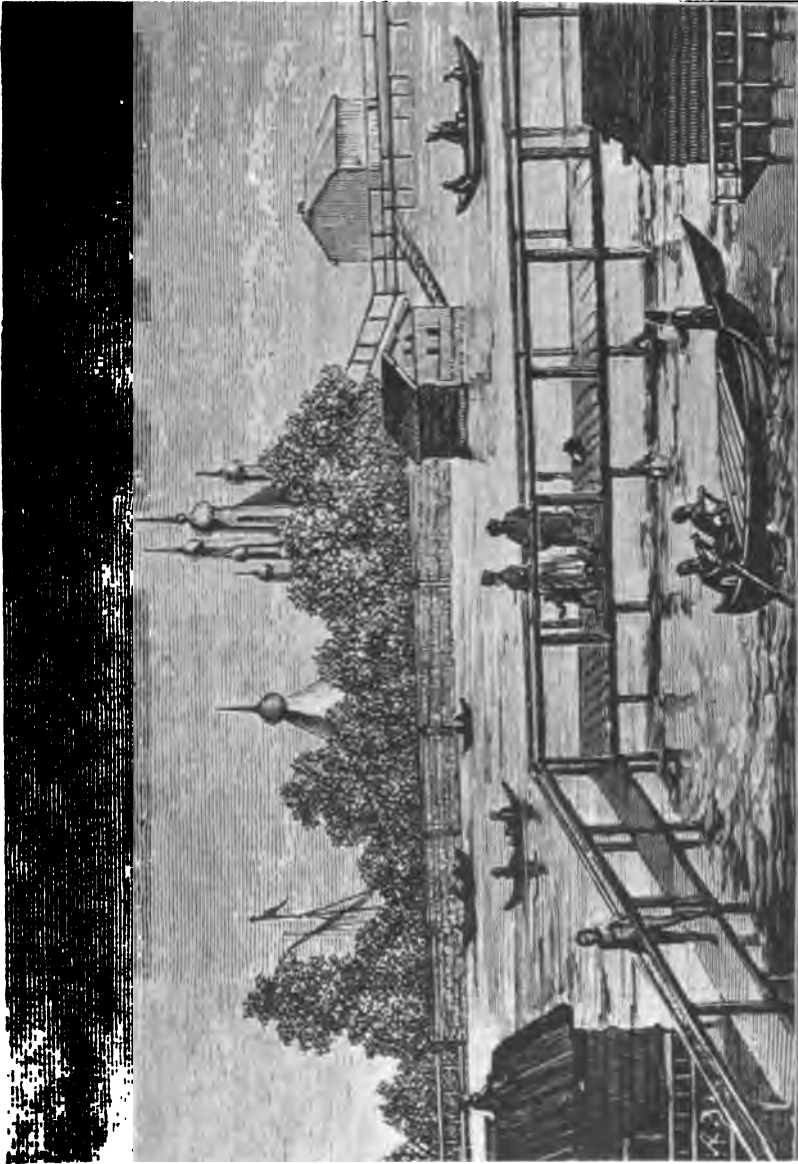
Первая строчка прочитана у меня была такъ: Р = року, Б = бо-
 жого, АХП = 1680, МААД = мая 4-го дня; теперь

я читаю конецъ этой строчки такъ: М = мѣсяца, А = августа,

А = 1, Д = дня. Такое чтеніе я нахожу теперь безошибоч-
 нымъ, такъ какъ оно совершенно совпадаетъ съ официальнымъ
 донесеніемъ изъ Сичи въ Москву о томъ, что Сирко умеръ въ
 1680 году, августа 1-го числа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы
 памятника кѣмъ-то уничтожены, и въ такомъ случаѣ вмѣсто буквъ
 стоятъ одни пятна въ видѣ большихъ точекъ.

Запорожская Сичъ на рѣкѣ Подпильной.
Изъ исторіи императрицы Екатерины II Брикнера.

Доводено доуравоу. 24 Октября. 1896 г.

Типографія и фотографія П. П. Василья. С.-Петербургъ.

Указатель собственныхъ именъ.

А.

- Августъ II, польскій король 306, 317, 318, 414, 559, 560, 578, 591.
- Августъ III, польскій король 600.
- Адилъ-Герай, крымскій ханъ 557, 588.
- Адріанъ, московскій патріархъ 197, 209.
- Адріанополь, турецкій городъ 82, 272, 276, 505, 516.
- Азовъ, турецкій городъ 13, 209, 212, 217—219, 230, 234, 286, 287, 245, 276, 287, 305, 310, 379, 385, 437, 526, 537.
- Акмечеть, турецкій городъ, теперешній Симферополь 134.
- Алексѣенко, Іаько, запорожскій рядовой козакъ 105.
- Алексѣевъ, Никита, подъячій 4, 6, 7, 18, 14, 18—20.
- Алешки, Олешки, урочище, Сичъ 465, 542, 543, 552, 555, 558, 568, 586, 590, 601.
- Алимпій, игуменъ Самарскаго монастыря 288.
- Али-наша, великій везиръ 573, 577.
- Алимпъ-наша, начальникъ флота 261.
- Алистратенно, или Елистратъ, кошевой атаманъ 500, 505, 506, 528, 526.
- Алиятъ-ага, ханскій мосланецъ 326.
- Айтемировъ, Василій, царскій гонецъ 180, 182, 186.
- Амстердамъ, голландскій городъ 523, 527.
- Англеровъ, полуполковникъ 282, 284.
- Андрееенко, запорожскій козакъ 105.
- Андрушка, запорожскій козакъ 245.
- Андрѣянъ, гетманскій козакъ 488, 490.
- Анлурюдушко, запорожскій козакъ 105.
- Анна Іоанновна, императрица 552, 553, 559, 561, 591, 599, 602.
- Анненковъ, полковой бригадиръ 497.
- Антоненко-Славуень, 139, 140.
- Апостоль, Даниилъ, полковникъ и гетманъ 252, 253, 353, 411, 425, 429, 439, 448, 463, 496, 521—524, 527, 529, 537—542, 544—547, 549, 582, 610.
- Апраксинъ, Федоръ, графъ 448.
- Архангельскъ, городъ 314.
- Асламъ, Осламъ, Исламъ-кормень, турецкій городокъ на Днѣпрѣ 16, 69, 207, 221, 223—225, 254, 256, 500.
- Асланъ, крымскій полномочный 601.
- Астрахань, городъ 374, 536.
- Ахметъ-ага, турецкій полномочный 503, 550.
- Ахметъ III, турецкій султанъ 492, 504.
- Ахтырка, слободско-украинскій городъ 385.
- Аюкъ, Аюкай, калмыцкій тайша 19 218.

Б.

- Баба, турецкій городъ 55, 502.
- Баба, запорожскій козакъ 293.
- Бабичевъ, князь 528.

- Багатырь-Герай, крымскій ханъ 19, 121.
 Бадашко, Василій, запорожскій козаць 298.
 Базавлукъ, рѣка 542, 568, 578—577, 590, 591, 594—596, 602.
 Базловъ, дворянинъ 353, 357.
 Бакунинъ, Иванъ, переводчикъ 576, 577.
 Баратинскій, приставъ 610.
 Барлитенко, запорожскій козаць 55.
 Барышевскій, городовоу атаманъ 876.
 Барышъ, Фидиппъ, запорожскій козаць 286.
 Баторій, Стефанъ, польскій король 606.
 Батуричь, городъ 97, 126, 126, 153, 171, 183, 187, 193, 194, 201, 202, 212, 220, 221, 270, 271, 278, 289, 291, 318, 319, 323, 330, 335.
 Батырча-ага 188, 146—148.
 Батырча-мурза 139, 140.
 Бауеръ, генераль-майоръ 382, 384.
 Бахметевъ, комендантъ 348.
 Бахметевъ, воевода, 367, 371, 372.
 Бахчисарай, городъ 17—19, 321, 404, 549, 560.
 Безкровный, переволочанскій доворца 324, 325.
 Беводна, Лукьянъ, запорожскій козаць 105.
 Безпалый, донской козаць 404.
 Безпалый, запорожскій козаць 553.
 Безыменный, запорожскій козаць 286.
 Бекеневскій или Бѣлый бродъ 360.
 Бендеры, турецкій городъ 463, 467, 478, 479, 505, 530, 541, 560, 574, 595, 602.
 Березина, рѣка 383.
 Берестовая, рѣка 31, 48, 337.
 Берда, рѣка 66, 121, 133, 141, 147, 148, 151, 191, 195, 207, 209, 335.
 Бережний, Грицько, запорожскій козаць 507.
 Беркуть, село полтавскаго полка 567.
 Вернеръ, полковникъ 369.
 Бобиръ, запорожскій козаць 298.
 Бобренко, запорожскій козаць 54.
 Богацкій, запорожскій козаць 17.
 Богданецъ, запорожскій козаць 245.
 Богуненко, запорожскій козаць 69, 105.
 Богуславъ, городъ 366, 506.
 Вогушъ, Василій, запорожскій козаць 249, 250.
 Вогушъ, Якимъ, наказной кошевой 440, 465, 477.
 Болюбанъ, турецкій посолъ 300.
 Бориславъ, подьячий 363.
 Борна, городъ 329, 330.
 Боровица, село чигиринскаго полка 456.
 Бородавка, запорожскій козаць 298.
 Боруховичъ, гадячскій полковникъ 254, 309.
 Боярченко, запорожскій козаць 296.
 Братъ, Игнатъ, запорожскій козаць 298.
 Брацлавъ, Браславъ, городъ 507, 557, 588.
 Бреславль, городъ Силезіи 530—533.
 Брюховецкій, гетманъ 14, 15, 45, 339.
 Брянскъ, городъ 231, 249, 250, 370.
 Бугъ, рѣка 95, 138, 156, 193, 246, 269, 275, 311, 319, 335, 349, 350, 351, 354, 360, 361, 364, 414, 464, 506, 542, 543, 548, 567, 583.
 Буденко, запорожскій козаць 54.
 Будища, Великія, мѣстечко 384, 415, 416, 420, 422, 424, 432.
 Будища, Малыя, мѣстечко 459.
 Бужакъ, область 9.
 Бузскій, запорожскій козаць 129, 147, 151, 154.
 Булавинъ, донской козаць 374—381, 404, 449.
 Булай, татаринъ 235, 256.
 Бутовичъ, генеральный асаулъ 496.
 Буюкъ, запорожскій козаць 286.
 Бугъ, батуричскій козаць 89, 90, 92, 94.
 Буртовскій, малороссійскій козаць 370.
 Буръ, запорожскій козаць 105.
 Бутурлинъ, генераль-майоръ 494—496.
 Бухвостовъ, Василій 254, 256.
 Буцкій, полтавскій кошовоу судья 265.
 Буцкій, Терентій, запорожскій козаць 298.
 Быкъ, рѣчка 60, 339.
 Быховъ, городъ 317, 318, 340, 384.
 Бѣланъ, китагородскій сотникъ 190.
 Бѣлая, городъ полтавскаго полка 434.

Бѣлая-Церковь, городъ 9, 95, 101, 219, 365, 366, 481, 497—499, 502, 595, 600, 605, 610.

Бѣлгородъ, городъ курской губерніи 407.

Бѣлицкій, Иванъ, кошевой атаманъ 286, 552, 562, 565, 567, 588, 589.

Бѣлогородщина, область 95, 184, 519, 548.

Бѣлоградъ или Аккерманъ, турецкій городъ 9, 17, 324.

Бѣлое озеро, Бѣлоозерце 68, 295.

Бѣловерка, рѣчка 75, 77, 80, 301, 409, 428.

Бѣлоцерковский, Василь, запорожскій козакъ 325.

Бѣлоцерковецъ, Юрко, запорожскій козакъ 286.

Бѣлый, Грицько, запорожскій козакъ 286.

Бѣлый, Иванъ, запорожскій козакъ 298.

Бѣляевъ, Юрій, откупщикъ 368, 370.

В.

Вага, городъ 197.

Варница, турецкій городъ 505.

Варшава, 15, 85—87, 531.

Васеловичъ, козацкій старшой 608.

Василенко, Аванасій, запорожскій козакъ 286.

Василенко, Власть, запорожскій полковникъ 375, 377, 380.

Василенко, Михайло, запорожскій козакъ 69.

Васильевичъ, Трофимъ, прилуцкій судья 451.

Васильковъ, городъ 506, 574, 584.

Ватага или Ватажникъ, Матвій, запорожскій козакъ 32, 37, 72.

Вейсбахъ, графъ 536, 547, 548, 558, 561, 562, 563, 565, 566, 573, 587—589, 594, 595, 599, 600, 608.

Велецкій, Василій, гетманскій гонецъ 130, 136, 217.

Великій буеракъ, возлѣ рѣки Самары 78, 79.

Великій Конарь, рѣчка 360.

Великій курганъ, возлѣ р. Самары 78.

Великій лиманъ, Днѣпра 557, 588.

Великій-Дугъ 23, 24, 509, 525.

Великій Стецько, запорожскій козакъ 513.

Великіе Тарны, урочище 353.

Величковскій, Дементій, куренной атаманъ 213.

Вербецкій, Петръ, малороссійскій козакъ 204.

Вергунъ, Семень, малороссійскій козакъ 53.

Веремѣвка, Еремѣвка, мѣстечко полтавскаго полка 95, 456.

Вечирченко, Якимъ, козакъ 229.

Вильна, городъ 503.

Вильный порогъ 254, 255.

Висунь Малая, рѣчка 219.

Висунь или Исунь, рѣчка 542.

Витутъ или Витольдъ, литовскій король 351, 354, 356.

Вишняковъ, резидентъ 569, 602.

Власовка 95.

Вобляй, Данило, запорожскій козакъ 298.

Водолаги, мѣстечко 493.

Войнаровскій, Андрей 509.

Войца, асаулъ малороссійскаго полка 41, 44, 47.

Волга рѣка, 414.

Волковъ, русскій резидентъ въ Варшавѣ 87, 88.

Волконскій, Григорій, князь 426, 462, 464, 465.

Волкъ, Тимошъ, запорожскій козакъ 298.

Волошанинъ, толмачъ 186—188.

Волошанинъ, Антонъ, запорожскій козакъ 546.

Волошская коса на Бугѣ 465.

Волчья, Волчьи Воды или Вовча, рѣка 101, 209, 236, 324, 500.

Вольнскій, Иванъ, воевода 60, 66, 78.

Вольная рѣчка, притокъ Самары 22.

Вольный бродъ, на р. Самарѣ 78, 79.

Вольный или Новосергѣевскій городокъ 79, 151, 359.

Ворова, Яковъ, запорожскій козакъ 130, 138, 261.

Вороная рѣчка, 22, 375.
 Воронежъ, мѣстечко, 885.
 Воронежъ, городъ 885, 429, 458.
 Ворскла, рѣка 151, 170, 899, 416, 438,
 434, 436, 438, 458—460, 471.
 Второй, Михайло, дьякъ 381.
 Высочинъ, запорожскій козакъ 105.
 Высоцкій, русскій плѣнникъ 185.
 Высшая—Козацкая—Голова, урочище
 256.
 Вышетравецъ, запорожскій старшина 88.

Г.

Гавриловъ, Юшка, козакъ, уроженецъ
 Кишенки 76, 77.
 Гадицкій, Иванъ, запорожскій козакъ,
 войсковой асаулъ 287, 288, 298,
 381.
 Гадячъ, городъ 95, 183, 208, 384.
 Гайшинъ мѣстечко 809.
 Гагаганъ, Игнатъ, полковникъ 363,
 365, 366, 423, 426, 441, 442, 454,
 456, 463, 483, 486, 480—492, 506,
 582.
 Галецкій староста 497.
 Гамеръ, очажовскій паша 526.
 Ганджа или Гандженко, Семень, за-
 порожскій козакъ 69, 71, 270.
 Ганчулъ или Галчуская вершина,
 рѣчка 218.
 Гардъ, урочище на Бугѣ 553, 554,
 567.
 Гаригульскій, Василій, запорожскій ко-
 закъ 298.
 Гейнъ, русскій генераль 436, 599.
 Герасименко, Яцко, запорожскій ко-
 закъ 69.
 Гершунъ, Ясько, запорожскій козакъ
 298.
 Герцики, братья 509.
 Герцикъ, Григорій 582.
 Гессенъ-Кобургскій, принцъ 561, 600,
 603.
 Гилленштернъ, шведскій полковникъ
 435.
 Гирманъ, Иванъ, запорожскій козакъ
 286.

Глиняное поле, урочище 54.
 Глоба, Иванъ, запорожскій писарь 52,
 Глуховъ, городъ 261, 385, 396, 450,
 480, 482, 513, 517, 529, 536, 540,
 541, 547, 549, 581, 583.
 Гнилое или Азовское море 286.
 Гнилой, Омелянъ, гетманскій посла-
 нець 227.
 Гнилой Текичъ, рѣка 101
 Голая Пристань у Днѣпра близъ Та-
 вани 274.
 Голицынъ, князь, Василий Васильевичъ,
 21, 22, 27, 28, 30 — 32, 35, 53,
 57, 60, 70, 72, 75, 77—79, 103.
 Голицынъ, князь, Дмитрій Михайловичъ
 319, 423, 456, 481, 483, 493—497,
 500, 504, 507, 518, 520, 526, 538.
 Голицынъ, князь, Михаилъ Михайло-
 вичъ 542, 545—549.
 Головинъ, Федоръ, бояринъ и графъ
 298, 313, 314, 323, 328, 335, 340,
 343, 362, 365—367, 512.
 Головкинъ, Гавриль, графъ 372, 382,
 406, 407, 455, 463, 493, 513, 520,
 527, 528.
 Головки, Василий, сынъ кошевого Гор-
 дѣнка 593.
 Головинъ, городъ 309.
 Голтва, городъ 95, 228, 334, 437, 458.
 Голубинченко, козонтаевскій козакъ 21.
 Голый, атаманъ 379.
 Горбатовъ, городокъ 276.
 Горбаченко, Сидоръ гетманскій ко-
 закъ 88, 99, 126, 143, 145, 147,
 159, 180, 201, 224, 231, 233,
 248.
 Горбъ, Андрей, запорожскій войсковой
 судья 191.
 Горбъ, Павелъ, запорожскій козакъ 298.
 Горбъ, запорожскій купецъ 528.
 Горденко, Лавринъ, запорожскій ко-
 закъ 298.
 Гордѣенко, Константинъ, онъ же Гор-
 дѣнскій, Головки или Кротъ, за-
 порожскій козакъ, потомъ
 кошевой атаманъ 236, 238, 315,
 316, 324, 327, 331, 339, 340
 343 — 346, 348 — 350, 355, 366,

359, 362, 367, 369, 373 — 375,
377, 378, 381, 395, 396, 399, 404—
410, 412—428, 427, 430, 432, 434,
436, 437, 439, 444, 445, 450, 452,
454, 467, 479, 480, 484, 492—
498, 502, 503, 504, 508—510, 548,
546, 548, 576, 592—594.

Гордієнко, Савко запорожскій козакъ 69.

Горкуша, Степанъ запорожскій ко-
закъ 298.

Горленко, прилуцкій полковникъ 506.

Городище, мѣстечко 95, 504.

Гороховъ, капитанъ 528.

Горький, запорожскій козакъ 105.

Горькавый, Стецко, запорожскій козакъ
286,

Грабовскій, Сосонъ 168, 184, 185,
188, 191, 205.

Гредченко, Василій, запорожскій ко-
закъ 298.

Гречаникъ, Антонъ, гетманскій козакъ
324.

Григорашъ, полковникъ брацлавскій 424.

Григоровъ, Анисимъ, запорожскій ко-
закъ 298.

Григорьевъ, Иванъ, запорожскій козакъ
369.

Григорьевъ, Ивашка стрѣлецъ 68, 85.

Григорьевъ, Илья, донской атаманъ
379.

Гриценко, Панько, запорожскій козакъ
69.

Грицко, войсковою товарищъ 414.

Гришенко, Степанъ, запорожскій козакъ
298.

Грушевка, урочище 260.

Грыбый, Василій запорожскій козакъ
368, 369.

Губа, атаманъ куреня 105.

Гуль запорожскій козакъ 127.

Гусаць, Иванъ, кошевой атаманъ 67—
70, 72, 73, 75, 77, 80, 82, 84
89, 93, 94, 99, 100, 102, 106,
116 — 119, 121, 124, 126—129,
133, 140 — 143, 146—154, 181,
183 — 190, 219, 220, 225, 231,
235, 275, 276, 544, 547 — 549,
590.

Гусаць, Яковъ, запорожскій козакъ 72

Гутникъ, Иванъ, торговецъ изъ Лебе-
дина 94.

Ц.

Давиденко, запорожскій козакъ 105.

Дашковъ, Алексій, русскій резидентъ
414.

Дашовъ, (Очаковъ) городъ 356.

Давлетъ - Герай, ханъ 121, 491, 494,
499, 590.

Демингуль, рѣка 54.

Демковъ, Иванъ, запорожскій козакъ
157.

Деребера, Грицко, запорожскій козакъ
286.

Десна, рѣка 382, 396, 397.

Детунъ, Игнатъ, запорожскій козакъ
286.

Диканька, мѣстечко 416, 420, 422.

Дитюкъ, запорожскій козакъ 105.

Дзюба, Михайло запорожскій козакъ
298.

Днѣпровакаменка, село 460.

Днѣстръ, рѣка 335, 336, 351.

Добашъ, запорожскій козакъ 540.

Доброскоць, запорожскій козакъ 116.

Довбня, Федоръ, запорожскій полков-
никъ 375, 377, 380.

Довгеля, Тихонъ короновскій сотникъ
159.

Довгополенко, Климъ 509.

Долгий, Иванъ, запорожскій козакъ 286.

Долгорукий, Василій, князь 378, 379.

Долгорукий, Григорій, князь 397, 409,
410, 412, 429, 532.

Долгорукий, Лука, князь 252, 253.

Долгорукий, Юрій, князь 374, 378.

Долгорукий, Яковъ, князь 251 — 256,
261, 269, 278, 370, 426.

Дондукъ-Омба, калмыцкій тайша 569,
572.

Донецъ, Василій, запорожскій козакъ
286, 288.

Донецъ, Сѣверный-Донецъ, рѣка 378,
552.

Донской, Иванъ, запорожскій полков-
никъ 554.

Донской, Макаръ, куренной атаманъ
55, 57.
Доросей, инокъ Межигорскаго мона-
стыря 149.
Драный, атаманъ 379, 380.
Дрыга, Иванъ, запорожскій козакъ
105.
Дубно, городъ 9.
Дубровная, мѣстечко 309.
Дудукало, Лукашъ, запорожскій козакъ
298.
Дурицкий, Дмитро, запорожскій козакъ
298.
Дуровъ, дворянинъ 383, 381.

Е.

Екатерина I, императрица 533.
Еланецъ, рѣчка, притокъ Буга 860.
Елецъ, Федоръ козакъ кievскаго полка
86.
Емцикъ, Тихко, запорожскій козакъ
286.
Еремѣвка или Веремѣвка, мѣстечко
полтавскаго полка 95, 455.
Еремѣвъ, Грицко, кошевой атаманъ
610, 611.
Ечемнукъ, Семень, гетманскій козакъ
408—405.

Ж.

Жданенко, запорожскій козакъ 55.
Жедринскій, Данилъ, жилаецъ 290, 298.
Жеребцовъ, Елеферій, стольникъ 250.
Живый, Степанъ, запорожскій козакъ
298.
Жидченко, Василій, запорожскій козакъ
286.
Жила, Тимосей, запорожскій козакъ
546.
Жовнинъ, городъ 95.
Журавель, рѣчка 500.
Журавовскій, Продонъ, архимандритъ
398, 399, 451.
Жученко, Федоръ, полтавскій полков-
никъ 98, 118.

З.

Забіяка, запорожскій посланецъ 88.
Загно, Гаврило, запорожскій козакъ
298.
Занка, Иванъ, запорожскій козакъ 105,
292.
Занка, Грицко, запорожскій козакъ
286.
Занкъ, Ахметъ-ага, турецкій полномо-
чный 600.
Заленъ, (Фоць Заленъ) инженеръ, пол-
ковникъ 58, 78.
Замуляный, Василій, запорожскій ко-
закъ 286.
Запорожье, Запороги, 7, 9, 11, 14—16,
18—21, 38—41, 53, 55, 65, 67,
78, 78—81, 90, 97, 129, 160, 167,
188, 190, 200, 201, 213, 353, 408,
418, 421, 432, 480, 519, 528, 560.
Заремба, бѣлоцерковскій 610.
Заславъ, городъ 9.
Зеленая долина, урочище 75.
Зелененьскій, запорожскій козакъ 164.
Зелененскій, Василій сотникъ 406.
Зеленицкий, запорожскій писарь 313.
Зеленый, Василь, козакъ роговскаго
курена 320.
Зеленый, Василій, запорожскій писарь
322, 328, 359.
Зеленый, дворянинъ 158, 159.
Зигура, Стилевичъ, гетманскій посла-
нецъ 335.
Зима, запорожскій козакъ 55.
Зинець, запорожскій полковникъ 488.
Злочевъ, городъ въ Галиціи 83.

I.

Геремеевъ, Петръ, войсковою судья 205.
Госифовъ, Василій, кошевой атаманъ
514—517.

И.

Ибрагимъ-ага, силестрийскій посланецъ
318.
Иваненко, Василь, куренной атаманъ
298—299.

- Иваненко, Матвій запорожскій козакъ 286.
- Иванецъ полковникъ и кошевой атаманъ 541, 542.
- Иваника, Федоръ, кошевой атаманъ 7, 10, 12, 13, 17, 32, 33, 37.
- Игнатенко, запорожскій козакъ 105.
- Измайловъ, Андрей, стольникъ 465, 480.
- Измаилъ, турецкій городъ 276.
- Изюмъ, городъ слободской Украйны 219.
- Ильяшенко, запорожскій козакъ 105.
- Ильашъ, атаманъ куреня 84, 87.
- Ингерманландія 383.
- Ингулецъ, рѣка 98, 219, 360, 361, 414, 464, 542.
- Ингуль, рѣка 312, 360, 361, 414, 464, 542.
- Инеховъ, Леонасій, подъячій 241, 278, 353.
- Инфлантъ или Лифляндія 347, 382, 384, 437.
- Ипутъ, рѣка 384.
- Исаенко, запорожскій козакъ 105.
- Исаковъ, дякъ 369.
- Искра, козакъ 124.
- Искра, Иванъ, асаулъ и полковникъ малороссійскаго войска 101, 271, 307, 353.
- К.**
- Кабарда, область на Кавказѣ 556, 559, 565.
- Казань, городъ 487.
- Казы-Герай, ханскій сынъ 236.
- Камра, рѣчка 75.
- Калайчакъ, рѣка 11, 12, 18, 75, 189, 195, 516.
- Калватъ-Уланъ, турецкій везиръ 404.
- Калиненко, запорожскій козакъ 105.
- Калисъ, Стецько, запорожскій козакъ 514.
- Калиусъ, рѣка 101, 117, 121, 123, 209, 374, 558, 588.
- Калиболотъ, городъ 504.
- Каменецъ, городъ 8, 86, 591.
- Каменецъ-Подольскъ 276.
- Каменка, рѣчка 22, 23, 360, 361, 465, 552, 568, 573, 590.
- Каменка Великая 542, 54.
- Каменка Малая 542, 543.
- Каменская Сичъ 591.
- Каменный-Затонъ 10—12, 26, 132, 133, 138, 140—142, 145, 147—149, 150, 154, 155, 163, 167, 176, 180, 185, 188, 204, 255, 301, 310, 320, 321, 322, 324, 326, 327, 333, 334, 337, 342, 345, 343, 345, 359, 367, 368—371, 399—401, 405, 411, 412, 427, 428, 439, 440, 448, 452, 502, 503, 580.
- Каменный островъ, тожъ Аптекарскій, 348.
- Кандыба, Федоръ, сотникъ конотопскій 102, 103, 259, 263, 312.
- Каневецъ, Гиря, атаманъ 606.
- Каневъ, городъ на рѣкѣ Днѣпрѣ 356.
- Кантемиръ-салтанъ, начальникъ крымскихъ войскъ 41.
- Канчикъ-паша, турецкій комисаръ 537.
- Капланъ-Герай, крымскій ханъ 520, 529, 550, 551, 562, 568, 586—588, 591, 601.
- Каплинецъ, запорожскій козакъ 82, 83, 89, 90, 92, 96.
- Каратебень, урочище у лѣваго берега Днѣпра 28.
- Карачевъ или Карасубазаръ, городъ 321.
- Карачокракъ, рѣчка 23, 24, 75.
- Кардашинъ, Кардашинскій лиманъ, 273, 294, 329, 465, 555, 586, 590.
- Кардашъ-Урманъ, урочище 53.
- Карловичи, придунайскій городъ 279, 296.
- Карлъ XII, шведскій король 306, 307, 317, 414, 422, 427, 432, 456, 458, 460, 464, 467, 478, 479, 491, 504, 508, 509, 530—532.
- Кармазинъ, Федоръ, запорожскій полковникъ 250.
- Карнауль, запорожскій козакъ 335.
- Карпека, Семень, гетманскій посланецъ 227.

- Баушаны, мѣстечко 579.
 Кахеновскій (Колановскій), Федоръ, куренной атаманъ 213.
 Квасневскій, значковый товарищъ 564.
 Квитка, Матвѣй, запорожскій козакъ 298.
 Кейтъ, генералъ-маіоръ 566.
 Келеберда, мѣстечко на Днѣпрѣ 95, 116, 119, 121, 180, 193, 211, 212, 228, 428—425, 438, 471, 508.
 Келлинъ, Иванъ, полковникъ 456.
 Кіевъ 1, 248, 252, 338, 343, 438, 365, 412, 453 — 456, 476, 480, 481, 495, 497, 505, 507, 526, 545, 548, 551, 458, 538, 584, 588, 594, 595, 611.
 Кіиія, область и городъ близъ устья Дуная 184, 188, 276.
 Кильчень, рѣчка 22, 27, 28, 49.
 Кириленко, Іосифъ, кошевой атаманъ 482.
 Кисленскій, стольникъ 398, 399, 407, 451.
 Китайгородъ, на р. Орели 155, 157, 228, 508.
 Кичигинъ, Григорій, рейтаръ 17.
 Кичкасъ, урочище на Днѣпрѣ 254.
 Кишенка, городъ 14, 76, 171, 228, 229, 299, 424.
 Кленковъ, урочище 374.
 Кнышенко, гетманскій посланецъ 88.
 Кнышъ, Якимъ, гетманскій посланецъ 130, 186, 188, 191, 193, 196—198, 277, 278, 330, 381, 358.
 Кобеляки, городъ 418, 434.
 Коваликъ, Гарасимъ, запорожскій козакъ 298.
 Коваль, Иванъ, запорожскій козакъ 98.
 Ковалювка, село воиѣ Немірова 86.
 Ковтуненко, Федоръ, малороссійскій козакъ 553.
 Кодакъ Новый 404, 439, 453.
 Кодакъ, крѣпость 15, 31, 41, 48—50, 53, 58, 59, 66, 98, 229, 231, 247, 251—255, 274, 276, 319, 338, 344, 404—407, 409, 439, 454, 558, 611.
 Кодацкій островъ на рѣкѣ Днѣпрѣ 83.
 Кодацкій перевозъ 261, 263, 265.
 Кодацкая пристань на Днѣпрѣ 264.
 Кожушко, Демко, запорожскій козакъ 298.
 Козаревскій, Стефанъ, шляхтичъ 549.
 Козацкій островъ на рѣкѣ Днѣпрѣ 336.
 Козій Рогъ или Кывымысъ, урочище на Днѣпрѣ 287.
 Козловъ, городъ 17, 237, 251.
 Козюра, Трофимъ, запорожскій козакъ 298.
 Козбаса, корсунскій полковникъ 481.
 Колбрунь (Кинбурнь), коса 294.
 Коломакъ, рѣчка 28, 236, 237, 252, 278.
 Коломацкій, хуторъ 528.
 Коломыиченко, Харько, запорожскій козакъ 284.
 Коломыиченко, запорожскій козакъ 106.
 Колосовскій, значковый товарищъ 564.
 Кольцо-Мосальскій, князь, 300, 301, 326, 327, 332, 371.
 Коляда, полевой сторожъ 528.
 Командуѣ, Игнатъ, запорожскій козакъ 21.
 Комликъ, Грицко, запорожскій козакъ 298.
 Кондакъ, Данило, полтавскій житель 509.
 Кондратьевъ, Андрей, войсковой судья 206.
 Конеловскій, Кирикъ, наказный кошевой 414.
 Конка, или Конскія-Воды, рѣчка 22, 24, 27, 117, 140, 207, 225, 235, 236, 256, 276, 542, 590.
 Кононенко, запорожскій козакъ 55.
 Конопля, Иванъ, запорожскій козакъ 298.
 Конотопъ, городъ 330, 518.
 Константинополь, 296, 410, 430, 479, 503—505, 546, 549, 562, 568, 573, 575, 576, 595, 602.
 Корабельная, притокъ Днѣпра 361.
 Корніенко, запорожскій козакъ 105.
 Коровка, Григорій Карповичъ, кіевскій полковникъ 86, 349, 351.
 Корсунъ, запорожскій козакъ 335.
 Корсунъ, городъ 366, 479, 481, 504, 507.

- Косаговъ, Григорій**, воевода и генералъ 7, 10—13, 15, 17, 18, 21, 26, 28, 49, 53, 58, 59, 62—66, 73.
- Костеничи**, мѣстечко 383.
- Костенко, Михайло**, запорожскій полковникъ 283—285.
- Костенко, Яковъ**, запорожскій козакъ 57.
- Котляренко, Иванъ**, запорожскій козакъ 286.
- Кочережки**, урочище 500.
- Кочубеень** (теперь Одесса) 54.
- Кочубей, Василій Леонтьевичъ**, генеральный писарь 112, 113, 128, 134, 139, 382, 383.
- Кочъ Магметъ**, турецкій комиссаръ 360, 361.
- Кощъ**, 11, 41, 43, 44, 46, 47, 56, 57, 62, 65, 67, 89, 103, 104, 106, 119, 121, 124, 181, 146, 184, 198, 207, 211, 220, 224, 229, 271, 280, 284, 330, 351, 354, 357, 362, 365, 400, 405, 406, 448, 449, 450, 452, 453, 481, 489, 515, 516, 521, 526, 549, 552, 558, 560, 563, 565, 570, 589, 591, 594, 597, 601—603, 605.
- Кравецъ, козакъ шкуринскаго куреня** 258.
- Кравовскій, Иосифъ**, архіепископъ 451.
- Краводъ, городъ** 15, 611.
- Краснокутскій, русекій плѣнникъ** 185.
- Краснянскій, Иванъ**, запорожскій козакъ 286.
- Кращенко, Семень**, запорожскій козакъ 54.
- Крейцъ, шведскій генералъ** 437.
- Кременчукъ, городъ** 95, 356, 410, 463.
- Кривая-Лука, урочище** 380.
- Криворученко, козакъ** 537.
- Кривошея, Тимошъ**, запорожскій козакъ 298.
- Кривчина, Степанъ**, запорожскій козакъ 298.
- Кропотовъ, полковникъ** 380.
- Кругляковъ, стольникъ** 307.
- Крузе, шведскій генералъ** 433—436.
- Крутой-Берегъ, селеніе** 458, 459.
- Крутой-Буеракъ, урочище** 500.
- Крымъ** 1, 2, 4, 5, 11, 12, 16—21, 26, 29, 31, 41, 70, 71, 78, 75, 77, 79—81, 121, 123, 124, 129, 130, 136, 139, 150, 160, 166, 167, 170, 176, 179, 182—187, 217—220, 223, 232, 236, 233, 245, 272, 300, 323, 325, 332, 335, 372, 408, 404, 407, 410, 420, 440, 445, 451, 500, 512, 516—519, 524, 527, 529, 531, 536, 537, 543, 555, 558, 559, 562, 568, 569, 572, 578, 588, 589, 594, 597, 598, 605.
- Крыса, Герасимъ**, запорожскій козакъ, полковникъ 105, 241, 298, 299, 307, 314, 315, 330, 340, 342, 343.
- Кубань**, 541, 542, 565, 566.
- Кувьменко, Василій**, кошевой атаманъ 158, 160, 177—179, 181.
- Кувьменко, Лукьянъ**, запорожскій козакъ 266.
- Куляшъ, Григорій**, запорожскій козакъ 546.
- Кульбака, Романъ**, запорожскій козакъ 286.
- Кулько, Степанъ**, запорожскій козакъ 56.
- Куницкій, польскій гетманъ** 40.
- Курбатовъ, московскій гонецъ** 328, 329.
- Курскъ, городъ** 548.
- Курчакъ, урочище** возлѣ Намырова 87.
- Кутенскій, монастырь** 309.
- Куденко, Иванъ**, запорожскій козакъ 506.
- Кучугуры-Нижніе, урочище** у Днѣпра 271, 500.
- Кызыкерменскій, перевозъ** 518, 519, 520, 537.
- Кызыкерменскій, шляхъ** 12, 219.
- Кызыкермень, турецкій городъ** на Днѣпрѣ 5, 11, 12, 16, 17, 19—21, 26—28, 35, 42, 47, 53—55, 68, 69, 72, 94, 95, 102, 116, 122, 129, 181, 184, 186, 192, 194, 195, 202—206, 222—224, 227, 250—252, 256, 258, 260, 276, 279, 280, 281—283, 288, 290, 296, 297, 300, 355, 361, 516, 542, 543, 580.

Л.

- Лаврененко, запорожскій козакъ 105.
 Ладога, городъ у Ладожскаго овера 840.
 Лазука, Прокопъ, атаманъ куреня 81, 85—87.
 Лазука, Самойло, запорожскій козакъ 286.
 Латока, Кирикъ, куренной атаманъ 495.
 Лебедингъ, разбойникъ 372.
 Лебедингъ, городъ 385, 508.
 Левенгауптъ, генераль 383, 384.
 Левенець, Иванъ, полтавскій полковникъ 372, 376.
 Левченко, запорожскій козакъ 105.
 Ленда, Леско, куренной атаманъ 243.
 Леонтьевъ, сѣвскій воевода 107, 108.
 Леонтьевъ, Федоръ, запорожскій козакъ 528.
 Лещинскій, Станиславъ, польскій король 817, 414, 445, 452, 453, 497, 559, 560, 568, 566, 567, 591.
 Ливонія, область 306, 307.
 Лизогубъ, Ефимъ, хорунжій 287, 259, 263.
 Лизогубъ, Яковъ, наказный гетманъ 237, 240, 254.
 Липнянка, притокъ Орели 22.
 Лисица, Иванъ, посланецъ Мазепы 4, 6, 7, 13, 14, 18.
 Лихонинъ, Денисъ, приставъ 108.
 Лихоной, Филонъ, кошевой 21, 28, 34, 37, 49, 54, 56, 57, 62, 68, 75, 89, 92, 202.
 Лопатинъ, донской атаманъ 542.
 Лотва, Иванъ, запорожскій козакъ 55, 57, 65, 130.
 Лотвицкій, Лукьянъ, куренной атаманъ 283.
 Лохвица, городъ въ полтавскомъ полку 384.
 Лошаковъ, капитанъ 370.
 Лубны, городъ 95, 171, 424, 608.
 Лугвнской, запорожскій полковникъ 76.
 Лукьяненко, запорожскій козакъ 55.
 Лупный, Павелъ, запорожскій козакъ 298.
 Луць, запорожскій козакъ 298.
 Лызловъ, Андрей, стольникъ 35, 48.

- Лысый, Степанъ, запорожскій козакъ 298.
 Лысый, Федоръ, куренной атаманъ 270
 Лысянка, городъ 495.
 Львовъ, Петръ, князь 197.
 Львовъ, городъ въ Галиціи 9, 606.
 Лѣсная, деревня 384.
 Любекеръ, генераль 383.
 Любовниковъ, Семень, воевода 32.
 Ляхъ, Федоръ, сѣчевой козакъ 121.
 Ляшенко, Федоръ, запорожскій козакъ 276.

М.

- Маберекъ - Герай братъ крымскаго хана 133.
 Магденко, Григорій полтавскій купецъ 519.
 Магометъ, султанъ турецкій 43.
 Мазепа, Иванъ гетманъ 31—33, 36, 38, 39, 43, 48—66, 69, 70, 73, 75, 77, 79, 82, 83, 86, 92, 93, 95, 98—102, 119—121, 126, 127, 189, 143, 147, 159, 171, 177—180, 186, 187, 193, 195, 201—208, 211, 220, 224, 226, 231, 233, 240, 247, 250—255, 257, 269—272, 276—281, 289, 295, 300, 307, 313, 314, 318—320, 325, 328, 335, 337, 339, 343, 344, 346, 349, 350, 352, 353, 355, 356, 358, 364, 365—367, 376, 381—383, 396, 397, 400, 402, 403, 409, 417—426, 432, 444—449, 452, 458, 455, 456, 460—465, 478, 484—486, 489, 509, 590.
 Мазинъ, Василь, запорожскій козакъ 35.
 Майдель, генераль 348.
 Майла, Тимушь, запорожскій козакъ 286.
 Макаренко, Ефимъ запорожскій козакъ 286.
 Макаровъ, Яковъ, запорожскій козакъ 157.
 Македонскій, Кириллъ, толмачъ 312.
 Маклякъ, Федоръ, запорожскій козакъ 286.
 Макошинъ, мѣстечко 382.

- Максименко, Леско, запорожскій полковникъ 207.
 Максимилянъ, ввртембергскій принцъ 459.
 Максимовичъ, Дмитрій, полковникъ 349, 361.
 Максимовъ, Лукьянъ, донской атаманъ 374, 377, 378.
 Максимъ, козакъ сергіевского куреня, Максимъ Зацный, 193, 205, 207
 Малашевичъ, Иванъ кошевой атаманъ 465, 514, 515, 521, 523—527, 528, 532, 546, 553, 561, 564, 564, 568 588, 589, 591, 595, 600, 608, 605.
 Маліевъ, Константинъ, воевода 59.
 Малишка, Максимъ, донской асаулъ 218.
 Малый, Данило, запорожскій козакъ 298.
 Малый, Иванъ, запорожскій козакъ 105.
 Мангуръ, Иванъ запорожскій козакъ 298.
 Мандро, Андришко, запорожскій козакъ 298.
 Манжалѣвка, мѣстечко 410.
 Мартыненко, запорожскій козакъ 55.
 Мартышевскій, запорожскій ватагъ 141, 286, 288, 298.
 Марченко, Аванасій, запорожскій козакъ 83, 86, 87.
 Матѣвевецъ, козакъ деревянинскаго куреня, 116—118.
 Матѣвенко, Иванъ, запорожскій козакъ 69.
 Мацакъ, Василій, запорожскій козакъ 298.
 Маякъ, великороссійскій городъ 219.
 Маячка, рѣчка 154, 157, 433, 503.
 Медвѣдовка, мѣстечко 566.
 Межигорскій, монастырь 268, 377, 451.
 Менгли - Герай, крымскій ханъ 558 588.
 Меншиковъ, князь 352, 384, 395, 407—409, 411, 412, 418, 424—426, 429, 437, 440, 444, 446, 453, 458.
 Менько, Кирикъ, запорожскій козакъ 440.
 Мертвоводъ, рѣчка 860, 861.
 Міусъ, рѣка 101, 121, 123, 296.
 Миклашевскій, Михаилъ стародобовскій полковникъ 318.
 Мнихъ, графъ 560, 561.
 Миргородъ, городъ 384, 452, 431.
 Мировичъ, Оедоръ, сынъ переяславскаго полковника 462, 509, 531, 532, 564, 566.
 Мироновъ, Иванъ, запорожскій козакъ 298.
 Миско, запорожскій козакъ 286.
 Митчель, полковникъ 369.
 Михайловъ, Кондрать запорожскій полковникъ 154, 157.
 Михайловъ, Юско, куренной атаманъ 32.
 Мишуринъ-Рогъ, мѣстечко и переправа 221, 224, 269, 348, 356.
 Мищенко, Семень, запорожскій козакъ 105.
 Многогрѣшный, гетманъ 135.
 Могила, Андрей, польскій гетманъ 40, 42, 43, 56.
 Могилевъ, городъ 310, 383.
 Мошевичъ, посланецъ Мазены 413.
 Мошевскій, Антонинъ 320, 323.
 Моклевскій, кievскій полковникъ, 235, 287, 307.
 Молочны-Воды, рѣка 71, 138, 141, 147, 151, 154, 195, 207, 210, 287.
 Молчаненко, Яцко запорожскій козакъ, 56.
 Мордусенко, Трофимъ, новобогородицкій житель 499.
 Морозъ, козакъ ваневского куреня 258, 263.
 Морозъ, Яковъ, кошевой атаманъ 235—239, 241, 243, 248, 249, 258, 263.
 Москаленко, Андрей, запорожскій козакъ 286.
 Москалецъ, запорожскій козакъ 118.
 Москаль, запорожскій козакъ 335, 340.
 Москаль, Семень, дворянинъ 49, 50.
 Московка, рѣчка 155, 525.
 Мотронино, урочище 101.
 Мстиславъ, городъ 333.
 Мубарекша-Мурза, Селешовъ 5, 13, 19 20.

Мубереккермень (Шагингирей), турецкій городъ на Днѣпрѣ 221, 223—225.
 Мужака, Левко, запорожскій козакъ 286.
 Муравскіе шляхи 182.
 Муратъ-Герай, крымскій ханъ 5. 13.
 Мустриткермень (Таванъ), турецкій городъ на Днѣпрѣ 221, 223.
 Мышастый, запорожскій козакъ 105.

Н.

Надтока, Киригъ, куренной атаманъ 298, 299.
 Наксвальнинъ, поручикъ 574, 595.
 Нареченный, Федько, запорожскій козакъ 286.
 Наумовъ, Федоръ, совѣтникъ 539, 542.
 Нахимовскій, Федоръ 509, 580, 581, 592.
 Нащинскій, полтавскій обовный 528.
 Нева, рѣка 304, 347, 348.
 Невинчаный, Василій, чигиринскій сотникъ 411, 481, 488, 490.
 Незамай, Дацко, запорожскій козакъ 286.
 Некрасовъ, донской козакъ 404.
 Немировъ, городъ 96, 219, 499.
 Ненасытецъ, пороги въ рѣкѣ Днѣпрѣ 500.
 Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ, 546, 568, 569, 576, 602.
 Неплюевъ, Леонтій, воевода 13, 14, 26, 28, 32, 49, 51, 55, 58, 61—63, 96.
 Неплюевъ, Семень, воевода 179, 254, 338.
 Нестеренко, Дмитрій, гетманскій козакъ 61, 64, 235, 330.
 Нестулей, перволючанскій полковникъ 413, 414, 500, 506.
 Нетяжченко, Мартынъ, запорожскій козакъ 69.
 Нехворощанскій, городокъ 22, 180, 228, 433.
 Нечитайло, Михайло, запорожскій козакъ 286.

Нижнія-Кучугуры урочище у Днѣпра 271.

Никитинъ-Рогъ, урочище, 301.
 Никифоровъ, Илья, подъячій 343.
 Новицкій, Илья, полковникъ 192, 194, 263.
 Новгородъ, городъ 341.
 Новгородъ-Сѣверскъ 384.
 Новобогородицкій и Самарскій, городъ 58, 62, 64, 68, 73, 77—80, 85, 95, 97, 98, 121, 122, 157, 179, 236, 247, 288, 301, 310, 324, 333, 340, 344, 373, 411, 412, 425, 428, 495, 498, 552, 508.

Новосанджары, мѣстечко полтавскаго полка 112, 113, 416, 422, 423, 432, 433, 437.

Новосергѣевскій или Вольный, городокъ 79, 85, 97, 344, 373, 495.

Новосильцовъ, столыникъ 180.

Новый транжементъ 542.

Носаковскій, островъ на рѣкѣ Днѣпрѣ 141.

Носъ, Иванъ, куренной атаманъ 292.

Нуманъ, Наманъ, бендерскій паша 548, 595.

Нустриткермень или Устриткермень, турецкій городъ на Днѣпрѣ 296, 297.

Нѣжинъ, городъ 384, 406.

О.

Обидовскій, нѣжинскій полковникъ 307, 308.

Овечьи-Воды, рѣчка, притокъ Самары 75.

Огинскій, литовскій панъ 309.

Олта, Иванъ, запорожскій козакъ 298.

Омельникъ, рѣчка 193, 410, 464.

Омельникъ, селеніе 441.

Омельченко, Андрей, запорожскій козакъ 286.

Ольба, притокъ рѣки Днѣпра 23, 24.

Ольги, урочище у низовьевъ Днѣпра 211.

Опаненко, Власть, войсковою судья 249.

Опошня, городъ 265, 384, 446; мѣстечко 457.

Опухтинъ, Иванъ, воевода 282, 283, 285, 288, 289, 294, 295.

Оргіенко, Иванъ, запорожскій козаць 286.

Орель, рѣка 22, 28, 29, 31, 48, 75, 151, 155, 209, 228, 231, 253, 264, 265, 278, 301, 320, 344, 353, 416, 433, 448, 449, 503, 506, 508, 548, 560, 583, 588.

Орликъ, Филиппъ, генеральный писарь и гетманъ 465, 467, 478, 479, 480, 493, 496, 499, 503, 505, 508, 509, 516, 529—535, 551, 560, 569, 571, 578, 586—588, 591, 601, 602, 604.

Орликъ, притокъ Днѣпра 22.

Орликъ, городъ 136, 151.

Орчикъ, рѣчка 28, 31, 48.

Орш-Бей, крымскій салтанъ 565.

Осиковна, рѣчка 22.

Остапонецъ, запорожскій козаць 118.

Остаповъ, Семень, запорожскій козаць 298.

Острая, могила 22.

Острогжскій или Рыбный городъ 240.

Острианица, Федоръ, Острианица, Иванъ, запорожскіе козаки 286.

Охта, рѣка, притокъ Новы 348.

Очаковский лиманъ 207.

Очаковский шляхъ 12.

Очаковъ, турецкій городъ 6, 8, 12, 13, 121, 189, 192, 225, 226, 235, 238, 246, 252, 269, 271, 272, 275, 278—280, 295, 311, 325, 351, 354, 356, 463, 467, 471, 503, 556, 584.

П.

Павловъ, подъячій 319, 329, 330, 334.

Палій, Семень, полковникъ 121, 180, 192, 194, 213—215, 335.

Панченко, запорожскій козаць 105.

Папунко, запорожскій козаць 105.

Паткуль, лифляндскій дворянинъ 307.

Пашенко, Яковъ запорожскій козаць 276, 286

Перевозная, пристань противъ Очакова на Днѣпрѣ 226.

Переволочна, Переволочанскій перевозъ 32, 35, 43, 45, 83, 95, 101, 105, 116, 119—123, 125, 126, 128, 161, 171, 180, 193, 200, 220, 224, 231, 235, 247, 291, 312, 330, 344, 346, 351, 358, 371, 399, 405, 406, 411, 413, 415, 423, 426, 429, 432, 433, 438, 439, 446, 454, 455, 459—462, 471, 501, 507, 529, 534, 537.

Перекопъ, 17, 64—68, 71, 76, 77, 103, 139, 158, 236, 246, 271, 321, 404, 405, 500, 503, 556.

Перепетижа, урочище 493.

Пересынь, урочище у Днѣпра 121.

Переяславъ, городъ 583.

Песчаный бродъ 269.

Петербургъ 383, 487, 503, 513, 517, 518 537, 544, 549, 556, 558, 568, 574 581, 588, 589, 599.

Петрикъ или Петръ Ивановичъ Иваненко 111—120, 123, 125—134, 139—144, 146—158, 161, 162, 165—169, 180, 203, 204, 207, 220, 228, 313, 321, 353, 448.

Петрикъ запорожскій козаць 480.

Петровка, селеніе полтавскаго поля 459.

Петровъ, Иванъ, самарскій полковникъ 541, 545.

Петръ Алексѣевичъ, царь, 10, 16, 207 216, 230, 234, 240, 242, 269, 270, 272, 273, 281, 292, 295, 298, 303, 315, 319, 333, 387, 344, 346, 348, 350, 353, 355, 363, 367, 379, 383, 384, 395, 397, 405, 407, 411, 425, 437, 441, 443, 446, 448, 456, 457, 459, 465, 480, 492, 502, 512, 513, 527, 534, 538, 559, 560, 585, 590,

Петръ II, императоръ 539, 542.

Печерскій монастырь 363, 546.

Печерскъ или Пещеры 251, 340, 364.

Пиковецъ, Тимошъ, гетманскій посланецъ 39, 103.

Пидиповъ, Иванъ, кошевой атаманъ 534.

- Плаханенко, Сементъ, запорожскій ко-
закъ 105.
- Пляка, ватагъ полевой, вѣроятно тотъ
же Пляцкой, 264.
- Пляцкой, Никита, асаулъ полтавскаго
полка 217, 218.
- Погребки, мѣстечко 385.
- Погрибначенки, Дмитро и Павелъ, за-
порожскіе козаки 298.
- Подвалинскій, Никита, іеромонахъ са-
марскаго монастыря 288.
- Подкова, Иванъ, козацкій вождь 606,
607.
- Подлѣсный, Тишка, сотникъ гадачскій
90.
- Подпильная, вѣтка Днѣпра 465, 590,
591.
- Покотило, Яковъ, запорожскій полков-
никъ 270, 283, 285, 288.
- Полонное мѣстечко 87, 365.
- Полоцкъ, городъ 309.
- Полтава, городъ 170, 171, 194, 330, 384,
406, 422, 432, 434, 444, 447, 455—
458, 500, 527, 532, 546, 567, 581
383, 590.
- Полуботокъ, Павелъ, черниговскій пол-
ковникъ 144, 536.
- Полюанъ, сотникъ переволочанскій 105.
- Полянскій, Макаръ, дьякъ 66, 78.
- Поповичъ, т. е. гетманъ Самойловичъ
135.
- Поповичъ, Яцко, запорожскій посла-
нецъ 482, 504.
- Портянскій, Иванъ, запорожскій козакъ
286, 516.
- Порывай, Кузьма, куренной атаманъ
53—55, 57.
- Постарому, Грицко, запорожскій ко-
закъ 298.
- Потемкинъ, Петръ, воевода 288.
- Потокъ, мѣстечко 95, 410.
- Потоцкій, Іосифъ, 497, 499, 505.
- Потѣй, витебскій воевода 309.
- Прилуки, городъ 363, 384.
- Прима или Примасъ, Петро кошевой
атаманъ 211, 212, 284, 285, 289,
291.
- Пробитое, урочище у Буга 507.
- Прогнои, урочище 151, 189, 192, 200,
329, 359.
- Прокопенко, Кирикъ, запорожскій ко-
закъ 286.
- Прокофіевъ, Филиппъ, куренной ата-
манъ 568.
- Пропойскъ, городъ 384.
- Протасьевъ, Федоръ, стольникъ 329—
331, 334, 362, 504.
- Протовча, рѣчка 136, 543.
- Пруть, рѣка 8, 494, 501, 502, 584.
- Пселъ, рѣка 399, 410.
- Пуленко, Гаврило, запорожскій козакъ
149.
- Пушкинъ, Наужъ 606.

Р.

- Радзивилъ, литовскій князь 609.
- Раскопанка, урочище у Днѣпра 257.
- Радичъ, гетманскій посланецъ 115, 116
121, 123, 318.
- Раховъ, мѣстечко 384.
- Ревенко, сотникъ китайгородскій 97.
- Ренне, генералъ 384, 433, 434, 499.
- Реншильдъ, шведскій фельдмаршалъ
415.
- Решетло, Степанъ, запорожскій ко-
закъ 516, 539.
- Ржевскій, Алексѣй, воевода 97.
- Ржевскій, Иванъ, дьякъ 60.
- Рогуля, Григорій, запорожскій писарь
400, 517.
- Радустъ, Романъ, кобеляцкій сотникъ
425.
- Романовичъ, Мартынъ, запорожскій
козакъ 249.
- Романовскій, полковникъ 371.
- Романовъ, Лукьянъ, запорожскій ко-
закъ 369.
- Ромны или Роменъ, городъ 330, 384.
- Ропуха, запорожскій козакъ 335, 340.
- Рубанъ, Иванъ, конный асаулъ 96, 101.
- Рубанъ, Иванъ, куренной атаманъ 103—
107, 109, 110.
- Рубанъ, Михайло, запорожскій козакъ
546.

- Рубанъ, Прокопъ, харьковскій сотникъ 500.
- Рубанъ, Семень, козакъ 69; кошевой атаманъ, 184—188, 190, 191, 196, 200, 201, 203, 205, 284.
- Рубанъ, Степанъ, запорожскій козакъ 85, 149.
- Руденко, запорожскій козакъ 55.
- Рудый, Василій, запорожскій козакъ 298.
- Рудый, Матвѣй, запорожскій козакъ 286.
- Рудый, Степанъ, запорожскій асаулъ, 96.
- Рудый, Яцко, запорожскій козакъ 283.
- Рудъ, Ониско, запорожскій козакъ 298.
- Русиновъ, московскій подъячій 158.
- Русская коса, урочище на Бугѣ, 464.
- Рутковский, Иванъ, дозорца 92, 94, 97, 105, 122, 125, 126, 128, 130, 161, 178, 180, 181, 189, 200.
- Рышка, запорожскій козакъ 105.
- Рѣшетловка, мѣстечко 384, 437.
- С.
- Саадатъ-Герай, крымскій ханъ 160, 529.
- Савичъ, Василій, лубенскій сотникъ 398, 403—405, 451.
- Савущенко, запорожскій козакъ 105.
- Сагайдачный, Григорій, кошевой атаманъ 32, 33, 37—40, 47, 49, 51, 53, 56; полковникъ 239.
- Сагайдачныя кучугуры 238.
- Сажко, Михайло запорожскій писарь, 84, 89—90.
- Саксаганъ, рѣчка 161, 542.
- Салгирь, урочище, въ Крыму 219.
- Салей, турчинъ 601.
- Салоники или Солунь, 535, 551, 579, 584—586.
- Самара или Самарь, рѣка 22, 24, 27, 29, 31, 48—54, 58—62, 66—68, 75—80, 85, 121, 126, 136, 138, 148, 151, 155, 157, 179, 209, 236, 253, 264, 278, 288, 292—294, 299, 310, 311, 314, 315, 333, 338—340, 344, 359, 362, 368, 372, 376, 399, 400, 401, 405, 406, 411, 448, 495, 499, 503, 508, 509, 519, 520, 543, 552, 553, 559, 583, 598.
- Самарскіе городки 470, 580.
- Самарско-Николаевскій монастырь 77, 78, 288.
- Самовицы, деревня 507.
- Самойленко, Максимъ, кошевой атаманъ 221, 224.
- Самойловичъ, Григорій, полковникъ 26, 28.
- Самойловичъ, Иванъ, гетманъ 10, 11, 14, 15, 17, 21, 24, 27, 30, 32, 75, 135, 189.
- Санжаревскій, Ѳеодоръ, новобородицкій житель 499.
- Сапѣга, Казиміръ, литовскій гетманъ 309, 317.
- Сапѣга, знатный польскій панъ 539.
- Сасъ 591, см. Августъ II.
- Сахненко, Мартынъ, запорожскій козакъ 286.
- Свиданскій, польскій рейментаръ 560, 562, 564, 566.
- Свинцовъ, Иванъ, стряпчій 32.
- Свѣчка, Леонтій, лубенскій полковникъ 224, 255, 258.
- Святаяло, спасскій попъ 523.
- Святого Креста, крѣпость 559.
- Святогорскій монастырь на рѣкѣ Донцѣ 378.
- Селезневъ или Селезевичъ, Романъ, гетманскій дозорца 186, 346, 347, 458.
- Селешовъ, мурза 18, 20.
- Селимъ-Герай, крымскій ханъ 5, 13, 19, 160, 163, 300, 551.
- Семеновка, селеніе полтавскаго полка 459.
- Семеновъ Рогъ, урочище на Бугѣ 351.
- Сераскирь—папа 265.
- Сербинъ Остапъ, запорожскій войсковой писарь 298.
- Сердюкъ, Матвѣй, запорожскій козакъ 298.
- Сибирь 314, 418, 463, 508, 506.
- Сивашъ, урочище 195, 236, 245.
- Сидоренко, Карпо, запорожскій войсковой судья 540, 541, 548.
- Сидоренко, Павло, кошевой атаманъ 540, 541, см. Ѳеодоровъ, Павелъ.

- Сила, Леско, асаулъ запорожскій 105.
 Симонченко, Михайло, кошевой атаманъ
 413, 427.
 Сяницкій, Павло, запорожскій козаць
 286.
 Снява, городъ 95.
 Снявскій, польскій гетманъ 520.
 Сирко, Иванъ, 153, 189, 260, 316,
 610.
 Сирко, молодой 610.
 Сиркова могила 331.
 Сирватка, Степанъ, запорожскій козаць
 286.
 Сирота, Василій, запорожскій козаць
 286.
 Сичъ 8, 10—12, 16—19, 23, 27, 31—36,
 40—43, 51, 53, 56—59, 62, 64,
 66, 69, 73, 77, 80—82, 92, 99,
 103, 106, 124—128, 130, 143, 144,
 153, 160, 166, 187, 190, 193, 201—
 204, 208—211, 220, 232, 258—
 265, 273, 290—292, 295, 319,
 338—342, 345, 365, 406—409,
 411, 413, 419, 426—429, 440—
 443, 447, 454, 465, 481, 502—505,
 508, 518, 519, 527, 530, 531, 538—
 551, 554, 583, 598, 600, 601,
 603—605, 611.
 Скакунъ, Савка, запорожскій козаць
 286.
 Скарбная вѣтка Днѣпра 521, 590.
 Скорняковъ - Писаревъ, полковникъ
 532.
 Скоропадскій, Иванъ, батуринскій сот-
 никъ, потомъ гетманъ 329, 331,
 397, 398, 403, 405, 408—411, 415,
 423, 426, 445, 448, 449, 450, 455,
 456, 465, 481, 482, 490—495, 500,
 501, 504—507, 512—517, 518, 520,
 522, 523, 527, 528, 536.
 Скрыпка, Иванъ, запорожскій козаць
 298.
 Слободская Украина 210, 494.
 Слуць, рѣчка 468.
 Слѣпый, Семень, запорожскій козаць
 298.
 Сметана, малороссійскій козаць 440.
 Смоленскъ, городъ 318, 384, 608.
 Собченко, Григорій, малороссійскій ко-
 заць 17.
 Собѣскій, Ягъ, польскій король 1, 8.
 Соколка, городъ 369, 424, 434, 436, 437
 445, 452.
 Сокольная, урочище 141.
 Содданъ, шведскій комиссаръ 420.
 Соленая, Соленыя Воды, рѣчка 63, 103
 Соловей, малороссійскій козаць 353.
 Солонина, Сергій, хорунжій 237.
 Солонко, Емельянъ, запорожскій козаць
 298.
 Сомова вѣтка Днѣпра 553.
 Сорокъ-Байраковъ, урочище 78.
 Сорочинскій, Петро, запорожскій пол-
 ковникъ 239, 312, 315, 334, 363,
 373, 374, 431, 437, 440, 442.
 Сосница, городъ 399.
 Стамбулт, турецкая столица 534.
 Станцель, полковникъ бѣлогородскій
 250.
 Старишки, мѣстечко 388.
 Стародубъ, Андрей, запорожскій козаць
 217.
 Старосанджаръ, мѣстечко 245.
 Старосельскій, Григорій гетманскій, по-
 сланецъ 67.
 Староханскій, турецкій городокъ 69.
 Старый, Василій, запорожскій козаць
 286.
 Старый, Гаврило, запорожскій козаць
 514.
 Старый, Савка, запорожскій козаць
 288.
 Стенка, Данило, запорожскій козаць
 298.
 Степаненко, запорожскій козаць 105
 Стеткевичъ, литовскій панъ 309.
 Стефаненко, Лаврентій, кошевой ата-
 манъ 491.
 Стожольмъ, городъ 530—533.
 Сто могила, урочище 351, 356.
 Страпченко, Есько, запорожскій козаць
 56.
 Стрѣлица, урочище у Днѣпра 110, 194,
 195, 211, 227, 238, 251, 271, 275,
 279.

Стрѣльниченко, Григорій, лубенскій, хорунжій 291, 292.

Стукало, Мартынъ, кошевой атаманъ 280, 281.

Сугаклей, урочище 275.

Сулакъ, рѣка на Кавказѣ 556.

Сумы, городъ 385, 407.

Супрунь, козакъ стеблѣвскаго куреня 321.

Сура, рѣчка 543.

Суставъ, Оедько, запорожскій козакъ 286.

Сухій, Грицко, запорожскій козакъ 286

Сухій, Иванъ, запорожскій полковникъ 241.

Сухина, Иванъ, козакъ 250.

Суховій или Суховіенко, Петръ, гетманъ 321.

Сухово—Кобылинъ, калужскій воевода 107, 108.

Суховольскій, капитанъ 324.

Сухой-Ягорыжъ 335.

Сѣверный-Донецъ, рѣчка 379, 552.

Сыртъ, урочище въ Крыму 586.

Сыса, Леско, запорожскій посланецъ 187, 148, 151, 152, 157.

Сыса, Семень, козакъ миргородскаго полка 527.

Сѣвскъ, городъ 380, 503.

Сѣнявскій, коронный гетманъ 414.

Т.

Таванъ, крѣпость 11, 16, 221, 223—228, 232, 234, 237, 247, 248, 251, 252, 254, 256—258, 260—275, 278—280, 282—286, 288—290, 294, 296, 297, 300, 301, 324, 356.

Таганрогъ или Троицкъ, городъ 305, 310, 379, 385, 444, 446.

Таракановъ, генераль-маіоръ 608.

Таранъ, Максимъ, запорожскій козакъ 286.

Таранъ, Марко, запорожскій козакъ 298.

Татарка, рѣчка 22, 155 158.

Татарчукъ, Данило, запорожскій козакъ 238.

Тайтауль, Влась, запорожскій козакъ 514.

Ташлыкъ, рѣка, притокъ Буга 360, 361.

Текелды, плѣнный татаринъ 287, 298.

Текутьевъ, Михайло, стряпчій 270, 274, 281.

Темникъ, Матвѣй, запорожскій полковникъ 340.

Темрюкъ, урочище на Таманѣ 405.

Теплицкій, стольникъ 398, 399, 407 451.

Терехтемировъ, городъ на Днѣпрѣ 308, 470.

Терки, урочище (можетъ быть Терекъ) 374.

Терновка, урочище 489, 491, 492.

Тимосеевъ, Тимофѣенко, Лукьянъ, полковникъ, кошевой атаманъ 270, 365, 367.

Титаровскій (Тамарскій) Василій, кошевой атаманъ 537.

Товаръ, запорожскій козакъ 528.

Токмачъ, урочище въ крымскихъ владѣніяхъ 235.

Толстой, Петръ, резидентъ 328, 430—505, 507.

Томаковка, островъ 28, 255, 258, 259—262, 263, 370.

Тонкая, рѣчка 69, 195.

Тонконогъ, запорожскій асаулъ 312.

Топольницкій, Оедоръ, гетманскій посланецъ 261, 265.

Торъ, рѣчка, притокъ Донца 380.

Трансинвалія, княжество 511.

Третьякъ, Оедоръ, мазепенецъ 509.

Тригубенко, Гаврило, запорожскій козакъ 298.

Триполь, городъ 506, 584.

Трипутень, запорожскій козакъ 325.

Троцинскій, господарь гадячскаго замка 162, 174, 175, 177.

Трубецкой, Иванъ Юрьевичъ, князь 535.

Труханъ, Иванъ, запорожскій козакъ 286.

Тувозва или Таволжанская забора 608.

Тукало, Яковъ, запорожскій войсковой судья 562.

Туранскій, Алексѣй, глуховской сотникъ 330, 337.
 Туръ, Антонъ, запорожскій козакъ 286.
 Тыведый, запорожскій козакъ 105.
 Тягинъ, турецкая область 220.
 Тясьминъ или Тесьминъ, рѣка 598.

У.

Убогий, Остапъ, запорожскій козакъ 286.
 Украинцевъ, думный дьякъ 196, 197 289, 348, 349, 352, 355, 360, 576
 Умань, городъ 508, 507.
 Урбановичъ, генераль-маюръ 530.
 Урлика-Элеопора, шведская королева 530, 531, 533.
 Урнъ, Урней, полковникъ 441, 454.
 Урханъ, турецкій султанъ 86.
 Усмановъ, татаринъ 35, 36.
 Усь, Федоръ, запорожскій козакъ 298.
 Ушивая или Вшивая рѣчка 517.

Ф.

Федоровка (Святотроицкое), селеніе 464
 Федоренко (Хведоренко), запорожскій козакъ 55, 105.
 Федоренко, Корней, козакъ миргородскаго полка 520.
 Федоренко, Ясько, наказной кошевой 266.
 Фирсъ, запорожскій войсковой судья 190.
 Фляка или Пляка, запорожскій козакъ см. также Пляцкой, 412, 500.
 Фридрихъ I, шведскій король 532.
 Фридрихъ-Августъ, польскій король 558, 578.
 Фроловъ, подъячій 180, 281, 290—292 298.

Х.

Хаджибей (Одесса), городъ 356.
 Хаджи-Герай, ханъ 13.
 Халецкій, мозырскій староста 317, 318.
 Ханенко Михайло, гетманъ 321.

Харевичъ, запорожскій посланецъ 115.
 Харько, атаманъ куреня 104—107, 109.
 Харьковъ, городъ 384, 411, 431, 548.
 Хвастовъ, городъ 498.
 Хлопенскій, Лука, подъячій 201.
 Хмелевскій, Антонъ, шляхтичъ 537, 539, 540, 549.
 Хмельницкій, Богданъ, гетманъ 14, 90, 104, 120, 135, 153, 154, 156, 163, 167, 175, 293, 320, 321, 339, 352, 462, 467, 484, 487, 490, 581.
 Ховлеве или Ковловъ, турецкій городъ 237.
 Хорошево, селеніе при рѣкѣ Хорошевѣ, 464.
 Хотинъ, турецкая крѣпость 530, 558, 591.
 Хохловъ, подъячій 331.
 Хрещатое, урочище выше Орели 252.
 Христианштадтъ, шведскій городъ 530 531.

Ц.

Цабиля, атаманъ куреня, 105.
 Царевскій, Матвѣй, запорожскій посланецъ 36.
 Царезамышинъ, урочище 547.
 Царичанка, городъ 155, 271, 301, 414—416, 420, 430, 505.
 Царьградъ 219, 246, 251, 279, 311, 453, 505, 548, 597, 599.
 Цюцюренко, Климиъ, запорожскій вагатагъ 207.
 Цябя, Кондратъ, запорожскій козакъ 298.

Ч.

Чалый, Яковъ, атаманъ запорожскій 231, 235, 237, 238, 241, 242, 245, 287.
 Чангары или Чунгуръ, урочище 211, 236, 276.
 Чеверда, Грицко, запорожскій козакъ 286.
 Челинъ, русскій полоняникъ 185.
 Черевко, Василій, запорожскій козакъ 514.

Черкасенко, Василій, запорожскій ко-
закъ 286.
Черкасскъ, городъ на Дону 218, 376,
377, 378, 541, 542.
Черкасы, городъ 20, 95, 356.
Черманъ, запорожскій козакъ 105, 286.
Черная долина 84, 75.
Черная, рѣка 347.
Черниговъ, городъ 583.
Черный, Игнатъ, запорожскій козакъ
105.
Черный, Грицко, запорожскій козакъ
298.
Черный, Трофимъ, запорожскій козакъ
369.
Черный дѣсъ 93, 611.
Чернышенко, Василій, запорожскій ко-
закъ 298.
Чернышовъ, Григорій, азовскій губер-
наторъ 588.
Чернякъ, бунчуковъ товарищъ 403—
405, 407, 410, 452, 509, 537.
Чечель, Дмитрій, полковникъ 247, 248.
Чечельникъ, городъ 424.
Чигиринъ, городъ 312, 354, 366, 406,
411, 426, 520.
Чигиринъ-Дуброва, мѣстечко 95.
Чириковъ, воевода 367, 371, 418, 427,
423.
Читаевскій, Василь, запорожскій козакъ
546.
Чихачовъ, Климъ, стольникъ 289.
Чихачовъ, полковникъ 369.
Чичеринъ, комендантъ 546.
Човны, урочище 275.
Чорниченко, Климъ, запорожскій ко-
закъ 298.
Чортомлыкъ, рѣка 292, 465, 521, 541,
549, 552, 590.
Чортомлыцкая Сичъ 67, 140, 255, 374,
447, 465, 490, 493, 509, 516, 521,
542, 551, 552, 565, 582, 584, 590.
Чортомлыцкій островъ 547.
Чубаровъ, Аванасій, воевода 102—104,
115.
Чубаровскій, Тарасъ, новобородицкій
житель 499.
Чуткѣвичъ, посланецъ Мазепы 418.

Ш.

Шабанъ, кызыкерменскій писарь 93,
94, 181, 160, 222.
Шагингирей или Шангирей, Сагинкер-
мень, турецкій городокъ 122, 254,
256, 294, 297, 300.
Шагинъ-Герай, салтанъ 163.
Шагинкермень или Шахкермень, турец-
кій городокъ 72.
Шаковъ шляхъ 514.
Шаммакаевъ или Шмакаевъ, татаринъ
36.
Шарпиленко, Антонъ, полтавскій жи-
тель 507.
Шарпило, Иванъ, кошевой атаманъ
207, 210, 211.
Шарый, Кирикъ, товарищъ полтав-
скаго полка 245.
Шатыръ-Али-ага, турецкій гонецъ 595.
Шафировъ, боронъ 498, 505—508.
Шаховской, князь 566.
Швачка, запорожскій козакъ 507.
Швединовка, селеніе близъ Александріи
464.
Швеція 417, 458, 529.
Шейнъ, Михаилъ, воевода 608.
Шеншинъ, Даниилъ, воевода 345, 369,
372, 499.
Шеншинъ, Семенъ, подполковникъ 376.
Шереметевъ, Борисъ, воевода 197,
221—223, 234, 237, 384, 410,
424, 436, 458, 507, 525.
Шесть-Колодезей, урочище 519.
Шидловскій, бригадиръ 380.
Шило Климъ, запорожскій козакъ 7,
12.
Шишацкій, запорожскій козакъ 543.
Шишигины, братья, русскіе плѣнники
197.
Шлотбургъ, городъ на берегу Невы
337.
Шохъ, запорожскій козакъ 56.
Шпигель, генералъ-маіоръ 600.
Шпochenко, Максимъ, запорожскій ко-
закъ 368, 370.
Штокъ, генералъ-маіоръ 546.
Штральвундъ, городъ 509, 511.

Штыхъ, Мартынъ, запорожскій козакъ 513.
 Шульга, Яцко, запорожскій козакъ 266.
 Шумейко, Иванъ, куренной атаманъ 53—55, 57, 353, 354.
 Шумьянскій, польскій посолъ 564.

Щ.

Щербанъ, Иванъ, запорожскій козакъ 286.
 Щербина, атаманъ 312.
 Щербина, Иванъ, запорожскій посланецъ 105, 138, 147.
 Щоголевъ, Андрей, подъачій 64.
 Щука, Станиславъ, коронный регентъ 9.

Э.

Эдикли-ага, турецкій полномочный 595, 597, 599, 600.
 Эрестферъ, деревня 316.

Ю.

Юргевичъ, слуга литовскаго гетмана 309.
 Юркуша, запорожскій козакъ 105.
 Юрченко, Мартынъ, запорожскій козакъ 69.
 Юско, запорожскій сотникъ 121, 159.
 Юсупъ, славстрійскій паша 335, 336, 430.

Я.

Яблоновскій, коронный гетманъ 88, 101.
 Яворовъ, городъ 611.
 Ягорлыкъ, мѣстечко 463.
 Яжборскій, Иванъ, мѣщанинъ 399, 407.

Яковенко, кошевой атаманъ 255, 256, 258—262, 270, 276, 278, 279.

Яковенко, Захаръ, запорожскій козакъ 164.

Яковенко, Терешко, запорожскій козакъ 55, 105.

Яковина долина 515.

Яковлевъ, лубенскій полковникъ 260, 261.

Яковлевъ, Петръ, русскій полковникъ 437—442, 446, 447, 454, 463.

Якубовичъ, Демьянъ, сотникъ 400.

Яланъ или Еланъ, рѣчка 218.

Яловецъ, Петро, житель города Царичанки 271.

Яманъ-Сагайдакъ, крымскій салтанъ 133.

Ямполь, слобода нѣкомскаго уѣзда, харьковской губерніи 378.

Янчокракъ, рѣчка 23, 24, 27.

Яременко, запорожскій козакъ 105.

Яремовка, урочище у днѣпровскаго берега 259.

Ярославецъ, село близъ Глухова 329, 330.

Ясинскій, Варлаамъ, кievскій митрополитъ 134.

Яссы, столица Молдавіи 8, 10, 17.

Ө.

Өедоровъ, Павелъ, компанійскій сотникъ 275, 276.

Өедоровъ Павелъ (Сидоренко), кошевой атаманъ 537.

Өедоровъ, Прокофій, атаманъ 589.

Өедоръ Ивановичъ, наказной кошевой 258, 259.

Өедько или Эедоръ Степановъ, кошевой атаманъ 131—133, 141, 160, 189, 190, 192, 193, 195, 198, 201, 202, 237.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Участіе запорожскихъ козаковъ въ походѣ польскаго короля Яна Собѣскаго на Молдавію.—Сношенія московскихъ царей съ крымскимъ ханомъ при посредствѣ запорожцевъ.—Предписаніе запорожскому войску отъ московскихъ царей о совмѣстномъ дѣйствіи съ воеводой Григоріемъ Косаговымъ противъ турецкихъ городковъ.—Пререканія запорожцевъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и недовольство чрезъ то на нихъ со стороны московскихъ царей.—Грамота царей кошевому атаману Фёдору Ивануку съ воспрещеніемъ сноситься съ жителями турецкихъ городковъ и съ приказаніемъ подписываться «подданными царскаго величества».—Участіе запорожцевъ въ первомъ походѣ русскихъ на Крымъ.—Дѣйствія запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра противъ бурсурманъ подѣ начальствомъ кошевого атамана Филона Лихопоя.—Возвращеніе русско-козацкихъ войскъ изъ крымскаго похода къ рѣкѣ Самарѣ.—Лишеніе Самойловича гетманскаго уряда.—Намѣреніе московскаго правительства о построеніи укрѣпленныхъ городовъ на рѣкахъ Орели и Самарѣ. . . . .

1—29

ГЛАВА ВТОРАЯ. Избраніе Мазепы въ гетманы Малороссіи и обязательства, данныя имъ московскимъ царямъ въ отношеніи запорожскихъ козаковъ.—Царская грамота запорожцамъ объ отрѣшеніи Самойловича съ объявленіемъ въ гетманы Мазепы.—Посольство отъ запорожскаго войска въ Москву казака Матвѣя Ватага съ пойманнымъ татарскимъ языкомъ.—Письмо отъ Коша къ гетману Мазепѣ съ поздравленіемъ и съ пожеланіемъ многолѣтняго правленія Малороссіей.—Враждебныя отношенія запорожцевъ къ крымскимъ татарамъ, захватъ ими татарскихъ языковъ и отправка ихъ съ особыми посланцами въ Москву.—Пребываніе запорожскихъ посланцевъ въ Москвѣ и возвращеніе ихъ изъ Москвы въ Сичь.—Переписка кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго съ гетманомъ Мазепой по поводу обѣщанной имъ запорожскому войску помощи противъ мусульманъ, а также по поводу отдачи войску перевоза въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ и присылки жалованья войску запорожскихъ козаковъ. . . . .

80—47

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Царскій указъ о построении на рѣкѣ Самарѣ крѣпости Новобогородицкой.—Протестъ по этому поводу со стороны запорожскихъ козаковъ.—Письмо запорожцевъ къ гетману Ивану Мазепѣ въ Батуринѣ и дворянину Семену Москалю на островъ Кодакъ.—Просьба, отправленная запорожцами къ царямъ о нестроении на запорожской землѣ городовъ, и отвѣтъ на то запорожцамъ со стороны царей. Построение городовъ Новобогородицкаго и Новосергѣевскаго.—Награда, данная Мазепѣ и генеральной малороссійской старшинѣ за построение крѣпостей.—Присяжка запорожцамъ царскаго жалованья и благодарность за то отъ войска царямъ.—Посольство отъ кызыкерменскаго бея къ запорожскимъ козакамъ и волненія по тому поводу въ Запорожьѣ.—Размиръ запорожцевъ съ татарами и походы ихъ на Низъ къ турецкимъ городамъ. . . . . 48—74

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Второй походъ русско-козацкихъ войскъ на Крымъ.—Движеніе русско-козацкихъ войскъ къ Перекопу и возвращеніе ихъ назадъ чрезъ рѣчку Бѣлозерку къ рѣкѣ Самарѣ.—Бунтъ иноковъ Самарско-Николаевскаго монастыря и усмиреніе ихъ русскими войсками—Построение русскими новой крѣпости выше Волнаго брода на рѣкѣ Самарѣ.—Посольство отъ крымскаго хана къ запорожскимъ козакамъ съ мирными предложеніями.—Удаленіе князя Голицына изъ Запорожья и отвѣтъ запорожцевъ крымскому хану.—Недовольство гетмана Мазепы на запорожцевъ за сношеніе ихъ съ ханомъ.—Сношеніе запорожскихъ козаковъ съ польскимъ королемъ.—Волненіе и моровая язва въ Запорожьѣ.—Установленіе дружескихъ отношеній между гетманомъ Мазепой и запорожскими козаками.—Приготовленія запорожцевъ къ борьбѣ противъ бусурманъ. . . . . 75—110

ГЛАВА ПЯТАЯ. Появленіе въ Запорожьѣ Петрика и планы его объ освобожденіи Малороссіи и Запорожья отъ Московскаго ига.—Письмо гетмана Мазепы къ запорожскому товариству по поводу бѣгства въ Сичь Петрика—Броженіе умовъ въ Запорожьѣ вслѣдствіе бѣгства туда изъ Гетманщины козаковъ и послолитыхъ людей, питавшихъ ненависть къ Мазепѣ.—Пріездъ царскаго посла въ Сичь съ жалованьемъ и недовольство запорожскихъ козаковъ на Москву.—Волненіе въ Сичѣ по поводу отправки гетманскаго посланника въ Крымъ.—Казнь козака Матвѣвца кошевымъ атаманомъ Гусакомъ и ропотъ за то на него со стороны товариства.—Удаленіе Петрика въ Кызыкермень и изъ Кызыкерменя въ Крымъ.—Письмо Петрика къ запорожскому войску.—Договоръ Петрика съ крымскимъ ханомъ, извѣщеніе о томъ запорожцевъ и раздѣленіе ихъ на два лагеря.—Объявленіе Петрика гетманомъ Малороссіи, выступленіе татаръ изъ Крыма къ Каменному Затону и свиданіе ихъ съ запорожцами.—Отношеніе кошевого атамана Гусака къ Петрику и настроеніе козацкой массы въ Запорожьѣ. . . . . 111—142

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отправка гетманомъ Мазепой въ Сичь посланца Горбаченка.—Тайная бесѣда Горбаченка съ кошевымъ Гуса-

комъ и извѣщеніе о томъ отъ гетмана въ Москву.—Пріѣздъ Петрика въ Каменный-Затонъ; свиданіе его съ кошевымъ Гусакомъ.—Рада въ запорожской Сичи по поводу предложенія Петрика и уклончивый отвѣтъ со стороны кошевого Гусака.—Универсалъ гетмана Мазепы къ малороссійскимъ козакамъ съ объявленіемъ о замыслахъ измѣнника Петрика.—Объѣздъ посланцами гетмана Мазепы и кошевого Гусака по поводу замысловъ Петрика.—Первый походъ Петрика на Украину и быстрое возвращеніе его назадъ.—Вопросъ объ арендахъ на Украинѣ и внимательство въ это дѣло запорожскихъ козаковъ.—Второй походъ Петрика на Украину и поворное отступленіе его . . . . . 148—172

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Пріѣздъ гетманскаго посланца Трошинскаго въ Сичу и нареканія со стороны запорожцевъ на Мазепу.—Извиненія, посланныя по этому поводу гетману со стороны кошевого Кузьменка.—Отписка гетмана въ Москву и отвѣтъ царей на отписку гетмана.—Сношенія мусульманъ съ запорожцами.—Присылка въ Сичь царскаго жалованья и обѣщаніе со стороны запорожцевъ вѣрно служить царямъ.—Просьба запорожцевъ къ гетману о поднятіи войны противъ бусурманъ.—Выборъ кошевого Рубана, перемирие съ Крымомъ и переписка по этому поводу съ гетманомъ и съ Москвою.—Волненіе въ Запорожьѣ во время прибытія туда гетманскаго посланца Кыша и толмача Волошанина.—Объясненіе гетмана съ войскомъ низовыхъ козаковъ.—Просьба къ запорожцамъ патріарха Адріана о выручкѣ изъ татарскаго плена боярскихъ дѣтей Шинигинныхъ.—Доброе настроеніе запорожцевъ въ отношеніи гетмана.—Новый призывъ Петрика къ запорожцамъ и отказъ со стороны ихъ Петрику.—Подвиги запорожцевъ противъ татаръ и похвала имъ со стороны патріарха Адріана.—Семенъ Палий и запорожцы . . . . . 178—215

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Первый походъ Петра I на Азовъ.—Вѣсти, добытыя запорожцами о положеніи дѣлъ въ Крыму.—Вѣсти отъ пойманныхъ въ степи татарскихъ языковъ.—Разгромъ татарскаго загона Иваномъ Гусакомъ.—Движеніе русско-козацкой арміи по степи подъ начальствомъ боярина Шереметева, гетмана Мазепы и запорожской флотилии по Днѣпру подъ командой кошевого атамана Максима Самойленка.—Взятіе запорожцами турецкой крѣпости Тавани.—Возвращеніе запорожцевъ въ Сичъ съ кошевымъ Самойленкомъ.—Поведеніе 600 человекъ козаковъ, оставленныхъ въ Тавани.—Положеніе плѣнныхъ мусульманъ въ запорожской Сичѣ.—Походъ кошевого атамана Гусака къ Очакову.—Благодарность запорожскому войску отъ гетмана Мазепы и выдача козакамъ царскаго жалованья.—Местъ татаръ и набѣгъ ихъ на Украину.—Геройскій подвигъ запорожцевъ подъ Голтвой и гибель Петрика.—Письмо къ запорожскому войску отъ гетмана Мазепы съ выраженіемъ благодарности за успѣшныя дѣйствія противъ татаръ и съ извѣщеніемъ о посылкѣ войску царскаго жалованья . . . . . 216—229

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Второй поход Петра подъ турецкій городъ Азовъ.—Предложеніе гетмана царю Петру о построеніи для плавнаго похода судовъ.—Отходъ въ Черное море атамана Чалаго и ватаги запорожскихъ козаковъ.—Пріѣздъ въ Сичъ гетманскаго посланца съ предложеніемъ идти въ походъ противъ бусурманъ.—Жалоба запорожцевъ на недостатокъ судовъ и на грабежи со стороны бусурманъ.—Донесеніе о томъ царю Петру.—Письмо запорожскихъ козаковъ къ гетману о присылкѣ хлѣбныхъ запасовъ въ виду предстоящей съ бусурманами войны и отвѣтъ на то гетмана козакамъ.—Движеніе гетмана Мазепы съ княземъ Долгорукимъ изъ украинскихъ городовъ внизъ по Днѣпру и вѣсти, полученныя ими о дѣйствіяхъ бусурманъ.—Подвиги запорожцевъ противъ бусурманъ до прибытія русско-козацкихъ войскъ.—Ватага Чалый и кошевой Морозъ у береговъ Крыма, на Черномъ морѣ и въ лиманѣ Днѣпра.—Трагическая кончина Чалаго и мужественные подвиги Мороза.—Поѣздка запорожскихъ добычниковъ въ Москву.—Запрещеніе гетману о допущеніи въ большомъ количествѣ запорожскихъ посланцевъ въ Москву. . . . . 230—244

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Приготовленіе запорожскихъ козаковъ къ новому походу противъ турокъ и татаръ.—Заготовленіе малороссійскими полковниками для плавнаго похода морскихъ челновъ.—Справка Мазепы по поводу высоты воды на порогахъ Днѣпра и донесеніе о томъ полковника Кармазина.—Движеніе гетмана Мазепы и князя Долгорукаго въ 1697 году внизъ по Днѣпру къ турецкимъ городамъ.—Переправа русско-козацкихъ войскъ черезъ пороги Днѣпра.—Встрѣча Мазепы и Долгорукаго запорожцами близъ Чортотмыцкой Сичи.—Прибытіе военачальниковъ къ турецкимъ городкамъ и укрѣпленіе русскими городка Тавани.—Возвращеніе военачальниковъ назадъ и передача ими охраны крѣпости отряду московскихъ войскъ и запорожскихъ козаковъ.—Возвращеніе запорожцевъ въ Сичу, не смотря на предписаніе гетмана оставаться на Низу Днѣпра.—Отправка Мазепой и Долгорукимъ большого отряда войскъ къ Тавани и выступленіе запорожцевъ на подмогу тому отряду.—Дѣйствія запорожцевъ у Тавани и награда гетману отъ царя. . . . . 245—268

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Новыя приготовленія гетмана Мазепы и воеводы Долгорукаго къ походу подъ Тавань.—Обращенія запорожцевъ къ царю съ просьбами о денежной наградѣ.—Развѣдки гетмана о положеніи дѣлъ у бусурманъ.—Недостатокъ челновъ у запорожцевъ и старанія ихъ о построеніи морской флотилии.—Отправка Мазепой ватаги козаковъ для развѣдки о намѣреніяхъ бусурманъ.—Присылка отъ гетмана въ Сичъ хлѣбныхъ запасовъ и войсковыхъ клейнотовъ.—Движеніе Мазепы и Долгорукаго съ войсками по степи къ Таванскому городку.—Движеніе кошевого атамана Яковенка внизъ по Днѣпру.—Отступленіе русско-козацкихъ войскъ отъ Таванскаго городка.—Миръ Россіи съ Турціей въ Карловичахъ въ 1699 году.—Раздоръ между запорожцами, сердюц-

кими козаками и великороссійскими ратниками въ Тавани и жалобы по этому поводу отъ Коша гетману и царю.—Отправка царскаго посла въ Сичь. — Челобитная запорожцевъ царю по поводу лишенія ихъ вольностей на рѣкѣ Самарѣ.—Тридцатилѣтній миръ Россіи съ Турціей въ 1700 году. . . . . 289—302

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Участіе запорожскихъ козаковъ въ великой сѣверной войнѣ. — Походъ запорожцевъ въ псковскую область и недовольство со стороны гетмана Мазепы. — Дѣйствіе запорожцевъ подъ Выховымъ. — Нападенія со стороны запорожцевъ на селитренныхъ людей возлѣ рѣки Самары. — Сношеніе запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ и разграбленіе ими турецкихъ купцовъ. — Мѣры, принятыя въ Москвѣ, для укрощенія запорожцевъ. — Кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко. — Сношенія запорожцевъ съ крымскимъ ганомъ. — Отвѣтъ, полученный ими отъ хана и повинная передъ русскимъ царемъ. — Отправка царскаго жалованья запорожскимъ козакамъ. — Новая волненія въ Запорожьѣ по поводу построенія русскими города въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ.—Нападеніе запорожцевъ на царскую кавзу и отправка по этому поводу въ Сичь князя Курбатова, стольника Протасьева и подъячаго Павлова. — Безчинства запорожскихъ козаковъ на проѣзжихъ дорогахъ возлѣ Буга, Днѣстра, Ягорлыка и Каменнаго-Затона. — Виды на запорожцевъ со стороны турецкаго султана и крайнее неудовольство на нихъ со стороны гетмана Мазепы . . . . . 308—336

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Проектъ гетмана Мазепы объ искорененіи шатости между запорожцами. — Ненависть Мазепы къ кошевому атаману Гордіенку и стараніе его объ отнятій у Гордіенка атаманской булавы. — Новый кошевой атаманъ Герасимъ Крыса. — Мѣры Герасима Крысы для искорененія разбойничьихъ дѣйствій со стороны степныхъ ватажныхъ атамановъ. — Возмущеніе запорожцевъ противъ самарскихъ селитренниковъ. — Мѣры гетмана Мазепы для усмиренія запорожскихъ своевольниковъ. — Жалобы запорожцевъ, бывшихъ въ походѣ подъ Ладогой, графу Федору Головину. — Жалоба запорожцевъ, бывшихъ на работахъ при устьѣ Невы, въ Запорожскую Сичу. — Волненія по этому поводу во всемъ Запорожьѣ и въ Малороссіи. — Избраніе въ кошевые Константина Гордіенка. — Раздоръ запорожскаго войска съ гетманомъ Мазепой по поводу размежеванія границы между Турціей и Россіей. — Ненависть Гордіенка къ русскимъ ратнымъ людямъ.—Грамоты царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ по поводу войны его со шведами. — Появленіе въ Запорожьѣ донскаго козака Булавина.—Замыслы со стороны Мазепы противъ царя . . 337—366

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Обращеніе царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ послѣ измѣны Мазепы. — Выборъ новаго гетмана Скоропадскаго и извѣщеніе о томъ кошевого Гордіенка со стороны царя Петра. — Обращеніе Мазепы къ кошевому Гор-

дѣнну.—Отправка царскихъ посланцевъ къ запорожцамъ съ деньгами и милостивыми обѣщаніями. — Требования, предъявленныя царю запорожцами. — Движеніе запорожцевъ къ Переволочнѣ и соединеніе ихъ съ полковникомъ Нестуліемъ. — Рада въ Переволочнѣ.—Разгромъ запорожцами русскихъ отрядовъ въ Кобелякахъ и Царичанѣ и движеніе ихъ къ Диканькѣ. — Пиръ у Мазепы и движеніе запорожцевъ къ Вудищамъ. — Условія договора между запорожцами, Мазепой и Карломъ XII. — Движеніе запорожцевъ отъ города Полтавы къ Соколкѣ. — Наблюденіе за запорожцами со стороны кievскаго губернатора князя Голицына. — Мѣры царя для удержанія за собой малороссійскаго козачества и охраны лицъ, преданныхъ московскому правительству . . . . . 386—426

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Положеніе дѣлъ въ Запорожьи послѣ отхода къ Мазепѣ кошевого Гордіенка.— Столкновенія запорожцевъ съ московскими ратными людьми Каменнаго-Затона.— Дѣйствія апостольцевъ въ запорожской Сичѣ.—Рѣшеніе по поводу прибытія апостольцевъ со стороны наказнаго атамана Симонченка и сичевого войска.—Выборъ властнаго кошевого Сорочинскаго.—Образованіе партіи запорожцевъ въ Сичѣ противъ московскаго царя и отправка депутаціи въ Крымъ съ просьбой о протекціи хана.—Столкновеніе кошевого Гордіенка и шведскаго генерала Крузе съ русскими отрядомъ у Соколки.—Послѣдній приказъ царя Петра о посылкѣ къ запорожской Сичѣ отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана.—Разореніе русскими Келеберды, Переволочны, двухъ Кодаковъ и Чортотмыцкой Сичи.—Бѣгство запорожцевъ въ Крымъ.—Царскій манифестъ о причинѣ погрома Сичи.—Награда полковнику Галагану отъ царя за его дѣйствія противъ запорожцевъ. . . . . 427—456

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Осада королемъ Карломъ XII, гетманомъ Мазепой и кошевымъ Гордіенкомъ города Полтавы.—Бѣгство Карла, Мазепы и запорожцевъ изъ-подъ Полтавы.—Затруднительное положеніе шведовъ и козаковъ во время бѣгства.—Мѣсто переправы шведовъ и козаковъ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра.—Бѣгство короля, гетмана и кошевого черезъ дикія поля къ рѣкѣ Бугу.—Обязательства, возложенныя царемъ на гетмана Скоропадскаго въ отношеніи запорожцевъ.—Назначеніе въ совѣтники гетману Скоропадскому стольника Измайлова и приказъ послѣднему относительно запорожцевъ.—Обращеніе гетмана Скоропадскаго къ запорожскому войску и отвѣтъ кошевого атамана Кяриденка Скоропадскому.—Жалоба запорожцевъ гетману Скоропадскому на варварскіе поступки въ отношеніи козаковъ полковника Галагана.—Судьба запорожцевъ, ушедшихъ изъ Сичи съ атаманомъ Вогушемъ и бѣжавшихъ съ Гордіенкомъ.—Договоръ послѣднихъ съ турецкимъ султаномъ и гетманомъ Орликомъ въ Вендерахъ . . . . . 457—493

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Походъ Орлика, Гордіенка и крымскаго хана Девлетъ-Герая на Украину и неудачное нападеніе ихъ

на Новобогородицкій городокъ, Вѣлюю-Церковь и Немировъ.—Казнь жителей Вольнаго города за измѣну русскому царю.—Дѣйствія кошевого Алистратенка и запорожцевъ Фляка и Нестулея противъ самарскихъ городковъ.—Старанія Орлика привлечь къ себѣ жителей малороссійскихъ городовъ и мѣры царя для прекращенія всякихъ сношеній между малороссійскими и запорожскими козаками.—Несчастный походъ царя Петра на рѣку Прутъ и срытіе имъ, по условію мира съ Турціей, Каменнаго-Затона и Новобогородицкаго городка.—Повеленіе запорожцевъ при заключеніи мира Россіи съ Турціей.—Сношеніе Гордіенка съ гетманомъ Скоропадскимъ съ цѣлью перейти на сторону русскаго царя.—Условія новаго мира 1713 года между Россіей и Турціей и споръ по поводу установленія границъ.—Нападеніе запорожцевъ на Царичанку и появленіе Орлика въ украинскихъ городахъ.—Намѣреніе шведскаго короля и запорожцевъ идти походомъ подъ городъ Кіевъ. . . . . 494—509

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Положеніе запорожцевъ подъ властью Крыма.—Разочарованіе ихъ въ шведскомъ королѣ и первыя попытки испросить прощеніе у русскаго государя.—Возвращеніе отдѣльныхъ партій запорожскихъ въ города Малороссіи.—Первая петиція всего запорожскаго войска государю о помилованіи и о дозволеніи поселиться на прежнихъ мѣстахъ.—Отвѣтъ на то отъ графа Головкина.—Новая просьба запорожцевъ, посланная черезъ писаря Роголю, гетману Скоропадскому.—Просьба самого гетмана Скоропадскаго, посланная въ Петербургъ, о дозволеніи малороссіянамъ поѣздить въ Крымъ за солью и о рѣшеніи запорожскимъ промышленникамъ проѣзда въ города Малороссіи.—Отвѣтъ государя о дозволеніи малороссіянамъ поѣздить въ Крымъ и о запрещеніи запорожцамъ проѣзда въ Малороссію.—Тайныя нарушенія запорожцами царскаго указа и новое приказаніе о недопущеніи запорожцевъ въ Малороссію.—Новая петиція запорожцевъ о помилованіи и новый отказъ запорожцамъ со стороны государя.—Письма Филиппа Орлика къ запорожскому войску изъ Швеціи . . . . . 510—534

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Ништадтскій миръ Россіи съ Швеціей.—Уходъ Филиппа Орлика изъ Швеціи во Францію и изъ Франціи въ Турцію.—Уничтоженіе въ Малороссіи гетманства и введеніе малороссійской коллегіи.—Намѣреніе турецкаго султана идти войной подъ украинные русскіе города и мѣры по этому поводу царя Петра.—Политика въ отношеніи запорожцевъ при пріемникахъ Петра.—Возвращеніе Малороссіи гетманства и просьбы запорожцевъ о дозволеніи имъ вернуться въ предѣлы Россіи.—Самовольное возвращеніе запорожцевъ на Чорткомыкъ.—Письмо крымскаго хана къ запорожцамъ, возвращеніе ихъ подъ протекцію хана и поселеніе при устьѣ рѣчки Каменки.—Показаніе козака Семена Безпалаго, данное графу Борису Петровичу Шереметеву о состояніи войска запорожскихъ козаковъ въ Каменной Ситѣ, о числѣ всего войска, о занятыхъ имъ мѣстахъ и о промыслахъ его . . . . . 535—554

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Тяжелое положеніе запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскаго хана.—Новыя попытки со стороны запорожцевъ о принятіи ихъ въ русское подданство.—Запорожская депутація, отправленная къ графу Вейсбаху съ просьбой объ исходатайствованіи прощенія войску и отвѣтъ на ту просьбу изъ Петербурга.—Кончина польскаго короля Августа II и обращеніе «станиславцевъ» къ крымскому хану съ просьбой о присылкѣ запорожцевъ для борьбы съ Россіей.—Обращеніе запорожцевъ къ фельд-маршалу Миниху къ просьбой объ исходатайствованіи войску у русской императрицы прощенія.—Милостивая императорская грамота запорожцамъ 1733 года, августа 31 дня.—Занятіе запорожцами урочища Базавлука и дипломатическія наставленія отъ императрицы русскимъ резидентамъ въ Константинополь относительно запорожцевъ.—Переписка русскаго резидента Неллюева съ графомъ Вейсбахомъ относительно занятаго запорожцами урочища.—Объявленія русскаго переводчика Бакунина съ великимъ везиремъ Алипашою относительно того, кому именно принадлежать мѣста, занятыя запорожцами . . . . . 555—517

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Надежды Филиппа Орлика поднять національно-малороссійское знамя для избавленія отъ московскаго ига Малороссіи.—Письма Орлика по этому поводу къ запорожскому войску.—Отвѣтъ запорожцевъ Филиппу Орлику и Кап-ланъ-Герай хану и отсылка орликовыхъ и ханскихъ писемъ къ графу Вейсбаху.—Отвѣтъ запорожцамъ со стороны графа фонъ-Вейсбаха съ обнадеживаніемъ защиты отъ татаръ и турокъ.—Памятныя записки кошевого Малашевича о томъ, гдѣ и сколько времени сидѣли запорожцы Кошемъ за время жизни ихъ подъ протекціей Крыма.—Споръ Россіи и Турціи, кому принадлежитъ урочище Базавлукъ, гдѣ запорожцы сѣли новымъ своимъ Кошемъ.—Пріѣздъ турецкой комиссіи для разбора спорнаго вопроса.—Пріѣздъ запорожскаго войска на вѣрность русскому престолу.—Пріѣздъ пословъ, русскаго и турецкаго, въ Сичу и различныя встрѣчи тому и другому.—Число всего запорожскаго войска, принятаго въ подданство россійской императрицы . . . . . 578—605

Поправки и дополненія 606

Указатель собственныхъ именъ 619

